ДБ 30
Д 79
автограф -6-

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ

и

ВЛАДЫЧЕСТВА РУССКИХЪ НА КАВКАЗѢ.

Н. ДУБРОВИНА.

ТОМЪ VI.

Ртищевъ и Ермоловъ.

Складъ изданія у В. А. Березовскаго,
С.-Петербургъ, Колокольная, д. № 14.
1888.

Государств. Публичная
Историческая
Библиотека

Гос. Историч. Научн. Б-ка
имени Ленина
№ 465390
193 г.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, д. № 39).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ГЛАВА I. Состояніе Закавказья: чума и голодъ.—Возстаніе въ Грузіи.—Провозглашеніе царевича Григорія царемъ Грузіи.—Положеніе нашихъ войскъ.—Дѣйствія отрядовъ полковника Тихоновскаго и подполковника Ушакова.—Неудачный штурмъ г. Ахалкалакъ Шерифомъ-пашою.—Прокламація маркиза Паулуччи и отвѣтъ на нее инсургентовъ.—Освобожденіе Телава.—Временное прекращеніе волненій.—Отозваніе маркиза Паулуччи и назначеніе генерала Ртищева главнокомандующимъ на Кавказѣ.—Расположеніе войскъ.—Воззванія Баба-хана.—Дѣятельность Сурхай-хана казикумухскаго.—Экспедиціи генералъ-маіора Хатунцова въ Каракайтагъ и Казикумухъ.—Новыя волненія въ Грузіи.—Дѣйствія генералъ-маіора Сталя и князя Орбеліани.—Воззванія царевича Александра и намѣреніе его пробраться въ Грузію 1

ГЛАВА II. Вопросъ о мирныхъ переговорахъ съ Персіею.—Условія, постановленныя нашимъ правительствомъ, на которыхъ можетъ быть заключенъ миръ.—Вмѣшательство Англіи.—Прибытіе въ Тифлисъ Роберта Гордона въ качествѣ уполномоченнаго.—Переговоры его съ Ртищевымъ.—Состояніе Карабага и войскъ тамъ расположенныхъ.—Набѣги персіянъ.—Письмо Ртищева Аббасъ-мирзѣ.—Вторженіе персіянъ въ Талыши.—Обложеніе Ленкоранской крѣпости.—Отъѣздъ Ртищева въ Карабагъ.—Прерваніе мирныхъ переговоровъ 39

ГЛАВА III. Прибытіе въ Кахетію царевича Александра.—Новыя волненія въ Грузіи.—Дѣйствія противъ инсургентовъ отрядовъ: полковника Тихоновскаго, генералъ-маіора князя Орбеліани и генералъ-маіора Симоновича.—Бѣгство Александра къ хевсурамъ.—Письмо Ртищева царевичу Александру и отвѣтъ на него.—Двуличіе Александра.—Просьба его эриванскому хану о

стр.

присылкѣ денегъ.—Сношенія царевича съ персидскимъ правительствомъ и просьба о помощи . . . .

ГЛАВА IV. Характеристика Котляревскаго и его вліяніе на положеніе наше въ Карабагѣ.—Приготовленія персіянъ къ вторженію въ наши предѣлы.—Наступательныя дѣйствія Котляревскаго.—Бой при Асландузѣ.—Штурмъ Ленкорани 58

ГЛАВА V. Дѣятельность царевича Александра по возбужденію горскихъ народовъ противъ Россіи.—Его бѣдственное положеніе и его воззванія.—Сношенія царевича съ главнокомандующимъ.—Экспедиціи въ Хевсуретію подъ начальствомъ генерала Симоновича.—Переписка его съ царевичемъ.—Бѣгство царевича въ Дагестанъ и неудачная попытка съ толпою горцевъ прорваться въ Грузію. 76

ГЛАВА VI. Желаніе персіянъ вступить въ переговоры о мирѣ.—Участіе въ этомъ дѣлѣ англійскаго посла въ Персіи.—Переписка его съ Ртищевымъ.—Вторженіе персіянъ въ Талыши.—Приготовленія обѣихъ сторонъ къ открытію военныхъ дѣйствій.—Наступательный планъ Ртищева.—Возобновленіе мирныхъ переговоровъ.—Заключеніе Гюлистанскаго мирнаго трактата . . 101

ГЛАВА VII. Отношенія между Россіею и Турціею послѣ Бухарестскаго мира.—Вопросъ о возвращеніи туркамъ нѣкоторыхъ крѣпостей въ Закавказьи.—Интриги Порты среди горцевъ и кабардинцевъ.—Волненія въ Абхазіи.—Посылка турецкаго уполномоченнаго въ Петербургъ для переговоровъ о крѣпостяхъ.—Отвѣтъ ему данный.—Приближеніе эрзерумскаго сераскира къ нашимъ границамъ.—Мѣры, принятыя Ртищевымъ къ отклоненію могущихъ произойти непріязненныхъ дѣйствій.—Прекращеніе притязаній Порты . 114

ГЛАВА VIII. Кончина Миръ-Мустафы-хана талышинскаго и Джафаръ-Кули-хана шекинскаго.—Назначеніе новыхъ правителей.—Волненіе въ ханствѣ Шекинскомъ.—Мѣры, принятыя Ртищевымъ къ прекращенію волненій.—Жестокость Измаилъ-хана Шекинскаго.—Необходимость административныхъ преобразованій въ краѣ вообще и уничтоженіе ханской власти въ мусульманскихъ провинціяхъ въ особенности.—Распоряженія Ртищева въ этомъ направленіи.—Возвращеніе въ Казикумухъ бѣжавшаго въ Персію Сурхай-хана и его присяга на вѣрность.—Бѣдственное положеніе царевича Александра и переговоры съ нимъ Ртищева 131

ГЛАВА IX. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ при назначеніи его на Кавказъ 144

ГЛАВА X. Прибытіе въ Петербургъ Мирзы-Абуль-Хассанъ-хана, чрезвычайнаго посла шаха.—Совѣщанія его съ представителями Англіи.—Письмо Хассанъ-хана Импера- 167

стр.

тору Александру.—Отвѣтъ государя.—Торжественная аудіенція послу.—Вопросъ объ уступкахъ Персіи.—Письмо императора Фетхъ-Али-шаху.—Инструкція, данная Ермолову при отправленіи его посломъ въ Персію 197

ГЛАВА XI. Прибытіе Ермолова въ Тифлисъ.—Число войскъ на Кавказской линіи и въ Закавказьѣ.—Состояніе поселенныхъ казачьихъ войскъ.—Положеніе края и пограничныхъ дѣлъ съ Персіею.—Вопросъ о вызовѣ царевича Александра въ Россію.—Мнѣніе Ермолова о невозможности уступки Персіи территоріальныхъ пріобрѣтеній 215

ГЛАВА XII. Отъѣздъ посольства въ Персію.—Желаніе жителей Эриванской области поступить въ подданство Россіи.—Прибытіе посольства въ Тавризъ.—Переговоры по поводу аудіенціи у Абасъ-Мирзы.—Объясненіе Ермолова съ каймакамомъ Мирзою Безюргомъ.—Выѣздъ изъ Тавриза и прибытіе въ Саманъ-архи.—Мирза Абдуль-Вехабъ и объясненіе его съ Ермоловымъ объ уступкѣ провинцій.—Торжественный въѣздъ въ Султанію.—Аудіенція у шаха.—Переговоры съ садръ-азамомъ мирзою Шефи.—Прокламація Ермолова къ жителямъ Закавказья.—Прощальная аудіенція у шаха.—Возвращеніе въ Тавризъ.—Вопросъ о признаніи Абасъ-Мирзы наслѣдникомъ персидскаго престола.—Переговоры по этому поводу съ мирзою Безюргомъ.—Просьба его пропустить царевича Александра въ Персію и отказъ возвратить русскихъ плѣнныхъ.—Выѣздъ изъ Тавриза и возвращеніе въ Тифлисъ.—Взглядъ Ермолова на Персію и ея внутреннее положеніе 244

ГЛАВА XIII. Состояніе обороны Кавказской линіи.—Перенесеніе линіи съ Терека на р. Сунжу.—Заложеніе крѣпости Грозной.—Положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ и Каракайтагѣ.—Волненіе горцевъ.—Прокламаціи Ермолова.—Занятіе нашими войсками г. Башлы.—Бой съ горцами въ улицахъ города.—Послѣдствія этого сраженія . 284

ГЛАВА XIV. Послѣдствія сраженія при г. Башлахъ.—Отношенія Персіи къ Россіи.—Мнѣніе шаха о чеченцахъ.—Поведеніе ширванскаго и карабагскаго хановъ.—Переписка Ермолова съ ханомъ ширванскимъ.—Экспедиція главнокомандующаго въ Дженгутай.—Занятіе селеній Параула и Башлы.—Мѣры къ умиротворенію Дагестана 323

ГЛАВА XV. Положеніе Дагестана въ началѣ 1819 года.—Предположенія А. П. Ермолова о защитѣ края.—Просьба о прибавкѣ войскъ.—Отправленіе десяти полковъ на укомплектованіе грузинскаго корпуса.—Рекогносцировка рѣки Сунжи.—Заложеніе крѣпости Внезапной.—Дѣйствія князя Мадатова въ Табасарани, и Ермолова

стр.

противъ хана аварскаго.—Измѣна уцмія каракайтагскаго и уничтоженіе его власти.—Экспедиція Ермолова въ Акушу.—Стойкая защита капитаномъ Овечкинымъ Чирагскаго поста.—Геройская смерть прапорщика Щербины.—Занятіе Акуши нашими войсками.—Попытки къ введенію русской администраціи въ Дагестанѣ.—Кончина Измаилъ-хана шекинскаго.—Уничтоженіе ханской власти и введеніе русскаго правленія во вновь образованной Шекинской области 349

ГЛАВА XVI. Мѣры къ приведенію въ извѣстность имущества въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи.—Волненія въ Имеретіи.—Письмо князя Левана Дадіана Ермолову.—Воззваніе Вельяминова имеретинамъ.—Отправленіе войскъ въ Имеретію.—Просьбы имеретинъ.—Дѣятельность имеретинскаго духовенства.—Воззваніе генералъ-маіора Сысоева имеретинамъ.—Собраніе въ нѣсколькихъ пунктахъ вооруженныхъ жителей.—Воззваніе А. П. Ермолова и предположеніе его объ удаленіи въ Россію имеретинскихъ митрополитовъ Досифея и Евфимія . 390

ГЛАВА XVII. Усиленіе волненій въ Имеретіи.—Вызовъ генералъ-маіора Курнатовскаго въ Тифлисъ и назначеніе правителемъ Имеретіи полковника Пузыревскаго.—Арестованіе митрополитовъ и высылка ихъ изъ Имеретіи.—Воззваніе Ермолова имеретинамъ.—Убійство полковника Пузыревскаго.—Назначеніе правителемъ Имеретіи полковника князя П. Д. Горчакова.—Дѣйствія нашихъ войскъ въ Гуріи и Имеретіи.—Усмиреніе возстанія. 413

ГЛАВА XVIII. Дѣйствія нашихъ войскъ въ Чечнѣ.—Заложеніе укрѣпленій: Неотступнаго стана, Злобнаго окопа и Усть-Мартанскаго редута.—Экспедиція князя Мадатова въ Казикумухъ.—Занятіе Хозрека и Казикумуха.—Бѣгство Сурхай-хана.—Назначеніе Аслань-хана кюринскаго ханомъ казикумухскимъ.—Бѣгство Мустафы-хана ширванскаго.—Уничтоженіе ханской власти въ Ширвани.—Переименованіе отдѣльнаго Грузинскаго корпуса въ отдѣльный Кавказскій.—Подчиненіе Черноморскаго войска главнокомандующему на Кавказѣ.—Внутреннее состояніе Черноморіи 436

ГЛАВА XIX. Кончина абхазскаго владѣльца князя Георгія Шервашидзе.—Возстаніе въ Абхазіи.—Вмѣшательство въ дѣла князя Левана Дадіана.—Письмо его генералу Вельяминову 1-му.—Посылка маіора Огаркова въ Сухумъ.—Арестованіе Хассанъ-бея.—Письмо княгини Тамары объ освобожденіи Хассана.—Прибытіе въ Абхазію Арсланъ-бея, брата Хассана.—Назначеніе князя Дмитрія Шервашидзе владѣтелемъ Абхазіи.—Отправленіе войскъ для усмиренія возстанія.—Воззваніе къ абхазцамъ князя Дмитрія Шервашидзе.—

Штурмъ заваловъ у Кодора.—Прибытіе отряда въ Сухумъ.—Инструкція, данная князю Дмитрію для управленія народомъ.—Кончина его и утвержденіе абхазскимъ владѣльцемъ князя Михаила Шервашидзе . 45

ГЛАВА XX. Мѣры къ покоренію Чечни и Дагестана.—Заложеніе укрѣпленія Герзель-аула и крѣпости Бурной.—Устройство просѣкъ на пространствѣ между укрѣпленіемъ Неотступнымъ-станомъ и крѣпостью Грозной.—Экспедиція главнокомандующаго въ Кабарду и ея послѣдствія.—Попытка завести мѣновую торговлю съ закубанцами.—Дѣйствія генералъ-маіора Грекова въ Чечнѣ въ 1822 году 441

ГЛАВА XXI. Бѣгство въ Персію Мехти-Кули-хана карабагскаго.—Уничтоженіе ханской власти въ Карабагѣ и введеніе русскаго правленія.—Мнѣніе Ермолова о мусульманскихъ провинціяхъ Закавказья.—Убійство полковника Верховскаго Амалатъ-бекомъ.—Экспедиція генералъ-маіора Краббе.—Происшествія въ Дагестанѣ въ 1823 году 12

ГЛАВА XXII. Волненіе въ Абхазіи.—Нападеніе мятежниковъ на с. Соуксу.—Экспедиція кн. Горчакова въ Абхазію.—Взятіе заваловъ у сел. Схаби.—Занятіе Сухума.—Положеніе Кабарды.—Экспедиціи полковника Коцарева за Кубань.—Характеристика ихъ.—Сношенія Ермолова съ анапскимъ пашою.—Происшествія въ Чечнѣ.—Появленіе имама.—Нападеніе чеченцевъ на Амиръ-Аджи-юртъ и Герзель-аулъ.—Убійство генераловъ Лисаневича и Грекова.—Мѣры, принятыя Ермоловымъ къ умиротворенію края 12

ГЛАВА XXIII. Отношенія Россіи къ Персіи.—Неудачная попытка послѣдней заключить оборонительный союзъ съ Турціей.—Отправленіе посла въ Петербургъ.—Письма шаха и Абасъ-Мирзы Императору Александру.—Отвѣты на нихъ.—Непріязненные поступки Абасъ-Мирзы противъ Россіи.—Вопросъ о разграниченіи по Гюлистанскому трактату.—Дѣятельность нашего повѣреннаго въ дѣлахъ.—Затрудненія, дѣлаемыя Абасъ-Мирзою въ окончательномъ проведеніи границы.—Отреченіе Ефрема отъ патріаршаго армянскаго престола.—Назначеніе коммиссіи для разграниченія.—Переписка по этому поводу Ермолова съ Абасъ-Мирзою.—Отправленіе Ваценко генеральнымъ консуломъ въ Персію.—Отказъ персидскаго правительства дозволить ему избрать мѣстопребываніемъ Гилянь.—Переписка по этому поводу.—Прибытіе въ Тифлисъ Фетхъ-Али-хана съ порученіемъ отъ Абасъ-Мирзы.—Условія, съ нимъ заключенныя и непринятыя персидскимъ правительствомъ.—Приготовленія персіянъ къ военнымъ дѣйствіямъ.—Рескриптъ Императора Акександра Ермолову 10

ГЛАВА XXIV. Непріязненныя отношенія Персіи къ Россіи.—Переписка генерала Вельяминова съ Абасъ-Мирзою по поводу враждебныхъ поступковъ эриванскаго хана.—Интриги наслѣдника персидскаго престола въ мусульманскихъ нашихъ провинціяхъ.—Просьба Ермолова объ усиленіи его войсками.—Кончина Императора Александра I.—Положеніе А. П. Ермолова.—Его намѣреніе оставить край.—Усложненіе переговоровъ съ тегеранскимъ дворомъ.—Приготовленія персіянъ къ военнымъ дѣйствіямъ.—Назначеніе князя Меншикова посломъ въ Персію.—Порученіе ему данное.—Рескриптъ Императора Николая Ермолову 575

ГЛАВА XXV. Отъѣздъ князя Меншикова въ Персію.—Новыя претензіи тегеранскаго двора.—Приготовленія персіянъ къ военнымъ дѣйствіямъ.—Распоряженія Ермолова по оборонѣ края.—Измѣна талышинскаго хана и нападеніе его на кр. Ленкорань.—Вторженіе персіянъ въ наши предѣлы.—Положеніе Карабага.—Неудачное дѣло у Гюрузуръ.—Возстаніе въ Ширванской и Шекинской провинціяхъ.—Выступленіе войскъ изъ Талышинскаго ханства.—Боевыя средства Ермолова.—Приказъ по войскамъ.—Просьба о присылкѣ подкрѣпленій.—Воззваніе къ грузинамъ.—Блокада крѣпости Шуши.—Затруднительное положеніе гарнизона.—Переговоры полковника Реута съ Абасъ-Мирзою.—Заключеніе перемирія.—Продолженіе блокады.—Переписка Реута съ Ермоловымъ и Вельяминовымъ 602

ГЛАВА XXVI. Извѣстія о вторженіи персіянъ, полученныя въ Москвѣ.—Рескриптъ императора А. П. Ермолову.—Затруднительное положеніе главнокомандующаго.—Его оправданіе, изложенное въ письмѣ государю.—Графъ Нессельроде и баронъ Дибичъ.—Характеристика Ермолова.—Первыя распоряженія объ отправленіи подкрѣпленій.—Планъ кампаніи, посланный къ Ермолову изъ Москвы.—Возраженія главнокомандующаго.—Командированіе на Кавказъ генералъ-адъютанта Паскевича.—Рескриптъ императора Ермолову.—Состояніе Закавказья.—Занятіе персіянами г. Елисаветполя.—Положеніе дѣлъ въ Ширвани, Кубѣ и Казикумухѣ.—Воззваніе Ермолова къ акушинцамъ.—Прибытіе въ Тифлисъ Паскевича и встрѣча его съ Ермоловымъ 642

ГЛАВА XXVII. Приготовленія А. П. Ермолова къ наступательнымъ дѣйствіямъ.—Формированіе наступательнаго отряда князя Мадатова.—Переходъ къ наступленію.—Побѣда, одержанная княземъ Мадатовымъ при Шамхорѣ.—Занятіе Елисаветполя.—Назначеніе генералъ-адъютанта Паскевича начальникомъ дѣйствующихъ отря-

стр.

довъ.—Поставленная ему цѣль дѣйствій.—Прибытіе Паскевича въ Елисаветполь.—Мнѣніе его о подчиненныхъ ему войскахъ.—Елисаветпольское сраженіе.—Планы Ермолова и Паскевича о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. — Дѣйствія эриванскаго отряда. — Бой у селенія Мирака.—Умиротвореніе Шамшадыльской и Казахской дистанцій.—Очищеніе отъ непріятеля провинцій: Ширванской, Шекинской и Бакинской.—Экспедиція Паскевича за рѣку Араксъ.— Мнѣнія Паскевича и Дибича о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.—Наступленіе зимы.—Расположеніе войскъ на зимовыхъ квартирахъ 662

ГЛАВА XXVIII. Отношеніе между Ермоловымъ и Паскевичемъ.—Состояніе Кавказскаго края и войскъ по донесеніямъ Паскевича, генералъ-адъютанта Бенкендорфа и кн. Долгорукова. — Командированіе въ Тифлисъ начальника главнаго штаба барона Дибича.—Донесеніе его Императору Николаю I. — Удаленіе А. П. Ермолова и назначеніе Паскевича главнокомандующимъ на Кавказѣ. 698

Алфавитный указатель именъ 745

I.

Состояніе Закавказья: чума и голодъ.—Возстаніе въ Грузіи.—Провозглашеніе царевича Григорія царемъ Грузіи.—Положеніе нашихъ войскъ.—Дѣйствія отрядовъ полковника Тихоновскаго и подполковника Ушакова.—Неудачный штурмъ г. Ахалкалакъ Шерифомъ-пашою.—Прокламація маркиза Паулуччи и отвѣтъ на нее инсургентовъ.—Освобожденіе Телава.—Временное прекращеніе волненій.—Отозваніе маркиза Паулуччи и назначеніе генерала Ртищева главнокомандующимъ на Кавказѣ.—Расположеніе войскъ.—Воззванія Баба-хана.—Дѣятельность Сурхай-хана Казикумухскаго.—Экспедиціи генералъ-маіора Хатунцова въ Каракайтагъ и Казикумухъ.—Новыя волненія въ Грузіи.—Дѣйствія генералъ-маіора Сталя и князя Орбеліани.—Воззванія царевича Александра и намѣреніе его пробраться въ Грузію.

Наступилъ тяжелый, но славный для Россіи 1812 годъ. Готовясь къ борьбѣ съ Наполеономъ, Императоръ Александръ I принужденъ былъ отказаться отъ всякой помощи главнокомандующему въ Закавказьѣ, и именно въ такое время, когда, по словамъ маркиза Паулуччи, край, ему ввѣренный, нельзя было признать «состоящимъ въ благопріятномъ видѣ». Главною причиною тому была чума, внесенная еще въ 1810 году, при отступленіи нашихъ войскъ изъ предѣловъ Турціи. Она появилась всюду: въ дагестанскихъ селеніяхъ, неподалеку отъ г. Дербента, на Нижне-абазинскомъ посту, во многихъ городахъ Грузіи, въ Елисаветполѣ и въ Имеретіи.

Не смотря на всѣ принимаемыя мѣры и на учрежденія въ Тифлисѣ особаго комитета для охраненія здоровья жителей, болѣзнь долго не прекращалась. Множество семействъ сдѣлались жертвою заразы [1]);

[1]) Со дня появленія заразы и до окончанія ея въ одной Грузіи умерло отъ чумы 2,042 мужчины, 1,646 женщинъ и 567 дѣтей.

туземцы боялись оставаться въ городѣ и, покидая его, уѣзжали въ селенія или укрывались въ садахъ и отдаленныхъ мѣстахъ. Тифлисъ былъ пустъ, точно такъ же какъ и многіе города Грузіи.

Съ другой стороны, проливные дожди повредили жатву, а появившіяся въ значительномъ числѣ мыши окончательно истребили хлѣбъ, прежде его уборки съ полей. Въ Имеретіи рѣки выступили изъ береговъ, залили поля, а во многихъ мѣстахъ унесли дома и скотъ. Послѣдствіемъ всего этого былъ голодъ, болѣзни и значительная смертность. Въ весьма короткое время въ Имеретіи вымерло до 12,000 семействъ [1]) и осталась только третья часть населенія. Пораженное всеобщимъ ужасомъ, населеніе бѣжало въ горы и лѣса. Имеретины мололи жолуди, косточки изъ винограда и питались ими, а когда этого не стало, то и трава казалась вкусною [2]). Недостатокъ пищи заставлялъ многихъ родителей отдавать дѣтей своихъ въ рабство за незначительный кусокъ хлѣба.

Въ январѣ 1812 года было препровождено главнокомандующему 10,000 рублей для вспомоществованія страждущему имеретинскому народу и сдѣлано распоряженіе о доставленіи 10,000 четвертей хлѣба изъ Крыма къ мингрельскимъ берегамъ. Для раздачи бѣднымъ пособія составлена, подъ предсѣдательствомъ генерала Симоновича, особая коммисія—изъ двухъ имеретинскихъ князей и двухъ духовныхъ особъ.

Въ Грузіи также ощущался недостатокъ въ хлѣбѣ, и сначала на него возвысилась цѣна, а потомъ онъ вовсе не продавался [3]). Въ Тифлисѣ четверть дурной муки стоила отъ 20 до 30 руб. Жители скитались по лѣсамъ, питались кореньями и травою; почти все населеніе Памбакъ и Шурагели разошлось по сосѣднимъ провинціямъ.

Частое вторженіе непріятеля въ пограничныя мусульманскія провинціи лишило туземцевъ скота и хлѣба на столько, что они не имѣли сѣмянъ для будущаго посѣва. Тѣ изъ жителей, которые были

---

[1]) Въ Имеретіи по 1-е марта 1812 года умерло отъ голода и заразы: 32,750 человѣкъ, разошлось въ сосѣднія провинціи 7,450 и распродано 2,000 душъ обоего пола.

[2]) Письма изъ Имеретіи князя Р. Эристова. «Кавказъ» 1857 г., № 81.

[3]) Отношеніе главнокомандующаго министру полиціи отъ 25-го сентября 1812 г.

въ силахъ, покупали хлѣбъ въ селеніяхъ за р. Арпачаемъ, но большинство не имѣло средствъ этого сдѣлать. Общее бѣдствіе усиливалось отъ злоупотребленій мелкихъ чиновниковъ, поставленныхъ въ непосредственное сношеніе съ народомъ.

Занятые военными дѣйствіями, главнокомандующіе не имѣли возможности входить въ самыя мелочныя подробности гражданскаго управленія, а люди неблагонамѣренные пользовались такимъ недосмотромъ. Взятки и всякаго рода незаконные поборы, обвѣшиваніе и обмѣриваніе—все было пущено въ ходъ для собственной наживы. Маркизъ Паулуччи хотя и принималъ энергическія мѣры противъ подобныхъ притѣсненій, но ни угрозы, ни предписанія не останавливали отъ противозаконныхъ поступковъ. Злоупотребленія такъ глубоко проникли въ бытъ чиновниковъ, что нѣкоторые изъ нихъ рѣшались не объявлять народу распоряженій главнокомандующихъ или перетолковывали ихъ въ свою пользу.—«Дошло до свѣдѣнія моего, писалъ маркизъ Паулуччи[1]), что моуравы, въ дистанціяхъ имъ ввѣренныхъ, не обнародовали ясно даннаго отъ меня оповѣщенія жителей всей Грузіи о разныхъ предположеніяхъ моихъ для постановленія въ Грузіи порядка, въ особенности о введеніи справедливыхъ вѣсовъ и мѣръ и объ искорененіи постыднаго корыстолюбія.

«И такъ, замѣчая изъ сего цѣль моуравовъ, чтобы черезъ ускромленіе передъ народомъ таковыхъ желаній моихъ продолжать имъ по прежнимъ обычаямъ попущаться на противозаконные поступки и преграждать пути притѣсняемымъ несправедливостью приносить мнѣ жалобы, кои всегда готовъ я принимать, предлагаю вашему превосходительству, по полученіи сего, немедленно отправить особаго чиновника въ каждую дистанцію, какъ-то: Казахъ, Шамшадыль и Борчало, поручивъ имъ оповѣстить оное предписаніе мое самимъ жителямъ въ селеніи, при собраніи всего общества, дополнивъ къ тому, что моуравы, подъ опасеніемъ строгаго наказанія, за судъ и расправу, кою они производить будутъ между жителями, отнюдь не должны въ пользу свою взыскивать штрафовъ, также и на содержаніе себя ни подъ какимъ видомъ не должны брать ничего съ народа».

---

[1]) Отъ 29-го ноября 1811 года. Акты Кавказской археографической коммисіи, т. V, № 19-й.

Вслѣдъ затѣмъ главнокомандующій приказалъ принимать хлѣбъ въ подать и покупать его въ казну на русскій вѣсъ, а не туземною мѣрою, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ встрѣчались нерѣдко злоупотребленія. Не имѣя сами достаточно хлѣба, грузины отказывались поставлять его войскамъ, а между тѣмъ главнокомандующій, опираясь на Грузію, какъ на почти единственную въ то время мирную страну, по необходимости вынужденъ былъ пользоваться ея силами для продовольствія войскъ и обезпеченія ихъ перевозочными средствами. Изъ сохранившихся нарядовъ видно, что нерѣдко въ короткій сравнительно промежутокъ времени населеніе закавказскихъ провинцій выставляло до 112,154 аробъ, запряженныхъ волами и буйволами, и 99,780 вьюковъ лошадей,—число, само по себѣ уже достаточное для заключенія, чего стоила эта повинность жителямъ, которые по недостатку корма и дурнымъ дорогамъ часто лишались аробъ и скота, возвращавшагося изъ похода не болѣе одной двадцатой части.

Столь усиленные наряды не могли не отзываться на экономическомъ бытѣ населенія. Занятые почти цѣлый годъ перевозкою провіанта и коммисаріатскихъ тяжестей, грузины не имѣли времени обрабатывать свои поля. Отъ этого не только падала промышленность, но чувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ, и заготовленіе продовольствія для войскъ было крайне затруднительно.

Руководясь мыслію, будто грузины въ концѣ прошлаго столѣтія содержали вспомогательныя русскія войска своимъ провіантомъ, маркизъ Паулуччи пришелъ къ нѣсколько странному заключенію, что для народа, продовольствовавшаго прежде войска даромъ, назначеніе малыхъ цѣнъ на тоже самое продовольствіе не должно быть чувствительно. На этомъ основаніи онъ сдѣлалъ раскладку провіанта сообразно урожаю и требовалъ поставки хлѣба по назначеннымъ имъ цѣнамъ. Хотя, по словамъ самого главнокомандующаго, грузины протестовали противъ такой мѣры, но, говорилъ онъ, «не смотря на просьбы и отказы жителей, которые дѣйствительно находятся въ крайней бѣдности, я употребилъ ласки и силу,—все въ свое время, дабы обезпечить войска».

Распоряженіе главнокомандующаго не привело къ желаемой цѣли, и онъ не употребилъ бы такого средства, если бы былъ основательно знакомъ съ продовольствіемъ нашихъ войскъ въ Грузіи при царяхъ

Ираклiѣ II и Георгiѣ XII. Число этихъ войскъ не превышало цифры 3-хъ тысячъ человѣкъ, продовольствуемыхъ на столько плохо, что часто за русскія деньги не было возможности достать провіанта [1]). Наконецъ, если бы эти войска и продовольствовались сборнымъ хлѣбомъ безъ платы, то должно ли было это служить примѣромъ для продовольствованія значительнаго числа войскъ? Между тѣмъ, примѣръ этотъ послужилъ основаніемъ для дѣйствій маркиза Паулуччи, и цѣны на хлѣбъ были назначены въ половину и даже въ четыре раза менѣе противъ дѣйствительной его стоимости. Такъ, за каждую поставленную въ казну коду (2 пуда 10 фунтовъ) муки было назначено по 6 абазовъ (1 руб. 20 коп.), тогда какъ сами жители покупали коду не менѣе какъ за 25 абазовъ (5 руб.).

Грузины отказались поставлять хлѣбъ по этимъ цѣнамъ, и исправлявшій должность правителя Грузіи, генералъ-маіоръ Сталь 2-й, доносилъ, что назначенныхъ для покупки въ Сигнахскомъ уѣздѣ 40,000 кодъ пшеницы жители не соглашаются продать. Сталь просилъ уѣзднаго маршала князя Андроникова, капитанъ-исправника Сорокина и митрополита Іоанна Бодбеля уговорить жителей поставить требуемое количество пшеницы. Не смотря на увѣщанія, туземцы соглашались поставить только 10,000 кодъ, и притомъ съ условіемъ, чтобы въ томъ числѣ была одна треть ячменя. Тогда Сталь донесъ, что упорство жителей происходитъ отъ подстреканій князей, маршала и, главное, отъ наговоровъ Вачнадзе Бебурова. Онъ просилъ назначить экзекуцію, взять хлѣбъ силою «и тѣмъ дать имъ почувствовать надъ собою власть правленія россійскаго и отвлечь отъ мысли своеволія, возникшаго со времени выведенія изъ Сигнахскаго уѣзда трехъ полковъ и полученныхъ возмутительныхъ писемъ отъ бѣглеца Александра царевича [2])».

Экзекуція была назначена; войска размѣщены по деревнямъ, и положеніе населенія ухудшилось отъ болѣе суровыхъ требованій. Народъ нѣсколько разъ обращался съ просьбою вывести изъ деревень войска, но на эту просьбу отвѣчали требованіемъ скорѣе поставить

---

[1]) См. т. II «Исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ»

[2]) Рапортъ генералъ-маіора Сталя главнокомандующему, отъ 25-го августа 1811 г., № 2,809.

хлѣбъ въ магазины. Тяготясь такимъ положеніемъ и испытывая сами недостатокъ въ хлѣбѣ, жители почти ежедневно собирались около своихъ церквей, для совѣщанія о мѣрахъ къ скорѣйшей поставкѣ хлѣба. Сюда являлись агенты царевича Александра съ фирманами Аббасъ-Мирзы, который писалъ объ отправленіи грузинамъ значительной суммы денегъ и, обѣщая явиться на помощь, просилъ ихъ оказывать сопротивленіе русскимъ [1]). Въ виду своего бѣдственнаго положенія, грузины готовы были поддаться всякаго рода внушеніямъ. Съ каждымъ днемъ число недовольныхъ увеличивалось. Духовенство было недовольно уменьшеніемъ числа епархій, упраздненіемъ нѣкоторыхъ приходовъ, уничтоженіемъ церковныхъ имѣній и передачею ихъ въ казенное вѣдомство; князья—ограниченіемъ ихъ власти и уничтоженіемъ моуравствъ, а народъ тяготился притѣсненіями мелкихъ чиновниковъ, налогами и обременительными нарядами, среди голода, болѣзней и значительной смертности. При такихъ условіяхъ безпорядки явились тотчасъ же, какъ только извѣстный предѣлъ былъ перейденъ.....

Рано утромъ, 31-го января 1812 г., набатный звонъ колоколовъ селенія Ахметъ собралъ въ сельской церкви всѣхъ жителей деревни. Здѣсь они узнали о прибытіи экзекуціи, требовавшей провіанта. Отказавшись исполнить требованіе, грузины бросились на команду и выгнали ее изъ селенія.

Посланный на другой день новый отрядъ, подходя къ селенію, былъ встрѣченъ выстрѣлами возмутившихся, къ которымъ успѣли присоединиться: пшавы, хевсуры и жители сел. Матанъ и Тіонетъ. Изъ этой послѣдней деревни команда была также изгнана и частію перерѣзана. Народная ярость была возбуждена одною женщиною, которая, вбѣжавъ въ средину толпы, бросилась къ мужу, стащила съ него папахъ (шапку), надѣла его на себя, а на мужа накинула свое покрывало (чадру).

— Теперь ты жена, а я мужъ! кричала она. Я обезчещена и иду мстить за тебя.

Съ этими словами она выхватила у мужа кинжалъ и бросилась

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ маркиза Паулуччи 26-го марта. Фирманы Абассъ-Мирзы. Военно-ученый архивъ главнаго штаба.

къ дому; толпа ринулась за нею. Офицеръ былъ заколотъ; команда перерѣзана [1]). Возстаніе быстро распространилось и охватило всю Кахетію; увѣщанія капитанъ-исправниковъ не дѣйствовали. Народъ повсюду отказывался повиноваться, и отъ одного селенія къ другому скакали зачинщики, угрозами заставляя жителей присоединяться къ нимъ и истреблять всѣ экзекуціонныя команды. Грузины слѣдовали за коноводами, хотя сознавали въ душѣ несообразность своего поведенія и искренно желали оставаться вѣрными русскому Императору.

«На тотъ конецъ сдѣлали мы бунтъ, говорили жители селеній Нукреянъ и Магаро [2]), чтобы насъ больше не притѣсняли, а не на тотъ, чтобы лишиться россійскаго покровительства.... Сопротивлялись же противъ россіянъ [3]), въ чаяніи томъ, чтобы правительство обратило вниманіе на состояніе наше и не оставило опредѣлить къ намъ одного изъ россійскихъ, а другаго изъ грузинскихъ чиновниковъ, для управленія нами и удовлетворенія просьбъ нашихъ».

По полученіи первыхъ извѣстій о возстаніи, военное и гражданское начальство разослало повсюду предписанія пріостановиться взысканіемъ провіанта, съ жителей. Тогда же разосланы повелѣнія ко всѣмъ комендантамъ, капитанъ-исправникамъ, моуравамъ и уѣзднымъ маршаламъ о принятіи необходимыхъ мѣръ предосторожности и употребленіи всѣхъ способовъ для удержанія народа отъ мятежа; князья, пользовавшіеся уваженіемъ народа, и почетныя духовныя особы были посылаемы для увѣщанія, но все оставалось напраснымъ. «Ожесточенный народъ, доносилъ маркизъ Паулуччи, не внималъ никакимъ совѣтамъ, стрѣлялъ по тѣмъ, кои старались его успокоить, и умерщвлялъ всѣхъ попадавшихся ему въ руки курьеровъ и лазутчиковъ, отъ правительства посланныхъ».

Соединившись съ пшавами и хевсурами, возмутившіеся преградили всѣ дороги въ Кахетіи и отрѣзали пути отступленія нашимъ войскамъ. Послѣднія, будучи разбросаны самыми маленькими командами по отдѣльнымъ деревнямъ, были застигнуты врасплохъ. Города Телавъ и Сигнахъ подверглись осадѣ; въ послѣднемъ всѣ чиновники и гарни-

[1]) Записки князя Д. О. Бебутова. «Военный Сборникъ», 1867 г. №№ 6-й и 7-й.

[2]) Въ прошеніи отъ 26-го марта 1812 г. Военно-учен. архивъ.

[3]) Показаніе жителей сел. Арагвиспири и Ораниси, 1-го мая. Тамъ же.

зонъ были вырѣзаны. Таже участь постигла пятый эскадронъ Нарвскаго драгунскаго полка, стоявшій въ сел. Какабети. Нижніе чины защищались въ сараяхъ, эскадронной конюшнѣ, банѣ, но, уступая въ числительности, по большей части погибли. Одинъ только унтеръ-офицеръ со штандартомъ успѣлъ прискакать въ штабъ полка, въ д. Сагореджо; туда же прибылъ со знаменемъ и есаулъ донскаго Поздѣева 8-го полка Кузнецовъ, изъ селенія Анаги, которое было сожжено вмѣстѣ съ провіантскими магазинами. Жители селеній Ахмета, Тіонетъ, Матаани и Маралисы, соединившись вмѣстѣ, при содѣйствіи армянъ, жившихъ въ предмѣстьѣ Телава, ворвались, 2-го февраля, въ форштадтъ этого города, разграбили всѣ квартиры, умертвили нѣсколькихъ солдатъ и расхитили изъ сельскихъ магазиновъ податной провіантъ. Телавскій комендантъ, маіоръ Шматовъ, съ 60-ю человѣками, заперся въ крѣпости и защищалъ ее до прибытія маіора Вронскаго съ тремя ротами 9-го егерскаго полка, стоявними вблизи Телава, въ селеніи Гомборахъ, и 250-ти человѣкъ нарвскихъ драгунъ, отправленныхъ генераломъ Портнягинымъ съ маіоромъ Есиповымъ. Пробиваясь сквозь толпу инсургентовъ, Есиповъ былъ убитъ, но драгуны достигли до крѣпости, хотя и съ весьма большою потерею въ людяхъ. Изъ 250 человѣкъ драгунъ пришло въ крѣпость только 148 человѣкъ, а отрядъ егерей, пробиваясь черезъ толпу, потерялъ 11 человѣкъ нижнихъ чиновъ убитыми, 10 человѣкъ захваченными въ плѣнъ и ранеными: двухъ офицеровъ и 30 человѣкъ рядовыхъ.

Возставшіе кахетинцы провозгласили царевича Григорія [1]) своимъ царемъ и рѣшились признать его власть надъ собою.

Недалекій по своимъ умственнымъ способностямъ, хромой отъ природы и забытый русскимъ правительствомъ, Григорій жилъ на свободѣ въ Кахетіи [2]). Не пользуясь до сихъ поръ ничьимъ уваженіемъ, царевичъ вдругъ, при открывшемся возстаніи, выросъ въ глазахъ народа и сталъ играть довольно видную роль. Повѣривъ въ возможность сохраненія за собою званія царя Грузіи, Григорій принялъ предложеніе и явился среди мятежниковъ предводительствовать ихъ

[1]) Григорій былъ сынъ царевича Ивана, находившагося въ Москвѣ. Такъ какъ старшій братъ Ивана, царевичъ Давидъ, былъ бездѣтенъ, то грузины и считали за Григоріемъ право наслѣдства престола.

[2]) Отношеніе маркиза Паулуччи генералу Ртищеву, 17-го марта, № 252.

толпами. Имя его стали упоминать въ церквахъ, какъ законнаго царя Грузіи. Царевичъ началъ издавать отъ своего имени возмутительныя прокламаціи и письма [1]). Кахетинцы толпами спѣшили подъ его знамена. Пристрастіе народа къ бывшимъ членамъ грузинскаго царскаго дома сдѣлало теперь особенно вреднымъ пребываніе Григорія среди инсургентовъ. Деревня одна за другою присоединялись къ возмутившимся. Посланные съ разныхъ концовъ и по разнымъ направленіямъ развозили возмутительныя письма.

«Мы всѣ, кахетинскіе князья, говорилось въ одномъ изъ такихъ писемъ [2]), кизикскіе (сигнахскіе) чиновники и кевхи, народъ пшавскій, тушинскій и хевсурскій пишемъ къ вамъ. Вѣрьте Богу, что начиная отъ Тіонетъ до Кизика (Сигнаха) и отъ Кизика до Маркопи, россійскаго имени нѣтъ. За наше притѣсненіе и за васъ вступаемся мы, что такія дѣла дѣлаемъ. Вы, подобно сему, покажите намъ, сколько можете, какое-нибудь дѣло, т. е. пригласите поскорѣе царевича (Григорія). Мы, кромѣ одного царя, ни въ чемъ недостатка не

---

[1]) «Высокосіятельные кизикскіе князья, чиновники и вообще жители!—писалъ Григорій:—Нижайше вамъ кланяемся, и если хотите знать наше обстоятельство, то сегодня, что есть суббота, переѣдемъ на Хашми съ большимъ войскомъ... Если хотите знать о Карталиніи, то войска обоихъ Ліахвскихъ ущелій собрались, и сколько въ Цхинвальской волости было русскихъ, всѣхъ побили, мосты сорвали, и всякій карталинецъ васъ ожидаетъ; всю же силу русскихъ составляютъ войска, на Хашми стоящія; если ее погубимъ, то знайте, что все въ рукахъ будемъ имѣть: Карталинію, Арагви и Тифлисъ, и нынѣ просьба наша къ вамъ состоитъ въ семъ, а воля ваша».

«Сегодня, въ пятницу, — писалъ Григорій джимитскимъ и уканамхарскимъ жителямъ,—мы, хевсуры, пшавы и кахетинцы, кто только носитъ шапку, у Ахтальской рѣчки встрѣтили русскихъ, и до сумерекъ сраженіе продолжалось; много людей и солдатъ побили, такъ что ружьями и лошадьми, отъ нихъ доставшимися, Кахетія наполнилась, а съ наступленіемъ ночи расположились русскіе на Копризскомъ полѣ; мы съ нашимъ войскомъ кругомъ ихъ стоимъ, и съ разсвѣтомъ будетъ опять драка, и Богъ намъ помощь! Пока хотя одинъ кахетинецъ живъ, Кахетія не отступитъ: поспѣшите на помощь, кто хочетъ только христіанства, поспѣшите на помощь вашимъ сосѣдямъ, и если хотите жизни вашихъ семействъ, то поспѣшите на помощь».

[2]) Казахскимъ агаларамъ.—Письмо подписано 31 лицомъ и приложено къ рапорту маркиза Паулуччи Государю Имп. отъ 26-го марта 1812 г. Военно-учен. арх.

имѣемъ. Если вы согласны съ нами—отвѣчайте, а если нѣтъ, то мы (одни) съ ними развѣдаемся. Если въ семъ намъ не вѣрите, то здѣсь и татарскій народъ живетъ: спросите ихъ и узнаете, что мы *въ крови замараны*».

«Мы навѣрно знаемъ, что драться противъ великаго Государя намъ трудно, писали жители Сигнаха тѣмъ же агаларамъ [1]), но мы до стѣсненія были доведены... Можемъ ли мы увѣриться, чтобы пролитіе толикой христіанской крови и противность Государю могли быть кѣмъ-либо прощены? Нынѣ всѣ вообще: Кахетія, горцы и на плоскости живущіе лезгины соберемся въ Сагореджо... Мы собою рискнули и себя на смерть отдали. Намъ умереть—Государю убытокъ, и ихъ (русскихъ) побить—тоже Государю убытокъ...»

Въ Сагореджо находился штабъ Нарвскаго драгунскаго полка, шефомъ котораго былъ генералъ-маіоръ Портнягинъ, бывшій въ то же время начальникомъ Сигнахскаго и Телавскаго уѣздовъ. Онъ былъ поставленъ обстоятельствами въ критическое положеніе: изъ всего полка Портнягинъ могъ собрать только до 150 человѣкъ драгунъ. До Тифлиса было 90 верстъ, и помощь могла придти въ Сагореджо не ранѣе какъ дня черезъ три. Къ тому же главнокомандующаго въ то время не было въ Тифлисѣ — онъ отправился въ Баку, Кубу, Дербентъ и для введенія новаго управленія въ новопокоренной Кюринской области. Приближеніе персіянъ къ нашимъ границамъ заставило маркиза Паулуччи проѣхать въ Карабагъ; но едва только онъ успѣлъ собрать тамъ отрядъ и поручить его Котляревскому, какъ, получивъ извѣстіе о возстаніи въ Кахетіи, отправился въ Тифлисъ, гдѣ присутствіе его было болѣе чѣмъ необходимо.

Съ полученіемъ первыхъ извѣстій о возстаніи, генералъ Портнягинъ просилъ о присылкѣ ему подкрѣпленій, но, за отсутствіемъ маркиза Паулуччи, всѣ распоряженія производились весьма вяло и нерѣшительно. Въ Сагореджо въ первое время хотя и было тихо, но, видимо, жители находились въ сильномъ безпокойствѣ. Вооруженные съ головы до ногъ, они каждую минуту ожидали прибытія къ себѣ инсургентовъ. Старшина селенія предъявилъ Портнягину полученное имъ письмо, въ которомъ говорилось, что вся Кахетія идетъ на нихъ,

---

[1]) Отъ 27-го февраля. Письмо подписано 17-ю лицами. Воен.-уч. архивъ.

и если сагореджинцы не пристанутъ къ возставшимъ, то селеніе будетъ сожжено, а жители истреблены.

— Будете ли вы насъ защищать или оставите деревню? спросилъ старшина.

Портнягинъ отвѣчалъ утвердительно, но видѣлъ, что народъ желаетъ, чтобы русскія войска оставили селеніе и тѣмъ избавили его отъ неминуемаго разоренія.

Ожидая прибытія толпы мятежниковъ, нарвскіе драгуны укрѣплялись. Бывшую передъ домомъ Портнягина небольшую площадку они обставили кругомъ мѣшками съ провіантомъ. Хотя такое укрѣпленіе и обстрѣливалось изъ окружающихъ селеніе виноградниковъ и высотъ, но все-таки могло служить нѣкоторою защитою до прибытія подкрѣпленій. Вечеромъ, 5-го февраля, толпа инсургентовъ появилась въ садахъ на сосѣднихъ высотахъ, и завязала перестрѣлку съ драгунами. Перестрѣлка эта продолжалась всю ночь, но не причинила намъ никакого вреда. Съ разсвѣтомъ число непріятеля увеличилось; драгуны лежали подъ прикрытіемъ мѣшковъ и ожидали подкрѣпленія. Переговоры съ мятежниками и совѣты прекратить непріязненныя дѣйствія не приводили къ желаемымъ результатамъ. Опасность для драгунъ возрастала: въ отрядѣ было ранено до 25 человѣкъ и много лошадей. Солнце перешло уже за полдень, когда въ сел. Сагореджо услышали сначала пушечный выстрѣлъ, а затѣмъ барабанный бой отряда, спѣшившаго на помощь. То были двѣ роты Херсонскаго гренадерскаго полка, посланныя изъ Тифлиса подъ начальствомъ маіора Бухвостова. Съ появленіемъ гренадеръ инсургенты тотчасъ же стали очищать сады, и перестрѣлка прекратилась.

Сдѣлавъ необходимыя распоряженія къ отступленію, генералъ Портнягинъ сжегъ всѣ тяжести и въ слѣдующую ночь оставилъ Сагореджо. Драгуны шли пѣшіе и вели въ поводу лошадей, которыхъ было втрое болѣе, чѣмъ людей, за потерями и командировками. Отрядъ отступалъ не по большой дорогѣ, гдѣ поджидали его инсургенты, а лѣсомъ, въ обходъ, къ переправѣ черезъ р. Іору. Возставшіе грузины все-таки открыли это движеніе и выстрѣлами преслѣдовали отступавшихъ.

Прибывъ въ Тифлисъ и найдя тамъ только шесть ротъ, Портнягинъ, какъ старшій, принялъ надъ ними начальство и сдѣлалъ всѣ

необходимыя распоряженія по оборонѣ города: повсюду были разставлены караулы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и орудія, на устроенныхъ для того батареяхъ.

Получавшіяся съ разныхъ сторонъ свѣдѣнія были далеко неуспокоительны. Возстаніе въ Кахетіи съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усиливалось. Инсургенты врывались въ города и селенія, грабили казенныя деньги и вещи. Многіе владѣльцы просили помощи, говоря, что народъ грозитъ сжечь ихъ дома и имущество, если они не присоединятся къ возставшей толпѣ. Никто изъ князей не рѣшался ѣхать уговаривать возмутившихся и отговаривались тѣмъ, что не имѣютъ лошадей. Уклоненіе это признано было неосновательнымъ и князьямъ предложено взять казенныхъ лошадей, но они браковали ихъ, говоря, что въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ можно выѣхать передъ толпу только на хорошихъ лошадяхъ (?).

Такимъ образомъ, предоставленные самимъ себѣ, инсургенты продолжали собираться въ различныхъ пунктахъ. Не имѣя опредѣленной цѣли и плана дѣйствій, каждая партія дѣйствовала по своему усмотрѣнію, занимаясь преимущественно грабежомъ и насиліемъ. Болѣе или менѣе значительныя толпы появились у Манавы и на Сагурамскомъ полѣ, съ намѣреніемъ напасть на Гартискарскій постъ. До сорока человѣкъ вооруженныхъ грузинъ собралось въ селеніи Караджалы, на лѣвомъ берегу р. Куры, и, не смотря на увѣщанія, не соглашались разойтись по домамъ.

8-го февраля въ Тифлисѣ было получено извѣстіе, что главное скопище остановилось въ сел. Шашебуро и тамъ укрѣпляется; что значительное число мятежниковъ собралось также между р. Іорою и Марткопи, съ намѣреніемъ идти на Тифлисъ; что гарнизонъ, бывшій въ Пасанаурѣ, истребленъ, и сообщеніе съ Кавказскою линіею прервано; что возмущеніе распространилось по всему Ананурскому уѣзду, и самый городъ находится въ осадѣ, и, наконецъ, что Телавъ и Сигнахъ окружены вооруженными толпами.

Стоявшихъ въ Кахетіи войскъ оказывалось недостаточно для усмиренія волненій. На подкрѣпленіе ихъ отправленъ изъ Карталіни подполковникъ Ушаковъ съ баталіономъ Грузинскаго гренадерскаго полка. Ему приказано прямо и какъ можно поспѣшнѣе слѣдовать къ г. Анануру и по дорогѣ присоединить къ себѣ отряды, сто-

явшіе въ Мухрани и въ Гартискаро. Осада мятежниками послѣдняго пункта не дозволила Ушакову присоединить къ себѣ гартискарскій гарнизонъ, а съ присоединеніемъ команды, находившейся въ Мухрани, отрядъ его состоялъ всего изъ пяти ротъ пѣхоты.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, владикавказскому коменданту генералъ-маіору Дель-Поццо и подполковнику Казбеку предписано принять мѣры къ возстановленію сообщенія съ линіею, а для разсѣянія толпы, собравшейся у Марткопи, отправленъ изъ Тифлиса полковникъ Тихоновскій съ баталіономъ Херсонскаго гренадерскаго полка и четырьмя орудіями.

Взявъ съ собою двухъ князей Орбеліани, на случай переговоровъ съ мятежниками, Тихоновскій выступилъ по направленію къ Марткопи. Приближеніе нашихъ войскъ заставило разъѣзжавшія близъ селенія толпы грузинъ отступить къ селенію Хашми. Получивъ донесеніе, что число вооруженныхъ въ этомъ селеніи достигаетъ до 4,000 человѣкъ, и что толпа эта состоитъ преимущественно изъ тушинъ, ишавовъ и хевсуръ, Тихоновскій двинулся прямо къ селенію Хашми. Встрѣченный выстрѣлами съ высотъ и изъ садовъ, онъ штыками вытѣснилъ непріятеля, заставивъ его бѣжать къ дер. Сартачаламъ. Жители ближайшихъ селеній со всѣмъ семействомъ и имуществомъ удалились въ лѣса и горы. Тихоновскій уговаривалъ ихъ возвратиться [1]), и, послѣ долгихъ убѣжденій, десять человѣкъ старшинъ явились къ нему съ покорностью и обѣщаніемъ не допускать къ себѣ возмутителей. Двигаясь далѣе, Тихоновскій успѣлъ привести къ покорности жителей селеній: Сартачалъ, Уджармъ, Карабулахъ и Патерзаулъ [2]). Возвративши ихъ въ дома, онъ пошелъ обратно въ селеніе Хашми [3]).

Въ это время подполковникъ Ушаковъ прибылъ съ своимъ отрядомъ въ селеніе Мухрань и 12-го февраля двинулся къ Душету. Встрѣченный сильнымъ огнемъ непріятеля, Ушаковъ по позднему времени не могъ атаковать города. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня онъ штурмовалъ форштадтъ и, послѣ двухъ часоваго боя, овладѣлъ какъ имъ, такъ и Душетскою крѣпостью. Возстановивъ порядокъ въ го-

[1]) Рапортъ Тихоновскаго главнокомандующему, 14-го февраля 1812 г., № 20.

[2]) Тоже отъ 15-го февраля, № 23.

[3]) Рапортъ Тихоновскаго главнокомандующему, 16-го марта, № 50.

родѣ и имѣя приказаніе спѣшить на помощь г. Анануру, Ушаковъ выступилъ изъ Душета и едва только отошелъ двѣ версты, какъ былъ окруженъ инсургентами. Начиная съ 6 часовъ утра и до 5 часовъ пополудни, нашъ отрядъ прокладывалъ себѣ дорогу штыками, достигъ до Ананура и вытѣснилъ оттуда мятежниковъ.

На слѣдующую ночь, съ 17-го на 18-е февраля, Ушаковъ узналъ, что въ трехъ верстахъ отъ города, въ небольшомъ селеніи, находится аріергардъ отступавшихъ инсургентовъ, состоящій изъ 70-ти человѣкъ. Взявъ 150 человѣкъ гренадеръ, онъ тихо подошелъ съ ними къ селенію, окружилъ сакли и истребилъ всѣхъ, кромѣ 15-ти человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ, и трехъ бѣжавшихъ. Атака была такъ неожиданна, что гренадеры не сдѣлали ни одного выстрѣла, а кололи штыками. Повѣсивъ главнаго предводителя, Ушаковъ навелъ тѣмъ страхъ на всю окрестность [1]).

Скопища въ этомъ углу Кахетіи были разсѣяны, и сообщеніе съ линіею возстановлено высланною изъ Ларса ротою Суздальскаго полка, которая, переваливъ черезъ Крестовую гору, появилась въ Закавказьѣ. Жители многихъ селеній стали являться съ покорностью, и большая часть деревень, окружающихъ Душетъ, была приведена къ присягѣ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда 21-го февраля маркизъ Паулуччи прибылъ въ Тифлисъ и узналъ, что отрядъ, бывшій въ Караагачѣ, и гарнизонъ въ Телавѣ находятся въ крайней опасности, что они отрѣзаны и окружены со всѣхъ сторонъ вооруженными толпами, и болѣе пятнадцати дней въ Тифлисѣ не было о нихъ никакого извѣстія. Главнокомандующій тотчасъ же приказалъ баталіону Тифлисскаго полка выступить изъ столицы Грузіи въ сел. Хашми и присоединиться къ полковнику Тихоновскому; генералъ-маіору Портнягину приказано съ остатками нарвскихъ драгунъ перейти въ сел. Цинцкаро и наблюдать, чтобы хищники не дѣлали разбоевъ.

«Къ удивленію найдя, писалъ ему маркизъ Паулуччи [2]), что вы, оставивъ порученный вамъ Кахетинскій округъ, прибыли въ Тифлисъ съ полкомъ и приняли команду надъ войсками въ Тифлисѣ и Ананурѣ, гдѣ былъ другой начальникъ, требую отвѣта, почему, не истре-

[1]) Рапортъ Ушакова генералъ-маіору Портнягину, 19-го февраля, № 165.
[2]) Въ предписаніи отъ 21-го февраля 1812 г., № 226.

бовавъ сикурса, когда увидѣли бунтъ въ Кахетіи, не обратились туда со всею поспѣшностью».

Недовольный такимъ запросомъ, генералъ Портнягинъ подалъ рапортъ о болѣзни и затѣмъ не принималъ участія въ усмиреніи возстанія.

Между тѣмъ, 23-го февраля, маркизъ Паулуччи, имѣя въ конвоѣ 140 казаковъ и 40 драгунъ, выѣхалъ изъ Тифлиса въ Хашми съ тѣмъ, чтобы принять личное начальство надъ отрядомъ, тамъ собравшимся.

Здѣсь онъ узналъ, что инсургенты отправили посланнаго къ Шерифу-пашѣ ахалцихскому съ просьбою о помощи. Принявъ его ласково, паша думалъ воспользоваться затруднительностью нашего положенія и возвратить въ свое владѣніе Ахалкалаки, такъ недавно, послѣ блестящей побѣды Котляревскаго, занятаго нашими войсками. Если бы Шерифу удалось овладѣть этою крѣпостью, прикрывавшею всю Кахетію, то, за отозваніемъ войскъ для усмиренія возстанія, путь въ Борчалинскую провинцію и даже въ Тифлисъ былъ бы совершенно открытъ и безпрепятственъ.

Сознавая, что успѣхъ можетъ принести огромныя выгоды, Шерифъ собралъ до 5-ти тысячъ человѣкъ, подошелъ къ Ахалкалакамъ и 21-го февраля штурмовалъ укрѣпленія. Послѣ четырехъ съ половиною часоваго боя, паша принужденъ былъ разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ и сознать невозможность овладѣть крѣпостью. Геройское сопротивленіе гарнизона заставило его отступить къ укрѣпленному мѣстечку Хертвиси. Оправившись и устроивъ свои войска, Шерифъ намѣренъ былъ вторично штурмовать Ахалкалаки, но, узнавъ о прибытіи въ Грузію главнокомандующаго и почти о повсемѣстномъ усмиреніи возстанія, онъ отказался отъ своего намѣренія и ушелъ внутрь своего пашалыка [1]).

Маркизъ Паулуччи принялъ дѣйствительно весьма рѣшительныя мѣры въ подавленіи возстанія.

Для предварительнаго увѣщанія возмутившихся, онъ отправилъ къ инсургентамъ нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ, изъ дворянъ и ду-

---

[1]) Рапортъ маркиза Паулуччи Гос. Имп. 11-го марта 1812 г., № 13. Рапортъ подполковника Загорельскаго главнокомандующему, 10-го марта, № 61.

ховенства, съ прокламаціею, въ которой обѣщалъ имъ испросить прощеніе, если они съ полнымъ раскаяніемъ и покорностью возвратятся въ свои дома.

«Что вы дѣлаете? спрашивалъ главнокомандующій кахетинцевъ [1]). Какое ослѣпленіе обуяло умы ваши, и какая цѣль ваша? Неужели въ несчастномъ изступленіи своемъ забыли вы силу и могущество неодолимыхъ войскъ россійскихъ, забыли вѣру христіанскую и не видите, что рука Божія, неизбѣжно карающая клятвопреступныхъ измѣнниковъ, готова васъ поразить!

«Вспомните, что вы дерзнули поднять оружіе противъ войскъ Его Императорскаго Величества, кои суть братья ваши по вѣрѣ, защищающіе жилища ваши, семейства и имущество отъ внѣшнихъ непріятелей, издавна жаждущихъ вашей погибели, и что вы, въ заблужденіи своемъ нарушивъ присягу, данную вами, въ вѣчной вѣрности Его Императорскому Величеству передъ лицомъ Самого Бога, вооружились противъ защитниковъ вашихъ, противъ самаго вашего отечества и противъ религіи. И такъ, съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ, видя бездну, въ которую вы сами стремитесь, вовлекая невинныя ваши семейства, я счелъ обязанностью, прежде нежели приступлю къ мѣрамъ, кои мнѣ предписываетъ долгъ и званіе мое, объявить вамъ слѣдующее:

«Кахетинскій народъ! теперь предлежитъ вамъ два пути: одинъ къ спасенію, а другой къ неминуемой гибели. Собравъ сильныя войска, я иду самъ въ Кахетію для водворенія среди васъ покоя. Мечъ мой готовъ истребить непокорныхъ мятежниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ рука простерта принять съ милосердіемъ раскаявающихся, подобно какъ отецъ пріемлетъ заблудшаго сына. Почему избирайте немедленно дорогу, которую укажетъ вамъ собственное ваше благоразуміе. Я же увѣряю васъ честію моею, что не накажу тѣхъ, кои, положивъ оружіе, съ раскаяніемъ будутъ просить прощенія и, съ семействами своими, возвратясь въ свои жилища, примутъ вновь присягу на вѣрность Его Императорскому Величеству. Но если встрѣчу кого съ оружіемъ въ рукахъ и противящихся законной власти, то тѣхъ предамъ достойной ихъ казни, безъ всякаго помилованія».

[1]) Въ прокламаціи отъ 22-го февраля 1812 г., № 177. Акты Кавказ. археогр. ком. т. V, № 97.

Посланные съ этою прокламаціею явились къ инсургентамъ, но переговоры ихъ были безуспѣшны.

— Мы, говорилъ посланнымъ Коцо Охановъ, предводительствовавшій толпою [1]), мы знаемъ, что насъ мало въ сравненіи съ русскими, не надѣемся ихъ побѣдить, но желаемъ, чтобы они насъ истребили. Мы искали покровительства Русскаго царя, и Богъ далъ намъ его, но несправедливости и жестокости его слугъ, привели насъ въ отчаяніе. Мы долго терпѣли. Нынѣ же, когда Господь послалъ намъ этотъ ужасный голодъ, когда мы сами ѣдимъ коренья и травы, отъ насъ насильственно требуютъ хлѣба и фуража. Насъ выгнали изъ собственныхъ домовъ; рылись въ сундукахъ и ямахъ нашихъ, открывали наши запасы вина и, напившись до пьяна, оскверняли остальное, бросая туда нечистоты. Неужели и послѣ такого срама дорога намъ жизнь? Мы виноваты передъ Богомъ и Русскимъ Царемъ, обагривъ руки въ христіанской крови; но Богъ свидѣтель, что измѣнить русскимъ никогда въ нашемъ помышленіи не было: насъ вынудили къ тому силою, и мы рѣшились погибнуть на мѣстѣ. На прощеніе намъ надѣяться нечего: кто откроетъ наше положеніе Государю? Развѣ мы не помнимъ, что намъ, бывало, отвѣчали ваши начальники, когда мы ссылались на него: до Бога высоко, до Царя далеко! Ступайте же къ нимъ; ни они, ни вы насъ не обманете.

Слова эти, подтвержденныя единогласно всѣми находившимися въ толпѣ, въ тотъ же день были переданы маркизу Паулуччи. Ему же доставлено было и письмо, служившее отвѣтомъ на прокламацію.

«Все общество катехинское, отвѣчали инсургенты, въ горахъ и на плоскости живущее, доноситъ, что мы неопытны въ письмахъ, и не можемъ понять вашего писанія. Мы не отрицаемся отъ Христа, не измѣнники Государю, ниже клятвопреступники. Вы дали намъ поводъ; что было отъ всемилостивѣйшаго Государя манифестомъ повелѣно, отъ васъ не было исполнено; вы намъ дали поводъ, убивая и вѣшая на веревкѣ; виновные и усердные не были различены, но и сего мы по усердію къ всемилостивѣйшему Государю и по присягѣ отъ насъ данной терпѣли.

---

[1]) Записка генералъ-маіора князя Чавчавадзе, поданная Императору Николаю въ 1837 г. Воен. учен. арх. глав. штаба.

№ 465390

«Сверхъ того, чего у насъ не было, къ тому экзекуціею и штыками вы насъ принуждали; убивали нашихъ женъ и дѣтей; отняли у насъ хлѣбъ и голодомъ насъ морили, а намъ говорили, чтобы мы паслись на травѣ. Какъ младенцамъ пастись на травѣ?

«Отъ нарядовъ не стало у насъ быковъ, а въ лѣсахъ не нашли мы болѣе лѣсу для построенія аробъ (телѣгъ) и такой обиды не могли мы болѣе вытерпѣть; чѣмъ человѣку морить своихъ женъ и дѣтей, скорѣе убьетъ прежде другаго. Мы истинно знаемъ то, что Государь Императоръ народа истребить не изволитъ (не желаетъ). Поводъ данъ вами; сойтись съ вами намъ болѣе невозможно: мы рискнули и семействами, и собою. Вы давали намъ за коду (2 пуда 10 фунт.) по 1 руб. 20 коп., а у кого изъ насъ не было хлѣба, брали въ плату по 4 рубля за ту же коду.

«Мы Государю не измѣнили и не измѣнники; вы преступили повелѣніе Государя, и мы болѣе не могли переносить несправедливости. Намъ съ вами сойтись невозможно, мы и такъ мертвы и должны умереть. Мы подали просьбу, а вы не довели оной до Государя. Вы насъ обманывали—и мы терпѣли; уже болѣе невозможно. Нынѣ конецъ—и мы должны умереть».

Получивъ это письмо, маркизъ Паулуччи въ тотъ же день отвѣчалъ инсургентамъ [1]):

«По пріѣздѣ моемъ въ деревню Хашми, доставленъ былъ ко мнѣ отъ васъ отвѣтъ на мое объявленіе; видя изъ того причину, побудившую васъ къ настоящему мятежу, я нужнымъ почитаю сказать вамъ: Кахетинскій народъ! Вамъ самимъ извѣстно, что объясненныя вами жалобы при главнокомандованіи моемъ приносимы отъ васъ не были, такъ равно и просьбъ, вами поданныхъ, я не получалъ, по которымъ я бы не оставилъ тотчасъ сдѣлать строгое изслѣдованіе и доставить вамъ должную справедливость, но какъ все сіе происходило прежде, до моего командованія, и вами мнѣ не было объявлено, то я и не

[1]) Хотя въ Актахъ Кавказской археографической коммисіи (т. V, № 96) документъ этотъ помѣченъ 24 числомъ марта, но его слѣдуетъ отнести къ 24-му февраля, такъ какъ волненія продолжались только до 10-го марта. Съ этого дня, по словамъ всеподданнѣйшаго донесенія маркиза Паулуччи (см. тамъ же, № 97, стр. 80), «окончились и всѣ дѣйствія противъ мятежниковъ», мятежный духъ истребленъ въ Кахетіи, и «вся Грузія приведена въ спокойствіе».

могъ быть о томъ извѣстенъ, а потому и нынѣ отправляю къ вамъ съ симъ преосвященнаго Ниноцминдели, духовника моего патера Онуфрія и маіора князя Соломона Авалова, какъ довѣренныхъ отъ меня, объявить вамъ послѣднее мое слово, дабы вы, опомнясь, оставили предпринятыя вами намѣренія и разошлись по вашимъ домамъ. Тогда вы можете всѣ ваши жалобы и просьбы мнѣ представить, и я не оставлю оказать вамъ всю справедливость и сдѣлать все возможное облегченіе; но если вы и за симъ не послушаетесь сего моего обвѣщенія, то буду васъ трактовать какъ измѣнниковъ».

25-го февраля посланные съ этимъ обѣщаніемъ отправились къ инсургентамъ, укрывавшимся въ лѣсахъ по дорогѣ къ Телаву, близъ монастыря Самеба. Обѣщая дать отвѣтъ черезъ два часа, коноводы вооруженной толпы не дали его до ночи. Тогда, на разсвѣтѣ 26-го числа, маркизъ Паулуччи, не обращая вниманія ни на густоту лѣса, ни на то, что противникъ засѣлъ въ крѣпкихъ ущельяхъ, рѣшился атаковать съ наличными силами, состоявшими всего изъ 600 человѣкъ пѣхоты при двухъ орудіяхъ. Командовавшій авангардомъ, полковникъ Тихоновскій, двинулся противъ непріятеля, имѣя у себя двѣ роты Херсонскаго полка, роту 9-го егерскаго и 35 казаковъ. Вооруженная толпа была разогнана, и нѣкоторые, болѣе виновные, изъ числа взятыхъ въ плѣнъ, по приказанію главнокомандующаго, повѣшены. Войска перешли въ дер. Патерзаулъ, куда прибылъ изъ Сагореджо архимандритъ Елевтерій, отправленный для переговоровъ съ инсургентами. Неудовлетворительный отвѣтъ, имъ привезенный, заставилъ главнокомандующаго перейти съ войсками въ Сагореджо [1]).

Сагореджинцы явились съ покорностью и просили пощады. Селенія Сагореджи, Какабети, Манава и другія были приведены къ присягѣ; почти весь Сигнахскій уѣздъ успокоился, и жители возвратились въ свои дома.

27-го февраля главнокомандующій перешелъ въ сел. Какабети, гдѣ присоединился къ нему полковникъ Степановъ, выступившій съ отрядомъ изъ Караагача. Отрядъ этотъ состоялъ изъ сборныхъ командъ и образовался при слѣдующихъ условіяхъ:

При первомъ извѣстіи о возстаніи въ Кахетіи, была отправлена

---

[1]) Изъ предписанія генералъ-маіору барону Клодту, № 226.

изъ Пховели въ Телаву рота 9-го егерскаго полка. На пути слѣдованія въ сел. Вакиры и Анаги, рота была окружена значительною толпою непріятеля и, не будучи въ состояніи пробиться къ Телаву, принуждена была отступить къ Караагачу, куда прибыла и штабъ-квартира Кабардинскаго полка изъ Бодбисхеви. 12-го февраля прибылъ также въ Караагачъ и маіоръ князь Орбеліани, съ двумя ротами Кабардинскаго полка и съ однимъ орудіемъ. Войска эти имѣли крайній недостатокъ въ продовольствіи. Въ теченіе двѣнадцати дней, съ 11-го по 23-е февраля, они питались однимъ ячменемъ, заготовленнымъ для лошадей Нижегородскаго драгунскаго полка. Въ такомъ критическомъ положеніи, полковникъ Степановъ, принявшій начальство надъ всѣми собравшимися въ Караагачѣ, какъ только узналъ о прибытіи маркиза Паулуччи въ Хашми, тотчасъ же двинулся на соединеніе съ главнокомандующимъ. Послѣдній предписалъ Степанову остановиться въ Сагореджо и наблюдать за общественнымъ спокойствіемъ, а самъ двинулся къ сел. Велисцихѣ. У селенія Чумлаки маркизъ Паулуччи встрѣтилъ, 1-го марта, мятежниковъ, бывшихъ подъ предводительствомъ царевича Григорія. Разсѣявъ толпу, главнокомандующій объявилъ жителямъ сосѣднихъ деревень, что если кѣмъ-нибудь будетъ сдѣланъ хотя одинъ выстрѣлъ по русскимъ войскамъ, то деревня будетъ предаваема огню. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ потребовалъ выдачи царевича Григорія, скрывшагося у анцугскихъ лезгинъ.

6-го марта, Григорій былъ представленъ главнокомандующему анцугскимъ старшиною Али-ханомъ [1]), отвезенъ въ Тифлисъ, помѣщенъ въ нижнемъ этажѣ дома главнокомандующаго, а впослѣдствіи отправленъ въ Россію. «Сей царевичъ, доносилъ маркизъ Паулуччи [2]), весьма важенъ не по личнымъ своимъ достоинствамъ, коими, къ счастію, не одаренъ отъ природы, но по уваженію, каковое народъ здѣшняго края имѣетъ къ его происхожденію... Опытомъ же народнаго легковѣрія и той истины, что необходимо нужно для спокойствія здѣшняго края удалить отсель все то, что только носитъ на себѣ имя происхожденія отъ бывшаго грузинскаго царственнаго дома, можетъ

[1]) Изъ предписанія генералъ-маіору барону Клодту, 6-го марта 1812 года, № 304.

[2]) Графу Румянцову отъ 18-го марта 1812 г. Акты Кавказск. археограф. ком., т. V, № 77.

служить то, что сей царевичъ, неимѣющій никакихъ особенныхъ достоинствъ, оставленный безъ вниманія моими предмѣстниками и даже у самихъ грузинъ до сего случая мало имѣвшій уваженія, вдругъ, при открывшейся революціи, началъ играть между ними важную роль и, по ослѣпленію народа, которое однакоже обнаруживаетъ ихъ всегдашнюю привязанность къ прежнему царскому правленію, былъ съ радостью принятъ мятежниками, провозглашенъ царемъ Грузіи и предводительствовалъ толпами бунтовщиковъ».

Предводительство это хотя и было безуспѣшно, но съ покорностью Григорія безпорядки въ Грузіи не были еще прекращены, и главнокомандующій принужденъ былъ спѣшить къ Телаву, осажденному огромною толпою инсургентовъ.

Въ самомъ началѣ волненій толпа вооруженныхъ окружила Телавъ и 9-го февраля потребовала отъ русскихъ властей, чтобы онѣ оставили городъ.

«Господа телавскій комендантъ и исправникъ! писали инсургенты [1]). Клянемся вамъ Богомъ, святымъ крестомъ и евангеліемъ, мы всѣ, здѣсь собравшіеся, что если послѣдуете сему нашему совѣту и мирно выйдете, то какъ противъ нашего брата и отца не согрѣшимъ, такъ и вамъ ничѣмъ не повредимъ и противъ васъ не согрѣшимъ. Гдѣ только были войска: въ Кизикѣ (Сигнахѣ), на Арагвахъ, въ Сагореджо по сю сторону Куры, въ цѣлой Кахетіи, также въ Карталиніи, вездѣ ихъ истребили и нигдѣ уже нѣтъ русскихъ, и гдѣ такимъ образомъ покорились, то благополучно освободились. Клятвою васъ увѣряемъ, что по выходѣ получите миръ, и если сему совѣту не послѣдуете, то, исполнивши долгъ свой, отнынѣ мы ничего не пришлемъ вамъ сказать. Вѣдь вы видите, эти войска всѣ противъ васъ собрались; вѣрьте, у васъ помощи уже никакой нѣтъ,—не умирайте!»

Запершаяся въ Телавѣ команда и представители русской власти предпочли однакоже умереть, чѣмъ сдаваться, и предложили собравшейся толпѣ разойтись по домамъ. Возставшіе отказались исполнить этотъ совѣтъ и 13-го февраля отправили новое требованіе сдать имъ городъ и крѣпость.

«Комендантъ, исправникъ, и вообще собравшіеся въ крѣпости!

---

[1]) Акты Кавказск. археогр. ком., т. V, № 97.

писали они. Письмо ваше мы получили и, что совѣтывали—все уразумѣли, которое было писано по глупости; мы давно васъ знаемъ и не обманемся, какъ ребенокъ. Будьте увѣрены, что не только мы противъ васъ, но всѣ наши братья, цѣлая Кахетія и Карталинія за ваше звѣрское притѣсненіе возстали противъ васъ; намъ съ вами мириться невозможно, довольно: болѣе не обманемся. Знайте и то, что маркиза казахцы убили въ Сала-оглы; въ Кизикѣ войска ваши истреблены кизикцами и джарцами, такъ равно въ Борчало, въ Карталиніи, па Арагвахъ и Сагореджо—вамъ болѣе помощи нѣтъ. Мы не хотѣли, такъ какъ вы, христіане, напрасно пролить кровь и теперь совѣтуемъ вамъ: всѣ мы противъ васъ и клянемся, что если выйдете добровольно, то будете счастливы и избавитесь смерти и никакого вреда вамъ не будетъ—клятвою клянемся и повѣрьте; а если совѣту сему не послѣдуете, то преданы будете безъ пощады смерти. Мы отсюда не отступимъ и не думайте объ этомъ, чтобы мы не могли взять крѣпость».

Угрозы эти остались одними словами: среди возставшихъ не было единодушія и единства въ дѣйствіи; они были плохо вооружены и, имѣя только одно орудіе, не рѣшались предпринять штурмъ. Обложивши со всѣхъ сторонъ Телавъ, инсургенты отрѣзали всѣ пути сообщенія и намѣрены были продолжительною блокадою достигнуть своей цѣли; но прошелъ мѣсяцъ, а осажденные не сдавались. Перенося всевозможныя лишенія, гарнизонъ дождался прибытія главнокомандующаго, который 4-го марта появился съ отрядомъ въ виду г. Телава.

Оставивъ пѣхоту за дерев. Цинандали въ семи верстахъ отъ крѣпости, маркизъ Паулуччи поѣхалъ, съ 50 казаками и съ нѣкоторыми преданными намъ грузинскими князьями, впередъ, къ крѣпости. Замѣтивъ приближеніе главнокомандующаго, инсургенты разсыпались въ разныя стороны, бросили начатыя траншеи и въ нихъ одно шестифунтовое орудіе.

Телавъ былъ освобожденъ, и съ занятіемъ его послѣднія шайки инсургентовъ были разогнаны. Волненіе въ Кахетіи на время прекратилось, о чемъ и было объявлено въ Грузіи, Имеретіи и сообщено начальникамъ войскъ въ ханствахъ.

Съ окончаніемъ безпорядковъ, изъ разныхъ деревень Кахетіи

были представлены правительству солдаты, спасенные жителями отъ преслѣдованій народной ярости; многіе грузины скрывали ихъ у себя подъ именемъ рабовъ. Такіе поступки доказывали, что туземцы не питали вражды къ русскому правительству и не желали нарушать присяги, данной русскому Императору: они возстали противъ злоупотребленій и недобросовѣстныхъ исполнителей предначертаній правительства. Маркизъ Паулуччи скоро узналъ истинныя причины волненій и не счелъ возможнымъ скрыть ихъ отъ Императора Александра I.

«Причины происшедшей здѣсь революціи, доносилъ онъ [1]), по моему образу мыслей и сколько я могъ видѣть, заключаются: въ безнравственности вообще, царствующей здѣсь между россійскими чиновниками, которые, не имѣя правилъ религіи, пускаются на большія или меньшія преступленія. Подарки въ числѣ злоупотребленій не послѣднее занимаютъ мѣсто и, къ несчастью, при томъ часто на сіе зло подавали право самые примѣры начальниковъ, которые, на подобіе азіятскихъ сардарей, хановъ и пашей, считали подарки, какъ пріобрѣтеніе законное и какъ одолженіе за услугу».

Съ одной стороны лихоимство чиновниковъ, а съ другой — неудовольствіе дворянства, лишившагося своихъ правъ съ уничтоженіемъ моуравствъ и причисленіемъ въ казну церковныхъ и казенныхъ имѣній, которыми управляли дворяне на правахъ собственности,—все это давало прекрасную почву для интригъ членовъ бывшаго царскаго дома и подготовило возстаніе. Къ этому присоединялось медленность русскаго судопроизводства и, наконецъ, по словамъ маркиза Паулуччи, тысячи «дѣлаемыхъ подлостей чиновниками провіантскаго вѣдомства, которыхъ, не взирая на всю мою бдительность и строгость, въ краткое время моего здѣсь командованія, я не имѣлъ еще времени открыть всѣхъ и остановить зло, котораго, въ тягость народу и къ разоренію казны, они не перестаютъ здѣсь дѣлать съ самой смерти генерала князя Циціанова».

Желая искоренить зло и устранить причины къ народному неудовольствію, маркизъ Паулуччи не находилъ другаго средства, какъ

---

[1]) Во всеподд. рапортѣ отъ 26-го марта 1812 г. Акты Кавказск. археогр. коммисіи т. V, № 97.

устранить провіантскихъ чиновниковъ отъ покупки хлѣба, поручивъ это дѣло гражданскому губернатору, при содѣйствіи частныхъ лицъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая несостоятельность уѣздныхъ судовъ, главнокомандующій учредилъ въ Сигнахскомъ и Телавскомъ уѣздахъ особые *временные суды*, въ которыхъ разбирались дѣла по законамъ царя Вахтанга, за исключеніемъ дѣлъ уголовныхъ, разсматривавшихся по русскимъ законамъ.

Грузины скоро оцѣнили распоряженія главнокомандующаго и съ сожалѣніемъ узнали, что маркизъ Паулуччи оставляетъ Закавказье. Политическое положеніе Россіи и неизбѣжность войны съ Наполеономъ побудили Императора Александра I собрать вокругъ себя людей, извѣстныхъ своимъ боевымъ опытомъ и военными дарованіями.

«Отличное ваше служеніе, писалъ Государь маркизу Паулуччи [1]), обратило особое мое на васъ вниманіе. Я, желая по достоинствамъ вашимъ употребить васъ съ бо̀льшею блистательностью, повелѣваю вамъ прибыть въ С.-Петербургъ, а начальство надъ Грузіею сдать генералъ-лейтенанту Ртищеву».

Послѣдній былъ совершенно неизвѣстенъ грузинамъ, и дворянство отправило въ Петербургъ князя Захара Андроникова, съ полномочіемъ подать прошеніе на Высочайшее имя объ оставленіи маркиза по прежнему въ званіи главнокомандующаго въ Закавказьѣ; но Государь не призналъ возможнымъ измѣнить своего рѣшенія.

Назначивъ маркиза Паулуччи своимъ генералъ-адъютантомъ, Императоръ Александръ поручилъ Ртищеву начальство надъ Грузіею и Кавказскою линіею на тѣхъ же самыхъ правахъ, какія имѣлъ генералъ-отъ-кавалеріи Тормасовъ. «Почему повелѣваю вамъ, писалъ Императоръ Ртищеву [2]), отправиться немедленно въ Тифлисъ, а управленіе на Кавказской линіи поручить генералъ-маіору Портнягину».

Человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, неимѣвшій за собою видной боевой дѣятельности, Николай Ѳедоровичъ Ртищевъ былъ человѣкъ религіозный и высокочестный. На долю его выпало одно изъ затруднительнѣйшихъ положеній въ Закавказьѣ; возстаніе въ Кахетіи,

---

[1]) Въ рескриптѣ отъ 16-го февраля 1812 года.

[2]) Въ рескриптѣ отъ 16-го февраля 1812 года.

только-что подавленное маркизомъ Паулуччи, чума и голодъ, все еще свирѣпствовавшіе въ Мингреліи и Имеретіи, враждебныя отношенія къ намъ Турціи и безпрестанныя вторженія персіянъ въ наши предѣлы дѣлали положеніе Ртищева тѣмъ болѣе труднымъ, что онъ могъ располагать весьма ограниченнымъ числомъ войскъ, безъ надежды получить какое-либо подкрѣпленіе. Въ донскихъ полкахъ былъ огромный некомплектъ въ строевыхъ лошадяхъ, а въ полкахъ пѣхоты недоставало 7,000 человѣкъ, пополнить которыхъ было нечѣмъ, такъ какъ всѣ рекруты шли на укомплектованіе армій, назначенныхъ для отраженія полчищъ Наполеона, готовившагося вторгнуться въ Россію. Главнокомандующему на Кавказѣ предоставлено распоряжаться только тѣми средствами, которыя были подъ рукою; ему вмѣнено въ обязанность пріостановить наступательныя дѣйствія и обратить исключительное вниманіе на переговоры съ тегеранскимъ дворомъ [1]).

Полагаясь во всемъ на Бога и опираясь на своихъ помощниковъ, Ртищевъ принялся за дѣло съ свойственною его лѣтамъ осторожностью и ознаменовалъ свое пребываніе на Кавказѣ заключеніемъ мира съ Персіею. Блистательныя дарованія и дѣйствія Котляревскаго неразрывно связаны съ этимъ событіемъ и съ расширеніемъ нашего владычества въ Закавказьѣ...

Прибывъ 20-го апрѣля въ Тифлисъ, Ртищевъ въ тотъ же день вступилъ въ управленіе краемъ и командованіе войсками. Послѣднія, бо̀льшими или мѐньшими отрядами, были раскинуты на всѣмъ протяженіи отъ Чернаго до Каспійскаго морей. Такъ, въ Мингреліи, Гуріи и Имеретіи находился отрядъ изъ пяти съ половиною баталіоновъ [2]), и донскаго Балабина полка, подъ начальствомъ генералъ-маіора Симоновича. Резервомъ ему служили расположенныя въ Карталиніи семь ротъ пѣхоты [3]) и донской Поздѣева 8-го полкъ, подъ командою

---

[1]) Отношеніе военнаго министра главнокомандующему, 4-го мая 1812 года, № 160.

[2]) Бѣлевскій пѣхотный полкъ, два баталіона 15-го егерскаго полка и двѣ роты морскаго баталіона въ крѣп. Сухумѣ.

[3]) Грузинскаго гренадерскаго полка: двѣ роты съ орудіемъ въ г. Гори, одна рота въ Осетіи; 15-го егерскаго полка двѣ роты съ орудіемъ въ Сурамѣ, одна въ Карели и одна съ орудіемъ въ Боржомѣ.

полковника Печерскаго. Пять ротъ [1]) съ двумя орудіями находились въ Тифлисѣ, по одной ротѣ Суздальскаго полка были въ Ананурѣ и Пасанаурѣ—пунктахъ весьма важныхъ для поддержанія безпрепятственнаго сообщенія съ Кавказскою линіею. Кабардинскій пѣхотный [2]) и донской Данилова полки были расположены въ Кахетіи. Замокъ, принадлежавшій царевичу Давиду и построенный надъ р. Алазанью, занятъ двумя ротами; селенія Магаро и Караагачъ—баталіономъ Кабардинскаго полка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для лучшей охраны и облегченія войскъ при оборонѣ, сдѣлано распоряженіе о вырубкѣ лѣса по обѣимъ сторонамъ дорогъ, ведущихъ въ Балачауры, Тіонеты и Ахмети, а также по Сигнахской дорогѣ до г. Телава.

Защита крѣпости Ахалкалакъ и обезпеченіе границы нашей съ Турціею возложены на отрядъ генералъ-маіора князя Орбеліани [3]), которому, сверхъ того, поручено прикрывать Сомхетію и Шурагельскую провинцію, если бы персіяне сосредоточили свои силы противъ нихъ, для чего и имѣть сообщеніе съ стоявшимъ въ Памбакахъ отрядомъ генералъ-маіора Лисаневича [4]).

Послѣдній, имѣя въ своемъ распоряженіи пять баталіоновъ [5]) и два донскихъ казачьихъ полка, занималъ важнѣйшіе пункты Памбакской и Шурагельской провинцій, а именно: селенія Караклисъ, Бекантъ и Гумри. Въ первыхъ двухъ селеніяхъ строились укрѣпленія, а въ Гумри исправлялась существовавшая тамъ каменная батарея. Подъ защиту этихъ укрѣпленій должны были собираться жители, въ случаѣ непріятельскаго вторженія.

Прикрывая своимъ отрядомъ большую часть Грузіи, генералъ Лисаневичъ имѣлъ свои фланги обезпеченными: съ одной стороны отрядомъ генералъ-маіора князя Орбеліани, а съ другой—отрядомъ генералъ-маіора Клодта-фонъ-Юргенсбурга, стоявшаго между Чардахлами и Шамхоромъ, съ тремя баталіонами пѣхоты, однимъ казачьимъ

---

[1]) Херсонскаго гренадерскаго и Кабардинскаго пѣхотнаго полковъ.

[2]) Три баталіона, за исключеніемъ одной роты, оставленной въ Тифлисѣ.

[3]) 46-й егерскій полкъ, двѣ роты 15-го егерскаго полка, донской Ежова полкъ и полроты артиллеріи.

[4]) Предписаніе генералъ-маіору князю Орбеліани, 14-го апрѣля 1812 г., № 689.

[5]) Два баталіона Тифлисскаго полка, 9-й егерскій полкъ и донскіе казачьи полки, Агѣева и Богачева.

полкомъ и половиною батарейной роты [1]). Войска эти должны были защищать Шамшадыльскій и Елисавстпольскій округи. Въ Елисаветполѣ находились три роты Севастопольскаго полка и гренадерская рота того же баталіона поставлена въ г. Нухѣ.

Далѣе, въ Карабагѣ стоялъ генералъ-маіоръ Котляревскій съ шестью баталіонами и казачьимъ полкомъ [2]). Въ Баку и Дербентѣ находились особые гарнизонные баталіоны, а въ Дагестанѣ, для защиты Кубинской провинціи и Кюринской крѣпости, былъ особый отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Хатунцева [3]). Сверхъ того, въ Баку находился еще Каспійскій морской баталіонъ, назначенный собственно для десанта, если бы представилась необходимость сдѣлать высадку или воспрепятствовать персіянамъ строить въ своихъ портахъ суда [4]). За этимъ наблюдала каспійская флотилія, суда которой были расположены: корабль «*Громъ*» и корветъ «*Казань*» у острова Саро; бриги «*Ящерица*» и «*Змѣя*»—у Ленкорани; люгеръ «*Горностай*»—у Гиллянскихъ береговъ, а люгеръ «*Щеголь*» и транспортъ «*Осетръ*» стояли на Бакинскомъ рейдѣ.

Изъ обзора расположенія войскъ и очертанія нашей границы видно, что положеніе генералъ-маіора Котляревскаго въ Карабагѣ было самое затруднительное потому, что, куда персіяне ни направили бы свои непріязненныя дѣйствія, они не могли миновать Карабага. Сознавая свое аванпостное положеніе, Котляревскій на столько зорко слѣдилъ за непріятелемъ, что большая часть воззваній, посылаемыхъ персіянами въ наши мусульманскія провинціи, попадались въ его руки. Въ концѣ мая и началѣ іюня дѣятельность персидскаго правительства въ этомъ отношеніи была весьма плодовита, и прокламаціи въ огромномъ числѣ распространялись между населеніемъ.

«Прежде сего, писалъ Баба-ханъ въ своемъ фирманѣ [5]), высоко-

---

[1]) Два баталіона Херсонскаго гренадерскаго полка, одинъ баталіонъ Тифлисскаго и донской казачій Извалова полкъ.

[2]) Девять ротъ Грузинскаго гренадерскаго полка, 17-й егерскій полкъ, баталіонъ Севастопольскаго полка и донской казачій Попова 16-го полкъ.

[3]) Троицкій мушкетерскій полкъ, баталіонъ Севастопольскаго полка, казачій Сысоева полкъ и гарнизонные баталіоны: Бакинскій и Дербентскій.

[4]) Письмо маркиза Паулуччи Ртищеву, 20-го марта 1812 г., № 398.

[5]) Акт. Кавк. Арх. ком. т. V, № 698.

степенный Мехти-Кули-ханъ Джеваншірскій (Карабагскій), вслѣдствіе различныхъ причинъ, держалъ себя въ отдаленіи отъ царской нашей службы и, будучи испуганъ, дичился насъ. Теперь онъ, признавъ наши монаршія милости и благосклонность *капиталомъ своей надежды и упованія*, изъявляетъ готовность оказывать намъ заслуги и повиновеніе и обѣщаетъ искоренить, истребить, плѣнить и изгнать русскихъ гяуровъ изъ Карабага. Вслѣдствіе чего мы по монаршему нашему благоволѣнію, забывая прежнее его отчужденіе, удостоиваемъ его монаршей нашей благосклонности и желаемъ, что если онъ начнетъ враждебныя дѣйствія противъ русскихъ и успѣетъ выполнить возложенныя на него порученія и очистить Карабагъ отъ гадости русскихъ, то обѣщаемъ, согласно собственному его желанію, утвердить его въ карабагскомъ владѣніи безъ малѣйшаго вмѣшательства постороннихъ и приказать, чтобы, разсѣянныя по Адербейджану и прочимъ мѣстамъ, разныя семейства карабагскія были опять возвращены въ Карабагъ и тамъ водворены».

Мехти-Кули-ханъ представилъ этотъ фирманъ генералу Котляревскому, чтобы онъ, «по прочтеніи, узналъ его содержаніе». Такая же точно участь постигала большую часть воззваній, и если они встрѣчали удобную для себя почву, такъ это въ Дагестанѣ, гдѣ находились бывшій ханъ дербентскій Шихъ-Али и Сурхай-ханъ Казикумухскій, самые искренніе агитаторы въ пользу персидскаго правительства.

Въ іюнѣ посланные Шихъ-Али къ властителю Персіи возвратились обратно. Пробравшись черезъ Табасаранскія горы, они привезли ему 1,500 червонцевъ и подарки: Сурхай-хану, брату аварскаго султана Гассанъ-хану и акушенскимъ старшинамъ. Баба-ханъ просилъ ихъ собрать какъ можно болѣе войскъ и быть готовыми къ дѣйствію съ его войсками, черезъ Ширванское ханство. Сурхай тотчасъ же пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе акушенскихъ и другихъ старшинъ, но рѣшеніе ихъ не соотвѣтствовало его ожиданіямъ. Акушенцы отказались принять прямое и открытое участіе въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ, но готовы были пригласить охотниковъ сражаться подъ знаменами Сурхая. Такое заявленіе не устраивало владѣльца казикумухскаго: всѣмъ охотникамъ надо было платить деньги, а этого ханъ не любилъ, и потому рѣшилъ, не связывая себя никакими обя-

зательствами съ акушенцами, послать приглашеніе къ ахтинцамъ и рутульцамъ. Сурхай писалъ имъ, что всѣ дагестанцы, согласясь между собою, обязались клятвою собраться въ одно мѣсто и идти противъ «беззаконныхъ и несчастныхъ враговъ Богу и нашему закону, которые при помощи Божіей будутъ побѣждены и наказаны».

Посланный съ этимъ письмомъ попался въ наши руки и, вмѣсто письма Сурхая, ахтинцы получили предложеніе генералъ-маіора Хатунцева не вѣрить словамъ хана Казикумухскаго, но оставаться спокойными и вѣрными тому правительству, которому они уже присягнули. Хотя на точное исполненіе этого совѣта и нельзя было надѣяться, но можно было быть увѣреннымъ, что свѣдѣнія, полученныя русскими о намѣреніяхъ Сурхая, заставятъ горцевъ отказаться отъ поголовнаго ополченія и оказать сильную помощь казикумухцамъ. Такъ оно было въ дѣйствительности, и Сурхай успѣлъ только склонить на свою сторону уцмія Каракайтагскаго, человѣка враждебнаго Россіи.

На границахъ уцмія съ давняго времени производились грабежи, разбои и захватъ нашихъ товаровъ, отправляемыхъ въ Дербентъ изъ Кизляра и Тарковъ. На требованіе запретить подобное своевольство и доставить удовлетвореніе обиженнымъ, уцмій отговаривался, что народъ его не слушаетъ, и онъ не въ состояніи удовлетворить всѣхъ требованій; а когда дѣло коснулось до совокупныхъ дѣйствій съ казикумухскимъ ханомъ, то власть его оказалась на столько сильною, что онъ собралъ значительное число войскъ въ помощь Сурхаю. Не желая допустить соединенія союзниковъ и предпочитая разбить ихъ по частямъ, генералъ-маіоръ Хатунцевъ, стоявшій лагеремъ при Калэсуарѣ, предпринялъ экспедицію во владѣнія уцмія Каракайтагскаго. Онъ раздѣлилъ отрядъ на двѣ части: четыре роты Троицкаго полка съ однимъ орудіемъ, подъ командою маіора Нешковича 1-го, отправлены въ Курагъ, въ подкрѣпленіе тамошнему гарнизону, для противодѣйствія Сурхаю, если бы онъ попытался вторгнуться въ Кюринскую провинцію; три же роты съ двумя орудіями Хатунцевъ взялъ съ собою въ Дербентъ и, присоединивъ тамъ 250 человѣкъ изъ гарнизона, въ ночь на 28-е іюня форсированнымъ маршемъ двинулся во владѣнія уцмія Каракайтагскаго. Пройдя 60 верстъ отъ Дербента, Хатунцевъ, въ пять часовъ по полуночи, остановился лагеремъ у се-

ленія Башлы, въ которомъ насчитывалось до 2,000 домовъ и до 5,000 жителей мужескаго пола. Народъ считалъ себя вольнымъ, признавалъ уцмія своимъ протекторомъ, но не платилъ ему никакой дани.

Неожиданное появленіе русскаго отряда навело такой страхъ, что населеніе, не смотря на свою многочисленность, разбѣжалось въ разныя стороны. Разославъ по всѣмъ сосѣднимъ селеніямъ гонцовъ съ извѣщеніемъ о появленіи русскихъ, башлинцы признали лучшимъ покориться, и на другой день старшины ихъ явились съ просьбою о помилованіи, просили не дѣлать имъ никакого разоренія, объявить, съ какою цѣлью прибылъ русскій отрядъ, и обѣщались удовлетворить всѣмъ нашимъ требованіямъ. Присягою надъ кораномъ они обязались: не собирать войскъ, не оказывать никакой помощи Сурхай-хану Казикумухскому и прекратить грабежи по дорогамъ изъ Кизляра и Тарковъ въ Дербентъ. Точно такія же требованія были предъявлены самому уцмію Каракайтагскому и старшинамъ прочихъ окружныхъ селеній. Получивъ и отъ нихъ клятвенное обѣщаніе поступать во всемъ согласно желанію русскаго правительства, генералъ-маіоръ Хатунцевъ пошелъ обратно въ Дербентъ, а оттуда отправился въ Курагъ, для осмотра войскъ и огражденія границъ нашихъ отъ непріятельскихъ предпріятій со стороны хана Казикумухскаго.

Изъ Курага Хатунцевъ отправилъ письмо Сурхаю, совѣтуя ему оставить свои замыслы, распустить войска и не заставлять дѣйствовать противъ него силою оружія [1]). Прибытіе въ Курагъ четырехъ ротъ пѣхоты на усиленіе тамошнихъ войскъ, присяга уцмія и башлинцевъ заставили Сурхая подумать о своемъ положеніи. Онъ отвѣчалъ, что оставляетъ свое намѣреніе дѣйствовать непріязненно и клянется Богомъ, что останется вѣренъ и спокоенъ. Хатунцевъ потребовалъ присяги и, зная непостоянство Сурхая и его вѣроломство, выступилъ съ отрядомъ изъ Курага и двинулся въ Казикумухъ. Появленіе русскихъ войскъ на границахъ владѣнія заставило Сурхая вступить въ переговоры, которые тянулись, впрочемъ, болѣе 10 дней и сопровождались со стороны хана разными отговорками и уклоненіями. Наконецъ, 17-го іюля онъ прислалъ съ своимъ любимымъ сыномъ Муртаза-Аліемъ присягу, утвержденную печатью, съ извине-

[1]) Рапортъ Хатунцева главнокомандующему, 13-го іюля 1812 г., № 417.

ніемъ, что самъ, по старости и слабости здоровья, не можетъ пріѣхать для личнаго свиданія съ Хатунцевымъ. Съ сыномъ Сурхая прибыли кадіи акушенцевъ и даргинцевъ, которые также присягнули и поклялись, что съ этихъ поръ жившій у нихъ Шихъ-Али будетъ спокоенъ и не предприметъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Россіи. «Въ противномъ же случаѣ, писалъ Ртищевъ [1]), народъ акушенскій всякое вредное его поведеніе приметъ на собственную свою отвѣтственность, только бы Шиху-Али подъ ихъ надзоромъ позволено было отъ россійскаго правительства имѣть среди ихъ свое жилище безпрепятственно и отъ нихъ не выгонять, такъ какъ народъ акушенскій, обязанный отцу его Фетхъ-Али-хану многими благодѣяніями, призналъ его за своего кунака и, по ихъ обыкновеніямъ, обязанъ призрѣть его и оказать всякое покровительство».

Согласившись на эту просьбу и обѣщая, сверхъ того, уменьшить пошлины съ товаровъ и издѣлій, привозимыхъ акушенцами въ Дербентъ и Кубу, генералъ Хатунцевъ окончательно парализовалъ тѣмъ содѣйствіе дагестанцевъ персіянамъ и успѣлъ успокоить ихъ, прежде чѣмъ Аббасъ-Мирза подошелъ къ нашимъ границамъ.

Сосредоточивъ свои войска въ урочищѣ Ямѣ, въ восьми агаджахъ отъ Тавриза, наслѣдникъ персидскаго престола располагалъ, по слухамъ, вторгнувшись въ Карабагъ, разбить Котляревскаго, возмутить жителей Нухинскаго владѣнія противъ Джафаръ-Кули-хана и двинуться въ Грузію въ то время, когда сардарь Хуссейнъ-Кули-ханъ направится со стороны Эривани, а Эмиръ-ханъ съ своею конницею сдѣлаетъ набѣгъ на Елисаветпольскій округъ.

Подъ предлогомъ того, чтобы дать время всѣмъ отрядамъ собраться на назначенныхъ имъ мѣстахъ и затѣмъ дѣйствовать одновременно съ разныхъ сторонъ, персіяне весьма долгое время не предпринимали ничего рѣшительнаго и довольствовались одними разглашеніями о значительности своихъ силъ и серьезности своихъ намѣреній. Хуссейнъ-ханъ Эриванскій боялся отойти далѣе 25 верстъ отъ Эривани и ограничивался передвиженіями къ Карасу и Эчміадзину.

Передвиженія эти, не имѣвшія вовсе рѣшительнаго характера,

---

[1]) Князю Горчакову, отъ 22-го ноября 1812 г., Акт. Кав. Арх. ком., т. V, № 755.

производились съ единственною цѣлью отвлечь наши войска и вниманіе отъ Грузіи, гдѣ подавленное было возстаніе проявилось снова. Одинъ изъ грузинскихъ владѣльцевъ, мтіулетинскій моуравъ, по личному неудовольствію на начальство, собралъ значительную партію буйныхъ головъ и произвелъ новое волненіе въ Кахетіи. Шайка его состояла изъ жителей Ананурскаго уѣзда, ишавовъ, хевсуръ, гудомакарцовъ и мтіулетинцевъ. Не ограничиваясь грабежомъ и убійствомъ русскихъ чиновниковъ, попадавшихся въ ихъ руки, возставшіе просили помощи лезгинъ и отправили посланныхъ къ царевичу Александру, съ приглашеніемъ, отъ имени всего народа, прибыть въ Грузію и принять бразды правленія. Хотя и было сдѣлано распоряженіе, чтобы никто не отлучался изъ деревень безъ вѣдома начальства, но 16 человѣкъ грузинъ Телавскаго уѣзда все-таки успѣли разными путями пробраться къ царевичу Александру. Семейства бѣжавшихъ были арестованы [1]), но мѣра эта вызвала новыя осложненія. Противники русскаго правительства воспользовались этимъ и стали разглашать, что дарованное маркизомъ Паулуччи прощеніе участникамъ перваго бунта не будетъ исполнено, и они будутъ все-таки наказаны. Большинство повѣрило разглашеніямъ, и всѣ тѣ, которые считали себя виновными, снова перешли на сторону возмутившихся. Толпа вооруженныхъ быстро возрастала и усилилась прибывшими къ нимъ на помощь лезгинами. Телавскій комендантъ маіоръ Шматовъ оставилъ городъ и двинулся за рѣку Алазань для отраженія лезгинъ. Разсѣявши непріятеля, Шматовъ, при возвращеніи въ Телавъ, былъ окруженъ кахетинскими мятежниками и съ большимъ трудомъ и значительными потерями возвратился въ крѣпость, будучи самъ тяжело раненъ пулею въ лѣвую щеку на вылетъ [2]).

Получивъ объ этомъ свѣдѣніе, главнокомандующій отправилъ въ Кахетію генералъ-маіора Сталя, поручивъ ему познакомиться на мѣстѣ какъ съ причиною возстанія, такъ и съ поступками чиновниковъ. Онъ былъ уполномоченъ объявить народу, что дарованное прощеніе будетъ исполнено въ точности, и предложить жителямъ возвратиться въ свои дома изъ горъ и лѣсовъ, въ которыхъ они скрывались [3]).

---

[1]) Предписаніе телавскому моураву, 28-го апрѣля 1812 г., № 371.

[2]) Всеподд. рапортъ Ртищева, 18-го мая 1812 г., № 18.

[3]) Предписаніе генералъ-маіору Сталю, 5-го мая 1812 года, № 50.

9-го мая, генералъ-маіоръ Сталь съ первымъ баталіономъ Кабардинскаго полка прибылъ на рѣку Іору и соединился съ двумя ротами втораго баталіона того же полка. Вмѣсто того, чтобы слѣдовать прямо къ Телаву, онъ остановился на нѣсколько дней на рѣкѣ Іорѣ, въ ожиданіи прибытія къ себѣ четырехъ эскадроновъ нижегородскихъ драгунъ и отсюда разослалъ въ Сигнахскій и Телавскій уѣзды прокламаціи, отъ которыхъ, впрочемъ, и самъ не ожидалъ большаго успѣха. Онъ обѣщалъ прощеніе всѣмъ тѣмъ, которые возвратятся въ свои дома и не будутъ выходить изъ круга своихъ обязанностей и повиновенія. Вмѣсто исполненія нашего требованія, князья Рафаилъ Эристовъ и Иванъ Джорджадзе приглашали всю Кахетію присоединиться къ нимъ, ѣздили по селеніямъ и силою принуждали жителей переходить на ихъ сторону. Генералъ-маіоръ Сталь отправилъ къ нимъ нарочнаго, совѣтуя явиться съ покорностью и обѣщая прощеніе. Въ отвѣтъ на это князья заняли своею шайкою всѣ проходы, ведущіе черезъ горы къ Телаву, и ихъ передовые пикеты появились вблизи самаго города. Такимъ образомъ, убѣжденія не подѣйствовали —оставалось употребить силу для прекращенія безпорядковъ.

Въ баталіонѣ, съ которымъ пришелъ Сталь на рѣку Іору, было только 280 человѣкъ строевыхъ, а въ двухъ ротахъ 2-го баталіона состояло 329 человѣкъ, изъ которыхъ болѣе 100 человѣкъ не имѣли ружей [1]). Съ этимъ отрядомъ генералъ Сталь, 13-го мая, двинулся къ селенію Велисцихе и на пути узналъ, что, наканунѣ вечеромъ, до 100 человѣкъ мятежниковъ были въ селеніи и уговаривали жителей вмѣстѣ съ ними напасть на г. Сигнахъ. Получивъ отказъ, инсургенты зажгли нѣсколько домовъ и 14-го мая подошли къ Сигнаху [2]).

Жители селенія Велисцихе и нѣкоторые князья явились съ покорностью и объявили, что братъ князя Рафаила Эристова отправился для уговариванія возставшихъ, и дѣйствительно толпа грузинъ, собравшаяся у дер. Мукузани, въ числѣ 3,000 человѣкъ, разошлась по домамъ [3]).

---

[1]) Кабардинскій полкъ потерялъ во время перваго возстанія 470 ружей, изъ коихъ впослѣдствіи было собрано отъ жителей и доставлено въ Сигнахъ 110 ружей.

[2]) Всеподд. рапортъ Ртищева, отъ 2-го іюля 1812 г., № 48.

[3]) Рапортъ генерала Сталя главнокомандующему, 19 мая, № 37.

Приведя къ присягѣ жителей селенія Велисцихе, генералъ Сталь двинулся къ Сигнаху, разогналъ толпу мятежниковъ и привелъ къ покорности жителей города. Отсюда онъ отправилъ въ Телавскій уѣздъ митрополита Бодбеля съ прокламаціею главнокомандующаго [1]), но посылка эта не имѣла успѣха; волненіе въ Кахетіи усиливалось, и число инсургентовъ у Телава возростало на столько быстро, что для разогнанія ихъ было уже недостаточно тѣхъ силъ, которыми могъ располагать генералъ-маіоръ Сталь. Главнокомандующій приказалъ отправить съ Кавказской линіи въ Грузію линейный казачій полкъ съ тѣмъ, чтобы онъ слѣдовалъ безъ дневокъ. Для воспрепятствованія инсургентамъ пробраться въ Карталинію, былъ поставленъ на границѣ съ Кахетіею наблюдательный отрядъ. Всѣ мѣста, гдѣ мятежники могли переправиться черезъ рѣку Арагву, заняты войсками; въ Душетъ отправлено пятьдесятъ драгунъ для наблюденія за населеніемъ [2]). Генералъ-маіору Симоновичу приказано двинуть изъ Имеретіи въ Грузію баталіонъ 15-го егерскаго полка [3]).

Для дѣйствій противъ инсургентовъ, собравшихся у г. Телава, отправленъ начальникъ 20-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіоръ князь Орбеліани, съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 150 казаковъ линейнаго полка, роты Грузинскаго гренадерскаго полка и сборной команды отъ полковъ 20-й дивизіи, пришедшей въ Тифлисъ за пріемкою вещей. Подойдя къ Телаву и принявъ начальство надъ отрядомъ Сталя, генералъ-маіоръ князь Орбеліани долженъ былъ объявить прокламацію главнокомандующаго, и если жители не послушаютъ увѣщаній, то дѣйствовать силою, а пойманныхъ съ оружіемъ въ рукахъ вѣшать [4]).

Выступивъ изъ Гомборъ 19-го мая, князь Орбеліани надѣялся къ ночи достигнуть до Телава. Трудность дороги, которая, кромѣ крутизны, изрыта была во многихъ мѣстахъ завалами, заставила его ночевать въ 15-ти верстахъ отъ города. На утро онъ двинулся далѣе и, отойдя версты двѣ отъ ночлега, былъ встрѣченъ выстрѣлами инсургентовъ. Пробиваясь сквозь толпу штыками, князь Орбеліани

---

[1]) Рапорты ген. Сталя 12-го и 18-го мая, №№ 22-й и 34-й.

[2]) Предписанія полковнику Печерскому, 17-го мая, № 15-й; маіору Котыреву, 17-го мая, № 14-й; генералъ-маіору Дельпоцо, 12-го мая, № 8-й.

[3]) Предписаніе генералу Симоновичу, 17-го мая, № 16-й.

[4]) Предписаніе генералъ-маіору князю Орбеліани, 16-го мая, № 12-й.

остановился на Телавской равнинѣ, близъ деревни Вартазани, въ четырехъ верстахъ отъ города [1]). Здѣсь онъ узналъ, что генералъ-маіоръ Сталь занялъ уже Телавъ, и многіе изъ предводителей мятежа явились къ нему съ покорностью, присягнули и обѣщались оставаться вѣрными и послушными всѣмъ распоряженіямъ правительства. Князь Орбеліани пригласилъ ихъ къ себѣ для того, чтобы взять съ собою и, перейдя на лѣвый берегъ рѣки Алазани, показать народу, считавшему ихъ повѣшенными или сосланными въ Сибирь. Мѣра эта могла принести двоякую пользу: во-первыхъ, инсургенты должны были убѣдиться, что зачинщики возстанія находятся въ нашихъ рукахъ, а во-вторыхъ, что прокламаціи главнокомандующаго исполняются во всей точности. Толпы вооруженныхъ расходились по домамъ, и населеніе мало-по-малу успокоивалось. Князь Орбеліани переправился за рѣку Алазань и, не встрѣчая нигдѣ вооруженныхъ, дошелъ до дер. Гавазы, потомъ перешелъ обратно черезъ рѣку и черезъ Сигнахъ прибылъ 30-го мая въ Тифлисъ.

Генералъ-маіоръ Сталь былъ назначенъ командующимъ войскамивъ Кахетіи. Ему поручено принять мѣры къ окончательному успокоенію народа, и съ этою цѣлью въ его распоряженіи оставлены: рота Кабардинскаго пѣхотнаго полка, четыре эскадрона Нижегородскаго драгунскаго полка и 25 линейныхъ казаковъ. Пройдя съ этимъ отрядомъ по рѣкѣ Алазани до Кварельской крѣпости, Сталь привелъ всѣхъ жителей къ присягѣ, «кромѣ нѣсколькихъ—доносилъ онъ—которые обѣщались принять оную въ Алавердскомъ монастырѣ». Такимъ образомъ, казалось, что волненіе въ Грузіи было окончательно подавлено. Карталинцы были спокойны и не принимали никакого участія въ возстаніи. Главные зачинщики получили полное прощеніе, и нѣкоторые изъ нихъ изъявили даже желаніе служить въ рядахъ русскихъ войскъ. Князь Орбеліани за эту экспедицію произведенъ въ генералъ-лейтенанты, митрополитъ Бодбель награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени, многіе князья и духовныя лица также получили награды [2]).

---

[1]) Рапортъ генералъ-маіора князя Орбеліани главнокомандующему, отъ 20-го мая, № 9-й.

[2]) Высочайше утвержденный докладъ. Военно-ученый арх. глав. шт., д. № 361.

Прошло нѣсколько спокойныхъ дней, какъ вдругъ въ Тифлисѣ получено было свѣдѣніе, что царевичъ Александръ намѣренъ пробраться въ Кахетію и поднять все населеніе.

Слухи эти, къ сожалѣнію, оказались справедливыми.

Принявъ съ распростертыми объятіями прибывшихъ къ нему грузинъ Телавскаго уѣзда, Александръ немедленно отправилъ ихъ въ Тавризъ къ Аббасъ-Мирзѣ съ тою цѣлью, чтобы они лично заявили о желаніи всего грузинскаго народа имѣть царевича своимъ верховнымъ вождемъ. Александръ надѣялся, что такое заявленіе вызоветъ энергическія дѣйствія со стороны наслѣдника персидскаго престола, и онъ окажетъ царевичу помощь къ осуществленію его давнишняго желанія. Аббасъ-Мирза принялъ посланныхъ съ видимымъ равнодушіемъ и не далъ имъ никакого опредѣленнаго отвѣта, что, какъ увидимъ, сдѣлано было съ особою цѣлью. Царевичъ Александръ былъ крайне опечаленъ такимъ пріемомъ, но, какъ человѣкъ всегда готовый произвести замѣшательство въ краѣ, объявилъ прибывшимъ соотечественникамъ, что если персидское правительство откажется помочь ему, а онъ убѣдится въ преданности къ нему кахетинскаго народа, то, всегда готовый жертвовать жизнію для отечества, онъ даже и съ 30-ю человѣками своей свиты проберется въ Кахетію [1]). Онъ отправилъ съ посланными цѣлую серію возмутительныхъ писемъ.

«Царевичъ Александръ—писалъ онъ—[2]) докладываю вамъ множество привѣтствій, исполненныхъ братской любви, съ пожеланіями добра. Столь знаменитая и честная ваша храбрость достигла во всѣ четыре стороны: востокъ, западъ, югъ и сѣверъ, и всѣ народы Персіи плетутъ вамъ вѣнцы побѣды и похвалы; нынѣ прославились жители Грузіи и увѣнчаны вѣнцомъ славы. Какую похвалу вамъ принести или какую милость обѣщать вамъ, которые превышаютъ всѣ достоинства и почести, возстановляете толико падшій царскій домъ, пріобрѣтаете дѣтей царя Ираклія и не забыли его уваженія къ вамъ,

---

[1]) Рапортъ козахскаго моурава Ртищеву, 30-го мая 1812 г. Предписаніе Ртищева барону Клодту, 4-го іюня 1812 г. Ак. Кав. Арх. т. V, № 424 и № 800.

[2]) Отъ 16-го мая 1812 г., князьямъ, дворянамъ, чиновникамъ и вообще народу, живущимъ ниже Телава, въ имѣніяхъ князей Андрониковыхъ и Вачнадзе. Акт. Кав. Арх. ком., т. V, № 421.

какъ отца къ дѣтямъ. Исполать вашей памяти и доброму выбору и браво таковой вашей храбрости и мужеству! Что мнѣ дѣлать? Если васъ назвать дѣтьми, то болѣе отца вы оказали милостивую память, а если назвать васъ братьями, то ни единый изъ братьевъ не сдѣлалъ брату столько добра. Вы есть очи, коими освѣщается разумъ и крылья царя Ираклія... Отъ начала по нынѣ, такой подданнической любви никто не оказывалъ своему господину, какъ вы, а потому, всѣми хвалимые, почтенные и вожделѣнно любезные, царя Ираклія первородныя дѣти и любезнѣйшіе наши братья, хотя мы на письмѣ объясняемся съ вами, но я думаю, что среди васъ сижу и лично съ вами, любезные, вожделѣнно бесѣдую. Богъ да прославитъ васъ болѣе, возвышая имя ваше, а насъ да удостоитъ возблагодарить васъ радостно.

«Затѣмъ, если хотите знать объ обстоятельствахъ здѣшнихъ, то при Божіей милости шахъ-задэ (Аббасъ-мирза) изволилъ прибыть съ большимъ войскомъ и казною на Гокчу, и намѣрены мы идти на Казахскія горы съ пушками, съ 12-ю тысячами пѣхотными сарбазами и 30-ю тысячами другими войсками; съ другой, турецкой, стороны идетъ еще сераскиръ съ большимъ пріуготовленіемъ, артилеріею и 60 тыс. войсками, коихъ половина уже перешла въ Ахалцыхскую землю; изъ Персіи еще одинъ шахъ-задэ (принцъ) долженъ слѣдовать елисаветпольскою стороною съ 30-ю тысячами войска. Приготовленія сдѣланы большія, а находящагося здѣсь сердаря отправляетъ шахъ-задэ на Гумринскую сторону. Но ждемъ вашего увѣдомленія; коль скоро отъ васъ получимъ извѣстіе, то тѣмъ скорѣе поспѣшимъ по вашему увѣдомленію и письму».

Точно такія же письма были отправлены царевичемъ Александромъ къ кахетинскому дворянству, мтіулетинскимъ старшинамъ и всему арагвскому народу. Царевичъ просилъ ихъ занять ущелья и испортить дороги, чтобы съ кавказской линіи нельзя было подать помощи нашимъ войскамъ, «а съ находящимися въ Грузіи русскими—говорилъ самонадѣянно Александръ [1])—при помощи Божіей мы съумѣемъ справиться». Онъ увѣрялъ населеніе, что придетъ къ нему

[1]) Въ письмѣ арагвскому народу отъ 6-го мая 1812 г. Акт. Кавк. Арх. комис., т. V, № 423.

съ такимъ числомъ войскъ, какого еще никогда Персія не собирала и, въ доказательство справедливости своихъ словъ, присоединилъ къ своимъ письмамъ прокламацію эриванскаго хана. Называя царевича Александра царемъ Грузіи, Хуссейнъ-Кули-ханъ просилъ грузинъ послужить ему не жалѣя жизни и присовокуплялъ, что «чрезъ короткое время мы переѣдемъ горы съ большимъ войскомъ; тогда мы покажемъ русскимъ и имъ преданнымъ, что̀ значитъ миръ [1])».

Письма эти, полученныя послѣ прекращенія мятежа, не произвели особаго впечатлѣнія въ Грузіи, но за то они съ успѣхомъ распространялись между горскимъ населеніемъ у тушинъ, пшавовъ и хевсуръ. 12-го іюня народъ собирался, по обыкновенію, на годовой праздникъ въ Ломисѣ. Туда же явился посланный царевича, выдававшій себя за пророка и предсказателя. Онъ привезъ тушинамъ, пшавамъ и хевсурамъ письма отъ Александра и Баба-хана, просившихъ ихъ возстать противъ русскаго правительства. Для лучшаго привлеченія жителей, посланный привезъ отъ имени Александра въ подарокъ капищу (храму) кусокъ матеріи. Подстрекаемый старшинами, народъ постановилъ сдѣлать нападеніе на посты, расположенные по дорогѣ изъ Тифлиса во Владикавказъ и разграбить транспорты, шедшіе въ Тифлисъ съ амуниціею и провіантомъ.

Не имѣя подъ рукою свободныхъ войскъ для усиленія важнѣйшихъ пунктовъ, находившихся на сообщеніи нашемъ съ кавказскою линіею, главнокомандующій отправилъ въ Ломисъ подполковника князя Эристова съ тѣмъ, чтобы онъ, какъ пользующійся уваженіемъ народа, уговорилъ его оставаться спокойнымъ и вѣрнымъ присягѣ, данной русскому правительству. Пшавы и хевсуры дали слово князю не предпринимать враждебныхъ дѣйствій, но въ теченіе цѣлаго іюня грабили наши транспорты [2]). Ихъ подговаривали къ этому царевичъ Александръ и бѣглый имеретинскій царь Соломонъ.

«Любезные и именитые братья—писалъ Соломонъ [3]), всѣ вообще арагвцы, тушины, хевсуры и пшавы—всѣ до единаго горскіе люди! Докладываемъ вамъ привѣтъ, исполненный братской любви. Затѣмъ,

---

[1]) Письмо эриванскаго хана кахетинскимъ, кизихскимъ и арагвскимъ князьямъ, дворянству и народу 19-го мая 1812 г. Акт. Кавк. арх. ком., т. V, № 422.

[2]) Ртищевъ князю Горчакову, отъ 6-го іюля 1812 г., № 51.

[3]) Горскимъ народамъ, отъ 1-го іюля 1812 г. Акт. Кавк. арх. ком., т. V, № 257.

я услышалъ о вашемъ доблестномъ дѣлѣ и именитости. Вашимъ именемъ земля наполнилась, достигнувъ дворовъ великихъ государей. Мое ухо что могло услышать лучше этого? По всему лицу земли повторяютъ ваше имя, хвалятъ васъ и радуются за васъ... Мы также вотъ, по милости великаго государя (султана), съ несчетными войсками вступимъ въ Имеретію; наши сторонники тоже къ вамъ прибудутъ, съ Божіею помощью. Вѣдь мы имѣемъ не одно имеретинское дѣло, а такъ какъ вы столько обязываете Багратіоновъ и проливаете за нихъ кровь, то мы желаемъ и нашу кровь смѣшать съ вашею доброю кровью. Вотъ мы уже прибыли съ несчетными войсками, съ той стороны царевичъ Александръ, а съ этой мы».

По словамъ грузинъ, царевичъ Александръ ожидалъ только спаденія водъ, чтобы прибыть въ Кахетію. Это извѣстіе, сопоставленное съ фактическимъ наступленіемъ персіянъ, могло считаться весьма вѣроятнымъ, и главнокомандующій приказалъ наблюдать за всѣми болѣе скрытыми мѣстами, гдѣ только могъ пробраться царевичъ, за поимку котораго обѣщана награда въ 2,000 червонныхъ. Сознавая, что появленіе царевича въ Грузіи можетъ произвести огромныя замѣшательства, предводители дворянства просили усилить войска, но Ртищевъ не призналъ это возможнымъ, такъ какъ и безъ того незначительныя наши боевыя силы были необходимы для отраженія персіянъ, уже появившихся въ Карабагѣ.

II.

Вопросъ о мирныхъ переговорахъ съ Персіею.—Условія, постановленныя нашимъ правительствомъ, на которыхъ можетъ быть заключенъ миръ.—Вмѣшательство Англіи.—Прибытіе въ Тифлисъ Роберта Гордона въ качествѣ уполномоченнаго.—Переговоры его съ Ртищевымъ.—Состояніе Карабага и войскъ тамъ расположенныхъ.—Набѣги персіянъ.—Письмо Ртищева Аббасъ-мирзѣ.—Вторженіе персіянъ въ Талыши.—Обложеніе Ленкоранской крѣпости.—Отъѣздъ Ртищева въ Карабагъ.—Прерваніе мирныхъ переговоровъ.

Въ самомъ началѣ 1812 года, подъ впечатлѣніемъ ахалкалакскаго штурма [1]), эриванскій ханъ писалъ маркизу Паулуччи, что те-

[1]) См. т. V «Исторіи войны и владычество русскихъ на Кавказѣ».

геранскій дворъ готовъ приступить въ мирнымъ переговорамъ съ Россіею, и онъ, ханъ, имѣетъ отъ своего правительства разрѣшеніе снестись по этому предмету. Маркизъ отвѣчалъ, что если намѣреніе персидскаго правительства чистосердечно, и Хуссейнъ-Кули-ханъ имѣетъ полномочіе отъ своего двора, то прислалъ бы своего чиновника съ полною довѣренностію, для совѣщаній съ русскимъ уполномоченнымъ о постановленіи мирныхъ условій.

Пока шла переписка объ этомъ, послѣдовала перемѣна главнокомандующихъ, и петербургскій кабинетъ, отправляя полномочіе Ртищеву, сообщилъ ему и тѣ основанія, на которыхъ предполагалось заключить миръ съ Персіею. Вмѣсто прежде предполагаемой границы по рр. Курѣ, Араксу и Арпачаю, дозволялось постановить границу «по межамъ тѣхъ владѣній и земель, которыя нынѣ во власти нашей уже находятся и которыя добровольно покорились скипетру Его Императорскаго Величества или покорены силою его оружія. Сію границу постановить какъ можно выгоднѣе и удобнѣе во всѣхъ и особенно въ военномъ отношеніяхъ, что поручается мѣстному свѣдѣнію, соображенію и попеченію вашему». Персія должна была признать единственное владычество русскаго флага на Каспійскомъ морѣ, независимость ханства Талышинскаго подъ покровительствомъ Россіи и навсегда отказаться отъ всѣхъ земель и народовъ, владѣнія которыхъ находятся между вновь поставленною границею и кавказскою линіею. Въ случаѣ согласія тегеранскаго двора на предложенныя ему условія, петербургскій кабинетъ обязывался признать шахомъ властвовавшаго въ Персіи Баба-хана, подъ именемъ Фетхъ-Али-шаха, и наслѣдникомъ—его сына Аббасъ-мирзу, и такое признаніе поддерживать силою оружія противъ всѣхъ тѣхъ, которые покусились бы его оспаривать [1]). Получивъ такую инструкцію и пользуясь порученіемъ министра иностранныхъ дѣлъ доставить англійскому послу сиръ Горъ-Узелею депеши бывшаго при нашемъ дворѣ сицилійскаго посланника, генералъ Ртищевъ отправилъ въ Персію надворнаго совѣтника Фрейганга, какъ съ этими депешами, такъ и съ письмомъ къ Аббасъ-мирзѣ, въ которомъ выражалъ полную готовность приступить къ мирнымъ переговорамъ.

[1]) Отношеніе канцлера генералу Ртищеву отъ 7-го апрѣля 1812 г. Арх. мин. иностр. дѣлъ 1—10, 1808—1818, № 2-й.

Вслѣдъ затѣмъ, посланный отъ Аббасъ-мирзы, Хаджи-Абдулъ-Хасанъ, прибывшій въ Тифлисъ съ словеснымъ порученіемъ относительно искренняго расположенія тегеранскаго двора приступить къ мирнымъ переговорамъ, обратился съ просьбою, чтобы главнокомандующій отправилъ къ нимъ своего чиновника, для лучшаго удостовѣренія наслѣдника персидскаго престола, что возложенная на него миссія въ точности исполнена. Генералъ Ртищевъ отправилъ тогда своего адъютанта, подпоручика Попова, съ порученіемъ увѣрить Аббасъ-мирзу, что императоръ всегда готовъ заключить миръ и имѣть дружбу съ Персіею, но что для достиженія такой цѣли недостаточно словесныхъ порученій, а необходимо письменное постановленіе. Посланному поручено заявить Аббасъ-мирзѣ, что если тегеранскій дворъ дѣйствительно желаетъ приступить къ составленію такого акта, то уполномочилъ бы приступить къ переговорамъ такого чиновника, «коего званіе и достоинство соотвѣтствовало бы важности сего дѣла и достоинству двухъ сильныхъ державъ».

Аббасъ-мирза принялъ Попова весьма ласково и заявилъ, что не только согласенъ послать одного изъ своихъ чиновниковъ къ главнокомандующему, для открытія мирныхъ сношеній, но намѣренъ самъ имѣть съ нимъ личное свиданіе на границѣ. Въ доказательство искренности своихъ намѣреній, онъ объявилъ, что въ теченіе 40 дней не предприметъ военныхъ дѣйствій, распустилъ на 20 дней свои войска, собранныя въ Тавризѣ, и обѣщалъ, въ видѣ подарка главнокомандующему, выдать Попову шесть человѣкъ офицеровъ и 100 человѣкъ нижнихъ чиновъ Троицкаго полка, взятыхъ въ плѣнъ при Султанъ-Будъ-Керчи.

Обѣщаніе это не было однако исполнено, и, съ пріѣздомъ въ Тавризъ англійскаго посланника сиръ Горъ-Узелея, дѣла приняли совершенно другой оборотъ: уполномоченный не былъ отправленъ къ Ртищеву, плѣнные русскіе офицеры и солдаты не выданы, персидскимъ войскамъ приказано собираться, и даже въ обращеніи съ посланными произошла замѣтная перемѣна.

Опасаясь, что Россія пріобрѣтетъ слишкомъ большое вліяніе въ Персіи и вообще на востокѣ, англійское правительство, не смотря на союзныя съ нами отношенія, рѣшилось противодѣйствовать этому, но такимъ путемъ, который не могъ бы разорвать дружественной связи

съ Россіею,—связи, столь необходимой въ то время самой Англіи. Подъ видомъ услуги и желанія подвинуть Персію къ скорѣйшему заключенію мира съ Россіею, англійское правительство предложило свое посредничество, и когда оно было отклонено Императоромъ Александромъ, тогда сиръ Горъ-Узелей успѣлъ заключить трактатъ съ тегеранскимъ правительствомъ, по которому Англія обязалась употребить всевозможное стараніе, чтобы склонить Россію на возвращеніе всѣхъ земель, нами у Персіи завоеванныхъ. Баба-ханъ, конечно, былъ очень доволенъ обѣщаніями англичанъ и уполномочилъ сиръ Горъ-Узелея принимать непосредственное участіе во всѣхъ безъ исключенія дѣлахъ, относящихся до постановленія мира съ Россіею. Это полномочіе было равносильно уничтоженію самостоятельности персидскаго правительства и передавало веденіе переговоровъ въ руки англичанъ, такъ какъ тегеранскій дворъ былъ въ полной ихъ зависимости: отъ англичанъ персіяне получали ежегодную субсидію въ 200,000 тумановъ, получали оружіе, боевые припасы и даже сукно для обмундированія войскъ [1]).

Представляя затруднительность положенія, въ которомъ находится Россія въ Европѣ, вслѣдствіе неизбѣжнаго разрыва съ Наполеономъ, указывая на малочисленность русскихъ войскъ въ Закавказьѣ, на волненія въ Грузіи и всегдашнюю готовность дагестанскихъ горцевъ содѣйствовать персіянамъ, сиръ Горъ-Узелей успѣлъ убѣдить Аббасъ-мирзу, что, при нѣкоторой твердости характера и напряженіи своихъ боевыхъ силъ, онъ можетъ добиться болѣе выгодныхъ условій мира. Безусловная вѣра въ справедливость словъ представителя Англіи вызвала лихорадочную дѣятельность въ Тавризѣ, и Аббасъ-мирза сталъ поспѣшно собирать войска, а Баба-ханъ выступилъ изъ Тегерана въ Султаніэ съ многочисленною конницею. Сиръ Горъ-Узелей отправилъ въ Тифлисъ своего племянника Роберта Гордона съ заявленіемъ, что персидское правительство несогласно на заключеніе перемирія. Вмѣстѣ съ Гордономъ возвратились: надворный совѣтникъ Фрейгангъ, подпоручикъ Поповъ и прибылъ тотъ же самый Хаджи-Абдулъ-Ха-

[1]) Въ началѣ 1812 года было извѣстно, что Англія ассигновала Персіи 200,000 тумановъ (2 милліона руб.) и въ счетъ этой суммы отпустила ей 12 орудій, 12,000 зарядовъ, 12,000 ружей и сукно для обмундированія 12,000 человѣкъ (Ак. Кав. ар. ком. т. V, № 248).

санъ, хотя и тавризскій купецъ, но пользовавшійся, впрочемъ, не малымъ значеніемъ въ Персіи.

Доставленное ими Ртищеву письмо отъ Аббассъ-мирзы не заключало въ себѣ ничего, кромѣ изъявленія дружественнаго расположенія и желанія имѣть подробныя условія мирнаго договора, къ заключенію котораго, по его словамъ, онъ готовъ былъ прямо приступить безъ заключенія предварительныхъ условій перемирія. Ртищевъ не соглашался и требовалъ, чтобы прежде всего было заключено перемиріе, а затѣмъ безотлагательно приступлено было къ переговорамъ о мирѣ. Мнѣніе свое главнокомандующій сообщилъ Аббасъ-мирзѣ и передалъ Гордону.

Англійскій дворъ, говорилъ посланный, имѣетъ искреннее желаніе, чтобы миръ между Россіею и Персіею былъ возстановленъ, и обстоятельство это, будучи согласно съ желаніями посла, тѣмъ болѣе побуждаетъ его содѣйствовать сему важному дѣлу. Но, при всемъ томъ, онъ никакъ не можетъ надѣяться, чтобы персидское правительство могло согласиться заключить миръ, по желанію Россіи, на основаніи нынѣшняго status quo. Цвѣтущее нынѣ состояніе Персіи, не имѣющей у себя другихъ непріятелей, кромѣ Россіи, значительное увеличеніе боевыхъ силъ, даютъ ей возможность и способы къ поддержанію и не такой войны, какая была до сихъ поръ и которая большею частью заключалась въ набѣгахъ на границы, но войны правильной и продолжительной, которая возможна для Персіи тѣмъ болѣе, что Дагестанъ готовъ, по его требованію, дѣйствовать противъ русскихъ войскъ, и сама Грузія ожидаетъ только наступленія непріятеля, чтобы принять его сторону. Столь явныя преимущества, которыя нынѣ имѣетъ Персія противъ прежняго своего положенія, лишаютъ англійскаго посла возможности, при искреннемъ его желаніи, оказать услугу Россіи, и онъ находитъ крайне затруднительнымъ дать другое направленіе намѣренію персидскаго правительства.

Высказавши мнѣніе представителя Англіи, Гордонъ спросилъ главнокомандующаго: имѣетъ ли онъ полномочіе на то, чтобы, соображаясь съ обстоятельствами, *отступить въ мирныхъ условіяхъ отъ status quo и сдѣлать нѣкоторыя уступки Персіи,* по примѣру того, какъ Россія сдѣлала уступки Портѣ при заключеніи мира, и на которыя Персія имѣетъ еще болѣе правъ.

— Я весьма признателенъ англійскому послу, отвѣчалъ Ртищевъ, за его стараніе къ сближенію насъ съ персіянами, и увѣренъ, что его содѣйствіе къ скорѣйшему заключенію мира будетъ пріятно его величеству, и что оно будетъ принято доказательствомъ того расположенія къ дружественнымъ сношеніямъ, которыя возобновляются между Россіею и Англіею. Съ другой стороны, зная всегдашнее расположеніе императора прекратить войну, возстановить миръ и дружбу съ Персіею на самыхъ умѣренныхъ основаніяхъ и, оставя прежнія требованія наши, удержать за собою только то, что по праву оружія находится уже въ законной власти Русской имперіи, я всегда готовъ на этихъ условіяхъ приступить къ переговорамъ и заключить миръ съ персидскими полномочными. Что же касается до величія Персіи и мнимыхъ ея преимуществъ, на основаніи которыхъ она можетъ заключить миръ съ Россіею на болѣе выгодныхъ условіяхъ, то, по моему мнѣнію, надежда эта будетъ всегда химерною, потому что въ теченіе восьмилѣтней войны съ Персіею русское оружіе было всегда побѣдоносно. Завоеванныя персидскія провинціи служатъ тому неоспоримымъ доказательствомъ, а удержаніе ихъ подъ властью Россіи, не взирая на всѣ усилія Персіи, каждый годъ употребляемыя, показываютъ не слабость силъ здѣшняго края, но преимущество ихъ надъ Персіею. Заведенныя вновь персидскимъ правительствомъ регулярныя войска будутъ еще весьма долго оставаться неустроенными и слабыми противъ русскихъ войскъ, строгая дисциплина которыхъ и неподражаемая храбрость извѣстны всему свѣту. Умноженіе же въ Персіи нерегулярныхъ войскъ не можетъ дать ей перевѣса, потому что русскія войска привыкли спрашивать не о числѣ такихъ войскъ, а только о мѣстѣ, гдѣ они находятся. Впрочемъ, нынѣшнее величіе Персіи и способы къ продолженію войны никто изъ благомыслящихъ не можетъ сравнивать съ истиннымъ величіемъ и могуществомъ Россійской имперіи, имѣющей въ себѣ самой гораздо преимущественнѣйшіе способы принудить Персію заключить миръ на желаемыхъ ею условіяхъ. За всѣмъ тѣмъ, какъ его величество предпочитаетъ миръ войнѣ и всегда желаетъ быть въ дружественныхъ отношеніяхъ съ сосѣдними державами, то и я готовъ возстановить миръ съ Персіею, не требуя никакой уступки изъ владѣній, ей принадлежащихъ, и полагая только тѣ границы, которыя въ настоящее время нахо-

дятся въ дѣйствительной власти каждой державы. По этимъ причинамъ Персіи гораздо благоразумнѣе воспользоваться выгоднымъ для нея расположеніемъ императора, нежели, слѣдуя мечтательнымъ надеждамъ, вдаваться въ неизвѣстность будущаго и возобновлять войну, которая можетъ подать причину къ перемѣнѣ теперешняго дружелюбнаго расположенія Россіи и, поведя дѣло гораздо далѣе, произвести слѣдствія, невыгодныя для Персіи. Дружба, связывающая теперь Англію съ персидскимъ правительствомъ, обязываетъ англійскаго посла, для сохраненія выгодъ союзной державы, стараться, разсѣявъ пагубныя химеры, показать Персіи истину въ настоящемъ ея видѣ и такими дѣйствіями оказать справедливость и истинное усердіе къ пользамъ обѣихъ державъ. Впрочемъ, если персидское правительство предпочтетъ военныя дѣйствія мирнымъ сношеніямъ, то и я, имѣя войска вездѣ на границахъ въ готовности, не оставлю непріятельскую силу отражать силою же и дѣйствовать къ славѣ оружія его величества.

Чтобы доказать на дѣлѣ справедливость своихъ послѣднихъ словъ, Ртищевъ предложилъ Гордону, при возвращеніи въ Тавризъ, отправиться кратчайшею дорогою черезъ Карабагъ, посмотрѣть войска и познакомиться съ командующимъ тамъ генераломъ. «Особенно же въ этомъ случаѣ, писалъ Ртищевъ [1]), мнѣ желательно было показать ему довольно сильный отрядъ генералъ-маіора Котляревскаго, расположенный въ Карабагѣ на такомъ мѣстѣ, съ котораго менѣе пяти дней можно пѣхотою поспѣть въ самый Тавризъ и нанести оному безпокойство».

Глубоко вѣрившій, что не содѣйствіе англичанъ, а наступательныя и рѣшительныя дѣйствія скорѣе всего заставятъ Персію вступить на путь мирныхъ переговоровъ, Котляревскій не одобрялъ такого распоряженія главнокомандующаго. Онъ принялъ Гордона безъ галстуха, и, ссылаясь на жаркую погоду, приказалъ солдатамъ сдѣлать то же. Котляревскій хорошо зналъ персидскую искренность и расположеніе къ намъ англичанъ; ему не нравилось то, что Ртищевъ направилъ Гордона въ Карабагъ, гдѣ самъ не былъ и гдѣ войска, да

---

[1]) Графу Румянцеву, отъ 27-го іюля 1812 г. Акт. Кавк. арх. ком. т. V, № 805.

и самая страна находились вовсе не въ такомъ блестящемъ видѣ, въ какомъ предполагалъ главнокомандующій.

Карабагъ находился тогда въ самомъ разстроенномъ состояніи и защищался отрядомъ русскихъ войскъ, весьма незначительнымъ по своему численному составу.

При присоединеніи, въ 1806 году, Карабага къ составу имперіи въ немъ насчитывалось до 10,000 семействъ, богатыхъ хлѣбомъ и скотомъ. Впослѣдствіи набѣги персіянъ, несогласіе въ ханскомъ семействѣ, неспособность Мехти-Кули-хана управлять народомъ, удаленіе жителей за границу отъ притѣсненій хана—все это уменьшило населеніе до 4,000 семействъ, разоренныхъ и ограбленныхъ ханскими чиновниками, лишившихся скота и нуждающихся въ собственномъ пропитаніи. Народъ ненавидѣлъ хана, желалъ избавиться отъ его тиранніи и легко подпадалъ подъ вліяніе тѣхъ, которые сулили ему лучшее будущее. Недостатка въ такихъ лицахъ не было, и агенты Аббасъ-мирзы были разсѣяны почти по всему Карабагу. Туземцы вѣрили ихъ разглашеніямъ, и, по словамъ Котляревскаго, только самая малая часть карабагцевъ была предана намъ; «прочіе же, доносилъ онъ [1]), смотрятъ кому Богъ поможетъ, и я долженъ бороться вмѣстѣ съ внѣшними и внутренними непріятелями. Надѣюсь на Бога, что если Аббасъ-мирза станетъ дѣйствовать такъ, какъ непріятель, а не какъ разбойникъ, то какіе бы ни были планы измѣнниковъ,—всѣ разрушатся».

Располагая весьма ограниченными силами, Котляревскій занялъ ими наиболѣе важные пункты и въ томъ числѣ самый передовой — селеніе Мигри, расположенное на р. Араксѣ и находившееся только въ ста верстахъ отъ Тавриза, возлѣ котораго постоянно сосредоточивался непріятель. По дислокаціи гарнизонъ въ Мигри состоялъ изъ одного баталіона 17-го егерскаго полка, но на самомъ дѣлѣ защита лежала не болѣе какъ на двухъ ротахъ, а остальныя, вслѣдствіе убійственнаго климата, находились въ госпиталяхъ и лазаретахъ. «Въ іюнѣ, доносилъ Котляревскій [2]), начнутся болѣзни, свирѣпствующія тамъ

---

[1]) Главнокомандующему, отъ 25-го іюня 1812 г. Акт. Кав. арх. ком. т. V, № 801.

[2]) Главнокомандующему, отъ 21-го мая 1812 г. № 294.

въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ до чрезвычайности; въ такомъ случаѣ одна рота есть жертвою гибели, которую отвратить нѣтъ возможности».

Имѣя всегда возможность узнать о положеніи нашего гарнизона, непріятель могъ атаковать с. Мигри весьма значительными силами и прежде, чѣмъ мы были въ состояніи оказать помощь гарнизону.

Для поддержанія спокойствія среди населенія, приходилось размѣстить войска въ разныхъ пунктахъ небольшими отрядами и, чтобы собрать ихъ въ одно цѣлое, необходимо было не менѣе трехъ сутокъ, тогда какъ персіянамъ довольно было одного дня, чтобы появиться у Мигри. Предупредить возможность подобнаго случая можно было только зоркимъ наблюденіемъ за непріятелемъ и за всѣми его движеніями, а это могла сдѣлать только кавалерія, въ которой Котляревскій очень нуждался. «Ни при какихъ сборахъ непріятеля—доносилъ онъ [1])—ни при какихъ усиліяхъ Аббасъ-мирзы противъ отряда, мнѣ ввѣреннаго, не прошу и не буду просить добавки сюда пѣхоты, хотя оной у меня въ отрядѣ не такъ-то много, а всего только 1500 человѣкъ; но прошу казаковъ, которые мнѣ необходимы,—и тѣхъ не получаю».

Недостатокъ въ кавалеріи дѣлалъ развѣдываніе о непріятелѣ крайне затруднительнымъ, и персіяне, переправляясь черезъ рѣку Араксъ небольшими конными партіями, грабили селенія, угоняли скотъ и жгли поля. Одна изъ такихъ партій, въ числѣ до 4,000 конницы, подъ начальствомъ Хаджи-Мамедъ-хана и трехъ другихъ хановъ, 12-го іюля вступила въ Карабагъ и раздѣлилась на двѣ части: меньшая двинулась къ селенію Гёронзуръ, а большая къ селенію Хинзыреку. Находившійся въ этомъ послѣднемъ селеніи капитанъ Кулябка 1-й съ ротою 17-го егерскаго полка [2]), присоединивъ къ себѣ 65 человѣкъ вооруженныхъ армянъ и одинъ 3-хъ-фунтовый единорогъ, выступилъ на встрѣчу непріятелю. Персіяне атаковали его впереди селенія, но встрѣченные картечью и бѣглымъ ружейнымъ огнемъ, принуждены были отступить. Къ нимъ присоединились та часть, которая была направлена къ Геронзуру и разбита 70-ти-лѣт-

[1]) Въ рапортѣ отъ 25-го іюня 1812 г. Акт. Кав. арх. ком. т. V, № 693.

[2]) Въ составѣ этой роты находилось всего только восемь унтеръ-офицеровъ и 74 человѣка рядовыхъ.

нимъ карабагскимъ чиновникомъ Касимъ-бекомъ, собравшимъ 25 конныхъ и 200 челов. пѣшихъ обывателей. Соединившись вмѣстѣ, персіяне вторично атаковали нашъ отрядъ, но опять неудачно, и затѣмъ, по выраженію Котляревскаго, «*не разсудивъ быть болѣе битыми*», бѣжали къ Араксу [1]).

Для наблюденія за непріятелемъ, Котляревскій составилъ подвижной отрядъ изъ трехъ ротъ Грузинскаго гренадерскаго полка, съ которыми и перешелъ въ мѣстечто Агъ-Оланъ, откуда онъ могъ встрѣтить непріятеля, если бы онъ двинулся въ Ширвань, Нуху или Карабахъ. Котляревскій не разъ заявлялъ о затруднительности своего положенія, но главнокомандующій, все еще вѣрившій въ чистосердечное намѣреніе персіянъ приступить къ мирнымъ переговорамъ, не допускалъ возможности наступательныхъ дѣйствій съ ихъ стороны. Ртищевъ надѣялся на содѣйствіе сиръ Горъ-Узелея и на письмо свое Аббасъ-Мирзѣ, отправленное съ Гордономъ. Посылая копію съ мирнаго трактата, заключеннаго между Россіею и Турціею, Ртищевъ писалъ Узелею, что немедленно выѣдетъ самъ на границу для личныхъ переговоровъ съ Аббасъ-Мирзою. Такая рѣшимость была несогласна съ видами англійскаго посла, и онъ отправилъ съ этимъ извѣстіемъ секретаря посольства Морьера къ Аббасъ-мирзѣ, занимавшемуся охотою въ восьми фарсангахъ отъ Тавриза. Принцъ долго разсматривалъ трактатъ, выслушалъ письмо Ртищева къ сиръ Горъ-Узелею и просилъ Морьера явиться къ нему вечеромъ за полученіемъ отвѣта. Слѣдуя совѣтамъ своего визиря Мирзы-Безюрга, должнымъ образомъ подготовленнаго англійскимъ посланникомъ, Аббасъ-Мирза былъ не прочь испытать еще разъ счастье въ военныхъ предпріятіяхъ. Обстоятельства, повидимому, сулили ему успѣхъ: Наполеонъ вступалъ уже въ Россію, войска находившіяся за Кавказомъ, не комплектовались, а внутреннія смуты не утихали. При такихъ условіяхъ, наслѣдникъ персидскаго престола рѣшился прибѣгнуть къ двуличію, и когда явился къ нему Морьеръ, то Аббасъ-Мирза продиктовалъ ему отвѣтъ, ничего не рѣшающій, а заключающійся въ заявленіи, что единственное желаніе Персіи состоитъ въ скоромъ заключеніи мира съ Россіею.

[1]) Рапортъ Котляревскаго главнокомандующему, отъ 19-го іюля 1812 г. Акт. Кавк арх. ком. т. V, № 803.

Отправивъ отвѣтъ, Аббасъ-Мирза сталъ собирать войска, но, какъ секретно ни приводилась въ исполненіе эта мѣра, она не укрылась отъ вниманія Котляревскаго. Онъ зорко слѣдилъ за движеніемъ непріятеля и наблюдалъ за поведеніемъ карабагцевъ. Лишь только онъ узналъ, что къ Мехти-Кули-хану пріѣхалъ хаджи съ фирманомъ отъ Баба-хана, Котляревскій приказалъ арестовать его и отправилъ за границу. Давшій посланному убѣжище, начальникъ курдовъ Асетъ-султанъ, бѣжалъ къ персіянамъ со 150-ю семействами, ему подвластными. Котляревскій удвоилъ свою бдительность и скоро узналъ, что Аббасъ-Мирза показался съ своимъ войскомъ близъ урочища Султанъ-Чесаръ, въ 12-ти агаджахъ отъ Аракса. Котляревскій готовъ былъ его встрѣтить должнымъ образомъ, но шахъ-заде повернулъ къ границамъ Талышинскаго ханства и, чтобы парализовать дѣятельность Котляревскаго, отправилъ къ нему своего чиновника Неджефъ-кули-хана, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы встрѣтить главнокомандующаго и препроводить его по Персіи до лагеря Аббасъ-Мирзы, избраннаго персидскимъ принцемъ мѣстомъ для свиданія. Пользуясь временемъ, которое проведетъ Неджефъ-ханъ въ переговорахъ, Аббасъ-Мирза хотѣлъ, при помощи угровъ, заставить Миръ-Мустафу-хана Талышинскаго передаться на его сторону, чтобы потомъ быть болѣе свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ противъ Карабага, Нухи и Грузіи.

Порѣшивъ съ талышинскимъ ханомъ, Аббасъ-Мирза могъ направить свои дѣйствія на Сальяны, занять это мѣстечко и, переправившись черезъ рѣку Куру въ Ширванскомъ ханствѣ, пройти въ Нухинское. Путь этотъ былъ гораздо удобнѣе для персіянъ, чѣмъ идти черезъ разоренный Карабагъ и имѣть дѣло съ отрядомъ Котляревскаго. Конечно, не Аббасъ-Мирза избралъ этотъ путь, а указанъ онъ былъ англичанами, бывшими въ войскахъ, обучавшими персіянъ дѣйствію при орудіяхъ и командовавшими артиллеріею. Повинуясь ихъ указаніямъ, персидскій принцъ двинулъ къ талышинскимъ границамъ три отряда: главный — въ 10,000 человѣкъ, со стороны мѣстечка Сары-камыша, другой отъ Гиляни и третій—отъ Ардевиля. Миръ-Мустафа-ханъ просилъ помощи и защиты. Большая часть его подвластныхъ и даже нѣкоторые родственники, какъ только узнали о движеніи персіянъ, оставили своего хана и передались на сто-

рону непріятеля. Миръ-Мустафа отправилъ жену и имущество на островъ Сару, а самъ съ сыновьями присоединился къ нашему отряду, расположенному на косѣ Гамушаванъ и тамъ укрѣпившемуся. Оставаясь при отрядѣ, ханъ переносилъ всю нужду вмѣстѣ съ нашими солдатами [1]).

Между тѣмъ, 9-го августа, персіяне, подъ предводительствомъ сердаря Эмиръ-хана, въ числѣ до 20,000 человѣкъ ворвались въ Ленкорань, и талышинцы первые начали грабить и жечь дома своихъ соотечественниковъ, оставшихся вѣрными хану. Овладѣвъ городомъ, непріятель двинулся къ крѣпости, съ надеждою занять ее такъ же легко, какъ и городъ. Выдвинувъ впередъ восемь орудій, бывшихъ при отрядѣ, персіяне съ музыкою и барабаннымъ боемъ бросились на укрѣпленіе, но огонь съ судовъ и съ крѣпостныхъ стѣнъ отразилъ наступавшихъ съ весьма значительною для нихъ потерею. На слѣдующій день штурмъ былъ повторенъ, но также безуспѣшно. Тогда англійскій маіоръ Гаррисъ прислалъ къ командовавшему нашимъ отрядомъ, капитану 1-го ранга Веселаго, предложеніе заключить перемиріе на семь дней, подъ предлогомъ того, чтобы имѣть время спросить свое посольство, слѣдуетъ ли англичанамъ дѣйствовать противъ русскихъ, такъ какъ онъ слышалъ, что между Россіею и Англіею заключенъ миръ и союзъ. Веселаго отказался исполнить предложеніе, и тогда Гаррисъ самъ пріѣхалъ къ нему на корветъ «Аріанду» съ тою же просьбою. Онъ сообщилъ, что Аббасъ-Мирза назначилъ уже своихъ чиновниковъ для управленія ханствомъ, такъ какъ, по его мнѣнію, оно должно остаться всегда во владѣніи Персіи. Веселаго удивился такимъ распоряженіямъ, отказался заключить перемиріе, и персіяне, расположившись по окружнымъ лѣсамъ, заняли выгодныя позиціи. Одинъ изъ отрядовъ занялъ укрѣпленіе Аркевань, а другой, окружавшій Ленкорань, отступивъ отъ берега, сталъ укрѣпляться, «обсыпая себя кругомъ валомъ».

Подъ руководствомъ англичанъ персіяне открыли осадныя работы, которыя шли довольно успѣшно, не смотря на то, что бомбардирскій корабль «Громъ» бомбардировалъ непріятельскія укрѣпленія.

Веселаго писалъ, что если ему не будетъ дана помощь, то онъ

---

[1]) Письмо Веселаго маіору Швецову, 31-го августа 1812 г.

опасается, чтобы не вышло впослѣдствіи «чего бѣдственнаго со мною, съ войсками, съ ханомъ и съ остальнымъ его народомъ, укрывшимся въ Сенгерской крѣпости, которою стараются овладѣть персіяне» и узкій проходъ къ которой охранялъ одинъ корветъ «Аріанда».

Имѣя тотько 400 человѣкъ съ одною 3-хъ-фунтовою пушкою, командовавшій сухопутными войсками, маіоръ Повалишинъ, не могъ сдѣлать вылазки, чтобы прогнать непріятеля, долженъ былъ запереться въ крѣпости и сознать, что съ каждымъ днемъ положеніе его значительно ухудшалось. Продовольствія для отряда въ запасѣ не было, и суда, его защищавшія, съ наступленіемъ бурнаго времени, не могли оставаться въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ берега. «Если забрать на суда солдатъ изъ крѣпости, писалъ Веселаго, и орудія, коими она вооружена, въ виду непріятеля, а послѣ сего оставить въ жертву до тысячи семействъ талышинцевъ, кои ввѣрили судьбу свою нашему покровительству, никакъ не можно, или по крайней мѣрѣ сопряжено съ опасностью и стыдомъ для насъ. Сверхъ сего я долженъ отворить вольный проходъ въ Сальяны и далѣе. Не знаю, что теперь предпринять».

Онъ писалъ Котляревскому о своемъ безвыходномъ положеніи и просилъ его помощи. Еще ранѣе этой просьбы Котляревскій самъ хотѣлъ переправиться черезъ р. Араксъ и искать персіянъ, но пріѣздъ 10-го августа Неджефъ-Кули-хана остановилъ его. «Я посему, доносилъ онъ, не могу предпринять перейти Араксъ, дабы не прервать черезъ то переговоры». Сообщивъ хану ширванскому, чтобы онъ оберегалъ Сальяны, Котляревскій объявилъ Неджефъ-Кули-хану, что поступки Аббасъ-Мирзы и его движеніе въ Талыши не показываютъ искренняго желанія заключить миръ съ Россіею. Персіянинъ отвѣчалъ на это, что Аббасъ-Мирза не намѣренъ дѣйствовать непріятельски противъ талышей, но нѣкоторые беки, не принадлежавшіе прежде къ Талышинскому ханству, просили его защитить ихъ отъ Миръ-Мустафы [1]).

— Въ то время, замѣтилъ Котляревскій, когда посылается посланникъ для переговоровъ, военныя дѣйствія должны быть прекра-

[1]) Рапортъ генералъ-маіора Котляревскаго главнокоманд., отъ 14-го августа № 557.

щены. Талышинское ханство находится подъ покровительствомъ моего Государя, охраняется русскими войсками, и если Аббасъ-Мирза поступитъ непріятельски съ владѣніемъ, покровительствуемымъ Россіею, то не долженъ будетъ винить, если и съ нимъ поступлено будетъ худо.

Персидскій посланный по-прежнему опирался на просьбу бековъ, а Котляревскій доносилъ Ртищеву, что если черезъ пять дней не получитъ отъ него разрѣшенія относительно Неджефъ-Кули-хана, то отправитъ его въ Шушу, а самъ переправится черезъ р. Араксъ и пойдетъ искать непріятеля.

Главнокомандующій торопился остановить смѣлый порывъ пылкаго генерала и сообщилъ Котляревскому, что самъ ѣдетъ въ Карабагъ для мирныхъ переговоровъ и личнаго свиданія съ Аббасъ-Мирзою; что онъ потребовалъ отъ наслѣдника Персіи, чтобы тотъ прекратилъ военныя дѣйствія, и заявилъ, что не приметъ ни переговоровъ, ни перемирія, если персіяне не исполнятъ его требованія. Аббасъ-Мирза прислалъ сказать съ нарочнымъ, что имъ сдѣлано соотвѣтствующее распоряженіе, и главнокомандующій сообщилъ капитану 1-го ранга Веселаго, что при такихъ условіяхъ не находитъ нужнымъ подкрѣплять его, а поручаетъ ему съ отрядомъ и флотиліею оставаться въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находится. «Въ случаѣ же вѣроломнаго поступка персіянъ, писалъ Ртищевъ [1]), всемѣрно удержать ввѣренный вамъ постъ и защищать талышинскаго хана до послѣдней возможности», а въ случаѣ крайности посадить весь отрядъ на суда, взять туда же артиллерію, талышинскаго хана съ семействомъ и слѣдовать въ Баку.

21-го августа Ртищевъ оставилъ Тифлисъ и съ трехтысячнымъ отрядомъ отправился въ Карабагъ [2]). Столь сильный отрядъ онъ взялъ съ собою для того, «чтобы, въ случаѣ несогласія въ постановленіи мира, присоединить оный къ отряду генералъ-маіора Котляревскаго и, при открытіи персіянами воѣнныхъ дѣйствій, противопоставить силу

---

[1]) Веселаго, отъ 4-го сентября 1812 г., № 383.

[2]) Въ отрядѣ его находились: четыре эскадрона Нижегородскаго драгунскаго полка, баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго полка, двѣ роты 15-го егерскаго полка, 350 линейныхъ казаковъ и три орудія.

главнымъ непріятельскимъ войскамъ и дѣйствовать къ славѣ оружія его величества» [1]).

При приближеніи Ртищева къ крѣпости Аскарани къ нему выѣхалъ навстрѣчу Неджефъ-Кули-ханъ, и затѣмъ главнокомандующій, соединившись съ отрядомъ генерала Котляревскаго, 9-го сентября прибылъ въ урочище Каракёпекъ, въ одномъ переходѣ отъ р. Аракса. Не входя съ персидскимъ посланнымъ въ переговоры, Ртищевъ въ тотъ же день отправилъ командира 19-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіора Ахвердова къ Аббасъ-Мирзѣ съ просьбою назначить мѣсто, опредѣлить число войскъ, долженствовавшее находиться съ каждой стороны при свиданіи, и другія подробности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій писалъ Аббасъ-Мирзѣ [2]): «Исполненъ будучи усерднѣйшаго желанія приблизиться къ доброму согласію и вмѣстѣ съ симъ увлекаемый чувствованіями истиннаго уваженія къ достоинствамъ, отличающимъ вашу свѣтлость, я готовъ по мѣрѣ моей возможности оказать вамъ всякую угодность. Однако же долгъ имѣю предварительно сообщить, что сколько бы также ни желалъ я избѣжать необходимости обезпокоить васъ выборомъ мѣста свиданія нашего, которое должно быть непремѣнно близъ самаго Аракса, но удалить сію необходимость мнѣ невозможно, потому что ни званіе, высочайше на меня возложенное, ни обязанности главнокомандующаго не позволяютъ мнѣ имѣть мѣсто свиданія въ отдаленности отъ границъ владѣній, начальству моему ввѣренныхъ. Впрочемъ, хотя строгія правила, наблюдаемыя въ подобныхъ случаяхъ всѣми державами, требовали бы, чтобы мѣсто съѣзда нашего было на самой границѣ, не удаляясь отъ оной ни шагу, и чтобъ оное назначено было по взаимному согласію обѣихъ сторонъ, но я, въ доказательство искренняго расположенія моего къ возстановленію мира, не отклонюсь единственно изъ уваженія къ вамъ перейти за Араксъ и имѣть свиданіе съ вашею свѣтлостью въ землѣ, персидскому правительству принадлежащей, но не далѣе одной или много уже двухъ верстъ отъ Аракса. Мѣсто же къ сему способное и для васъ угодное

---

[1]) Отношеніе Ртищева графу Румянцову, 20-го августа 1812 г., Ак. Кав. арх. ком. т. V, № 813.

[2]) Въ письмѣ отъ 9-го сентября 1812 г., № 58, Тамъ же, № 818.

я предоставляю единственному вашему выбору, лишь бы оное было въ разстояніи отъ Аракса выше мною объясненномъ и на которое я буду согласенъ, если ваша свѣтлость изволите объ ономъ увѣдомить меня черезъ письмо ваше, долженствующее служить мнѣ въ семъ дѣлѣ настоящимъ актомъ.

«Притомъ, какъ срокъ, назначенный вами перемирію по 10-е число сего мѣсяца, который я съ моей стороны сохранилъ во всей нарушимости, не взирая на то, что оный былъ опредѣленъ вами, безъ взаимнаго между нами соглашенія, и каковой поступокъ со стороны моей, я надѣюсь, ваша свѣтлость изволите признать также знакомъ моего особливаго къ вамъ уваженія,—при полученіи сего письма долженъ окончиться, съѣздъ же нашъ и все время продолженія переговоровъ, по правиламъ всеобщаго употребленія, долженъ быть обезпеченъ постановленіемъ съ обѣихъ сторонъ перемирія и прекращеніемъ во всѣхъ мѣстахъ непріятельскихъ дѣйствій, то я и прошу вашу свѣтлость опредѣлить срокъ новому перемирію, какой вамъ заблагоразсудится, и почтить меня вашимъ о томъ увѣдомленіемъ, для отданія со стороны моей предписанія во всѣ пограничныя мѣста о продолженіи перемирія. Между тѣмъ, настоящій актъ сроку постановляемаго вновь перемирія можетъ быть для вящшей прочности взаимно утвержденъ и подписанъ при нашемъ свиданіи.

«Угождая такимъ образомъ вашей свѣтлости, въ томъ предположеніи, чтобы всемѣрно приблизиться къ доброму согласію, которое можетъ потомъ повести къ важнѣйшимъ успѣхамъ въ постановленіи мира, я ласкаю себя пріятною надеждою, что ваша свѣтлость, руководимые истиннымъ благоразуміемъ и желаніемъ счастья народамъ, коими мы по промыслу Всевышняго предназначены управлять, не найдете болѣе никакихъ препятствій въ избраніи мѣста съѣзду нашему близъ самаго Аракса и, въ соотвѣтствіе моихъ искреннихъ намѣреній, удостоите изъявить согласіе ваше на тотъ порядокъ, съ каковымъ должно быть учреждено наше свиданіе и о которомъ будетъ имѣть честь лично доложить вашей свѣтлости генералъ-маіоръ Ахвердовъ, имѣющій отъ меня полную довѣренность».

По прибытіи Ахвердова въ персидскій лагерь, мирза Безюргъ потребовалъ, чтобы письмо главнокомандующаго къ наслѣднику Персіи было вручено ему для предварительнаго прочтенія; чтобы прежде сво-

его представленія Ахвердовъ имѣлъ личное свиданіе съ англійскимъ посланникомъ и, наконецъ, чтобы онъ явился къ принцу въ персидскомъ платьѣ и красныхъ чулкахъ [1]).

Ахвердовъ отказался исполнить эти требованія, и тогда мирза Безюргъ объявилъ ему, что одно только искреннее желаніе персидскаго правительства заключить миръ можетъ склонить наслѣдника принять его безъ халата. Во время представленія Мирза-Безюргъ, недовольный нарушеніемъ обычаевъ, приказалъ одному изъ своихъ чиновниковъ доложить Аббасъ-Мирзѣ, чтобы онъ въ своемъ присутствіи не сажалъ русскаго чиновника, «такъ какъ сей не согласился слѣдовать ихъ обыкновеніямъ и надѣть ихъ платье». Наслѣдникъ престола не послушалъ своего наставника и принялъ Ахвердова весьма ласково, прочелъ письмо и обѣщалъ дать отвѣтъ черезъ Мирзу-Безюрга. По совѣщаніи съ послѣднимъ и съ сиръ Горъ-Узелеемъ, принцъ объявилъ Ахвердову, что, не имѣя позволенія отъ своего отца, онъ не можетъ оставить лагеря и проситъ, чтобы Ртищевъ выѣхалъ къ нему на ту сторону Аракса, внутрь Персіи, за восемьдесятъ верстъ отъ границы.

«Относительно назначенія пункта свиданія, писалъ Аббасъ-Мирза Ртищеву [2]), согласно прежнему моему извѣщенію, нынѣ же сообщаю вамъ, что хотя первоначально назначено было мѣсто, называемое Султанъ-Хасари, вблизи Аракса, но нынѣ, въ угоду вашему высокопревосходительству, я перемѣнилъ мѣсто и назначаю болѣе близкій пунктъ къ Араксу, именно Акъ-тепе, въ 2-хъ фарсахахъ разстоянія отъ этой рѣки, и увѣренъ, что вы болѣе этого не сочтете сообразнымъ съ моимъ саномъ придвинуться къ вамъ ближе.

«Что же касается продолженія перемирія, то, согласно вашему желанію, мы отъ 20-го числа сего рамазана еще на 20 дней рѣшились таковое продлить. Оно можетъ кончиться къ 10-му числу шевваля. На этомъ основаніи дано повелѣніе пограничнымъ начальствамъ и отряднымъ командирамъ впредь до нашего особаго повелѣнія не начинать военныхъ дѣйствій».

---

[1]) Рапорты ген.-м. Ахвердова Ртищеву, отъ 10-го, 13-го и 26-го сентября 1812 г., безъ нумеровъ.

[2]) Акт. Кав. арх. ком. т. V, № 819.

Уклоненіе Аббасъ-Мирзы отъ личнаго свиданія съ главнокомандующимъ не указывало искренняго желанія вступать на мирный путь. Конечно, при меньшей довѣрчивости, Ртищевъ съ самаго начала переговоровъ могъ уже видѣть, что персидское правительство не имѣетъ намѣренія заключить миръ. Вторженіе въ Карабагъ и разореніе Талышей были довольно вѣскими тому доказательствами. Въ то время, когда Ахвердовъ находился въ лагерѣ Аббасъ-Мирзы, персіянамъ было уже извѣстно, что Наполеонъ вступилъ въ Москву и занялъ первопрестольную столицу Россіи. Вслѣдъ за тѣмъ въ Тегеранъ прибылъ французскій агентъ, которому поручено было добиться удаленія англійскаго посольства изъ Персіи и замѣны его французскимъ посольствомъ. Заявляя, что Наполеонъ вступилъ уже въ Россію съ многочисленными войсками и покорилъ большую часть ея провинцій, французскій агентъ обѣщалъ, съ удаленіемъ англійскаго посольства, возвратить Бабу-хану не только мусульманскія провинціи, но и всю Грузію [1]). Хотя сиръ Горъ-Узелею и удалось убѣдить тегеранскій дворъ въ неисполнимости подобныхъ обѣщаній, тѣмъ не менѣе большинство лицъ, окружавшихъ Баба-хана, было убѣждено, что если русское правительство съ уступкою столицы и не признаетъ себя побѣжденнымъ, то все-таки принуждено будетъ употребить свои послѣднія боевыя силы на изгнаніе непріятеля; что мировыя, европейскія событія отвлекутъ наше вниманіе отъ Кавказа, и персіяне будутъ имѣть возможность поправить свои обстоятельства и вернуть потерянное. Поддерживаемый въ этомъ мнѣніи, Аббасъ-Мирза желалъ только протянуть время и выждать. Котляревскій видѣлъ всю хитрость персидской политики и просилъ позволенія Ртищева переправиться вмѣсто него черезъ р. Араксъ и взамѣнъ мирныхъ предложеній дать знать о своемъ прибытіи пулями и штыками, но главнокомандующій не согласился и предложилъ персидскому принцу начать переговоры черезъ уполномоченныхъ. Аббасъ-Мирза принялъ предложеніе, избралъ мѣстомъ для совѣщаній укрѣпленіе Асландузъ, находившееся на правомъ персидскомъ берегу р. Аракса, и назначилъ уполномоченными: «приближеннаго къ государю, безподобнаго

[1]) Письмо англійскаго посла въ Персіи лорду Каткарту, 22-го марта 1813 г. Арх. минис. иностр. дѣлъ 1—13, 1802—1816, № 3-й.

визиря» Мирзу-Абуль-Касима [1]) и втораго секретаря англійскаго посольства Моріера. Съ нашей стороны были назначены: генералъ-маіоръ Ахвердовъ и правитель канцеляріи главнокомандующаго Могилевскій. Въ сопровожденіи летучаго отряда, составленнаго изъ казаковъ, черкесъ и грузинъ, наши уполномоченные отправились за р. Араксъ. По предварительному соглашенію, персидскій уполномоченный сдѣлалъ первый визитъ Ахвердову, и переговоры начались.

Русскіе уполномоченные требовали, чтобы тегеранскій дворъ призналъ за Россіею всѣ ханства и владѣнія, занятыя русскими войсками; чтобы все оставалось status-quo и чтобы Талышинское ханство считалось подъ покровительствомъ Россіи. Персидскіе уполномоченные, напротивъ того, настаивали на томъ, чтобы Россія уступила Персіи всѣ присоединенныя провинціи: Дербентскую, Кубинскую, Бакинскую; ханства: Карабагское, Ширванское, Шекинское, области Елисаветпольскую и Шурагельскую [2]). Ни та, ни другая сторона не могла согласиться ни на какія уступки, и несговорчивость эта повела къ тому, что послѣ двухъ засѣданій переговоры были прерваны, и уполномоченные разъѣхались. Другаго исхода и ожидать было нечего. Заранѣе убѣжденный въ несостоятельности переговоровъ, Аббасъ-Мирза не прекращалъ военныхъ приготовленій и содѣйствовалъ царевичу Александру пробраться въ Грузію, обѣщая помочь ему деньгами и войсками.

---

[1]) Сынъ Мирзы-Безюрга, каймакама и дядьки Аббасъ-Мирзы.

[2]) Ртищевъ Румянцову, отъ 31-го октября 1812 г. Акт. Кавк. арх. ком. т. V, № 844.

III.

Прибытіе въ Кахетію царевича Александра. — Новыя волненія въ Грузіи. — Дѣйствія противъ инсургентовъ отрядовъ: полковника Тихоновскаго, генералъ-маіора князя Орбеліани и генералъ-маіора Симоновича. — Бѣгство Александра къ хевсурамъ. — Письмо Ртищева царевичу Александру и отвѣтъ на него. — Двуличіе Александра. — Просьба его эриванскому хану о присылкѣ денегъ. — Сношенія царевича съ персидскимъ правительствомъ и просьба о помощи.

Въ первыхъ числахъ сентября 1812 года было получено въ Тифлисѣ извѣстіе, что царевичъ Александръ приближается къ Дигому, съ намѣреніемъ переправиться черезъ р. Куру у Авчалъ.

Командовавшій войсками въ Грузіи, Имеретіи и Дагестанѣ, генералъ-маіоръ князь Орбеліани, взявъ 70 человѣкъ гренадеръ и 25 линейныхъ казаковъ, отправился съ ними къ Дигомской переправѣ. Простоявши тамъ всю ночь, онъ не дождался царевича, и, полагая, что онъ избралъ иной путь для переправы, князь Орбеліани приказалъ шефу 15-го егерскаго полка полковнику Печерскому занять всѣ броды между г. Гори и Мцхетомъ. Печерскій не успѣлъ исполнить приказанія, когда въ ночь на 6-е сентября Александръ со свитою около 100 человѣкъ переправился черезъ р. Куру въ этой дистанціи и направился къ селен. Кавтисхеви [1]).

Разославъ повсюду объявленіе о своемъ прибытіи, царевичъ предлагалъ грузинамъ присоединиться къ нему. Онъ увѣрялъ населеніе, что значительная часть персидскихъ войскъ будетъ прислана въ его распоряженіе, что персіяне рѣшились изгнать русскихъ изъ ханствъ и непремѣнно придутъ въ Грузію, но не для того, чтобы овладѣть сю, а съ единственною цѣлью возстановить его на прародительскомъ престолѣ и провозгласить царемъ Грузіи. Только что успокоившееся было волненіе снова возгорѣлось, и грузины толпами спѣшили въ

[1]) Секретный рапортъ Ртищева кн. Горчакову, 25-го сентября 1812 г., № 69-й. Рапортъ кн. Орбеліани главнокомандующему, 6-го сентября 1812 г., № 52.

лагерь царевича. Горцы и кахетинская чернь окружили Александра, и почти весь Телавскій уѣздъ присоединился къ нему. Согореджинскій моуравъ и нѣкоторые дворяне, видя возрастающую силу царевича, также перешли на его сторону. Александръ двинулся къ сел. Тіонетамъ, гдѣ собралось наибольшее скопище его приверженцевъ. Отсюда онъ отправилъ открытое письмо кахетинцамъ, въ которомъ обѣщалъ всѣмъ тѣмъ, кто окажетъ ему преданность, раздать въ награду имѣнія, села и деревни тѣхъ князей и дворянъ, которые останутся вѣрными русскому правительству.

Между тѣмъ, по полученіи въ Тифлисѣ извѣстія о появленіи царевича Александра въ Кахетіи, генералъ-маіоръ князь Орбеліани приказалъ полковнику Печерскому съ баталіономъ 15-го егерскаго полка слѣдовать къ сел. Балачаури, лежащему близъ большой дороги, какъ для охраненія его, такъ и для диверсіи въ Тіонети въ случаѣ, если царевичъ будетъ тамъ держаться. Для пересѣченія же пути Александру въ Кизикъ (Сигнахъ) отправленъ къ Кахетію полковникъ Тихоновскій съ баталіономъ 46-го егерскаго полка.

Выступивъ изъ Кизика (Сигнаха) 8-го сентября, полковникъ Тихоновскій долженъ былъ присоединить къ себѣ на пути роту Кабардинскаго полка изъ Загореджо, роту изъ Велисъ-цихе, четыре роты Кабардинскаго полка изъ Телава и 13-го сентября быть непремѣнно у Алавердскаго монастыря. Это необходимо было потому, что на слѣдующій день, 14-го сентября, былъ храмовой праздникъ. Въ день Воздвиженія Животворящаго креста, грузины, по обычаю, стекаются къ монастырю на праздникъ, и такъ какъ въ алавердскомъ храмѣ прежде хранилась царская корона, то, чтобы не дать возможности царевичу Александру, находившемуся всего въ 35 верстахъ, явиться среди собравшихся и заставить ихъ присягнуть себѣ, признано было необходимымъ, чтобы Тихоновскій прибылъ къ монастырю непремѣнно наканунѣ праздника.

Приказаніе было въ точности исполнено, и грузины были озадачены появленіемъ русскаго отряда. Простоявши у Алавердскаго монастыря до 20-го сентября и узнавъ, что царевичъ находится въ сел. Шильдѣ, Тихоновскій переправился вбродъ черезъ р. Алазань, атаковалъ селеніе, сжегъ его, уничтожилъ завалы, засѣки и разогналъ толпу мятежниковъ въ 700 человѣкъ, состоявшихъ преиму-

щественно изъ кахетинцевъ, пшавовъ, хевсуръ и лезгинъ. Царевичъ бѣжалъ въ сел. Сабуе, а Тихоновскій, уничтоживъ сел. Турисъ-цихе, направился къ Кварельской крѣпости съ тѣмъ, чтобы оставить тамъ раненыхъ и больныхъ, число которихъ доходило до 32 человѣкъ.

Пробывъ въ Кварелiяхъ два дня, полковникъ Тихоновскій намѣренъ былъ перейти къ селенію Пашаанамъ, жители котораго приняли поголовное участіе въ возстаніи. Узнавъ, что царевичъ испортилъ дороги и намѣренъ устроить засаду, Тихоновскій двинулся безъ дороги кратчайшимъ путемъ черезъ лѣсъ. Партія Александра тщетно ожидала появленія Тихоновскаго и успѣла напасть только на аріергардъ, состоявшій изъ трехъ ротъ, подъ командою маіора Борщова, и вела съ нимъ перестрѣлку въ теченіе цѣлой ночи.

Остановившись близъ этого селенія, Тихоновскій ожидалъ прибытія генералъ-маіора кн. Орбеліани, который въ 11 часовъ ночи 17-го сентября выступилъ изъ Тифлиса съ тремя ротами 9-го егерскаго полка, однимъ орудіемъ и 70-ю казаками. Командованіе войсками въ Тифлисѣ и его окрестностяхъ было поручено генералъ-маіору Симоновичу, вызванному для этой цѣли изъ Имеретіи.

Переночевавъ въ Сартачалахъ и сдѣлавъ на слѣдующій день переходъ въ 50 верстъ, князь Орбеліани на третій день, въ пять часовъ пополудни, прибылъ къ Сигнаху, гдѣ узналъ, что сообщеніе между этимъ городомъ и отрядомъ полковника Тихоновскаго было прервано. Дождавшись прибытія баталіона Херсонскаго гренадерскаго полка и присоединивъ къ себѣ роту Кабардинскаго полка и 75 человѣкъ линейныхъ казаковъ, князь Орбеліани, 27-го сентября, двинулся къ селенію Велисъ-цихе на соединеніе съ отрядомъ полковника Тихоновскаго. Встрѣченный на двѣнадцатой верстѣ отъ Сигнаха огромною толпою мятежниковъ, князь Орбеліани, среди жаркой и безпрерывной перестрѣлки, успѣлъ только 30-го числа дойти до сел. Пашаанъ и, соединившись съ Тихоновскимъ, 1-го октября остановился на р. Шилдѣ.

Въ это время войска наши были расположены въ слѣдующихъ пунктахъ: въ Коби находилась рота Суздальскаго полка; въ Ананурѣ— полковникъ Печерскій съ баталіономъ 15-го егерскаго полка; на р. Шилдѣ — генералъ-маіоръ князь Орбеліани съ своимъ отрядомъ. Въ Сигнахѣ было всего 200 человѣкъ пѣхоты и казаковъ съ двумя

орудіями; двѣ роты 46-го егерскаго полка и рота Херсонскаго занимали м. Сартачалы. Въ Борчалинской дистанціи находились три роты 46-го егерскаго полка, подъ начальствомъ полковника Краббе.

Карталинія охранялась эскадрономъ Нижегородскаго драгунскаго полка, малолюдною ротою Грузинскаго гренадерскаго и выведенными изъ Имеретіи двумя ротами 15-го егерскаго полковъ. Въ Тифлисѣ находились: баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго полка, въ которомъ за разными командировками было налицо не болѣе 400 человѣкъ, и рота Тифлисскаго полка. Изъ пяти орудій, бывшихъ въ столицѣ Грузіи, двѣ 6-ти-фунтов. пушки не имѣли снарядовъ, а всѣ прочія орудія не могли быть двинуты, такъ какъ для запряжки не имѣлось ни одной лошади[1]).

Такимъ образомъ почти всѣ войска были стянуты на сѣверъ Грузіи; южная же ея часть оставалась почти вовсе безъ защиты, если не считать нѣсколькихъ мелкихъ отрядовъ, расположенныхъ въ Памбакахъ и Шурагели.

Чтобы оттянуть часть нашихъ силъ отъ Кахетіи, царевичъ Александръ распускалъ слухъ, что изъ Эривани ѣдетъ къ нему посланный отъ Баба-хана съ значительною суммою денегъ, по полученіи которыхъ онъ направится въ Карталинію на соединеніе съ персіянами. Александръ приглашалъ къ себѣ лезгинъ, обѣщая имъ хорошее содержаніе, и въ то же время отрядилъ хевсуръ для прерванія сообщенія въ горахъ между Тифлисомъ и Моздокомъ. Они почти одновременно появились противъ селеній: Казбека, Степанъ-цминды, Коби и Ананура, но были отброшены стоявшими въ тѣхъ селеніяхъ небольшими нашими гарнизонами.

Попытка ихъ уничтожить Дарьялскій мостъ не удалась, но у Ананура они успѣли отогнать нѣсколько казачьихъ лошадей, пасшихся около города. Обстоятельство это заставило на слѣдующій день оставить лошадей на конюшнѣ, и такъ какъ запаса фуража не было, то и пришлось послать казаковъ для рубки древесныхъ вѣтвей. При возвращеніи съ фуражировки, казаки были атакованы толпою инсургентовъ, разогнанныхъ высланною изъ Ананура командою. От-

[1]) Рапортъ генералъ-маіора Симоновича Ртищеву, 30-го сентября 1812 г., № 176.

ступивъ отъ города, мятежники устроили завалы и сожгли всѣ мосты по дорогѣ между Ананауромъ, Пасанауромъ и Кайшауромъ. Сообщеніе по Гудъ-горѣ было прервано, и въ Кайшаурскомъ ущельѣ собралась толпа вооруженныхъ числомъ до 6,000 человѣкъ.

Для возстановленія сообщенія Грузіи съ кавказскою линіею владикавказскій комендантъ генералъ-маіоръ Дель-Поцо принужденъ былъ отправить баталіонъ, составленный изъ двухъ ротъ 16-го егерскаго полка и двухъ ротъ Казанскаго полка, подъ общимъ начальствомъ маіора Гурлебума. Движеніе этого отряда вызвало лихорадочную дѣятельность царевича, и онъ торопился испортить путь, сдѣлать засѣки и уничтожить мосты между Казбекомъ и Ларсомъ. Александръ предлагалъ владѣльцу ущелья, подполковнику Казбеку, соединиться съ нимъ и дѣйствовать совокупно противъ русскихъ. Казбекъ не принялъ предложенія, увѣдомилъ главнокомандующаго, и попытка царевича не увѣнчалась успѣхомъ. Онъ успѣлъ только занять проходы по южную сторону горъ и окружить Пасанауръ, на выручку котораго спѣшилъ полковникъ Печерскій съ своимъ баталіономъ.

Выступивъ изъ Ананура 3-го октября, полковникъ Печерскій скоро наткнулся на огромную толпу инсургентовъ, занявшихъ проходы и прилежащія къ нимъ высоты. Они встрѣтили наступавшихъ выстрѣлами съ горъ, и отрядъ выдержалъ четырехъ-часовой упорный бой, прежде чѣмъ ему удалось пробиться въ Пасанауръ и занять его. Непріятель отошелъ къ Кайшауру, и полковникъ Печерскій, находя необходимымъ преслѣдовать его по пятамъ, просилъ прислать ему подкрѣпленіе и провіантъ, въ которомъ ощущалъ большой недостатокъ. Генералъ-маіоръ Симоновичъ командировалъ полковника Краббе съ тремя ротами 46-го егерскаго полка и приказалъ ему слѣдовать въ Мухранъ, забрать тамъ сколько можно провіанта и оставить часть его въ Душетѣ, а другую въ Ананурѣ и Пасанаурѣ. Соединившись съ полковникомъ Печерскимъ, полковникъ Краббе долженъ былъ выгнать мятежниковъ изъ Арагвскаго ущелья и очистить путь отъ Кайшаура до Коби [1]).

Въ это время Ртищевъ возвратился въ Тифлисъ изъ Карабага и

[1]) Рапортъ Симоновича главнокомандующему, 9-го октября, №№ 255 и 256.

привелъ съ собою часть войскъ, его конвоировавшихъ. Признавая возстановленіе сообщенія съ кавказскою линіею дѣломъ первостепенной важности, главнокомандующій не ограничился посылкою полковника Краббе въ помощь Печерскому, но отправилъ по тому же направленію и генералъ-маіора Симоновича съ тремя баталіонами пѣхоты. Симоновичъ двинулся изъ Тифлиса въ Пасанауръ, но пришелъ туда тогда, когда полковникъ Печерскій, усиленный прибытіемъ двухъ отрядовъ маіора Гурлебума и полковника Краббе, очистилъ Арагвское ущелье отъ Ананура до Кайшаура и даже успѣлъ починить сломанные мосты. При содѣйствіи полковника Казбека были собраны нацвалы, священники и старшины мтіулетинскаго и гудомакарскаго племенъ. Повѣсивъ, по обычаю, сабли на шеи, они просили прощенія, присягнули на вѣрность, обѣщались оставаться спокойными и выдали аманатовъ изъ почетнѣйшихъ фамилій. Изъ Пасанаура Симоновичъ пошелъ внизъ по Арагвѣ, съ цѣлью усмирить жителей и особенно населеніе Тіонетской волости, собрать контрибуцію и хлѣбъ съ деревень, принимавшихъ участіе въ возстаніи, а главное разсѣять толпу ишавовъ, хевсуръ и тіонетъ, собравшихся на горѣ Углисѣ и разорявшихъ преданное намъ населеніе. Съ приближеніемъ отряда защитники горы отступили къ Тіонетамъ, а генералъ Симоновичъ, пройдя черезъ Сагурамъ, Марткопи, Хашму, Патерзаулъ и Сагореджо, разогналъ повсюду мятежниковъ и привелъ жителей къ присягѣ [1]).

Отсюда Симоновичъ двинулся на соединеніе съ отрядомъ генералъ-маіора кн. Орбеліани, дѣйствовавшаго противъ царевича Александра и его главнаго скопища.

Простоявъ нѣсколько дней на р. Шилдѣ, князь Орбеліани узналъ, что царевичъ Александръ для увеличенія своихъ силъ выставилъ въ селен. Велисъ-цихе до 20 лезгинскихъ знаменъ, подъ которыми и собирались толпы мятежниковъ. Князь Орбеліани тотчасъ же атаковалъ селеніе, разсѣялъ толпу, захватилъ восемь знаменъ, множество оружія и багажа. Александръ бѣжалъ въ сел. Шилду, гдѣ и укрѣпился. Къ нему стекались разсѣянные мятежники и спѣшили на помощь лезгины въ числѣ до 2,000 человѣкъ. Не желая упускать времени и дать воз-

[1]) Рапортъ Симоновича главнокомандующему, 23-го октября, № 21, и 1-го ноября, № 93. Рапортъ Печерскаго Симоновичу, 18-го октября, № 295.

можность царевичу еще болѣе усилиться, князь Орбеліани, 12-го октября, послѣ упорнаго боя, вытѣснилъ его изъ сел. Шилды и заставилъ скрыться въ самой вершинѣ Шилдинскаго ущелья, среди горъ и лѣсовъ. Селеніе Шилда было сожжено, и сады истреблены до самой крѣпости.

Недостатокъ продовольствія заставилъ генералъ-маіора кн. Орбеліани отправить на фуражировку полковника кн. Эристова съ небольшимъ отрядомъ. Воспользовавшись отдѣленіемъ незначительныхъ нашихъ силъ отъ главнаго отряда, царевичъ Александръ окружилъ князя Эристова со всѣхъ сторонъ и стремительно атаковалъ его. Какъ атака, такъ и оборона были весьма упорны [1]).

«Лезгины и грузины, доносилъ кн. Орбеліани, до того были пьяны, что нѣкоторые врывались въ средину нашихъ и тамъ покололоты». Въ первое время положеніе кн. Эристова было весьма затруднительно, но прибытіе изъ главнаго отряда 200 человѣкъ 9-го егерскаго полка и 100 человѣкъ Кабардинскаго полка съ двумя орудіями измѣнили дѣло. Совокупнымъ ударомъ въ штыки двухъ отрядовъ мятежники были разогнаны, и царевичъ Александръ принужденъ былъ бѣжать въ сел. Велисъ-цихе. Упорство, съ которымъ дрались его сообщники, подало поводъ Александру провозгласить дѣло у сел. Шилды какъ одержанную имъ побѣду.

«Предъ симъ, писалъ царевичъ [2]), мы уже сообщили вамъ о томъ, какъ отрядъ Тахунева (Тихоновскаго) вошелъ въ Шилду, и какой божій гнѣвъ разразился надъ нимъ и сколько русскихъ было побито; этотъ же самый шефъ ушелъ было отъ насъ тайкомъ въ Кварельскую крѣпость, а изъ Кизика (Сигнаха) двинулся князь Димитрій (Орбеліани); они дали другъ другу слово и изъ орудій стрѣляли. Выйдя изъ Кварели, шефъ (Тихоновскій) прибылъ къ Пашаанскому броду; но съ этой стороны его, а съ той князя, встрѣтили наши войска; началась перестрѣлка; съ утра до вечера продолжался непрерывный огонь. Да будетъ надъ нами столько божьихъ милостей, сколько солдатъ и офицеровъ мы убили при этомъ!

---

[1]) Рапорты генералъ-маіора кн. Орбеліани главнокомандующему, отъ 14-го октября 1821 г., №№ 301, 302 и 312. Акт. кав. Арх. Ком. т. V, №№ 435—437.

[2]) Горджаспи-Натанисъ-швили и Папоа-Абела-швили, отъ 17-го октября 1812 г. Акт. Кав. Арх. ком. т. V, № 438.

«По случаю утомленія и наступившей ночи наше войско отступило, и русскіе, пользуясь этимъ, соединились тайкомъ въ Пашаани и остановились ниже Шильды. Мы дали имъ дорогу, а сами расположились на прежней ихъ стоянкѣ, у Велисъ-цихе. Когда русскіе вознамѣрились перейти по сю сторону,—жители Санавардо и 400 лезгинъ встрѣтили ихъ у переправы и открыли стрѣльбу; съ этой стороны на нихъ ринулись кизикскія и лезгинскія войска; пальба была страшная, и избіеніе русскихъ всеобщее, такъ что они принуждены были даже всѣхъ своихъ раненыхъ бросать въ воду. Сраженіе это продолжалось до вечера; у насъ убито два лезгина и четыре ранены,—другаго вреда наше войско не понесло. Теперь мы стоимъ по ту и по сю сторону; по милости Божіей, къ намъ войска прибавляются, а русскія слабѣютъ. Сегодня 7-е число этого мѣсяца, понедѣльникъ, а на завтра ожидаемъ большихъ войскъ; число ихъ должно дойти до 40,000, и затѣмъ мы сдѣлаемъ наступленіе и при помощи Божіей надѣемся, что окончательно перевернемъ ихъ вверхъ дномъ. Если спросите о другихъ дѣлахъ, то главноуправляющій Арташевъ (Ртищевъ) окруженъ шахъ-задэ (Аббасъ-Мирзою); посланный Ртищевымъ авангардъ весь истребленъ, такъ что изъ 1,500 человѣкъ ни одинъ не уцѣлѣлъ. Теперь онъ окруженъ такъ, что не можетъ пойти ни сюда, ни туда; даже князь Циціановъ подъ Эриванью не былъ въ такомъ безвыходномъ положеніи. Не думай, чтобы онъ могъ сюда придти. Къ намъ прибылъ человѣкъ съ письмомъ отъ сердаря изъ Эривани; сердарь пошелъ съ 12,000 человѣкъ въ Гумри и Караклисъ. Онъ пишетъ, что ждетъ отъ меня вѣстей, говоря, что если захочу, онъ прибудетъ въ Казахъ или ко мнѣ; но мы еще отвѣта не написали, хотя и намѣрены пригласить его въ Казахъ. Письмо это объявите всѣмъ и каждому и растолкуйте».

Толкованія дѣйствовали на многихъ, и легковѣрный народъ вѣрилъ всѣмъ хвастливымъ разсказамъ царевича. Побѣги въ толпу приверженцевъ Александра увеличились, и сочувствіе къ царевичу возрастало. Избѣгая встрѣчи съ нашими войсками, Александръ переѣзжалъ изъ одного селенія въ другое, но вертѣлся преимущественно около сел. Тіонети, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ неудачи, легче было скрыться у шшавовъ или хевсуръ. Князь Орбеліани ходилъ по его слѣдамъ, дрался и терялъ людей, а царевичъ скрывался у жителей,

которые всюду его принимали. «Я дѣйствую въ одномъ мѣстѣ, писалъ Орбеліани, привожу къ покорности жителей; они повинуются мнѣ, между тѣмъ перехожу въ другое,—царевичъ, партіями своими разоряя ихъ, обращаетъ къ своей шайкѣ». Александръ, смотря по надобности, переправлялся то на одну, то на другую сторону р. Алазани и разорялъ тѣ селенія, которыя не хотѣли присоединиться къ нему.

Среди преслѣдованія царевича князь Орбеліани узналъ, что Сигнахъ окруженъ мятежниками, что Александръ перешелъ въ сел. Магаро, близъ города лежащее, и что нашъ гарнизонъ съ 18-го октября находится въ перестрѣлкѣ съ непріятелемъ, и чтобы отогнать его отъ города, дѣлаетъ частыя вылазки [1]). При одной изъ этихъ вылазокъ, командовавшій въ Сигнахѣ гарнизономъ маіоръ князь Орбеліани сжегъ сел. Вакири, откуда могли быть форсированы городскія стѣны, и успѣлъ дать знать генералъ-маіору князю Орбеліани о своемъ затруднительномъ положеніи. Послѣдній двинулся на помощь осажденнымъ и 23-го октября подошелъ къ сел. Прасіани и Верхнія Мачхаани, чтобы зайти въ тылъ Александру и атаковать его тогда, когда гарнизонъ сдѣлаетъ вылазку изъ города. Мятежники встрѣтили наступавшихъ сильнымъ огнемъ, но, не обращая на него вниманія, наши войска заняли сел. Прасіаны, а маіоръ князь Орбеліани, при содѣйствіи армянъ, вышелъ изъ города и взобрался на гору у сел. Магаро такъ быстро и удачно, что царевичъ, видя себя атакованнымъ съ двухъ сторонъ, обратился въ бѣгство, не смотря на значительное превосходство своихъ силъ [2]).

Жители явились съ покорностью и объявили, что приняли сторону Александра изъ опасенія разоренія отъ бывшихъ съ нимъ лезгинъ. Князь Орбеліани занялъ Сигнахъ, а царевычъ скрылся въ Чалоубанское ущелье, куда стекались искренно ему преданные и разсѣянные нашими войсками. Въ короткое время тамъ собралась толпа до 6,000 человѣкъ.

Весьма крѣпкое по природѣ Чалоубанское ущелье тѣсно, имѣетъ нѣсколько узкихъ проходовъ и покрыто лѣсомъ. Двигаться по немъ

---

[1]) Рапортъ кн. Орбеліани главнокоманд., 28-го октября 1812 г., № 364.

[2]) Извлеченіе изъ вѣдомости, всеподданнѣйше представленной генераломъ Ртищевымъ, отъ 1-го ноября 1812 г. Акт. Кавк. Арх. ком. т. V, № 440.

и выбивать противника изъ-за каждаго куста или камня было бы весьма затруднительно, и потому князь Орбеліани предпочелъ частью своихъ войскъ занять вершину ущелья, а для занятія устья его со стороны р. Алазани отправилъ полковника Тихоновскаго съ небольшимъ отрядомъ. Хотя съ закрытіемъ ущелья и можно было ожидать, что царевичъ по недостатку продовольствія принужденъ будетъ распустить часть своего сборища, но нельзя было разсчитывать на его покорность. Густота лѣса давала возможность одиночнымъ людямъ пробираться по горамъ, не будучи замѣченными, и Александръ всегда могъ скрыться, но онъ не рѣшался на это, сознавая, что съ уходомъ его грузины признаютъ его побѣжденнымъ, и дѣло, за которое онъ такъ ратовалъ, будетъ навсегда потеряно. Царевичъ рѣшился попытать счастья и остался. Князья, имѣвшіе свои помѣстья по близости Чалоубанскаго ущелья, доставляли ему провіантъ и заставили князя Орбеліани перейти въ сел. Кадалы, чтобы прекратить подобную доставку. Съ занятіемъ этого пункта положеніе Александра значительно ухудшилось. Онъ могъ получать продовольствіе только изъ двухъ селеній: Чалоубани и Пховели, принадлежавшихъ князьямъ Андрониковымъ. Селенія эти не могли снабжать долгое время столь большаго скопища, а между тѣмъ кизикцы, жившіе по ту сторону ущелья къ лезгинской границѣ, повиновались намъ, дали аманатовъ и снабжали провіантомъ не инсургентовъ, а наши войска. Жители же трехъ деревень: Бодби, Магаро и Нукреянъ дрались съ нашими войсками противъ единомышленниковъ царевича.

Находясь въ столь затруднительномъ положеніи, Александръ узналъ, что генералъ-маіоръ Симоновичъ прибылъ въ м. Сагореджо и идетъ на соединеніе съ княземъ Орбеліани. Опасаясь быть атакованнымъ въ ущельѣ, царевичъ перебрался тайкомъ въ Манавское ущелье и тамъ укрѣпился. Какъ только получено было извѣстіе о бѣгствѣ Александра, князь Орбеліани оставилъ небольшой отрядъ у Сигнаха и, отправивъ Тихоновскаго въ сел. Велисъ-цихе, самъ выступилъ 26-го ноября къ Манавскому ущелью и расположился въ двухъ верстахъ отъ него. Имѣя въ отрядѣ только 450 человѣкъ, князь Орбеліани ожидалъ прибытія Симоновича, который черезъ три часа послѣ прибытія князя Орбеліани также подошелъ къ Манавскому ущелью, преслѣдуемый непріятелемъ, напавшимъ на его аріергардъ. Жаркій

*

бой продолжался до самой ночи; наши войска вступили въ ущелье и вытѣснили оттуда мятежниковъ, потянувшихся частью въ Сагореджо, частью въ горы. Селеніе Манава было сожжено, и царевичъ бѣжалъ въ сел. Казисхеви, гдѣ не могъ впрочемъ долго оставаться изъ опасенія попасть въ руки Тихоновскаго.

Стоявшій у Велисъ-цихе полковникъ Тихоновскій, въ день штурма Манавскаго ущелья нашими войсками, былъ атакованъ лезгинами, въ числѣ 2,000 человѣкъ, спѣшившими на помощь Александру. Отброшенные за р. Алазань на м. Гавазы, лезгины отправились обратно въ свои селенія, а полковникъ Тихоновскій перешелъ въ сел. Казисхеви [1]). Царевичъ перебрался сначала въ сел. Пшавели, а потомъ въ Тіонети [2]). По слѣдамъ его шелъ генералъ-маіоръ кн. Орбеліани, но при всемъ желаніи не могъ настичь Александра. Горы, лѣса и безчисленныя ущелья представляли множество дорогъ и закрытій для его шайки, состоявшей исключительно изъ однихъ конно-вооруженныхъ людей. Они легко проходили тамъ, гдѣ нашимъ войскамъ съ вьюками и обозами почти невозможно было пробраться. Не задаваясь цѣлью нагнать царевича, князь Орбеліани главнѣйшимъ образомъ принималъ мѣры къ успокоенію жителей и наказанію виновныхъ. Главнокомандующій приказалъ взыскивать въ контрибуцію съ каждаго двора по три руб., по три коды пшеницы и по одной кодѣ ячменя; съ нацваловъ и кевховъ, участвовавшихъ въ бунтѣ, брать вдвое, а имѣніе князей Андроникovыхъ отобрать въ казну [3]).

Императоръ Александръ не одобрилъ распоряженія Ртищева и не находилъ его полезнымъ для края.

«Средства подобнаго рода, писалъ государь [4]), обыкновенно не были успѣшны къ преклоненію умовъ; напротивъ, составляя разореніе, легко послужатъ они поводомъ къ вящшему ожесточенію народа, недавно поступившаго въ подданство Россіи и не имѣющаго достаточнаго понятія о законахъ новаго своего государства.

«Посему повелѣваю вамъ, на будущее время, никогда контрибу-

---

[1]) Рапортъ кн. Орбеліани Ртищеву, 27-го ноября, № 485, и 29-го ноября, № 491.

[2]) То же, отъ 2-го декабря 1812 г., №№ 496 и 503.

[3]) Предписаніе князю Орбеліани 4-го декабря, № 514.

[4]) Въ указѣ отъ 13-го февраля 1813 года.

ціи на россійскихъ подданныхъ не налагать, а въ наказаніе бунтовщиковъ поступать по точной силѣ законовъ. Примѣръ таковой въ глазахъ вѣрныхъ катехинцевъ и покровительство симъ послѣднимъ возбудятъ ихъ болѣе на приверженность къ престолу, нежели взысканіе извѣстной, такъ сказать, за измѣну платы, неупотребительной въ государствѣ нашемъ.

«Что же принадлежитъ до предположенія вашего производитъ изъ собранной въ контрибуцію суммы мясную и винную порціи войскамъ, то я желаю знать, для какихъ войскъ именно опредѣлена сія порція и сколько на оную потребно суммы въ мѣсяцъ? равно, сколь велика сумма, въ контрибуцію собранная?

«Если мѣстное положеніе позволяетъ, чего мнѣ отсюда предвидѣть невозможно, то лучше, кажется, въ тѣ селенія, на которыя падаетъ подозрѣніе, въ какихъ либо неблагонамѣренныхъ поступкахъ противъ правительства, располагать самыя войска квартирами, съ производствомъ имъ съ тѣхъ селеній мясной порціи натурою, чѣмъ бы самымъ еще болѣе различены были жители мирные отъ бунтовщиковъ, или брать съ оныхъ аманатовъ, но все сіе должно зависѣть собственно отъ вашего усмотрѣнія».

Повелѣніе императора было получено главнокомандующимъ тогда, когда большая часть контрибуціи была собрана. Народъ и князья повиновались распоряженіямъ правительства и являлись съ покорностью и просьбою о прощеніи. Царевичъ бѣжалъ къ пшавамъ, и князь Орбеліани, занявъ сел. Тіонети, вошелъ въ сношеніе съ *деканозами* (священниками) и потребовалъ отъ нихъ выдачи Александра, обѣщая за то денежную награду. Ртищевъ также писалъ объ этомъ пшавскому старшинѣ.

«Всей Грузіи извѣстно, говорилъ главнокомандующій [1]), что Александръ проклятъ отцомъ своимъ, царемъ Ираклiемъ, за беззаконныя его дѣла и намѣренія. Родительская клятва сія, услышанная правосуднымъ Богомъ, будетъ преслѣдовать его несчастіями до гробовой доски, навлекать подобный гнѣвъ Божій на всѣхъ его сообщниковъ и несчастіе на ту землю, гдѣ онъ будетъ имѣть свое пристанище, ибо клятва родительская важна передъ Богомъ. Итакъ, въ отвра-

[1]) Въ письмѣ отъ 13-го декабря 1812 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. V, № 627.

щеніе многихъ золъ, предстоящихъ для пшавскаго народа, я поручаю вамъ, какъ благоразумнѣйшему въ своемъ обществѣ, имѣющему справедливость, уваженіе отъ народа и усердному къ службѣ Государя Императора, принять всѣ мѣры къ поимкѣ сего бѣглеца и представленіи ко мнѣ».

Старшина отвѣчалъ, что пшавы не принимали къ себѣ царевича Александра, который ушелъ къ хевсурамъ. Преслѣдовать его въ горахъ не было никакой возможности, и генералъ-маіоръ князь Орбеліани, оставивъ въ Тіонетахъ маіора Борщова съ 300 человѣкъ пѣхоты и двумя орудіями, отошелъ самъ къ сел. Ахмети[1]). Онъ предполагалъ запереть небольшими отрядами всѣ хевсурскія и пшавскія ущелья и, не пропуская жителей, пасшихъ свой скотъ на поляхъ Грузіи, заставить ихъ тѣмъ выдать царевича. Мѣра эта, конечно, могла бы привести къ существеннымъ результатамъ, но главнокомандующій, не желая прибѣгать къ поголовному разоренію жителей, рѣшился вступить въ сношеніе съ Александромъ и убѣдить его покориться русскому Императору.

«Доколѣ пагубное ослѣпленіе кахетинскаго народа, писалъ Ртищевъ царевичу[2]), водило васъ на своихъ помочахъ вѣроломныхъ и буйныхъ, хотя слабыхъ, то я, исполняя священныя для меня обязанности вѣрнаго подданнаго моему всемилостивѣйшему Государю Императору, повелѣвалъ дѣйствовать противо васъ такъ, какъ противъ непріятеля и нарушителя общественнаго спокойствія. Но теперь, когда жертвы безсилія вашего пали подъ бѣдствіемъ своимъ, и подпора, впрочемъ всегда суетная, ваша рушилась, я побуждаюсь гласомъ человѣколюбія и уваженія къ знаменитому происхожденію вашему, а паче вѣдая неизглаголанное милосердіе Его Императорскаго Величества ко всѣмъ членамъ грузинскаго царственнаго дома, только при несчастіи вашемъ обращаюсь къ вамъ на помощь, съ искренностію честнаго человѣка и христіанина, объясняя вамъ слѣдующее:

«Взгляните сами на ужасную картину тѣхъ бѣдствій, въ кото-

---

[1]) Рапортъ кн. Орбеліани главнокомандующему, 11-го декабря 1812 года, № 562.

[2]) Въ письмѣ отъ 31-го декабря 1812 г. Акт. Кав. Арх. Ком. т., V, № 441.

рыя ввергнутъ вами кахетинскій народъ, и вопросите совѣсть вашу, угодное ли дѣло сдѣлали вы передъ Богомъ и предъ человѣчествомъ, учинившись орудіемъ напраснаго пролитія крови христіанской и несчастья тысячи семействъ? Потомъ посовѣтуйтесь съ сердцемъ вашимъ и съ разсудкомъ совѣсти вашей,—тогда вѣрно они научатъ васъ, что вамъ теперь дѣлать и чѣмъ вы можете умилостивить правосуднаго Мздовоздателя какъ въ семъ, такъ и будущемъ вѣкѣ!

«Не нужно напоминать мнѣ вамъ, что теперешняя жизнь ваша есть самая бѣдственная и не можетъ назваться жизнью, а только продолжительнымъ мученіемъ, ибо вѣрно вы чувствуете все сіе въ собственной вашей совѣсти, боясь враговъ своихъ, боясь наемниковъ, боясь приближенныхъ и друзей своихъ и, наконецъ, боясь даже собственной тѣни вашей. Отчего же все сіе происходитъ? Я вамъ скажу истину: отъ того, что дерзаете идти противу неисповѣдомыхъ предпамѣреній вышняго Промысла, пекущагося о благѣ народовъ и для сего предавшаго Грузинское Царство, по доброй волѣ бывшихъ на оном помазанниковъ Божіихъ, во власть и защиту отъ враговъ, могущественному, сильнѣйшему и милосерднѣйшему изъ христіанскихъ государей, Россійскому Императору; отъ того, что вы, ослѣпясь бѣдственною для васъ и для участниковъ вашихъ суетностію, не стремитесь съ покорностію волѣ Божіей въ отеческія объятія милосерднаго Монарха, устроившаго прочное счастіе вашихъ братьевъ, сестеръ и всѣхъ кровныхъ вамъ, а стараетесь раздирать утробу собственнаго вашего отечества, прилѣпляясь къ всегдашнимъ врагамъ не только дома вашего, но и самой вѣры, и ищете помощи у тѣхъ, кои всегда упивались кровію вашего отечества. Наконецъ отъ того, что вы, усиливаясь проложить себѣ путь неправдою, можетъ быть, доселѣ не хотѣли вѣрить, что Богъ не благословляетъ вашихъ намѣреній, и что правосудіе небесное дѣйствуетъ уже надъ вами и въ сей жизни!»

«Послѣ сего, приведя вамъ на память несчастливѣйшій жребій шедшаго по стопамъ вашимъ племянника вашего Левана, который, въ ознаменованіе на немъ гнѣва Божія, безславно погибъ отъ руки хищнаго разбойника, безъ покаянія христіанскаго, я, какъ христіанинъ, уважающій высокій родъ вашъ, призываю васъ обратиться на

путь истинный, покориться волѣ Божіей и повергнуть себя въ ожидающее васъ отеческое милосердіе Его Величества».

Главнокомандующій совѣтовалъ Александру безбоязненно явиться къ нему, обѣщая принять его съ почестью, приличною его происхожденію, забыть всѣ поступки его и выхлопотать прощеніе Императора. «Но знайте,—прибавлялъ онъ,—что если вы останетесь въ прежнемъ своемъ заблужденіи, то я также повелѣлъ всюду васъ преслѣдовать и не имѣть никакой пощады».

Скрывшись у хевсуръ въ сел. Шатили и оставивъ Грузіи на память о себѣ слѣды всеобщаго разоренія, царевичъ самъ начиналъ тяготиться скитальческою жизнью. Онъ не имѣлъ чистосердечнаго намѣренія покориться русскому правительству, но, двуличничая, оставлялъ за собою эту мѣру на случай безвыходности своего положенія.

«Получилъ я отъ вашего высокопревосходительства письмо, отвѣчалъ онъ Ртищеву [1]), которое я желалъ имѣть; но разсмотрѣніе его ввергло меня въ пучину думъ. Оно наполнено не только обличеніями, но и укоризнами мнѣ: вы меня обвиняете въ ослѣпленіи кахетинскаго народа и несчастномъ его направленіи; укоряете меня за то, что ничто, задуманное мною, не благословляется Богомъ; страшите несмѣтными вашими силами, приписываете мнѣ разрушеніе общественныхъ связей и радуетесь нашему паденію въ жертву нашего безсилія. На это и я имѣю честь изъяснить по истинѣ, и вашъ совѣстливый судъ да разсмотритъ.

«Вину несчастныхъ кахетинскихъ народовъ вы сваливаете на меня. Они дѣйствительно несчастны, ибо трудятся за своего наслѣдника (?!), страдаютъ и ввергаются въ темницы; а вы руками заграждаете имъ уста, причиняя столько мученій безвинно.

«Укоряете меня за то, что Богъ не споспѣшествуетъ моему намѣренію. Если это правда, то что же подняло столько народа? Но меня преслѣдуетъ неправосудіе. Страшите меня несмѣтною силой; я подлинно знаю, что Его Императорское Величество силенъ; но онъ же снисходителенъ и въ милостяхъ неисчерпаемъ, а вы не доводите до свѣдѣнія о таковомъ воззваніи народа. Обвиняете меня въ раз-

[1]) Въ письмѣ отъ 13-го февраля 1813 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т., V, № 447.

стройствѣ общества; Богъ да отвратитъ отъ меня подобное дѣло. Напротивъ, вы разрушаете благой выборъ народа.

«Вы радуетесь моему упадку и безсилію. Но Богъ есть возстановитель падшихъ, а судить объ истинно христіанской справедливости принадлежитъ христіанамъ. Сколько тысячъ истребилъ Иродъ за Христа-младенца новорожденнаго; но Христосъ былъ невиненъ въ ихъ крови, а они были сопричислены къ мученикамъ.

«Судите по правдѣ: если не за отечество и вѣру дѣйствуете и трудитесь, то ради чего добрая старость ваша (со дня пріѣзда) изъ Россіи понынѣ переноситъ столько мученій, что изо-дня въ день не имѣете отъ заботъ покоя. А меня упрекаете, что за отечество и народъ мой я однажды пустилъ сюда мою лошадь вскачь (т. е. заѣхалъ), жертвуя собою отчизнѣ, вѣрѣ и именитости.

«Укоряете, что я присталъ къ исконнымъ врагамъ нашей вѣры и слѣдую за ними. Это правда; но хотя они и враги, однако же имѣю между ними свободную жизнь и почетъ, подобающій моему роду.

«Вы говорите, что я боюсь и враговъ, и ближнихъ, и самой тѣни своей. Но развѣ не знаете, что всѣ боязливые осторожностью охраняютъ себя. Радѣніе объ отчизнѣ уподобило мое сердце отломку кремнистой скалы, и что̀ можетъ обратить меня, какъ не отеческій и ласковый пріемъ со стороны вашей,—добраго христіанина и правдивой особы.

«Страшитъ меня положеніе братьевъ моихъ и женщинъ-царицъ, христіанокъ и труженицъ, также наускиваніе солдатъ и хватаніе дѣтей царскаго дома. Хотя же эти (персіяне) суть всегдашніе враги, но никогда не отбирали нашего царскаго скипетра. Настоящую жизнь мою, правда, нельзя назвать жизнью, но я ни во что ставлю продолжительное страданіе за мою родину, ибо живу на свободѣ и въ добромъ властительномъ почетѣ.

«Вотъ правда, которую я изъяснилъ вашему высокопревосходительству, и судите по совѣсти вашей, если не все то истинно. Думаю, что правдивое сужденіе совѣсти вашей болѣе смягчитъ васъ въ отношеніи ко мнѣ.

«Обносить племянника моего Левана неприлично вамъ, именитой особѣ, и я объ этомъ умалчиваю; онъ же находится въ объятіяхъ Авраама, ибо положилъ голову свою за отечество.

«Ваше высокопревосходительство, пройдемъ все подобное молчаніемъ и начнемъ о дѣлахъ настоящихъ. Я доложу вамъ правду, которая за симъ и слѣдуетъ.

«Приглашаете меня вы, избранная и правдивая особа, умиленная христіански-отеческимъ милосердіемъ, а не указываете источниковъ, откуда буду имѣть содержаніе и какой пріемъ будетъ находящимся со мною; назначьте жалуемое мнѣ мѣсто, содержаніе, и тогда мысль моя успокоится.

«Довѣряю себя вамъ по христіанству и отечеству и прошу воззрѣть на меня, какъ благопопечительный и православный христіанинъ; объявите мнѣ, ваше высокопревосходительство, все, дабы я могъ прибѣгнуть къ отеческимъ объятіямъ вашимъ и пребывать навсегда вѣрнымъ Его Императорскому Величеству, до окончательнаго пролитія крови моей; тогда вы увѣдаете и мою службу, вѣрность и мощь».

Итакъ, по содержанію приведеннаго письма, можно было предполагать, что царевичъ готовъ и желаетъ покориться русскому правительству, но на дѣлѣ оказывалось не такъ, и Александръ одновременно преслѣдовалъ двѣ цѣли. За нѣсколько дней до отвѣта Ртищеву, царевичъ писалъ эриванскому хану, что русскіе просятъ о примиреніи, но онъ и грузины того не желаютъ; что въ Кахетіи такое возмущеніе, что русскіе, даже партіями въ 200 человѣкъ, не рѣшаются переходить изъ одного селенія въ другое; что силы его растутъ, и въ самомъ непродолжительномъ времени онъ будетъ имѣть отъ 80,000 до 100,000 челов. войска. «Но вѣдь изволите знать,— прибавлялъ скромно Александръ [1]), что всѣмъ имъ надо давать,— если не каждому изъ войска, то хоть старшинамъ и беладамъ (вожакамъ). Теперь о чемъ васъ умолять и что представить? Тамошнее дѣло зависитъ отъ васъ; поднесите прилежное прошеніе шахъ-задэ (Аббасъ-Мирзѣ), чтобы пожаловалъ намъ поболѣе денегъ и парчи. Пятью и десятью тысячами ничего не сдѣлается, — вы это лучше знаете. Доколѣ въ насъ есть душа, мы будемъ проливать кровь за вѣрность иранскому государю и шахъ-задэ».

Онъ написалъ нѣсколько писемъ Мирза-Безюргу и своему едино-

---

[1]) Акт. Кав. Арх. Ком., т. V, № 443.

мышленнику Худадъ-беку и просилъ ихъ упросить Аббасъ-Мирзу оказать ему помощь. Царевичъ увѣрялъ, что, поселившись у хевсуръ, онъ господствуетъ надъ Хеви [1]) и Ларсомъ и держитъ въ своихъ рукахъ всю военно-грузинскую дорогу; что вслѣдствіе этого русскіе только уѣзжаютъ, а пріѣзжихъ никого нѣтъ. Александръ увѣрялъ, что въ Кахетіи еще полное возстаніе, и просилъ помощи деньгами и войсками. «Постарайся, писалъ онъ Худадъ-беку, двинуть сюда войско пораньше; теперь не время обманывать, пора дѣйствовать. Съеживаніемъ ничего не подѣлаемъ, они (персіяне) и сами это знаютъ; чѣмъ скорѣе шахъ-задэ изволитъ сюда отправиться, тѣмъ лучше. Эхъ деньги, деньги! Будь онѣ еще въ январѣ, мы нанесли бы имъ (русскимъ) всеобщее избіеніе. Они (персіяне) жалѣютъ и деньги, и войско, а даромъ кто имъ уступитъ землю?»

Чтобы вѣрнѣе получить просимое, царевичъ увѣрялъ Мирза-Безюрга, что русское правительство желаетъ примириться съ нимъ, обѣщаетъ предоставить ему въ управленіе часть Кахетіи, 20,000 р. ежегоднаго жалованья, а князьямъ, съ нимъ находящимся, каждому дастъ по одной деревнѣ и по 600 р. ежегоднаго жалованья. По словамъ Александра, какъ ни выгодны эти предложенія, но онъ не согласится никогда измѣнить персидскому правительству. «Богъ свидѣтель, писалъ онъ Мирза-Безюргу [2]), что, пока во мнѣ есть душа, я не отступлюсь отъ хлѣба-соли иранскаго государя и шахъ-задэ, и отъ вѣрности имъ, будучи готовъ проливать кровь изъ усердія къ нимъ. Но всѣ мои старанія, служба и вѣрность ничего не значатъ, если вы не подкрѣпите меня либо войскомъ, либо деньгами».

Ни того, ни другаго онъ не могъ получить, потому что Аббасъ-Мирза думалъ теперь не о помощи царевичу и не о вторженіи въ Грузію, а о собственномъ спасеніи послѣ пораженій, нанесенныхъ ему генералъ-маіоромъ Котляревскимъ.

---

[1]) Ущелье по военно-грузинской дорогѣ, начиная отъ Коби до Дарьялъ.

[2]) Акт. Кавк. Арх. Ком., т. V, № 444.

IV.

Характеристика Котляревскаго и его вліяніе на положеніе наше въ Карабагѣ.—Приготовленія персіянъ къ вторженію въ наши предѣлы.—Наступательныя дѣйствія Котляревскаго.—Бой при Асландузѣ.—Штурмъ Ленкорани.

— Вы лучше меня знаете мѣстныя обстоятельства и страну, говорилъ Ртищевъ Котляревскому, оставляя Карабагъ и уѣзжая въ Грузію.—Дѣлайте все, что благоразуміе ваше велитъ вамъ. Одного прошу не дѣлать и запрещаю, зная вашу отвагу и примѣрное мужество: вы, можетъ быть, не потерпите, смотря на персіянъ, собирающихся у Аракса, и вздумаете переправиться въ виду цѣлой ихъ арміи, а чрезъ неудачу, отъ чего Боже сохрани, и край погибнетъ.

Произнося эти слова, главнокомандующій какъ бы предугадывалъ мысли молодаго генерала, который, не смотря на запрещеніе, привелъ ихъ въ исполненіе въ самое ближайшее время послѣ отъѣзда Ртищева. Котляревскій не могъ сносить медленности и нерѣшительности; его характеръ, вполнѣ энергичный, требовалъ дѣйствій къ славѣ и величію Россіи. Осторожность и снисходительность главнокомандующаго выводили Котляревскаго изъ терпѣнія, и чѣмъ труднѣе были обстоятельства, тѣмъ энергичнѣе и тверже были всѣ его поступки.

Вотъ ближайшій примѣръ тому.

Мехти-Кули-ханъ карабагскій, зная о возмущеніи, вспыхнувшемъ въ Грузіи, о приготовленіяхъ персіянъ къ вторженію въ наши предѣлы и о затруднительности нашего положенія въ краѣ, сталъ оказывать намъ явное нерасположеніе, преслѣдовалъ бековъ, приверженныхъ къ русскому правительству, и не выѣхалъ, какъ было принято, провожать главнокомандующаго до границъ своихъ владѣній. Котляревскій не снесъ такого пренебреженія. Въ сопровожденіи только одного казака, съ нагайкою въ рукѣ, онъ проскакалъ черезъ г. Шушу прямо къ ханскому двору. Окруженный своею челядью, Мехти-Кули-ханъ сидѣлъ предъ бассейномъ и курилъ кальянъ.

— Я тебя повѣшу! кричалъ Котляревскій, не слѣзая съ лошади.

Не смотря на то, что ханъ былъ окруженъ вооруженною толпою, готовою броситься по одному мановенію своего повелителя и истерзать человѣка, ханъ струсилъ.

— Чѣмъ заслужилъ я такой гнѣвъ? спросилъ онъ Котляревскаго съ замѣшательствомъ.

— Какъ чѣмъ? развѣ ты ни во что не ставишь русскаго сердаря (начальника), что не удостоилъ даже пріѣхать, чтобы проститься, тогда, когда тебѣ слѣдовало явиться къ нему и провожать его при отъѣздѣ! Развѣ ты не началъ придираться къ бекамъ, намъ преданнымъ?

Мехти извинялся и оправдывался; онъ тотчасъ же снарядилъ вьюки съ разными сластями, догналъ Ртищева на переправѣ черезъ р. Терторъ и почтительно простился съ нимъ.

Поступокъ Котляревскаго, помимо поддержанія значенія главнокомандующаго въ краѣ, имѣлъ большое вліяніе на жителей Карабага, всегда вѣрныхъ тому, кто сильнѣе. «Со всей достовѣрностью полагать можно, говоритъ біографъ [1]), что такимъ рѣшительнымъ поступкомъ Котляревскій, хорошо знавшій азіятскій характеръ, остановилъ готовое возмущеніе, которое могло быть пагубно въ то время для русскихъ, но которое вскорѣ послѣ пораженія персіянъ сдѣлалось невозможнымъ. Эту предварительную, такъ сказать, побѣду Котляревскій одержалъ однимъ собственнымъ своимъ лицомъ, благодаря спасительному страху, имъ внушенному, страху, столь сильному, что до сего времени пугаютъ еще его именемъ карабагскихъ дѣтей».

Страхъ этотъ не былъ послѣдствіемъ жестокости характера, а твердости и строгаго исполненія распоряженій русской власти, столь необходимыхъ въ то время, когда Котляревскій одинъ съ небольшимъ отрядомъ стоялъ противъ огромныхъ полчищъ Аббасъ-Мирзы.

Послѣдній, какъ только узналъ, что царевичъ Александръ благополучно пробрался въ Грузію и что тамъ вспыхнуло возстаніе, тотчасъ же сталъ готовиться къ открытію военныхъ дѣйствій и намѣренъ былъ на этотъ разъ привести въ исполненіе составленный имъ весьма обширный планъ операцій. Сосредоточивая свои войска противъ отряда Котляревскаго и подойдя 8-го октября къ Асландузу,

---

[1]) Графъ В. Соллогубъ.—Біографія генерала Котляревскаго.

Аббасъ-Мирза намѣренъ былъ для лучшаго успѣха наступать одновременно по разнымъ направленіямъ. Съ этою цѣлью онъ поручилъ эриванскому хану безпокоить наши отряды, расположенные въ Памбакахъ и Шурагели и, чтобы они не могли подать помощи Котляревскому, произвести нападеніе на Бекантъ. Съ другой стороны, признавая совершенно достаточнымъ оставить въ Талышахъ, для дѣйствія противъ незначительнаго нашего отряда, тысячу человѣкъ пѣхоты и двѣ тысячи кавалеріи, Аббасъ-Мирза отозвалъ часть войскъ тамъ бывшихъ и, отправивъ два баталіона для занятія Сальянъ, изъ остальныхъ составилъ летучій отрядъ подъ начальствомъ Пиръ-Кули-хана. Переправившись черезъ р. Куру, Пиръ-Кули-ханъ долженъ былъ съ 3,000 конницы вторгнуться въ Шекинское ханство, возстановить Селима въ ханскомъ достоинствѣ, поднять тамошнее населеніе и слѣдовать на соединеніе съ царевичемъ Александромъ. Въ то же время главныя силы, переправившись черезъ р. Араксъ, должны были атаковать отрядъ Котляревскаго и въ случаѣ успѣха слѣдовать къ Елисаветполю, возбудить противъ Россіи шамхорскихъ, шамшадыльскихъ, казахскихъ и борчалинскихъ татаръ и направить ихъ на окончательное истребленіе русскихъ въ Закавказьѣ [1]).

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ планъ дѣйствій, для исполненія котораго Аббасъ-Мирза, 11-го октября, подошелъ къ р. Араксу и приступилъ къ переправѣ. Одна партія персіянъ, прежде другихъ переправившаяся черезъ рѣку, покушалась отбить табунъ казачьихъ лошадей, но была прогнана. Получивъ объ этомъ донесеніе, Котляревскій тотчасъ же написалъ Аббасъ-Мирзѣ весьма рѣзкое письмо. «Вы происходите, писалъ онъ [2]), отъ знаменитой фамиліи персидскихъ шаховъ, имѣете между родными столькихъ царей и даже считаете себя изъ родни небеснымъ духамъ: возможно ли, что при такой знаменитости происхожденія, зная всю малочисленность русскаго отряда, вы рѣшаетесь тайно воровать у него лошадей? Послѣ этого вамъ неприлично называться потомкомъ знаменитаго рода». Письмо оканчивалось просьбою запретить подобные набѣги. Какъ бы въ отвѣтъ на это, Аббасъ-Мирза остановилъ переправу и, расположившись выше Асландуза, приступилъ къ постройкѣ укрѣпленія.

[1]) Всеподд. рапортъ Ртищева отъ 21-го ноября 1812 г.

[2]) Графъ В. Соллогубъ.—Біографія Котляревскаго.

Поступокъ этотъ и отправленіе къ Шехинскому ханству Пиръ-Кули-хана, всегда командовавшаго авангардомъ главныхъ силъ, навели Котляревскаго на мысль, что онъ не будетъ атакованъ; что Аббасъ-Мирза перемѣнилъ планъ дѣйствій и намѣренъ, оставивъ въ Асландузскомъ укрѣпленіи четыре или пять тысячъ человѣкъ, для угрозы Карабагу, съ остальными войсками слѣдовать за Пиръ-Кули-ханомъ, пройти черезъ Шекинское владѣніе, вступить въ Грузію со стороны Кахетіи и, соединившись съ царевичемъ Александромъ, направиться къ Тифлису. Подобное движеніе, въ случаѣ успѣха, могло вызвать всеобщее возстаніе татаръ и горцевъ и поставить наши войска за Кавказомъ почти въ безвыходное положеніе.

Понимая всю важность предпринимаемаго Аббасъ-Мирзою движенія и зная, что Ртищевъ не имѣетъ достаточно войскъ, чтобы «противостать сильной громадѣ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ и удержать за собой большой и неукрѣпленный городъ» [1]), Котляревскій счелъ необходимымъ облегчить положеніе главнокомандующаго и своимъ подвигомъ сохранить наше владычество за Кавказомъ. Онъ рѣшился переправиться черезъ р. Араксъ, атаковать Аббасъ-Мирзу и нанести ему такое пораженіе, чтобы слухъ о немъ разнесся по горамъ и достигъ до властителя Персіи.

— Бей змѣя по головѣ, говорилъ часто Суворовъ.—Удачный ударъ въ голову наноситъ смерть и прочимъ частямъ тѣла, даже не касаясь ихъ.

Слѣдуя словамъ великаго учителя, Котляревскій прибавлялъ къ этому и свой собственный опытъ.

— Я зналъ и знаю, говорилъ онъ, что идущему впередъ одна пуля въ грудь или въ лобъ, а бѣгущему назадъ—десять въ спину. Это знали всѣ служившіе со мною, и никто никогда тыла не показывалъ. Во всю мою службу отечеству я видѣлъ бѣгущихъ однихъ непріятелей.

Сознавая, что въ данномъ случаѣ предпріятіе это было сопряжено съ крайнею трудностію, но «польза и честь оружія россійскаго и положеніе дѣлъ, доносилъ онъ, того требуютъ: ибо цѣль Аббасъ-

---

[1]) Изъ письма Котляревскаго редактору «Русскаго Инвалида». «Русскій Инвалидъ» 1835 г., №№ 25 и 26.

Мирзы состоитъ въ томъ, чтобы раздѣлить силы мои и потомъ съ лучшею увѣренностью ударить, а когда не успѣетъ развлечь меня, то удерживать въ бездѣйствіи, продолжать грабежи и смотрѣть, что сдѣлаютъ отряды имъ посланные. Если Богъ поможетъ разбить Аббасъ-Мирзу, тогда всѣ его замыслы рушатся однимъ ударомъ».

Дѣйствительно, Пиръ-Кули-ханъ съ однимъ своимъ отрядомъ не могъ имѣть успѣха, потому что долженъ былъ переправляться черезъ р. Куру на лодкахъ, доставая ихъ у жителей; слѣдовательно, при малѣйшей осторожности и бдительности Джафаръ-Кули-хана шекинскаго, можно было легко не допустить персіянъ до переправы. Но если бы они и переправились, то, съ пораженіемъ главныхъ силъ Аббасъ-Мирзы, Пиръ-Кули-ханъ былъ бы отрѣзанъ и могъ считать себя погребеннымъ. Тѣ же два персидскіе баталіона, которые были посланы къ Сальянамъ, находились въ совершенной зависимости отъ главныхъ силъ и вмѣстѣ съ отступленіемъ Аббасъ-Мирзы принуждены были слѣдовать къ нему на соединеніе.

Такимъ образомъ движеніемъ за р. Араксъ и успѣшными дѣйствіями противъ главныхъ силъ персіянъ, Котляревскій однимъ ударомъ уничтожалъ программу дѣйствій трехъ непріятельскихъ отрядовъ. Предпринимая столь смѣлую экспедицію и имѣя въ виду, что кочевыя племена татаръ, остававшихся въ Карабагѣ, находились преимущественно на р. Тертерѣ, Котляревскій просилъ генералъ-маіора барона Клодта фонъ-Юргенсбурга перейти съ отрядомъ къ дер. Пиразы, лежавшій на р. Курѣ, близъ впаденія въ нее р. Тертера, для прикрытія кочевыхъ народовъ и защиты Шекинскаго ханства отъ вторженія Пиръ-Кули-хана [1]).

Сдѣлавъ эти распоряженія, Котляревскій имѣлъ полное право написать, что «сколь ни отважнымъ кажется предпріятіе мое, но польза, честь и слава отечества того требуютъ, и я надѣюсь на помощь Бога, всегда поборающаго россійскому оружію, и на храбрость ввѣреннаго мнѣ отряда, что, если останусь живъ, непріятель будетъ разбитъ; если же меня убьютъ, ваше превосходительство найдете мои распоряженія такими, по коимъ и послѣ смерти обвинять меня не можете.

---

[1]) Рапорты Котляревскаго главнокомандующему 9-го и 10-го октября 1812 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т V, № 828 и № 830.

Содержавшійся подъ надзоромъ карабагскій житель Мурадъ-ханъ вызвался быть проводникомъ и указать дорогу вбродъ черезъ рѣку Араксъ. Положившись на него, Котляревскій собралъ свой отрядъ въ Ахъ-Огланѣ и объявилъ ему о предстоящемъ походѣ.

— Братцы! говорилъ онъ солдатамъ,—намъ должно идти за р. Араксъ и разбить персіянъ. Ихъ на одного десять, но каждый изъ васъ стоитъ десяти, и чѣмъ болѣе враговъ, тѣмъ славнѣе побѣда. Идемъ, братцы, и разобьемъ.

Солдаты съ восторгомъ приняли предложеніе своего боеваго командира.

Съ донесеніемъ о своемъ выступленіи Котляревскій отправилъ въ Тифлисъ каптенармуса, приказавъ ему не очень торопиться. Онъ опасался, чтобы Ртищевъ, оскорбившись неисполненіемъ его приказаній, не донесъ въ Петербургъ. Дѣйствительно, главнокомандующій былъ пораженъ поступкомъ Котляревскаго, но вслѣдъ за тѣмъ прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ объ одержанной побѣдѣ.

Выступая въ походъ, Котляревскій рѣшилъ или разбить персіянъ на голову, или самому не возвращаться живымъ съ поля сраженія.

«Предпринявъ атаковать персіянъ за Араксомъ,—писалъ онъ старшему по себѣ штабъ-офицеру,—я сдѣлалъ распоряженія, о которыхъ вамъ извѣстно; въ случаѣ смерти моей, вы должны принять команду и исполнять по онымъ. Еслибъ случилось, что первая атака была неудачна, то вы непремѣнно должны атаковать другой разъ и разбить, а безъ того не возвращаться и отнюдь не отступать. Когда непріятель будетъ разбитъ, то стараться перевесть на сію сторону кочующіе близъ Аракса народы, потомъ возвратиться. По исполненіи сей экспедиціи, вы должны донести о семъ прямо главнокомандующему и представить диспозицію мою и приказъ, отданный по отряду».

18-го октября Котляревскій выступилъ изъ Ахъ-Оглана, имѣя въ отрядѣ 1,525 человѣкъ пѣхоты, 495 человѣкъ кавалеріи и 6-ть орудій [1]). Располагая атаковать персіянъ ночью, онъ долженъ былъ

[1]) Въ отрядѣ находилось:

Грузинскаго гренадерскаго полка . .	33	офицера	995	нижн. чин.	30	музыкант.
17-го егерскаго полка	13	»	330	»	»	9	»
Севастопольскаго пѣхотнаго полка .	6	»	200	»	»	7	»
Итого . . .	52	офицера	1525	нижн. чин.	46	музыкант.

скрытно обойти всѣ ихъ караулы, перейти р. Араксъ въ пятнадцати верстахъ выше лагеря Аббасъ-Мирзы и сдѣлать въ сутки слишкомъ 70 верстъ [1]). Отрядъ шелъ молча и говорить было строго запрещено. Переправивъ пѣхоту на казачьихъ лошадяхъ, Котляревскій встрѣтилъ задержку при переправѣ артиллеріи. Одно изъ орудій провалилось въ яму вмѣстѣ съ лошадьми, и люди долгое время не могли ихъ вытащить.

— Что вы дѣлаете? спросилъ шопотомъ подъѣхавшій Котляревскій.

— Вытаскиваемъ орудіе.

— Эхъ, братцы,—замѣтилъ онъ,—если будемъ драться хорошо, то и съ пятью орудіями побьемъ персіянъ, и тогда вернувшись вытащимъ это, а если не вернемся, то оно намъ и совсѣмъ не нужно [2]).

— И впрямь такъ, отвѣчали солдаты, бросая орудіе.

Тѣмъ не менѣе, случай съ орудіемъ задержалъ нѣсколько переправу, и только утромъ, на разсвѣтѣ, нашъ отрядъ успѣлъ дойти до непріятельскаго лагеря [3]), въ которомъ находилось 30,000 человѣкъ, изъ которыхъ было 14,000 регулярнаго войска. Не ожидая нападенія, персіяне не слѣдили за движеніями Котляревскаго. «Въ ночь, предшествовавшую нападенію русскихъ, говоритъ персидскій историкъ [4]), часовые лагеря до такой степени были *охвачены рукою сны безпечности*, что ни одинъ изъ нихъ не далъ во-время знать объ угрожающей войскамъ опасности».

Такъ какъ Джафаръ-Кули-ханъ (бѣжавшій) былъ посланъ на

Донскаго казачьяго Краснова 3-го полка.	8 »	275 казаковъ.
Донскаго казачьяго Попова 16-го полка.	8 »	220 »
Итого . . .	16 офицер.	495 казаковъ.
20-й артиллерійской бригады. . .	2 »	76 рядовыхъ.

[1]) См. прилагаемый при семъ планъ сраженія.

[2]) Изъ разсказовъ Э. В. Бримера.

[3]) Всеподд. рапортъ Ртищева 21-го ноября 1812 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. V, № 846.

[4]) Извлеченіе изъ персидской исторіи «*Ровзетъ-улъ-Сафа*»—очаровательный садъ. Газета «Кавказъ» 1866 г. № 21.

рекогносцировку къ Карабагу, то двигавшіяся русскія войска многіе приняли за возвращавшійся отрядъ Джафара; другіе же полагали, что возвращается въ лагерь команда Садыкъ-хана-Каджара. При такомъ недоумѣніи персіяне оставались покойными, и часть ихъ находилась на ученьи, на которомъ присутствовалъ и Аббасъ-Мирза.

— Вотъ и ханъ ѣдетъ ко мнѣ,—замѣтилъ наслѣдникъ персидскаго престола, обращаясь къ бывшему при немъ англійскому офицеру.

— Это не ханъ, а Котляревскій,—отвѣчалъ хладнокровно британецъ, посмотрѣвъ въ зрительную трубу и передавая ее Аббасъ-Мирзѣ.

— Поросята сами лѣзутъ на ножъ,—сказалъ принцъ, желая скрыть свое смущеніе.

Отдавъ приказаніе фалконетной артиллеріи открыть огонь, Аббасъ-Мирза поскакалъ къ сарбазамъ и приказалъ имъ строиться, но было уже поздно; русскіе хозяйничали въ персидскомъ лагерѣ...

Находившаяся вблизи гора, командовавшая надъ всѣмъ лагеремъ, была занята одною только персидскою кавалеріею; пѣхоты на ней не было видно—ошибка, которою Котляревскій воспользовался самымъ блестящимъ образомъ, избравши гору главнымъ пунктомъ атаки.

Составивъ три каре, «съ растянутыми фасами» для лучшаго напора въ штыки, и поставивъ по флангамъ каре егерей, а кавалерію между каре, Котляревскій въ 8 часовъ утра 19-го октября атаковалъ Аббасъ-Мирзу. Онъ приказалъ стрѣлять какъ можно меньше и атаковать въ штыки какъ можно быстрѣе. Солдаты въ точности исполнили приказаніе начальника, и на сколько быстра была атака, настолько же скоро было отступленіе персіянъ. Гора была занята нами прежде, чѣмъ Аббасъ-Мирза успѣлъ послать на нее свою пѣхоту. Приписывая успѣхъ русскихъ плохому дѣйствію своей артиллеріи, персидскій принцъ, по словамъ его историка, «подобравъ за поясъ полы своего кафтана, собственноручно сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ пушки и силою ихъ *губительнаго дѣйствія помрачилъ весь свѣтъ*». Тѣмъ не менѣе русскіе остались на горѣ и громили персіянъ и ихъ лагерь. Тогда Аббазъ-Мирза, чувствуя невыгоду своего положенія, выступилъ со всѣми войсками изъ лагеря съ цѣлью обойти гору и отрѣзать нашъ отрядъ отъ Аракса. Находя болѣе полезнымъ нанести рѣшительный ударъ непріятелю, чѣмъ оставаться на горѣ въ оборонительномъ положеніи, Котляревскій оставилъ на горѣ всѣ

*

орудія и по одному фасу каре, а самъ съ остальными войсками спустился внизъ и бросился въ штыки. Ударъ этотъ былъ на столько гибеленъ для персіянъ, «что исламскіе воины, говоритъ ихъ историкъ, послѣ трехчасовой кровавой схватки, почли за лучшее отступить, *для отдохновенія,* на другую позицію». Наши солдаты ворвались въ ваґенбургъ и завладѣли какъ лагеремъ, такъ и всѣмъ имуществомъ, въ немъ находившимся. Объятые паническимъ страхомъ персіяне бѣжали въ безпорядкѣ за р. Даравюрдъ, оставивъ намъ въ добычу обширный лагерь, 36 фалконетовъ, множество артиллерійскихъ снарядовъ и патроновъ.

Переправившись черезъ рѣчку, Аббасъ-Мирза устроилъ свои полки и отошелъ къ укрѣпленію Асландузу, расположенному на высотахъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ р. Даравюрдъ впадаетъ въ Араксъ. Укрѣпленіе было обнесено полисадомъ и окружено двумя глубокими рвами.

Въ продолженіе дня персіяне присылали своихъ стрѣлковъ съ конною артиллеріею къ рѣчкѣ вести перестрѣлку, которая по временамъ была весьма оживленною, но всякая попытка со стороны непріятеля къ нападенію на нашъ лагерь кончалась его пораженіемъ. Видя, что Котляревскій не отступаетъ за Араксъ, Аббасъ-Мирза былъ увѣренъ, что этотъ «свирѣпо-грозный генералъ», какъ называли его персіяне, повторитъ атаку, и потому въ ту же ночь отправилъ всюду приказаніе собраться къ нему всѣмъ отдѣльнымъ отрядамъ. Узнавъ объ этомъ отъ бѣжавшихъ изъ персидскаго лагеря нашихъ плѣнныхъ, Котляревскій рѣшился вторично атаковать его на слѣдующее утро и не давать ему времени оправиться отъ понесеннаго пораженія. Онъ зналъ, что вторая побѣда будетъ легче первой, потому что непріятель находился въ разстроенномъ состояніи; что, по словамъ ихъ соотечественника, исламскіе воины проникнуты были большимъ изумленіемъ и разстройствомъ, «и что зрачки счастія ихъ сарбазовъ находились подъ вліяніемъ сна».

Призвавъ къ себѣ одного изъ возвратившихся изъ плѣна унтеръ-офицеровъ, Котляревскій разспрашивалъ его, какъ бы пройти такъ, чтобы не дать возможности персидской арміи скрыться. Тотъ вызвался провести нашъ отрядъ съ той стороны, гдѣ у непріятеля не было пушекъ.

— На пушки, братецъ,—отвѣчалъ Котляревскій,—на пушки!

Передъ разсвѣтомъ 20-го октября нашъ отрядъ, переправившись черезъ р. Даравюрдъ выше персидскаго лагеря, двинулся на штурмъ укрѣпленія съ тыла. Семь ротъ грузинскаго гренадерскаго полка, двигаясь со стороны Персіи, стали огибать укрѣпленіе съ правой стороны, баталіонъ егерей двинулся по направленію къ Араксу для обхода того же укрѣпленія съ лѣвой стороны, а небольшое резервное каре направлено было по теченію р. Даравюрдъ, чтобы оказать помощь тому изъ наступающихъ отрядовъ, который прежде встрѣтитъ въ этомъ необходимость. Казачьи полки получили приказаніе занять выгодную позицію въ тылу укрѣпленія, чтобы удобнѣе было преслѣдовать бѣгущаго непріятеля.

Персіяне, надѣясь на неприступность своей позиціи, были замѣчательно безпечны. Расположившись около пылающихъ костровъ они не выставили нигдѣ пикетовъ, какъ вдругъ увидѣли передъ собою грозныя лица русскихъ солдатъ и сверкающіе штыки. «Смятеніе сдѣлалось невыразимое. Снова грянуло громомъ ура! и началось кровопролитіе; вопли ужаса, крики побѣдителей, стоны умирающихъ, мольбы о пощадѣ потрясли воздухъ въ страшную ночь, освѣщаемую догоравшими огнями. Получивъ приказаніе не щадить никого, кромѣ самого Аббасъ-Мирзы, русскіе солдаты страшно ожесточились и кололи безъ сопротивленія. Тщетно самъ Котляревскій кричалъ: *полно, полно!* онъ не могъ остановить разсвирѣпѣвшихъ гренадеровъ».

Менѣе чѣмъ въ два часа времени укрѣпленіе было взято и четыре баталіона персидской регулярной пѣхоты погибли при его защитѣ. «Богъ, ура! и штыки даровали побѣду», доносилъ Котляревскій, побѣду полную и блестящую прибавимъ мы. Одиннадцать англійскихъ орудій, три знамени, въ томъ числѣ одно самого Аббасъ-Мирзы, болѣе 537 плѣнныхъ сарбазовъ, въ числѣ которыхъ былъ одинъ полковникъ и 16 офицеровъ и наконецъ болѣе 1,200 челов. убитыхъ персіянъ ознаменовали побѣду. Самъ принцъ только съ 20 человѣками своей свиты бѣжалъ съ поля сраженія постыднѣйшимъ образомъ. Персидскій историкъ старается оправдать своихъ соотечественниковъ и приписываетъ пораженіе персіянъ стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ. «Въ самый разгаръ боя, говоритъ онъ, замѣчательный и удивительный случай превратности судьбы проявилъ себя въ арміи

Ирана: когда принцъ, воодушевляя ратниковъ, предался размышленіямъ о средствахъ къ спасенію, лошадь его внезапно споткнулась и оборвалась въ глубокую яму, отчего его высочество изволилъ свое благородство перенести съ сѣдла на землю. Прислуга не могла замѣтить такого непріятнаго казуса и не видя своего повелителя, исполнилась невыразимаго смущенія, вообразивъ, что его высочество, подобный Александру Македонскому и славный дѣяніями знаменитаго государя Дара (Дарія), погибъ. Слѣдствіемъ всего этого было всеобщее разстройство: свита принца разсѣялась въ разныя стороны, сарбазы же марагинскаго полка поспѣшили отретироваться съ той горы, которая походила на средоточіе невыразимаго кровопролитія, внизъ, къ ея подошвѣ». За этимъ полкомъ послѣдовали другіе, и персіяне бѣжали безъ оглядки...

Нашъ уронъ убитыми и ранеными состоялъ изъ 127 человѣкъ [1]). Къ Котляревскому явилось 57 нижнихъ чиновъ Троицкаго полка, находившихся въ плѣну [2]).

Такъ однимъ ударомъ разрушены были обширные замыслы Аббасъ-Мирзы, со стыдомъ ушедшаго въ Тавризъ. Аландузъ, въ которомъ нѣсколько дней тому назадъ происходили мирные переговоры, взятъ нами штурмомъ, и укрѣпленія его разрушены.

Оставшись два дня на полѣ сраженія, Котляревскій 23-го октября возвратился въ Карабагъ и расположился по-прежнему въ Ахъ-Огланѣ. Три дня спустя, 27 октября, Тифлисъ праздновалъ побѣду, и во всѣхъ церквахъ его было совершено благодарственное молебствіе. За побѣду эту Ртищевъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго; Котляревскій, по ходатайству главнокомандующаго, произведенъ въ генералъ-лейтенанты и награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени, а нижнимъ чинамъ, принимавшимъ участіе въ экспедиціи, пожаловано по рублю на человѣка [3]).

Въ то время когда Котляревскій за Араксомъ одерживалъ одну побѣду за другою, генералъ-маіоръ баронъ Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ

---

[1]) Убиты: 1 оберъ-офицеръ и 27 нижнихъ чин.; ранены 2 штабъ-офицера и 97 нижнихъ чиновъ.

[2]) Всеподд. рапорты Ртищева отъ 31-го октября и 21 ноября 1812 года. Ак. Кав. Арх. Ком., т. V, №№ 844 и 846.

[3]) Отнош. военнаго министра Ртищеву 30-го ноября № 1036.

спѣшилъ на встрѣчу Пиръ-Кули-хану, переправившемуся уже черезъ р. Куру и разорявшему Шекинское ханство. Баронъ Клодтъ двинулся къ г. Нухѣ, съ цѣлью соединившись тамъ съ шекинскою конницею идти искать Пиръ-Кули-хана [1]). Послѣдній, узнавъ о приближеніи русскаго отряда и не видя обѣщанной помощи со стороны Аббасъ-Мирзы, отступилъ съ такою поспѣшностью, что въ 13 часовъ сдѣлалъ сто верстъ.

Какъ только генералъ-маіоръ Котляревскій получилъ извѣстіе объ отступленіи Пиръ-Кули-хана, онъ тотчасъ же посадилъ на лошадей 200 челов. егерей и, придавъ имъ 200 казаковъ съ однимъ коннымъ орудіемъ, отправилъ подъ начальствомъ маіора Дьячкова къ р. Курѣ, съ цѣлью отрѣзать отступленіе персіянамъ. Но Пиръ-Кули-ханъ, предвидя возможность подобнаго случая, направился въ Ширванское ханство и, слѣдуя ночью по камышамъ, переправился черезъ рѣку Куру близъ селенія Новаго Тилянъ-Кёвюнлю. Переправа эта и отступленіе совершены столь быстро, что отряды генералъ-маіора Клодта и маіора Дьячкова не могли нагнать персіянъ; ихъ преслѣдовали шекинская конница и елисунскій султанъ Ахмедъ-ханъ, прибывшій на помощь шекинскому хану. Пиръ-Кули-ханъ потерялъ почти весь свой багажъ и оставилъ въ рукахъ шекинцевъ карадагскаго Аллахъ-Яръ-султана, взятаго въ плѣнъ вмѣстѣ съ другими пятью персидскими офицерами [2]).

Такимъ образомъ Ширванъ, Карабагъ и Шекинское ханство были совершенно очищены отъ непріятеля, и Аббасъ-Мирза отдыхалъ отъ понесенныхъ трудовъ въ Мешкинѣ [3]). Все принимало болѣе спокойный видъ, и 811 семействъ, увлеченныхъ Аббасъ-Мирзою изъ Карабага, были, по собственному ихъ желанію, возвращены обратно [4]). Котляревскій на короткое время отправился въ Тифлисъ и предлагалъ Ртищеву, для принужденія персіянъ къ скорѣйшему заключе-

---

[1]) Рап. барона Клодта главноком. 16-го октября. Ак. Кавк. Археогр. Ком., т. V, № 834.

[2]) Всеподд. рапортъ Ртищева, отъ 31-го октября. Акт. Кавк. арх. ком. т. V, № 843.

[3]) Рапортъ Котляревскаго главнокомандующему, отъ 30-го окт. 1812 г., № 803.

[4]) То же, отъ 26-го ноября, № 851.

нію мира, сосредоточить довольно значительный отрядъ въ Карабагѣ и открыть наступальныя дѣйствія внутрь Персіи. Главнокомандующій не рѣшался дать прямо согласіе и обѣщалъ подумать. Вѣря въ счастливую звѣзду Котляревскаго и его блестящія военныя дарованія, Ртищевъ готовъ уже былъ принять его проектъ, но происшествія въ Талышахъ совершенно измѣнили рѣшеніе главнокомандующаго.

«Обращаясь къ извѣстному вамъ предположенію, писалъ Ртищевъ къ генералу Котляревскому [1]), я сколь ни охотно желалъ бы немедленно привести оное въ дѣйствіе безъ упущенія времени, потому что мнѣніе ваше признаю основательнымъ и полезнымъ для Карабага, но въ то самое время, какъ я готовъ былъ отправить къ вамъ курьера, прибылъ ко мнѣ изъ Талышей лейтенантъ Кригеръ съ донесеніемъ отъ капитана 1-го ранга Веселаго, что талышинское владѣніе до сихъ поръ занято 7,000 непріятельскихъ войскъ, что самый гор. Ленкорань находится въ ихъ рукахъ и что, по перехваченнымъ письмамъ отъ непріятеля, которыя доставлены ко мнѣ оригиналомъ, а также по показанію плѣнныхъ, посылается еще новый сикурсъ непріятелю, который вскорѣ туда прибудетъ. Итакъ, въ сихъ обстоятельствахъ, слѣдуя здравому сужденію, я призналъ полезнѣйшимъ прежде излѣчить собственную рану, дабы, будучи въ полныхъ силахъ, тѣмъ съ бо́льшею увѣренностью можно было напасть на непріятеля.

«Талышинское ханство, какъ вамъ извѣстно, болѣе двадцати лѣтъ состоитъ въ покровительствѣ россійской Имперіи. Государь Императоръ по милосердію своему изволитъ принимать участіе въ владѣльцѣ сей земли, особливо по послѣдствіямъ войны съ Персіею; войска наши тамъ находятся, дерутся каждый день, имѣютъ потерю и не сильны столько, чтобы могли очистить Талышъ отъ непріятеля. Между тѣмъ я за владѣніе сіе, какъ покровительствуемое и защищаемое Россіею, долженъ отдать отчетъ, точно такой, какъ бы за самую Грузію, обязанъ и по достоинству Имперіи, и по человѣколюбію освободить талышинскаго хана отъ предстоящаго ему видимо бѣдствія и не менѣе того обратить все мое вниманіе на самыя войска наши, находящіяся

[1]) Въ отношеніи отъ 1-го декабря 1812 г. Акт. Кавк. арх. ком., т. V, № 716.

въ Талышахъ, которыя съ прибытіемъ изъ Персіи новаго сикурса могутъ сами подвергнуться опасности, или по позднему уже времени за невозможностью флотиліи держаться долго у талышинскихъ береговъ оставить сіе владѣніе на жертву персіянамъ, затмить славу россійскаго оружія и потерять у многихъ владѣльцевъ силу нашего вліянія. Слѣдовательно, гораздо болѣе можетъ быть для вашего превосходительства *чести и славы, если вы, спасши уже Карабагъ, спасете и Талышъ, истребите или разсѣете 7,000 персидскихъ войскъ*, занимающихъ сіе владѣніе, возстановите хана въ прежней его власти и достоинствѣ и потомъ уже обратитесь на новый вредъ для Персіи».

Отрядъ нашихъ войскъ, находившихся въ Талышахъ, все еще былъ окруженъ непріятелемъ и переносилъ всѣ невзгоды осады. По просьбѣ Веселаго, генералъ-маіоръ Хатунцевъ отправилъ къ нему изъ Дагестана двѣ роты Троицкаго полка съ двумя орудіями и одну роту въ Сальяны, для занятія этого пункта. Съ прибытіемъ этихъ ротъ Веселаго могъ перейти въ наступленіе и произвести нѣсколько вылазокъ. Такъ 7-го ноября штабсъ-капитанъ Мазуренко со 100 человѣками Троицкаго полка и Мустафа-ханъ ширванскій съ 300 человѣкъ своей конницы совершенно истребили непріятельскій отрядъ, прикрывавшій входъ въ рѣку, и захватили много лошадей, пшена и фуража. Черезъ день, 9-го ноября, капитанъ Яковлевъ съ отрядомъ въ 260 челов. пѣхоты выбилъ персіянъ изъ позицій, занятыхъ имъ на пути къ Ленкорани, и принудилъ ихъ запереться въ крѣпости, находившейся въ концѣ города и считавшейся неприступною [1]). «Видя трусость непріятеля или потерю присутствія духа», капитанъ Веселаго отправилъ хана съ небольшимъ числомъ ему подвластныхъ и со 150 человѣками пѣхоты къ Аркеванской крѣпости, для подчиненія власти хана нѣсколькихъ деревень, отъ него отложившихся. Движеніе это было весьма успѣшно, и Миръ-Мустафа въ короткое время усмирилъ бунтовщиковъ, подчинилъ своей власти всю западную часть Талышинскаго ханства и запасшись продовольствіемъ, въ которомъ нуж-

[1]) Предписаніе Ртищева капитану 1-го ранга Веселаго, отъ 23-го октября 1812 г. Рапортъ Хатунцева Ртищеву, отъ 2-го декабря. Рапортъ Веселаго главнокомандующему, отъ 3-го декабря 1812 г. Акт. Кавк. арх. ком., т. V, №№ 715, 717 и 718.

дались войска, возвратился къ отряду. Дороги были очищены отъ непріятеля, но выбить его изъ г. Ленкорани, по малочисленности нашего отряда, не было возможности. Въ распоряженіи Веселаго, за болѣзнями и убылью, оставалось 380 человѣкъ, которыхъ онъ раздѣлилъ на двѣ части: одна часть наблюдала за непріятелемъ, находившемся въ Ленкорани, а другая препятствовала ему ворваться въ Гямушаванъ [1]). Но какъ персіяне не могли быть выгнаны изъ Талышинскаго ханства этими отрядами, то Веселаго и просилъ главнокомандующаго о присылкѣ новыхъ подкрѣпленій и получилъ въ отвѣтъ, что изгнаніе персіянъ изъ Талышей поручено генералъ-маіору Котляревскому. Послѣдній давно уже торопился придти на помощь осажденнымъ, но выводъ гарнизона изъ м. Мигри задерживалъ его. Сильное по природѣ селеніе Мигри было весьма важно для насъ какъ передовой пунктъ обороны, но убійственный климатъ и огромныя затрудненія въ доставкѣ продовольствія заставляли Котляревскаго нѣсколько разъ просить главнокомандующаго о выводѣ оттуда гарнизона и особенно настаивать на томъ съ наступленіемъ осени. Съ началомъ снѣга прекращалось всякое сообщеніе, и мигринскій гарнизонъ долженъ былъ оставаться безъ продовольствія. Имѣя въ виду, что въ теченіе десяти мѣсяцевъ баталіонъ лишился 368 человѣкъ умершими отъ болѣзней [2]) и что съ наступленіемъ зимы онъ долженъ былъ умереть голодною смертію, Котляревскій рѣшился еще разъ напомнить главнокомандующему о необходимости оставить это мѣсто.

«Сдѣлайте милость, писалъ онъ [3]), бросьте сіе мѣстечко и выведите баталіонъ; вѣрьте, что нѣтъ уже болѣе никакихъ способовъ удерживать оное, и ежели баталіонъ пропадетъ, то я ни передъ Богомъ, ни передъ Государемъ и ни передъ судомъ виноватъ не буду, ибо все то, что можно уже сдѣлано».

Ртищевъ на этотъ разъ согласился оставить Мигри и приказалъ вывести оттуда гарнизонъ [4]). Чтобы исполнить это приказаніе, Котляревскій долженъ былъ послать изъ своего отряда 350 человѣкъ въ

[1]) Рапортъ Веселаго главнокомандующему, отъ 3-го декабря 1812 г., № 1034.
[2]) Рапортъ Ртищева военному министру, 25-го сентября 1812 г., № 70.
[3]) Отъ 25-го октября 1812 г.
[4]) Предписаніе Котляревскому 1-го ноября 1812 г., № 505.

Мигри, чтобы вывести оттуда уцѣлѣвшихъ, но больныхъ 160 человѣкъ, не имѣвшихъ возможности двинуться безъ постороней помощи [1]).

Какъ только остатки баталіона присоединились къ отряду, Котляревскій тотчасъ же, 17-го декабря, выступилъ изъ Ахъ-Оглана, имѣя въ отрядѣ 1,500 челов. пѣхоты, 470 казаковъ и 6 орудій [2]).

Сознавая всю трудность предстоящей экспедиціи въ зимнее время, онъ писалъ правителю канцеляріи главнокомандующаго Могилевскому: «Итакъ, дождавшись егерей, наконецъ, выступаю. Пожелайте мнѣ счастья. Экспедиція сія меня крайне тревожитъ. Время сдѣлало ее затруднительною слишкомъ. Теперь уже не диверсія, а освобожденіе Талышей. Диверсія тогда могла быть, когда только еще пошли персіяне въ Талыши, а теперь они уже давно занимаютъ и крѣпости, и укрѣпленія. Прошу Бога о помощи и могу назваться слишкомъ счастливымъ, если Богъ дастъ окончить счастливо».

18-го декабря Котляревскій переправился черезъ Араксъ, 19-го прошелъ 80 верстъ по Муганской степи безъ воды и дороги; 20-го числа захватилъ часть шахсеванскихъ семействъ, а у тѣхъ, которыя бѣжали, отбилъ скотъ и 21-го числа вступилъ въ Талышинское ханство. Путь былъ трудный; солдаты то переходили по грудь топи и болота, то переносили ужасную вьюгу и снѣгъ. Борясь со всѣми суровостями природы, они преодолѣвали «трудности, самое воображеніе превышающія, и доказали въ полной мѣрѣ врагамъ нашимъ, что для войскъ Его Императорскаго Величества, ничѣмъ неодолимыхъ, нѣтъ ничего непреоборимаго» [3]).

При самомъ вступленіи въ Талышинское ханство Котляревскій встрѣтилъ карабагскихъ жителей, увлеченныхъ Аббасъ-Мирзою при нападеніи его на Карабагъ. Прикрывавшій ихъ Абусалимъ съ 500 человѣкъ конницы бѣжалъ въ Аркеванъ. Слѣдуя далѣе, отрядъ сошелся съ авангардомъ Пиръ-Кули-хана, посланнаго на усиленіе талышинскихъ войскъ, но, не вступая съ нами въ дѣло, персіяне отступили.

---

[1]) Рапортъ Котляревскаго Ртищеву 6-го декабря 1812 г., № 871.

[2]) Рапортъ Котляревскаго Ртищеву, 17-го декабря 1812 г., № 896.

[3]) Ртищевъ воен. минис. 9-го апрѣля 1813 г., № 53. Воен. учен. арх. № 47358, дѣло № 211.

22-го декабря Котляревскій оставилъ на рѣкѣ Каразь, для прикрытія отбитыхъ карабагскихъ и шахсеванскихъ семействъ, 200 человѣкъ пѣхоты, 170 казаковъ и одно орудіе, а самъ двинулся къ Аркевану. Съ приближеніемъ его персіяне, по выраженію своего историка, «*лишившись ногъ твердости*», оставили безъ боя укрѣпленіе, два орудія и всѣ снаряды. Укрѣпленіе Аркеванское было устроено англичанами вмѣсто бывшей тутъ старой крѣпости, окружено рвомъ и имѣло нѣчто въ родѣ цитадели; гарнизонъ его состоялъ изъ 1,500 персіянъ и 400 русскихъ дезертировъ. Котляревскій отправилъ для преслѣдованія ихъ полковника Ушакова съ 400 челов. пѣхоты, 300 казаковъ, которые отбили 52 челов. русскихъ дезертировъ и 600 лошадей. Оставивъ 100 челов. пѣхоты съ орудіемъ въ Аркеванѣ [1]), отправивъ 200 человѣкъ пѣхоты и всю конницу къ р. Каразь [2]) и поручивъ общее командованіе ими 17-го егерскаго полка маіору Дьячкову, Котляревскій обратился къ талышинцамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ [3]).

«Народъ талышинскій! писалъ онъ.—Войска великаго и всемогущаго въ свѣтѣ Императора Россійскаго пришли освободить васъ отъ рукъ персіянъ. Останьтесь спокойны въ домахъ вашихъ и будьте увѣрены, что имущество ваше неприкосновенно. Русскіе не персіяне и не разбойники, они не будутъ васъ грабить. Я требую отъ васъ только, чтобы всякій могущій носить ружье обратилъ оное противу притѣснителей, кои будутъ вскорѣ наказаны войсками всемилостивѣйшаго Государя моего. Требую, чтобъ вы добивали остатки сихъ изверговъ и пресѣкали имъ пути къ побѣгу, когда настигнетъ ихъ побѣдоносное оружіе. Обѣщаю вмѣстѣ съ симъ прощеніе тѣмъ изъ васъ, кото-

---

[1]) Отношеніе Ртищева кн. Горчакову отъ 9-го января 1813 г. Ак. Кав. Арх. ком., т. V, № 851. Въ Аркеванѣ были оставлены: Грузинск. гренад. полка 1 офиц. и 50 ряд.; 17-го егерск. полка 1 офиц. 50 ряд. и 20-й артил. бригады 10 рядовыхъ.

[2]) Въ Каразь были отправлены всѣ казаки: Краснова 3-го полка 7 штабъ и об.-оф., 279 ниж. чиновъ; Попова 16-го полка 8 шт. и об.-офиц., 226 ниж. чин. Сверхъ того было отправлено пѣхоты: Грузинск. гренад. полка 3 об.-офиц., 125 рядов.; 17-го егерск. полка 3 офиц., 75 рядов. и 20-й артил. бригады 11 рядов.

[3]) Тиф. арх. См. также Біогр. Котляревскаго гр. В. Соллогуба.

рые обманомъ и обольщеніями персидскими вовлечены предаться имъ добровольно. Таковые должны явиться ко мнѣ, или къ законному своему хану, не опасаясь никакого наказанія, ибо слово русское не есть слово персидское. Русскій не знаетъ коварствъ и не имѣетъ нужды въ обманахъ».

Воззваніе это оказало свое дѣйствіе; народъ талышинскій взялся за оружіе и, какъ доносилъ Котляревскій, «бьетъ въ городахъ и лѣсахъ бѣгущихъ персіянъ. Все слава Богу идетъ хорошо, только труды солдатъ велики, но они подкрѣпляются порціею отбитаго скота, коего весьма избыточно» [1]).

Поддерживая такое настроеніе населенія, Котляревскій двинулся къ Ленкорани, гдѣ находилось болѣе 4-хъ тысячъ персіянъ, подъ начальствомъ Садыкъ-хана. Въ день Рождества Христова, 25-го декабря, отрядъ подошелъ къ Гямушавану, гдѣ соединился съ отрядомъ капитана 1-го ранга Веселаго и 26-го декабря остановился передъ Ленкоранью. Въ ту же ночь Котляревсвій обложилъ крѣпость, устроилъ батареи и на утро открылъ канонаду.

Аббасъ-Мирза писалъ Садыкъ-хану, что если бы цѣлыя горы войскъ возстали противу него, то и тогда онъ не долженъ колебаться, но защищать до послѣдней капли крови сей ключъ къ сердцу Персіи» [2]).

На слѣдующій день Котляревскій потребовалъ сдачи города.

«По волѣ главнокомандующаго, писалъ онъ Садыкъ-хану [3]), пришелъ я освободить Талышинское владѣніе отъ рукъ персіянъ и, слѣдовательно, долженъ взять Ленкоранъ. Зная васъ, сколько со стороны храбраго, столько же и благоразумнаго предводителя, считаю нужнымъ предувѣдомить, что сопротивленіе ваше будетъ напрасно. Какой бы вы отличный полководецъ ни были, но не лучше Аббасъ-Мирзы и войска у васъ не больше, какъ тогда было; воины же великаго и всемогущаго въ свѣтѣ Россійскаго Государя, находившіеся при разбитіи Аббасъ-Мирзы и при взятіи Асландуза, теперь здѣсь, и, сверхъ того,

---

[1]) Рапортъ Котляревскаго главнокомандующему отъ 24-го декабря 1812 г., № 909.

[2]) Всеподд. рапортъ Ртищева отъ 28-го января 1813 г. Акт. Кав. Арх. ком., т. V, № 854.

[3]) Въ письмѣ отъ 27-го декабря.

присоединены къ нимъ бывшіе до сего въ Талышинскомъ ханствѣ. Итакъ, когда самъ Баба-ханъ не могъ устоять противу побѣдоноснаго оружія, то уже, конечно, вы отразить ударъ несильны. Во избѣжаніе безполезнаго пролитія крови, я предлагаю вамъ согласиться сдать крѣпость. Подумайте, что вы, слѣдуя благоразумію, сохраните безвинно проливаемую кровь человѣческую, сохраните жизнь, достоинство и имущество ваше и всѣхъ подкомандующихъ, а напротивъ потеряете все, не внемля гласу здраваго разсудка. Впрочемъ мой долгъ вамъ сказать, а въ волѣ вашей избрать; только послѣ я буду правъ передъ Богомъ и человѣчествомъ. На сіе ожидаю отвѣта черезъ три часа и для того приказалъ на всѣхъ батареяхъ остановиться дѣйствовать».

Садыкъ-ханъ отвѣчалъ, что будетъ защищаться. Онъ писалъ, что, понимая обязанность щадить человѣчество и по возможности избѣгать кровопролитія, въ настоящемъ случаѣ онъ долженъ защищаться, ибо имѣетъ повелѣніе не сдавать крѣпости ни въ какомъ случаѣ. «Напрасно вы думаете, генералъ, прибавлялъ онъ, что несчастіе, постигшее моего государя, должно служить мнѣ примѣромъ. Одинъ Богъ располагаетъ судьбою сраженія и знаетъ кому пошлетъ свою помощь» [1]).

Видя неуступчивость Садыкъ-хана, Котляревскій приказалъ свезти съ корабля 3-хъ-пудовую мортиру и открыть бомбардированіе города, а спустя два дня, 29-го декабря, онъ написалъ ко всѣмъ ханамъ, чиновникамъ и гарнизону, убѣждая ихъ пощадить себя, женъ, дѣтей, имущество и не защищаться [2]).

«Прежде всего скажу, писалъ имъ между прочимъ Котляревскій [3]), что здѣсь находятся всѣ войска, бывшія при разбитіи Аббасъ-Мирзы и при взятіи Асландуза и къ нимъ присоединились и находившіяся въ Талышинскомъ владѣніи. Всякій изъ васъ посудить можетъ, что когда Аббасъ-Мирза и Асландузъ не могли устоять противу побѣдоноснаго оружія меньшаго числа воиновъ, чѣмъ теперь здѣсь находится, то будетъ-ли достаточно силъ вашихъ отразить ударъ, какою

[1]) Біографія Котляревскаго. Соч. Гр. В. Соллогуба, 138.

[2]) Всеподд. рапортъ Ртищева, 28-го января 1813 г. Акт. Кав. арх. ком. т. V, № 854.

[3]) Въ письмѣ отъ 29-го декабря 1812 г.

бы храбростію каждый изъ васъ преисполненъ ни былъ? Вы подумайте, что всякій русскій солдатъ не имѣетъ ни женъ, ни дѣтей, ни родственниковъ, ни богатства,—онъ *съ одною чистою душою вступилъ въ службу законнаго государя*, съ тѣмъ, чтобы положить жизнь свою для пріобрѣтенія побѣды. Напротивъ, каждый изъ васъ, имѣя женъ, дѣтей и родственниковъ, жертвуетъ всѣмъ симъ и жизнію».

Котляревскій просилъ ихъ подумать о своемъ положеніи, вспомнить, что въ Аркеванѣ ихъ войскъ уже нѣтъ, что персіяне всюду разбиты, выгнаны изъ Талышинскаго ханства, и самъ Аббасъ-Мирза, потерпѣвъ пораженіе, не можетъ придти къ нимъ на помощь. Онъ просилъ не вѣрить словамъ Садыкъ-хана, желающаго пролить напрасно кровь изъ одного желанія прослыть храбрымъ, и пощадить свои семейства, женъ и дѣтей и быть увѣреннымъ, что русскіе не отступятъ, пока не овладѣютъ Ленкоранью. «Начиная отъ меня и до послѣдняго солдата, говорилъ Котляревскій, или помремъ всѣ, или возьмемъ крѣпость».

Назначивъ три часа для окончательнаго рѣшенія и не получивъ отвѣта, Котляревскій рѣшился штурмовать крѣпость. Поводомъ къ тому былъ недостатокъ снарядовъ для продолженія бомбардированія. Отступить же онъ признавалъ невозможнымъ потому, что, кромѣ посрамленія оружія, отступленіе было равносильно передачѣ Талышинскаго ханства въ руки персіянъ. Сознавая неравенство въ силахъ, Котляревскій видѣлъ въ штурмѣ единственное средство къ выходу изъ того затруднительнаго положенія, въ которое былъ поставленъ.

«Истощивъ всѣ средства, писалъ онъ въ приказѣ по войскамъ, блокировавшимъ Ленкорань [1]), принудить непріятеля къ сдачѣ крѣпости, найдя его къ тому непреклоннымъ, не остается болѣе никакого способа покорить крѣпость сію оружію россійскому, какъ только силою штурма. Рѣшаясь приступить къ сему послѣднему средству, даю знать о томъ войскамъ и считаю нужнымъ предварить всѣхъ офицеровъ и солдатъ, *что отступленія не будетъ*. Намъ должно взять крѣпость, или всѣмъ умереть,—за тѣмъ мы сюда присланы. Я предлагалъ два раза непріятелю о сдачѣ крѣпости, но онъ упорствуетъ, такъ докажемъ ему, храбрые солдаты, что штыку русскаго ничто

[1]) Приказъ по отряду 30-го декабря.

противиться не можетъ. Не такія крѣпости брали русскіе и не у такихъ непріятелей, какъ персіяне; сіи противъ тѣхъ ничего не значатъ.

«Предписывается всѣмъ первое: послушаніе; второе: помнить, что чѣмъ скорѣе идешь на штурмъ и чѣмъ шибче лѣзешь на лѣстницы, тѣмъ менѣе урону и вѣрнѣе взята крѣпость; опытные солдаты сіе знаютъ, а неопытные повѣрятъ; третье: не бросаться на добычу, подъ опасеніемъ смертной казни, пока совершенно не кончится штурмъ, ибо прежде конца дѣла на добычѣ солдатъ напрасно убиваютъ. По окончаніи же штурма приказано будетъ грабить, и тогда все солдатское, кромѣ что пушки, знамена, ружья со штыками и магазины принадлежатъ Государю.

«Диспозиція штурма будетъ дана особо, а теперь остается мнѣ только сказать, что я увѣренъ въ храбрости опытныхъ офицеровъ и солдатъ Грузинскаго гренадерскаго, 17-го егерскаго и Троицкаго пѣхотнаго полковъ, а малоопытные Каспійскаго баталіона, надѣюсь, постараются показать себя въ семъ дѣлѣ и заслужить лучшую репутацію, чѣмъ до сего между непріятелями и чужими народами имѣютъ. Впрочемъ ежели бы, сверхъ всякаго ожиданія, кто струсилъ, тотъ будетъ наказанъ какъ измѣнникъ; и здѣсь внѣ границъ труса разстрѣляютъ или повѣсятъ, не смотря на чинъ».

Прочтя этотъ приказъ, привычныя къ побѣдамъ войска отряда Котляревскаго 31-го декабря двинулись на штурмъ.

Оставивъ прикрытіе батареямъ и раздѣливъ роту Грузинскаго полка на двѣ половины для фальшивыхъ атакъ по флангамъ, Котляревскій составилъ изъ остальныхъ войскъ три колонны. Первая изъ шести ротъ Грузинскаго гренадерскаго полка (около 600 чел.), подъ командою подполковника Ушакова; вторая изъ 297 челов. Каспійскаго морскаго баталіона и двухъ ротъ Троицкаго полка, подъ командою маіора Повалишина, и третья подъ командою маіора Терешкевича изъ 350 челов. Грузинскаго гренадерскаго и 17 егерскаго полковъ [1]).

Войскамъ приказано слѣдовать съ крайнею тишиною, не стрѣлять

[1]) Штурмовавшій отрядъ состоялъ: Грузинскаго грен. п. 28 офиц., 888 строев. рядов. и 23 музык.; Троицкаго полка 6 офиц., 3 музык., 159 строев. ряд.; 17-го егерск. п. 11 офиц., 9 музык., 271 строев. ряд.; Каспійскаго морскаго бат. 14 офиц., 297 рядовыхъ, 2 музык.; артил. 4 офиц., 46 челов. нижнихъ чиновъ.

й стараться скорѣе взобраться на крѣпостныя стѣны. «Барабанщики, сказано въ диспозиціи, въ колоннахъ отнюдь не бьютъ тревогу, пока не будутъ люди на стѣнахъ; и люди въ колоннахъ не стрѣляютъ и не кричатъ ура! пока не влѣзутъ на стѣну. Когда всѣ батареи и стѣны будутъ заняты нами, то въ средину крѣпости безъ приказанія не ходить, но бить непріятеля только картечью изъ пушекъ и ружей. Не слушать отбоя—его не будетъ, пока непріятель совершенно истребится или сдастся; и если, прежде чѣмъ всѣ батареи и всѣ стѣны будутъ заняты, ударятъ отбой, то считать оный за обманъ, такой же, какъ непріятель сдѣлалъ въ Асландузѣ; сверхъ того, знать, что наши отбой будутъ бить три раза, который повторять всѣмъ барабанщикамъ—и тогда уже прекращается дѣло.

«Такъ какъ уже сказано въ приказѣ, что отступленія не будетъ, то остается теперь сказать, что если, сверхъ чаянія, которой либо колонны люди замнутся идти на лѣстницы, то всѣхъ будутъ бить картечью».

Въ 5-ть часовъ утра колонны, имѣя впереди стрѣлковъ, двинулись съ назначенныхъ имъ пунктовъ; подъ сильнымъ огнемъ съ крѣпости спустились они въ ровъ и приставили лѣстницы. Три часа войска переносили и принимали на себя всѣ ужасныя средства, употребленныя непріятелемъ для своей обороны. Персіяне защищались отчаянно: пики, рогатки, подсвѣты, ручныя гранаты были употреблены ими въ дѣло. Многочисленный непріятель бралъ перевѣсъ, подполковникъ Ушаковъ и многіе офицеры были убиты, а силы непріятеля росли. Когда Котляревскій получилъ донесеніе, что за смертью Ушакова колонна его остановилась во рву и не двигается, онъ самъ явился впереди колонны и, ободряя солдатъ, получилъ три раны одну за другою, изъ коихъ одна была въ щеку. Онъ упалъ безъ чувствъ на груду тѣлъ во рву, но въ это время маіоръ Грузинскаго гренадерскаго полка Абхазовъ успѣлъ, съ одною ротою этой колонны, взобраться на стѣну и овладѣть батарею. Орудія были тотчасъ же повернуты и открыли картечный огонь по бывшимъ въ крѣпости. Тогда взобралась вторая колонна, а за нею третья. Солдаты въ жаркой схваткѣ карабкались на стѣны, хватались за дула непріятельскихъ ружей, которыя поражали ихъ пулями въ упоръ. Не выпуская изъ рукъ ружей, персіяне сами втаскивали своихъ непріятелей на

стѣну, «такъ что скоро всѣ избѣгнувшіе смерти очутились посрединѣ укрѣпленій» [1]).

Съ очищеніемъ стѣнъ въ самой крѣпости начался отчаянный рукопашный бой. «Мышцы рукъ, по словамъ персидскаго историка, отъ взмаха и опусканія меча, а пальцы отъ взвода и спуска ружейнаго курка въ продолженіе шести часовъ были лишены всякой возможности насладиться отдохновеніемъ. Бой на стѣнахъ и въ крѣпости ибылъ до того кровопролитенъ, что отъ грома и молніи пушечныхъ ружейныхъ выстрѣловъ даже сами облака разразились каплями кроваго дождя».

Крѣпость была взята, не смотря на то, что защищалась Садыкъ-ханомъ, однимъ изъ лучшихъ и храбрѣйшихъ персидскихъ военачальниковъ, что въ ней было 4,000 гарнизона и въ томъ числѣ два баталіона регулярной пѣхоты. Въ самой крѣпости непріятель защищался отчаянно, и Садыкъ-ханъ съ другими десятью ханами славною смертью завершили защиту крѣпости. Уронъ нашъ былъ также весьма значителенъ; мы потеряли убитыми: 16 штабъ и оберъ-офицеровъ и 325 человѣкъ нижнихъ чиновъ; ранеными: 25 штабъ и оберъ-офицеровъ и 584 нижнихъ чиновъ [2]). Персіяне потеряли одними убитыми 3,737 челов.; кромѣ того многіе бросались черезъ стѣну въ Ленкорань, но тонули преслѣдуемые и тамъ пулями роты, посланной для фальшивой атаки, и подъ картечью двухъ орудій, поставленныхъ на противоположномъ берегу, подъ прикрытіемъ 80 человѣкъ пѣхоты. Въ крѣпости найдено два знамени, 8 орудій, много снарядовъ, серебряная булава Садыкъ-ханъ и магазинъ съ провіантомъ. «Я самъ получилъ три раны, доносилъ Котляревскій Ртищеву, и благодарю Бога, благословившаго запечатлѣть успѣхъ дѣла сего собственною моею кровью. Надѣюсь, что сей же самый успѣхъ облегчитъ страданія мои. Впрочемъ, никакая потеря не можетъ сравниться съ важностью взятія крѣпости...».

«Пусть строгая тактика называетъ штурмъ сей дерзостью. Въ позднѣйшія времена передастся, что 1,500 чел. русскихъ штурмовали

[1]) Воспом. о штурмѣ. Кавказъ 1866 г. № 46. «Русскій Инвалидъ» 1835 г. №№ 25 и 26.

[2]) Всеподд. рапортъ Ртищева 28-го января 1813 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. V, № 854.

крѣпость, защищаемую 4,000 персіянъ; передастся также и то, что девизъ штурмоваго отряда былъ всѣмъ умереть или взять крѣпость, и потомство возвеселится рвенію къ славѣ своихъ предшественниковъ [1]).

«Симъ штурмомъ, писалъ онъ позже [2]), достойно запечатлѣнъ 1812 годъ, и какъ при воспоминаніи сего незабвеннаго для Россіи года всякій россіянинъ возвысится духомъ, такъ при имени Ленкорани персіянинъ вздрогнетъ и преклонитъ колѣно славѣ русской».

Съ паденіемъ Ленкорани персіяне очистили Талышинское ханство, и власть Миръ-Мустафы-хана была возстановлена. «Извѣстіе о взятіи Ленкорани, говоритъ персидскій историкъ, присоединясь къ молвѣ объ Асландузскомъ сраженіи, породило въ дѣлахъ Ирана нѣкоторую слабость. Персидскіе военачальники спѣшили обратить свои лица къ сторонѣ Тавриза», т. е. попросту бѣжали. Аббасъ-Мирза, спѣшившій изъ Тавриза на защиту столь важнаго пункта и узнавшій на пути о паденіи крѣпости, остановился въ Мешкинѣ. Онъ былъ крайне обезкураженъ; потеря его въ два послѣдніе мѣсяца превосходила ту, которую имѣли персіяне почти съ самаго начала войны съ Россіею; лучшія его регулярныя войска или легли на полѣ брани, или были разстроены такъ, что долго не могли служить ему пособіемъ. Принцу не оставалось ничего болѣе, какъ возвратиться въ Тавризъ, — онъ такъ и сдѣлалъ.

Оставивъ по-прежнему въ Талышахъ отрядъ капитана 1-го ранга Веселаго, Котляревскій пошелъ обратно въ Карабагъ и 29-го января 1813 года прибылъ въ Ахъ-Оганъ [3]). За нѣсколько дней передъ тѣмъ, 26-го января, колокольный звонъ въ Тифлисѣ призывалъ русскихъ воиновъ поблагодарить Бога за дарованную побѣду; благодарственное молебствіе съ пушечною пальбою было отслужено во всѣхъ церквахъ.

«Скорблю душевно, писалъ Ртищевъ Котляревскому [4]), о полученныхъ вами ранахъ, но въ то же время утѣшаюсь свѣдѣніями, до

[1]) Рапортъ Котляревскаго Ртищеву, 8-го января 1813 г., № 5.

[2]) Письмо Котляревскаго редактору «Русскаго Инвалида», см. «Рус. Инв.» 1835 г., №№ 25 и 26.

[3]) Рапортъ Котляревскаго Ртищеву, 29-го января 1813 г., № 21.

[4]) Отъ 4-го февраля 1813 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. V, № 722.

меня дошедшими, что онѣ неопасны. Я съ усердіемъ благодарю Бога за сохраненіе вамъ жизни, ибо по искреннѣйшему участію, мною въ васъ пріемлемому, и по увѣренности моей, засвидѣтельствованной передъ самимъ всемилостивѣйшимъ Государемъ Императоромъ, что отечество отъ военныхъ достоинствъ вашего превосходительства можетъ ожидать важной пользы для службы, никакіе пріобрѣтенные въ семъ случаѣ успѣхи съ пожертвованіемъ вашимъ не могли бы меня обрадовать и наполнили бы сердце мое всегдашнею горестью». Награжденный орденомъ Св. Георгія 2-й степени [1]) и получившій единовременно шесть тысячъ рублей [2]), Котляревскій уже не могъ болѣе водить полки къ побѣдамъ. Онъ просился въ отпускъ за-границу, для леченія ранъ, и не дождавшись разрѣшенія, съ согласія главнокомандующаго уѣхалъ къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ [3]). Закавказье навсегда лишилось блестящаго своего дѣятеля, а полки любимаго ими предводителя и начальника, мечтавшаго теперь только о томъ, чтобы соотечественники справедливо оцѣнили его заслуги родинѣ.

«Я позволю себѣ одно желаніе, писалъ Котляревскій двадцать три года спустя, чтобы соотечественники мои были ко мнѣ и сподвижникамъ моимъ столько справедливы, сколько народы чуждые и самые враги побѣжденные. Подвиги во славу отечества должны оцѣниваться по достоинствамъ ихъ, а не по частямъ свѣта, въ коихъ происходили. Кровь русская, пролитая въ Азіи, на берегахъ Аракса и Каспія, не менѣе драгоцѣнна пролитой въ Европѣ, на берегахъ рр. Москвы и Сены. Пули галловъ и персовъ причиняютъ одинаковыя страданія. Не наша воля лишила насъ счастія участвовать въ священной войнѣ и дѣйствовать на защиту отечества внутри онаго: мы исполняли долгъ служить тамъ, гдѣ Государю угодно, и, сражаясь въ отдаленномъ краю, на землѣ Персидской, не посрамили земли Русскія».

---

[1]) Отношеніе Ртищева Котляревскому, 2-го мая 1813 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. V, № 531.

[2]) Отношеніе военнаго министра Ртищеву, 8-го августа.

[3]) Ртищевъ Котляревскому, отъ 28-го мая 1813 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. V, № 532.

V.

Дѣятельность царевича Александра по возбужденію горскихъ народовъ противъ Россіи.—Его бѣдственное положеніе и его воззванія.—Сношенія царевича съ главнокомандующимъ.—Экспедиція въ Хевсуретію подъ начальствомъ генерала Симоновича.—Переписка его съ царевичемъ.—Бѣгство царевича въ Дагестанъ и неудачная попытка съ толпою горцевъ прорваться въ Грузію.

Удаленіе персіянъ отъ границъ Карабага и бѣгство ихъ изъ Талышинскаго ханства, дали возможность главнокомандующему водворить окончательное спокойствіе въ Грузіи и обезпечить ее отъ дальнѣйшихъ интригъ царевича Александра.

Поселившись у хевсуръ, Александръ просилъ содѣйствія кабардинцевъ, чеченцевъ, кумыкъ, кистинцевъ и осетинъ. Послѣдніе отправились къ нему для переговоровъ и нашли Александра въ самомъ бѣдственномъ положеніи: онъ не только не могъ, по обычаю, одарить прибывшихъ, но не имѣлъ чѣмъ накормить ихъ [1]). Крайняя нужда въ первыхъ потребностяхъ жизни заставляла царевича предпринимать самыя разнообразныя мѣры для улучшенія своего матеріальнаго положенія. Онъ то просилъ прощенія у Ртищева, то молилъ о помощи Аббасъ-Мирзу; обѣщая быть покорнымъ русскому Императору и скоро пріѣхать въ Тифлисъ, для того, чтобы потомъ отправиться на постоянное жительство въ Москву или Малороссію [2]), царевичъ въ то же время отправилъ десять человѣкъ своей свиты въ Персію съ письмами къ Аббасъ-Мирзѣ. Онъ писалъ, что намѣренъ склонить горскихъ народовъ къ возмущенію и, сдѣлавъ съ ними нападеніе на Ларсъ, Казбекъ и Дарьялъ, занять большую дорогу и отрѣзать русскимъ сообщеніе съ Кавказскою линіею. Для приведенія такихъ намѣреній въ исполненіе, Александру необходимы были деньги, о присылкѣ которыхъ онъ и просилъ, увѣряя, что имѣетъ уже мно-

[1]) Рапортъ маіора Гурлебума главнокомандующему, 14-го января 1813 г., № 47. Рапортъ генералъ-маіора Дельпоццо ему же, 19-го марта 1813 г., № 265.

[2]) Рапортъ кн. Орбеліани, 22-го февраля, № 278.

гихъ сообщниковъ и надѣется набрать нѣсколько тысячъ человѣкъ, съ которыми раннею весною онъ вторгнется въ Грузію. Посланные царевича были задержаны и доставлены въ Тифлисъ. Главнокомандующій сообщилъ Александру копію съ его собственныхъ писемъ, какъ доказательство того, что намѣренія его извѣстны.

«Содержаніе писемъ вашихъ къ Баба-ханову сыну Аббасъ-Мирзѣ писалъ Ртищевъ царевичу Александру [1]) и разнымъ чиновникамъ персидскаго правительства, кои, вмѣстѣ съ шпіонами, отъ васъ отправленными, достались въ мои руки, показали мнѣ свойство и настоящее расположеніе ваше. Они были писаны въ одно время, какъ вы и у меня искали посредства, передъ всесильнымъ и великимъ моимъ Государемъ, о принятіи васъ въ милосердное покровительство Его Величества, обѣщая вѣрность свою сохранить до послѣдней капли крови, которую тогда же вы клялись, въ письмахъ своихъ къ Аббасъ-Мирзѣ, пролить и за выгоды персидскаго правительства.

«Итакъ сіи первые два случая остановили было меня вовсе имѣть съ вами дѣло; но, разсудивъ при томъ, что вы христіанинъ, что происходите отъ крови христіанскихъ царей, и что вы несчастно влачите жизнь свою, тогда какъ братья и сестры ваши наслаждаются благоденствіемъ, подъ кровомъ милосерднѣйшаго моего Монарха, готоваго всегда и вашу свѣтлость принять въ отеческое свое лоно, предавъ забвенію всѣ прошедшія ваши дѣянія, я опять обратился къ сердечному объ васъ соболѣзнованію. Такъ какъ вы въ письмѣ своемъ просите меня объ удостовѣреніи васъ, какая будетъ ваша участь, когда явитесь ко мнѣ, то дабы доказать вашей свѣтлости мою благонамѣренность и не оставить на совѣсти своей упреки, что не до конца послѣдовалъ я христіанскому терпѣнію въ указаніи вамъ прямаго пути къ мирному пристанищу, послѣ напастей, вами претерпѣнныхъ, рѣшился въ послѣдній разъ писать къ вамъ и увѣрить честнымъ словомъ, что когда ваша свѣтлость, слѣдуя гласу благоразумія, разсудите предать себѣ въ волю и милосердное покровительство Его Величества и прибудете ко мнѣ въ Тифлисъ, то здѣсь будете приняты съ подобающею вамъ честью; жизнь и свобода ваша останутся въ совершенной безопасности, содержаніе назначится вамъ самое

[1]) Въ письмѣ отъ 17-го марта 1813 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. V, № 450.

приличное, и во мнѣ вы найдете усерднѣйшаго въ пользу вашу ходатая предъ Государемъ Императоромъ. Чиновники же и служители, васъ окружающіе, равнымъ образомъ всѣ безъ изъятія будутъ прощены, дѣла ихъ предадутся вѣчному забвенію и дарована будетъ полная свобода жить имъ, гдѣ они пожелаютъ.

«Вотъ вашей свѣтлости мое искреннее увѣреніе коего вы желали. Теперь исполнилъ я противъ васъ все то, что долгъ христіанскій, человѣчество и обязанности мои мнѣ позволили. Послѣ же сего, не входя болѣе ни въ какіе съ вами договоры, кои неприличны ни званію моему, ни собственному теперь вашему положенію, я буду ожидать къ чему поведетъ васъ разсудокъ и воля ваша».

Къ этому письму приложена была записка, которой главнокомандующій увѣрялъ царевича, что, прибывъ къ нему, онъ найдетъ только благополучіе и полное обезпеченіе.

«Если вы имѣете расположеніе, писалъ Ртищевъ Александру, избрать мѣстомъ своего пребыванія Москву или Малороссію, какъ вы въ письмѣ кн. Орбеліани упоминаете, то и въ исполненіи сего желанія вашей свѣтлости я даю вамъ вѣрное слово. Положитесь на честное слово старика, посѣдѣвшаго въ службѣ Его Величества, и христіанина, и пріѣзжайте ко мнѣ въ Тифлисъ. Тогда весь напрасный вашъ страхъ и недовѣрчивость исчезнутъ; тогда, можно сказать, начнется новая для васъ жизнь, послѣ претерпѣнныхъ вами бурь, и вы будете благословлять милосердое Провидѣніе, обратившее васъ къ мирному пристанищу».

Царевичъ долго не отвѣчалъ и прекратилъ сношенія, какъ только узналъ, что вторично посланный имъ въ Персію князь Іосифъ Андрониковъ былъ ласково принятъ Аббасъ-Мирзою и везетъ ему значительную сумму [1]). Побѣды, одержанныя Котляревскимъ, убѣдили персидскаго принца, что ему не подъ силу вступать въ открытую борьбу съ русскими войсками, но желаніе отомстить и усилить по возможности затруднительность нашего положенія въ Закавказьѣ, побуждали его придти на помощь врагамъ Россіи. Съ этою цѣлью онъ обѣщалъ Андроникову 200,000 рублей, отправилъ къ джарскимъ лезгинамъ бывшаго шекинскаго хана Селима со 120,000 рублей и прика-

[1]) Рапортъ генералъ-маіора Дельпоццо Ртищеву, 7-го мая 1813 г., № 709.

залъ отпустить точно такую же сумму бывшему дербентскому Шихъ-Али-хану, съ тѣмъ, чтобы они подняли джарскихъ лезгинъ и дагестанцевъ [1]). Еще далеко было то время, когда князь Андрониковъ, пробираясь тайкомъ и кружными путями, могъ прибыть къ царевичу, но Александръ считалъ деньги полученными и основывалъ на нихъ всѣ свои поступки. Онъ разослалъ всюду своихъ посланныхъ и приглашалъ къ себѣ кабардинцевъ, осетинъ, лезгинъ и дагестанскихъ горцевъ, обѣщая имъ хорошее содержаніе и награды. Царевичъ хвалился тѣмъ, что въ горахъ, гдѣ онъ живетъ, всѣ ему покорны; что всѣ мусульмане считаютъ за великое счастіе вступить въ борьбу съ невѣрными, которые въ настоящее время находятся въ самомъ затруднительномъ положеніи. Александръ просилъ горцевъ въ «сіе хорошее время выступить въ походъ подъ грѣшныхъ россіянъ, такъ какъ Богъ послалъ уже на нихъ свой гнѣвъ и наказаніе черезъ Бонапарта французскаго государя, живущаго въ западной сторонѣ» [2]). Кабардинцамъ и чеченцамъ было сообщено, что Наполеонъ сжегъ Москву, взялъ Петербургъ и расположился на большой рѣкѣ между этими двумя городами.

— Русскій царь, говорили чеченцамъ, бѣжалъ къ сторонѣ Казани и проситъ мира, но Наполеонъ соглашается только съ тѣмъ, чтобы Государь возвратилъ всѣ завоеванныя имъ владѣнія и Грузію прежнимъ ихъ царямъ; чтобы Россія давала Бонапарту солдатъ и онъ былъ ея повелителемъ. Государь хотѣлъ было согласиться, но народы россійскіе говорили, что онъ уже не будетъ тогда Государь, и какой же это будетъ миръ! Тогда послѣдовалъ опять разрывъ, и въ исходѣ сего марта начнется война. Русскій царь просилъ повременить ему до Пасхи, но Бонапартъ не согласился и обѣщалъ увидѣться съ нимъ тамъ, гдѣ онъ находится, и пусть дерется, если можетъ.

Разсказъ этотъ принимался горцами на вѣру, и они готовы были воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Россіи, чтобы отстоять свою независимость. Кабардинскій князь Арсланъ-бей писалъ царевичу, что если персіяне прибудутъ къ нему на помощь и Але-

[1]) Рапортъ полковника Живковича главнокомандующему, отъ 19-го мая 1813 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. V, № 864.

[2]) Воззваніе царевича приложен. къ рапорту ген.-м. Портнягина, отъ 30-го мая, № 1393.

ксандръ успѣетъ занять большую дорогу съ Кавказской линіи въ Грузію, то всѣ кабардинскіе беи явятся къ нему на помощь. Чеченцы говорили то же, а дагестанцы обѣщали выставить 40,000 (?) войска [1]).

Александръ радовался такому ходу дѣлъ, но, зная превратности судьбы и частое неисполненіе обѣщаній, даваемыхъ горцами, не хотѣлъ прерывать сношеній съ Ртищевымъ, чтобы сохранить за собою выходъ въ случаѣ неудачи. Не располагая до времени покориться русскому правительству и опасаясь движенія войскъ въ Хевсуретію въ томъ случаѣ, если оставить главнокомандующаго безъ отвѣта, Александръ рѣшился обвинить Ртищева въ неисполненіи высочайшихъ повелѣній. Царевичъ писалъ, что изъ перехваченныхъ отъ курьеровъ бумагъ онъ узналъ, что Императоръ, «по несчетной милости своей къ намъ, пожаловалъ мнѣ два полка солдатъ и столько же казаковъ, дабы я исполнялъ повелѣнія великаго Государя, владѣлъ и управлялъ Грузіею; а вы всѣ должны возвратиться въ Россію, для другихъ надобностей и для войны съ Франціею. Таковымъ милостямъ ко мнѣ вы завидуете, затѣвая переписку въ другомъ родѣ. Намъ извѣстны многія тайны внутренней Россіи, о коихъ умалчиваемъ, чтобы доказать свою искренность. Вы же уподобляетесь горящимъ угольямъ, скрытымъ подъ золою; если кто безсознательно разграбитъ ихъ, тотъ обожжетъ себѣ руки. Какъ же я повѣрю вашему чистосердечію, когда вы завидуете обильнымъ милостямъ Государя ко мнѣ? Не скрывайте истины, а объявите мнѣ подлинное, дабы я могъ прибѣгнуть къ отеческимъ объятіямъ его величества. А потому прошу васъ прислать ко мнѣ вѣрныхъ и благонадежныхъ людей, для удостовѣренія меня отъ лица вашего высокопревосходительства, чтобъ сердце мое убѣдилось въ правдивости вашего слова и я возвратился бы къ вамъ съ радостью» [2]).

Ртищевъ, конечно, не посылалъ довѣренныхъ лицъ и не отвѣчалъ на послѣднее письмо. Онъ зналъ, что царевичъ желаетъ только выиграть время, и какія бы обѣщанія ни были даны, онъ все-таки не

---

[1]) См. Акт. Кав. Арх. Ком., т. V, №№ 449 и 451.

[2]) Письмо царевича Александра Ртищеву, 29-го апрѣля 1813 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. V, № 453.

явится въ Тифлисъ. Напротивъ, главнокомандующему извѣстно было, что Александръ употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы съ наступленіемъ весны вновь возбудить возстаніе въ Кахетіи, устранить которое возможно было только удаленіемъ царевича отъ предѣловъ Грузіи. Хевсуры, у которыхъ поселился Александръ, не смотря на неоднократныя требованія, не соглашались его выдать, а потому оставалось одно средство—употребить силу, и главнокомандующій рѣшился предпринять экспедицію въ Хевсуретію, не смотря на всю трудность дѣйствій въ горахъ, еще покрытыхъ зимнимъ снѣгомъ.

Выставивъ наблюдательные отряды противъ лезгинъ и дагестанцевъ, для обезпеченія Кахетіи отъ вторженія этихъ племенъ, Ртищевъ направилъ въ Хевсуретію войска одновременно съ четырехъ разныхъ сторонъ: *первый отрядъ*, подъ начальствомъ генералъ-маіора Симоновича, выступивъ изъ селенія Ахметъ, долженъ былъ слѣдовать черезъ земли тушинъ; *второй*, подъ командою полковника Тихоновскаго — изъ селен. Тіонетъ черезъ земли пшавовъ; *третій*—Гудомакарскимъ ущельемъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Сталя 2-го, и *четвертый*—отъ Стефанъ-цминды Тагаурскимъ ущельемъ, подъ начальствомъ полковника Казбека. Почти равносильныя по составу [1]) колонны эти, направляя свое движеніе къ укрѣпленному селенію Шатили—главному средоточію хевсурскаго народа и мѣсто-

---

[1]) Въ каждомъ изъ первыхъ трехъ отрядовъ было около 750 человѣкъ подъ ружьемъ, а именно:

Въ соединенныхъ отрядахъ Симоновича и Тихоновскаго находилось:

Херсонскаго гренадерскаго полка	30 унт.-офиц.	327 рядовыхъ
Кабардинскаго пѣхотнаго »	48 »	760 »
9-го егерскаго полка	24 »	416 »
Итого	102 унт.-офиц.	1,503 рядовыхъ.

Сверхъ того при этихъ отрядахъ было 50 линейныхъ казаковъ и 100 чел. тушинъ (Предписаніе Симоновичу, 17-го апрѣля 1813 г., № 70).

Въ отрядѣ Сталя 2-го были: 2 роты Суздальскаго и 2 роты 16-го егерскаго полковъ, 4 эскадрона спѣшенныхъ нижегородскихъ драгунъ и 50 пѣшихъ линейныхъ казаковъ—всего 43 унт.-офиц. и 723 рядовыхъ.

Въ отрядѣ полковника Казбека назначены были съ Кавказской линіи двѣ роты Казанскаго полка, 50 линейныхъ казаковъ и подвластные ему горскіе народы (Предписаніе Сталю, отъ 13-го мая 1813 г., № 90).

пребыванію царевича Александра, должны были соединиться возлѣ него, для нанесенія рѣшительнаго удара.

Зная по опыту, что хевсуры весьма часто получали помощь отъ сосѣднихъ имъ пшавовъ, и желая не допустить такого соединенія, главнокомандующій заарестовалъ до 40,000 головъ скота, принадлежавшаго пшавамъ, пасшагося въ Грузіи и составлявшаго все ихъ богатство. Причины, побудившія къ такому поступку, Ртищевъ объявилъ въ особомъ отправленномъ къ нимъ воззваніи.

«Народъ пшавскій! писалъ главнокомандующій [1]).—Теперь я вижу, что въ васъ нѣтъ ни страха Божія, ни совѣсти, ни чести! Сколько разъ были вы прощаемы за измѣнническіе ваши поступки и сколько разъ опять дѣлались клятвопреступниками и нарушителями вѣрности къ Государю Императору! Недавно еще старшины ваши были у меня, обязались честнымъ словомъ за весь народъ, чтобы съ бѣглымъ царевичемъ Александромъ и другими непріятелями Россіи не имѣть никакихъ связей ни дѣломъ, ни помышленіемъ; но едва только мечъ, висѣвшій надъ преступными головами вашими для справедливаго наказанія за участіе въ прежнихъ бунтахъ, былъ отъ васъ удаленъ, по неизрѣченному человѣколюбію Его Величества, даровавшаго вамъ прощеніе, и тучи, вамъ грозившія, нѣсколько отъ васъ отклонились, какъ вы опять, забывъ Бога, забывъ присягу свою и данное вами мнѣ честное слово, обратились къ прежнимъ своимъ злодѣяніямъ и мятежному духу, ибо я вѣрно узналъ, что вы не престаете имѣть явныхъ и тайныхъ сношеній съ бѣглымъ царевичемъ Александромъ, принимаете шпіоновъ, отъ него подсылаемыхъ для развращенія народа, снабжаете его своею разбойническою шайкою пропитаніемъ, котораго онъ не имѣлъ бы, и стараетесь оказывать ему всякую помощь ко вреду всего здѣшняго края и пользамъ службы Его Величества. Итакъ, слѣдуя Божескимъ и человѣческимъ законамъ, карающимъ всегда клятвопреступниковъ, я не могъ бы не навлечь на самого себя праведнаго гнѣва Божія и моего всемилостивѣйшаго Государя Императора, если бы остановилъ правосудіе и не наказалъ злодѣйства. Почему да будетъ вѣдомо всему пшавскому народу, что я на первый разъ приказалъ заарестовать на плоскостяхъ весь вашъ

[1]) Отъ 19-го апрѣля 1813 г., № 251. Акт. Кав. Арх. Ком., т. V, № 628.

скотъ, запретилъ возвращать каждому пшавцу суммы денегъ, какія бы въ Грузіи ни находились по коммерческимъ оборотамъ вашимъ или у кого нибудь на сбереженіи, воспретилъ продавать вамъ соль и другія потребности и повелѣлъ закрыть для васъ всякій входъ въ Грузію. Испытуя, однако же, послѣднее терпѣніе мое противу васъ, недостойныхъ никакого помилованія и состраданія, я и засимъ еще даю вамъ сроку двѣ недѣли на раскаяніе и на отвращеніе ожидающей васъ конечной погибели. Въ сіи двѣ недѣли вы должны непремѣнно переловить всѣхъ находящихся у васъ людей бѣглаго царевича Александра, и съ пятью или шестью изъ почетнѣйшихъ вашихъ старшинъ прислать ихъ ко мнѣ въ Тифлисъ, съ письменнымъ при томъ обязательствомъ, отъ лица всего народа, что вы отнынѣ навсегда прекратите всякія сношенія съ бѣглымъ царевичемъ Александромъ и какъ съ нимъ, такъ и со всѣми его сообщниками будете поступать какъ съ непріятелями Россіи и спокойствію всего здѣшняго края. Если же сіе не будетъ вами исполнено въ опредѣленный срокъ, то увидите ужасный громъ и молнію, обрушившимися надъ вами, мечъ и пламя будутъ внесены въ самыя ваши жилища, я повелю войскамъ не оставить камня на камнѣ, предать все огню и мечу и наказать васъ по дѣламъ вашимъ, не имѣя ни малѣйшей пощады. Вотъ вамъ мое требованіе и послѣдній совѣтъ! Теперь буду ожидать, къ чему вы приступите, а я слово мое сдержу вѣрно».

Послѣдствія показали, что мѣра эта была весьма полезна, и пшавы, имѣя возможность дѣйствовать въ тылъ нашимъ войскамъ и запереть имъ выходъ изъ хевсурскихъ ущелій,—не только сохранили совершенное спокойствіе, но многіе изъ нихъ, находясь при отрядахъ, служили имъ лучшими проводниками.

Основывая успѣхъ главнѣйшимъ образомъ на быстротѣ дѣйствій и поручая генералу Симоновичу общее начальство надъ всѣми отрядами по ихъ соединеніи, Ртищевъ торопилъ его выступленіемъ, и просилъ дѣйствовать самымъ энергичнымъ образомъ. Для поддержанія сообщенія съ дѣйствующими войсками были выставлены: рота Кабардинскаго полка съ однимъ орудіемъ въ сел. Бахтріанахъ; двѣ роты 15-го егерскаго полка съ орудіемъ между селен. Шильды и Сабуэ и 100 человѣкъ съ орудіемъ въ сел. Тіонетахъ.

Вступивъ въ землю хевсуровъ, Симоновичъ долженъ былъ прежде

всего потребовать выдачи царевича и въ случаѣ отказа, разорить ихъ жилища, башни, укрѣпленія и стараться захватить въ свои руки главнаго *деканоза* [1]) и нѣсколькихъ *кадагъ* [2]), «которые, бывъ обольщены отъ злонамѣренныхъ людей, только соблазняютъ легковѣрный и погруженный въ язычество народъ и руководствуютъ онымъ по своей волѣ» [3]). Прикрываясь вдохновеніемъ свыше и даннымъ имъ даромъ пророчества, лица эти пользовались безусловнымъ къ себѣ повиновеніемъ хевсуръ, и за деньги возбуждали ихъ къ поднятію оружія.

23-го мая Симоновичъ выступилъ изъ сел. Ахмета, а полковникъ Тихоновскій—изъ сел. Тіонетъ. Съ трудомъ переправившись черезъ разлившуюся отъ дождей р. Ильто и вступивъ въ Хевсуретію, Симоновичъ узналъ, что назначенный ему путь покрытъ непроходимымъ снѣгомъ и что затѣмъ нѣтъ никакой дороги. Видя невозможность при такихъ условіяхъ перевалить черезъ снѣговой хребетъ, онъ, по совѣту находившихся при его отрядѣ тушинъ, рѣшился перемѣнить направленіе и пошелъ въ обходъ черезъ Черныя горы, со стороны урочища Панки. Но новое направленіе, принятое отрядомъ, было также неудачно: глубина снѣга доходила до 5 аршинъ, и раскапывать его не было никакой возможности. Три дня отрядъ подвигался впередъ съ большими усиліями: орудія несли на себѣ, вьючныя лошади обрывались въ пропасти, а люди теряли зрѣніе отъ ослѣпительнаго свѣта солнечныхъ лучей, отражавшихся на снѣгу. Кое-какъ Симоновичъ добрался до сел. Муку и отсюда пошелъ къ селенію Лебайсъ-кари на соединеніе съ полковникомъ Тихоновскимъ и генераломъ Сталемъ 2-мъ [4]).

Послѣдній выступилъ 23-го мая, перевалилъ черезъ снѣговой хребетъ, отдѣлявшій гудомакарцевъ отъ хевсуръ, и двинулся къ селенію Барисъ-Ахо. Почти съ самаго начала движенія отрядъ встрѣтилъ въ горахъ большое скопище хевсуръ, съ ожесточеніемъ напа-

---

[1]) *Деканозъ*—служитель вѣры и предводитель народа въ его войнахъ. О значеніи деканозовъ у хевсуръ см. книгу нашу «Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ», т. I, книга II, стр. 290—305.

[2]) *Кадагъ*—проповѣдникъ, прорицатель. Подробности см. тамъ же.

[3]) Предписаніе Ртищева генералъ-маіору Симоновичу, 13-го мая, № 89.

[4]) Рапортъ Симоновича главнокомандующему, 28-го мая, № 508.

давшихъ на нашъ отрядъ, съ цѣлью преградить войскамъ доступъ къ ихъ селеніямъ. Слѣдуя все время подъ выстрѣлами непріятеля и выбивая его изъ засадъ, Сталь встрѣтилъ особенно сильное сопротивленіе въ узкомъ ущельѣ при переправѣ черезъ быструю рѣку Хевсурскую-Арагву. Болѣе трехъ сотъ человѣкъ хевсуръ, расположившихся на высотахъ, окружающихъ ущелье, встрѣтили сильнымъ огнемъ нашъ отрядъ при переправѣ его черезъ рѣку, 27-го мая. Вытѣснивши непріятеля изъ его крѣпкихъ позицій, генералъ-маіоръ Сталь занялъ селеніе Гулы и, послѣ дневки, двинулся къ селен. Хахматисъ-Тави, гдѣ 29-го мая соединился съ отрядомъ полковника Тихоновскаго. Отсюда оба отряда направились къ селен. Лебайсъ-кари на соединеніе съ генераломъ Симоновичемъ, которое состоялось 30-го мая, послѣ того какъ Симоновичъ перевалилъ на сѣверную сторону хребта у Митурисъ-Тави, противъ сел. Хахабо.

Видя невозможность сопротивляться, хевсуры покидали селенія и скрывъ свои семейства и имущества въ глубинѣ горъ, разсыпались въ разныя стороны [1]). О царевичѣ Александрѣ ходили разные слухи: одни говорили, что онъ, собравъ до тысячи человѣкъ вооруженныхъ, укрѣпляется въ селен. Шатили, а другіе—что намѣренъ бѣжать въ Дагестанъ. Не ожидая прибытія отряда полковника Казбека, задержаннаго сначала недоставленіемъ въ отрядъ продовольствія, а потомъ снѣговыми завалами, Симоновичъ рѣшился двинуться къ селен. Шатили, отправивъ впередъ посланнаго съ письмомъ къ царевичу.

«Свѣтлѣйшій царевичъ Александръ Ираклiевичъ! писалъ ему Симоновичъ [2]). Я уже вступилъ съ побѣдоносными россійскими войсками въ нѣдра самаго Кавказа и иду съ оными освободить васъ изъ заточенія, въ которые вы нечаянно сами себя заключили. Я, принимая сердечное участіе въ вашемъ бѣдственномъ положеніи, несчастныхъ князей, которые чрезъ васъ пострадали, и чрезъ васъ же терпящаго народа, предлагаю вашей свѣтлости воспользоваться симъ послѣднимъ случаемъ, явиться съ чистымъ раскаяніемъ къ россійскому начальству на честное слово мое и гг. генералъ-маіора Сталя и шефа полковника Тихоновскаго, находящихся со мною въ походѣ. Вы

[1]) Рапортъ Сталя главнок., 29-го мая, № 339. Рапортъ Симоновича главнокомандующему, 30-го мая, № 510.

[2]) Въ письмѣ отъ 30-го мая 1813.

будете всемилостивѣйшимъ Государемъ нашимъ точно такъ приняты, какъ васъ увѣрялъ г. главнокомандующій въ Грузіи, генералъ-лейтенантъ Николай Федоровичъ Ртищевъ. Вы явкою вашею осчастливите и означенныхъ князей, какъ равно и тѣхъ, которые находятся при васъ и въ разныхъ мѣстахъ въ бѣгахъ, кои всѣ будутъ всемилостивѣйше прощены съ возвращеніемъ каждому своего имѣнія. Я даю вашей свѣтлости къ сей явкѣ три дни срока, т. е. по 2-е число будущаго іюня мѣсяца. Воля ваша явиться или нѣтъ, только въ семъ послѣднемъ случаѣ подумайте какой вы и ваши единомышленники принесете конецъ, а впрочемъ лично доложитъ вамъ явившійся ко мнѣ на честное слово изъ бѣговъ князь Иванъ Гургенидзе».

На письмо это не было отвѣта. Посланный былъ убитъ передовыми пикетами царевича, но письмо доставлено было по назначенію и найдено впослѣдствіи въ квартирѣ Александра.

Не получивъ отвѣта, Симоновичъ оставилъ въ сел. Лебайсъ-кари всѣхъ раненыхъ, слабыхъ и тяжести подъ прикрытіемъ 300 человѣкъ пѣхоты, самъ 31-го числа съ остальными войсками выступилъ къ укрѣпленному сел. Шатили. Предувѣдомленный, что хевсуры вмѣстѣ съ кистинцами заняли весьма крѣпкое и утесистое Аргунское ущелье и оба хребта горъ, покрытыхъ глубокимъ и непроходимымъ снѣгомъ, Симоновичъ 1-го іюня отправилъ на правыя высоты отрядъ генералъ-маіора Сталя, на лѣвыя полковника Тихоновскаго, самъ же двинулся въ центрѣ по ущелью. Войска карабкаясь по скатамъ горъ, завязали въ снѣгу, натыкались неожиданно на стремнины и пропасти и среди такихъ затрудненій должны были вытѣснять непріятеля штыками.

«Однимъ только неустрашимымъ россійскимъ войскамъ, доносилъ Ртищевъ, преисполненнымъ единодушнаго усердія къ службѣ Вашего Императорскаго Величества и къ славѣ оружія, свойственно было пройти сіе мѣсто и восторжествовать надъ всѣми преградами, положенными самою природою».

Симоновичъ не могъ однако двигаться по ущелью. Большая вода въ р. Аргунѣ заставила его принять влѣво, подняться на гору къ селенію Гуро и пробиваться сквозь толпы укрѣпившагося непріятеля. Сраженіе продолжалось цѣлый день, хотя хевсуры и кистинцы, надѣясь на свои панцыри, силились удерживаться, но штыки и ура!

опрокидывали ихъ. Защищаясь почти цѣлый день и потерявъ до 600 человѣкъ одними убитыми, непріятель скрылся въ ущельяхъ, и селеніе Гуро было истреблено до основанія. Отрядъ двинулся далѣе, но отвѣсныя почти скалы затрудняли его движеніе. У уроч. Георгицминда хевсуры, снова собравшись на высотахъ въ значительномъ числѣ, съ отчаяніемъ защищали послѣдній проходъ къ Шатильской крѣпости, но были разсѣяны и преслѣдуемы съ такою быстротою и настойчивостью, что бросили безъ защиты сел. Шатили, которое 3-го іюня и было занято нашими войсками.

Царевичъ Александръ 31-го мая оставилъ селеніе Шатили и подъ предлогомъ сбора войскъ бѣжалъ въ Аварію, въ сел. Осоколо. Для преслѣдованія его и вмѣстѣ съ тѣмъ для наказанія кистинцевъ былъ отправленъ полковникъ Тихоновскій, который разбилъ непріятеля у сел. Митхо и сжегъ 9 селеній. Дождавшись его возвращенія, генералъ-маіоръ Симоновичъ уничтожилъ до основанія сел. Шатили, разрушилъ его башни и укрѣпленія и пошелъ обратно къ сел. Лебайсъ-кари. Отсюда онъ отправилъ по ущельямъ три отряда, которые, разоривъ до 20 хевсурскихъ селеній, соединились съ отрядомъ Симоновича у пшавскаго селенія Шуапко и вмѣстѣ съ нимъ возвратились 15 іюня въ Тіонеты [1]).

«Труды, понесенные войсками, были неимовѣрны, доносилъ Ртищевъ [2]); но еще удивительнѣе непреоборимый духъ мужества, каковой показали они въ семъ дѣлѣ, побѣдивъ не однихъ воинственныхъ горскихъ народовъ, но и другаго, можно сказать, важнѣйшаго непріятеля—дикую природу со всѣми ея ужасами, полагавшую на каждомъ шагу чрезвычайныя препоны движенію и дѣйствіямъ храбрыхъ войскъ. По свидѣтельству служащихъ здѣсь въ полкахъ воинскихъ чиновъ, бывшихъ при незабвенномъ проходѣ россійскихъ войскъ черезъ Альпійскія горы, кои также находились въ дѣйствіяхъ и при сей экспедиціи, превышаютъ тѣ препятствія и труды, кои встрѣчены были на Альпахъ, ибо извѣстенъ добродушный и тихій народъ, тамъ обитающій, равнымъ образомъ и дороги большею частію обработан-

[1]) Рапортъ Симоновича главнокоманд., 17-го іюня 1813 г. № 565.

[2]) Во всеподд. рапортѣ отъ 11-го іюля 1813 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. V, № 632.

ныя съ удобностью для прохода. Здѣсь же войска, побѣждая звѣрскихъ народовъ, обращающихся въ однихъ разбояхъ и имѣющихъ жилища свои въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, должны были переходить хребты высочайшихъ Кавказскихъ горъ и быстрыя рѣки въ самыхъ пропастяхъ, преодолѣвая черезъ пять дней сряду чувствительную глазную боль, производимую отраженіемъ солнечныхъ лучей отъ снѣга; сверхъ того, противоборствуя самой природѣ, переносить необычайныя трудности, пріобрѣтая всякій шагъ впередъ однимъ неустрашимымъ мужествомъ и сражаясь то на каменистыхъ скалахъ горъ, то въ глубокихъ безднахъ, неся при томъ на людяхъ не только прочія тягости, но и самую артиллерію.

«Не взирая на все сіе, однимъ войскамъ Вашего Величества, послѣ многихъ протекшихъ вѣковъ, предоставлена была слава проникнуть въ такія мѣста Кавказа, куда ни греческіе полководцы завоевателя Александра Македонскаго, покорявшаго здѣшній край, ни римляне, владѣвшіе многими въ сихъ мѣстахъ народами, и ниже который либо изъ знаменитыхъ шаховъ персидскихъ никогда не достигали. Въ первый еще разъ съ торжествомъ побѣды развѣвались знамена среди сихъ мѣстъ Кавказа и побѣждены такіе народы, кои никѣмъ не были побѣждаемы».

Перебравшись изъ Аваріи въ сел. Унцукуль, царевичъ Александръ склонялъ на свою сторону койсубулинцевъ и просилъ ихъ содѣйствія къ овладѣнію Тифлисомъ и всею Грузіею, обѣщая каждому вооруженному по 50 руб. Койсубулинцы выражали свою готовность явиться къ царевичу въ томъ случаѣ, если онъ представитъ имъ доказательство, что грузины желаютъ его имѣть у себя и помогутъ въ сдачѣ Тифлиса. Александръ не затруднился предъявить имъ фальшивое письмо, написанное на огромномъ листѣ и испещренное множествомъ печатей [1]). Койсубулинцы и сосѣднія съ ними дагестанскія общества повѣрили, и Александръ, собравъ такими средствами толпу до 2,000 человѣкъ, подошелъ съ нею къ сел. Шильды. Отсюда онъ отправилъ возмутительныя письма къ тушинамъ, кахетинцамъ и казахцамъ.

[1]) Рапортъ генерала Хатунцева главноком., 16-го іюля 1813 г. А. К. А. К., т. V, № 458.

30-го августа толпа вооруженныхъ горцевъ спустилась съ горъ ближе къ сел. Шильды и остановилась недалеко отъ лагеря отряда полковника Тихоновскаго. Послѣдній въ ночь на 31-е августа двинулся для разогнанія собравшейся толпы. Съ разсвѣтомъ непріятель, съ удивленіемъ увидѣвшій передъ собою русскія войска, безъ выстрѣла разсыпался въ разныя стороны и скрылся въ горахъ и лѣсахъ. Александръ бѣжалъ сначала въ сел. Сабуэ, а затѣмъ поселился у дидойцевъ. Въ октябрѣ онъ опять успѣлъ собрать до 6,000 человѣкъ лезгинъ, съ которыми и появился на высотахъ близъ сел. Сабуэ. Полковникъ Тихоновскій 16-го октября атаковалъ это скопище и заставилъ его бѣжать въ свои селенія. Царевичъ едва не попался въ плѣнъ; лошадь его была ранена и осталась на полѣ сраженія [1]). Поселившись у дидойцевъ, Александръ находился въ самомъ бѣдственномъ положеніи: горцы не выпускали его отъ себя, считая за нимъ много обѣщанныхъ денегъ, и мулла взялъ его изъ сожалѣнія къ себѣ на прокормленіе [2]). Надѣяться на помощь персіянъ и на полученіе оттуда денегъ онъ не могъ, такъ какъ между Россіею и Персіею были открыты мирные переговоры, окончившіеся вслѣдъ за тѣмъ заключеніемъ Гюлистанскаго мира.

VI.

Желаніе персіянъ вступить въ переговоры о мирѣ. — Участіе въ этомъ дѣлѣ англійскаго посла въ Персіи. — Переписка его съ Ртищевымъ. — Вторженіе персіянъ въ Талыши. — Приготовленія обѣихъ сторонъ къ открытію военныхъ дѣйствій. — Наступательный планъ Ртищева. — Возобновленіе мирныхъ переговоровъ. — Заключеніе Гюлистанскаго мирнаго трактата.

Побѣды Котляревскаго при Асландузѣ и Ленкорани, а главное появленіе русскихъ войскъ за р. Араксомъ произвело панику между населеніемъ и возбудило опасенія Аббасъ-Мирзы. Сознавая, что съ открытіемъ наступательныхъ дѣйствій со стороны Россіи, трудно бу-

[1]) Рапортъ Тихоновскаго главнок., 18 октября, № 847.
[2]) Рапортъ Симоновича Ртищеву, 1-го ноября, № 1540.

детъ собрать разсѣянные полки и встрѣтить непріятеля, персидскій принцъ, черезъ своихъ посланныхъ, обратился къ капитану 1-го ранга Веселаго съ предложеніемъ прекратить военныя дѣйствія. Не имѣя на то никакого разрѣшенія, Веселаго вступилъ, однако же, въ переговоры и пригласилъ къ тому же Миръ-Мустафу-хана талышинскаго. Узнавъ объ этомъ, Ртищевъ просилъ Котляревскаго внушить хану, что кромѣ главнокомандующаго никто не имѣетъ права входить съ непріятелемъ въ какія бы то ни было сношенія. Веселаго же было замѣчено, что обязанность его драться съ непріятелемъ, а не принимать мирныхъ предложеній, и отвѣчать, что съ этимъ слѣдуетъ обратиться въ Тифлисъ къ самому главнокомандующему.

Столь рѣзкій отвѣтъ еще болѣе озаботилъ Аббасъ-Мирзу, и онъ рѣшился обратиться къ самому Ртищеву, черезъ армянскаго патріарха Ефрема. Главнокомандующій отвѣчалъ, что, зная миролюбивое расположеніе Императора, онъ никогда не откажется отъ мирныхъ переговоровъ съ персидскимъ правительствомъ, но имѣетъ весьма малую надежду на успѣхъ.

Дѣйствительно, заключеніе мира съ персіянами было дѣломъ далеко не легкимъ. «Неблагонамѣренность, писалъ Моріеръ къ лорду Вальполю [1]), лукавство и вѣроломство персіянъ затрудняли его (заключеніе мира) до сихъ поръ до невозможности, и если бы русскіе имъ не задали прошедшею зимою двухъ или трехъ уроковъ самыхъ порядочныхъ, то я никакъ и не повѣрилъ бы, чтобы мы могли склонить ихъ къ замиренію. Люди, имѣющіе всю власть на границѣ, и въ числѣ оныхъ мнимый наслѣдникъ Персіи и одинъ изъ министровъ шаха Мирза-Безюргъ, находятъ въ томъ большую выгоду, чтобы сіе дѣло не состоялось, и они-то дѣлали главное въ томъ препятствіе».

Предъидущіе переговоры и сношенія съ Аббасъ-Мирзою показали, что главнымъ противникомъ заключенія мира былъ Мирза-Безюргъ—дядька и наставникъ принца, находившагося подъ полнымъ его вліяніемъ. Слѣдовательно, начинать снова переговоры съ Аббасъ-Мирзою было бы безполезно, и главнокомандующій рѣшился начать ихъ не иначе, какъ съ тегеранскимъ кабинетомъ. Пользуясь союзомъ Россіи

[1]) См. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. V, № 865.

съ Англіею и участіемъ, которое принималъ сиръ Горъ-Узелей въ предшествовавшихъ переговорахъ, Ртищевъ сообщилъ ему о желаніи персидскаго правительства, но выразилъ сомнѣніе въ успѣшномъ исполненіи этого желанія. Если для веденія мирныхъ переговоровъ, говорилъ главнокомандующій, будутъ назначены со стороны Персіи тѣ же лица, которыя наблюдаютъ прежде всего свои личныя выгоды, сопряженныя съ продолженіемъ войны, чѣмъ помышляютъ о благѣ общественномъ; если на веденіе переговоровъ будетъ имѣть вліяніе тавризскій министръ (Мирза-Безюргъ), который въ теченіе шести лѣтъ ежегодно возобновлялъ переговоры и своею хитростію достигалъ того, что они прерывались, то едва ли можно ожидать какихъ бы то ни было успѣховъ.

«Намѣренія Россійской Имперіи къ постановленію мира съ Персіею самыя искреннія, присовокуплялъ Ртищевъ [1]); основанія миру полагаемыя, сколько умѣренны, столько же и справедливы. Напротивъ того, неискренность особъ, договаривающихся со стороны персидскаго правительства, и разные обороты, вредящіе согласію, всегда затмѣваютъ справедливость и отдаляютъ благополучный миръ. Если бы тегеранскому кабинету безпристрастно были представлены всѣ тѣ пользы, кои Персія пріобрѣсти можетъ отъ союза со столь сильною Имперіею, какова Россія—вредъ, который она невозвратно понести можетъ отъ продолженія войны съ неравными силами, и истинное положеніе, въ каковомъ нынѣ находятся дѣла обѣихъ воюющихъ сторонъ, съ присовокупленіемъ также, сколь умѣренна Россійская Имперія при всѣхъ своихъ преимуществахъ, не требуя отъ Персіи никакихъ пожертвованій при постановленіи мира, а только удерживая свою собственность, принадлежащую ей по праву войны, то, безъ сомнѣнія, тегеранскій кабинетъ, убѣжденный справедливостью дѣла, далъ бы оному другое направленіе и съ такою же искренностью приступилъ бы къ заключенію мира, съ какою желаетъ сего событія мой всемилостивѣйшій Государь Императоръ».

Сиръ Горъ-Узелей отвѣчалъ, что онъ искренно и «всѣмъ сердцемъ» желаетъ скорѣйшаго заключенія мира между Россіею и Пер-

---

[1]) Въ письмѣ англійскому послу отъ 18-го января 1813 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. V, № 852.

сіею; что онъ еще ранѣе писалъ объ этомъ нѣсколько писемъ главнокомандующему, но они были задержаны Мирзою-Безюргомъ, старавшимся воспрепятствовать свободной корреспонденціи между англійскимъ посломъ и русскимъ главнокомандующимъ; что, наконецъ, ему удалось открыть тегеранскому кабинету происки тавризскаго министра и заставить Баба-хана понять тѣ выгоды, которыя онъ пріобрѣтаетъ съ заключеніемъ мира съ Россіею.

Будучи увѣренъ, что настоящая причина, по которой Мирза-Безюргъ не желалъ прекращать военныхъ дѣйствій, было полученіе отъ англійскаго правительства 200,000 тумановъ субсидіи на военныя издержки, сиръ Горъ-Узелей заявилъ Баба-хану, что если со стороны Россіи будутъ предложены справедливыя условія мира, то англійское правительство быть можетъ почтетъ себя въ правѣ прекратить субсидію, которая, по смыслу трактата, отпускается, чтобы вредить непріятелямъ, а не союзникамъ Англіи.

Заявленіе это произвело крутой поворотъ въ политикѣ тегеранскаго кабинета и вызвало желаніе Баба-хана принять непосредственное участіе въ мирныхъ переговорахъ. Онъ рѣшился устранить Мирзу-Безюрга и дать полномочіе находившемуся при немъ англійскому посланнику.

«Благодаря Бога, писалъ сиръ Узелей [1]), я былъ довольно счастливъ въ томъ, что обратилъ взоры шаха на существенныя его выгоды, открылъ обманы и лукавства министровъ, его сына (Аббасъ-Мирзы), и ожидаю только вашего отвѣта, дабы обязать Баба-хана на отправленіе къ стопамъ Государя Императора своего чрезвычайнаго посла съ употребительными въ такихъ случаяхъ подарками».

Ртищевъ отклонилъ отправленіе чрезвычайнаго посольства въ Петербургъ, находя мѣру эту совершенно безполезною и клонящеюся только къ одной напрасной потерѣ времени. Если цѣль посольства заключалась въ томъ, чтобы черезъ него вступить въ переговоры о мирѣ, то въ этомъ не представлялось необходимости, такъ какъ главнокомандующій былъ уполномоченъ на всѣ случаи и, находясь на мѣстѣ, могъ гораздо скорѣе окончить переговоры; если же цѣлью отправленія посольства было принесеніе подарковъ, то они могли быть

[1]) Въ письмѣ Ртищеву отъ 26-го марта 1813 г.

приняты только отъ дружественной державы, слѣдовательно послѣ заключенія мирныхъ условій. Тогда, писалъ Ртищевъ [1]), «чрезвычайные послы взаимно къ каждому двору должны быть съ обѣихъ сторонъ отправлены съ приличными на таковой случай привѣтствіями и изъявленіемъ дружбы».

Соглашаясь съ мнѣніемъ главнокомандующаго, сиръ Горъ-Узелей увѣдомлялъ, что переговоры о мирѣ будутъ теперь ведены самимъ Баба-ханомъ и его первымъ министромъ Мирзою-Шефи, который вмѣстѣ съ тѣмъ отправляетъ въ Тифлисъ своего чиновника Мамедъ-Алибека съ письмомъ, заключающимъ въ себѣ изъявленіе дружбы и расположеніе къ доброму согласію. Ртищевъ просилъ снабдить посланнаго письменнымъ удостовѣреніемъ въ томъ, что со стороны Персіи во всѣхъ пограничныхъ мѣстахъ строго воспрещены непріязненныя дѣйствія. Удостовѣреніе это было необходимо въ виду того, что персидское правительство, переговариваясь о мирѣ и желая склонить главнокомандующаго на нѣкоторыя уступки, не останавливало своихъ обширныхъ приготовленій и не воспрещало Аббасъ-Мирзѣ производить хищническія вторженія въ наши границы.

Въ половинѣ апрѣля персіяне вторглись въ Талыши, отогнали скотъ неподалеку отъ Аркеванской крѣпости и успѣли захватить въ плѣнъ нѣсколькихъ жителей. По просьбѣ Миръ-Мустафы-хана изъ Ленкорани была выслана команда въ 50 человѣкъ съ однимъ орудіемъ, неуспѣвшая догнать непріятеля. Другая партія, переправившись, въ маѣ, черезъ Худо-аферинскій мостъ, ворвалась въ Карабагъ для грабежей, но была прогнана командою, стоявшею въ Хонзыряхѣ, и преслѣдована до р. Боргушета. Баба-ханъ прибылъ съ войсками въ урочище Уджанъ-Джеманъ въ четырехъ агаджахъ за Тавризомъ. При немъ по свѣдѣніямъ было 18,000 человѣкъ пѣхоты, 40,000 кавалеріи и 20 орудій. Онъ намѣренъ былъ, въ случаѣ неудачи переговоровъ, открыть военныя дѣйствія подъ своимъ личнымъ начальствомъ и съ этою цѣлью строилъ укрѣпленія въ Талыняхъ и приказалъ всѣхъ жителей Эриванской и Нахичеванской областей, жившихъ вдали отъ укрѣпленныхъ пунктовъ, переселить на лѣтнее время за р. Араксъ, со всѣмъ имуществомъ и скотомъ.

---

[1]) Въ письмѣ сиръ Горъ-Узелею отъ 8-го мая 1813 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. V, № 859.

Съ своей стороны Ртищевъ, желая прекратить вторженіе персіянъ въ наши границы и побудить ихъ къ скорѣйшему заключенію мира, рѣшился перенести военныя дѣйствія въ Персію и дѣйствовать наступательно. Съ этою цѣлью предполагалось сухопутныя войска двинуть къ Тавризу и одновременно съ этимъ отправить въ Энзели сильную эскадру съ дессантомъ. Въ составъ эскадры назначены: одинъ корабль, одинъ корветъ, три брига, три люгера, два транспорта и четыре купеческіе шкоута [1]).

Для составленія дессанта формировался въ Астрахани временный *Ленкоранскій баталіонъ*, въ составъ котораго вошли 489 рекрутъ, взятыхъ по двумъ наборамъ съ Астраханской, Кавказской, Казанской и Саратовской губерній, и рота Астраханскаго гарнизоннаго баталіона. Присоединивъ къ этому баталіону 100 человѣкъ астраханскихъ казаковъ, дессантъ въ іюлѣ былъ отправленъ къ талышинскимъ берегамъ, гдѣ часть баталіона велѣно оставить въ Ленкорани, а въ замѣнъ того посадить на суда изъ тамошняго гарнизона старыхъ солдатъ и дѣйствовать по обстоятельствамъ противъ непріятеля. Для командованія эскадрою и дессантомъ назначенъ астраханскій комендантъ генералъ-лейтенантъ Ротгофъ.

25-го іюля эскадра съ дессантомъ прибыла къ талышинскимъ берегамъ [2]), но въ употребленіи ея не представилось надобности, такъ какъ мирные переговоры съ Персіею приняли благопріятный исходъ.

Прибывшій въ Тифлисъ персидскій чиновникъ Мамедъ-Али-бекъ доставилъ главнокомандующему письмо мирзы Шефи, въ которомъ визирь писалъ объ искреннемъ желаніи персидскаго правительства прекратить вражду съ Россіею. Ртищевъ отвѣчалъ, что мысли его о мирныхъ переговорахъ извѣстны англійскому посланнику [3]), и въ тотъ же день сообщилъ сиръ Горъ-Узелею, что выборъ мѣста для переговоровъ предоставляетъ усмотрѣнію тегеранскаго кабинета, но отказывается самъ вести ихъ, если они будутъ назначены въ Теге-

[1]) Въ эскадрѣ были слѣдующія суда: корабль «Вулканъ», корветъ «Аріанда», бриги: «Ящерица», «Змія» и «Волга;» люгеры: «Бѣлка», «Горностай» и «Щеголь»; транспорты: «Баку» и «Пчела».

[2]) Всеподд. рапортъ Ртищева, отъ 15-го августа 1813 г., № 140.

[3]) Письмо Ртищева мирзѣ Шефи, отъ 8-го мая 1813 г., № 81.

ранѣ. «Мнѣ самому принять на себя сію обязанность, писалъ главнокомандующій [1]), было бы несходственно ни съ высочайшею волею, ни съ моими обязанностями главнокомандующаго войсками и всѣмъ здѣшнимъ краемъ, коего я ни по какому случаю безъ особой высочайшей воли оставить не могу». Если же персидское правительство уполномочитъ для веденія переговоровъ мирзу Шефи и назначитъ мѣсто гдѣ нибудь на границѣ, тогда веденіе переговоровъ Ртищевъ принималъ на себя.

Сознавая, что всякій день промедленія сопряженъ съ чрезвычайными издержками на содержаніе войскъ, собранныхъ въ Уджанъ-Джеманѣ, Баба-ханъ желалъ скорѣе выйти изъ этого положенія и распустить свои войска. Онъ просилъ сиръ Горъ-Узелея поторопиться заключеніемъ перемирія и англійскій посланникъ предлагалъ Ртищеву заключить его на двѣнадцать мѣсяцевъ. «Впрочемъ, писалъ онъ [2]), если бы ваше превосходительство пожелали заключить перемиріе на 15 или 16 мѣсяцевъ вмѣсто 12-ти, то я надѣюсь имѣть столько вліянія на шаха, что склонилъ бы его согласиться на ваши желанія».

Ртищеву предоставлялся выборъ имѣть свиданіе по поводу заключенія перемирія или самому лично въ Памбакахъ съ персидскимъ полномочнымъ ханомъ эриванскимъ, или послать отъ себя повѣреннаго. Въ послѣднемъ случаѣ и эриванскій ханъ пошлетъ отъ себя брата или кого либо другаго. Съ заключеніемъ перемирія войска обѣихъ сторонъ должны были быть распущены по квартирамъ, не ожидая окончательнаго заключенія мирныхъ условій.

«Относительно status quo ad presentem, писалъ сиръ Горъ-Узелей, то, въ уваженіе трудностей, какія я долженъ былъ превозмочь, дабы согласить на сіе персіянъ (такъ какъ послѣднія пораженія ихъ дѣлали согласіе сіе еще болѣе затруднительнымъ по ихъ гордости), я надѣюсь, что ваше превосходительство охотно уступите Персіи какую нибудь малую частицу владѣній, черезъ что докажется великодушіе великаго Государя Императора, его благодѣтельность и великость души, и въ то же время излечатся раны, кои персіяне дѣй-

---

[1]) Въ письмѣ сиръ Горъ-Узелею, отъ 8-го мая 1813 г., № 76. Ак. Кав. Арх. Ком., т. V, № 859.

[2]) Въ письмѣ Ртищеву, отъ 28-го іюня (10-го іюля), изъ Тавриза,

ствительно чувствуютъ. Обстоятельство сіе я прошу васъ покорно принять не въ видѣ требованія со стороны Персіи (ибо держава сія согласна на status quo ad presentem), но только какъ простую просьбу со стороны моей, какъ искренняго друга обѣимъ сторонамъ».

Ртищевъ не соглашался ни на какую уступку и находилъ ее совершенно невозможною.

— Если въ прошломъ году, говорилъ онъ, когда Россія находилась въ весьма затруднительномъ положеніи, въ разсужденіи вторженія французовъ, и даже въ Грузіи произведенъ былъ мятежъ царевичемъ Александромъ, я отвергнулъ перемиріе съ Персіею единственно по поводу точно такихъ же требованій со стороны персидскаго правительства, то тѣмъ болѣе теперь я не могу и не въ правѣ, безъ нарушенія своихъ обязанностей, сдѣлать какую-либо уступку изъ владѣній, состоящихъ подъ единственною властью Его Величества.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ртищевъ признавалъ неудобнымъ заключать перемиріе на столь продолжительный срокъ, такъ какъ Императоръ поручилъ ему одновременно съ перемиріемъ заключить и самый мирный трактатъ.

— Одно перемиріе, говорилъ главнокомандующій, сколько бы продолжительно оно ни было, не можетъ составить обезпеченія для обѣихъ воюющихъ сторонъ. Желаніе же персидскаго правительства заключить перемиріе для того, чтобы постановить прелиминарные пункты, сообщенные ему мною еще въ прошломъ году, доказываетъ только намѣреніе продлить время и можетъ побудить Императора заставить подписать миръ силою оружія. Миръ этотъ, конечно, не представитъ уже тѣхъ выгодъ персіянамъ, которыя они могутъ пріобрѣсти теперь.

На этомъ основаніи Ртищевъ предлагалъ заключить перемиріе не болѣе какъ на 50 дней, которыхъ было совершенно достаточно для постановленія окончательнаго мира. Мѣстомъ для переговоровъ онъ предлагалъ избрать м. Гюлистанъ, лежавшее въ вершинахъ р. Тертера, почти на границѣ между Эриванью и Нахичеванью.

Отказъ Ртищева заключить перемиріе на годъ и уступить что-либо изъ занятыхъ нами провинцій произвелъ между персіянами нѣкоторое колебаніе, «и чуть было не остались тщетны всѣ мои ста-

ранія», говорилъ сиръ Горъ-Узелей [1]). Онъ писалъ главнокомандующему, что персидское правительство и во главѣ его самъ шахъ, желаютъ особымъ пунктомъ трактата выговорить себѣ законное право на уступку Персіи нѣкоторыхъ владѣній изъ состоящихъ уже подъ властью Россіи.

Ртищевъ не согласился. Тогда тегеранскій кабинетъ предложилъ заключить краткій трактатъ о мирѣ, съ тѣмъ, чтобы болѣе подробный договоръ былъ заключенъ впослѣдствіи въ Петербургѣ. Баба-ханъ надѣялся, что переговоры въ русской столицѣ будутъ для него выгоднѣе, и онъ, пользуясь великодушіемъ Императора, успѣетъ склонить его на уступку нѣкоторыхъ областей. Главнокомандующій не согласился и на это предложеніе; онъ настаивалъ на заключеніи полнаго или окончательнаго трактата и грозилъ прекращеніемъ переговоровъ. Но, чтобы отчасти удовлетворить желанію Баба-хана, генералъ Ртищевъ обѣщалъ по заключеніи договора составить особый актъ, по которому будетъ предоставлено Персіи, по отправленіи посла въ Петербургъ, просить у Императора «*о всѣхъ надобностяхъ и желаніяхъ, какія имѣетъ персидское правительство*», но не какъ *требованіе, подлежащее непремѣнному удовлетворенію*, *а единственно какъ просьба,* исполненіе которой зависитъ отъ усмотрѣнія Императора [2]).

Видя такую неуступчивость со стороны Россіи, зная о появленіи уже флота съ дессантомъ у талышинскихъ береговъ и о готовности русскихъ войскъ вступить въ предѣлы Персіи, Баба-ханъ принужденъ былъ согласиться съ требованіями главнокомандующаго и назначилъ своимъ уполномоченнымъ Мирзу-Абуль-Хасанъ-хана, бывшаго передъ тѣмъ чрезвычайнымъ посломъ въ Англіи, а мѣстомъ переговоровъ избралъ м. Гюлистанъ, въ Карабагѣ, при рѣчкѣ Зейвѣ.

Отправивъ на встрѣчу персидскаго уполномоченнаго маіора Мандрыкина, исправлявшаго должность дежурнаго генерала арміи, главнокомандующій 10-го сентября выѣхалъ изъ Тифлиса въ Гюлистанъ. Остановившись въ Елисаветполѣ, въ ожиданіи извѣстія о прибытіи

---

[1]) Письмо сиръ Горъ-Узеля Ртищеву, 10-го августа.

[2]) Письмо Ртищева англійскому послу, отъ 24-го августа. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. V, № 873.

персидскаго уполномоченнаго къ нашимъ границамъ, Ртищевъ получилъ донесеніе отъ маіора Мандрыкина, что Мирза-Абуль-Хасанъ выѣхалъ изъ Тавриза 20-го сентября и 23-го числа прибудетъ въ Гюлистанъ. Главнокомандующій поторопился отъѣздомъ изъ Елисаветполя, и 21-го числа былъ уже на мѣстѣ. Онъ отправилъ въ различные пункты своихъ адъютантовъ съ небольшими отрядами казаковъ, чтобы привѣтствовать персидскаго уполномоченнаго, сопровождаемаго четырмя почетными чиновниками и 350 человѣкъ конвоя. 27-го сентября Мирза-Абуль-Хасанъ-ханъ прибылъ въ Гюлистанъ и остановился въ приготовленномъ для него лагерѣ, противъ лагеря нашихъ войскъ. Въ тотъ же самый день онъ имѣлъ свиданіе съ Ртищевымъ въ особой палаткѣ, назначенной собственно для переговоровъ и поставленной посреди между обоими лагерями.

Послѣ взаимныхъ визитовъ и размѣна полномочій, приступлено было къ переговорамъ о перемиріи, и 1-го октября актъ этотъ былъ подписанъ. Обѣ стороны обязались въ теченіе 50 дней, т. е. до 21-го ноября, не предпринимать никакихъ военныхъ дѣйствій или хищничествъ и немедленно приступить къ переговорамъ о мирѣ на основаніи status quo ad presentem. Въ случаѣ же, если бы не послѣдовало соглашенія между уполномоченными, и заключеніе мира не состоялось, то непріятельскія дѣйствія не прежде могли быть открыты, какъ черезъ 20 дней послѣ прекращенія переговоровъ, т. е. «черезъ такое время, въ которое уполномоченный со стороны персидскаго правительства можетъ, съ оказаніемъ ему всѣхъ почестей, свободно и со всею безопасностью быть препровожденъ за границу». Предложивши затѣмъ Мирза-Абуль-Хасанъ-хану приступить безотлагательно къ заключенію мирныхъ условій, Ртищевъ получилъ отъ него заявленіе, что изъ особаго уваженія къ русскому главнокомандующему и цѣня искреннее его расположеніе къ персидскому правительству, онъ предоставляетъ ему самому, на основаніи status quo ad presentem, составить краткій трактатъ и предложить статьи онаго на общее обсужденіе. Съ своей стороны Мирза-Абуль-Хасанъ-ханъ просилъ уважить только одну просьбу, чтобы прежде всего согласиться въ сепаратномъ актѣ, такъ какъ этимъ документомъ обезпечивалось «право персидскому правительству надѣяться на удовлетвореніе въ просьбахъ, кои будутъ по заключеніи мирнаго трактата представлены вы-

сочайшему россійскому двору черезъ полномочнаго персидскаго посланника».

— Слѣдуя общимъ правиламъ, отвѣчалъ на это Ртищевъ, сепаратный пунктъ долженъ быть постановленъ тогда, когда мы согласимся уже въ главныхъ основаніяхъ мирнаго трактата и подпишемъ его.

— По наставленіямъ мнѣ даннымъ, замѣтилъ Мирза-Абуль, я обязанъ первоначально имѣть переговоръ о сепаратномъ актѣ и, только удостовѣрясь въ согласіи вашемъ постановить оный сходно съ желаніемъ персидскаго правительства, приступить уже къ переговорамъ о статьяхъ самаго мира.

Не находя ничего важнаго въ такой просьбѣ и несогласнаго съ видами нашего правительства, Ртищевъ не отвѣчалъ прямымъ отказомъ.

— Хотя съ моей стороны, говорилъ онъ, какъ англійскій министръ, такъ и персидское правительство предварены уже письменно, что я не прежде могу согласиться на постановленіе сепаратнаго пункта, какъ послѣ подписанія настоящаго трактата, но, имѣя искреннее расположеніе стараться по мѣрѣ моей возможности о сближеніи истинныхъ пользъ обѣихъ высокихъ державъ и съ удовольствіемъ желая оказать особое уваженіе къ личнымъ достоинствамъ вашимъ, я охотно готовъ удовлетворить вашему желанію.

Тогда Мирза-Абуль-Хассанъ-ханъ представилъ Ртищеву записку, данную ему отъ тегеранскаго двора, какого содержанія долженъ быть заключенъ сепаратный актъ. Тегеранскій дворъ желалъ включить въ мирный трактатъ особый параграфъ, по которому полномочному персидскому послу, имѣющему отправиться въ Петербургъ по заключеніи мира, было бы предоставлено право просить Императора о возвращеніи Персіи нѣкоторыхъ владѣній, отходящихъ по трактату къ составу Россіи, съ тѣмъ условіемъ, чтобы просьба эта была уважена петербургскимъ кабинетомъ. Ртищевъ былъ удивленъ такому домогательству тегеранскаго двора и тѣмъ болѣе, что объ этомъ были уже переговоры, и персидское правительство согласилось отказаться отъ своихъ требованій. Онъ заявилъ персидскому уполномоченному, что готовъ заключить сепаратный параграфъ, но на основаніяхъ предложеннаго имъ содержанія и съ нѣкоторыми перемѣнами, наибо-

лѣе соотвѣтствующими желаніямъ Персіи. При этомъ Ртищевъ старался изложить сепаратный параграфъ съ возможною ясностью и настоять на томъ, чтобы изъ него были исключены всѣ тѣ выраженія, которыя могли бы присвоить персидскому правительству право ожидать нецремѣннаго удовлетворенія въ своихъ просьбахъ, когда они будутъ представлены нашему правительству. Послѣ продолжительныхъ споровъ и весьма долгихъ убѣжденій, Мирза-Абуль-Хассанъ-ханъ согласился наконецъ принять сепаратный актъ, предложенный Ртищевымъ, но просилъ прежде окончательнаго утвержденія отправить его въ Тегеранъ съ нарочнымъ курьеромъ «для испрошенія отъ своего государя согласія, въ коемъ онъ хотя не сомнѣвается нимало, но дабы отклонить отъ себя всякую клевету со стороны сильной партіи, недоброжелательствующей совершенно миру и вредящей собственно его лицу». Персидскій уполномоченный заявилъ, что мѣру эту онъ признаетъ необходимою для собственной безопасности. Ртищевъ не вполнѣ вѣрилъ такому заявленію и предполагалъ, что Мирза или ограниченъ въ данномъ ему полномочіи, или имѣетъ порученіе протянуть переговоры и тѣмъ дать возможность своему правительству выиграть время и приготовиться къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ. Главнокомандующій убѣждалъ персидскаго уполномоченнаго дѣйствовать самостоятельно и рѣшительно на основаніи данныхъ ему полномочій и не скрылъ отъ него, что въ противномъ случаѣ, не желая быть обманутымъ, принужденъ будетъ прервать переговоры. Въ данномъ случаѣ Ртищевъ согласился, чтобы «па сей одинъ только разъ» курьеръ былъ отправленъ въ Тегеранъ, но и то при условіи, чтобы не ожидая отвѣта приступить къ дальнѣйшей разработкѣ условій мирнаго трактата.

Съ отправленнымъ въ Тегеранъ курьеромъ Ртищевъ писалъ сиръ Горъ-Узелею [1]).—«Я покорнѣйше прошу ваше превосходительство употребить и съ своей стороны уважаемое Персіею стараніе ваше, чтобы въ разрѣшеніи, какое дано будетъ персидскимъ правительствомъ уполномоченному Мирза-Абуль-Хасанъ-хану, по предмету нынѣшняго представленія его о сепаратномъ пунктѣ, не заключалось ничего противнаго основанію status quo ad presentem

[1]) Въ письмѣ отъ 1-го октября 1813 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. V, № 878.

и чтобы послѣдовало сіе разрѣшеніе со всевозможною скоростію и съ предоставленіемъ ему полнаго права, какъ полномочному, дѣйствовать прямо отъ своего лица, не прибѣгая къ пересылкамъ черезъ курьеровъ, для испрашиванія разрѣшенія, такъ какъ сіе не будетъ болѣе мною принято. Въ противномъ случаѣ, какъ первое, такъ и послѣднее можетъ увѣрить меня въ нерасположеніи персидскаго правительства къ миру и довести постановленное перемиреніе до разрыва, тѣмъ болѣе, что давно уже прибыли ко мнѣ въ лагерь важные депутаты со стороны всего туркменскаго и іомудскаго народовъ, ищущихъ покровительства Е. И. В., съ коими, однако же, во уваженіе расположенія моего заключить миръ съ Персіею, доселѣ еще не имѣлъ я никакихъ переговоровъ по дѣлу ихъ миссіи, и что для того всякая напрасная потеря времени могла бы сдѣлаться вредною для пользы службы моего великаго и всемилостивѣйшаго Государя Императора.»

Между тѣмъ въ ожиданіи отвѣта изъ Тегерана переговоры о мирѣ продолжались ежедневно, и вопросъ о будущихъ границахъ между двумя державами и перечисленіе владѣній, поступающихъ въ подданство Россіи, встрѣтилъ немаловажныя затрудненія. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о географической картѣ и не зная въ точности, какія именно мѣста находились въ дѣйствительномъ владѣніи Россіи и Персіи, Мирза-Абуль-Хассанъ-ханъ поступалъ нерѣшительно и долго не соглашался на предложенныя Ртищевымъ границы, опасаясь лишиться части владѣній, принадлежащихъ Персіи. Онъ просилъ обозначить ихъ однимъ общимъ перечнемъ главныхъ пограничныхъ провинцій, состоящихъ въ непосредственномъ владѣніи каждой стороны, съ присовокупленіемъ, что «границу между ними должны составлять прежнія межи, издревле существующія». Такое обозначеніе границъ было крайне неудобно, могло возбудить въ будущемъ споры, но упорство персидскаго уполномоченнаго было столь велико, что Ртищевъ вынужденъ былъ, по вопросу о границахъ, предоставить право обѣимъ державамъ по заключеніи мира и ратификаціи трактата назначить взаимныхъ коммисаровъ для разграниченія. Подъ руководствомъ главнокомандующаго коммисары должны были опредѣлить и обозначить дѣйствительную черту границъ на основаніи status quo ad presentem.

«Симъ средствомъ, писалъ Ртищевъ, на которое Мирза-Абуль-Хассанъ-ханъ по убѣдительнымъ моимъ внушеніямъ наконецъ изъявилъ свое согласіе, удержано мною въ вѣчномъ подданствѣ Россійской Имперіи и Талышинское ханство, которое въ продолженіе войны съ Персіею нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки и которое по положенію своему весьма для Россіи важно во многихъ отношеніяхъ, ибо черезъ удержаніе въ нашихъ рукахъ крѣп. Ленкорани, постановивъ теперь въ Талышахъ твердый пунктъ, мы можемъ имѣть въ здѣшнемъ краѣ превосходную пристань на Каспійскомъ морѣ, удобную для военныхъ судовъ и полезную какъ для комерціи, такъ и для свободнаго сообщенія.»

Пристань эта была важна для насъ еще и по удобству наблюденія за единствомъ русскаго флага на Каспійскомъ морѣ.

Соглашаясь, послѣ долгихъ убѣжденій, признать нашъ флагъ господствующимъ на Каспійскомъ морѣ, Мирза-Абуль-Хассанъ-ханъ просилъ, чтобы въ особое для него одолженіе уступить Персіи хотя малую часть земли, для доказательства уваженія и доброжелательства Россіи къ повелителю Персіи, что могло бы также служить и ему защитою отъ «злобствующихъ клеветъ недоброжелательствующихъ миру». Ртищевъ согласился на это и предложилъ оставить Мигри съ окрестностями въ зависимости Персіи, что и было принято Абуль-Хассанъ-ханомъ съ особою благодарностью. — Такимъ образомъ мигринскій округъ былъ отдѣленъ отъ Карабага и предоставленъ во власть Персіи. Округъ этотъ былъ ни что иное, какъ пустое гористое мѣсто, безъ жителей, большая часть которыхъ въ разныя времена была увлечена персіянами за Аракеъ, а остальные по всегдашней опасности отъ непріятеля разсѣялись по другимъ округамъ Карабага. Самое укрѣпленіе Мигри было оставлено нами по убійственному климату, причинившему намъ въ теченіе двухъ лѣтъ потерю болѣе 800 человѣкъ изъ одного баталіона, комплектованнаго два раза.

Уступка хотя безплоднаго и вреднаго въ климатическомъ отношеніи округа побудила однако же Мирзу-Абуль-Хассанъ-хана согласиться на всѣ остальныя предложенныя ему условія, и 12-го октября 1813 г. *Гюлистанскій мирный трактатъ* былъ подписанъ уполномоченными. По этому трактату каждая изъ договариваю-

щихся сторонъ осталась при владѣніи тѣми землями, ханствами и провинціями, «какія нынѣ находятся въ совершенной ихъ власти». Такимъ образомъ къ составу Россіи присоединены *на вѣчныя времена* ханства: Карабагское (Шушинское), Ганжинское (давно уже переименованное въ Елисаветпольскую провинцію), Шекинское (Нухинское), Ширванское (Шемахинское), Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышинское, съ тѣми землями этого послѣдняго ханства, «которыя нынѣ состоятъ во власти Россійской Имперіи». При этомъ весь Дагестанъ, Грузія съ Шурагельскою провинціею и всѣ земли и владѣнія между вновь постановленною границею и Кавказскою линіею признаны Персіею принадлежащими Россіи. Статья пятая мирнаго трактата подтверждала единство русскаго флага на Каспійскомъ морѣ, и никакая другая держава, даже и Персія, не могла имѣть военныхъ судовъ на этомъ морѣ. Обѣ договаривающіяся державы постановили произвести размѣнъ плѣнныхъ, дозволить всѣмъ бѣжавшимъ во время войны возвратиться въ свои жилища, покровительствовать торговлѣ и имѣть въ наиболѣе важныхъ торговыхъ пунктахъ своихъ консуловъ или агентовъ. Персидское правительство обязалось взимать не болѣе пяти процентовъ пошлины съ русскихъ товаровъ и только одинъ разъ, куда бы потомъ русскіе купцы съ своими товарами ни ѣхали; «болѣе же никакихъ сборовъ, податей, налоговъ и пошлинъ ни подъ какимъ предлогомъ и вымысломъ не требовать».

Весьма значительныя уступки, сдѣланныя Персіею въ пользу Россіи, побудили Императора Александра I принять на себя ручательство въ охраненіи престолонаслѣдія и внутренняго спокойствія въ Персіи. Въ четвертой статьѣ трактата было сказано, что «Его Величество Императоръ Всероссійскій, въ оказаніе взаимной пріязни своей къ его величеству шаху персидскому и въ доказательство искренняго желанія своего видѣть въ Персіи самодержавіе и господственную власть на прочномъ основаніи, симъ, торжественно за себя и преемниковъ своихъ, обѣщаетъ тому изъ сыновей персидскаго шаха, который отъ него назначенъ будетъ наслѣдникомъ персидскаго государства, оказывать помощь въ случаѣ надобности, дабы никакіе внѣшніе непріятели не могли мѣшаться въ дѣла персидскаго государства и дабы помощію высочайшаго россійскаго двора персид-

скій дворъ былъ подкрѣпляемъ. Впрочемъ, если по дѣламъ персидскаго государства произойдутъ споры между шахскими сыновьями, то Россійская Имперія не войдетъ въ оное до того времени, пока владѣющій тогда шахъ не будетъ просить объ оной».

Обязательство объ охраненіи престолонаслѣдія не могло загладить того непріятнаго впечатлѣнія, которое возбуждалось у каждаго изъ персіянъ при мысли объ уступкѣ земель, и, взглянувъ на карту, не трудно сказать, что уступка эта должна была быть очень чувствительна для тегеранскаго двора. Поэтому генералъ отъ инфантеріи Ртищевъ, особымъ сепаратнымъ актомъ, предоставилъ право тегеранскому двору просить Императора Александра I о возвращеніи Персіи хотя нѣкоторыхъ изъ уступленныхъ земель. «Посланникъ, сказано было въ сепаратномъ актѣ [1]), имѣющій отправиться отъ персидскаго двора, съ поздравленіемъ къ россійскому двору, повелѣнныя ему отъ своего шаха просьбы представитъ на волю великаго Императора. Главнокомандующій россійскій обѣщаетъ по возможности употребить стараніе о просьбахъ Персіи.»

Итакъ на долю Ртищева выпало возстановить мирныя отношенія между двумя державами.

«Миръ съ Персіею, сказано въ высочайшемъ манифестѣ 16-го іюля 1818 г., оградилъ спокойствіемъ и безопасностію восточные предѣлы Россіи. Онъ заключенъ былъ въ часъ рѣшительный, тогда когда Европа увидѣла новую судьбу свою, и единодушіе сіе увѣнчалось побѣдою».

«Всевышній, писалъ военный министръ князь Горчаковъ Ртищеву [2]), благословляя на Рейнѣ успѣхи оружія нашего, на спасеніе Европы подъятаго, благословилъ возстановить тишину и спокойствіе на Араксѣ. Вы виновникъ сего послѣдняго заключеніемъ столь давно желаемаго и столь достохвальнаго мира съ Персіею. Вамъ предоставлено было прекратить семнадцать лѣтъ безпрерывно продолжавшуюся войну—сіе да пребудетъ вамъ памятникомъ!

«Какъ вѣрный сынъ отечества, какъ чтущій васъ, раздѣляю я съ вами ту пріятность, которую вы ощущаете. Надѣюсь скоро

---

[1]) Арх. М. И. Д., 1—7, 1816—1818.

[2]) Въ письмѣ отъ 20-го ноября 1813 г., № 2270.

поздравить васъ съ возведеніемъ васъ въ высшую степень. Сего испрашивалъ я у всемилостивѣйшаго Государя нашего, какъ справедливо вами заслуженнаго. Наслаждайтесь спокойствіемъ послѣ трудовъ вашихъ».

Въ награду за труды по заключенію мира Ртищевъ былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи. Шахъ пожаловалъ ему знаки ордена Льва и Солнца [1]) на золотой съ эмалью цѣпи, для ношенія на шеѣ, съ зеленою шелковою лентою черезъ плечо и приказалъ отпустить ему въ подарокъ 500 тавризскихъ батмановъ шелку. Мирза-Абуль-Хасанъ-ханъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Петербургъ и награжденъ шахомъ подарками, состоявшими изъ ножа, сабли, кинжала, усыпаннаго бриллiантами, и нити жемчуга (100 зеренъ), полной лошадиной сбруи украшенной алмазами и разной одежды изъ тирмэ. Сиръ Горъ-Узелей получилъ письменное изъявленіе благодарности за свое участіе въ переговорахъ какъ отъ шаха, такъ отъ наслѣдника и многихъ министровъ. «Въ самомъ дѣлѣ, писалъ онъ [2]), я обязанъ всѣмъ неограниченной довѣренности шаха къ моимъ совѣтамъ и *тому* (деньгамъ), что я привезъ съ собою въ Адербейджанъ для своего подкрѣпленія».

Заключеніе Гюлистанскаго мира, прибавлялъ Узелей, произвело «необычайную радость между персіянами всякаго состоянія». Надѣясь возвратить хотя часть уступленнаго Россіи по трактату, шахъ торопился отправленіемъ посольства въ Петербургъ, и 21-го іюня 1814 года Мирза-Абуль-Хасанъ-ханъ прибылъ уже въ Тифлисъ въ званіи чрезвычайнаго посла персидскаго шаха. Онъ имѣлъ съ собою ратификованный трактатъ, привелъ двухъ слоновъ, нѣсколько разной породы персидскихъ жеребцовъ, назначенныхъ въ подарокъ Императору и привезъ значительное число вещей, состоявшихъ изъ сабель древнихъ шаховъ, драгоцѣнныхъ каменьевъ, жемчуга и дорогихъ шалей. Онъ памѣренъ былъ немедленно ѣхать въ Петербургъ,

[1]) На орденѣ и звѣздѣ была сдѣлана слѣдующая надпись въ стихахъ: «Такъ какъ посредникомъ дружбы Фетхъ-Али-Шаха съ Россійскимъ Императоромъ былъ доброжелатель Ртищевъ, то орденъ персидскаго государства украсилъ его подобно какъ солнце отражаетъ лучъ свой на луну».

[2]) Послу въ Константинополѣ Миттону 2-го ноября 1813 г. Арх. Минис. Иностр. дѣлъ 1—13, 1802—16. № 3.

но политическія обстоятельства въ Европѣ были причиною того, что не только путешествіе Мирзы-Абуль-Хассанъ-хана замедлилось, но и самая ратификація Императора Александра I послѣдовала тогда, когда Ртищева не было уже на Кавказѣ.

VII.

Отношенія между Россіею и Турціею послѣ Бухарестскаго мира. Вопросъ о возвращеніи туркамъ нѣкоторыхъ крѣпостей въ Закавказьи.—Интриги Порты среди горцевъ и кабардинцевъ.—Волненія въ Абхазіи.—Посылка турецкаго уполномоченнаго въ Петербургъ для переговоровъ о крѣпостяхъ.—Отвѣтъ ему данный.—Приближеніе эрзерумскаго сераскира къ нашимъ границамъ.—Мѣры, принятыя Ртищевымъ къ отклоненію могущихъ произойти непріязненныхъ дѣйствій.—Прекращеніе притязаній Порты.

Съ заключеніемъ Гюлистанскаго трактата окончились военныя дѣйствія на Кавказѣ, и генералъ-лейтенанту Ртищеву оставалось обратить вниманіе на внутреннее положеніе ввѣреннаго ему края и сгладить тѣ недоразумѣнія, которыя встрѣчались отъ неясности и неполноты мирныхъ трактатовъ, заключенныхъ какъ съ Персіею, такъ и съ Турціею.

16-го мая 1812 года былъ подписанъ въ Бухарестѣ мирный договоръ Россіи съ Турціею. Въ VI статьѣ этого акта было сказано что границы въ Азіи возстановляются такъ, какъ были прежде, до войны. На этомъ основаніи Россія обязывалась возвратить Портѣ всѣ тѣ занятые нами укрѣпленные пункты, которые находились за чертою нашихъ владѣній.

«По смыслу оной статьи ясно разумѣется, писалъ графъ Румянцовъ Ртищеву [1]), что она отнюдь не относится до владѣній и областей, которыя прежде и въ продолженіе послѣдней войны нашей съ Портою добровольно покорились скипетру его величества и присоединились къ Россійской имперіи; а потому и никакія притязанія со стороны Порты на сіи области и владѣнія не должны быть нами при-

[1]) Въ письмѣ отъ 5-го августа 1812 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. V, № 917.

няты и не могутъ быть уважены. Содержаніе оной статьи касается единственно до тѣхъ только крѣпостей и замковъ съ землями къ нимъ принадлежащими, которые въ нынѣшнюю войну у турокъ завоеваны силою оружія».

Для сохраненія полнаго довѣрія къ русскому правительству тѣхъ владѣльцевъ и хановъ, которые добровольно признали надъ собою власть Россіи, необходимо было удержать за собою всѣ пограничныя владѣнія, и потому Императоръ Александръ I повелѣлъ Ртищеву резиденцію абхазскаго владѣтеля, крѣпость Сухумъ-кале, не смотря ни на какія домогательства Порты, не отдавать во власть ея. Ртищевъ, возвратилъ туркамъ крѣпости Ахалкалаки и Поти, первую 29-го октября, вторую 7-го декабря и на домогательство Порты получить въ свои руки Сухумъ-кале отвѣчалъ, что сдѣлать этого не можетъ.

— Абхазское владѣніе, говорилъ онъ, никогда Портѣ непосредственно не принадлежало, всегда сохраняло свою независимость, а потому и въ мирномъ трактатѣ о немъ ничего не упомянуто.

Отказъ Ртищева заставилъ Порту прибѣгнуть къ обыкновеннымъ ея мѣрамъ—къ распространенію ложныхъ слуховъ и къ возбужденію магометанскаго населенія противъ Россіи. Распуская слухи, что по Бухарестскому миру всѣ магометане будутъ переселены въ Турцію, анапскій паша волновалъ жившихъ въ чертѣ нашего кордона нагайцевъ и кабардинцевъ.

Когда русское правительство вступило въ сношеніе съ кабардинцами, тогда оно имѣло дѣло съ двумя или тремя владѣльцами. Существовавшій въ Кабардѣ обычай, по которому отецъ семейства дѣлилъ свое имѣніе на столько частей, сколько у него было сыновей, сдѣлалъ то, что въ короткій сравнительно промежутокъ времени число владѣльцевъ увеличилось до 200 человѣкъ. Будучи независимы другъ отъ друга, они преслѣдовали свои личные интересы, не считали нужнымъ исполнять условій, заключенныхъ съ русскимъ правительствомъ, и часто случалось, что, переговариваясь съ русскимъ правительствомъ о мирѣ и добромъ согласіи, владѣлецъ въ то же время посылалъ своихъ подвластныхъ въ набѣгъ въ русскія владѣнія, чтобы получить на свою долю часть добычи. Производство въ чины и денежныя награды кабардинскимъ владѣльцамъ мало помогали дѣлу, потому что ими пользовались такія лица, которымъ подчинялось не болѣе двад-

цатой части населенія; остальныя сохраняли постоянныя сношенія съ враждебными намъ закубанцами и вмѣстѣ съ ними хищничали въ нашихъ предѣлахъ.

Съ другой стороны многіе военно-служащіе, какъ доносилъ Ртищевъ [1]), «изъ высшихъ и нижнихъ чиновъ, бывъ расположены на одномъ мѣстѣ болѣе 15 лѣтъ, занимаются менѣе службою, чѣмъ своимъ хозяйствомъ, какъ-то: построеніемъ собственныхъ домовъ, развитіемъ скота, овощей и тому подобнаго». Начальство, допуская подобныя занятія, тѣмъ самымъ допускало нижнимъ чинамъ сводить «какъ съ внутренними, такъ и съ заграничными народами знакомство, болѣе ко вреду благосостоянія всего кавказскаго народа, нежели къ пользѣ онаго служащее». Казаки тайкомъ хищничали вмѣстѣ съ закубанцами, и прорывы хищниковъ въ наши предѣлы стали повторяться чаще и чаще [2]). Знакомство горцевъ и частныя сношенія съ жителями на линіи давали имъ средства узнавать о силѣ русскихъ войскъ расположенныхъ въ каждой крѣпости, на каждомъ пикетѣ и кордонѣ. Пользуясь этими свѣдѣніями, горцы шли за добычей почти безнаказанно, тѣмъ болѣе, что начальство не принимало почти никакихъ мѣръ къ прекращенію хищничества. Командовавшій войсками на линіи генералъ-маіоръ Портнягинъ злоупотреблялъ здѣсь властью точно такъ же какъ злоупотреблялъ ею въ Грузіи [3]). Онъ не столько заботился о безопасности края, сколько объ увеличеніи своего благосостоянія: вмѣшивался въ гражданскія дѣла, доставлявшія ему извѣстную прибыль, не исполнялъ приказаній главнокомандующаго, принималъ подарки, притѣснялъ чиновниковъ и отличался полнѣйшею бездѣятельностью относительно обезпеченія границы. Турецкій чиновникъ Сеидъ-Ахмедъ-эфенди, находясь за Кубанью, свободно переговаривался съ ногайцами относительно переселенія ихъ въ Турцію. Онъ увѣрялъ ихъ, что по послѣднему мирному трактату Россіи съ Портою всѣ ногайцы могутъ, если желаютъ, перейти въ Турцію, гдѣ получатъ удобныя земли для поселенія, деньги и свободу религіи. Нагайцы перестали обработывать землю и въ теченіе нѣсколькихъ

---

[1]) Въ отношеніи князю Горчакову, 14-го декабря, № 123.

[2]) Рапортъ генер.-маіора Дельпоцо Ртищеву, 18-го марта 1814 г., № 153.

[3]) Рапоръ Ртищева кн. Горчакову, 31-го іюля, № 105.

мѣсяцевъ собирались къ переселенію. Портнягинъ зналъ это и не принималъ никакихъ мѣръ. Ахмедъ-эфенди съ 1,500 человѣкъ закубанцевъ подошелъ къ Кубани и съ согласія Портнягина видѣлся съ ногайскими мурзами и старшинами. Онъ убѣдилъ ногайцевъ, что если они останутся въ предѣлахъ Россіи, то будутъ обложены новыми податями и обязаны нести рекрутскую повинность, что они не сохранятъ тогда магометанской религіи и будутъ преданы проклятію. Ногайцы были не довольны русскимъ правленіемъ «за необращеніе къ нимъ ни малѣйшаго вниманія, также за то, что самыя справедливѣйшія ихъ просьбы оставляются начальствомъ въ пренебреженіи, и что всѣ притѣсненія, терпимыя ими отъ воровства, дѣлаемаго у нихъ казаками, не только никогда почти не удовлетворяются, но не рѣдко случается, что когда открыты бываютъ самые слѣды похищенія, то вмѣсто розыска искавшіе бываютъ захватываемы и содержимы долгое время подъ карауломъ» [1]).

Такимъ образомъ притѣсняемые тѣмъ же Портнягинымъ ногайцы рѣшились переселиться, и 6-го сентября 1813 года Ахмедъ-эфенди безпрепятственно вступилъ въ предѣлы Кавказской губерніи. Онъ переправился черезъ р. Кубань въ такомъ мѣстѣ, гдѣ въ двухъ верстахъ находилась крѣпость съ войсками и самъ генералъ Портнягинъ. Въ теченіе пяти дней Ахмедъ оставался въ нашихъ владѣніяхъ, поднялъ 2,000 ногайскихъ ауловъ съ населеніемъ до 27,000 душъ обоего пола и спокойно, никѣмъ нетревожимый, ушелъ съ ними за р. Кубань. Ногайцы переправлялись черезъ рѣку въ виду нашихъ войскъ, успѣвшихъ только захватить часть скота, о задержаніи котораго Портнягинъ донесъ какъ о непріятельской добычѣ, взятой войсками отъ народа, состоявшаго въ подданствѣ Россіи [2]). Имѣя личную вражду съ ногайскимъ приставомъ султаномъ Менгли-Гиреемъ и изъ мести къ нему допустивъ переселеніе ногайцевъ, Порт-

---

[1]) Отношеніе Ртищева князю Горчакову, 5-го января 1814 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. V, № 982.

[2]) Отношеніе князя Горчакова Ртищеву, 9-го декабря 1813 г., № 226. Рапортъ Ртищева князю Горчакову, 5-го января 1814 г., № 5. Въ 1814 году ногайцы, въ числѣ 140 семей, пожелали возвратиться на Кавказскую линію. Ихъ поселили около Темнолѣсской станицы съ цѣлью удалить во внутренность губерніи (Рапортъ генералъ-маіора Дельпоцо, 24-го іюля 1814 года, № 487).

нягинъ обвинялъ во всемъ султана и не смотря на то, что тотъ былъ преданъ Россіи и подчиненъ министерству иностранныхъ дѣлъ, Портнягинъ самовольно удалилъ его отъ управленія ногайцами. Главнокомандующій напротивъ находилъ, что всѣ безпорядки на Кавказской линіи происходятъ отъ злоупотребленій Портнягина. «Доколѣ, писалъ онъ [1]), генералъ-маіоръ Портнягинъ будетъ оставаться командующимъ войсками на Кавказской линіи и не перемѣнитъ онъ своего поведенія, до того времени не можетъ быть водворено тишины и спокойствія. Я убѣдительнѣйше прошу взять его изъ моей команды, чтобы я не могъ отвѣтствовать за безпорядки и впредь какіе на Кавказской линіи въ командованіе его послѣдовать могутъ».

Императоръ Александръ I повелѣлъ за противозаконные поступки генералъ-маіора Портнягина предать его суду, а начальникомъ Кавказской линіи и командующимъ тамъ войсками назначить бывшаго во Владикавказѣ комендантомъ генералъ-маіора Дельпоцо [2]).

Пока высочайшее повелѣніе достигло до главнокомандующаго, Портнягинъ успѣлъ произвести двѣ экспедиціи за Кубанью, разорилъ нѣсколько ауловъ и возстановилъ тѣмъ все населеніе. Этимъ случаемъ старались воспользоваться турки, распускавшіе слухи о близкомъ разрывѣ съ Россіею и приглашавшіе закубанцевъ дѣйствовать съ ними противъ враговъ магометанъ. «По всеобщему притомъ слуху за Кубанью, писалъ Ртищевъ [3]), ожидаютъ въ непродолжительномъ времени прибытія изъ Константинополя назыря Сеидъ-Ахмедъ-эфендія, который будто бы, по уваженію къ единодушному желанію всѣхъ закубанскихъ народовъ, назначенъ Портою Оттоманскою главнокомандующимъ пашою въ Анапу».

Ахмедъ дѣйствительно прибылъ и сталъ укрѣплять Анапу. Онъ уговорилъ черкесскія племена отправить депутацію въ Константинополь съ просьбою поддержать ихъ непріязненныя дѣйствія противъ Россіи [4]). Порта приняла прибывшихъ весьма благосклонно, но не давала рѣшительнаго отвѣта въ ожиданіи, какой оборотъ примутъ домо-

---

[1]) Отношеніе Ртищева князю Горчакову, 14-го декабря 1813 г., № 123.

[2]) Рескриптъ Ртищеву 19-го октября 1813 г.

[3]) Письмо Ртищева къ т. с. Вейдемейеру, отъ 10-го іюня 1815 года. Ак. Кав. Арх. Ком., т. V, № 956.

[4]) Тоже, отъ 15-го іюля 1815 г. Тамъ же, № 960.

гательства ея о возвращеніи Россіею укрѣпленныхъ пунктовъ въ Закавказьѣ. Чтобы вѣрнѣе достигнуть желаемаго, турецкое правительство вскорѣ послѣ заключенія Бухарестскаго мира отправило эмисаровъ въ Мингрелію, Гурію, Абхазію и въ Закубанье, съ порученіемъ склонять населеніе на сторону Турціи и объявить ему, что по трактату всѣ эти владѣнія уступлены Портѣ. Сообщая, что Мингрелія, Гурія, Абхазія и Имеретія съ давнихъ поръ принадлежатъ высокой Портѣ и что Россія не имѣетъ никакого права на эти земли, трапезондскій сераскиръ вызывалъ въ Поти владѣтелей для совѣщаній о подданствѣ султану и о недопущеніи къ себѣ ни одного русскаго, «считая себя освобожденными отъ нихъ» [1]).

Получивъ такое письмо, князь Леванъ Дадіани представилъ его Ртищеву и отвѣчалъ посланному, что онъ предпочтетъ смерть подданству султана. «Скорѣе подставлю обнаженную выю мою обнаженному мечу, писалъ онъ главнокомандующему [2]), но уже не выйду изъ рабства обожаемаго и августѣйшаго Государя. Нѣсколько разъ присягалъ я ангелоподобному россійскому Императору и какъ нарушу обѣщаніе и клятву мою? Лучше бы было мнѣ не родиться, нежели слышать объ этомъ. Если бы даже онъ (султанъ турецкій) наполнилъ домъ мой множествомъ разнообразной славы, возложилъ на меня вѣнецъ и облекъ въ порфиру, то и тогда немыслимо, чтобъ я вышелъ изъ подданства счастливѣйшему и непорочному россійскому престолу».

Князья Дадіани и Гуріели просили защитить ихъ отъ притязаній турокъ, возмущающихъ ихъ подданныхъ и въ особенности абхазцевъ, среди которыхъ было много сторонниковъ Порты, вслѣдствіе кровавой вражды, существовавшей между двумя родными братьями, споривщими за право владѣнія страною. Ртищевъ приказалъ усилить сухумскій гарнизонъ одною ротою Бѣлевскаго полка [3]) и тѣмъ поддержалъ владѣльца Абхазіи Сефоръ-Али-бея, принявшаго христіанство и названнаго Георгіемъ Шервашидзе. Съ своей стороны турки

---

[1]) Письма трапезондскаго сераскира владѣтелямъ Мингреліи и Гуріи. Акт. Кав. Арх. Ком., т. V, № 589.

[2]) Въ письмѣ отъ 16-го марта 1813 года. Тамъ же, № 588.

[3]) Предписаніе генералъ-маіору Симоновичу, 16-го мая 1813 г., № 90.

распространяли слухъ, что Абхазія уступлена Портѣ, которая утвердила законнымъ владѣльцемъ Арсланъ-бся. Въ Абхазіи произошло волненіе, и сторонники враждующихъ братьевъ раздѣлились на двѣ партіи, причемъ Порта всѣми силами старалась усилить партію Арслана. По ея интригамъ преданный намъ полковникъ князь Манучаръ Шервашидзе, зять владѣтельнаго князя мингрельскаго Левана Дадіани, былъ убитъ роднымъ братомъ, передавшимся на сторону турокъ. Вслѣдъ за этимъ политическимъ убійствомъ партія турокъ, вмѣстѣ съ Арсланъ-беемъ явилась въ Абхазіи съ намѣреніемъ силою овладѣть Сухумомъ, Редутъ-кале и Анакліею. Расположившись въ сел. Гудавѣ, на границѣ Абхазіи съ Мингреліею, турки ожидали прибытія изъ Поти подкрѣпленій, отправленныхъ на лодкахъ. На требованіе выдти изъ нашихъ границъ они отвѣчали, что донесутъ объ этомъ трапезондскому сераскиру, но сами этого сдѣлать не могутъ [1]). Тогда находившійся съ войсками въ Имеретіи полковникъ Мерлини, по приказанію главнокомандующаго, отправилъ отрядъ подъ начальствомъ маіора 15-го егерскаго полка князя Кутіева, который, присоединивъ къ себѣ войска Дадіана Мингрельскаго, разогналъ собравшуюся толпу безъ выстрѣла. Арсланъ-бей съ десятью человѣками своихъ приверженцевъ бѣжалъ и скрылся въ сосѣднихъ съ Абхазіею горахъ, а оставленный имъ на произволъ народъ явился съ покорностію, присягнулъ на вѣрность и выдалъ аманатовъ [2]).

Видя неудачу въ этомъ направленіи, эрзерумскій сераскиръ Ахмедъ паша, тотъ самый, который подписалъ мирныя условія въ Бухарестѣ, обратился къ Ртищеву съ офиціальнымъ письмомъ, въ которомъ, по повелѣнію султана, требовалъ, «чтобы царство Имеретинское, также княжества Гуріельское, Мингрельское и Абхазское и разныя другія крѣпости, къ симъ владѣніямъ принадлежащія, кои въ краю здѣшнемъ состоятъ непосредственно въ подданствѣ Россійской имперіи, были немедленно отданы подъ власть Порты Оттоманской [3])».

Ртищевъ отвѣчалъ, что Имеретія и Гурія болѣе 40 лѣтъ уже не

---

[1]) Отношеніе Ртищева графу Румянцову, 6-го сентября 1813 г. Ак. Кав. Арх. Ком. т. V № 936.

[2]) Рапортъ Симоновича Ртищеву 24-го сентября 1813 г. Тамъ же, № 597.

[3]) Отношеніе Ртищева т. с. Италинскому 7-го іюля 1813 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. V, № 931.

зависятъ отъ Порты и добровольно поступили въ подданство Россіи, что онѣ давно составляютъ одну изъ россійскихъ провинцій; что Мингрелія и Абхазія до присоединенія къ Россіи точно также не зависили ни отъ какой державы. Присоединеніе этихъ областей къ русской державѣ, писалъ Ртищевъ [1]), «происходило во время тѣснѣйшей дружбы, существовавшей между Россіею и Портою Оттоманскою, т. е. за нѣсколько лѣтъ до послѣдовавшаго разрыва мира, и Порта ни въ то время, ни по прекращеніи войны въ 1807 году, которая вскорѣ потомъ опять возобновилась, даже до сего времени не дѣлала притязаній своихъ на сіи владѣнія, потому что и не имѣла на то права, такъ какъ всѣ сіи владѣнія, управляемыя своими собственными и притомъ самовластными владѣльцами, не подлежали никакой надъ ними законной власти Порты».

Не ограничиваясь только этимъ отвѣтомъ, главнокомандующій для лучшаго обезпеченія того края отправилъ въ Имеретію два баталіона и усилилъ небольшимъ отрядомъ гарнизонъ Редутъ-кале, находившійся всего въ 30 верстахъ отъ Поти. Движеніе этихъ войскъ до того испугало трепизондскаго пашу, что онъ, опасаясь нападенія, сжегъ весь потійскій форштадтъ и собственный домъ, а находившагося у него подъ покровительствомъ бѣглаго имеретинскаго царя Соломона взялъ въ крѣпость, въ которой и самъ заперся [2]). Паша донесъ, что русскіе самовольно вступили въ Абхазское владѣніе, усиливаютъ тамъ войска и такимъ образомъ приближаются къ Анатоліи, что считалъ онъ весьма опаснымъ для Порты. Донесеніе это не произвело того впечатлѣнія въ Константинополѣ, на которое разсчитывалъ паша. Порта не считала возможнымъ становиться въ непріязненныя отношенія къ Россіи, послѣ блистательныхъ успѣховъ нашихъ во Франціи, хотя и смотрѣла на нихъ непріязненно. Въ случаѣ успѣха Наполеона турецкое правительство намѣрено было, по покореніи Сербіи, учредить въ Шумлѣ главную квартиру верховнаго визиря и при первомъ удобномъ случаѣ вторгнуться въ предѣлы Россіи. Случай этотъ не представился и получаемые ежедневно свѣдѣнія объ успѣхахъ союзниковъ заставили Порту отозвать вер-

[1]) Въ письмѣ эрзерумскому сераскиру 29-го ноября 1813 г. Акты Кавказ. Арх. Ком., т. V, № 940.

[2]) Донесеніе Ртищева гр. Румянцову, 2-го января 1814 г. Тамъ же, № 941.

ховнаго визиря въ Константинополь. Рейсъ-эфенди заявилъ только нашему посланнику Италинскому крайнее сожалѣніе, что Россія, въ отношеніи азіятскихъ владѣній, будто бы принадлежащихъ султану, пользуется могуществомъ своихъ силъ и первенствующимъ положеніемъ въ Европѣ. Нашъ посланникъ отвѣчалъ относительно этихъ владѣній то же, что писалъ Ртищевъ эрзерумскому сераскиру, и рейсъ-эфенди, по обстоятельствамъ, принужденъ былъ удовольствоваться такимъ отвѣтомъ.

«Министры, писалъ Италинскій [1]), съ которыми нахожусь я въ сношеніи по дѣламъ текущимъ, не представляются въ прежнемъ ихъ жестокомъ и угрюмомъ видѣ. Но все сіе происходитъ изъ одного повиновенія силѣ обстоятельствъ, преодолѣвающей ненависть къ намъ правителей имперіи сей. Я не сомнѣваюсь, что они вездѣ, гдѣ могутъ открыть себѣ тайные пути для направленій по онымъ усилій своихъ вредить намъ, всякая въ семъ видѣ дѣятельность употреблена будетъ».

Такой выводъ былъ сдѣланъ изъ тѣхъ поступковъ Порты, которые совершались на глазахъ нашего посланника и состояли въ поддержкѣ и обнадеживаніи имеретинскаго царя Соломона.

Проживая въ Эрзерумѣ, Соломонъ находился въ самомъ бѣдственномъ положеніи, и сераскиръ помогалъ ему изъ одного человѣколюбія. Вся свита бѣглаго имеретинскаго царя, состоявшая первоначально изъ 400 человѣкъ, разбѣжалась, и при немъ осталось не болѣе 25 человѣкъ, но и тѣ, точно такъ же какъ и самъ Соломонъ, распродали своихъ лошадей, оружіе и имущество, чтобы на вырученныя деньги поддержать свое существованіе. Въ такомъ безвыходномъ положеніи бывшій царь естественно употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы возвратить себѣ потерянное владѣніе или по крайней мѣрѣ получить отъ турецкаго правительства денежное пособіе. Съ этою цѣлью онъ отправилъ въ Константинополь зятя своего князя Малхаза Андроникова съ чиновникомъ эрзерумскаго сераскира съ просьбою о присылкѣ войскъ и денегъ [2]).

---

[1]) Ртищеву въ письмѣ отъ 4-го января 1814 года. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. V, № 942.

[2]) Донесеніе Ртищева графу Румянцову 15-го мая 1813 года. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. V, № 1044.

Порта приняла посланнаго благосклонно, помѣстила его на жительство у греческаго патріарха и, не отказывая въ просьбѣ, затягивала окончательный отвѣтъ [1]). Рѣшеніе вопроса о помощи Соломону турецкое правительство ставило въ зависимость отъ результата посылки своего курьера въ главную квартиру русскаго государя.

Видя, что главнокомандующій на Кавказѣ и представитель Россіи въ Константинополѣ не соглашаются ни на какія территоріальныя уступки, Порта рѣшилась обратиться прямо къ императору Александру. Въ депешѣ графу Нессельроде рейсъ-эфенди Галибъ, бывшій въ Бухарестѣ первымъ полномочнымъ при заключеніи мирныхъ условій, подробно развилъ мнимыя свои права на требуемые Турціею пункты и просилъ принять въ уваженіе его доказательства. Отвѣтъ на домогательство султана былъ полученъ весьма скоро въ Константинополѣ, и Италинскому поручено было объявить турецкому министерству о паденіи Бонапарта, о возведеніи Людовика XVIII на престолъ и обнадежить Порту въ искреннемъ расположеніи императора Александра.

— Сходственно съ оными расположеніями, говорилъ Италинскій, Его Величество желаетъ, чтобы Порта, отвергая всякіе коварные совѣты и внушенія, наблюдала въ отношеніяхъ своихъ съ Россіею правила добраго сосѣдства и постановленія существующихъ трактатовъ; желаетъ, затѣмъ, чтобы она была увѣрена въ благонамѣреніяхъ и усердіи его къ имперіи Оттоманской. По предмету же представленій ея о возвращеніи нѣсколькихъ мѣстъ въ Азіи, которыхъ она не почитаетъ принадлежностью Россіи, Государь Императоръ обѣщаетъ разсмотрѣть оныя со всею существу ихъ приличною умѣренностію и снисхожденіемъ, коль скоро позволятъ нынѣшнія Его Величества упражненія, спокойствіе и благоденствіе Европы на непоколебимомъ основаніи утвердить имѣющія.

Выслушавъ столь рѣзкое и рѣшительное заявленіе русскаго посла, Порта приняла его съ наружнымъ видомъ признательности, но въ дѣйствительности съ сознаніемъ, что всѣ эти обѣщанія въ будущемъ могутъ быть легко преданы забвенію. Она покорилась необхо-

---

[1]) Соломонъ не дождался отъ Порты помощи; 7-го января 1815 года скончался въ Трапизондѣ. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. V, № 570.

димости потому, писалъ Италинскій [1]), что «Россія, представляясь теперь Портѣ во снѣ и на яву страшилищемъ, отъ котораго ничто не можетъ ей обѣщать заступленія, принудила ее принять видъ кротости и добросердечія». Обвиняя какъ въ заключеніи мира, такъ и въ неуспѣхѣ своихъ домогательствъ рейсъ-эфенди Галиба, султанъ, по совѣту своихъ приближенныхъ, лишилъ его всѣхъ чиновъ и отправилъ въ ссылку. «Новый рейсъ-эфенди, писалъ Италинскій [2]), добръ и со способностями, но качества сіи остаются въ совершенной праздности: будучи твореніе враговъ предмѣстника своего, онъ единственно вдохновеніями ихъ живетъ и дѣйствуетъ въ новомъ званіи своемъ». Когда нашъ посланникъ потребовалъ отъ Порты отправки фирмана пограничнымъ пашамъ, чтобы они не предпринимали никакихъ непріязненныхъ дѣйствій и чтобы наши транспортныя суда были пропущены до р. Ріону, то рейсъ-эфенди отвѣчалъ, что Порта не согласна, опасаясь, что Россія можетъ основать на этомъ въ пользу свою право, предосудительное желаемому со стороны Порты окончанію дѣла». Что же касается до фирмановъ пограничнымъ пашамъ, то рейсъ-эфенди хотя и обѣщалъ исполнить желаніе нашего посла, но медлилъ своимъ распоряженіемъ, и турки производили хищничества въ нашихъ предѣлахъ. Въ концѣ 1814 года сынъ кобулетскаго бека ворвался въ Гурію съ 500 челов. турецкихъ войскъ и разграбилъ м. Озургеты. Часто турки, переправляясь на лодкахъ черезъ р. Ріонъ и скрываясь въ чащѣ лѣсовъ, стрѣляли по нашей командѣ, расположенной у пристани, гдѣ выгружался провіантъ; они нападали на наши небольшія команды, находившіяся у Редутъ-кале, и захватывали въ плѣнъ одиночныхъ людей.

Бѣгство Наполеона съ острова Эльбы и переворотъ, имъ сдѣланный въ дѣлахъ Европы, произвели сильное впечатлѣніе въ Константинополѣ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ въ столицу султана явился французскій агентъ Жоберъ, знакомый туркамъ по прежнимъ сношеніямъ съ Наполеономъ. Порта втайнѣ радовалась такому обороту дѣлъ въ Европѣ, но не рѣшалась открыто признать въ Жоберѣ предста-

---

[1]) Въ письмѣ Ртищеву отъ 17-го мая 1814 года. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. V, № 949.

[2]) Въ письмѣ Ртищеву отъ 16-го іюня 1814 г. Тамъ же, № 950.

вителя Франціи. Она приказала снять гербъ Наполеона, самовольно выставленный Жоберомъ на домѣ французскаго посольства, что и было исполнено особымъ отрядомъ янычаръ, для того назначеннымъ [1]). Хотя Порта и заявила, что не потерпитъ никакихъ трехцвѣтныхъ знаковъ Наполеонова владычества, что она признаетъ законнымъ государемъ Франціи короля Людовика XVIII, но Жоберъ оставался въ Константинополѣ и переговаривался съ вліятельными лицами. Турецкое правительство прислушивалось къ гулу европейскихъ выстрѣловъ и, готовясь извлечь изъ нихъ пользу, подготовляло для того почву. Оно отправило въ наши пограничныя владѣнія своихъ посланныхъ, распускавшихъ слухи, что всѣ союзныя державы, отклонясь отъ Россіи, присоединились къ Наполеону и что находящіяся въ Закавказьѣ войска вызываются въ Россію для защиты собственныхъ ея границъ. Считая неудобнымъ выжидать окончанія борьбы въ Европѣ и полагая, что главнокомандующій на Кавказѣ будетъ теперь болѣе уступчивъ, Порта предписала эрзерумскому сераскиру вновь потребовать уступки провинцій и поддержать свое требованіе военными демонстраціями.

Въ половинѣ іюня 1815 г. эрзерумскій сераскиръ, подъ предлогомъ наказанія ахалцыхскаго Селимъ-паши, собралъ до 15,000 войскъ, подошелъ къ имеретинскимъ границамъ и остановился недалеко отъ Ахалцыха. Онъ прислалъ къ Ртищеву своего чиновника съ письменнымъ требованіемъ, чтобы ему были уступлены Имеретія, Гурія, Мингрелія и Абхазія, какъ собственность, принадлежащая Портѣ, и чтобы русскія войска очистили крѣпости Кутаисъ, Багдадъ, Шаропань, Кемгалъ (Редутъ-кале) и Анаклію. Предувѣдомленный заранѣе о движеніи сераскира, главнокомандующій хотя и располагалъ весьма ограниченнымъ числомъ войскъ [2]), но успѣлъ

[1]) Отношеніе Италинскаго Ртищеву 16-го іюня, 1815 г. - Акт. Кавк. Арх. Ком., т. V, № 957.

[2]) Защищая границу, имѣвшую до 1500 верстъ протяженія, содержа гарнизоны болѣе чѣмъ въ 20 крѣпостяхъ и редутахъ, Ртищевъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только двѣ дивизіи и одинъ драгунскій полкъ. Въ нихъ недоставало по старому положенію 6,450 челов., а по новому штату 20,250 челов. и сверхъ того 247 человѣкъ штабъ и оберъ-офицеровъ. Для дѣйствій въ полѣ главнокомандующій, при всѣхъ усиліяхъ, могъ собрать отрядъ отъ 3 до 4 тысячъ человѣкъ.

сосредоточить ихъ въ трехъ небольшихъ отрядахъ, расположенныхъ въ такихъ пунктахъ, изъ которыхъ они могли двинуться въ Ахалцыхскій пашалыкъ и выйти въ тылъ туркамъ. Въ то же самое время владѣтели Гуріи и Мингреліи были приглашены содѣйствовать своими силами русскимъ войскамъ, если бы непріятель покусился вторгнуться въ Имеретію, а командующему войсками въ Крыму была отправлена просьба немедленно командировать изъ черноморскаго флота эскадру судовъ съ дессантомъ, для крейсерованія у нашихъ береговъ [1]), и посадить на нее потійскій гарнизонъ [2]). Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, Ртищевъ отвѣчалъ сераскиру, что требованіе, «дабы я, очистивъ отъ россійскихъ войскъ Имеретію, Гурію, Мингрелію, Сухумъ-кале, Анаклію и Кемгалъ (Редутъ-кале), также крѣпости Багдадъ, Кутаисъ и Шаропань, отдалъ бы вамъ на основаніи мирныхъ условій, какъ принадлежность Порты,—то позвольте мнѣ отвѣчать вамъ на сіе со всею искренностью, что требованіе таковаго рода для меня уже не повое. Предмѣстники ваши, сераскиръ Эминъ-паша и также Ахмедъ-паша, равнымъ образомъ требовали отъ меня уступки сихъ владѣній... Предмѣстники вашего высокостепенства, по благоразумію своему, вняли истинѣ моихъ доказательствъ и не входили болѣе ко мнѣ съ своими о семъ требованіями. Сама Порта, убѣдясь справедливыми представленіями по сему предмету полномочнаго россійскаго посла, находящагося при высочайшемъ турецкомъ дворѣ, которому я сообщилъ подробно всѣ свѣдѣнія, до сего касающіяся, оставила было черезъ своихъ главнокомандующихъ въ здѣшнемъ краѣ продолжать притязанія на земли, вами упоминаемыя, и, какъ мнѣ извѣстно, обратилась по законному порядку къ объясненіямъ съ кабинетомъ Его Величества. Но по какому поводу вы изволили возобновить сіи предложенія,—мнѣ неизвѣстно».

Ртищевъ говорилъ, что, не находя въ трактатѣ ни малѣйшаго намека на уступку требуемыхъ провинцій и не имѣя на то высочай-

---

[1]) Отношеніе Ртищева генералу Рудзевичу отъ 4-го іюля 1815 года. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. V, № 958.

[2]) Гарнизонъ этотъ былъ сформированъ по высочайшему повелѣнію для крѣпости Поти, когда она была взята у турокъ. По заключеніи же мира, когда Поти была возвращена Портѣ, то гарнизонъ этотъ оставался въ Крыму до дальнѣйшаго назначенія.

шаго повелѣнія, онъ не уступитъ четверти аршина и будетъ защищаться силою оружія.—«Думаю также, присовокуплялъ онъ [1]), что и вы безъ особой воли вашего государя не покуситесь ни на какое насиліе, безъ объявленія войны самими государями, по существующимъ правиламъ во всемъ свѣтѣ. А потому, если вы имѣете отъ своего государя фирманъ, чтобы начать войну, то обяжите меня присылкою копіи съ онаго, дабы, при неизбѣжномъ въ семъ случаѣ кровопролитіи, мы оба могли оправдать себя передъ судомъ всей Европы —ваше высокостепенство въ томъ, что дѣйствовали по волѣ султана вашего государя, а я, что при всѣхъ миролюбивыхъ расположеніяхъ моего великаго Императора, чуждающагося всякаго напраснаго пролитія крови человѣческой, невольно вынужденъ былъ встрѣтиться съ вами въ полѣ и насиліе ваше отвратить силою оружія».

Сераскиръ не отвѣчалъ на это письмо, а полученныя въ Константинополѣ извѣстія о новыхъ успѣхахъ русскаго оружія во Франціи заставили Порту отложить до времени свои притязанія. Въ половинѣ августа сераскиръ поспѣшно отступилъ и главнокомандующій получилъ возможность принять мѣры къ водворенію спокойствія въ Грузіи и въ сопредѣльныхъ ей мусульманскихъ провинціяхъ.

VIII.

Кончина Миръ-Мустафы хана талышинскаго и Джафаръ-Кули хана шекинскаго.—Назначеніе новыхъ правителей.—Волненіе въ ханствѣ Шекинскомъ.—Мѣры, принятыя Ртищевымъ къ прекращенію волненій.—Жестокость Измаилъ-хана Шекинскаго. — Необходимость административныхъ преобразованій въ краѣ вообще и уничтоженіе ханской власти въ мусульманскихъ провинціяхъ въ особенности.—Распоряженія Ртищева въ этомъ направленіи.—Возвращеніе въ Казикумухъ бѣжавшаго въ Персію Сурхай-хана и его присяга на вѣрность. — Бѣдственное положеніе царевича Александра и переговоры съ нимъ Ртищева.

Въ половинѣ 1814 года скончался Миръ-Мустафа-ханъ талышинскій, и владѣніе его было передано старшему сыну умершаго Миръ-Хассанъ-хану. Вслѣдъ за тѣмъ было получено извѣстіе, что

[1]) Въ письмѣ отъ 7-го іюля 1815 г. Ак. Кав. Арх. Ком. т. V, № 959.

22-го августа того же года умеръ отъ горячки Джафаръ-Кули-ханъ шекинскій [1]). Ханство по трактату должно было перейти въ управленіе старшаго его сына, но какъ послѣдній не состоялъ въ русскомъ подданствѣ и находился аманатомъ въ Персіи еще со временъ правленія Ага-Магометъ-хана, то по просьбѣ самого Джафара, Императоръ Александръ утвердилъ наслѣдникомъ Шекинскаго ханства втораго его сына полковника Измаила-пашу.

По полученіи извѣстія о смерти Джафара, генералъ Ртищевъ отправилъ въ Нуху генералъ-маіора Ахвердова, приказавъ ему собрать къ себѣ всѣхъ родственниковъ хана, почетнѣйшихъ бековъ и въ присутствіи ихъ ввести Измаила-пашу въ управленіе Шекинскимъ ханствомъ. Ахвердовъ при особомъ церемоніалѣ привелъ Измаила къ присягѣ и передалъ ему брилліантовое перо, какъ знакъ ханскаго достоинства, и письмо главнокомандующаго, утверждавшаго его въ правахъ правителя шекинскаго народа. При этомъ, по порученію главнокомандующаго, генералъ-маіоръ Ахвердовъ просилъ новаго хана поступать съ подвластнымъ ему народомъ кротко и правосудно, а въ особенности съ армянскимъ народомъ, «не обременяя его излишними податями, противъ прочихъ жителей мухамеданскаго исповѣданія, и наипаче не взыскивая подъ какимъ бы то ни было предлогомъ или названіемъ особой подати за вѣру христіанскую, такъ какъ вѣра сія есть господствующая во всей Россійской имперіи» [2]).

Притѣсняемые прежними ханами и обязанные платить особыя деньги за право исповѣдовать христіанскую религію, армяне неоднократно просили избавить ихъ отъ хана и прислать для управленія ими или русскаго чиновника, или *даже солдата*. Такое желаніе большей части населенія было для главнокомандующаго прекраснымъ предлогомъ къ тому, чтобы со смертью Джафара уничтожить ханское управленіе и слить навсегда шекинское владѣніе съ имперіею. Сомнительная преданность хановъ и правителей разныхъ областей и возникавшіе вслѣдствіе того почти безпрерывные безпорядки должны были бы убѣдить въ необходимости уничтоженія ва-

[1]) Рапортъ поручика Шебашева Ртищеву 22-го августа 1814 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. V, № 664.

[2]) Предписаніе Ахвердову 11-го сентября 1814 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. V, № 665.

сальнаго отношенія хановъ къ русскому правительству. Но въ то время думали иначе, и часто случалось, что по смерти хана, намъ преданнаго, возстановляли въ ханскомъ достоинствѣ человѣка завѣдомо сомнительной преданности и при этомъ считали не деликатнымъ вмѣшиваться во внутреннія его дѣла. Такъ было и съ Ртищевымъ. Не отвѣчая на жалобы армянъ удовлетвореніемъ, главнокомандующій отсылалъ ихъ для разбора претензій къ тому же хану, который выдергивалъ имъ зубы, безпощадно билъ, сажалъ въ тюрьму, бралъ до 5,000 руб. штрафа, и оставались всѣ армяне «безъ помощи и безъ призрѣнія» [1]). Съ другой стороны, нѣкоторые старшины жаловались Ахвердову на притѣсненія покойнаго Джафара, и зная, что Измаилъ-ханъ еще болѣе жестокаго характера, просили, чтобы народъ шекинскій былъ подъ непосредственнымъ управленіемъ русскаго правительства, а власть хана вовсе уничтожена. Генералъ Ахвердовъ отклонилъ эту просьбу и лишь только уѣхалъ, какъ въ предмѣстьѣ г. Нухи было замѣчено волненіе народа.

Въ шекинскомъ владѣніи существовало три партіи: одна вовсе не желала имѣть хана, другая держала сторону бывшаго владѣльца слѣпаго Мамадъ-Хассанъ-хана, жившаго въ Тифлисѣ, и наконецъ, третья была на сторонѣ измѣнника Селимъ-хана, который тотчасъ же прискакалъ изъ Персіи и, скитаясь по разнымъ мѣстамъ, велъ тайные переговоры съ своими приверженцами. Хассанъ-ханъ изъ Тифлиса также работалъ въ свою пользу, и такимъ образомъ обѣ стороны волновали народъ.

Собравшійся въ предмѣстьѣ г. Нухи народъ сталъ требовать, чтобы ханскій диванъ былъ закрытъ и чтобы никто не признавалъ власти новаго хана. Находившійся въ крѣпости Нухѣ съ ротою Севастопольскаго полка капитанъ Данибеговъ, по совѣту съ ханомъ, успѣлъ вытребовать къ себѣ четырехъ главныхъ предводителей мятежа и когда узналъ отъ нихъ, что народъ не желаетъ имѣть у себя ханомъ полковника Измаила-пашу, то Данибеговъ посадилъ ихъ въ крѣпость и потребовалъ, чтобы толпа разошлась. Шекинцы удалились и, собравшись за форштадтомъ, стали укрѣпляться. Данибеговъ

---

[1]) Прошеніе армянъ, сосланныхъ въ Сибирь, армянскому епископу Іоанесу 10-го февраля 1816 г.

взялъ тогда 70 человѣкъ нижнихъ чиновъ съ однимъ орудіемъ и, подойдя къ толпѣ, потребовалъ, чтобы она разошлась по домамъ. «Робкая чернь» просила прощенія, но коноводы не остановились на этомъ. Подговоривъ до 250 человѣкъ, они, черезъ владѣнія джаробелаканскихъ лезгинъ, отправились въ Кахетію, а оттуда въ Тифлисъ, съ жалобою къ главнокомандующему. Ртищевъ приказалъ ихъ пропустить, но, не доѣзжая до Тифлиса, остановить въ карантинѣ, окружить баталіономъ и 100 казаками, отобрать оружіе и выбравъ 16 человѣкъ изъ числа почетнѣйшихъ, представить ему. Депутаты, въ числѣ которыхъ былъ и мулла, заявили главнокомандующему о своемъ нежеланіи имѣть Измаила своимъ ханомъ, какъ врага религіи всего населенія. Шекинское владѣніе было населено армянами, исповѣдавшими христіанскую религію, и магометанами секты Омара. Измаилъ-ханъ былъ Аліевой секты и слѣдовательно враждебенъ даже и магометанскому населенію. Ртищевъ убѣждалъ депутатовъ покориться обстоятельствамъ, но они отказывались, и тогда главнокомандующій приказалъ арестовать ихъ и судить военнымъ судомъ. Наиболѣе упорствовавшіе 23 человѣка были наказаны шпицрутенами и сосланы частью въ Сибирь, частью въ Оренбургъ, а остальные отправлены для водворенія на прежнихъ мѣстахъ жительства. Слѣпой Мамедъ-Хассанъ-ханъ, съ десятилѣтнимъ сыномъ, также высланъ на жительство въ Харьковъ [1]).

Поступивъ такимъ образомъ, генералъ Ртищевъ ободрилъ Измаила-хана, разнуздалъ его и далъ полную волю его звѣрскимъ инстинктамъ. Онъ разорилъ 70 дворовъ евреевъ, жившихъ въ Варташетѣ, и взялъ съ нихъ до 40,000 рублей. Чиновники хана, посланные для этой экзекуціи, насиловали женщинъ, рѣзали носы и уши мужчинамъ. Не давая никакого содержанія своимъ братьямъ, грабя народъ, отдавая преимущество во всемъ хойскимъ жителямъ, приведеннымъ Джафаромъ, молодой ханъ скоро заслужилъ всеобщую ненависть народа, и Ртищеву пришлось не разъ сожалѣть, что онъ не послушалъ населенія и не уничтожилъ ханской власти въ Шекинскомъ владѣніи.

---

[1]) Всеподд. рапортъ Ртищева 8-го ноября 1814 года. Ак. Кав. Арх. Ком., т. V, № 667.

«Съ крайнимъ сокрушеніемъ сердца вижу, писалъ главнокомандующій Измаилъ-хану [1]), что кротость, снисхожденіе и дружескіе совѣты, многократно вамъ отъ меня преподанные, не могутъ на васъ дѣйствовать, ибо грабительства, насиліе и разореніе, часъ отъ часа умножаясь подъ вашимъ управленіемъ, выходятъ изъ всякой мѣры. Народъ шекинскій, которому вы должны быть отцомъ попечительнымъ о его благѣ и защитникомъ отъ несправедливости, страждетъ въ неимовѣрномъ угнетеніи. Итакъ, если собственныя ваши чувствованія и понятія не могли васъ привести къ той цѣли, съ каковою россійское правительство ввѣрило вамъ управленіе Шекинскимъ ханствомъ, то священнѣйшій долгъ званія моего и обязанности, высочайше на меня возложенныя, заставляютъ меня въ семъ случаѣ обратиться къ другимъ мѣрамъ и принять посредство между народомъ и вами. На сей конецъ, препроводивъ къ военному окружному начальнику генералъ-маіору Тихоновскому всѣ просьбы, дошедшія до меня о безпорядкахъ и насиліяхъ, происходящихъ въ Шекинскомъ владѣніи, я приказалъ ему немедленно отправиться въ г. Нуху, изслѣдовать на мѣстѣ съ вѣрностью и безпристрастіемъ народныя жалобы и заставить ваше превосходительство быть правосуднымъ въ удовлетвореніи всѣхъ претензій, кои окажутся дѣйствительно истинными».

Такимъ образомъ, генералу Ртищеву подъ конецъ своего управленія краемъ пришлось собственнымъ опытомъ дойти до сознанія о необходимости скорѣйшаго сліянія съ составомъ Имперіи всего населенія или добровольно покорившагося, или завоеваннаго русскимъ оружіемъ. Сліяніе это могло произойти только съ уничтоженіемъ власти отдѣльныхъ правителей и со введеніемъ русскаго правленія. Послѣдняя мѣра была необходима даже и тамъ, гдѣ ни царской, ни ханской власти не существовало. Прежнее мѣстное управленіе оказывалось несостоятельнымъ, и главнокомандующему приходилось вводить въ краѣ новыя административныя начала. Такъ, въ началѣ 1814 года, въ Елисаветпольскомъ округѣ былъ учрежденъ окружной судъ по примѣру того, который былъ въ Грузіи въ Телавскомъ и

[1]) Отъ 23-го мая 1816 года. А. К. А. Ком., т. V, № 672.

Сигнахскомъ округахъ [1]). Моуравы въ Грузіи получили новую инструкцію, въ основаніе которой положено каждому изъ нихъ снискивать любовь народа «ласковымъ обхожденіемъ, примѣрнымъ поведеніемъ и поступками», стараться избѣгать притѣсненій и, напротивъ того, «каждому по жалобѣ доставлять скорое и справедливое удовлетвореніе» [2]).

По положенію, утвержденному въ мартѣ 1814 года, временное правленіе въ Имеретіи составлено изъ четырехъ мдиванъ-бековъ или совѣтниковъ, изъ коихъ двое были изъ имеретинскихъ князей и двое изъ русскихъ чиновниковъ. Всѣ дѣла, относившіяся до частей исполнительной и казенной, возложены на правителя, какъ на главнаго хозяина. Производство дѣлъ гражданскихъ предоставлено мдиванъ-бекамъ, обязаннымъ судить по законамъ Вахтанга и по обычаямъ народа; дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ и рѣшенія приводились въ исполненіе посылаемыми на мѣсто бакаулами (есаулами). Въ случаѣ недовольства тяжущихся рѣшеніемъ, оно представлялось на разсмотрѣніе правителя Имеретіи, а затѣмъ и главнокомандующаго.

Такими мѣрами, а главное уничтоженіемъ мысли въ народѣ о возможности когда-либо возвратиться къ царскому правленію, Имеретія доведена была до спокойнаго состоянія. «Слѣды величайшихъ бѣдствій въ теченіе трехъ лѣтъ сряду, доносилъ Ртищевъ [3]), попеременно опустошавшихъ сію землю внутренними мятежами, нашествіемъ непріятеля, чрезвычайнымъ голодомъ, необыкновеннымъ наводненіемъ и свирѣпою язвою, которая одна истребила почти треть жителей, начали изглаживаться весьма ощущительнымъ образомъ; но, за всѣмъ тѣмъ, въ многочисленности разсѣявшіяся въ разныя сосѣдственныя владѣнія семейства и въ половину не возвратились еще въ свои жилища, а народъ въ состояніи своемъ едва только дошелъ до посредственной возможности удовлетворять необходимыя нужды своихъ семействъ. Что же касается до нравственности, то, взявъ отъ

---

[1]) Предписаніе Симоновичу 17 апрѣля 1814 г. Ак. Кав. Арх. Ком. т. V, № 645.

[2]) Инструкціи моуравамъ 28 мая 1813 г., №№ 557—559.

[3]) Всеподданнѣйшій рапортъ Ртищева 3-го сентября 1816 г., № 104.

первыхъ классовъ людей всякаго званія до народа, я замѣтилъ вообще отличнѣйшую ихъ преимущественно простоту нравовъ, чистосердечіе и отмѣнную привѣтливость, съ свойственнымъ всѣмъ состояніямъ гостепріимствомъ и многія добродѣтельныя черты, могущія ручаться, что народъ съ подобными свойствами и нынѣ искренно раскаявшійся въ ослѣпленіи, объявшемъ ихъ умы, которое произошло отъ увлекаемой ихъ привязанности къ бывшему законному ихъ царю, просившему ихъ помощи... въ скоромъ времени можетъ содѣлаться въ вѣрности и преданности къ высочайшему россійскому престолу ничѣмъ неразличаемымъ съ природными россійскими подданными».

Заботясь о возвращеніи населенія въ свои жилища, главнокомандующій ограничилъ власть помѣщиковъ и запретилъ продажу крестьянъ. «Дворянство и вообще имеретинскіе помѣщики, доносилъ Ртищевъ, при необразованности своей, удивительной безпечности и страсти къ поддержанію азіятской пышности своихъ сосѣдей турокъ, не находя способовъ удовлетворять оной иначе какъ на счетъ подвластныхъ имъ крестьянъ, почти всѣ приняли правиломъ, чтобы за хорошую лошадь, ружье, парчи и прочее имъ нужное, равно и въ пріятельскихъ подаркахъ отдѣлываться уступкою своего крестьянина, а иногда и нѣсколькихъ семействъ, не смотря на выводъ ихъ внѣ границъ Имеретіи. Не говорю уже о существовавшей подъ конецъ царскаго правленія терпимости богопротивной продажи христіанъ туркамъ, которая нынѣ принятыми строгими мѣрами отъ россійскаго правительства почти вовсе прекращена».

Узнавъ отъ духовенства и почетнѣйшихъ князей, что въ прежнее время въ Имеретіи за плѣнопродавство существовала строжайшая казнь и продажа крестьянъ за границы Имеретіи была строго запрещена и лишь въ послѣднее время допущена была Соломономъ, главнокомандующій объявилъ населенію, что отнынѣ строго запрещается дворянамъ и помѣщикамъ всякого состоянія продавать или дарить людей внѣ границъ Имеретіи какъ по одиночкѣ, такъ и цѣлыми семействами. Виновныхъ въ неисполненіи этого распоряженія приказано было подвергать уголовному суду. Внутри Имеретіи продажа крестьянъ допускалась, но неиначе какъ цѣлыми семействами съ землею и только по купчимъ-крѣпостямъ и со взносомъ

въ пользу казны надлежащей пошлины за совершеніе купчей. «Сверхъ сего, писалъ Ртищевъ, по разысканіямъ моимъ я открылъ другое зло, которое также слабостію послѣдняго царя вкоренилось въ Имеретіи между помѣщиками къ предосужденію вѣры христіанской и состоящее въ томъ, что они почитали себѣ позволеннымъ крестьянъ своихъ христіанскаго исповѣданія отдавать незаконно подъ залогъ и даже продавать евреямъ природнымъ кутаисскимъ жителямъ».

Для пресѣченія этого обычая главнокомандующій предписалъ временному имеретинскому правленію: чтобы всѣ таковыя христіанскія семейства были отобраны отъ евреевъ и помѣщики заплатили за нихъ ту сумму, за которую семейства эти были заложены. Если бы помѣщикъ оказался несостоятельнымъ къ выкупу своего крестьянина, то предоставлялось это сдѣлать его родственнику «или другимъ помѣщикамъ, для удовлетворенія евреевъ по мѣрѣ возможности. Буде бы ни сами помѣщики, ни ихъ родственники, ни другіе желающіе не явились къ сему выкупу, въ такомъ случаѣ семейства сіи обратить въ казенныхъ крестьянъ, предоставивъ свободу евреямъ судебнымъ порядкомъ искать своего удовлетворенія».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, для лучшаго управленія духовенствомъ, какъ въ Имеретіи, такъ и въ Грузіи, былъ назначенъ одинъ экзархъ грузинскій и имеретинскій, непосредственно подчиненный Синоду. Въ Тифлисѣ учреждена синодальная контора [1]), а бывшая тамъ дикастерія упразднена и должна была быть перенесенною въ Кутаисъ, для церквей состоящихъ въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи.

Новое устройство духовной части еще до введенія его въ дѣйствіе вызвало волненія въ Имеретіи, Гуріи и Мингреліи, такъ какъ съ преобразованіемъ ея вызывалось преобразованіе церковныхъ имѣній. Владѣтели Мингреліи и Гуріи видѣли въ этомъ посягательство на нарушеніе заключенныхъ съ ними трактатовъ. Имеретинское духовенство смотрѣло какъ на лишеніе доходовъ, и многочисленныя просьбы заставили Ртищева оставить управленіе духовною частію на прежнемъ основаніи, установить въ Имеретіи надъ нѣсколькими церквами благочинныхъ и подчинить все духовенство въ Имеретіи,

---

[1]) Открыта 8-го мая 1815 г. Донесеніе Ртищева оберъ-прокурору Синода кн. Голицыну, 9-го мая, 1815 г. № 50.

Мингреліи и Гуріи тифлисской синодальной конторѣ. Вся же Грузія была раздѣлена на три епархіи: Карталинскую, Осетинскую и Сигнахскую [1]).

Заботясь о благосостояніи населенія главнокомандующему необходимо было, для окончательнаго успокоенія Грузіи, покончить дѣло съ царевичемъ Александромъ, поселившимся въ Дагестанѣ у анцухскихъ лезгинъ и продолжавшимъ волновать населеніе. Терпя во всемъ нужду, царевичъ разсылалъ письма, въ которыхъ жаловался, что грузины забыли его и ни одинъ «не вспомнилъ хлѣба и соли отца нашего».

Съ заключеніемъ Гюлистанскаго трактата положеніе царевича еще болѣе ухудшилось: Персія не могла уже оказать ему никакой другой помощи кромѣ покровительства и присылки денегъ для поддержанія его существованія. Аббасъ-Мирза просилъ Ртищева дозволить Александру выѣхать въ Персію и остаться подъ покровительствомъ этой державы. Главнокомандующій соглашался, но съ условіемъ, что если царевичъ войдетъ въ сношенія съ грузинами и это будетъ доказано, то персидское правительство его выдастъ [2]). При согласіи на это условіе Ртищевъ требовалъ: 1) чтобы Александръ немедленно освободилъ захваченныхъ имъ въ плѣнъ русскихъ офицеровъ и солдатъ; 2) чтобы онъ ѣхалъ въ Персію по тѣмъ мѣстамъ, которыя будутъ указаны и 3) чтобы царевичъ далъ окончательный отвѣтъ въ теченіе одного мѣсяца, и затѣмъ уже по истеченіи этого времени главнокомандующій не будетъ отвѣчать за его безопасность. Не зная на что рѣшиться, царевичъ сначала затягивалъ переговоры, а потомъ совершенно отказался отъ предложенныхъ ему условій и предпочелъ остаться въ Дагестанѣ. Онъ надѣялся на содѣйствіе Сурхай-хана казикумухскаго, возвратившагося изъ Персіи и возмущавшаго окрестное населеніе.

Нѣсколько разъ возобновлявшій присягу на вѣрность и нарушавшій ее при каждомъ удобномъ случаѣ, Сурхай-ханъ, 11 іюня 1813 года, съ скопищемъ до 3 тысячъ человѣкъ ворвался въ Кюринскую

---

[1]) Указъ Сената Ртищеву 28-го января 1815 г.

[2]) Письмо Ртищева Мирза-Абуль-Хассанъ-хану 18-го октября 1813 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. V, № 882.

провинцію и прибывъ въ селеніе Колханы, сталъ укрѣпляться. Онъ былъ увѣренъ, что жители Кюринской провинціи перейдутъ на его сторону и признаютъ его власть. Получивъ извѣстіе о появленіи непріятеля, Севастопольскаго полка маіоръ Рябининъ составилъ отрядъ изъ 50 стрѣлковъ и 10 казаковъ и, присоединивъ къ нимъ часть кюринской конницы, приказалъ выбить Сурхая изъ его укрѣпленной позиціи. 12-го іюня непріятельскіе пикеты были сбиты, но, по неимѣнію артиллеріи, штурмовать деревню Колханы было невозможно. Тогда Рябининъ отправилъ въ отрядъ одно орудіе подъ прикрытіемъ 25 стрѣлковъ, и послѣ пятичасоваго боя дер. Колханы была взята, причемъ побѣдителямъ досталось до тысячи ружей, весь багажъ и много лошадей [1]). Сурхай бѣжалъ съ поля сраженія и не смѣя показаться въ Казикумухѣ, ушелъ въ Персію съ 30 человѣками своей свиты.

Проживъ около года въ Тавризѣ въ свитѣ Аббасъ-Мирзы и не получивъ никакой помощи, казикумухскій ханъ съ заключеніемъ Гюлистанскаго мира рѣшился возвратиться въ свое владѣніе. Съ партіею, составленною изъ дагестанцевъ разныхъ обществъ, шатавшихся въ Персіи, и простиравшеюся до 125 человѣкъ, Сурхай прибылъ на границу Елисаветпольской области съ намѣреніемъ тайными путями пробраться въ Казикумухъ. Замѣченный нашими разъѣздами, онъ рѣшился прорваться силою и послѣ небольшой перестрѣлки съ казаками направился по Чалambирской дорогѣ. У устья р. Качкарки, впадающей въ р. Куру, онъ былъ настигнутъ елисаветпольскимъ окружнымъ начальникомъ, подполковникомъ Калатузовымъ, съ казаками собранными съ разныхъ постовъ. Калатузовъ засталъ еще весь багажъ Сурхая на этой сторонѣ рѣки подъ прикрытіемъ половины конвоя; другая же половина съ Сурхаемъ и родственниками уже переправилась на лѣвый берегъ р. Куры. Отрядивъ часть людей, для воспрепятствованія оставшейся непріятельской конницѣ переправиться, Калатузовъ съ остальными бросился въ р. Куру, переправился на противоположный берегъ и атаковалъ Сурхая. Вѣроломный 75-ти-лѣтній старикъ обратился въ бѣгство, а старшій сынъ

[1]) Рапортъ Рябинина генералъ-маіору Хатунцову, 17-го іюня 1813 г. Ак. Кав. Арх. Коп., т. V, № 756.

его, извѣстный своею храбростью Закаръ-бекъ, рѣшился защищаться и пожертвовать собою, чтобы спасти отца и дать ему средства къ побѣгу. Онъ защищался отчаянно до тѣхъ поръ, пока не былъ убитъ вмѣстѣ съ старшимъ внукомъ Сурхая—Ибраимъ-бекомъ. Тогда оставшіеся спутники бывшаго хана разсыпались въ разныя стороны и были преслѣдованы до р. Іоры на разстояніи 25 верстъ отъ Куры. Другая часть дагестанцевъ, остававшаяся на правомъ берегу, при первомъ появленіи казаковъ, бросилась вплавь, но не успѣла спасти багажа, большая часть котораго была потоплена, а часть осталась въ добычу побѣдителямъ. Многіе изъ переправлявшихся также утонули, а остальные были или убиты, или взяты въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ были: родной племянникъ Сурхая и второй его внукъ, которые были отвезены въ Тифлисъ и содержались въ крѣпости подъ самымъ строгимъ карауломъ.

«Сей его внукъ, доносилъ Ртищевъ [1]), весьма для него важенъ по великой силѣ и довѣрію, какія отецъ его Нухъ-бекъ имѣетъ въ кумухскомъ народѣ. А потому самъ Сурхай-ханъ, не будучи въ безопасности, прилагаетъ всѣ старанія объ освобожденіи его и недавно прислалъ ко мнѣ перваго своего чиновника съ письмомъ, въ коемъ, ходатайствуя за него, приноситъ повинность свою и раскаяніе въ содѣянныхъ имъ преступленіяхъ, обѣщая притомъ доказать впослѣдствіи вѣрноподданническую покорность свою Вашему Императорскому Величеству самыми важными опытами».

Не вѣря въ искренность обѣщаній вѣроломнаго хана, главнокомандующій не отвѣчалъ на письмо, отправилъ обратно его посланнаго и поручилъ словесно передать Сурхаю, что не повѣритъ его раскаянію, пока онъ не задержитъ царевича Александра и не представитъ его въ Тифлисъ. Безъ этого, прибавилъ Ртищевъ, онъ не можетъ надѣяться на прощеніе и войска «уже готовы найти его въ самомъ Кумухѣ, истребить сіе гнѣздо, обитаемое вѣроломными разбойниками». Получилъ такой отвѣтъ, Сурхай-ханъ прекратилъ переговоры и сталъ производить періодическіе набѣги на Кюринскую провинцію. Въ августѣ 1815 года толпа дагестанцевъ, подъ началь-

[1]) Во всеподд. рапортѣ отъ 9-го ноября 1814 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. V, № 759.

ствомъ сына Сурхая Муртузали-бека, ворвалась въ верхнія деревни Кюринскаго ханства и грабила жителей. Тогда генералъ-маіоръ Хатунцовъ поручилъ маіору Подревскому 2-му выгнать непріятеля, что и было исполнено съ весьма значительнымъ уономъ для горцевъ [1]). Сурхай снова искалъ примиренія и наконецъ, по совѣту Ртищева, въ присутствіи маіора Севастопольскаго пѣхотнаго полка Данибекова 1-го присягнулъ 6-го іюля 1816 года на вѣрность Россіи вмѣстѣ съ подвластнымъ ему народомъ [2]).

Между тѣмъ главнокомандующій, пользуясь послѣднимъ пораженіемъ сына Сурхая и прибытіемъ въ Тифлисъ Келбъ-Али-хана, присланнаго Аббасъ-Мирзою съ 1.500 руб. денегъ для вызова Александра въ Персію, вошелъ опять въ сношеніе съ царевичемъ. Онъ отправилъ къ Александру нѣсколькихъ человѣкъ персіянъ изъ свиты Келбъ-Али-хана и, присоединивъ къ нимъ своего чиновника Егора (Гогія) Бастамова, писалъ царевичу, чтобы онъ избралъ одно изъ двухъ: или покорился русскому Императору, или же отправился въ Персію. Въ первомъ случаѣ Ртищевъ обѣщалъ принять его съ почестью, приличною «знаменитому» его роду, испросить прощеніе всей его свитѣ и водворить ее на прежнихъ мѣстахъ жительства. Въ случаѣ же желанія Александра отправиться въ Персію, главнокомандующій обѣщалъ принять мѣры къ безопасному его препровожденію.

«Безъ сомнѣнія, прибавлялъ Ртищевъ [3]), милосердіе Божіе не вовсе еще оставило вашу свѣтлость, когда въ нынѣшнемъ положеніи вашемъ, столь несоотвѣтствующемъ знаменитой крови предковъ вашихъ, даруетъ вамъ средство провести остатокъ своей жизни благородно и спокойно, подъ покровомъ котораго-либо изъ двухъ сильныхъ государей, соединенныхъ между собою неразрывною дружбою, кои не отклоняются принять васъ съ милосердіемъ и дать вамъ убѣжище, приличное вашему происхожденію.

«Итакъ, теперь отъ собственной воли и благоразумія вашей

[1]) Рапортъ Хатунцова Ртищеву 13-го августа 1815 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. V, № 763.

[2]) Клятвенное обѣщаніе Сурхая, тамъ же, № 766.

[3]) Въ письмѣ царевичу Александру, 5-го августа 1815 г. Ак. Кав. Арх. Ком. т. V, № 466.

свѣтлости зависитъ не упускать своего счастія и рѣшиться немедленно на предлагаемый вамъ выборъ, ибо для васъ нѣтъ другой средины, какъ или теперь же поручить судьбу свою милосердію котораго-либо изъ двухъ союзныхъ монарховъ, или навсегда потерять надежду на ихъ покровительство. Притомъ по чистосердечію моему, я не скрою передъ вашею свѣтлостью, что, знавши каждый шагъ, сдѣланный вами въ нынѣшнемъ году и даже имѣя въ рукахъ своихъ подлинныя возмутительныя письма ваши къ кахетинскому народу, если и терпѣлъ до сихъ поръ пребываніе ваше у анцухскихъ народовъ, то дѣлалъ сіе единственно изъ уваженія къ участію, принимаемому въ васъ персидскимъ правительствомъ, и въ ожиданіи, что вы, наконецъ, сами признавши неосновательность своихъ предпріятій, обратитесь на путь истинный. Но когда вы и теперь, въ теченіе нынѣшняго августа, не рѣшитесь или отправиться въ Персію, или прибыть ко мнѣ въ Тифлисъ, то никакое мѣсто въ Дагестанѣ не укроетъ васъ отъ праведнаго преслѣдованія, и казнь небесная падетъ не только на главу вашу, но и на тѣхъ, кои по коварству и недоброжелательству къ вамъ удерживаютъ васъ отъ прямаго пути, давая вамъ пристанище.

«Въ заключеніе же, слѣдуя гласу человѣколюбія, я долженъ привести вамъ на память, что вы человѣкъ и притомъ христіанинъ. Какъ человѣкъ, вы должны вспомнить, что вы смертны, и часъ, въ который должно будетъ заплатить дань природѣ, можетъ наступить неожиданно, а какъ христіанинъ должны позаботиться объ очищеніи своей совѣсти и приготовить себя къ тому страшному времени, въ которое всякій въ дѣяніяхъ своихъ и даже въ сокровеннѣйшихъ помышленіяхъ обязанъ отдать отчетъ Сердцевѣдцу и нелицепріятному судіи. Гдѣ же болѣе ваша свѣтлость можете найти способовъ къ сему душевному спокойствію, какъ не въ нѣдрахъ святой религіи, насъ соединяющей, какъ не предъ милосерднымъ престоломъ христіаннѣйшаго россійскаго Государя Императора, пріявшаго подъ покровъ свой братьевъ и сестеръ вашихъ, коихъ, осыпавъ своими щедротами, даровалъ истинное благоденствіе, и который готовъ также принять и вашу свѣтлость съ нѣжностью человѣколюбивѣйшаго отца... Впрочемъ, если воля и собственный разсудокъ вашей свѣтлости заставляютъ васъ предпочесть для себя покровительство Фетхъ-Али-

шаха, то и въ семъ случаѣ никто изъ здравомыслящихъ не осудитъ васъ, потому что ваша свѣтлость по крайней мѣрѣ имѣли благоразуміе прибѣгнуть къ тому монарху, который великъ, милосердъ и соединенъ сердечною дружбою съ моимъ великимъ и всемилостивѣйшимъ Государемъ Императоромъ и коего высочайшій дворъ можетъ служить приличнымъ убѣжищемъ для царскаго сына. Но, оставшись у лезгинъ, среди разбойническихъ скопищъ, ваша свѣтлость, кромѣ того, что должны будете опасаться всегда той же участи, какая постигла племянника вашего царевича Левана,—вы учинитесь рабомъ у прежнихъ рабовъ свѣтлѣйшаго дома вашего, унизите себя до того, что прострете руку для принятія насущнаго хлѣба отъ ихъ милосердія, воля и свобода ваша будутъ зависѣть отъ ихъ воли и расположеній, и, наконецъ, погубя и тѣло и душу свою, покроете себя вѣчнымъ посрамленіемъ.

«Вотъ мои искреннія сужденія! Помыслите о нихъ со вниманіемъ и не оставьте какъ можно скорѣе, черезъ почтеннаго Егора Бастамова почтить меня отвѣтомъ вашимъ, на что вы рѣшитесь.»

Царевичъ отвѣчалъ, что онъ давно искалъ покровительства Россіи и предпочитаетъ его всякому другому; что онъ нѣсколько разъ обращался къ графу Гудовичу и Тормасову, но они оставили его желаніе безъ вниманія и съ тѣхъ поръ онъ постоянно изыскиваетъ средства «получить наслѣдіе свое».

«Ваше высокопревосходительство пишите ко мнѣ, говорилъ Александръ [1]), что я имѣю переписку въ Кахетіи и письма мои доставлены къ вамъ. Сіе нимало не удивляетъ меня, ибо каждый человѣкъ, имѣя здравый разсудокъ, обязанъ до скончанія жизни пещись о себѣ и до послѣдней капли крови жертвовать за пріобрѣтеніе наслѣдственнаго своего имѣнія, а не напротивъ оставаться безпечнымъ. Касательно же того, что я, если въ теченіе текущаго августа не пожелаю избрать покровительство кого либо изъ сихъ великихъ державъ, лишусь пристанища, довольно можетъ вамъ служить сіе примѣромъ, что и пернатые, будучи защищаемы всемогущимъ Творцомъ, пользуются покровительствомъ его и имѣютъ пристанище—слѣдовательно, Всевышній и меня не оставитъ безъ онаго, чтобы я нигдѣ не могъ

[1]) Въ отвѣтномъ письмѣ Ртищеву отъ 23-го августа 1815 г.

пріобрѣсти по крайней мѣрѣ приличнаго состоянію моему пристанища и нужнаго содержанія».

Царевичъ писалъ, что онъ не нуждается въ Келбъ-Али-ханѣ, что самъ найдетъ дорогу въ Персію и проситъ только прислать ему бумагу на свободный проѣздъ по русскимъ владѣніямъ. —Александръ поручилъ Бастамову словесно передать главнокомандующему, что онъ приметъ покровительство Россіи только въ томъ случаѣ, когда ему будетъ возвращено его владѣніе, или другими словами, когда онъ будетъ царемъ Грузіи. Получивъ ложныя извѣстія, что Наполеонъ опять покорилъ всю Россію, что турки также въ войнѣ съ Россіею, что истребили всѣхъ русскихъ въ здѣшнемъ краѣ и наконецъ, что всѣ грузинскіе царевичи, находящіеся въ Россіи, сосланы въ Сибирь и что самого его, когда онъ поѣдетъ съ Келбъ-Али-ханомъ, приказано схватить, — Александръ поручилъ Бастамову передать Ртищеву, что если къ исходу августа главнокомандующій не согласится на уступку Грузіи, то онъ объявляетъ ему войну [1]).

Угроза эта могла вызвать только улыбку главнокомандующаго, хорошо знавшаго то положеніе, въ которомъ находился царевичъ. Голодъ въ Дагестанѣ и недостатокъ корма для скота заставили ближайшихъ къ намъ лезгинъ просить о дозволеніи пасти свой скотъ на поляхъ Грузіи. Имъ обѣщано было разрѣшеніе, если доставятъ въ Тифлисъ Александра, который со слезами умолялъ ихъ не выдавать его русскому правительству и обѣщалъ немедленно уѣхать въ Персію. Онъ отправилъ письмо Ртищеву, въ которомъ просилъ дозволить его посланнымъ проѣхать въ Эривань за какими-то приказаніями шаха. «Когда между обоими великими государями заключенъ договоръ, писалъ Александръ [2]), то могу ли я сопротивляться и начать другое дѣло? Какое повелѣніе я получилъ отъ персидскаго государя по сему повелѣнію расположилъ себя и какія я имѣлъ намѣренія и мысли всѣ оставилъ.» Ртищевъ не согласился на просьбу царевича, но съ прибытіемъ въ Тифлисъ персидскаго чиновника Мамедъ-Вели-бека принужденъ былъ вновь войти въ сношеніе съ Александромъ.

---

[1]) Письмо Ртищева Аббасъ-Мирзѣ, 2-го сентября 1815 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. V, № 908.

[2]) Письмо царевича Ртищеву 5-го октября 1815 г.

Не зная, какой оборотъ примутъ переговоры посла Абуль-Хассанъ-хана въ Петербургѣ, и считая выгоднымъ для Персіи имѣть въ своихъ рукахъ царевича Александра, Аббасъ-Мирза отправилъ въ столицу Грузіи Мамедъ-Вели-бека, съ тѣмъ, чтобы снова уговорить царевича ѣхать въ Персію. Наслѣдникъ персидскаго престола находилъ, что въ случаѣ какихъ бы то ни было несогласій съ Россіею, такой человѣкъ, какъ Александръ, могъ быть весьма полезенъ для тегеранскаго двора и приписывалъ ему вліяніе въ Грузіи, котораго царевичъ вовсе не имѣлъ. По просьбѣ Вели-бека, Ртищевъ спрашивалъ царевича, въ какомъ мѣстѣ онъ желаетъ быть принятымъ въ Кахетіи и черезъ какія мѣста онъ намѣренъ отправиться до границъ персидскихъ.—«Тогда, писалъ главнокомандующій [1]), я отправлю къ вамъ остающагося здѣсь персидскаго чиновника Мамедъ-Вели-бека, который приметъ васъ на свои руки, заплатитъ за васъ долги изъ денегъ съ нимъ присланныхъ и вручитъ вамъ халатъ, имѣющійся для васъ отъ его высочества Аббасъ-Мирзы; съ моей же стороны данъ вамъ будетъ безопаснѣйшій воинскій конвой, для препровожденія до самой персидской границы, и предписано будетъ всѣмъ по той дорогѣ находящимся россійскимъ начальникамъ и воинскимъ командамъ пропустить васъ безъ малѣйшаго препятствія».

Царевичъ Александръ и на этотъ разъ не далъ рѣшительнаго отвѣта, такъ какъ ожидалъ извѣстій изъ Петербурга отъ лицъ, посланныхъ имъ съ прошеніемъ къ Императору Александру. Избравъ армянина Георгія (Гогія) Бастамова своимъ повѣреннымъ, царевичъ просилъ его съѣздить въ Петербургъ съ прошеніемъ къ Императору Александру. Бастамову ѣхать было невозможно, и онъ передалъ врученныя ему бумаги армянину Карганову, который самовольно и никѣмъ неуполномоченный отправился въ столицу. Явившись мнимымъ уполномоченнымъ Каргановъ представилъ два письма царевича: одно на высочайшее имя, а другое на имя управлявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ графа Нессельроде.

«Всемилостивѣйшій Государь! писалъ царевичъ [2]). Извѣстно Ва-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 1-го января 1816 года. Ак. Кав. Арх. Ком., т. V, № 469.

[2]) Отъ 6-го октября 1815 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. V, № 470.

шему Величеству все обстоятельство мое; хотя имѣю причину оправдать себя, но оставляя оную, прибѣгаю къ благодѣтельному снисхожденію вашему, такъ вопіющій: Великій Государь, прими меня милостиво подъ покровительство Вашего Величества и удостой мя узрѣть васъ, государя моего, о чемъ жаждущая душа моя съ Соломономъ вопіетъ къ тебѣ: «преклони ухо твое къ нищему и отвѣчай ему мирная въ кротости, изми обидимаго изъ руки обидящаго и не малодушествуй егда судиши»: Послѣ милостиваго принятія меня дай мнѣ случай воспѣть съ Давидомъ: «Господь часть достоянія моего и чаша моя: *Ты еси удостой достояніе мое мнѣ*».

«Всемилостивѣйшій Государь! Нынѣ я нахожусь на Кавказѣ и именно въ Дагестанѣ, и сіе душевное мое желаніе есть не новое, но давнишнее, которое я всегда имѣлъ».

Не вникнувъ хорошо въ содержаніе письма царевича и упустивъ изъ вида, что Александръ выражаетъ желаніе покориться только при условіи возвращенія ему его достоянія, гр. Нессельроде вошелъ въ объясненіе съ Карановымъ.

Послѣдній, 26-го апрѣля 1816 года, подалъ министру иностранныхъ дѣлъ записку, въ которой писалъ, что царевичъ Александръ «желаетъ, по прибытіи въ С.-Петербургъ, находиться всегда при лицѣ Императора, занимаясь военною службою. И сіе полагаетъ такимъ образомъ, что изъ находящейся при немъ свиты и изъ вызванныхъ еще изъ Грузіи преданныхъ ему людей сформируетъ конный полкъ и будетъ его командиромъ.» Министръ иностранныхъ дѣлъ, повѣривъ всѣмъ разсказамъ Карганова, не замѣтилъ въ нихъ никакого противорѣчія съ письмомъ самого царевича, и находилъ, что если и нельзя положиться вполнѣ на искренность Александра, то все-таки «надобно не упустить изъ вида сего случая и все возможное и приличное приноровить къ тому, чтобы попытаться его изъ ущельевъ лезгинскихъ вызвать благовидно». Не справившись о томъ, что за люди Карановъ и Бастамовъ, графъ Нессельроде устранилъ главнокомандующаго отъ всякаго участія въ вызовѣ Александра въ Россію и, помимо Ртищева, сдѣлалъ всѣ распоряженія къ принятію царевича на Кавказской линіи [1]). Отправивъ Карганова на линію,

[1]) Арх. Мин. Иност. Дѣлъ, 1—13, 1806—1837 г., № 10.

графъ Нессельроде поручилъ командовавшему тамъ войсками генералъ-маіору Дельпоццо принять Александра съ почестями въ Кизлярѣ и доставить оттуда въ Петербургъ, вмѣстѣ съ Бастамовымъ, котораго вызвать предварительно на линію. Получивъ такое распоряженіе Дельпоццо донесъ о томъ Ртищеву и просилъ его прислать къ нему Бастамова. Не зная зачѣмъ и почему требуютъ послѣдняго, Ртищевъ приказалъ его арестовать и подъ конвоемъ отправилъ на линію. Такъ какъ Бастамовъ передалъ всѣ бумаги Карганову, то и могъ сказать Дельпоццо только то, что Александръ повидимому имѣетъ искреннее намѣреніе покориться русскому Императору. Дельпоццо отправилъ тогда своего посланнаго къ царевичу съ письмомъ Карганова, въ которомъ тотъ обнадежилъ его многими милостями Императора и намекнулъ, чтобы Александръ просилъ денегъ. Черезъ три недѣли посланный возвратился въ Кизляръ и привезъ съ собой трехъ человѣкъ грузинъ изъ свиты царевича и слѣдующій отвѣтъ его Карганову [1]): «Письмо ваше отъ 30-го мая получилъ я, въ коемъ вы пишете и клятвою увѣряете, что я нашелъ хлѣбъ родителя моего у Государя Императора. Вы пишете о денежныхъ расходахъ, сколько потребно здѣсь будетъ? Вы знаете, что страна сія дагестанская прескудная, и я ничего не имѣю, а для того отправилъ я къ его превосходительству Ивану Петровичу (Дельпоццо) Ростома Сагинова, Давида Матарела и Хихо Масакла. Они вамъ скажутъ, сколько нужно будетъ денегъ. Притомъ прошу васъ какъ можно скорѣе пріѣхать ко мнѣ».

Прибывшіе грузины заявили, что царевичъ не можетъ тронуться изъ Дагестана, потому что обремененъ долгами, для уплаты которыхъ необходимо до 20,000 руб. Имѣя широкое полномочіе отъ Нессельроде расходовать деньги по своему усмотрѣнію и требовать ихъ изъ кавказской казенной палаты, Дельпоццо остановился передъ столь значительной суммой, но рѣшился послать Александру 500 червонцевъ и 1,500 руб. сер., что составляло болѣе 11,000 руб. ассигн. Отправивъ сверхъ того много вещей и платья какъ для царевича, такъ и бывшихъ съ нимъ князей, Дельпоццо послалъ со всѣмъ этимъ

[1]) Отъ 15-го іюня 1816 года изъ Анцуха. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, 1—13, 1806—1837, № 10.

армянъ Карганова и Бастамова, трехъ грузинъ, прибывшихъ отъ Александра, кумыкскаго владѣльца князя Біарслана и штабсъ-капитана Филатова. Съ этимъ посольствомъ было отправлено и письмо царевичу отъ графа Нессельроде, въ которомъ тотъ писалъ, что Императоръ будетъ радъ, «если безъ малѣйшаго отлагательства, оставя мѣсто нынѣшняго пребыванія вашего, отправитесь прямо сюда, дабы повергнуться съ покорностію предъ престоломъ кротости и милосердія» [1]).

Прибывъ 10-го августа 1816 года въ Анцухъ, Карганов передалъ царевичу только часть денегъ, вещи и письмо графа Нессельроде, а остальныя предпочелъ оставить у себя. Видя, что письмо управлявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ не служитъ прямымъ отвѣтомъ на просьбу, посланную Императору Александру, и получивъ достаточную сумму денегъ, царевичъ отложилъ свой отъѣздъ въ Россію и намѣренъ былъ извлечь пользу изъ письма графа Нессельроде. Онъ отправилъ въ Тифлисъ армянина Мадатова съ письмомъ къ Ртищеву, въ которомъ писалъ, что «какъ свита, при немъ служащая изъ грузинскихъ князей, дворянъ и другаго состоянія людей, по большей части оставлена имъ въ Персіи и находится въ Эривани и Тавризѣ, то прежде исполненія воли Императора, онъ намѣренъ предварительно извѣстить всѣхъ своихъ людей, чтобы и они могли воспользоваться милостью Государя. Царевичъ спрашивалъ главнокомандующаго, дозволитъ ли онъ посланнымъ съ такимъ объявленіемъ его людямъ проѣхать въ Персію?

Только теперь Ртищевъ узналъ о прямыхъ переговорахъ Александра съ Петербургомъ, и распоряженія министра иностранныхъ дѣлъ показались ему обидными.

«Сколь ни велика чрезвычайность сего случая, доносилъ онъ [1]), и сколь ни вредное можетъ имѣть вліяніе на дѣла здѣшняго края извѣстность, что предметы подобной важности, сопряженные съ политическими видами здѣшняго правительства въ отношеніи къ разнымъ державамъ и народамъ, сопредѣльнымъ Грузіи, могутъ быть поручаемы къ исполненію *частнымъ чиновникамъ, мимо глав-*

[1]) Письмо гр. Нессельроде царевичу отъ 8-го мая 1816 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. V, № 470.

[2]) Во всеподд. рапортѣ 3-го сент. 1816 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. V, № 473.

наго здѣсь мѣстнаго начальства, но я, имѣя въ предметѣ единую священную волю Вашего Императорскаго Величества, немедленно обратилъ къ царевичу Александру армянина Мадатова».

Ртищевъ отвѣчалъ Александру, что готовъ пропустить его посланныхъ въ Персію, но въ душѣ былъ убѣжденъ, что царевичъ не имѣетъ вовсе намѣренія выѣхать въ Россію. Объ этомъ тянулись переговоры уже болѣе шести лѣтъ почти безпрерывно, и Александръ то выражалъ свое желаніе покориться, то отказывался отъ него. Онъ требовалъ, чтобы въ случаѣ его покорности былъ оставленъ въ Грузіи на всегдашнее пребываніе, чтобы ему данъ былъ приличный удѣлъ, были предоставлены всѣ почести и уваженіе, приличныя его званію, и наконецъ, чтобы для удостовѣренія въ исполненіи его желаній былъ бы присланъ къ нему одинъ изъ важныхъ русскихъ чиновниковъ. Выборъ царевича всегда падалъ или на одного изъ извѣстныхъ генераловъ, или на правителя канцеляріи главнокомандующаго, т. е. на такихъ лицъ, задержаніе которыхъ въ горахъ обезпечивало положеніе самого Александра. Ему хотѣлось «заманить къ себѣ въ горы и задержать у дикаго народа такихъ чиновниковъ, кои по званію и заслугамъ своимъ могли, по мнѣнію ихъ, быть вѣрными заложниками въ безопасности самого царевича и въ томъ, что войска россійскія въ такомъ случаѣ не предпримутъ наказанія сихъ народовъ открытою силою». Послѣднее обстоятельство было особенно важно для царевича: будучи кругомъ долженъ, онъ жилъ въ Дагестанѣ изъ милости, и чтобы обезпечить свою безопасность, онъ хотѣлъ получить отъ Россіи то же, что и отъ Персіи, задержавшей депутатовъ анцухскаго народа, посланныхъ Александромъ подъ предлогомъ просьбы о помощи. Депутаты были люди изъ лучшихъ фамилій, пользовавшіеся уваженіемъ населенія, и, будучи задержаны тегеранскимъ дворомъ, служили залогомъ спокойнаго и безопаснаго пребыванія царевича въ Анцухѣ.

Всѣ эти поступки Александра убѣждали Ртищева, что въ дѣйствительности царевичъ не имѣетъ намѣренія покориться русскому правительству, что онъ служитъ двумъ богамъ и что для склоненія его на нашу сторону, надо много умѣнья, такта, а главное, чтобы лицо, которому поручено будетъ вести переговоры, пользовалось извѣстностью и общимъ уваженіемъ.

«Прапорщикъ Каргановъ же, доносилъ главнокомандующій [1]), сверхъ молодости своей и легкомыслія, *извѣстенъ всей Грузіи по дурному поведенію и нравственности самой развращенной, неоднократно подвергавшей его уголовному суду, церковнымъ покаяніямъ* и дошедшій наконецъ до такого къ нему презрѣнія, что самые грузины убѣгаютъ обхожденія съ нимъ, а благородное общество князей прошлаго года, при дворянскихъ выборахъ, запретило ему въ полномъ собраніи подавать свой голосъ и участвовать въ баллотированіи. Сихъ-то свойствъ человѣкъ, потерянный въ своемъ отечествѣ, испросивъ отъ правительства письменный видъ на отъѣздъ въ С.-Петербургъ по своимъ дѣламъ, принимаетъ на себя въ губерніяхъ имъ проѣзжаемыхъ ложное названіе чиновника, принадлежащаго къ штату главнокомандующаго въ Грузіи и отъ него отправленнаго съ важными дѣлами, именуется достоинствомъ поручика, какъ я усматриваю сіе изъ сообщеннаго его ко мнѣ рапорта, вѣроятно присвоеннымъ имъ ложнымъ же образомъ, потому что онъ не оказалъ еще никакой заслуги, за которую могъ бы получить столь важное награжденіе, и, явясь передъ министерствомъ, находитъ такое къ себѣ вниманіе, что на него возлагается весьма важная порученность.»

Такой человѣкъ, конечно, не могъ съ успѣхомъ исполнить возложеннаго на него порученія, и во второй половинѣ сентября 1816 года армяне Мадатовъ и Бастамовъ прибыли въ Тифлисъ съ письмомъ царевича, въ которомъ тотъ писалъ главнокомандующему, что отправляетъ съ ними своихъ людей въ Персію. Людей этихъ однако же не было, и на вопросъ Ртищева: гдѣ же они? Мадатовъ и Бастамовъ отвѣчали, что посланныхъ съ ними царевичъ вернулъ обратно, въ виду распущеннаго Карганомъ слуха, что они будутъ схвачены и отправлены въ Сибирь. Они добавили при этомъ, что царевичъ недоволенъ Карганомъ за то, что онъ передалъ ему не всѣ деньги, посланныя генералъ-маіоромъ Дельпоццо, и что значительную часть ихъ онъ промоталъ. Черезъ три дня явился къ Ртищеву бѣжавшій изъ свиты Александра имеретинскій дворянинъ

[1]) Во всеподд. донесеніи 3-го сентября 1816 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. V, № 473.

Семенъ Мачаваріани и представилъ ему рапортъ Карганова. Послѣдній доносилъ, что онъ находится подъ строгимъ арестомъ у анцухскихъ лезгинъ за то будто бы, что писалъ правителю канцеляріи главнокомандующаго Могилевскому о нечистосердечіи, коварствѣ и намѣреніи царевича пробраться въ Персію тайными путями. По словамъ Карганова, письмо это онъ передалъ своему товарищу Мадатову, а тотъ представилъ его Александру и тѣмъ навлекъ на него гнѣвъ царевича. На самомъ дѣлѣ Александръ былъ недоволенъ и возмущенъ тѣмъ, что Каргановъ утаилъ часть денегъ, присланныхъ ему отъ русскаго правительства, о чемъ и сообщилъ Дельпоццо.

«Нынѣ долгомъ себѣ поставляю симъ объяснить, писалъ царевичъ генералъ-маіору Дельпоццо [1]), всѣ мои обстоятельства съ самаго начала и до днесь».

«Въ 1815 году получилъ я письмо отъ главнокомандующаго въ Грузіи, г. Ртищева, коимъ приглашалъ онъ меня вступить въ покровительство великаго монарха, всегда мною желаемое душевно. Въ отвѣтъ на письмо Ртищева отправилъ я къ нему вѣрнаго мнѣ дворянина Георгія Бастамова съ объявленіемъ того желанія моего, дабы удостовѣриться въ условіи, на какомъ можно-бъ было мнѣ выѣхать въ Россію, но Ртищевъ на то ничего не отвѣчалъ и дворянина того къ высочайшему двору не пропустилъ съ просьбою моею на имя Государя Императора и съ письмомъ къ гр. Нессельроде. Вѣрный оный Бастамовъ, увидя себя въ такомъ положеніи, искалъ способа какъ нибудь просьбу мою доставить въ С.-Петербургъ гр. Нессельроде. Въ семъ случаѣ нашелъ онъ Ивана Карганова, отправлявшагося въ Петербургъ, и далъ ему тѣ просьбы мои съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ ихъ къ гр. Нессельроде и испросилъ бы позволенія ему, Бастамову, мною уполномоченному, пріѣхать туда же, а до пріѣзда его Карганову быть въ Петербургѣ. Напротивъ того, Каргановъ *выдумалъ отъ себя разныя пустыя слова* и объявилъ ихъ министру гр. Нессельроде отъ моего имени. Увѣряю ваше превосходительство, что Каргановъ отъ меня *ни слова не слыхалъ и никакого дѣла*

---

[1]) Отъ 9-го сентября 1816 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—13, 1806—1837, № 10.

я ему не поручалъ, да и въ глаза его не видывалъ, а уполномоченъ мною во всемъ Бастамовъ, а не Каргановъ.

«Нынѣ же какъ открылись *непозволительные его поступки,* я хотѣлъ наказать его за оные достойно, но изъ уваженія къ высочайшему двору, яко посланнаго къ оному, не наказалъ; однако отрѣшилъ его отъ всѣхъ дѣлъ моихъ и лишилъ довѣренности, почему и васъ покорнѣйше прошу также съ нимъ поступить, а притомъ и написать гр. Нессельроде, чтобы онъ также его отрѣшилъ и не имѣлъ бы къ нему никакого довѣрія, ибо Каргановъ не только *отъ дѣлъ нашихъ исключенія достоинъ, но и отъ службы государевой.*

«Нынѣ, имѣя письма Государя Императора и гр. Нессельроде, я совсѣмъ готовъ выѣхать въ Россію, только ожидаю оставшихся въ Персіи людей моей свиты, послать за коими просилъ я позволенія Ртищева и, получивъ оное, отправилъ за ними моего человѣка, коего вскорѣ сюда ожидаю съ ними. Сверхъ сего, желая оказать усердіе мое, привлекъ стараніемъ моимъ всѣхъ анцухцевъ къ добровольному повиновенію Государю Императору, какъ прежде они повиновались царямъ грузинскимъ. Они писали письмо Ртищеву, а другое къ вашему превосходительству на случай буде г. Ртищевъ не уважитъ письма ихъ, то чтобъ вы представили его куда слѣдуетъ. Кромѣ того, если благоугодно будетъ Государю Императору дать мнѣ волю и способъ, то могу и весь Дагестанъ привесть къ добровольному повиновенію Государю Императору.»

Это письмо царевича и заявленіе Мачаваріани, что Бастамовъ и Мадатовъ на животворящемъ крестѣ, носимомъ Александромъ на шеѣ, присягали служить ему вѣрно, убѣдили Ртищева, что они люди подозрительные, точно такъ же, какъ и Каргановъ. Устроивъ за ними секретный надзоръ, главнокомандующій скоро узналъ, что Бастамовъ и Мадатовъ были подосланы развѣдать: 1) сохранятся-ли мирныя отношенія Россіи съ Персіею; 2) извѣстно-ли главнокомандующему, что персидское правительство прислало царевичу тысячу червонцевъ для расплаты съ анцухцами, и 3) выманить у русскаго правительства еще тысячу червонцевъ, которые было поручено Бастамову выпросить у генералъ-маіора Дельпоццо.

По полученіи всѣхъ этихъ свѣдѣній, Ртищевъ принялъ мѣры,

чтобы Александръ не могъ пробраться въ Персію, и писалъ анцухцамъ, что они тогда только могутъ разсчитывать на прощеніе, когда убѣдятъ царевича ѣхать въ Кизляръ; но если они его упустятъ, то сила русскаго оружія превратитъ въ прахъ ихъ жилища и покорастъ ихъ самихъ и ихъ семейства [1]). Тѣмъ не менѣе царевичъ не ѣхалъ въ Кизляръ и писалъ генералъ-маіору Дельпоццо, что причиною тому ожиданіе прибытія въ Грузію назначеннаго вмѣсто Ртищева новаго главнокомандующаго, генералъ-лейтенанта Ермолова.

IX.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ при назначеніи его на Кавказъ.

Находясь въ отпуску и живя въ г. Орлѣ съ родными, А. П. Ермоловъ въ концѣ апрѣля 1816 года получилъ приказаніе прибыть въ Петербургъ, гдѣ ему было объявлено желаніе Государя назначить его главнокомандующимъ на Кавказъ и чрезвычайнымъ посломъ въ Персію [2]). Не безъ удовольствія и улыбки принято было имъ это извѣстіе: онъ видѣлъ въ немъ удовлетвореніе своего самолюбія.

— Я бы не повѣрилъ,—говорилъ ему при свиданіи императоръ Александръ I,—что ты можешь желать этого назначенія, если бы не предстали свидѣтели: графъ Аракчеевъ и князь Волконскій, ручавшіеся, что оно согласно съ твоимъ намѣреніемъ.

И правда, Алексѣй Петровичъ доволенъ былъ, какъ нельзя болѣе, такимъ вниманіемъ къ нему императора. Онъ призванъ быть руководителемъ въ той странѣ, къ которой такъ давно стремились всѣ его желанія, прежде всякой надежды на возможность ихъ осуществленія. Онъ тамъ, гдѣ, не смотря на всѣ трудности, «на недостатокъ познанія о землѣ, на предметы многоразличные» и для него совершенно новые, онъ видѣлъ все-таки, что при усердіи и доброй

---

[1]) Всеподд. рапортъ Ртищева 28-го сентября 1816 года. Ак. Кав. Арх. Ком., т. V, № 474.

[2]) Дневникъ Ермолова. См. «Русскій Вѣстникъ» 1863 г., № 10, стр. 642.

волѣ, могъ быть полезнымъ для горячо-любимаго имъ отечества и народа, ввѣреннаго его управленію.

«Слѣдовательно, достигъ я моей цѣли!»—писалъ Ермоловъ вскорѣ послѣ назначенія [1]). «Доселѣ, большею частію, праздная жизнь, и въ продолженіе лишь войны кратковременная дѣятельность не удовлетворяли моей наклонности; теперь обширное поле!.. Могъ ли я предвидѣть, что таково будетъ по службѣ моей назначеніе?

«Если доселѣ я иду путемъ не совсѣмъ обыкновеннымъ, то передъ тѣмъ же счастіемъ долженъ стать я на колѣни, на которое и теперь я полагаю мою надежду. Я знаю, какъ ты меня любишь и сколько пріятно тебѣ находить во мнѣ что-нибудь добраго. Прошу тебя, какъ друга, убѣдиться истиною того, что я тебѣ говорю, и отнюдь, какъ всегда ты дѣлаешь, не относить дѣйствія простаго счастія къ другимъ достойнѣйшимъ причинамъ. Повѣрь лучше мнѣ въ семъ случаѣ. Нѣтъ моей выгоды, собственно о себѣ дѣлать каждому подобное признаніе, но тебѣ, какъ другу, сказалъ я правду, и ты самъ то долженъ видѣть, знавъ меня съ самыхъ дней моей молодости».

На тридцать девятомъ году отъ рода, въ лучшую пору дѣятель-

---

[1]) А. В. Казадаеву 18-го ноября 1816 года и 17-го апрѣля 1817 года.—Александръ Васильевичъ Казадаевъ, очень немногимъ старше Ермолова, былъ искреннимъ и задушевнымъ его другомъ. А. В. былъ адъютантомъ графа Платона Александровича Зубова, потомъ перешелъ въ артиллерію, числился въ 5-мъ артиллерійскомъ баталіонѣ и исполнялъ при инспекторѣ артиллеріи должность, схожую съ недавно-бывшими дежурными штабъ-офицерами. Въ 1803 году онъ вышелъ въ отставку въ чинѣ полковника, но потомъ снова поступилъ на службу и былъ назначенъ директоромъ горнаго корпуса, которымъ и управлялъ до 1814 года. Затѣмъ онъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 1-го департамента сената, а послѣ смерти статсъ-секретаря Кикина поступилъ въ комиссію прошеній. По порученію Александра I, Казадаевъ занимался составленіемъ записки и проекта о воспитаніи дѣтей; но трудъ этотъ былъ оконченъ послѣ смерти государя и представленъ уже Императору Николаю I. Назначенный, подъ конецъ своей служебной дѣятельности, сенаторомъ, А. В. былъ управляющимъ департаментомъ податей и сборовъ, а въ 1828 году вышелъ въ отставку. До самой смерти Казадаева, послѣдовавшей въ 1854 году, друзья вели между собою откровенную переписку, хорошо обрисовывающую характеры обоихъ лицъ. Изъ этой переписки, собраніе писемъ Ермолова переданы мнѣ сыномъ Александра Васильевича, въ настоящее время тоже покойнымъ Петромъ Александровичемъ Казадаевымъ.

ности человѣка, вдали отъ преслѣдованія враговъ и завистниковъ, Ермоловъ надѣялся и имѣлъ случай развернуть свои силы и свою самостоятельность.

Не безъ злой иронiи вспомнилъ теперь Алексѣй Петровичъ о всѣхъ препятствiяхъ и неудачахъ по службѣ, не безъ ѣдкаго сарказма смотрѣлъ онъ на лица, передъ тѣмъ предслѣдовавшiя его, а теперь заискивавшiя его вниманiя. Но неудачи по службѣ были школою для характера и опытности, а прошлая жизнь неминуемо должна была отразиться и руководить будущею его дѣятельностью.

Алексѣй Петровичъ родился въ Москвѣ 24-го мая 1777 года [1]).

Отецъ его, Петръ Алексѣевичъ, стодушный помѣщикъ Орловской губернiи, служилъ по гражданской службѣ и пользовался уваженiемъ за свой умъ, прямоту души и многостороннiя свѣдѣнiя. Пройдя послѣдовательно многiя должности гражданской служебной iерархiи, онъ былъ предсѣдателемъ гражданской палаты и затѣмъ, въ послѣднiе годы царствованiя Императрицы Екатерины, управлялъ канцелярiею графа Самойлова. Родной племянникъ князя Потемкина-Таврическаго, графъ Самойловъ былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ, въ рукахъ котораго, по тогдашнему времени, соединена была почти вся администрацiя внутренняго гражданскаго управленiя государства.

Мать Алексѣя Петровича, Марiя Денисовна Давыдова, родная тетка партизана-поэта, была въ первомъ бракѣ за Каховскимъ, отъ котораго и имѣла одного сына, Александра Михайловича. Марiя Денисовна была женщина очень умная, отличавшаяся остротою и удачно-язвительною рѣзкостью выраженiй. Оба сына ея «какъ бы всосали эту способность съ молокомъ матери, которая, по выраженiю одного

[1]) Въ статьѣ В. Ѳ. Ратча: «Свѣдѣнiя объ Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ» сказано, что онъ родился въ 1776 году. Это невѣрно. Вотъ что писалъ старикъ отецъ Ермолова Казадаеву, посылая послѣднему портретъ своего сына: «Я увѣренъ, что вы берете, по дружбѣ вашей къ сыну моему, участiе во всемъ относящемся къ нему, то и принимаю поздравленiе ваше съ живѣйшимъ чувствомъ благодарности. Милостивый Богъ сохранилъ мнѣ его въ сiю жестокую войну къ утѣшенiю старости, а государь наградилъ по щедротамъ, сроднымъ сему великому во человѣцехъ. Богъ и государь возвели его на такую степень, и я согласенъ съ вами, что онъ и мы щастливы... Послѣднее желанiе ваше обязанностiю считаю выполнить: другъ вашъ родился 1777 года мая 24-го... (Отъ 13-го мая 1814 года).

близкаго ея знакомаго, до глубокой старости была «бичомъ всѣхъ гордецовъ, взяточниковъ, пролазовъ и дураковъ всякаго рода, занимавшихъ почетныя мѣста въ провинціальномъ мірѣ» [1]).

Какъ всѣ богатые и небогатые дворяне того времени, А. П. Ермоловъ получилъ первое образованіе отъ дворового служителя, по имени Алексѣя. Водя по букварю рѣзною указкою, росписанною синими чернилами, Алексѣй училъ маленькаго своего тезку грамотѣ.

Занятый службою, отецъ Ермолова не имѣлъ времени самъ заниматься съ сыномъ, а нанять для него свѣдущаго учителя не было средствъ: такіе учители въ то время были очень дороги. Свое участіе въ дѣлѣ воспитанія сына старикъ ограничилъ тѣмъ, что съ самаго малолѣтства внушалъ ему служить со всевозможнымъ усердіемъ и ревностію. «Твердилъ я также ему—писалъ, впослѣдствіи, Петръ Алексѣевичъ [2])—что когда требуетъ государь и отечество службы, служить не щадя ничего, не ожидая награды, ибо наша обязанность только служить».

— Бѣдное состояніе семьи моей—говорилъ Алексѣй Петровичъ—не допустило дать мнѣ нужное воспитаніе. Подобно отцу моему, поздно я обратилъ вниманіе къ службѣ моей и усердію. Впослѣдствіи доставили они мнѣ нѣкоторые способы, но уже вознаградить недостатка знаній, а потому и способности, не было времени [3]).

Первоначальное свое образованіе молодой Ермоловъ получилъ въ чужихъ домахъ. Сначала онъ жилъ въ домѣ своего родственника, орловскаго намѣстника Щербинина, а потомъ въ домѣ Левина. Тогдашніе намѣстники, выбираемые самою императрицею, знавшею хорошо ихъ способности и нравственныя качества, пользовались неограниченною довѣренностію Екатерины. Эта довѣренность увеличивала гордость не только самихъ намѣстниковъ, но и ихъ родственниковъ, а главное родственницъ. Хотя въ чужой семьѣ и мало обращали вниманія на воспитаніе Алексѣя Петровича, однако смѣтливый мальчикъ привыкъ смотрѣть на людей глазами его окружающихъ и въ него незамѣтно вкрались гордость и сознаніе собственнаго достоинства.

---

[1]) «Артил. Журналъ» 1861 года, № 11.

[2]) А. В. Казадаеву 4-го января 1814 года. Собр. писемъ Казадаева.

[3]) Изъ письма А. П. Ермолова Казадаеву 17-го апрѣля 1817 года. Ibid.

Неопредѣленность положенія Ермолова среди родственниковъ заставила отца его отправить сына въ Москву, въ университетскій благородный пансіонъ, гдѣ онъ и былъ сданъ на руки профессору Ивану Андреевичу Гейму.

Москва была въ то время то же самое, что за семьдесятъ лѣтъ до пріѣзда Ермолова, а пожалуй то же самое, что и теперь: село отставныхъ всякаго рода придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ лицъ. Древняя русская столица, по выраженію Алексѣя Петровича, была гостепріимна и обжорлива. Длиннымъ обѣдамъ не было конца, и они бывали такъ часто, что многіе не знали домашнихъ хлопотъ объ этомъ, не знали другихъ обѣдовъ кромѣ званыхъ. На такихъ пирахъ Москва все критиковала: дворъ, правительство, бранила прежде всего Петербургъ, а сама смотрѣла на него съ завистью и соблюдала на обѣдахъ чинопочитаніе болѣе, чѣмъ «*въ австрійскихъ войскахъ*». Шампанское подавалось гостямъ только до извѣстнаго ранга: въ одномъ домѣ угощали имъ только превосходительныхъ, въ другомъ, гдѣ хозяинъ былъ побогаче, этой чести удостоивались чины высокоблагородные и ассессорскіе. Младшіе не обижались такимъ предпочтеніемъ и, смотря на шипучее вино, скромно ожидали... производства въ чинъ, дававшій право на полученіе шампанскаго.

— Москва не годится въ главнокомандующіе, говаривалъ Алексѣй Петровичъ: она перепутаетъ всякое приказаніе; я никогда не спрашиваю, что говорятъ въ городѣ, а что врутъ въ городѣ. За то московскія басни правдивѣе петербургской правды, какъ Вальтеръ-Скотъ, въ своихъ романахъ, рисуетъ лучше средніе вѣка, чѣмъ многіе историки [1]).

Москва всегда была русскимъ городомъ, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Она была средоточіемъ почти всего аристократическаго общества русскаго дворянства. При Екатеринѣ II, русское дворянство стало самостоятельною и сильною опорою государства. Геніальная женщина, сумѣвшая изъ нѣмки по рожденію сдѣлаться въ душѣ русскою императрицею, сумѣла также внушить и своимъ подданнымъ горячую любовь къ своему отечеству и полную готов-

[1]) Свѣдѣнія объ А. П. Ермоловѣ. Статья Ратча. «Арт. Журн.» 1861 года, № 11.

ность пожертвовать для него всѣмъ своимъ достояніемъ. Она блистательно и мастерски умѣла свои успѣхи и славу сдѣлать общимъ достояніемъ славы русскаго народа, и тѣмъ развила народную гордость.

«Блистательное царствованіе Екатерины, рядъ побѣдъ, обширныя завоеванія, значеніе Россіи во всѣхъ дѣлахъ Европы, безгранично развивали нашу народную гордость. Покушеніе на могущество Россіи всякій считалъ бы личною для себя обидою».

Эта священная любовь къ родинѣ отражалась на всѣхъ питомцахъ екатерининскаго вѣка, отражалась и на подростающемъ поколѣніи. Русское юношество хотя и было мало образовано, но, тѣмъ не менѣе, охотно несло свои знанія на пользу любимаго отечества. Что же касается до образованія, то оно, находясь на низкой степени, въ послѣдніе годы царствованія Екатерины приняло еще болѣе ложное направленіе, отъ нашествія въ Россію иностранцевъ и въ особенности французовъ, сначала въ видѣ парикмахеровъ, содержателей модныхъ лавокъ и увеселительныхъ заведеній всякаго рода, а потомъ абатовъ и разорившихся дворянъ, бѣжавшихъ отъ революціи.

Изъ всѣхъ этихъ выходцевъ было немного такихъ, которыхъ нельзя было назвать шарлатанами или невѣждами; но не смотря на то, кому не везло по торговой части, тотъ брался за воспитаніе русскаго юношества и искалъ мѣста учителя.

«Шарлатаны учили взрослыхъ—разсказывалъ впослѣдствіи Ермоловъ—выдавая себя за жрецовъ мистическихъ таинствъ; невѣжды учили дѣтей, и всѣ достигали цѣли, т. е. скоро добывали деньги. Между учителями были такіе, которые, стоя передъ картою Европы, говорили: Paris, capitale de la France... cherchez, mes enfans! потому что самъ наставникъ не сумѣлъ бы сразу ткнуть въ него пальцемъ [1])».

При такихъ обстоятельствахъ, не успѣхи и познанія опредѣляли окончаніе воспитанія, а возрастъ молодаго питомца. Кто желалъ прослыть образованнымъ и даже ученымъ, тотъ съ четырнадцатилѣтняго возраста садился за энциклопедистовъ и ограничивался громкимъ заявленіемъ, что прочелъ Вольтера и Руссо.

Вотъ въ какихъ условіяхъ къ дѣлу воспитанія находился молодой Ермоловъ. Онъ вынесъ изъ него намѣстническую гордость, непод-

---

[1]) Арт. Журн. 1861 г. № 11.

купную любовь къ родинѣ и взглядъ истинно-русскаго человѣка—какимъ было тогда дворянство, а гостепріимная Москва сдѣлала его хлѣбосоломъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, укоренила въ немъ критическій взглядъ, острое слово и ѣдкую насмѣшку надъ людьми, стоявшими ниже его по образованію.

Съ этими качествами Алексѣй Петровичъ явился въ Петербургъ въ чинѣ сержанта Преображенскаго полка. Поступивъ на дѣйствительную службу, Ермоловъ, по своимъ матеріальнымъ средствамъ, не въ силахъ былъ тянуться за прочими гвардейскими офицерами, державшими экипажъ и огромное количество прислуги. Пятнадцатилѣтній юноша сталъ искать для себя другаго рода службы. Судьба привела первую служебную дѣятельность Алексѣя Петровича связать съ тѣмъ полкомъ, слава котораго гремѣла впослѣдствіи на Кавказѣ въ теченіе полустолѣтія. 1-го января 1791 года Ермоловъ былъ выпущенъ капитаномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, шефомъ котораго былъ графъ Самойловъ. Ермоловъ тотчасъ же отправился въ Молдавію, гдѣ стоялъ тогда полкъ, командиромъ котораго былъ двадцатилѣтній родной племянникъ графа Самойлова, Н. Н. Раевскій, одинъ изъ знаменитыхъ дѣятелей 1812 года.

Въ бытность свою въ полку, Алексѣй Петровичъ ближе познакомился съ артиллеріею. При полку находились полковыя пушки, имѣвшія спеціальное назначеніе стрѣлять при осушеніи бокаловъ. Раевскій, стараясь дать имъ лучшее назначеніе, ввелъ нѣкоторыя усовершенствованія: передѣлалъ лафеты и перемѣнилъ разсчетъ прислуги. За всѣмъ этимъ Ермоловъ тщательно слѣдилъ, и едва только сталъ привыкать къ фронтовой службѣ, какъ былъ вызванъ опять въ Петербургъ, по случаю назначенія его флигель-адъютантомъ къ графу Самойлову.

Петербургъ снова принялъ съ распростертыми объятіями молодаго и красиваго адъютанта. Одаренный отъ природы необыкновенною физическою силою, крѣпкимъ здоровьемъ и замѣчательнымъ ростомъ, Ермоловъ своею красивою наружностью обращалъ на себя вниманіе многихъ. Его большая голова, съ лежащими въ безпорядкѣ волосами, маленькія, но проницательные и быстрые глаза, дѣлали его похожимъ на льва. Взглядъ его, въ особенности во время гнѣва, былъ не-

обыкновенно суровъ. Горцы говорили впослѣдствіи о Ермоловѣ, что горы дрожатъ отъ его гнѣва, а взоръ его разсѣкаетъ какъ молнія.

Острыя шутки шестнадцатилѣтняго юноши, его мнѣнія, часто противорѣчившія большинству сужденій, повторялись какъ выраженія молодаго оригинала. Между тѣмъ, оригиналъ этотъ присматривался къ окружавшимъ его лицамъ. Какъ человѣкъ домашній у графа Самойлова, Алексѣй Петровичъ былъ членомъ высшаго петербургскаго общества, и по утрамъ слышалъ откровенные отзывы о тѣхъ лицахъ, которыя по вечерамъ наполняли залу Самойлова.

Смотря на все, такъ сказать, сверху, Ермоловъ привыкъ понимать предметы шире и глубже, чѣмъ понимали ихъ другіе, и эта ширина взгляда дала ему нравственное превосходство надъ многими. Сознавая свои силы, Ермоловъ, сдѣлавшись непомѣрно-честолюбивъ и упрямъ, сталъ открыто относиться къ нѣкоторымъ съ ѣдкимъ сарказмомъ, ироніею и насмѣшками, что и послужило первымъ шагомъ перасположенія къ нему многихъ лицъ. Остроты, которыми Алексѣй Петровичъ осыпалъ нѣмцевъ, переходили изъ устъ въ уста и, конечно, не нравились многимъ.

Къ счастью для самого Ермолова, жажда къ занятіямъ не дозволила ему предаться исключительно праздной свѣтской жизни и удовольствіямъ. Занятія военными науками привели его къ артиллерійскому шляхетному корпусу, обладавшему болѣе другихъ заведеній научными средствами. Пожертвовавъ своимъ адъютантствомъ, Ермоловъ просилъ графа Самойлова о зачисленіи его въ артиллерію. Переименованный въ капитаны 2-го бомбардирскаго баталіона, онъ былъ, 9-го октября 1793 года, зачисленъ въ артиллерійскій шляхетный корпусъ, гдѣ и принялся съ полнымъ жаромъ за изученіе военныхъ наукъ.

Возстаніе въ Польшѣ, въ слѣдующемъ году, отозвало его отъ ученыхъ занятій, и Алексѣй Петровичъ торопился на поле брани. Сдѣлавъ всю кампанію и будучи награжденъ орденомъ св. Георгія за штурмъ Праги, Ермоловъ въ слѣдующемъ году былъ отправленъ за-границу въ Италію, гдѣ, прикомандированный къ главной квартирѣ австрійскаго главнокомандующаго, былъ участникомъ войны австрійцевъ съ французами. Едва только онъ успѣлъ вернуться въ

Россію, какъ въ 1796 году принялъ участіе въ персидскомъ походѣ графа Валеріана Зубова.

Замѣчательныя способности дали ему всѣ средства къ тому, чтобы пріобрѣсти всѣ качества отличнаго воина.

Начавши службу такъ удачно и успѣвъ уже командовать отдѣльною частью, Алексѣй Петровичъ съ шестнадцати лѣтъ пріобрѣлъ самостоятельность и репутацію, которыя сулили ему блестящую будущность. Но обстоятельства временно сложились нѣсколько иначе.

Смоленскій губернаторъ сдѣлалъ доносъ на брата его по матери, Каховскаго. Тотъ былъ взятъ, а вмѣстѣ съ нимъ былъ взятъ Ермоловъ и отвезенъ въ Калугу.

«Ты зналъ брата моего—писалъ по этому дѣлу Алексѣй Петровичъ[1])—онъ впалъ въ какое-то преступленіе; трудно вѣрить мнѣ какъ брату, но я самимъ Богомъ свидѣтельствуюсь, что преступленіе его мнѣ неизвѣстно! Бумаги его были взяты и въ томъ числѣ найдено и мое письмо, два года назадъ писанное, признаюсь, что дерзкое нѣсколько, но злоумышленія и коварства въ себѣ нескрывающее. Я былъ взятъ къ отвѣту въ Калугу, къ генералу Линденеру, и пока ѣхалъ я туда, былъ уже я, въ продолженіе того времени, прощенъ и Линденеромъ возвращена была мнѣ шпага и объявлено всемилостивѣйшее государя прощеніе» [2]).

Пылкій, честолюбивый и самонадѣянный молодой офицеръ, пріобрѣвшій уже нѣкоторую самостоятельность и незнавшій за собою никакой вины, считалъ себя оскорбленнымъ. Онъ потребовалъ отъ Линденера объясненія причины такого съ нимъ поступка, просилъ чтобы ему объяснили: за что онъ былъ взятъ и почему теперь прощенъ? Этого было достаточно, чтобы сдѣлать Ермолова окончательно политическимъ преступникомъ. Отпустивъ его обратно, Линденеръ секретно донесъ о Ермоловѣ, какъ о человѣкѣ неблагонамѣренномъ.

«Я обратно прибылъ въ баталіонъ[3])—продолжаетъ Алексѣй Пе-

---

[1]) А. В. Казадаеву отъ 9-го іюля 1799 года, изъ Костромы.

[2]) У М. П. Погодина, въ статьѣ его «А. П. Ермоловъ», обстоятельство это описано иначе (см. «Русскій Вѣстникъ» 1863 года, № 8, стр. 679), но я останавливаюсь на показаніяхъ самого Ермолова.

[3]) Иванова, изъ котораго впослѣдствіи былъ сформированъ 4-й артилерійскій полкъ.

тровичъ въ томъ же письмѣ—питая въ душѣ моей чистѣйшія чувства благодарности къ нашему монарху. Но недолго, любезный другъ, былъ я счастливъ: въ другой разъ присланъ былъ за мною курьеръ и я отправился въ Петербургъ, однако же имѣя добрую надежду, ибо я ни арестованъ, ни выключенъ не былъ, и льстился счастіемъ быть представленнымъ государю. Не таковы были слѣдствія моей надежды. Я вмѣсто (того, чтобы) быть представленнымъ государю, посаженъ былъ въ Петропавловскую крѣпость и оттуда препровожденъ въ Кострому, гдѣ уже полгода болѣе живу!.. Такъ, любезнѣйшій другъ, палъ жребій судьбы на меня, и въ моей волѣ осталось лишь только терпѣливо сносить ея жестокости.»

Въ Костромѣ онъ нашелъ другаго изгнанника, Платова, впослѣдствіи графа и знаменитаго атамана войска Донскаго.

Жизнь въ ссылкѣ оставила тяжелое воспоминаніе у Алексѣя Петровича. Онъ былъ исключенъ изъ службы; у него не было защитниковъ, которые могли бы облегчить его участь; всѣ средства къ выходу изъ такого положенія пресѣклись вмѣстѣ съ утратою свободы. Отдаленный отъ родныхъ, онъ потерялъ изъ виду брата своего (Каховскаго), объ участи котораго не только ничего не зналъ, но не имѣлъ даже свѣдѣнія о его мѣстопребываніи. Бывшіе друзья и пріятели всѣ сразу отреклись отъ Ермолова; къ кому ни писалъ онъ, всѣ молчали и никто изъ нихъ не рѣшался отвѣтить. Одинъ только изъ всѣхъ его друзей продолжалъ съ нимъ переписку и облегчалъ страданія заключеннаго: это былъ Александръ Васильевичъ Казадаевъ.

«Теперь и самое здоровье мое, отъ чрезвычайной скорби, ослабѣваетъ, писалъ ему Алексѣй Петровичъ; исчезаютъ способности, существованіе меня отягощаетъ, лишь обязанность къ роднымъ моимъ обращаетъ меня къ должности христіанина. Живу я здѣсь совершенно какъ монахъ, отдаленъ отъ общества, питаю скорбь мою въ уединеніи.»

Онъ умолялъ своего друга продолжать писать, облегчать его участь и не презирать тѣмъ состояніемъ, въ которомъ онъ находился [1]).

---

[1]) Письмо его А. В. Казадаеву 21-го сентября 1799 года.

Человѣку съ такою энергіею и жаждою къ дѣятельности, какая была у Ермолова, трудно было свыкнуться съ тогдашнимъ положеніемъ, а еще тяжелѣе было сознать его самолюбію, что, оставленный всѣми, онъ долженъ былъ искать къ себѣ сочувствія. Будучи гордъ и самолюбивъ, Алексѣй Петровичъ долгое время, даже и въ несчастіи, не рѣшался пускаться въ искательства.

«Долго думалъ я, пишетъ онъ [1]), о твоемъ мнѣ совѣтѣ писать письма къ извѣстнымъ тебѣ особамъ [2]); но, кажется, слишкомъ я несчастливъ, чтобы могло это средство послужить въ пользу. Однако же, не взирая на всѣ предузнанія, должно все испытать, чтобы не упрекнуть себя послѣ. Ты началъ самъ дѣлать мнѣ сіе, мало если скажу я вспоможеніе, но милости; тебѣ одному предоставлено сіе усовершенствовать. Воспользуйся, любезный другъ, симъ вѣрнымъ случаемъ и напиши мнѣ обратно: нужно ли необходимо употребить въ дѣйствіе сіе единое средство? Ты можешь все писать безъ малѣйшаго сумнѣнія, и тогда примемся мы за дѣло. Или, можетъ быть, нужно уже будетъ имѣть терпѣніе; если и такъ, то вѣрь, что я много его имѣю и недостаткомъ онаго не можешь ты упрекнуть своего друга. Располагай по возможностямъ; я на одного тебя имѣю мою надежду и слишкомъ я тебя знаю, чтобы могъ сколько нибудь усумниться; я съ нетерпѣніемъ ожидаю твоего отвѣта. Сдѣлай мнѣ сіе удовольствіе, которое одно я имѣю; не лиши меня онаго и вѣрь, что я полную цѣну ему дать умѣю» [3]).

Такое неутѣшительное положеніе Ермолова продолжалось три года. Отъ нечего дѣлать, онъ принялся за изученіе латинскаго языка, а впослѣдствіи сталъ учиться играть на кларнетѣ. Познакомившись съ протоіереемъ Груздевымъ, онъ бралъ у него уроки латинскаго языка, читалъ и переводилъ Юлія Цезаря. Такъ проводилъ онъ время,

---

[1]) А. В. Казадаеву 30-го ноября 1799 г.

[2]) Не Кутайсову ли? Казадаевъ и Кутайсовъ оба были женаты на Рѣзвыхъ.

[3]) На стр. 680 «Русскаго Вѣстника» 1863 года № 8 Погодинъ говоритъ, что Ермоловъ на отрѣзъ отказался писать письма, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это было не такъ. Очевидно, что, разсказывая впослѣдствіи, А. П. хотѣлъ замаскировать свои дѣйствія и выставить рельефнѣе свой характеръ. При этомъ должно замѣтить, что генералъ Ламбъ не былъ женатъ на Рѣзвой, какъ сказано на той же стр. «Русскаго Вѣстника».

не видя никакого исхода въ своемъ положеніи. Со смертію Императора Павла I, въ первый день восшествія своего на престолъ, Александръ I приказалъ освободить всѣхъ лицъ, замѣшанныхъ по дѣлу Каховскаго. Въ числѣ освобожденныхъ былъ и Алексѣй Петровичъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, но уже совершенно чуждый и незнакомый петербургскому обществу, среди котораго появились новые люди и новые интересы. Будучи прежде того вхожъ въ домъ В. И. Ламба, бывшаго теперь президентомъ военной коллегіи [1]), Ермоловъ обратился прежде всего къ нему. Генералъ Ламбъ, при всемъ уваженіи къ нему государя, первое время ничего не могъ сдѣлать въ пользу Ермолова. Около двухъ мѣсяцевъ Алексѣй Петровичъ ежедневно являлся въ военной коллегіи, «наскучивъ, какъ самъ выражался, всему міру секретарей и писцовъ.» Наконецъ, въ іюнѣ 1801 года, Ермоловъ былъ принятъ тѣмъ же чиномъ на службу въ 8-й артиллерійскій полкъ [2]) и получилъ роту, расположенную въ Вильнѣ.

Время, проведенное въ ссылкѣ, оставило свои слѣды, отразилось на характерѣ Алексѣя Петровича. Онъ сталъ сосредоточенъ, задумчивъ и привыкъ къ уединенію. «Я рѣдко или почти никогда веселъ не бываю, сижу одинъ дома», писалъ онъ впослѣдствіи своему другу

---

[1]) Должность, которая, съ образованіемъ министерствъ, возложена на военнаго министра.

[2]) Алексѣй Петровичъ въ своихъ запискахъ говоритъ (см. «Русскій Вѣстникъ» 1863 года, № 8, стр. 681): «мнѣ отказанъ чинъ, хотя принадлежащій мнѣ по справедливости; *отказано старшинство въ чинѣ, конечно не съ большею основательностію*». Послѣднее несправедливо, и сказано едва ли не ради краснаго словца. Вотъ подлинное письмо генерала Ламба о зачисленіи Ермолова на службу:

«Милостивый государь мой Алексѣй Ивановичъ (не Корсаковъ ли, бывшій инспекторомъ артиллеріи),—писалъ Ламбъ 6-го іюня 1801 г.—Я сегодня имѣлъ счастіе Государю Императору докладывать между прочимъ и о господинѣ Ермоловѣ. Не знаю, угодилъ ли я вамъ во всемъ, но что отъ меня зависѣло, то все я сдѣлалъ какъ добрый человѣкъ. Его Величеству угодно было повелѣть принять его въ службу въ 8-й артиллерійскій полкъ, но только тѣмъ же чиномъ. Какъ старшинство ни у кого не отнимается, то и нѣтъ сомнѣнія, чтобы не получилъ онъ слѣдующій чинъ при первомъ производствѣ, но до того времени надобно взять терпѣніе. Я еще увѣряю васъ, что я по истинѣ просилъ всеподданнѣйше о чинѣ, но высочайшаго соизволенія на то не было.»

Казадаеву [1]). «Я сыскалъ себѣ славнаго учителя на кларнетѣ и страшно надуваю и по-латыни упражняюсь.»

Нравственная борьба и испытаніе закалили его сильный характеръ и развили въ немъ необычайную силу воли. Человѣкъ, при склонностяхъ не совершенно дурныхъ, испытавшій несчастія, не могъ быть нечувствительнымъ къ нуждамъ другихъ. Имѣя отъ природы добрую душу и узнавъ на опытѣ всю беззащитность человѣка, неимѣющаго покровителей, Ермоловъ, до конца своихъ дней, остался лучшимъ ходатаемъ и защитникомъ своихъ подчиненныхъ. Онъ всегда хлопоталъ о томъ, чтобы представить службу ихъ въ истинномъ свѣтѣ и наградить по заслугамъ. Подчиненные находили въ Алексѣѣ Петровичѣ самаго ревностнаго, смѣлаго и правдиваго защитника своихъ правъ и достоинствъ.

«Ты не худо дѣлаешь, что иногда пишешь ко мнѣ, ибо я о заслугахъ другихъ всегда кричать умѣю»—писалъ онъ Денису Давыдову. Будучи еще подполковникомъ, командуя ротою, онъ поминутно проситъ то за фельдфебеля, то за рядоваго, принимаетъ мѣры къ улучшенію ихъ положенія и, сознаваясь самъ, что надоѣдаетъ своими просьбами, все-таки шлетъ и слѣдующее письмо съ просьбою о подчиненныхъ...

Вдали отъ Петербурга Ермоловъ жилъ весело, и, имѣя пріятную наружность, пользовался расположеніемъ многихъ особъ прекраснаго пола. Одна изъ мѣстныхъ дѣвицъ обращала на себя особенное вниманіе Алексѣя Петровича; но судьба не привела его вступить съ нею въ бракъ.

«Правда, она мнѣ нравится—писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ [2])—но это до 1-го апрѣля, ибо теперь совершенно дѣлать нечего, а тогда начнутся ученья и должно будетъ ими заняться...»

И дѣйствительно, мучимый мыслію о повышеніи въ чинахъ, онъ скоро забылъ о своихъ любовныхъ похожденіяхъ. Самолюбіе и честолюбіе его страдали. Алексѣй Петровичъ не могъ свыкнуться съ мыслію, что многіе, моложе его по службѣ, благодаря постигшему его несчастію, обошли его и стали старшими въ чинѣ, изъ подчи-

---

[1]) Отъ 12-го сентября 1802 г. изъ Вильны. Собраніе писемъ Казадаева.

[2]) Къ Казадаеву отъ 25 февраля.

нѣнныхъ и товарищей сдѣлались или могли сдѣлаться въ будущемъ его начальниками.

— «Что будетъ съ сверхкомплектными подполковниками? спрашивалъ онъ своего друга Казадаева,—сдѣлай милость объясни: будутъ ли они имѣть роты на капитанскомъ жалованьи или будутъ получать по чину».

Ермолова особенно безпокоило то, что, будучи маіоромъ, онъ былъ въ комплектѣ, а теперь, въ чинѣ подполковника, очутился сверхъ комплекта. Онъ просилъ выискать ему какую нибудь комиссію, въ которой можно бы было возвратить потери по службѣ, сдѣланныя по несчастію, «*а безъ того жестоко худо*», писалъ онъ. Вопросъ о старшинствѣ крайне безпокоилъ Алексѣя Петровича; онъ писалъ нѣсколько писемъ къ Казадаеву, прося его выслать ему списокъ старшинства. «Итакъ—писалъ онъ [1])—я теперь имѣю пустую выгоду быть первымъ подполковникомъ... Ей-Богу больно столько времени быть въ одномъ чинѣ, и служба, имѣющая для меня всѣ пріятности, иногда ихъ теряетъ... Боюсь только, чтобы ты мнѣ не упрекнулъ малодушіемъ, но кто служа не ищетъ протѣсниться сквозь кучу обѣжавшихъ?»

Не малодушіе, а, напротивъ того, честолюбіе понукало Ермолова выдти изъ такого положенія, и онъ, не имѣя въ виду ничего опредѣленнаго, бросался изъ стороны въ сторону. То хотѣлъ перейти въ инженеры и сопровождать генерала Анрепа на Іоническіе Острова, то хлопоталъ о переводѣ въ казаки. Словомъ, просилъ отправить его куда-нибудь, выискать для него *какой-нибудь подвигъ* съ тѣмъ, чтобы выдвинуть его по службѣ и произвести въ полковники, а «то заваляешься полуполковникомъ, писалъ онъ; русская пословица: не все хлыстомъ, иногда и свистомъ—вотъ мое правило съ давняго уже времени».

«Третья недѣля, пишетъ Ермоловъ [2]), какъ вижу я во снѣ безпрерывно, что очень недурно подъ какимъ-нибудь видомъ попасть въ конную казацкую артиллерію, подъ маскою достойнаго офицера, нужнаго для исправленія оной, а тамъ двѣ роты, и честолюбіе за-

[1]) Къ Казадаеву отъ 9-го февраля 1802 года.

[2]) Тоже, отъ 8-го марта, изъ Вильны

ставляетъ желать такимъ лестнымъ образомъ сдѣлаться надъ оными фельдцейхмейстеромъ. *Богатая мысль!* Донской атаманъ (Платовъ) мнѣ пріятель, по сходству нѣкогда нашего положенія; слѣдовательно, если кому быть тамъ, то мнѣ всѣхъ приличнѣе. Страшная охота испытать всѣ роды службы, на каждомъ шагу встрѣтиться съ счастіемъ и, вопреки самому себѣ, можетъ быть ни на одномъ не воспользоваться. Положимъ, что всѣ мои планы пустые, но однако же не невозможные; слѣдовательно, любезнѣйшій другъ, сохрани сіе про себя, а случая не пропускай. Я думаю, не найдется завидующихъ жизни на Дону; а мнѣ, какъ склонному къ уединенію человѣку, весьма прилично».

Хлопоты А. В. Казадаева о переводѣ Ермолова въ казачью артилерію не удались, и послѣдній очень сожалѣлъ объ этомъ. «Признаюсь тебѣ, писалъ онъ [1]), что я и въ запорожцы идти не отказался бы; едва-ли лестно служить теперь въ артиллеріи. Я желалъ бы ускользнуть, но не предвижу никакихъ возможностей, а еще менѣе людей къ тому способствовать могущихъ. Терпѣніе необходимо; можетъ быть, не будетъ ли современемъ случая употребить себя полезнѣе; надобно ожидать... Бывши первымъ или вторымъ въ моемъ чинѣ, еще на нѣсколько лѣтъ удалился я отъ производства. Какъ слышно, многіе изъ генераловъ останутся лишними, да сверхъ того милліоны полковниковъ; и такъ нѣтъ надежды, чтобы когда-либо что получить можно. Одно утѣшеніе то, что наши чины гораздо рѣже нежели генеральскіе».

Лихорадочное настроеніе Ермолова относительно производства было заглушено на нѣкоторое время хлопотами по службѣ. Алексѣй Петровичъ сталъ дѣятельно заниматься своею ротою, подготовляя ее къ смотру государя, проѣзжавшаго черезъ Вильну. Въ этотъ проѣздъ Императоръ Александръ I въ первый разъ обратилъ особенное вниманіе на Ермолова. Онъ остался исключительно доволенъ его ротою.

Всегда веселый, милостивый и привѣтливый, Императоръ Александръ очаровывалъ всѣхъ, къ кому обращался, и не было ни одного человѣка, кто бы не боготворилъ его. Онъ осматривалъ все, что было достойно его вниманія, и, не взирая на краткость пребыванія своего

---

[1]) Къ Казадаеву, отъ 14-го іюня, изъ Вильны.

въ Вильнѣ, успѣлъ посѣтить больницы, въ пользу которыхъ пожаловалъ деньги и деревни.

«Осматривалъ войска, Кацевича легіонъ и мою когорту, писалъ Ермоловъ [1]); изволилъ объявить мнѣ благоволеніе самъ лично, говорилъ со мною и два раза повторилъ: *очень доволенъ какъ скорою пальбою, такъ и проворствомъ движенія*. Приказалъ отмѣнить нѣкоторые маневры и изволилъ сказать, что о томъ прикажетъ Алексѣю Ивановичу (Корсакову?).—Генералъ-маіору Маркову, Псковскаго полка, пожаловалъ перстень. Кацевича баталіономъ, какъ всѣ единогласно говорятъ, былъ недоволенъ; мое ученье изволилъ смотрѣть около полутора часа, а его ни четверти, изъ котораго болѣе половины изволилъ говорить со мною. Кацевичу ничего (не пожаловалъ), и какъ мы въ одномъ мѣстѣ и я кажусь быть подъ его начальствомъ, то и мнѣ ничего—все возлагаютъ на него, а государь и послѣ изволилъ отозваться о конной артиллеріи милостиво. Государь встрѣченъ былъ съ восклицаніями; повсюду кричали «*ура!*» отрѣзали лошадей и везли на себѣ карету; на балѣ изволилъ быть до трехъ часовъ утра, очень веселъ, а сколько милостивъ—описать не въ состояніи».

Всякое извѣстіе о преобразованіи въ артиллеріи, часто ложный слухъ, пущенный о перемѣнѣ начальника, и тому подобныя извѣстія сильно безпокоили Алексѣя Петровича. Сознавая, что репутація его послѣ ссылки недостаточно еще окрѣпла, онъ страшился за свою будущность и смотрѣлъ на все довольно мрачными глазами. Руководимый этою идеею, онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ высказывалъ юношескую робость и даже ребяческую боязнь. Вотъ одинъ изъ подобныхъ случаевъ. Офицеръ его роты, нѣкто *К**, проигралъ 600 руб. казенныхъ денегъ. Ермоловъ тотчасъ же арестовалъ его, взыскалъ деньги съ выигравшихъ и, уступивъ просьбамъ, а главное, «избѣгая случая сдѣлать ему несчастіе, самъ собою испытавши, сколько тягостно переносить оное», онъ согласился не доносить о поступкѣ офицера. Написавъ своему начальнику частное письмо, Ермоловъ разсказалъ поступокъ *К** какъ онъ былъ и просилъ его перевести въ другую роту, какъ человѣка, возбуждающаго негодованіе сво-

[1]) А. В. Казадаеву отъ 16-го іюня.

ихъ товарищей. Совершенно неожиданно для всѣхъ, *К** былъ переведенъ, *по неспособности*, въ кизлярскую гарнизонную роту. Переведенный, будучи всегда атестованъ отлично, обидѣлся тѣмъ, что его назвали неспособнымъ, рѣшился признаться и раскрыть свой поступокъ. Вотъ тутъ-то и проявилась вся трусливая боязнь Ермолова. *К.* передастъ ему письмо и проситъ представить по командѣ. Алексѣй Петровичъ, по честности своихъ правилъ и убѣжденій, не въ силахъ былъ сдѣлать несправедливость и отказать офицеру въ принятіи письма, но боялся взысканія за сокрытіе преступленія. Онъ начинаетъ уговаривать *К** не подымать дѣла; представляетъ ему, что черезъ это ничего не выиграетъ, а можетъ лишиться чиновъ, но *К** остается непреклоненъ. Ермоловъ, по необходимости, принимаетъ письмо, но самъ не знаетъ какъ поступить съ нимъ. «Все оборвется на мнѣ, пишетъ онъ, для чего я скрылъ его преступленіе и тотчасъ не донесъ по командѣ. Хотя во времена кроткаго и милосерднаго государя нашего, чувствительность и добродушіе не поставляются конечно въ порокъ, но все я не буду правъ, что довольствовался однимъ арестомъ, а не предалъ его суду».

Послѣ долгихъ размышленій, онъ рѣшается отправить письмо *К**, при своемъ письмѣ, къ А. В. Казадаеву. Ермоловъ проситъ его протянуть свою руку помощи молодому офицеру, остановить переводъ его въ гарнизонъ, а перевести его въ какой нибудь другой баталіонъ. Ходатайствуя за офицера, онъ въ сущности ходатайствуетъ за себя, изъ желанія выгородить свою особу изъ непріятной исторіи. Алексѣй Петровичъ страшится за свою опрометчивость.

«Вотъ, любезный другъ, каково быть добросердечнымъ! Ищешь способовъ сдѣлать добро, радуешься сдѣлавъ оное, способствовать другимъ поставляешь то первымъ долгомъ и благополучіемъ, а въ награду обращается то самому во вредъ и наконецъ кончится тѣмъ, что самъ потерпишь и всего лишишься. *Страшно боюсь я хлопотъ; трехлѣтнее несчастіе сдѣлало меня робкимъ*».

Черезъ три дня Ермоловъ пишетъ новое письмо Казадаеву, въ которомъ ходатайствуетъ за *К** и проситъ выгородить какъ нибудь его отъ отвѣтственности. Онъ утѣшаетъ себя только мыслію, что поступокъ этотъ нарисуетъ его въ глазахъ каждаго человѣкомъ, елико возможно избѣгавшимъ дѣлать несчастіе другому. Такое бояз-

ливое состояніе Ермолова кончилось лишь тогда, когда *К** согласился не подымать о себѣ дѣла, взять обратно письмо и, смирившись, ѣхать въ кизлярскій гарнизонъ. Усмирился *К**—успокоился и Алексѣй Петровичъ, боявшійся вообще, чтобы, съ перемѣною обстоятельствъ, не перемѣнился и самый родъ его жизни; боявшійся, чтобы не пришлось ему выдти въ отставку, не смотря на всю привязанность къ службѣ.

«Съ давняго времени примѣчаю я, жаловался Ермоловъ [1]), что для меня все идетъ напротивъ... Что дѣлать! Безпрерывныя, случающіяся со мною перемѣны пріучили сносить ихъ, если не съ удовольствіемъ, по крайней мѣрѣ съ присутствіемъ нѣкотораго разсудка. Подождемъ послѣдствій, что они намъ покажутъ или, лучше сказать, посидимъ у моря и пождемъ погоды».

Погода эта, казалось, наставала; слухи о скорй войнѣ радовали Ермолова; онъ разсчитывалъ удвоить свое прилежаніе по службѣ, съ тѣмъ, чтобы, какъ выражается, *съ конца шпаги доставать потеренное* [2]).

Такъ или иначе, было ли то предчувствіе или нѣтъ, но Алексѣй Петровичъ въ послѣдующія кампаніи съ лихвою возвратилъ потерянное. Принимая непосредственное участіе во всѣхъ войнахъ, веденныхъ въ царствованіе Императора Александра противъ французовъ, Ермоловъ быстро шелъ впередъ и весьма скоро сталъ лично извѣстенъ государю. Самою блистательною дѣятельностью его, эпохою популярности и извѣстности, былъ, конечно, 1812 годъ. Въ этотъ годъ характеръ, способности и сила воли Алексѣя Петровича развернулись во всемъ величіи. Пройдя военную школу подъ руководствомъ Суворова, Кутузова, Барклая-де-Толи, имѣя отличное военное образованіе, здравый умъ, понимающій вещи сразу, увлекательный даръ слова и рыцарскую храбрость, Ермоловъ явился теперь на полѣ брани не ученикомъ, а учителемъ многихъ старшихъ его по службѣ.

Еще въ теченіе войны 1806 и 1807 годовъ, Алексѣй Петровичъ составилъ себѣ извѣстность храбраго и замѣчательнаго военнаго че-

---

[1]) Казадаеву, отъ 27-го апрѣля 1803 года.

[2]) Изъ письма Казадаеву, отъ 6-го апрѣля 1804 г., изъ Вильны.

ловѣка. Будучи тогда только полковникомъ, онъ пріобрѣлъ такую славу и самостоятельность, что одного удостовѣренія его было достаточно для полученія знаковъ ордена св. Георгія. Въ продолженіе этой войны, онъ, можно сказать, создалъ артиллерійскій строевой уставъ. Каждое дѣйствіе Алексѣя Петровича въ бою становилось потомъ тактическимъ правиломъ для артиллеріи; онъ далъ артиллеріи практическія правила построенія батарей, что до того времени составляло весьма слабую сторону артиллеріи [1]). Солдаты, смотря на роту Ермолова, выѣзжавшую на позицію, и на храбраго командира ея, бывшаго всегда впереди, говаривали: «напрасно французъ поретъ горячку, Ермоловъ за себя постоитъ». Не смотря на то, что Аракчеевъ былъ вначалѣ однимъ изъ враговъ Ермолова, послѣдній получилъ рескриптъ Императора Александра съ препровожденіемъ 1,000 рублей для раздачи нижнимъ чинамъ его роты. До него очень не многіе, въ чинѣ полковника, получали подобные рескрипты.

Въ такихъ случаяхъ своей жизни Ермоловъ находилъ нѣкоторый исходъ и удовлетвореніе своему необъятному честолюбію, которое заставляло его теперь хлопотать о пріобрѣтеніи общественнаго вліянія и народной извѣстности. Какъ человѣкъ недюжинный, выходившій изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ, онъ скоро достигъ того и другаго. Рѣдко упоминаемый въ реляціяхъ, онъ сумѣлъ, однако, сдѣлаться любимцемъ войска, кумиромъ молодыхъ офицеровъ и рыцаремъ безъ страха и упрека для народа. Никто не могъ воодушевить войска лучше Ермолова. Кутузовъ отдавалъ ему въ этомъ должную справедливость, любилъ его и видѣлъ въ немъ своего питомца. Однажды, окруженный своимъ штабомъ, Кутузовъ смотрѣлъ съ высоты на отступленіе французовъ. Глядя на Ермолова, какъ гнѣвъ небесный мчавшагося за непріятелемъ, на своемъ боевомъ конѣ, фельдмаршалъ не безъ удовольствія указалъ на него окружающимъ.

— Еще этому орлу я полета не даю, проговорилъ онъ.

Старикъ нѣсколько разъ повторялъ потомъ: «il vise au commandement des armées»—и это было безусловно справедливо.

Нѣкоторые видятъ въ поступкахъ Ермолова неестественность

---

[1]) В. Ратчъ. «Артиллерійскій Журналъ» 1861 года, № 1-й.

характера, хитрость, затаенную мысль и желаніе Алексѣя Петровича передать свое имя потомству. Правда, для пріобрѣтенія популярности въ войскѣ и между народомъ, случалось, что онъ кривилъ душою, совѣтовалъ, напримѣръ, защищать Москву и не отдавать ея непріятелю безъ боя, тогда какъ самъ хорошо видѣлъ, что драться подъ стѣнами ея нѣтъ никакой возможности; правда, онъ во многихъ случаяхъ поступалъ съ «*обманцемъ*», какъ выражался великій князь Константинъ Павловичъ, но всѣ эти недостатки и, такъ сказать, темныя стороны характера съ излишкомъ выкупались его увлекательнымъ даромъ слова, гигантскою памятью, замѣчательнымъ безкорыстіемъ, рѣшимостью, смѣлостью, находчивостью и неутомимою дѣятельностью.

Поступая съ «обманцемъ», Ермоловъ имѣлъ на столько силы воли, чтобы самому сознаться въ своемъ двуличіи и искательствѣ популярности. «Не хочу, однако же—говоритъ онъ—защищать мнѣнія моего (о необходимости и возможности сраженія подъ Москвою), ибо оно было неосновательно, но, страшась упрека соотечественниковъ, далъ я голосъ атаковать непріятеля» [1]).

Никто изъ упрекающихъ Ермолова въ искательствѣ популярности, не откажется конечно стать на его мѣсто, но немногіе сумѣютъ достигнуть до того, до чего достигъ Ермоловъ. Одного желанія въ этомъ случаѣ недостаточно; трудно ввести въ заблужденіе и одного человѣка, а замаскировать свои поступки или представить свои дѣйствія въ выгодномъ свѣтѣ передъ цѣлымъ обществомъ, сословіемъ или народомъ, еще труднѣе. Чтобы подняться высоко въ глазахъ народа, необходимы поступки и дѣйствія, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ. Успѣхъ Ермолова, главнѣйшимъ образомъ, заключался въ томъ сознаніи, что не подчиненные созданы для начальника, а начальникъ для подчиненныхъ; что не обстоятельства примѣняются къ волѣ и желаніямъ человѣка, а человѣкъ долженъ примѣняться къ нимъ. Кто успѣлъ примѣнить къ себѣ это простое правило, тотъ въ правѣ разсчитывать на симпатію своихъ подчиненныхъ. Усвоивъ себѣ это качество превосходно, Ермоловъ сталъ кумиромъ подчиненныхъ, готовыхъ съ нимъ и за него въ огонь и въ воду. Онъ очаровывалъ

[1]) Записки Ермолова. См. «Русскій Вѣстникъ» 1863 г., № 9, стр. 191.

своимъ обращеніемъ не только офицеровъ, но и всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ случай съ нимъ сталкиваться. Скрытый за официальною славою и заслугами другихъ, онъ сталъ на самомъ видномъ мѣстѣ изъ всѣхъ героевъ 1812 года.

Часто тѣ, которымъ приписана была слава успѣховъ, дѣйствовали по совѣту Ермолова. Многіе изъ начальниковъ, не отличаясь особеннымъ даромъ высшихъ военныхъ способностей и соображеній, въ присутствіи Алексѣя Петровича, какъ бы озаренные особеннымъ свѣтомъ, блеснутъ своею распорядительностью и затѣмъ погружаются опять въ прежнюю посредственность.

Отчего же это? Оттого, что при отступленіи, напримѣръ, отъ Пирны къ Кульму князь Шаховской посылаетъ своихъ ординарцевъ съ донесеніями и за приказаніями къ принцу Евгенію, тотъ отправляетъ ихъ къ графу Остерману, а этотъ къ Алексѣю Петровичу: «почему, для сокращенія времени, говоритъ Шаховской, я сталъ прямо посылать ихъ къ нему и ни разу въ томъ не раскаялся».

Могильное молчаніе реляцій не могло уничтожить заслугъ Ермолова, а напротивъ того, послужило ему въ пользу. Подвиги Алексѣя Петровича сдѣлались достояніемъ устныхъ разсказовъ, усиливавшихъ его славу еще и потому, что воочію всѣхъ подчиненныхъ ему не отдавали должной справедливости, и въ глазахъ обожавшаго его войска онъ являлся преслѣдуемымъ несправедливостію и какъ бы жертвою. Устная молва сдѣлала для Ермолова гораздо болѣе, чѣмъ для очень многихъ сдѣлали реляціи и донесенія главнокомандующаго. Ермоловъ сталъ какъ бы представителемъ славы русскаго народа, и вотъ многіе стали хлопотать о пріобрѣтеніи его портрета. Въ моемъ распоряженіи находятся письма къ отцу Ермолова, въ которыхъ просятъ выслать портретъ Алексѣя Петровича. Старикъ былъ удивленъ такими просьбами; на немъ лучше всего оправдалась та неизмѣнная истина, что о заслугахъ человѣка послѣ всего узнаютъ въ родной семьѣ.

«Обязательное и пріятное письмо ваше, писалъ Петръ Алексѣевичъ [1]), имѣлъ честь получить. Портретъ, требуемый вами, былъ у меня миніатюрный, но когда меня окрали, тогда и онъ украденъ. Есть еще у одного моего пріятеля масляный, хотя не очень сходный.

[1]) Казадаеву, отъ 4-го января 1814 года.

Я съ сею же почтою писалъ къ нему, чтобы его ко мнѣ прислалъ, и какъ скоро получу, въ угодность вашу къ вамъ доставлю. Изволите писать, что вы къ подлиннику привязаны... Прилѣпленіе ваше къ нему разрисовало портретъ его, ежели можно сказать, пристрастно.

«Подвиговъ героя вашего не видалъ я ни разу ни въ реляціяхъ, ни въ газетахъ, которыя наполнены генералами Винценгероде, Тетенборномъ, Чернышевымъ, Бенкéндорфомъ и проч. и проч. Герой вашъ былъ начальникъ штаба, потомъ командующій артиллеріею, наконецъ дивизіоннымъ начальникомъ, а теперь, благодаря Бога, опять корпусный командиръ.. По привязанности вашей, вы возбудили господъ граверовъ, и я крайне сожалѣть буду, если они будутъ въ накладѣ; не надѣюсь, чтобы много было охотниковъ разбирать оные портреты» [1]).

Если, съ одной стороны, Ермоловъ былъ популяренъ въ арміи и имѣлъ множество поклонниковъ, то, съ другой стороны, имѣлъ и множество враговъ, преимущественно въ высшихъ слояхъ общества. Причиною тому былъ языкъ, неудержимый до колкости. Алексѣй Петровичъ еще въ молодости, въ чинѣ полковника, не стѣснялся въ выраженіяхъ. На замѣчаніе, что лошади его роты дурны, онъ отвѣчалъ Аракчееву при многихъ постороннихъ: «*къ сожалѣнію, ваше сіятельство, участь наша часто зависитъ отъ скотовъ*» [2]). Это возраженіе послужило поводомъ къ нерасположенію всесильнаго тогда инспектора артиллеріи, весьма долго преслѣдовавшаго Алексѣя Петровича. Послѣдній имѣлъ тотъ важный недостатокъ, по которому онъ не признавалъ подчиненности и чинопочитанія: чѣмъ выше было поставлено лицо, съ которымъ приходилось имѣть дѣло Ермолову, тѣмъ сношенія его съ нимъ были болѣе рѣзки и колкости болѣе ядовиты.

---

[1]) Впослѣдствіи, когда портретъ былъ уже изданъ, старикъ, получивъ одинъ экземпляръ его, былъ въ восторгѣ. «Примите—писалъ онъ—почтенный мой благодѣтель, живѣйшую мою благодарность за подарокъ. Вы бы не могли меня ничѣмъ облагодѣтельствовать, кромѣ сего подарка. Выгравированъ прекрасно; искусство приноситъ честь художнику, но сходство меня удивило. Я знаю, что онъ не даетъ съ себя снимать портрета, за что у насъ и ссора бывала; чтобы украсть такъ сходство, это искусство удивительное...» (Письмо отъ 22-го ноября 1817 г.).

[2]) «Русскій Вѣстникъ» 1864 года, № 5, стр. 250.

— Главнокомандующій (Барклай-де-Толи)—говоритъ самъ Ермоловъ—терпѣливо выслушавшій мое возраженіе, простилъ горячность, по незнанію моему обращаться съ людьми, и я замѣтилъ, что онъ часто удивлялся, какъ я, доживъ до лѣтъ моихъ, не пересталъ быть Кандидомъ!

Алексѣй Петровичъ постоянно видѣлъ въ себѣ превосходство передъ другими, и потому почти всегда, обращаясь съ старшими себя съ презрѣніемъ, осыпалъ ихъ мѣткими остротами и замѣчаніями. Когда онъ былъ еще полковникомъ, то одинъ изъ генераловъ сказалъ: «*Хоть бы его скорѣе произвели въ генералы, авось онъ тогда будетъ обходительнѣе и вѣжливѣе съ нами*».

Однажды, во время кампаніи 1812 года, Барклай-де-Толи приказалъ образовать легкій отрядъ. Ермоловъ назначилъ Шевича начальникомъ отряда, въ составъ котораго вошли казаки, бывшіе подъ начальствомъ генерала Краснова. Шевичъ оказался моложе Краснова. Платовъ, какъ атаманъ, вступился за своего подчиненнаго и просилъ Ермолова разъяснить ему: давно ли старшаго отдаютъ подъ команду младшаго, и *притомъ въ чужія войска?*

— О старшинствѣ Краснова я знаю не болѣе вашего—отвѣчалъ Ермоловъ—потому что изъ вашей канцеляріи еще не доставленъ списокъ этого генерала, недавно къ намъ переведеннаго изъ черноморскаго войска. Я, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ заключить изъ словъ вашихъ, что вы *почитаете себя лишь союзниками русскаго государя, но никакъ не подданными его.*

Казаки обидѣлись такимъ отвѣтомъ, и правитель дѣлъ атамана предлагалъ возражать Ермолову.

— Оставь Ермолова въ покоѣ— отвѣчалъ Платовъ—ты его не знаешь: онъ въ состояніи съ нами сдѣлать то, что приведетъ нашихъ казаковъ въ сокрушеніе, а меня въ размышленіе [1]).

Алексѣй Петровичъ сознавалъ въ себѣ недостатокъ сдержанности. Онъ самъ признавался, что порывчивость его характера—«вѣрный признакъ недостатка во мнѣ благоразумія, которому многія въ жизни непріятности должны были научить меня и которому, во сто разъ умноженныя, знаю я, что не покорятъ».

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ» 1863 г., № 9, стр. 179.

Сознавая свои ошибки тогда уже, когда сказаннаго нельзя было воротить, онъ сознавалъ также и то, что не въ состояніи удержать себя отъ необузданной вспыльчивости и ѣдкости.

Чѣмъ шире была дѣятельность Ермолова, тѣмъ на большее число лицъ распространялись его остроты и тѣмъ больше онъ пріобрѣталъ себѣ враговъ. Генералы, носившіе иностранныя фамиліи, и въ особенности нѣмцы, не терпѣли его, потому что онъ, съ рѣдкимъ постоянствомъ и ожесточеніемъ, преслѣдовалъ ихъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ и съ первыхъ дней службы. Графъ Аракчеевъ, рекомендуя Ермолова въ 1815 году какъ человѣка вполнѣ достойнаго званія военнаго министра, сказалъ императору Александру въ Варшавѣ:

— Армія наша, изнуренная продолжительными войнами, нуждается въ хорошемъ военномъ министрѣ; я могу указать Вашему Величеству на двухъ генераловъ, которые могли бы въ особенности занять это мѣсто съ большою пользою: графа Воронцова и Ермолова. Назначенію перваго, имѣющаго большія связи и богатства, всегда любезнаго и пріятнаго въ обществѣ и нелишеннаго дѣятельности и тонкаго ума, возрадовались бы всѣ, но Ваше Величество вскорѣ усмотрѣли бы въ немъ недостатокъ энергіи и бережливости, какія намъ въ настоящее время необходимы. Назначеніе Ермолова было бы для многихъ весьма непріятно, потому что онъ начнетъ съ того, что перегрызется со всѣми; но его дѣятельность, умъ, твердость характера, безкорыстіе и бережливость его бы вполнѣ впослѣдствіи оправдали [1]).

Такъ составилось мнѣніе объ Алексѣѣ Петровичѣ, какъ о человѣкѣ неуживчиваго характера; мнѣніе это поддерживалось въ высшихъ слояхъ общества, и многіе сторонились его, изъ боязни попасть на языкъ... Языкъ былъ причиною многихъ неудовольствій, перенесенныхъ Ермоловымъ по службѣ, такъ что, на верху своей славы, онъ думалъ оставить службу, непредставлявшую ему ничего пріятнаго. Въ откровенномъ и дружескомъ письмѣ къ А. В. Казадаеву онъ хорошо самъ рисуетъ свое положеніе въ арміи и отношенія къ окружавшимъ его лицамъ.

---

[1]) Слова графа Платова, присутствовавшаго при этомъ разговорѣ. См Сочиненія Дениса Давыдова, ч. II, изданіе четвертое, стр. 88.

«Напрасно сталъ бы я искать извиненій, писалъ онъ [1]), въ томъ что не писалъ тебѣ. Скажу правду: пустаго писать не хотѣлъ, а о дѣлѣ не смѣлъ. Представился вѣрный случай [2]), и я душевно радъ говорить съ другомъ, отъ котораго никогда не укрывалъ чувствъ моихъ.

«Мы отдыхаемъ не послѣ побѣдъ, не на лаврахъ—отдыхаемъ послѣ горячаго начала кампаніи. Перемиріе положило на насъ узы бездѣйствія; скоро оно кончится, и нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствія начнутся съ жестокостію. Многіе думали, что перемиріе сіе поведетъ къ миру. Обольщенные надеждою на содѣйствіе австрійцевъ мнили, что они дадутъ миръ Европѣ. Дипломаты наши какъ нѣкіимъ очарованіемъ упоевали насъ, но кажется, что нельзя уже обманываться, а остается только благодарить ловкость дипломатовъ за продолжительный обманъ. Австрійцы, кажется, уже не союзники намъ. Наполеонъ господствуетъ надъ ними страхомъ, надъ Францомъ II родствомъ и закономъ, къ которому привязанъ онъ съ возможнымъ малодушіемъ.

«Перемиріе дало намъ время усилить нашу и прусскую армію значительно, но я думаю, что Наполеонъ еще съ большею пользою употребилъ время. Недавно еще вѣрили мы, что когорты его не согласятся перейти Рейнъ, набраны будучи для внутренней отечества обороны; что не посмѣютъ предстать передъ лицо наше, и что страхъ и ужасъ въ сердцѣ ихъ. Въ Люценѣ встрѣтили мы силы превосходныя. Сраженію данъ былъ видъ побѣды, но, по истинѣ, она не склонилась ни на ту, ни на другую стороны. Мы остались на полѣ сраженія и на другой день отступили. Армія прусская, потерявъ много, имѣла нужду устроиться, и графъ Витгенштейнъ не видалъ возможности противустать на другой день. Далѣе и далѣе, мы перешли Эльбу и перенесли съ собою неудачи. Подъ Бауценомъ рѣшились дать сраженіе. Многіе полагали выгоднѣе отступить, въ ожиданіи, что австрійцы начнутъ дѣйствовать и что непріятель, слѣдуя за нами, удобнѣе дастъ имъ тылъ свой. Многіе изъ самаго преслѣдованія непріятеля уразумѣвали, что Наполеонъ, безъ увѣренности въ австрій-

[1]) Письмо это безъ года, мѣсяца и числа. По содержанію своему оно должно быть отнесено не ранѣе какъ къ концу 1813 года, и носитъ на себѣ характеристичную помѣтку рукою Ермолова: «*прошу изодрать письмо*».

[2]) Онъ отправилъ письмо съ своимъ адъютантомъ, капитаномъ Поздѣевымъ.

цахъ, не шелъ бы съ такою дерзостію и такъ далеко. Бауценское сраженіе было плодомъ дерзости людей, счастіемъ избалованныхъ. Графъ Витгенштейнъ желалъ его; Дибичъ, достойнѣйшій и знающій офицеръ, поддерживалъ его мнѣніе. Говорятъ, что Яшвиль увѣрялъ въ необходимости сраженія. Могущество Витгенштейна облекло Яшвиля въ великую силу; государь приписываетъ ему сверхъестественныя дарованія и съ удивленіемъ говоритъ о немъ; сказываютъ, что онъ былъ причиною сего сраженія. Оно было не весьма кровопролитно; артиллерія играла главнѣйшую роль; атакъ было весьма мало или почти не было, а потому и потеря умѣренная. Непріятель, искуснымъ движеніемъ войскъ своихъ, можетъ быть и превосходствомъ силъ, а болѣе, думаю, Наполеонъ, поверхностію искусства и головы, растянулъ насъ чрезвычайно и ударилъ на правое крыло, гдѣ Барклай-де-Толи, съ извѣстною храбростію и хладнокровіемъ, не могъ противиться. На центрѣ явились ужасныя силы, и генералъ Блюхеръ, опрокинутый, отступить долженъ былъ первый. Лѣвое крыло наше, по слабости противъ его непріятеля, имѣло въ продолженіе цѣлаго дня успѣхи, но только отражало непріятеля, а никому не пришло въ голову атаковать его и тѣмъ отвлечь отъ прочихъ пунктовъ, гдѣ мы были преодолѣваемы. Я, съ небольшимъ отрядомъ, стоялъ въ центрѣ, смѣнивши корпусъ Іорка, который посланъ былъ въ подкрѣпленіе Блюхеру. Сей послѣдній, отступая, завелъ за собою непріятеля въ тылъ мнѣ. Я съ одной стороны былъ уже окруженъ и вышелъ потому только, что счастіе не устало сопровождать меня. За три часа до захожденія солнца опредѣлено отступленіе арміи, и въ шесть часовъ не было никого уже на полѣ сраженія. Остались три аріергарда, изъ которыхъ находящійся въ центрѣ, самый слабѣйшій, данъ мнѣ въ команду. Я имѣлъ на рукахъ 60 орудій артиллеріи, долженъ былъ отпустить ихъ и дать время удалиться. Съ особеннымъ счастіемъ исполнилъ сіе; главнокомандующій съ удивленіемъ кричалъ о семъ. Конечно, говорилъ государю, который и самъ видѣлъ, гдѣ я находился, ибо самъ далъ мнѣ команду и послалъ туда, но мнѣ не сказано даже спасибо: не хотятъ видѣть что я сдѣлалъ, и не взирая, что графъ Витгенштейнъ говоритъ, что я подарилъ 60 орудій. Государь относитъ искусному распоряженію князя Яшвиля, что артиллерія не досталась въ руки непріятеля. Въ люценскомъ дѣлѣ также мно-

гое приписано ему, хотя онъ командовалъ только двумя ротами артиллеріи. Ему тотчасъ дана александровская лента. Я былъ въ должности начальника всей артиллеріи, но и замѣтить не хотѣли, что я былъ въ дѣлѣ, хотя, сверхъ того, особенно былъ употребленъ Витгенштейномъ.

«Помню одно письмо твое, чувствительно меня тронувшее, въ которомъ ты съ сожалѣніемъ говорилъ мнѣ, что ни въ одной реляціи не было упомянуто обо мнѣ. Письмо это раздирало сердце мое, ибо я полагалъ, что ты заключалъ обо мнѣ какъ о человѣкѣ, уклонявшемся отъ опасностей. Нѣтъ, другъ любезнѣйшій, я не избѣгалъ ихъ, но я боролся и съ самимъ непріятелемъ, и съ злодѣями моими главной квартиры. И сіи послѣдніе суть самые опаснѣйшіе. Они поставили противъ меня слабаго и низкой души покойнаго фельдмаршала; онъ уважалъ меня до смерти, но дѣлалъ мнѣ много вреда. Я, въ оправданіе мое, вкратцѣ скажу тебѣ, что въ нынѣшнюю войну я сдѣлалъ. Ты, какъ другъ мой, оцѣни труды мои и никому не говори ни слова.

«Противъ воли Барклая, данъ я ему въ начальники главнаго штаба; онъ не любилъ меня и дѣлывалъ мнѣ непріятности, доволенъ былъ трудами моими и уважалъ службу мою. За сраженіе 7-го августа при Смоленскѣ, представилъ меня въ генералъ-лейтенанты, отнеся ко мнѣ успѣхъ сего дѣла. За Бородино, гдѣ, въ глазахъ арміи, отбилъ я взятую у насъ на центрѣ батарею и 18 орудій, Барклай представилъ меня ко второму Георгію (Георгія второй степени). Весьма справедливо сдѣлали, что его не дали, ибо не должно уменьшать важности онаго, но странно, что отказали Александра (орденъ св. Александра Невскаго), котораго просилъ для меня свѣтлѣйшій (Кутузовъ), а дали анненскую, наравнѣ съ чиновниками, бывшими у построенія мостовъ. Въ дѣлѣ противъ Мюрата я находился; въ Малоярославцѣ я былъ въ городѣ съ семью полками и удержалъ его до прибытія арміи—награжденъ одинаково съ тѣми, кто и не былъ тамъ. Въ реляціяхъ обо всѣхъ дѣлахъ нѣтъ имени моего. Въ Вязьмѣ командовалъ я правымъ флангомъ—нѣтъ имени моего, и, что страннѣе, всѣ по представленіямъ моимъ награждены, а обо мнѣ нѣтъ ни слова. Въ дѣлахъ при Красномъ также ничего не сказано, и я слышу, что даже я награжденъ шпагою за нѣсколько дѣлъ, когда обо мнѣ были лестнѣйшія представленія. Словомъ, отъ Малаго Ярославца и

до Вильны я былъ въ авангардѣ и никогда въ главной квартирѣ, и никто о томъ не знаетъ. Успѣлъ придти на Березину къ дѣлу Чичагова; къ несчастію моему, увидѣлъ я, что Витгенштейнъ не то дѣлаетъ, что должно, и не содѣйствовалъ Чичагову. Свѣтлѣйшій вслѣлъ дать себѣ о происшествіи записку. Витгенштейнъ сдѣлался мнѣ злодѣемъ и—могущественнымъ. Получа командованіе арміями, первое что онъ сдѣлалъ—истребилъ меня, и самымъ несправедливѣйшимъ образомъ. Обратилъ на меня недостатокъ снарядовъ, тогда какъ ихъ было довольно [1]); никто не хотѣлъ слышать моихъ оправданій, никто не хотѣлъ принять моихъ бумагъ, ясно показывающихъ недостатокъ данныхъ мнѣ средствъ, о которыхъ всегда прежде извѣстно было начальству. У меня взяли команду самымъ подлѣйшимъ образомъ, надѣлали тысячу оскорбленій. Вскорѣ увидѣлъ я паденіе Витгенштейна, отъ котораго онъ не возстанетъ. Командовать двадцатью тысячами и арміею, имѣть дѣло съ маршаломъ Удино, котораго и французы удивляются невѣжеству, и дѣло съ Наполеономъ—разница!... Никто лучше не доказалъ истину словъ; *tel brille au second rang qui s'éclipse au premier,* какъ Витгенштейнъ; онъ въ полномъ свѣтѣ явилъ свою неспособность. Признаюсь тебѣ, что рѣдко можно видѣть человѣка столь ничтожнаго для военнаго ремесла. Храбрость въ немъ одно достоинство военное; какъ человѣкъ, имѣетъ онъ прекраснѣйшія свойства.

«Мѣсто его заступилъ Барклай, человѣкъ мнѣ уже хорошо извѣстный. Онъ далеко превосходитъ его способностію, и если въ нашихъ обстоятельствахъ нуженъ выборъ, то, кажется мнѣ, наилучшій. Несчастливъ онъ потому, что кампанія 1812 года не въ пользу его по наружности, ибо онъ отступалъ безпрестанно, но послѣдствія его совершенно оправдаютъ. Какое было другое средство противъ силъ всей Европы? Разсуждающіе на сторонѣ его; но множество, или тѣ, которые заключаютъ по наружности, противъ него. Сихъ послѣднихъ гораздо болѣе, и къ нему нѣтъ довѣрія. Я защищаю его не по приверженности къ нему, но точно по сущей справедливости. Онъ весьма худо ко мнѣ расположенъ; успѣли разстроить меня съ нимъ. Узналъ

[1]) Оправданіе въ этомъ Ермолова сдѣлано Давыдовымъ. См. Сочиненія Д. В. Давыдова, изданіе 4, часть II, стр. 84.

онъ, что, бывши начальникомъ главнаго штаба, я писалъ къ государю; можетъ быть и открылъ даже что писано было. Безпрерывное отступленіе, потерянный Смоленскъ, нѣкоторыя прежде сдѣланныя ошибки и, наконецъ, приближеніе къ Москвѣ, конечно, не давали мнѣ случая утѣшать государя: сіе и сдѣлало его мнѣ непріятелемъ. Теперь представь, другъ любезный, мое положеніе: былъ Витгенштейнъ главнокомандующимъ, меня истребилъ; теперь Барклай истребляетъ; что же, наконецъ, изъ меня выйдетъ? Отняты у меня всѣ средства служить, ибо я сдѣланъ начальникомъ 2-й гвардейской дивизіи, изъ четырехъ полковъ состоящей, когда прежде командовалъ я всею гвардіею. Случаи отличиться или сдѣлать себя полезнымъ въ гвардіи весьма рѣдки, а между тѣмъ Барклай, дѣлая росписаніе арміи, далъ корпуса младшимъ, и, безъ всякаго самолюбія сказать истину, гораздо менѣе способнымъ. Мнѣ преграждены всѣ пути. Я хотѣлъ просить увольненія въ Россію—никого не отпускаютъ.

«Итакъ съ охлажденіемъ къ службѣ, съ погасшимъ усердіемъ и отвращеніемъ къ ремеслу моему долженъ я служить. Тяну до окончанія войны, съ сожалѣніемъ о теряемыхъ трудахъ моихъ. Война кончена, и я не сижу ни минуты! Я умѣлъ постигнуть ничтожность достигаемой, людьми ремесла нашего, цѣли. Исчезло предубѣжденіе, что одно только состояніе военное насыщать можетъ честолюбіе человѣка. Военное состояніе терпитъ каждаго человѣка; но надобно быть или верховныхъ дарованій, чтобы наслаждаться преимуществами онаго, или, бывши обыкновеннымъ человѣкомъ, въ степени моей, бѣжать неразлучныхъ съ нимъ непріятностей. Я себя чувствую, знаю и клялся всѣмъ, что свято, не служить болѣе. Хочу жить, не быть игралищемъ происковъ, подлости и самопроизвольства и не зависѣть отъ случайностей. Мнѣ близко уже къ сорока годамъ, ничѣмъ не одолженъ, исполнилъ обязанности, излишне балованъ не былъ, не испортился. Служить не хочу и заставить меня нѣтъ власти.... Поцѣлуй сыновей и научи ихъ мерзить военной службой для ихъ счастія»....

Твердый въ своемъ словѣ, Ермоловъ, дѣйствительно, искалъ случая оставить армію, и въ ноябрѣ 1815 года, сдавъ въ Познани свой корпусъ генералъ-лейтенанту Паскевичу, отправился въ Россію. Считая свою службу оконченною, онъ жилъ въ Орловской губерніи, въ

*

имѣніи старика-отца, когда, назначеніемъ на Кавказъ, былъ призванъ къ новой дѣятельности.

Переходя къ описанію его административныхъ и боевыхъ распоряженій на Кавказѣ, мы сведемъ прежде въ одинъ общій итогъ все сказанное о характерѣ Ермолова.

Алексѣй Петровичъ безспорно принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ государственныхъ людей, хотя и имѣлъ большіе недостатки въ характерѣ. Какъ начальникъ, онъ былъ ласковъ съ подчиненными, умѣлъ привлечь и расположить ихъ къ себѣ и поступками, и словами. Отдавая должную справедливость достоинствамъ каждаго, не присвоивая себѣ заслугъ другихъ и карая виновныхъ, онъ былъ ярымъ и неутомимымъ защитникомъ славы своихъ подчиненныхъ, ревнивымъ блюстителемъ ихъ чести и лучшимъ ходатаемъ за нихъ и въ жизни, и по службѣ. Владѣя увлекательнымъ даромъ слова, умѣньемъ вдохновить войска до фанатизма и показать въ себѣ самомъ примѣръ храбрости, неустрашимости и отсутствія всякихъ привычекъ къ роскоши, Ермоловъ былъ для всѣхъ примѣромъ неутомимой дѣятельности. Необыкновенное безкорыстіе, а главное бережливость казеннаго интереса, доходившая до скупости, составляли отличительную черту его характера и въ то опасное въ этомъ отношеніи время снискивали къ нему уваженіе всѣхъ безъ исключенія, высшихъ и низшихъ, друговъ и недруговъ.

Но если всѣ эти душевныя качества Ермолова ставили его неизмѣримо высоко, то были и такія черты въ его характерѣ, которыя отчасти низводили его съ столь бестящаго положенія. Въ немъ былъ тотъ огромный недостатокъ, что онъ считалъ себя выше всѣхъ, былъ гордъ и не признавалъ возможнымъ подчиняться кому бы то ни было, въ строгомъ смыслѣ дисциплины. Ермоловъ былъ настойчивъ, упрямъ и вспыльчивъ—качества весьма неудобныя и невыгодныя для подчиненнаго.

Алексѣй Петровичъ никогда и ни передъ кѣмъ не стѣснялся въ выраженіяхъ. Въ минуты разгоряченнаго состоянія души, онъ давалъ полный просторъ своему ѣдкому и колкому языку и не стѣснялся ничьимъ присутствіемъ. Но за то какой бы вредъ ему не принесли выраженія, онъ никогда отъ нихъ не отказывался. Какъ началь-

никъ, онъ владѣлъ огромнымъ и ничѣмъ незамѣнимымъ достоинствомъ—твердостью слова и неизмѣнностью своего рѣшенія, становившагося какъ для него самого, такъ и для его подчиненныхъ закономъ.

Императоръ Александръ, сроднившійся со своею побѣдною арміею, зналъ Ермолова со всѣми его достоинствами и недостатками. Оцѣнивъ вполнѣ высокія его качества, императоръ, не смотря на слабыя стороны характера Алексѣя Петровича и на множество враговъ, избралъ его главнокомандующимъ на Кавказъ.

Кавказу необходимъ былъ тогда такой главнокомандующій, какъ Ермоловъ, про котораго можно сказать словами лейбъ-медика Вилье: homme aux grands moyens.

X.

Прибытіе въ Петербургъ Мирзы-Абуль-Хассанъ-хана, чрезвычайнаго посла шаха.—Совѣщанія его съ представителями Англіи.—Письмо Хассанъ-хана императору Александру.—Отвѣтъ государя.—Торжественная аудіенція послу.—Вопросъ объ уступкахъ Персіи.—Письмо императора Фетхъ-Али шаху.—Инструкція, данная Ермолову при отправленіи его посломъ въ Персію.

Первою и самою главною задачею Ермолова было устройство дѣлъ съ Персіею и, такъ сказать, окончательное закрѣпленіе Гюлистанскаго договора.

Мы видѣли [1]), что тотчасъ послѣ заключенія мирныхъ условій шахъ поторопился ратификовать трактать и отправить посольство въ Петербургъ. Въ концѣ іюля 1814 года чрезвычайный посолъ Мирза-Абуль-Хасанъ-ханъ прибылъ въ Тифлисъ и намѣренъ былъ немедленно ѣхать въ столицу, но Ртищевъ, неполучившій не только ратификаціи трактата, но и никакого отвѣта на свои донесенія, былъ въ затрудненіи, какъ поступить ему съ прибывшимъ посломъ. Онъ уговорилъ Хасанъ-хана остаться въ Тифлисѣ до полученія ратификаціи трактата, и чтобы показать послу, что остановка эта не будетъ

[1]) См. стран. 130.

продолжительна, приказалъ отправить изъ Тифлиса на Кавказскую линію большую часть свиты посла и всѣ его тяжести. Неувѣдомленный министерствомъ Ртищевъ и самъ не подозрѣвалъ того, что событія во Франціи заставили Императора Александра оставить столицу. Только въ концѣ сентября Абуль-Хасанъ-ханъ, въ сопровожденіи генералъ-маіора Лисаневича, выѣхалъ изъ Тифлиса и 11-го декабря прибылъ въ Москву, гдѣ былъ задержанъ на три мѣсяца. 18-го марта 1815 года посолъ выѣхалъ изъ первопрестольной столицы и 27-го числа прибылъ въ Царское-Село. Здѣсь ему было объявлено, что, если желаетъ, онъ можетъ переѣхать въ Петербургъ, но что неожиданное появленіе Наполеона во Франціи побуждаетъ императора продолжить пребываніе свое въ чужихъ краяхъ. Что же касается до порученій, возложенныхъ на посла «отъ двора его, то государь императоръ, не имѣя возможности посвятить имъ теперь все то вниманіе, котораго они заслуживаютъ, предоставляетъ себѣ, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, войти въ разсмотрѣніе оныхъ, съ искреннимъ желаніемъ найти въ семъ обстоятельствѣ возможность дать персидскому правительству новые опыты своей дружбы».

Абуль-Хасанъ-ханъ высказалъ сначала желаніе остаться въ Царскомъ-Селѣ и ожидать возвращенія императора, но потомъ, соскучившись однообразіемъ жизни, вечеромъ 14-го мая 1815 года безъ всякой церемоніи переѣхалъ въ Петербургъ. Эта скромность персѣзда подала поводъ ко многимъ толкамъ въ Персіи. Торгующіе въ Россіи персидскіе купцы распространили слухъ, что Абуль-Хасанъ, по прибытіи въ Петербургъ, не нашелъ соотвѣтственнаго своему званію ни пріема, ни вниманія со стороны правительственныхъ лицъ и что, за отсутствіемъ императора, онъ живетъ уединенно, всѣми оставленный [1]). Слухъ этотъ проникъ до Тегерана и возбудилъ всеобщее безпокойство. Ртищеву пришлось убѣждать тегеранскій дворъ въ противномъ, и хорошо еще, что убѣжденіе это стоило только посылки шаху собольяго мѣха и трехъ ястребовъ, «для страстно имъ любимой охоты» [2]).

Получивши подарки, Фехтъ-Али-шахъ успокоился на счетъ дру-

---

[1]) Отношеніе Ртищева Вейдемейеру, 15-го іюня 1815 г., № 102.

[2]) Тоже, отъ 25-го мая 1816 г., № 69.

жественныхъ связей съ Россіею, но не успокоился относительно возвращенія части земель, уступленныхъ по трактату. Онъ требовалъ отъ Абуль-Хасанъ-хана результатовъ тогда, когда тотъ не вступалъ еще ни въ какіе переговоры и даже не имѣлъ ни одной аудіенціи. Получаемыя изъ Персіи письма ставили посла въ крайне затруднительное положеніе, и онъ обратился за совѣтомъ къ англійскому посланнику лорду Вальполю и къ случайно находившемуся въ Петербургѣ, проѣздомъ изъ Персіи, сиръ Горъ-Узелею. Послѣдній употреблялъ всѣ средства къ тому, чтобы склонить петербургскій кабинетъ къ уступкѣ желаемыхъ Персіею земель. Узелей увѣрялъ временно управлявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, тайнаго совѣтника Вейдемейера, что утвержденію дружбы и добраго согласія между двумя державами болѣе всего можетъ способствовать снисхожденіе на просьбу посла по сепаратной статьѣ мирнаго договора, и что уступки со стороны Россіи не могутъ быть ей ощутительны. Какъ истый сторонникъ Персіи, сиръ Горъ-Узелей увлекся до того, что совѣтовалъ русскому правительству отдать даже болѣе того, чѣмъ желалъ тегеранскій дворъ.

— Уступка шаху, говорилъ Узелей, даже и всѣхъ пріобрѣтеній вашихъ въ томъ краѣ до самой Грузіи, была бы выгодна для Россіи. Она уменьшила бы безполезную трату людей и денегъ. По моему мнѣнію, естественною границею между Россіею и Персіею должна быть рѣка Терекъ и кряжъ горъ Кавказскихъ. Хищные обитатели тѣхъ неприступныхъ мѣстъ не могутъ никогда быть ни истреблены, ни укрощены, но всегда вредны для васъ по своей необузданности и многолюдію.

Сиръ Горъ-Узелей увѣрялъ, что необходимо поторопиться скрѣпленіемъ дружественныхъ связей, такъ какъ ему извѣстно, что посланный Наполеономъ г. Жоберъ уже прибылъ въ Константинополь и нѣтъ сомнѣнія, что имѣетъ виды и на Персію, для возстановленія ея противъ Россіи. Сылаясь на довѣренность къ нему шаха, Узелей не прочь былъ бы явиться и здѣсь посредникомъ, но не получилъ на это никакого намека. Петербургскій кабинетъ хорошо понималъ, что Англія всѣми мѣрами старалась сохранить свое вліяніе на шаха, чтобы отвлечь насъ отъ торговли съ Индіею черезъ Персію, «ибо,

конечно, писалъ Вейдемейеръ [1]), сентъ-джемскій кабинетъ не предвидитъ невозможности въ проходѣ туда черезъ области персидскія». По этой причинѣ Англія сначала употребляла всѣ средства, чтобы помѣшать заключенію мира, но когда произошло возстаніе въ Хорасанѣ и Туркменіи, сиръ Горъ-Узелей, опасаясь за цѣлость Персіи, явился посредникомъ въ примиреніи съ Россіею, убѣдилъ шаха сдѣлать уступки и обѣщалъ возвратить уступленныя провинціи посредствомъ переговоровъ въ Петербургѣ. Переговоры эти затянулись на неопредѣленное время; Узелею оставаться долго въ столицѣ Россіи было невозможно, и потому, по взаимному совѣщанію трехъ лицъ, лордъ Вальполь составилъ отъ имени Абуль-Хасанъ-хана письмо къ Императору Александру, въ которомъ излагалась просьба и необходимость персидскому послу отправиться въ главную квартиру государя.

«Четырнадцать уже мѣсяцевъ, писалъ Мирза-Абуль-Хасанъ-ханъ, какъ я выѣхалъ изъ Тегерана и по отсутствію вашего величества изъ Петербурга зимовалъ въ Москвѣ. Теперь около трехъ мѣсяцевъ нахожусь въ Петербургѣ. Во всю мою дорогу я былъ принятъ очень дружелюбно и надѣюсь, что и всегда такъ принятъ буду, о чемъ я и писалъ своему государю. Въ отвѣтъ на сіе шахъ пишетъ, что видитъ изъ моего письма, что я живу весело, но не видитъ никакого окончанія дѣлъ, мнѣ порученныхъ. Нынѣ я очень опасаюсь и не смѣю послѣ такого долгаго времени написать шаху, что вы, государь, не здѣсь, ибо онъ этому не повѣритъ, потому что въ Азіи никогда государи изъ своихъ государствъ не отлучаются и никогда не увѣрятся въ томъ, что государь можетъ оставить свое государство на нѣсколько лѣтъ, а между тѣмъ всѣ дѣла могутъ течь покойно и благополучно.

«Находясь чрезъ сіе въ большой опасности относительно даже моей жизни, я прибѣгаю къ великодушію вашего величества: дозвольте мнѣ съ двумя или тремя служителями отправиться по почтѣ къ мѣстопребыванію вашего величества. А ежели сіе невозможно, то прошу васъ, государь, о другой еще милости, а именно: оставить (уступить) Персіи нѣсколько пограничныхъ мѣстъ, въ которыхъ никакой пользы, кромѣ большихъ убытковъ, для Россіи нѣтъ. Если по

[1]) Графу Нессельроде отъ 3-го іюня 1815 г.

врожденному вашему великодушію и милосердію, вамъ угодно оказать намъ сію величайшую милость, то успокойте и осчастливьте меня, государь, нѣсколькими строками, для сообщенія шаху. Сіе великое монаршее благодѣяніе обрадуетъ всю Персію, и шахъ, смотря на оное, проститъ мою медлительность. Сиръ Горъ-Узелей въ бытность свою здѣсь часто обнадеживалъ меня въ разсужденіи вашего милосердія. Теперь онъ уѣхалъ; я одинъ, безъ знакомыхъ, безъ друзей, и много безпокоюсь и страшусь гнѣва шаха. Вся моя надежда на ваше великодушіе и милость Бога, который да дастъ вамъ силу побѣдить вашихъ враговъ, о чемъ мы твердимъ въ нашихъ молитвахъ».

Императоръ Александръ не изъявилъ согласія на новое путешествіе Абуль-Хасанъ-хана, но обѣщалъ по возвращеніи заняться съ особеннымъ вниманіемъ возложеннымъ на посла порученіемъ.

«По прибытіи въ Парижъ, отвѣчалъ Императоръ Абуль-Хасанъ-хану [1]), получилъ я черезъ генералъ-маіора Лисаневича письмо ваше. Усмотря изъ онаго безпокойствіе ваше на счетъ встрѣтившихся и невольныхъ съ вашей стороны остановокъ въ окончаніи возложенныхъ на васъ порученій, я искренно сожалѣю, что обстоятельства, столь важныя для блага цѣлаго міра, продолжили отсутствіе мое изъ Россіи долѣе, нежели я сіе первоначально полагать могъ. Вѣрнѣйшее доказательство, какое вы представить можете вашему государю для удостовѣренія его въ отсутствіи моемъ, есть письмо сіе, писанное къ вамъ изъ Парижа, и изъ коего извѣстится его величество о происшествіяхъ, не допустившихъ меня до сихъ поръ заняться дѣломъ вамъ ввѣреннымъ съ тѣмъ вниманіемъ, каковое онъ заслуживаетъ, и окончить оное къ взаимному моему и персидскаго шаха удовольствію. Я надѣюсь съ помощью Всевышняго достигнуть здѣсь въ непродолжительномъ времени предмета моихъ попеченій и возвратиться въ предѣлы моей имперіи, а потому и не приглашая васъ къ прибытію сюда, возлагаю между тѣмъ на васъ удостовѣрить отъ имени моего его величество персидскаго шаха въ искреннемъ желаніи моемъ утвердить вящше и вящше связи дружбы и добраго сосѣдства, столь счастливо между обоими государствами возстановленныя».

---

[1]) Въ рескриптѣ отъ 9-го августа 1815 г. изъ Парижа. Арх. М. И. Д., 1—8, 1814—1816 г., № 5.

Мирза Абуль-Хасанъ-ханъ былъ чрезвычайно обрадованъ полученіемъ рескрипта, прикладывалъ его, по персидскому обычаю, къ головѣ, нѣсколько разъ заставлялъ себѣ читать и объявилъ, что немедленно отправитъ его шаху съ присланнымъ къ нему изъ Персіи курьеромъ [1]).

По возвращеніи императора въ Петербургъ и не дожидая церемоніи въѣзда посла въ столицу, Абуль-Хасанъ-ханъ, въ день рожденія государя, 12-го декабря, приглашенъ былъ на балъ, гдѣ былъ принятъ съ особымъ монаршимъ вниманіемъ. 20-го декабря персидскій посолъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ столицу, а 22-го числа былъ на публичной аудіенціи у его величества и у всей императорской фамиліи.

Въ этотъ день обыкновенный дворцовый караулъ былъ увеличенъ двумя баталіонами, изъ коихъ одинъ поставленъ въ сѣняхъ, ведущихъ къ лѣстницѣ; въ прихожихъ комнатахъ, по которымъ приходилось проходить послу, были поставлены шпалерами взводы отъ полковъ гвардейской кавалеріи. Во дворцѣ были собраны всѣ придворные кавалеры, особы первыхъ пяти классовъ, гвардіи штабъ и оберъ-офицеры.

Входя въ аудіенцъ-залу, Абуль-Хасанъ-ханъ сдѣлалъ первый поклонъ, посрединѣ комнаты—второй и наконецъ третій, остановившись передъ Императоромъ Александромъ I.

— Всемилостивѣйшій Государь! произнесъ онъ по-персидски. При изъявленіи подобающаго благоговѣнія, да позволено будетъ покорнѣйше донести, что какъ въ прежнія времена между двумя высочайшими державами—Всероссійскою имперіею и Персидскимъ государствомъ—непріязни и вражды не было, а коварства, поколебавшія на нѣкоторое время столь счастливо существовавшую между ними взаимную дружбу, нынѣ Божіею милостію и стараніями споспѣшествовавшихъ къ тому съ обѣихъ сторонъ достойныхъ людей, совершенно истреблены, такъ что послѣ бурной осени непріятностей настала вожделѣнная весна дружелюбнаго сношенія, и прочная связь добраго согласія снова возстановилась: то я усерднѣйше Господа Бога

---

[1]) Письмо тайнаго совѣтника Вейдемейера графу Нессельроде отъ 4-го сентября 1815 г.

молю, да счастливый сей миръ, предзнаменуя и вмѣщая въ себѣ всѣ возможныя блага, сохранится ненарушимо и непоколебимо навсегда. Слава Всевышнему, что сильною рукою и неутомимымъ постоянствомъ вашего величества сокрушенъ и истребленъ толико до сего страшный Наполеонъ. Неусыпнымъ попеченіемъ твоимъ, великій государь, возстановлена всемірная тишина, и родъ человѣческій, успокоясь подъ сѣнію покрова твоего, будетъ благодаренъ тебѣ во вѣки вѣковъ. Безсмертная слава твоя затмитъ славу Александра древняго.

По прочтеніи этой рѣчи по-русски, посолъ поднесъ грамату шаха, которую принялъ управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и отъ имени императора отвѣчалъ Абуль-Хасанъ-хану.

— Послѣ всѣхъ усилій, сказалъ онъ, употребленныхъ всемилостивѣйшимъ государемъ для безопасности его имперіи и для возстановленія всеобщаго спокойствія,—усилій, кои Всевышнему промыслу благоугодно было увѣнчать полнымъ и вожделѣннѣйшимъ успѣхомъ, его императорское величество, помышляя единственно о пользахъ и благѣ своихъ подданныхъ, пріемлетъ съ истиннымъ удовольствіемъ приносимыя вами, превосходительный посолъ, увѣренія въ дружбѣ его величества шаха персидскаго. Государь императоръ повелѣлъ мнѣ увѣрить васъ въ искреннемъ своемъ желаніи сохранить доброе согласіе, столь счастливо возстановленное между обоими государствами, и въ твердомъ своемъ намѣреніи споспѣшествовать къ вящшему утвержденію взаимной дружбы. Его императорское величество равномѣрно поручить мнѣ изволилъ объявить вамъ особенное свое удовольствіе, что его шахову величеству угодно было избрать васъ для засвидѣтельствованія дружелюбныхъ его чувствъ и расположенія.

По окончаніи этой рѣчи, посолъ представилъ подарки, и аудіенція была окончена.

Наступили святки. Абуль-Хасанъ-ханъ жилъ въ Петербургѣ праздно и весело, а 20-го января 1816 года подалъ графу Нессельроде записку, въ которой изложилъ цѣль своего прибытія и желанія шаха. Ссылаясь на краткость трактата, посолъ выражалъ увѣренность, что трактатъ этотъ будетъ замѣненъ другимъ, болѣе подробнымъ, который опредѣлитъ взаимныя границы, и что онъ будетъ имѣть возможность видоизмѣнить нѣкоторые параграфы, согласно съ желаніемъ шаха. Хасанъ-ханъ домогался, чтобы русское правитель-

ство, оставивъ за собою только Дагестанъ и Грузію, возвратило обратно Персіи всѣ земли, уступленныя по Гюлистанскому трактату, или часть ихъ за денежное вознагражденіе. «Шахъ, писалъ Абуль-Хасанъ [1]), полагаясь вполнѣ на извѣстную всѣмъ доброту и великодушіе императора, убѣжденъ, что не получитъ отказа въ просьбахъ, столь ничтожныхъ въ сравненіи съ величіемъ души государя. Исполненіе желаній шаха упрочитъ дружбу между двумя державами, и слава его величества, распространившись по всему свѣту, пріобрѣтетъ еще болѣе блеска.»

Домогательства посла о возвращеніи Персіи за деньги всѣхъ уступленныхъ земель было болѣе чѣмъ странно и не могло быть исполнено, но при дальнѣйшихъ переговорахъ оказалось, что Абуль-Хасанъ-ханъ руководствовался правиломъ: *проси какъ можно болѣе—получишь желаемое.* Спустя нѣсколько дней, онъ ограничилъ свои желанія и заявилъ, что Персія считала бы себя счастливою и вполнѣ удовлетворенною, если бы ей были уступлены ханства: Талышинское, Карабагское и Ганжинское. Хотя это послѣднее желаніе видоизмѣняло вопросъ и облегчало переговоры, тѣмъ не менѣе графъ Нессельроде счелъ необходимымъ напомнить Абуль-Хасанъ-хану, что не Россія подала поводъ къ послѣдней войнѣ и что, перенося свое оружіе за Кавказъ, она не имѣла никакихъ завоевательныхъ видовъ, но была вынуждена необходимостью сохранить землю (Грузію), съ давнихъ лѣтъ ввѣрившую себя ея покровительству, и защитить единовѣрный народъ отъ нападенія Аги-Магометъ-хана, угрожавшаго ономy совершенною гибелью. Послѣ смерти Аги-Магометъ-хана и вслѣдствіе бывшаго въ Персіи междуцарствія, многія области, присоединеніе которыхъ къ Россіи шахъ призналъ послѣднимъ договоромъ, добровольно поступили въ ея подданство. Талышинское ханство также съ давнихъ поръ было подъ покровительствомъ Россіи и никогда не соглашалось признавать себя зависимымъ отъ Персіи, и лишь одно ханство Ганжинское было покорено оружіемъ.

Послѣ всего сказаннаго министръ иностранныхъ дѣлъ счелъ необходимымъ заявить Хасанъ-хану, что, при всемъ искреннемъ жела-

---

[1]) Въ нотѣ отъ 20-го января 1816 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—7, 1816—1818 гг.

ніи сдѣлать угодное шаху, императоръ Александръ не признаетъ возможнымъ слѣдовать «токмо единымъ побужденіямъ сердца своего», но считаетъ своею обязанностью принять прежде всего въ уваженіе пользу имперіи. Графъ Нессельроде просилъ посла сказать по совѣсти: можетъ ли русскій императоръ, безъ душевнаго прискорбія, согласиться на уступку земель и народовъ, добровольно присоединившихся къ Россійской имперіи?

«При всемъ расположеніи соотвѣтствовать желаніямъ его шахскаго величества, писалъ Нессельроде [1]), государь императоръ не прежде можетъ приступить къ какой-либо рѣшимости, какъ получивъ точное свѣдѣніе о положеніи нынѣшнихъ границъ и областей, утвержденныхъ мирнымъ договоромъ за Россіею. Симъ только образомъ, а не иначе, его императорское величество изволитъ надѣяться, что можно будетъ найти способъ къ оказанію Персіи удовлетворенія, не подвергая себя опасности поступить во вредъ существеннымъ своимъ выгодамъ, сдѣлавъ нынѣ же рѣшительное заключеніе по такимъ дѣламъ, о коихъ нужно имѣть поясненія, и кое было бы вопреки точнымъ постановленіямъ договора, служащаго неоспоримымъ доказательствомъ, сколь желанія Россіи умѣренны, ибо оный договоръ далеко не соотвѣтствуетъ даже тому, чего требуетъ безопасность границъ нашихъ. Но поелику нельзя приступить къ толь трудному соображенію и къ нужнымъ по оному распоряженіямъ иначе, какъ на мѣстѣ, то государь императоръ изволилъ назначить одного изъ своихъ военноначальниковъ, удостоеннаго полною довѣренностію его императорскаго величества, который туда отправится съ тѣмъ, чтобы обозрѣть во всей подробности нынѣшнее положеніе границъ нашихъ, равно какъ и тѣхъ мѣстъ, до коихъ особенно относятся требованія его шахова величества.

«Для сего порученія высочайше избранъ генералъ-лейтенантъ Ермоловъ, и по свѣдѣніямъ, кои отъ него будутъ представлены, его императорское величество изволитъ дать отзывъ рѣшительный, сообразивъ оный съ пользами своей имперіи и съ искреннимъ своимъ желаніемъ сдѣлать угодное его величеству шаму персидскому.

---

[1]) Персидскому послу въ нотѣ отъ 22-го марта 1816 г. Акт. Кавказ. Арх. Ком., т. V, № 913.

Пріемля же въ разсужденіе, что при таковомъ ходѣ сего дѣла, впрочемъ неизбѣжномъ въ столь трудныхъ обстоятельствахъ, нельзя ожидать скораго послѣдствія, его императорское величество предоставляетъ себѣ объявить о рѣшительной волѣ своей посредствомъ чрезвычайнаго посла, который отправленъ будетъ къ его шахову величеству. Государь Императоръ изволилъ назначить нынѣ же къ сему важному порученію того же генерала Ермолова, который, прибывъ въ Персію со всѣми свѣдѣніями, пріобрѣтенными на самомъ мѣстѣ, тѣмъ удобнѣе можетъ выполнить высочайшія намѣренія его императорскаго величества. А потому Государь Императоръ желаетъ, чтобы ваше высокостепенство благоволили немедленно донести высочайшему двору вашему о семъ назначеніи и чтобы вы паче всего оный удостовѣрили, что генералу Ермолову особенно поручено будетъ, чтобы онъ во время пребыванія своего въ Персіи изыскивалъ всѣ способы, дабы укрѣпить тѣ дружественныя связи, на коихъ незыблемо должны быть основаны миръ и доброе согласіе между обоими государствами».

Этотъ отвѣтъ былъ послѣднимъ выраженіемъ воли Государя, и 22-го мая 1816 г. мирза Абуль-Хасанъ-ханъ имѣлъ прощальную аудіенцію въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга съ граматою императора, выражавшаго самое искреннѣйшее желаніе сохранить дружбу и удовлетворить желаніямъ повелителя Ирана.

«По благополучномъ нашемъ возвращеніи въ столицу нашу, писалъ Александръ I шаху [1]), отправленный къ намъ отъ вашего шахова величества чрезвычайный и полномочный посолъ мирза Абуль-Хасанъ-ханъ былъ допущенъ къ намъ на аудіенцію безъ замедленія, и дружеская къ намъ грамата вашего величества, а также пріятные дары, съ удовольствіемъ отъ него приняты.

«Сіе, по силѣ вѣчно-мирнаго договора, торжественное вашего величества посольство для насъ тѣмъ пріятнѣе, что какъ изъ оной граматы, такъ и по изустнымъ помянутаго посла представленіямъ, мы удостовѣрились въ твердомъ и истинномъ намѣреніи вашего вели-

[1]) Въ граматѣ отъ 11-го мая 1816 г. Арх. М. И. Д., 1—8, 1814—1816 гг., № 7.

чества сохранять свято и непоколебимо дружбу и доброе согласіе, толь счастливо онымъ договоромъ возстановленныя между обоими государствами.

«Во взаимство того мы твердо можемъ увѣрить ваше величество, что мы не токмо во всякое время будемъ соотвѣтствовать въ полной мѣрѣ таковымъ дружественнымъ вашимъ расположеніямъ и ненарушимо наблюдать все, въ ономъ договорѣ постановленное, но употребимъ всѣ способы, дабы поспѣшествовать, сколько отъ насъ зависѣть можетъ, къ сугубому утвержденію связей и добраго сосѣдственнаго согласія для блага обоюдныхъ нашихъ подданныхъ. Пріятно было бы для насъ, если бы мы и по всѣмъ прочимъ представленіямъ онаго посла касательно изъясненныхъ имъ желаній вашего величества могли послѣдовать токмо единымъ побужденіямъ сердца нашего и дать нынѣ же отвѣтъ удовлетворительный; но, предпочитая всему пользу Богомъ ввѣренной намъ имперіи, и потому желая прежде всего удостовѣриться, поколику сіи представленія могутъ соотвѣтствовать существеннымъ выгодамъ нашихъ подданныхъ, мы избрали одного изъ приближенныхъ къ намъ государственныхъ чиновниковъ и, назначивъ его въ качествѣ чрезвычайнаго и полномочнаго посла нашего къ вашему шахову величеству, повелѣли ему, чтобы онъ, собравъ на мѣстѣ подробныя о тѣхъ предметахъ свѣдѣнія, донесъ намъ обо всемъ обстоятельно. Мы искренно желаемъ, чтобъ сіи свѣдѣнія намъ доставили возможность, согласно съ нашимъ расположеніемъ, сдѣлать угодное вашему величеству.»

Вскорѣ послѣ отъѣзда персидскаго посла, высочайшимъ указомъ 29-го іюня 1816 года, генералъ-лейтенантъ Ермоловъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Персію, командиромъ отдѣльнаго грузинскаго корпуса и управляющимъ гражданскою частью въ Грузіи, Астраханской и Кавказской губерніяхъ.

Алексѣю Петровичу Ермолову поручено привести къ скорѣйшему окончанію разграниченіе по Гюлистанскому трактату и на мѣстѣ убѣдиться, не представится ли возможнымъ уступить нѣкоторыя земли Персіи, безъ нарушенія, конечно, нашихъ собственныхъ интересовъ.

«Каковы бы ни были обстоятельства, писалъ ему Императоръ

Александръ [1]), подавшія поводъ къ сему домогательству, нельзя не согласиться въ томъ, что такое требованіе о возвращеніи земель по заключеніи договора, силою котораго онѣ торжественно уступлены, должно показаться довольно страннымъ. Само по себѣ сіе предложеніе не заслуживало бы никакого уваженія, но въ отношеніи принятой мною системы для блага общаго, которое, по моему понятію, должно быть нераздѣльно съ существенными пользами моихъ подданныхъ, оно представляется въ другомъ видѣ. Всѣ мои усилія въ послѣдней достопамятной войнѣ, толь успѣшно конченной, не имѣли иной цѣли, какъ только привести дѣла въ такое положеніе, чтобы Европа воспользовалась всѣми выгодами, кои доставить можетъ миръ прочный и продолжительный. Намѣренія мои исполнились, и теперь первая обязанность государей и первая потребность народовъ должны состоять въ томъ, чтобы сіе положеніе дѣлъ нерушимо сохранилось. Примѣръ главнѣйшихъ державъ въ твердомъ послѣдованіи благоразумной и скромной политикѣ паче всего можетъ тому содѣйствовать, и въ семъ отношеніи Россія, по своей обширности, по изобилію всякихъ способовъ и особенно по воинской силѣ своей, больше всѣхъ другихъ державъ обращаетъ на себя общее вниманіе, а потому я поставилъ непремѣннымъ себѣ правиломъ стараться всѣми мѣрами, дабы утвердилось мнѣніе, что преобладаніе Россіи, доколѣ я буду управлять ею, обратится единственно къ охраненію общей безопасности, и что не отъ насъ возникнуть можетъ вновь система общаго испроверженія и разрушенія, толь долго свирѣпствовавшая надъ Европою во времена Наполеонова владычества. Послѣдуя сему правилу и дабы не подать даже повода къ подозрѣнію, что мы имѣемъ честолюбивые виды на счетъ Персіи, я рѣшился, не отвергая вдругъ сихъ домогательствъ, принять въ соображеніе, нельзя ли въ самомъ дѣлѣ уступить Персіи какія-нибудь земли, въ удержаніи коихъ нѣтъ для насъ совершенной необходимости, но за то получить другія выгоды и симъ образомъ найти средство къ удовлетворенію сей державы безъ ущерба пользы собственной; въ виду же общаго понятія поставить явное доказательство, что я первый на самомъ дѣлѣ исполняю тѣ правила, о коихъ другимъ державамъ проповѣдую».

[1]) Въ инструкціи отъ 29-го іюня 1816 г. Ак. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 267.

Польза Россіи требовала, чтобы христіанское населеніе ни въ какомъ случаѣ не было возвращено Персіи, чтобы оно было обезпечено отъ непріятельскихъ вторженій, а слѣдовательно, чтобы граница между двумя державами была выгодная и удобная для укрѣпленія. Послѣ присоединенія нѣсколькихъ ханствъ къ составу имперіи, вся цѣль войны съ Персіею заключалась въ томъ, чтобы постановить границу по рѣкамъ Курѣ, Араксу и Арпачаю. Естественная граница, обозначенная теченіемъ этихъ рѣкъ, представляла существенныя выгоды: она устраняла всякіе споры о принадлежности смежныхъ пунктовъ тому или другому государству и дозволяла однажды навсегда учредить дѣла въ такомъ порядкѣ, что на будущее время не могло бы встрѣтиться никакого повода къ взаимнымъ неудовольствіямъ. Поэтому, не отказываясь совершенно уступить нѣкоторыя земли Персіи, Императоръ Александръ, «при недостаткѣ мѣстныхъ свѣдѣній о томъ краѣ», поручилъ Ермолову, если представится возможнымъ, выговорить перенесеніе границы на рр. Куру, Араксъ и Арпачай. «Но буде нельзя пріобрѣсти сего иначе, какъ только силою оружія, писалъ государь, въ такомъ случаѣ безполезно было бы заниматься сею мыслью, а должно удовольствоваться нынѣшнею границею и стараться только о томъ, чтобы изъ нея извлечь какъ можно больше пользы. Впрочемъ, всякая война, безъ явнаго къ тому повода со стороны Персіи и предпріятая для того только, что намъ нужно пріобрѣсти новыя выгоды или удобности, была бы война *несправедливая и, слѣдственно, противная принятымъ мною правиламъ*. Я совершенно чуждъ всякаго помышленія о новыхъ завоеваніяхъ, а желаю только, чтобы миръ съ Персіею сохранился, и дружественныя сношенія съ нею утвердились, и для того при обозрѣніи новыхъ границъ вы должны не упускать изъ вида сего миролюбиваго моего намѣренія».

Независимо отъ рѣшенія вопроса по проведенію границы, петербургскій кабинетъ признавалъ необходимымъ войти въ соглашеніе съ тегеранскимъ дворомъ о болѣе широкомъ развитіи торговыхъ сношеній, выговорить себѣ дозволеніе завести въ Энзеляхъ и Астрабадѣ русскія торговыя конторы. Что же касается до союза съ Персіею, то Императоръ Александръ находилъ болѣе удобнымъ уклониться отъ заключенія какихъ бы то ни было союзныхъ до-

говоровъ и предпочиталъ видѣть въ ней державу совершенно нейтральную.

«Я искренно желаю, писалъ онъ Ермолову, быть съ Персіею въ мирѣ, и слѣдственно для меня пріятно будетъ все, что послужить можетъ къ утвержденію связей, на послѣднемъ договорѣ основавшихся, а также къ тому, чтобы сіи связи обратились въ пользу будущихъ соображеній, кои по стеченію обстоятельствъ могутъ встрѣтиться. Сіе требуетъ однако же крайней осторожности и наивнимательнѣйшаго разсмотрѣнія. По увѣреніямъ посла шахъ совершенно расположенъ по сему предмету соотвѣтствовать моимъ желаніямъ; но прежде всего рѣшить должно, можно ли приступить къ союзу съ Персіею безъ опасенія, что отъ того можетъ послѣдовать для насъ гораздо больше неудобностей, нежели пользы. Для Россіи всего нужнѣе, какъ кажется, заключить такое обязательство, по которому можно бы было увѣриться въ совершенномъ нейтралитетѣ со стороны Персіи во всѣхъ войнахъ, кои мнѣ случилось бы вести въ другихъ мѣстахъ, гдѣ бы то ни было, съ тѣмъ притомъ, чтобъ я не былъ обязанъ во взаимство того брать дѣятельнаго участія въ распряхъ Персіи съ сосѣдними ей народами, ниже помогать нынѣ владѣющему шаху или кому-либо изъ сыновей его въ случаѣ мятежей или несогласій внутреннихъ, кои по всѣмъ соображеніямъ неминуемо должны случиться послѣ смерти шаховой.

«Онъ назначилъ по себѣ наслѣдникомъ Аббасъ-Мирзу, но по разнымъ свѣдѣніямъ вѣроятно, что прочіе сыновья Фехтъ-Али-шаха, особливо же склонный къ войнѣ Мамедъ-Али-Мирза, управляющій нынѣ южными провинціями, не допустятъ, чтобы онъ спокойно воспользовался симъ правомъ. Если бы я руководствовался иными побужденіями, а не тѣми, что и въ Азіи послѣ продолжительной войны и тяжкихъ бѣдствій, такъ же какъ и въ Европѣ, нужно возстановить миръ, необходимый для пользы моихъ подданныхъ, и если бы я не былъ убѣжденъ, что для достиженія сей цѣли непремѣнно должно послѣдовать наистрожайшимъ правиламъ совершеннаго миролюбія, то смятенія и междоусобныя войны, кои должны возникнуть по кончинѣ шаха, могли бы подать поводъ или предлогъ къ тому, чтобы къ условіямъ договора, въ Гюлистанѣ заключеннаго, были присовокуплены нужныя для насъ дополненія. Но я чуждъ сей мысли и, слѣдова-

тельно, не желаю обязательствъ, кои могли бы дать мнѣ право вступаться во внутреннія дѣла и несогласія въ Персіи; напротивъ того, я почелъ бы таковую обязанность для меня тягостною, ибо она вовлекла бы Россію въ новыя войны, и потому для меня пріятно было, что при послѣднихъ переговорахъ на предложенную съ нашей стороны статью, чтобы наслѣдство престола было обезпечено въ пользу Аббасъ-Мирзы, самъ персидскій шахъ не изъявилъ своего согласія.

«При полученіи отвѣтной отъ меня къ Аббасъ-Мирзѣ грамоты, персидскій посолъ замѣтилъ, что въ надписи нѣтъ титула наслѣдника Персіи, домогался наиубѣдительнѣйшимъ образомъ, чтобы сіи слова были прибавлены, но я отклонилъ сіе предложеніе по уваженіямъ, изъясненнымъ въ отвѣтѣ ему данномъ. Впрочемъ увѣряйте Аббасъ-Мирзу при всякомъ случаѣ, что по вступленіи его на престолъ я никакъ не отрекусь признать его владѣтелемъ Персіи; если же удостовѣритесь, что, давая сей титулъ шахскаго наслѣдника, мы не подвергаемся ручательству за его право на престолъ, то нѣтъ никакой надобности ему и нынѣ въ томъ отказывать».

Вопросъ о престолонаслѣдіи въ Персіи былъ крайне щекотливый, и объявленіе младшаго сына Аббасъ-Мирзы наслѣдникомъ, помимо старшаго его брата Мамеда-Али, не обезпечивало страну отъ внутреннихъ безпорядковъ, могущихъ произойти со смертью шаха. До сихъ поръ право на персидскій престолъ обезпечивалось только правомъ сильнаго, и если Фехтъ-Али-шахъ хотѣлъ водворить въ этомъ отношеніи нѣкоторый порядокъ, то ему необходимо было для объявленнаго наслѣдника заручиться постороннею помощью. Помощи этой ближе всего было искать у сосѣдней державы—Россіи, и если шахъ отказался отъ нея, то потому, что почти одновременно съ заключеніемъ Гюлистанскаго трактата тегеранскій кабинетъ заключилъ съ представителемъ Англіи договоръ, въ который была введена весьма оригинальная статья. «Обѣ договаривающіяся стороны, сказано было въ этой статьѣ, взаимно обязуются поддерживать порядокъ наслѣдія, *въ каждомъ изъ двухъ государствъ нынѣ существующій*». Конституціонной Англіи было странно искать поддержки въ Персіи, и англійское правительство не утвердило этой статьи, какъ несообразной съ конституціею страны. Англія признала Аббасъ-Мирзу наслѣдникомъ и обѣщала именовать его этимъ титуломъ, но не прини-

мая на себя никакого въ томъ ручательства. Шахъ не былъ удовлетворенъ такимъ отвѣтомъ, но время было упущено, Гюлистанскій миръ заключенъ, и надо было выискать предлогъ, чтобы вступить въ переговоры съ Россіею относительно поддержки правъ Аббасъ-Мирзы на персидскій престолъ. До отысканія же такого предлога тегеранскому двору приходилось по необходимости придерживаться Англіи, всегда старавшейся какъ можно тѣснѣе сблизиться съ персидскимъ правительствомъ. При безпрерывныхъ заботахъ объ этомъ и при содѣйствіи дѣятельныхъ агентовъ Англія успѣла усилить свое вліяніе въ Персіи до того, что оно стало распространяться даже и на внутреннее управленіе государства.

«Сколь ни тѣсны мои сношенія съ великобританскимъ правительствомъ, писалъ Императоръ Александръ генералу Ермолову, я не могу однако же равнодушно видѣть, чтобы власть его усиливалась въ сосѣднемъ со мною государствѣ, о которомъ по необходимости я долженъ стараться, чтобы оно не было подвержено постороннему европейскихъ державъ вліянію. Англія естественно должна желать, чтобы всѣ виды и помышленія персидскаго правительства были обращены къ сѣверу, и будетъ возбуждать въ немъ противъ насъ подозрѣнія, дабы отвлечь его вниманіе отъ юга. Меня не занимаютъ замыслы, чтобы посредствомъ Персіи потрясти власть англичанъ въ Индіи и, слѣдовательно, я неоспоримо имѣю право стараться всѣми мѣрами, дабы остановить дѣйствія такой системы, которая со временемъ легко обратиться можетъ и къ той цѣли, чтобы вредить моимъ владѣніямъ за Кавказомъ. Вслѣдствіе сего я призналъ за нужное при самомъ началѣ устранить всякое посредничество Англіи въ переговорахъ, съ персидскимъ посломъ здѣсь производившихся, ибо легко было предвидѣть, что всякое его соучастіе въ столь важномъ обстоятельствѣ открыло бы ему множество способовъ и предлоговъ вмѣшиваться часъ отъ часа болѣе въ дѣла Персіи».

Признавая необходимымъ сначала ослабить вліяніе Англіи въ Персіи, а впослѣдствіи и вовсе уничтожить это вліяніе, Императоръ Александръ поручалъ Ермолову обратить на это особенное вниманіе и считать въ числѣ главнѣйшихъ обязанностей своихъ. «Судя по разнымъ отзывамъ персидскаго посла, есть поводъ къ заключеніямъ, что сіе вліяніе, становясь часъ отъ часа взыскательнѣе и обращаясь

даже на мелочныя подробности внутренняго управленія, дѣлается для персіянъ тягостнымъ и едва ли не заставляетъ ихъ желать, чтобы отъ него избавиться. Буде сіе справедливо, то вы найдете уже готовый способъ, который много поможетъ вамъ въ семъ дѣлѣ, и вы не оставите воспользоваться онымъ въ полной мѣрѣ. Впрочемъ, успѣхи ваши по сему порученію должны болѣе состоять въ естественномъ послѣдствіи возрастающаго къ Россіи довѣрія, нежели въ какихъ-либо иныхъ мѣрахъ или въ непосредственныхъ съ вашей стороны внушеніяхъ, и потому въ обращеніи вашемъ съ поселившимися въ Персіи или акредитованными при тамошнемъ дворѣ англичанами должно быть соблюдено все то вниманіе и ласки, коихъ они въ правѣ ожидать отъ посла дружественной и союзной державы».

А. П. Ермоловъ отправлялся въ Персію въ такое время, когда Россія, побѣдоносно окончивъ продолжительную войну, даровала Европѣ миръ и спокойствіе. Первенствующее положеніе Россіи среди европейскихъ державъ давало возможность ея послу убѣдить тегеранскій дворъ въ необходимости сохранять миръ и дружбу съ русскимъ правительствомъ. Побѣды, одержанныя надъ персіянами лишь незначительною частью нашихъ силъ, должны были указать шаху и его совѣтникамъ на опасность нарушенія дружбы въ то время, когда Россія могла располагать всѣми своими боевыми средствами. При такихъ условіяхъ А. П. Ермолову не трудно было утвердить шаха и его министровъ въ томъ мнѣніи, что для блага Персіи необходимо ей быть въ мирѣ съ Россіею, и слѣдовательно, не домогаться возвращенія того, что уступлено по трактату.

«По моимъ правиламъ, говорилъ Императоръ Александръ, я не имѣю даже въ помышленіи воспользоваться превосходствомъ силъ моихъ, дабы принудить ихъ къ новымъ уступкамъ. Вся цѣль сношеній моихъ въ Азіи состоитъ токмо въ томъ, чтобы сохранился миръ и водворилось спокойствіе между народомъ, сопредѣльнымъ въ томъ краѣ съ россійскими владѣніями, ибо, подъ сѣнью мира и общаго спокойствія, *я надѣюсь утвердить благосостояніе и распространить просвѣщеніе въ земляхъ, лежащихъ за Кавказомъ, а также довершить постепенное покореніе народовъ, на немъ обитающихъ*».

Миролюбивые виды императора должны были лечь въ основаніе

поступковъ посла, и его поведеніе должно было клониться только къ тому, чтобы укрѣпить дружбу и ни въ какомъ случаѣ не нарушить ея. Зная пылкій, впечатлительный и упорный характеръ Ермолова, императоръ совѣтовалъ ему строго слѣдовать персидскому этикету. «Въ азіятскомъ церемоніалѣ, писалъ государь, заключается много такихъ вещей, которыя по своей необыкновенности часто кажутся для европейцевъ неприличными; въ таковыхъ случаяхъ будьте вообще сговорчивы, ибо нетрудно различить то, что относится просто къ обычаямъ, отъ такихъ вещей, кои можно почесть за униженіе» [1]). Мы увидимъ впослѣдствіи, что Алексѣй Петровичъ не вполнѣ послѣдовалъ этому совѣту и почти совершенно отказался исполнить требованія персидскаго правительства относительно этикета.

Принявъ наставленія, Ермоловъ, въ началѣ августа выѣхалъ изъ Петербурга, пробылъ нѣсколько дней въ Москвѣ въ свитѣ государя [2]), и затѣмъ въ сентябрѣ отправился въ Тифлисъ.

---

[1]) По поводу того же характера великій князь Константинъ Павловичъ писалъ Алексѣю Петровичу изъ Варшавы 25 іюня 1816 г.: «О посольствѣ вашемъ совсѣмъ не удивляюсь. Я вамъ сказывалъ всегда и повторяю вамъ снова, что единственный Ермоловъ гораздъ на все. Но избави Боже отрыжки, et comme les extrémités se touchent, чтобъ, по поводу путешествія вашего, не сдѣлалось съ нашей стороны всеобщей прогулки по землямъ чужимъ. Шпанская муха много перевела народа во Франціи. Избави Богъ, чтобъ Персія тоже не перевела много православныхъ! Впрочемъ, все зависитъ отъ миссіонерства наслѣдника общества Грубера (извѣстно, что многіе называли Ермолова именемъ іезуита-патера, находившагося въ Петербургѣ).

[2]) О времени пребыванія въ Москвѣ сохранилось весьма любопытное письмо Алексѣя Петровича къ А. В. Казадаеву отъ 21-го августа 1816 г. «Я пріѣхалъ сюда, писалъ Ермоловъ, довольно скоро и хорошо. Здѣсь дождался государя, а теперь живу праздно и весело. Радъ чрезвычайно случаю, сдѣлавшему меня свидѣтелемъ пребыванія здѣсь государя. Народъ въ восхищеніи и боготворитъ его. Онъ между приверженными къ нему подданными совершенный отецъ. Такъ благосклонно его обращеніе, столько свободенъ до него доступъ. Онъ обласкалъ дворянство и всѣ состоянія, хотя въ другой разъ всѣ готовы зажечь Москву безъ ропота. Для него, кажется, нѣтъ ничего невозможнаго. Я въ первый разъ вижу подобныя чувства и до сего не имѣлъ о томъ понятія. Слава русскому народу!».

XI.

Прибытіе Ермолова въ Тифлисъ.—Число войскъ на Кавказской линіи и въ Закавказьѣ.—Состояніе поселенныхъ казачьихъ войскъ.—Положеніе края и пограничныхъ дѣлъ съ Персіею.—Вопросъ о вызовѣ царевича Александра въ Россію.—Мнѣніе Ермолова о невозможности уступки Персіи территоріальныхъ пріобрѣтеній.

Вечеромъ 10-го октября Ермоловъ прибылъ въ Тифлисъ и 12-го числа объявилъ «всѣмъ новымъ по службѣ товарищамъ» о своемъ вступленіи въ управленіе краемъ и командованіе войсками, состоявшими изъ 2 гренадерскихъ, одного карабинернаго, 8 пѣхотныхъ и 4 егерскихъ полковъ. Полки эти были раздѣлены на двѣ дивизіи (19-ю и 20-ю) и на одну резервную бригаду [1]). Кавалерія состояла изъ Нижегородскаго драгунскаго [2]) и 15-ти донскихъ казачьихъ полковъ [3]), сборнаго линейнаго полка [4]) и команды астраханскихъ казаковъ [5]). При корпусѣ находились: 6 артиллерійскихъ ротъ [6]), конно-артилле-

[1]) Девятнадцатую дивизію, расположенную на Кавказской линіи, составляли полки: Суздальскій, Вологодскій и Казанскій пѣхотные, 15-й, 16-й и 19-й егерскіе. Въ составъ двадцатой дивизіи, расположенной въ Закавказьѣ, входили пѣхотные полки: Троицкій, Кабардинскій, Тифлисскій, Бѣлевскій, Севастопольскій (перечисленъ 2-го февраля 1816 г. изъ 19-й въ 20-ю дивизію) и 46-й егерскій. Резервная пѣхотная бригада состояла изъ Грузинскаго и Херсонскаго гренадерскихъ и 7-го карабинернаго (бывшаго 17-го егерскаго, въ 1815 г. за отличіе переименованнаго въ карабинерный) полковъ. Послѣ преобразованій, произведенныхъ въ 1815 г., каждый пѣхотный полкъ состоялъ изъ трехъ баталіоновъ, причемъ штатный составъ полка былъ опредѣленъ въ 240 унтеръ-офицеровъ, 54 музыканта, 2,760 рядовыхъ и 131 нестроевыхъ.

[2]) Въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку было семь эскадроновъ, въ коихъ во всѣхъ было по штату 126 унтеръ-офицеровъ, 23 музыканта, 1,260 рядовыхъ и 97 нестроевыхъ.

[3]) Изъ нихъ девять въ Закавказьѣ. Въ каждомъ донскомъ полку было по штату 10 урядниковъ и 550 рядовыхъ.

[4]) Состоявшаго по штату изъ 18-ти урядниковъ и 482 рядовыхъ.

[5]) Изъ 6-ти урядниковъ и 94-хъ казаковъ.

[6]) Батарейныя № 29-го и № 30-го, особо для Грузіи сформированныя; батарейная № 20-го, легкія №№ 39-го и 40-го—всѣ три составляли 20-ю артиллерійскую бригаду, и гарнизонная № 57-го артиллерійская рота.

рійская казачья команда [1]), 3 гарнизонные полка и 6 гарнизонныхъ баталіоновъ [2]).

Такимъ образомъ подвижная или дѣйствующая часть боевыхъ силъ пѣхоты простиралась до 45,000 штыковъ штатнаго состава, 6,926 челов. кавалеріи и 131 орудія (48 батарейныхъ, 60 легкихъ и 24 конно-казачьихъ). Изъ этого числа лишь третья часть могла находиться на Кавказской линіи, главнѣйшую охрану которой составляли поселенныя казачьи войска: Гребенское, Терское-семейное, Терское-кизлярское; казачьи полки: Кубанскій, Кавказскій, Хоперскій, Волгскій, Моздокскій и Моздокская горская команда съ причисленною къ ней Луковскою станицею.

Во всѣхъ этихъ войскахъ былъ значительный некомплектъ, а поселенные казачьи полки принуждены были высылать на службу людей престарѣлыхъ и даже малолѣтокъ.

Въ помощь поселеннымъ войскамъ, для облегченія ихъ трудной службы, высылались на линію донскіе полки, но въ 1815 году признано было необходимымъ число ихъ на Кавказѣ уменьшить. Отечественная война значительно ослабила боевой составъ Донскаго войска, а между тѣмъ донскіе полки необходимы были для пограничной стражи на всемъ протяженіи нашей границы отъ Ботническаго залива до Чернаго моря. Донцы выслали на службу почти весь служилый классъ, и атаманъ, опасаясь въ будущемъ какъ за экономическія условія войска, такъ и за приращеніе населенія, просилъ о возвращеніи нѣкоторыхъ полковъ на Донъ. Находя эту просьбу уважительною, Императоръ Александръ, 14-го апрѣля 1815 года, приказалъ возвратить всѣ донскіе полки, находившіеся на Кавказской линіи, съ тѣмъ, чтобы на будущее время охрана линіи была возложена на одни поселенныя казачьи войска. Лишаясь такимъ образомъ содѣйствія шести донскихъ полковъ, бывшій тогда главнокомандующій, генералъ отъ инфантеріи Ртищевъ, приказалъ въ поселенныхъ полкахъ и войскахъ зачислить на службу всѣхъ неслужащихъ казаковъ. Съ приведеніемъ этой мѣры въ исполненіе кавказскіе казаки

[1]) Изъ двухъ унтеръ-офицеровъ и 24-хъ рядовыхъ.

[2]) Гарнизонные полки: Астраханскій (двухбаталіонный), Владикавказскій (трехбаталіонный) и Кизлярскій (двухбаталіонный). Баталіоны: Моздокскій, Каспійскій-морской, Ленкоранскій, Бакинскій, Дербентскій и Потійскій.

должны были выставлять ежегодно на службу 8,550 человѣкъ. Цифра эта, въ сравненіи съ общимъ числомъ населенія, была такъ велика [1]), что въ домахъ оставались только старики, не имѣвшіе силъ обработывать землю. Казаки принуждены были продавать послѣднее имущество и покупать необходимое оружіе, безъ котораго невозможно было ни пахать, ни косить сѣно. Чтобы сколько-нибудь облегчить населеніе, приказано было возвратить въ войска всѣхъ казаковъ, находившихся при городскихъ и земскихъ полиціяхъ, при разныхъ гражданскихъ чиновникахъ, при карантинахъ и при приставахъ у горскихъ народовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ признано необходимымъ ходатайствовать: 1) о сравненіи въ чинахъ кавказскихъ казаковъ съ донскими; 2) о производствѣ жалованья тѣмъ казачьимъ офицерамъ, которые находились на службѣ внѣ своихъ станицъ; 3) объ отпускѣ всѣмъ казакамъ провіанта и фуража; 4) о сложеніи съ казаковъ обязательства продовольствовать проходящія команды за кормовыя деньги и 5) объ обращеніи въ казаки всѣхъ горцевъ и осетинъ, жившихъ въ Моздокскомъ и Георгіевскомъ уѣздахъ.

Всѣ эти мѣры не могли быть быстро приведены въ исполненіе, а между тѣмъ кордонная служба требовала опредѣленнаго числа лю-

---

[1]) Для сравненія мы приведемъ слѣдующую таблицу:

	Состояло на службѣ.	Причислено изъ неслужащихъ.	Должно состоять на службѣ.
Въ полкахъ:			
Кубанскомъ.	765	535	1,300
Кавказскомъ	813	787	1,600
Хоперскомъ.	867	533	1,400
Волжскомъ.	781	219	1,000
Моздокскомъ	1,286	214	1,500
Въ войскахъ:			
Гребенскомъ	684	316	1,000
Терскомъ-семейномъ .	432	48	480
Терскомъ-Кизлярскомъ	143	7	150
Моздокской горской командѣ съ причисленною къ ней Луковскою станицею. . .	57	63	120
Итого	5,828	2,722	8,550

дей, уменьшить которое было невозможно. На службу выходили 16-ти-лѣтнія дѣти, отцы съ двумя и тремя сыновьями, оставляя домъ и хозяйство на попеченіе женщинъ. Прибывшій на линію главнокомандующій былъ встрѣченъ безчисленными просьбами и жалобами на безвыходное положеніе казаковъ. Онъ приказалъ отправить на Донъ только два полка, а остальные четыре просилъ императора оставить на Кавказской линіи. «Я осматривалъ донскіе полки, доносилъ Ермоловъ [1]), идущіе въ Грузію на смѣну. Въ нихъ нѣтъ ни одного человѣка менѣе 19 лѣтъ возраста, и въ самую войну 1812 года, когда взяты были отставные на службу, не было ни одного 16-ти-лѣтняго въ походѣ. Что заключить должны неукрощенные горскіе народы о поголовномъ вооруженіи линейныхъ казаковъ и что могутъ (сдѣлать) противъ ихъ малолѣтные казаки, тогда какъ и хорошіе донскіе полки не съ перваго шага бываютъ имъ страшными?»

Дѣйствительно, необходимо было много навыка и личной храбрости для того, чтобы воспрепятствовать горцамъ производить хищническія вторженія, и надо сознаться, что кордонная служба казаковъ была неудовлетворительна.

«Изъ поступающихъ ко мнѣ о происшествіяхъ на Кавказской линіи донесеній, писалъ Ермоловъ генералъ-маіору Дельпоццо [2]), вижу я, сколь слаба и неисправна кордонная наша стража, сколь нерачительны и худо исправляютъ должность свою командующіе постами офицеры. Я требую отъ вашего превосходительства возможной въ семъ случаѣ строгости, ибо *оскорбительно для меня* слышать справедливыя на счетъ неисправности воинской стражи укоризны, и въ правилахъ моихъ нѣтъ снисхожденія къ нерадивымъ».

Требуя энергіи и дѣятельности, главнокомандующій сознавалъ, однако же, что не одно нерадѣніе было причиною дурнаго отправленія кордонной службы и плохаго обезпеченія жителей отъ грабежей горцевъ. Ермоловъ видѣлъ, что въ основаніи этого безпорядка лежитъ дурное размѣщеніе постовъ, отсутствіе между ними удобныхъ сооб-

---

[1]) Императору въ сентябрѣ 1816 г. Чтенія общества исторіи и древностей 1866 г., кн. III.

[2]) Отъ 28-го октября 1818 г. Чтенія общества исторіи и древностей 1862 г. кн. IV.

щеній, плохія гигіеническія условія, въ которыя были поставлены войска, и недостатокъ ихъ.

Разбросанные по постамъ казаки и солдаты жили въ землянкахъ тѣсно, сыро и посреди убійственнаго климата; назначеніе командъ на нѣкоторые посты было равносильно съ смертнымъ приговоромъ, и «меня устрашаетъ, доносилъ Ермоловъ, необычайная смертность въ войскахъ, которая среди мира истребляетъ болѣе воиновъ, нежели самая жестокая война противъ здѣшнихъ непріятелей». Алексѣй Петровичъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, перенести посты на другія, болѣе здоровыя мѣста, устроить казармы и улучшить пути сообщенія. На все это надо было время, а между тѣмъ смертность не прекращалась, и въ войскахъ Грузинскаго корпуса былъ огромный некомплектъ. Вмѣсто 45,000 человѣкъ пѣхоты было 37,360 человѣкъ, а вмѣсто 6,926 челов. кавалеріи находилось налицо 5,948 человѣкъ, слѣдовательно общій некомплектъ простирался до 11,866 человѣкъ. По отдаленности Грузинскаго корпуса, пополненіе его полковъ производилось весьма медленно и не рѣдко такими рекрутами, которые за негодностію оставались неназначенными въ войска, расположенныя внутри имперіи. Мало того, во время слѣдованія рекрутскихъ партій на Кавказъ, лучшіе люди оставлялись по дорогѣ въ разныхъ командахъ, а взамѣнъ ихъ отправлялись старые и негодные къ службѣ солдаты. Такъ, въ 1821 году рекруты, назначенные на Кавказъ, собирались въ Харьковѣ. Начальство военныхъ поселеній самовольно оставило у себя тысячу человѣкъ лучшихъ, а взамѣнъ ихъ, подъ предлогомъ необходимости конвоя для рекрутскихъ партій, отправило съ ними тысячу старыхъ, никуда негодныхъ солдатъ поселенныхъ баталіоновъ. Узнавъ объ этомъ, Ермоловъ просилъ начальника главнаго штаба князя Волконскаго запретить подобныя «операціи» съ рекрутами, хотя, прибавлялъ онъ, «я менѣе всѣхъ прихотливъ на счетъ наружной красоты солдата и въ понятіи моемъ нѣтъ солдата худаго, лишь бы имѣлъ силу нести ружье и ранецъ».

Независимо отъ такого способа пополненія, въ Грузинскій корпусъ часто ссылались за наказаніе штрафованные нижніе чины и даже офицеры. Считая подобную мѣру обидною для войскъ, заслужившихъ боевую славу, переносившихъ всѣ труды и лишенія, Ермоловъ просилъ императора воспретить присылку въ его корпусъ лю-

дей недостойныхъ и порочныхъ. Государь изъявилъ на то согласіе и «отнынѣ впредь, писалъ Ермоловъ въ приказѣ [1]), гг. офицеры не увидятъ между собою таковыхъ, за поведеніе которыхъ должны бы были стыдиться. Въ рядахъ храбрыхъ солдатъ Грузинскаго корпуса не станутъ недостойные раздѣлять съ ними труды ихъ и славу».

Ревнивый къ славѣ и чести своихъ подчиненныхъ, Алексѣй Петровичъ жестоко преслѣдовалъ всякаго рода злоупотребленія, какъ среди военной, такъ и гражданской администраціи. Злоупотребленія эти существовали съ давнихъ поръ, и главнокомандующему приходилось бороться съ ними на каждомъ шагу.

Прошло 15 лѣтъ со времени присоединенія Грузіи къ Россіи; владѣнія наши широко раскинулись въ Закавказьѣ, но для умиротворенія края, для внушенія туземному населенію довѣрія къ русскому правительству сдѣлано было весьма мало. Достигнуть послѣдняго можно было только тогда, когда среди населенія явится сознаніе въ преимуществѣ правительства справедливаго, сильнаго, пекущагося о благѣ своихъ подданныхъ, передъ произволомъ и жестокостью азіятскихъ деспотовъ, непризнающихъ ни личной, ни имущественной собственности и чуждыхъ вѣротерпимости.

Съ первыхъ же дней своего прибытія въ Грузію Алексѣй Петровичъ встрѣтился съ такими порядками, которые требовали немедленнаго и кореннаго преобразованія.

«Дворянство чрезвычайно грубое и необразованное, писалъ онъ графу Аракчееву [2]), въ которомъ прежнихъ царей ихъ безпутное и самовластное правленіе ожесточило сердце и въ немъ посѣяло сѣмена неблагодарности. Недовѣрчивость къ правленію, никакимъ закономъ неруководимому, заставила по необходимости изыскивать средства ему противоборствовать. Въ дворянствѣ, имѣющемъ добродѣтели, отъ того произошло бы единодушіе; въ грузинахъ родились различныя партіи. Безсиліе царей ихъ утвердило, и когда случалось, что цари предпринимали что либо въ пользу дворянства, всегда таковыя дѣйствія относились не къ благимъ ихъ намѣреніямъ, но къ боязни.

---

[1]) Отъ 6-го апрѣля 1817 г.

[2]) Графу Аракчееву 26-го января 1817 г. Сборникъ историческ. матеріаловъ изъ архива 1-го отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, стр. 406.

«Цари не воздерживались отъ присвоенія собственности частныхъ людей, а дворянство оттого почитало всякій способъ обогащенія добрымъ. Въ службѣ царей и должностяхъ вдались въ воровство и неправду, въ жизни частной сдѣлались грабителями своихъ подданныхъ. Грузія недавно принадлежитъ Россіи. Медленное образованіе дворянства не перемѣнило еще свойствъ его, и развѣ продолжительное весьма время произведетъ перемѣну. Правительство наше не имѣетъ здѣсь ни приверженныхъ людей, ни благодарныхъ, и вообще всѣ не въ полной мѣрѣ чувствуютъ счастіе принадлежать россійскому государю.

«Я нашелъ Тифлисъ городъ многолюдный, наполненный живущими и безпрерывно пріѣзжающими изъ сосѣдственныхъ земель. Полиціи совершенно не было, кромѣ нѣсколькихъ негодныхъ квартальныхъ и десятскихъ. Сборы съ жителей производились безъ толку, издерживались деньги безъ отчета. Богатый и бѣдный платили поровну съ лавки и комнаты. Различіе состояній не принималось въ разсужденіе.

«Я учредилъ квартирную коммисію, которая должна опредѣлить сборъ по способамъ каждаго, дабы поровнять повинность. Дворянство съ трудомъ выбрало депутатовъ и обидилось, что ихъ сравниваютъ въ повинности съ прочими состояніями. Купечество и граждане имѣли нѣсколько собраній, толковали самымъ превратнымъ образомъ намѣреніе начальства и оказывали явное неповиновеніе власти, отзываясь, что хотя они и видятъ въ томъ пользу, но какъ сего не было прежде, то и теперь того не хотятъ. Я не допустилъ о томъ формальнаго донесенія, но велѣлъ имъ растолковать, что буде они почитаютъ распоряженіе начальства утѣсненіемъ, могутъ подать жалобу, но что приказаніе начальства должны исполнить, или ихъ заставятъ то сдѣлать. Кончилось выборомъ депутатовъ. Здѣсь невозможно ничего предпринять, изъ чего не вывели бы самыхъ возмутительныхъ толковъ. Напримѣръ, камеральное описаніе называется здѣсь счисленіемъ народа для набора рекрутъ, о чемъ здѣсь и слышать не хотятъ. Введеніе дворянской граматы и выборъ дворянскихъ депутатовъ называется всеобщимъ разореніемъ, ибо дворянство должно будетъ доказывать законное право на владѣніе своимъ имѣніемъ. *Боятся обязанности служить;* боятся вырвать себя отъ празд-

ности, главнѣйшаго свойства здѣшняго дворянства и вообще всего народа. Доселѣ во всеобщемъ безпорядкѣ, точно, большей части дворянства нѣтъ ясныхъ доказательствъ на собственность. Многими захвачены или казенныя, или имъ непринадлежащія земли, и хаосъ сей должно разрѣшить общее размежеваніе для собственнаго спокойствія жителей и прекращенія тяжбъ и ябедъ.

«Вотъ предстоящія мнѣ трудности, но я примусь за все съ терпѣніемъ. Я не употреблю слабыхъ мѣръ, которыя обращались намъ во вредъ. Больно мнѣ признаться, что послѣ князя Циціанова, нѣкоторые изъ предмѣстниковъ моихъ, слабостію своею, пріучили къ неповиновенію и утвердили духъ мятежный. Не всегда строгая справедливость была знаменіемъ ихъ поступковъ. Покровительство не всегда снискивалось правотою и честію. Пути кривые отверзты были для пронырливости и подлости. Довѣріе къ правительству не укоренилось, уваженія должнаго ко власти не существуетъ. Причины много разъ возгоравшихся мятежей и бунтовъ оттуда происходятъ. Виновники послѣдняго бунта или мало наказаны, или наказаны менѣе виновные. Явные всѣ здѣсь, а нѣкоторые не только прощены, но есть даже и награжденные.

«Мое поведеніе совсѣмъ будетъ другое. У меня нѣтъ власти, нѣтъ воли, кромѣ силы законовъ. Но отвѣчаю, что сила будетъ полная, безъ уваженія лицъ. Отвѣчаю, что будутъ повиноваться и вскорѣ даже безъ малѣйшаго ропота. Здѣсь у всѣхъ общая мысль, что надобно страшиться общаго негодованія, которое здѣсь всегда является въ видѣ бунта. Подобными страхами извѣдывали робость начальниковъ и вырывали потворство и слабыя мѣры. Во мнѣ нѣтъ сей боязни, и я смѣло заключаю, что рѣдки будутъ подобныя прежнимъ происшествія или совсѣмъ, можетъ быть, не случатся».

Со вступленіемъ нашихъ войскъ въ Грузію, окрестные горскіе народы не имѣли никакой религіи, а съ прибытіемъ Ермолова они почти всѣ были мусульмане, явные враги христіанству, ревностно хлопотавшіе о распространеніи магометанства. Миссіонеры всѣхъ религій находили средства съ успѣхомъ распространять свое ученіе въ массѣ народа, но одного только ученія не слышно было въ горахъ— ученія православной церкви. Іезуиты, лютеране и кальвинисты, проповѣдывавшіе каждый свою религію, встрѣчали покровительство и

поддержку со стороны главнокомандующихъ, которые не могли найти двухъ-трехъ достойныхъ православныхъ священниковъ для отправленія ихъ въ горы миссіонерами.

Учрежденная въ 1745 году такъ называемая осетинская комиссія, имѣвшая цѣлью проповѣдывать христіанское ученіе въ горахъ и преимущественно между осетинами, съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности не исполнила въ точности возложенной на нее обязанности и не внушила къ себѣ довѣрія со стороны населенія. Осетины крестились изъ-за пріобрѣтенія личныхъ выгодъ, но не по убѣжденію въ преимуществахъ христіанской религіи. Въ 1777 году императрица Екатерина II приказала дать наставленіе протопопу осетинской коммисіи, чтобы онъ не считалъ исполненнымъ долгъ свой «въ торопливомъ сподобленіи крещенія», но старался бы желающимъ креститься внушить силу христіанскаго ученія и «руководствовать ко всякому благонравію, безъ чего крещеніе, дикимъ людямъ преподаваемое, едва ли не можетъ быть названо злоупотребленіемъ одного изъ величайшихъ таинствъ вѣры христіанской».

Синодъ постановилъ тогда, чтобы проповѣдники не заявляли населенію, что они присланы по распоряженію правительства, чтобы они крестили только тѣхъ, которые достаточно познакомились съ догматами христіанства и утвердились въ вѣрѣ, и, наконецъ, чтобы «никакихъ непристойныхъ и до званія проповѣдническаго не касающагося разглашеній» не дѣлали. Постановленіе Синода не было исполнено, и къ сожалѣнію въ миссіонеры попадали исключительно такія лица, которыя были совершенно незнакомы съ правилами нравственности. Въ этомъ отношеніи особенно развратною жизнью пріобрѣлъ себѣ извѣстность архимандритъ Иларіонъ, впослѣдствіи удаленный и отданный подъ судъ. Его примѣру, въ меньшей, конечно, степени, слѣдовало и все остальное духовенство, входившее въ составъ коммисіи и посвятившее себя на проповѣдь евангельскаго ученія. Проповѣдники вмѣшивались въ дѣла, до нихъ некасавшіяся, производили разбирательства гражданскихъ дѣлъ, отклоняли жителей отъ повиновенія свѣтскому начальству и увѣряли, что каждый крестившійся дѣлается свободнымъ и не будетъ платить никакой повинности своимъ владѣльцамъ.

Мало того, священники увѣряли новокрещенныхъ, что все то,

что до крещенія украдено ими у карталинскихъ жителей, останется безъ взысканія, и всякій крестившійся осетинъ «не будетъ у себя имѣть никого болѣе изъ начальниковъ, какъ токмо монаховъ, и ни одинъ мѣстный начальникъ не смѣетъ сдѣлать какихъ либо съ осетинъ взысканій безъ воли духовенства» [1]).

Преимущества, предоставленныя, по словамъ духовенства, каждому крещеному осетину, были столь очевидны, что населеніе толпами спѣшило креститься изъ одного желанія пріобрѣсти личныя выгоды. Въ 1815 году архіепископъ телавскій и грузино-кавказскій Досифей увѣдомилъ главнокомандующаго, что съ мая и по декабрь мѣсяцъ того года окрещено въ христіанскую вѣру въ самыхъ дальнихъ мѣстахъ Кавказскихъ горъ *болѣе 14,000 душъ обоего пола*, и что всѣ новокрещенные народы *начали вести жизнь тихую и покойную и являютъ приверженность къ государю своему и начальству.*

«Изъ сего ваше императорское величество сами изволите усмотрѣть, доносилъ Ермоловъ [2]), вѣроятное ли дѣло, чтобы въ теченіе столь короткаго времени можно было привести такое множество въ христіанство и до такой степени, что народы посредствомъ крещенія обратились уже къ покорности, тогда какъ иные, будучи погружены въ самомъ закоснѣломъ невѣжествѣ, занимались единственно воровствомъ, грабежами и смертоубійствомъ, поставляя сіе послѣднее ни во что, и тогда какъ большая часть ихъ не знаетъ грузинскаго языка, то какимъ чудеснымъ образомъ могли они понять отъ проповѣдниковъ слова Божія христіанскую вѣру и чрезъ оную смириться?»

Изъ всего этого видно, «что таинство св. крещенія совершено было съ торгу вмѣсто того, чтобы просвѣщать народъ закону Божію не прельщеніями, а примѣромъ кротости и убѣжденіями о пользахъ, кои приноситъ христіанская вѣра». Какъ только осетины узнали, что крещеніе въ будущемъ не будетъ давать имъ никакихъ ни лич-

---

[1]) Письмо Ермолова архіепископу Досифею 26-го октября 1816 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 487.

[2]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи 15-го ноября 1816 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 489.

ныхъ, ни имущественныхъ привилегій, они отказывались перемѣнять религію, и въ 1817 году окрещено было только 24 души[1]).

Если миссіонерская дѣятельность нашего духовенства была совершенно неудовлетворительна, то съ другой стороны и сами главнокомандующіе придавали весьма малое значеніе распространенію христіанства и не видѣли въ немъ могущественнаго рычага къ умиротворенію края и смягченію дикихъ и необузданныхъ нравовъ населенія. Тѣ изъ жителей, которые добровольно принимали православіе, и многочисленное христіанское населеніе, разбросанное среди присоединенныхъ къ имперіи мусульманскихъ провинцій, не пользовалось ни покровительствомъ, ни защитою правительства. Отданное въ распоряженіе хановъ христіанское населеніе обязано было платить особую дань *дин-пай* (шелкъ за вѣру) за право исповѣдывать свою религію. «Сія дань, доносилъ протоіерей Іосифъ[2]), была изъ всѣхъ податей самая величайшая и которую обязаны были давать ханамъ одни только христіане, за дозволеніе имъ оставаться при своей религіи, отчего имѣвшіе хотя достаточное состояніе весьма часто доводимы были до крайней бѣдности и, наконецъ, не въ силахъ будучи, съ каждаго дома, платить каждогодно ханамъ по 20 фунтовъ шелку, по необходимости совращались въ магометанство».

Предоставленная по трактатамъ неограниченная власть ханамъ была причиною того, что вопросъ о лучшемъ гражданскомъ устройствѣ ихъ владѣній затягивался на долгое и, можно сказать, на неопредѣленное время.

Князь Циціановъ, при недостаткѣ боевыхъ средствъ и будучи окруженъ внѣшними и внутренними непріятелями, принужденъ былъ присоединить ханства къ Россіи при помощи трактатовъ. Необходимость вырвала у него въ пользу хановъ условія снисходительныя, которыя впослѣдствіи оказались столь же противными нашимъ интересамъ, сколько обременительными и для самаго туземнаго населенія. Ханъ управлялъ подвластнымъ ему народомъ съ неограниченною властью, и хотя не имѣлъ права казнить смертью, но мучить и истязать своихъ подвластныхъ ему никто не запрещалъ. Ханское достоин-

[1]) Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 502.

[2]) Митрополиту Ѳеофилакту 16-го апрѣля 1821 г. Тамъ же, № 544.

ство было наслѣдственнымъ, и русское правленіе въ ханствахъ могло быть введено не иначе какъ по прекращеніи наслѣдственной линіи или измѣны. Къ сожалѣнію, до назначенія Ермолова даже и измѣна не служила достаточнымъ основаніемъ для уничтоженія ханской власти. Такъ, послѣ измѣны Ибраимъ-хана карабагскаго, графъ Гудовичъ утвердилъ въ ханскомъ достоинствѣ сына его Мехти-Кули-хана, человѣка весьма нерасположеннаго къ Россіи, но до времени скрывавшаго истинныя свои чувства. Съ измѣною шекинскаго Селимъ-хана, въ богатомъ его владѣніи введено было сначала русское управленіе, но потомъ тотъ же графъ Гудовичъ, безъ всякой надобности и опутанный интригою, вызвалъ изъ Персіи Джафаръ-Кули-хана хойскаго, утвердилъ его ханомъ съ нисходящимъ потомствомъ и такимъ образомъ далъ всѣ средства къ тому, чтобы не только онъ до своей смерти могъ грабить народъ, но и впослѣдствіи передать управленіе своему сыну Измаилу-пашѣ, утвержденному въ званіи шекинскаго хана генераломъ Ртищевымъ. Измаилъ былъ бичомъ для своихъ подвластныхъ, и едва только Ермоловъ прибылъ въ Тифлисъ, какъ былъ заваленъ жалобами шекинцевъ на безчеловѣчные и жестокіе поступки хана. Всѣ способы грабежа и притѣсненія подданныхъ, всѣ роды истязаній, которыя только можно придумать, были примѣняемы ханомъ надъ лицами, имъ преслѣдуемыми часто изъ одного каприза или изъ желанія наживы. Изъ множества примѣровъ достаточно привести одинъ, хорошо характеризующій жестокость Измаилъ-хана.

Въ 1816 году въ сел. Ханабади былъ убитъ семилѣтній сынъ муллы Абдуллы, причемъ мальчику нанесено было нѣсколько ранъ кинжаломъ въ грудь и перерѣзано горло. Подозрѣніе въ убійствѣ пало на трехъ евреевъ изъ сел. Карабалдырь, и Измаилъ-ханъ приказалъ привести ихъ въ дер. Дехнэ, куда и самъ отправился. Тамъ, въ мѣстѣ, назначенномъ для загона скота, обвиняемыхъ били палками, клещами рвали у нихъ носы, уши, щеки, грудь и наконецъ выбили зубы. Не довольствуясь этими истязаніями, Измаилъ-ханъ приказалъ выбитые зубы вколотить въ головы. Евреи не признавались въ убійствѣ и, страдая отъ мученій, сложили вину на евреевъ дер. Варташены. Ханъ тотчасъ же послалъ за оговоренными, и ихъ было приведено 30 человѣкъ. Выбравъ двухъ, Измаилъ подвергнулъ ихъ точно

такимъ же мученіямъ, а третьяго заставлялъ признаться въ убійствѣ или принять магометанство. Когда тотъ предпочелъ перемѣнить религію, то его все-таки били палками, а затѣмъ той же участи подверглись и остальные 27 человѣкъ. Одинъ изъ несчастныхъ былъ взятъ въ Нуху, тамъ убитъ, и тѣло его брошено въ крѣпостной ровъ. Въ дер. Варташены были отправлены ханскіе слуги съ приказаніемъ избить жидовъ и завладѣть ихъ имуществомъ. Воля Измаила была исполнена въ точности: еврейскіе дома были всѣ ограблены, женщины изнасилованы, и ханскіе слуги, захвативъ до 34,280 руб. денегъ, много скота и другихъ вещей, возвратились въ Нуху.

Главнокомандующій не могъ оставить безъ вниманія подобные поступки шекинскаго владѣтеля и вынужденъ былъ обратиться къ нему съ словами угрозы.

«Господинъ генералъ-маіоръ ханъ шекинскій! писалъ Ермоловъ[1]). Едва пріѣхалъ я сюда, какъ уже закиданъ просьбами на васъ; не хочу вѣрить я имъ безъ изслѣдованія, и пріятно бы мнѣ было, чтобы оныя оказались несправедливыми, ибо въ каждой изъ нихъ описаны дѣйствія одному злонравному и жестокому человѣку свойственныя. Я поручилъ удостовѣриться о всемъ томъ чиновнику, заслуживающему вѣры. Если точно откроетъ онъ тѣ же жестокости, которыя дѣлаемы по волѣ вашей, что могутъ доказать оторванные щипцами носы и уши, то я приказалъ всѣхъ таковыхъ несчастныхъ помѣстить въ домѣ вашемъ до тѣхъ поръ, какъ вы ихъ удовлетворите. Чиновника вашего, который одного жителя билъ палками до того, что онъ умеръ, и тѣло его брошено въ ровъ, я приказалъ взять, и по учиненіи надъ нимъ суда онъ будетъ лишенъ жизни.

«Совѣтую вамъ, генералъ-маіоръ ханъ шекинскій, быть осмотрительнымъ въ выборѣ чиновниковъ, назначаемыхъ для приведенія въ исполненіе воли вашей; паче еще совѣтую, чтобы воля ваша не была противна милосердію и великодушію государя, который управленіе ханствомъ ввѣрилъ вамъ совсѣмъ не въ томъ намѣреніи, чтобъ народъ, его населяющій, страдалъ во дни славнаго его царствованія,

[1]) Въ письмѣ отъ 3-го ноября 1816 года. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 1075.

и ручаюсь вамъ, что если я найду жалобы основательными, я научу васъ лучше исполнять намѣренія всемилостивѣйшаго вамъ государя.»

Письмо это не измѣнило положенія шекинцевъ и лишь заставило хана принять мѣры къ сохраненію, въ случаѣ нужды, своей личной свободы. Окруженный своими соотечественниками, выходцами изъ Хоя, ненавистными шекинцамъ, Измаилъ продолжалъ грабить и притѣснять своихъ подвластныхъ. Шекинцы видѣли одно спасеніе въ защитѣ главнокомандующаго и посылали къ нему жалобу за жалобою. «Если бы моря обратились въ чернила, говорили они, деревья въ перья, а люди въ писарей, то не могутъ описать тѣхъ обидъ и безчинствъ, какія причинили намъ хойцы... Когда Джафаръ-Кулиханъ (отецъ Измаила) съ подвластными своими прибылъ въ Шеки, то Боже сохрани!—хойцы были съ такимъ видомъ, что и діаволы отъ нихъ отвращались: на спинахъ ихъ по лоскуту рубища, ноги у нихъ босы, на головахъ шапки 15 лѣтъ. Въ такомъ положеніи они были и еще сто тысячъ разъ хуже. Какъ скоро только животъ ихъ насытился хлѣбомъ, они, какъ хищные волки, напали на жизнь и имущество наши». Ханскіе любимцы и совѣтники начали съ того, что обобрали въ Нухѣ ружья подъ предлогомъ, что на то есть воля русскаго императора. Обезоруживъ населеніе, хойцы стали отбирать лошадей, катеровъ, дойныхъ буйволицъ и наложили новыя подати на жителей. Населеніе умоляло Ермолова избавить его отъ хана и бековъ и ввести русское правленіе. Главнокомандующій готовъ былъ придти на помощь жителямъ, но удовлетвореніе ихъ просьбъ откладывалъ до ближайшаго и личнаго знакомства какъ съ ханами, такъ и съ образомъ ихъ правленія. Знакомство это должно было послѣдовать въ самомъ непродолжительномъ времени, такъ какъ прежде отъѣзда въ Персію Ермоловъ долженъ былъ осмотрѣть вновь постановленныя границы. Съ этою цѣлью, вскорѣ послѣ прибытія своего въ Тифлисъ, онъ отправилъ оберъ-квартирмейстера Грузинскаго корпуса, полковника Иванова, въ Талышинское ханство, а генеральнаго штаба штабсъ-капитана Муравьева 2-го—въ Борчалинскую, Памбакскую, Шурагельскую, Шамшадильскую и Казахскую дистанціи. Самъ же Алексѣй Петровичъ намѣренъ былъ осмотрѣть Елисаветпольскую область, Карабагское и другія ханства; но масса вопросовъ и дѣлъ,

рѣшеніе которыхъ зависѣло отъ личнаго присутствія главнокомандующаго, надолго задержали его въ Тифлисѣ [1]).

«Предмѣстники мои, писалъ Ермоловъ [2]), а болѣе еще противныя имъ обстоятельства, оставили мнѣ много трудовъ, но вмѣстѣ съ ними возможность заслужить довѣренность государя и такъ щедро разсыпанныя на меня милости.

«Скажу тебѣ, какъ другу, пріемлющему участіе во всемъ до меня касающемся, образъ моей жизни. Въ пять часовъ я въ мундирѣ: солнце не встаетъ ранѣе меня. Тотчасъ принимаюсь за дѣло, и въ продолженіе дня немного остается свободнаго времени. Въ вечеру, по обыкновенію, приходитъ весьма много людей, которые, не зная чѣмъ заняться, ничего лучшаго не находятъ, какъ придти скучать ко мнѣ. Половина или болѣе изъ нихъ не говорятъ даже по-русски, слѣдовательно ты представить можешь, что разговоръ мой съ ними не весьма занимателенъ. Нѣкогда почти книги взять въ руки, общества нѣтъ никакого, развлеченій ни малѣйшихъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если, всегда занимаясь дѣломъ, въ продолженіе нѣкотораго времени сдѣлаешь что-нибудь порядочное. Не знаю, надолго ли такимъ образомъ меня станетъ, но иначе невозможно, ибо много нашелъ разстроеннаго или того, что по необходимости должно быть приведено въ другой совсѣмъ видъ. Сколько ни остерегаюсь я перемѣнъ, но онѣ однако же неизбѣжны. На многія вещи не могу я смотрѣть съ той стороны, съ которой видѣлъ ихъ мой предмѣстникъ (генералъ Н. Ѳ. Ртищевъ). Не съ тѣмъ говорю я, чтобы винить его, но лѣта его, образъ воспитанія обоихъ насъ положили между нами разницу. Онъ опирался на долговременной своей службѣ, на сильныхъ связяхъ своихъ и тѣмъ считалъ себя въ правѣ на уваженіе. Я простой солдатъ, но которому счастье сдѣлало многихъ завиствующихъ. Нѣтъ у меня связей, и я похожъ на поденщика, который трудами своими долженъ вырабатывать нѣкоторое къ себѣ вниманіе. Такъ всегда чувствовалъ я, и отсюда происходила моя дѣятельность».

Только на другой день по отправленіи этого письма, т. е. 19-го

---

[1]) Дневникъ А. Соколова. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—7, 1816—1818 г., № 11.

[2]) А. В. Казадаеву, отъ 18-го ноября 1816 г.

ноября, главнокомандующій могъ выѣхать въ Елисаветполь и далѣе въ Карабагъ, гдѣ познакомился съ ханомъ и осмотрѣлъ границы.

Карабагъ произвелъ на него весьма грустное впечатлѣніе: посреди роскошной природы и богатой растительности видны были развалины городовъ и большихъ деревень, остатки обширныхъ шелковичныхъ садовъ, свидѣтельствовавшихъ о богатомъ нѣкогда состояніи одного изъ лучшихъ уголковъ Закавказья. Во всемъ Карабагѣ было не болѣе 24,000 семействъ; остальное населеніе или увлечено въ плѣнъ, или разошлось по разнымъ мѣстамъ отъ безпрерывныхъ вторженій персіянъ и притѣсненій хана.

Мехти-ханъ не заботился о благосостояніи своихъ подвластныхъ, проводилъ время въ распутствѣ и ничѣмъ болѣе не занимался, какъ охотою съ собаками или ястребами. Ханствомъ управляли уполномоченныя имъ лица, обиравшія какъ народъ, такъ и самого хана. Всѣ заведенія, устроенныя отцомъ Мехти-хана, были въ упадкѣ, и даже не только не было признака роскоши, въ которой жилъ его отецъ, но и самый замокъ или дворецъ хана представлялъ развалины; «любимцы расхитили собственно принадлежащее ему имущество до такой степени, что ему не достаетъ средствъ къ содержанію себя приличнымъ образомъ[1]).

Изъ Карабага Ермоловъ отправился въ селеніе Зардобъ, видѣлся съ ширванскимъ ханомъ, выѣхавшимъ къ нему навстрѣчу, и потомъ проѣхалъ въ сел. Менгечаўръ, гдѣ ожидалъ его Измаилъ-ханъ шекинскій. Алексѣй Петровичъ нашелъ въ немъ человѣка «наклонностей развратныхъ, въ управленіи подвластными неправосуднаго, въ наказаніяхъ не только неумѣреннаго, но жестокаго и кровожаднаго».

Личное свиданіе съ главнокомандующимъ убѣдило хановъ, что наступилъ предѣлъ ихъ капризной волѣ, что промежутокъ времени, раздѣлявшій новаго главнокомандующаго съ кн. Циціановымъ, долженъ исчезнуть безвозвратно, и его замѣнятъ ограниченіе произвола, строгая законность и правосудіе.

Съ другой стороны, личное знакомство съ ханами убѣждало Ермолова, что пока народъ будетъ находиться подъ властью такихъ

---

[1]) Записки А. П. Ермолова.

лицъ, какъ Мехти и Измаилъ-ханы, до тѣхъ поръ вновь пріобрѣтенныя мусульманскія провинціи не сольются съ имперіею и будутъ не болѣе какъ непріятельскою страною, временно занятою русскими войсками. Удаленіе хановъ и введеніе русской администраціи являлось необходимостью, и Ермоловъ сталъ подготовлять общественное мнѣніе шекинцевъ, что Измаилъ недостоинъ быть ханомъ. Пользуясь тѣмъ, что Мехти-ханъ карабагскій (шушинскій) былъ бездѣтенъ и слабаго здоровья, Алексѣй Петровичъ находилъ необходимымъ, въ случаѣ его смерти, не назначать хана, хотя наслѣдникомъ считался его племянникъ Джафаръ-Кули-ага, хорошо извѣстный русскому правительству, какъ измѣнникъ и виновникъ истребленія персіянами баталіона Троицкаго полка. Казалось бы, что поступки Джафара должны были удалить его навсегда изъ Карабага, но генералъ Ртищевъ, по непонятнымъ соображеніямъ, нашелъ возможнымъ вызвать его изъ Персіи, исходатайствовать прощеніе, призналъ его въ прежнемъ полковничьемъ чинѣ и объявилъ наслѣдникомъ ханства. Ермоловъ успѣлъ испросить согласіе императора не утверждать его ханомъ, говоря, что найдетъ благовидныя причины не допустить его управлять ханствомъ [1]).

Удаленіе хановъ изъ ихъ владѣній было необходимо еще и потому, что почти всѣ они были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ персіянами отчасти по родству, а отчасти изъ желанія пріобрѣсти болѣе самостоятельности и избавиться отъ русскаго правительства, ограничивающаго ихъ произволъ и дикую волю. Персидское правительство старалось воспользоваться этимъ желаніемъ, и Ермоловъ скоро убѣдился, что въ основаніи политики тегеранскаго двора лежитъ вѣроломство, двуличіе и полнѣйшее невѣжество, — качества, которыми обладалъ и «самъ отличный сынъ шаха» Аббасъ-Мирза.

Сохраняя дружественныя сношенія съ Россіею, персидскій принцъ не считалъ предосудительнымъ вести тайные переговоры и переписку съ ханами и возбуждать противу Россіи не только пограничныхъ мусульманъ, но жителей Дагестана и Грузіи.

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 17-го февраля 1817 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 1264. Отношеніе графа Нессельроде Ермолову 25 мая 1817 г. Тамъ же, № 1016.

Вскорѣ по прибытіи въ Тифлисъ, Ермоловъ узналъ, что царевичъ Александръ рѣшился пробраться въ Персію и что тегеранскій дворъ содѣйствуетъ ему въ этомъ присылкою весьма значительной суммы денегъ. Александръ отправилъ большую часть своей свиты, а самъ былъ задержанъ анцухцами, согласившимися его отпустить въ Кизляръ, но не въ Персію. Убѣдившись въ коварствѣ Александра, анцухцы отправили къ главнокомандующему семь человѣкъ старшихъ и письмо Дельпоццо, въ которомъ заявляли о своей преданности и готовности покориться русскому императору.

«Я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо, отвѣчалъ Дельпоццо [1]), и радуюсь, что вы приняли благое намѣреніе быть вѣрноподданными его величества—это есть единственное средство, которое возвратитъ вамъ изобиліе въ вашемъ состояніи и утвердитъ ваше спокойствіе, не подвергаясь никакимъ опасностямъ; словомъ, водворитъ между вами то благоденствіе, кое составляетъ счастіе въ настоящей нашей жизни.

«Анцухцы! не подумайте, чтобы я васъ обольщалъ: ложь или неправда мнѣ незнакома; истина и справедливость суть неизмѣняемыя мои правила, и я ручаюсь вамъ, что вы получите всѣ тѣ выгоды, которыми пользуются сыны отечества. Прошу васъ не сомнѣваться нимало въ словахъ того старика, который въ преклонныхъ лѣтахъ своихъ не имѣетъ другаго удовольствія, другой радости, другаго счастія, какъ въ доставленіи всего онаго народу».

Пріемъ, сдѣланный Ермоловымъ, ободрилъ ихъ и увѣрилъ, что русское правительство, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, не намѣрено силою оружія принуждать анцухцевъ къ выдачѣ царевича. Населеніе успокоилось, а Александръ, переговариваясь съ нами, не прерывалъ связи съ персидскимъ правительствомъ. Онъ отправилъ въ Тегеранъ своего приверженца, князя Ивана Циціанова, съ шестью человѣками старшинъ, которые должны были остаться тамъ заложниками въ доказательство того, что анцухцы наступающею весною проводятъ царевича въ Персію. Александръ поручилъ ему сказать эриванскому хану, что онъ съ русскими никогда не помирится и отправится въ

---

[1]) Въ письмѣ отъ 25-го октября 1816 г. Ак. Кавказ. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 65.

Эриванъ въ февралѣ мѣсяцѣ, а можетъ быть и прежде, но что для выѣзда ему необходимы деньги. При переѣздѣ черезъ границу посланные были задержаны, и у князя Циціанова найдено письмо царевича, въ которомъ онъ писалъ Аббасъ-Мирзѣ, что намѣренъ былъ немедленно отправиться въ Персію, но выпавшіе снѣга препятствуютъ этому. Князь Циціановъ и его спутники были арестованы, и главнокомандующій требовалъ, чтобы въ теченіе трехъ недѣль анцухцы непремѣнно выдали царевича. Въ противномъ случаѣ, говорилъ Ермоловъ, спутники князя Циціанова будутъ непремѣнно казнены и непримиримымъ ихъ врагамъ джиро-бѣлоканцамъ будетъ разрѣшено истребить женъ, дѣтей и имущество анцухцевъ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій писалъ Александру [2]): «Отъ собственнаго поведенія вашей свѣтлости зависитъ теперь поселить во мнѣ двоякія чувствованія, т. е. чтобъ я къ особому моему удовольствію призналъ въ васъ сына покойнаго царя Ираклія, коего память весьма много почитается въ Россіи, и возъимѣлъ бы къ особѣ вашей все должное уваженіе, или принялъ бы невыгодныя на счетъ васъ заключенія, какъ о бѣглецѣ, незаслуживающемъ никакого вниманія; что весьма было бы для меня прискорбно. Не погнѣвайтесь, впрочемъ, что я объясняюсь съ вами такъ откровенно. Я солдатъ, привыкъ идти всегда прямой дорогою и говорить то, что чувствуетъ мое сердце. А потому не скрою передъ вами и того, что если бы, паче чаянія, неблагоразуміе ваше столь далеко простерло въ васъ дерзость, что вы осмѣлились бы не исполнить обѣщанія, даннаго вами самому государю императору, и обратились бы опять къ коварствамъ, то даже и тогда я ничего не предприму противъ особы вашей свѣтлости для того, что я разумѣю васъ совсѣмъ иначе, нежели какъ другіе до сихъ поръ васъ разумѣли, и для того еще, что таковой поступокъ возбудилъ бы во мнѣ справедливое къ вамъ неуваженіе, похожее на самое презрѣніе».

Письмо это и требованіе, предъявленное анцухцамъ выдать царевича не произвели желаемаго дѣйствія. Анцухцы отказались вы-

---

[1]) Письмо Ермолова анцухцамъ, отъ 18-го ноября 1816 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 67.

[2]) Въ письмѣ отъ 11-го ноября 1816 г. Тамъ же, ч. I, № 363.

дать Александра, отвѣчали, что не опасаются угрозъ главнокомандующаго и будутъ имѣть дѣло съ однимъ только «кизлярскимъ генераломъ» (Дельпоццо). Попытка министерства иностранныхъ дѣлъ помимо главнокомандующаго войти въ сношеніе съ горцами черезъ генералъ-маіора Дельпоццо сбила съ толку анцухцовъ; они видѣли въ немъ единственнаго представителя русской власти и не признавали никого другаго.

«Если ты повѣришь, писали они Ермолову [1]), лжи Ивана (кн. Циціанова) и его сопутниковъ, то отъ этого намъ не будетъ пользы; мы сами не вѣримъ его словамъ и лжи и не поколеблемся, если ты даже рѣшишься убить всѣхъ нашихъ людей, которые въ твоихъ рукахъ. Клянемся великимъ Аллахомъ, что съ нашей стороны никогда не воспослѣдуетъ измѣны и коварства эмиру Александру-хану. Ты въ своемъ письмѣ требуешь, чтобы мы его отправили къ тебѣ. Ей-Богу мы ему не измѣнимъ и не окажемъ коварства, если бы ты даже перебилъ всѣхъ нашихъ людей, не исключая нашихъ женъ и дѣтей. Этого дѣла отъ насъ не жди. Мы исполнимъ то, что намъ повелѣлъ русскій падишахъ. Вотъ нашъ единый путь: исполненіе воли падишаха, который приказалъ намъ слушать кизлярскаго генерала и которому также объ этомъ приказано. Мы кромѣ его никого не послушаемъ. Если хочешь, отправь людей нашихъ, которые при тебѣ и въ твоихъ рукахъ, къ кизлярскому генералу. Мы отправимся и соберемся съ нимъ и заключимъ миръ; иначе дѣлай какъ хочешь. Мы получили твое письмо, наполненное строжайшихъ угрозъ, что ты сожжешь наши жилища, перебьешь нашихъ дѣтей. Ей-Богу, мы не горюемъ отъ этого слова и не принимаемъ угрозъ, съ какой бы стороны онѣ ни были. Мы принимаетъ только волю русскаго падишаха и не измѣнимъ ни тебѣ, ни другому. Если воля падишаха не исполнится, вина падетъ на тебя. Мы свои дѣла поручили ему».

Рѣзкій и категорическій отказъ анцухцевъ заставилъ преданнаго намъ тогда аварскаго хана явиться посредникомъ въ дѣлѣ вызова царевича и въ надеждѣ на награду захватить его въ свои руки. Ахметъ ханъ аварскій писалъ Ермолову [2]), что онъ давно уже ведетъ перего-

---

[1]) Акт. Кавказ. Арх. Ком., т. VI, ч. II, стр. 32, № 71.

[2]) Тамъ же, стр. 862, № 74 и № 75.

воры съ Александромъ, но онъ твердитъ одно, что если императоръ окажетъ ему милость и пожалуетъ кусокъ хлѣба, то онъ сдѣлается ему вѣрнымъ слугою. «Я переговариваюсь съ Александромъ кротко, прибавлялъ аварскій ханъ, дабы онъ довѣрился мнѣ, и говорю ему, что я не оставлю ходатайствовать о немъ у васъ, великаго сардаря, и что вы не оставите просить о немъ государя, который проститъ ему вину и одаритъ его клочкомъ земли или жалованьемъ или другими милостями,—однимъ словомъ, что онъ не останется безъ выгодъ, если явится ко мнѣ. Онъ какъ будто полагается на мои обѣщанія и говоритъ, что явится ко мнѣ, когда откроется дорога черезъ горы и новидимому раскаивается въ неприходѣ къ вамъ. Вотъ всѣ его слова. Богъ знаетъ, правда или нѣтъ. Если вы пришлете *лекарство, отъ котораго человѣкъ умираетъ*, съѣвши его въ пищѣ или питьѣ, то, можетъ быть, удастся употребить это смертоносное средство *противъ такого извѣстнаго измѣнника,* хотя бы онъ находился и тамъ (въ Анцухѣ)».

Послѣднее предложеніе аварскаго хана было сообщено царевичу, и онъ основалъ на немъ отказъ выѣхать въ Россію. Онъ ссылался также на письмо Карганова, въ которомъ было сказано: «Поздравляю тебя съ пріобрѣтеніемъ отъ государя хлѣба отца твоего.» «Я такъ полагалъ, писалъ Александръ Бастамову [1]), что государь пожаловалъ мнѣ Грузію, ибо хлѣбъ моего отца была Грузія. Послѣ чего вы прибыли сюда и съ какою честью я принялъ его (Карганова) ты своими глазами видѣлъ и что онъ здѣсь сдѣлалъ, то тебѣ хорошо извѣстно, которое ни его величеству не было прилично, ни мнѣ. Нынѣ пріобрѣлъ онъ себѣ вниманіе Ермолова и весьма стараются тайно ядомъ меня окормить, что и говорить ужасно. Дѣло сіе я въ подробности узналъ и по самой истинѣ знаю. Прилично ли государю подобное неприличное дѣло; но я полагаю такъ, что на такое гнусное дѣло нѣтъ воли государя».

Александръ писалъ генералъ-маіору Дельпоццо, что весною 1817 г. онъ непремѣнно выѣдетъ къ нему на личное свиданіе. Такое обѣщаніе было уже не первымъ, и царевичъ отлагалъ свиданіе то до осени,

[1]) Въ письмѣ отъ 27-го января 1817 г. Ак. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 367.

то до весны. Не вѣря обѣщаніямъ Александра, Ермоловъ писалъ ему, что если съ началомъ весны онъ не исполнитъ даннаго обѣщанія, тогда онъ запретитъ Дельпоццо имѣть какія бы то ни было сношенія съ царевичемъ, «какъ съ человѣкомъ лживымъ, не имѣющимъ ни совѣсти, ни доброй вѣры [1])».

«Я весьма удивляюсь, отвѣчалъ царевичъ [2]), что вы дѣлаете такого рода предписаніе; сіе неприлично искренности вашего сердца. Не безъизвѣстны вы, что я не вашей команды, что вы пишете повелѣніе съ гнѣвомъ». Александръ жаловался на Карганова, говорилъ, что онъ никогда не уполномочивалъ его вести переговоры и просилъ прислать Карганова въ Кизляръ, гдѣ при свиданіи съ Дельпоццо обѣщалъ разоблачить все неприличное поведеніе непрошенаго ходатая. Что же касается до своихъ сношеній съ тегеранскимъ дворомъ, то царевичъ прямо и откровенно говорилъ, что, не получивъ удовлетворенія отъ русскихъ, ему невозможно отступиться отъ персіянъ. «Можно ли было мнѣ жить столько времени въ Дагестанѣ, спрашивалъ царевичъ, если бы я не имѣлъ изъ Персіи вспоможенія [3])?» «Будьте увѣрены, писалъ онъ Ермолову, что никто не можетъ принудить меня отстать отъ иранскаго государя, ибо двадцатый уже годъ, какъ я по милости его живу, и не слѣдуетъ осуждать меня за то, что я пишу къ нему, когда только время позволитъ, доколѣ государь удовлетворитъ мою просьбу».

«Вы пишите, отвѣчалъ Ермоловъ [4]), что никто не можетъ принудить васъ отстать отъ государя персидскаго, по милости коего живете двадцатый годъ. Напротивъ, я уважаю въ васъ чувство благодарности къ нему; но, если бы вы имѣли чувства приличныя рожденію вашему, не лучше ли было бы обязаннымъ быть тому государю, который благодѣтельствуетъ всѣмъ роднымъ вашимъ и ближнимъ? Вы увѣряете меня, что всѣ мои предмѣстники, кромѣ маркиза Паулуччи, желали поймать васъ и отравить. Признаюсь вашей свѣтло-

[1]) Письмо Ермолова царевичу, 27-го января 1817 г. Акты Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 368.

[2]) Ермолову, въ письмѣ отъ 9-го февраля 1817 г. Тамъ же, № 369.

[3]) Письмо царевича Георгію Бастамову, 12-го февраля 1817 г. Тамъ же, № 370.

[4]) Въ письмѣ отъ 3-го марта 1817 г. Тамъ же, № 372.

сти, что если когда-нибудь могу желать имѣть васъ въ рукахъ моихъ, то другаго намѣренія не имѣю, какъ отправить васъ къ семейству вашему и, доставя случай воспользоваться милостью великаго государя, заставить раскаяться въ постыдной и неприличной жизни, которую вы такъ давно проводите. Что же касается до того, что я хочу лишить васъ жизни, то я удивляюсь, что вы можете имѣть мысль сію, ибо письмо мое къ вамъ ясно изображаетъ, что я нимало васъ не уважаю и отнюдь не разумѣю васъ опаснымъ, а потому совершенно равнодушенъ, живы-ли вы или нѣтъ. Прошу увѣриться, что *жизни вашей не полагаю ни въ какую цѣну*, и она въ совершенной безопасности какъ человѣка, котораго поведеніе въ молодости развратное, въ совершенныхъ лѣтахъ безчестное и постыдное, кромѣ презрѣнія, ничего не заслуживаетъ».

Все это было, конечно, справедливо, и въ глазахъ не только Ермолова, но и его предшественниковъ, Александръ вовсе не имѣлъ того значенія, какое придавало ему министерство иностранныхъ дѣлъ. Опасаясь того, чтобы царевичъ не поселился навсегда въ Персіи, графъ Нессельроде писалъ Ермолову [1]), что если бы тегеранскій дворъ обратился съ домогательствомъ, чтобы Александру было дозволено ѣхать въ Персію и основать тамъ свое пребываніе, то чтобы главнокомандующій ни въ какомъ случаѣ не изъявлялъ на то своего согласія, *по извѣстнымъ качествамъ сего царевича*. «Его величеству, прибавлялъ при этомъ нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ, угодно, чтобъ ваше превосходительство употребили всѣ способы, чтобы пресѣчь ему пути къ побѣгу и вызвать его въ Россію, стараясь преклонить его къ тому добровольнымъ образомъ или принудивъ иными средствами».

Главнокомандующему трудно было удовлетворить такому желанію, тѣмъ болѣе, что изъ перехваченнаго письма царевича видно было положительное его желаніе отправиться въ Персію, а не въ Россію. Александръ писалъ эриванскому хану, что получилъ письмо отъ Аббасъ-Мирзы, въ которомъ было сказано: «если Александръ-мирза успѣетъ предстать въ шахское присутствіе въ то время, когда пред-

[1]) Въ письмѣ отъ 13-го марта 1817 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—13, 1806—1837 гг., № 10.

ставится русскій посланникъ, называемый Ермоловъ, было бы кстати». Царевичъ писалъ, что, получивъ это письмо, онъ исполнился такимъ удовольствіемъ, которое вмѣстимо только на всемъ пространствѣ отъ востока и до запада, что онъ не ѣдетъ только по невозможности переѣзда черезъ горы и не имѣетъ денегъ. Александръ увѣрилъ эриванскаго хана, что въ Дагестанѣ «всѣ старшины тамошнихъ городовъ и деревень, кадіи, эмиры, визири и даже дѣти въ колыбеляхъ и мертвецы въ могилахъ и ихъ (дагестанскія) птицы суть покорные слуги шаха и его сына шахъ-задэ, и никто не сложитъ съ себя этого долга, если бы даже онъ былъ сирота. Если вы пожелаете, они готовы прислать сто тысячъ и болѣе войска. Пусть въ такомъ случаѣ шахъ пришлетъ къ нимъ воззваніе и казну[1])».

Переписка Аббасъ-Мирзы съ царевичемъ Александромъ и желаніе тегеранскаго двора видѣть его у себя до прибытія русскаго посла, ясно указывали, что въ лицѣ Персіи мы должны были видѣть скорѣе тайнаго врага, чѣмъ союзника, и главнокомандующій понималъ, что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ иначе и быть не могло.

Возвращеніе Абуль-Хасанъ-хана въ Тегеранъ безъ всякаго отвѣта относительно уступки Персіи земель, пріобрѣтенныхъ Россіею по Гюлистанскому трактату, было крайне непріятно шаху и въ особенности его воинственному сыну Аббасъ-Мирзѣ. Увѣренность получить непремѣнно эти земли обратно исчезла сама собою, и оставалась лишь слабая надежда, что, быть можетъ, русскій посолъ согласится уступить хотя часть земель или тѣ пункты, пріобрѣтеніе которыхъ Персія считала для себя весьма важнымъ и необходимымъ. И вотъ, по совѣту своихъ приближенныхъ, Аббасъ-Мирза, самовольно и не спрашивая разрѣшенія отца, сталъ собирать войска, надѣясь, что боевая готовность персіянъ и значительное число персидскихъ войскъ устрашитъ посла и заставитъ его быть болѣе уступчивымъ въ заявленіяхъ тегеранскаго кабинета. Опасаясь, что такой самовольный поступокъ можетъ быть не одобренъ шахомъ, и сознавая, что сборъ войскъ не можетъ быть произведенъ скрытно, Аббасъ-Мирза распустилъ слухъ, что русскій посолъ ѣдетъ въ Персію не съ

---

[1]) Акты Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 1363.

обыкновенною свитою, а съ 12-ти тысячнымъ корпусомъ [1]). Этого извѣстія, не смотря на всю его нелѣпость, было достаточно для того, чтобы въ Тегеранѣ одобрили осторожность и мѣры, принятыя авангарднымъ начальникомъ, и Аббасъ-Мирза получилъ разрѣшеніе не только собирать войска, но укрѣплять границы, чинить старыя и строить новыя крѣпости. Приближенные шаха совѣтовали ему поддержать свои требованія силою оружія, и большинство изъ нихъ желало разрыва съ Россіею.

«Жители пограничныхъ земель въ Персіи, доносилъ Ермоловъ [2]), желаютъ очень войны, ибо въ продолженіе оной правительство ихъ ласкаетъ, боясь измѣны, и не взыскиваетъ податей. Въ мирное время подати разорительныя и способъ управленія злодѣйскій. Знатные люди государства всѣ ищутъ войны: они тогда удовлетворяютъ корыстолюбію своему, расточая казну шахскую. Легко, быть можетъ, что Англія сильнымъ вліяніемъ своимъ возбудитъ войну, дабы Персія не обратила вниманія своего на безпокойства въ Индіи, а болѣе опасаясь, чтобы мы, по дружественнымъ съ нею связямъ, не заставили ея на нихъ оглянуться».

Не смотря на личное желаніе шаха сохранить миръ, онъ, по совѣту англичанъ, готовился къ военнымъ дѣйствіямъ. Услужливые союзники обучили до 32,000 регулярныхъ войскъ и, чего прежде никогда не было, формировали регулярную кавалерію. По всему видно было, что Персія желала встрѣтить посла во всеоружіи и готовая на всякія случайности.

А. П. Ермоловъ спрашивалъ императора, какъ поступить ему въ случаѣ возобновленія вопроса о возвращеніи Персіи пріобрѣтенныхъ нами земель? Не было сомнѣнія, что персидское правительство будетъ домогаться въ Тегеранѣ того, чего не достигло въ Петербургѣ, а между тѣмъ личный осмотръ части границъ и свѣдѣнія, доставленныя полковникомъ Ивановымъ и штабсъ-капитаномъ Муравьевымъ [3]),

---

[1]) Отношеніе Ермолова графу Нессельроде отъ 4-го января 1817 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 284.

[2]) Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 9-го января 1817 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 285.

[3]) Первый возвратился въ Тифлисъ 20-го декабря 1816 г., а второй 7-го января 1817 г.

убѣждали главнокомандующаго въ невозможности уступить хотя бы самый незначительный клочокъ земли.

Граница наша съ Персіею начиналась отъ Шурагельской провинціи, совершенно ровной и открытой; прилегавшая къ ней Памбакская провинція была окружена высокимъ хребтомъ горъ, упиравшимся въ р. Араксъ и отдѣлявшимъ отъ Персіи провинціи Казахскую и Шамшадыльскую, Елисаветпольскій округъ и часть Карабага. Далѣе граница обозначалась теченіемъ р. Аракса, шла черезъ Муганскую степь и, входя угломъ внутрь Персіи, огибала Талышинское ханство. Дороги черезъ горы, составлявшія часть западной границы, были удобопроходимы для пѣхоты и кавалеріи, но безъ артиллеріи. Такъ какъ персіяне производили свои набѣги по большей части безъ артиллеріи, то, сосредоточивши свои силы въ Эриванской области, они всегда могли ворваться въ Шурагельскую или Памбакскую провинцію. Для защиты ихъ Ермоловъ считалъ необходимымъ построить въ узлѣ дорогъ крѣпость, подобно тому, какъ построена была крѣпость въ Елисаветполѣ, оборонявшая часть Памбакской провинціи и Карабагъ. Послѣдній былъ открытъ для вторженія персіянъ по всему теченію рѣки Аракса, но отступленіе для нихъ было затруднительно, а впереди лежащія открытыя мѣста за Араксомъ обнаруживали всякій сборъ и движеніе непріятеля. Это неудобство заставляло часто персіянъ двигаться по Муганской степи, гдѣ зимой было множество кочующаго народа, а въ прочія времена года обитали змѣи—«единственная ея оборона». Черезъ Муганскую степь проходила лучшая дорога изъ Персіи въ Талышинское ханство, но при достаточныхъ силахъ въ Карабагѣ дорога эта была вполнѣ прикрыта движеніемъ изъ Карабага въ тылъ наступающему персидскому отряду. Само ханство Талышинское было беззащитно, и находящихся тамъ войскъ было далеко недостаточно для его охраны: надо было ослаблять себя въ другихъ пунктахъ, чтобы послать войска для защиты небольшаго пространства земли, не приносящей никакой пользы и населенія бѣднаго и до крайности разореннаго. «Съ теперешними тамъ силами, доносилъ Ермоловъ, надобно, отдавъ все во власть непріятеля, сидѣть въ Ленкоранской крѣпости. Если же упорствовать въ защитѣ ханства въ томъ видѣ, какъ оно теперь, надо построить во многихъ мѣстахъ крѣпостцы, раздѣлить послѣднія силы и при

первыхъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ лишиться между ними сообщенія».

Такимъ образомъ въ случаѣ оборонительной войны наша обширная граница съ Персіею требовала значительнаго количества войскъ, и выходомъ изъ столь затруднительнаго положенія было одно средство: дѣйствовать наступательно или черезъ Эриванскую область, или черезъ Карадагскую провинцію.

Не смотря однако же на все неудобство проведеннаго разграниченія между Россіею и Персіею, возвращеніе послѣдней какой-либо провинціи признавалось совершенно невозможнымъ. «По образу границъ нашихъ, доносилъ Ермоловъ Императору Александру [1]), можно было бы безъ всякой потери отдать Шурагельскую провинцію, но она не въ послѣднюю пріобрѣтена войну, а есть древнее достояніе Грузіи. Государь россійскій не разрушитъ состава земли, прибѣгшей подъ сильную его защиту. Можно было бы безъ потери уступить ханство Талышинское, но оно подъ покровительствомъ Россіи 20 уже лѣтъ. Отецъ нынѣшняго хана, сильный однимъ именемъ своего государя, противился долго Персіи, безъ всякаго почти отъ насъ пособія, и равнодушно терпѣлъ разореніе. Сынъ его не ропщетъ на бѣдность и вѣренъ вашему императорскому величеству. Уступленіе ханства сего Персіи худое произведетъ впечатлѣніе на подвластныхъ Россіи народовъ и худо истолкуетъ могущество ея покровительства. Я осмѣливаюсь думать, что въ пользу дружественныхъ съ Персіею отношеній, буде можно надѣяться таковыхъ отъ правительства, худо основаннаго, еще менѣе утвердившагося, согласиться возможно сдѣлать его независимымъ подъ гарантіею обѣихъ державъ. Однако же въ семъ случаѣ ожидать должно, что ханъ будетъ болѣе приверженъ къ Персіи, отъ которой имѣетъ въ виду получить отнятую часть ханства его, и ничего отъ насъ».

Итакъ, по мнѣнію Ермолова, изъ всѣхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Россіею, безъ вредныхъ послѣдствій невозможно было ничего уступить Персіи, ибо граница, хотя и неудобная, при малѣйшемъ измѣненіи дѣлалось еще болѣе трудною для обороны. Императоръ Але-

[1]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 9-го января 1817 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 286.

ксандръ раздѣлялъ мнѣніе главнокомандующаго и, рѣшившись не дѣлать никакихъ уступокъ, поручилъ своему послу привести на память персидскому правительству тѣ объясненія, которыя были даны въ Петербургѣ Абуль-Хасанъ-хану. Изъ повторенія посломъ того же, что было объявлено въ Петербургѣ, персидское правительство должно было понять и заключить, что отказъ есть слѣдствіе необходимости, а не желаніе нарушить мирныя отношенія. При такомъ рѣшеніи посольство въ Персію видоизмѣняло свой характеръ, и такъ какъ послу не предстояло уже вести переговоровъ, а объявить только волю императора, то на усмотрѣніе Ермолова предоставлялось, ѣхать ли самому въ Тегеранъ, или послать вмѣсто себя другаго генерала. Извѣстія о сборѣ войскъ и приготовленіи персіянъ къ военнымъ дѣйствіямъ были достаточнымъ предлогомъ, чтобы главнокомандующій остался въ Тифлисѣ, но Ермоловъ предпочелъ ѣхать самъ.

«Умедленный обстоятельствами отъѣздъ мой, доносилъ онъ [1]), произвелъ въ Персіи величайшее сомнѣніе, и нетерпѣливое желаніе открыть того причины не могло утаить страха, что ваше императорское величество перемѣнить изволили дружественное къ Персіи расположеніе. Итакъ, дабы перемѣною посла не утвердить болѣе въ семъ мнѣніи и для точнѣйшаго исполненія воли вашего императорскаго величества я отправляюсь самъ, ибо, полагая войну неизбѣжною, персіяне не имѣли бы довѣрія къ послу на мѣсто мое отправленному и могли бы даже не почитать себя въ обязанности оказать приличествующее ему уваженіе, которое, бывъ увѣрены въ дружбѣ, они, безъ сомнѣнія, окажутъ мнѣ, и столько уже знаютъ меня, что изъ свѣдѣній, мною полученныхъ, заключать должно, что собранныя Персіею войска призваны осторожностію къ оборонѣ, а отнюдь не рѣшительностію къ нападенію [2]).

---

[1]) Въ собственноручномъ всеподданнѣйшимъ донесеніи отъ 17-го апрѣля 1817 г. изъ Тифлиса. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—7, 1816—1818 гг., № 7.

[2]) «Долженъ вашему сіятельству сказать,—писалъ Алексѣй Петровичъ въ тотъ же день графу Нессельроде,—что, зная страхъ, который я наношу на персіянъ именемъ моимъ главнокомандующаго въ здѣшнемъ краю, я обязанъ ѣхать въ Персію и имъ воспользоваться, чему много способствовать будетъ и то, что они приписываютъ мнѣ такія свойства, которыя наиболѣе ихъ въ томъ страхѣ утверждаютъ. Знаю я, что подобное мнѣніе не есть ручательствомъ за личную

«Явный ропотъ отягчаемыхъ поборами жителей и отложившаяся Хорасанская область, сосѣдственная непримиримымъ туркменцамъ, не суть обстоятельства, благопріятствующія войнѣ внѣшней, особливо когда Порта, междоусобіями раздираемая, не можетъ подать помощи.

«Не гордость прежняя шаховъ или мнѣніе о могуществѣ своемъ заставляетъ теперешняго шаха желать предъ лицомъ своимъ видѣть посла вашего императорскаго величества. Ему надобно непокорливыхъ подданныхъ устрашить силою союза съ великимъ государемъ и тѣмъ пересѣчь пути къ измѣнѣ и бунтамъ. По многимъ таковымъ причинамъ заключаю я, что Персія не будетъ настоятельно требовать возвращенія потерянныхъ земель или безъ большаго труда отклоню я требованіе и явлю предъ шахомъ въ достойномъ видѣ великодушіе вашего императорскаго величества удѣленіемъ новыхъ выгодъ, которыхъ столько легко пріобрѣтеніе.

«Предметомъ главнѣйшаго наблюденія моего будутъ слѣдующія обстоятельства: 1) До такой степени должна быть уважаема нами Персія, въ дружественныхъ ея къ намъ отношеніяхъ, и можно ли на государство, худо основанное, порочно управляемое и никакой политической системы неимѣющее, положиться въ прочности мира или по крайней мѣрѣ въ нѣкоторомъ продолженіи онаго, и легко ли правительство совращаемо посторонними вліяніями; 2) до какой степени можетъ Персія заслуживать презрѣніе въ состояніи непріязненномъ съ нами или—когда по смерти шаха впадетъ она въ прежніе безпорядки и безначаліе—опредѣлить, какимъ образомъ, не препятствуя раздорамъ и междоусобію и не вмѣшиваясь въ оные, остаться спокойными и обратиться къ усмиренію внутреннихъ непріятелей, всегда вредныхъ намъ, а наиболѣе когда заняты мы внѣшнею войною. Обратиться также къ устройству здѣшняго края, *требующаго важныхъ преобразованій*, къ которымъ трудно приступить, не будучи увѣрену по крайней мѣрѣ въ трехъ и болѣе годахъ спокойствія».

мою безопасность, но и для оной нерѣдко надобно одно лишь счастіе. Персіяне не умѣли лучше истолковать медленность моего отъѣзда и прекратить разныя о томъ толки и сумнѣнія въ народѣ, какъ увѣрить его, что я удержанъ возникшимъ въ Грузіи бунтомъ» (Собственноручное письмо отъ 17-го апрѣля 1817 г.).

*

XII.

Отъѣздъ посольства въ Персію.—Желаніе жителей Эриванской области поступить въ подданство Россіи.—Прибытіе посольства въ Тавризъ.—Переговоры по поводу аудіенціи у Аббасъ-Мирзы.—Объясненіе Ермолова съ каймакамомъ Мирзою Безюргомъ.—Выѣздъ изъ Тавриза и прибытіе въ Саманъ-архи.—Мирза Абдуль-Вехабъ и объясненіе его съ Ермоловымъ объ уступкѣ провинцій.—Торжественный въѣздъ въ Султанію.—Аудіенція у шаха.—Переговоры съ садръ-азамомъ Мирзою Шефи.—Прокламація Ермолова къ жителямъ Закавказья.—Прощальная аудіенція у шаха.—Возвращеніе въ Тавризъ.—Вопросъ о признаніи Аббасъ-Мирзы наслѣдникомъ персидскаго престола.—Переговоры по этому поводу съ Мирзою Безюргомъ.—Просьба его пропустить царевича Александра въ Персію и отказъ возвратить русскихъ плѣнныхъ.—Выѣздъ изъ Тавриза и возвращеніе въ Тифлисъ.—Взглядъ Ермолова на Персію и ея внутреннее положеніе.

Приготовляясь къ отъѣзду въ Персію, Ермоловъ еще въ январѣ 1817 года отправилъ въ Тегеранъ к. с. Мазаровича съ привѣтственными письмами къ Фетхъ-Али-шаху, сыну его Аббасъ-Мирзѣ, визирю Мирзѣ-Шефи, бывшему въ Россіи послу Абуль-Хасанъ-хану и другимъ вельможамъ шахскаго двора.

17-го апрѣля былъ назначенъ выѣздъ посольства изъ Тифлиса. Послѣ завтрака у генералъ-маіора Кутузова, которому поручено было командованіе войсками въ Закавказьѣ, всѣ чины посольства, около 4-хъ часовъ пополудни, отправились въ Сіонскій соборъ. Митрополитъ Варлаамъ отслужилъ молебенъ, и затѣмъ Ермоловъ съ огромною свитою [1]) выѣхалъ изъ города въ сел. Коды, гдѣ и ночевалъ.

«Завтра отправляюсь я въ Персію, писалъ онъ А. В. Казадаеву [2]). Трудный и далекій предлежитъ мнѣ путь! Ведетъ меня туда воля государя моего благодѣтеля. Нужно нѣкоторое счастіе, чтобы выдти оттуда согласно съ намѣреніемъ моимъ, сходно съ желаніемъ пріятелей моихъ. Нужно счастіе и въ другихъ отношеніяхъ....

---

[1]) Составъ посольства напечатанъ въ Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, №№ 262—266, и въ «Русской Старинѣ» 1877 г., № 6, стр. 258.

[2]) Въ письмѣ, отъ 17-го апрѣля 1817 г., изъ Тифлиса.

«Могъ ли я предвидѣть, что таково будетъ по службѣ мое назначеніе? Не такъ я провелъ мою молодость. Бѣдное состояніе семьи моей не допустило дать мнѣ нужное воспитаніе. Подобно отцу моему поздно обратилъ я вниманіе къ службѣ моей и усердію. Впослѣдствіи доставили они мнѣ нѣкоторые способы, но уже вознаградить недостатки знаній, а потому и способностей не было времени».

Выступивъ 18-го апрѣля изъ сел. Кодъ, посольство 22-го числа прибыло въ Караклисъ, гдѣ совершенно неожиданныя обстоятельства заставили Ермолова оставаться въ теченіе трехъ сутокъ. Еще передъ отъѣздомъ своимъ изъ Тифлиса главнокомандующій былъ предувѣдомленъ, что въ пограничныхъ персидскихъ областяхъ и въ особенности въ Эриванскомъ ханствѣ возникли безпорядки и что жители, преимущественно армяне, недовольные правителемъ, намѣрены переселиться въ предѣлы Россіи. Переходъ къ намъ отдѣльныхъ лицъ и даже нѣсколькихъ семействъ былъ такъ частъ и обыкновененъ, что Ермоловъ не находилъ въ томъ ничего чрезвычайнаго, но, желая сохранить миръ съ Персіею, принужденъ былъ отказывать въ такомъ переселеніи. Прибывши въ Караклисъ, Алексѣй Петровичъ былъ встрѣченъ депутатомъ, заявившимъ, что находящіяся въ Эриванской области персидскія войска и всѣ жители съ нетерпѣніемъ ожидаютъ прибытія главнокомандующаго, чтобы, съ его согласія, повергнуть крѣпость и всю область подъ державу русскаго императора. Если же не послѣдуетъ на это разрѣшенія, говорилъ персіянинъ, то населеніе, не въ состояніи будучи переносить долѣе притѣсненія правителя, переселится въ русскія границы, хотя бы имъ и не было на то дозволенія, ибо не вѣрятъ они, чтобы русскій главнокомандующій могъ приказать истребить 10,000 и болѣе семействъ несчастныхъ, ищущихъ спасенія.

«Также имѣю я извѣстіе, доносилъ Ермоловъ императору [1]), что ханство Хойское, лежащее за рѣкою Араксомъ, готовое возмутиться, смотритъ, что сдѣлаю я съ Эриванской областью, и что въ самомъ даже Тавризѣ чувствуемы безпокойства».

Опасаясь, чтобы вступленіе русскаго посла въ Персію не озна-

---

[1]) Изъ с. Караклиса въ собственноручномъ рапортѣ отъ 25-го апрѣля 1817 г. Арх. Мин. Ин. Д., 1—7, 1816—1818 г., № 8.

меновалась возмущеніемъ, Ермоловъ остановился на нѣсколько дней въ Караклисѣ и отправилъ посланнаго въ Эривань съ просьбою, чтобы войска и жители по крайней мѣрѣ до возвращенія его оставались спокойными, ибо такимъ неблагоразумнымъ поведеніемъ они навлекутъ только на себя мщеніе правительства и навсегда лишатъ посла возможности быть имъ полезнымъ. «Можетъ быть, доносилъ Ермоловъ, отклоню я ихъ намѣреніе выгнать или истребить начальника персидскаго, но никакъ не надѣюсь остановить переселеніе большей части жителей. Также сегодня получилъ я извѣстіе, что ханъ шахсеванскій, недовольный Аббасъ-Мирзою, не только хочетъ перейти къ намъ, но собираетъ войска, чтобы прежде сразиться съ нимъ. Сего хана я и остановить не въ силахъ.

«Долженъ однако же предупредить ваше величество, что если по возвращеніи моемъ изъ Персіи Эриванская область, сохраняя тѣ же противъ правительства неудовольствія, прибѣгнетъ подъ покровительство наше, я приму оную непремѣнно, ибо народъ ожесточенный и въ отчаяніи можетъ искать защиты и спасенія у Турціи, и они (турки) всеконечно тѣмъ воспользуются, а для насъ чрезвычайно невыгодно будетъ видѣть въ рукахъ ихъ область, изобилующую богатствомъ, извлекающую всѣ деньги Грузіи и счастливую многочисленнымъ населеніемъ. Тогда еще менѣе будетъ спокойствія въ Грузіи.

«Никогда, государь, не представится подобный случай овладѣть безъ выстрѣла областью, которая стоила намъ многихъ трудныхъ предпріятій, большой потери войскъ и которой столько необходимо намъ пріобрѣтеніе. И теперь стоило бы одного моего слова. Сему весьма много способствуетъ прибѣгнувшій подъ покровительство наше братъ родной бывшаго хана эриванскаго, который съ областью покорился Персіи, не надѣясь, чтобы покойный князь Цицiановъ могъ защитить его противъ шаха. Онъ, не взирая на отказанный ему входъ въ границы наши, тайно прокрался и явился у меня въ Тифлисѣ».

Предвидя, что тегеранскій дворъ припишетъ безпорядки въ своихъ провинціяхъ интригѣ и происканъ русскаго посла, Ермоловъ ожидалъ многихъ непріятностей, но рѣшился продолжать путь.

25-го апрѣля посольство оставило Караклисъ и 30-го числа

прибыло въ Талынь [1]), первое селеніе на персидской границѣ, гдѣ и расположилось на ночлегъ въ приготовленныхъ для того палаткахъ. Здѣсь ожидали посла: чиновникъ эриванскаго сердаря и присланный персидскимъ правительствомъ въ качествѣ михмандаря (пристава при послѣ) Аскеръ-ханъ, нѣкогда состоявшій посломъ при Наполеонѣ.

1-го мая Ермоловъ выѣхалъ изъ Талыни и черезъ Эчміадзинъ, Эривань, Нахичевань и Марандъ 19-го мая прибылъ въ Тавризъ—резиденцію наслѣдника [2]). Наканунѣ торжественнаго въѣзда русскаго посла въ этотъ городъ прибылъ въ лагерь персидскій чиновникъ съ церемоніаломъ встрѣчи, гдѣ между прочимъ было сказано, что послу будетъ подведена лошадь съ уборомъ, которая, по обычаю, должна быть принята имъ въ подарокъ. Ермоловъ отвѣчалъ, что лошади въ подарокъ онъ не приметъ и считаетъ это дѣломъ неприличнымъ, пока самъ, отъ имени императора, не поднесетъ подарокъ персидскому принцу. Такой отвѣтъ изумилъ персіянина, и онъ просилъ русскаго посла по крайней мѣрѣ сѣсть на лошадь и на ней въѣхать въ городъ. Ермоловъ согласился, но съ тѣмъ, чтобы по пріѣздѣ въ Тавризъ лошадь эта была немедленно отведена на конюшню *шахъ-заде* (наслѣдника принца) [3]).

Съ утра 19-го мая по пути слѣдованія посла были разставлены войска, какъ регулярныя, такъ и иррегулярныя. Хотя въ Персіи и не было обычая встрѣчать такимъ образомъ пословъ, но какъ Мирза-Абуль-Хасанъ-хану былъ сдѣланъ такой пріемъ въ Петербургѣ, какого не дѣлали ни одному изъ персидскихъ пословъ, то Аббасъ-Мирза рѣшился отступить отъ общихъ правилъ и принять Ермолова съ особыми знаками почести и уваженія.

Въ полдень Ермолову подведена была лошадь съ богатымъ убо-

---

[1]) Въ «Русской Старинѣ» (1877 г., № 6, 172) ошибочно напечатано, что посольство прибыло въ Талынь 28-го апрѣля.

[2]) Мы не останавливаемся на подробностяхъ путешествія посольства, потому что онѣ болѣе или менѣе всѣмъ извѣстны. Желающіе же могутъ найти ихъ въ запискахъ Ермолова (см. Чтенія общества исторіи и древностей 1866 г., кн. III); въ книгѣ В. Бороздина: «Краткое описаніе путешествія посольства въ Персію въ 1817 г.», С.-Петербургъ, 1821 г., и въ статьѣ А. П. Берже: «Посольство А. П. Ермолова въ Персію, «Рус. Старина», 1877 г., № 6.

[3]) Дневникъ Соколова.

ромъ, присланы скороходы и нѣсколько заводныхъ лошадей; скороходы должны были идти передъ посломъ, а заводныя лошади—позади. По мѣрѣ приближенія посольства къ городу его встрѣчали разные сановники, а артиллерія произвела въ честь его 21 выстрѣлъ. Помѣстившись въ отведенномъ ему домѣ каймакама Мирзы-Безюрга, Ермоловъ встрѣтилъ въ немъ человѣка, нерасположеннаго къ Россіи, двуличнаго и злонамѣреннаго. Уклоняясь отъ всякихъ переговоровъ съ Безюргомъ, Алексѣй Петровичъ не могъ уклониться отъ разрѣшенія вопроса о *красныхъ чулкахъ*, безъ которыхъ до сихъ поръ не обходилась ни одна ауденція у Аббасъ-Мирзы.

По обычаю персіянъ, въ комнату наслѣдника нельзя было войти въ сапогахъ, но необходимо было надѣвать красные чулки. Этикету этому слѣдовали безпрекословно всѣ посланники европейскихъ державъ, а въ особенности англичане и французы. Присланный Наполеономъ генералъ Гарданъ, желая вкрасться въ довѣренность персіянъ, исполнялъ всѣ ихъ требованія, и ему замѣтилъ съ ироніею Ермоловъ: «послѣ краснаго колпака вольности не трудно было надѣвать чулки». Англичане дѣлали то же изъ желанія сохранить за собою всѣ выгоды торговли, «а какъ я, говорилъ Ермоловъ, не пріѣхалъ ни съ чувствами Наполеонова шпіона, ни съ прибыточными разсчетами прикащика купечествующей націи, то и не согласился на красные чулки и прочія условія».

Не желая нарушать установившагося при дворѣ этикета и вмѣстѣ съ тѣмъ видя упорство русскаго посла, Аббасъ-Мирза рѣшился принять Ермолова не въ комнатѣ, а передъ домомъ, не сидя на коврахъ своихъ, «которыхъ доселѣ не дерзалъ попирать ни одинъ сапогъ», но стоя на каменномъ помостѣ внутренняго двора, подъ портретомъ своего отца. Посольству пришлось пройти нѣсколько узкихъ и темныхъ коридоровъ и грязныхъ дворовъ, прежде чѣмъ оно приблизилось къ каменному помосту, на которой стоялъ человѣкъ въ обыкновенной красной одеждѣ безъ всякихъ украшеній. «Можно было не узнать, записалъ Алексѣй Петровичъ въ своемъ дневникѣ, что то былъ наслѣдникъ, но шедшіе впереди насъ церемоніймейстеръ и адъютанты его начали поспѣшно снимать свои туфли и кланяться почти до земли. Не останавливаясь, продолжали мы идти далѣе; на срединѣ двора они догнали насъ и опять начались поклоны, но уже не столько

продолжительные, ибо, снявъ прежде туфли, нѣтъ обыкновенія снимать что-либо болѣе; знатнѣйшія туфли могутъ, однако же, доходить до средины двора, но ни одна предѣла сего не преступаетъ. И такъ, приближаемся мы къ полотняному навѣсу и уже вблизи видимъ наслѣдника. Мы въ сію минуту походили на военныхъ людей, утомленныхъ сильнымъ въ знойное время переходомъ, поспѣшающихъ на отдыхъ подъ ставку маркитанта».

Остановившись не далѣе какъ въ шести шагахъ отъ принца и дѣлая видъ, что его не знаетъ, Ермоловъ спросилъ у провожатыхъ: «гдѣ же его высочество?» и только послѣ указанія снялъ шляпу, а за нимъ и вся свита. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, Аббасъ-Мирза подалъ Ермолову руку, и послѣ обычныхъ привѣтствій посолъ передалъ принцу высочайшую грамату, въ которой Императоръ Александръ высказывалъ желаніе сохранить дружбу съ Персіею.

Послѣ довольно продолжительнаго разговора, принцу представлены были чины посольства, и аудіенція была окончена. Почти цѣлую недѣлю Ермоловъ оставался въ Тавризѣ, и эти дни онъ считалъ скучнѣйшими въ своей жизни. Къ дому его былъ приставленъ почетный караулъ, которому приказано не пускать къ послу никого изъ жителей; для прислуги были назначены такія лица, которыя знали русскій языкъ и могли служить шпіонами. «Я не могъ, пишетъ Алексѣй Петровичъ, выѣхать за городъ, чтобы не тотчасъ извѣстно было о томъ Аббасъ-Мирзѣ и чтобы не вызвался онъ ѣхать со мною». Принцъ показывалъ послу свою конницу, свою артиллерію пѣшую и конную, приглашалъ его въ свой садъ, занималъ скучнѣйшими разговорами, предлагалъ ему смотрѣть фейерверкъ, но все это было такъ незатѣйливо, что Алексѣй Петровичъ рѣшился сидѣть дома и никуда не показываться; члены посольства послѣдовали его примѣру, и всѣ они «содержались какъ будто въ крѣпости». Зная, что причиною всему этому Мирза-Безюргъ, Ермоловъ избѣгалъ съ нимъ встрѣчи, изъ опасенія быть вызваннымъ на непріятныя объясненія.

Такъ прошло время до 24-го мая, когда въ Тавризъ пріѣхалъ изъ Тегерана Мамедъ-Али-бекъ и привезъ отвѣты на письма Ермолова, отправленныя съ Мазаровичемъ. Въ отвѣтахъ, состоявшихъ изъ набора пустыхъ словъ, цвѣтистыхъ фразъ и разнаго рода уподобле-

ній [1]), персидскіе сановники выражали, конечно, радость по случаю скораго свиданія съ русскимъ посломъ, причемъ садри-азамъ (первый министръ шаха) Мирза-Шефи спрашивалъ Ермолова, пріѣдетъ ли онъ въ Тегеранъ или прямо въ Султанію, куда съ наступленіемъ жаровъ шахъ обыкновенно пріѣзжалъ и проводилъ все лѣто. Садри-азамъ выражалъ жланіе, чтобы русское посольство поспѣшило пріѣздомъ въ Тегеранъ къ 7-му или 8-му числу мѣсяца шаабана и могло присутствовать на свадьбѣ принцевъ, сыновей шаха. Но если бы, прибавлялъ Мирза-Шефи, послу трудно было совершить въ короткій срокъ столь дальній путь, то шахъ предоставляетъ ему ожидать его пріѣзда или въ Султаніи, или въ Уджанѣ.

«Къ сожалѣнію, отвѣчалъ Ермоловъ [2]), не могу я никакъ прибыть въ Тегеранъ къ 8-му числу мѣсяца шаабана, ибо со свитою скоро ѣхать неудобно, и жары начинаютъ уже быть весьма чувствительны для людей, на сѣверѣ рожденныхъ. Приношу мою благодарность его величеству шаху за милостивое ко мнѣ вниманіе и позволеніе ожидать прибытія его въ Султанію. Иначе, испытавши трудности дороги, въ жаркое время, пріѣхалъ бы я въ Тегеранъ къ самому отъѣзду оттуда его величества. Въ Уджанѣ я не согласился остановиться надолго потому, что не могу ничего привести въ оправданіе медленности моего пути и не прежде смѣю помышлять о собственномъ спокойствіи моемъ, нежели (чѣмъ) исполню волю великаго моего государя, которой желаетъ онъ скораго исполненія».

Передавая это письмо Мамедъ-Али-беку, Ермоловъ разсказалъ ему о томъ тайномъ надзорѣ, которымъ окружилъ его Мирза-Безюргъ, и просилъ передать Мирза-Шефи, что если въ дальнѣйшемъ путеше-

---

[1]) Вотъ одинъ изъ образчиковъ персидскаго краснорѣчія: «До тѣхъ поръ, пока золотое знамя солнца будетъ освѣщать небесный станъ, до тѣхъ самыхъ поръ да украсится лагерь вашей высокосановности знаменемъ могущества и да наполнится чаша вашей души виномъ радости и веселія!»

«По изъявленіи вамъ множества привѣтствій и по отправленіи о вашемъ благополучіи тысячи молитвъ, я рукою искренности снимаю фату съ ланиты красавицы цѣли. Послѣ долгаго приковыванія ока надежды къ дорогѣ ожиданія, я денно и нощно не переставалъ мечтать о радостномъ съ вами свиданіи, какъ вдругъ пришла благая вѣсть о приближающемся блаженствѣ вашего присутствія».

[2]) Мирза-Шефи, въ письмѣ отъ 25 мая 1817 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 300.

ствіи онъ встрѣтитъ подобные же поступки, то приметъ ихъ за нарушеніе дружественныхъ отношеній и «начертаетъ себѣ другой образъ поведенія». Столь рѣзкое заявленіе заставило Мирзу-Безюрга хотя нѣсколько загладить свое поведеніе, и по его совѣту Аббасъ-Мирза наканунѣ отъѣзда Ермолова изъ Тавриза пригласилъ его ѣхать съ нимъ за городъ.

— Выѣзжая завтра, отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ посланному, берегу я глаза мои, въ которыхъ чувствую большую боль, и потому не могу имѣть удовольствія видѣть принца. Прошу позволенія прислать одного изъ чиновниковъ моихъ, который представитъ наслѣднику благодарность за благосклонный и милостивый пріемъ его, вѣжливость и вниманіе, которое онъ всѣмъ оказывалъ. Дождался бы я облегченія въ болѣзни, чтобы имѣть у него прощальную аудіенцію, но какъ я не былъ принятъ приличнымъ образомъ, а встрѣтился съ нимъ на дворѣ и за аудіенцію того почесть не могу, то и не считаю себя обязаннымъ откланиваться ему. Впрочемъ, какъ съ человѣкомъ милымъ и любезнымъ, съ которымъ пріятно мнѣ было познакомиться, желалъ бы я еще разъ гдѣ-нибудь встрѣтиться.

Этотъ отвѣтъ удивилъ Мирзу-Безюрга и вызвалъ продолжительныя объясненія.

— Пріемъ на дворѣ, увѣрялъ каймакамъ черезъ своего посланнаго, былъ самымъ величайшимъ доказательствомъ уваженія, который наслѣдный принцъ до того времени никому не оказывалъ, и прежде всѣ посланники надѣвали красные чулки, будучи принимаемы въ комнатѣ.

— Я не могу идти въ сравненіе съ другими, отвѣчалъ Ермоловъ, будучи посломъ сильнѣйшей и сосѣдственной державы, которой дружественное расположеніе слишкомъ ощутительныя доставляетъ выгоды Персіи. Если же красные чулки должны служить основаніемъ дружбы между двумя державами и безъ нихъ обойтись невозможно, то я прошу каймакама предупредить шаха, что я ихъ не надѣну, а чтобы не дѣлать безполезно лишняго пути, я на дорогѣ буду ожидать отвѣта: ѣхать ли мнѣ далѣе или возвратиться въ Россію?

«Сіе извѣстіе, пишетъ Ермоловъ въ своемъ дневникѣ, ужаснуло каймакама и, не взирая на утонченную его хитрость, безъ сомнѣнія, не было въ разсчетѣ. Онъ зналъ, что не укрылась отъ меня нена-

висть его къ русскимъ; и мнѣніе мое о немъ, какъ о величайшемъ изъ плутовъ, и потому не могъ сомнѣваться, что поставлю его виною всѣхъ могущихъ случиться неудовольствій».

Мирза-Безюргъ искалъ личнаго свиданія съ посломъ, но Ермоловъ его не принялъ и радъ былъ случаю завести съ нимъ ссору, чтобы впослѣдствіи можно было устранить его отъ участія въ совѣщаніяхъ о возвращеніи части земель, пріобрѣтенныхъ нами по Гюлюстанскому трактату.

Абасъ-Мирза, конечно, сожалѣлъ о происшедшей размолвкѣ и прислалъ сказать, что охотно приметъ русскаго чиновника, если не можетъ видѣть самого посла. Отправивъ совѣтника посольства г. Соколова, Алексѣй Петровичъ, рано утромъ 26-го мая, только съ однимъ адъютантомъ, поспѣшно выѣхалъ изъ Тавриза, такъ какъ для прочихъ чиновъ посольства не были готовы лошади. Внезапный отъѣздъ его произвелъ большой переполохъ въ городѣ: поодиночкѣ догоняли его тѣ сановники, которые обязаны были провожать его. Едва онъ остановился на ночлегъ, въ 15-ти верстахъ изъ Тавриза, какъ къ нему пріѣхали три персидскіе чиновника съ письмами отъ Аббасъ-Мирзы и его наставника Мирзы-Безюрга. Наслѣдный принцъ благодарилъ, что Ермоловъ чрезъ Соколова объяснился съ нимъ чистосердечно, что онъ особенно уважаетъ и принимаетъ за истинную дружбу, не терпящую притворства; каймакамъ же льстилъ, извинялся и выражалъ сожалѣніе, что не могъ лично видѣться съ Ермоловымъ.

«Вѣроятно генералъ Негри, писалъ Безюргъ [1]), уже довелъ до вашего свѣдѣнія, что я вчера намѣренъ былъ повидаться съ вами и просить извиненія, но по случаю глазной боли вамъ нельзя было принять меня, и я полагалъ, что сегодня вознаградится вчерашняя неудача; но утромъ въ канцеляріи моей объявили мнѣ, что вы такъ были утомлены безпокойствами въ эти дни, что не могли даже принудить себя къ небольшому труду прощальнаго свиданія и, не дожидаясь назначенія проводника со стороны моего благодѣтеля, наслѣднаго принца, выѣхали изъ города, освободивъ себя отъ безпокойства свиданія со мною.

---

[1]) Въ письмѣ, полученномъ 26-го мая 1817 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 303.

«Хотя мое дервишское (отшельническое) правило требуетъ только вашего спокойствія, но, не смотря на то, я рѣшился отправить къ вамъ почтеннѣйшаго Абдула-бека, чтобъ выразить мою грусть, проистекающую отъ вашего отсутствія, хотя оно освободило васъ отъ непріятности видѣть меня.

«Я надѣюсь въ скоромъ времени увидѣть васъ при высочайшемъ порогѣ и бесѣдовать съ вами по-дервишски».

Повторяя постоянно, что онъ дервишъ, неимѣющій никакихъ страстей человѣческихъ, равнодушный ко всѣмъ почестямъ, чуждый всякихъ суетныхъ желаній, Мирза-Безюргъ на самомъ дѣлѣ «желалъ съ жадностью» заступить мѣсто садри-азама, имѣлъ гаремъ, грабежомъ наживалъ себѣ состояніе и не допуская никого воспользоваться довѣренностью Аббасъ-Мирзы, одинъ сохранялъ надъ нимъ неограниченное вліяніе. Не обладая особеннымъ умомъ и будучи, по выраженію Мазаровича, великъ на малыя дѣла, Мирза-Безюргъ отличался хитростью, а главное—непримиримою враждою къ Россіи.

Въ бытность Ермолова въ Тавризѣ Мирза-Безюргъ увѣрилъ его, что шахъ прибудетъ въ Султанію 2-го числа рамазана. Ермоловъ сначала торопился ѣздою, но скоро убѣдился, что и въ этомъ былъ обманутъ каймакамомъ. Когда выѣдетъ шахъ изъ Тегерана и когда пріѣдетъ въ Султанію—никто и ничего не зналъ, и «вотъ, въ ожиданіи этихъ извѣстій, писалъ Алексѣй Петровичъ [1]), проходя отъ одного мѣста до другаго, веду жизнь кочующую. Здѣсь она никому не кажется странною, ибо всѣ они живутъ такимъ образомъ и, кромѣ рѣдкихъ весьма городовъ, въ бѣдныхъ деревняхъ нѣтъ почти пристанища. Персія много выигрываетъ описаніями иноземцевъ, и то еще надобно роскошное изданіе и хорошіе рисунки. Г. Мазаровичъ, четыре уже мѣсяца живущій въ Тегеранѣ, увѣдомляетъ меня, что шахъ увѣренъ, что я ѣду съ уступкою завоеванныхъ земель. Баронъ Строгановъ изъ Константинополя даетъ мнѣ знать, что шахъ сказывалъ посланному изъ Порты чиновнику, что онъ надѣется возвратить всѣ потери, войною причиненныя. Ваше сіятельство изъ сего увидѣть изволите, что я не самый пріятный буду гость у его величества шаха и что не избѣгну я нѣкоторыхъ переговоровъ, кои не

[1]) Въ письмѣ гр. Нессельроде, отъ 15-го іюня 1817 г.

польстятъ необузданной его гордости. Впрочемъ ваше сіятельство можете быть увѣрены, что это не повлечетъ никакихъ за собою слѣдствій, ибо столько не отчаяваюсь я успѣть, чтобы вразумить ихъ, что для собственной ихъ выгоды нужно имъ быть покойными. Персія не можетъ пренебрегать состояніемъ тишины, ибо она недалека весьма отъ того времени, что мѣсто ея заступятъ величайшія безпокойства и пламя раздора охватитъ ее отовсюду. Въ короткое пребываніе мое здѣсь я получилъ всю въ томъ увѣренность. По истинѣ скажу, что одна обычная вѣжливость заставляетъ оказывать персіянамъ нѣкоторое уваженіе, впрочемъ оно не принадлежитъ имъ— развѣ изъ сожалѣнія.»

Подвигаясь медленно и не безъ затрудненій, посольство 5-го іюля прибыло, наконецъ, въ послѣднее передъ Султаніею селеніе Саманъ-архи, гдѣ на обширной равнинѣ, на берегу р. Зеганъ-чая, было раскинуто два лагеря: одинъ для русскаго посольства, а другой для Мирзы-Абдулъ-Вехаба и его свиты, присланныхъ для встрѣчи Ермолова. Нося титулъ *муэтемидъ-уддоулэ* (опора государства), Мирза-Абдулъ-Вехабъ былъ человѣкъ наиболѣе просвѣщенный между персіянами, любимецъ и довѣренное лицо шаха. Онъ встрѣтилъ посольство съ особымъ вниманіемъ и почтеніемъ: лагерь былъ устроенъ гораздо лучше, чѣмъ тѣ, которыми путешественники пользовались прежде; у ставки посла былъ поставленъ почетный караулъ, и Абдулъ-Вехабъ первый сдѣлалъ визитъ Ермолову. Причины столь необычайной предупредительности скоро объяснились. Абдулъ-Вехабъ былъ присланъ изъ Тегерана разузнать предварительно мнѣніе посла относительно возвращенія областей и съ этою цѣлью имѣлъ при себѣ полномочіе шаха на вступленіе съ нимъ въ переговоры.

Еще въ Тегеранѣ, пользуясь знакомствомъ съ Мазаровичемъ, Вехабъ не скрылъ отъ него порученія, даннаго ему шахомъ, и спрашивалъ, можно ли разсчитывать на уступки со стороны Россіи и въ особенности на возвращеніе Карабага? Отвѣтъ Мазаровича хотя и былъ неблагопріятенъ для Вехаба, но онъ все еще надѣялся выговорить у Ермолова что-либо въ пользу Персіи до пріѣзда шаха и тѣмъ отнять эту заслугу у садръ-азама. Мучимый безпокойствомъ и нетерпѣніемъ, Абдулъ-Вехабъ искалъ скорѣйшаго объясненія, но Ермоловъ, чувствуя себя нездоровымъ, не могъ съ нимъ видѣться.

Тогда онъ прислалъ черезъ Мазаровича грамату шаха, уполномочивавшую его вступить въ переговоры. Ермоловъ отвѣчалъ, что, не имѣя аудіенціи у шаха и не представивъ ему граматы императора, онъ не считаетъ возможнымъ входить съ кѣмъ бы то ни было въ переговоры, но готовъ говорить съ нимъ по-пріятельски, какъ съ человѣкомъ «партикулярнымъ». Изъ разговоровъ съ русскимъ посломъ Мирза-Вехабъ узналъ, что Россія вовсе не думаетъ объ уступкахъ.

— Но безъ того я не ожидаю хорошаго окончанія дѣла, замѣтилъ Вехабъ; шахъ въ полной увѣренности, что желаніе его исполнится, потому что въ граматѣ императора, переданной въ Петербургѣ послу Абуль-Хасанъ-хану, изображено, что на васъ возложена обязанность изыскать средства сдѣлать все угодное шаху.

— Кромѣ уступки областей, отвѣчалъ Ермоловъ, жители которыхъ прибѣгли подъ покровительство Россіи, есть много другихъ выгодъ, которыя можетъ Персія извлечь изъ расположенія къ ней русскаго государя. Доказательствомъ же пріязни и великодушія императора Александра можно признать и то, что, не смотря на все неудобство теперешней границы между двумя державами, онъ не намѣренъ улучшить ее и, имѣя всѣ средства исполнить то, что пожелаетъ, онъ не хочетъ поступать вопреки выгодъ державы, доброе согласіе и дружбу съ которой онъ вполнѣ цѣнитъ. Взгляните на карту и убѣдитесь, что безъ нарушенія существенныхъ выгодъ Россіи и не давая повода къ неизбѣжнымъ раздорамъ впослѣдствіи, невозможно уступить шаху земли.

— Шахъ, замѣтилъ Мирза-Вехабъ, оскорбленъ будетъ отказомъ въ томъ, чего такъ давно ожидаетъ, и вы, конечно, не возьмете на себя объявить войны, опасаясь гнѣва императора.

— Государь, по уваженію къ шаху, отвѣчалъ Ермоловъ, будетъ крайне сожалѣть о разрывѣ, ибо желаетъ постоянно сохранять дружбу; но за то онъ знаетъ, что ничего не должно щадить на защиту вѣрныхъ ему народовъ, которые все счастіе свое полагаютъ въ его покровительствѣ.

Мирза-Вехабъ ухватился за послѣднюю фразу и сталъ увѣрять, что не только жители вновь пріобрѣтенныхъ Россіею провинцій, но вся Грузія желаетъ быть уступленною Персіи. Выхваляя свое пра-

вительство, Мирза-Вехабъ старался устрашить Ермолова многочисленностью персидскихъ войскъ и увѣрялъ, что въ Персіи участь военныхъ людей завиднѣе, чѣмъ въ Россіи.

— Гдѣ нѣтъ понятія о чести, замѣтилъ Ермоловъ, тамъ, конечно, остается искать выгодъ, отчего всѣ ваши военные люди похожи на разбойниковъ, неимѣющихъ въ виду ни славы Персіи, ни чести оружія, но одинъ грабежъ. Отличнѣйшіе изъ государственныхъ людей наказываются у васъ безъ суда, по одной волѣ шаха. продажею женъ, и вы, конечно, не можете не признать, чтобы въ подобныхъ случаяхъ честь сколько нибудь не была угрожаема.

Мирза-Вехабъ долженъ былъ согласиться въ справедливости послѣднихъ замѣчаній. «Доказательства, приведенныя мною, записалъ Алексѣй Петровичъ въ своемъ дневникѣ, потому подѣйствовали болѣе, что Мирза-Абдулъ-Вехабъ могъ привести себѣ на память полученное имъ по пятамъ наказаніе, не взирая на особенную къ нему любовь и довѣренность шаха. Конечно, въ душѣ своей не могъ онъ не согласиться, что продажа женъ и дѣтей оскорбительны, и сіе случилось съ визиремъ Мирзою-Хаджи-Ибраимомъ, виновникомъ возведенія на престолъ нынѣшнято шаха.

Бесѣды въ такомъ родѣ продолжались почти ежедневно въ теченіе 10—12 дней, и персіянину очень хотѣлось убѣдить Ермолова въ необходимости сдѣлать какую бы то ни было уступку, но ни угрозы въ неизбѣжности разрыва, ни указанія на многочисленныя ополченія въ Персіи не дѣйствовали.

— Я обязанъ, отвѣчалъ на все это Алексѣй Петровичъ, соблюдать достоинство моего государя и Россіи, и если въ пріемѣ шаха увижу холодность, а въ переговорахъ съ тѣмъ, кому поручено будетъ разсуждать со мною о дѣлахъ, замѣчу намѣреніе нарушить миръ, то я самъ предупрежу объявленіемъ войны и не окончу оной, не имѣя Араксъ границей. Я возьму Тавризъ и потомъ, уступивъ вамъ изъ великодушія Адербейджанскую провинцію, удержу области по Араксъ, что вы должны будете признать за примѣрную умѣренность. Жаль мнѣ, что вы почтете это за хвастовство, а я бы назначилъ вамъ день, когда русскія войска войдутъ въ Тавризъ. Я желалъ бы только, чтобы вы дали мнѣ слово дождаться меня тамъ, для свиданія.

Званіе главнокомандующаго давало особое значеніе этимъ словамъ Алексѣя Петровича, «а угрюмая рожа моя, писалъ онъ [1]), всегда хорошо изображала чувства мои, и когда я говорилъ о войнѣ, то она принимала на себя выраженіе чувствъ человѣка, готоваго схватить зубами за горло. Къ несчастію ихъ, я замѣтилъ, что они того не любятъ, и тогда всякій разъ, когда не доставало мнѣ убѣдительныхъ доказательствъ, я дѣйствовалъ звѣрскою рожей, огромною своею фигурой, которая производила ужасное дѣйствіе, и широкимъ горломъ, такъ что они убѣждались, что не можетъ же человѣкъ такъ сильно кричать, не имѣя справедливыхъ и основательныхъ причинъ».

«Когда говорилъ я, писалъ Ермоловъ П. А. Кикину [2]), персіяне думали, что съ голосомъ моимъ соединяются голоса ста тысячъ человѣкъ, согласныхъ со мною въ намѣреніяхъ, единодушныхъ въ дѣйствіи».

Не ограничиваясь однимъ запугиваніемъ, Ермоловъ обратилъ вниманіе Вехаба на то, что неудачная война должна имѣть пагубныя послѣдствія для Персіи, и найдутся люди, готовые возбудить междоусобіе. Многочисленное семейство шаха не въ состояніи будетъ удержать престолъ, такъ какъ истребленіе онаго есть единственное средство избѣжать отмщенія, и первая неудачная война должна разрушить нынѣшнюю династію.

— Вотъ что ожидаетъ Персію, прибавилъ Ермоловъ, и неужели сосѣди, изъ коихъ нѣкоторые теперь уже безпокойны, останутся равнодушными зрителями мятежей и раздоровъ?

— Неужели и Талышинское ханство отдать невозможно! съ прискорбіемъ воскликнулъ Мирза-Вехабъ. Главнѣйшая и лучшая часть ханства находится во владѣніи Персіи, а остальная такъ ничтожна.

— Вы хорошо знаете Талышинское ханство, отвѣчалъ Ермоловъ, но его потому отдать невозможно, что оно есть звено, связывающее наши границы, и въ рукахъ персіянъ оно будетъ вѣчнымъ яблокомъ раздора съ Россіей. Вы можете судить, сколь велика невозможность

---

[1]) Въ письмѣ А. А. Закревскому отъ 12-го октября 1817 г. «Русскій Вѣстникъ» 1863 г., № 10.

[2]) «Русская Старина» 1872 г., т. VI, 502.

удовлетворить желанію шаха возвращеніемъ земель, если даже и Талышинскаго ханства предложить я не намѣренъ, сколько, впрочемъ, сама по себѣ потеря сія ни маловажна для Россіи.

Мирза-Вехабъ настаивалъ на своемъ и въ теченіе нѣсколькихъ дней убѣждалъ Ермолова въ необходимости уступки. «Наконецъ долженъ былъ я сказать, пишетъ Алексѣй Петровичъ [1]), что государемъ возложено было на меня обозрѣніе границъ и мною донесено, что малѣйшей уступки сдѣлать невозможно, и что послѣ того надо мнѣ быть измѣнникомъ, чтобы сдѣлать противное, но что скорѣе я на все прочее рѣшиться готовъ». Послѣ этихъ словъ Мирза-Вехабу не оставалось ничего болѣе, какъ прекратить переговоры и ожидать прибытія шаха. Но когда прибудетъ въ Султанію «*средоточіе вселенной*» и «*убѣжище міра*»—было неизвѣстно, и чтобы разъяснить свое положеніе, Ермоловъ отправилъ въ Тегеранъ князя Бековича-Черкаскаго:

«Живу я здѣсь уже нѣсколько дней, писалъ онъ Мирза-Шефи [2]), и никакого точнаго извѣстія не имѣю; думаю однако же, что по званію моему въ правѣ я былъ ожидать о томъ увѣдомленія, а особливо имѣвши честь объяснить вамъ, что я отвѣтствую передъ великимъ государемъ моимъ за медленное исполненіе его порученія. Отвѣтственность падаетъ на меня отъ того единственно, что вы не разсудили за благо меня увѣдомить о времени прибытія его величества, или какъ долго угодно было его величеству приказать мнѣ ожидать себя».

Мирза-Шефи извиняясь говорилъ, что понимаетъ нетерпѣливость посла, желающаго скорѣе предстать предъ *священною особой убѣжища вселенной*, но что онъ самъ виноватъ, замедливъ свой пріѣздъ. Мирза-Шефи увѣрялъ, будто, въ ожиданіи пріѣзда Ермолова, шахъ, не смотря на жару, нѣсколько дней оставался въ Тегеранѣ, а теперь, хотя онъ и долженъ бы былъ слѣдовать въ Туркестанъ, за отрядомъ туда посланнымъ, но, изъ желанія скорѣе принять посла

---

[1]) Записки Ермолова. См. также отношеніе Ермолова гр. Нессельроде отъ 31-го октября 1817 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 342.

[2]) Въ письмѣ отъ 12-го іюля 1817 г. Акт. Кав. Арт. Ком., т. VI, ч. II № 304.

русскаго императора, отправляется прямо въ долину Султанію, куда и прибудетъ къ 20 числу іюля.

И дѣйствительно, въ этотъ день Фетхъ-Али, сопровождаемый большимъ числомъ своихъ сыновей и окруженный отрядомъ до 20,000 персидскихъ войскъ, прибылъ въ Султанію. Предшествуемый 40 скороходами и одѣтый весьма скромно, шахъ ѣхалъ верхомъ на сѣрой лошади, у которой всѣ ноги по брюхо, хвостъ и грива были выкрашены оранжевою краскою. Впереди шаха вели нѣсколько сотъ верблюдовъ, навьюченныхъ фалконетами, изъ которыхъ производилась безпрерывная стрѣльба. Шагахъ въ 200 позади шаха ѣхала толпа сыновей, а за ними войска, шедшія въ одну шеренгу по обѣимъ сторонамъ дороги и растянувшіяся версты на три. Почетный отрядъ этотъ расположился лагеремъ, а шахъ вступилъ во дворецъ, «буде, говоритъ Ермоловъ, таковымъ можно назвать небольшой, неопрятно построенный изъ глины, домъ, передъ которымъ посажено нѣсколько рядовъ ракитъ по грязному и довольно вонючему ручью, между ими пробѣгающему». Въ этомъ дворцѣ помѣстились и жены, «которыхъ въ нынѣшній разъ было только сорокъ, танцовщицы, забавляющія его въ гаремѣ и нерѣдко раздѣляющія съ женами нѣжность его».

Встрѣтивъ во время проѣзда во дворецъ нѣсколькихъ русскихъ офицеровъ, привлеченныхъ любопытствомъ, шахъ, привставъ на стремена, кричалъ имъ: «здравствуйте, добро пожаловать». Поступокъ этотъ изумилъ персіянъ, невидавшихъ отъ своего повелителя такого вниманія ни къ одному изъ представителей европейскихъ державъ, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ этимъ шахъ не обратилъ никакого вниманія на англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Виллока, который, сойдя съ лошади вмѣстѣ съ чиновникомъ своей миссіи, отвѣшивали весьма низкіе поклоны.

Почти цѣлую недѣлю тегеранскій дворъ готовился къ пріему русскаго посла и устраивалъ для него лагерь, причемъ содержаніе посольства обращено было на счетъ вельможъ, и шахъ не тратилъ на то ни одной копѣйки: у однихъ онъ бралъ палатки, у другихъ убранство, у третьихъ прислугу для посольства. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дней ожиданія, Ермолову былъ присланъ церемоніалъ торжественнаго въѣзда въ Султанію. Оставшись недоволенъ церемо-

ніаломъ, Алексѣй Петровичъ отправилъ 22-го іюля совѣтника посольства Соколова для объясненій съ садръ-азамомъ Мирзою-Шефи.

Это былъ восьмидесятилѣтній старецъ, болѣе сорока лѣтъ исполнявшій должность визиря и служившій тремъ государямъ. Въ правленіе Ага-Магомедъ-хана онъ научился хитрить, лукавить и творить всякаго рода беззаконія. Приговоренный нѣсколько разъ къ смертной казни и случайно уцѣлѣвшій, Мирза-Шефи пытался самъ отравить одного министра, завидуя дарованіямъ и довѣренности, которую пріобрѣлъ тотъ у шаха. Изобличеніе въ этомъ послѣднемъ преступленіи не повредило служебному положенію Мирза-Шефи и «для заглаженія вины надобно только было въ присутствіи его (шаха) просить прощенія на колѣняхъ у того, кого онъ отравить старался, а шаху заплатить штрафъ деньгами». Потерявъ всѣхъ своихъ сыновей, визирь былъ въ отчаяніи, что некому передать въ наслѣдство «благородныя свои свойства», и при чрезвычайной скупости продолжалъ грабежомъ увеличивать свое состояніе. Шахъ покровительствовалъ грабежу перваго своего совѣтника съ намѣреніемъ воспользоваться его богатствами. Единственная дочь визиря была объявлена съ десятилѣтняго возраста невѣстою одного изъ сыновей шаха, и несчастной не было спасенія. Хотя первый женихъ ея умеръ, но шахъ, не теряя времени, замѣстилъ его другимъ, что нетрудно было сдѣлать, такъ какъ у «средоточія вселенной» было болѣе 70 сыновей. Мирза-Шефи любилъ много и скоро говорить и никогда не вникалъ въ то, что ему говорили; въ разговорахъ серьезныхъ онъ всегда старался уклониться отъ прямаго и опредѣленнаго отвѣта [1]).

У садръ-азама Соколовъ засталъ Мирзу-Безюрга и Махмудъ-хана, втораго адъютанта шаха. По прочтеніи церемоніала, Соколовъ предложилъ сдѣлать нѣсколько добавленій для бо́льшей парадности въѣзда. Въ числѣ этихъ добавленій было поставлено условіе, чтобы послу была прислана подсѣдельная лошадь въ приличномъ уборѣ и высланы заводныя лошади, «для почести и украшенія церемоніи». Персіяне отвѣчали, что, по обычаю двора, лошади, какъ подсѣдельная, такъ и заводныя, высланныя отъ шаха, должны быть приняты

[1]) Дневникъ Соколова.

посломъ въ подарокъ. Напомнивъ Соколову поступокъ Ермолова въ Тавризѣ, Мирза-Безюргъ и садръ-азамъ находили невозможнымъ прибавить параграфъ о лошадяхъ, дабы шахъ не могъ получить отказа. Послѣ споровъ и возраженій совѣщавшіеся рѣшили доложить шаху, и къ удивленію Соколова, садръ-азамъ, не переговоривши о другихъ параграфахъ церемоніала, вынесъ отъ шаха уже утвержденный церемоніалъ, въ которомъ было сказано, что послу будетъ подведена подсѣдельная лошадь, а о заводныхъ ничего не упомянуто. Не зная, принять или нѣтъ этотъ церемоніалъ, Соколовъ отправилъ его къ Ермолову и спрашивалъ, какъ поступить ему.

«Съ безтолковымъ народомъ, отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ Соколову [1]), мудрено сдѣлать и то, въ чемъ вы успѣли. Все однако же не то, чтобы я хотѣлъ, но соглашаюсь потому только, чтобъ при первомъ случаѣ не сдѣлать непріятности отказомъ и тѣмъ болѣе, что церемоніалъ утвержденъ самимъ шахомъ, чего по содержанію перваго церемоніала предполагать было невозможно. Скажите садръ-азаму (Мирза-Шефи), что я принимаю церемоніалъ и пріѣду, но только не завтра, а послѣ-завтра, и то если въ лагерѣ все готово будетъ приличнымъ образомъ. Завтра никакъ не пріѣду, въ чемъ можете, ваше превосходительство, поручиться за меня. Возвращаю персидскій церемоніалъ съ тѣмъ, чтобы вы испросили приложеніе печати, представя, что оный препровожденъ будетъ къ нашему министерству, для разсмотрѣнія и доклада императору, а то безъ печати онъ не имѣетъ достовѣрности.

«Съ каймакамомъ (Мирзою-Безюргомъ) избѣгайте объясненій, вѣжливымъ образомъ обращая разговоръ на меня, что мнѣ извѣстно, какъ я былъ обманутъ. Хвалите Аббасъ-Мирзу, чтобы мнѣ не хвалить уже его болѣе. Будьте ласковы съ Мирзою-Абуль-Хасанъ-ханомъ; Абдулъ-Вехабу окажите отличное уваженіе и прежде съ нимъ объяснитесь, что мнѣ никакъ невозможно завтра пріѣхать по причинѣ, что лагерь не готовъ. Берегите садръ-азама (Мирзу-Шефи) изъ почтенія къ древности: въ антикахъ и о..ы имѣютъ свою цѣну. Прикажите кому-нибудь позаботиться, чтобъ послѣ завтра приготовлена

[1]) Въ письмѣ отъ 24-го іюля 1817 г.

была провизія въ лагерѣ. Стыдно будетъ въ народѣ, что останемся безъ пищи: всѣ знаютъ, что у насъ нѣтъ рамазана (поста)».

Въ четыре часа пополудни 26-го іюля русскій посолъ, при многочисленномъ стеченіи народа, переѣхалъ въ лагерь въ Султанію, на лошади шаха, подъ чепракомъ, шитымъ золотомъ и серебромъ и съ изумруднымъ уборомъ. Въ то время, когда Ермоловъ подъѣзжалъ къ посольской палаткѣ, надъ нею взвился флагъ съ русскимъ гербомъ. На слѣдующее утро Алексѣй Петровичъ отправился къ Мирза-Шефи для врученія ему граматы Императора Александра. Садръ-азамъ принялъ его съ необычайною привѣтливостью и осыпалъ любезностями; Ермоловъ отвѣчалъ тѣмъ же и въ знакъ глубокаго уваженія назвалъ его отцомъ, которому, какъ покорный сынъ, обѣщалъ быть совершенно откровеннымъ во всѣхъ поступкахъ и дѣлахъ. «Итакъ, говоритъ Алексѣй Петровичъ въ своихъ запискахъ, о чемъ невыгодно мнѣ было трактовать съ нимъ, какъ съ верховнымъ визиремъ, я обращался къ нему какъ къ отцу; когда же надобно было возражать ему или пострашать, то, храня почтеніе какъ сынъ, я облекался въ образъ посла».

Первыя совѣщанія ограничились составленіемъ церемоніала для предстоявшей аудіенціи у шаха, состоявшейся 31-го іюля.

Съ утра этого дня все пространство отъ посольскаго лагеря и до шахской палатки, составлявше около 1,000 шаговъ, было занято персидскими войсками, построенными въ двѣ линіи. Въ 11 часовъ утра пріѣхалъ за Ермоловымъ второй адъютантъ шаха Махмудъ-ханъ и объявилъ между прочимъ, что свита посла будетъ построена въ шахской палаткѣ въ одну линію. Такъ какъ она состояла изъ 20 чел. и половинѣ пришлось бы стоять внѣ палатки, подъ открытымъ небомъ, то Ермоловъ потребовалъ отмѣны этого распоряженія, заявивъ, что въ противномъ случаѣ онъ отправится къ шаху только одинъ съ переводчикомъ.

Послѣ взаимныхъ пересылокъ и переговоровъ было рѣшено всѣмъ чинамъ посольства остаться въ палаткѣ тѣлохранителей, куда и отправился Ермоловъ со свитою и музыкою. Встрѣченный зятемъ шаха Аллахъ-Яръ-ханомъ и другими сановниками, въ числѣ коихъ находился и Мирза-Абуль-Хасанъ-ханъ, Ермоловъ и здѣсь не согласился надѣть красные чулки и войти къ шаху безъ туфель, но вошелъ въ

сапогахъ и за особую уступчивость посла было принято то, что шаговъ за сто отъ шахской палатки одинъ изъ лакеевъ стеръ пыль съ сапоговъ Ермолова [1]).

Палатка, въ которой происходила аудіенція, была разбита на возвышеніи, выложенномъ кирпичомъ, покрытымъ сплошь коврами. Въ углубленіи ея поставленъ былъ богато убранный тронъ съ подножіемъ, на которомъ изображенъ отдыхающій левъ. На тронѣ сидѣлъ шахъ въ большой коронѣ и парчевой одеждѣ, осыпанной драгоцѣнными каменьями [2]). По правую сторону трона стояли 14 шахскихъ сыновей, а подлѣ нихъ чиновникъ съ блюдомъ, на которомъ лежала малая корона. По лѣвую сторону находились 4 гулямъ-пишхидмета (стража, охраняющая особу шаха и комплектуемая изъ лучшихъ фамилій), державшіе шахскія регаліи: щитъ, саблю, скипетръ и ковчежецъ съ шахскою печатью.

Предшествуемый двумя совѣтниками посольства, изъ коихъ одинъ несъ на золотомъ блюдѣ грамату императора, Ермоловъ при входѣ на площадку сдѣлалъ одинъ поклонъ, на срединѣ другой и наконецъ, подойдя къ палаткѣ, третій.

— Чрезвычайный и полномочный россійско-императорскій посолъ, произнесъ Аллахъ-Яръ-ханъ, предсталъ предъ ваше величество и имѣетъ счастіе поднести грамату своего государя.

— Хошъ-гельди (добро пожаловать!) отвѣчалъ шахъ, стоявшій на тронѣ.

Взявъ съ подноса грамату, Ермоловъ вошелъ въ палатку, а за нимъ и совѣтники посольства—Негри и Соколовъ.

— Императоръ всероссійскій, произнесъ Алексѣй Петровичъ, великій государь мой, равно постоянный въ правилахъ своихъ и чувствахъ, уважая отличныя качества вашего величества и любя славу вашу, желаетъ существующій нынѣ миръ утвердить навсегда съ Персіею, царствованіемъ вашимъ благополучною. Я имѣю счастіе быть удостоенъ порученія представить предъ ваше величество желаніе моего государя. Въ искренности его передъ лицомъ Персіи при-

[1]) См. «Русскую Старину» 1872 г., т. VI, 502.

[2]) Описаніе одежды шаха и вообще подробности церемоніи см. статью А. П. Берже: «Посольство Ермолова въ Персію». «Русская Старина» 1877 года, №№ 6 и 7.

зываю я Бога во свидѣтеля. Себя почту тогда совершенно счастливымъ, когда удостоюсь высокаго благоволенія вашего величества.

Принявъ высочайшую грамату, въ которой Императоръ Александръ подтверждалъ желаніе сохранить миръ свято и ненарушимо [1]), шахъ положилъ ее подлѣ себя на тронѣ и предложилъ послу сѣсть на приготовленное для того кресло, поставленное противъ трона и на томъ же самомъ коврѣ.

Затѣмъ Фетхъ-Али спросилъ Ермолова о здоровьѣ.

— Счастливѣйшимъ для себя считаю сей день, отвѣчалъ спрошенный, въ который предсталъ предъ государя Персіи, могущественнаго и знаменитаго, уважаемаго россійскимъ императоромъ, моимъ государемъ.

Шахъ спрашивалъ о здоровьѣ императора, гдѣ онъ находится, и выразилъ желаніе, чтобы доброе согласіе и миръ между двумя державами никогда не нарушались.

— Желательно бы было, замѣтилъ Фетхъ-Али, чтобы русскій императоръ, точно такъ же, какъ персидскій государь, могли посѣщать другъ друга, подобно европейскимъ государямъ. И да снидетъ гнѣвъ Аллаха на могущихъ дерзнуть поколебать миръ и тишину, въ коихъ пребываютъ нынѣ обѣ державы!

Послѣ нѣсколькихъ минутъ бесѣды были приведены изъ палатки тѣлохранителей всѣ чины посольства и представлены шаху.

— Всѣ они, говорилъ Ермоловъ, почитаютъ себя несказанно счастливыми предстать предъ ваше величество, ибо и путешествіе столь дальнее предприняли, бывъ побуждаемы любопытствомъ узрѣть кроткаго монарха, прославившагося отличными свойствами мудрости и величіемъ.

— Я очень радъ, отвѣчалъ Фетхъ-Али, что имѣю случай познакомиться съ отличными офицерами русскаго государя, дорогаго моего союзника.

Затѣмъ шахъ обошелъ каждаго изъ членовъ посольства и привѣтствовалъ словами: *хошъ-гельди*. Остановившись передъ штабсъ-капитаномъ Коцебу, Ермоловъ обратилъ на него вниманіе «средоточія вселенной».

---

[1]) Грамата эта напечатана въ Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 271.

— Этотъ офицеръ, сказалъ Алексѣй Петровичъ, въ теченіе трехъ лѣтъ путешествовалъ вокругъ свѣта и былъ порываемъ желаніемъ видѣть Персію и великаго ея государя Фетхъ-Али-шаха.

— Теперь, конечно, онъ все видѣлъ, произнесъ шахъ съ самообольщеніемъ.

Два дня спустя, именно 3-го августа, въ первый день праздника байрама, Ермоловъ имѣлъ вторую аудіенцію у шаха собственно для принесенія подарковъ, разложенныхъ въ особой палатѣ. Шахъ былъ пораженъ присланными вещами и любовался ими какъ ребенокъ. Въ особенности поразили его хрустальныя вещи и огромныхъ размѣровъ зеркала. Никогда въ жизни не видѣлъ онъ себя въ зеркалѣ такъ хорошо, какъ теперь, и самосозерцаніе произвело на него глубокое впечатлѣніе. «Долго и неподвижно всматривался онъ въ себя и въ обливавшіе его алмазы и брилліанты, въ безчисленныхъ сіяніяхъ отражавшіеся въ глубинѣ волшебнаго трюмо. Но вотъ, какъ бы очнувшись, онъ думалъ было обратиться къ другимъ вещамъ, но какая-то невѣдомая сила снова приковывала его къ мѣсту. Прошло еще нѣсколько минутъ. Наконецъ, превозмогая себя, онъ сдѣлалъ легкое движеніе въ сторону; еще мигъ, еще одинъ только взглядъ на зеркальную поверхность... и очарованіе исчезло...[1])».

— Мнѣ было несравненно легче, произнесъ онъ, пріобрѣсти милліоны, чѣмъ этотъ подарокъ русскаго вѣнценосца, который не промѣняю ни на какія сокровища въ мірѣ.

Шахъ просилъ Ермолова заказать для него фарфоровый сервизъ и хрустальныя люстры, увѣряя, что англичане не могутъ сдѣлать по его вкусу, и прислать къ нему бывшаго въ свитѣ посла академика Мошкова, чтобы нарисовать формы вещамъ по его указанію. Исполненіемъ этой просьбы и постоянною лестью Ермоловъ такъ расположилъ къ себѣ шаха, что онъ почти ежедневно присылалъ справляться о здоровьѣ посла и предоставилъ ему право видѣть повелителя Ирана когда пожелаетъ. Ермоловъ хотя и не пользовался этимъ правомъ и бывалъ у шаха не иначе какъ по приглашенію, но

---

[1]) М. Погодинъ. «А. П. Ермоловъ», «Русскій Вѣстникъ» 1863 г. «Русская Старина» 1877 г., № 7, 408. «Посольство Ермолова въ Персію» А. П. Берже.

довольно часто. «Не разъ случалось, писалъ Ермоловъ [1]), что я, выхваляя рѣдкія и высокія души его (шаха) качества, и увѣряя, сколько я ему преданъ и тронутъ его совершенствами, призывалъ слезу на мои глаза и такъ и таялъ отъ умиленія. На другой день только и говорено было обо мнѣ, что не было такого человѣка подъ солнцемъ. Послѣ чего не смѣлъ никто говорить противъ меня, и я съ министрами поступалъ самовластнымъ образомъ».

Дождавшись окончанія праздника байрама, Ермоловъ обратился къ Мирза-Шефи съ заявленіемъ [2]), что пора приступить къ разсужденію о дѣлахъ, и просилъ увѣдомить, кто будетъ назначенъ для этого шахомъ, но непремѣнно съ письменнымъ полномочіемъ, «безъ котораго, говорилъ Алексѣй Петровичъ, я начать переговоровъ не могу».

— Вамъ должно быть извѣстно, отвѣчалъ Мирза-Шефи, что уполномочіе требуется на переговоры о тѣхъ предметахъ, о коихъ въ первый разъ начинается сужденіе. Слава Аллаху, дружба обѣихъ высокихъ державъ находится въ большой прочности и о новомъ какомъ-нибудь предметѣ не предстоитъ сужденія, слѣдовательно не представляется надобности и въ полномочіи. Я имѣю повелѣніе отъ моего могущественнаго, какъ судьба, властелина предложить вамъ сообщить мнѣ все, что поручено вамъ отъ вашего правительства, сообразно съ постановленіями, состоявшимися между императоромъ и моимъ повелителемъ, и согласно съ тѣми сношеніями моего двора о разныхъ предметахъ, на которые предоставлено вамъ отвѣчать.

— Удостовѣрившись, говорилъ Ермоловъ, что шаху благоугодно поручить вамъ имѣть со мною переговоры, я не упоминаю о полномочіи, ибо мнѣ довольно знать, что вы верховный министръ въ государствѣ. Священнымъ именемъ моего великаго государя увѣряю васъ, что онъ твердъ въ намѣреніи сохранить вѣчную дружбу, не имѣетъ въ виду другихъ выгодъ, кромѣ общихъ обоимъ государствамъ, и для Россіи не желаетъ свыше того, что Всевышній пре-

---

[1]) А. А. Закревскому, 12-го октября 1817 г. «Русскій Вѣстникъ» 1863 г., № 10.

[2]) Письмо Ермолова Мирза-Шефи отъ 8-го августа 1817 г.

доставилъ послѣднимъ миромъ. Отвѣтъ, сообщенный министромъ графомъ Нессельроде бывшему въ С.-Петербургѣ послу Абуль-Хасанъ-хану, ясно изображаетъ волю моего государя, и мнѣ поручено ходатайствовать объ опредѣленіи черты границъ, чтобы на будущее время отдалить всякій поводъ къ нарушенію мирной и священной связи между двумя державами.

Такое заявленіе не удовлетворило тегеранскій кабинетъ, и Мирза-Шефи снова пытался поднять вопросъ объ уступкѣ Персіи хотя нѣкоторыхъ провинцій. Пригласивъ къ себѣ Ермолова, садръ-азамъ заявилъ, что отказъ посла сдѣлать какую бы то ни было уступку ставитъ его въ невозможность доложить о томъ шаху.

— Я выведу васъ изъ затрудненія, отвѣчалъ Ермоловъ, и самъ съ нимъ объяснюсь.

Мирза-Шефи и прочіе присутствовавшіе признались тогда, что настаивали на уступкѣ земель безъ воли шаха, считая это дѣломъ справедливымъ.

— Обозрѣвши границы, отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ, я донесъ императору о невозможности сдѣлать малѣйшей уступки, и государь, давъ мнѣ власть говорить его именемъ, безъ сомнѣнія подтвердитъ мое мнѣніе.

Слова эти Мирза-Шефи обѣщалъ передать шаху и переговоры долгое время не приводили ни къ чему опредѣленному.

«Я началъ переговоры, писалъ Ермоловъ [1]), и мнѣ объявлено желаніе возвращенія областей, какъ объяснено о томъ бывшимъ въ Петербургѣ посломъ персидскимъ, и настоятельность о томъ продолжается. Изъ всего усматриваю я, что Мирза-Абуль-Хасанъ-ханъ, управляемый извѣстнымъ вашему сіятельству вліяніемъ (англійскимъ), увѣрилъ шаха въ надеждѣ полученія областей, и отвѣтъ, вами письменно ему данный, какъ и самую грамату къ шаху, истолковалъ сколько могло быть ему пріятнѣе. Я полагаю, что сила того же самаго вліянія заставила его укрыть отъ свѣдѣнія здѣшняго министерства какъ величіе и славу государя императора, такъ и могущество Россіи, и я во всѣхъ разсужденіяхъ и дѣйствіяхъ министерства вижу, что едва позволяютъ намъ быть имъ равными...

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ графу Нессельроде 15-го августа 1817 г.

«Доселѣ еще ничего нѣтъ рѣшительнаго въ переговорахъ моихъ, но уже потою моею объяснено, что уступить областей я не могу, и что никакія обстоятельства того перемѣнить не въ состояніи... Не легко повѣрить, ваше сіятельство, съ какими безпрестанно борюсь я затрудненіями и какое свыше силъ потребно терпѣніе, ибо противъ неимовѣрнаго невѣжества здѣшняго министерства нѣтъ основательности разсужденія, ни силы убѣжденія достаточныхъ. И если мнѣ удастся успѣть въ намѣреніяхъ, то не должно относить ничего ни къ искренности ихъ желаній, ни къ точному чувствованію выгодъ, ибо недовѣрчивость къ намъ не имѣетъ предѣловъ, и мнѣніе, на счетъ насъ внушенное, развѣ въ продолженіе времени, при постоянномъ оказаніи дружества со стороны нашей, перемѣнено быть можетъ. Я полагаю, что учрежденіе миссіи наиболѣе способствовать будетъ вразумить ихъ въ правоту нашихъ намѣреній и освободить или, можетъ быть, и совершенно уничтожить вліяніе иноземцевъ, которое потому имѣетъ болѣе силы, что они имѣютъ здѣсь пребываніе и даютъ о себѣ мнѣніе, которому нѣтъ противорѣчія».

Готовый на борьбу съ какими бы то ни было посторонними вліяніями, Ермоловъ рѣшился идти прямо и быстро къ цѣли.

— Великій государь мой, говорилъ онъ Мирза-Шефи, увѣренъ, что его величество шахъ, по собственнымъ чувствамъ пріязни, увидитъ, сколь прискорбна невозможность сдѣлать ему уваженіе, и не пожелаетъ, чтобы русскій императоръ, вѣрный союзникъ его, могъ сдѣлать что нибудь вопреки пользы своего народа и имперіи. По возложенному на меня довѣрію, я долженъ объяснить вашему высокостепенству, что никакія обстоятельства не могутъ измѣнить воли государя, и границы на будущее время должны остаться тѣ же, которыя назначены послѣднимъ мирнымъ трактатомъ. Я надѣюсь, что вы прекратите всякое безполезное о томъ повтореніе, а я счастливымъ себя почту, если, не повреждая обязанностямъ моимъ отечеству, въ состояніи буду оказать шаху мою услугу, ибо тѣмъ самымъ я сдѣлаю угодное моему государю.

Послѣ столь рѣзкаго и опредѣленнаго заявленія, тегеранскому двору оставалось одно изъ двухъ: или не подымать болѣе вопроса объ уступкѣ земель, или прервать переговоры и стать въ непріязненныя отношенія къ Россіи. На бывшемъ у шаха совѣтѣ, хотя

нѣкоторые и настаивали, чтобы съ большею твердостью потребовано было возвращеніе земель, но шахъ, поддержанный старшимъ своимъ сыномъ, отвѣчалъ, что прерывать мира не намѣренъ, и приказалъ сообщить Ермолову, что онъ предпочитаетъ дружбу съ Россіею всякимъ пріобрѣтеніямъ и не желаетъ предъявлять послу такое требованіе, которое превышало бы его полномочіе. Мирза-Шефи писалъ, что шахъ вовсе не желаетъ, чтобы со стороны Персіи произошло какое-либо упущеніе въ оказаніи должной чести русскому государству и чтобы говорили про Ермолова, что онъ, будучи уполномоченъ къ поддержанію дружбы, былъ причиною войны [1]). Относительно границъ въ Талыши и на Мугани было рѣшено, что русскій посолъ войдетъ въ переговоры съ Аббасъ-Мирзою, который будетъ уполномоченъ къ тому, какъ человѣкъ, болѣе знакомый съ пограничными владѣніями и имѣющій «полное свѣдѣніе о границахъ».

Такой отвѣтъ былъ весьма пріятенъ для Ермолова, и тѣмъ болѣе, что главнокомандующему было извѣстно, что, одновременно съ выѣздомъ его въ Персію, подвластные Россіи ханы, подъ видомъ торговли, отправили туда же своихъ довѣренныхъ развѣдать, какъ будетъ принятъ посолъ и успѣетъ ли тегеранскій дворъ возвратить потерянныя провинціи. Въ простомъ народѣ распускали слухи, что Ермоловъ согласился на уступку провинцій, и что онѣ въ непродолжительномъ времени перейдутъ подъ власть Персіи. Желая уничтожить всѣ толки объ уступкѣ провинцій, Алексѣй Петровичъ въ тотъ же день, когда получилъ письмо Шефи, отправилъ изъ Султаніи прокламацію ко всѣмъ жителямъ Закавказья [2]).

«Дошло до свѣдѣнія моего, писалъ онъ, что люди неблагонамѣренные разсѣваютъ между вами слухи, что императоръ россійскій уступаетъ нѣкоторыя изъ областей шаху персидскому. Знаю и то, что есть между вами легковѣрные, которые думаютъ, что таково можетъ быть намѣреніе великаго государя. Кто лучше меня знать

---

[1]) Письмо Мирза-Шефи Ермолову отъ 15-го августа 1817 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т VI, ч. II, № 311.

[2]) Обвѣщеніе Ермолова жителямъ Дагестана и ханствъ Ширванскаго, Карабагскаго, Шекинскаго, Талышинскаго и всѣмъ народамъ, покорствующимъ высокой державѣ императора россійскаго. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 312.

можетъ волю его? Я главнокомандующій его надъ вами. Я полномочный его посолъ въ Персіи. Я васъ именемъ великаго нашего государя увѣряю, что не только областей, ниже ни одного шага земли не уступаетъ онъ шаху персидскому, и границы наши не перемѣняются: ихъ охраняетъ всемогущій Богъ, великій государь и вѣрные его народы. Не долгое время я былъ между вами, но вы должны знать меня, что когда я имѣю попеченіе о вашемъ счастьѣ, то и требовать умѣю, чтобы вы были его достойны. Неблагонамѣренныхъ, разсѣвающихъ между вами безпокойства, постигнетъ наказаніе мое».

Обнародывая это воззваніе, Ермоловъ былъ увѣренъ, что содержаніе его сдѣлается извѣстнымъ Аббасъ-Мирзѣ и переговоры его о границахъ будутъ тѣмъ значительно облегчены.

Собираясь оставить резиденцію шаха, посолъ заявилъ, что, по образцу европейскихъ державъ и по VII статьѣ мирнаго трактата, императоръ назначитъ своего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Персіи. На основаніи того же трактата Ермоловъ просилъ согласія тегеранскаго кабинета на учрежденіе въ Персіи русскихъ торговыхъ обществъ, конторъ и консульствъ: въ Гилянѣ, Мазандеранѣ и Астрабадѣ, съ единственною цѣлью покровительствовать торговлѣ. Заявляя, что императоръ, публикуя мирный трактатъ, сдѣлаетъ извѣстнымъ всему свѣту о существующей нынѣ дружбѣ, Ермоловъ просилъ сдѣлать то же и со стороны Персіи, а также возвратить русскихъ плѣнныхъ и тѣхъ изъ бѣглыхъ солдатъ, которые, раскаявшись въ своемъ преступленіи, пожелаютъ возвратиться въ свое отечество [1]).

Мирза-Шефи отвѣчалъ, что окончательное рѣшеніе о консулахъ, конторахъ, плѣнныхъ и бѣглыхъ послѣдуетъ отъ Аббасъ-Мирзы, которому поручено было завѣдываніе пограничными дѣлами и въ службѣ котораго, какъ всѣмъ было извѣстно, находилось много бѣглыхъ русскихъ.

Вечеромъ 27-го августа была прощальная аудіенція посольству. Откланиваясь повелителю Ирана и унося съ собою самое теплое

---

[1]) Письма Ермолова Мирза-Шефи, 17-го и 23-го августа 1817 г. Акт. Каб. Арх. Ком., т. VI, ч. II, №№ 313 и 314.

чувство о Фетхъ-Али-шахѣ, Ермоловъ отъ души благодарилъ его за оказанныя милости и вниманіе какъ къ нему лично, такъ и ко всѣмъ членамъ посольства.

— Съ первымъ шагомъ на землю персидскую, закончилъ посолъ свою рѣчь, принесъ я въ душѣ моей почтеніе къ знаменитымъ дѣламъ и славѣ вашего величества и сіе чувство почерпнулъ я въ истинной дружбѣ и уваженіи, которыя великій государь мой сохраняетъ къ особѣ вашей. Нынѣ, имѣвъ счастіе познать лично высокую добродѣтель вашего величества, возвращаюсь я исполненный удивленія. И благополучно утвержденный миръ, и милостивый благосклонный пріемъ, котораго удостоились россіяне, будутъ новымъ поводомъ дружбы и бо̀льшей привязанности великаго государя ихъ къ великому обладателю Персіи. Молю Бога, да продолжитъ доброе согласіе для блага обоихъ народовъ. Благополучное царствованіе и слава вашего величества есть желаніе сердца каждаго россіянина.

Шахъ отвѣтилъ на эту рѣчь самыми задушевными и искренними словами.

— Ты, сказалъ онъ, до того меня расположилъ къ себѣ, что языкъ мой не хочетъ произнести, что я отпускаю тебя.

29-го августа Ермоловъ выѣхалъ изъ Султаніи и 9-го сентября былъ уже въ Тавризѣ. Здѣсь онъ прежде всего обратился къ Мирзѣ-Безюргу съ просьбою увѣдомить его, когда будетъ приступлено къ разграниченію, и полагалъ съ своей стороны начать его съ апрѣля 1818 года. Хитрый каймакамъ поспѣшилъ согласиться въ надеждѣ заслужить расположеніе русскаго посла, а затѣмъ добиться удовлетворенія въ разрѣшеніи наиболѣе важнаго вопроса о признаніи Россіею Аббасъ-Мирзы наслѣдникомъ персидскаго престола. Вопросъ этотъ имѣлъ весьма важное значеніе какъ для насъ, такъ и для Персіи. Между Аббасъ-Мирзою и старшимъ сыномъ шаха Мамедъ-Али-Мирзою существовала непримиримая вражда на столько сильная, что со смертію шаха только междоусобная война могла рѣшить, кому царствовать. Мамедъ-Али-Мирза не былъ объявленъ наслѣдникомъ потому, что родился отъ христіанки, а не отъ матери одного съ шахомъ племени Каджаровъ. Такая несправедливость и слишкомъ большое возвышеніе племени каджаровъ возбудили къ нимъ ненависть персіянъ и породили партіи въ государствѣ: каджары поддер-

живали Аббасъ-Мирзу, а все остальное населеніе склонялось на сторону Мамедъ-Али-Мирзы. Шахъ, раздѣляя между сыновьями управленіе областями, былъ непредусмотрителенъ: Аббасъ-Мирзѣ онъ поручилъ тѣ, кои по недавнему присоединенію отъ Труціи не слились нравственно съ ядромъ персидскаго населенія. Мамедъ-Мирзѣ достались тѣ области, въ которыхъ жили знатнѣйшія и коренныя персидскія фамиліи. Мамедъ сумѣлъ ихъ привязать къ себѣ своею щедростью и устраненіемъ всего того, что противно было древнимъ обычаямъ народа. Партія Мамедъ-Али-Мирзы была очень сильна, и, чтобы ослабить ее, шахъ далъ Аббасъ-Мирзѣ нѣкоторую власть надъ областями, управляемыми братомъ, и дозволилъ ему имѣть регулярныя войска, тогда какъ Мамедъ-Али-Мирзѣ имѣть таковыя было запрещено. Аббасъ-Мирза пригласилъ англичанъ и при содѣйствіи ихъ сталъ формировать регулярную армію. Мѣра эта еще болѣе усилила вражду между братьями и подняла значеніе Англіи. Поддерживать Аббасъ-Мирзу значило дѣйствовать въ пользу Англіи, и потому Ермоловъ не находилъ полезнымъ для Россіи признавать Аббасъ-Мирзу наслѣдникомъ престола безъ пріобрѣтенія какихъ нибудь очень важныхъ и существенныхъ выгодъ для Россіи. Онъ отвѣчалъ, что вопросъ о признаніи русскимъ правительствомъ Аббасъ-Мирзы наслѣдникомъ можетъ быть возбужденъ только шахомъ, его отцомъ, а такъ какъ въ Султаніи объ этомъ ничего говорено не было, то онъ не считаетъ себя въ правѣ вступать объ этомъ въ переговоры въ Тавризѣ.

«Въ бытность мою въ Персіи, писалъ впослѣдствіи Ермоловъ [1]), обстоятельно узналъ я, что по смерти шаха внутренняя война неизбѣжна и сему причиною наслѣдство, котораго старшій сынъ Мехмедъ-Али-Мирза лишенъ несправедливо. Самъ онъ признался мнѣ, что наслѣдства онъ не уступитъ. Я имѣю полную его довѣренность и до такой степени довелъ съ нимъ мое знакомство, что могу имѣть съ нимъ сношеніе, буде ваше императорское величество изволите найти его нужнымъ.

«Могу ошибаться я въ предлагаемыхъ мною способахъ, но не

[1]) Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ 24-го ноября 1817 г. изъ Тифлиса. Арх. Мин. Иностр. Д., 1—7, 1816—1818, № 9.

обманываюсь, что полезно не участвовать во внутренней войнѣ Персіи и великодушію вашего императорскаго величества прилично не брать въ защиту сторону неправую. Для этого, государь, не согласился я признать оффиціально Аббасъ-Мирзу наслѣдникомъ и въ душѣ моей убѣжденъ, что онъ добра намъ не желаетъ, окружа себя людьми, умышляющими намъ вредъ. Онъ съ пограничными нашими областями имѣетъ тайныя сношенія и теперь даже не перестаетъ возмущать спокойствіе внушеніями, что Персія возвращенія ихъ требовать будетъ. Знаю, ваше величество, что нуженъ намъ миръ, и знаю обязанность мою употреблять всѣ мѣры къ удержанію онаго, но долженъ сказать, что Аббасъ-Мирза воспользуется возможностію объявить войну, и онъ одинъ будетъ причиною оной. Много обуздываетъ его, что я не призналъ его наслѣдникомъ, что въ правѣ я былъ сдѣлать по данной мнѣ инструкціи, и онъ ничего бы не пощадилъ, чтобы къ тому наклонить меня. Государь! необходимо, чтобы и впредь имѣющіе занять мое мѣсто не болѣе были снисходительны».

Отказъ Ермолова былъ весьма непріятенъ какъ самому Аббасъ-Мирзѣ, такъ наставнику и ближайшему его совѣтнику, Мирзѣ-Безюргу. Человѣкъ, по выраженію Ермолова, «самой черной души и и подлыхъ свойствъ», Безюргъ въ дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ русскимъ посломъ находилъ во всемъ препятствія и затрудненія. Онъ требовалъ, чтобы русскій повѣренный въ дѣлахъ имѣлъ постоянное пребываніе въ Тавризѣ и лишь въ случаяхъ необходимыхъ ѣздилъ въ Тегеранъ. Такое требованіе, естественно, не могло быть принято, и Безюргъ долженъ былъ уступить заявленію Ермолова, что назначеніе повѣреннаго зависитъ единственно отъ воли шаха, при особѣ котораго и будетъ состоять уполномоченное государемъ лицо.

Тогда каймакамъ объявилъ, что на назначеніе русскаго консула въ Гилянѣ и Астрабадѣ Аббасъ-Мирза, «по своей скромности», не можетъ дать согласія потому, что самъ не управляетъ Гилянскою провинціею. Далѣе онъ выразилъ желаніе, чтобы царевичъ Александръ былъ пропущенъ въ Персію, и повидимому придавалъ этому вопросу большое значеніе. Извѣстно было, что эриванскій ханъ тайнымъ образомъ доставлялъ царевичу деньги и имѣлъ при себѣ его повѣреннаго, для постоянныхъ и безпрерывныхъ сношеній съ Александромъ. Тотъ же самый ханъ при проѣздѣ Ермолова въ Персію,

черезъ Эривань, заявилъ ему, что Аббасъ-Мирза поручилъ ему просить посла, чтобы Александру дозволено было проѣхать въ Персію.

— Царевичу выѣхать въ Персію дозволено не будетъ, отвѣчалъ Ермоловъ, и если онъ уйдетъ тайно и будетъ принятъ, то я сочту это нарушеніемъ мира. Дать убѣжище человѣку, возмущающему спокойствіе областей Россіи, означало бы то же, что оказать непріязненное дѣйствіе. Я не сомнѣваюсь, что его величество шахъ, столько дружелюбія оказывающій россійскому императору, для пользы бѣглеца, не прерветъ добраго согласія.

Такой отвѣтъ заставилъ Александра пробираться тайными путями. Переодѣвшись въ армянское платье, онъ, въ одномъ мѣстѣ подъ видомъ торговца, въ другомъ подъ видомъ мужика, гдѣ пѣшкомъ, а гдѣ верхомъ, думалъ пробраться черезъ наши владѣнія и такимъ образомъ достигнуть границы.

Въ ночь на 13-е іюня 1817 года онъ оставилъ Анцухъ и, при содѣйствіи джаро-бѣлоканцевъ, переѣхалъ въ селеніе Гукхали. Повсюду были приняты мѣры къ его поимкѣ: ханы ширванскій, шекинскій и карабагскій получили приказаніе выставить конные караулы по всѣмъ дорогамъ изъ Дагестана и на переправахъ черезъ р. Куру; приставамъ барчалинскому, казахскому и шамшадыльскому приказано слѣдить за тѣмъ, чтобы царевичъ не пробрался въ Эривань гдѣ-нибудь черезъ ихъ дистанцію. Остававшійся за отъѣздомъ Ермолова въ Персію командующій войсками генералъ-маіоръ Кутузовъ требовалъ отъ джаро-бѣлоканцевъ, чтобы они не содѣйствовали побѣгу царевича [1]). Джарцы отвѣчали, что въ этомъ дѣлѣ не принимали и не примутъ никакого участія, что останутся вѣрными, но пресѣчь дороги не въ состояніи, ибо онъ можетъ незамѣтно ночью пробраться черезъ горы [2]). Хотя позже и стало извѣстнымъ, что

---

[1]) Воззваніе Кутузова джарцамъ 28-го іюня 1817 г., № 49. Акты Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 376.

[2]) Спустя годъ, видя, что русское правительство не обращаетъ на него никакого вниманія и не придаетъ никакого значенія его пребыванію въ Дагестанѣ, царевичъ Александръ рѣшился пробраться въ Персію черезъ Турцію. Переправившись у Демурчасалъ 26 августа 1818 г. и пользуясь туманомъ, онъ свободно проѣхалъ по большой дорогѣ мимо селенія Марабды, черезъ Квеши на Алгеты. Попадая нѣсколько разъ на наши пикеты, онъ обходилъ ихъ, а въ

джарцы и вели переговоры съ царевичемъ и отправили къ нему своихъ старшинъ, но бдительность нашихъ постовъ заставила Александра прожить въ Дагестанѣ цѣлый годъ. Тѣмъ не менѣе Ермоловъ, по возвращеніи изъ Султаніи въ Тавризъ, счелъ необходимымъ потребовать, чтобы персидское правительство воспретило эриванскому сардарю имѣть сношеніе съ царевичемъ. Въ противномъ случаѣ онъ обѣщалъ принять такія мѣры, которыя будутъ непріятны эриванскому хану, «а мнѣ останется сожалѣніе, что я, стараясь снискивать милостивое вашего высочества благоволеніе, лишусь онаго совершенно невиннымъ образомъ».

Аббасъ-Мирза отвѣчалъ, что вызовъ Александра въ Персію сдѣланъ съ согласія Ртищева, но, присовокуплялъ персидскій принцъ, «мы позволили» царевичу, если онъ пожелаетъ, остаться и въ Россіи. По словамъ Аббасъ-Мирзы, въ Гюлистанскомъ трактатѣ ничего не сказано о выдачѣ такихъ лицъ, которыя бѣжатъ изъ одного государства въ другое и пожелаютъ навсегда въ немъ поселиться, а потому онъ не можетъ допустить, чтобы отъѣздъ Александра въ Персію могъ нарушить дружбу обоихъ государствъ.

«Намѣреніе генерала Ртищева позволить ему (царевичу) отправиться въ Персію мнѣ извѣстно, писалъ Ермоловъ Аббасъ-Мирзѣ [1]), и онъ, можетъ быть, привелъ бы его въ исполненіе, но когда царевичъ обратился съ просьбою къ Г. И., умоляя о забвеніи вины его и о милосердомъ его призрѣніи, и Е. В. предложилъ ему милость и благоволеніе, тогда неприлично достоинству его терпѣть, чтобы царевичъ искалъ убѣжище въ другой державѣ, имѣя способъ воспользоваться выгодами, которыя братья его получаютъ съ благодарностью и покорностью. Царевичъ и доселѣ продолжаетъ обѣщаніе отправиться въ Россію, но уже открытъ обманъ его и сему нѣтъ другой причины, кромѣ тайной и въ дружбѣ обѣихъ державъ нетерпимой переписки

нѣкоторыхъ мѣстахъ даже разговаривалъ съ казаками, незнавшими его въ лицо и, такимъ образомъ, достигнувъ до границы, скрылся въ Ахалцихскомъ пашалыкѣ (см. рапортъ генерала Вельяминова Ермолову 30 августа 1818 года, № 113).

[1]) Въ письмѣ отъ 24-го сентября 1817 г. А. К. А. К., т. VI, ч. II, № 333.

сердаря эриванскаго, о прекращеніи коей просилъ я повелѣнія вашего высочества и теперь то же покорнѣйше повторяю.

«Простите мнѣ, ваше высочество, удивленіе, съ которымъ вижу я въ письмѣ вашемъ, что вы позволили царевичу жить подъ покровительствомъ россійской державы, если ему удастся остаться въ службѣ оной. Я осмѣливаюсь думать, что нѣтъ права давать позволеніе тому, кто не подданный и по происхожденію своему быть имъ не можетъ, а еще болѣе когда онъ даже и не въ предѣлахъ персидскаго государства».

Что касается до того, что въ Гюлистанскомъ трактатѣ ничего не упомянуто о добровольно переходящихъ изъ одного государства въ другое, то, говорилъ Ермоловъ, царевичъ подъ эти правила не подходитъ, такъ какъ старается возмутить горцевъ и нарушить спокойствіе областей, принадлежащихъ Россіи. «Безъ сомнѣнія, неравнодушны были бы ваше высочество, замѣтилъ Ермоловъ, если бы я покровительствовалъ кого-нибудь, оспаривающаго права ваши на владѣніе нѣкоторыми изъ областей, и всеконечно не дали бы тому другаго истолкованія, какъ поступку непріязненному». Въ заключеніе главнокомандующій заявилъ, что всякое покровительство, оказанное царевичу Александру со стороны Персіи, будетъ принято за нарушеніе мира.

Отказъ Ермолова пропустить царевича былъ для Мирзы-Безюрга прекраснымъ предлогомъ, чтобы уклониться отъ возвращенія въ Россію плѣнныхъ и бѣглыхъ солдатъ. Безюргъ говорилъ, что по Гюлистанскому трактату такія лица должны быть возвращены по истеченіи трехъ мѣсяцевъ со дня подписанія мирныхъ условій, что съ тѣхъ поръ прошло почти четыре года, и всѣ желающіе возвращены, а остались лишь тѣ, которые послѣ нѣсколькихъ опросовъ пожелали жить въ Персіи. Слова эти были чистѣйшею ложью, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что по случаю прибытія Ермолова, подъ видомъ усмиренія бунтующихъ, былъ высланъ изъ Тавриза баталіонъ, составленный исключительно изъ русскихъ солдатъ. Аббасъ-Мирза возлагалъ на этотъ баталіонъ всю свою надежду, ввѣрилъ ему свою особу и составилъ изъ него внутреннюю свою стражу. Понятно, что при такихъ условіяхъ возвращеніе бѣглыхъ было для наслѣдника

дѣломъ почти невозможнымъ, и, чтобы удержать ихъ у себя, приходилось прибѣгать къ разнымъ и даже насильственнымъ мѣрамъ.

«Извѣстно мнѣ, писалъ Алексѣй Петровичъ Безюргу [1]), всѣ обстоятельства, и какимъ образомъ русскіе чиновники допущены были спросить бѣглыхъ о желаніи ихъ возвратиться. Извѣстно, какой жестокій присмотръ учрежденъ за бѣглыми, чтобы не имѣли они случая обнаружить желаніе свое и показать раскаяніе. Прошу покорнѣйше не возражать мнѣ на сіе, ибо приведеніе доказательства съ моей стороны не сдѣлаетъ чести, и я нахожу удовольствіе не обнаруживать непристойныхъ поступковъ. Увѣренъ я, что великій государь персидскій, справедливый и великодушный, съ прискорбіемъ приметъ жалобу мою, если она дойти до него можетъ. Не менѣе знаю я и то, сколь непріятно будетъ его императорскому величеству, услышавъ справедливое мое о томъ донесеніе».

Мирза-Безюргъ божился и клялся, что свѣдѣнія, полученныя посломъ относительно бѣглыхъ, несправедливы.

— Разсказывайте то ребятамъ, говорилъ Ермоловъ. Неужели не вижу я, что столь же трудно вамъ произнести клятву, сколько для меня понюхать табаку. Неужели возможнымъ почитаете вы скрыть злодѣйскіе и подлые поступки съ русскими плѣнными? Не теперь ли еще удерживаете вы насильственно тѣхъ, которые желаютъ возвратиться? Не заключаете развѣ ихъ въ темницы, боясь, чтобы не объявили они мнѣ о своемъ желаніи? Не дерзайте произнести слова, ибо сегодня одинъ изъ такихъ несчастныхъ всполошилъ сторожей, бросившись съ крыши къ стоящему у обоза русскому караулу. Онъ въ моихъ рукахъ, и я, подъ присягою, снялъ съ него показаніе, напечатаю ко всеобщему свѣдѣнію о безчестномъ вашемъ поведеніи. Если въ первый разъ въ жизни вашей слышите человѣка, говорящаго вамъ и о васъ самую правду, и она непріятна, испытайте заставить меня замолчать. Насъ здѣсь двѣсти человѣкъ, среди столицы наслѣдника и войскъ вашихъ. Прибавьте къ нимъ еще сто баталіоновъ, и я васъ не болѣе уважать буду. Предупредите вашего наслѣдника, что если во дворцѣ, въ числѣ тѣлохранителей его, узнаю русскаго солдата, не взирая на его присутствіе, я вырву его у васъ.

---

[1]) Въ письмѣ отъ 17-го сентября 1817 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 328.

Каймакамъ растерялся, просилъ выслушать его оправданіе, но объясненія не приводили ни къ какимъ результатамъ, и Ермоловъ рѣшился, оставивъ вопросъ о бѣглыхъ нерѣшеннымъ, выѣхать изъ Тавриза. 19-го сентября онъ имѣлъ прощальную аудіенцію у Аббасъ-Мирзы, причемъ посольство принято было со всѣми знаками вѣжливости и вниманія.

— Я увѣренъ, сказалъ Аббасъ-Мирза, что вы остаетесь всѣмъ довольны и, конечно, не увозите съ собою ни малѣйшей непріятности. Мнѣ сказалъ каймакамъ, что вы согласны оставить чиновника для опроса плѣнныхъ и бѣглыхъ русскихъ.

Ермоловъ промолчалъ, считая неумѣстнымъ входить съ принцемъ въ объясненіе, но на слѣдующее утро заѣхалъ съ прощальнымъ визитомъ къ каймакаму. Мирза-Берюзгъ также просилъ его оставить чиновника для опроса бѣглыхъ солдатъ, но Ермоловъ отказался то исполнить.

— Сегодня ночью, сказалъ онъ каймакаму, вы, боясь, чтобы русскіе солдаты, узнавъ о выѣздѣ моемъ, не явились ко мнѣ, не только посадили ихъ подъ караулъ, но нѣкоторымъ надѣли даже колодки.

Указавъ на неприличіе такого поступка, Ермоловъ собирался уже отправиться въ путь, какъ Аббасъ-Мирза пригласилъ посла къ себѣ, желая сгладить недоразумѣніе и размолвку его съ каймакамомъ.

— Будучи одѣтъ по-дорожному, отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ, я не смѣю къ нему представиться; экипажи мои отправлены съ самаго утра, и я не имѣю съ собою другой одежды.

Тогда явился самъ Безюргъ съ увѣреніемъ, что все будетъ сдѣлано по желанію посла, и опять просилъ оставить чиновника.

— Я не хочу быть снова обманутымъ, отвѣчалъ Ермоловъ, и жалѣю, что прежде позволилъ столь нагло себя обманывать.

Вслѣдъ затѣмъ Ермоловъ выѣхалъ изъ Тавриза и имѣлъ ночлегъ въ селеніи Софіанѣ. На утро догнали посольство посланные Аббасъ-Мирзою: мехмендарь Аскеръ-ханъ, второй адъютантъ принца, и мирза, министръ финансовъ наслѣдника. Скрывая истинную цѣль своей миссіи, они передали сначала просьбу принца прислать чиновника для опроса плѣнныхъ и бѣглыхъ. Ермоловъ отказалъ, и въ то время, когда онъ садился на лошадь, чтобы ѣхать далѣе, персіяне

заявили, что имѣютъ другое порученіе, которое объяснятъ на слѣдующемъ ночлегѣ. Алексѣй Петровичъ просилъ объясниться теперь же, но они отвѣчали, что не хотятъ останавливать отъѣзда, и сопровождали посла до г. Маранда. Здѣсь они передали Ермолову письмо Аббасъ-Мирзы, уже лично выражавшаго желаніе быть признаннымъ наслѣдникомъ персидскаго престола.

«Мы были увѣрены, писалъ принцъ [1]), что вы не прежде выѣдете изъ Тавриза, *какъ послѣ вашего отвѣта на предложенные вамъ нашими сановниками вопросы, относительно перемѣны прежняго нашего титула новымъ, пожалованнымъ намъ шахинъ-шахомъ*, и относительно нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, но сегодня оказалось, что вы, не давъ отвѣта на эти вопросы, выѣхали изъ Тавриза.

«Мы вчера просили васъ объявить намъ откровенно, имѣете ли вы какое нибудь къ намъ лично или къ нашимъ сановникамъ неудовольствіе. Вы выразили полную признательность къ намъ, и мы полагали, что слова ваши согласуются съ вашими чувствами.

«Вчера вы въ нашемъ присутствіи обѣщали оставить здѣсь довѣреннаго чиновника для того, чтобы онъ, по возвращеніи баталіона солдатъ изъ похода въ Бельбасъ, опросилъ каждаго изъ нихъ, желаетъ ли возвратиться на родину, и взялъ бы желающихъ съ собою въ Россію. Положено было, чтобы этого чиновника рекомендовалъ вамъ каймакамъ, а сегодня оказалось, что вы ни одного чиновника съ этимъ порученіемъ здѣсь не оставили. Положено было между нами, чтобъ вы безъ всякихъ околичностей и со всею откровенностью всегда посѣщали насъ, и если иногда въ переговорахъ вашихъ съ нашими сановниками возникнетъ пререканіе и несогласіе, тотчасъ пришли бы къ намъ и непосредственно объяснили дѣло и, буде слѣдовало бы намъ дать какой нибудь сторонѣ перевѣсъ, то перевѣсъ этотъ давали бы вашей сторонѣ. Намъ доложили, что вы съ каймакамомъ имѣли объясненіе и не согласились между собою, а потому мы пригласили васъ къ себѣ, чтобы изъявить вамъ знаки нашего вниманія и почтенія, но вы извинились въ принятіи нашего предложенія подъ предлогомъ переодѣванія.

---

[1]) Ермолову, 20-го сентября 1817 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 331.

«Въ прошлую ночь два солдата послѣ почной зори шли по̀ улицѣ; обходные сарбазы наши схватили ихъ и задержали на основаніи воинскаго устава; это обстоятельство послужило къ вашему огорченію».

Такимъ образомъ, сваливая большую часть вины на Ермолова, Аббасъ-Мирза говорилъ, что посылаетъ своихъ чиновниковъ для того, чтобы они увѣрили въ неизмѣнности «нашего къ вамъ высокопочитанія», снискали расположеніе и «установили правильность отношеній вашихъ къ каймакаму, дабы впредь никогда не возникло ни малѣйшаго несогласія между нами и россійскими пограничными начальниками, такъ какъ мы съ вами и съ вашими преемниками будемъ постоянными сосѣдями».

Выражая глубокое почтеніе личнымъ достоинствамъ Аббасъ-Мирзы, Ермоловъ считалъ невозможнымъ сохранить добрыя отношенія съ каймакамомъ, какъ человѣкомъ двуличнымъ и неискреннимъ.

— Я никому не приносилъ жалобы, говорилъ Алексѣй Петровичъ, хотя имѣлъ право роптать, что въ поступкахъ каймакама я не имѣлъ никакого удостовѣренія объ исполненіи справедливыхъ моихъ представленій и потерялъ безполезно время, чтобы вмѣсто самаго дѣла имѣть одни обѣщанія.

«Письмо вашего высочества, отвѣчалъ Ермоловъ [1]), получить я удостоился и на оное имѣю честь отвѣтствовать. Его величество шахъ, соотвѣтствуя искреннимъ желаніямъ великаго моего государя, утвердилъ связи дружества на точномъ основаніи прежде заключеннаго въ Гюлистанѣ трактата, безъ малѣйшей онаго перемѣны. Шестая статья, сохраняя прежнюю силу свою, великія возлагаетъ на насъ обязанности въ пользу того изъ сыновей шаха, котораго назначитъ онъ наслѣдникомъ, но не обязываетъ теперь же дать ему титулъ наслѣдника, и его величество шахъ не разсудилъ за благо предложить мнѣ о томъ, ибо сіе необходимо заставило бы сдѣлать прибавленіе къ трактату и вызвало бы меня на новыя предложенія. Къ тому же россійскій императорскій дворъ, съ давняго времени, не иначе даетъ сей титулъ, какъ на основаніи трактатовъ.... Те-

[1]) Въ письмѣ Аббасъ-Мирзѣ 22-го сентября 1817 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 332.

перь, прекратя дѣла мои въ Султаніи, не имѣю я права входить въ разсужденіе о томъ предметѣ, о коемъ его величеству шаху угодно было хранить молчаніе, которое скрыло отъ меня точную его волю.

«Вашему высочеству донесъ я, что совершенно всѣмъ доволенъ, и только огорчаетъ меня одинъ скорый отъѣздъ мой изъ Тавриза. Таковы теперь мои чувства относительно особы вашего высочества, и я окончу жизнь мою съ тѣмъ почтеніемъ, которое пріобрѣтаютъ вамъ отъ всѣхъ рѣдкія качества души вашей и отличныя добродѣтели.

«Въ разужденіи плѣнныхъ и бѣглыхъ солдатъ я имѣлъ неосторожность положиться на обѣщанія и хотѣлъ оставить чиновника избрать желающихъ возвратиться въ Россію. Довольно мнѣ было разумѣть, что когда я былъ въ двухъ часахъ пути отъ Тавриза, то они высланы изъ онаго и оставлены другія войска; довольно было доказательства, какъ воспрещено было имъ обнаружить желаніе, когда одинъ изъ сихъ несчастныхъ бросился съ крыши въ караванъ-сараѣ, гдѣ были солдаты посольства. Знаю я также, какъ и прежде допускаемы были русскіе чиновники къ допросу о желаніи ихъ и какъ подкупаемы были они на дерзкіе отвѣты, и въ послѣднюю ночь передъ моимъ отъѣздомъ какъ жестоко были нѣкоторые наказаны по одному подозрѣнію. Донесено вашему высочеству, что они наказаны за отлучку послѣ зори; но можно ли повѣрить, что не было за ними присмотра, особливо послѣ того, какъ нѣкоторые явились ко мнѣ и *когда всякую ночь кругомъ самого меня и даже по крышамъ обставляли солдатами и всѣхъ насъ содержали подъ карауломъ?* Всѣ сіи поступки заставили меня отложить намѣреніе оставить чиновника и поспѣшить вывести посольство, которое справедливо на меня роптало за таковое съ нимъ обращеніе.

«Поступки подчиненныхъ, конечно, не всегда могутъ быть относимы на счетъ начальниковъ, но весьма часто даютъ понятіе о намѣреніи ихъ, ибо подчиненнымъ всегда выгодно угадать волю начальниковъ».

Передавъ это письмо Аскеръ-хану и отпустивъ посланныхъ, Ермоловъ торопился отъѣздомъ, опасаясь быть удержаннымъ еще какими-нибудь требованіями. 22-го сентября онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ генералъ-маіора Кутузова, а 24 числа прибылъ въ Нахиче-

вань. Отсюда Алексѣй Петровичъ отправилъ донесеніе императору о результатахъ своего посольства.

«Богъ, споспѣшествующій благимъ намѣреніямъ вашего императорскаго величества, писалъ Ермоловъ [1]), допустилъ меня быть исполнителемъ точной воли вашей. Возложенныя на меня порученія въ Персіи я окончилъ благополучно. Настоянія о возвращеніи пріобрѣтенныхъ нами областей были повторены съ твердостью. Съ таковою же отказалъ я оныя, и границы наши не потерпѣли ни малѣйшаго измѣненія. Дружба не весьма была чистосердечна, но получила наилучшее основаніе, и повидимому надѣяться можно на продолженіе оной. Иноземцы не въ полномъ блескѣ изображали здѣсь славу вашего императорскаго величества и могущество Россіи, но смѣю увѣрить, что нынѣ воздается имъ достойное почтеніе».

10-го октября Ермоловъ возвратился въ Тифлисъ, съ уваженіемъ къ персидскому народу и съ удивленіемъ къ безпорядкамъ, существующимъ въ административномъ управленіи. По его словамъ, въ Персіи не было опредѣленнаго образа правленія: въ рукахъ шаха была власть безпредѣльная, болѣе или менѣе отягощающая подданныхъ, смотря по личнымъ свойствамъ царствующаго. Господствующею страстью Фетхъ-Али-шаха была скупость и жажда къ собиранію сокровищъ. Чтобы пріобрѣсти деньги или драгоцѣнныя вещи, шахъ не стѣснялся въ выборѣ средствъ и всякую мѣру считалъ законною. Присылая своимъ приближеннымъ дичь, будто бы имъ самимъ застрѣленную, онъ назначалъ, сколько слѣдуетъ заплатить принесшему, и потомъ отбиралъ отъ послѣдняго эти деньги. Такую же точно дань собиралъ шахъ и со всѣхъ женъ, желавшихъ получить съ нимъ свиданіе, и этотъ сборъ, по свидѣтельству Ермолова, составлялъ довольно значительную часть доходовъ повелителя Ирана. Будучи въ Испагани, Фетхъ-Али призвалъ къ себѣ Хашимъ-хана и объявилъ ему, что прикажетъ выколоть глаза. Ханъ предложилъ 10,000 тумановъ за сохраненіе зрѣнія, но шахъ обидѣлся, что ему была предложена столь малая сумма, и приказалъ ослѣпить своего подданнаго, но потомъ опомнился и, сожалѣя о потерянной суммѣ, приказалъ бить по пятамъ слѣпаго Хашима до тѣхъ поръ, пока онъ не внесетъ суммы въ 10,000 тумановъ.

[1]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи 25-го сентября 1817 г. Нахичевань.

Грабительство въ Персіи было обращено въ систему и составляло принадлежность каждаго лица, пользовавшагося хотя малѣйшею властью. Безъ денегъ и подарковъ ни милости шаха, ни покровительства сильныхъ, ни даже уваженія равныхъ пріобрѣсти было невозможно. «Деньги доставляютъ почести и преимущества, писалъ Ермоловъ [1]), коихъ персіяне ненасытимы; деньги разрѣшаютъ преступленія, съ которыми персіяне неразлучны».

Вся Персія раздѣлена была на части, ввѣренныя управленію сыновей шаха, изъ коихъ второй Аббасъ-Мирза, при содѣйствіи англичанъ, дѣятельно трудился надъ преобразованіемъ войскъ. Онъ формировалъ регулярные полки; организовалъ прекрасную артиллерію число которой ежедневно увеличивалось. Въ Персіи были основаны хорошіе литейный и оружейный заводы и строились крѣпости по образцу европейскихъ, чего прежде не бывало. Стѣсненный скупостью отца, но удаленный отъ всякой роскоши, Аббасъ-Мирза употреблялъ собственныя деньги на улучшеніе и усиленіе своихъ боевыхъ средствъ. Въ половинѣ 1817 года Персія имѣла до 30 регулярныхъ баталіоновъ тысячнаго состава и до 100 полевыхъ орудій. Формированіе новыхъ войскъ продолжалось безпрерывно, и рекрутскіе наборы производились даже изъ кочующихъ народовъ. Какъ послѣдніе, такъ и сами персіяне были умѣренны въ пищѣ, терпѣливо переносили труды и были подвижны—качества весьма удобныя для образованія изъ нихъ прекрасныхъ воиновъ.

«Если, доносилъ Ермоловъ, продолжительно будетъ царствованіе теперешняго наслѣдника, и ежели послѣдуетъ и одно ему подобное, то сосѣди не безъ труда бороться будутъ съ Персіею, и духъ завоеваній, который теперь смиряютъ безпорядокъ и недостатки, получитъ полную силу, когда въ руки Аббасъ-Мирзы перейдутъ и власть неограниченная, и сокровища богатѣйшія.

«Предвижу, что огражденіе предѣловъ нашихъ потребуетъ гораздо бо́льшихъ средствъ и понудитъ къ издержкамъ, не мало отяготительнымъ. Теперь, государь, совершенно полезны миръ и доброе согласіе съ Персіею, но первая война, къ которой воззоветъ насъ

[1]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 31-го октября 1817 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 341.

необходимость, должна намъ дать границу по Аракс. Сей есть единственный способъ избѣжать впослѣдствіи величайшихъ неудобствъ».

Въ будущемъ боевыя средства Персіи могли еще обратить на себя вниманіе сосѣдей, но въ эпоху пребыванія Ермолова страна эта нуждалась въ спокойствіи, и главнокомандующій былъ убѣжденъ, что пройдутъ многіе годы, прежде чѣмъ Персія будетъ въ состояніи помышлять о возвращеніи потерянныхъ провинцій.

XIII.

Состояніе обороны Кавказской линіи.—Перенесеніе линіи съ Терека на р. Сунжу.—Заложеніе крѣпости Грозной.—Положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ и Каракайтагѣ.—Волненіе горцевъ.—Прокламаціи Ермолова.—Занятіе нашими войсками г. Башлы.—Бой въ улицахъ съ горцами города.—Послѣдствія этого сраженія.

Возвратившись изъ Персіи и считая себя вполнѣ обезпеченнымъ на нѣсколько лѣтъ отъ внѣшней войны съ этою державою, Ермоловъ тотчасъ же приступилъ къ внутреннимъ преобразованіямъ и прежде всего обратилъ вниманіе на защиту жителей Кавказской линіи отъ грабежей горцевъ. Существовавшія для этой цѣли крѣпости и укрѣпленные посты, расположенные по р. Кубани, не удовлетворяли своему назначенію.

Такъ, обширная *Усть-Лабинская* крѣпость была въ плохомъ состояніи и не имѣла ни одного каменнаго зданія; *Кавказская* крѣпость была въ развалинахъ, *Прочный-Окопъ*—также, а укрѣпленіе *Св. Николая* было построено такъ, что во время разлитія Кубани вода наполняла все укрѣпленіе и черезъ окна входила въ помѣщеніе солдатъ. Смертность гарнизона была ужасная, и Ермоловъ приказалъ уничтожить это укрѣпленіе. Наконецъ, *Темнолѣсская* крѣпость была расположена на такомъ мѣстѣ, гдѣ ничего не защищала и куда не могъ придти непріятель по мѣстоположенію почти неприступному; въ крѣпости не было никакихъ запасовъ, да и доставленіе ихъ было весьма затруднительно, по непроходимости дорогъ.

Неудовлетворительное состояніе кубанскихъ крѣпостей и открытое всюду мѣстоположеніе, неудобное для защиты богатѣйшихъ се-

леній, расположенныхъ на крайней чертѣ границы, заставляло кавказское начальство, для охраненія ихъ, прибѣгать къ единственному средству защиты—къ содержанію непрерывнаго кордона, развлекающаго и безполезно утомляющаго войска. Если кордонная линія и удовлетворяла отчасти своему назначенію, то это потому, что между кубанскими племенами не существовало единства въ дѣйствіяхъ, а сосѣдніе съ ними кабардинцы были опустошены и обезсилены такъ называемою «моровою язвою».

Совсѣмъ другое было на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи. Противъ этого фланга жили *чеченцы* и *дагестанцы*, народы дерзкіе и воинственные, помогавшіе другъ другу изъ боязни подпасть подъ власть Россіи и лишиться свободы. Подвигаясь влѣво (на востокъ), ближе къ линіи, жили *аксаевцы*, *андреевцы* и *костюковцы*.

Эти три поколѣнія кумыкскаго племени и часть чеченцевъ, поселившихся на лѣвомъ берегу р. Сунжи и до р. Терека, противъ самыхъ селеній нашихъ, носили названіе *мирныхъ*, но въ сущности были хищники и грабители. Мирные чеченскіе аулы были притономъ разбойниковъ всѣхъ племенъ и поколѣній; въ нихъ находили радушный пріемъ всѣ преступники, и нигдѣ не было такъ много бѣглыхъ нашихъ солдатъ, какъ въ чеченскихъ аулахъ. Принявъ магометанство, многіе изъ нихъ женились, обзавелись хозяйствомъ и при всѣхъ хищническихъ набѣгахъ на линію бывали лучшими проводниками чеченцевъ. «Безпрестанно изобличаются они, доносилъ Ермоловъ про послѣднихъ, въ воровствахъ, нападеніи и увлеченіи въ плѣнъ людей нашихъ: нѣтъ спокойствія и безопасности. Они посмѣиваются легковѣрію нашему къ ручательствамъ ихъ и клятвамъ, и мы не перестаемъ вѣрить тѣмъ, у кого нѣтъ ничего священнаго въ мірѣ. Десятая доля не удовлетворяется потери нашей, и еще ни одного преступника не выдали намъ для наказанія.

Мирные и немирные чеченцы одинаково не признавали никакой власти, никакихъ законовъ, кромѣ необузданной свободы, и, по словамъ Ермолова, «каждый есть царь въ отношеніи къ самому себѣ». Кромѣ обычая мстить за кровь кровью, они считали своею обязанностью быть врагами христіанъ и поддерживаемы были въ этомъ убѣжденіи своимъ духовенствомъ. Чеченцы тогда только были кротки, тогда только цѣнили великодушіе, когда видѣли мечъ, поднятый надъ ними.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій Ермолова было объявленіе мирнымъ «*мошенникамъ*», что если они пропустятъ чрезъ свои земли хищниковъ, то находящіеся въ Георгіевскѣ ихъ аманаты будутъ казнены, сами они наказаны оружіемъ и прогнаны въ горы, «гдѣ истребятъ ихъ или непріятели, или моровая язва».

Чеченцы не вѣрили этимъ угрозамъ, и имѣя постоянный успѣхъ во всякаго рода хищничествахъ и ободряемые тѣмъ, что всѣ усилія, нами употребляемыя для усмиренія ихъ, были не только не дѣйствительны, но стоили значительной потери людей, утвердились во мнѣніи, что они непобѣдимы, что мы ищемъ ихъ союза и готовы заключать договоры, какъ съ равными по силѣ и могуществу. «Внушу имъ, писалъ главнокомандующій генералъ-маіору Дельпоццо, что я столько же мало уважаю ихъ пріязнь, сколько боюсь имѣть ихъ непріятелями».

Предъидущая дѣятельность главнокомандующихъ позволяла имъ надѣяться, что и Ермоловъ, подобно своимъ предшественникамъ, будетъ заключать съ ними мирные трактаты и письменныя условія. Мы знаемъ, на сколько эти условія обезпечивали спокойствіе нашихъ пограничныхъ селеній и на сколько они усиливали заносчивость чеченцевъ и прочихъ горцевъ. Такъ, незначительное *ангухское* общество въ Дагестанѣ обѣщало Ермолову жить съ нимъ въ мирѣ только въ томъ случаѣ, если онъ будетъ платить дань, подобно тому, какъ платилъ анцухцамъ царь Ираклій. «Высокопочтенный эмиръ Ермоловъ, писали анцухцы [1]), мы будемъ поступать такъ же, какъ поступали съ эмиромъ Ираклій-ханомъ, и мы желаемъ, чтобы ты также сдѣлалъ то, что дѣлалъ Ираклій-ханъ, и чтобы ты, подобно ему, платилъ намъ дань».

— Не ожидайте отъ меня, отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ, никакого уваженія къ просьбѣ вашей, чтобы отъ россійскаго правительства опредѣлены были вамъ тѣ же дары, которыми вы пользовались прежде, служа покойному царю Ираклію, ибо теперь владычествуютъ не цари грузинскіе, но могущественный всероссійскій императоръ, коего власть и неодолимая сила столь же много превышаютъ власть

[1]) Ак. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 70.

прежняго въ Грузіи правленія, сколько далеко отстоитъ солнце отъ земли.

Главнокомандующій требовалъ полной покорности и, принимая мѣры къ прекращенію хищничества, началъ съ чеченцевъ, какъ ближайшихъ къ намъ и наиболѣе дерзкихъ хищниковъ.

— Съ нетерпѣніемъ ожидаю я, говорилъ Алексѣй Петровичъ, первой возможности искоренить сіе гнѣздо гнуснѣйшихъ злодѣевъ. Сего требуютъ строгая справедливость и слезы жителей нашихъ на линіи, между которыми рѣдкое семейство не оплакиваетъ или убійство, или разореніе.

Трудно было покорить народъ, привыкшій къ нищетѣ и самой страшной бѣдности, народъ, прикрытый непроходимыми лѣсами, представляющими естественную защиту противъ непріятеля.

Прежде для наказанія чеченцевъ войска наши ходили въ ихъ землю, мало намъ извѣстную и по своему положенію почти неприступную, ходили туда, гдѣ весь почти народъ соединялся для защиты своихъ женъ, дѣтей и имущества. Временныя побѣды и возвращеніе отрядовъ на линію не приводили ни къ какимъ результатамъ, и разореніе своихъ деревень чеченцы вознаграждали съ избыткомъ имуществомъ, награбленнымъ въ нашихъ пограничныхъ селеніяхъ. Они производили набѣги столь часто, что, по выраженію А. А. Вельяминова, къ 1818 году «до такой степени опустошили Терекъ (т. е. казачьи селенія), что опасно было выходить за ворота станицъ». Отнять средства къ набѣгамъ, прекратить грабежи и хищничества было задачею Ермолова, и онъ пришелъ къ мысли о необходимости постепеннаго стѣсненія территоріи чеченцевъ и отодвиганія ихъ ауловъ въ глубь лѣсовъ и горъ, вдаль отъ нашихъ пограничныхъ селеній. Главнокомандующій рѣшился перенести линію за р. Терекъ, занять р. Сунжу и по теченію ея построить рядъ крѣпостей. Стѣсненные въ лѣсахъ и горахъ, чеченцы лишались тогда земли, удобной для хлѣбопашества и пастбищныхъ мѣстъ, на которыхъ въ зимнее время укрывали свои стада отъ жестокой въ горахъ стужи. Съ занятіемъ нами р. Сунжи, бывшія на линіи селенія оставались за цѣпью крѣпостей и въ большей безопасности, такъ какъ чеченцы не могли съ прежнимъ удобствомъ хищничать позади укрѣпленій и въ мѣстахъ, открытыхъ на большое разстояніе.

«Обозрѣвая границы наши, доносилъ Ермоловъ [1]), противъ владѣній чеченскихъ лежащія, вижу я не одну необходимость оградить себя отъ нападеній и хищничествъ, но усматриваю, что отъ самаго Моздока и до Кизляра поселенные казачьи полки Моздокскій, Гребенскій и Семейный [2]) и кочующіе караногайцы, богатымъ скотоводствомъ полезные государству и перевозкою на весь лѣвый флангъ линіи доставляемаго изъ Астрахани моремъ провіанта приносящіе величайшую казнѣ пользу, по худому свойству земли не только не имѣютъ ея для скотоводства избыточно, ниже для хлѣбопашества достаточно, и что единственное средство доставить имъ выгоды и съ ними совокупить спокойствіе и безопасность есть занятіе земли, лежащей по правому берегу р. Терека».

Съ другой стороны, удаляя лѣвый флангъ линіи отъ Терека, мы пріобрѣтали еще ту выгоду, что переводили войска въ мѣста болѣе здоровыя и избавляли ихъ отъ той смертности, которой способствовали низменные берега этой рѣки, покрытые почти сплошь непроходимыми камышами.

Продолжая постепенно линію крѣпостей черезъ землю кумыковъ до р. Сулака, мы закрывали Кизляръ, бывшій неоднократно предметомъ для нападеній горцевъ и по своей важности въ краѣ заслуживавшій полнаго обезпеченія. Приближаясь, такимъ образомъ, со стороны Кавказской линіи къ Дагестану, мы могли учредить сообщеніе съ богатѣйшею Кубинскою провинціею, а оттуда съ Грузіею, путь въ которую былъ до сихъ поръ только одинъ черезъ горы, и при-

---

[1]) Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 795.

[2]) Кавказскія казачьи войска были поселены по лѣвому берегу рѣки Терека въ слѣдующемъ порядкѣ. Противъ Большой Кабарды, на пространствѣ между Георгіевскомъ и Моздокомъ, было поселено *Волгское войско*, расположившееся въ станицахъ: Александровской, Георгіевской, Марьевской, Павловской и Екатериноградской. Противъ Малой Кабарды и части Чечни, въ г. Моздокѣ и въ Луковской станицѣ была *Моздокская горская команда*. Противъ остальной части Чечни были расположены: *Моздокскій полкъ* и *Гребенское войско*. Первый занималъ станицы: Стодеревскую, Галюгаевскую, Ищерскую, Науръ, Мекенскую и Калиновскую, а Гребенское войско составляли станицы: Червленная, Щедринская, Старогладковская и Курдюковская. Далѣе, противу Кумыкъ въ станицахъ Каргалинкѣ, Дубовской и Бороздинской жили казаки *Терскаго семейнаго войска*, а въ г. Кизлярѣ—*Терское Кизлярское войско*.

томъ часто пересѣкаемый снѣжными завалами. «Мимоходомъ въ Дагестанъ, доносилъ Ермоловъ [1]), черезъ владѣнія шамхала тарковскаго, овладѣемъ мы соляными богатыми озерами, довольствующими всѣ вообще горскіе народы, не исключая чеченцевъ. До сего времени шамхалъ не помышлялъ отдать ихъ въ пользу нашу и уклонялся принять войска наши въ свою землю; теперь предлагаетъ взять соль, а войска я расположу у него какъ особенную милость вашего императорскаго величества за его вѣрность, которыя (войска) нужны намъ для обезпеченія нашей дороги въ Дагестанъ».

До назначенія Ермолова главнокомандующимъ былъ уже на р. Сунжѣ редутъ *Назрановскій*, прикрывавшій дорогу отъ Моздока въ Грузію. Для бо́льшаго обезпеченія этой дороги, Ермоловъ приказалъ въ теченіе лѣта 1817 года построить еще одно укрѣпленіе на р. Сунжѣ (близъ нынѣшней ст. Михайловской), которое и было названо *Преградным*ъ *станомъ* [2]). Въ октябрѣ укрѣпленіе это было уже готово и стоило казнѣ 2,568 руб., изъ коихъ на 1,925 руб. было куплено инструментовъ, оставшихся годными и для слѣдующихъ построекъ.

Смотря, какъ русскія войска трудились надъ возведеніемъ укрѣпленія, чеченцы не рѣшались сдѣлать нападенія. Побуждаемые женами и матерями, они хотя и собирались нѣсколько разъ въ виду укрѣпленія, но потомъ снова расходились.

Первый гарнизонъ «Преграднаго стана» состоялъ изъ одной роты Владикавказскаго гарнизоннаго полка, двухъ орудій 19-й артиллерійской бригады и сотни казаковъ [3]). Неимѣніе въ чертѣ укрѣпленія воды составляло главный и весьма важный недостатокъ вновь построеннаго укрѣпленія. Воду приходилось брать изъ р. Сунжи, въ разстояніи отъ крѣпостныхъ воротъ въ 380, а отъ укрѣпленія по прямой линіи въ 250 саженяхъ. Чтобы не подвергать опасности посылаемыхъ за водою, Ермоловъ приказалъ весь лѣсъ за р. Сун-

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 20-го мая 1818 года. Станица Червленная.

[2]) См. операціонную карту.

[3]) Рапортъ генералъ-маіора Дельпоццо Ермолову отъ 6-го октября 1817 г., № 1008.

жею вырубить на пушечный выстрѣлъ [1]). Всѣ эти мѣры крайне безпокоили чеченцевъ, но главнокомандующій, не привыкшій останавливаться на полумѣрахъ, готовилъ имъ новыя заботы. «Надобно, ваше императорское величество, воспользоваться симъ временемъ, писалъ Ермоловъ [2]). Остается построить двѣ крѣпости. Какъ скоро можно будетъ проѣхать горы, я самъ буду на линіи, все увижу своими глазами и изберу мѣсто для заложенія одной изъ нихъ. Ожидаю, что чеченцы не позволятъ намъ спокойно продолжать работъ, а какъ я не имѣю довольно войскъ на линіи, чтобы составить и достаточное число рабочихъ, и прикрытіе имъ надежное, то отдѣляю изъ Грузіи два баталіона; но за всѣмъ тѣмъ предпріятіе будетъ небезопасное: здѣсь малѣйшая неудача худыя имѣетъ слѣдствія, и потому всеподданнѣйше испрашиваю повелѣнія прибавить одинъ егерскій комплектный полкъ къ войскамъ на линіи и смѣю сказать мнѣніе мое, что въ Крыму находящіяся, по сходству климата, наиболѣе къ тому способны.

«Не предпріемлю я занятія вдругъ всей рѣчки Сунжи, ибо оно потребовало бы чрезвычайныхъ средствъ и гораздо бо́льшаго числа войскъ; но, укрѣпляясь постепенно и переводя войска съ теперешней линіи, черезъ два года все теченіе Сунжи будетъ въ рукахъ нашихъ, и, давъ спокойствіе линіи, мы не будемъ населять горы увлекаемыми въ плѣнъ подданными вашего императорскаго величества и переносить наглые поступки чеченцевъ, и крови ихъ не проливая, заставимъ для собственнаго счастія перемѣнить разбойническій образъ жизни. Рано или поздно, надобно, государь, приступить къ сему; но теперь повсюду миръ и спокойствіе наиболѣе благопріятствуютъ. Кавказская линія требуетъ защиты, а я желаю, чтобы въ царствованіе вашего императорскаго величества воспользовалась она безопасностію и спокойствіемъ.

«Въ 1820 году должно быть исполнено все, о чемъ я имѣю счастіе доносить вашему императорскому величеству, развѣ воспрепятствуютъ чрезвычайные случаи, которыхъ я отвратить не въ си-

---

[1]) Предписаніе Ермолова Дельпоццо отъ 22-го ноября 1817 г.

[2]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 30-го ноября 1817 г.

лахъ. Издержки, на сіе употребленныя, будутъ весьма умѣренны и щедро вознаградятся пріобрѣтенными выгодами.

«Если благоугоденъ будетъ планъ сей, нуженъ на имя мое высочайшій указъ *въ руководство и непремѣнную цѣль преемникамъ моимъ*. Въ предложеніи моемъ нѣтъ собственной моей пользы, не могу я имѣть въ предметѣ составить военную репутацію мою на счетъ разбойниковъ, и потому въ разсчетъ мой входятъ не одни средства оружія. Не всякаго однако же на моемъ мѣстѣ могутъ быть одинаковы виды».

Императоръ Александръ повелѣлъ отправить изъ Крыма въ распоряженіе Ермолова 8-й егерскій полкъ [1]), но съ тѣмъ, чтобы онъ оставался на линіи только до окончательнаго занятія р. Сунжи, а затѣмъ былъ возвращенъ въ Крымъ.

Не смотря на всѣ мѣры, принятыя Ермоловымъ, хищничество на линіи продолжалось, и не проходило почти ни одного дня, чтобы горцы не уводили въ плѣнъ дѣтей, женщинъ, работавшихъ въ полѣ, и не угоняли скота и лошадей. Въ селеніяхъ, ближайшихъ къ границѣ, горцы врывались даже въ дома и уносили вещи и домашнюю утварь. Кисловодское укрѣпленіе и Ессентукскій постъ, станицы Мекенская, Новогладковская, Щедринская, Червленная, селеніе Прохладное, Солдатское на Малкѣ, Прочноокопская и Усть-Лабинская станицы, форштадтъ крѣпости Кавказской, Бабуковскій постъ и даже окрестности Владикавказа были подвержены неоднократнымъ нападеніямъ. Хотя при каждомъ вторженіи хищники терпѣли пораженіе и были преслѣдуемы, но предупредить вторженіе не было возможности. Съ покрытіемъ р. Терека льдомъ путь для нихъ былъ открытъ повсюду. Разставленные въ нѣкоторыхъ мѣстахъ казачьи пикеты не приносили пользы и сами подвергались опасности быть вырѣзанными, при появленіи горцевъ въ болѣе или менѣе значительной партіи. Командовавшій на линіи войсками, генералъ-маіоръ Дельпоццо, упразднилъ всѣ посты по р. Тереку, располагалъ ихъ днемъ на открытыхъ мѣстахъ, а ночью, гдѣ былъ лѣсъ, ставились секретные извѣстительные пикеты [2]). Охранявшіе линію казаки, потерявшіе въ

[1]) Высочайшее повелѣніе Ермолову отъ 10-го января 1818 г.

[2]) Рапортъ Дельпоццо Ермолову, 12-го января, № 55. Рапортъ полковника Грекова Ермолову, 8-го января, № 45.

разное время лошадей, не могли завести новыхъ, а у тѣхъ, у которыхъ остались, онѣ были въ весьма плохомъ состояніи отъ безпрерывной сторожевой службы. При такомъ обезпеченіи линіи, хищничество приняло громадные размѣры: ловилъ ли казакъ рыбу, отправлялся ли обыватель на сѣнокосъ, онъ могъ ожидать нападенія и долженъ былъ думать о защитѣ отъ хищниковъ, подползавшихъ среди бѣлаго дня или скрывавшихся въ лѣсу въ ожиданіи добычи. Ермоловъ приказалъ повѣсить нѣсколькихъ чеченцевъ, захваченныхъ въ плѣнъ на хищничествѣ, а тѣмъ селеніямъ, гдѣ укрывались хищники, объявить, что если жители примутъ и станутъ скрывать ихъ, то селеніе будетъ истреблено. Въ обезпеченіе же жителей нашихъ селеній приказано въ каждой станицѣ имѣть ночной караулъ на углахъ станичной ограды и на выѣздахъ; около станицъ дѣлать ночные объѣзды въ разное время ночи. Главнокомандующій писалъ, что изслѣдованіе нѣсколькихъ случаевъ воровства показываетъ, что казаки сами тому содѣйствуютъ, а полковые начальники и станичные атаманы не имѣютъ должнаго надзора. Для побужденія послѣднихъ къ дѣятельности было приказано, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда грабежъ будетъ произведенъ безъ всякаго насилія со стороны хищниковъ, что докажетъ бездѣятельность охранной стражи, тогда для удовлетворенія ограбленнаго описывать и продавать имѣніе станичнаго атамана, а его самого сажать въ крѣпость [1]).

Столь строгія мѣры вызваны были увѣренностью главнокомандующаго, что казаки во многомъ сами виноваты. По словамъ Ермолова, онъ нашелъ у казаковъ нерадивое отправленіе службы, отсутствіе дисциплины и ослабѣвшую воинственность, которымъ предпочтены были частныя выгоды начальниковъ, снискиваемыя непозволительными средствами. Главнокомандующій нашелъ «чиновниковъ сихъ войскъ, вдавшихся въ ябеды и распутства, и нѣкоторыхъ изъ нихъ даже въ участіи въ воровствахъ съ заграничными хищниками». Злоупотребленія всякаго рода такъ вкоренились въ нихъ, что Ермоловъ испрашивалъ себѣ власть безъ высочайшаго разрѣшенія лишать по суду офицеровъ чиновъ до штабъ-офицера. Такая мѣра была

[1]) Приказъ по войскамъ 25-го іюня, № 23.

особенно необходима для офицеровъ-мусульманъ, изъ которыхъ многіе, имѣя русскіе чины, занимались открыто разбоями и грабежами [1]).

«Довольно, писалъ Ермоловъ генералу Дебу [2]), со стороны вашей одного равнодушія къ безпорядкамъ, чтобы подчиненные, въ свою очередь, были совсѣмъ нерадивы или даже негодны. Повѣрьте, ваше превосходительство, мнѣ трудно дѣлать подобныя замѣчанія генералу и еще менѣе умѣю я повторять ихъ».

Въ Петербургѣ не могли понять причины, почему на Кавказской линіи происходятъ хищничества, и начальникъ главнаго штаба князь Волконскій просилъ сообщить ему о причинахъ, побуждающихъ горцевъ къ враждебнымъ противъ насъ дѣйствіямъ [3]).

«Набѣги и хищничества чеченцевъ и другихъ народовъ, отвѣчалъ Ермоловъ [4]), происходятъ единственно отъ желанія добычи, и другихъ побуждающихъ къ тому причинъ нѣтъ ни особенныхъ, ни новыхъ.

«Хищничество не увеличивается, но до пріѣзда моего сюда доносимо было только объ однихъ чрезвычайныхъ случаяхъ; при мнѣ — о всѣхъ и малѣйшихъ даже происшествіяхъ, отчего и кажутся набѣги и шалости чаще случающимися. Съ того времени, какъ часто возобновляющаяся язва между сосѣдственными народами, угрожая Кавказской линіи, заставила принять строгія мѣры осторожности и убѣгать сообщенія съ ними, войскамъ, на кордонѣ стоящимъ, запрещено переходить за границу, и потому хищники не боятся уже преслѣдованія и наказанія, которое прежде состояло въ разореніи жилищъ и отогнаніи табуновъ и много воздерживало отъ шалостей. Если же преслѣдовать войсками, то надобно непремѣнно выдерживать ихъ для очищенія въ карантинѣ и на то время многія мѣста по кордону оставить слабыми, ибо для преслѣдованія со многихъ пунктовъ войска соединяются вмѣстѣ. Боязнь подвергнуться чумѣ, конечно, заставляетъ насъ терпѣть нѣкоторыя потери, но онѣ ничто въ сравненіи съ тѣми выгодами, которыя та же чума намъ доста-

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Ермолова отъ 30-го мая. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 655.

[2]) Предписаніе Ермолова ген.-маіору Дебу, 26-го іюля, № 499.

[3]) Отношеніе Волконскаго Ермолову, отъ 4 мая, № 1181.

[4]) Кн. Волконскому, отъ 22-го іюня, № 336.

вила. Она сильный, до сего весьма воинственный и опасный народъ кабардинскій уменьшила, конечно, не менѣе двухъ третей, и мы, вмѣсто чувствительной прежде потери войскъ и не менѣе жителей, теряемъ теперь людей сотую долю, а скота, отгоняемаго ими, конечно, не болѣе какъ и прежде.

«Кабардинцевъ, думалъ я, употребляя способы убѣжденія и кротости, склонить къ жизни спокойнѣйшей, но, видя, что народъ сей, столь гнусный и подлый, какъ и чеченцы, равно легко возобновляющій и разрушающій клятвы въ вѣрности, прибѣгнулъ я къ мѣрамъ строгимъ. 3-го числа сего мѣсяца одно изъ селеній кабардинскихъ, весьма близко къ границамъ нашимъ лежащее, гнѣздо разбойниковъ и вѣчной почти чумы, приказалъ я истребить. Отрядъ войскъ ночью пришелъ къ оному; на разсвѣтѣ объявлено жителямъ, чтобы они съ женами и дѣтьми своими, также съ драгоцѣннѣйшимъ имуществомъ, удалились. Селеніе было сожжено, многочисленные табуны лошадей и скотъ взятъ весь на удовлетвореніе пограбленныхъ жителей разнаго званія Кавказской линіи. Съ обѣихъ сторонъ не сдѣлано ни одного ружейнаго выстрѣла.

«Съ 1812 г., когда въ послѣдній разъ были въ С.-Петербургѣ депутаты отъ кабардинскаго народа, щедро государемъ императоромъ облагодѣтельствованные и награжденные, гнусный и подлый народъ сей не уменьшилъ своихъ разбоевъ и хищничествъ и претензіи на нихъ, жителями Кавказской линіи объявленныя и въ извѣстность приведенныя, простираются до ста тысячъ рублей. Увѣряю ваше сіятельство, что я никакихъ депутатовъ отъ народа столь гнуснаго не дерзну представить передъ лицо моего государя. Теперь я содержу ихъ въ страхѣ жесточайшаго наказанія (котораго употребить средствъ не имѣю) и угрожаю отобраніемъ имѣющихся у нихъ граматъ нашихъ государей и объявленіемъ измѣнниками и нарушителями клятвы.

«Съ чеченцами, народомъ сильнымъ, живущимъ въ состояніи совершеннаго равенства, непризнающимъ никакихъ между собою властей, а потому и зависимости, употребляю я единственное средство—терпѣніе и рѣшился на оное до 1820 года, зная, что до того времени надобно сносить и досады, и потери, но за все то они заплатятъ впослѣдствіи и будутъ принуждены обратиться къ жизни спо-

койнѣйшей, усмирены будучи недостаткомъ самыхъ первыхъ потребностей. Сего народа, конечно, нѣтъ подъ солнцемъ ни гнуснѣе, ни коварнѣе, ни преступнѣе. У нихъ и чумы не бываетъ».

Принимая мѣры къ прочному утвержденію своего вліянія среди горцевъ, Ермоловъ не скрывалъ трудности въ разрѣшеніи предстоявшей ему задачи и не торопился ея исполненіемъ. Постепенно и исподволь онъ принималъ рядъ мѣръ, клонившихся къ стѣсненію горцевъ и къ прекращенію хищничествъ.

— Это огромная крѣпость, говорилъ Алексѣй Петровичъ, смотря на громады горъ: надобно или штурмовать ее, или овладѣть траншеями. Штурмъ будетъ стоить дорого и успѣхъ невѣренъ, такъ обложимъ же ее.

Рѣшившись на послѣднее, главнокомандующій приступилъ къ устройству траншей въ видѣ крѣпостей и укрѣпленныхъ линій.

«Если въ нынѣшнемъ 1818 году чеченцы, доносилъ Ермоловъ [1]), часъ отъ часу наглѣйшіе, не воспрепятствуютъ устроить одно укрѣпленіе на Сунжѣ, въ мѣстѣ, самомъ для насъ опаснѣйшемъ, или, если возможно будетъ успѣть учредить два укрѣпленія, то въ будущемъ 1819 году, приведя ихъ къ окончанію, живущимъ между Терекомъ и Сунжею злодѣямъ, мирными именующимися, предложу я правила для жизни и нѣкоторыя повинности, кои истолкуютъ имъ, что они подданные вашему императорскому величеству, а не союзники, какъ они до сего времени о томъ мечтаютъ. Если по надлежащему будутъ они повиноваться, то назначу по числу ихъ нужное количество земли, раздѣливъ остальную между стѣсненными казаками и караногайцами; если же нѣтъ, то предложу имъ удалиться и присоединиться къ прочимъ разбойникамъ, отъ которыхъ различествуютъ они однимъ только именемъ, и въ семъ случаѣ всѣ земли останутся въ распоряженіи нашемъ. Я въ таковыхъ обстоятельствахъ, испрашиваю высочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе, чтобы изъ полковъ Моздокскаго и Гребенскаго добровольно желающіе могли переселиться впередъ за Терекъ».

Оставивъ необходимые гарнизоны въ укрѣпленіяхъ и на по-

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 14-го мая 1818 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 795.

стахъ, расположенныхъ на Кавказской линіи, Ермоловъ сосредоточилъ остальныя войска, въ маѣ 1818 года, на берегу р. Терека. Въ составъ отряда поступили: два баталіона 8-го егерскаго, два баталіона 16-го егерскаго, баталіонъ Троицкаго и баталіонъ Кабардинскаго пѣхотныхъ полковъ, команда пѣшихъ линейныхъ казаковъ и 18 батарейныхъ и легкихъ орудій. Всего въ отрядѣ находилось налицо: пѣхоты: 106 штабъ и оберъ-офицеровъ, 434 унтеръ-офицера, 109 музыкантовъ, 4,933 рядовыхъ и 167 нестроевыхъ; въ артиллеріи: 10 штабъ и оберъ-офицеровъ, 16 фейерверкеровъ, 3 музыканта, 223 рядовыхъ и 49 нестроевыхъ; въ иррегулярныхъ войскахъ: 13 оберъ-офицеровъ, 32 урядника и 440 рядовыхъ. Въ общемъ итогѣ численность отряда простиралась до 5,596 человѣкъ строевыхъ [1]).

25-го мая назначена была переправа черезъ р. Терекъ и движеніе къ р. Сунжѣ. Въ авангардѣ шелъ, подъ командою маіора Швецова, баталіонъ Кабардинскаго полка съ 200 казаковъ и двумя конными орудіями Волгскаго казачьяго полка; за нимъ въ четырехъ верстахъ слѣдовали главныя силы и затѣмъ обозъ [2]). Сильная жара утомляла войска, и потому главнокомандующій разрѣшилъ снять галстухи и разстегнуть мундиры; при остановкахъ на бивакахъ и лагеремъ не выставлять безпрерывной цѣли вокругъ отряда, какъ бывало прежде, а ограничиться постановкою часовыхъ на важнѣйшихъ пунктахъ. Всѣмъ вообще нижнимъ чинамъ запрещено было при встрѣчѣ съ начальниками снимать фуражки и въ ночное время, по большей части сырое и холодное, ходить непремѣнно въ шинеляхъ [3]). Съ приходомъ на мѣсто дѣйствій, Ермоловъ приказалъ, для лучшаго сбереженія здоровья солдатъ, выдать порціонныя деньги въ каждую роту, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы деньги шли на улучшеніе пищи, съ прибавкою 10 коп. на каждаго солдата, работавшаго при постройкѣ укрѣпленій [4]). Мясная и винная порціи значительно поддерживали здоровье солдатъ, и больныхъ было очень мало.

---

[1]) Строевой рапортъ 20-го мая 1818 г. Рапортъ полковника Грекова Ермолову, 16-го мая, № 10.

[2]) Приказъ по отряду 24-го мая 1818 г.

[3]) Тоже, 26-го мая 1818 г.

[4]) Тоже, 3-го іюня 1818 г.

Дойдя до урочища Ханъ-кале, войска остановились въ шести верстахъ отъ знаменитаго ханкальскаго ущелья, считавшагося въ глазахъ чеченцевъ мѣстомъ неприступнымъ. Чеченцы издали смотрѣли на движеніе русскаго отряда и не сдѣлали ни одного выстрѣла. Тѣ, которые считали себя болѣе виновными, бѣжали изъ селеній, по лѣвому берегу р. Сунжи расположенныхъ; остальные оставались въ своихъ домахъ и даже приходили въ лагерь. Ермоловъ ласкалъ ихъ, но счелъ все-таки необходимымъ взять аманатовъ. Главнокомандующій пригласилъ къ себѣ почти всѣхъ старшинъ селеній и объяснилъ имъ, что прибытіе русскихъ войскъ на Сунжу не должно устрашать ихъ, если они намѣрены прекратить свои хищничества.

— Я не пришелъ васъ наказывать, говорилъ Алексѣй Петровичъ, за злодѣянія прошедшаго времени, но требую, чтобы оныхъ впредь дѣлаемо не было. Въ удостовѣреніе этого вы должны возобновить присягу на покорность и возвратить содержащихся у васъ плѣнныхъ. Если же не исполните моихъ требованій, то сами будете виною бѣдствій, которыхъ не избѣгнете, какъ явные непріятели.

Старшины просили дать имъ время для совѣщаній и увѣряли, что не могутъ ни къ чему приступить безъ согласія общества. Въ совѣщаніяхъ ихъ всегда находились люди намъ преданные, и черезъ нихъ Ермоловъ зналъ, что хищники, ненадѣявшіеся на прощеніе, возмущали прочихъ, и многія селенія, по родству съ коноводами, отказались принимать участіе въ совѣщаніяхъ. Противники покорности успѣли увѣрить большую часть населенія, что русскіе пришли только для наказанія хищниковъ и не приступаютъ къ этому потому, что опасаются вступать лѣтомъ въ непроходимые лѣса; что распущенный слухъ о намѣреніи главнокомандующаго построить крѣпость есть чистый вымыселъ, и что русскія войска, пробывши нѣкоторое время на Сунжѣ, непремѣнно возвратятся на линію.

Продолжавшіеся три недѣли сряду проливные дожди и холодная погода препятствовали намъ приступить не только къ заложенію крѣпости, но и къ заготовкѣ необходимыхъ для того матеріаловъ. Такая медленность еще болѣе убѣждала чеченцевъ, что пребываніе русскихъ войскъ на ихъ землѣ временное, и когда потомъ приступлено было къ заготовленію матеріаловъ, то населеніе не переставало думать, что все это дѣлается только для вида и угрозы.

При такихъ условіяхъ, въ 8 часовъ утра 10-го іюня, былъ отслуженъ молебенъ и заложена крѣпость *Грозная*. Понятно впечатлѣніе, которое произвели на чеченцевъ наши работы по возведенію вновь строящейся крѣпости и вслѣдъ затѣмъ требованіе главнокомандующаго, чтобы всѣ тѣ селенія, отъ которыхъ были у насъ аманаты, доставляли лѣсъ на постройку. Ближайшіе аулы не смѣли оказать непослушанія, но чеченцы, жившіе за ханкальскимъ ущельемъ, отказались доставлять лѣсъ и объявили, что никакихъ обязательствъ на себя не примутъ и ни въ какія сношенія съ русскими не вступятъ. Они начали укрѣплять ущелье и по всѣмъ дорогамъ выставили караулы и пикеты. Рѣдкая ночь проходила безъ тревоги; подъѣзжая къ противоположному берегу рѣки, чеченцы стрѣляли изъ ружей по лагерю, нападали на наши посты и разъѣзды въ лѣсу—словомъ, всѣми мѣрами старались воспрепятствовать нашимъ работамъ. Не смотря на то, постройка укрѣпленія подвигалась впередъ быстро, и солдаты трудились неутомимо. Малочисленность отряда, въ сравненіи съ обширностью постройки, была причиною того, что почти каждый солдатъ отправлялся прямо съ работы или въ конвой, или прикрытіе, или въ караулъ [1]). Чтобы сколько нибудь облегчить столь усиленный трудъ строевыхъ солдатъ и имѣя въ виду постройку въ будущемъ еще нѣсколькихъ крѣпостей, Ермоловъ просилъ прислать въ Георгіевскъ одну піонерную роту. Императоръ Александръ повелѣлъ находившуюся при грузинскомъ корпусѣ піонерную роту раздѣлить на двѣ части, сформировать двѣ полныя комплектныя роты и, составивъ такимъ образомъ полубатальонъ, наименовать его *восьмымъ піонернымъ полубатальономъ*, съ тѣмъ, чтобы одна рота этого полубатальона находилась въ Грузіи, а другая на Кавказской линіи [2]). Полубатальонъ былъ сформированъ лишь въ концѣ года и не могъ принять участія въ возведеніи крѣпости Грозной, постройка которой была окончена въ половинѣ октября 1818 г.

---

[1]) Отношеніе Ермолова начальнику главнаго штаба кн. Волконскому, отъ 10-го августа, № 24.

[2]) Отношеніе Ермолова кн. Волконскому, 9-го іюля 1818 г., № 430. Отношеніе дежурнаго генерала Ермолову 28-го іюля. Приказъ по корпусу 4-го октября, № 27.

Перенесеніе линіи съ Терека на Сунжу отнимало у чеченцевъ большую часть плодородной земли и стѣсняло ихъ свободу въ хищничествѣ. Низменное пространство земли и обширные луга, лежавшіе между Терекомъ и Сунжею, съ давнихъ поръ служили чеченцамъ мѣстомъ для посѣва хлѣба и прокормленія скота.

Чеченцы, а за ними и всѣ прочія племена Дагестана непріязненно смотрѣли на построеніе Грозной и не могли не сознавать, что часъ ихъ пробилъ и «что пришло время перестать обманывать россійское правительство». Они ясно видѣли, что теперь русскіе не намѣрены болѣе вѣрить ихъ клятвамъ и обѣщаніямъ, что заключеніе съ ними трактатовъ и мирныхъ условій отложено въ сторону, а взамѣнъ того приняты систематическія мѣры къ упроченію русскаго владычества между народами Чечни и Дагестана, не признававшими до сихъ поръ ничьей посторонней власти.

Чеченцы видѣли, что теперь положенъ предѣлъ ихъ набѣгамъ и хищничеству, производившему повсюду такой ужасъ, что по военно-грузинской дорогѣ можно было слѣдовать не иначе какъ съ прикрытіемъ, при которомъ всегда находилось нѣсколько орудій. Съ занятіемъ Сунжи каждый набѣгъ дѣлался для чеченцевъ болѣе затруднительнымъ и часто кончался совершеннымъ истребленіемъ хищническихъ партій.

Страшась за свое имущество и семейства, чеченцы ближайшихъ къ намъ селеній скрылись въ горы и лѣса и жили въ устроенныхъ наскоро шалашахъ. Жены и дѣти ихъ были въ постоянной готовности по первой тревогѣ оставить и эти скромныя жилища. Принудительное переселеніе или, лучше сказать, изгнаніе въ необитаемыя горныя пространства, недостатокъ въ жизненныхъ потребностяхъ и другія лишенія породили между переселенцами болѣзни, отъ которыхъ гибли цѣлыя селенія. Видя безвыходное положеніе, многіе изъ бѣжавшихъ явились съ покорностью, получили прощеніе и дозволеніе селиться на низменныхъ мѣстахъ, между рѣками Терекомъ и Сунжею.

Оставшіеся въ горахъ всѣми мѣрами старались, между тѣмъ, выставить обиду, имъ нанесенную, какъ посягательство на свободу всѣхъ вольныхъ кавказскихъ народовъ. Они предсказывали такую же участь и всѣмъ остальнымъ обществамъ Дагестана, если тѣ не

соединятся съ ними и общими силами не отвратятъ угрожающей гибели.

Въ виду всеобщей опасности, горцы соединились въ одно цѣлое и, рѣшившись отстаивать свою независимость, отчаянно нападали на наши лагери и транспорты, старались наносить намъ какъ можно болѣе вреда и препятствовать устройству новой *Сунженской линіи*. Въ этихъ нападеніяхъ содѣйствовали имъ, по родству и дружбѣ, и тѣ чеченцы, которые приняли на себя названіе мирныхъ и поселились между рр. Терекомъ и Сунжею.

— Мнѣ не нужны *мирные мошенники*, говорилъ Ермоловъ, и требовалъ выдачи плѣнныхъ.

«Плѣнныхъ и бѣглыхъ солдатъ, писалъ онъ [1]), немедленно отдать. Дать аманатовъ изъ лучшихъ фамилій и поручиться, что, когда придутъ назадъ ушедшіе въ горы, то отъ нихъ будутъ русскіе возвращены. Въ посредникахъ мнѣ нѣтъ нужды... *довольно одному мнѣ знать, что я имѣю дѣло съ злодѣями.*

— «*Плѣнные и бѣглые—или мщеніе ужасное!*»

Всѣмъ мулламъ, старшинамъ и почетнымъ людямъ объявлено, что отнынѣ въ дѣлахъ съ чеченцами не будетъ допущено ничье посредничество, ничье ручательство не будетъ принято, кромѣ аманатовъ, отвѣчающихъ за всѣ безпорядки и грабежи [2]).

— Живите смирно, говорилъ Ермоловъ горцамъ, не дѣлайте воровства, грабежей и смертоубійствъ; занимайтесь хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ: вы будете покойны, богаты и счастливы; въ противномъ случаѣ, за всякое съ вашей стороны буйство, за всякое воровство, грабежъ и смертоубійство аманаты ваши будутъ отвѣчать головою.

Для выдачи и перемѣны аманатовъ старшины должны были являться прямо къ начальнику кордона; ему же приносить жалобу въ случаѣ притѣсненій, дѣлаемыхъ русскими войсками. Такимъ образомъ, деревни избавлялись отъ дани, которую платили посредникамъ за безполезное ихъ ходатайство. За то посредники, и преимуще-

---

[1]) Обществу старшинъ чеченскаго народа отъ 30-го мая 1818 г. Акт. Кав. Арх. Ком.; т. VI, ч II. № 875.

[2]) Обвѣщеніе муллamъ и старшинамъ 24-го іюля 1818. Тамъ же, № 876.

ственно владѣльцы, лишались выгодъ, а потому высказывали при каждомъ случаѣ свое неудовольствіе и враждебность къ русскому правительству. Они распускали слухи въ горахъ и между мирными чеченцами, что русскіе уговариваютъ ихъ оставаться спокойными и заниматься сельскимъ хозяйствомъ для того только, чтобы впослѣдствіи воспользоваться ихъ имуществомъ, а ихъ самихъ разоривъ выгнать въ горы [1]). Главнокомандующій просилъ не вѣрить пустымъ разглашеніямъ неблагонамѣренныхъ людей, оставаться покойными и вкушать удовольствіе въ кругу своихъ семействъ.

— Я васъ увѣряю, говорилъ Ермоловъ, что русскіе не имѣютъ намѣренія искать вашей погибели или разоренія, и что собственность ваша, согласно съ вашимъ поведеніемъ, останется навсегда неприкосновенною и въ цѣлости. Если и впредь дойдутъ до васъ подобные ложные слухи, въ такомъ случаѣ, не теряя времени, должны нѣсколько изъ извѣстныхъ мнѣ старшинъ немедленно явиться ко мнѣ съ объясненіемъ, и тогда я буду имѣть способъ вселить въ нихъ полную ко мнѣ довѣренность, успокоить и научить ихъ мирно жить въ домахъ своихъ.

Слова эти не внушили чеченцамъ довѣрія къ главнокомандующему, и, видя, что на землѣ ихъ строится укрѣпленіе, они волновались, хищничали, разбойничали и бѣжали въ горы. Зная, что горцы вообще готовы все обѣщать и потомъ не исполнить даннаго слова, Ермоловъ началъ съ того, что приказалъ жившихъ на андреевскихъ земляхъ чеченцевъ выгнать изъ владѣній, какъ единственное средство достигнуть покоя. Разрѣшено оставить только тѣхъ изъ нихъ, за которыхъ поручатся всѣ князья андреевскіе, аксаевскіе и костюковскіе, и затѣмъ за каждое воровство или разбой должны отвѣчать сами князья и уздени, которыхъ Алексѣй Петровичъ грозилъ лишить достоинства, отнять имѣніе и выгнать въ Чечню.

— Лучше отъ Терека до Сунжи, говорилъ онъ, оставить степи, нежели въ тылу укрѣпленій нашихъ, учреждающихся по Сунжѣ, терпѣть разбойниковъ.

Съ этою цѣлью, цѣлыя деревни: Османъ-юртъ, Кара-агачъ, Бай-

[1]) Прокламація жителямъ деревень Амиръ-Ханъ-Кичинской и Сунженской 26-го іюля 1818 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 877.

рамъ-аулъ, Хасавъ-аулъ, Генже-аулъ, Баматъ-бекъ-юртъ и Казахъ-мурза-юртъ были сняты и подъ конвоемъ препровождены до границъ чеченскихъ.

«Сихъ приказываю выгнать тотчасъ, писалъ Ермоловъ [1]), и Боже избави того, кто посмѣетъ ослушаться. Совѣтую исполнить безъ потери времени, ибо когда придутъ войска въ андреевскія владѣнія, тогда уже поздно будетъ помышлять о томъ. Я не люблю слышать о безпорядкахъ и не совѣтую допустить меня видѣть ихъ собственными глазами».

Чеченцы, жившіе въ Костюковской и Аксаевской деревняхъ, также отправлены въ горы; русскія войска при вступленіи въ андреевскія владѣнія приказано встрѣчать всѣмъ князьямъ и узденямъ вмѣстѣ; если же кто ослушается, писалъ главнокомандующій, «то представьте мнѣ неповинующагося князя или узденя, и это будетъ послѣднее въ жизни таковаго неповиновеніе [2])».

Владѣльцамъ селеній, лежавшихъ на берегу р. Терека, приказано выгнать также въ Чечню всѣхъ тѣхъ, которыхъ цѣлое селеніе признаетъ неблагонадежными; оставить тѣхъ, которые замѣчены спокойными. Въ случаѣ воровства каждое селеніе обязано выдать вора, а если онъ скроется, то его семейство. Но если жители дадутъ средство къ побѣгу всему семейству вора, то цѣлое селеніе предается огню. Точно также обѣщано поступить съ селеніемъ и въ томъ случаѣ, если жители, видя, что хищники увлекаютъ въ плѣнъ русскаго, не отобьютъ его или не отыщутъ; изъ такой деревни за каждаго русскаго, взятаго въ плѣнъ, приказано брать въ солдаты по два человѣка туземцевъ.

Извѣстно было, что безъ пособія и укрывательства самихъ владѣльцевъ горцы не могли проѣзжать отъ рѣки Сунжи, и потому по всему пространству своихъ земель владѣльцы должны были имѣть постоянные караулы. Если же, затѣмъ, по изслѣдованію, окажется, что жители безпрепятственно пропустили хищниковъ и не защищались, «*то деревня истребляется, женъ и дѣтей вырѣзываютъ*».

---

[1]) Владѣльцамъ костюковскимъ 5-го сентября 1818 г. Ак. К. А. К., т. VI, ч. II, № 878.

[2]) Объявленіе владѣльцамъ андреевскимъ, костюковскимъ и аксаевскимъ 5-го августа 1818 г.

«Такимъ образомъ, писалъ Ермоловъ [1]), жители, по-прежнему продолжая воровство и разбои, непремѣнно истреблены будутъ, или отъ нихъ зависитъ, занимаясь спокойно хозяйствомъ и проводя жизнь въ тишинѣ, пользоваться богатою землею и всѣми выгодами, и русскіе не только не сдѣлаютъ ни малѣйшей имъ обиды, но готовы оказать пособіе, обогащая ихъ торговлею и свободнымъ сообщеніемъ. Предупреждаются владѣльцы, что черезъ десять дней караулы должны быть на своихъ мѣстахъ и строго осмотрѣны будутъ».

Крутыя мѣры главнокомандующаго не нравились горцамъ. Русскій топоръ, расчищавшій на пушечный выстрѣлъ пространство вокругъ крѣпости Грозной, произвелъ значительное волненіе въ Чечнѣ и даже въ Дагестанѣ. Горцы сознали, *что не ружье и пушка, а топоръ покоритъ ихъ*. Чеченцы не опасались разоренія своихъ скромныхъ хижинъ, постройка которыхъ имъ почти ничего не стоила, но они страшились за свои поля, луга и скотъ. Захватъ скота и уничтоженіе полей съ проведеніемъ просѣкъ становились болѣе легкими для русскихъ войскъ. Чеченскіе депутаты просили помощи, и горцы собрались на совѣтъ, приглашая присутствовать въ немъ шамхала тарковскаго и уцмія каракайтагскаго, какъ ближайшихъ своихъ сосѣдей. О первомъ они знали, какъ о лицѣ, преданномъ Россіи, но слабомъ и неимѣющемъ власти надъ подданными, а втораго надѣялись склонить на свою сторону. Ни тотъ, ни другой не воспользовались приглашеніемъ и отклонились отъ участія въ собраніи: шамхалъ—какъ человѣкъ, дѣйствительно расположенный къ Россіи, а уцмій—какъ человѣкъ, находившій временно выгоднымъ показать себя нашимъ сторонникомъ. Владѣнія, подвластныя уцмію, состояли изъ двухъ частей: верхняго и нижняго (терекеме) Кайтага, и граничили на сѣверѣ съ шамхальствомъ, на востокѣ прилегали къ Каспійскому морю, на югѣ соприкасались съ Табасаранью и на западѣ съ Казикумухскимъ ханствомъ. Число жителей, подвластныхъ уцмію, достигало до 20,000 дворовъ.

Адиль-ханъ, уцмій каракайтагскій, былъ человѣкъ крайне безпо-

[1]) Владѣльцамъ селеній, по берегу Терека лежащихъ, отъ 8-го сентября 1818 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 879.

койный, желавшій самовластія, независимости, непризнававшій надъ собою никакого контроля, нелюбившій надзора и недоброжелательный Россіи. Онъ содержалъ на жалованьѣ хищниковъ, вторгавшихся въ наши границы, и снабжалъ всѣмъ необходимымъ бывшаго владѣтеля Кубинскаго Шихъ-Али-хана, за измѣну выгнаннаго изъ ханства.

Узнавъ, что Ермоловъ въ самомъ непродолжительномъ времени думаетъ объѣхать Дагестанъ и что при немъ будетъ значительный отрядъ войскъ, уцмій боялся, что его потребуютъ къ разсчету за всѣ измѣнническіе поступки. Мало того, онъ зналъ, что главнокомандующій поручилъ генералу Пестелю, бывшему окружнымъ начальникомъ въ Кубинской провинціи, зорко слѣдить за поведеніемъ Адиль-хана и разузнать, какъ принято будетъ народомъ, если бы русское правительство замѣнило уцмія другимъ лицомъ. Для этого достаточно было знать только мнѣніе жителей города Башлы, «котораго поступки служатъ землѣ примѣромъ».

Народъ, подвластный уцмію и извѣстный подъ именемъ *тережеме*, жившій по близости Дербента въ одиннадцати деревняхъ, раскинутыхъ на плоскости, перенося жестокости и притѣсненія Адиль-хана, открыто заявлялъ, что, съ прибытіемъ Алексѣя Петровича въ Дагестанъ, будетъ просить о принятіи его во всегдашнее управленіе Россіи и объ избавленіи отъ власти уцмія. Слѣдуя примѣру жителей этихъ деревень, и самый городъ Башлы думалъ сдѣлать то же.

Башлинцы были недовольны Адиль-ханомъ за то, что, послѣ смерти своего брата Али-хана, онъ истребилъ всѣхъ его родственниковъ и приверженцевъ, съ единственною корыстною цѣлію присвоить себѣ ихъ имѣнія.

Гоненіе родственниковъ покойнаго брата и жестокое обращеніе уцмія съ своими подвластными заставили племянниковъ его, Эмира-Гамзу (17 лѣтъ) и Исей-Бобу (14 лѣтъ), бѣжать къ аварскому султану. Зная, что достоинство уцмія, по закону страны, должно перейти къ старшему въ родѣ, т. е. Эмиру-Гамзѣ, и увѣренный, что послѣ смерти его народъ ни въ какомъ случаѣ не захочетъ признать сына его уцміемъ, Адиль-ханъ рѣшился устроить это при жизни.

Сговорившись съ шамхаломъ тарковскимъ, уцмій женилъ своего сына Ханъ-Мемедъ-бека на дочери шамхала, а вслѣдъ затѣмъ объ-

явилъ, что самъ отказывается отъ носимаго имъ званія въ пользу своего сына, котораго отдаетъ въ опеку шамхала.

Ловко задуманный планъ первое время ставилъ въ недоумѣніе многихъ: никто не могъ объяснить причины, служившей побужденіемъ къ столь крутому повороту въ поведеніи Адиль-хана. Изъ явныхъ враговъ Россіи онъ сдѣлался вдругъ ея сторонникомъ. Не останавливаясь на этомъ и пойдя далѣе, уцмій далъ ключъ къ разгадкѣ.

Не скрывая своего прежняго нерасположенія къ Россіи, Адиль-ханъ, чтобы вкрасться въ большую довѣренность, писалъ Ермолову о своемъ сожалѣніи, что до сихъ поръ не видалъ будто бы всей благости русскаго правленія. Теперь же, видя это и желая оставаться вѣрнымъ Россіи, передаетъ управленіе народомъ сыну своему, подъ надзоромъ тестя его, шамхала, въ искреннемъ расположеніи котораго русское правительство не можетъ имѣть причины сомнѣваться. Самому же оставаться правителемъ онъ считалъ безполезнымъ и даже вреднымъ, на томъ будто бы основаніи, что далъ покойному брату страшную клятву: «чтобы не въѣзжать въ завѣдываемые Россіею города, не только Кизляръ и Тифлисъ, но даже и въ Дербентъ; а если хотя въ одинъ какой-либо городъ въѣдетъ, противъ заклятія, имъ сдѣланнаго, то долженъ лишиться даже женъ своихъ [1]).

«Согласно съ этою строгою клятвою и обѣтомъ, писалъ Адиль-ханъ Ермолову [2]), я до сихъ поръ не являлся къ русскому начальству и не явлюсь въ подвластныя Россіи владѣнія. Между тѣмъ я имѣю и то въ виду, что подобный образъ поведенія не можетъ послужить никому въ пользу, а напротивъ, броситъ на меня тѣнь измѣны, вражды и послужить, наконецъ, къ моему уничиженію».

Хотя клятва Адиль-хана и не была простою выдумкою, но азіятцы вообще не придаютъ никакого значенія нарушенію ея. И Адиль-ханъ ссылался на клятву только тогда, когда его требовали въ Дербентъ для объясненій, изъ боязни быть тамъ задержаннымъ, но готовъ былъ видѣться съ русскими въ чистомъ полѣ, гдѣ онъ могъ ве-

---

[1]) Рапортъ дербентскаго коменданта Ермолову отъ 20-го марта 1818 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 118.

[2]) Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 119.

сти переговоры, окруженный многочисленною свитою. Такъ, онъ имѣлъ, въ разное время, свиданія съ генералами княземъ Орбеліани, Тихоновскимъ и Пестелемъ, но не ближе, какъ за три версты отъ Дербента. Вооруженный съ ногъ до головы и въ панцырѣ, Адиль-ханъ выѣзжалъ на свиданіе, имѣя каждый разъ при себѣ не менѣе 500 человѣкъ вооруженной свиты.

Какъ умій, такъ и шамхалъ тарковскій посылали письмо за письмомъ Ермолову, прося его признать замѣну и утвердить уцміемъ Ханъ-Мамедъ-бека, а его, Адиль-хана, уволить въ Мекку на богомолье. Сообщая главнокомандующему, что Адиль-ханъ рѣшается сложить съ себя званіе уцмія, обратиться къ уединенію и посвятить жизнь молитвѣ, шамхалъ тарковскій прибавлялъ: «Нынѣ поручаетъ онъ своего сына милости Бога, а затѣмъ покровительству Россіи и моему попеченію, какъ моего зятя, дабы я направилъ его на путь той же преданности, съ какою служу самъ Россіи, и дабы всякій разъ, когда я отправлюсь въ Дербентъ или Кубу, или въ другое какое мѣсто, его сынъ сопутствовалъ мнѣ и во всемъ держалъ себя согласно моимъ совѣтамъ и указанію, не отступая отъ нихъ ни на волосъ».

Съ своей стороны Адиль-ханъ выражалъ увѣренность, что главнокомандующій *не ударитъ рукою отказа о его грудь,* приметъ сына его въ службу падишаха и, утвердивъ въ званіи уцмія, удостоитъ его наслѣдственныхъ правъ въ Кайтагѣ. Ермоловъ отвѣчалъ, что безъ воли императора онъ не можетъ рѣшиться на такое признаніе, обѣщалъ ходатайствовать и просилъ Адиль-хана не ѣхать въ Мекку и не покидать своихъ владѣній. «Удивляюсь я, прибавлялъ Ермоловъ [1]), что предмѣстники мои не имѣли свѣдѣнія о клятвѣ, данной вами, и не искали средства облегчить васъ отъ оной, или по крайней мѣрѣ *удостовѣриться, что оная не простирается на все ваше семейство,*—каковое свѣдѣніе необходимо было для службы великаго нашего государя. Я, какъ отъ пріятеля, не хочу отъ васъ скрыть, что я весьма доволенъ, *что сынъ вашъ сей клятвѣ не подверженъ*».

---

[1]) Въ письмѣ уцмію отъ 18-го апрѣля 1818 г. Акт. Кавк. Арх. Ком. т. VI, ч. I, № 119.

Сознавая, что уцмій требуетъ съ нашей стороны дѣйствій беззаконныхъ, что на основаніи обычаевъ, сохраняемыхъ свято въ Дагестанѣ, кайтагское владѣніе должно перейти другому, Ермоловъ не торопился ходатайствовать объ утвержденіи Ханъ-Мамедъ-бека уцміемъ. Главнокомандующій требовалъ, чтобы Адиль-ханъ не покидалъ своихъ владѣній, и если бы онъ самовольно отправился въ Мекку, то приказалъ задержать его и содержать въ крѣпости Бакинской подъ присмотромъ. Мегди-шамхалу тарковскому главнокомандующій сообщилъ, что, за отсутствіемъ государя изъ Петербурга, отвѣтъ на представленіе его не можетъ послѣдовать скоро, и потому, писалъ Алексѣй Петровичъ, «предувѣдомляю васъ, чтобы вы медленность не отнесли къ тому, что я удержалъ представленіе». Такое сообщеніе не согласовалось съ видами шамхала, принимавшаго въ этомъ дѣлѣ дѣятельное участіе по двумъ причинамъ: во-первыхъ, взявъ подъ свою опеку Ханъ-Мамедъ-бека, шамхалъ надѣялся такимъ поступкомъ угодить русскому правительству, а во-вторыхъ, имѣя вліяніе на дѣла въ Кайтагѣ, онъ думалъ пріобрѣсти большое значеніе въ Дагестанѣ. «Вашему высокопревосходительству не безъизвѣстно, писалъ шамхалъ Ермолову, что Кайтагъ есть общее названіе нѣсколькихъ владѣній. Подобно тому, какъ я сопровождаю русскій отрядъ черезъ мои владѣнія, то же самое обѣщаетъ сдѣлать и уцмій. Онъ находится въ настоящее время со мною въ тѣсной дружбѣ; службу же россійскому правительству предоставляетъ сыну. Отнынѣ дѣла примутъ благопріятный оборотъ, благодаря взаимнымъ содѣйствіямъ».

Выдавая дочь свою въ замужество за Ханъ-Мамедъ-бека и пріобрѣтая вліяніе на дѣла Кайтага, шамхалъ тарковскій усиливалъ свое значеніе въ Дагестанѣ еще и тѣмъ, что вступалъ въ свойство съ Асланъ-ханомъ кюринскимъ, родственникомъ кайтагскихъ владѣльцевъ. Предаваясь безпрерывно пьянству, Асланъ-ханъ кюринскій потерялъ черезъ то всякую способность управлять народомъ, а еще меньше могъ внушить къ себѣ уваженіе. Распутнаго Асланъ-хана легко было склонить на что угодно, въ особенности подъ пьяную руку. Адиль-ханъ уцмій, какъ родственникъ, совѣтовалъ Асланъ-хану избѣгать свиданія съ русскими, что тотъ и дѣлалъ. Подданные его производили грабежи и хищничества въ нашихъ предѣлахъ, и Асланъ-ханъ, не будучи въ силахъ удержать ихъ, намѣренъ былъ

бѣжать изъ своего владѣнія. Отправивъ все свое лучшее имущество и собираемые съ ханства доходы въ Кубачи подъ охрану уцмія каракайтагскаго, Асланъ-ханъ удалился изъ Кюрага, гдѣ находился воинскій начальникъ и были расположены двѣ роты Троицкаго полка. Поселившись въ селеніи Касимъ-кендѣ, онъ, среди шумныхъ оргій и попоекъ, выслушивалъ совѣты и наущенія отъ посланныхъ уцмія и аварскаго султана.

Ахметъ-ханъ аварскій, генералъ-маіоръ нашей службы, получавшій 5,000 рублей жалованья, принималъ къ себѣ разныхъ преступниковъ, бродягъ, бѣглыхъ и хищниковъ, занимавшихся кражею скота у кубинскихъ жителей. Когда чеченцы явились въ Дагестанъ съ просьбою о помощи, то Ахметъ-ханъ первый отправилъ къ нимъ извѣстнаго провожатаго воровскихъ партій, унцукульскаго жителя Нуръ-Магомета, по выраженію Ермолова, «*товарища въ славныхъ дѣлахъ бѣглаго царевича Александра*». Прибывъ съ толпою лезгинъ, Нуръ-Магометъ, подкрѣпленный чеченцами, подошелъ къ лагерю у Грозной, но былъ прогнанъ 150-ю казаками, высланными Ермоловымъ. Въ другой разъ Нуръ-Магометъ пытался напасть на транспортъ съ провіантомъ, но и тутъ потерпѣлъ неудачу, будучи прогнанъ высланными противъ него шестью ротами съ пятью орудіями. Послѣ этой неудачи лезгины разошлись по домамъ, отговариваясь тѣмъ, что не могутъ переносить жаркаго климата. Чеченцы снова просили помощи у аварскаго хана, и онъ сталъ тайно готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ. Главнѣйшимъ совѣтникомъ Ахметъ-хана и двигателемъ народовъ Дагестана на непріязненныя дѣйствія противъ Россіи былъ братъ его Хасанъ-ханъ дженгутайскій, человѣкъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ среди туземнаго населенія. Хасанъ-ханъ былъ личный и непримиримый врагъ шамхала тарковскаго, а братъ его, Ахметъ-ханъ аварскій, враждовалъ съ уцміемъ каракайтагскимъ. Воспользовавшись тѣмъ, что шамхалъ и уцмій отказались участвовать въ общемъ собраніи и совѣтѣ горцевъ, Хасанъ составилъ противъ нихъ оппозицію, пригласивъ къ тому своего брата, аварскаго хана, и Сурхай-хана казикумухскаго, знаменитаго измѣнника, имѣвшаго большое вліяніе на своего зятя, Мустафу-хана ширванскаго. Разсчитывая на содѣйствіе ширванцевъ, среди которыхъ уже происходили волненія и безпорядки, союзники возлагали боль-

шую надежду на помощь акушинцевъ и аксаевцевъ, получившихъ приглашеніе принять участіе въ общемъ возстаніи. Ермоловъ совѣтовалъ аксаевцамъ оставаться спокойными и предупреждалъ, что за всякое безпокойство, произведенное ими, они отвѣтятъ своими головами. «*Для сего довольно вамъ знать,* писалъ главнокомандующій, *что я у васъ буду*» [1]).

Возмутители не столько разсчитывали на аксаевцевъ, сколько на акушинцевъ—народъ сильный, склонный ко всякаго рода безпорядкамъ, гордившійся своею воинственностію и независимостію. Среди акушинцевъ жилъ и бѣглый Шихъ-Али, бывшій ханъ дербентскій и кубинскій, возмущавшій табасаранцевъ и склонявшій акушинцевъ къ дѣйствію противъ русскихъ. Горцы собрались на совѣтъ, говорили объ обидѣ, нанесенной русскими чеченцамъ, и по совѣту Хасанъ-хана дженгутайскаго, для отвлеченія нашихъ силъ, рѣшили напасть на шамхала тарковскаго и уцмія каракайтагскаго, какъ сторонниковъ Россіи, отказавшихся защищать общее дѣло дагестанскихъ обществъ.

«Вскорѣ долженъ быть съѣздъ, писалъ Ермоловъ аварскому хану [2]), на которомъ разсуждаемо будетъ о предпріятіяхъ, противныхъ намѣреніямъ великаго нашего государя, дабы народы Дагестана жили въ тишинѣ и спокойствіи. Есть злонамѣренный замыселъ акушинскаго народа и прочихъ обществъ сдѣлать нападеніе на владѣнія уцмія и шамхала.

«Не хотѣлъ бы я вѣрить, что братъ вашъ возмущаетъ сіи народы, но прежнее его, извѣстное мнѣ, поведеніе въ прошломъ году, явная вражда съ шамхаломъ, о которой писалъ я къ вамъ и просилъ посредства вашего для прекращенія оной, заставляютъ меня нимало въ томъ не сомнѣваться. Я, твердъ будучи въ исполненіи воли великаго императора, не прибѣгая ни къ какимъ средствамъ непріятнымъ, обращаюсь къ вамъ, какъ къ россійскому знатному чиновнику, дабы вы, по долгу званія вашего, воздержали брата вашего, который поступками своими ни вамъ не дѣластъ чести, ни себѣ не

---

[1]) Объявленіе аксаевскимъ князьямъ 28-го іюля и 5-го августа. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, №№ 942 и 943.

[2]) Въ письмѣ отъ 24-го іюля 1818 г. Тамъ же, № 45.

приноситъ пользы, и, возмущая народъ акушинскій, обязавшійся не предпринимать ничего вреднаго, призоветъ на него справедливое наказаніе, котораго, конечно, онъ первый не захочетъ раздѣлить съ ними тягость.

«Не приличествуетъ мнѣ дѣлать угрозы, и я въ томъ нужды не имѣю, также ни хвастать средствами моими, но я отдаю на собственное разсужденіе вашего превосходительства, могу ли я, имѣя по волѣ великаго моего государя и власть, и силу, допустить, чтобы нанесли оскорбленіе вѣрноподданнымъ его, и чтобы я оставилъ то безъ примѣрнаго наказанія? Могу ли я потерпѣть своевольства такого человѣка, котораго я потому только знаю, что онъ имѣетъ честь быть братомъ вашимъ, и который *развѣ бы низкими и подлыми сплетнями и происками могъ сдѣлаться извѣстнымъ?*

«Простите откровенности моей, но такъ всегда говорю я съ моими пріятелями и *противъ нихъ не умѣю быть не только слабъ, ниже излишне снисходителенъ*».

Аварскій ханъ старался увѣрить Ермолова, что онъ преданъ Россіи, и, желая отвлечь всякое подозрѣніе въ соучастіи съ злоумышленниками, сообщалъ какъ новость, что Нуръ-Магометъ собирается съ лезгинами на помощь чеченцамъ. Главнокомандующій отвѣчалъ, что не только знаетъ о намѣреніяхъ Нуръ-Магомета, но давно прогналъ уже его въ горы.

«Какъ новый въ здѣшнемъ краѣ начальникъ, писалъ Ермоловъ аварскому хану [1]), не зная хорошо лезгинъ, имѣлъ я къ нимъ нѣсколько еще уваженія, но теперь достойный Нуръ-Магометъ меня съ ними нѣсколько познакомилъ, и я вижу, что болѣе подлѣйшихъ трусовъ нѣтъ на свѣтѣ..... Подданные вашего превосходительства были также съ Нуръ-Магометомъ; хочу вѣрить, что о томъ вы не знали или не имѣли власти, чтобы удержать ихъ, но увѣряю васъ, что за то ни мало не сержусь».

Убѣждая аварскаго хана не принимать участія въ совѣщаніяхъ горцевъ и уговорить своего брата Хасанъ-хана не возмущать акушинцевъ, Ермоловъ въ то же время предупреждалъ и союзника ихъ Асланъ-хана кюринскаго, что поступки его извѣстны; что при немъ

[1]) Въ письмѣ отъ 18-го августа 1818 г.

находится множество бѣглыхъ изъ разныхъ владѣній, и что онъ мало заботится объ удержаніи жителей своего ханства отъ грабежа и воровства въ кубинскихъ и дербентскихъ границахъ [1]). Алексѣй Петровичъ совѣтовалъ Асланъ-хану разсудить, не приличнѣе ли ему будетъ окружить себя людьми вѣрными, а не хищниками.

Знаете, ваше высокостепенство, говорилъ ему главнокомандующій, что если я возьмусь по своимъ правиламъ васъ воздерживать, то вамъ будетъ очень непріятно, а подвластные ваши, увидя, что вы ихъ защитить не въ силахъ, потеряютъ къ вамъ уваженіе.

Дагестанцы не оставляли, однако, своихъ намѣреній и приготовлялись, вмѣстѣ съ чеченцами, отстаивать свою стѣсненную независимость. Шихъ-Али-ханъ изъ Акуши отправилъ своихъ посланныхъ къ Абдулъ-беку эрсинскому, приглашая его въ собраніе и предлагая принять на себя возбужденіе табасаранскаго народа къ возстанію. Аварскій Ахметъ-ханъ отправилъ большую партію лезгиновъ въ помощь чеченцамъ и заготовлялъ на долгое время запасы соли изъ тарковскихъ озеръ, не встрѣчая въ томъ препятствія со стороны шамхала. Желая имѣть первенство въ Дагестанѣ, шамхалъ, видя свою слабость надъ подданными, думалъ подобными средствами задобрить народы Дагестана [2]).

Пользуясь такою неопредѣленностію поведенія шамхала, дагестанцы принуждали его прервать сообщеніе между Дербентомъ и линіею, а когда тотъ отказался, то склоняли на свою сторону его зятя, обѣщая возвести въ званіе шамхала и предоставить ему всѣ владѣнія, кромѣ города Тарки. Склоняли на свою сторону и уцмія, грозя ему, въ случаѣ упорства, избрать на это достоинство одного изъ бѣглыхъ его родственниковъ, жившихъ у аварскаго султана [3]).

Этой угрозы было совершенно достаточно, чтобы шамхалъ тарковскій и умцій каракайтагскій оба просили нашей защиты. Ермоловъ обѣщалъ оградить ихъ отъ всякихъ покушеній непріятеля и просилъ не ѣздить въ собраніе горскихъ народовъ. Адиль-хану,

---

[1]) Письмо Ермолова Асланъ-хану кюринскому, отъ 24-го іюля 1818 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 79.

[2]) Рапортъ ген. Пестеля Вельяминову 1-му, отъ 10-го августа, № 753.

[3]) Отношеніе Ермолова князю Волконскому, 15-го декабря, № 40.

уцмію каракайтагскому, прощено все прошедшее, если онъ останется вѣрнымъ Россіи и единодушнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ съ шамхаломъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ для удержанія въ страхѣ дагестанцевъ Ермоловъ приказалъ остановить выдачу жалованья аварскому хану и произвести диверсію противъ акушинцевъ, какъ народа, наиболѣе сильнаго въ Дагестанѣ. Съ этою цѣлью генералъ-маіоръ Пестель получилъ предписаніе взять два баталіона, шесть орудій и выступить изъ г. Кубы къ урочищу Дарбахъ (Дарвахъ), а если найдетъ мѣсто болѣе удобное для лагеря, то и ближе къ селен. Башлы.

«Въ семъ положеніи, писалъ Ермоловъ генералу Пестелю [1]), заставьте акушинскій народъ помышлять о собственной защитѣ, и они оставятъ мысль нападенія на уцмія или шамхала. Асланъ-хану кюринскому объявите приказаніе мое, чтобы онъ находился въ лагерѣ, съ своею конницею. Возьмите также часть оной изъ г. Кубы и даже изъ Дербента и къ сей послѣдней не имѣйте ни малѣйшаго довѣрія. Скройте въ непроницаемой тайнѣ точное назначеніе войскъ, и чтобы изъ самаго лагеря, въ которомъ остановитесь, всегда ожидали выступленія вашего далѣе. Возьмите къ себѣ бековъ, которыхъ аварскій ханъ возвратилъ въ Каракайтагъ, и удержите ихъ въ Дербентѣ подъ присмотромъ, подъ предлогомъ, чтобы уцмій чего нибудь противъ нихъ не предпринялъ. Возьмите подъ покровительство свое Султанъ-Ахмеда, племянника умція, жившаго въ прошломъ году въ Дербентѣ, и объявите ему тайно, что онъ на содержаніе будетъ получать отъ меня пенсію. Уцмій получитъ отъ того большую въ народѣ власть, который, видя наше ему покровительство, будетъ опасаться вдаться въ согласные съ акушинцами противъ него замыслы, и сія его въ народѣ власть на сей разъ намъ весьма полезна. По прибытіи въ лагерь, чрезъ нѣкоторое время потребуйте отъ шамхала (такъ, чтобы извѣстно было въ горахъ), чтобы онъ старался приготовить провіанта на 3,000 человѣкъ, ищущихъ въ Дагестанъ войскъ. Ему извѣстно будетъ, что онъ долженъ отозваться невозможностью».

---

[1]) Въ предписаніи отъ 24-го іюля 1818 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 4.

Требуя отъ акушинцевъ, даргинцевъ и цудахаринскаго общества аманатовъ, Ермоловъ писалъ имъ [1]):

«Дошло до свѣдѣнія моего черезъ вѣрныхъ чиновниковъ моихъ, что вы, въ несправедливой злобѣ вашей, намѣреваетесь сдѣлать нападеніе на землю вѣрноподданныхъ моего государя и грозите уцмію и шамхалу.

«Васъ обманываютъ обѣщаніемъ добычи и выгодъ, но вы ничего имѣть не будете. Васъ обманываютъ хитрые и коварные люди, и, за собственную вражду свою, хотятъ употребить васъ для наказанія своихъ непріятелей. Два года, какъ по волѣ великаго моего государя, начальствую я въ обширныхъ странахъ сихъ, и столько же времени не испытали вы ни малѣйшаго неудовольствія, и теперь еще хочу я дать вамъ пріязненный совѣтъ мой, которому послѣдуйте для пользы вашей.

«Довольствуйтесь великодушнымъ россійскаго правительства къ вамъ расположеніемъ, которое уважаетъ вѣру вашу, не нарушаетъ ваши обычаи, не касается вашей собственности и ничего отъ васъ не требуетъ. Но знайте, что оскорбленіе и вредъ, нанесенные вѣрноподданнымъ великаго государя, *наказываются строго и отмщеваются до конца!* Если что нибудь дерзнете вы предпринять противъ уцмія и шамхала, я предупреждаю, что побѣдоносныя войска государя императора явятся среди жилищъ, *а вамъ останется одно безчестное средство—бѣгство въ горы, или за наглый поступокъ вашъ заплатите всѣмъ вашимъ имуществомъ.* Коварные люди, подающіе вамъ пагубные совѣты, первые оставятъ васъ и даже гибели вашей съ вами не раздѣлятъ.

«Не забывайте, народы, что въ рукахъ моихъ есть обѣщаніе ваше, что вы ничего не предпримете противнаго пользамъ Россіи. Можетъ быть, не воздержу я васъ моимъ совѣтомъ, но я исполнилъ долгъ мой, васъ предупредивъ, *и сколько бы уважалъ васъ спокойными и кроткими, столько страшно буду наказывать дерзкихъ и своевольныхъ. Остерегитесь!*»

Сурхай-хана казикумухскаго главнокомандующій также пред-

---

[1]) Объявленіе обществамъ народовъ акушинскаго, даргинскаго и цудахаринскаго отъ 24-го іюля 1818 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 78.

упреждалъ, что участіе его въ совѣтахъ съ горцами извѣстно, и совѣтовалъ ему остерегаться отъ поступковъ, которые могутъ привести на память прежнее его поведеніе. «Вспомните лѣта ваши и достоинство, писалъ ему Алексѣй Петровичъ [1]), и вы согласитесь со мною, что, конечно, приличествуетъ чести извѣстнаго человѣка окончить дни свои въ почтеніи и уваженіи. Сихъ чувствъ достигаютъ одними добрыми дѣлами. Не пренебрегайте дружескаго моего совѣта и не заставьте меня принять на себя трудъ дать вамъ лично о томъ наставленіе».

Ермоловъ просилъ Сурхая употребить всѣ мѣры, чтобы слѣдующіе его совѣтамъ народы не дерзали наносить вреда вѣрноподданнымъ русскаго императора, и сообщилъ, что скоро надѣется самъ быть въ Дагестанѣ и имѣетъ нужду лично видѣться съ нимъ.

Сурхай-ханъ, а съ нимъ вмѣстѣ и прочіе коноводы не оставляли своихъ намѣреній. Акушинцы и даргинцы отказались выдать аманатовъ, и на просьбу генералъ-маіора Пестеля, чтобы аварскій ханъ уговорилъ ихъ исполнить наше требованіе, Ахмедъ отвѣчалъ, что они на то не соглашаются, но даютъ присягу, что никакого вреда дѣлать не будутъ. Съ этимъ извѣстіемъ ханъ отправилъ своего посланнаго въ Тифлисъ и при этомъ писалъ главнокомандующему, что братъ его, Хасанъ-ханъ дженгутайскій, готовъ вступить въ подданство Россіи, но желаетъ знать, какія будутъ ему за то милости отъ императора.

Великій государь мой, отвѣчалъ Ермоловъ, не покупаетъ подданныхъ милостями и наградами, а щедро даетъ имъ тогда, когда видитъ усердіе и вѣрность ему служащихъ, а потому должно тѣ милости прежде заслужить, а потомъ уже просить ихъ.

«Я брата вашего, писалъ Ермоловъ аварскому хану [2]), и другихъ подобныхъ ему бековъ не разумѣю иначе, какъ или подданныхъ моего великаго государя, или какъ непріятелей русскихъ. Я и въ томъ, и другомъ случаѣ знаю, какъ мнѣ поступать надлежитъ.

---

[1]) Въ письмѣ отъ 24-го іюля 1818 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 78.

[2]) Въ письмѣ отъ 17-го сентября 1818 года. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 48.

Прошу ваше превосходительство сказать мнѣ: тѣмъ или другимъ онъ быть избираетъ?»

Что касается до того, что акушинцы и драгинцы обѣщали не дѣлать вреда, то Ермоловъ одобрилъ ихъ намѣреніе и благодарилъ аварскаго хана за посредничество, «но какъ вы, прибавлялъ главнокомандующій [1]), упоминаете о существующихъ въ Дагестанѣ обыкновеніяхъ, то и я долженъ вамъ сказать о моемъ обыкновеніи.

«Я когда что требую, то никогда уже того не перемѣняю. Аманаты отъ даргинскаго народа мнѣ надобны, и я ихъ имѣть буду, и присягу они дать должны. Можетъ быть, *хотятъ они имѣть войска великаго государя моего свидѣтелями оной, то и въ сей чести я имъ не откажу.*

«Не увѣряйте меня, что подданные ваши не приходили на помощь чеченцамъ: они были; но я вѣрю, что вы, какъ вѣрноподданный государю императору, *о томъ, конечно, не знали или удержать ихъ не имѣли власти*».

Наступившая осень не дозволяла Ермолову двинуться въ Дагестанъ, и потому онъ ограничился одною угрозою аварскому хану, но поручилъ Пестелю настаивать на выдачѣ аманатовъ отъ акушинцевъ и даргинцевъ и безъ полученія ихъ не дѣлать ни одного шага назадъ. «Prenez garde, писалъ ему Ермоловъ [2]), de partir sans avoir pris des otages; les peuples ignorants et gâtés par notre faiblesse croiront pouvoir toujours se soustraire à ce que nous exigeons d'eux». Для лучшаго успѣха въ своихъ требованіяхъ Пестель долженъ былъ распустить слухъ, что онъ идетъ на встрѣчу отряду, который скоро прибудетъ съ Кавказской линіи для того, чтобы зимовать въ Дагестанѣ. Самъ Ермоловъ намѣренъ былъ, по окончаніи главнѣйшихъ построекъ въ крѣпости Грозной, около 12—15 чиселъ октября отправить отрядъ въ Аксай съ тою цѣлью, чтобы акушинцы приняли это за движеніе въ Дагестанъ.

Пестель повторилъ требованіе о выдачѣ аманатовъ и грозилъ въ случаѣ отказа взять ихъ силою. Распространившіеся слухи о ско-

[1]) Въ письмѣ Ахмедъ-хану отъ 17-го сентября 1818 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 49.

[2]) Письмо Ермолова Пестелю, отъ 29-го августа 1818 г. Тамъ же, ч. I, № 1195.

ромъ прибытіи значительнаго русскаго отряда заставили горцевъ, для отвращенія грозившей имъ опасности, затянуть время въ переговорахъ до наступленія зимы, когда горы, покрытыя снѣгомъ, были трудно проходимы. Аварскій ханъ вторично отправилъ посланнаго съ письмомъ къ главнокомандующему, въ которомъ писалъ, что братъ его Хасанъ-ханъ всегда былъ и желаетъ быть подданнымъ русскаго императора, и чтобы рельефнѣе выставить свою вѣрность, сообщалъ, будто бы акушинцы и даргинцы пошли на помощь кайтагцамъ.

«Противъ кого? спрашивалъ Ермоловъ [1]). Россійскія войска не нападаютъ на кайтагцевъ, ибо они подданные императора. Если противъ русскихъ, то я приказалъ уже прогнать сихъ взбунтовавшихся мошенниковъ, измѣняющихъ данной ими присягѣ. Они, какъ вы говорите, просятъ васъ сдѣлать согласіе между ними и генераломъ Пестелемъ. Это весьма легко: надобно дать ему аманатовъ, которыхъ не онъ требуетъ, а я. Надобно ихъ дать теперь, или послѣ будетъ уже поздно. *Если нѣтъ—постигнетъ мошенниковъ наказаніе, а вашему превосходительству, какъ другу ихъ, доставлю я удовольствіе дать имъ у себя въ горахъ убѣжище.* Земли ихъ займу храбрыми государя моего войсками. *Аманатовъ—или разореніе!*»

Названный *другомъ мошенниковъ*, аварскій ханъ долженъ былъ понять, что ему не удалось обмануть главнокомандующаго, видѣвшаго его двуличное поведеніе, и Ахмедъ-ханъ принужденъ былъ разочароваться въ томъ, что русское правительство смотритъ на него, какъ на человѣка необходимаго, безъ посредства котораго невозможно склонить горцевъ ни къ выдачѣ аманатовъ, ни къ прекращенію непріязненныхъ дѣйствій. Опасаясь наказанія и вѣря безусловно въ распространившіеся слухи о движеніи значительнаго отряда русскихъ войскъ въ Дагестанъ, аварскій ханъ собиралъ подъ свои знамена дагестанцевъ, обѣщая имъ истребить наши войска, дать горцамъ полную свободу и изгнать русскихъ. Шихъ-Али-ханъ составилъ себѣ отрядъ изъ акушинцевъ. Абдула-бекъ эрсинскій формиро-

[1]) Аварскаго хана въ письмѣ отъ 11-го октября 1818 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 50.

валъ свою толпу изъ Табасарани. Уцмій каракайтагскій колебался, по считалъ на этотъ разъ болѣе для себя выгоднымъ держать сторону шамхала, который одинъ оставался вѣрнымъ Россіи. Въ Дагестанѣ образовались, такимъ образомъ, двѣ партіи: съ одной стороны шамхалъ и уцмій, съ другой—всѣ остальные владѣльцы и народы Дагестана. Уцмій хотя и искалъ поддержки въ русскомъ правительствѣ, но не потому, чтобы былъ преданъ ему, а потому, что опасался своихъ противниковъ [1]).

Для содержанія Дагестана въ спокойномъ состояніи, необходимо было держать одну партію въ страхѣ, другой внушить осторожность. Достигнуть этого можно было только усиленіемъ незначительнаго отряда, тамъ бывшаго. Но какъ сдѣлать это, не ослабляя обороны въ другихъ пунктахъ? Ермоловъ находился точно въ такомъ же положеніи, какъ и всѣ его предшественники. Пространство охраняемой земли было несоразмѣрно велико съ числомъ разбросанныхъ на ней войскъ, дѣйствія которыхъ не всегда могли отвѣтствовать «*достоинству оружія*». Конечно, сосредоточивъ всѣ войска, расположенныя на линіи, въ одномъ пунктѣ, мы имѣли бы такую массу, которая легко могла противиться совокупному нападенію горскихъ народовъ, вмѣстѣ съ ихъ сосѣдями. Но тѣ же войска, растянутыя въ нитку, не могли внушить такого опасенія для горцевъ.

Въ отдѣльномъ грузинскомъ корпусѣ былъ значительный недостатокъ въ людяхъ. Къ 10-му числу октября 1818 года въ однихъ только регулярныхъ войскахъ недоставало 8,408 человѣкъ, а на пополненіе этого недостатка назначено было лишь 8,000 рекрутъ, которые ранѣе апрѣля слѣдующаго года прибыть не могли. Убыль въ корпусѣ простиралась среднимъ числомъ до 500 человѣкъ въ мѣсяцъ; слѣдовательно, къ апрѣлю некомплектъ въ людяхъ долженъ былъ дойти до значительной цифры—11,408 человѣкъ. Наконецъ, въ самыхъ рекрутскихъ партіяхъ также можно было ожидать убыли, и потому для укомплектованія войскъ необходимо было назначить, по крайней мѣрѣ, 12,000 рекрутъ, о присылкѣ которыхъ и просилъ главнокомандующій [2]).

---

[1]) Впослѣдствіи, когда опасность миновала, онъ не затруднился измѣною.

[2]) Отношеніе Ермолова дежурному генералу Закревскому, 11-го декабря 1818 г., № 1216.

Пока армія была не укомплектована, главнокомандующему по необходимости приходилось отказываться отъ наступательныхъ дѣйствій и заботиться единственно объ оборонѣ собственныхъ границъ, часто весьма слабо защищаемыхъ отъ нападенія.

Идея о томъ, что дикіе горскіе народы слѣдуетъ смирять кротостью и снисхожденіемъ, оказывалась несостоятельною; кротость принималась за слабость, снисхожденіе—за недостатокъ военныхъ способовъ. Точно также несостоятельно было и то мнѣніе, что ослаблять воинственность и хищничество горцевъ лучше всего размноженіемъ роскоши, прихотей, нуждъ и потребностей, стараясь облегчать только съ нашей стороны средства къ удовлетворенію ими.

«Я хорошо знаю это правило», писалъ Ермоловъ [1]), «но со тщаніемъ различаю, кому изъ народовъ оно приличествовать можетъ и другаго употреблять не должно, а кому надобно прежде дать чувствовать могущество наше и потомъ дозволить воспользоваться великодушіемъ правительства. Здѣсь равно вредны: какъ сила, неумѣстно употребленная, такъ и кротость, безъ приличія оказанная, ибо первая уничтожаетъ довѣренность, послѣдняя пріемлется въ видѣ недостатка силъ и, поощряя къ дерзости, заставляетъ впослѣдствіи прибѣгать къ напряженію средствъ въ бо́льшей степени, нежели каковыя вначалѣ потребны были».

Одобряя въ главныхъ основаніяхъ мысль Ермолова, императоръ Александръ просилъ, однако, приложить все стараніе къ сохраненію мира, «ибо войны государю императору ни подъ какимъ предлогомъ не угодно [2])».

Не смотря на то, что въ Петербургѣ смотрѣли, напримѣръ, на чеченцевъ какъ на отдѣльное, самостоятельное государство, съ которымъ можно заключать мирные трактаты и условія, свято исполняемыя съ обѣихъ сторонъ [3]), Ермоловъ вынужденъ былъ обстоятельствами уклониться отъ исполненія миролюбивыхъ желаній императора.

Коварство и обманъ жителей, собраніе горцевъ въ разныхъ пунк-

---

[1]) Начальнику главнаго штаба князю Волконскому, 10-го августа, № 23.

[2]) Отношеніе князя Волконскаго Ермолову, 30-го сентября, № 366.

[3]) Отношеніе князя Волконскаго Ермолову, 13-го марта 1819 г., № 405.

тахъ, съ цѣлью открыть непріязненныя дѣйствія, заставили генерала Пестеля занять городъ Башлы, принадлежавшій уцмію, но жители котораго мало ему повиновались. Занятіе этого пункта было огромною ошибкою съ нашей стороны. Слабый отрядъ очутился среди многолюднаго города, среди неблагонамѣренныхъ жителей и въ мѣстоположеніи самомъ невыгодномъ. Русскія войска расположились въ тѣсныхъ улицахъ города, окруженнаго лѣсами и господствующими крутыми возвышеніями. Горцы, не осмѣливавшіеся встрѣтиться съ нами въ полѣ, рѣшились теперь воспользоваться невыгодами нашего расположенія. Акушинцы и прочіе народы Дагестана быстро шли на помощь каракайтагцамъ. Старшины по всѣмъ деревнямъ проповѣдывали возстаніе и набирали конно-вооруженныхъ жителей.

Вступивъ въ Башлы и какъ бы не сознавая опасности, генералъ Пестель, имѣя уже аманатовъ отъ башлинцевъ, потребовалъ ихъ отъ акушинцевъ и даргинцевъ. Вмѣсто отвѣта, народы эти, собравшись въ числѣ 20,000 человѣкъ, появились въ виду города, въ которомъ находилось не болѣе 2,000 человѣкъ русскаго гарнизона [1]). Толпами горцевъ предводительствовали: аварскій ханъ, братъ его Хасанъ-ханъ и Шихъ-Али-ханъ. Здѣсь были акушинцы, даргинцы, каракайтагцы, табасаранцы и зять шамхала тарковскаго съ своею толпою, котораго горцы обѣщали возвести въ достоинство шамхала. Въ короткое время возсталъ весь Дагестанъ. Одинъ только Мегди-шамхалъ и городъ Тарки, гдѣ онъ жилъ, остались вѣрными Россіи.

Въ два часа пополудни, 23-го октября, непріятель появился на высотахъ и въ ущельяхъ, а вслѣдъ затѣмъ атаковалъ нѣкоторыя укрѣпленія. Пестель не принялъ никакихъ мѣръ противъ нечаяннаго нападенія. Находясь съ самаго ранняго утра въ веселомъ расположеніи духа и проводя день въ самомъ оскорбительномъ для населенія распутствѣ, генералъ Пестель не видѣлъ, что совершалось вокругъ него, не замѣчалъ, что жители вывозятъ свои семейства, имущество и имѣютъ открытое сношеніе съ непріятелемъ. Войска наши не ожидали нападенія и были застигнуты врасплохъ. Пестель заперся въ замкѣ и, оказавшись «робкимъ», не дѣлалъ никакихъ рас-

[1]) Отношеніе Ермолова генералъ-маіору Дельпоццо, 3-го декабря 1818 г., № 1177.

поряженій. Одна распорядительность артиллеріи подполковника Мищенко и Севастопольскаго полка маіора Износкова, успѣвшихъ собрать возлѣ себя часть отряда, спасли его отъ конечной гибели.

Большая часть солдатъ, разбросанныхъ по всему городу, не успѣли соединиться съ товарищами, были окружены въ домахъ многочисленнымъ непріятелемъ и дрались въ одиночку, безъ всякой связи и порядка. Сгруппировавшіеся около подполковника Мищенко и маіора Износкова солдаты заняли домъ уцмія и замокъ и отбивали отчаянныя атаки горцевъ [1]).

Слѣдующія числа, 24-е и 25-го октября, днемъ и ночью, продолжалось безпрерывное нападеніе горцевъ. Солдаты двое сутокъ не готовили пищи и защищались отъ натиска постепенно усилившагося непріятеля. Домъ уцмія и замокъ, препятствовавшій приближенію непріятеля къ городу и имѣвшій высокія стѣны, были надежнѣйшими пунктами обороны. Горцы отрядили 3,000 человѣкъ, которые начали стѣснять со всѣхъ сторонъ замокъ окопами и отняли всякую возможность къ вылазкамъ. Отчаянный фанатизмъ непріятеля дѣлалъ оборону весьма трудною. Горцы стремительно бросались на наши батареи, достигали до самыхъ орудій и падали подъ ихъ картечью. Нѣкоторые, надѣясь на свои панцыри и подъ защитою ихъ, врывались въ ряды солдатъ и умирали подъ ударами штыковъ. Храбрый маіоръ Севастопольскаго полка Износковъ, при каждой атакѣ на батарею, выдвигалъ своихъ стрѣлковъ «и закрывалъ ихъ валомъ изъ непріятельскихъ тѣлъ [2])».

Видя, что открытаго нападенія недостаточно для того, чтобы принудить русскихъ очистить Башлы, что нельзя даже заставить орудія перемѣнить мѣсто, горцы окружили со всѣхъ сторонъ городъ и стали окапываться. Башлинцы оставались спокойными только до тѣхъ поръ, пока въ виду ихъ не появились толпы непріятеля. Обязавшись клятвою быть вѣрными, выдавъ аманатовъ, помогая намъ строить укрѣпленія, они сначала даже взяли на себя защиту части этихъ укрѣпленій. Съ появленіемъ же непріятеля, жители города Башлы

---

[1]) Рапортъ князя Мадатова генералъ-лейтенанту Вельяминова 1-му, 14-го ноября, № 377.

[2]) Отношеніе Ермолова князю Волконскому, 15-го декабря, № 40.

снабжали горцевъ порохомъ, свинцомъ и продовольствіемъ, а впослѣдствіи также открыли огонь по нашему отряду.

Дома измѣнниковъ, прилегавшіе къ тылу батареи, были заняты непріятелемъ. Генералъ Пестель вынужденъ былъ перемѣнить позицію; онъ прикрылся канавою, прорѣзывавшею городъ по всей ширинѣ его. Горцы продолжали наступать, но были опрокидываемы, а дома, въ которыхъ они засѣли, зажигаемы. Около замка лезгины были выгнаны изъ окоповъ посланными туда двумя ротами Троицкаго полка.

Временно устроенныя нами укрѣпленія были сплошь обложены тѣлами убитыхъ, но горцы не прекращали своихъ дѣйствій. Приступивъ къ устройству апрошей и закрываясь фашинами, непріятель подошелъ, вечеромъ 26-го октября, не болѣе какъ на 15 саженъ отъ нашихъ войскъ.

Трое сутокъ отрядъ оставался безъ пищи, крова и сна. Опасаясь остаться безъ продовольствія, быть отрѣзаннымъ отъ сообщенія, не ожидая ни откуда помощи и получивъ свѣдѣніе, что Шихъ-Алиханъ со своею толпою отдѣлился и двинулся къ Кубѣ, генералъ Пестель, по требованію подполковника Мищенко и маіора Износкова, оставилъ Башлы, тѣмъ болѣе, что большая часть зарядовъ и патроновъ были израсходованы. Покидая городъ, солдаты сожгли многіе дома и вышли въ открытое поле. Въ рукахъ отряда было двадцать девять аманатовъ отъ различныхъ дагестанскихъ обществъ.

Горцы, въ теченіе четырехъ съ половиною часовъ, отчаянно насѣдали на отступавшихъ, но, встрѣчаемые каждый разъ картечью, должны были отказаться отъ своего намѣренія уничтожить отрядъ, отступившій сначала къ р. Бугами (Уллу-чай), а потомъ къ Дербенту, гдѣ, по приказанію Ермолова, семнадцать аманатовъ были повѣшены, а остальные оставлены въ городѣ какъ малолѣтніе. Посланный генералъ-лейтенатомъ Вельяминовымъ разузнать о подробностяхъ происшедшаго въ Башлахъ, князь Мадатовъ, прибывъ въ Дербентъ, нашелъ отрядъ генералъ-маіора Пестеля въ самомъ печальномъ положеніи.

«Держась всегда правила, писалъ князь Мадатовъ Ермолову, не дѣлать никому изъ товарищей своихъ зла и не выставлять поступка ихъ передъ начальствомъ, но будучи одушевленъ вѣрностью и усер-

діемъ къ пользѣ службы государя императора и по особенной преданности къ особѣ вашего высокопревосходительства, не могу скрыть въ семъ случаѣ передъ вами того положенія, въ какомъ я нашелъ отрядъ генералъ-маіора Пестеля и здѣшній край.

«Хотя стыдясь, но долженъ сказать, что бѣдные воины Россіи, подъ командою его находящіеся, черезъ не дѣльное (дурное) распоряженіе въ бытность отряда въ Башлахъ потерпѣли значительную потерю въ штабъ и оберъ-офицерахъ и нижнихъ чинахъ. Потеря съ нашей стороны въ столь неважномъ дѣлѣ есть слѣдующая: 3 оберъ-офицера убитыхъ на мѣстѣ и 8 раненыхъ; сверхъ того раненъ артиллеріи подполковникъ Мищенко и болѣе 500 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ нижнихъ чиновъ [1]). Если бы не благоразумныя содѣйствія въ распоряженіи и отличная храбрость въ семъ дѣлѣ подполковника Мищенко и маіора Износкова, то навѣрно весь отрядъ долженъ былъ быть жертвою такого непріятеля, который всегда ничего не значилъ, но симъ сраженіемъ столько окураженъ, что стремительнымъ нападеніемъ заставилъ нашихъ ретироваться изъ Башловъ въ безпорядкѣ. Всѣ до одного раненаго солдата кричатъ, что погибли напрасно, и весьма ропщутъ на слабое командованіе генералъ-маіора Пестеля...

«Весь народъ здѣшній, будучи крайне недоволенъ правленіемъ генералъ-маіора Пестеля, готовъ всякую удобную минуту поднять оружіе. Ужасный ропотъ въ народѣ на несправедливые и нерезонные поступки Пестеля дошелъ до меня въ самомъ началѣ въѣзда моего въ здѣшнія провинціи, который (народъ) говоритъ, что ни удовлетворенія ни въ чемъ не видитъ и даже ни одного ласковаго слова отъ Пестеля, а слышитъ одни лишь только всегдашнія повторенія его: «*прикажу повѣсить*». Народъ съ нетерпѣніемъ желаетъ видѣть скорѣе ваше высокопревосходительство и излить въ милостивое и справедливое благоусмотрѣніе ваше всѣ обиды, имъ претерпѣваемыя, и угнетенія, каковыхъ онъ не видывалъ съ самаго начала подданства Россіи. Я твердо увѣренъ, что ваше высокопревосходи-

[1]) Въ рапортѣ генералу Вельяминову 1-му, отъ 30-го октября 1818 г., № 1221, и главнокомандующему, 31 октября, № 1224, генералъ Пестель показалъ убитыми 3-хъ офицеровъ и 137 нижнихъ чиновъ, ранеными 9 офицеровъ и 269 нижнихъ чиновъ.

тельство безъ всякаго оружія приведете въ покорность не только подвѣдомственный народъ, но и тотъ, который дерется съ нами, будучи вынужденъ къ тому разными причинами. Я долженъ признаться, что не могу всего того описать, что мнѣ извѣстно. Здѣсь я усерднѣйше прошу ускорить своимъ прибытіемъ сюда и тогда увидѣть изволите, что все изложенное мною справедливо [1])».

XIV.

Послѣдствія сраженія при г. Баплахъ.—Отношенія Персіи къ Россіи.—Мнѣніе шаха о чеченцахъ.—Поведеніе ширванскаго и карабагскаго хановъ.—Переписка Ермолова съ ханомъ ширванскимъ.—Экспедиція главнокомандующаго въ Дженгутай.—Занятіе селеній Параула и Баплы.—Мѣры къ умиротворенію Дагестана.

Отступленіе генералъ-маіора Пестеля изъ г. Башлы было принято горцами за полную побѣду, одержанную ими надъ русскими войсками. Дагестанъ ликовалъ, и гонцы разныхъ обществъ появились въ кавказскихъ мусульманскихъ провинціяхъ съ извѣстіемъ объ изгнаніи русскихъ. При легковѣріи туземцевъ, при неустановившемся среди нихъ понятіи о долгѣ и обязанностяхъ вѣрноподданныхъ, при малой преданности къ Россіи хановъ и правителей разныхъ областей, извѣстіе это могло вызвать всеобщее возстаніе, тѣмъ болѣе, что первое время Ермоловъ получалъ самыя непріятныя извѣстія изъ Закавказья. Хотя извѣстія эти впослѣдствіи оказались во многомъ преувеличенными, тѣмъ не менѣе они имѣли весьма большое вліяніе на состояніе дѣлъ и дѣйствія наши въ Дагестанѣ.

Происки персіянъ, старавшихся поднять противъ Россіи все мусульманское населеніе, и разсказы объ успѣхахъ дагестанцевъ, доведенные до полной побѣды, могли поставить русскую власть въ самое затруднительное положеніе. Зная о волненіяхъ въ Дагестанѣ и поддерживая ихъ, персидское правительство старалось вмѣстѣ съ

[1]) Письмо кн. Мадатова Ермолову безъ мѣсяца и числа. Изъ собранія писемъ князя Мадатова.

тѣмъ поколебать вѣрность къ Россіи и въ другихъ пограничныхъ ханахъ и владѣльцахъ.

Еще въ мартѣ 1818 г. штабсъ-капитанъ князь Бебутовъ доносилъ, что, во время его пребыванія въ Тавризѣ, сеидъ Мирза-Ахмедъ-шейхъ-уль-исламъ созвалъ всѣхъ жителей въ большую мечеть и говорилъ имъ рѣчь съ цѣлью возбудить ненависть къ Россіи.

— Русскіе, говорилъ онъ, пріѣзжаютъ въ Персію единственно для того, чтобы подвергнуть ее подъ иго своей власти, искоренить мухамеданскую вѣру и ввести свою; черезъ нихъ вы лишитесь отечества, женъ и дѣтей вашихъ.

Мирза-Ахмедъ уговаривалъ своихъ слушателей ненавидѣть русскихъ и бить ихъ, гдѣ бы ни встрѣтили. Персіяне вѣрили духовному наставнику, и кн. Бебутовъ, проходя по улицамъ Тавриза, слышалъ, какъ его называли невѣрнымъ и произносили неприличныя слова на счетъ русскихъ. Кн. Бебутовъ заявилъ объ этомъ Мирза-Безюргу и старался внушить ему, что подобныя проповѣди неприличны въ такомъ государствѣ, которое находится въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Россіею. На это заявленіе онъ получилъ такой отвѣтъ, котораго ожидать было невозможно.

— Ахунды и сеиды, отвѣчалъ Безюргъ, для того только учатся и пріобрѣтаютъ познанія, чтобы они были въ состояніи о чемъ нибудь говорить народу, иначе публика будетъ ими недовольна и изъявитъ свое негодованіе [1]).

Такимъ образомъ, по мнѣнію наставника Аббасъ-Мирзы, возбужденіе персіянъ противъ русскихъ было дѣломъ весьма законнымъ. Духовенство продолжало свою дѣятельность въ этомъ направленіи, и въ народѣ съ каждымъ днемъ нерасположеніе къ русскимъ усиливалось на столько, что посылка курьеровъ въ Тегеранъ становилась затруднительною. Когда, въ октябрѣ 1818 г., генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ отправилъ губернскаго секретаря Алиханова въ Тегеранъ, съ письмомъ Ермолова къ шаху, то посланный встрѣтилъ большое затрудненіе на пути. Персіяне не давали ему лошадей, а если и давали, то за очень большія деньги, требуя ихъ съ бранью и насиліемъ. Приставленный къ Алиханову мехмендарь не

[1]) Записка кн. Бебутова 1818 г., Ак. Кав. Арх. К., т. VI, ч. II, № 368.

стѣсняясь бранилъ русское правительство и порицалъ религію. Алихановъ далъ ему пощечину, а мехмендарь ударилъ его палкою по головѣ. Въ Эривани и Тавризѣ Алихановъ жаловался хану и Аббасъ-Мирзѣ на тѣ затрудненія, которыя онъ встрѣчаетъ въ пути, но тѣ не сдѣлали никакого распоряженія, а, напротивъ того, Аббасъ-Мирза приказалъ отвести ему квартиру «мало чѣмъ лучше конюшни».

— Мнѣ извѣстно, говорилъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ Аббасъ-Мирза при свиданіи съ Алихановымъ, что русскіе разбиты чеченцами и потеряли 6,000 человѣкъ.

Алихановъ представилъ всю нелѣпость подобнаго извѣстія, и персидскій принцъ принялъ видъ, что вѣритъ словамъ русскаго посланнаго.

— Видно, сказалъ онъ, меня обманули ложнымъ донесеніемъ.

На пути изъ Тавриза въ Тегеранъ, Алихановъ встрѣтилъ точно такія же затрудненія; въ столицѣ шаха была отведена квартира негодная и вонючая; продовольствоваться онъ принужденъ былъ на свои деньги, такъ какъ отъ персидскаго правительства ему отпускалось 2 чурека (лепешки), 2 луковицы, 2 ф. изюма, 2 ф. плохаго мяса и $^1/_4$ фун. сыру.

Шахъ хотя и принялъ Алиханова благосклонно, но не могъ также удержаться отъ удовольствія сообщить русскому посланному о побѣдѣ чеченцевъ и о томъ, что будто бы Дагестанъ отложился отъ повиновенія Россіи. Алихановъ старался убѣдить повелителя Персіи въ ложности слуховъ [1]).

— Положимъ, что твоя правда, замѣтилъ шахъ, но въ томъ я увѣренъ, что чеченцы за вѣру свою будутъ стоять твердо и никогда русскимъ не сдадутся.

Слова эти были высказаны съ особеннымъ удовольствіемъ, и видно было, что извѣстіе о какой-либо неудачѣ Россіи, хотя бы и ложное, было пріятно тегеранскому двору. Стараясь на каждомъ шагу повредить Россіи и не надѣясь на свои силы, персидское правительство, или, лучше сказать, Аббасъ-Мирза, которому поручены были шахомъ всѣ пограничныя дѣла, не упускалъ ни одного слу-

---

[1]) Записка извѣстіямъ, доставленнымъ г. с. Алихановымъ. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 378.

чая для пріобрѣтенія союзниковъ среди населенія областей, уступленныхъ Россіи по послѣднему трактату.

Между татарами Казахской, Борчалинской и Шамшадильской провинцій былъ распущенъ слухъ, что по вновь утвержденному положенію будетъ взиматься съ нихъ подать: съ 10 человѣкъ поселянъ по одному рекруту; съ пяти овецъ—одна; съ десяти рублей—одинъ рубль; съ десяти коровъ или быковъ—по одному и проч. [1]). Татары волновались и намѣрены были бѣжать за границу. Сдѣлавъ распоряженіе о недопущеніи ихъ къ побѣгу, Ермоловъ просилъ населеніе оставаться покойнымъ и не вѣрить всякому слуху.

«Узналъ я, писалъ онъ въ воззваніи жителямъ [2]), что неблагонамѣренные люди желаютъ нарушить спокойствіе ваше несправедливымъ истолкованіемъ правилъ, данныхъ мною на управленіе вами. Увѣряютъ васъ, что подати умножены будутъ. Не вѣрьте сему, ибо великій государь желаетъ счастья и богатства его народа, а не нищеты его. Говорятъ вамъ, что съ васъ будутъ брать солдатъ. Это есть ложь гнусная, и я васъ именемъ великаго государя нашего, какъ начальникъ, волею его надъ вами поставленный, увѣряю, что онъ намѣренія сего не имѣетъ и мнѣ не дана власть сія. Вамъ не трудно повѣрить, что государь не имѣетъ нужды дѣлать васъ солдатами; взгляните только на войска, занимающія обширныя области Грузіи, многія ханства, Дагестанъ и прочія земли,—увидите русскихъ солдатъ и не увидите между ними иноплеменныхъ. Безъ васъ много войскъ у могущественнаго императора нашего. Если нужно, столько придетъ ихъ, что вы и счесть ихъ не безъ труда можете. Живите спокойно и счастливо и не вѣрьте разглашеніямъ коварныхъ и злонамѣренныхъ людей. Скоро буду я между вами, и вы на самомъ дѣлѣ увидите, что правду говорю я вамъ».

Татары успокоились, но персіяне не остановились передъ такого рода неудачей.

Изъ добровольнаго признанія Мустафы-хана ширванскаго было извѣстно, что онъ получилъ семь писемъ отъ Аббасъ-Мирзы, которыми тотъ старался склонить хана на свою сторону. Перехвачен-

---

[1]) Рапортъ кн. Мадатова ген.-маіору Сталю, отъ 22-го мая 1818 г.

[2]) Отъ 7-го іюня 1818 г. Ак. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 1023.

ныя письма Шихъ-Али, бывшаго хана дербентскаго, и царевича Александра, указывали на непрерывное сношеніе съ ними персидскаго принца. Точно такія же сношенія происходили и съ карабагскимъ ханомъ. Посланный отъ Аббасъ-Мирзы пробрался въ Карабагъ и привезъ хану письма, наполненныя лестными выраженіями относительно преданности Мехти-Кули-хана къ персидскому правительству и заслугъ покойнаго Ибраимъ-хана. Абуль-Фетхъ, родной братъ карабагскаго хана, бѣжавшій въ Персію, писалъ ему, что онъ пользуется особымъ расположеніемъ шаха и его сына, Аббасъ-Мирзы. Первая супруга шаха, родная сестра Мехти-Кули-хана, прислала свою статсъ-даму съ большими подарками брату. Хотя ханъ принималъ всѣхъ посланныхъ съ большими знаками вниманія, но главнокомандующій не придавалъ этому особаго значенія и считалъ измѣну пока несвоевременною.

— Весьма сомнительно, говорилъ Ермоловъ, чтобы ханъ, не имѣя никакихъ неудовольствій отъ русскаго правительства, хотѣлъ промѣнять свое состояніе *на ежедневную прогулку босыми ногами по каменному помосту дворца его высочества (Аббасъ-Мирзы). Въ этомъ доселѣ не полагалъ онъ большаго счастія.*

Тѣмъ не менѣе Алексѣй Петровичъ приказалъ строго слѣдить за поведеніемъ владѣтеля Карабага. Наблюденія показали, что отступленіе Пестеля оказало нѣкоторое вліяніе на Мехти-Кули-хана; онъ сталъ колебаться, не вносилъ 8,000 червонцевъ дани, не выставилъ 54 человѣкъ карабагцевъ, назначенныхъ въ помощь казакамъ для содержанія постовъ, и на требованіе кн. Мадатова прибыть къ нему для объясненія ханъ отказался пріѣхать. По полученіи этихъ свѣдѣній, Ермоловъ приказалъ еще болѣе усилить надзоръ и въ случаѣ какого-либо явно-непріязненнаго поступка хана рѣшился удалить его изъ Карабага. «Сего хана, писалъ главнокомандующій [1]), буде внѣшнія обстоятельства благопріятствовать будутъ, отправлю я со всею роднею въ Россію». Но Мехти-Кули-ханъ не выказалъ никакого рѣзкаго поступка и лишь втайнѣ переписывался съ Мустафою-ханомъ ширванскимъ, склоняя его на свою сторону. Отвѣтъ Мустафы не

[1]) Графу Нессельроде, 10-го іюля 1818 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 361.

былъ извѣстенъ, но князь Мадатовъ надѣялся узнать содержаніе его при личномъ объѣздѣ и обозрѣніи ханствъ Шекинскаго и Ширванскаго.

Въ Ширванскомъ ханствѣ населеніе, по религіозному различію, было враждебно персіянамъ и находилось въ крайнемъ порабощеніи у бековъ, которымъ Мустафа предоставилъ полную власть и свободу дѣйствій. Народъ и хотѣлъ бы заявить о притѣсненіяхъ русскому правительству, но страшился Мустафы, помня поступокъ Ртищева съ шекинцами, жаловавшимися на своего хана. Мустафа былъ зятемъ Сурхай-хана казикумухскаго, слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ въ Дагестанѣ и тѣмъ навлекалъ на себя подозрѣніе. У Мустафы-хана было два явные врага: родной братъ Хашимъ-ханъ, жившій въ Талыши, и двоюродный братъ Касимъ-ханъ, находившійся въ Дагестанѣ. Оба они употребляли всѣ средства къ тому, чтобы повредить Мустафѣ въ глазахъ русскаго правительства. Въ половинѣ августа сторонники Хашимъ-хана, по его наущенію, сообщили въ Тифлисъ, что Мустафа очень часто посылаетъ людей своихъ въ Тавризъ съ ястребами въ подарокъ Аббасъ-Мирзѣ и чиновникамъ, дворъ его составляющимъ. По словамъ тѣхъ же лицъ, посланные хана имѣли между прочимъ порученіе доложить принцу, что если онъ хочетъ спасти хана и оказать помощь къ переходу его въ Персію, то чтобы пользовался отсутствіемъ главнокомандующаго изъ Грузіи и пребываніемъ его на линіи.

Вслѣдъ затѣмъ было получено и изъ Ширвана донесеніе пристава при ханѣ, маіора кн. Баратова, который писалъ, что скрываясь на Фитъ-дагѣ, Мустафа собиралъ ополченіе, торопился исправить и поставить на лафеты 5 пушекъ и два фальконета, которые до того времени были зарыты въ землѣ. Кн. Баратовъ доносилъ, что ханъ запретилъ своимъ подвластнымъ спуститься съ горъ, и хотя время къ тому наступило, но онъ не назначилъ срока, послѣ котораго ширванцы могли бы возвратиться въ свои жилища; что, по секретному призыву Мустафы, прибыли къ нему 300 человѣкъ лезгинъ, вызванныхъ изъ Дагестана, и собраны были со всѣхъ деревень кевхи и другіе начальники. Ханъ приказалъ имъ, чтобы жители какъ можно скорѣе убирали съ полей хлѣбъ, дабы при пере-

мѣнѣ обстоятельствъ хлѣбъ ихъ не пропалъ, т. е. не достался русскимъ войскамъ.

— Для чего генералъ-маіоръ Пестель, говорилъ Мустафа маіору кн. Баратову, имѣетъ сношеніе съ находящимся въ Дагестанѣ братомъ моимъ Касимъ-ханомъ; для чего собираетъ войска къ выступленію въ походъ и не желаетъ ли онъ возстановить въ Ширвани брата, а меня куда-либо сослать [1])?

— Напрасно вы, отвѣчалъ кн. Баратовъ, безпокоитесь ложными слухами, разсѣваемыми неблагонамѣренными людьми: русское правительство и не думаетъ замѣнять васъ кѣмъ-либо другимъ.

— Увидимъ, замѣтилъ Мустафа, кто тогда выиграетъ.

Остававшійся за отсутствіемъ Ермолова главнымъ начальникомъ въ Закавказьѣ, генералъ Вельяминовъ, не зная о враждѣ, существующей между братьями, и довѣряя донесеніямъ кн. Баратова, полагалъ, что Мустафа намѣренъ былъ бѣжать съ собраннымъ имъ ополченіемъ въ Персію, и потому, чтобы противопоставить ему преграду къ побѣгу черезъ Муганскую степь, приказалъ занять войсками всѣ переправы черезъ р. Куру. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ въ Ширвань кн. Мадатова съ порученіемъ ближе познакомиться съ положеніемъ дѣлъ и разузнать, съ какою цѣлью ханъ собираетъ войска [2]). По первымъ извѣстіямъ, собраннымъ кн. Мадатовымъ на мѣстѣ, оказалось, что Мустафа сталъ собирать войска при началѣ движенія Пестеля изъ г. Кубы, предполагая, что отрядъ этотъ направленъ противъ него.

«Если бы россійское правительство, писалъ Вельяминовъ Мустафѣ-хану [3]), имѣло въ намѣреніи что-либо предпринять противъ васъ, то тогда войска, нынѣ выступившія изъ Кубинской провинціи, пошли бы не къ Дербенту и далѣе, а прямо въ Ширванское ханство, и притомъ вошли бы въ оное тогда, какъ вы о томъ и не помышляли бы».

Вельяминовъ просилъ хана успокоиться и распустить свое опол-

---

[1]) Рапортъ генералъ-лейтенанта Вельяминова Ермолову, 28-го августа 1818 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 1193.

[2]) Рапортъ генералъ-лейтенанта Вельяминова Ермолову, 26-го августа 1818 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 1191.

[3]) Въ письмѣ отъ 25-го августа 1818 г. Тамъ же, № 1192.

ченіе. Съ другой стороны, главнокомандующій отправилъ къ Мустафѣ рѣзкое и угрожающее письмо.

«Вашему превосходительству, писалъ Ермоловъ [1]), должно бы со мною поступать чистосердечно, ибо я постояненъ въ дружбѣ, которую я обѣщалъ; но вы не увѣдомляете меня, что въ ханствѣ вашемъ нѣкоторые жители вооружаются по приказанію вашему, и что вы приглашаете къ себѣ лезгинъ. О чемъ должно мнѣ дать знать какъ главнокомандующему и какъ пріятелю, ибо я обязанъ отвѣтствовать передъ великимъ государемъ нашимъ, если не защищу вѣрныхъ его подданныхъ, а вамъ, какъ пріятель, сверхъ того долженъ придти на помощь. Скажите мнѣ, кто смѣетъ быть вашимъ непріятелемъ, когда россійскій императоръ удостоиваетъ васъ своего высокаго благоволенія?

«Не хотя (не желая) въ ожиданіи отвѣта вашего потерять время быть вамъ полезнымъ, я теперь же далъ приказаніе генералъ-лейтенанту Вельяминову, по разсмотрѣнію его, отправить войска и артиллерію въ ханство, вашимъ превосходительствомъ управляемое, къ вамъ на помощь. Такъ пріятельски и всегда поступать я буду, и если нужно, то не почту въ трудъ и самъ пріѣхать, дабы доказать, каковъ я пріятелямъ и каковъ буду противъ враговъ нашихъ».

Получивъ это письмо, подозрительный Мустафа-ханъ не зналъ, что ему дѣлать, но Мадатовъ вывелъ его изъ того ложнаго положенія, въ которое ханъ былъ поставленъ. Прибывъ въ Ширвань и познакомившись съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, князь Мадатовъ убѣдился, что Мустафа оклеветанъ своими врагами. Во всемъ Ширванскомъ ханствѣ было не болѣе 20 человѣкъ лезгинъ, пріѣхавшихъ по своимъ дѣламъ; ханъ не дѣлалъ никакихъ военныхъ приготовленій, никого не посылалъ въ Персію, и князь Баратовъ по своему легковѣрію составилъ ложное донесеніе, основанное на слухахъ. Объ этомъ донесеніи Мустафа не подозрѣвалъ и узналъ только отъ кн. Мадатова [2]).

— Если бы я и былъ увѣренъ, говорилъ ханъ, что съ пятью

---

[1]) Ак. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 1196.

[2]) Рапорты Мадатова Вельяминову, 9-го сентября, №№ 313 и 314. См. Акты Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 1203.

тысячами лезгинъ могу драться съ русскими, то и тогда не призвалъ бы ихъ потому, что такое число воиновъ, но лучше вооруженныхъ и болѣе надежныхъ въ вѣрности, могу набрать въ своемъ ханствѣ. Къ тому же, состоя 12 лѣтъ вѣрноподданнымъ государю императору, коего справедливость мнѣ извѣстна, я никакъ не могу предполагать, чтобы безъ всякой причины смѣщенъ былъ съ ханства. Впрочемъ, повиновался бы и тому безъ ропота, но никогда не рѣшился бы вооружиться противу столь сильной державы, какова Россія. Въ крайней необходимости лучше прибѣгнулъ бы съ просьбою уволить меня отъ ханства и отпустить на жительство, куда пожелаю.

Успокоенный кн. Мадатовымъ, ширванскій ханъ отправилъ отвѣтныя письма Ермолову и Вельяминову, свидѣтельствовавшія о его невиновности.

«Да будетъ вамъ, сердарю, извѣстно, писалъ Мустафа генералу Вельяминову [1]), что у насъ существуетъ народная пословица: *никто на суднѣ не вступитъ въ драку съ кормчимъ*. Всѣмъ извѣстно, что я уже 12 лѣтъ нахожусь на суднѣ покровительства россійскаго монарха, слѣдовательно измѣны ему съ моей стороны быть не можетъ. Что же касается до прихода лезгинскаго ополченія, то допустимъ, что извѣстіе это достовѣрно; допустимъ, что враги наговорили правду. Въ такомъ случаѣ толпѣ этой предстоитъ только два прохода: или черезъ Шеки, или черезъ Кубу. Но генералъ-маіоръ кн. Мадатовъ, послѣ прибытія своего сюда, лично обозрѣлъ эти мѣстности и удостовѣрился въ сущности всѣхъ обстоятельствъ. Я удерживаю перо отъ дальнѣйшихъ увѣреній въ этомъ дѣлѣ, предоставляя таковое (т. е. увѣреніе) князю Мадатову, какъ испытанному приверженцу россійскаго правительства. Вѣроятно, онъ и письменно, и словесно вамъ объ этомъ доложитъ. Мнѣ остается только просить васъ считать меня непоколебимымъ рабомъ падишаха и возвеличить мое значеніе требованіями заслугъ съ моей стороны и тѣмъ успокоить мое сердце среди моихъ недоброжелателей».

Въ письмѣ Ермолову Мустафа-ханъ писалъ, что, пока живъ, онъ никогда не сдѣлаетъ предосудительнаго поступка.

---

[1]) Акты Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 1203.

«Истинный пріятель мой! отвѣчалъ Ермоловъ [1]). Съ удовольствіемъ получилъ я письмо вашего превосходительства и вижу, что мнѣ не надобно переставать любить добраго моего пріятеля. Первое письмо мое къ вамъ и то еще болѣе, что я не малѣйшей не оказалъ недовѣрчивости, должны служить доказательствомъ, что не внимаю я никакимъ непріятнымъ на счетъ вашего превосходительства слухамъ; теперешній случай далъ мнѣ способъ узнать недоброжелателей вашихъ, и я вамъ въ искренности сердца моего скажу, что потому болѣе надобно вамъ прилѣпиться къ россійскому правительству и имѣть къ нему довѣренность, и тогда ни въ чемъ не успѣютъ непріятели ваши. Вы всегда подозрѣваете, что ищутъ вамъ сдѣлать зло, и всегда опасаетесь несправедливости. Разсудите, какъ умный человѣкъ, можетъ ли кроткій и милосердый государь допустить зло, и если нѣтъ причины обратить его на себя, можно ли его страшиться? Если бы правительство могло имѣть намѣреніе вредить вамъ, неужели бы что могло удержать его отъ того? Но въ правительствѣ справедливомъ не можетъ быть таковаго намѣренія... И такъ, истинный другъ мой, послушайте моего совѣта, и если что безпокоить васъ будетъ, всегда спросите перваго меня съ довѣренностью».

Успокоившись на счетъ поведенія Мустафы-хана ширванскаго, Ермоловъ не могъ положиться на вѣрность Измаилъ-хана шекинскаго, имѣвшаго тайное совѣщаніе съ посланными отъ Шихъ-Али-хана и горскихъ обществъ. Скрываясь отъ взоровъ властей, Измаилъ-ханъ большую часть дня проводилъ въ диванной, куда никто не допускался, кромѣ самыхъ близкихъ, чрезъ которыхъ производились всѣ сношенія и интриги. Пришелецъ, ненавидимый народомъ и чуждый ему, Измаилъ управлялъ ханствомъ чрезъ хойскихъ выходцевъ, пришедшихъ въ Шеку съ отцомъ его, бѣжавшимъ изъ Хоя и возведеннымъ въ ханское достоинство графомъ Гудовичемъ. Туземное населеніе было въ полномъ пренебреженіи, и ханъ преслѣдовалъ всѣхъ тѣхъ, кого считалъ приверженнымъ къ Россіи. Шекинцы безпрерывно жаловались Ермолову на жестокіе поступки хана, и главнокомандующій отправилъ въ Нуху маіора Пономарева, чтобы возста-

[1]) Въ письмѣ Мустафѣ-хану, отъ 21-го сентября 1818 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 1204.

новить равновѣсіе между ханскою властью и народною безопасностью. При малѣйшемъ притѣсненіи хана, шекинцы шли къ Пономареву, и если жалоба ихъ была справедлива, то получали удовлетвореніе. Измаилъ-ханъ былъ недоволенъ такимъ распоряженіемъ главнокомандующаго и справедливо видѣлъ въ этомъ ограниченіе своей власти. Онъ нѣсколько разъ обращался къ Пономареву съ вопросомъ: останется ли онъ на своемъ мѣстѣ или будетъ свергнутъ? Хотя Пономаревъ и старался его успокоить, но Измаилъ понималъ, что не можетъ быть оставленъ правителемъ, и принималъ мѣры къ своему спасенію. Онъ отправлялъ приближенныхъ къ нему хойцевъ въ Персію, куда и самъ намѣренъ былъ бѣжать при первомъ удобномъ случаѣ. Персидское правительство обнадеживало Измаилъ-хана разнаго рода обѣщаніями и черезъ его посредство поддерживало сношеніе съ Шихъ-Али-ханомъ, которому отправлена была изъ Тавриза значительная сумма денегъ на наемъ войскъ въ Дагестанѣ.

Зная о происках персіянъ, объ измѣнѣ аварскаго хана, о сборѣ въ разныхъ пунктахъ горскихъ народовъ и опасаясь, чтобы бездѣйствіе наше послѣ неудачи Пестеля не привело къ болѣе печальнымъ результатамъ, Ермоловъ рѣшился нанести сильный ударъ непріятелю, не смотря на наступившую уже осень и всю затруднительность дѣйствій въ горахъ.

Собравъ наскоро отрядъ у крѣпости Грозной, Алексѣй Петровичъ выступилъ съ нимъ, 25-го октября, по направленію къ Таркамъ. Въ отрядѣ его находились: одинъ баталіонъ Троицкаго, два баталіона Кабардинскаго и два баталіона 8-го егерскаго полковъ, 15 орудій и 400 казаковъ—всего до 4,000 человѣкъ [1]). Въ Грозной осталось девять ротъ 16-го егерскаго полка, 6 орудій и 400 человѣкъ линейныхъ казаковъ.

Стояла грязная и сырая осень 1818 г. Слякоть и дождь предвѣщали затрудненія въ походѣ, но привычныя къ лишеніямъ всякаго рода кавказскія войска весело переправлялись вбродъ черезъ р. Сунжу.

На берегу рѣки, нахмуривъ свои дугообразныя брови, скрестивъ

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Ермолова, отъ 15-го декабря 1818 г., изъ Моздока. Воен. Учен. Арх., отд. II, дѣло № 4487.

на груди руки, стоялъ самъ главнокомандующій Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, слѣдившій за переходомъ на противоположный берегъ *товарищей*, какъ онъ всегда называлъ своихъ подчиненныхъ, не исключая и солдатъ. На немъ надѣтъ былъ архалухъ; на головѣ папаха; черезъ плечо, на простомъ ремнѣ, повѣшена шашка, сверху накинута бурка. Слѣдуя примѣру начальника, войска также не придерживались строго формы одежды; каждый солдатъ, каждый офицеръ одѣвался, какъ считалъ для себя удобнѣе: у кого была на головѣ папаха, у кого черкесская шапка, кто въ архалухѣ, а кто и въ чекменѣ. Солдаты шли вольно, смотрѣли смѣло...

Главнокомандующій слѣдилъ пристально за переправой. Его нахмуренныя брови, сосредоточенное, задумчивое выраженіе лица и атлетическое тѣлосложеніе дѣлали фигуру его грозною и величественною. Неподалеку отъ Ермолова, почти рядомъ съ нимъ, стоялъ Мазаровичъ, впослѣдствіи повѣренный нашъ при персидскомъ дворѣ.

Посмотрѣвъ на Алексѣя Петровича, онъ улыбнулся.

— Чему ты смѣешься? спросилъ Ермоловъ, быстро обернувшись къ нему.

— Мнѣ пришла смѣшная мысль, отвѣчалъ Мазаровичъ. Смотря на васъ, мнѣ представилось, что вы не генералъ, а атаманъ разбойниковъ.

— А знаешь ли ты, о чемъ я думалъ въ эту минуту? возразилъ Ермоловъ. Что сказалъ бы государь, если бы пріѣхалъ сюда и увидѣлъ этихъ фигурантовъ?

Ермоловъ указалъ на отрядъ, спускавшійся къ броду въ самой неформенной и пестрой одеждѣ.

— Но я ручаюсь тебѣ, прибавилъ онъ, что если бы только за два дня узналъ я о пріѣздѣ государя, то берусь этихъ самыхъ солдатъ представить ему. Правда, они не будутъ такими, какіе въ Петербургѣ, но бьюсь о закладъ, что государь, взглянувъ на нихъ, остался бы доволенъ [1]).

Среди разговора отрядъ переправился на противоположный берегъ, и предводимый главнокомандующимъ, черезъ Аксай и Андреев-

---

[1]) Изъ разсказовъ Мазаровича (рукоп.).

скія селенія, 3-го ноября, прибылъ въ Тарки, гдѣ и расположился по квартирамъ, укрываясь отъ ужаснѣйшей непогоды, продолжавшейся слишкомъ восемь дней.

Жители г. Тарковъ находились въ большомъ волненіи, и лишь прибытіе русскихъ войскъ успокоило ихъ. Тарковцы разсказывали, что Пестель разбитъ и потерялъ всѣ орудія. Такъ какъ шамхалъ находился при отрядѣ Пестеля, то населеніе считало его погибшимъ въ Башлахъ, и жены шамхала, отправивъ все лучшее имущество за р. Сулакъ, сами готовы были выѣхать изъ Тарковъ при первомъ извѣстіи о приближеніи непріятеля. Ихъ примѣру послѣдовала часть населенія, и г. Тарки замѣтно пустѣлъ.

Между тѣмъ аварскій ханъ получилъ свѣдѣніе о движеніи Ермолова и, не зная куда онъ послѣдуетъ, писалъ письмо и старался оправдать себя. Не скрывая того, что былъ въ Башлахъ и дѣйствовалъ противъ нашихъ войскъ, Ахметъ-ханъ говорилъ, что то произошло случайно. Ссылаясь на свое вліяніе и значеніе между горцами, онъ предлагалъ услуги къ посредничеству и умиротворенію Дагестана.

Ахметъ-ханъ не подозрѣвалъ, что четыре мѣсяца тому назадъ перехваченныя, отъ бѣглаго царевича Александра, бумаги къ Аббасъ-Мирзѣ обнаруживали готовность аварскаго хана измѣнить Россіи, за обѣщанную ему персіянами пенсію.

«Не прибавляйте, писалъ Ермоловъ Ахмедъ-хану [1]), къ гнусной измѣнѣ вашей государю великому и великодушному обмана, что вы не переставали быть ему преданнымъ. Мнѣ давно извѣстно поведеніе ваше, и я знаю, что, по вашему внушенію, возмущены жители Дагестана противъ русскихъ войскъ и осмѣлились съ ними сразиться. На васъ падутъ проклятія обманутыхъ вами дагестанцевъ. *Вы не защитите ихъ и, если соберете подобныхъ себѣ мошенниковъ*, тѣмъ жесточе наказаны будете. Всегда такова участь *подлыхъ измѣнниковъ!*»

Въ Дагестанѣ волненія не прекращались. Ермоловъ простоялъ цѣлую недѣлю въ Таркахъ, не предпринимая ничего. Онъ надѣялся, что многіе изъ горскихъ обществъ опомнятся, увидятъ обманъ, и что

---

[1]) Отъ 5-го ноября. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 52.

впослѣдствіи ихъ можно будетъ успокоить, не употребляя силы оружія. При свиданіи своемъ съ шамхаломъ, Алексѣй Петровичъ предложилъ ему отправить свое семейство изъ Тарковъ въ Кизляръ и просилъ не прерывать вовсе сношеній съ подданными, «ибо въ Карабудагкентѣ и Губдекѣ начинаютъ чувствовать, что они обмануты [1])».

Между тѣмъ аварскій султанъ продолжалъ собирать подъ свои знамена всѣхъ желающихъ. Аварія стала главнымъ мѣстомъ сборищъ всѣхъ недовольныхъ и бѣглыхъ. Тогда Ермоловъ, видя, что увѣщанія недѣйствительны, рѣшилъ направить свои дѣйствія противъ Ахмедъ-хана аварскаго и нанести ему такой ударъ, слухъ о которомъ, пройдя по всѣмъ горамъ, заглянулъ бы и въ ущелья.

Оставивъ въ Таркахъ лишнія тяжести, подъ прикрытіемъ 300 человѣкъ пѣхоты, двухъ орудій и нѣсколькихъ казаковъ, главнокомандующій выступилъ, 11-го ноября, съ остальными войсками въ Дженгутай. Весь переходъ, въ пятнадцать верстъ, войска шли по дефиле, узкому и затруднительному для движенія. Едва только къ вечеру достигли они до подошвы горы Аскорай [2]).

Впереди отряда пролегала весьма крутая и высокая гора, вершина которой была покрыта непріятелемъ, подъ предводительствомъ самого Ахметъ-хана аварскаго. Тысячъ пятнадцать горцевъ разсыпались по возвышенію и ожидали прибытія русскаго отряда. Когда войска подошли къ подошвѣ хребта, горцы встрѣтили нашихъ выстрѣлами, и съ вершины горы посыпались на Ермолова самыя дерзкія ругательства:

— «Анасынъ сыхынъ Ермоловъ!» кричали горцы.

Слыша это, солдаты приходили въ бѣшенство; они рвались впередъ, чтобы заставить молчать противника; но Ермоловъ, обогнавъ отрядъ и окинувъ взоромъ расположеніе горцевъ, приказалъ остановиться и варить кашу [3]).

---

[1]) Письмо шамхалу 7-го ноября. Предписаніе Ермолова Вельяминову 4-го ноября. Предписаніе Вельяминова Пестелю 13-го ноября. Рапортъ его Ермолову 13-го ноября 1818 г.

[2]) Такъ названа гора въ подлинномъ донесеніи, но на картахъ нѣтъ горы съ этимъ именемъ.

[3]) Изъ разсказовъ Мазаровича (рукопись).

Незначительная перестрѣлка и нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ закончили день. Къ Ермолову явились мѣстные жители, изъявившіе желаніе быть проводниками. По ихъ показанію, въ четырехъ верстахъ отъ мѣста расположенія нашего отряда былъ менѣе трудный всходъ на гору; тамъ не было окоповъ; при движеніи можно было скрыть часть своихъ силъ въ лѣсу и подойти незамѣтно къ самому расположенію непріятеля.

Войска расположились на бивакѣ у подошвы горы и испытывали всѣ непріятности скверной погоды. Съ досадою узнали всѣ, что вмѣсто боя отрядъ расположился на ночлегъ. Солдаты, офицеры и даже многіе изъ приближенныхъ Ермолова роптали и осуждали такое распоряженіе. Главнокомандующій слушалъ все это и молчалъ.

Горцы, видя, что отрядъ расположился на ночлегъ, были увѣрены, что русскіе не рѣшаются атаковать сильную ихъ позицію. Пуще прежняго стали они кричать и ругаться; пули съ высотъ посыпались чаще. Ермоловъ, окруженный штабомъ и офицерами, въ своей неизмѣнной буркѣ, хладнокровно угощалъ присутствовавшихъ походною закускою и смѣялся надъ пулями, по временамъ долетавшими до бивака.

— Пусть себѣ тѣшатся! приговаривалъ онъ съ усмѣшкою.

Такъ прошелъ вечеръ; наступила чрезвычайно темная ночь. Горы освѣтились непріятельскими кострами; сильный вѣтеръ, дувшій въ лицо нашему лагерю, доносилъ шумныя пѣсни обрадованныхъ горцевъ, пѣсни, которыя были очень ясно слышны, не смотря на значительное разстояніе, раздѣлявшее два лагеря. Время проходило, пѣсни стихли, и мало-по-малу все смолкло. Въ нашемъ лагерѣ солдаты также задремали, но Ермоловъ не спалъ.

«Я готовился, пишетъ онъ въ своихъ запискахъ, съ разсвѣтомъ начать дѣйствіе и предвидѣлъ ощутительную потерю, по трудности всхода на гору. Нельзя было отступленіемъ ободрить непріятеля. Въ первый разъ въ странѣ сей появились русскія войска и съ ними главный начальникъ. Горскіе народы смотрѣли со вниманіемъ на происшествія, и малѣйшія со стороны нашей неудача или дѣйствіе, которому бы можно было дать невыгодное истолкованіе, соединяло всѣхъ ихъ, и мгновенно имѣлъ бы я противъ себя большія силы».

Часу въ девятомъ вечера, пользуясь тѣмъ, что вѣтеръ былъ со

стороны непріятеля, главнокомандующій тихонько позвалъ къ себѣ маіора Грузинскаго гренадерскаго полка Швецова, который незадолго передъ тѣмъ былъ освобожденъ изъ плѣна [1]). Ермоловъ приказалъ ему взять второй баталіонъ Кабардинскаго полка съ двумя орудіями и, безъ шума, вести его вправо, черезъ лѣсъ, по узкой тропинкѣ, взбираться на высоты и ударить на лѣвый флангъ непріятеля.

— Только смотри, братъ,—говорилъ ему Алексѣй Петровичъ,—чтобы не было ни одного выстрѣла: встрѣтишь гдѣ непріятельскій караулъ, уложи штыками, а какъ дойдешь на самый верхъ, тогда только дай намъ сигналъ: мы тебя поддержимъ.

Швецовъ готовъ былъ уйти; Ермоловъ остановилъ его.

— Да знай,—прибавилъ онъ,—что оттуда тебѣ нѣтъ дороги назадъ: я долженъ найти тебя тамъ, на горѣ, или живымъ, или мертвымъ.

Швецовъ буквально исполнилъ приказаніе главнокомандующаго. Онъ выступилъ такъ тихо, что *товарищи-солдаты* не замѣтили отсутствія Кабардинскаго баталіона.

Прошло нѣсколько времени; все было спокойно, ночная тишина ничѣмъ не прерывалась; на горѣ догорали костры, то вспыхивавшіе, то снова потухавшіе....

Швецовъ, съ баталіономъ, весьма скоро, изъ-подъ вѣтра, подошелъ къ непріятелю. Солдаты издали видѣли, какъ лезгины совершенно безпечно лежали у потухающихъ костровъ. Вдругъ на горѣ раздался бой барабана и крикъ «*ура!*» за нимъ выстрѣлы.... Нѣсколько минутъ молчанія—и потомъ завязалась непрерывная перестрѣлка.

Ударъ былъ слишкомъ чувствителенъ и неожиданъ: все бросилось вразсыпную. Кто бѣжалъ въ одеждѣ, но безъ оружія, кто былъ съ оружіемъ, но безъ платья. Многіе остались на мѣстѣ, не сдѣлавъ выстрѣла и не успѣвъ даже подняться съ земли, на которой лежали; въ темнотѣ горцы ранили другъ друга. Много оружія, лошадей и даже одежды было захвачено кабардинцами. Въ самое короткое время вершина горы была въ нашихъ рукахъ.

[1]) Подробности о выкупѣ изъ плѣна маіора Швецова. См. Ак. К. А. К., т. VI, ч. II, № 872.

Съ первыми выстрѣлами и крикомъ кабардинцевъ весь лагерь поднялся на ноги. Двѣ роты Троицкаго, двѣ роты 8-го егерскаго полковъ и два орудія были отправлены для поддержанія маіора Швецова.

— Впередъ, бѣгомъ! крикнулъ Ермоловъ, и солдаты лѣзли уже на гору.

Съ разсвѣтомъ лезгины очутились у подошвы горы, съ которой, въ свою очередь, приходилось намъ спускаться по весьма узкой тропинкѣ, пролегавшей между скалами. Высоты по обѣимъ сторонамъ дороги были заняты пѣхотою съ артиллеріею, и «тогда не было сомнѣнія, что войска безъ малѣйшей потери сойдутъ въ долину» [1]).

Главный отрядъ пошелъ на соединеніе съ маіоромъ Швецовымъ. Въ теченіе цѣлыхъ сутокъ поднимался онъ на вершину горы, до которой считалось не болѣе четырехъ верстъ; артиллерія и обозъ поднимались на людяхъ.

Когда весь отрядъ сталъ на прежней непріятельской позиціи, Ермоловъ далъ солдатамъ отдыхъ и приказалъ подать водки. Около него собрался обычный кружокъ офицеровъ.

— Вотъ вамъ, господа, урокъ, какъ должно беречь русскую кровь! говорилъ Алексѣй Петровичъ, обращаясь къ тѣмъ лицамъ, которыя наканунѣ болѣе другихъ порицали его распоряженія. По-вашему, надобно было вчера положить тутъ нѣсколько сотъ человѣкъ, а для чего? Чтобы согнать непріятеля съ этой горы и самимъ стать на ней. Мы теперь достигли этого, но достигли, не потерявъ ни одного солдата.

13-го ноября войска спустились въ обширнѣйшую и прекрасную долину и прибыли въ селеніе Параулъ, въ которомъ, по бѣдности ханства Аварскаго, султанъ Ахметъ-ханъ имѣлъ свое пребываніе. Жители оставляли городъ и бѣжали въ лѣса; мятежники отступали за ними безъ выстрѣла; акушинцы, въ числѣ 2,000 человѣкъ, послѣдовали туда же.

Оставивъ въ Параулѣ всѣ тяжести и запасный паркъ, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ и одного орудія, Ермоловъ съ остальными

---

[1]) Рапортъ Ермолова начальнику главнаго штаба, князю Волконскому, 15-го декабря 1818 г., № 40.

войсками выступилъ, 14-го ноября, къ городу Большой-Дженгутай, находившемуся въ десяти верстахъ отъ Параула и принадлежавшему брату аварскаго хана, Гасанъ-хану, извѣстному своими злодѣйствами и ненавистью къ русскимъ. Подходя къ Дженгутаю, войска увидѣли его раскинутымъ на небольшомъ возвышеніи. Въ недалекомъ разстояніи отъ города пролегалъ хребетъ горы, занятой непріятелемъ, устроившимъ, на протяженіи полуверсты, окопы и засѣки. Крайніе городскіе дома, составлявшіе лѣвый флангъ непріятельской позиціи, были заняты горцами; на правомъ флангѣ протекала рѣчка, къ которой прилегали обширные сады, занятые непріятелемъ. Это второе расположеніе горцевъ было гораздо сильнѣе перваго.

Главнокомандующій приказалъ начальнику штаба, генералъ-маіору Вельяминову 3-му, сдѣлать распоряженіе къ атакѣ лѣваго фланга, выгнать непріятеля изъ крайнихъ домовъ и завладѣть пространствомъ, отдѣлявшимъ городъ отъ хребта горы, на которой были непріятельскіе окопы. Двѣ роты егерей и три роты Троицкаго полка назначены для атаки.

Выстрѣлы картечью изъ батарейныхъ орудій заставили непріятеля очистить окопы, а стрѣлки выгнали его изъ крайнихъ домовъ. Подвезенныя къ самому городу, орудія производили страшное разрушеніе и смятеніе въ тѣсныхъ улицахъ. Лезгины бросились бѣжать. Есаулъ Чикалевъ съ казаками былъ отправленъ отрѣзать имъ отступленіе. Одновременно съ этимъ на правомъ флангѣ дѣйствовалъ отрядъ подполковника Верховскаго изъ четырехъ ротъ 8-го егерскаго полка и двухъ легкихъ орудій. Хребетъ горы, лежавшій противъ окоповъ непріятеля, прикрывалъ отрядъ его отъ жестокаго огня лезгиновъ. Тутъ были акушинцы и съ ними аварскій султанъ. Для воспрепятствованія непріятелю зайти въ тылъ Верховскому, Ермоловъ отправилъ двѣ роты Кабардинскаго полка и два орудія, подъ начальствомъ артиллеріи капитана Коцарева, прославившаго впослѣдствіи свое имя на Кавказѣ.

Едва бой разгорѣлся на всемъ пространствѣ, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, изъ боковаго ущелья нанесло такой густой туманъ, что онъ скрылъ противниковъ: они не видали другъ друга. Главнокомандующій приказалъ прекратить огонь и поручилъ на-

чальнику штаба, генералъ-маіору Вельяминову, пользуясь туманомъ, подойти къ окопамъ и взять ихъ штурмомъ. Двѣ роты Троицкаго, одна Кабардинскаго и одна Егерскаго полковъ подошли незамѣченныя на разстояніе не болѣе шестидесяти шаговъ. Полковникъ Базилевичъ поставилъ два орудія противъ оконечности окоповъ и первымъ картечнымъ выстрѣломъ произвелъ безпорядокъ среди непріятеля. Менѣе чѣмъ въ пять минутъ половина окоповъ была уже въ нашихъ рукахъ. Страшная суматоха и неурядица поднялись между горцами. Стѣсненные повсюду, они бросились бѣжать, и многіе обязаны были своимъ спасеніемъ только густому туману. Городъ быстро очищался; засѣвшіе въ мечети были переколоты. Аварскій султанъ, братъ его Гасанъ-ханъ и знаменитый въ горахъ Сеидъ-эфенди, проповѣдывавшій необходимость истребленія христіанъ, бѣжали въ горы.

Большой Дженгутай, главное селеніе Мехтулинскаго ханства, послѣ разграбленія былъ преданъ огню, среди котораго русскія войска двое сутокъ стояли бивакомъ. Селеніе Малый Дженгутай, оставленное жителями, скрывшимися въ горахъ, было также сожжено высланнымъ туда отрядомъ.

Горцы, никогда невидавшіе въ своихъ селеніяхъ нашихъ войскъ, были объяты ужасомъ; идея о неприступности ихъ жилищъ мгновенно исчезла. Короткая по времени, но значительная по результатамъ экспедиція Ермолова произвела сильное впечатлѣніе на умы народа всего сѣвернаго Дагестана. Окрестности были пусты на далекое разстояніе, и только люди съ смѣлымъ характеромъ возвращались въ свои дома, прося помилованія и принося хлѣбъ-соль. Ермоловъ встрѣчалъ ихъ грозно.

— Знаете ли вы,—говорилъ онъ,—противъ кого осмѣлились поднять оружіе? Знаете ли вы все могущество русскаго императора?

Передъ ними стояла грозно-величественная фигура главнокомандующаго, суровый взглядъ котораго пронизывалъ насквозь присутствующихъ.

Въ немъ взора лучъ—какъ молнья блещетъ.
Въ немъ гнѣва рѣчь—какъ въ тучахъ громъ.

Послѣ сильныхъ угрозъ Ермоловъ объявилъ прощеніе, привелъ къ присягѣ и дозволилъ возвратиться въ дома, съ тѣмъ, однако,

условіемъ, чтобы на будущее время горцы въ точности исполняли всѣ обязанности. Акушинцы прежде другихъ воспользовались прощеніемъ и разошлись по домамъ. Ермоловъ съ удовольствіемъ уклонился отъ дѣйствія противъ нихъ, «ибо, доносилъ онъ [1]), и войска, коими я командовалъ, утомлены были, и съ малымъ числомъ ихъ трудно такъ кончить, какъ приличествуетъ славѣ оружія вашего величества». Тѣмъ не менѣе Алексѣй Петровичъ находилъ, что въ будущемъ смирить акушинцевъ необходимо, иначе въ Дагестанѣ будутъ вѣчныя безпокойства и не будетъ вѣрнаго сообщенія Кавказской линіи съ Дербентомъ, безъ котораго обойтись намъ было невозможно, такъ какъ туда могли быть доставляемы моремъ продовольственные и боевые запасы. Съ покореніемъ акушинцевъ большая часть Дагестана переходила во власть нашу, но занятіе этой части горной страны требовало значительнаго числа войскъ, и Ермоловъ просилъ объ усиленіи Грузинскаго корпуса.

«Удостойте, государь, писалъ онъ, милостиваго взгляда донесеніе мое. Я видѣлъ собственными глазами довольно большую часть Дагестана, видѣлъ населеніе его и удостовѣрился, что страна сія можетъ во многихъ отношеніяхъ приносить намъ великую пользу или быть весьма опасною въ случаѣ войны съ сосѣдственными державами. И безъ намѣренія смирять страну сію оружіемъ долженъ былъ я просить о прибавленіи къ Грузинскому корпусу трехъ полковъ пѣхоты и двухъ ротъ легкой артиллеріи. Чрезвычайное земли пространство, неодолимыя препятствія въ скоромъ войскъ соединеніи или перемѣщеніи, сильные въ срединѣ народы, намъ враждебные,— все убѣждаетъ меня просить объ укомплектованіи корпуса въ три дивизіи пѣхоты.

«Соизволите, ваше императорское величество, удостоить вниманія, что я, кромѣ артиллеріи, не имѣлъ съ собою ни одного человѣка изъ войскъ, линіи принадлежащихъ, и что по самой необходимости Кабардинскій полкъ могъ изъ Кахетіи попасть въ Дагестанъ. Такъ повсюду войскъ здѣсь недостаточно».

Этотъ недостатокъ въ боевыхъ средствахъ заставилъ главнокомандующаго послѣ нѣсколькихъ сильныхъ угрозъ объявить гор-

[1]) Императору отъ 15-го декабря. Воен. Учен. Арх., отд. II, д. № 4487.

цамъ прощеніе и дозволить возвратиться въ свои дома, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы на будущее время горцы въ точности исполняли всѣ обязательства. Описавши въ прокламаціи къ народу поступки аварскаго хана, главнокомандующій объявилъ его измѣнникомъ и именемъ императора лишилъ генералъ-маіорскаго чина и получаемыхъ имъ 5,000 руб. жалованья.

Изъ Дженгутая, черезъ Параулъ, Ермоловъ перешелъ въ Карабудагкентъ, отстоявшій на восемь часовъ ѣзды отъ г. Башлы, въ окрестностяхъ котораго дѣйствовалъ отрядъ генералъ-маіора Пестеля.

Пестель, по приказанію главнокомандующаго, выступилъ 14-го ноября изъ Дербента по дорогѣ къ Дарбаху. Безпрерывная вьюга, глубокій снѣгъ и морозъ препятствовали быстрому движенію, и Пестель съ большими затрудненіями достигъ до р. Малой Бугами. Въ отрядѣ его былъ большой недостатокъ патроновъ и артиллерійскихъ зарядовъ; въ дербентскомъ артиллерійскомъ паркѣ не было почти вовсе запасовъ. Пестель долженъ былъ вытребовать четыре ящика патроновъ изъ Кубы и Зіахура и, роздавъ ихъ отряду, состоявшему изъ 1,800 человѣкъ, едва могъ снабдить каждаго солдата не болѣе какъ 60-ю патронами. Недостатокъ подводъ дѣлалъ подвозъ провіанта изъ Дербента затруднительнымъ; дрова доставлялись съ большимъ трудомъ, а лошадей, за выпавшимъ снѣгомъ, кормить было нечѣмъ; они питались небольшимъ количествомъ фуража, доставленнаго шамхаломъ. Медленность движенія Пестеля дозволила горцамъ приготовиться къ оборонѣ. Каракайтагцы, акушинцы и другіе ихъ сосѣди укрѣплялись въ Ханъ-Мамедъ-Кале, куда ожидали прибытія и бѣглаго Шихъ-Али-хана.

Уцмій велъ себя двулично; боясь повредить сыну, онъ казался спокойнымъ, но добровольно позволилъ занять Ханъ-Мамедъ-Кале и помогалъ возмутителямъ. Его сынъ, котораго онъ просилъ возвести въ достоинство уцмія, по приказанію Ермолова, былъ взятъ и отправленъ въ Дербентъ. Адиль-ханъ жаловался на это, но главнокомандующій отвѣчалъ, что того требуютъ обстоятельства, что онъ приказалъ отвести ему въ Дербентѣ особый домъ и сдѣлаетъ все, что можно лучшаго, для семейства и самого Адиль-хана.

«Полезно, однако же»,—писалъ Ермоловъ [1]),—«чтобы ваше высокостепенство болѣе полагали надежды на россійское правительство и знали, что не Дагестанъ сдѣлаетъ вамъ добро. Вѣрьте мнѣ и будете довольны».

Генералъ Пестель прошелъ, между тѣмъ, черезъ деревни Ханъ-Мамедъ-Кале, Дели-Чобанъ, Берекей и Джими-Кендъ, разорилъ ихъ до основанія, разогналъ мятежниковъ, сжегъ всѣ ихъ хозяйственные запасы и подошелъ къ с. Башлы. Предувѣдомленные о движеніи русскаго отряда, башлинцы отправили свои семейства въ горы, но имущества всего забрать не успѣли, надѣясь защитить его собственными силами. Съ приближеніемъ же войскъ къ укрѣпленіямъ они бросили ихъ и ушли въ горы, оставивъ въ нашихъ рукахъ нѣсколько фальконетовъ и одну небольшую пушку. Селеніе Башлы было занято нашими войсками, уцѣлѣвшіе дома были преданы огню, запасы хлѣба, скрытые въ ямахъ, истреблены и сѣно сожжено. Жители окрестныхъ селеній прислали къ Пестелю кадіевъ для испрошенія прощенія, съ обѣщаніемъ служить русскому императору. Принявъ ихъ милостиво, Пестель потребовалъ, чтобы къ нему были приведены старшины деревень, и, опасаясь быть задержаннымъ непогодою, выступилъ обратно въ Дербентъ [2]).

Въ это же время главнокомандующій присоединилъ къ Россіи навсегда селенія: Кулецму, Урумъ, Оглы, Апши и отдалъ ихъ въ управленіе особаго лица, которому они должны были повиноваться. Жители селеній: Мюрага, Утемишъ, Алходжа, Гаша, Хусейнъ-кендъ, Кая-кендъ, Мамаулъ, Малые Гимры и Бурдаки, какъ оказавшіеся вѣрными, объявлены, по-прежнему, вольными. «Законъ вашъ будетъ уважаемъ, писалъ имъ Ермоловъ [3]). Никогда войска россійскія не тронутъ вашего имѣнія, напротивъ—будутъ васъ защищать. Кромѣ великаго россійскаго государя, вы никому не должны повиноваться; войскамъ дано повелѣніе признавать васъ государя подданными».

Проходя съ войсками черезъ Андреевскія селенія и осмотрѣвъ

---

[1]) Уцмію каракайтагскому, 21-го ноября. Рапортъ Пестеля Ермолову, 16-го ноября, № 1306.

[2]) Рапорты Пестеля Ермолову, отъ 16-го и 20-го ноября 1818 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, №№ 130 и 131.

[3]) Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, №№ 8 и 12.

ихъ; Ермоловъ убѣдился, что это одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ на всемъ лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи. Андреевское селеніе было центромъ, торговымъ рынкомъ, снабжавшимъ горскіе народы всѣми жизненными потребностями: здѣсь скотоводство ихъ въ зимнее время имѣло убѣжище, здѣсь горцы покупали и вымѣнивали всѣ продукты. Жители Андреевскихъ селеній не имѣли никакого образа правленія, жили въ несогласіи между собою, въ развратѣ всякаго рода и имѣли связи съ горцами, вредныя нашимъ интересамъ. Старшій князь Кара-Мурза-Темировъ былъ человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, преданный безмѣрному пьянству, и потому имѣвшій весьма малое вліяніе на соотчичей.

Предполагая среди Андреевскихъ селеній построить укрѣпленіе, для постояннаго пребыванія въ немъ баталіона пѣхоты, Ермоловъ рѣшился вмѣстѣ съ тѣмъ ввести среди населенія правильно организованное управленіе. Удаливъ Кара-Мурзу-Темирова, главнокомандующій назначилъ старшимъ княземъ маіора Шефи-бека-Темирова, человѣка умнаго, благонамѣреннаго, преданнаго Россіи, нѣсколько разъ бывавшаго въ Петербургѣ и Москвѣ. Назначивъ сёленіе Андреевское постояннымъ мѣстомъ жительства старшаго князя, Ермоловъ требовалъ, чтобы Шефи имѣлъ строжайшій надзоръ за жителями и не допускалъ безпорядковъ; чтобы онъ уничтожилъ плѣнопродавство, принимание и удерживаніе у себя русскихъ солдатъ и не дозволялъ хищникамъ имѣть пристанища въ селеніяхъ, ввѣренныхъ его управленію. Объявляя о назначеніи старшимъ княземъ Шефи-бека-Темирова, главнокомандующій требовалъ отъ жителей полнаго ему повиновенія.

«Предупреждаю васъ, писалъ Ермоловъ андреевцамъ[1]), что я требую лучшаго поведенія и порядка, нежели каковые доселѣ замѣтилъ я между вами. Бойтесь быть непокорными, ибо старшій владѣлецъ будетъ исполнять собственныя мои приказанія. За каждымъ дѣйствіемъ вашимъ буду я имѣть наблюденіе. Предвижу я, что нѣкоторые изъ васъ будутъ старшему владѣльцу дѣлать препятствія въ отправленіи его должности, но я предостерегаю васъ, что тако-

[1]) Объявленіе владѣльцамъ андреевскимъ, духовнымъ особамъ, узденямъ и народу, отъ 27 ноября 1818 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, №№ 946—950.

вые наказаны будутъ свыше ихъ ожиданія. Для собственнаго блага вашего буду я строгъ, ибо я съ неудовольствіемъ вижу, что ни владѣльцы, ни уздени не поступаютъ прилично ихъ званію, и таковаго безпорядка между подданными великаго моего государя не долженъ и не могу переносить болѣе. На старшаго владѣльца возложилъ я обязанность смотрѣть за управленіемъ принадлежащими вамъ селеніями, ибо нѣтъ еще двухъ недѣль, какъ бо́льшая часть оныхъ были съ оружіемъ противъ россійскихъ войскъ, и вы, владѣльцы, спокойно смотрѣли на оное. Я еще ожидаю, что вы будете разумѣть обязанности вѣрноподданныхъ, и Боже сохрани, если не найду въ васъ бо́льшаго усердія и вѣрности».

Именемъ императора, какъ бы въ вознагражденіе шамхала за его вѣрность, главнокомандующій присоединилъ къ его владѣніямъ и отдалъ въ полное управленіе Мехти-шамхала имѣнія измѣнниковъ Султанъ-Ахмедъ-хана аварскаго, брата его, дженгутайскаго бека Хасанъ-хана, и имѣніе Гирей-бека, состоявшія въ селеніяхъ: Параулъ, Шора, Дургали и Казанищи, съ окрестными деревнями.

«Надѣюсь, писалъ при этомъ Ермоловъ шамхалу [1]), что сія милость государя императора умножитъ усердіе ваше къ его службѣ. Селенія сіи отдаются вамъ за вѣрность, собственно лицомъ вашимъ оказанную, а потому наслѣдникамъ вашимъ могутъ принадлежать не иначе, какъ развѣ государь императоръ соизволитъ дать на то подтвержденіе».

Опасаясь акушинцевъ и брата аварскаго хана, шамхалъ просилъ Ермолова, чтобы часть русскихъ войскъ была расположена въ Таркахъ для его защиты. Имѣя намѣреніе приступить къ постройкѣ новыхъ укрѣпленій, главнокомандующій не могъ удѣлить своихъ силъ шамхалу и совѣтовалъ ему не раздражать до времени акушинцевъ и «возобновить связи, которыя прежде имѣлъ онъ между ними, не щадя нѣкоторыхъ для того издержекъ».

20-го ноября главнокомандующій съ своимъ отрядомъ возвратился въ Тарки. Сюда пріѣхалъ родственникъ уцмія съ объявленіемъ покорности отъ лица всего населенія каракайтагскаго народа. Старшины нѣкоторыхъ вольныхъ обществъ также просили принять ихъ

---

[1]) Въ письмѣ, отъ 21-го ноября. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 211.

въ подданство Россіи. Извѣстный плутъ Сурхай-ханъ казикумухскій прислалъ къ Ермолову своего посланнаго поздравить съ одержанными побѣдами и предложить свое посредничество въ успокоеніи дагестанцевъ.

«Что касается, отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ [1]), до предложенія вашего въ разсужденіи Дагестана, скажу вамъ попріятельски, что я уже сдѣлалъ доброе начало для его успокоенія. Всю фамилію подлѣйшихъ дженгутайскихъ бековъ выгналъ изъ ихъ владѣній и перваго изъ нихъ—гнуснаго измѣнника Султанъ-Ахмедъ-хана аварскаго, и даю слово, что они вѣчно въ своихъ владѣніяхъ не будутъ. Остаются теперь одни измѣнники, присягѣ своей измѣнившіе и извѣстные скотскою глупостью своею акушинцы, дерзнувшіе поднять оружіе противъ россійскихъ войскъ. Я далъ имъ время на раскаяніе, и Боже избави ихъ, если они осмѣлятся что-нибудь предпринять: истреблю до основанія скотскій сей заводъ».

Принимая депутатовъ, явившихся съ покорностію, Ермоловъ не вѣрилъ въ чистосердечное раскаяніе горцевъ, но наступившая зима заставила его отложить умиротвореніе ихъ до будущаго года, когда онъ надѣялся собрать болѣе значительныя боевыя силы и положить прочное основаніе нашему владычеству въ Дагестанѣ.

Чтобы не возбуждать въ теченіе зимы излишней дѣятельности со стороны горцевъ, главнокомандующій приказалъ генералу Пестелю дать отдыхъ войскамъ и, оставивъ въ Дербентѣ одну роту, съ остальными вернуться на прежнія квартиры въ Кубинскую провинцію. Уцмію каракайтагскому поручено было вызвать жителей изъ горъ въ свои жилища и успокоить ихъ. Главнокомандующій писалъ ему, что находитъ достаточнымъ то наказаніе, которое они испытали, и просилъ Пестеля объявить, что болѣе вреда имъ сдѣлано не будетъ, и что «только мошенникъ Эмиръ-Гамза и его приближенные всегда преслѣдованы будутъ [2])».

Окончивъ такимъ образомъ экспедицію, Алексѣй Петровичъ выступилъ изъ Тарковъ, и войска 1-го декабря переправились обратно черезъ Терекъ у Старогладковской станицы. Солдатамъ необходимъ

[1]) Въ письмѣ Сурхай-хану, отъ 22-го ноября. Акты К. А К., т. VI, ч. II, № 81.

[2]) Предписаніе Ермолова Пестелю, 21-го ноября 1818 г.

былъ отдыхъ отъ безпрерывныхъ движеній съ первыхъ чиселъ мая мѣсяца.

Ермоловъ слагалъ съ себя вину въ начатіи военныхъ дѣйствій, «но нельзя избѣгать ихъ, говорилъ онъ, *когда дерзкій непріятель приходитъ съ угрозами*».

«Здѣсь—писалъ между прочимъ главнокомандующій [1])—между народами, загрубѣлыми въ невѣжествѣ, чуждыми общихъ понятій, первый законъ есть сила. Знаю, что недостойно Россіи во зло употреблять оную, но не могу не чувствовать, что она необходима, дабы отразить насиліе. Можетъ ли что быть безразсуднѣе и дерзостнѣе, какъ поступокъ лезгинъ, требующихъ, чтобы войска наши оставили городъ намъ принадлежащій? Во всякомъ другомъ мѣстѣ, въ подобномъ случаѣ силою отражаются несовмѣстныя требованія, но здѣсь сего не довольно: здѣсь надобно наказать.

«Теперь сіе довольно легко, но въ другой разъ не легко могутъ представиться подобныя обстоятельства. Не пренебрегайте, ваше сіятельство, Дагестаномъ. Не весьма отдалены времена Шаха-Надира, а здѣсь потерпѣли его арміи. Нельзя равнодушно смотрѣть на буйственные народы сей страны, всегда спокойствіе возмущающіе, и гдѣ вѣрное убѣжище врагамъ нашимъ въ одной сей сторонѣ. Персія разсылаетъ деньги свои, и нельзя намъ не знать, сколько, въ случаѣ войны съ сею державою, могутъ быть опасными 25,000 человѣкъ, дѣйствующихъ въ тылу и служащихъ многимъ другимъ примѣромъ.

«Не говоря о сей странѣ, если взять во вниманіе пространство занимаемыхъ нами земель, то просьба моя о прибавленіи къ корпусу трехъ полковъ пѣхоты и двухъ ротъ легкой артиллеріи должна казаться самою умѣренною, а съ сими войсками и много въ два года времени Дагестанъ будетъ совершенно въ рукахъ нашихъ, ибо одного акушинскаго народа надобно смирить гордость; прочихъ всѣхъ бѣдность и нужда покорятъ нашимъ законамъ».

---

[1]) Начальнику главнаго штаба, кн. Волконскому, 15-го декабря 1818 г., № 40.

XV.

Положеніе Дагестана въ началѣ 1819 года.—Предположенія А. П. Ермолова о защитѣ края.—Просьба о прибавкѣ войскъ.—Отправленіе десяти полковъ на укомплектованіе грузинскаго корпуса.—Рекогносцировка рѣки Сунжи.—Заложеніе крѣпости Внезапной.—Дѣйствія князя Мадатова въ Табасарани, и Ермолова противъ хана аварскаго.—Измѣна уцмія каракайтагскаго и уничтоженіе его власти.—Экспедиція Ермолова въ Акушу.—Стойкая защита капитаномъ Овечкинымъ Чирагскаго поста.—Геройская смерть прапорщика Щербины.—Занятіе Акуши нашими войсками.—Попытки къ введенію русской администраціи въ Дагестанѣ.—Кончина Измаилъ-хана Шекинскаго.—Уничтоженіе ханской власти и введеніе русскаго правленія во вновь образованной Шекинской области.

Построивъ на р. Сунжѣ крѣпость Грозную, Ермоловъ хотя и отнялъ у чеченцевъ значительное пространство плодородной земли, но сознавалъ, что одна эта крѣпость недостаточна для укрощенія народа буйнаго, имѣющаго защиту въ непроходимыхъ лѣсахъ и въ тѣсномъ укрѣпленномъ Ханъ-Кальскомъ ущельѣ. Начатое дѣло необходимо было довести до конца, и главнокомандующій, пользуясь суровостью зимы, когда горцы менѣе всего способны къ дѣйствіямъ, поручилъ командиру 16-го егерскаго полка, полковнику Грекову, занять близлежащій лѣсъ, и вырубить въ немъ широкую дорогу. Въ помощь Грекову и подъ предлогомъ перемѣны гарнизона въ крѣпости Грозной, были двинуты войска, расположенныя по р. Тереку. Передъ самымъ выступленіемъ этихъ отрядовъ настала оттепель. Опасаясь движенія льда по р. Тереку, когда обыкновенно въ теченіе двухъ недѣль не бывало никакой переправы, полковникъ Грековъ былъ въ нерѣшимости трогать войска или нѣтъ, но приказаніе Ермолова было на столько опредѣленно, что всякое замедленіе въ исполненіи его считалось дѣломъ невозможнымъ. Войска выступили изъ своихъ зимнихъ квартиръ, и въ ночь на 29-е января сдѣлалась такая гололедица, что весь талый снѣгъ покрылся льдомъ почти на полдюйма. Движеніе было крайне затруднительно: люди и лошади портили себѣ

ноги, но за то ледъ на р. Терекѣ укрѣпился на столько, что пѣхота могла безопасно переправиться на противоположную сторону рѣки.

Сосредоточивъ отрядъ въ крѣпости Грозной [1]), полковникъ Грековъ двинулся ночью къ Ханъ-Кальскому ущелью. Весь успѣхъ зависѣлъ отъ быстроты движенія и занятія ущелья, прежде чѣмъ чеченцы могли появиться для его защиты. Посланные впередъ лазутчики принесли извѣстіе, что въ Ханъ-Кале нѣтъ ни одного защитника. Чеченцы не подозрѣвали о движеніи русскихъ войскъ, и между ними не было замѣтно никакой тревоги.

За два часа до свѣта, отрядъ былъ уже въ ущельѣ, разставилъ наблюдательные посты, и съ первою зарею 640 топоровъ дружно принялись за работу. Къ 9 часамъ утра небольшой ровъ укрѣпленія или, лучше сказать, завала, устроеннаго чеченцами, былъ засыпанъ и сдѣланъ подъемъ на пригорокъ, на которомъ расположенъ лагерь и размѣщены орудія. Войска развели огонь и разложили костры; въ котлахъ варили пищу и распускали снѣгъ для питья, такъ какъ долгое время вблизи лагеря не могли отыскать живой воды. Впослѣдствіи былъ отысканъ родникъ, изъ котораго брали воду и водили на водопой лошадей подъ сильнымъ конвоемъ.

Чеченцы поздно узнали о происходившемъ въ Ханъ-Кальскомъ ущельѣ и, имѣя весьма плохую обувь, затруднялись въ сборѣ защитниковъ. Одиночные люди пытались подкрадываться къ отряду, но были останавливаемы цѣпью стрѣлковъ и секретовъ. Наши солдаты неутомимо работали надъ рубкою лѣса, и въ первый день никто не помышлялъ объ отдыхѣ. Въ двое сутокъ почти все Ханъ-Кальское ущелье было вырублено, и широкая просѣка въ 500 саженъ открывала входъ въ землю чеченцевъ [2]).

За Ханъ-Калою лежала обширная долина, на которой чеченцы производили хлѣбопашество, пасли стада и вокругъ которой лежали почти всѣ ихъ селенія. Видя, что доступъ въ ихъ аулы теперь

---

[1]) Въ составѣ отряда находились: три роты Троицкаго полка, семь ротъ Кабардинскаго, баталіонъ егерей, 6 легкихъ орудій № 37-го роты 19-й артиллерійской бригады, 2 орудія, состоявшія при Троицкомъ баталіонѣ, 480 пѣшихъ и 270 конныхъ казаковъ съ двумя конными казачьими орудіями.

[2]) Рапорты полков. Грекова Ермолову, отъ 6-го и 10-го февраля 1819 г., №№ 156 и 200.

ничѣмъ не защищенъ, что дорога русскимъ открыта, жители большаго Куллара и другихъ селеній, съ цѣлью пользоваться плодородными землями, принуждены были покориться, обѣщались даже защищать переправу черезъ р. Сунжу, не пропускать хищниковъ и въ залогъ вѣрности выдали аманатовъ изъ лучшихъ фамилій. Ермоловъ радъ былъ такому поступку, обласкалъ ихъ старшинъ, избавилъ населеніе отъ всякой повинности и обѣщалъ забыть все прошедшее. Хотя главнокомандующій и не вѣрилъ въ чистосердечіе горцевъ, но считалъ необходимымъ усыпить ихъ до тѣхъ поръ, пока можно будетъ построить по р. Сунжѣ еще нѣсколько укрѣпленій.

Съ своей стороны чеченцы не думали объ исполненіи данныхъ обѣщаній и старались только удалить на время висѣвшую надъ ними грозу, чтобы имѣть возможность войти въ переговоры съ дагестанцами и заручиться ихъ помощью. Переговоры о взаимной помощи дѣятельно велись во всю зиму 1819 года. Дагестанскія вольныя общества, аварскій ханъ, Сурхай-ханъ казикумухскій и Шихъ-Али, бывшій ханъ дербентскій, получившій 4,000 тумановъ отъ персидскаго правительства, придумывали сообща мѣры къ защитѣ. Прежде всего они положили отклонить шамхала отъ преданности русскимъ, а если онъ на то не согласится, то возстановить противъ него акушинцевъ, и тогда шамхалъ по необходимости сдѣлается безсильнымъ. Узнавъ объ этой интригѣ, Мегди-шамхалъ пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе акушинцевъ и даргинцевъ. Они согласились пріѣхать въ Губденъ съ тѣмъ, чтобы шамхалъ пріѣхалъ туда же для объясненій. Когда Мегди получилъ извѣстіе, что въ Губдени собралось изъ каждаго акушинскаго магала по тысячѣ человѣкъ, онъ побоялся явиться передъ ними и, ссылаясь на болѣзнь, будто бы препятствующую ему сѣсть на лошадь, просилъ собравшихся выбрать депутатовъ и прислать ихъ въ Тарки. Горцы согласились и въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ прибыли на совѣщаніе, тянувшееся 12 дней и не приводившее ни къ какому результату; горцы обѣщали повиноваться шамхалу, но съ условіемъ, чтобы русскіе не появлялись въ ихъ владѣніяхъ.

— Мы изъ колѣна въ колѣно пребываемъ твоими нукерами (слугами), говорили собравшіеся шамхалу; ты намъ господинъ, мы твои слуги и, кромѣ тебя, служить никому не будемъ, съ условіемъ,

чтобы ты не пропускалъ русскаго войска черезъ границу Терека и Кизляра, также черезъ границу Дербента по сю сторону и чтобы сына своего Сулеймана-пашу передалъ намъ, для удержанія при себѣ. Въ такомъ случаѣ мы спокойно будемъ служить тебѣ и не измѣнимъ русскому правительству.

— Акушинцы и даргинцы! отвѣчалъ шамхалъ. Оставьте въ сторонѣ глупыя слова и не предлагайте невозможнаго. Я не въ состояніи запретить войску падишаха (императора) перейти чрезъ Дербентъ, Кизляръ и Терекъ на эту сторону: предложеніе это несообразно съ разсудкомъ; но я могу сдѣлать слѣдующее: я скажу русскому начальству, что акушинцы и даргинцы мои нукеры и что они не измѣнники и не злоумышленники противъ русскаго правительства, слѣдовательно должны быть подъ моимъ покровительствомъ.

Горскіе депутаты требовали, чтобы шамхалъ отдалъ имъ своего сына въ аманаты и обѣщалъ защищать ихъ. Послѣ долгихъ споровъ и наставленій Мегди-шамхалъ согласился на требованіе горцевъ, но отказался защищать жителей г. Башлы, аварскаго хана, Хасанъ-хана и кайтагцевъ, дѣйствовавшихъ враждебно противъ русскихъ.

«Я одарилъ ихъ вещами, писалъ шамхалъ Ермолову, и сына своего, Сулеймана-пашу, передавъ имъ, отправилъ въ Акушу потому болѣе, что и я въ малолѣтствѣ моимъ отцомъ порученъ былъ акушинцамъ и нѣсколько лѣтъ жилъ между ними, имѣя въ виду, что они иначе не могутъ имѣть ко мнѣ довѣрія, будучи подстрекаемы злонамѣренными людьми. Однимъ словомъ, я, уповая на Бога, рѣшился сына своего Сулеймана-пашу, какъ половину своего тѣла, передать въ ихъ руки; другаго средства не было».

Послѣ отъѣзда акушинцевъ и даргинцевъ, прибыло въ Тарки до 500 челов. унцукульцевъ, жившихъ по сосѣдству съ Аваріею. Унцукульцы считались храбрѣйшими въ Дагестанѣ, и подобно тому, какъ акушинцы были руководителями даргинцевъ, такъ унцукульцы были примѣромъ для койсубулинцевъ. Унцукульцы передали шамхалу письмо аварскаго хана, призывавшее ихъ къ соединенію противъ русскихъ.

«Мы всѣ, писалъ аварскій ханъ унцукульцамъ, получили пріятное извѣстіе, что между Турціею, несчастною Россіею и Грузіею

открылась война. До сихъ поръ всѣ народы вмѣстѣ со мною помогали русскимъ, нынѣ же видятъ, что я удалился отъ нихъ.

«Для славы и почести вѣры и Алкорана, я съ помощью и милостью ихъ послѣ открытія дорогъ выступаю въ походъ къ сторонѣ Грузіи; а какъ вы люди великодушные, то приготовьтесь къ тому же съ твердою надеждою на милосердіе и помощь Аллаха».

Презирая хана за то, что онъ получалъ жалованье отъ нашего правительства, унцукульцы осмѣяли его посланнаго.

— Вѣроятно, ханъ, говорили они, отправляется получать свое жалованье; мы не намѣрены ему сопутствовать.

Успокоенные шамхаломъ, что никакой войны между Россіею и Турціею не существуетъ, унцукульцы отправились домой, и попытка аварскаго хана поднять ихъ не увѣнчалась успѣхомъ [1]). Тогда, раздосадованные поведеніемъ шамхала, дагестанскіе союзники рѣшились оклеветать его передъ русскимъ правительствомъ. Сурхай-ханъ казикумухскій писалъ генералъ-маіору Пестелю, что шамхалъ въ заговорѣ съ акушинцами и выдалъ имъ своего сына въ аманаты, что онъ, ханъ казикумухскій, чистосердечнѣе Мегди, потому что и къ нему пріѣзжали акушинцы и предлагали быть съ ними заодно, но онъ отвергъ ихъ предложеніе [2]).

Всѣ эти происшествія заставили Ермолова предписать генералъ-маіору Вреде, назначенному вмѣсто Пестеля управлять Кубинскою провинціею, строго слѣдить за всѣмъ происходившимъ въ Дагестанѣ. Ему поручено было оказывать шамхалу уваженіе, увѣрить, что русское правительство всегда будетъ его защищать, но знать, что самъ шамхалъ, по своей бездѣятельности, чрезмѣрной скупости и неувѣренности въ подвластныхъ своихъ, недавно противъ него возставшихъ, самъ собою ни для себя, ни для насъ ничего предпринять не можетъ. «Братъ его Шабасъ, писалъ Ермоловъ генералу Вреде [3]), человѣкъ благонамѣренный, но весьма глупый, къ которому также прошу имѣть нѣкоторое вниманіе. Сынъ сего послѣд-

[1]) Ак. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 214.

[2]) Письмо Сурхая, представленное при рапортѣ генерала Пестеля Ермолову 20-го января 1819 г., № 104.

[3]) Въ предписаніи отъ 4-го марта 1819 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 14.

няго и въ то же время зять шамхала, Амалатъ-бекъ, вмѣстѣ съ аварскимъ ханомъ дѣйствовавшій противъ войскъ нашихъ, какъ измѣнникъ, не достоинъ никакого вниманія. Но, по уваженію къ шамхалу и отцу его, я не требовалъ его изгнанія и показалъ себя снисходительнымъ. Если же бы въ надеждѣ его на оное могли вы достать его, то взять и строго содержать въ крѣпости».

Точно также, до времени, долженъ былъ пользоваться нашимъ снисхожденіемъ и уцмій каракайтагскій, человѣкъ самыхъ измѣнническихъ свойствъ, недовѣрчивый и враждебный русскому правительству. Стараясь казаться намъ преданнымъ, потому что сынъ его находился въ Дербентѣ аманатомъ, уцмій велъ тайныя сношенія съ Сурхаемъ, которому вѣрить ни въ чемъ было невозможно. Существовавшая вражда между Сурхаемъ и полковникомъ Асланъ-ханомъ Кюринскимъ, человѣкомъ намъ преданнымъ, была отчасти средствомъ для обузданія хана казикумухскаго. Подвластный Сурхаю народъ не могъ обойтись безъ хлѣба Кюринской провинціи, и потому, поддерживая Асланъ-хана и не отпуская хлѣба въ Казикумухъ, мы могли держать населеніе въ нѣкоторой покорности и зависимости. Того и другаго можно было достигнуть только до извѣстной степени, потому что владѣльцы не столько заботились о благѣ своихъ подданныхъ, сколько о своей личной независимости, которой, по ихъ мнѣнію, угрожала величайшая опасность. Для отвращенія этой опасности, дагестанскіе союзники принимали всѣ мѣры: приглашали царевича Александра пріѣхать въ Тіонеты для возмущенія грузинъ противъ Россіи и отправили своихъ посланныхъ въ Тавризъ съ просьбою о помощи. Шамхалъ тарковскій писалъ, что весь Дагестанъ волнуется, собирается напасть на его владѣнія, разорить ихъ и что онъ оставляетъ Тарки и уѣзжаетъ на Сулакъ [1]). Адильханъ, уцмій каракайтагскій, подтверждалъ сообщеніе шамхала и, находясь въ непосредственномъ сношеніи съ заговорщиками, употреблялъ всѣ средства, чтобы выручить сына. Онъ увѣрялъ Ермолова, что дагестанцы хотятъ разорить и его владѣніе; что если главнокомандующій не появится скоро въ Дагестанѣ, то тамъ могутъ возникнуть большія смуты.

---

[1]) Рапортъ ген.-м. Пестеля Ермолову 12-го марта 1819 г., № 335.

«Можетъ быть, писалъ вкрадчиво Адиль-ханъ Ермолову [1]), тамошнія ваши занятія замедлятъ вашъ пріѣздъ: въ такомъ случаѣ для огражденія меня отъ угрожающихъ со стороны дагестанскихъ возмутителей опасностей, не благоугодно ли будетъ вамъ придать мнѣ въ помощники старшаго моего сына Ханъ-Мамеда, живущаго въ Дербентѣ въ качествѣ аманата». Обѣщая взамѣнъ его прислать другаго сына, Адиль-ханъ поручилъ своему посланному просить Ермолова объ освобожденіи малолѣтнихъ башлинцевъ, взятыхъ Пестелемъ, и увѣрить главнокомандующаго, что въ случаѣ удовлетворенія его просьбы ханъ ручается удержать спокойствіе въ Дагестанѣ до прибытія русскихъ войскъ.

— Я не тотъ начальникъ, отвѣчалъ Ермоловъ, котораго можно удовлетворить одними обѣщаніями, и вамъ полезно знать, что я понимаю, что значитъ присяга дагестанцевъ. Я не тотъ человѣкъ, который не умѣлъ бы уважать достойныхъ, но и не тотъ, который бы вѣрилъ однимъ словамъ.

«Благодарю за письмо ваше, писалъ Алексѣй Петровичъ Адиль-хану [2]), въ которомъ увѣдомляете меня о дѣлахъ дагестанскихъ. Знаю, что подлый измѣнникъ, аварскій ханъ, возмущаетъ народы; но не вижу, какую причину могутъ имѣть сіи народы *желать истребить ваше высокостепенство, ибо они въ подвластныхъ вашихъ имѣютъ всегда вѣрныхъ товарищей* въ злыхъ намѣреніяхъ противъ россійскаго правительства, и вы, подобно какъ и въ прошломъ году, не будете въ состояніи удержать ихъ.

«Вы находите пребываніе мое нужнымъ въ Дагестанѣ, и я могу васъ увѣрить, что всѣ распоряженія сдѣланы будутъ надлежащимъ образомъ. Отъ сына вашего Ханъ-Мамедъ-бека получилъ я письмо, въ которомъ онъ разсуждаетъ весьма благоразумно, и мнѣ пріятно имѣть надежду, что онъ будетъ усердный подданный своему государю. Не хочу обманывать васъ пустыми обѣщаніями и скажу чистосердечно, что я нахожу полезнымъ еще нѣкоторое время про-

---

[1]) Въ письмѣ, полученномъ 18-го марта 1819 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 139.

[2]) Въ письмѣ отъ 19-го апрѣля 1819 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 140.

должить пребываніе его въ Дербентѣ, ибо отъ того дѣла ваши не могутъ разстроиться.

«Въ прошломъ году онъ былъ при васъ, и народъ каракайтагскій весь возмутился противъ своего государя. Не сынъ вашъ Ханъ-Мамедъ-бекъ, какъ человѣкъ молодой, а ваше высокостепенство должны управлять народомъ».

Получивъ это письмо, уцмій при свиданіи съ генераломъ Вреде говорилъ, что не знаетъ причины, почему его считаютъ измѣнникомъ; что онъ всегда былъ вѣренъ русскому правительству, и если не дрался съ нашими войсками противъ дагестанцевъ, то будто бы потому только, что Ермоловъ не требовалъ отъ него услугъ. Адиль-ханъ не подозрѣвалъ, что русскому правительству извѣстны были всѣ его сношенія съ Ахмедъ-ханомъ Аварскимъ и его союзниками, въ числѣ которыхъ видную роль игралъ Шихъ-Али, бывшій ханъ дербентскій. Имѣя постоянныя сношенія съ Персіею, Шихъ-Али убѣдилъ аварскаго и казикумухскаго хановъ и уцмія отправить посланнаго въ Тавризъ съ письмомъ къ Аббасъ-Мирзѣ. Нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Персіи увѣдомлялъ Ермолова, что дагестанскіе союзники писали наслѣднику престола, что они единодушно поклялись на коранѣ съ наступленіемъ весны выступить противъ русскихъ съ такими силами, какія только можно будетъ собрать. «Если вы, прибавляли писавшіе Аббасъ-Марзѣ [1]), исповѣдуете ту же вѣру, какую и мы, и если вы правовѣрный, то мы надѣемся, что вы не упустите воспользоваться симъ случаемъ, для занятія всѣми своими силами Грузіи, для вспомоществованія нашимъ усиліямъ. Мы васъ заклинаемъ именемъ великаго пророка и нашей религіи не оставлять насъ однихъ въ исполненіи нашихъ предпріятій, и тогда, съ помощью Бога, мы надѣемся истребить невѣрныхъ. Впрочемъ, если вы имѣете какое-либо сомнѣніе на счетъ вѣрности шамхала тарковскаго, то знайте, что онъ уже отдалъ одного изъ своихъ сыновей въ аманаты Сурхай-хану».

Аббасъ-Мирза принялъ посланнаго съ почестями, обнадежилъ своею помощью и отправилъ до 20,000 руб. Шихъ-Али-хану на

[1]) Записка, приложенная къ отношенію Ермолова гр. Нессельроде отъ 22-го апрѣля, № 31. Отношеніе ему же 2-го мая 1819 г., № 36.

наемъ войска. Послѣдній прежде всего обратилъ вниманіе на чеченцевъ, какъ на наиболѣе обиженныхъ русскимъ правительствомъ отнятіемъ у нихъ территоріи. Подкрѣпленные деньгами и обѣщаніемъ помощи дагестанцевъ, чеченцы усилили свои хищничества. Жители Куллара и другихъ селеній, такъ недавно покорившіеся русскому правительству, стали сначала пропускать хищниковъ, потомъ давать имъ убѣжище въ своихъ селеніяхъ, передавать хлѣбъ чеченцамъ, жившимъ въ горахъ, которыхъ предполагалось смирить голодомъ,—словомъ, приняли дѣятельное участіе въ грабежахъ и разбояхъ, «отъ которыхъ, писалъ Ермоловъ [1]), только-что начинаютъ уменьшаться слезы и стонъ жителей лѣваго фланга Кавказской линіи».

Сознавая сами, что подобное поведеніе не можетъ остаться безнаказаннымъ, жители сел. Куллара стали перевозить понемногу все свое имущество въ горы. Перевозка эта была давно извѣстнымъ признакомъ, что горцы готовятся къ непріязненнымъ дѣйствіямъ. За перевозкою имущества слѣдовалъ обыкновенно отгонъ въ горы скота, потомъ отправленіе престарѣлыхъ, женъ и дѣтей, а оставшееся мужское населеніе принималось за оружіе.

Едва только чеченцы приступили къ первому акту, т. е. къ перевозкѣ имущества, какъ Ермоловъ приказалъ полковнику Грекову наказать жителей Большаго Куллара, что и было исполнено полнымъ разореніемъ и разрушеніемъ селенія. Чеченцы снова просили пощады; имъ разрѣшено вернуться на прежнее мѣсто, но съ условіемъ, чтобы они доставили въ Кулларъ, на свой счетъ, 5,000 бревенъ, для предполагаемыхъ построекъ и возведенія новыхъ укрѣпленій [2]).

Для занятія и обороны этихъ укрѣпленій было недостаточно тѣхъ войскъ, которыя находились въ распоряженіи Ермолова, и онъ просилъ объ усиленіи грузинскаго корпуса тремя полками пѣхоты и двумя ротами легкой артиллеріи. Отвѣчая своею головою, что внѣшней войны съ персіянами не будетъ, Ермоловъ говорилъ, что война эта вовсе не такъ важна, какъ внутреннія безпокойства на Кавказ-

[1]) Отношеніе Ермолова Волконскому, 15-го апрѣля 1819 г., № 1522.
[2]) Предписаніе полков. Грекову, 25-го марта, № 1338.

ской линіи. «Горскіе народы, доносилъ онъ [1]), примѣромъ независимости своей, въ самихъ подданныхъ вашего императорскаго величества порождаютъ духъ мятежный и любовь независимости. Теперь средствами малыми можно отвратить худыя слѣдствія; нѣсколько позднѣе и умноженныхъ будетъ недостаточно. Въ Дагестанѣ возобновляются безпокойства и утѣсняемы хранящіе намъ вѣрность. Они просятъ справедливой защиты государя великаго, и что произведутъ тщетныя ихъ ожиданія? Защита сія не состоитъ въ безславномъ разсѣяніи и наказаніи мятежниковъ, ибо они появляются послѣ, но необходимо между ними пребываніе войскъ, и сей есть единственный способъ смирить нѣсколько народъ дагестанскій.

«Акушинцы, о коихъ доносилъ я прежде, виною всѣхъ безпокойствъ, и такъ далеко простирается ихъ дерзость, что если и не будетъ высочайшаго соизволенія на дополненіе трехъ полковъ пѣхоты и двухъ ротъ легкой артиллеріи, я долженъ непремѣнно идти для наказанія сего народа, и мнѣ, государь, не за себя страшиться надобно будетъ. Иначе Кубинская богатѣйшая наша провинція можетъ быть угрожаема нападеніемъ, и за ея непоколебимость отвѣтствовать не можно. Теперь уже нѣтъ у насъ сообщенія вѣрнаго Кавказской линіи съ Дербентомъ, пресѣклась торговля отъ расхищенія каравановъ и убійства торгующихъ. Такъ было и прежде, и конечно, ничего не будетъ хуже того, что было при послѣднихъ моихъ предмѣстникахъ; но не въ моихъ правилахъ терпѣть, чтобы власть государя моего была не уважаема разбойниками, и чтобы народы покорствующіе вотще надѣялись на его защиту.

«Вашему величеству я обязанъ говорить правду, и слава государю, когда подданный говоритъ ее безбоязненно! Полки прибавленные уничтожатъ власть злодѣйскую хановъ, которыхъ правленіе не соотвѣтствуетъ славѣ царствованія вашего императорскаго величества, а жители ханствъ, стенящіе подъ тяжестью сей власти, уразумѣютъ счастіе быть подданными великаго государя».

Обузданіе ханской власти, желаніе обезпечить жителей края отъ хищничества горцевъ и нечаяннаго вторженія персіянъ, всегда возможнаго безъ предварительныхъ дипломатическихъ переговоровъ,

[1]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 12-го февраля 1819 г.

заставили Ермолова еще въ 1818 году просить объ устройствѣ нѣсколькихъ крѣпостей въ Закавказьѣ. Прежде всего онъ находилъ необходимымъ укрѣпить Дербентъ и Баку, какъ пункты весьма важные по своему положенію. Дербентъ закрывалъ входъ въ Россію западнымъ берегомъ Каспійскаго моря и держалъ въ страхѣ весь Дагестанъ. Бакинскій рейдъ былъ самый удобный на всемъ западномъ берегу того же моря, и потому, для поддержанія постояннаго сообщенія съ Астраханью, необходимо было укрѣпить г. Баку, чтобы онъ не могъ быть занятъ открытою силою.

Подвигаясь отъ Баку на западъ, главнокомандующій находилъ необходимымъ укрѣпить старую Шемаху, запирающую входъ въ Дагестанъ и находившуюся въ узлѣ всѣхъ путей, ведущихъ изъ Ширванскаго ханства въ сосѣднія провинціи. «Предполагаемая крѣпость въ старой Шемахѣ, доносилъ Ермоловъ, нужна не только въ отношеніи къ военнымъ дѣйствіямъ, но должна еще быть залогомъ вѣрности хановъ ширванскихъ, на которую слишкомъ полагаться не должно».

За Шемахою наиболѣе важнымъ пунктомъ былъ Асландузскій бродъ, укрѣпленіе котораго лишало персіянъ возможности вторгнуться въ Карабагъ значительными силами. Не овладѣвъ этою крѣпостью, персіяне не могли утвердиться въ Карабагѣ и должны бы были ограничиваться набѣгами небольшихъ партій. Сверхъ того, сооруженіе Асландузской крѣпости должно было увѣрить карабагцевъ, что область сія навсегда присоединена къ Россіи и никогда не будетъ принадлежать Персіи.

Послѣ Асландуза наиболѣе важное стратегическое значеніе имѣло селеніе Гумри (нынѣ Александрополь), лежавшее въ самомъ углу границъ нашихъ съ Персіею и Турціею, гдѣ сходились пути изъ обоихъ государствъ, единственно удобные для движенія во всякое время года. Устроенная въ Гумри крѣпость сколько, съ одной стороны, способствовала дѣйствію нашихъ войскъ въ Эриванской области и Карсскомъ пашалыкѣ, столько же, съ другой, затрудняла дѣйствія непріятеля въ землѣ нашей.

Наконецъ, для обезпеченія сообщенія Россіи съ восточнымъ берегомъ Чернаго моря необходимо было укрѣпить Редутъ-Кале, какъ

мѣсто склада всего привозимаго изъ Россіи, и м. Гартискаро, какъ пунктъ, обезпечивавшій наши сообщенія съ Кавказскою линіею.

Всѣмъ этимъ крѣпостямъ, по мнѣнію главнокомандующаго, необходимо было дать собственную оборону, независимую отъ подвижныхъ силъ грузинскаго корпуса, или, другими словами, учредить для крѣпостей особые гарнизонные баталіоны, общая численность которыхъ должна была достигать значительной цифры 14,000 человѣкъ [1]). При этомъ Алексѣй Петровичъ считалъ полезнымъ не называть эти войска гарнизонными, сравнять ихъ содержаніе и производство съ армейскими полками и часть ихъ имѣть подвижною.

«Сообразивъ внимательно, отвѣчалъ императоръ Ермолову [2]), всѣ ваши донесенія и требованія, сообщаю по онымъ вамъ слѣдующую мою рѣшимость:

«Перемѣнить состава корпуса вашего я не имѣю возможности; ибо, прибавя къ опому число полковъ, разстрою я устройство прочихъ армій, коихъ число и составъ опредѣлены по зрѣлымъ размышленіямъ. Но надѣюсь, однако же, достигнуть до желаемой вами цѣли слѣдующимъ образомъ.

«Я могу временно выслать подъ начальство ваше десять полковъ пѣхоты, съ тѣмъ предположеніемъ, чтобы ими укомплектовать единожды надежнымъ образомъ грузинскій корпусъ, чего присылкою рекрутъ никогда не достигалось, ибо, отъ столь дальняго перехода и непривычки переносить трудности, потеря въ оныхъ была всякій разъ весьма чувствительна.

«Укомплектованіе сіе я нахожу нужнымъ произвести на слѣдующемъ основаніи: число полковъ, составляющихъ грузинскій корпусъ, останется прежнее, т. е. 8 пѣхотныхъ, 4 егерскихъ, 2 гренадерскихъ и 1 карабинерный—итого 15 полковъ. Каждый изъ сихъ полковъ предписываю привести въ 3,900 чел., разумѣя 300 унтеръ-офицеровъ и 3,600 рядовыхъ; каждый же баталіонъ будетъ состоять изъ 100 унтеръ-офицеровъ и 1,200 рядовыхъ.

---

[1]) Въ деталяхъ предполагалось назначить: для защиты Редутъ-Кале 3,000 человѣкъ, Гумри—3,000, Карабага—2,400, Баку—1,000, Дербента—1,600, Старой Шемахи—2,000 и Гартискаро 1,000 человѣкъ.

[2]) Въ указѣ 19-го апрѣля 1819 г. Чтенія Общества исторіи и древностей.

«Такимъ образомъ корпусъ, вамъ ввѣренный, конечно, можетъ имѣть всегда подъ ружьемъ здоровыхъ болѣе 50,000 человѣкъ.

«Я предпочитаю сіе знатное число войскъ отправить въ вашъ корпусъ образованными полками, со всѣмъ нужнымъ числомъ штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ, нежели составными временно командами, единственно для провода до новаго мѣста ихъ назначенія. Прибывшіе полки къ вамъ въ корпусъ принесутъ съ собою ружья новаго образца, чѣмъ исполнится равномѣрно желаніе ваше о перемѣнѣ старыхъ ружей, находящихся въ полкахъ въ Грузіи. На перевозку же оныхъ обыкновеннымъ образомъ потребовалось бы 115,000 рублей».

Назначенные въ грузинскій корпусъ полки были слѣдующіе: пѣхотные: Апшеронскій, Тенгинскій, Навагинскій, Ширванскій, Куринскій и Мингрельскій, 41-й, 42-й, 43-й и 45-й егерскіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ высочайше повелѣно отправить въ Грузію двѣ легкія артиллерійскія роты № 51-го и № 52-го.

Находившійся временно при корпусѣ 8-го егерскій полкъ также долженъ былъ поступить на укомплектованіе, и затѣмъ всѣ войска, находившіяся на Кавказѣ и въ Закавказьѣ, должны были составить по прежнему двѣ дивизіи, 19-ю и 20-ю, и одну гренадерскую бригаду.

Въ составъ 19-й дивизіи вошли полки: Кабардинскій, Тенгинскій, Навагинскій, Мингрельскій пѣхотные; 43-й и 45-й егерскіе, причемъ 16-го іюля 1819 г. 45-й егерскій переименованъ въ 44-й егерскій полкъ [1]).

20-ю пѣхотную дивизію составляли полки: Апшеронскій, Ширванскій, Куринскій, Тифлисскій пѣхотные; 41-й и 42-й егерскіе.

Въ гренадерскую бригаду вошли полки: Херсонскій, Грузинскій, и 7-й карабинерный.

По мѣрѣ укомплектованія этихъ полковъ тѣми войсками, которыя находились на Кавказѣ и въ Закавказьѣ, главнокомандующему повелѣно было высылать назадъ кадры слѣдующихъ полковъ: Севастопольскаго, Троицкаго, Суздальскаго, Вологодскаго, Казанскаго,

[1]) Отношеніе князя Волконскаго Ермолову, отъ 18-го іюля 1819 года, № 1283.

Бѣлевскаго пѣхотныхъ; 8-го, 9-го, 15-го, 16-го и 17-го егерскихъ полковъ. Для составленія кадровъ въ каждой ротѣ полка приказано оставить по 1 унтеръ-офицеру и 10 рядовыхъ. Ермолову предоставлено, если признаетъ нужнымъ, прибавить въ каждую роту остающихся у него полковъ по одному оберъ-офицеру и перевести во ввѣренный ему корпусъ всѣхъ тѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, служба и опытность которыхъ будетъ признана имъ полезною и необходимою.

Приказавъ на смѣну пяти донскихъ полковъ отправить съ Дона другіе полки, Императоръ Александръ призналъ болѣе полезнымъ для занятія крѣпостей назначить такія войска, которыя, въ случаѣ надобности, могли бы быть употреблены и для дѣйствія въ полѣ. Поэтому, не соглашаясь на сформированіе гарнизонныхъ баталіоновъ, императоръ повелѣлъ на оборону крѣпостей обратить вторые баталіоны всѣхъ полковъ, кромѣ гренадерскихъ, что составляло вообще отъ 8 полковъ, бывшихъ въ Грузіи, 10,400 челов. и отъ 4 полковъ, бывшихъ на Кавказской линіи, 5,200 челов., а всего 15,600 человѣкъ. Гурійскій гарнизонный полкъ и Бакинскій гарнизонный баталіонъ предполагалось упразднить, какъ только грузинскій корпусъ будетъ сформированъ по новому положенію [1]).

Такимъ образомъ, хотя государь, признавая просьбу Ермолова основательною, и согласился на усиленіе грузинскаго корпуса, но въ Петербургѣ вообще не одобряли распоряженій главнокомандующаго. Въ столицѣ все еще считали возможнымъ смирить горцевъ кротостію, признаніемъ ихъ воюющею стороною, съ которою можно заключать мирныя условія, свято исполняемыя договаривающимися обѣихъ сторонъ. Кн. Волконскій писалъ Ермолову, что императоръ не одобряетъ тѣхъ мѣръ, которыя могутъ нарушить общее спокойствіе, «вопреки намѣренія его императорскаго величества, нарочито пекущагося о сохраненіи мира *какъ въ семъ краю, такъ и вообще со всѣми державами*».

Находясь у самаго дѣла и сознавая, что чеченцы *не держава, а шайка разбойниковъ*, Алексѣй Петровичъ поступалъ по внушенію совѣсти и въ интересахъ пользы отечества. Онъ подтвердилъ

---

[1]) Отношеніе князя Волконскаго Ермолову, 22-го іюня 1819 г., № 1154.

поселеннымъ отъ Моздока до Кизляра казачьимъ полкамъ и войскамъ, расположеннымъ по Тереку и Сунжѣ, дѣлать чеченцамъ всевозможное зло и безъ всякой пощады. Въ случаѣ участія въ трабежахъ такъ называемыхъ мирныхъ чеченцевъ, наказывать ихъ строго, требовать выдачи каждаго хищника, а если онъ скростся, то родственниковъ и пристанодержателей отправлять въ горы.

Предполагая построить еще нѣсколько укрѣпленій по р. Сунжѣ, главнокомандующій приказалъ полковнику Грекову исподволь осмотрѣть ея теченіе, а затѣмъ, воспользовавшись волненіями въ Дагестанѣ и подъ предлогомъ защиты владѣній Андреевскихъ, Аксаевскихъ и Костюковскихъ, составилъ особый отрядъ, подъ начальствомъ начальника корпуснаго штаба, генералъ-маіора Вельяминова. Послѣднему было поручено, вступивъ въ сел. Андреевское, ободрить жителей и уговорить ихъ оставаться спокойными и въ своихъ домахъ; ни съ шамхаломъ, ни съ аварскимъ ханомъ не входить ни въ какія объясненія.

18-го мая генералъ Вельяминовъ прибылъ во Владикавказъ, гдѣ собирался отрядъ [1]), и изъ сел. Назрана долженъ былъ начать обозрѣніе р. Сунжи. Въ селеніи Кулларѣ предполагалось построить укрѣпленіе на двѣ роты, которое, послѣ крѣпости Грозной, должно было быть сильнѣйшимъ на р. Сунжѣ, «ибо всѣ прочіе пункты, говорилъ Ермоловъ, будутъ только посты для связи линіи». Около Алханъ-Юрта и Каханъ-Юрта, гдѣ были лучшія въ лѣтнее время переправы, предполагалось устроить укрѣпленный постъ на одну роту.

«Если обстоятельства удержатъ меня въ Грузіи, писалъ Ермоловъ Вельяминову [2]), то, собравъ войска, извольте переправиться за Терекъ и слѣдовать къ селенію Андреевскому, гдѣ сдѣлать всѣ приготовленія къ работамъ. Въ случаѣ, если бы не могъ я долго пріі-

---

[1]) Въ составъ отряда были назначены: 8-й егерскій полкъ и расположенные по Тереку: баталіонъ Кабардинскаго и баталіонъ Троицкаго полковъ, 6 батарейныхъ и 6 легкихъ орудій, 2 орудія, находившіяся при Троицкомъ полку, 4 орудія конной казачьей артиллеріи и 300 линейныхъ казаковъ. Впослѣдствіи къ отряду присоединились: еще баталіонъ Кабардинскаго полка и піонерная рота.

[2]) Отъ 27-го мая 1819 г. Акт. Кав. Арх. Ком.. т. VI, ч. I. № 664.

ѣхать, то на избранномъ въ прошедшемъ году мѣстѣ начать и самое производство работъ».

Прибывъ въ селеніе Шелкозаводское, генералъ-маіоръ Вельяминовъ видѣлся почти со всѣми кумыкскими владѣльцами. Принявъ ихъ ласково, Вельяминовъ старался успокоить какъ ихъ, такъ и народъ андреевскій. «Кажется, писалъ онъ Ермолову [1]), что все обойдется безъ большаго шума. Послѣ случившагося между андреевцами возмущенія, никто изъ значущихъ и богатыхъ людей не вывозитъ своего имущества, да и изъ меньшаго класса весьма немногіе, такъ что и 20 домовъ насчитать нельзя».

Въ началѣ іюня отрядъ выступилъ по назначенію, и въ концѣ того же мѣсяца осмотръ р. Сунжи былъ уже оконченъ.

«Одна крайность, доносилъ Вельяминовъ Ермолову [2]), можетъ растолковать безсмысленному народу чеченскому необходимость совершенно и безусловно покориться русскому правительству. Избранное вами средство скорѣе всякаго другаго доведетъ ихъ до сей крайности».

Съ построеніемъ крѣпости Грозной, съ расчисткою Ханъ-Кальскаго ущелья, чеченцы почувствовали большой недостатокъ въ хлѣбѣ, и борьба за насущную потребность, за землю, произвела междоусобную вражду и драку. Видя недостаточность земли, годной для обработыванія, чеченцы переселялись не только къ единоплеменнымъ имъ качкалыкамъ, но и къ карабулахамъ, съ которыми они находились прежде въ постоянной враждѣ. Съ учрежденіемъ линіи отъ сел. Андреевскаго, чрезъ Аксай, къ устью Сунжи, не только чеченцы не могли имѣть убѣжища, но и сами качкалыки принуждены будутъ искать существованія отъ щедротъ нашихъ. Для стѣсненія чеченцевъ со стороны карабулаховъ, генералъ Вельяминовъ предлагалъ перенести укрѣпленіе Преградный станъ къ сел. Казахъ-Кичу и устроить его въ верстѣ выше деревни. Все пространство отъ Назрановскаго поста до Казахъ-Кичу и отъ Сунжи до Ассы, отдѣлявшее карабулаховъ отъ чеченцевъ, было совершенно обнажено и не пред-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 8-го іюня 1819 г. Акт. Кавк. Арх. Ком.; т. VI, ч. II, № 950.

[2]) Отъ 23-го іюня 1819 года, № 19.

ставляло никакихъ препятствій къ прорыву хищниковъ. Устроивъ на Ассѣ два поста, мы стѣсняли чеченцевъ, да и карабулаховъ могли содержать въ большомъ повиновеніи.

Далѣе, весь правый берегъ р. Сунжи, отъ Казахъ-Кичу почти до Грозной, былъ покрытъ безпрерывнымъ большимъ лѣсомъ, который для безопасности линіи необходимо было вырубить и затѣмъ учредить рядъ сторожевыхъ постовъ, причемъ наиболѣе сильный постъ долженъ быть устроенъ въ Алханъ-Юртѣ. «Смѣю увѣрить, писалъ Вельяминовъ, что тогда какъ самые посты по р. Сунжѣ, такъ и сообщеніе между ними будетъ совершенно безопасно. Что же касается до покушеній большихъ хищническихъ партій на Терекъ, то на сіе и теперь чеченцы отваживаться уже не смѣютъ. Увидѣвъ берега Сунжи, нахожу я воздержанность ихъ весьма основательною, ибо при малѣйшемъ преслѣдованіи изъ Грозной или изъ Преграднаго стана весьма трудно большой партіи переправиться обратно за Сунжу—единственное теперь убѣжище чеченцевъ.

«Ниже Грозной можно впослѣдствіи устроить постъ близъ Теплинской переправы». Лѣвый берегъ Сунжи отъ этой переправы и до Грозной былъ открытъ, а отъ Теплинской переправы до Брагунской деревни все пространство было покрыто лѣсомъ.

Рекогносцировка р. Сунжи показала, что прежде всего необходимо было построить укрѣпленіе въ сел. Андреевскомъ, гдѣ сосредоточивались всѣ связи горцевъ, гдѣ былъ главнѣйшій и почти единственный торгъ ихъ. Здѣсь былъ торгъ невольниками, которые вывозились изъ горъ и за весьма дорогую цѣну продавались въ Константинополь. Большая часть такихъ невольниковъ были плѣнные наши солдаты и жители Грузіи, похищаемые лезгинами. Въ прошломъ 1818 году андреевцы сами просили построить у нихъ укрѣпленіе, а теперь, когда появился отрядъ Вельяминова, среди жителей селенія замѣтно было нѣкоторое волненіе. Понимая, что въ этомъ случаѣ много дѣйствуетъ интрига дагестанцевъ, Вельяминовъ старался успокоить населеніе и представить ему всѣ выгоды спокойной жизни.

«Андреевцы! писалъ онъ [1]). Не вѣрьте коварнымъ людямъ—ме-

[1]) Въ прокламаціи, отъ 5-го іюня 1819 г.

нѣе всего они заботятся о пользѣ вашей. Совѣты ихъ могутъ только навлечь на васъ тьму злополучій, и конечно не получите вы ни малѣйшей пользы, если онымъ послѣдуете. Возмущающіе васъ, въ случаѣ несчастія, первые васъ оставятъ, но я увѣренъ, что добрый народъ андреевскій не будетъ обманутъ сими злоумышленниками, не захочетъ подвергнуть себя бѣдствіямъ для удовлетворенія преступныхъ желаній ихъ и разрушитъ замыслы возмутителей точнымъ исполненіемъ воли начальства.

«Андреевцы! между вами есть люди почтенные, искони заслужившіе довѣренность вашу безпристрастнымъ поведеніемъ. Спросите ихъ, должно ли вамъ желать крѣпости и правительства россійскаго, или страшиться оныхъ. Они скажутъ вамъ, что крѣпость оградитъ васъ отъ враговъ вашихъ; что правительство россійское обезпечитъ свободу вашу, собственность, спокойствіе и все, что можетъ составить благополучіе ваше. Чего же страшиться вамъ? Положитесь на милосердіе Монарха и будьте увѣрены, что все, по высочайшей волѣ его предпринимаемое, имѣетъ единственною цѣлью обезпечить благосостояніе ваше».

Волненіе андреевцевъ заставило Ермолова поторопиться отъѣздомъ на Кавказскую линію и, поручивъ командованіе войсками въ Закавказьѣ и управленіе краемъ генералъ-лейтенанту Вельяминову 1-му, главнокомандующій 1-го іюля прибылъ въ селеніе Андреевское. Приступить немедленно къ заложенію крѣпости было невозможно, потому что мѣсто это было засѣяно хлѣбомъ и надобно было вырубать много лѣса. Не прежде половины іюля начались работы, а между тѣмъ прибытіе главнокомандующаго на линію вызвало лихорадочную дѣятельность со стороны дагестанскихъ предводителей. Аварскій ханъ собиралъ толпу вооруженныхъ и намѣренъ былъ, для отвлеченія нашего вниманія, двинуться на разореніе Кубинской провинціи. Шихъ-Али-ханъ также формировалъ ополченіе съ тѣмъ, чтобы часть его отправить на помощь чеченцамъ, а съ другою присоединиться къ аварскому хану; къ нимъ же намѣрены были присоединиться и акушинцы [1]).

Султанъ Ахмедъ-ханъ аварскій распускалъ слухъ среди даге-

[1]) Рапортъ Вельяминова 1-го Ермолову, 11-го августа, № 129.

станцевъ, что, разоривъ селеніе Андреевское, русскіе схватили всѣхъ женъ и распродали ихъ на рынкахъ; что подобная участь грозитъ всѣмъ магометанамъ, и потому онъ идетъ на освобожденіе вѣры. Слѣдовавшая за нимъ толпа большею частію никогда не видала русскихъ; почти всѣ жители андреевскихъ селеній были въ заговорѣ съ лезгинами и дали присягу аварскому хану, что будутъ исполнять его волю. Сурхай-ханъ казикумухскій готовился къ оборонѣ. Генералъ Вреде спрашивалъ, какая опасность заставляетъ его укрѣплять свои границы тогда, когда русскіе всегда готовы защитить его, если онъ объявитъ своихъ непріятелей. Сурхай отвѣчалъ, что недоброжелательство къ нему Асланъ-хана кюринскаго заставляетъ его принять мѣры къ защитѣ [1]).

Чеченцы собирались въ разныхъ мѣстахъ небольшими партіями и, въ ожиданіи прибытія подкрѣпленій, скрывались въ лѣсахъ; они намѣрены были напасть на Грозную и прервать наши сообщенія съ Терекомъ. Главнокомандующій приказалъ находившемуся въ крѣп. Грозной полковнику Грекову дѣлать частыя вторженія въ Чечню и тревожить населеніе какъ въ Ханъ-Кальскомъ ущельѣ, такъ и къ сторонѣ Аргуна, стараясь захватывать людей, скотъ, лошадей, сжигать хлѣбъ, сѣно, словомъ — наносить имъ сколь возможно болѣе вреда.

«Есть извѣстіе, писалъ Ермоловъ Грекову [2]), что большая партія чеченцевъ собирается на Аргунѣ, чтобы дѣйствовать на сообщеніе наше съ Терекомъ. Хорошо, если бы вы воспользовались симъ случаемъ, когда все вниманіе чеченцевъ обращено на отрядъ при сел. Андреевѣ, и сдѣлали бы набѣгъ за Ханъ-Калу, стараясь захватить все, что возможно».

Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ селенія, лежавшія на пути сообщенія съ Терекомъ, были уничтожены, чтобы хищники не могли защищаться въ нихъ [3]), переправы были очищены отъ камышей, въ которыхъ могли скрываться горцы передъ нападеніемъ.

Ермоловъ приказалъ всѣхъ аварцевъ, пріѣзжавшихъ по торго-

---

[1]) Рапортъ генерала Вреде Ермолову, отъ 6-го августа, № 37.

[2]) Отъ 28-го іюля 1819 г., № 30.

[3]) Рапортъ полковника Верховскаго 29-го и 31-го іюля, за №№ 1 и 4.

вымъ дѣламъ въ гг. Кубу и Нуху, брать подъ стражу и отправлять въ Елисаветпольскую крѣпость, гдѣ и употреблять въ крѣпостныя работы. То же самое дѣлать и съ тѣми, которые пріѣдутъ въ Кахетію, причемъ «тотъ, кто представитъ начальству взятаго аварца, имѣетъ право пользоваться его товаромъ и другимъ имуществомъ безпрекословно [1])». Арестованіе нѣсколькихъ соумышленниковъ Шихъ-Али въ Кубинской провинціи и совѣты шамхала тарковскаго нѣсколько образумили акушинцевъ и они отказались отъ нападенія на Кубинскую провинцію и вообще отъ содѣйствія аварскому хану и его брату Хасанъ-хану дженгутайскому. Такое рѣшеніе акушинцевъ значительно ослабляло силы дагестанцевъ; тѣмъ не менѣе, 17 іюля, въ урочищѣ Кубдень-Дыкка съѣхались на совѣщаніе: Шихъ-Али, аварскій ханъ и братъ его Хасанъ. Они положили собраться на р. Богуляль и оттуда двинуться: аварскому хану къ Казіюртовскому укрѣпленію, брату его Хасанъ-хану дженгутайскому противъ отряда, расположеннаго въ Андреевскомъ селеніи, а Шихъ-Али и Абдулъ-бекъ эрсинскій, соединившись съ каракайтагцами, двинутся на Табасарань и будутъ стараться ворваться въ Кубинскую провинцію [2]).

Въ Кубинской провинціи власть бековъ, до безконечности угнетавшихъ народъ, была ограничена, и освобождавшееся изъ-подъ ихъ власти населеніе охотно исполняло всѣ наши требованія. Кубинцы образовали изъ себя пограничную конную стражу и назвали ее *диванными нукерами*. Скоро служить въ нукерахъ стало считаться большимъ почетомъ, и многіе искали случая поступить въ дружину.

Такимъ образомъ среди населенія Кубинской провинціи нельзя было ожидать волненій, но для защиты ея отъ внѣшнихъ непріятелей главнокомандующій отправилъ въ Кубу генералъ-маіора князя Мадатова, подъ начальствомъ котораго долженъ былъ сформироваться отрядъ въ 1,500 человѣкъ пѣхоты изъ полковъ Троицкаго и Севастопольскаго, при 6 орудіяхъ, и 300 человѣкъ казаковъ при двухъ конныхъ орудіяхъ. Для усиленія князя Мадатова Ермоловъ приказалъ ему потребовать татарскую конницу отъ хановъ ширванскаго, шекинскаго и карабагскаго. Переправившись черезъ р. Са-

[1]) Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, №№ 55, 56 и 57.

[2]) Рапортъ Вельяминова 1-го Ермолову, 3-го августа 1819 г., № 122.

муръ, князь Мадатовъ долженъ былъ идти на встрѣчу мятежникамъ, если бы они появились у Курага или Чираха.

«Ты вѣрно уже пришелъ съ иностранными твоими легіонами (татарами), писалъ Ермоловъ князю Мадатову [1]). Теперь надо ограничиться наблюденіемъ за Табасаранью и пользоваться случаями дѣлать возможный вредъ Абдулъ-беку эрсинскому, зятю Шихъ-Алихана.... Если, видя тебя приблизившагося къ Табасарани, акушинцы, которые по глупости своей думаютъ себя въ правѣ во все мѣшаться, обратятся къ тебѣ съ своими бумагами или посланцами, ты отвѣчай имъ, что безъ приказанія моего не можешь вступить съ ними ни въ какое объясненіе, но только знаешь то, что будешь истреблять тѣхъ, которые осмѣлятся дѣлать вредъ подданнымъ государя. Я бы желалъ, чтобы они были покойны сколько возможно времени. Ударитъ часъ воли Божіей—и преступники изобличатся».

«Размножай страхъ и ужасъ между злодѣями, писалъ главнокомандующій кн. Мадатову [2]), ты хорошо знаешь татаръ. Акушинцевъ, если они не возстанутъ явно, надобно держать до извѣстнаго времени въ обольщеніи. Ударитъ часъ воли Божіей!»

Одною изъ главныхъ обязанностей князя Мадатова было, въ случаѣ значительнаго возстанія въ Дагестанѣ, открыть сообщеніе съ Ермоловымъ, такъ какъ отрядъ, расположенный въ селеніи Андреевскомъ, былъ весьма незначителенъ [3]). Онъ состоялъ изъ 8-го егерскаго полка, въ которомъ одинъ баталіонъ былъ изъ рекрутъ послѣдняго набора, изъ шести ротъ Кабардинскаго полка и 30 человѣкъ казаковъ при 12 орудіяхъ. Баталіонъ Троицкаго полка и двѣ роты Кабардинскаго отправлены были для занятія важныхъ постовъ.

Не смотря на то, что большая часть жителей самаго селенія и почти всѣ деревни, Андреевскимъ владѣніямъ принадлежавшія, постепенно принимали сторону аварскаго хана, и что сообщеніе отряда съ линіею дѣлалось сомнительнымъ, Ермоловъ дѣятельно продолжалъ работы по возведенію крѣпости, названной имъ *Внезапною*.

---

[1]) Отъ 26 го іюля 1819 г. Изъ собранія писемъ къ князю Мадатову.

[2]) Въ августѣ 1819 г. Тамъ же.

[3]) Предписаніе Вельяминова 1-го князю Мадатову, 14-го іюня, № 13.

Земляная работа производилась весьма успѣшно, и главнокомандующій надѣялся окончить ее къ концу августа. «Самая большая забота, писалъ онъ кн. Мадатову [1]), состоитъ въ строеніи жилья для гарнизона и едва ли что нибудь можно будетъ сдѣлать порядочнаго. Крѣпость такая, что и нездѣшнимъ дуракамъ взять ее невозможно. Немного трудна работа, ибо напали мы на камень и на ужасный лѣсъ. Скоро начнутъ приходить полки наши изъ Россіи, и мы по истинѣ будемъ ужасны. Не даромъ горцы насъ потрушиваютъ—все будетъ благополучно».

Увѣренность главнокомандующаго вполнѣ оправдалась: непріятель испыталъ рядъ пораженій и прежде всего наказаны были чеченцы. Прибыль воды въ рѣкахъ долгое время не дозволяла полковнику Грекову выступить въ Чечню, но онъ исполнилъ это 4-го августа. Въ Ханъ-Кальскомъ ущельѣ отрядъ не встрѣтилъ никого, точно такъ же, какъ и въ Шавдонѣ. Жители скрылись въ лѣса и горы; деревни были пусты, точно все вымерло: ни женъ, ни дѣтей, ни имущества въ нихъ не было. Казаки сожгли 40 стоговъ сѣна въ Шавдонѣ, уничтожили нѣсколько деревень на р. Аргунѣ и сожгли тамъ болѣе 200 стоговъ сѣна [2]).

Почти одновременно съ полковникомъ Грековымъ выступилъ изъ Кубинской провинціи и кн. Мадатовъ со своимъ отрядомъ [3]). Узнавъ о переправѣ русскихъ черезъ р. Самуръ, Сурхай-ханъ такъ струсилъ, что боялся пошевелиться, и на всѣ предложенія дагестанцевъ отвѣчалъ отказомъ [4]). Вступивъ въ Табасарань, князь Мадатовъ привелъ къ покорности три магала верхней части и затѣмъ двинулся далѣе, чтобы захватить въ свои руки измѣнниковъ Шахъ-Гирея и Абдулабека эрсинскаго. Съ этою цѣлью князь Мадатовъ сдѣлалъ два перехода до деревни Маграга (Мурега?) и здѣсь сформировалъ два летучихъ отряда: одинъ (400 человѣкъ пѣхоты, два орудія и часть та-

[1]) Въ письмѣ отъ 8-го августа 1819 г. Изъ собранія писемъ князя Мадатова.

[2]) Рапорты полковника Грекова Вельяминову, 30-го іюля, 4-го и 9-го августа 1819 г., №№ 31, 35 и 36.

[3]) Въ составъ отряда вошли: 1,500 челов. изъ полковъ Севастопольскаго и Троицкаго, 6 орудій, 300 казаковъ, 250 челов. шекинской, 200 карабагской и 200 челов. ширванской конницы.

[4]) Письмо князя Мадатова Ермолову, 8-го августа 1819 г.

басаранской конницы), подъ начальствомъ маіора Износкова, онъ направилъ къ сел. Туруфъ, гдѣ жилъ Шахъ-Гирей, а съ другимъ (500 человѣкъ пѣхоты, 3 орудія, 150 казаковъ и нѣсколько сотенъ татарской конницы) двинулся самъ къ дер. Хушни, въ которой находился Абдула-бекъ эрсинскій. Слѣдуя форсированнымъ маршемъ по самымъ труднымъ и гористымъ мѣстамъ, русскій отрядъ совершенно неожиданно явился передъ сел. Хушни, гдѣ собраны были всѣ жители нижнихъ деревень. Послѣ незначительнаго сопротивленія непріятель разсѣялся, а тяжело раненый Абдула-бекъ успѣлъ бѣжать въ Акушу со всѣмъ своимъ семействомъ. Той же участи подвергся и Шахъ-Гирей, вытѣсненный маіоромъ Износковымъ изъ своего селенія. Разоривъ нѣсколько деревень, оба отряда возвратились къ дер. Маграга. Приведя къ покорности и остальныхъ жителей Табасарани, кн. Мадатовъ поручилъ управленіе ими Абдулъ-Резакъ-беку, зятю шамхала тарковскаго [1]).

«Цѣлую тебя, любезный мой Мадатовъ, и поздравляю съ успѣхомъ, писалъ Ермоловъ [2]). Ты предпринялъ дѣло смѣлое и окончилъ славно. Весьма хорошо, что сіе произошло въ то самое время, когда дагестанская каналья дѣлаетъ противъ насъ заговоръ и присягу. Теперь не время помышлять имъ объ истребленіи невѣрныхъ—надобно думать о собственной защитѣ.

«Нѣкоторое время долженъ я, любезный князь Валеріанъ Григорьевичъ, стѣснить твою дѣятельность, но сего требуютъ обстоятельства: потерпи немного, недалеки случаи, гдѣ царю нашему полезна будетъ храбрость твоя и усердіе. Если бы могъ я столько положиться на каждаго изъ моихъ товарищей, то не столь было бы мнѣ трудно, ибо ты не менѣе каждаго дѣлаешь по должности и не мало еще дѣлаешь по дружбѣ ко мнѣ и давней свычкѣ....

«Adieu, cher Madatow, je n'ai qu'une chose à vous recommander, c'est de prendre garde aux Akouschis et qu'ils ne vous arrive avec de trop grandes forces. Le moindre mouvement rétrograde de votre part pourra les encourager et faire du tort à nos affaires.

---

[1]) Рапортъ князя Мадатова Вельяминову, 5-го августа 1819 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 159.

[2]) Въ письмѣ отъ 22-го августа 1819 года.

*

«Tâchez de tenir la plaine où vous serez invincible, mais quittez au plutôt le pays montagneux de Tabassaran, d'où il ne vous sera pas facile de sortir en leur présence» [1]).

Пораженіе, нанесенное Абдула-беку эрсинскому, заставило союзника его аварскаго хана выдти изъ выжидательнаго положенія. Соединившись съ чеченцами и присоединивъ лезгинъ, которымъ онъ обѣщалъ освобожденіе отъ русскихъ, какъ утѣснителей вѣры мусульманской, аварскій ханъ съ толпою отъ пяти до шести тысячъ человѣкъ подошелъ къ сел. Баутугай, лежавшему на р. Сулакѣ, въ 16 верстахъ отъ строящейся крѣпости Внезапной. Сюда же пришли къ нему на помощь съ своимъ скопищемъ Хасанъ-ханъ дженгутайскій и Гирей, владѣлецъ Казанищъ. Жители кумыкскихъ селеній готовы были поднять оружіе; изъ Андрея многіе уздени бѣжали въ толпу мятежниковъ; ближайшія къ Андрею селенія салатавцевъ намъ измѣнили—словомъ, все вокругъ отряда было въ заговорѣ.

Желая предупредить измѣну многихъ селеній, остававшихся еще до сихъ поръ спокойными, Ермоловъ передъ свѣтомъ 29-го августа выступилъ изъ крѣп. Внезапной, съ семью ротами Кабардинскаго, шестью ротами 8-го егерскаго полковъ, двумя баталіонами незадолго передъ тѣмъ прибывшаго на линію 42-го егерскаго полка, 13 орудіями и съ 300 казаками.

Не доходя до сел. Баутугай, войска встрѣчены были непріятелемъ; бывшія въ авангардѣ двѣ роты 8-го егерскаго полка съ двумя орудіями и 250 казаковъ имѣли горячую схватку съ горцами, выдержали весьма сильный огонь и два раза оттѣснили непріятеля. Усилившіеся прибытіемъ свѣжихъ силъ, лезгины бросились въ кинжалы, и этотъ новый родъ нападенія привелъ егерей въ нѣкоторое замѣшательство, но подоспѣвшія двѣ роты Кабардинскаго полка ударили въ штыки и непріятель былъ опрокинутъ. Лезгины обратились въ бѣгство на столько стремительное, что не успѣли, по

[1]) «Прощай, любезный Мадатовъ, я могу тебѣ посовѣтовать только одно, чтобы ты былъ остороженъ съ акушинцами. Малѣйшее отступленіе съ твоей стороны можетъ ободрить ихъ и повредить намъ. Старайся держаться на равнинѣ, гдѣ тебя нельзя одолѣть, но лучше поскорѣе выдти изъ гористой Табасарани, откуда тебѣ не легко будетъ удалиться въ ихъ (акушинцевъ) присутствіи.

обычаю, подобрать тѣлъ убитыхъ. По крутизнѣ горъ нельзя было ни преслѣдовать бѣгущихъ, ни спустить орудій для пораженія ихъ артиллерійскимъ огнемъ. Лезгины и аварцы успѣли скрыться въ ущельѣ между р. Сулакомъ и утесистыми горами и засѣли за приготовленными прежде окопами, въ мѣстѣ, хорошо защищенномъ самою природою.

Войска наши заняли селеніе Баутугай и расположились по высотамъ на ружейный выстрѣлъ отъ окоповъ. Сообщеніе непріятеля съ плоскостью и окружными селеніями было отрѣзано. Зная, что между засѣвшими въ укрѣпленіяхъ разными племенами горцевъ не можетъ долгое время сохраняться ни единодушіе, ни согласіе, Ермоловъ въ продолженіе четырехъ дней ограничивался однимъ бомбардированіемъ. Въ ночь на 3-е сентября аварскій ханъ и братъ его Хасанъ-ханъ первые бѣжали изъ укрѣпленій и скрылись въ горахъ. За ними послѣдовали и всѣ остальные защитники, съ такою поспѣшностью, что бросили часть одежды и хлѣбъ, въ которомъ сильно нуждались. Пользуясь всеобщимъ ужасомъ, главнокомандующій двинулся въ горы, сдѣлалъ нѣсколько переходовъ по мѣстамъ столь труднымъ для движенія, что едва могъ провезти два легкія орудія, истребилъ нѣсколько селеній, сжегъ хлѣбъ, сѣно и, не встрѣтивъ на пути ни одного человѣка, возвратился въ крѣп. Внезапную [1]).

Здѣсь главнокомандующій получилъ письмо уцмія каракайтагскаго, писавшаго, что Абдула-бекъ эрсинскій снова собираетъ толпы вооруженныхъ и возмущаетъ каракайтагцевъ противъ Россіи. Не подозрѣвая измѣны, Ермоловъ предписалъ кн. Мадатову съ его отрядомъ двинуться въ Каракайтагъ и для лучшаго успѣха дѣйствій взять съ собою старшаго сына уцмія, Ханъ-Мамедъ-бека, содержавшагося въ Дербентѣ въ качествѣ аманата. Главнокомандующій надѣялся, что въ интересахъ послѣдняго будетъ содѣйствовать намъ къ скорѣйшему успокоенію населенія.

Приведя къ присягѣ Мамедъ-бека и условившись съ уцміемъ о направленіи дѣйствій, кн. Мадатовъ взялъ 500 человѣкъ пѣхоты,

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Ермолова, отъ 10-го сентября 1819 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 58. Письмо Ермолова князю Мадатову, 6-го сентября, № 34.

два орудія, 150 человѣкъ казаковъ, часть кюринской и табасаранской конницы и съ этимъ отрядомъ вступилъ въ Каракайтагъ. Разогнавъ скопище у дер. Берекій и Уллу-Терекеме, кн. Мадатовъ захватилъ все имущество Ибахъ-бека, сообщника Абдулы-бека эрсинскаго, и возвратился съ отрядомъ къ р. Дарбаху, гдѣ и расположился лагеремъ.

Добившись возвращенія сына, уцмій не считалъ болѣе нужнымъ скрывать свое поведеніе и въ ночь на 5-е сентября забралъ все свое семейство и скрылся въ горахъ, сообщивъ кн. Мадатову, что причиною такого поступка полученное будто бы имъ извѣстіе, что русское правительство намѣрено истребить его со всѣмъ семействомъ.

«Я къ тебѣ явился, писалъ уцмій князю Мадатову, только для освобожденія сына—теперь возьми мои земли, жертвую ими потому, что не хочу имѣть старшаго надъ собою».

Спустя нѣкоторое время, кн. Мадатовъ узналъ, что, поселившись въ сел. Башлахъ, уцмій собралъ до 3,000 человѣкъ вооруженныхъ и намѣренъ совокупно съ дагестанцами дѣйствовать противъ русскихъ. 5-го октября кн. Мадатовъ атаковалъ сел. Башлы, и разбитый уцмій укрѣпился въ мѣстечкѣ Симси. Чтобы вызвать его изъ этой крѣпкой позиціи, кн. Мадатовъ двинулся къ резиденціи уцмія къ сел. Янги-Кенду. Адиль-ханъ явился на защиту этого селенія, но былъ сбитъ и прогнанъ въ горы. Селеніе сожжено и домъ уцмія разоренъ до основанія [1]).

Жители селеній каракайтагскихъ, кара-даргинскихъ и терекемейскихъ владѣній, Адиль-хану принадлежавшихъ, просили пощады, отказались повиноваться своему бывшему владѣльцу и присягнули на вѣрность Россіи. Званіе и достоинство *уцмія каракайтагскаго* было навсегда уничтожено, и Адиль-хану не было возврата. Соединившись съ Сурхай-ханомъ казикумухскимъ, Адиль-ханъ подговорилъ его напасть на Чирахскій постъ, а акушинцевъ—сдѣлать вторженіе во владѣніе шамхала тарковскаго, находившагося въ то время при Ермоловѣ въ селен. Андреевскомъ. Акушинцы были недовольны

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Ермолова 27-го сентября. Рапортъ Мадатова Ермолову 22-го октября. Рапорты князя Мадатова Вельяминову 1-му 4-го и 5-го сентября.

тѣмъ, что шамхалъ взялъ отъ нихъ своего сына, и готовились отомстить ему за это.

Получивъ извѣстіе о намѣреніяхъ акушинцевъ, Ермоловъ тотчасъ же выступилъ изъ крѣп. Внезапной въ Тарки. Въ отрядѣ его находились: два баталіона Апшеронскаго, два баталіона Тифлисскаго (въ новомъ составѣ), два баталіона Куринскаго, одинъ баталіонъ Троицкаго пѣхотныхъ и два баталіона 42-го егерскаго полковъ, съ 400 казаковъ. Къ этому отряду долженъ былъ присоединиться кн. Мадатовъ, слѣдовавшій изъ Каракайтага съ двумя слабыми по составу баталіонами пѣхоты, 6-ю орудіями, 200 казаковъ и 400 чел. татарской конницы.

«Отъ меня, писалъ Ермоловъ кн. Волконскому [1]), долгое время не будетъ извѣстій, ибо сообщенія мои съ Кавказскою линіею не будутъ безопасны, а для составленія безопасныхъ конвоевъ надобно бы было раздроблять силы.

«Я пойду довольно далеко въ горы и къ народамъ многочисленнѣйшимъ въ Дагестанѣ, которые на земляхъ своихъ со времени шаха Надира не видали непріятеля. Государя Императора прозорливымъ попеченіемъ преподаны мнѣ средства—по онымъ соразмѣрно наказанъ будетъ гордый непріятель. Сближающаяся зима есть удобнѣйшее для насъ время».

Прибывъ 14-го ноября въ Тарки, Ермоловъ приказалъ кн. Мадатову съ его отрядомъ занять селеніе Карабудахкентъ [2]), лежавшее въ одномъ переходѣ отъ Тарковъ. Слѣдуя по весьма трудной дорогѣ, задерживаемый на переправахъ, кн. Мадатовъ подвигался довольно медленно. Усталые и измученные солдаты на ночлегахъ не находили ни воды для питья, ни дровъ для топлива. Только 20-го ноября кн. Мадатовъ пришелъ въ дер. Буйнакъ, гдѣ соединился съ высланными къ нему на встрѣчу баталіонами Куринскаго, Апшеронскаго и Троицкаго полковъ съ восемью орудіями. 21-го ноября князь Мадатовъ вступилъ въ Карабудахкентъ [3]).

---

[1]) Отъ 11-го ноября 1819 г. № 66.

[2]) См. операціонную карту.

[3]) Письмо Ермолова князю Мадатову, 16-го ноября, 1819 г. № 68. Рапортъ князя Мадатова Ермолову, 20-го ноября, 1819 г. № 425.

Непогода и необычайно глубокій снѣгъ, прервавшій сообщенія, задержали и самого Ермолова въ Таркахъ болѣе двухъ недѣль. Въ гористой части Дагестана, въ одномъ переходѣ отъ Тарковъ, не было снѣга и 2,000 рабочихъ расчищали дорогу. Генералъ-маіору князю Мадатову приказано занять селеніе Губдень и сильными партіями кавалеріи по дорогѣ на Акушу отвлекать на себя вниманіе непріятеля.

Отправивъ къ акушинцамъ воззваніе, главнокомандующій требовалъ, чтобы они дали присягу на вѣрность русскому императору, прислали аманатовъ изъ лучшихъ фамилій, не давали у себя убѣжища измѣнникамъ и возвратили нашихъ плѣнныхъ. Въ противномъ случаѣ, Ермоловъ обѣщалъ наказать ихъ оружіемъ и взять главное ихъ селеніе—Акушу. Жителямъ Мехтулинской провинціи объявлено, что если они не останутся покойными, то будутъ разорены до основанія, и сколько бы ни было плѣнныхъ—всѣ будутъ отправлены въ Россію.

Опасаясь, чтобы русскіе не отогнали богатыя стада скота, акушинцы принуждены были раздѣлить свои силы, приступить къ укрѣпленію нѣсколькихъ пунктовъ, а слѣдовательно ослабить оборону противъ главныхъ силъ [1]).

Получивъ въ началѣ декабря приказаніе занять высоту Калантау, черезъ которую пролегала лучшая дорога въ Акушу, кн. Мадатовъ отправилъ изъ своего отряда 2-й баталіонъ Троицкаго и 3-й баталіонъ Севастопольскаго полковъ съ четырьмя орудіями и 250 линейныхъ казаковъ. Въ третьемъ часу пополудни 9-го декабря отрядъ этотъ выступилъ изъ дер. Шоры и въ половинѣ 5-го часа расположился уже на высотѣ, пройдя до Калантау около пяти верстъ по довольно хорошей дорогѣ. Снѣга на всемъ пути было очень мало, а на вершинѣ и совсѣмъ его не было. Подъемъ на гору былъ не особенно затруднителенъ, и артиллерія была поднята съ небольшимъ пособіемъ пѣхоты. Положеніе отряда на высотѣ было весьма удобно, но чувствовался недостатокъ въ водѣ, которой не было совершенно.

Получивъ извѣстіе о безпрепятственномъ занятіи высоты, главнокомандующій приказалъ кн. Мадатову оставить тамъ тысячу человѣкъ пѣхоты съ артиллеріею, а самому съ остальными войсками

[1]) Ермоловъ князю Мадатову, 28-го ноября 1819 г., № 70.

слѣдовать къ сел. Уруму, вблизи котораго, почти по неприступнымъ высотамъ, засѣли акушинцы и ихъ союзники. Слѣдомъ за кн. Мадатовымъ шелъ и Ермоловъ съ главными силами.

Прибывъ въ сел. Урумъ, принадлежавшее мехтулинцамъ, и лежавшее за хребтомъ высокихъ горъ, ограждавшихъ акушинскія селенія, кн. Мадатовъ сбилъ всѣ передовые караулы горцевъ и выгналъ ихъ изъ селенія. Движеніе главныхъ силъ, при которыхъ былъ обозъ и артиллерія, встрѣтило немалыя затрудненія; въ теченіе трехъ дней орудія подымались на гору, и войска ожидали ихъ присоединенія. «Взятые въ проводники жители земли, пишетъ Алексѣй Петровичъ въ своихъ запискахъ, не вѣря успѣху предпріятія нашего, показывали какъ бы въ насмѣшку мѣста, гдѣ разбиты были войска шаха Надира, дороги, по коимъ спасались они—разсѣянныя. Таково было мнѣніе о могуществѣ акушинскаго народа, и немало удивляло всѣхъ появленіе наше въ сей странѣ».

Подъ прикрытіемъ трехъ баталіоновъ пѣхоты и 400 казаковъ, Ермоловъ 17-го декабря лично произвелъ рекогносцировку непріятельскаго расположенія. По показанію самихъ акушинцевъ толпа ихъ простиралась до 15,000 человѣкъ. Здѣсь были: Шихъ-Алиханъ, Адиль-ханъ, бывшій уцмій каракайтагскій, сынъ Сурхай-хана казикумухскаго и другіе менѣе значительные владѣльцы. Кромѣ акушинцевъ, на защиту этой позиціи пришли и сосѣдніе имъ народы Дагестана.

Рядъ крутыхъ возвышеній занятъ былъ непріятельскими окопами, лѣвый флангъ оканчивался укрѣпленнымъ холмомъ, а правый упирался въ обрывъ ущелья, по которому протекала рѣчка. Тамъ, на другомъ берегу рѣки, хотя и видны были отряды непріятеля, но на столько незначительные, что не могли воспрепятствовать нашему обходу и овладѣнію высотами. Поставивъ на этихъ высотахъ артиллерію, мы могли открыть огонь вдоль всей линіи непріятельскаго расположенія и угрожать его отступленію. Замѣтивъ, что доступъ къ высотамъ, составлявшимъ, такъ сказать, продолженіе праваго непріятельскаго фланга, не особенно затруднителенъ, Ермоловъ избралъ этотъ флангъ главнымъ пунктомъ атаки. Отпустивъ 18-го декабря акушинскихъ депутатовъ, прибывшихъ съ обманчивыми предложеніями, главнокомандующій въ ту же ночь выступилъ изъ Урума и

передъ разсвѣтомъ остановился на пушечный выстрѣлъ отъ передоваго непріятельскаго укрѣпленія.

Не смотря на ясную, лунную ночь, акушинцы не замѣтили нашего приближенія и защиту праваго фланга предоставили «части войскъ, слабой и столько же нерадивой».

Оставленный позади главныхъ силъ и закрытый ими, генералъ-маіоръ князь Мадатовъ, съ пятью баталіонами пѣхоты и шестью орудіями, спустился въ ущелье, переправился черезъ рѣку и быстрымъ движеніемъ занялъ противоположный берегъ. Непріятель, могшій при этой переправѣ нанести значительный вредъ, оставилъ это мѣсто безъ наблюденія. Никто не препятствовалъ князю Мадатову завладѣть нѣсколькими возвышеніями и поставить на нихъ орудія. Только тогда, когда наши батареи открыли огонь вдоль непріятельской линій, акушинцы замѣтили, что русскіе появились у нихъ на флангѣ и, обстрѣливая дорогу, угрожаютъ пути ихъ отступленія.

Какъ только кн. Мадатовъ появился на высотахъ, ему тотчасъ же отправлены были въ подкрѣпленіе два баталіона пѣхоты съ артиллеріею и всѣ донскіе и линейные казаки. На правомъ флангѣ нашего расположенія оставленъ шамхалъ тарковскій съ своею конницею, имѣвшею цѣлію только развлеченіе непріятельскихъ силъ. Удачное дѣйствіе артиллеріи заставило непріятеля очистить передовое укрѣпленіе.

Татары, замѣтивъ его бѣгство, вскакали въ укрѣпленіе, а вслѣдъ за ними прибѣжалъ баталіонъ Ширванскаго полка. Поставленныя въ укрѣпленіе батарейныя орудія били въ тылъ отступавшихъ акушинцевъ. Стрѣлки Куринскаго, Троицкаго и Егерскаго полковъ овладѣли утесами, нависшими надъ дорогою, на которой тѣснился бѣгущій непріятель. Казаки обходнымъ движеніемъ появились въ тылу непріятеля; татары преслѣдовали бѣгущихъ «въ такихъ мѣстахъ, куда проводить можетъ одна добрая воля и рѣдко рѣшительность начальника».

Отъ начала и до конца сраженія прошло не болѣе двухъ часовъ. Непріятель съ необыкновенною быстротою скрылся въ безчисленныхъ ущельяхъ горъ и «бросался съ такихъ крутизнъ, что едва глазамъ вѣрили мы, чтобы спуститься съ оныхъ было возможно».

Вся потеря наша въ этомъ дѣлѣ состояла изъ четырехъ убитыхъ

нижнихъ чиновъ и раненыхъ—двухъ оберъ-офицеровъ и 24 нижнихъ чиновъ [1]). Войска немедленно заняли сосѣднее селеніе Лаваши и расположились въ немъ.

Побѣда эта имѣла огромное вліяніе какъ на акушинцевъ, такъ и на Сурхай-хана казикумухскаго, торопившагося снять блокаду осажденнаго имъ Чирахскаго поста.

Въ то время, когда Ермоловъ дѣйствовалъ противъ акушинцевъ, Сурхай-ханъ казикумухскій успѣлъ собрать до 6,000 человѣкъ и въ 6 часовъ утра 19-го декабря 1819 года напалъ съ ними на Чирахскій постъ, защищаемый двумя ротами Троицкаго полка, подъ командою штабсъ-капитана Овечкина.

Находившееся въ Кюринскомъ ханствѣ селеніе Чирахъ оборонялось редутомъ, состоявшимъ изъ небольшаго квадрата, но съ значительно высокимъ брустверомъ, обезпечивающимъ отъ нечаяннаго нападенія. По своей тѣснотѣ укрѣпленіе не могло вмѣстить всего гарнизона, и потому магазинъ и казармы были вынесены изъ редута, и часть нижнихъ чиновъ находилась въ самомъ селеніи.

Подъ покровомъ темной декабрской ночи казикумухцы спустились съ горъ и, внезапно вторгшись въ селеніе Чирахъ, вырѣзали большую часть спавшихъ въ казармѣ солдатъ (80 челов.) и лишь немногимъ удалось скрыться въ укрѣпленіи. Въ числѣ успѣвшихъ избѣжать смерти былъ прапорщикъ Щербина, собравшій вокругъ себя до 50 чел. нижнихъ чиновъ и засѣвшій съ ними въ мечети, обращенной въ магазинъ. Окруживъ со всѣхъ сторонъ Чирахъ, Сурхай уничтожилъ всѣ мосты, отрѣзалъ защитниковъ отъ крѣпости Кюры (Кюрагъ) и лишилъ возможности маіора Троицкаго полка Ягунова оказать помощь Чирахскому посту [2]). Осажденные были поставлены въ крайне затруднительное положеніе: деревня и солдатская казарма были заняты непріятелемъ, употреблявшимъ всѣ усилія къ тому, чтобы прежде всего овладѣть мечетью и ея высокимъ минаретомъ. Желая выручить товарищей, засѣвшихъ въ мечети, Овечкинъ произвелъ вылазку, но Щербина просилъ его возвратиться.

---

[1]) Отношеніе Ермолова князю Волконскому, 10-го января 1820 г., Тифлис. Арх. Глав. Шт. Кавказской арміи.

[2]) Отношеніе Ермолова князю Волконскому 16-го февраля 1820 г. № 148.

— Береги людей для охраны крѣпости, кричалъ онъ ему: они нужнѣе меня отечеству! Я обрекъ себя на смерть, но умру не даромъ, и если не станетъ свинцу, то своимъ паденіемъ задавлю непріятеля.

Въ теченіе цѣлаго дня Щербина и его товарищи били горцевъ на выборъ, но за то десятки пуль проникали въ амбразуры и число храбрыхъ уменьшалось. Наконецъ горцамъ удалось отбить двери, ворваться внутрь мечети и броситься въ кинжалы. Защищаясь штыками, наши солдаты пали геройскою смертью, но нѣсколько человѣкъ изъ нихъ съ прапорщикомъ Щербиною успѣли забраться въ минаретъ по лѣстницѣ, и каждая голова горца, показывавшаяся въ узкомъ отверстіи, слетала внизъ на окровавленную площадку. Лишившись многихъ храбрыхъ, казикумухцы отказались отъ штурма лѣстницы и стали подрывать минаретъ. Два дня Щербина и его немногочисленные товарищи оставались безъ пищи и воды, наконецъ минаретъ былъ опрокинутъ и храбрый офицеръ вмѣстѣ съ солдатами были погребены подъ его развалинами. Ободренные горцы пытались штурмовать укрѣпленіе, но, встрѣченные картечью, спустились въ ровъ и завязали перестрѣлку. Чтобы вѣрнѣе поражать непріятеля, солдаты взбирались на брустверъ и подвергали себя вѣрной смерти; ряды защитниковъ рѣдѣли, и большая часть офицеровъ была или убита, или ранена. Осада длилась уже три дня и въ укрѣпленіи не было ни капли воды; нѣсколько удальцовъ, спускаясь ночью съ бруствера, прокрадывались къ рѣкѣ, находившейся не далѣе 200 шаговъ отъ укрѣпленія, но немногіе изъ нихъ вернулись. Солдаты глотали порохъ, чтобы утолить жажду, и посылали послѣднія пули на пораженіе врага. Казикумухцы требовали сдачи, но предложеніе это, нѣсколько разъ отвергнутое въ началѣ осады, возбудило теперь нѣкоторое колебаніе. Замѣтивъ, что солдаты переглядываются между собою, штабсъ-капитанъ Овечкинъ, съ прострѣленною ногою, обходилъ ряды и ободрялъ своихъ подчиненныхъ.

— Товарищи! говорилъ онъ; я дѣлилъ съ вами труды и славу, заслужилъ съ вами всѣ раны, не одинъ разъ водилъ васъ впередъ и никогда не видалъ въ побѣгѣ. Не дайте же при концѣ моей жизни увидѣть васъ, какъ трусовъ, безъ оружія, а себя въ постыдномъ плѣну. Ужь если вы рѣшились опозорить имя русское, то прежде при-

стрѣлите меня и тогда дѣлайте что хотите, если не можете дѣлать того, что должно: убейте начальника, когда не хотите бить враговъ.

Еще никогда не бывало, чтобы русскій солдатъ покидалъ своего начальника, а тѣмъ болѣе не повиновался ему. Слова и примѣръ Овечкина ободрили защитниковъ, и они снова кинулись на валъ—и снова посыпались пули въ засѣвшаго во рву непріятеля. Прошло нѣсколько часовъ, и штабсъ-капитанъ Овечкинъ, отъ потери крови, сталъ приходить въ безсознательное состояніе. Тогда фельдфебель одной изъ ротъ предложилъ сдаться. Овечкинъ встрепенулся и приказалъ связать фельдфебеля.

— Я застрѣлю, сказалъ онъ, того, кто первымъ упомянетъ о сдачѣ!

Приказавъ поднести себя къ орудію, Овечкинъ самъ взялъ фитиль и выстрѣлилъ, но въ это время десятки пуль ворвались въ амбразуру и, прострѣленный двумя изъ нихъ въ бокъ и ухо, Овечкинъ покатился съ платформы. Лишившись начальника и изнемогая отъ усталости, защитники дрались отчаянно, какъ вдругъ на склонѣ горъ засверкали русскіе штыки отряда, спѣшившаго на помощь. Имѣя уже извѣстіе о пораженіи Ермоловымъ акушинцевъ, Сурхай предпочелъ избѣгнуть встрѣчи съ русскими войсками. Оставивъ во рву 40 лѣстницъ, казикумухскій ханъ торопился уйти, не ожидая прибытія отрядовъ, одинъ за другимъ пришедшихъ къ Чираху: изъ Зіахуръ (Зейхуръ), подъ начальствомъ капитана Севастопольскаго полка Агѣева [1]), и изъ Кюры, подъ начальствомъ генералъ-маіора барона Вреде [2]). Прибывшіе съ восторгомъ привѣтствовали осажденныхъ, изъ которыхъ осталось только 70 челов. и изъ нихъ лишь восемь человѣкъ нераненыхъ [3]).

[1]) Съ капитаномъ Агѣевымъ пришло всего 50 человѣкъ рядовыхъ съ однимъ орудіемъ.

[2]) У генерала барона Вреде было 100 человѣкъ пѣхоты и незначительное число татарской конницы.

[3]) Славный защитникъ укрѣпленія, штабсъ-капитанъ Овечкинъ, спасшій Кюринское ханство отъ вторженія въ него полчищъ грабителей, былъ приведенъ въ чувство и скоро потомъ выздоровѣлъ отъ полученныхъ ранъ. Награжденный чиномъ капитана и орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, онъ въ іюнѣ слѣдующаго года уже принималъ участіе въ новой экспедиціи въ Казикумухъ.

Между тѣмъ Ермоловъ, не ограничиваясь разсѣяніемъ акушинцевъ, двинулся далѣе, разорилъ нѣсколько богатыхъ селеній и, не встрѣтивъ на пути ни одного человѣка, 21-го декабря занялъ Акушу, оставленную жителями. Горцы признали необходимымъ покориться, и изъ отдаленныхъ мѣстъ народъ приходилъ просить пощады и присягалъ на вѣрность.

«Область, повергшаяся подъ скипетръ вашего императорскаго величества, доносилъ Ермоловъ [1]), состоитъ изъ 60,000 жителей, народа никому непокорствовавшаго, воинственнаго и управлявшаго всѣмъ Дагестаномъ. Разрушено скопище злоумышлявшихъ противъ насъ, пристанище всѣхъ враговъ и измѣняющихъ намъ».

Главный виновникъ возмущенія, акушинскій кадій Мамедъ, бывшій въ сношеніяхъ съ Шихъ-Али-ханомъ, былъ смѣненъ и на его мѣсто назначенъ Зухумъ-кадій, человѣкъ намъ болѣе расположенный. На его обязанность возложено: 1) сохранять прежній образъ управленія и прежніе обычаи безъ всякой перемѣны; 2) не признавать ничьей власти, кромѣ власти главнокомандующаго; 3) наблюдать, чтобы во владѣніяхъ даргинскихъ не было пристанища непріятелямъ и измѣнникамъ Россіи и не имѣть съ ними никакой связи; 4) наблюдать, чтобы народъ даргинскій сохранялъ спокойствіе и дружбу со всѣми подданными русскаго императора, не принимать участія въ распряхъ сосѣдей и не давать никому помощи безъ разрѣшенія главнокомандующаго; 5) войска собирать только для охраненія своихъ границъ и безъ воли главнокомандующаго не входить въ чужія земли [2]).

Потребовавъ 25 челов. аманатовъ и обложивъ населеніе ежегодной данью въ 2,000 барановъ, А. П. Ермоловъ писалъ даргинцамъ, «что отнынѣ впредь главные кадіи назначаемы будутъ по высочайшей волѣ императора и о томъ объявляемо будетъ главнокомандующимъ въ здѣшнемъ краю. Люди вѣрные и усердные изъ каждой фамиліи могутъ получить сіе достоинство.

«Великій государь мой оставляетъ по-прежнему образъ правленія

---

[1]) Отъ 10-го января 1820 г. Тифлис. Арх. Глав. Шт. Кавк. арміи.

[2]) Письмо Ермолова къ Зухумъ-кадію, 23-го декабря 1819 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 178.

вашего и обычаи ваши; собственность ваша будетъ сохранена; позволяетъ вамъ свободный повсюду торгъ и во всѣхъ россійскихъ областяхъ будете принимаемы вы дружественно. Во всѣхъ нуждахъ народа старшій кадій относится къ главнокомандующему въ здѣшнемъ краѣ, и *нѣтъ надъ нимъ никакой другой власти*. Со всѣми вѣрноподданными великаго россійскаго государя общество даргинское должно сохранять пріязнь и дружбу. Непріятелей и измѣнниковъ во владѣніяхъ даргинскихъ не терпѣть и не имѣть съ ними связи.

«Я надѣюсь, что общество даргинское сохранитъ присягу свою и вѣрность великому своему государю, и что я не явлюсь непріятелемъ въ земляхъ вашихъ, о разореніи которыхъ и теперь я сожалѣю [1])».

Старшины приняли это объявленіе съ полною покорностью и поднесли главнокомандующему прекрасную саблю въ знакъ побѣды надъ собою и въ ознаменованіе того, что русскія войска проникли въ главный городъ народа, первенствовавшаго въ Дагестанѣ. Принявъ саблю, Ермоловъ отнесъ всю заслугу войскамъ и благодарилъ ихъ за блестящія дѣйствія.

«Труды ваши, храбрые товарищи, писалъ главнокомандующій въ приказѣ [2]), и усердіе къ службѣ проложили намъ путь въ средину владѣній акушинскихъ, народа воинственнаго, сильнѣйшаго въ Дагестанѣ. Страшными явились вы передъ лицомъ непріятеля и многія тысячи не противостали вамъ: разсѣялись и бѣгствомъ искали спасенія. Область покорена, и новые подданные великаго нашего государя благодарны за великодушную пощаду.

«Вижу, храбрые товарищи, что не вамъ могутъ предлежать горы неприступныя, пути непроходимые. Скажу волю императора—и препятствія исчезаютъ предъ вами. Заслуги ваши смѣло свидѣтельствую предъ государемъ императоромъ—и кто, достойный изъ васъ, не одаренъ его милостью?»

Окончивъ блистательнымъ образомъ зимнюю экспедицію 1819 года, Ермоловъ оставилъ на зиму въ селеніяхъ Мехтулинскаго хан-

---

[1]) Извѣщеніе обществу даргинскому, 24-го декабря 1819 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 179.

[2]) Отъ 1-го января 1820 г. Тамъ же, № 180.

ства войска подъ начальствомъ полковника Верховскаго. Въ составъ этого отряда вошли: два баталіона 42-го егерскаго [1]), два баталіона Ширванскаго, двѣ гренадерскія роты Апшеронскаго и Куринскаго пѣхот. полковъ, сотня линейныхъ казаковъ, шесть батарейныхъ орудій роты № 1-го 19-й артиллерійской бригады, шесть легкихъ орудій сводной полуроты капитана Семчевскаго и одно конно-казачье орудіе.

Войска эти были расположены въ сел. Казанищахъ [2]), Кака-Шурѣ [3]), Буйнакѣ [4]) и другихъ, причемъ на полковника Верховскаго возложено и гражданское управленіе какъ въ Мехтулинскомъ ханствѣ, такъ и въ другихъ обществахъ Дагестана. Напомнивъ полковнику Верховскому о передачѣ во власть шамхала деревень, принадлежавшихъ прежде Султанъ-Ахмедъ-хану аварскому и умершему Хасанъ-хану [5]), главнокомандующій писалъ ему, что «шамхалъ въ селеніяхъ сихъ учредитъ своихъ наибовъ и собственное по произволу распоряженіе. Отъ васъ зависѣть будетъ наблюденіе надъ спокойнымъ и безмятежнымъ ихъ пребываніемъ. Уголовныя преступленія подлежатъ непосредственному разбирательству военнаго начальства. Въ распредѣленіи повинностей относительно войскъ вы дѣйствуете черезъ шамхала» [6]).

Принявъ подъ покровительство императора дѣтей умершаго Хасанъ-хана дженгутайскаго, Ермоловъ оставилъ за ними владѣніе отца ихъ [7]) и для управленія населеніемъ назначилъ наибомъ Тах-

---

[1]) Баталіоны эти были оставлены здѣсь временно, такъ какъ 42-й егерскій полкъ долженъ былъ переформировываться по новому положенію въ Карабагѣ. Вмѣсто баталіоновъ 42-го егерскаго полка въ отрядъ Верховскаго отправлены изъ Кубы переформированные уже баталіоны Севастопольскаго и Троицкаго полковъ.

[2]) Баталіонъ Троицкаго полка.

[3]) Баталіонъ Севастопольскаго полка.

[4]) Гренадерскія роты Апшеронскаго и Куринскаго полковъ.

[5]) Селенія Параулъ, Дургали, Урумъ, Кака-Шура, Казанищи.

[6]) Предписаніе Ермолова полковнику Верховскому, 11-го января 1820 года, сел. Параулъ. Ак. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 62.

[7]) Владѣніе это составляли селенія: Большой и Малый Дженгутай. Кулецма, Аймяки, Ахкендъ, Дуренги, Гапши, Чаглы и Оглы.

масбъ-Ханъ-бека, которому запретилъ дѣлать какія бы то ни было распоряженія безъ разрѣшенія полковника Верховскаго.

«Пребываніе Тахмасбъ-Ханъ-бека должно быть въ Дженгутаѣ, писалъ Ермоловъ Верховскому, но ему приказано отъ меня сколь можно чаще объѣзжать селенія, наблюдая за порядкомъ и повиновеніемъ. Не безполезно вамъ будетъ посылать и собственныхъ для надзора чиновниковъ....

«Полагаясь на извѣстное мнѣ благоразуміе ваше, увѣренъ я, что вы согласите выгоду войскъ, сколько возможно, съ спокойствіемъ жителей и что кроткое и справедливое ими управленіе оставитъ въ нихъ добрую о пребываніи войскъ вашихъ память. Вы столько же, какъ и я, хорошо знаете, что лучшій способъ пріобрѣсти ихъ признательность есть уравнительная раскладка повинностей. Распоряженія ваши учредите вы по усмотрѣнію обстоятельствъ въ случаяхъ, которыхъ я не могъ предвидѣть».

29-го декабря главнокомандующій оставилъ покоренную область и отправился въ Дербентъ, для окончательнаго устройства дѣлъ и введенія русской администраціи въ большей части Дагестана. Еще во время пребыванія Ермолова въ Акушѣ старшины двухъ казикумухскихъ магаловъ (уѣздовъ) явились къ нему съ покорностью, приняли присягу и отказались повиноваться измѣннику Сурхай-хану. Главнокомандующій принялъ ихъ ласково и объявилъ, что поручаетъ управленіе магалами Асланъ-хану кюринскому. Находившагося въ Тифлисѣ сына Сурхай-хана приказано арестовать и отправить въ Темнолѣсскую крѣпость; прислугу его также разослать по разнымъ мѣстамъ [1]).

Жившему по сосѣдству съ Казикумухомъ каракайтагскому народу объявлено, что отнынѣ онъ будетъ управляемъ, по своимъ обычаямъ, беками и кевхами, а по духовнымъ дѣламъ—кадіемъ и будетъ зависѣть единственно отъ русскаго императора и ни отъ кого болѣе. Уцміемъ никто быть не можетъ безъ утвержденія императора и «сего достоинства, писалъ Ермоловъ [2]), не иначе достигнуть можно,

[1]) Предписаніе Ермолова генералъ-лейтенанту Вельяминову 25-го декабря 1819 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 86.

[2]) Въ обвѣщеніи каракайтагскому народу 28-го января 1820 г. Тамъ же, № 146.

какъ отличною вѣрностью, большими трудами и усердною службою». Разрѣшая каракайтагцамъ въ теченіе 1820 года не платить никакихъ податей, А. П. Ермоловъ объявилъ, что на будущее время всѣ доходы, принадлежавшіе уцмію, должны поступать въ казну, и что правительство, въ облегченіе народа, приметъ всѣ мѣры къ уменьшенію по возможности денежныхъ сборовъ.

Запрещая всякаго рода грабежи, покровительство хищникамъ, пріемъ бѣглыхъ нашихъ солдатъ и плѣнопродавство, Ермоловъ выражалъ увѣренность, что народъ каракайтагскій для собственнаго блага свято сохранитъ данную имъ присягу, «и правительство твердо надѣется, что онъ никогда не нарушитъ оной».

Точно такое же управленіе введено и въ Гамри-Юзенскомъ обществѣ [1]). Унцукульцы также искали защиты и покровительства русской власти, но Ермоловъ объявилъ имъ, что до тѣхъ поръ не войдетъ съ ними въ переговоры, пока изъ сел. Аракана не будетъ удаленъ «*бѣглый мошенникъ*» Шихъ-Али-ханъ.

— Составляя главную часть общества, говорилъ Ермоловъ унцукульцамъ, вы можете принудить къ тому жителей Аракана, сторону которыхъ держатъ не болѣе двухъ селеній.

Въ случаѣ согласія унцукульцевъ исполнить требованіе главнокомандующаго, полковникъ Верховскій долженъ былъ привести ихъ къ присягѣ, взять аманатовъ и отправить ихъ въ Кизляръ, а на общество наложить самую незначительную дань, какъ знакъ зависимости ихъ отъ Россіи [2]).

Не желая имѣть непріязненныхъ столкновеній съ сосѣдями, унцукульцы отказывались отъ принужденія жителей сел. Аракана изгнать Шихъ-Али-хана, но лично за себя ручались оставаться покойными. Мехтулинцы также охотно приняли всѣ распоряженія главнокомандующаго, выставили, вмѣстѣ съ сосѣдями, до 400 человѣкъ народной стражи, которая производила безпрерывные разъѣзды по указанію шамхала тарковскаго, поселившагося въ большихъ Казанищахъ. Собственно же для его защиты, акушинцы прислали 60 чело-

---

[1]) См. Ак. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 20.

[2]) Предписаніе Ермолова Верховскому 7-го февраля 1820 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 21.

вѣкъ самыхъ надежныхъ всадниковъ. Въ большей части Дагестана было возстановлено полное спокойствіе, и «если, доносилъ полковникъ Верховскій [1]), случатся тамъ непріятности въ отсутствіе войскъ, то сіе не иначе можетъ произойти, какъ черезъ особую безпечность владѣльца (шамхала тарковскаго)».

Вводя русскую администрацію и отторгая владѣнія, Ермоловъ мало по малу стѣснялъ раіонъ дѣйствій главнѣйшихъ измѣнниковъ: аварскаго хана, Сурхая и уцмія. Лишаясь своихъ владѣній, они лишались вмѣстѣ съ тѣмъ союзниковъ и прежде всего въ лицѣ хана шекинскаго (нухинскаго).

24-го іюля 1819 г. скончался послѣ непродолжительной болѣзни Измаилъ-ханъ шекинскій.

«Жалѣлъ бы я очень объ Измаилъ-ханѣ, писалъ Ермоловъ князю Мадатову [2]), если бы ханство должно было достаться подобному, какъ онъ, наслѣднику, но утѣшаюсь, что оно не поступитъ въ гнусное управленіе, и потому остается мнѣ только просить Магомета стараться о спасеніи души его.

«Я воображаю большую теперь путаницу въ ханствѣ, и не мѣшало бы тебѣ тамъ остаться на нѣкоторое время, пока Иванъ Александровичъ (Вельяминовъ 1-й) прислалъ бы чиновника принять ханство въ управленіе. Кичикъ-ага, безъ сомнѣнія, дѣластъ тамъ величайшія мерзости и некому остановить его. Разграбятъ они имѣніе ханское, а вѣрно у него были кое-какія деньги, которыя были бы полезны намъ для содержанія его семейства, дабы не употреблять на то доходы ханства».

Опасенія главнокомандующаго были предусмотрѣны и предупреждены. Остававшійся старшимъ изъ военныхъ начальниковъ въ г. Нухѣ маіоръ Дистерло 2-й тотчасъ же собралъ къ себѣ старшинъ всѣхъ четырехъ магаловъ и въ присутствіи ихъ отобралъ всѣ ханскія печати и приступилъ къ повѣркѣ доходовъ, получаемыхъ ханомъ. Для предупрежденія волненій среди жителей, генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ отправилъ въ Нуху, вдобавокъ къ бывшимъ

---

[1]) Рапортъ Верховскаго Ермолову, 24-го апрѣля 1820 г., № 391. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 216.

[2]) Въ августѣ 1819 г. Изъ собранія писемъ князю Мадатову.

тамъ войскамъ, баталіонъ 9-го егерскаго полка, два орудія и казачій Золотарева полкъ. Мѣра эта была необходима въ ожиданіи интригъ со стороны родственниковъ умершаго и прежней ханской линіи. Бѣжавшій въ Персію Селимъ-ханъ, братъ его, слѣпой Мамедъ-Хасанъ-ханъ, мать Измаилъ-хана, женщина хитрая и ловкая, а также жена умершаго—всѣ эти лица, имѣя приверженцевъ, работали каждый въ свою пользу. Труды ихъ остались безплодными, такъ какъ Ермоловъ давно уже рѣшилъ, при первомъ удобномъ случаѣ, лишать хановъ ихъ власти и во всѣхъ ханствахъ постепенно вводить русское управленіе.

Получивъ извѣстіе о смерти Измаила, главнокомандующій, подъ предлогомъ неимѣнія прямыхъ наслѣдниковъ, приказалъ ввести въ ханствѣ Шекинскомъ русское управленіе на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, на которыхъ оно введено въ Кубинской провинціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ было приказано: привести въ извѣстность ханскіе доходы, не измѣняя ни количества ихъ, ни порядка взноса; печать ханскую и мирзу, управляющаго дѣлами, взять подъ стражу, дабы пресѣчь ему возможность выдавать фальшивыя ханскія граматы. Привести въ извѣстность граматы, выданныя Измаилъ-ханомъ на управленіе деревнями или на разнаго рода имущество, данное въ собственность; описать собственное имущество хана, долженствующее поступить въ казну; составить списокъ всему ханскому семейству съ обозначеніемъ состоящей у каждаго собственности, чтобы опредѣлить имъ приличное содержаніе отъ казны.

«Прислугу ханскую, писалъ Ермоловъ[1]), состоящую большею частію изъ людей, по различію секты въ землѣ нетерпимыхъ, выслать въ Персію, написавъ Аббасъ-Мирзѣ, что они пожелали возвратиться въ отечество, *счастливое благодѣтельнымъ и отеческимъ его управленіемъ*. Они, будучи въ совершенной бѣдности, обогатились въ ханствѣ, и потому справедливо, чтобы уплатили имѣющіяся на нихъ основательныя претензіи». Мать умершаго хана и большая часть его родственниковъ были отправлены въ Елисавет-

[1]) Въ собственноручномъ предписаніи генералу Вельяминову, 31-го іюля 1819 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 1097.

поль, кромѣ жены покойнаго, оставленной въ г. Нухѣ [1]). Маіоръ Дистерло 2-й назначенъ комендантомъ города, а для сбора доходовъ назначенъ особый чиновникъ.

«Отнынѣ впредь, писалъ Ермоловъ жителямъ [2]), *уничтожается имя ханства и оное называется Шекинскою областью*».

Населенію объявлено, что оно можетъ быть увѣрено въ своей безопасности и въ полномъ обезпеченіи собственности, которая признается священнымъ достояніемъ каждаго; что личный произволъ правителей будетъ уничтоженъ и налоги по возможности уменьшены. «По возвращеніи въ Грузію, доносилъ главнокомандующій [3]), займусь я исправленіемъ погрѣшностей прежняго *злодѣйскаго управленія, и народъ, отдохнувъ отъ неистовствъ онаго, будетъ благословлять благотворительнѣйшаго изъ монарховъ*».

О введеніи русскаго управленія въ Шекинской области и объ уничтоженіи ханской власти было сообщено всѣмъ ханамъ и владѣльцамъ, съ присовокупленіемъ главнокомандующаго, что «каждому изъ единовѣрцевъ покойнаго Измаилъ-хана пріятно будетъ знать, что великій государь, уважая службу его и вѣрность, семейство его не оставитъ безъ высокой милости и покровительства [4])». Это послѣднее завѣреніе для многихъ хановъ было плохимъ утѣшеніемъ, и они не совсѣмъ равнодушно приняли это сообщеніе.

— Я давно зналъ, что такъ будетъ, говорилъ съ неудовольствіемъ Мустафа-ханъ ширванскій, получивъ прокламацію Ермолова.

Назначенные для введенія русскаго правленія въ Шекинской области, генералъ-маіоръ Ахвердовъ и правитель канцеляріи главнокомандующаго, ст. сов. Могилевскій, 17-го августа прибыли въ г. Нуху и на слѣдующій день пригласили къ себѣ бековъ, управляв-

---

[1]) Рапортъ Вельяминова Ермолову, 18-го октября 1819 г. Ак. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 1126.

[2]) Въ прокламаціи отъ 31-го іюля 1819 г.

[3]) Письмо Ермолова графу Нессельроде, 2-го августа 1819 г. Тамъ же, № 1098.

[4]) Объявленіе жителямъ ханствъ: Ширванскаго, Карабагскаго, Талышинскаго, Кюринскаго, Кубинской провинціи и прочихъ мусульманскихъ областей, 31-го іюля 1819 г.

шихъ магалами. Въ Шекинской области было все спокойно, и народъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, облагодѣтельствованныхъ покойнымъ Измаилъ-ханомъ, самъ желалъ введенія русскаго управленія.

22-го августа объявлено въ г. Нухѣ воззваніе главнокомандующаго, и шекинцы приведены къ присягѣ; ханскія граматы и знамя отобраны отъ семейства покойнаго. Въ г. Нухѣ введенъ городовой судъ, подъ предсѣдательствомъ коменданта и при участіи судей, выбранныхъ отъ общества. Шекинцы толпами спѣшили въ судъ съ заявленіемъ претензій на хойцевъ и были чрезвычайно довольны скорымъ рѣшеніемъ дѣлъ. Претензій этихъ было такъ много, что главнокомандующій призналъ необходимымъ прекратить всѣ иски и выслать хойцевъ въ Персію. 30-го сентября они въ числѣ 130 семействъ, въ которыхъ считалось 632 души, были отправлены подъ конвоемъ въ Карабагъ и далѣе за границу.

XVI.

Мѣры къ приведенію въ извѣстность церковнаго имущества въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи.—Волненія въ Имеретіи.—Письмо князя Левана Дадіана Ермолову.—Воззваніе Вельяминова имеретинамъ.—Отправленіе войскъ въ Имеретію.—Просьбы имеретинъ.—Дѣятельность имеретинскаго духовенства.—Воззваніе генералъ-маіора Сысоева имеретинамъ.—Собраніе въ нѣсколькихъ пунктахъ вооруженныхъ жителей.—Воззваніе А. П. Ермолова и предположеніе его объ удаленіи въ Россію имеретинскихъ митрополитовъ Досифея и Евфимія.

По высочайше утвержденному 28 декабря 1818 года докладу Синода, въ Имеретіи, Гуріи и Мингреліи было положено для каждой области установить по одной только епархіи вмѣсто девяти, тамъ существовавшихъ. Доходы съ церковныхъ имѣній повелѣно было соединить съ тѣми, которые собирались въ Грузіи, и изъ нихъ удѣлять 10 тысячъ рублей на расходы по Осетинской духовной комиссіи. Сумма эта должна была раздѣляться такимъ образомъ, что грузинская епархія вносила 5 тысячъ руб., а остальныя деньги были распредѣлены на Имеретинскую, Мингрельскую и Гурійскую епархіи, соразмѣрно ихъ доходамъ.

Для опредѣленія количества послѣднихъ необходимо было со-

брать свѣдѣнія о числѣ церквей, бывшихъ въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи, о количествѣ доходовъ каждой и о числѣ приписанныхъ къ церквамъ имѣній. Желая собрать эти свѣдѣнія съ большею точностью, экзархъ Грузіи, архіепископъ Ѳеофилактъ [1]), рѣшился самъ отправиться въ Имеретію, а въ Мингрелію и Гурію послалъ квабтахевскаго архимандрита Афанасія и прокурора синодальной конторы Чиляева. Ермоловъ совѣтовалъ экзарху нѣсколько обождать преобразованіемъ духовной части въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи и предупреждалъ, что, по грубости населенія, изъ-за этого вопроса могутъ возникнуть безпокойства. Но Ѳеофилактъ не послушалъ и, прибывъ въ Кутаисъ, отправилъ бывшихъ при немъ чиновниковъ въ Кутаискій, Вакинскій и другіе округи, для собранія необходимыхъ свѣдѣній по духовной части и описанія церковныхъ имѣній. Посланнымъ было поручено: 1) составить описаніе архіерейскихъ домовъ съ соборными при нихъ церквами и со штатомъ служащихъ при нихъ духовныхъ и мірскихъ; 2) монастырей съ настоятелями и монашествующими; 3) приходскихъ церквей, домовъ и бѣлаго духовенства; 4) церковныхъ крестьянъ съ имѣніями; 5) церковныхъ дворянъ, непринадлежащихъ къ свитѣ властей епаршескихъ, и 6) описывая крестьянъ, имущества и доходы церковные, имѣть въ виду обращеніе продуктовъ въ денежный сборъ и прибавку повинности въ такихъ только мѣстахъ, гдѣ усмотрѣно будетъ въ церковныхъ крестьянахъ непринужденное на то согласіе [2]).

Едва только чиновники появились въ округахъ, какъ были встрѣчены самымъ непріязненнымъ образомъ имеретинскимъ духовенствомъ, во главѣ котораго стоялъ митрополитъ Кутатель (кутаисскій) Досифей, поступки и дѣйствія котораго были весьма далеки отъ кротости и смиренія, подобающихъ его высокому духовному сану. Обширныя связи Досифея съ духовенствомъ доставляли ему сильную партію приверженцевъ, которою онъ управлялъ тѣмъ удобнѣе, что имеретинское дворянство не имѣло никакого образованія «и едва ли еще не менѣе свойствъ благородныхъ [3])».

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о Ѳеофилактѣ Русановѣ, см. «Вѣстникъ Европы» 1873 г. №№ 11 и 12.

[2]) Ак. Кав. Арх. Аом., т. VI, ч. I, № 758.

[3]) Отношеніе Ермолова князю Голицыну, 31-го августа 1819 г., № 246.

«Исключая собственно Грузію, т. е. Карталинію и Кахетію, писалъ Ермоловъ[1]), гдѣ молодые люди княжескаго и дворянскаго происхожденія примѣтно ищутъ пользоваться способами просвѣщенія, можно сказать объ Имеретіи, Гуріи и Мингреліи, что почти все находящееся въ нихъ дворянство, заимствуя всѣ пороки и развратъ отъ сосѣдей, долгое время господствовавшихъ надъ ними, дало укрѣпиться коварству, неблагодарности и наклонности къ измѣнѣ до такой степени, что классъ дворянства похожъ болѣе на шайку разбойниковъ, нежели на отличное сіе сословіе. Здѣсь дворянство служитъ примѣромъ и одобреніемъ всякаго злодѣйства; народъ простой вообще наклонностей добрыхъ. Недавно сіе дворянство обуздывала власть царей неограниченная; скорый переходъ и безъ всякой постепенности къ власти кроткой и снисходительной медленно смиряетъ своевольства».

Алчное «свыше воображенія» и жадное къ наживѣ, дворянство упорно противилось всему тому, что ограничивало его произволъ, и если припомнить, что среди духовенства находились люди, принадлежавшіе къ знатнѣйшимъ дворянскимъ фамиліямъ, то станетъ яснымъ, почему Досифей имѣлъ поддержку и среди дворянъ.

Уменьшеніе числа церквей и приходовъ было необходимо потому, что число духовенства, а слѣдовательно и лицъ, пользовавшихся особыми привилегіями, было несоразмѣрно велико по сравненію съ общимъ числомъ населенія, приходы были малы, доходы ограничены, и церкви не имѣли никакого благолѣпія.

Но съ уменьшеніемъ числа приходовъ причты оставались безъ должностей и принуждены были трудами снискивать то, что до сихъ поръ получали отъ доброхотныхъ пожертвованій прихожанъ. Естественно, что духовенство непріязненно смотрѣло на преобразованія, лишавшія его возможности пользоваться чужимъ трудомъ и расходовать безотчетно принадлежащіе церквамъ доходы.

Привыкшее къ неограниченной ничѣмъ власти надъ народомъ, имеретинское духовенство достигало этого безъ труда, не смотря на все свое невѣжество, потому что народъ былъ еще грубѣе. Духовен-

[1]) Въ собственноручномъ всеподд. донесеніи, отъ 22-го апрѣля 1820 г. Воен.-учен арх., отд. II, № 4488.

ство понимало зависимость отъ кого бы то ни было не иначе, какъ уничтоженіе права на уваженіе. Неравнодушное ко всякого рода выгодамъ и пріобрѣтеніямъ, принимая очень близко къ сердцу малѣйшую потерю доходовъ, не неся ни малѣйшихъ трудовъ и едва исполняя лежащія на немъ духовныя требы, имеретинское духовенство не могло относиться равнодушно къ предстоявшимъ преобразованіямъ. «Я здѣсь, писалъ позже Ермоловъ П. А. Кикину [1]), по обязанностямъ моимъ, ближе васъ къ церкви, ибо безпрерывно обороняюсь отъ ея присвоеній и понимаю, что̀ значило, когда обладала она имѣніями въ Россіи. Здѣсь не болѣе нашего ловко духовенство и достаточно ощутительно, что со священными хищниками ничто въ алчности сравниться не можетъ».

Желая оставаться обладателями церковныхъ имѣній и лишь въ прежней зависимости отъ Синода, духовенство волновало народъ: архіереи дѣйствовали на князей, а священники на чернь [2]). Они воспользовались двумя ошибками правительства и представили имеретинамъ распоряженія его въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ.

Не ознакомивъ предварительно населеніе съ пользою преобразованій, экзархъ Грузіи, архіепископъ Ѳеофилактъ, наложилъ денежную подать, которая была странна для народа, а для нѣкоторыхъ и отяготительна, потому что превышала ихъ доходы съ тѣхъ же имѣній [3]). Описаніе церковныхъ имуществъ должно было ограничиться одними казенными имѣніями, а Ѳеофилактъ приказалъ произвести описаніе и въ имѣніяхъ помѣщичьихъ [4]). Эта послѣдняя мѣра подала поводъ къ различнаго рода толкамъ и всеобщему неудовольствію. Имеретины полагали и были убѣждены, что послѣ переписи духовенство и дворяне лишатся принадлежащихъ имъ отъ имѣній вы-

---

[1]) Въ письмѣ, отъ 16-го ноября 1822 года. «Русская Старина» 1872 года, т. VI, № 510.

[2]) Письмо Ѳеофилакта генералъ-лейтенанту Вельяминову, 13-го іюля 1819 г., № 364.

[3]) Рапортъ генералъ-маіора Сысоева генералъ-лейтенанту Вельяминову, 18-го іюля.

[4]) Предписаніе Ермолова Вельяминову, 19-го іюля, № 15. Предписаніе Вельяминова генералъ-маіору Курнатовскому, 25-го іюля. Рапортъ Курнатовскаго, 4-го августа.

годъ, а жители будутъ не въ состояніи платить налагаемой на нихъ церковной подати, что церкви останутся безъ доходовъ и что начнутся рекрутскіе наборы [1]).

Спустя не болѣе двухъ дней послѣ начала описанія имѣній, первѣйшіе князья обратились къ правителю въ Имеретіи, генералъ-маіору Курнатовскому, съ просьбою о дозволеніи имъ объясниться съ преосвященнымъ Θеофилактомъ и узнать отъ него, съ какою цѣлью приступлено къ описанію имѣній. Курнатовскій отказалъ, и тогда въ день Петра и Павла жители Шаропанскаго и Кутаисскаго округовъ подали ему прошеніе, въ которомъ писали, что не могутъ принять учрежденія о преобразованіи духовенства. «За симъ учрежденіемъ, писали просители [2]), во многіе вѣка кровью пріобрѣтенные, отъ царей въ награду заслугъ пожалованные, купленные и наслѣдственные крестьяне, имѣнія движимыя и недвижимыя, по бѣдному состоянію нашему украшенные образа и кресты отъ Рождества Христова и донынѣ, выйдутъ изъ нашего вѣдѣнія: нѣсколько церквей упразднится и многое число престарѣлыхъ и юныхъ мужскаго и женскаго пола останутся безъ прославленія всевышняго Создателя и молитвы; также исторгнуты будутъ отъ насъ воспитанные нами священники, приносящіе св. жертву о здравіи и спасеніи душъ нашихъ, а затѣмъ послѣдуетъ теперь же и горше того».

Имеретины просили Курнатовскаго исходатайствовать высочайшее повелѣніе, чтобы не была поколеблена вѣра ихъ, «отъ распятія Христа донынѣ удержавшаяся»; чтобы предоставить имъ самимъ заботиться о благолѣпіи церквей и спасеніи душъ. Говоря, что подъ властью магометанъ хотя они перенесли многія тѣлесныя мученія, но что турки никогда не касались ихъ дѣлъ духовныхъ, имеретины писали, что если государь не уважитъ ихъ просьбы, «то какъ угодно поступить съ нами: или велите бросить въ воду, или же истребить всѣхъ, такъ какъ за вѣру съ радостью готовы понести всякую

---

[1]) Рапортъ Сысоева Ермолову, 29-го іюля 1819 г.

[2]) Въ прошеніи отъ 29-го іюня 1819 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 742. Въ актахъ сказано, что прошеніе это было подано генералъ-маіору Сысоеву, что невѣрно. Оно было подано правителю Имеретіи, генералъ-маіору Курнатовскому, что видно изъ тѣхъ же актовъ на стр. 538.

скорбь отъ сего учрежденія. Впрочемъ, нашему государю посвящаемъ тѣло свое до послѣдней капли крови, кромѣ души».

Итакъ, чисто-гражданскій вопросъ переходилъ на почву религіознаго, на защиту религіи. Въ глазахъ народа грубаго и невѣжественнаго, не имѣвшаго никакого понятія объ общественномъ благоустройствѣ, посягательство на преобразованіе церковныхъ имѣній было равносильно съ посягательствомъ на измѣненіе религіи. Послѣднее всегда и вездѣ вызывало упорное сопротивленіе, и борьба за религію была самою ожесточенною и упорною. Имеретины готовились къ этой борьбѣ и во многихъ мѣстахъ рѣшились не допускать къ себѣ русскихъ чиновниковъ, которые, не имѣя подробной и точной инструкціи, при описаніи имѣній поступали по своему усмотрѣнію. Такъ, нерѣдко лица, имѣвшія царскіе указы, освобождавшіе ихъ отъ податей, записывались въ число платящихъ подати; нѣкоторые священники были сдѣланы свободными, отчего прежніе владѣльцы ихъ, получивъ убытокъ, были крайне недовольны; въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ подати, безъ всякой видимой причины, были увеличены, а въ другихъ уменьшены.

Имеретины роптали на то, что духовенство ихъ, «представляющее образъ Христа», терпитъ поруганіе, тогда какъ жившіе между ними евреи пользуются свободою при устройствѣ своего духовнаго правленія [1]).

Князья и дворяне Вакинскаго округа собирались въ значительномъ числѣ въ квартиру окружнаго начальника и требовали отъ него объясненій, съ какою именно цѣлью производится описаніе помѣщичьихъ священниковъ.

— Мы не желаемъ и не позволимъ описывать, говорили болѣе горячія головы, а если поступятъ противно нашимъ желаніямъ, то изъ этого могутъ выйти дурныя послѣдствія.

То же самое заявили князья и дворяне Шаропанскаго округа своему окружному начальнику. Въ мѣстечкѣ Сачхерахъ, принадлежавшемъ князю Церетели, прибывшіе туда чиновники были посажены въ крѣпость Моди-пахе. Князья объясняли такой поступокъ тѣмъ, что вынуждены будто бы были скрыть ихъ отъ народа, тре-

[1]) Прошеніе имеретинъ 14-го іюля 1819 г.

бовавшаго выдачи чиновниковъ для немедленной высылки ихъ въ Грузію [1]). Лица, посланныя въ округъ Рачинскій, Мингрелію и Гурію, не были допущены къ описанію и возвратились безъ всякаго успѣха. Отправляя въ Мингрелію архимандрита Аѳанасія и съ нимъ родственника Дадіана, имеретинскаго князя Григорія Церетели, экзархъ Ѳеофилактъ поручилъ послѣднему сказать князю Левану Дадіану: «если заповѣди моей не исполнишь, то ты будешь причиною паденія твоего княжества и преданія владѣнія». Слова эти, переданныя княземъ Григоріемъ Церетели въ присутствіи многихъ мингрельцевъ, испугали Дадіана.

«Чѣмъ я согрѣшилъ?» спрашивалъ владѣтель Мингреліи и рѣшился разъяснить свое положеніе. Онъ писалъ Ермолову, что готовъ содѣйствовать всякому преобразованію, но просилъ не отчуждать имѣній въ вѣдѣніе синодальной конторы, потому что имѣнія эти составляютъ не церковную, а его собственность; что церковными они названы потому только, что доходъ съ нихъ предоставленъ временно архіереямъ вмѣсто жалованья, «но выгоды отъ нихъ, писалъ Дадіанъ [2]), и повинности, въ видѣ гоми, вина и денегъ, принадлежатъ мнѣ, какъ и другія собственныя имѣнія въ моемъ владѣніи; дворяне и крестьяне тѣхъ вотчинъ служатъ мнѣ и,—чтобы не распространяться,—обязательства ихъ ко мнѣ всегда были тѣ же, какъ и собственныхъ моихъ вотчинъ».

Сознавая, что отчужденіе имѣній ограничитъ и безъ того незначительныя средства къ жизни, князь Леванъ Дадіанъ увѣрялъ главнокомандующаго, что онъ лишится возможности не только прилично содержать себя, но и снискивать дневное пропитаніе, и принужденъ будетъ просить о лишеніи его званія правителя.

— Но тогда, спрашивалъ Дадіанъ Ермолова, будетъ ли исполнена высочайше утвержденная грамата о непоколебимости владѣнія моего, нелишеніи меня имѣній моихъ и владѣнія, которое всемилостивѣйшій государь утвердилъ за мною и слѣдующими по мнѣ владѣтелями, какъ было при моихъ предкахъ? И какъ подтвердится

[1]) Рапортъ генералъ-маіора Курнатовскаго генералъ-лейтенанту Вельяминову, отъ 8-го іюля 1819 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 743.

[2]) Въ письмѣ Ермолову, отъ 22-го мая 1819 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 879.

письмо, всемилостивѣйше пожалованное мнѣ и матери моей въ 1806 году, коимъ удостоены мы обѣщаніемъ утвержденія нашего владѣльчества и ненарушимости покровительства государя, въ залогъ чего дана намъ и икона Влахернской Богородицы? Письмо это вы разсматривали и на подлинникѣ его изображено имя ангелоподобнаго государя моего, и какъ же письмо то будетъ исполнено, если случится такъ, какъ выше сказано?

Ермоловъ отвѣчалъ, что правительство вовсе не имѣетъ въ виду стѣснять владѣльцевъ въ правахъ и преимуществахъ, но желаетъ дать лучшее устройство духовной части; что трактатъ никогда не будетъ нарушенъ, и имѣнія, приносившія донынѣ доходъ церкви и духовенству, изъ вѣдома его никогда исключены быть не могутъ. То же самое было сообщено и владѣтелю Гуріи, не менѣе Дадіана страшившемуся описанія церковныхъ имѣній. Оба владѣльца успокоились, но въ Имеретіи безпокойства усиливались, такъ какъ правительство, изъ боязни уронить въ глазахъ народа важность высочайшаго указа, продолжало описывать церковныя имѣнія.

Противники этой мѣры, преимущественно князья и дворяне Шаропанскаго округа, собрали значительное скопище и первые подняли знамя возстанія; къ нимъ присоединились многіе изъ обывателей Кутаисскаго округа. Во главѣ недовольныхъ стояли: князь Николай Абашидзе, сильный въ Шаропанскомъ округѣ, и тамошніе дворяне: Пиронъ Гунсадзе, Григорій Чхейдзе, Хахута Кикнадзе, Леванъ Мачаваріани и присоединившійся къ нимъ изъ Кутаисскаго округа дворянинъ Леванъ Кочича-швили.

При ихъ дѣятельности число недовольныхъ быстро возрастало и въ Рачинскомъ округѣ въ короткое время достигло до 2,000 чел., которые, скитаясь толпою по селеніямъ съ оружіемъ въ рукахъ, призывали жителей къ соединенію съ ними. Увѣщаніе окружнаго начальника и его просьба разойтись не дѣйствовали.

— Мы чувствуемъ свою вину, говорили ему коноводы, и, опасаясь за то наказанія, стараемся усилить толпу, чтобы можно было защищаться. Мы не оставимъ своего предпріятія, пока присягою не утвердимъ и не заставимъ жителей послѣдовать за нами.

Имѣя при себѣ только 45 чел. конвоя, окружной начальникъ перешелъ въ селеніе Квара, а мятежники заняли сел. Химши, гдѣ

было заготовлено продовольствіе для войскъ и находилась большая часть ротнаго имущества. Генералъ-маіоръ Курнатовскій отправился самъ къ мятежникамъ, которые пришли къ нему на Квирильскій постъ.

— Для чего вы собрались? спросилъ Курнатовскій.

Имеретины отвѣчали то же, что изложили въ прошеніи. Тогда имъ было объявлено, что Ѳеофилактъ, видя явное нежеланіе народа на реформу по духовному управленію и не желая ничего предпринимать насильно, уѣзжаетъ въ Грузію.

Курнатовскій просилъ собравшихся разойтись по домамъ и быть покойными.

— До тѣхъ поръ не разойдемся, отвѣчали они, пока не будутъ намъ выданы списки, составленные разосланными чиновниками, и пока Ѳеофилактъ не выѣдетъ изъ Имеретіи.

Курнатовскій объявилъ, что подобное требованіе онъ считаетъ дерзкимъ, и снова просилъ разойтись.

— Мы не разойдемся, отвѣчали голоса изъ толпы, пока не будутъ исполнены наши желанія. Впрочемъ, бунтовать мы не намѣрены, а только просимъ.

— Извините насъ! говорилъ лосіатхевскій дворянинъ Бежанъ Чхейзе, обращаясь къ генералу Курнатовскому: пока не рѣшится наше дѣло, ни для почты въ Грузію, ни для купцовъ дороги не будетъ.

Курнатовскій поддался требованію буйной толпы и, отдавая имеретинамъ сдѣланныя уже описи церковнымъ имѣніямъ, просилъ ихъ успокоиться и изложить свои желанія въ прошеніи. Собравшіеся согласились на это, но, ободренные уступкою правителя, медлили подачею прошенія и всѣми средствами старались усилить свою толпу. Подъ видомъ поборничества за уничтоженіе нѣкоторыхъ церквей и защиты духовенства, злонамѣренные распускали между народомъ слухи, что правительство намѣрено измѣнить религію и излишнихъ пастырей церкви взять въ рекруты. Добровольнымъ соглашеніемъ, а иногда и силою, они приводили жителей къ присягѣ, обязывающей каждаго къ единодушному дѣйствію; противящихся стращали разореніемъ домовъ. Всѣ почти дороги были заняты толпами вооруженныхъ имеретинъ, которые останавливали проходящія наши команды,

заставляли ихъ возвратиться назадъ или грозили стрѣлять въ нихъ. Мингрельцы и гурійцы, тайно отъ своихъ владѣтелей, готовы были дѣйствовать совокупно съ имеретинами, а абхазцевъ имъ стоило только пригласить. Нравственное вліяніе преданныхъ Россіи владѣльцевъ Мингреліи и Гуріи было ничтожно противъ общаго желанія народа. Имерстины знали о малочисленности нашихъ войскъ, знали, что не изъ чего составить наступательныхъ отрядовъ, и потому были дерзки въ своихъ требованіяхъ. Генералъ Курнатовскій просилъ прислать ему три баталіона пѣхоты съ артиллеріею и одинъ казачій полкъ, а бывшій въ Имеретіи донской казачій Астахова 7-го полкъ, назначенный къ отправленію на Донъ, предоставить временно въ его распоряженіе [1]).

Остававшійся, за отъѣздомъ Ермолова въ Дагестанъ, командующимъ войсками въ Закавказьѣ, генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ 1-й приказалъ генералу Курнатовскому сосредоточить въ нѣсколькихъ пунктахъ войска, разбросанныя по Имеретіи и Мингреліи, обезпечить ихъ продовольствіемъ и ни въ какомъ случаѣ самому не начинать военныхъ дѣйствій. Но если бы имеретины сами открыли непріязненныя дѣйствія, то поступать съ ними, какъ съ измѣнниками, безъ всякой пощады, «дабы въ самомъ началѣ мятежа строгостью положить конецъ оному» [2]).

Надѣясь все-таки на мирный исходъ дѣла и, за нахожденіемъ большей части войскъ въ Дагестанѣ, не имѣя возможности значительно усилить Курнатовскаго, генералъ Вельяминовъ просилъ Дадіана и князя Мамію Гуріеля употребить содѣйствіе къ удержанію подвластныхъ имъ народовъ отъ всякихъ волненій [3]), а экзарху Грузіи Ѳеофилакту писалъ, чтобы онъ остановилъ описаніе церковныхъ имѣній и, для успокоенія имеретинъ, возвратился въ Грузію [4]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ баталіону Херсонскаго гренадерскаго полка съ

---

[1]) Рапортъ Курнатовскаго генералу Вельяминову 1-му, отъ 8-го іюля 1819 года. Ак. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 743.

[2]) Предписаніе Вельяминова Курнатовскому, 11-го іюля 1819 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 744.

[3]) Письма Вельяминова Дадіану и Гуріелю, 11-го іюля. Тамъ же, № 881.

[4]) Письмо Вельяминова Ѳеофилакту, отъ 11-го іюля. Тамъ же, № 745.

двумя орудіями приказано быть готовымъ къ выступленію; къ нему должны были присоединиться и два полка казаковъ, слѣдовавшіе съ Кавказской линіи въ Грузію. Общее начальство надъ этимъ отрядомъ поручено генералъ-маіору Сысоеву, которому приказано двинуться къ Сураму, открыть сообщеніе съ Курнатовскимъ, если-бы оно было прервано [1]), и принять общее начальство надъ войсками въ Имеретіи.

Считая на первый случай этихъ войскъ достаточнымъ для прекращенія возникшихъ безпорядковъ, но не желая употреблять силы оружія противъ волнующихся, генералъ Вельяминовъ отправилъ имеретинамъ воззваніе, въ которомъ просилъ ихъ успокоиться и не вѣрить пустымъ и ложнымъ слухамъ.

«Обитатели Имеретіи! писалъ онъ [2]).

«Съ душевнымъ прискорбіемъ извѣстился я чрезъ правителя Имеретіи, генералъ-маіора Курнатовскаго, что въ нѣкоторыхъ округахъ возникло волненіе не только въ народѣ, но и между дворянствомъ, принявшимъ въ ономъ участіе. Наиболѣе же удивляютъ меня причины, возбудившія сіе безпокойство. Правительство россійское имѣло въ виду одни благодѣтельныя намѣренія, истинно полезныя для самого имеретинскаго народа, чтобы, преобразовавъ и улучшивъ въ Имеретіи духовную часть, находящуюся въ совершенномъ неустройствѣ, опредѣлить для церквей прочные доходы и оградить оные отъ неправильнаго употребленія и самаго расхищенія и чтобы, приведя ихъ въ извѣстность, обратить къ прямой цѣли, т. е. на устроеніе и украшеніе благолѣпіемъ храмовъ Господнихъ, на учрежденіе духовныхъ училищъ и на обезпеченіе пристойнымъ содержаніемъ самого духовенства. Въ семъ случаѣ никакихъ другихъ выгодъ правительство для себя не искало, не имѣя въ оныхъ надобности, и всегда священнымъ для себя поставляло правиломъ оставленіе церковныхъ въ Имеретіи имѣній и ихъ доходовъ въ непосредственномъ вѣдомствѣ церкви и къ единственнымъ ея пользамъ.

«Слѣдовательно мятежъ, нынѣ возникающій, есть ни что другое, какъ дѣйствіе буйныхъ умовъ, недоброжелательствующихъ пра-

---

[1]) Предписаніе Вельяминова Сысоеву, 12-го іюля 1819 г.

[2]) Въ прокламаціи отъ 11-го іюля 1819 г.

вительству, кои, завидуя спокойствію и благоденствію, каковыми въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ наслаждается имеретинскій народъ, ищутъ разрушить оныя и навлечь на васъ новыя бѣдствія.

«Вспомните, имеретинцы, до чего довели васъ два раза возстававшіе бунты и какія несчастія постигли тогда вашу землю! Одно только неизрѣченное милосердіе кроткаго и человѣколюбивѣйшаго нашего государя императора спасло васъ отъ конечной погибели и возстановило ваше благоденствіе. Неужели же вы снова хотите нарушить вѣрность и учиниться клятвопреступниками! Тогда бойтесь, чтобы не только монаршее, но и Божіе милосердіе вовсе васъ не оставило.

«Если въ понятіяхъ своихъ не могли вы сообразить для себя той пользы, какую желало доставить вамъ правительство, чрезъ просвѣщеніе ваше и введеніе въ духовной части надлежащаго благоустройства, и если также описаніе церковнаго въ Имеретіи имущества казалось вамъ противнымъ обычаямъ и образу вашихъ мыслей, то вы, какъ вѣрные подданные Государя Императора, должны были съ покорностью просить о семъ главное начальство, а не собираться мятежными толпами и предаваться буйству. Тогда, конечно, могли бы вы получить возможное уваженіе къ своей просьбѣ.

«Я и теперь по начальствованію здѣшнимъ краемъ, за отсутствіемъ господина главнокомандующаго, скорбя единственно о вашемъ ослѣпленіи и бѣдствіяхъ, угрожающихъ мятежникамъ, далъ повелѣніе правителю Имеретіи прекратить описаніе церковнаго имущества и оставить управленіе онымъ на прежнемъ основаніи. Для чего и преосвященнѣйшій экзархъ Грузіи, нынѣ же оставя Имеретію, возвратится къ своей паствѣ. Теперь есть еще время поправить безразсудный шагъ вами сдѣланный и отступить отъ пропасти, надъ которою вы стоите. Обуяніе умовъ вашихъ отъ ложныхъ понятій и злыхъ внушеній враговъ спокойствія можетъ еще чрезъ покорность вашу быть предано забвенію. Но если по обнародованіи сего не разойдутся во всѣхъ округахъ собравшіяся мятежныя толпы, и если каждый изъ васъ не обратится къ обязанностямъ своимъ и спокойному занятію хозяйственными дѣлами, то правительство, хотя съ душевнымъ сокрушеніемъ, вынуждено будетъ приступить къ такимъ мѣрамъ, кои приличны противу измѣнниковъ. Не забудьте притомъ, что Россія могла тридцать милліоновъ французовъ, возбужденныхъ

мятежнымъ Наполеономъ противъ законной власти своего государя, въ нѣсколько мѣсяцевъ усмирить, возстановя власть законнаго короля Франціи и произведя благодѣтельный переворотъ къ спокойствію народовъ въ цѣлой Европѣ. Чего же отъ силы и могущества Россіи можетъ ожидать слабая Имеретія, при несчастномъ своемъ ослѣпленіи?

«Я прошу Бога, да озаритъ васъ свѣтомъ истины и обратитъ на путь правый!»

Еще до полученія письма Вельяминова, а именно 9-го іюля, Ѳеофилактъ выѣхалъ изъ Кутаиса, въ сопровожденіи генерала Курнатовскаго и конвоя въ 300 человѣкъ, при двухъ орудіяхъ. Проводивъ экзарха до военно-Малитскаго поста и сдавъ тамъ подъ охрану роты Херсонскаго полка, высланной изъ Сурама, Курнатовскій возвратился въ Кутаисъ. Толпы имеретинъ, вмѣсто того, чтобы совсѣмъ разойтись, какъ обѣщали, распустили по домамъ только крестьянъ, а князья и дворяне отправились въ Вакинскій округъ, для приведенія къ присягѣ тамошнихъ обывателей. Присяга эта состояла въ томъ, чтобы по первому сигналу собираться для дѣйствія противъ войскъ и умереть всѣмъ до единаго. Сигналъ этотъ долженъ быть поданъ, какъ только русское правительство приступитъ къ наказанію кого-либо за сопротивленіе, оказанное при описаніи церковныхъ имѣній. Въ случаѣ успѣха своихъ дѣйствій князья и дворяне, на бывшемъ совѣщаніи, постановили избрать себѣ царемъ или князя Зураба Церетели, который былъ Дадіану тесть, а Гуріелю—дядя, или же избрать князя Ивана Абашидзе, сына царевны Дареджаны, дочери царя Соломона I.

Духовенство, оставаясь въ своихъ монастыряхъ, хотя и казалось спокойнымъ, но въ дѣйствительности благословляло народъ на подвигъ, какъ оно выражалось, освобожденія отечества. Донося Вельяминову, что скопища мало-по-малу расходятся по домамъ и приступаютъ къ хозяйственнымъ занятіямъ, Курнатовскій прибавлялъ, однако же, что «край сей остается въ большомъ сомнѣніи на счетъ его на будущее время безусловнаго намъ повиновенія и самыхъ непріязненныхъ противу насъ покушеній» [1]).

[1]) Рапорты Курнатовскаго отъ 14-го и 15-го іюля. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч I, №№ 748 и 749.

Съ одной стороны увѣренія Дадіана и Гуріеля въ преданности къ Россіи [1]) и готовности содѣйствовать своими силами къ усмиренію волненій въ Имеретіи, а съ другой—донесеніе Курнатовскаго, писавшаго, что толпы разошлись, но существуетъ какое-то тайное движеніе противъ правительства, лишали Вельяминова возможности опредѣлить истинное положеніе дѣлъ. Онъ приказалъ генералу Сысоеву остановить въ Гори баталіонъ Херсонскаго полка, съ двумя орудіями и казачьимъ полкомъ, а съ другимъ казачьимъ полкомъ двинуться въ Имеретію и убѣдиться на мѣстѣ, разошлись ли собравшіеся по своимъ домамъ.

17-го іюля Сысоевъ одинъ безъ войскъ пріѣхалъ въ Кутаисъ. Однимъ переходомъ за нимъ шелъ казачій Астахова 4-го полкъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ идетъ на смѣну полка Астахова 7-го, «дабы народъ, смекающій всякое наше дѣйствіе, не усугубилъ своего страха, по преступленію своему довольно уже въ немъ имѣющагося, и не предпринялъ новыхъ буйностей».

На другой день, поутру, явились къ Сысоеву митрополиты Кутатели и Генатели, въ сопровожденіи значительнаго числа духовенства и человѣкъ 15 имеретинскихъ князей. Они заявили, что всѣ волновавшіеся разошлись по домамъ, и просили его принять на себя ходатайство о прощеніи ихъ преступленія и ручались за совершенное спокойствіе. Сысоевъ обѣщалъ ходатайствовать и, подъ предлогомъ визита, объѣхалъ все духовенство какъ для того, чтобы успокоить населеніе, такъ и для того, чтобы ближе узнать положеніе дѣлъ отъ самого духовенства, воля котораго почти безпрекословно исполнялась народомъ [2]). Послѣ личнаго знакомства съ наиболѣе вліятельными лицами, генералъ Сысоевъ просилъ митрополитовъ Кутателя и Генателя увѣдомить его письменно: всѣ ли жители ихъ паствы имѣютъ искреннее желаніе оставаться покойными и можно ли на нихъ положиться на столько, чтобы ходатайствовать о про-

[1]) «Чувствованія усерднѣйшей преданности, писалъ Дадіанъ Вельяминову, каковую я доселѣ имѣлъ къ государю императору, не только не оставлю, но и сыновей своихъ буду питать оными же чувствами преданности, какъ благопитательнымъ молокомъ или сладостью» (Акт., т. VI, ч. I, № 882).

[2]) Рапортъ Сысоева Вельяминову, 18-го іюля 1819 г. Ак. Кав. Арх. Ком. т. VI, ч. I, № 750.

щеніи[1]). Митрополиты уклонились отъ прямаго отвѣта и заявили, что могутъ увѣдомить объ этомъ только «сообразившись съ народомъ[2])». Съ этою цѣлью митрополиты за своею подписью разослали циркулярное письмо ко всѣмъ князьямъ и дворянамъ, чтобы они прислали на Красную рѣчку своихъ уполномоченныхъ, для объясненія съ генералъ-маіоромъ Сысоевымъ[3]). Обѣщая ихъ встрѣтить и быть посредниками въ переговорахъ съ русскимъ генераломъ, митрополиты уклонялись отъ непосредственнаго участія въ свѣтскихъ дѣлахъ.

«Ваше превосходительство, писалъ Сысоеву генатскій митрополитъ Евфимій[4]), отношеніемъ своимъ требовали отъ меня, дабы увѣрилъ я васъ о вѣрности своей, равно и ввѣренной мнѣ паствы, къ государю императору. Я о паствѣ моей ничего не знаю, кромѣ духовныхъ дѣлъ. Она имѣетъ начальника, черезъ котораго можете удостовѣриться. Что же до меня касается, то возобновляю нынѣ присягу свою, принятую прежде сего передъ св. Евангеліемъ и крестомъ, чтобы пребыть вѣрнымъ его императорскому величеству и по званію своему молиться о его особѣ. Я никогда не былъ ему измѣнникомъ и подъ конецъ дней моихъ не буду. Измѣна во мнѣ никогда не имѣла мѣста. У паствы моей есть свой начальникъ; черезъ него извольте удостовѣриться и увѣриться въ истинѣ».

Сысоевъ находилъ, что единственнымъ средствомъ узнать истину была присяга, и съ этою цѣлью онъ приказалъ приводить жителей къ присягѣ, но не принуждать ихъ къ принятію ея ни кроткими, ни строгими мѣрами, а предоставить въ полную волю каждаго присягать или нѣтъ. Въ выраженіи этой воли должно было обнаружиться, скрываютъ ли имеретины свое недоброжелательство или будутъ оставаться покорными. Въ случаѣ отказа присягнуть, рѣшено было предоставить каждому округу выбрать по пяти человѣкъ депутатовъ и прислать ихъ въ Кутаисъ, для объясненія генералу Сысоеву причинъ неудовольствія. Вслѣдъ за такимъ объявленіемъ, въ девяти верстахъ отъ Кутаиса, на р. Черной собралось до 200 человѣкъ жи-

[1]) Письма Сысоева митрополитамъ, 19-го іюля 1819 г., №№ 546 и 547.
[2]) Рапортъ Сысоева Вельяминову, 19-го іюля 1819 г., № 552.
[3]) Ак. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 753.
[4]) Въ письмѣ отъ 20-го іюля 1819 г. Тамъ же № 754.

телей Кутаисскаго и Шаропанскаго округовъ, изъявившихъ желаніе принять присягу.

Вмѣсто того, чтобы воспользоваться такимъ желаніемъ, успокоить и, подъ благовиднымъ предлогомъ, распустить ихъ по домамъ, генералъ Сысоевъ отправилъ къ нимъ присяжный листъ, въ началѣ котораго было написано: «Я, нижеименованный, раскаявшись чистосердечно въ поступкѣ моемъ, оказанномъ при начатіи введенія преобразованія въ здѣшнемъ краѣ духовной части, и расторгая сдѣланную мною по тому же случаю присягу, обѣщаюсь и клянусь и проч.»

Не понимая причины, почему ихъ заставляютъ расторгнуть произнесенную ими между собою присягу, и не считая за собою поступковъ, въ которыхъ они должны раскаяться, собравшіеся отказались присягать по присланному имъ листу и взамѣнъ того составили свое клятвенное обѣщаніе и просили дозволить имъ присягнуть по немъ.

«1819 года, іюля 26-го дня, говорилось въ этомъ клятвенномъ обѣщаніи [1]), мы, нижепоименованные, обѣщаемъ вамъ и кляпемся всемогущимъ Богомъ, передъ Его святымъ Евангеліемъ и крестомъ, въ томъ, что собраніе наше и общественное скопище Кутаисскаго и Шаропанскаго округовъ имѣло предметомъ своимъ ни что иное, какъ только чтобъ на счетъ выдаваемаго преосвященнымъ Ѳеофилактомъ приказанія о штатномъ учрежденіи просить нашего генерала; кромѣ сего противъ его императорскаго величества Александра Павловича измѣнническихъ и противныхъ произношеній и мыслей между нами не имѣлось. Первая наша присяга на вѣрность государю тверда и ничего о нарушеніи оной между нами не говорено. Хотя изъ имеретинъ кто на насъ клевещетъ предъ начальствомъ, но мы извѣщаемъ, что по тѣмъ доносамъ ничего между нами не произнесено противъ государя императора и противъ его войскъ ничего нами не предпринято».

Не дозволивъ присягать по этому листу и находя, что упорство имеретинъ доказываетъ нечистосердечное ихъ раскаяніе, генералъ Сысоевъ обратился къ народу съ своимъ воззваніемъ.

---

[1]) Ак. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. I, стр. 549.

«Жители Имеретіи! писалъ онъ [1]). Вы утверждаете мнѣніемъ своимъ, что поступокъ вашъ, оказанный при начатіи введенія преобразованія духовной части, есть не преступленіе противъ присяги прежде данной вами на вѣрность свою его императорскому величеству великому государю Александру Павловичу, самодержцу всероссійскому; но сіе утвержденіе ваше происходитъ отъ неискренности и непризнательности. Оною священною клятвою вы клялись всемогущимъ Богомъ и пресвятымъ его Евангеліемъ: что хотите и должны его императорскому величеству и его всероссійскаго престола наслѣднику, который назначенъ будетъ, вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ высочайшей волѣ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови. Всѣ изданныя и впредь издаваемыя отъ постановленной его величествомъ власти узаконенія или учрежденія принимать съ должнымъ послушаніемъ и оныя по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять. Возстановленное его императорскимъ величествомъ въ отечествѣ вашемъ спокойствіе и тишину по крайней возможности своей соблюдать и никакихъ сношеній съ возмутителями отечества вашего, прямо или посредственно, тайно или явно, не токмо дѣломъ, но внушеніями или инымъ чѣмъ—замысломъ, дѣйствіемъ и намѣреніемъ—не имѣть,—гдѣ сей обѣтъ вашъ?

«Правительство русское, заботившееся о благѣ вашемъ, желало, правилами, утвержденными его императорскимъ величествомъ, преобразовать и улучшить въ Имеретіи духовную часть, находящуюся въ совершенномъ неустройствѣ, но вы съ неповиновеніемъ и буйствомъ не допустили учрежденіе сіе. Въ такомъ случаѣ, когда бы, по извѣстности вамъ пользы того учрежденія и по привязанности къ прежнимъ своимъ правиламъ, желали остаться при нихъ, для васъ оставалась позволительность съ покорностью просить о томъ начальство; но вы, вмѣсто снисканія благоуваженія, въ оскорбленіе россійскихъ законовъ, дерзнули собираться мятежными скопищами, дѣлать заговоры и подтверждать единомысліе своею присягою. При начатіи описанія, каковое потребно было для введенія учрежденія, вы, въ поддержаніе явнаго сопротивленія своего, остановили отправлен-

[1]) Отъ 27-го іюля 1819 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 759.

ныхъ для того чиновниковъ и еще грозили имъ, что ежели бы они не оставили сего описанія, то произошли бы худыя послѣдствія, какъ между тѣмъ нѣкоторые и были уже вами задержаны. Среди таковыхъ заблужденій вашихъ были еще изъ васъ, которые смекали въ волненіи вашемъ свою пользу и выгоду, и потому утверждали болѣе васъ въ ономъ, разглашая, что хотѣли перемѣнить христіанскую вѣру, оставить безъ доходовъ св. церкви, а изъ васъ брать въ солдаты, и, однимъ словомъ, внушали о томъ, что можно только было изобрѣсти хитрому, коварному и злонамѣренному уму. Сіи недоброжелатели ни русскому правительству, ни вамъ не преступили ли вѣрноподданнической обязанности? Исчисливъ, можно сказать, коротко ваши дѣянія, я тѣмъ васъ уличаю въ погрѣшности вашей противъ присяги вашей, а не менѣе передъ всеавгустѣйшимъ монархомъ и его законами.

«Генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ, соболѣзнуя о заблужденіи вашемъ и несчастіи, каковое влечетъ за собою мятежничество, велѣлъ прекратить описаніе церковнаго имущества и далъ вамъ время поправить безразсудный вашъ шагъ, объявляя, что оный еще чрезъ покорность вашу можетъ быть преданъ забвенію. Сколько времени съ объявленія прокламаціи прошло, но вы не принесли покорности: это не закоснѣлость ли неблагонамѣренности? Вы видѣли паши съ генералъ-маіоромъ Курнатовскимъ дѣйствія на счетъ водворенія въ здѣшнемъ краѣ спокойствія: скажите, не заключали ли оныя въ себѣ милосердіе русскаго правительства и не удаляли ли отъ васъ всѣ тѣ несчастія, которыя должны быть неизбѣжны, ежели только не воспользуетесь кротостью нашею? Вы видѣли все сіе, но, будучи ослѣплены, подстрекаемы коварными и буйными умами, не видите своего благоденствія, о которомъ мы по состраданію заботимся. Вы, вмѣсто того, чтобы стараться спѣшить удостоиться милости всѣми покорностями, вымышляете свои предложенія, посредствомъ коихъ располагаете получить оную. Виновныхъ ли дѣло предлагать намъ мысли, на чемъ основать русскому правительству увѣренность въ благонадежности Имеретіи?

«Имеретинцы! отъ васъ теперь зависитъ пощадить себя отъ гибели и злополучія, но мы должны уже оставить наши попеченія о благоденствіи вашемъ, когда вы не соотвѣтствуете оному чувство-

ваніями вашими. Хотите увѣрить насъ въ своей вѣрности,—увѣряйте присягою, тою, которая вчера вамъ объявлена; но ежели нѣтъ вашего къ тому расположенія, объявите; мы знаемъ свои мѣры къ укрощенію недоброжелательства и мятежнаго духа, только сіи мѣры для русскаго сердца тяжки, но нечего дѣлать, когда онѣ есть послѣднее средство.

«За всѣмъ тѣмъ, я еще васъ, имеретинцы, не лишаю возможности объяснить мнѣ, на письмѣ ли, чрезъ депутатовъ ли, причины волненія вашего, которыя еще мнѣ неизвѣстны. Къ благополучію же вашему объявите имена дѣйствующихъ въ удержаніи васъ въ томъ заблужденіи, которое безъ чистосердечнаго раскаянія вашего нанесетъ вамъ совершенное несчастіе. Я приму все это въ разсмотрѣніе потому, что мнѣ видно изъ обстоятельствъ, что среди васъ болѣе есть такихъ, кои руководствуютъ непреклонностью вашею по одному мечтанію и мнимымъ надеждамъ удержать собственныя свои пользы и выгоды».

Разосланная ко всѣмъ окружнымъ начальникамъ прокламація эта потерпѣла неудачу. Когда кутаисскій окружной начальникъ, маіоръ Андреевскій, выѣхалъ на Черную рѣчку, то нашелъ тамъ сборище, увеличившееся до 400 человѣкъ, которые отказались выслушать до конца прокламацію Сысоева и твердили, что не признаютъ себя виновными, что никогда не измѣняли и не измѣнятъ императору, а защищаютъ вѣру и достоянія церквей. При этомъ предводители толпы заявили, что при дальнѣйшемъ принужденіи ихъ къ присягѣ они возьмутъ свои семейства, пойдутъ къ Ахалцыху и, остановившись на горахъ, отправятъ главнокомандующему прошеніе о прощеніи и если не получатъ его, то уйдутъ въ Ахалцыхъ.

— Турки очищаютъ уже намъ дорогу и дома, говорили голоса изъ толпы; всѣ имеретины съ нами согласны и на вашей сторонѣ если и есть, то не болѣе четырехъ человѣкъ, хотя многіе и стараются казаться преданными. Митрополиты кутательскій, генательскій и прочіе также съ нами согласны; князья Церетели и Сехнія Цилукидзе также наши приверженцы. На нашей же сторонѣ гурійцы и мингрельцы; князь Дадіанъ, хотя и считаетъ себя преданнымъ, но, по молодости своей, не можетъ удержать народъ. Впрочемъ, не считая себя измѣнниками государю, мы съ вами драться не будемъ.

Князь Иванъ Абашидзе объявилъ секретно Андреевскому, что народъ готовъ бы былъ присягнуть по своему присяжному листу и разойтись по домамъ, но что причиною возмущенія—митрополитъ Церетели и маіоръ Григорій Церетели, «сказавшіе съ самаго начала введенія правила по духовной части всему дворянству, чтобы брали свои мѣры и что они теперь погибаютъ». Желая явить примѣръ послушанія, князь Иванъ Абашидзе вынулъ изъ-за пазухи образъ и присягнулъ предъ нимъ; примѣру его послѣдовали многіе, и, проклиная виновниковъ возмущенія, собравшіеся стали расходиться, но на вопросъ Андреевскаго, куда они теперь идутъ, не отвѣчали.

Предполагая, что собравшіеся расходятся въ разныя стороны, чтобы агитировать въ свою пользу и пріобрѣсти еще большее число своихъ сторонниковъ, Сысоевъ призналъ необходимымъ потребовать изъ Сурама баталіонъ Херсонскаго полка съ двумя орудіями и казачій Попова полкъ. 1-го августа отрядъ этотъ выступилъ къ Малитскому посту, куда на встрѣчу къ нему намѣренъ былъ выѣхать и генералъ-маіоръ Сысоевъ [1]).

Между тѣмъ жители Шаропанскаго и Кутаисскаго округовъ, собравшись снова на р. Чалабури въ числѣ до 2,000 человѣкъ и будучи недовольны поступками Сысоева, отправили прошеніе въ Тифлисъ къ генералу Вельяминову, въ которомъ, жалуясь, что ихъ силою принуждаютъ къ присягѣ, просили избавить отъ нея, такъ какъ они уже присягнули при генералѣ Симоновичѣ [2]). Вельяминовъ самъ не одобрялъ распоряженій Сысоева и еще ранѣе полученія прошенія запретилъ приводить населеніе къ присягѣ, ибо, говорилъ онъ [3]), если они намѣрены отложиться и взбунтоваться, «то не дадутъ присяги, а если и дадутъ, то ей измѣнятъ. Между тѣмъ таковое съ нашей стороны требованіе обнаруживаетъ нашъ страхъ и слабость мѣръ къ укрощенію мятежа. А потому предлагаю вашему превосходитель-

---

[1]) Въ баталіонѣ Херсонскаго гренадерскаго полка находилось: 2 шт.-офиц., 8 оберъ-офицеровъ, 62 унтеръ-офицера и 620 рядовыхъ; въ казачьемъ Попова полку: 2 штабъ-офицера, 7 оберъ-офицеровъ, 6 урядниковъ и 342 казака.

[2]) Прошеніе жителей Кутаисскаго и Шаропанскаго округовъ генералу Вельяминову, отъ 30-го іюля 1819 г.

[3]) Въ предписаніи Сысоеву отъ 23-го іюля 1819 г. Ак. Кав. Ком., т. VI, ч. I, № 755.

ству таковыя требованія оставить, и если они депутатовъ къ присягѣ не пришлютъ, то умолчать и не возобновлять оныя».

Главнокомандующій также порицалъ поступки Курнатовскаго и Сысоева; въ первомъ онъ видѣлъ недостойную уступчивость, а въ другомъ—излишнюю и вредную для пользы дѣла настойчивость. Ермоловъ приказалъ принять мѣры къ успокоенію народа кроткими мѣрами, распорядиться, чтобы войска не подавали ни малѣйшаго повода къ народному неудовольствію, и стараться обезпечить отъ нечаяннаго нападенія главнѣйшіе пункты: Кутаисъ, Марань, гдѣ былъ главный складъ продовольствія, Багдадъ, Квирильскую переправу и сохранить сообщеніе съ Мингреліею, Гуріею и съ укрѣпленіемъ Редутъ-кале.

«Мятежъ народа, писалъ Алексѣй Петровичъ [1]), имѣющаго столь мало средствъ, какъ имеретины, не можетъ быть продолжителенъ, а потому надобно при маломъ числѣ войскъ нашихъ удержать главнѣйшіе пункты и между ними сообщеніе, къ чему присоединивъ малые способы, всегда въ короткое время будетъ земля во власти нашей».

Между тѣмъ число недовольныхъ съ каждымъ днемъ возрастало; толпа, собравшаяся въ Рачинскомъ округѣ, заставляла жителей силою присоединяться къ нимъ. Занявъ дороги, имеретины не пропускали никого изъ проѣзжавшихъ русскихъ и даже окружнаго начальника, ѣхавшаго въ Кутаисъ. Получивъ эти извѣстія, Сысоевъ предписалъ войскамъ принять всѣ мѣры предосторожности и быть готовыми къ отраженію противника въ случаѣ нападенія.

Кутаисъ приводился въ оборонительное положеніе, батареи исправлялись и вооружались орудіями; прилегавшій къ батареямъ лѣсъ вырубленъ на значительное разстояніе; по квартирамъ городскихъ жителей размѣщены казаки для наблюденія за населеніемъ. Такая мѣра, стѣснявшая населеніе, не вызывалась необходимостью, ибо населеніе было не столь виновато, сколько буйныя головы нѣсколькихъ князей, дворянъ и въ особенности все высшее духовенство.

«Не на обывателей, т. е. крестьянъ, писалъ Вельяминовъ Сы-

---

[1]) Въ собственноручномъ предписаніи Вельяминову 30-го іюля. Акты Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 761.

соеву [1]), разнымъ сословіямъ принадлежащихъ, обращайте, ваше превосходительство, свое вниманіе, но болѣе на князей и духовенство, кои суть истинныя орудія всѣхъ неустройствъ и возникшаго мятежа, ибо народъ повсюду есть только слѣпая жертва, которую буйные или честолюбивые умы обыкновенно влекутъ за собою, куда пожелаютъ. Итакъ, если бы, паче чаянія, при начатыхъ со стороны имеретинцевъ военныхъ дѣйствіяхъ кровопролитіе оказалось неизбѣжнымъ, то и въ семъ случаѣ предписываю вамъ наказывать простой народъ только сопротивляющійся оружіемъ, но покоряющихся щадить, и особенно не разорять, безъ крайней нужды, скуднаго ихъ имущества и жилищъ. Мѣра таковаго къ нимъ милосердія, конечно, скорѣе всего отвратитъ ихъ отъ соучастія съ князьями. Бунтующимъ же князьямъ не должно быть никакой пощады. Причемъ семейства зачинщиковъ бунта, также самого преосвященнѣйшаго Кутателя и другихъ изъ духовенства, явно обличенныхъ въ подстреканіи мятежниковъ, имѣете при первомъ сигналѣ къ кровопролитію тотчасъ приказать схватить и за строжайшимъ карауломъ содержать въ безопаснѣйшемъ мѣстѣ».

Движеніе отряда изъ Сурама заставило коноводовъ мятежа принять мѣры къ противодѣйствію; они отправили въ Ахалцыхъ и къ лезгинамъ просьбы о помощи. Лезгины требовали аманатовъ, а Башъ-ага ахалцыхскій отвѣчалъ, что готовъ имъ дать помощь порохомъ, свинцомъ и деньгами, но только тогда, когда получитъ письмо за подписью не менѣе какъ десяти князей. Одновременно съ полученіемъ извѣстій объ этихъ переговорахъ въ Кутаисѣ было получено свѣдѣніе, что въ ущельѣ между постами Малитскимъ и Сакаракедскимъ собралась значительная вооруженная толпа. Отправивъ казачій Астахова 4-го полкъ на Черную рѣчку, Сысоевъ самъ выступилъ изъ Кутаиса съ тремя ротами 15-го егерскаго полка, одною Бѣлевскаго и двумя орудіями. Изъ Кутаиса были отправлены гонцы предупредить собравшихся о движеніи русскихъ войскъ; толпа, не дождавшись ихъ прибытія, разошлась въ разныя стороны, и шесть человѣкъ депутатовъ явились къ Сысоеву съ заявленіемъ своихъ претензій.

---

[1]) Въ предписаніи отъ 2-го августа 1819 г. А. К. А. К., т. VI, ч. I, № 765.

Имъ поручено объявить своимъ единомышленникамъ, что подобными поступками они навлекутъ на себя худыя послѣдствія, а для убѣжденія и успокоенія населенія отправлены преданные намъ князья [1]). Жители не слушали увѣщаній и цѣлыми семействами уходили въ горы. Тогда Сысоевъ отправилъ для увѣщаній генералъ-маіора кн. Церетели и полковника Сехнію Цилукидзе, которымъ поручилъ объявить жителямъ, что каждый, оставившій свой домъ, лишается навсегда своего недвижимаго имѣнія, и оно предоставлено будетъ тѣмъ, которые останутся спокойными [2]).

«Доходитъ до свѣдѣнія моего, писалъ вмѣстѣ съ тѣмъ имеретинамъ А. П. Ермоловъ [3]), что между вами существуютъ безпокойства, и вы собираетесь вооруженные. Знаю однако же, что не нарушеніе вѣрности великому государю вашему и не желаніе призвать несчастіе на отечество ваше тому причиною. Вы думаете, что вамъ надобно собраться вмѣстѣ для безопасности. Но кого вы страшитесь? Чего могутъ опасаться подданные, вѣрные своему государю? Возвратитесь въ дома свои и не умножайте бѣдность земли удаленіемъ отъ хозяйственныхъ вашихъ занятій. Повѣрьте мнѣ, какъ начальнику страны здѣшней, нужды ваши, или забыли вы мое о васъ попеченіе? Давно ли, видя скудость вашего состоянія, испросилъ я у государя великаго и милосердаго прощеніе денежнаго долга и хлѣба, данныхъ вамъ на вспомоществованіе? Оставлена ли одна изъ просьбъ вашихъ безъ вниманія?

«*Недоразумѣніе ваше не почитаю я виною достойною наказанія* и еще никогда въ жизни не вооружалъ я руки моей противъ единовѣрцевъ. Ни наказывать, ниже стращать васъ не хочу! Исполните желаніе мое и возвратитесь къ спокойствію!»

Это воззваніе хотя и не успокоило населенія, но заставило имеретинъ разойтись по домамъ и скрыть до времени свое неудовольствіе. Сысоевъ отправился въ Тифлисъ; войска, слѣдовавшія изъ Карталиніи въ Имеретію, были возвращены обратно и донской каза-

---

[1]) Письмо Сысоева Ермолову, отъ 8-го августа 1819 г.
[2]) Прокламація Сысоева, отъ 12-го августа 1819 г.
[3]) Въ прокламаціи отъ 12-го августа 1819 г.

чій Балабина полкъ отправленъ на льготу на Донъ [1]). Но для полнаго спокойствія народа, главнокомандующій находилъ необходимымъ удалить митрополита кутательскаго изъ Имеретіи, и по его ходатайству Императоръ Александръ приказалъ отправить Досифея въ С.-Петербургъ.

«Вмѣстѣ съ симъ, писалъ оберъ-прокуроръ св. Синода Ермолову [2]), я долгомъ считаю поставить въ виду вашего высокопревосходительства, что преосвященный Θеофилактъ представляетъ Синоду объ удаленіи изъ Имеретіи въ Россію, сверхъ кутаисскаго (кутательскаго) митрополита Досифея, и митрополита гепатскаго Евфимія, такъ какъ оба сіи архіереи—двоюродные братья по матерямъ своимъ—имѣютъ связь съ тамошними князьями и дворянствомъ, не расположенными къ россійскому правительству, и что, по замѣчанію его, они главные зачинщики случившагося въ Имеретіи смятенія, почему отъ васъ зависѣть будетъ отправить и митрополита Евфимія въ С.-Петербургъ».

XVII.

Усиленіе волненій въ Имеретіи.—Вызовъ генералъ-маіора Курнатовскаго въ Тифлисъ и назначеніе правителемъ Имеретіи полковника Пузыревскаго.—Арестованіе митрополитовъ и высылка ихъ изъ Имеретіи.—Возваніе Ермолова имеретинамъ.—Убійство полковника Пузыревскаго.—Назначеніе правителемъ Имеретіи полковника князя П. Д. Горчакова.—Дѣйствія нашихъ войскъ въ Гуріи и Имеретіи.—Усмиреніе возстанія.

Разойдясь по своимъ домамъ, имеретины успокоились, но не успокоились коноводы возмущенія, ихъ князья. Они разослали своихъ довѣренныхъ лицъ къ лезгинамъ, въ Мингрелію, Гурію и даже въ Ахалцыхъ, съ просьбою о помощи противъ русскихъ войскъ. Паша

[1]) Рапорты Сысоева Вельяминову, 16-го, 18-го и 27-го августа, за №№ 706, 712 и 738. Предписанія Вельяминова генераламъ Сысоеву, Дренякину и Курнатовскому, отъ 18-го августа, за №№ 70—72.

[2]) Отношеніе князя Голицына Ермолову, 28-го октября 1819 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 523.

обѣщалъ донести султану о просьбѣ имеретинъ и выражалъ увѣренность, что имъ будетъ оказано полное содѣйствіе.

— Если случится у васъ драка, прежде чѣмъ получится отвѣтъ отъ великаго государя (султана), говорилъ паша черезъ хертвискаго бека, то вы не отступайте назадъ, ибо со всѣмъ множествомъ и всей моей земли возможностью мы будемъ съ вами. Мы прибудемъ къ вамъ съ большимъ войскомъ и множайшею казною.

Такой отвѣтъ значительно ободрилъ предводителей возстанія, и они стали расширять свою дѣятельность. Въ Тифлисѣ скоро узнали о сношеніяхъ имеретинъ съ мингрельцами и гурійцами. Ходили слухи, что князь Леванъ Дадіанъ и Мамія Гуріель также посылали своихъ подданныхъ въ Ахалцыхъ съ подарками пашѣ. Генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ 1-й приказалъ правителю Имеретіи, генералу Курнатовскому, разузнать, на сколько справедливы распространившіяся извѣстія. Подъ предлогомъ претензіи, будто бы заявленной русскими купцами, что изъ Ахалцыха не дозволяютъ вывозить соль и масло, Курнатовскій отправилъ къ пашѣ письмо съ довѣреннымъ лицомъ, которому поручилъ точнѣе разузнать о сношеніяхъ имеретинъ. Паша не скрывалъ этихъ сношеній и откровенно говорилъ, что имеретины и владѣтельные князья Дадіанъ и Гуріель просятъ покровительства турецкаго правительства, просятъ помощи, огнестрѣльныхъ припасовъ, войскъ, а въ случаѣ неустойки противъ русскихъ войскъ просятъ отвести имъ мѣста для поселенія въ предѣлахъ Турціи. Паша заявилъ посланному Курнатовскаго, что обо всѣхъ этихъ просьбахъ онъ писалъ султану и что, не ожидая впрочемъ разрѣшенія султана, онъ, по турецкому обычаю, обязанъ дать помощь просящимъ.

— Я имѣю извѣстіе, говорилъ паша, что и въ Грузіи доброжелателей русскимъ весьма мало. Имеретины народъ чрезвычайно хитрый и вѣроломный; теперь они не хотятъ повиноваться русскимъ и передаются къ намъ, а послѣ не упустятъ стараться сбыть и насъ съ рукъ, но противъ этого я возьму свои мѣры.

Паша хвастался тѣмъ, что будто турки готовятъ *гостинецъ* съ моря противъ Редутъ-кале, что изъ Батума въ Ахалцыхъ привезено 500 вьюковъ пороха и что, сколько бы ни понадобилось имеретинамъ огнестрѣльныхъ припасовъ, столько имъ и будетъ отпу-

щено. Въ Ахалцыхѣ жили многіе имеретины, бѣжавшіе изъ своего отечества и поддерживавшіе связь съ оставшимися. Множество дорогъ и тропинокъ, перерѣзывавшихъ Имеретію, не дозволяли прекратить сообщеніе, и провозъ всякаго рода огнестрѣльныхъ припасовъ былъ безвозбраненъ. Вскорѣ послѣ отъѣзда экзарха Ѳеофилакта изъ Имеретіи было доставлено изъ Ахалцыха сначала девять, а потомъ шесть вьюковъ пороха. Въ залогъ вѣрности паша требовалъ присылки къ нему семейства Абашидзе, жену, дѣтей и мать его царевну Дареджану. Всѣ они обѣщали отправиться въ Ахалцыхъ, какъ только имеретины возстанутъ противъ русскаго правительства. Населеніе тщательно исправляло свое оружіе, и митрополитъ Кутатель истощилъ весь свой арсеналъ, надѣляя неимущихъ ружьями, саблями и пистолетами; на рынкахъ цѣна за оружіе возвысилась болѣе чѣмъ вдвое.

«Всѣ состоянія народа, доносилъ Курнатовскій [1]), въ полной готовности къ поднятію противъ насъ оружія по первому сигналу; они даже ждутъ съ нетерпѣніемъ, чтобы мы начали кого-либо изъ нихъ наказывать за ослушность, дабы возстать въ то время единодушно. Болѣе 300 пикъ на манеръ казачьихъ у нихъ сдѣлано еще лѣтомъ».

Неповиновеніе правительству обнаруживалось почти по всей Имеретіи; предъ наступленіемъ осени, казенные крестьяне нѣкоторыхъ волостей, по наущенію князей, уходили въ горы и требовали смѣны мураковъ, не предъявляя никакихъ основательныхъ для того причинъ; помѣщичьи крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отказывались повиноваться своимъ помѣщикамъ. Въ Рачинскомъ округѣ жители отказались поставлять сѣно для казачьихъ лошадей и, собравшись толпою человѣкъ до 500 вооруженныхъ, шатались по селеніямъ, приводя другъ друга къ присягѣ, чтобы дѣйствовать единодушно; всѣхъ противниковъ своей волѣ грабили и разоряли. Въ Кутаисскомъ округѣ имеретины отказались платить подати и удалились въ горы, угрожая стрѣлять по всякому, кто бы вздумалъ ихъ тамъ безпокоить. «Шаропанскій окружной начальникъ, писалъ Курнатовскій,

[1]) Вельяминову, 17-го января 1820 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 786.

также съ великимъ трудомъ успѣваетъ что-либо выполнить въ подвѣдомственномъ ему округѣ, гдѣ живутъ князья Церетели, Абашидзе и, словомъ, гнѣздо всего зла».

Духовенство, князья и дворяне хранили глубокое молчаніе и были чрезвычайно скрытны; о намѣреніяхъ ихъ можно было узнать только отъ черни Обычай, по которому владѣльцы и духовенство проживали поочередно у своихъ подвластныхъ и кормились на ихъ счетъ, давалъ имъ полную свободу проповѣдовать неудовольствіе къ русскому правительству. Возбуждая населеніе къ возстанію, духовенство и дворянство надѣялось понудить правительство къ уступкамъ и снисходительности, «которую не иначе разумѣютъ они, писалъ А. П. Ермоловъ [1]), какъ продолженіе распутствъ, неистовствъ и звѣрской, унижающей человѣчество власти». Прекратить пропаганду и интригу можно было только такимъ способомъ, который нарушилъ бы вѣковой строй и привычки населенія, а слѣдовательно возбудилъ бы всеобщее негодованіе.

Владѣтели Мингреліи и Гуріи вели себя двулично, и на предложеніе, сдѣланное Дадіану отдать своего сына въ аманаты, онъ отвѣчалъ, что исполнитъ желаніе правительства не теперь, а весною. Въ то время жилъ у него тесть князь Зурабъ Церетели, человѣкъ хотя преклонныхъ лѣтъ, но хитрый, неискренній и въ трудные дни Имеретіи всегда служившій двумъ кумирамъ. Изъ числа наиболѣе преданныхъ Россіи былъ одинъ только кн. Кайхосро Церетели, которому послано было ободряющее письмо Вельяминова и въ подарокъ бриліантовый перстень, съ обѣщаніемъ, если онъ сохранитъ вѣрность, то будетъ награжденъ подполковничьимъ чиномъ.

— Но, говорилъ Вельяминовъ, судя по прежнему его поведенію и лукавствамъ, какія онъ употреблялъ къ содѣйствію побѣга царя Соломона изъ Тифлиса, также и во время возгорѣвшагося въ Имеретіи бунта, надобно имѣть осторожное съ нимъ поведеніе и совершенно не ввѣряться.

Трудно было сказать, кто былъ преданъ намъ въ это время и кто не преданъ. Все зависѣло отъ обстоятельствъ, отъ личныхъ выгодъ и положенія, въ которое могли быть поставлены разныя лица. Кромѣ

[1]) Рапортъ Ермолова князю Волконскому, 5-го марта 1820 г. Чтенія 1866 г.

религіи, имеретины не отличались ничѣмъ отъ прочихъ азіятскихъ народовъ, и кто сегодня былъ намъ врагъ, тотъ завтра могъ быть нашимъ сторонникомъ. Бывшіе безпорядки въ Имеретіи свидѣтельствовали, что явные измѣнники, коноводы возстанія, при удачѣ готовые вырѣзать всѣхъ русскихъ, при неудачѣ просили прощенія и клялись въ вѣрности—таковъ обычай азіятскихъ народовъ. Положеніе дѣлъ въ Имеретіи было весьма натянутое и должно было оставаться такимъ, пока не будетъ ослаблено вліяніе духовенства, какъ сословія, наиболѣе сильнаго на агитаторской почвѣ. Два митрополита, кутательскій и гепательскій, далеко опередили въ этомъ отношеніи всѣхъ остальныхъ. Подъ личиною святости, а на дѣлѣ изъ жажды къ любостяжанію, они противились всѣмъ нововведеніямъ и въ особенности преобразованію духовной части, видя въ этомъ ограниченіе своей власти и произвола.

Хотя А. П. Ермоловъ и сознавалъ, что всякая мѣра къ обузданію духовенства можетъ снова возмутить народъ, тѣмъ не менѣе онъ рѣшился безотлагательно выслать изъ Имеретіи обоихъ митрополитовъ. «Лучше теперь приступить, писалъ онъ [1]), чѣмъ откладывать до дальнѣйшаго времени, ибо зимняя погода, лишая мятежниковъ возможности скрывать семейства свои и скопища въ лѣсахъ, даетъ болѣе средствъ разсѣевать ихъ вооруженною силою, если уже необходимо нужно будетъ употребить оную. Сверхъ того можно еще теперь надѣяться избѣжать большихъ безпокойствъ, но, давъ время вліянію духовенства усилиться еще болѣе, нельзя не ожидать, что со временемъ мятежъ сильнѣе возгорится и легко быть можетъ—при такихъ обстоятельствахъ, кои совершенно воспрепятствуютъ правительству къ укрощенію онаго взять приличныя мѣры».

«Извѣстнаго князя Абашидзе, писалъ Ермоловъ Вельяминову [2]), надобно взять непремѣнно. Остающіеся послѣ его не каждый будетъ имѣть такую, какъ онъ, между дворянствомъ и въ народѣ къ себѣ довѣренность и не равною, какъ онъ, будутъ движимы силою властолюбія».

[1]) Отношеніе Ермолова экзарху Грузіи Ѳеофилакту, 21-го января 1820 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 789.

[2]) Въ предписаніи отъ 22-го января 1820 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 789.

Признавая, что слабое управленіе Имеретіею генерала Курнатовскаго «хуже нашествія татаръ», главнокомандующій поручилъ генералъ-лейтенанту Вельяминову вызвать его въ Тифлисъ и замѣнить другимъ лицомъ.

— Храбрый офицеръ, говорилъ Ермоловъ про Курнатовскаго, по долговременному служенію достоинъ уваженія, но старость, притупя его способности, сдѣлала слабымъ въ командованіи.

Командиръ 44-го егерскаго полка, полковникъ Пузыревскій, былъ назначенъ правителемъ Имеретіи, и ему поручено отправленіе въ Россію обоихъ митрополитовъ и ихъ сторонниковъ, въ числѣ коихъ были: царевна Дареджана, Табакинскаго монастыря архимандритъ Григорій, священникъ Іосифъ Гунсадзе, кн. Бежанъ Церетели, кн. Иванъ Абашидзе, кн. Николай Пинези Абашидзе, полковникъ кн. Сехнія Цилукидзе, кн. Давидъ Микеладзе и дворянинъ Григорій Чхейдзе.

«Говорятъ, писалъ Вельяминовъ Пузыревскому [1]), всѣхъ труднѣе схватить Кутателя и князя Ивана Абашидзе; сообразите, чтобы эти молодцы не ускользнули; если нельзя живыхъ схватить, то истребить, но тогда тѣло Кутателя отнюдь не оставлять, а вывезти изъ Имеретіи и даже изъ Грузіи, ибо убійство митрополита можетъ произвести въ народѣ вредное для правительства вліяніе».

«Болѣе всего страшиться должно, писалъ Вельяминовъ Пузыревскому, 23-го февраля [2]), чтобы не предать смерти митрополитовъ, коихъ убійство совершенно можетъ взволновать народъ, подстрекаемый духовенствомъ и князьями; оно не весьма хорошее сдѣлаетъ впечатлѣніе и на нашихъ солдатъ, которые по вѣрѣ своей имѣть должны сильное благоговѣніе къ духовенству и отъ коихъ скрыть оное не только весьма трудно будетъ, но даже почитаю и невозможнымъ. Итакъ, если бы, къ крайнему нашему несчастію, должно было прибѣгнуть къ сему жестокому средству, тогда отнюдь не оставлять ни одного въ Имеретіи тѣла... Всякаго таковаго довезти до Моздока, не оставляя даже и въ Грузіи, или хотя до Кайшаура, гдѣ

---

[1]) Въ письмѣ отъ 12-го февраля 1820 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 793.

[2]) Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 801.

онаго можно предать землѣ. Единомышленники бунтовщиковъ могутъ внушить народу о наказаніи смертью захваченныхъ, но, не могши того доказать, мы всегда можемъ заблужденный народъ вывести изъ той слѣпоты, въ которую погрузить его стараются».

Для арестованія необходимо было избрать день не праздничный и не пятницу; въ праздники бывали сборища, а въ пятницу—торги, базары и потому могли вызвать волненія среди праздничнаго народа. На случай открытаго возстанія имеретинъ, приказано было полковнику Пузыревскому сосредоточить войска въ Кутаисѣ, усилить Квирильскій постъ и на переправѣ черезъ рѣку сдѣлать мостовое укрѣпленіе. Онъ былъ уполномоченъ объявить всѣмъ князьямъ и дворянамъ, что кто изъ нихъ не остановитъ своихъ подвластныхъ и не уговоритъ ихъ разойтись, у того будутъ отобраны крестьяне въ казну. Митрополиты Софроній и Давидъ, князья Зурабъ и Кайхосро Церетели получили письма Вельяминова, выражавшаго увѣренность въ ихъ преданности къ Россіи [1]). Имѣя въ виду, что главнѣйшіе безпорядки происходили въ Шаропанскомъ уѣздѣ, генералъ Вельяминовъ 1-й просилъ митрополита Давида принять на себя «попеченіе о спасеніи заблужденнаго народа» [2]).

Въ четвергъ 4-го марта, въ 7 часовъ пополудни, были одновременно арестованы въ Кутаисѣ и его окрестностяхъ митрополиты Кутатели Досифей и Генатели Евфимій, кн. Сехнія Цилукидзе, мдиванъ-бекъ Микеладзе и царевна Дареджана съ 10-лѣтнимъ внукомъ, сыномъ князя Ивана Абашидзе. Всѣ они въ тотъ же вечеръ отправлены были на Квирильскую переправу, а оттуда далѣе черезъ Сурамъ, Гори и Анануръ въ Моздокъ [3]). Въ столицѣ Имеретіи было все спокойно, «какъ бы ничего не случилось» [4]). Слѣдомъ за арестованными послана была теплая одежда и люди для прислуги. «Таковое попече-

---

[1]) Предписанія Вельяминова полковнику Пузыревскому, 27-го февраля 1820 г., №№ 7 и 9.

[2]) Письмо Вельяминова Давиду, 28-го февраля 1820 г., № 10.

[3]) Митрополитъ Кутатели не доѣхалъ до Моздока; 5-го марта онъ скончался, и тѣло его предано землѣ въ Ананурѣ.

[4]) Рапортъ Пузыревскаго Вельяминову, 4-го марта, № 40. Тифлис. Арх. глав. штаба Кавказской арміи.

ніе удивляетъ имеретинъ, писалъ полковникъ Пузыревскій [1]), знакомые арестованныхъ благодарили меня». Кн. Зурабъ Церетели клялся въ своей вѣрности до конца дней своихъ и просилъ, чтобы русское правительство употребляло его по своему усмотрѣнію. «Сіе хочу я, писалъ князь [2]), оставить въ примѣръ для сыновей своихъ, кои, онымъ пользовавшись, вспоминали бы меня впослѣдствіи».

Хотя Церетели и увѣрялъ, что въ Имеретіи ничего не случится, но въ Рачинскомъ округѣ была небольшая вспышка, и потому полковникъ Пузыревскій, въ предупрежденіе волненій на будущее время, призналъ необходимымъ объявить во всеобщее свѣдѣніе прокламацію главнокомандующаго къ имеретинскому народу.

«Извѣстно каждому изъ жителей Имеретіи, писалъ Ермоловъ [3]), въ какомъ небреженіи и разстройствѣ находится доселѣ управленіе по части духовной. Кто добрый христіанинъ, не можетъ безъ прискорбія видѣть храмы Божіи оставленные безъ должнаго благолѣпія; смотрѣть безъ сожалѣнія на бѣдное и даже на нищенское состояніе большей части священно и церковно-служителей, тогда какъ выгодами ихъ пользуется малое число, не по справедливости, но единственно по родству или связямъ со знатнѣйшими изъ духовенства.

«Въ такомъ положеніи останутся и храмы Божіи, и пастыри народа, ибо правительство, неизвѣстно будучи, въ чемъ состоитъ имущество церковное, не можетъ улучшить онаго. Своекорыстіе главныхъ особъ духовенства собираетъ доходы безъ ограниченія, расходуетъ по произволу, безъ приличія, и уклоняясь за то отвѣтственности, приносимую благочестивымъ христіаниномъ Богу жертву нерѣдко похищаетъ въ свою пользу.

«Главное духовное въ Грузіи начальство, въ прошедшемъ году, по высочайшей волѣ государя императора приступило къ уничтоженію сихъ безпорядковъ, но въ исполненіи сего благодѣтельнаго намѣренія встрѣтило препятствіе. Доброму и вѣрному народу имере-

---

[1]) Рапортъ Пузыревскаго Вельяминову, отъ 8-го марта 1820 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 803.

[2]) Въ письмѣ Вельяминову, отъ 9-го марта 1820 г. Тиф. Арх. глав. штаба Кавказской арміи.

[3]) Въ прокламаціи отъ 16-го февраля. Ак. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 796. См. тамъ же, № 808.

тинскому истолковано было легкомысленными и безразсудными людьми, что правительство готово перемѣнить вѣру, разрушить святыя церкви и лишить народъ евангельскаго ученія. Превратное сіе толкованіе произвело въ народѣ безпокойство. Кому болѣе, какъ не первенствующему духовенству приличествовало разсѣять сіе заблужденіе народа, нарушающее благоденствіе, коимъ наслаждается онъ подъ державою милосерднаго и человѣколюбивѣйшаго изъ монарховъ?

«Преосвященные митрополиты кутательскій и генатскій не старались вразумить народъ и равнодушно смотрѣли на то, что обнаруженныя со стороны его безпокойства могли быть приняты начальствомъ за буйственное сопротивленіе власти. Въ семъ случаѣ кроткое и поучительное наставленіе пастырей полезно было бы народу, но они помышляли о собственныхъ выгодахъ.

«По власти, дарованной мнѣ государемъ императоромъ, предъ священнымъ лицомъ коего отвѣтствую я за спокойствіе и порядокъ въ странахъ, управленію моему ввѣренныхъ, удаляю я въ Россію преосвященныхъ митрополитовъ кутательскаго и генатскаго вмѣстѣ съ ихъ сообщниками. Народъ имеретинскій въ семъ дѣйствіи моемъ увидитъ желаніе мое, болѣе пастырей о благѣ его и тишинѣ пекущихся. Духовенство меньшихъ степеней, нищетою угнетенное, не надѣющееся сладостнаго утѣшенія дѣтей своихъ, посвящаемыхъ служенію алтарей, видѣть когда-либо въ лучшемъ положеніи, достигнетъ обезпеченія своего и ихъ благосостоянія; воспользуется, сколько возможно, уравненіемъ выгодъ, необходимыхъ для приличнаго въ ихъ санѣ содержанія; обратятся на точную пользу церквей даянія благочестивыхъ христіанъ и не отвратитъ ихъ произволъ и своекорыстіе.

«Хотѣлъ я самъ личнымъ присутствіемъ моимъ въ Имеретіи способствовать благоустройству духовной части приведеніемъ въ извѣстность достоянія церковнаго; но, будучи отвлеченъ многими на Кавказской линіи дѣлами, поручилъ я заступающему мое мѣсто генералъ-лейтенанту Вельяминову содѣйствовать главному въ Грузіи духовному начальству согласно даннымъ мою наставленіямъ, которыхъ основаніемъ есть всегдашнее желаніе мое спокойствія и благоденствія имеретинскаго народа.

«Хотѣлъ лично увѣрить дворянство и народъ, сколь всегда пріятно мнѣ истребить изъ памяти случившіяся въ Имеретіи происшествія, могущія служить помраченіемъ народной преданности государю императору или быть поводомъ къ невыгоднымъ заключеніямъ на счетъ неповиновенія его къ установленнымъ властямъ духовной и гражданской. Неумышленное поведеніе народа, явившаго безпокойства, собираясь повсюду толпами, не пріемлю я знакомъ мятежной непокорливости. Не буду изыскивать или паче наказывать виновныхъ въ безпокойствахъ сихъ, ибо знаю, что болѣе невѣжество, нежели неблагонамѣренность были причиною, и прежде всякаго наказанія обязанъ я вразумить ихъ. Увѣряю дворянство и народъ имеретинскій, что въ данномъ мною словѣ должны они видѣть конецъ страха отвѣтственности за прошедшее.

«Не хочу скрыть, однако же, что если и за симъ кто окажется умышленнымъ возмутителемъ, то хотя съ прискорбіемъ, но приступлю я къ строгимъ мѣрамъ смиренія, котораго всѣ способы въ рукахъ моихъ, и немало примѣровъ, какъ наказываются непокорствующіе великому нашему государю».

Спокойно и съ полною повидимому покорностью выслушали имеретины прокламацію главнокомандующаго [1]), но втайнѣ готовились къ вооруженному возстанію. Главнымъ агитаторомъ на этомъ поприщѣ былъ князь Иванъ Абашидзе, успѣвшій избѣжать ареста. Отправивъ свое семейство въ Сацхеретское ущелье и имѣя при себѣ довольно значительную свиту, кн. Иванъ Абашидзе скрывался въ лѣсахъ между сел. Шроши и крѣпостью Чхери; къ нему на соединеніе спѣшили всѣ тѣ, которые или успѣли избѣжать ареста, или были недовольны дѣйствіями русскаго правительства. Вельяминовъ приказалъ генералъ-маіору Власову съ казаками выгнать кн. Абашидзе изъ лѣса, стараться поймать, а если не удастся, то по крайней мѣрѣ заставить его удалиться изъ Имеретіи. Приказаніе было исполнено: кн. Иванъ Абашидзе бѣжалъ въ Гурію и поселился у князя Кай-

[1]) «Не думаю, доносилъ Пузыревскій Вельяминову, чтобы возникли безпокойства; сборища мною словесно запрещены; смѣющихъ преступить таковое распоряженіе не буду наказывать смертью, но ежели схвачу кого изъ числа сборщиковъ, накажу, какъ ребенка, розгами». Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 806.

хосро Гуріеля. Вельяминовъ потребовалъ, чтобы Кайхосро пріѣхалъ въ Кутаисъ, и когда тотъ отказался, то полковнику Пузыревскому приказано было ввести отрядъ въ Гурію, арестовать Кайхосро или выгнать его за предѣлы нашихъ владѣній [1]). Подойдя къ крѣпостцѣ Шемокмети, съ небольшимъ отрядомъ 44-го егерскаго полка, полковникъ Пузыревскій остановилъ войска и 13-го апрѣля съ небольшимъ конвоемъ отправился въ крѣпость, гдѣ жилъ кн. Кайхосро Гуріель и по свѣдѣніямъ скрывался князь Иванъ Абашидзе. Ни тотъ, ни другой не были найдены въ замкѣ—они скрылись въ дер. Килтозети. Спускаясь съ горы къ отряду, полковникъ Пузыревскій встрѣтилъ на дорогѣ трехъ гуріельцевъ.

—Гдѣ Кайхосро Гуріель? спросилъ онъ проходившихъ; зачѣмъ онъ держитъ у себя измѣнника кн. Ивана Абашидзе?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ одновременно послѣдовали три выстрѣла. Раненый въ бокъ, Пузыревскій упалъ съ лошади; бывшіе съ нимъ казаки: одинъ былъ сначала раненъ, а потомъ добитъ кинжалами, а другой казакъ и офицеръ схвачены и доставлены къ Кайхосро, который подарилъ убійцѣ Пузыревскаго ружье и саблю [2]).

«Вы лишились, храбрые товарищи, писалъ Ермоловъ 44-му егерскому полку [3]), начальника, усердіемъ къ службѣ великаго государя отличнаго, попеченіемъ о васъ примѣрнаго. Жалѣю вмѣстѣ съ вами, что погибъ онъ отъ руки подлыхъ измѣнниковъ; вмѣстѣ съ вами не забуду, какъ надлежитъ отмщевать за гнусное убійство достойнаго начальника. Я покажу вамъ мѣсто, гдѣ жилъ подлѣйшій разбойникъ Кайхосро Гуріель,—не оставьте камня на камнѣ въ семъ убѣжищѣ злодѣевъ, ни одного живаго не оставьте изъ гнусныхъ его сообщниковъ. Требую, храбрые товарищи, дружественнаго поведенія съ жителями мирными, кроткими, вѣрноподданными императора,—приказываю наказывать безъ сожалѣнія злобныхъ измѣнниковъ».

Назначивъ правителемъ Имеретіи, вмѣсто погибшаго полковника

---

[1]) Письмо генералъ-лейтенанта Вельяминова князю Маміи Гуріелю; отъ 6-го апрѣля 1820 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т VI, ч. I, № 969.

[2]) Рапортъ генералъ-маіора Вельяминова Ермолову, 29-го іюля 1820 года, № 498. Показаніе гуріельца Бусквадзе, признавшагося въ убійствѣ Пузыревскаго, отъ 27-го іюля 1820 г.

[3]) Въ приказѣ отъ 28-го апрѣля 1820 г.

Пузыревскаго, командира 41-го егерскаго полка полковника князя П. Д. Горчакова 2-го [1]), какъ офицера «отличнаго прилежанія къ службѣ, дѣятельнаго и неусыпнаго [2])», Ермоловъ отправилъ въ Имеретію и своего начальника штаба, генералъ-маіора Вельяминова. Послѣднему было поручено окружить жилище кн. Кайхосро Гуріеля, стараться захватить его живымъ или мертвымъ, а если это не удастся, то выгнать въ Турцію [3]). Увѣренный въ томъ, что владѣтельный князь Мамія Гуріель не принималъ никакого участія въ убійствѣ Пузыревскаго, главнокомандующій старался успокоить его и просилъ оказать содѣйствіе въ поимкѣ Кайхосро Гуріеля и его сообщниковъ. Человѣкъ ограниченныхъ способностей и мало уважаемый своими подвластными, Мамія Гуріель безсиленъ былъ сдѣлать что-либо въ этомъ отношеніи и радъ былъ, когда русскія войска появились въ его владѣніяхъ, для усмиренія происшедшихъ тамъ волненій.

По полученіи первыхъ извѣстій о происшедшемъ въ Гуріи, подполковникъ Згорѣльскій, вступившій, какъ старшій, въ командованіе 44-мъ егерскимъ полкомъ, тотчасъ же двинулся съ отрядомъ, при двухъ орудіяхъ [4]), къ селен. Шемокмети, съ цѣлью выручить тѣло Пузыревскаго и освободить захваченныхъ въ плѣнъ.

За часъ до разсвѣта 15-го апрѣля Згорѣльскій прибылъ въ селеніе Чехатауры, гдѣ оставилъ для поддержанія сообщеній небольшую команду [5]), подъ начальствомъ подпоручика фонъ-Клугена, а самъ двинулся далѣе. Не доходя верстъ пяти до укрѣпленнаго Шемокмет-

---

[1]) Впослѣдствіи генералъ отъ инфантеріи, участвовавшій въ сраженіи на р. Алмѣ.

[2]) Всеподданнѣйшій рапортъ Ермолова, 22-го апрѣля 1820 г. Воен. учен. арх., отд. II, № 4488.

[3]) Предписаніе Ермолова генералу Вельяминову 2-му, 20-го апрѣля 1820 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 973.

[4]) Въ отрядѣ его находилось: 44-го егерскаго полка: 7 офицеровъ, 61 унтеръ-офицеръ, 17 музыкантовъ, 526 рядовыхъ, 22 нестроевыхъ; донскаго Астахова 4-го казачьяго полка: 3 офицера, 4 урядника и 72 казака (Рапортъ подполковника Згорѣльскаго 19-го апрѣля 1820 г., № 55. Тифлисскій Арх. главн. штаба Кавказской арміи).

[5]) Изъ 6 унтеръ-офицеровъ и 74 рядовыхъ 44-го егерскаго полка и 7 человѣкъ донскихъ казаковъ.

скаго замка, Згорѣльскій былъ встрѣченъ толпою вооруженныхъ гурійцевъ, открывшихъ сильный огонь по отряду. Пробиваясь сквозь засѣвшаго въ лѣсу непріятеля, отрядъ достигъ до рѣчки Шемокмсти, протекавшей у подошвы высокой горы, на которой находился укрѣпленный замокъ кн. Кайхосро Гуріеля. Наступившая темнота и быстрая, глубокая рѣка заставили Згорѣльскаго остановиться здѣсь на ночлегъ. Мятежники, предводимые княземъ Кайхосро и княземъ Иваномъ Абашидзе, нѣсколько разъ нападали на отрядъ и всю ночь тревожили его выстрѣлами. На утро подполковникъ Згорѣльскій увидѣлъ, что для переправы черезъ рѣку необходимо было устроить мостъ и что еслибы даже отрядъ и переправился на противоположный берегъ, то встрѣтилъ бы тамъ множество засѣкъ и заваловъ, которые приходилось брать штурмомъ. Считая свои силы недостаточными для полнаго разсѣянія возмутившихся и въ то же время не желая тратить напрасно людей, для взятія нѣсколькихъ заваловъ, не имѣвшихъ никакого значенія въ общей оборонѣ, подполковникъ Згорѣльскій отступилъ къ Озургетамъ, резиденціи владѣтельнаго князя Маміи Гуріеля, куда и прибылъ въ полдень 18-го апрѣля [1]).

Отступленіе это ободрило мятежниковъ, и они въ тотъ же день, 18-го апрѣля, напали на Чехатаурскій постъ и овладѣли имъ. Три унтеръ-офицера, 17 рядовыхъ и три казака успѣли пробиться сквозь толпы непріятеля и, прибывъ въ Марань, объявили, что подпоручикъ фонъ-Клугенъ хотя и защищался, но долженъ былъ уступить численному превосходству мятежниковъ. Селеніе было сожжено, наши солдаты разъединены и, разсыпавшись по лѣсу, поодиночкѣ искали спасенія [2]). Гуріельцы спѣшили переправиться черезъ р. Ріонъ въ Мингрелію, чтобы и тамъ поднять знамя возстанія. Князь Иванъ Абашидзе для той же цѣли отправился въ Имеретію и его дѣятельность не оставалась безплодною. Собравшись толпою въ 100 человѣкъ, имеретины напали на восемь человѣкъ казаковъ, содержавшихъ постъ на р. Чалобури, и, уничтоживъ его, прервали сообще-

[1]) Рапортъ подполковника Згорѣльскаго, 18-го апрѣля 1820 г.

[2]) Рапортъ маіора Кащенко генералъ-маіору Вельяминову, 21-го апрѣля 1820 г., № 472. Тифлис. Арх. штаба Кавказской арміи, входящія бумаги, 1820 г., кн. I.

ніе съ Грузіею. Желая захватить въ свои руки транспорты съ провіантомъ, слѣдовавшіе по р. Ріону, гуріельцы разставили по берегу свои пикеты и, напавъ на 2-ю роту Мингрельскаго полка, расположенную въ Чалодиди, принудили ее отступить къ ріонской пристани, гдѣ былъ главный складъ провіанта [1]).

Между тѣмъ кн. Иванъ Абашидзе съ толпою въ 300 человѣкъ имеретинъ занялъ сел. Сазано и призывалъ жителей къ возстанію. Многіе имеретины спѣшили соединиться съ нимъ и, провозгласивъ царевича Вахтанга, незаконнаго сына царевича Давыда, царемъ Имеретіи, намѣрены были идти въ Кутаисъ [2]). «Я, Вахтангъ, царевичъ, писалъ онъ [3]), посылаю по-братски поклонъ вамъ, всѣ Мухурлинскіе. О нашемъ же обстоятельствѣ скажу вамъ, что побѣда наша. Повѣрьте, что ниже Кутаиса ни одного русскаго не оставили, всѣхъ истребили».

Для увѣщанія собравшихся былъ отправленъ кн. Ростомъ Эристовъ, имѣвшій съ собою письма кн. Зураба Церетели къ Ивану Абашидзе и главному его сообщнику, князю Вахтангу Батонишвили. Князь Зурабъ Церетели просилъ ихъ оставить свои замыслы и разойтись, но коноводы мятежа не приняли совѣта и посылка Эристова не привела ни къ какимъ результатамъ.

— Князья Церетели, говорили Эристову мятежники, только и знаютъ писать, а отечества своего не защищаютъ.

Бунтующіе князья разослали повсюду письма, угрожая сжечь и разграбить имущество тѣхъ, кто не согласится быть съ ними. Хотя угрозы эти дѣйствовали на многихъ имеретинъ, но за то весь Шаропанскій округъ, на который князья Абашидзе особенно разсчитывали, имѣя тамъ главныя связи родства и почти все свое имущество, отказался отъ соучастія съ мятежниками.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ Имеретіи и Гуріи, когда

---

[1]) Рапорты маіора Андреевскаго Вельяминову, 22-го апрѣля, № 243, и 23-го апрѣля, № 250. Тифлисскій Арх. штаба Кавказской арміи, входящія бумаги, 1820 г., кн. I.

[2]) Письмо князя Ростома Эристова Вельяминову, 22-го апрѣля 1820 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 816.

[3]) Въ письмѣ отъ 20-го апрѣля. Тифлис. Арх. шт. Кавказской арміи, входящія бумаги, книга I.

генералъ-маіоръ Вельяминовъ 2-й прибылъ въ г. Гори. Познакомившись съ подробностями изъ полученныхъ донесеній окружныхъ начальниковъ, маіоровъ Кащенко и Андреевскаго, генералъ Вельяминовъ счелъ необходимымъ взять съ собою баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго полка и отправилъ приказаніе, чтобы всѣ войска, находившіяся въ Имеретіи, были сосредоточены въ Кутаисѣ и Марани, за исключеніемъ тѣхъ, которыя охраняли дорогу отъ Кутаиса до Сурама и отъ Кутаиса до Редутъ-кале. Чтобы не встрѣтить недостатка въ продовольствіи, Вельяминовъ приказалъ закупить 500 четвертей хлѣба въ Грузіи, такъ какъ въ Имеретіи достать таковаго не представлялось никакой возможности.

«Трудно поправлять испорченное дѣло, писалъ Вельяминовъ Ермолову [1]), и я не знаю, удастся ли порядочно изъ него выпутаться. Если половина того, что пишетъ Кащенко, справедлива, то дѣла имеретинскія хуже, нежели въ прошедшемъ году были. Однако же, надѣясь на Кесарево (Ермолова) счастіе, я не унываю. Прошу только не оставлять меня наставленіями. Тьма обманщиковъ ожидаетъ меня, и я боюсь ихъ сѣтей. Пришлите записку о всѣхъ, коихъ назначено было схватить. Это полезно мнѣ будетъ для распутыванія мошенническихъ связей».

Письмо это, вмѣстѣ съ донесеніями окружныхъ начальниковъ, убѣдило главнокомандующаго, что волненія въ Имеретіи и Гуріи принимаютъ обширные размѣры и что для подавленія возстанія необходимы рѣшительныя мѣры. Поручивъ князю Левану Дадіану собрать свои войска и охранять сообщеніе между Редутъ-кале и Маранью, Ермоловъ приказалъ отряду подполковника Згорѣльскаго немедленно оставить Гурію, гдѣ онъ могъ быть окруженъ весьма значительными силами собравшихся мятежниковъ, и отправилъ въ Сурамъ баталіонъ 7-го кабардинскаго полка. Генералъ-маіору Власову съ двумя сотнями казаковъ приказано было слѣдовать черезъ Новомалитскій постъ до Квирильскаго поста, гдѣ остановиться, поддерживать сообщеніе съ отрядомъ начальника штаба и наблюдать преимущественно за тѣми дорогами, которыя пролегали со стороны

---

[1]) Въ письмѣ отъ 21-го апрѣля 1820 г. Тифлис. Арх. глав. шт. Кавказской арміи, входящія бумаги, 1820 г., кн. I.

Ахалцыха на селенія Шроши и Убисы, гдѣ жили бунтовщики князья Иванъ Абашидзе и Николай Пинези Абашидзе. Объявивъ обоихъ и Кайхосро Гуріеля измѣнниками государства, главнокомандующій лишилъ ихъ защиты законовъ и правъ на имѣнія. Той же участи онъ обѣщалъ подвергнуть всѣхъ тѣхъ князей и дворянъ, которые дадутъ имъ у себя пристанище или будутъ участниками въ бунтѣ [1]).

«Убѣждаю народъ имеретинскій, писалъ Ермоловъ въ своемъ воззваніи къ населенію [2]), обратить вниманіе на слѣдствія возмущенія. Грозитъ оно бѣдствіемъ странѣ несчастной! Народъ, приступающій къ возмущенію, начинаетъ нарушеніемъ клятвы, принесенной предъ лицомъ Бога въ подданствѣ и вѣрности своему государю. Богъ, мститель клятвопреступленій, не потерпитъ начинаній беззаконныхъ.

«Теперь наступило время духовенству показать благочестіе кроткими христіанскими внушеніями, князьямъ и дворянству воздержать преступившихъ обязанности вѣрноподданныхъ и наклонныхъ къ преступленію.

«Прошедшій годъ служить можетъ лучшимъ доказательствомъ, что не хотѣлъ я употребить силу оружія противъ единовѣрцевъ, такихъ же, какъ и я самъ, подданныхъ великому государю, и не было ни одного выстрѣла. Не хотѣлъ и теперь прибѣгать къ оружію, но вижу къ прискорбію моему, что необходимость къ тому понудитъ. Желаю отвратить несчастія страны бѣдной и разоренной, не озлобляюсь и не отмщеваю народу, ибо знаю, что обманутъ онъ малымъ числомъ людей злонамѣренныхъ.

«Объявляю народу, чтобы не выходилъ онъ изъ послушанія помѣщиковъ, кои будутъ непоколебимы въ вѣрности великому государю. Правительство будетъ знать тѣхъ изъ князей и дворянъ, которые не сохранятъ присяги на вѣрность, имѣнія таковыхъ взяты будутъ въ казенное вѣдомство, и подвластные ихъ обязаны будутъ

---

[1]) Прокламація Ермолова духовенству, князьямъ, дворянству и народу имеретинскому, мингрельскому и гурійскому отъ 24-го апрѣля 1820 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 819.

[2]) Отъ 24-го апрѣля 1820 г. Тамъ же, № 818.

не только не повиноваться бунтующимъ, но стараться истребить ихъ. Правительство всякій разъ будетъ объявлять о таковыхъ».

Князья Кайхосро и Зурабъ Церетели получили письма, въ которыхъ Ермоловъ просилъ ихъ употребить все свое вліяніе и вразумить имеретинъ, что они обмануты и служатъ однимъ злымъ намѣреніямъ князя Ивана Абашидзе и его соумышленниковъ. Чѣмъ могутъ кончиться ихъ замыслы? спрашивалъ главнокомандующій. Неужели они въ состояніи истребить власти, установленныя волею великаго государя? «Видно, говорилъ онъ [1]), Богъ наказываетъ несчастную страну сію. Въ прошломъ году не было выстрѣла, и я благодарилъ Бога. Буду теперь чрезвычайно терпѣливымъ и снисходительнымъ и посмотрю что будетъ».

Признавая, что скораго усмиренія волнующихся возможно достигнуть только строгимъ и примѣрнымъ наказаніемъ зачинщиковъ мятежа, Ермоловъ приказалъ генералъ-маіору Вельяминову казнить смертью всѣхъ захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, въ случаѣ поимки царевича Вахтанга разстрѣлять его въ Кутаисѣ, а князя Ивана Абашидзе, если бы онъ попался въ плѣнъ, прислать въ Тифлисъ.

25-го апрѣля Вельяминовъ прибылъ съ отрядомъ въ Кутаисъ. Большая часть населенія столицы Имеретіи занималась торговлею и поддерживала свое существованіе поставками въ войска разнаго рода продуктовъ. Оно встрѣтило Вельяминова съ радостью и видѣло въ пришедшихъ войскахъ залогъ безопасности для своихъ семействъ, а главное имущества, которое было бы непремѣнно расхищено, если бы инсургенты достигли до Кутаиса. Въ сердцѣ Имеретіи Вельяминовъ могъ получить болѣе опредѣленныя и достовѣрныя свѣдѣнія о ходѣ возмущенія. Онъ узналъ здѣсь, что жители горной Рачи, составлявшіе четвертую часть населенія округа, отказались принять воззваніе Ермолова, прогнали посланнаго съ нимъ и начали грабить поселянъ, отказывавшихся принять участіе въ волненіяхъ; что князь Мамія Гуріель намъ преданъ и находится при отрядѣ подполковника Згорѣльскаго, но по своей слабости не можетъ прекратить волненія

[1]) Письмо Ермолова князю Зурабу Церетели, 24-го апрѣля. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. № 820.

и ослабить вліянія на народъ своего дяди князя Кайхосро Гуріеля, который, вмѣстѣ съ князьями Абашидзе, былъ главнымъ двигателемъ возстанія. Шайка ихъ, числомъ до 200 человѣкъ, скрывалась въ Ханійскомъ ущельѣ, по которому пролегала тропинка отъ Богдада къ Ахалцыху.

30-го апрѣля мятежники появились въ сел. Свирахъ съ цѣлью устрашить жителей Шаропанскаго округа и заставить ихъ соединиться съ ними. Разлитіе рѣкъ отъ сильныхъ дождей препятствовало Вельяминову двинуться на истребленіе инсургентовъ, и только 2-го мая онъ могъ выступить изъ Кутаиса по направленію къ Багдаду, съ тремя ротами Херсонскаго гренадерскаго полка, двумя орудіями и 50-ю казаками. Передъ самымъ выступленіемъ Вельяминовъ узналъ, что паромъ у Вардцихе, черезъ рѣку Квирилу, уничтоженъ мятежниками. Онъ отправилъ впередъ 30 казаковъ съ маіоромъ Андреевскимъ для пріисканія каюковъ (лодокъ) и когда пришелъ къ мѣсту переправы, то нашелъ только четыре каюка; ихъ связали по два и переправа продолжалась до ночи. На слѣдующій день Вельяминовъ выступилъ къ Багдаду, но, не доходя трехъ верстъ до него, узналъ, что инсургенты переправились на правый берегъ р. Квирилы и пошли на селеніе Симонеты. Приказавъ въ дер. Свирахъ взять женъ и дѣтей мятежниковъ, сжечь дома ихъ и имущество, Вельяминовъ возвратился въ Кутаисъ, гдѣ узналъ, что подполковникъ Згорѣльскій, при движеніи изъ Озургетъ въ Чехатауры, имѣлъ дѣло съ толпою кн. Кайхосро Гуріели. На дорогѣ отъ Чехатаура до Марани гурійцы устроили много заваловъ и засѣкъ, но были прогнаны милиціею, высланною по распоряженію владѣтельнаго князя Маміи Гуріеля [1]).

Въ Мингреліи тоже появились отдѣльныя разбойничьи шайки, грабившія по дорогамъ, ведущимъ изъ Марани въ Редутъ-кале. Главнымъ двигателемъ и организаторомъ этихъ шаекъ былъ братъ владѣтеля Георгій Дадіанъ, поручикъ л.-гв. Преображенскаго полка, испросившій себѣ отпускъ и нежелавшій возвращаться въ Россію. Имѣя личную вражду къ Левану и желая овладѣть Мингреліею, Георгій покушался на жизнь владѣтеля и когда это ему не удалось, то

[1]) Рапортъ Вельяминова Ермолову, 5 го мая, № 19. Письмо Маміи Гуріеля Вельяминову, 2-го мая. Тифлис. Арх. глав. штаба Кавказской арміи.

собралъ шайку и напалъ съ нею на нашъ транспортъ, шедшій изъ Редутъ-кале. По требованію Ермолова князь Леванъ Дадіанъ собралъ свои войска, разсѣялъ шайку Георгія и заставилъ его бѣжать въ Абхазскія горы.

Между тѣмъ волненіе въ Имеретіи не прекращалось: шайки возмутителей ходили по разнымъ направленіямъ и появлялись даже вблизи Кутаиса. Предводителями ихъ были князья, преимущественно родственники удаленныхъ въ Россію митрополитовъ.

«Словомъ, писалъ Ермоловъ [1]), наклонность къ неповиновенію правительству, разврату и даже разбоямъ принадлежитъ князьямъ и дворянству, изъ коихъ, за исключеніемъ небольшой части, всѣ прочіе не составляютъ класса благороднѣйшими чувствами одушевленнаго изъ всего населенія Имеретіи, Мингреліи и Гуріи».

Для уничтоженія разбойничьихъ шаекъ, Вельяминовъ вызвалъ изъ Сурама четыре роты 7-го Карабинернаго полка, съ 4-мя орудіями, и приказалъ собрать въ каждомъ округѣ милицію, которая при содѣйствіи нашихъ войскъ должна была преслѣдовать мятежниковъ. Пойманныхъ съ оружіемъ въ рукахъ приказано было вѣшать такъ, «чтобы всѣ могли видѣть» [2]), и безъ всякаго предварительнаго слѣдствія и суда. Суду могли подлежать только тѣ, на которыхъ падало подозрѣніе, но не было прямыхъ и очевидныхъ доказательствъ о принадлежности ихъ къ толпѣ инсургентовъ. Селенія, жители которыхъ подняли оружіе, главнокомандующій приказалъ истребить до основанія; прощать только тѣхъ, которые будутъ просить помилованія и возвратясь отдадутъ оружіе. Всѣмъ имеретинамъ объявлено, что если дадутъ у себя пристанище бунтовщикамъ и если, будучи въ состояніи схватить ихъ, не представятъ начальству, то сами подвергаются жестокому наказанію [3]).

Послѣ такого объявленія сборъ милиціи въ округахъ шелъ довольно успѣшно, и только Рачинскій округъ отказался исполнить

---

[1]) Князю Волконскому, 28-го мая 1820 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 825.

[2]) Рапортъ Вельяминова Ермолову, 6-го мая, № 21. Тифлис. Арх. главнаго штаба Кавказской арміи.

[3]) Предписаніе Ермолова Вельяминову 3-му, отъ 30-го мая 1820 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 826.

требованіе правительства. Двинувшись съ небольшимъ отрядомъ въ Рачу, полковникъ кн. Горчаковъ успѣлъ арестовать нѣсколькихъ возмутителей, сжегъ нѣсколько деревень, потопталъ поля и принудилъ населеніе просить пощады. Отъ жителей Нижней Рачи было потребовано съ каждыхъ двухъ дворовъ по три штуки рогатаго скота, а отъ деревень Верхней Рачи, какъ оказавшихъ большее сопротивленіе, сверхъ того и оружіе [1]).

Видя неудачу въ своихъ дѣйствіяхъ, кн. Иванъ Абашидзе скрылся съ своею шайкою въ Ханійскомъ ущельѣ и для изгнанія его оттуда было сформировано два отряда, долженствовавшіе дѣйствовать съ двухъ разныхъ сторонъ. Баталіонъ Тифлисскаго полка двинутъ изъ Сурама на Квирильскую переправу, а шесть ротъ 7-го Карабинернаго полка и 50 казаковъ сосредоточены въ д. Свирѣ. Начальство надъ первымъ отрядомъ поручено походному атаману генералъ-маіору Власову, а надъ вторымъ—полковнику кн. Горчакову. 29-го іюня оба отряда выступили: Горчаковъ черезъ селенія Дагро и Швилеби къ Хани, а Власовъ черезъ Табакинскій монастырь и Зегани. Князь Иванъ Абашидзе со свитою въ 67 человѣкъ скрывался въ ущельѣ близъ самой турецкой границы и, какъ только узналъ о движеніи отрядовъ, бѣжалъ въ Ахалцыхъ. 1-го іюля наши войска, послѣ небольшаго сопротивленія непріятеля, вошли въ Ханійское ущелье, заняли селеніе Хани и привели жителей къ покорности [2]).

Съ бѣгствомъ кн. Ивана Абашидзе разсѣялись послѣднія толпы вооруженныхъ, и въ Имеретіи мало по малу стало водворяться спокойствіе [3]). Генералъ-маіоръ Вельяминовъ получилъ теперь возможность дѣйствовать противъ гурійцевъ и князя Кайхосро Гуріеля.

Сосредоточивъ часть свободныхъ силъ у Марани, Вельяминовъ переправился съ ними черезъ р. Ріонъ и 14-го іюля прибылъ въ сел. Чехатауры, гдѣ и соединился съ ротами 44-го егерскаго полка, находившимися подъ начальствомъ маіора Михина. Дождавшись прибытія обоза и оставивъ его въ Чехатаурахъ, подъ прикрытіемъ роты

---

[1]) Рапортъ князя Горчакова Вельяминову, 14-го іюня, № 211. Тифлис. Арх. глав. шт. Кавказской арміи.

[2]) Рапорты Вельяминову: генералъ-маіора Власова, отъ 1-го іюля, за № 137, и князя Горчакова, отъ 3-го іюля, за № 228. Тамъ же.

[3]) Рапортъ князя Горчакова Ермолову, отъ 4-го августа, № 59.

Тифлисскаго полка, съ двумя орудіями (всего до 350 человѣкъ), Вельяминовъ двинулся къ Озургетамъ, имѣя въ своемъ распоряженіи до 3,098 строевыхъ нижнихъ чиновъ [1]), съ пятью орудіями [2]). Прибывъ въ Озургеты 16-го іюля, Вельяминовъ выслалъ на р. Натанеби къ сел. Снотіяли летучій отрядъ, для уничтоженія запасовъ, принадлежавшихъ Кайхосро Гуріелю. Отрядъ этотъ захватилъ тысячу четвертей кукурузы, 11 лошадей и привелъ девять человѣкъ плѣнныхъ (четырехъ мужчинъ и пять женщинъ).

Въ пять часовъ утра 24-го іюля Вельяминовъ выступилъ изъ Озургетъ къ замку Шемокмети, возлѣ котораго былъ измѣнически убитъ полковникъ Пузыревскій. Мятежники ожидали прибытія отряда и укрѣпились на той дорогѣ, по которой шелъ подполковникъ Згорѣльскій, но Вельяминовъ, отойдя версты двѣ отъ лагеря, принялъ вправо и пошелъ другою дорогою. Въ полуторыхъ верстахъ отъ Шемокмети онъ остановилъ отрядъ и, послѣ кратковременнаго отдыха, приказалъ тремъ ротамъ 44-го егерскаго полка, подъ начальствомъ маіора Михина, штурмовать замокъ; въ подкрѣпленіе имъ назначены четыре роты 7-го карабинернаго полка.

Гора, на которой стоялъ замокъ, была весьма крута и сплошь покрыта лѣсомъ, среди котораго пролегала только одна узкая тропинка. При такихъ мѣстныхъ условіяхъ артиллерія не могла принести существенной пользы. Но, зная по опыту, какое дѣйствіе производитъ на туземное населеніе звукъ орудійныхъ выстрѣловъ, Вельяминовъ отыскалъ небольшую площадку и поставилъ на ней два орудія. Лишь только послѣдовали первые выстрѣлы, маіоръ Михинъ двинулся на штурмъ тремя колоннами: средняя пошла по тропинкѣ, а двѣ боковыя—лѣсомъ. Появившаяся на горѣ толпа вооруженныхъ

---

[1]) Съ прибытіемъ въ Чехатауры въ отрядѣ Вельяминова находилось:

Херсонскаго гренад. полка.	13	офиц.	67	унт.-офиц.	756	рядов.	88	нестроев.
7-го Карабинернаго. . .	13	»	57	»	»	601	»	24	»
Тифлисскаго пѣхотнаго .	19	»	81	»	»	907	»	44	»
44-го Егерскаго. . . .	9	»	43	»	»	474	»	29	»
Итого пѣхоты . .	54	»	248	»	»	2738	»	185	»

Донскихъ казаковъ. . . 4 » 2 урядника и 110 казаковъ.

[2]) Четыре легкія орудія Грузинской гренадерской и три орудія 20-й артиллерійской бригадъ. Изъ нихъ два орудія были оставлены въ Чехатаурахъ.

гурійцевъ открыла огонь, но, не смотря на то, роты 44-го егерскаго полка, менѣе чѣмъ въ полчаса, овладѣли горою и окружили замокъ. Залегши въ лощинахъ или прижавшись къ стѣнкѣ, солдаты ожидали прибытія орудій, которыя съ помощью людей и съ большимъ трудомъ были подняты на крутую гору и открыли огонь по стѣнамъ замка въ разстояніи не болѣе пяти саженъ. Непріятель скрылся въ лѣсу, а между тѣмъ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Боборыкинъ, съ небольшою командою нижнихъ чиновъ 44-го егерскаго полка, обошелъ замокъ съ противоположной стороны, замѣтилъ тамъ дверь и приставленную къ ней лѣстницу, по которой солдаты тотчасъ же пробрались въ замокъ. Тамъ никого не было, кромѣ пяти человѣкъ, неуспѣвшихъ уйти и заколотыхъ штурмующими. Князь Кайхосро Гуріель и его сподвижники скрылись въ лѣсахъ и затѣмъ ушли въ Турцію, въ м. Кобулеты. Шемокмети было разрушено, поля и виноградники окрестныхъ жителей уничтожены. Замокъ истребленъ былъ до основанія и оставлена только одна церковь; полковнику Пузыревскому построена гробница. «Владѣтельный князь представилъ самого убійцу, весьма молодаго человѣка, который, по сдѣланномъ имъ признаніи, что подговоренъ былъ на то Кайхосро Гуріелемъ, загнанъ на самомъ мѣстѣ преступленія до смерти [1])». Гурійцы просили пощады, и Вельяминовъ вернулся въ Озургеты [2]).

Отсюда онъ отправилъ отрядъ противъ мингрельскаго князя Григорія Дадіана, успѣвшаго пріобрѣсти себѣ союзника въ лицѣ другаго измѣнника, князя Давида Гуріеля, также родственника владѣтельнаго князя Гуріи. Боевыя средства князя Давида Гуріеля были слишкомъ ничтожны, а дорога къ мѣсту расположенія мятежниковъ почти непроходима. Поэтому, выступивъ 4-го августа изъ Озургетъ и придя на р. Супсу, Вельяминовъ отправилъ для разсѣянія мятежниковъ маіора Михина съ тремя ротами 44-го егерскаго и двумя ротами 7-го карабинернаго полковъ, 50-ю казаками и 2-мя орудіями.

Имѣя въ своемъ распоряженіи до 500 человѣкъ пѣхоты, маіоръ Михинъ сбилъ непріятеля съ горы Гульяни и двинулся къ селенію

---

[1]) Записки А. П. Ермолова.

[2]) Рапорты генералъ-маіора Вельяминова Ермолову, 24-го, 25-го, 29-го іюля и 3-го августа 1820 г., №№ 176—178, 520 и 521.

Гведисъ, гдѣ былъ монастырь. Каждый шагъ его былъ оспариваемъ непріятелемъ; чрезвычайно крутыя горы защищались шайками Давида Гуріеля, и почти въ одиночку проходимыя по лѣсу тропинки съ обѣихъ сторонъ обстрѣливались мятежниками. Значительная толпа ихъ собралась на горѣ Гведисъ-Сахдари, съ намѣреніемъ защищать селеніе и монастырь. Усталыя войска, не отдыхая ни минуты, взобрались на гору, сбили непріятеля и сожгли селеніе до основанія. Давидъ Гуріель и большая часть его толпы бѣжали за р. Супсу, преслѣдуемые отрядомъ Михина, который по всему пути слѣдованія разрушалъ дома, уничтожалъ сады и виноградники. Туземное населеніе съ ужасомъ видѣло, что для русскаго солдата нѣтъ непроходимыхъ мѣстъ и неодолимыхъ препятствій. Не выждавъ прибытія маіора Михина къ сел. Григорети, жители сами сожгли свои дома, башни и, забравъ имущество, бѣжали въ Поти. Пройдя черезъ Гуріамту и всюду наказывая сопротивлявшихся, маіоръ Михинъ присоединился къ главнымъ силамъ [1]). Гурійцы просили пощады, и имъ объявлено, что всѣ имѣнія измѣнниковъ-князей будутъ взяты частію въ казну, частію розданы ихъ родственникамъ, оставшимся вѣрными, что надъ ними будутъ назначены моуравы и наложенъ штрафъ за сдѣланное ими преступленіе. То же самое, по приказанію главнокомандующаго, объявлено въ Имеретіи и Мингреліи, съ присовокупленіемъ, что кто приметъ къ себѣ и будетъ въ сношеніи съ мятежниками, того ожидаетъ смертная казнь [2]). Разоренное до основанія предъидущими событіями, населеніе само сознало безразсудность своего поведенія и предпочло жизнь мирную и покойную. Подъ руководствомъ военнаго начальства приводились въ извѣстность церковныя имущества и все исполнялось съ желаемымъ успѣхомъ. Населеніе успокоилось, и Ермоловъ снова могъ приступить къ исполненію своего плана по умиротворенію Дагестана.

---

[1]) Рапорты Вельяминова Ермолову, 9-го, 10-го и 13-го августа, №№ 187, 188 и 78. Рапорты маіора Михина Вельяминову 6-го, 7-го и 8-го августа, за №№ 244—247.

[2]) Предписаніе Ермолова князю Горчакову, 19-го сентября 1820 г., № 395.

XVIII.

Дѣйствія нашихъ войскъ въ Чечнѣ.—Заложеніе укрѣпленій: Неотступнаго стана, Злобнаго окопа и Усть-Мартанскаго редута.—Экспедиція князя Мадатова въ Казикумухъ.—Занятіе Хозрека и Казикумуха.—Бѣгство Сурхай-хана.—Назначеніе Асланъ-хана кюринскаго ханомъ казикумухскимъ.—Бѣгство Мустафы-хана ширванскаго.—Уничтоженіе ханской власти въ Ширвани.—Переименованіе отдѣльнаго Грузинскаго корпуса въ отдѣльный Кавказскій.—Подчиненіе Черноморскаго войска главнокомандующему на Кавказѣ.—Внутреннее состояніе Черноморіи.

Продолжая приводить въ исполненіе свою программу относительно устройства Кавказской линіи и обезпеченія ея отъ хищническихъ вторженій, Ермоловъ приказалъ отряду полковника Верховскаго оставить Мехтулинское ханство и, перейдя во владѣнія качкалыковъ, занять селеніе Горячевское (Исти-су [1]). Здѣсь рѣшено было устроить укрѣпленіе на 300 человѣкъ гарнизона, съ цѣлью воспрепятствовать чеченцамъ дѣлать набѣги на земли аксаевцевъ и на г. Кизляръ. Отрядъ Верховскаго былъ усиленъ остальными ротами баталіоновъ Ширванскаго и Апшеронскаго полковъ и въ лагерь къ нему прибылъ командующій войсками на Кавказской линіи, генералъ-маіоръ Сысоевъ 2-й. Въ присутствіи послѣдняго было заложено укрѣпленіе, названное *Неотступнымъ станомъ*.

Одновременно съ возведеніемъ этого укрѣпленія рѣшено было докончить крѣпость Внезапную, построить казармы въ крѣп. Грозной и вблизи ея, на р. Сунжѣ, въ уроч. «Трехъ-братьевъ», заложить редутъ на 100 человѣкъ пѣхоты и 30 казаковъ, названный *Злобнымъ окопомъ*.

Всѣ эти мѣры клонились къ стѣсненію чеченцевъ, которыхъ, писалъ А. П. Ермоловъ, «желаю я не иначе прощать, какъ только въ такомъ случаѣ, когда они средствами существованія будутъ отъ насъ въ совершенной зависимости». На этомъ основаніи главнокомандую-

[1]) Предписаніе Верховскому, 18-го марта 1820 г. А. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 883.

щій приказалъ: тѣхъ чеченцевъ, которые будутъ просить пощады и помилованія, селить на новыхъ мѣстахъ, но не иначе какъ на равнинныхъ, сколько возможно далекихъ отъ лѣса и горъ, и располагать ихъ селенія такъ, чтобы были накрестъ двѣ прямыя и широкія улицы [1]).

Если подобные переселенцы будутъ замѣчены во вредныхъ связяхъ съ непокорствующими, то такихъ приказано отправлять опять за р. Сунжу, «а если противиться будутъ, то понуждать оружіемъ [2])». Для прекращенія чеченцамъ всякой возможности къ хищничеству, главнокомандующій приказалъ пролагать въ землѣ ихъ дороги, дѣлать широкія просѣки, уничтожать лѣса, служившіе притономъ для шаекъ грабителей и средствомъ скрываться передъ набѣгомъ на наши посты и вновь строящіяся укрѣпленія.

Такими набѣгами въ особенности отличались жители селенія Гребенчука. Селеніе это было притономъ и убѣжищемъ для всѣхъ хищниковъ, а впереди лежавшій лѣсъ, отдѣлявшій селеніе отъ линіи, былъ сильною преградою для уничтоженія полей, на которыхъ они производили хлѣбопашество и пасли свои стада. Уничтожить эту преграду было необходимо, и потому 6-го марта 1820 года командиръ 43-го егерскаго полка, полковникъ Грековъ, переправился у крѣп. Грозной черезъ р. Сунжу, съ отрядомъ въ $2^1/_2$ батальона пѣхоты [3]), 500 казаковъ и съ тысячью человѣкъ мирныхъ чеченцевъ съ топорами.

Занявъ селеніе Топли, лежавшее по сю сторону лѣса, Грековъ приступилъ къ рубкѣ деревьевъ, и черезъ три дня широкая просѣка привела отрядъ на Гребенчуковскую поляну. Разоривъ селеніе Гребенчукъ, Грековъ двинулся въ Ханкальское ущелье и занялся окончаніемъ просѣки, начатой еще въ прошломъ году. Вѣковые лѣса, покрывавшіе высоты по обѣимъ сторонамъ ущелья, были уничтожены, и отрядъ 15-го марта возвратился въ Грозную.

Вслѣдъ затѣмъ было приступлено къ рубкѣ лѣса по берегамъ

---

[1]) Предписаніе полковнику Грекову, 10-го февраля 1820 г. Тиф. Арх. глав. шт. Кав. арміи.

[2]) Предписаніе Ермолова полковнику Грекову, 15-го марта 1820 г.

[3]) По одному баталіону Кабардинскаго и 43-го егерскаго полковъ и двѣ роты Тенгинскаго полка.

р. Сунжи, при впаденіи въ нее р. Мартана, и 3-го мая заложенъ редутъ, названный *Усть-Мартанскимъ*. Мартанцы и гехинцы отстаивали свою независимость, производили безпрерывныя нападенія на наши передовые посты, но не имѣли успѣха. Они искали помощи у сосѣдей, но напрасно: дагестанцы, послѣ пораженій, нанесенныхъ имъ Ермоловымъ, были не въ силахъ оказать содѣйствіе, а одинъ изъ главныхъ двигателей возмущенія, Сурхай-ханъ казикумухскій, ожидая наказанія за нападеніе на Чирахскій постъ, готовился къ оборонѣ и думалъ только о самозащитѣ. Скрывшись въ сел. Хозрекѣ, онъ собиралъ войска и укрѣплялся.

Въ мартѣ 1820 года главнокомандующій поручилъ князю Мадатову, для наказанія Сурхая, двинуться въ Казикумухъ. Съ этою цѣлью былъ сформированъ особый отрядъ, въ составъ котораго вошли: по одному баталіону отъ 41-го егерскаго и Куринскаго полковъ, 6 ротъ Апшеронскаго полка, 14 орудій [1]), 100 челов. донскихъ казаковъ и татарская конница изъ ханствъ: Ширванскаго (Шемахинскаго), Карабагскаго (Шушинскаго), Шекинскаго (Нухинскаго), Кубинскаго и Кюринскаго [2]).

Отправляя войска для наказанія казикумухскаго хана и его сообщниковъ, главнокомандующій просилъ даргинцевъ оставаться спокойными, не вѣрить разглашеніямъ измѣнниковъ и воздержать отъ соединенія съ Сурхаемъ тѣхъ, которые могутъ быть обольщены его обѣщаніями. «Не принимайте къ себѣ сихъ злодѣевъ, писалъ Ермоловъ даргинцамъ [3]), не допустите ихъ возмутить спокойствіе народа сильнаго и уважаемаго въ Дагестанѣ. Мошенники сіи всѣми презрѣны, никогда не возвратятъ того, что потеряли своими злодѣйствами, и вашему спокойствію завидуютъ. Они готовы навлечь бѣдствіе войны на прекрасную страну вашу и первые спасутся бѣгствомъ при малѣйшей опасности. Разсудите, такимъ ли мошенникамъ вспомоществовать возможно?...»

Собравъ 500 всадниковъ карабагскихъ, 300 шекинскихъ и 400

[1]) Легкая рота капитана Флиге и 4 казачьи орудія.

[2]) Предписанія генералъ-лейтенанта Вельяминова ханамъ, отъ 21-го марта, за №№ 687 и 688. Предписаніе его же князю Мадатову, 5-го апрѣля 1820 г., № 35.

[3]) Въ прокламаціи отъ 4-го мая, за № 125.

ширванскихъ, не смотря на то, что Мустафа-ханъ ширванскій былъ зять Сурхая и челолѣкъ, вполнѣ ему сочувствовавшій, князь Мадатовъ отправилъ всю эту конницу въ г. Кубу, куда и самъ поѣхалъ кратчайшею дорогою. Въ Кубѣ явился къ князю Мадатову Асланъ-ханъ кюринскій съ 800 отличныхъ всадниковъ и сопровождалъ его въ м. Зіахуръ, гдѣ долженъ былъ сосредоточиться отрядъ для экспедиціи въ Казикумухъ.

Выступивъ 1-го іюля изъ Кубы и переправившись у Зіахура черезъ р. Самуръ, кн. Мадатовъ только 10-го числа прибылъ въ Чирахъ. Узкое ущелье, по которому пролегала дурная, но единственная дорога, ведущая въ Казикумухъ, крутыя и каменистыя горы заставляли перевозить тяжести и орудія на людяхъ. Дорога эта представляла почти сплошную тѣснину, чрезвычайно трудную для прохода войскъ. Вѣковые лѣса покрывали горы отъ подножія до крутизны. Бурные потоки, образуемые сильнѣйшими дождями, часто заваливали огромными каменьями единственную тропу, ведущую въ горы. Въ теченіе десяти дней похода солдаты были измучены на столько, что кн. Мадатовъ по необходимости долженъ былъ дать имъ одинъ день отдыха и затѣмъ уже двинуть къ селен. Хозреку, гдѣ собрался непріятель.

Селеніе Хозрекъ было расположено на самомъ неприступномъ мѣстѣ и защищало входъ въ Казикумухское ханство. По свѣдѣніямъ Сурхай находился въ селеніи Гулули, въ четырехъ верстахъ отъ Хозрека, въ которомъ былъ его авангардъ, состоявшій изъ 6,000 казикумухцевъ [2]).

Оставивъ обозъ и тяжести въ Чирахѣ, кн. Мадатовъ, 12-го іюня, двинулся къ сел. Хозреку и, не доходя семи верстъ, былъ встрѣченъ непріятельскою конницею, расположенною по вершинамъ горъ, у подошвы которыхъ приходилось проходить всему отряду. Дорога отъ Чираха до Хозрека пролегала между отдѣльными обрывистыми отраслями Кавказскихъ горъ, изъ коихъ лѣвая постепенно понижалась по мѣрѣ движенія впередъ, а правая, мало доступная, тянулась до самыхъ высотъ Хозрека. Чтобы облегчить себѣ движеніе по ущелью, кн.

---

[1]) Рапорты князя Мадатова Ермолову, отъ 31-го мая и 11-го іюня 1820 г., №№ 181 и 190.

Мадатовъ приказалъ одной части татарской конницы обойти селеніе Гулули, съ цѣлью отрѣзать непріятелю отступленіе въ Казикумухъ, а другой, подъ начальствомъ брата Асланъ-хана кюринскаго, маіора Хассанъ-аги, подняться на гору со стороны лѣваго фланга непріятеля, атаковать его и преслѣдовать до сел. Хозрека. Для поддержанія Хассанъ-аги были отправлены три роты Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ маіора Мартиненко, которыя и двинулись къ сел. Хозреку. Маіоръ Мартиненко штыками выбилъ казикумухцевъ изъ завала, примыкавшаго къ лѣвому флангу непріятельскаго расположенія, и укрѣпился въ немъ. Не будучи въ силахъ овладѣть своею первою позиціею, горцы отступили къ Хозреку, къ которому подошли уже главныя силы отряда кн. Мадатова.

Остановившись не далѣе ружейнаго выстрѣла отъ непріятельскихъ укрѣпленій, кн. Мадатовъ приказалъ открыть огонь изъ всѣхъ 14 орудій и послѣ часовой бомбардировки почти разрушилъ непрочныя постройки горцевъ. Потерявъ множество убитыми и ранеными и видя свои укрѣпленія разрушенными, казикумухцы пришли въ замѣшательство, лишь только наши войска перешли въ наступленіе. По сигналу «ура!» пѣхота двинулась на штурмъ тремя колоннами и во главѣ ихъ начальникъ отряда кн. Мадатовъ. На просьбу удалиться и не подвергаться видимой опасности, онъ отвѣчалъ: «Если я тутъ не буду, то кто же возьметъ Хозрекъ?»

Командовавшій апшеронскими ротами подполковникъ Сагиновъ первый бросился на валъ, но былъ раненъ; точно также былъ раненъ и слѣдовавшій за нимъ маіоръ Ванъ-Галенъ. Солдаты успѣли однако же ворваться въ проломъ, сдѣланный артиллеріею, выбили штыками непріятеля изъ всѣхъ укрѣпленій и гнали его до самой мечети. Здѣсь казикумухцы упорно сопротивлялись, но апшеронцы скоро овладѣли мечетью, и знамя полка, утвержденное на башнѣ, возвѣстило о паденіи Хозрека. Оставивъ въ Хозрекѣ 1,200 челов. убитыми и ранеными, 603 челов. плѣнными, 11 значковъ, 2,000 ружей и весь лагерь, казикумухцы бѣжали въ Сургинскій магалъ [1]). Скрытыя дороги, служившія для сообщенія съ лагеремъ Сурхай-хана, были заняты нашею пѣхотою и татарскою конницею, овла-

[1]) Рапорты Мадатова Ермолову, 13-го и 18-го іюня 1820 г., №№ 192 и 200.

дѣвшею лагеремъ и преслѣдовавшею непріятеля. Горцы принуждены были отступать по узкому ущелью, находившемуся подъ выстрѣлами нашихъ орудій, и потому потеряли множество убитыми и ранеными.

Самъ Сурхай съ 20 человѣками своихъ нукеровъ въ самомъ началѣ оставилъ поле сраженія и около полуночи прискакалъ къ воротамъ Казикумуха. Слухъ о пораженіи, нанесенномъ горцамъ русскими войсками, опередилъ его, и ханъ нашелъ городскія ворота запертыми. Появившіеся на стѣнахъ города старшины, отъ имени народа, просили своего владѣтеля удалиться, если онъ не желаетъ быть встрѣченнымъ какъ непріятель. Сурхай принужденъ былъ бѣжать сначала въ Аварію, а потомъ скрыться у джаро-бѣлоканскихъ лезгинъ. Штурмъ Хозрека рѣшилъ его участь, и старшины большей части магаловъ являлись съ покорностью и съ выраженіемъ желанія принять присягу. Привѣтливо принятые княземъ Мадатовымъ, они были возвращены въ свои селенія и разнесли вѣсть о кротости и великодушіи русскихъ. Раненые горцы были переданы ихъ женамъ или поручены попеченію муллъ, подъ надзоромъ одного изъ русскихъ врачей. По просьбѣ Асланъ-хана кюринскаго въ тотъ же день всѣ военно-плѣнные распущены по домамъ.

14-го іюня отрядъ двинулся въ Казикумухъ. Переправы черезъ рѣки и горы были столь затруднительны, что орудія и зарядные ящики пришлось тащить на людяхъ, и не смотря на то кн. Мадатовъ все-таки принужденъ былъ оставить на дорогѣ баталіонъ пѣхоты съ 8-ю орудіями. На встрѣчу отряду выѣхало изъ Казикумуха трое старшинъ съ заявленіемъ, что въ городѣ учреждено временное управленіе, что жители готовы встрѣтить русскихъ съ полною покорностью, и что старшины, желая облегчить движеніе отряду, разослали приказанія окрестнымъ селеніямъ исправить дороги въ продолженіе ночи и помогать перетаскивать орудія и тяжести. Переправившись черезъ р. Койсу въ глубокомъ ущельѣ, по узкому каменному мосту, князь Мадатовъ, верстахъ въ 10 отъ города, былъ встрѣченъ депутаціею изъ старшинъ, поднесшихъ ему хлѣбъ-соль и ключи отъ крѣпости. Начальникъ отряда объявилъ депутатамъ, что русскія войска пришли въ Казикумухъ единственно для наказанія Сурхая, который на-

всегда лишается ханства, а управленіе народомъ поручается Асланъ-хану кюринскому.

«Довершено, доносилъ Ермоловъ Императору Александру [1]), начатое въ прошломъ году покореніе Дагестана, и страна сія, гордая, воинственная и въ первый разъ покорствующая, пала къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества».

16-го іюня всѣ жители приведены были къ присягѣ, и Асланъ-ханъ кюринскій былъ провозглашенъ *ханомъ казикумухскимъ*. Въ этотъ день, съ 10 часовъ утра, были отперты двери большой мечети, среди которой былъ положенъ на барабанѣ коранъ, надъ которымъ развѣвалось знамя баталіона Апшеронскаго полка. Асланъ-ханъ вошелъ въ мечеть въ сопровожденіи многочисленной свиты; старшины всѣхъ магаловъ поочередно подходили къ корану, клали правую руку на книгу и присягали на подданство русскому императору и на повиновеніе Асланъ-хану. «Рота Апшеронскаго полка была у знамени; прочія русскія войска стояли подъ ружьемъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стѣнъ города. По окончаніи обряда Асланъ-ханъ явился на стѣнѣ въ красной одеждѣ, которою отличаются ханы въ подобныхъ торжественныхъ случаяхъ, и 24 пушечныхъ выстрѣла, далеко отдавшіеся въ горахъ, вмѣстѣ съ кликами народа привѣтствовали новаго владѣтеля. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ [2]).

Произведенный впослѣдствіи въ генералъ-маіоры и утвержденный ханомъ казикумухскимъ [3]), Асланъ обязался не соединять вмѣстѣ ханствъ Кюринскаго и Казикумухскаго, но управлять каждымъ особо и не признавать ничьей власти, кромѣ власти русскаго императора; онъ обѣщалъ не имѣть никакихъ союзныхъ связей съ сосѣдями безъ согласія русскаго начальства, не скрывать ничего отъ чиновника, который будетъ находиться при немъ отъ лица главнокомандующаго, и слѣдовать со своими войсками туда, куда будетъ приказано. Обѣщая не обременять народъ налогами и, въ знакъ своего подданства русскому правительству, поставлять ежегодно три

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Ермолова, отъ 7-го іюля 1820 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 93.

[2]) Жизнь князя Мадатова. Изданіе второе, стр. 79.

[3]) Высочайшее повелѣніе Ермолову, 22-го іюня 1820 г.

тысячи барановъ, Асланъ просилъ о скорѣйшемъ выводѣ русскихъ войскъ изъ ханства и ручался за полное спокойствіе. Оставивъ въ Казикумухѣ по одной ротѣ отъ Апшеронскаго и Куринскаго полковъ, князь Мадатовъ съ остальными войсками 19-го числа выступилъ изъ Казикумуха. Меньше чѣмъ въ двѣ недѣли экспедиція была окончена, и кн. Мадатовъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени. Русскія войска проникли въ такія мѣста, въ которыя никогда не проникала нога побѣдителя, и гдѣ жители не знали, что значитъ быть побѣжденными.

«Еще наказуя противныхъ, писалъ Ермоловъ въ приказѣ [1]), надлежало, храбрые воины, вознести знамена наши на вершины Кавказскихъ горъ и войти съ побѣдою въ ханство Казикумухское.

«Сильный мужествомъ вашимъ, далъ я вамъ сіе приказаніе, и вы непріятеля, въ числѣ превосходнаго, въ мѣстахъ и окопахъ твердыхъ упорно защищавшагося, ужаснымъ пораженіемъ наказали. Бѣжитъ коварный Сурхай-ханъ, и владѣнія его вступили въ подданство великому нашему государю. Нѣтъ противящихся намъ народовъ въ Дагестанѣ».

Сурхай-ханъ со свитою въ 30 человѣкъ пробрался тайно черезъ Шекинское владѣніе въ Ширвань и при содѣйствіи Мустафы-хана, 10-го іюля, переправившись черезъ р. Куру близъ Тилянскаго селенія, оставилъ наши владѣнія [2]).

Не подозрѣвая о совершившемся уже бѣгствѣ и будучи увѣренъ, что Сурхай будетъ искать убѣжища у своего зятя Мустафы-хана ширванскаго, поведеніе котораго возбуждало сильное подозрѣніе, главнокомандующій требовалъ, чтобы Мустафа не давалъ ему у себя пристанища, и самъ перемѣнилъ свое поведеніе.

Уничтоженіе Шекинскаго ханства и преслѣдованіе Сурхая оказали замѣтное вліяніе на поведеніе хана ширванскаго, и онъ сталъ въ положеніе, явно враждебное русскому правительству. Мустафа укрѣплялъ Фитъ-дагъ, переселялъ на гору жителей нижнихъ деревень, посылалъ Сурхаю деньги, парчу, лошадей и старался уклониться отъ всякихъ объясненій съ находящимися при немъ капи-

---

[1]) Отъ 22-го іюня 1820 г., № 3.

[2]) Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 100; т. VI, ч. I, № 1222.

таномъ кн. Макаевымъ [1]). Когда въ августѣ 1819 года генералъ-маіоръ Ахвердовъ и статскій совѣтникъ Могилевскій, прибывъ въ Нуху для введенія въ области русскаго управленія, отправили Шерифъ-бека съ привѣтствіемъ къ Мустафѣ, то ханъ не скрывалъ отъ посланнаго своего опасенія, что русскіе намѣрены и его лишить ханства.

— Зачѣмъ, спрашивалъ Мустафа-ханъ, русское правительство лишило владѣнія Джафаръ-Кули-ханскую фамилію и справедливо ли это?

— Послѣ Джафаръ-Кули-хана, отвѣчалъ Шефиръ, по трактату наслѣдовалъ сынъ его Измаилъ-ханъ; но какъ сей послѣдній умеръ безъ наслѣдника, то въ Шекинскомъ ханствѣ и введено русское управленіе.

— Правда, замѣтилъ ханъ, что старшій братъ Измаила Беюкъ-ханъ не можетъ управлять ста баранами, и шекинцы не любятъ всю ихъ фамилію, но я знаю, что и моей фамиліи готовится та же участь. Я уже старъ и болѣнъ; не за тѣмъ ли ты сюда присланъ, чтобы навѣдаться, скоро ли я умру?

Мустафа жаловался Шефиру, что напрасно его обвиняютъ въ измѣнѣ и нерасположеніи къ русскому правительству.

— Я столько имѣю, прибавилъ онъ, что съ моимъ богатствомъ во всякомъ мѣстѣ прожилъ бы въ изобиліи, соотвѣтственномъ моему достоинству; но въ Персію не могу ѣхать, ибо тамъ нашелъ бы вѣрный для себя гробъ. Впрочемъ, неужели русскіе полагаютъ, что Дагестанъ имъ покорится и что они могутъ имъ владѣть? Туда приходилъ Шахъ-Аббасъ и другіе славные завоеватели, но ничего не сдѣлали. Русскіе не знаютъ дагестанскаго народа и того, что скорѣе они обезсилятъ и сами себя истребятъ, нежели покорятъ дагестанскія горы и ущелья. Хорошее ли то дѣло, что (русскіе) завели теперь войну, хватали въ Кубинской провинціи людей и, не зная ни кто имъ вѣренъ, ни кто измѣнникъ, ссылали въ Сибирь?

Въ этихъ словахъ ширванскій ханъ выразилъ все неудовольствіе и опасенія за свою участь. Человѣкъ умный и наблюдатель-

---

[1]) Рапортъ князя Макаева генералъ-лейтенанту Вельяминову, 11-го августа 1819 г. Акт Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 1207.

ный, Мустафа скоро оцѣнилъ характеръ Ермолова, цѣль и систему его дѣйствій и не ошибся въ своихъ заключеніяхъ. Еще въ ноябрѣ 1819 года главнокомандующій набросалъ вчернѣ штатъ для управленія Ширванскою областью [1]), и ожидалъ только случая, чтобы и здѣсь уничтожить ханскую власть. Сознавая, что для дѣйствительнаго владычества русскихъ на Кавказѣ и для объединенія края въ одно органическое цѣлое, необходимо удалить хановъ и ввести въ областяхъ русское управленіе, Алексѣй Петровичъ шелъ къ цѣли быстро. Требуя, чтобы Мустафа не давалъ у себя убѣжища Сурхаю, Ермоловъ не скрывалъ, что ему хорошо извѣстно поведеніе Мустафы и его сношенія съ Дагестаномъ.

«До сего времени, писалъ Алексѣй Петровичъ Мустафѣ [2]), съ позволенія вашего часто къ бѣглецу Шихъ-Али-хану проѣзжали изъ Персіи люди и провозимы были деньги. Я въ правѣ думать, что еще охотнѣе дадите вы всякую противозаконную помощь Ченкѣ Хамбутаю (Сурхаю), при которомъ находились отъ васъ люди въ самый тотъ день, какъ бѣжалъ онъ изъ Хозрека. Ваше превосходительство не обращали никакого вниманія къ моимъ пріятельскимъ вамъ совѣтамъ и поведеніе ваше давно уже не согласуется съ тѣми милостями великаго моего государя, которыя всегда готовъ онъ былъ оказывать вамъ съ удовольствіемъ. Я исполняю еще мою обязанность и васъ предостерегаю.

«Также не приступая ни къ какимъ распоряженіямъ, не объяснясь прежде съ вами, прошу ваше превосходительство сообщить мнѣ: какія причины заставляютъ васъ переселять на Фитъ-дагъ жителей изъ другихъ мѣстъ, вопреки ихъ желанія и даже нанося имъ разореніе? Мнѣ извѣстно, что волю вашу исполняютъ они изъ одной боязни, но не желаютъ жить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не имѣютъ они ни малѣйшихъ выгодъ.

«Для чего укрѣпляете вы Фитъ-дагъ? Кого вы опасаетесь и кто вашъ непріятель? Со времени покоренія Акуши и наконецъ Казыкумуха мнѣ извѣстны всѣ связи ваши съ Дагестаномъ, и тамъ не имѣли вы непріятелей. Со стороны Персіи вы не угрожаемы ника-

---

[1]) См. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 1209.

[2]) Отъ 21-го іюля, № 2452.

кою опасностью, и между симъ государствомъ и Россіею существуетъ доброе и прочное согласіе. Итакъ не знаю, къ чему приписать вашу безполезную осторожность? Я прошу ваше превосходительство не употреблять насилія въ переселеніи жителей на Фитъ-дагъ, ибо я строгому подвергаюсь отвѣту передъ великимъ государемъ моимъ, что не воздержалъ васъ отъ разоренія жителей, его вѣрноподданныхъ. Ваше превосходительство можете жить тамъ съ людьми васъ окружающими и тѣми, кои того пожелаютъ, и какъ бы ни мало было число таковыхъ, вы столько же тамъ въ безопасности, какъ собрали бы туда ихъ тысячи. Не безпокойтесь, русскія войска всегда готовы на защиту васъ, буде бы могла потребоваться въ томъ нужда, и я слишкомъ внимателенъ къ обстоятельствамъ, чтобы не зналъ, когда имъ быть тамъ надлежитъ».

Письмо это произвело тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе на Мустафу-хана, что незадолго передъ тѣмъ онъ узналъ, что главнокомандующій успѣлъ захватить въ свои руки одного изъ самыхъ близкихъ ему людей. Пойманный открылъ всѣ связи хана въ Дагестанѣ, указалъ на сношенія Мустафы съ персіянами, на связи съ Сурхай-ханомъ и акушинцами, которыхъ онъ возстановлялъ противъ русскаго правительства. Желая оправдаться въ своихъ поступкахъ и скрыть до времени свое поведеніе, Мустафа рѣшился на подкупъ. Состоявшему при немъ капитану кн. Макаеву ханъ прислалъ значительную сумму денегъ въ подарокъ, но тотъ представилъ ихъ главнокомандующему. Черезъ откупщика рыбныхъ промысловъ, надворнаго совѣтника Иванова, онъ разослалъ письма ко всѣмъ своимъ знакомымъ чиновникамъ и переводчикамъ, служившимъ при Ермоловѣ, поручая имъ не щадить ни денегъ, ни подарковъ, а увѣрить только главнокомандующаго, что онъ о проѣздѣ Сурхай-хана не зналъ и давно прервалъ съ нимъ всякія связи. «Съ армяниномъ Ивановымъ, пишетъ Алексѣй Петровичъ въ своихъ запискахъ, пріѣхалъ секретарь его (Мирза-Ахмедъ), имѣя тысячу червонцевъ на подарки при первомъ случаѣ въ моей канцеляріи; Иванову же поручено было, по надобности, занять на имя его (хана) большія суммы. Деньги тысячу червонцевъ приказалъ я полиціймейстеру и коменданту взять въ казну, и вмѣсто отвѣта на письма Мустафы-хана, доставленныя ко мнѣ черезъ нарочныхъ трехъ чиновниковъ, приказалъ я командующему

въ Кубѣ, генералъ-маіору барону Вреде, отправить въ Ширвань два баталіона пѣхоты съ артиллеріею форсированнымъ маршемъ, и туда поспѣшнѣйшимъ образомъ послалъ войска донскаго генералъ-маіора Власова 3-го съ 800 человѣкъ казаковъ, дабы отнять средства къ побѣгу и, буде можно, схватить Мустафу-хана».

Послѣднее не удалось главнокомандующему, такъ какъ Мустафа давно уже рѣшилъ оставить свое владѣніе и заблаговременно отправлялъ за границу всѣ свои драгоцѣнныя вещи. Извѣстно было, что такая отправка вещей и денегъ состоялась два раза: въ первый разъ послано было 100,000, а во второй 40,000 червонцевъ [1]). Въ ожиданіи, какой оборотъ примутъ дѣла его въ Тифлисѣ, Мустафа 9-го августа отправилъ за р. Куру все свое имущество, выслалъ туда же многія семейства, собралъ въ одно мѣсто всѣхъ своихъ многочисленныхъ женъ и готовился къ отъѣзду. Для лучшаго успѣха въ побѣгѣ шахсеванскій Ата-ханъ, по просьбѣ Мустафы-хана ширванскаго, явился на Муганской степи, на противоположномъ берегу р. Куры, съ 800 человѣкъ конницы.

Лишь только, 19-го августа, ханъ узналъ о движеніи русскихъ войскъ, отъ тотчасъ же переправился черезъ р. Куру и ушелъ въ Персію, гдѣ былъ принятъ весьма благосклонно Аббасъ-Мирзою.

«Я открылъ измѣну, писалъ Ермоловъ кн. Волконскому [2]), тайнаго и злаго врага нашего Мустафы-хана ширванскаго, и уже нѣтъ его въ ханствѣ. Онъ старался измѣну свою закрыть увѣреніями въ приверженности къ престолу и за сохраненіе ханскаго достоинства предлагалъ деньги и большіе подарки. Онъ готовъ былъ пожертвовать годовымъ доходомъ, а это не менѣе полумилліона рублей!

«По необходимости дѣйствуя безпрерывно оружіемъ, вы не повѣрите, какъ радовался я, что оба ханства, Шекинское и Ширванское, достались намъ безъ выстрѣла. Первое пріобрѣлъ я истолкованіемъ трактата, какъ мусульмане толкуютъ алкоранъ, т. е. какъ приличествуетъ обстоятельствамъ. Ширванское ханство досталъ познаніемъ свойствъ хана: онъ наклоненъ къ боязливости и ее усили-

[1]) Секретный рапортъ полковника Реута генералъ-лейтенанту Вельяминову, отъ 29-го іюля, за № 280.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 25-го сентября 1820 г. Воен. Учен. Арх., отд. II, № 4488.

ваетъ въ немъ ипохондрія ужасная. Нетрудно мнѣ было держать его въ состояніи робости, доводя до него стороною, что каждое его дѣйствіе мнѣ извѣстно. Наконецъ, схватилъ я одного изъ ближайшихъ его людей, хранителя всѣхъ тайнъ, и сіе рѣшило бѣгство хана. Онъ нѣкогда собственными войсками разбилъ теперешняго наслѣдника Персіи, но посланныхъ мною тысячи казаковъ не дождался. Итакъ въ рукахъ нашихъ ханство прекрасное и богатое; я достигъ главнѣйшей моей цѣли и событіе сіе почитаю счастливѣйшимъ во время моего здѣсь пребыванія, ибо могу надѣяться на внутреннее спокойствіе. Осталось немного непріятелей и менѣе таковыхъ, кои служатъ персіянамъ, а сихъ, Бога самого беру въ свидѣтели, что онъ не созидалъ ничего презрительнѣйшаго».

Персіяне принимали всѣхъ бѣглыхъ изъ нашихъ провинцій съ распростертыми объятіями, и Аббасъ-Мирза оказывалъ особое вниманіе къ явившимся къ нему ханамъ.

«Если, писалъ Ермоловъ А. С. Грибоѣдову, вся сія бѣглецовъ сволочь (Мустафа и Сурхай-ханы) будутъ выставлять опасности, которыя она преодолѣла, чтобы предать себя въ великодушное покровительство наслѣдника, то увѣрьте сего послѣдняго, что никто не останавливалъ ихъ и что, напротивъ, *я надѣюсь умножить число взыскующихъ его благодѣянія*. Недавно съ неудовольствіемъ отозвался я къ одному изъ начальниковъ, что Шихъ-Алихану, уже при самой Курѣ бывшему, воспрепятствовалъ побѣгъ въ Персію, что впредь не будетъ дѣлаемо съ намѣреніемъ. Нигдѣ съ большимъ приличіемъ бѣглецъ сей не можетъ быть принятъ, какъ при лицѣ наслѣдника, который, называя его слугою Ирана, себя почитаетъ обязаннымъ вспомоществовать ему».

Бѣгство Мустафы не произвело никакого впечатлѣнія въ Ширвани: народъ оставался равнодушнымъ, а армяне были рады совершившемуся факту.

Всѣмъ жителямъ Ширвани объявлено, что Мустафа лишенъ навсегда ханскаго достоинства, и «*ханство принимается въ россійское управленіе*».

Для устройства дѣлъ и введенія управленія въ Ширвани, были отправлены генералъ-маіоръ князь Мадатовъ и правитель канцеляріи главнокомандующаго, статскій совѣтникъ Могилевскій. Имъ было по-

ручено установить точно такое же управленіе, какъ было учреждено въ Кубинской провинціи, привести въ извѣстность доходы, не усиливать податей, выслать въ Персію всѣхъ приверженныхъ къ Мустафѣ чиновниковъ и составить списокъ всѣмъ родственникамъ бывшаго хана.

Спокойствіе въ Ширвани не нарушалось, и 18-го сентября въ крѣпости Фитъ-дагѣ былъ уже открытъ городовой судъ. Всѣ магалы (округи), исключая двухъ самыхъ отдаленныхъ, къ этому числу были уже приведены къ присягѣ [1]). Главный городъ ханства, по неудобству гористаго мѣстоположенія, упраздненъ, и всѣ присутственныя мѣста переведены въ Старую Шемаху, нѣкогда бывшую обширнымъ городомъ, остатки котораго, находившіеся въ развалинахъ, свидѣтельствовали о прежнемъ его великолѣпіи.

Такимъ образомъ, въ теченіе одного года было введено русское управленіе въ двухъ ханствахъ безъ малѣйшихъ съ нашей стороны пожертвованій. Владычество Россіи распространилось далеко за предѣлы Грузіи, которая составляла теперь лишь небольшую центральную часть нашихъ владѣній за хребтомъ Кавказскихъ горъ. Въ подчиненіи главнокомандующаго находились разнохарактерныя войска и разнообразное населеніе. Являлась необходимость сроднить войска съ населеніемъ и сплотить ихъ въ одно цѣлое; необходимо было убѣдить туземцевъ, что отнынѣ все, что живетъ на Кавказѣ и въ Закавказьѣ, должно составлять одно цѣлое съ русской Имперіей. Съ этою цѣлью, по ходатайству Ермолова, Императоръ Александръ I повелѣлъ уничтожить названіе *отдѣльнаго Грузинскаго корпуса* и впредь именовать войска, находящіяся на Кавказѣ и въ Закавказьѣ, *отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ* [2]). «Вы не въ состояніи вообразить, писалъ Алексѣй Петровичъ князю Волконскому [3]), до какой степени я восхищенъ, что корпусъ названъ Кавказскимъ».

Нѣсколько ранѣе этого переименованія признано было необходимымъ, для лучшаго порядка и единства управленія, подчинить глав-

---

[1]) Рапортъ князя Мадатова и Могилевскаго Ермолову, 21-го сентября 1820 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 1225.

[2]) Отношеніе дежурнаго генерала Ермолову, 31-го августа, № 8610.

[3]) Въ письмѣ отъ 25-го сентября 1820 г. Воен. Учен. Арх., № 4188.

нокомандующему и *Черноморское войско,* до сихъ поръ находившееся въ вѣдѣніи херсонскаго военнаго губернатора. Такимъ образомъ, все пространство между Азовскимъ моремъ и землею войска Донскаго было присоединено къ Кавказской губерніи [1]).

Въ Черноморскомъ войскѣ, исключая офицеровъ, считалось тогда 37,046 челов. мужскаго пола. Войско обязано было выставлять 21 полкъ и одну конно-артиллерійскую роту, въ которыхъ состояло на службѣ 12,416 челов. и, сверхъ того, на сторожевой службѣ 3,739 челов. Не смотря на значительность боевой силы войска, закубанцы хозяйничали въ землѣ черноморцевъ, какъ у себя дома. По выраженію Ермолова, войско состояло изъ людей, «похитившихъ наименованіе военныхъ» [2]), и причиною тому были безпорядки, существовавшіе во внутреннемъ управленіи.

Атаманъ полковникъ Матвѣевъ былъ человѣкъ слабый и находился подъ вліяніемъ лицъ, имѣвшихъ значеніе или по своему богатству, или положенію, и «конечно, писалъ Ермоловъ [2]), не онъ можетъ исправить безпорядки, успѣшно умноженію ихъ содѣйствуя». Удаляясь отъ личнаго присутствованія въ войсковой канцеляріи, атаманъ завелъ съ нею переписку, безполезную по результатамъ и обременительную по числу бумагъ. Этимъ воспользовались люди-взяточники и въ отчетахъ показывалось израсходованнымъ въ теченіе года 865 стопъ бумаги и 7 пудовъ сургуча. Съ іюня и по ноябрь 1821 года показано израсходованными 315 стопъ бумаги и 4 пуда сургуча, т. е. болѣе 60 стопъ въ мѣсяцъ.

Войсковая канцелярія не имѣла опредѣленнаго штата и въ составѣ ея находилось 127 человѣкъ; содержаніе служащимъ назначалось по произволу и въ расходованіи войсковыхъ суммъ не было никакого контроля. По отчетамъ, представленнымъ Ермолову, на войсковую канцелярію расходовалось ежегодно по 13,000 рублей. «Дѣла въ канцеляріи, писалъ Ермоловъ кн. Волконскому [4]), никакого раз-

---

[1]) Отношеніе начальника Глав. Шт. князя Волконскаго Ермолову, 21-го декабря 1819 года, № 2092.

[2]) Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 855.

[3]) Князю Волконскому, отъ 18-го ноября 1821 г. № 190.

[4]) Въ рапортѣ отъ 18-го ноября 1821 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 1022.

дѣленія по роду ихъ не имѣютъ; нѣтъ ясной отчетности въ суммахъ, нѣтъ никакихъ правилъ въ руководство. Ничтожныя причины множатъ дѣла, ибо войсковая канцелярія, уравненная въ обязанностяхъ съ уѣзднымъ судомъ, никакой власти не имѣетъ, и то, что должно бы зависѣть отъ непосредственнаго и скораго ея рѣшенія, по малозначенію предметовъ подвергается разсмотрѣнію палаты уголовнаго и гражданскаго суда, проходя всѣ медленныя формы производства. Словомъ, въ такомъ состояніи канцелярія дѣйствовать не можетъ, и едва ли есть слобода крестьянъ, хуже управляемая, какъ войско Черноморское».

Къ этому необходимо прибавить, что въ сущности ни атаманъ, ни войсковая канцелярія не имѣли никакого значенія и ими самовластно управляли адъютанты херсонскихъ военныхъ губернаторовъ, сначала Дюка-де-Ришелье, а потомъ графа Ланжерона. Безчисленныя исключенія изъ общаго правила и разнаго рода послабленія были слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ. Повинности разлагались неуравнительно, нарядъ войска на кордонную стражу производился не по строгой очереди, полки пѣшіе и конные составлялись безъ разбора людей по способностямъ: казакъ, ловкій на конѣ, служилъ пѣшимъ, и, наоборотъ, неумѣвшій ѣздить назначался въ составъ конныхъ полковъ. Служба внутренняя по войску, несравненно легчайшая, не различалась отъ службы на границѣ. Полковымъ командирамъ и даже казакамъ, имѣвшимъ сильную руку, дозволялось не находиться при полкахъ и заниматься хозяйствомъ. Отъ этого полки были некомплектны, казаки не имѣли понятія о дисциплинѣ, были дурно обучены и плохо вооружены; въ лошадяхъ ощущался большой недостатокъ, и хотя въ Черноморіи былъ свой конскій заводъ, тѣмъ не менѣе въ пяти полкахъ, находившихся на службѣ, было только 1,598 человѣкъ на надежныхъ лошадяхъ.

Вступая въ командованіе войскомъ, Ермоловъ отправилъ въ Черноморію войска Донскаго генералъ-маіора Власова 3-го, поручивъ ему осмотрѣть въ подробности расположеніе полковъ, вооруженіе казаковъ, общественныя заведенія и хозяйство. Обращая вниманіе на исправность отправленія кордонной службы, главнокомандующій приказалъ атаману Черноморскаго войска возвратить немедленно въ полки всѣхъ людей, отвлеченныхъ разными занятіями, а для исправ-

ленія внутренней службы по войску опредѣлить отставныхъ казаковъ; вмѣсто четырехъ орудій приказано выставлять восемь и подтверждено, чтобы командиры находились непремѣнно при своихъ полкахъ.

«Долженъ предувѣдомить васъ, господинъ атаманъ, писалъ Алексѣй Петровичъ Матвѣеву [1]), что, возложивъ на генералъ-маіора Власова 3-го отвѣтственность за исправность кордонной стражи, я хорошо разумѣлъ, что ему надобны помощники усердные, дѣятельные, неусыпные, и потому поручилъ я ему вникать въ способности офицеровъ и удалить всѣхъ тѣхъ, кои, будучи нерадивы къ должностямъ своимъ, продолжать будутъ въ войскѣ развратъ, который болѣе мужикамъ, нежели воинамъ его уподобляетъ. Вы, господинъ атаманъ, объявите всѣмъ вообще, что удаленіе ихъ не предоставитъ имъ свободы предаться праздности; но что всѣхъ удаленныхъ отъ должностей за нерадѣніе и неисправности возьму я для наученія порядка въ войска на Кавказской линіи, гдѣ подъ начальствомъ строгихъ командировъ познаютъ, какъ достойно носить званіе офицеровъ.

«Внушите чиновникамъ, что несоблюденіе чинопочитанія наказывать я буду строгимъ образомъ. Рѣдко подвергаю я воинскому суду и только тѣхъ, кои, знавъ обязанности свои, не исполняютъ ихъ, по надѣянности на снисхожденіе и слабость начальства, коего должны они быть усердными помощниками. Для упрямыхъ, своенравныхъ, упорствующихъ противъ необходимаго порядка, разсѣвающихъ развратъ есть у меня средства смиряющія, и желаю чистосердечно, чтобы офицеры войска Черноморскаго не познакомились со службою въ Грузіи и крѣпостями Кавказской линіи».

Прибывъ въ войско и познакомившись съ положеніемъ дѣлъ, Власовъ нашелъ населеніе въ самомъ печальномъ состояніи. Войсковыя и общественныя суммы находились въ полномъ расхищеніи; сиротскій капиталъ былъ розданъ почти весь въ частныя руки и безъ всякаго обезпеченія. Тяжебныя и судебныя дѣла оставались нерѣшенными съ 1811 года, а между тѣмъ арестантовъ содержать

---

[1]) Въ предписаніи отъ 15-го января 1821 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 680.

было негдѣ, за исключеніемъ одной тюрьмы, въ которой заключенные были помѣщены такъ тѣсно, что многіе лежали подъ нарами. Общественные конскій и овчарный заводы, не принося никакого дохода, стоили войску: первый 69,100 руб., а второй 26,600 руб. Екатеринодарская суконная фабрика стоила 69,840 руб. и 63 человѣка рабочихъ довольствовались войсковымъ провіантомъ. Основанная въ 1814 году, фабрика эта къ 1821 году приготовила 242 куска сукна, которые лежали въ складѣ неокрашенными по неимѣнію красильни. Фабрика и заводы составляли откупную статью и источникъ доходовъ для наиболѣе вліятельныхъ членовъ войсковой канцеляріи, допускавшихъ громаднѣйшія злоупотребленія въ сборѣ войсковыхъ доходовъ. Такъ, по показанію канцеляріи, въ 1820 году было продано за предѣлы войска 425 лошадей, 11,249 штукъ рогатаго скота, 1,930 овецъ, и за все это собрано въ войсковой доходъ 2,431 р. 30 коп. [1]). На самомъ же дѣлѣ оказалось, что было продано: 19,364 штуки рогатаго скота, 27,502 овцы и въ доходъ войска должно было поступить 5,332 руб. 90 коп. Подобныя же злоупотребленія существовали и въ разнаго рода статьяхъ, отдаваемыхъ на откупъ, такъ что доходъ войска былъ слишкомъ незначителенъ, а расходы на общественныя нужды велики. Чтобы пополнить ихъ, казакамъ приходилось ежегодно платить большія деньги, а между тѣмъ хлѣбопашество было до такой степени мало развито, что войсковое правленіе для содержанія кордонныхъ полковъ должно было покупать хлѣбъ въ сосѣднихъ губерніяхъ. Будучи заняты оборономъ границъ и не имѣя времени заняться хлѣбопашествомъ, черноморцы находились въ самомъ бѣдномъ состояніи. Главные доходы и средства къ существованію извлекались изъ скотоводства и рыбныхъ промысловъ, но и они не имѣли достаточнаго развитія. Распространявшаяся все болѣе и болѣе бѣдность грозила, что въ близкомъ будущемъ казаки не будутъ въ состояніи охранять собственными средствами границу, и тогда правительству пришлось бы сдѣлать на это значительныя издержки: содержать войска, строить крѣпости и проч.

---

[1]) За проданный и выведенный изъ предѣловъ войска скотъ платилось пошлины: за лошадь и рогатую скотину по 20 коп., а за овцу по 5 коп.

Въ отвращеніе этого рѣшено было переселить на черноморскія земли 25,000 семействъ желающихъ изъ губерній Черниговской и Полтавской, изъ которыхъ, по тѣснотѣ земель, многія семейства сами шли въ Черноморію. Къ такому переселенію приглашались преимущественно малороссійскіе казаки, и притомъ такихъ мѣстъ, которыя наиболѣе нуждались въ землѣ. Разрѣшеніе на переселеніе давалось преимущественно тѣмъ семействамъ, которыя имѣли болѣе женскаго пола. Черноморскому войску поставлено въ обязанность назначить переселенцамъ удобныя земли и оказать пособіе. Переселеніе рѣшено произвести въ трехлѣтній срокъ, съ тѣмъ, чтобы новымъ поселенцамъ были отведены земли наравнѣ со старыми казаками.

Въ Черноморскомъ войскѣ всѣ вообще селенія и хутора не имѣли отмежеванной земли, и каждый пользовался землею свободно, т. е. занималъ ее подъ хлѣбопашество и сѣнокошеніе столько, сколько въ силахъ былъ обработать. Самые выгодные и плодородные участки были, конечно, въ рукахъ офицеровъ и чиновниковъ, служившихъ по внутреннему управленію войска. Многіе изъ нихъ обратили эти участки въ свою собственность и даже поселили на нихъ крестьянъ [1]).

«Въ сословіи казаковъ сего войска, доносилъ генералъ-маіоръ Власовъ, есть довольное число такъ называемыхъ *бурлаковъ* или *сиротъ*. Это люди, которые разновременно и изъ разныхъ мѣстъ зашли на землю Черноморскую, для заработковъ, безъ билетовъ и по билетамъ, но, по просрочкѣ оныхъ, были приняты въ казачье званіе. Они холосты, не имѣютъ домовъ, ниже какого заведенія, а живутъ у другихъ по найму, а особливо охотно нанимаются на рыбные заводы, гдѣ болѣе имъ свободы для развратной жизни».

Такихъ бездомныхъ казаковъ считалось въ Черноморскомъ войскѣ 2,536 чел. На нихъ-то большею частью и лежала вся тяжесть

---

[1]) Впослѣдствіи Императоръ Александръ повелѣлъ всѣхъ такихъ крестьянъ вывести изъ предѣловъ войска и поселить въ имѣніяхъ тѣхъ же владѣльцевъ, если они имѣли таковыя во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, а въ противномъ случаѣ записать въ казаки, сдѣлавъ помѣщикамъ надлежащее за нихъ удовлетвореніе (Высочайшее повелѣніе Ермолову, 7-го іюля 1821 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 1016).

кордонной службы и служба внѣ предѣловъ войсковой территоріи. Нанимаясь за богатыхъ, или за семейства, ихъ пріютившія, бурлаки уже не спускались съ кордона, а отпускались домой люди зажиточные, имѣвшіе возможность «поблагодарить» полковаго командира. Въ полку, отправленномъ на службу въ царство Польское, было 350 человѣкъ бурлаковъ, слѣдовательно почти двѣ трети полка.

Находя подобное положеніе бурлаковъ не только безполезнымъ, но и вреднымъ для Черноморскаго войска, генералъ-маіоръ Власовъ считалъ необходимымъ отвести имъ земли, одновременно съ отводомъ земель для переселяющихся малороссіянъ.

Алексѣй Петровичъ вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе и, лично посѣтивши Черноморію, убѣдился въ необходимости преобразованія всего внутренняго строя казаковъ.

«Былъ я у черноморцевъ, писалъ главнокомандующій князю Волконскому [1]), можно поблагодарить за команду надъ ними! Въ управленіи нѣтъ тѣни порядка. Канцелярія трибуналъ ужасный: писцовъ болѣе, нежели въ главномъ штабѣ: по октябрь 20,000 нумеровъ и едва ли десятая доля надобныхъ. Дѣла въ сенатѣ не продолжительнѣе, плутни и воровство и таможеннымъ хищникамъ могли бы быть образцомъ! Развѣ неусыпность генералъ-маіора Власова сдѣлаетъ войско лучшимъ, но хорошимъ скоро не будетъ. Я не ближе графа Ланжерона, а въ отдаленіи и я буду не полезнѣе какъ и *mousquetaire gris*.

«Войско Донское не модель совершенства, а на первый случай и у него хочу заимствовать нѣкоторыя постановленія и пишу къ Чернышеву».

Собираясь ѣхать въ Петербургъ, Ермоловъ надѣялся лично переговорить съ Чернышевымъ, получить отъ него необходимыя свѣдѣнія и по возвращеніи изъ столицы приступить къ преобразованію внутренняго быта Черноморскаго войска.

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 9-го ноября 1821 г. Арх. Канц. воен. министер. Св. 44, д. № 160.

XIX.

Кончина абхазскаго владѣльца князя Георгія Шервашидзе.—Возстаніе въ Абхазіи.—Вмѣшательство въ дѣла князя Левана Дадіана.—Письмо его генералу Вельяминову 1-му.—Посылка маіора Огаркова въ Сухумъ.—Арестованіе Хассанъ-бея.—Письмо княгини Тамары объ освобожденіи Хассана.—Прибытіе въ Абхазію Арсланъ-бея, брата Хассана.—Назначеніе князя Дмитрія Шервашидзе владѣтелемъ Абхазіи.—Отправленіе войскъ для усмиренія возстанія.—Воззваніе къ абхазцамъ князя Дмитрія Шервашидзе.—Штурмъ заваловъ у Кодора.—Прибытіе отряда въ Сухумъ.—Инструкція, данная князю Дмитрію для управленія народомъ.—Кончина его и утвержденіе абхазскимъ владѣльцемъ князя Михаила Шервашидзе.

Считая спокойствіе края вполнѣ обезпеченнымъ, А. П. Ермоловъ поручилъ командованіе войсками и управленіе краемъ генералъ-лейтенанту Вельяминову 1-му, и въ концѣ декабря 1820 года выѣхалъ изъ Тифлиса въ Петербургъ. Но едва онъ прибылъ въ столицу, какъ получилъ извѣстіе о волненіяхъ, возникшихъ въ Абхазіи.

7-го февраля 1821 года скончался владѣтель Абхазіи, кн. Георгій Шервашидзе (Сеферъ-бей), а 8-го числа абхазцы селеній, сосѣднихъ съ Сухумскою крѣпостью и подвластные Хассанъ-бею, брату и личному врагу умершаго, собравшись толпою человѣкъ въ двѣсти, напали на нашу команду, посланную въ ближайшій лѣсъ за дровами. Комендантъ Сухумской крѣпости, маіоръ Могилянскій, выслалъ на помощь атакованнымъ поручика Гришкова съ ротою пѣхоты и однимъ орудіемъ. Гришковъ разсѣялъ толпу, но въ происшедшей при этомъ перестрѣлкѣ потерялъ одного убитымъ и ранеными четырехъ нижнихъ чиновъ [1]).

Абхазія только на картахъ была введена въ черту владѣній Россіи, но въ дѣйствительности власть наша въ этой странѣ была совершено ничтожна. Вліяніе, которое мы имѣли въ Абхазіи, поддерживалось единственно тѣмъ гарнизономъ, который находился въ

[1]) Рапортъ маіора Могилянскаго полковнику князю Абхазову, 8-го февраля 1821 года, № 48. Тифлис. Арх. глав. штаба Кавказ. арміи.

крѣпости Сухумъ-кале, взятой у турокъ въ послѣднюю войну, и можно сказать утвердительно, что власть наша далѣе стѣнъ этой крѣпости не распространялась. Находясь на берегу Чернаго моря, крѣпость эта, по своему положенію, не имѣла никакой связи съ владѣніями нашими ни по сю, ни по ту сторону Кавказа. По дикости и необузданности абхазцевъ, по причинѣ ихъ грабежей и хищничества, мы не имѣли съ Сухумомъ никакого сухопутнаго сообщенія, и все необходимое доставлялось моремъ. Сообщеніе это, при тогдашнихъ парусныхъ судахъ, не всегда было обезпечено, и въ тѣ весенніе, осенніе и частью зимніе мѣсяцы, когда на Черномъ морѣ свирѣпствовали бури, мы не получали никакихъ извѣстій о гарнизонѣ, состоявшемъ не болѣе какъ изъ 500 человѣкъ. Не имѣя, кромѣ Сухума, ни одного поста въ Абхазіи, нельзя было имѣть вліяніе среди народа, «утопающаго въ крайнемъ невѣжествѣ и неимѣвшаго никакого понятія объ обязанностяхъ человѣка къ Богу или другъ къ другу».

Покойный владѣтель Абхазіи, князь Георгій Шервашидзе, былъ человѣкъ слабый, почти неимѣвшій значенія въ народѣ. Фамилія Шервашидзе тогда только получала перевѣсъ надъ прочими князьями, когда кто-либо изъ членовъ ея личнымъ молодечествомъ могъ первенствовать надъ другими. Опредѣленной подати владѣльцу никто и никогда не платилъ, но за то владѣлецъ пользовался неоспоримымъ правомъ грабить слабѣйшихъ и взыскивать въ свою пользу часть награбленнаго частными лицами. Абхазцы занимались плѣнопродавствомъ. Не имѣя ни хлѣбопашества, ни скотоводства, а тѣмъ болѣе промышленности, Абхазія, по словамъ Ермолова, «ничѣмъ, кромѣ плѣнныхъ, и торговать не можетъ, а потому, начиная съ владѣтеля и родныхъ его, торгуетъ онými всякій».

«Прекратить торгъ людьми, доносилъ главнокомандующій еще въ 1818 г.[1]), противный человѣколюбивымъ намѣреніямъ вашего императорскаго величества, привести въ надлежащее повиновеніе дикій и хищный народъ, въ случаѣ разрыва съ турками удержаться въ Абхазіи и получить отъ земли сей ощутительную пользу, не иначе можно, какъ умноживъ тамъ значительно военныя силы наши, при-

[1]) Императору Александру, отъ 28-го марта 1818 г., № 72.

ведя Сухумъ въ хорошее оборонительное состояніе и учредивъ посты еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Абхазіи. Невозможно отдѣлить туда войскъ, ни изъ Грузіи, ни съ Кавказской линіи, ибо корпусъ едва достаточенъ для охраненія занимаемыхъ имъ земель. Итакъ для Абхазіи нужны особенныя войска и не менѣе двухъ баталіоновъ пѣхоты, которые изъ оной не отлучать по крайней мѣрѣ въ теченіе весьма многихъ лѣтъ».

Баталіоны эти должны были, по указанію главнокомандующаго, занять два главные пункта: Сухумъ и Гагры. Съ занятіемъ послѣдняго прерывалось сообщеніе абхазцевъ съ Анапою и съ закубанцами, могъ быть прекращенъ торгъ людьми, хищничество, и Абхазія могла быть приведена въ полную покорность русскому правительству.

Предположенія Ермолова не были, однако жь, приведены въ исполненіе, когда послѣ смерти князя Георгія Шервашидзе въ Абхазіи возникли безпорядки, и вдова умершаго, княгиня Тамара, обратилась съ просьбою о помощи.

Сухумскій гарнизонъ, по своей малочисленности, не могъ ни усмирить волненій, ни оказать пособія княгинѣ Тамарѣ, а потому правитель Имеретіи, князь Горчаковъ 2-й, приказалъ Могилянскому ограничить свои дѣйствія защитою Сухума, не вмѣшиваться въ дѣла Абхазіи, но, въ случаѣ нужды, дать въ крѣпости убѣжище княгинѣ Тамарѣ, которая легко могла попасть въ руки Хассанъ-бея [1]). Послѣдній, два дня спустя послѣ нападенія его подвластныхъ на нашу команду, а именно 11-го февраля, пріѣхалъ къ Могилянскому и требовалъ, чтобы ему были возвращены его люди, захваченные въ плѣнъ. На предложеніе усмирить бунтъ и выдать мятежниковъ, Хассанъ отговаривался болѣзнью и ничего не предпринималъ [2]).

Имѣя въ виду непріязненные поступки Хассанъ-бея, генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ предписалъ кн. Горчакову оказать пособіе княгинѣ Тамарѣ и для усмиренія непокорныхъ отправить въ Абхазію двѣ роты Мингрельскаго полка, при двухъ орудіяхъ и полу-

[1]) Рапорты князя Горчакова 2-го генералъ-лейтенанту Вельяминову, 13-го февраля 1821 г., № 121. Тифлис. Арх. главн. штаба Кавказск. арміи.

[2]) Рапортъ маіора Могилянскаго полковнику князю Абхазову, отъ 13-го февраля 1821 г., № 52. Тамъ же.

сотнѣ казаковъ, когда разлитіе рѣкъ не будетъ препятствовать движенію отряда сухимъ путемъ. При этомъ Вельяминовъ просилъ Дадіана мингрельскаго снабдить нашъ отрядъ продовольствіемъ и оказать помощь войсками своей теткѣ, княгинѣ Тамарѣ.

«Исполненіе повелѣнія вашего превосходительства, отвѣчалъ князь Горчаковъ [1]), весьма меня затрудняетъ; мнѣ совершенно неизвѣстно, какого рода пособія ожидаетъ жена покойнаго владѣльца и чего она хочетъ. Вмѣстѣ со вступленіемъ войскъ нашихъ и даже тотчасъ какъ мы вмѣшаемся въ дѣла абхазцевъ, слѣдуетъ намъ, по моему мнѣнію, торжественно объявить, кого мы признаемъ наслѣдникомъ или кому хотя временно поручаемъ управленіе. Мѣра сія необходима, дабы нѣкоторымъ образомъ, соединивъ приверженцевъ признаннаго нами и преданныхъ нашему правительству, составить въ землѣ партію, безъ коей мы сдѣлать ничего не въ состояніи».

Не рѣшаясь самъ признать кого-либо наслѣдникомъ Абхазіи, безъ распоряженія правительства, и «слѣдуя принятому во всей Европѣ обычаю», что въ случаѣ малолѣтства старшаго сына мать должна быть регентшею, или правительницею, Вельяминовъ приказалъ правителю Имеретіи объявить княгиню Тамару правительницею Абхазіи, впредь до утвержденія наслѣдника Императоромъ Александромъ.

Число абхазцевъ, приверженныхъ къ Россіи, было весьма ограничено и состояло изъ лицъ, исповѣдывавшихъ христіанскую религію; большинство же населенія, будучи магометанами и язычниками, скорѣе готово было склониться на сторону Турціи или желало независимости. При такихъ условіяхъ, введеніе русскаго управленія въ Абхазіи было почти невозможно, точно также невозможно было предоставить княгинѣ Тамарѣ управленіе народомъ воинственнымъ и необузданнымъ.

Вопросъ о томъ, кто долженъ быть преемникомъ умершаго владѣльца, былъ еще весьма далекъ отъ рѣшенія, а между тѣмъ князь Леванъ Дадіанъ готовъ былъ вмѣшаться въ дѣла Абхазіи и присвоить себѣ право на избраніе новаго владѣтеля.

---

[1]) Рапортъ князя Горчакова 2-го генералъ-лейтенанту Вельяминова, 18-го февраля 1821 г. Тифлис. Арх. гл. штаба Кавказ. арміи.

Сообщая о смерти Георгія Шервашидзе, князь Леванъ Дадіанъ, писалъ Вельяминову [1]), что какъ покойный «по моему предстательству былъ принятъ подъ высочайшее покровительство и, сверхъ того, при помощи моей владѣлъ Абхазіею, то и поставляю долгомъ доложить вамъ о дѣлахъ тамошнихъ: 1) обыкновеніе есть у тамошнихъ всякаго состоянія жителей производить послѣ смерти владѣльца большое смятеніе, грабежи и разныя безчинства, что и теперь начинаютъ, какъ слышно; 2) они не будутъ смотрѣть, кому по закону принадлежитъ наслѣдство и кто долженъ быть законнымъ преемникомъ, но кто теперь сильнѣе покажется имъ и въ случаѣ междоусобія и грабежей болѣе успѣетъ, къ тому и пристанетъ народъ.

«До нынѣшняго времени, когда умирали владѣльцы Абхазіи и начинались со стороны жителей междоусобія и безпорядки, обыкновенно усмиряемы были они и возстановлялись спокойствіе и порядокъ предками моими Дадіанами, и кому по закону доставалось, того Дадіаны и дѣлали преемникомъ абхазскаго владѣльца, а непокорныхъ приводили силою къ повиновенію».

Покойный владѣтель имѣлъ трехъ сыновей, изъ коихъ старшій, Дмитрій, былъ законнымъ наслѣдникомъ и воспитывался въ Петербургѣ. Ходатайствуя о назначеніи Дмитрія Шервашидзе владѣтелемъ, князь Леванъ Дадіанъ присовокуплялъ, что онъ собралъ войска и двинулся въ Абхазію, «чтобы помочь вдовѣ и сиротамъ».

На самомъ дѣлѣ ему хотѣлось завладѣть нѣкоторою частью Абхазіи, которая нѣкогда была подъ властью Дадіановъ. Не ожидая никакой пользы отъ мингрельскаго ополченія и сознавая, что походъ Дадіана только еще болѣе возстановитъ абхазцевъ какъ противъ него, такъ и противъ русскихъ, кн. Горчаковъ просилъ князя Левана пріѣхать въ Марань для личнаго съ нимъ свиданія. Правитель Имеретіи намѣренъ былъ уговорить Дадіана оставить свои замыслы по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока русскія войска будутъ двинуты на усмиреніе волнующихся, т. е. до апрѣля мѣсяца. Ранѣе этого срока мы не могли предпринять ничего рѣшительнаго, по весьма ограниченному числу войскъ и по недостатку продовольствія. Въ ку-

[1]) Въ письмѣ отъ 13-го февраля 1821 г. Тифлис. Арх. глав. штаба Кавказск. арміи.

таисскомъ гарнизонѣ было только до 376 челов. строевыхъ, а въ трехъ ротахъ Мингрельскаго полка, которыя могли быть двинуты, всего 358 челов. рядовыхъ; всѣ же остальныя войска находились на различнаго рода постахъ, съ которыхъ тронуть ихъ было невозможно, въ виду только-что прекратившихся волненій въ Имеретіи и Гуріи. Князь Горчаковъ просилъ прислать ему находившійся на военно-грузинской дорогѣ баталіонъ Мингрельскаго полка и тогда намѣренъ былъ двинуться въ Абхазію береговою дорогою, имѣя провіантъ на баркасахъ, слѣдующихъ на одной высотѣ съ войсками.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ маіора Огаркова въ Сухумъ, чтобы тотъ подробно узналъ о всемъ происходящемъ въ Абхазіи и объ образѣ мыслей жителей. Съ нимъ отправлены были письма княгинѣ Тамарѣ и Хассанъ-бею, въ которыхъ кн. Горчаковъ писалъ, что безъ воли русскаго императора наслѣдникъ Абхазіи ни избранъ, ни утвержденъ быть не можетъ, и выражалъ увѣренность, что каждый абхазецъ будетъ содѣйствовать поддержанію спокойствія. Но какъ участіе Хассанъ-бея въ происшедшихъ у Сухума безпорядкахъ было несомнѣнно, то Огаркову было поручено, если представится возможность, арестовать Хассана. Близко знакомый съ дѣлами Абхазіи, маіоръ Огарковъ находилъ это крайне неудобнымъ, такъ какъ Хассанъ имѣлъ большое вліяніе на Цебельдинскій и Пицундскій округи, и арестованіе его вызвало бы большіе безпорядки. Князь Горчаковъ раздѣлялъ это мнѣніе, но генералъ Вельяминовъ, еще ранѣе посылки маіора Огаркова, приказалъ Могилянскому арестовать Хассанъ-бея при первомъ удобномъ случаѣ.

Человѣкъ буйнаго и неукротимаго характера, непризнававшій ничьей власти, никогда неповиновавшійся брату, Хассанъ-бей имѣлъ сильную партію и мечталъ захватить власть въ свои руки. Магометанинъ по религіи, онъ былъ приверженцемъ Порты и ея орудіемъ во всѣхъ замыслахъ противъ Россіи. Такой человѣкъ не могъ быть оставленъ въ Абхазіи при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, и удаленіе его было необходимо.

Пригласивъ къ себѣ въ домъ, подъ предлогомъ переговоровъ объ освобожденіи захваченныхъ въ плѣнъ трехъ человѣкъ его подвластныхъ, Могилянскій арестовалъ Хассанъ-бея и приказалъ его связать. Немногочисленная свита Хассана, ожидавшая на галлереѣ его выхода,

выхвативъ оружіе, бросилась на освобожденіе своего князя, но не была допущена командою, причемъ въ происшедшей схваткѣ два цебельдинскихъ князя были заколоты штыками, а другіе задержаны и посажены на гауптвахту [1]). Связанный Хассанъ-бей былъ тотчасъ же отправленъ на корветъ «Крымъ», стоявшій у Сухума, и содержался тамъ до дальнѣйшихъ распоряженій о его отправленіи изъ Абхазіи.

Арестованіе Хассана произвело большое волненіе, и маіоръ Огарковъ, по пріѣздѣ въ Редутъ-кале, считалъ безполезнымъ ѣхать далѣе, въ Сухумъ, потому что «сила слова, доносилъ онъ [2]), къ народу почти дикому, необузданному и ожесточенному обстоятельствами, едва ли можетъ имѣть успѣхъ». Абхазцы собрались толпою къ княгинѣ Тамарѣ и требовали ея ходатайства объ освобожденіи Хассана. Испуганная женщина написала письма генераламъ Вельяминову, кн. Горчакову и своему племяннику кн. Левану Дадіану, прося объ освобожденіи Хассана и страшась за свою участь.

«Покойный мужъ мой, писала она кн. Горчакову [3]), умирая, поручилъ насъ и весь домъ свой попеченію брата своего Хассанъ-бея, внушивъ ему быть покорнымъ россійскому государю.

«Хассанъ-бей не успѣлъ похоронить брата, какъ злодѣи произвели свое дѣйствіе и убили солдатъ. Хассанъ-бей былъ одержимъ болѣзнью; получивъ облегченіе, онъ желалъ открыть виновниковъ сего злодѣянія, но между тѣмъ взятъ комендантомъ сухумскимъ, а дѣла, требующія распоряженія, остались безъ дѣйствія. Если вы желаете мнѣ (добра) и владѣнію моему, уважьте мою и всего народа нашего просьбу объ освобожденіи Хассанъ-бея. Я совсѣмъ погибну и безъ куска хлѣба останусь, если Хассанъ-бей не будетъ выпущенъ. Народъ здѣшній дикій, не знаетъ Бога. Прошу уважить сію просьбу мою и написать о томъ генералу Вельяминову».

«Сухумскій комендантъ арестовалъ Хассанъ-бея, писала кня-

---

[1]) Рапортъ маіора Могилянскаго генералъ-лейтенанту Вельяминову 1-му, 10-го марта 1821 г., № 96. Тифлис. Арх. глав. штаба Кавказск. арміи.

[2]) Рапортъ маіора Огаркова князю Горчакову, 18-го марта 1821 г., № 176. Тамъ же.

[3]) Письмо княгини Тамары князю Горчакову, безъ числа. Тифлис. Арх. главн. штаба Кавказ. арміи.

гиня Тамара своему племяннику, кн. Левану мингрельскому [1]). Абхазцы и безъ того нехорошіе люди, а теперь совсѣмъ взбѣсились. Если его возьмутъ, говорятъ они, то ни одинъ изъ насъ не останется въ Абхазіи, ниже кому другому позволимъ остаться—это ихъ намѣреніе. Я написала въ Тифлисъ бумагу къ генералъ-лейтенанту Вельяминову, которую поручила доставить вѣрному мнѣ Марганію. Если меня любите и желаете добра моимъ сиротамъ, то пошлите при письмѣ брата моего Николая и напишите отъ васъ также бумагу, чтобы выпустили Хассанъ-бея. Если они письма моего теперь же не доставятъ, то послѣ того мнѣ уже невозможно будетъ здѣсь оставаться, пожалуйте сами и возьмите какъ меня, такъ и сиротъ моихъ».

Князь Леванъ Дадіанъ также просилъ объ освобожденіи Хассанъ-бея, но выпустить его было трудно, такъ какъ за оскорбленіе, нанесенное ему арестованіемъ, ничего, кромѣ мщенія, ожидать было невозможно. 27-го марта Хассанъ-бей былъ доставленъ въ Редутъ-кале, а оттуда, по распоряженію Вельяминова, препровожденъ въ Кутаисъ и далѣе въ г. Гори [2]). Княгинѣ Тамарѣ Вельяминовъ писалъ, что Хассанъ арестованъ не за участіе въ нападеніи на нашу команду, а вообще за неблагонамѣренное его поведеніе. «Въ истинѣ сего, писалъ Вельяминовъ [3]), наибольше могутъ удостовѣрить васъ опыты прежнихъ его противъ свѣтлѣйшаго дома вашего непріятныхъ поступковъ и различіе самой вѣры, имъ исповѣдуемой, которая мусульманамъ вмѣняетъ въ добродѣтель ненависть и презрѣніе къ христіанамъ». Вельяминовъ находилъ, что княгиня Тамара не только не должна была ходатайствовать объ его освобожденіи, но желать его удаленія для спокойствія сына ея, какъ будущаго владѣльца Абхазіи.

Получивъ извѣстіе о происшедшихъ въ Абхазіи безпорядкахъ, Ермоловъ просилъ императора о скорѣйшемъ отправленіи изъ С.-Петербурга старшаго сына умершаго владѣльца кн. Дмитрія Шервашидзе. Главнокомандующій хотя и не допускалъ, чтобы дикій народъ

---

[1]) Тифлис. Арх. глав. штаба Кавказс. арміи.

[2]) Резолюція Вельяминова отъ 31-го марта, на рапортѣ князя Горчакова отъ 28-го марта 1821 г., за № 28-мъ. Тифлис. Арх. главн. штаба Кавказ. арміи.

[3]) Отъ 1-го апрѣля 1821 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 934.

абхазскій подчинился молодому князю, но надѣялся, что, получивши воспитаніе въ Петербургѣ, Дмитрій Шервашидзе будетъ по крайней мѣрѣ преданъ Россіи и сообразоваться съ волею нашего правительства [1]). Императоръ Александръ произвелъ кн. Дмитрія въ полковники и назначилъ его владѣтелемъ Абхазіи. Ермоловъ лично объяснилъ новому владѣльцу предстоящія ему обязанности, просилъ его обратить особенное вниманіе на состояніе дѣлъ и стараться усмирить народное волненіе, все болѣе и болѣе усиливавшееся [2]).

Вскорѣ послѣ отправленія Хассанъ-бея въ Имеретію, подвластные ему князья пригласили бѣжавшаго въ Турцію брата Хассана, извѣстнаго отце-убійцу Арсланъ-бея, который, явившись въ Абхазію, увѣрилъ жителей, что онъ имѣетъ фирманъ отъ турецкаго правительства, подписанный русскимъ посланникомъ въ Константинополѣ, по которому онъ не только утверждается владѣтелемъ Абхазіи, но Россія отдаетъ ему во власть и крѣпость Сухумъ-кале. При помощи такого обмана Арсланъ-бей успѣлъ собрать себѣ значительную партію приверженцевъ и сталъ угрожать Сухуму. Онъ прислалъ къ подполковнику Михину, замѣнившему маіора Могилянскаго, двухъ человѣкъ, требовавшихъ, чтобы русскія войска были выведены изъ крѣпости. Посланные вызвали переводчика и заявили ему, что Сухумъ принадлежитъ Арсланъ-бею, а не русскимъ, и что Абхазія всегда была подвластна Турціи, а не Россіи. Подполковникъ Михинъ объявилъ прибывшимъ, что если еще кто-нибудь явится съ подобнымъ предложеніемъ, то встрѣченъ будетъ выстрѣлами, а Арсланъ-бею просилъ сказать, чтобы онъ и его единомышленники «ожидали скорой гибели съ семействами своими».

Утромъ 11-го сентября Арсланъ-бей, съ значительнымъ числомъ конницы и съ пятью распущенными знаменами, проѣхалъ мимо Сухума; толпа его съ каждымъ днемъ росла, и подполковникъ Михинъ считалъ свое положеніе крайне затруднительнымъ. «Я послѣ сего,

---

[1]) Отношеніе Ермолова къ графу Нессельроде, отъ 29-го мая 1821 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 935.

[2]) Письмо Ермолова князю Дмитрію Шервашидзе, 21-го августа 1821 г. Тамъ же, № 938.

доносилъ онъ кн. Горчакову [1]), не рѣшусь послать въ лѣсъ за дровами, которыхъ у меня можетъ стать по 1-е октября; послѣ буду ломать строеніе, пришедшее въ ветхость. Единственно, чтобы не потерять безъ крайности людей, прошу покорнѣйше, ваше сіятельство, не оставьте предписать кому слѣдуетъ о скорѣйшей присылкѣ ко мнѣ въ крѣпость палатокъ, какъ необходимо нужныхъ въ то время, когда крайность заставитъ ломать строенія на дрова».

Получивъ этотъ рапортъ, князь Горчаковъ сосредоточилъ въ Редутъ-кале отрядъ въ 600 человѣкъ, изъ трехъ ротъ Мингрельскаго и трехъ ротъ 44-го егерскаго полковъ, съ двумя орудіями и 40 челов. казаковъ. Поручивъ начальство надъ этимъ отрядомъ командиру 44-го егерскаго полка, полковнику князю Абхазову, кн. Горчаковъ приказалъ ему слѣдовать въ Самурзакань и, выбравъ для лагеря удобную позицію, ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Для переправы черезъ р. Ингуръ, князь Абхазовъ долженъ былъ устроить паромъ, который потомъ отправить въ Анаклію, подъ защиту укрѣпленій. Здѣсь отрядъ долженъ былъ ожидать прибытія отправленнаго изъ С.-Петербурга князя Дмитрія Шервашидзе [2]). Вельяминовъ не одобрилъ этого распоряженія и предписалъ кн. Горчакову, не ожидая прибытія наслѣдника, немедленно двинуться на помощь гарнизону Сухума [3]).

Поручивъ управленіе Имеретіею и Гуріею командиру Мингрельскаго полка, полковнику кн. Бебутову, князь Горчаковъ все-таки дождался прибытія князя Дмитрія Шервашидзе и вмѣстѣ съ нимъ, подъ охраною мингрельской кавалеріи, собранной княземъ Дадіаномъ, выѣхалъ изъ Кутаиса для принятія личнаго начальства надъ отрядомъ. Арсланъ-бей съ помощью приведенныхъ имъ черкесъ успѣлъ овладѣть почти всею Абхазію и взялъ отъ главнѣйшихъ князей ама-

---

[1]) Въ рапортѣ отъ 11-го сентября 1821 г., № 28. Тифлис. Арх. главн. шт. Кавказ. арміи.

[2]) Рапортъ князя Горчакова Вельяминову, 29-го сентября 1821 г., № 52. Предписаніе князя Горчакова полковнику князю Абхазову, 25-го сентября, № 1534. Тифлис. Арх. главн. шт. Кавказ. арміи.

[3]) Резолюція Вельяминова отъ 11-го октября за № 65. Тифлис. Арх. главн. шт. Кавказ. арміи.

натовъ. Оставленная почти всѣми, княгиня Тамара, поселившись въ домѣ своемъ въ селеніи Кодоръ, отстоявшемъ отъ крѣпости Сухума въ 30 верстахъ, была окружена бунтовщиками. Принудивъ ее дать присягу въ томъ, что не будетъ имѣть никакихъ сношеній съ русскими, Арсланъ-бей двинулся къ Самурзаканской границѣ, но, узнавъ, что въ селеніи Набакеви стоитъ полковникъ князь Абхазовъ съ отрядомъ, вернулся въ Зупсу. 27-го октября онъ опять появился съ своимъ ополченіемъ на границахъ Самурзакани, и тогда полковникъ князь Абхазовъ перешелъ въ наступленіе. Арсланъ отступилъ къ р. Галидзгѣ, пригласилъ къ себѣ черкесъ и увеличилъ свою толпу до 3,000 человѣкъ. 1-го ноября кн. Горчаковъ и Дмитрій Ширвашидзе догнали отрядъ и розослали объявленіе, составленное генераломъ Вельяминовымъ, отъ имени новаго владѣтеля.

«Сіятельные абхазскіе князья, писалъ Дмитрій Шервашидзе [1]), почтенное духовенство и весь народъ!

«Всѣмъ и каждому изъ васъ извѣстно, что его императорское величество, державнѣйшій и могущественный всероссійскій государь императоръ, принявъ въ высокое свое покровительство и вѣчное подданство абхазскую землю, Богомъ дарованную власти моихъ предковъ, всемилостивѣйше соизволилъ утвердить владѣтелемъ оныя блаженной памяти родителя моего, свѣтлѣйшаго кн. Георгія Шервашидзе. Рановременная, однако же, кончина его, поразившая жестокою скорбью владѣтельный домъ нашъ, подала поводъ нѣкоторымъ неблагонамѣреннымъ людямъ, врагамъ покойнаго родителя моего и врагамъ общаго вашего спокойствія, воспользовавшись моимъ отсутствіемъ, посѣять въ Абхазіи своеволіе, мятежъ и отпаденіе отъ покорности свѣтлѣйшей родительницѣ моей княгинѣ Тамарѣ, а чрезъ то подвигнуть васъ на измѣну и самой могущественной Всероссійской имперіи.

«Извѣщенный о таковыхъ неустройствахъ, великій государь императоръ, жалѣя о несчастномъ заблужденіи абхазскаго народа, благоволилъ высочайше утвердить меня, какъ единственнаго и законнаго наслѣдника Абхазіи, во всѣхъ правахъ и преимуществахъ

---

[1]) См. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 940.

покойнаго моего родителя и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ мнѣ, оставя счастливую и блистательную столицу его имперіи, отправиться въ Абхазію, принять бразды правленія, всемилостивѣйше надъ вами мнѣ ввѣреннаго, и возстановить спокойствіе любезнаго ему абхазскаго народа. Такимъ образомъ, взысканный неисчетными милостями августѣйшаго россійскаго монарха, возвратился я нынѣ къ наслѣдію моихъ предковъ.

«Съ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ абхазскій народъ отличался всегда вѣрностью и преданностью къ своимъ владѣльцамъ. Итакъ, на семъ народномъ благородномъ духѣ основываю я призваніе, знаменитые князья, духовенство и весь абхазскій народъ, обратиться къ священнымъ обязанностямъ, къ вѣрности законному владѣльцу и, оставя нарушителя вашего спокойствія, отцеубійцу Арсланъ-бея, явиться ко мнѣ съ раскаяніемъ и покорностью.

«Неужели въ обуявшемъ васъ ослѣпленіи забыли вы, что божескіе и человѣческіе законы, рано или поздно, навсегда неизбѣжно караютъ отцеубійцъ страшною гибелью, поражая бѣдствіями и ихъ сподвижниковъ? Неужели также не предусматриваете, что упорство въ измѣнѣ могущественной Россійской имперіи можетъ навлечь на мятежниковъ праведный гнѣвъ всесильнаго монарха и силою непобѣдимыхъ его войскъ истребить ихъ съ лица земли, подвергнувъ тому же жребію женъ и чадъ вашихъ?

«Я требую, чтобы почтеннѣйшіе изъ князей и духовенства абхазскаго немедленно явились ко мнѣ и въ знакъ искренняго своего раскаянія представили бы благонадежныхъ аманатовъ. Таковая покорность возвратитъ моему народу всю нѣжность сердца, болѣзнующаго нынѣ о его заблужденіи.

«И я въ такомъ случаѣ торжественно, предъ лицомъ всевѣдущаго Бога, обѣщаю быть предъ россійскимъ правительствомъ ревностнымъ ходатаемъ о преданіи всего прошедшаго вѣчному забвенію, и дабы жизнь, собственность и права каждаго изъ раскаявшихся искренно оставлены были неприкосновенными, съ моей стороны для таковыхъ вѣрныхъ и покорныхъ моихъ подданныхъ, посвятя всю свою жизнь на устроеніе ихъ счастья, я буду въ ихъ спокойствіи и благоденствіи искать единой моей славы и собственнаго блага.

*

«Напротивъ того, злыхъ и непокорныхъ мятежниковъ не укроютъ ни лѣса, ни горы отъ праведной казни. Славное воинство покровительствующей мнѣ Россіи уже вступило въ Абхазію на преслѣдованіе измѣнниковъ и конечное ихъ повсюду истребленіе.

«Одно благоразуміе теперь укажетъ вамъ вѣрный путь къ счастью или погибели вашей».

Отрядъ между тѣмъ подвигался впередъ съ цѣлью атаковать Арсланъ-бея, если воззваніе князя Дмитрія не будетъ имѣть желаемаго успѣха.

Укрѣпившись съ значительнымъ числомъ приверженцевъ и Хелорусскихъ турокъ между Кодорскимъ мысомъ и м. Хелорусами, Арсланъ-бей намѣренъ былъ не допустить нашъ отрядъ до Сухума. Остановившись 13-го ноября на ночлегѣ у сел. Скабіи, князь Горчаковъ утромъ 14-го ноября выступилъ далѣе, отправивъ въ авангардѣ полковника князя Николая Дадіана съ мингрельскими войсками, для разузнанія силъ и расположенія непріятеля. Верстахъ въ четырехъ отъ Кодора абхазцы встрѣтили мингрельцевъ сильнымъ огнемъ изъ расположенныхъ на берегу моря заваловъ и, разсыпавшись «по едва проходимой колючкѣ и лѣсу», старались атаковать правый флангъ Дадіана. Потерявъ нѣсколькихъ князей и дворянъ, мингрельцы остановились и выждали прибытія русскихъ войскъ. Князь Горчаковъ тотчасъ же отправилъ на правый флангъ стрѣлковъ, а полковнику князю Абхазову приказалъ атаковать завалы. Выбивъ штыками непріятеля и овладѣвъ завалами, Абхазовъ преслѣдовалъ бѣгущихъ по берегу моря. Отрядъ двинулся впередъ, а засѣвшіе въ лѣсу абхазцы, пропустивъ аріергардъ, открыли огонь въ тылъ нашему отряду. Желая скорѣе достигнуть Сухума, князь Горчаковъ не обращалъ вниманія на отдѣльныя шайки и изрѣдка останавливался, для прогнанія насѣдавшаго непріятеля. По мѣрѣ движенія впередъ и преслѣдованія бѣгущихъ, толпа приверженцевъ Арсланъ-бея постепенно уменьшалась, и наконецъ самъ онъ принужденъ былъ, съ небольшимъ числомъ всадниковъ, скрыться у черкесъ, близъ Анапы. Во время этой перестрѣлки былъ убитъ Мингрельскаго полка прапорщикъ князь Бебутовъ и раненъ 44-го егерскаго полка прапорщикъ Ракилевичъ, нижнихъ чиновъ убито девять

и ранено 38 человѣкъ; мингрельцы потеряли 10 человѣкъ убитыми и 16 ранеными [1]).

Прибывъ въ Сухумъ-кале, князь Горчаковъ тотчасъ же отправилъ полковника Абхазова съ небольшимъ отрядомъ въ Цебельду, для наказанія главныхъ виновниковъ возмущенія и сторонниковъ Арсланъ-бея. Щадя тѣхъ, которые покорялись и выдавали аманатовъ, Абхазовъ разорилъ до основанія селенія непокорныхъ, уничтожилъ ихъ запасы, вырубилъ виноградники, разсѣялъ жителей и, принудивъ князей бѣжать къ черкесамъ, возвратился въ Сухумъ. Спокойствіе въ Абхазіи было возстановлено, и 30-го ноября 1821 года князь Дмитрій Шервашидзе торжественно провозглашенъ владѣтелемъ Абхазіи [2]).

Въ этотъ день въ Соуксу, резиденціи владѣтеля, при многочисленномъ собраніи князей и дворянъ и въ присутствіи всего отряда русскихъ войскъ, князь Горчаковъ объявилъ кн. Дмитрію Шервашидзе пожалованный ему чинъ полковника, вручилъ ему знамя, какъ знакъ власти, и привелъ къ присягѣ. Послѣ присяги князей и дворянъ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ и провозглашено многолѣтіе русскому императору, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ.

Оставивъ въ Соуксу, для охраны новаго владѣтеля, двѣ роты Мингрельскаго полка, подъ начальствомъ маіора Ракоци, и отправивъ остальныя войска обратно въ Имеретію, князь Горчаковъ остался самъ на нѣсколько дней въ Сухумъ-кале, для окончательнаго устройства дѣлъ въ Абхазіи и для указанія новому владѣльцу обязанностей какъ относительно Россіи, такъ и его подвластныхъ.

«Излишнимъ почитаю, писалъ онъ князю Дмитрію Шервашидзе [3]), упоминать вашей свѣтлости объ обязанностяхъ вашихъ въ отношеніи къ облагодѣтельствовавшему васъ государю императору. Бывъ воспитаны и возведены на высокое достоинство его милостями,

---

[1]) Рапортъ князя Горчакова Вельяминову, 23-го декабря 1821 г., № 13. Тифлис. Арх. главн. шт. Кавказск. арміи.

[2]) Рапорты князя Горчакова Вельяминову, 5-го ноября и 7-го декабря 1821 г., № 1831 и № 8. Тамъ же.

[3]) Въ письмѣ отъ 7-го декабря 1821 г., № 6. Тифлис. Арх. главн. штаба Кавказск. арміи.

не могу я сомнѣваться въ вѣрности вашей, а благородныя чувства, которыя примѣчаю въ вашей свѣтлости на каждомъ шагу, безъ сомнѣнія, внушатъ вамъ болѣе, нежели все то, что я могу сказать касательно сего предмета.

«Полудикіе нравы, невѣжество и обычай подданныхъ вашихъ должны казаться вамъ странными, и ваша свѣтлость, безъ сомнѣнія, ясно видите сами необходимость ввести лучшее устройство во всѣхъ частяхъ. За всѣмъ тѣмъ совѣтую вамъ не вдругъ перемѣнять насиліемъ обычаи, господствующіе уже нѣсколько столѣтій въ сей странѣ. Примѣръ вашей свѣтлости, особенно когда познакомитесь съ абхазскимъ языкомъ, будетъ для подвластныхъ вамъ лучшая наука.

«Личная безопасность ваша, при теперешнихъ смутныхъ обстоятельствахъ, требуетъ безпрестанныхъ мѣръ осторожности, почему и почитаю нужнымъ повторить вамъ то, что имѣлъ честь докладывать изустно, именно: сколь необходимо имѣть вамъ безпрестанно при себѣ не менѣе 50 человѣкъ надежной конницы. Легко можно вамъ собрать и содержать сіе малое число людей. Нѣсколько ласковыхъ словъ и незначительные подарки привяжутъ къ вамъ сію стражу самымъ нелицемѣрнымъ образомъ. При всемъ пособіи отъ россійскаго правительства не можете вы ожидать, чтобы войска могли гоняться за малыми шайками и наказывать легкія грабительства, но конница ваша можетъ ихъ преслѣдовать всюду и заставлять абхазцевъ повиноваться вашей власти».

Всѣхъ бѣжавшихъ за границу и возвратившихся съ покорностью князь Горчаковъ просилъ прощать и возвращать въ свои жилища, но дядей владѣтеля Арсланъ-бея, Ростомъ-бея и Таяръ-бея, ни въ какомъ случаѣ въ Абхазію не допускать. Имъ никакой пощады даровано быть не можетъ, говорилъ князь Горчаковъ; «пролитая ими кровь русская да будетъ мститься до потомства и именемъ высшаго начальства возлагаю на вашу свѣтлость обязанность преслѣдованія ихъ всюду».

Видя, что абхазцы смотрятъ на новаго владѣльца, какъ на иноземца, незнающаго роднаго языка, и что они неохотно будутъ повиноваться ему, князь Горчаковъ взялъ аманатовъ отъ всѣхъ наиболѣе вліятельныхъ фамилій и отправилъ ихъ въ Мингрелію, подъ

надзоръ князя Левана Дадіана. Безъ этой мѣры трудно было сохранить спокойствіе въ Абхазіи, а еще болѣе заставить народъ повиноваться молодому владѣтелю. Вскорѣ послѣ отъѣзда кн. Горчакова, Дмитрій Шервашидзе отправилъ своихъ посланныхъ къ джихетскимъ князьямъ, нѣкогда подвластныхъ абхазскимъ владѣльцамъ, съ требованіемъ не пропускать Арсланъ-бея и не дозволять ему проводить войска по ихъ владѣніямъ. Джихетскіе князья отказались исполнить требованіе и отвѣчали, что не признаютъ князя Дмитрія потомкомъ дома Шервашидзе.

— Если бы онъ былъ изъ Шервашидзевой фамиліи, говорили князья посланнымъ, то не отдалъ бы своей земли русскимъ. Если онъ истинный сынъ покойнаго Сеферъ-бея (кн. Георгія), то пусть выгонитъ русскихъ изъ своего владѣнія и изъ Сухума.

Цебельдинскіе князья также мало повиновались владѣтелю, и ничтожная власть князя Дмитрія продолжалась недолго: 16-го октября 1822 г. онъ скончался, будучи отравленъ приверженцемъ Арсланъ-бея, абхазцемъ Урусомъ Лаквари. Ближайшимъ наслѣдникомъ послѣ Дмитрія былъ братъ его Михаилъ, 16-ти-лѣтній юноша, преданный Россіи и успѣвшій отличиться въ 1821 году при разбитіи толпы мятежниковъ. По ходатайству Ермолова, Императоръ Александръ произвелъ Михаила въ маіоры, назначилъ ему ежегодно по тысячѣ рублей содержанія и утвердилъ владѣтелемъ Абхазіи.

XX.

Мѣры къ покоренію Чечни и Дагестана.—Заложеніе укрѣпленія Герзель-аула и крѣпости Бурной.—Устройство просѣкъ на пространствѣ между укрѣпленіемъ Неотступнымъ-станомъ и крѣпостью Грозной.—Экспедиція главнокомандующаго въ Кабарду и ея послѣдствія.—Попытка завести мѣновую торговлю съ закубанцами.—Дѣйствія генералъ-маіора Грекова въ Чечнѣ въ 1822 году.

Волненія, возникшія въ Абхазіи, и мѣры къ ихъ прекращенію не отвлекли вниманія генерала Вельяминова 1-го отъ главнѣйшей цѣли главнокомандующаго—подчиненія русской власти населенія

Дагестана и Чечни. Въ октябрѣ 1820 года укрѣпленія Неотступнаго стана были на столько готовы, что одинъ гарнизонъ могъ оборонять его отъ всякихъ покушеній непріятеля. Оставивъ въ станѣ двѣ роты 43-го егерскаго полка, генералъ-маіоръ Сталь 2-й съ остальными войсками, 3-го октября, выступилъ къ Герзель-аулу и обратилъ его въ укрѣпленный постъ. Октября 19-го работы были уже окончены, укрѣпленіе Герзель-аулъ вооружено 10-ю орудіями и занято ротою 43-го егерскаго полка.

Вызвавъ къ себѣ до 50-ти человѣкъ качкалыковскихъ старшинъ, генералъ Сталь задержалъ ихъ у себя въ видѣ аманатовъ и 21-го октября, съ отрядомъ изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, 300 казаковъ и 12 орудій, прибылъ въ сел. Гудермесъ. Жители были взволнованы появленіемъ русскихъ войскъ, но явились съ покорностью. По требованію Сталя, они заняли своими караулами все пространство между рѣками Гудермесомъ и Сунжею, доставили скотъ на порцію отряду и нарядили 200 человѣкъ рабочихъ съ топорами. Селенія Андрей, Аксай, Костекъ и Кошгелды выслали тысячу рабочихъ, а брагунцы и девлетъ-гиреевцы—700 рабочихъ. Присоединивъ къ нимъ 500 человѣкъ солдатъ, генералъ-маіоръ Сталь приступилъ къ рубкѣ лѣса, и съ 21-го по 26-е октября было вырублено болѣе пяти верстъ въ длину и отъ одной до полуторы версты въ ширину. Зная, по опыту, что всякое сопротивленіе или нападеніе на русскій отрядъ влекло за собою смертную казнь или ссылку въ Сибирь аманатовъ, чеченцы не показывались и съ грустью смотрѣли на уничтоженіе ихъ вѣковой защиты. Рубка лѣса, произведенная въ разныхъ направленіяхъ, имѣла столь сильное вліяніе на жителей, что большинство ихъ рѣшилось покориться. Гребенчуковцы прислали въ Грозную депутатовъ съ просьбою принять ихъ въ подданство и обѣщали выдать аманатовъ; ихъ примѣру послѣдовали гехинцы и шалинцы. Собравшіеся въ Грозной уполномоченные отъ горцевъ присягнули на вѣрность и обязались платить ежегодно съ каждыхъ десяти дворовъ по одной рогатой скотинѣ.

Не полагаясь вполнѣ на присягу и будучи убѣжденъ, что она нечистосердечна, генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ 1-й, съ наступленіемъ весны 1821 года, приказалъ полковнику Грекову продолжать проведеніе просѣкъ въ Чечнѣ и выжечь весь лѣсъ, нахо-

дившійся въ землѣ качкалыковъ, по дорогѣ изъ Неотступнаго-стана къ крѣпости Грозной. Собравъ изъ Аксая, Андрея, Костека и другихъ селеній рабочихъ съ топорами, Грековъ, 1-го марта, съ отрядомъ въ 2,908 человѣкъ [1]) и съ 9-ю орудіями [2]) переправился черезъ Терекъ къ Амиръ-аджи-юрту и двинулся по направленію къ Мичику. Остановившись у сел. Койсунгури, полковникъ Грековъ съ ранняго утра слѣдующаго дня приступилъ къ работамъ. Подъ прикрытіемъ роты Ширванскаго, роты Апшеронскаго полковъ, 150 егерей и всѣхъ спѣшенныхъ казаковъ, до четырехъ тысячъ топоровъ принялись за работу, и къ вечеру была сдѣлана широкая просѣка почти до самаго Мичика на разстояніи трехъ верстъ. Хотя лѣсъ былъ не сплошной и во многихъ мѣстахъ пересѣкался полянами, но работа была весьма трудна, потому что онъ состоялъ изъ бука чрезвычайно крѣпкаго и толстаго: «рѣдкое дерево тонѣе обхвата, а многіе въ два и болѣе».

«О состояніи Мичика, доносилъ Грековъ [3]), обязываюсь доложить, что р. Мичикъ протекаетъ по пологому ущелью, покрытому толстымъ лѣсомъ. Отъ Аксая къ Гудермесу и на всемъ протяженіи онаго не было никакихъ полянъ природныхъ, но когда качкалыки, бывъ утѣсняемы нами, принуждены были оставить свои деревни, то начали по р. Мичику истреблять мѣстами лѣсъ, выжигать оный и дѣлать полянки для кукурузы, черезъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открылись поляны, не болѣе полуверсты, пересѣкаемыя перелѣ-

---

[1]) Въ отрядѣ находилось:

Апшеронскаго полка.	8	офицеровъ	600	строев.	15	нестроев.
Ширванскаго »	14	»	1,033	»	26	»
Кабардинскаго »	4	»	443	»	8	»
43-го егерскаго »	5	»	211	»	2	»
Итого .	31	»	2,287	»	51	»
Моздокскаго каз. полка	1	»	201	»	—	»
Гребенскаго войска	3	»	312	»	—	»
Семейнаго »	1	»	21	»	—	»
Всего	36	офицеровъ	2,821	строев.	51	нестроев.

[2]) Четыре оруд. легкой № 2-го роты 22-й артил. бригады и 5 орудій казачьей № 5-го роты. При орудіяхъ было 3 офицера и 98 нижнихъ чиновъ.

[3]) Въ рапортѣ генералу Сталю, отъ 10-го марта 1821 г., № 32-й. Тиф. Арх. глав. шт. Кавказс. арміи.

сками. Въ сихъ-то мѣстахъ поселились они, подѣлали землянки и живутъ въ самой нищетѣ. Черезъ очистку нынѣ дороги открылись пять деревень, и лучшее ихъ поле, въ продолженіе трехъ лѣтъ ими очищенное, они теперь должны бросить или покориться намъ, ибо близость крѣпости и набѣги, кои можно будетъ сдѣлать туда со временемъ, конечно отнимутъ у нихъ возможность и охоту тамъ жить.

«Внизъ по Мичику, гдѣ съ давняго времени жили нѣсколько домовъ изъ Горячевской деревни, прочищено поле не болѣе какъ полторы версты въ длину. Оно закрыто большимъ лѣсомъ и лежитъ неподалеку Маюртупской деревни. Сія послѣдняя расположена также среди лѣса и имѣетъ всей поляны не болѣе двухъ верстъ. Я не знаю, какой другой народъ въ состояніи жить въ такой крайности и упорствовать въ покорности».

Разрушивъ селеніе Койсунгури, полковникъ Грековъ перешелъ къ Неотступному-стану и на слѣдующій день, 5-го марта, очистилъ отъ деревьевъ Горячевскую деревню (Исти-су) и разрушилъ до основанія дома, чтобы хищники не имѣли убѣжища и средствъ вредить нашему гарнизону. За разрушеніе жилищъ чеченцы отвѣчали усиленнымъ нападеніемъ на наши посты, и полковникъ Грековъ принужденъ былъ въ теченіе лѣта 1821 года произвести еще нѣсколько экспедицій для наказанія непокорныхъ. Наказанные искали спасенія въ лѣсахъ и горахъ или шли въ толпу Ахмедъ-хана аварскаго, собиравшаго ополченіе, чтобы воспрепятствовать возведенію нами укрѣпленія въ г. Таркахъ.

Назначенный для того отрядъ, подъ командою начальника корпуснаго штаба генералъ-маіора Вельяминова 3-го, состоялъ изъ двухъ баталіоновъ Ширванскаго, одного баталіона Апшеронскаго и одного Курипскаго полковъ, изъ 14 орудій [1]) и 200 линейныхъ казаковъ [2]).

Еще въ февралѣ 1821 г. генералъ-маіоръ Вельяминовъ 3-й просилъ шамхала тарковскаго заготовить необходимые для укрѣпленія камень, известь и бревна. Матеріалы были заготовлены, и въ апрѣлѣ

[1]) Шесть батарейныхъ орудій роты № 1-го и шесть легкихъ орудій роты № 2-го 22-й артил. бригады и два конно-казачьихъ.

[2]) Предписаніе Вельяминова 1-го Сталю, отъ 13-го марта, № 686. Тиф. Арх. глав. шт. Кавк. арміи.

было приступлено къ заложенію укрѣпленія. Первое время работы шли довольно успѣшно, но потомъ жители шамхальства, по внушенію Ахмедъ-хана аварскаго, отказались давать рабочихъ и арбы.

Собравши съ разныхъ племенъ Чечни и Дагестана до 1,000 человѣкъ вооруженныхъ, Ахмедъ-ханъ явился съ ними въ мехтулинскомъ владѣніи въ сел. Даргали. Шамхалъ просилъ содѣйствія русскихъ войскъ къ изгнанію толпы изъ его владѣній. Генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ 1-й пригласилъ Асланъ-хана кюринскаго принять мѣры къ изгнанію измѣнника, но «если собственными силами, прибавлялъ при этомъ Вельяминовъ Асланъ-хану [1]), вы не будете въ состояніи приступить къ наказанію мятежниковъ, то прошу васъ, собравъ вашу конницу, поспѣшить присоединиться къ находящемуся въ Таркахъ отряду». Кюринскій ханъ предпочелъ присоединиться къ отряду Вельяминова, состоявшему всего изъ 600 человѣкъ. Двинувшись въ Мехтулинское владѣніе и подойдя на орудійный выстрѣлъ къ сел. Аймакамъ [2]), гдѣ укрѣплялись лезгины и находился Ахмедъ-ханъ аварскій, Вельяминовъ приказалъ двумъ ротамъ Апшеронскаго полка сбить лезгинъ съ горъ и занять фланговое укрѣпленіе. Поддержанные огнемъ двухъ орудій, апшеронцы скоро овладѣли укрѣпленіемъ, и когда были двинуты впередъ остальныя войска, то лезгины оставили свои укрѣпленія и собрались на защиту селенія Аймакъ. Для обстрѣливанія этого аула Вельяминовъ 3-й потребовалъ шесть орудій, но они прибыли нескоро: горы были такъ круты, что пришлось выпречь лошадей, и доставкою орудій на позицію были заняты три роты Ширванскаго полка. Артиллерійскій огонь озадачилъ горцевъ, съ ужасомъ смотрѣвшихъ, какъ одинъ удачный выстрѣлъ обращалъ ихъ дома въ развалины, уничтожалъ каменныя сакли и заразъ выводилъ изъ строя нѣсколькихъ человѣкъ. Считая до сихъ поръ свои постройки непроницаемыми для огнестрѣльнаго оружія, они пришли въ большое замѣшательство, и лишь только Вельяминовъ приказалъ полуротѣ апшеронцевъ обойти горами и спуститься въ тылу селенія, какъ непріятель сталъ поспѣшно уходить въ узкое ущелье, по тропинкѣ, ведущей въ Гергебиль. Наступившая ночь по-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 10-го августа 1821 г. Тиф. Арх. гл. шт. Кавказ. арміи.

[2]) См. операціонную карту.

мѣшала преслѣдованію. «Я счелъ неблагоразумнымъ, доносилъ Вельяминовъ 3-й [1]), вдаваться въ сіе необыкновенно тѣсное ущелье, которое намъ совершенно неизвѣстно было». Занявъ главнѣйшіе входы въ селеніе и высоты къ сторонѣ непріятеля, отрядъ расположился, передъ ауломъ, на бивакѣ.

На утро Вельяминовъ узналъ, что пораженіе, нанесенное горцамъ, и ужасъ ихъ объявшій были столь велики, что жители Гергебиля оставили свои дома и бѣжали въ горы. По свѣдѣніямъ султанъ Ахмедъ-ханъ аварскій былъ раненъ и лишился двухъ пальцевъ; лошадь его была убита и найдена съ сѣдломъ въ Гергебильскомъ ущельѣ.

Уничтоживъ до основанія селеніе Аймаки, генералъ-маіоръ Вельяминовъ возвратился съ отрядомъ въ Тарки. Здѣсь онъ продолжалъ трудиться надъ окончаніемъ крѣпости, которую и назвалъ *Отрадною*, но впослѣдствіи Ермоловъ перемѣнилъ это названіе, и вновь построенная крѣпость была названа *Бурною* [2]), по причинѣ свирѣпствовавшихъ въ тѣхъ мѣстахъ бурь. Крѣпость эта была расположена на скалѣ и вблизи замка шамхала тарковскаго [3]).

Въ такомъ положеніи были дѣла наши въ Чечнѣ и Дагестанѣ, когда, въ ноябрѣ, Ермоловъ, возвращаясь изъ С.-Петербурга, прибылъ въ Георгіевскъ. Желая поощрить чеченцевъ, которые оказывали содѣйствіе войскамъ при рубкѣ лѣса, главнокомандующій приказалъ объявить прощеніе тѣмъ, которые по 1819 годъ были замѣчены въ воровствѣ и другихъ проступкахъ, кромѣ смертоубійства. Всѣхъ покоряющихся чеченцевъ приказано было переселять на лѣвый берегъ р. Сунжи; качкалыкамъ не дозволять жить ни на Мичикѣ, ни на р. Аксаѣ, а предложить имъ поселиться или на лѣвомъ берегу р. Сунжи, выше крѣпости Грозной, или на земляхъ между устьями рѣкъ Гудермеса и Сунжи. Для наказанія непокорныхъ принять болѣе суровыя мѣры: выгнать чеченцевъ изъ Малой-Атаги, а селеніе Шали, а галашевцевъ наказать за измѣну и набѣги. Испол-

[1]) Въ рапортѣ генер.-лейт. Вельяминову 1-му, отъ 12-го ноября 1821 г., № 13. Тифлис. Арх. глав. шт. Кавк. арміи.

[2]) Отношеніе начальника штаба генералу Сталю 2-му, отъ 30-го января 1822 г., № 318-й.

[3]) «Кавказъ,» 1863 г., № 83-й.

неніе этихъ предположеній было поручено полковнику Грекову, произведенному въ слѣдующемъ году въ генералъ-маіоры.

Въ первыхъ числахъ февраля 1822 г. Грековъ разорилъ селенія Гойты, Урусъ-Мартанъ, взялъ съ этихъ селеній аманатовъ и, вырубивъ въ окрестностяхъ лѣсъ, возвратился въ Ханъ-калу. «Сдѣлавши опытъ надъ толстымъ лѣсомъ въ Ханъ-калѣ, доносилъ онъ генералу Сталю, удостовѣрился я, что жечь его невозможно—горитъ только тонкій,—а должно рубить его на мелкія части».

8-го февраля Грековъ съ отрядомъ въ 2,935 челов. и 13 орудіями переправился черезъ р. Аргунь и, остановившись у сел. Большой-Чеченъ, приступилъ къ рубкѣ лѣса на Аргуни. Подъ вліяніемъ проповѣди гребенчуковскаго кадія Абдулъ-Кадыря, чеченцы и качкалыки въ огромномъ числѣ собрались противъ нашего отряда. Обѣщая всѣмъ убитымъ на войнѣ рай Магомета, Абдулъ-Кадырь предсказывалъ гибель русскимъ и съ клятвою увѣрялъ, что не болѣе какъ черезъ четыре мѣсяца явятся турецкія войска, и тогда слѣда невѣрныхъ (русскихъ) не останется на р. Сунжѣ. Вѣря въ справедливость словъ своего кадія, горцы болѣе двухъ часовъ упорно защищали лѣсъ, но были разсѣяны, причемъ Абдулъ-Кадырю оторвало ядромъ ногу, и онъ на третій день умеръ. Грековъ двинулся далѣе, сжегъ сел. Шали, Малую-Атагу и, расчистивъ Топлинскую поляну, 14-го февраля возвратился въ крѣпость Грозную.

Чеченцы, и въ особенности дагестанцы, сознали невозможность возвратить ту часть земель, которыя въ послѣднее время были заняты русскими войсками. Лучшіе ихъ предводители, Хасанъ-ханъ мехтулинскій и Шихъ-Али-ханъ, бывшій ханъ дербентскій, умерли, Адиль-ханъ цумій каракайдагскій былъ убитъ своимъ родственникомъ Эмиръ-Гамза-бекомъ, а Абдула-бекъ эрсинскій просилъ прощенія, и ему было разрѣшено жить въ вольной Табасарани, но съ условіемъ выдать въ аманаты одного изъ любимѣйшихъ своихъ сыновей. Въ Дагестанѣ водворилось временное спокойствіе, и хотя аварцы и андійцы продолжали хищничать, но толпы ихъ были слишкомъ ничтожны для того, чтобы преслѣдовать грабителей цѣлыми отрядами, и войскамъ данъ былъ отдыхъ. Этотъ отдыхъ, послѣ безпрерывныхъ трудовъ и движеній, не послужилъ имъ въ пользу. Во многихъ укрѣпленіяхъ, при скученности войскъ и дурныхъ климатическихъ усло-

віяхъ, развились болѣзни и значительная смертность. Въ этомъ отношеніи болѣе всего страдалъ гарнизонъ *Неотступнаго стана*, и генералъ-маіоръ Грековъ просилъ прислать ему смѣну. А. П. Ермоловъ предпочелъ совсѣмъ покинуть это укрѣпленіе, приказалъ перевести гарнизонъ временно въ сел. Амиръ-Аджи-Юртъ и укрѣпить его, но на смѣну гарнизона прислать не могъ, такъ какъ всѣ свободныя войска были въ то время отправлены въ Кабарду.

Безпрерывные набѣги на Кавказскую линію кабардинцевъ вмѣстѣ съ закубанцами заставили главнокомандующаго ввести въ Кабарду отрядъ, который, не имѣя постоянныхъ квартиръ, долженъ былъ быстро переходить изъ одного аула въ другой и угрожать населенію истребленіемъ стадъ и отгономъ табуновъ.

Съ этою цѣлью подъ начальствомъ артиллеріи полковника Коцарева былъ сформированъ отрядъ изъ тысячи человѣкъ Кабардинскаго полка, пяти орудій и 200 линейныхъ казаковъ. Не оставаясь долго на одномъ и томъ же мѣстѣ, полковникъ Коцаревъ долженъ былъ высылать казачьи партіи по разнымъ направленіямъ, а самъ съ пѣхотою служить имъ поддержкою и подкрѣпленіемъ. Если бы кабардинцы, притѣсняемые своими владѣльцами, искали нашего покровительства и защиты, то такихъ приказано переселять на р. Малку и на лѣвый берегъ р. Терека. Такимъ пересилившимся главнокомандующій уполномочилъ объявлять полную свободу и независимость отъ ихъ владѣльцевъ. Послѣднихъ, писалъ Ермоловъ [1]), «буде можно, брать живыми, для наказанія въ примѣръ прочимъ, какъ гнусныхъ измѣнниковъ великому государю и нарушителей многократно данной присяги въ вѣрности. Воспретить впредь называть кабардинскихъ владѣльцевъ *князьями*, кромѣ тѣхъ, кои, служа въ войскахъ нашихъ, таковыми признаваемы правительствомъ».

Появленіе отряда Коцарева, захватъ имъ табуновъ и стадъ устрашили многихъ кабардинскихъ владѣльцевъ, считавшихъ свое поведеніе небезгрѣшнымъ. Покидая аулы и скрываясь въ горахъ, они силою уводили съ собой подвластныхъ, вовсе несочувствовавшихъ такому переселенію. Узнавъ объ этомъ, главнокомандующій обра-

---

[1]) Въ предпис. генер. Сталю, отъ 28-го ноября 1821 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 834.

тился съ воззваніемъ преимущественно къ простому народу, прося его не слушать измѣнниковъ и оставаться въ своихъ домахъ.

«Безпрерывные набѣги въ наши границы, писалъ Ермоловъ кабардинцамъ [1]), разоренія жителей и самыя убійства, производимыя кабардинскими владѣльцами, заставили меня употребить силу оружія для наказанія ихъ.

«Долго и безъ успѣха употреблялъ я терпѣніе и кротость, и знаютъ кабардинцы, сколько желалъ я отвратить отъ нихъ бѣдствія. Въ 1818 году лично мнѣ даны обѣщанія главнѣйшими эфендіями и владѣльцами, и обѣщанія сіи, такъ же какъ и прежде много разъ данныя клятвы, не исполнены. Вмѣсто того, чтобы исполнять обязанности вѣрноподданныхъ, разбой и убійства умножились. Я далъ повелѣніе войскамъ вступить въ Кабарду и жителямъ оной объявляю:

«Владѣльцы, которые чувствуютъ себя невиновными, могутъ обратиться ко мнѣ съ довѣренностью. Они сохранятъ права свои, сохранятъ власть надъ подданными ихъ,—и они одни признаны будутъ въ достоинствѣ владѣльцевъ. Тѣ владѣльцы, которые не явятся къ начальнику россійскихъ войскъ, будучи прежде замѣшаны въ злодѣйствахъ, изгонятся изъ Кабарды. Подвластнымъ ихъ объявится свобода и независимость; они (подвластные) принимаются подъ защиту и покровительство, и впредь нѣтъ надъ ними власти, кромѣ великаго нашего государя; ихъ въ самой Кабардѣ надѣлю я землями и выгонами.

«Убѣждаю народъ кабардинскій не вѣрить обольщеніямъ своихъ владѣльцевъ: они обманываютъ васъ и первые оставятъ въ крайности. Не спасутъ ихъ твердыя мѣста, въ которыхъ думаютъ они укрыться, и нѣтъ таковыхъ, куда бы не прошли войска наши. Не защитятъ васъ мошенники, которые ничего не разумѣютъ, кромѣ подлаго воровства и разбоя.

«Не отмщеваю я простому народу и въ послѣдней разъ обѣщаю ему жизнь покойную, счастливую и свободную: послѣ поздно уже будетъ просить о пощадѣ».

---

[1]) Въ воззваніи, отъ 14-го января 1822 г. Воззваніе это напечатано въ матеріалахъ, собранныхъ М. П. Погодинымъ для біографіи Ермолова, но въ измѣненномъ видѣ, несогласномъ съ подлинникомъ.

Объявивъ всю Кабардинекую землю собственностью правительства, Ермоловъ обѣщалъ раздавать ее по своему усмотрѣнію тѣмъ лицамъ, которыя окажутся преданными Россіи. Всѣ болѣе или менѣе подозрительные аулы главнокомандующій приказалъ, для лучшаго надзора, переселить на плоскость или ближе къ Кавказской линіи. По требованію полковника Коцарева, 14 кабардинскихъ ауловъ вышли изъ ущелій и поселились на лѣвомъ берегу р. Терека, по р. Уруху (при впаденіи ея въ Терекъ), на р. Черной, на р. Кахунѣ (рукавъ Терека), близъ р. Баксана и проч. «Во всѣхъ силъ мѣстахъ, доносилъ генералъ Сталь [1]), построены бараки, перевезено изъ ущельевъ имущество, жены, дѣти, скотъ, лошади и бараны, но постройка домовъ по неудобности времени еще не производится».

Не согласившіеся же на переселеніе кабардинцы на совѣщаніи съ закубанцами рѣшили просить разрѣшенія остаться въ горахъ, а въ противномъ случаѣ усилить набѣги, чтобы заставить русское правительство согласиться на ихъ требованіе. Во главѣ недовольныхъ стояли владѣльцы: Арсланъ-Бекъ-Бесленевъ и Али-Карамурзинъ изъ фамиліи Мисостовыхъ, которые, рѣшившись сопротивляться, совѣтовали преслѣдовать всѣми способами тѣхъ, кои изъявили согласіе переселиться на плоскость. Тогда въ маѣ 1822 года А. П. Ермоловъ самъ явился въ Кабарду и принялъ начальство надъ отрядомъ, состоявшимъ изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты [2]), восьми орудій и 300 линейныхъ казаковъ. Поручивъ генералъ-маіору Сталю усилить отрядъ полковника Коцарева, расположенный на р. Баксанѣ, и принять надъ нимъ начальство, главнокомандующій приказалъ ему занять на р. Малкѣ урочище, извѣстное подъ именемъ *Каменнаго моста*. Полковнику Побѣдному съ донскими казаками приказано наблюдать за кабардинцами въ вершинахъ р. Кубани.

Двинувшись съ своимъ отрядомъ вдоль по теченію р. Уруха, главнокомандующій перешелъ потомъ въ вершины р. Черека и имѣлъ небольшую перестрѣлку съ кабардинцами. Предавъ огню нѣсколько непокорныхъ селеній, Ермоловъ выслалъ небольшой летучій отрядъ

---

[1]) Ермолову, отъ 14-го марта 1822 г., № 75-й. Тиф. Арх. глав. шт. Кавк. арміи.

[2]) По одному баталіону Ширванскаго пѣхотнаго и 7-го карабинернаго полковъ.

на р. Нальчикъ, который отбилъ табунъ лошадей и стадо овецъ, а затѣмъ двинулся вверхъ по р. Чегему, гдѣ, не смотря на труднодоступную мѣстность, атаковалъ селеніе и сжегъ его. Отсюда главнокомандующій перешелъ къ вершинамъ р. Баксана, соединился съ отрядомъ генералъ-маіора Сталя и проникъ въ такія мѣста, гдѣ пѣхота должна была пробираться по тѣснымъ тропинкамъ почти въ одиночку. Засѣвшій въ самомъ узкомъ мѣстѣ ущелья непріятель пытался остановить наши войска. Ночью четыре орудія были подняты на гору на людяхъ, и послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ кабардинцы очистили путь. Отрядъ двинулся далѣе и, слѣдуя по обоимъ берегамъ р. Баксана, остановился близъ селенія Ксанти. Здѣсь собрались главнѣйшіе изъ кабардинскихъ хищниковъ, устроили каменные завалы и рѣшились защищаться. Отрядъ приготовился къ штурму, но въ ночь защитники покинули свои завалы и бѣжали частью за Кубань, частью къ карачаевцамъ. Жители окрестныхъ селеній просили пощады и увѣряли Ермолова, что страдаютъ напрасно, что всегда были вѣрны русскому правительству и не думали о хищничествѣ.

«Кто изъ владѣльцевъ, спрашивалъ въ отвѣтъ на это Ермоловъ [1]), котораго сынъ, братъ или ближайшій изъ родственниковъ или подвластный уздень или рабы ихъ, свободу получившіе, не дѣлали злодѣйствъ? Кто сказать можетъ въ оправданіе свое, что не знаетъ о томъ? Черезъ чьи земли не проходили шайки разбойниковъ? кто отказалъ имъ въ пристанищѣ? Возвратившіеся изъ плѣна люди называютъ ихъ по именамъ, бѣгущихъ подлецовъ не разъ видали въ лицо преслѣдующія наши войска.

«Полковникъ Подпрятовъ и полковникъ Кацаревъ никого не наказывали самопроизвольно. Всѣ участвовали въ измѣнѣ и должны были нести наказаніе. Я требовалъ разбойниковъ для наказанія— ихъ не выдали, хотя ихъ было малое число; укрывая ихъ злодѣйства, умножили число ихъ и справедливо за то потерпѣли. Я хочу забыть прежнее, и владѣльцамъ и узденямъ, вышедшимъ изъ горъ по моему призванію, не только не допущу впредь дѣлать ни малѣйшей обиды, напротивъ, готовъ быть полезнымъ. Всемилости-

[1]) Прокламація Ермолова кабардинцамъ 26-го іюня 1822 г., лагерь на р. Ксанти.

вѣйшія граматы покойной императрицы Екатерины II и нынѣ благополучно царствующаго великаго императора даны были кабардинцамъ, какъ подданнымъ покорнымъ и вѣрнымъ. Будутъ впредь кабардинцы таковыми—и ихъ заслужить можно.

«Теперь въ пользу кабардинцевъ установляю: сохраню свободное отправленіе вѣры и прежніе обычаи. Принимаю выселившихся изъ горъ владѣльцевъ и узденей въ прежнемъ ихъ достоинствѣ и званіи; не отъемлю земель ихъ и ничего изъ собственности. Незначащая часть земли занята будетъ подъ большія дороги, для общей пользы, для устраивающихся крѣпостей и небольшихъ участковъ для огородовъ и сѣнокосовъ. Установлю судъ для самихъ владѣльцевъ и узденей на правахъ россійскихъ и назначу, въ какихъ случаяхъ надобно будетъ призывать власть духовныхъ людей. Свободный торгъ нисколько не воспрещу никому, но, напротивъ, буду всячески способствовать.

«Предоставляю владѣльцамъ и узденямъ прежнія права надъ подвластными, но отнынѣ впредь уничтожается власть лишать рабовъ жизни. Кто изъ владѣльцевъ и узденей нарушитъ сіе, будетъ жестоко наказанъ, а семейство лишеннаго жизни получитъ свободу. Рабовъ, обвиняемыхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ, отдавать подъ военный судъ и препровождать къ начальнику ближайшей крѣпости. Дѣтей, бывшихъ прежде аманатами, возвращу родителямъ, когда поведеніемъ и вѣрностью сихъ послѣднихъ правительство будетъ довольно.

«Желающихъ принять христіанскій законъ я не могу отклонять отъ онаго, но отнюдь не допущу приглашать къ тому обольщеніями; до сего принявшихъ христіанскій законъ возвратить не могу. Возвращу рабовъ, которые бѣжали отъ своихъ владѣльцевъ по переселеніи ихъ уже въ горы.

«Позволяю пасти скотъ на пустопорожней землѣ за р. Малкою, но не стѣсняя тѣхъ, кои туда пересилиться желаютъ. Позволяю брать для скота соляную грязь со стороны Кубани, и будетъ назначено время, когда для того отправляться караванамъ. Владѣльцы и уздени сохраняютъ въ своей собственности лѣтнія мѣста для пастбищъ скота въ горахъ. Владѣльцы и уздени, остающіеся въ горахъ, лишаются достоинства своего, равно и дѣти ихъ; лишаются также

земель, которыя безъ разрѣшенія моего никѣмъ занимаемы быть не могутъ. Рабы ихъ, которые бѣжали, получаютъ вольность. Владѣльцамъ и узденямъ вѣрноподданнымъ великаго государя воспрещается всякое съ сими измѣнниками сношеніе,—и накажу строго, если узнаю о томъ. Имена сихъ мошенниковъ, лишенныхъ прежняго достоинства, мною обнародованы будутъ».

Разославъ свое воззваніе, главнокомандующій съ отрядомъ вышелъ изъ Баксанскаго ущелья, вернулся на р. Подкумокъ, потомъ перешелъ на Куму и наконецъ вышелъ къ Каменному мосту. Войска прошли по мѣстамъ, по понятію кабардинцевъ, недоступнымъ, нѣсколько разъ переваливали черезъ высокія горы и пробирались по узкимъ, едва доступнымъ тропинкамъ. Кабардинцы, сопротивляясь весьма слабо, предпочитали бѣжать за Кубань. Осмотрѣвъ такимъ образомъ всю страну отъ Владикавказа до Каменнаго моста, Ермоловъ призналъ необходимымъ построить рядъ укрѣпленій для обузданія кабардинцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ перенести Кавказскую линію ближе къ р. Кубани.

«Я собственными удостовѣрился глазами, доносилъ Алексѣй Петровичъ [1]), что нынѣшнюю Кавказскую линію, расположенную въ мѣстахъ знойныхъ, производящихъ въ войскахъ болѣзни и смертность необычайныя, полезно перенести къ подошвѣ такъ называемыхъ *Черныхъ горъ*—отъ Владикавказа и до верхней Кубани.

«Протяженіе линіи сократится, укрѣпленія и посты устроятся въ мѣстахъ выгодныхъ и здоровыхъ, и новое размѣщеніе войскъ дастъ возможность нѣкоторую часть оныхъ приблизить къ р. Кубани, за которою живутъ народы для насъ опаснѣйшіе, многолюдные и воинственные.

«Всеподданнѣйше испрашиваю, государь, высочайшее соизволеніе ваше на перенесеніе линіи, и я награжденъ буду пользою, которую вскорѣ почувствуютъ и успокоенные обитатели прежней линіи, и храбрыя войска, оставя позади себя мятежную и уже издавна вредную Кабардинскую землю, которой счастье содѣлать можетъ единая покорность и вѣрность».

Новая линія должна была окружить кабардинцевъ, причемъ Ер-

[1]) Всеподд. донесеніе отъ 27-го іюля 1822 г.

моловъ предполагалъ сблизить кабардинскія селенія, а пространство между Кубанью и Малкою очистить для русскихъ селеній или для поселеній линейныхъ казаковъ. При обширности земель, сравнительно съ числомъ населенія, сближеніе кабардинскихъ ауловъ было дѣломъ вполнѣ возможнымъ, а переселеніе на освобожденныя земли линейныхъ казаковъ или русскихъ переселенцевъ должно было принести громадную пользу, такъ какъ сообщеніе кабардинцевъ съ закубанцами почти совершенно прерывалось. Столь очевидныя преимущества заставили главнокомандующаго приступить немедленно къ заложенію укрѣпленій: въ вершинахъ р. Тахтамыша; на р. Кумѣ, у бывшаго Хахандукова аула; на р. Подкумкѣ, при урочищѣ Бургусантѣ; при курганѣ, называемомъ Красивый; на р. Малкѣ, у Каменнаго моста, гдѣ проходили лучшія дороги за Кубань; на р. Баксанѣ, близъ урочища Кызбурунъ; на рѣкахъ Чегемѣ, Черекѣ, Урухѣ и наконецъ главное укрѣпленіе на р. Нальчикѣ, гдѣ должна была расположиться штабъ-квартира полка, назначеннаго для охраненія порядка въ Кабардѣ.

Одновременно съ заложеніемъ укрѣпленій, приказано было прорубить дорогу черезъ лѣсъ на Татартупскомъ хребтѣ до р. Бѣлой, воспрещено горцамъ селиться на правомъ берегу р. Кубани и наконецъ военно-грузинской дорогѣ дано иное направленіе. Перенося ее съ праваго на лѣвый берегъ р. Терека, Алексѣй Петровичъ прикрылъ ее укрѣпленіями Пришибскимъ, Урухскимъ, Минаретскимъ и Ардонскимъ.

Сознавая всю важность мѣръ, предпринятыхъ главнокомандующимъ, кабардинцы явились къ Ермолову съ покорностью, обѣщали выселиться изъ горъ, быть покойными и просили остановить постройку укрѣпленій.

— О крѣпостяхъ просьбы ваши безполезны, отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ; я сказалъ, что онѣ будутъ,—и онѣ строятся.

Главнокомандующій требовалъ, чтобы кабардинцы непремѣнно выселились изъ горъ, и обѣщалъ жестоко преслѣдовать тѣхъ, которые не исполнятъ его требованій. «Въ случаѣ измѣны, писалъ онъ кабардинцамъ [1]), или участія въ разбояхъ, всякій владѣлецъ

[1]) Въ воззваніяхъ отъ 1-го и 9-го августа 1822 г.

или уздень теряетъ свое достоинство и наказывается, какъ всякій преступникъ, по законамъ россійскимъ.

«Я объявляю вамъ, кабардинцамъ, и въ особенности простому народу, что всѣхъ владѣльцевъ и узденей, бѣжавшихъ за Кубань или укрывающихся въ горахъ, какъ явныхъ измѣнниковъ своему государю, лишаю всѣхъ правъ и достоинствъ. Если кто изъ кабардинцевъ будетъ имѣть съ ними связь и сношенія, будутъ строго наказаны. Съ ними запрещается вступать въ новыя связи родства.

«Узденямъ и простому народу повелѣваю, при всякой встрѣчѣ съ измѣнниками, дѣйствовать оружіемъ и *забыть глупое обыкновеніе не стрѣлять въ князя, когда онъ стрѣляетъ*. Если кто изъ измѣнниковъ, бѣжавшихъ за Кубань или укрывающихся въ горахъ, будетъ нападать на селенія или дознанъ будетъ въ преслѣдованіи и противъ него простой народъ стрѣлять не будетъ, то селеніе будетъ наказано оружіемъ. Мошенники, по гнусному прежнему обыкновенію, будутъ защищаться тѣмъ, что они князья. Простой народъ не долженъ сему вѣрить, и я еще повторяю, что со всѣхъ вообще измѣнниковъ сняты прежнія ихъ достоинства.

«Отнынѣ — впредь запрещается всѣмъ кабардинскимъ владѣльцамъ и узденямъ отдавать дѣтей своихъ на воспитаніе къ чужимъ народамъ, т. е къ закубанцамъ, карачаевцамъ и вообще горскимъ народамъ, но воспитывать ихъ въ Кабардѣ. Тѣхъ, кои отданы прежде, тотчасъ возвратить».

Вмѣстѣ съ тѣмъ для уничтоженія вліянія на народъ грубаго и необразованнаго духовенства, въ рукахъ котораго находилось разбирательство дѣлъ, Ермоловъ учредилъ въ Нальчикѣ *временный судъ*, для разбора дѣлъ тяжебныхъ по правамъ и обычаямъ народа, но съ примѣненіемъ, по возможности, русскихъ законовъ. Рѣшенію суда предоставлены всѣ тяжебныя дѣла, не превышающія 200 руб., а выше представлялись на разсмотрѣніе управляющаго Кабардою. Всѣ штрафныя деньги, взыскиваемыя по обычаю, не поступали въ пользу судей, а должны были храниться въ вѣдѣніи суда и безъ разрѣшенія не расходоваться. Дѣла уголовныя были совершенно изъяты изъ вѣдѣнія суда, и виновные судились военнымъ судомъ.

Въ составъ временнаго кабардинскаго суда были назначены: одинъ предсѣдатель, одинъ кадій, шесть судей, два депутата, одинъ

секретарь и одинъ русскій чиновникъ, «для повѣрки журналовъ, веденныхъ въ судѣ». Наблюденіе за правильностью дѣйствій суда было возложено на полковника Коцарева, назначеннаго командующимъ войсками, въ Кабардѣ расположенными. На усиленіе его боевыхъ средствъ Ермоловъ оставилъ въ Кабардѣ два баталіона Ширванскаго полка, а для пресѣченія сношеній кабардинцевъ съ закубанцами были поставлены на рѣкахъ Кумѣ и Подкумкѣ по одной ротѣ Тенгинскаго полка съ орудіемъ и 40—50 челов. донскихъ казаковъ [1]). Отряды эти были слишкомъ незначительны для того, чтобы прекратить хищничество, и наше правительство пришло къ мысли о необходимости войти въ торговыя связи съ закубанцами, преимущественно съ черкесами и абазинцами, «дабы чрезъ то смягчить суровость нравовъ ихъ и положить конецъ непріязненнымъ ихъ дѣйствіямъ къ нарушенію тишины на кубанскихъ предѣлахъ нашихъ».

Послѣ многихъ разсужденій и массы проектовъ, подаваемыхъ разными лицами, министерство иностранныхъ дѣлъ отправило коллежскаго совѣтника Скасси [2]) въ Керчь съ порученіемъ завести торговыя сношенія съ обитателями восточныхъ береговъ Чернаго моря. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ своей дѣятельности коллежскій совѣтникъ Скасси увѣрилъ правительство, что онъ успѣлъ пріобрѣсти расположеніе многихъ старѣйшинъ и надѣется на успѣхъ своей миссіи. Тогда, въ концѣ октября 1821 года, были высочайше утверждены правила для торговыхъ сношеній съ черкесами и абазинцами, и даже составленъ особый штатъ для «*попечителя торговли*» и чиновниковъ, въ его вѣдомствѣ состоящихъ. Пунктами для торговли избраны гг. Керчь и Бугазъ, изъ которыхъ въ первомъ устраивался полный портовый карантинъ и таможня, а во второмъ—мѣновой дворъ съ очистительными пакгаузами.

Всѣ произведенія черкесовъ и абазинцевъ, привозимыя моремъ,

---

[1]) Предпис. Ермолова маіору Принцу и капитану Кашутину, 30-го іюля 1822 г., №№ 14 и 15.

[2]) Скасси былъ по происхожденію генуэзецъ, жилъ въ Одессѣ и имѣлъ торговыя сношенія съ абхазцами. Онъ вымѣнивалъ тамъ строевой лѣсъ на различныя произведенія Европы, особенно на желѣзо и соль. Принятый въ русскую службу, Скасси былъ употребленъ, какъ руководитель, къ умиротворенію горцевъ при помощи торговли.

должны были безпошлинно приниматься въ Керчи, а сухимъ путемъ—въ Бугазѣ. Попечитель торговли обязанъ былъ жить въ Керчи, одинъ изъ его помощниковъ въ Бугазѣ, одинъ у черкесовъ и одинъ у абазинцевъ, въ тѣхъ пунктахъ, изъ которыхъ послѣдуетъ отправленіе товаровъ. Товары эти должны были состоять преимущественно изъ произведеній земли, сельской промышленности, лѣса и скота. Горцы могли вымѣнивать на нихъ все что угодно, за исключеніемъ монеты, банковыхъ ассигнацій, оружія, пороха и свинца, какъ въ дѣлѣ, такъ и слиткахъ.

Обширная инструкція, данная г. Скасси, и составленныя для торговли правила ясно свидѣтельствуютъ, что самъ г. Скасси и министерство иностранныхъ дѣлъ имѣли весьма смутное понятіе о племенахъ, съ которыми намѣрены были завести торговлю. Произведенія земли закубанцевъ были ничтожны, и единственнымъ средствомъ къ ихъ обогащенію было плѣннопродавство. Ни заготовокъ лѣса, ни избытка скота у черкесовъ не было, а притомъ доставка того и другаго къ берегу моря, при отсутствіи путей сообщенія, была немыслима. Основываясь на словахъ Скасси, Ермоловъ также думалъ сначала, что онъ завелъ связи съ черкесами и абазинцами. «Но, писалъ Алексѣй Петровичъ [1]), узналъ я отъ самого повѣреннаго его (Скасси), находящагося для промѣна желѣза въ Абхазіи, иностранца Гибаля, что связи сіи ограничиваются нѣкоторымъ знакомствомъ, которое здѣсь не весьма трудно сдѣлать, но оно ни малѣйшимъ обезпеченіемъ торговли служить не можетъ. Доказательствомъ небольшихъ успѣховъ Скасси можетъ быть то, что Гибаль оставался даже безъ способовъ содержанія и долженъ былъ пріѣхать въ Тифлисъ взять у меня на оное денегъ, которыя и уплачены генераломъ графомъ Ланжероном, а Гибаль въ Абхазію уже не возвратился».

Впослѣдствіи Ермоловъ узналъ, что всѣ сношенія Скасси съ Абхазіею и его торговля тамъ «состояли въ однихъ хвастливыхъ разсказахъ, а въ самомъ дѣлѣ товары заключались въ нѣсколькихъ пудахъ съѣденнаго ржавчиною желѣзнаго лома, съ которыми находился въ Сухумѣ коммисіонеръ его, г. Гибаль» [2]).

---

[1]) Графу Нессельроде, 27-го апрѣля 1822 г. Ак. Кав. Арх. Ком. т. VI, ч. II, № 589.

[2]) Отношеніе Ермолова начальнику главнаго штаба, 1-го іюля 1824 г., № 15.

Не предвидя никакого успѣха въ предполагаемыхъ торговыхъ сношеніяхъ, главнокомандующій не видѣлъ другаго средства смирить закубанцевъ, какъ дѣйствовать противъ нихъ силою. Стараясь разъединить ихъ съ кабардинцами, Ермоловъ вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ устроить нѣсколько укрѣпленій противъ закубанцевъ и призывалъ къ дѣятельности черноморское войско, усиленное прибытіемъ переселенцевъ.

Въ маѣ 1821 года было уже извѣстно, что на пути въ Черноморію были: 4,937 душъ мужскаго пола изъ Черниговской и 7,447 душъ мужскаго пола изъ Полтавской губерній. Вслѣдъ затѣмъ изъявили согласіе на переселеніе еще 4,510 душъ мужскаго пола (1,602 души изъ Черниговской и 2,908 душъ изъ Полтавской), такъ что общее число пересенцевъ доходило до 16,794 душъ мужскаго пола. Алексѣй Петровичъ приказалъ ихъ селить не отдѣльно, а присоединять по нѣскольку семействъ къ прежнимъ жителямъ, «ибо, говорилъ онъ [1]), неблагоразумно было бы людей, къ опасностямъ войны необыкшихъ, подвергать онымъ и охраненіе ихъ предоставлять одной передовой стражѣ».

Нападенія закубанцевъ производились преимущественно на ту часть кордона, гдѣ рѣка Кубань представляла удобнѣйшую переправу, и селенія черноморцевъ, въ большомъ разстояніи другъ отъ друга находившіяся, не имѣли средствъ подкрѣплять передовую стражу. Для заполненія, такъ сказать, пустаго пространства, главнокомандующій приказалъ увеличить число селеній, придвинуть ихъ ближе къ Кубани и для того вызвать желающихъ изъ числа природныхъ жителей, но отнюдь не изъ переселенцевъ. Послѣдніе находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Продавъ на мѣстѣ свое имущество за безцѣнокъ, переселенцы были отправлены въ путь осенью, въ самое неудобное время, и, лишившись въ дорогѣ скота, доходили до Черноморіи или нищими, или оставались зимовать по разнымъ губерніямъ, прося милостыню. Войско черноморское по недостатку средствъ не могло оказать имъ никакой помощи, и Ермолову пришлось обратиться къ част-

[1]) Въ предписаніи полковнику Матвѣеву, 29-го іюня 1281 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 802.

ной благотворительности. Подписка въ пользу переселяющихся малороссіянъ шла довольно успѣшно, и по 27-е декабря 1821 года было собрано до 10,000 рублей асигнаціями, 64 четверти хлѣба, 317 штукъ скота, 16 лошадей и 1,044 овцы.

«Подписка еще не прекращена, писалъ Ермоловъ въ приказѣ по корпусу [1]), и можно надѣяться, что черноморцы, побуждаемые благотворительнымъ чувствомъ, не ограничатся первымъ пожертвованіемъ; конечно, не откажутся участвовать въ ономъ и посторонніе. Дабы облегчить участь новыхъ поселенцевъ и предупредить всѣ ихъ нужды, въ Черноморіи учрежденъ мною особый комитетъ».

Обезпеченіе переселенцевъ и вообще устройство черноморскаго войска составляло въ это время главнѣйшую заботу главнокомандующаго. При ограниченности боевыхъ средствъ и огромномъ протяженіи кавказской линіи, черноморское войско должно было въ себѣ самомъ искать средства для отраженія хищническихъ набѣговъ закубанцевъ. Отдѣлить хотя часть войскъ для обезпеченія Черноморіи Ермоловъ не могъ, такъ какъ ихъ едва хватало для дѣйствій въ Чечнѣ и Дагестанѣ.

Въ концѣ сентября 1822 г. Ахмедъ-ханъ аварскій сообщилъ чеченцамъ, что султанъ объявилъ войну Россіи, и весною придутъ къ нимъ турецкія войска на помощь [2]). Ахмедъ просилъ чеченцевъ отстаивать свою независимость до прихода подкрѣпленій и былъ увѣренъ, что, при легковѣріи народа, достигнетъ своей цѣли. Качкалыки, чеченцы, жившіе за Терекомъ и въ особенности за Аргуномъ, тотчасъ же усилили свои хищничества. Генералъ-маіоръ Грековъ потребовалъ отъ качкалыковъ новой присяги, обязательства отвѣчать за свои земли и перемѣнить аманатовъ. Къ жившимъ же за Аргуномъ чеченцамъ Грековъ обратился съ особымъ воззваніемъ.

«Измѣнники, писалъ онъ [3]), никогда не живутъ счастливо, ибо они, обманувши Бога, посрамляютъ законъ его и рано или поздно наказуются. Вы присягали по закону своему Богу и великому госу-

---

[1]) Отъ 4-го мая 1882 г., № 18.

[2]) Рапортъ генер.-маіора Грекова генералу Вельяминову 1-му, отъ 5-го октября 1822 г., № 70.

[3]) Въ воззваніи отъ 4-го октября 1822 г. Тифлис. Арх.

дарю и, слушая разбойниковъ, нарушаете присягу — слѣдственно обманули Бога и своего пророка.

«Однако же, Богъ справедливъ: Онъ всегда караетъ тѣхъ, кои влекутъ въ несчастіе народъ невинный. Такъ погибъ вашъ кадій Абдулъ-Кадырь, Муртаза и много имъ подобныхъ, и такъ поразитъ Богъ тѣхъ, кои ложно присягали. Вы рано или поздно всѣ погибнете, ежели не раскаетесь. Вы не хотѣли отдать аманатовъ, когда я былъ за Аргуномъ, и жить спокойно, а сколько у васъ погибло людей? чего стоятъ Шали и Малая-Атага? Это все бы было цѣло, ежели бы вы жили спокойно! Какую пользу получаете вы, что нѣсколько человѣкъ злодѣевъ ѣздятъ на разбой къ намъ: если они утащатъ человѣка у насъ, то выкупаютъ его ваши-же единовѣрцы; если они убьютъ у насъ кого, то мы вмѣсто одного двухъ отсылаемъ въ Сибирь,—какая же вамъ изъ этого польза и выгода?

«Мнѣ жалко бѣдный и невинный народъ, ибо, ежели я пойду зимой за Аргунъ, то сколько у васъ погибнетъ народа невиннаго! А потому и совѣтую вамъ, не слушайте, ибо будете раскаяваться, но уже поздно.

«Ежели хотите найти милость и помилованіе начальства, то пришлите хорошихъ людей въ Сунженскую деревню, я пришлю тоже почтенныхъ стариковъ, и тамъ поговорятъ о дѣлѣ, отъ котораго зависитъ ваше спасеніе».

Воззваніе это, переведенное на арабскій языкъ, было разослано по разнымъ ауламъ, но какъ въ Чечнѣ грамотныхъ было весьма мало, то муллы всегда обманывали народъ и передавали содержаніе по своему усмотрѣнію. Послѣ совѣщаній, бывавшихъ обыкновенно по пятницамъ, чеченцы отвѣчали Грекову, что они никогда не измѣняли государю, что они не имѣютъ силы драться съ русскими войсками, но «мы боимся русскихъ, говорили они, которые хотятъ, обманувши, истребить всѣхъ». Чеченцы обвиняли насъ въ томъ, что многіе лучшіе ихъ люди повѣшены безвинно, другіе сосланы въ Сибирь, а за убійство одного казака въ сел. Шаляхъ разорено все селеніе.

— Впрочемъ, говорили чеченцы, мы посовѣтуемся съ качкалыками и тогда дадимъ другой отвѣтъ.

Переговоры съ качкалыками продолжались болѣе двухъ недѣль,

и наконецъ они просили уничтожить укрѣпленіе въ Герзель-аулѣ и при Амиръ-Аджи-юртовской переправѣ.

— Тогда, говорили они, мы войдемъ въ свои старыя деревни, будемъ отвѣчать за земли отъ Гудермеса до Аксая, будемъ имѣть свои караулы и ручаемся какъ за себя, такъ и за родственниковъ своихъ, въ горахъ живущихъ.

— Для чего же вы просите, спрашивали качкалыковъ, чтобы сняты были укрѣпленія, которыя вамъ нисколько не мѣшаютъ?

— Мы боимся, отвѣчали они, что, надѣясь на наше ручательство, солдаты станутъ ходить малыми командами и безъ осторожности; съ ними можетъ что-нибудь случиться, а мы будемъ отвѣчать.

Въ отвѣтъ на это генерелъ Грековъ 28-го октября двинулся съ отрядомъ въ сел. Топли, сжегъ до тысячи стоговъ сѣна, порубилъ до 2,000 барановъ и привелъ въ Грозную до 40 штукъ рогатаго скота [1]).

— Въ слѣдующую пятницу, говорилъ онъ, увижу я, какой оборотъ возьмутъ дѣла чеченскія.

Пятница прошла, а чеченцы не показывали желанія покориться. Тогда Грековъ, сформировавъ наскоро отрядъ изъ 500 человѣкъ пѣхоты, 5 орудій, 400 казаковъ и 200 мирныхъ чеченцевъ, двинулся на поляну, лежавшую за Аргуномъ, между аулами Малый-Чечень и Малою-Атагою. Пролегая въ длину на десять верстъ, параллельно Аргуну, поляна эта считалась чеченцами недоступною для нашихъ войскъ. Пользуясь туманомъ и изморозью, Грековъ подошелъ незамѣченнымъ къ полянѣ, захватилъ всѣхъ работавшихъ, уничтожилъ заготовленное сѣно и отогналъ 415 штукъ рогатаго скота [2]). Горцы принуждены были снова просить пощады, и въ теченіе зимы большинство ихъ, оставаясь покойными, хищничали въ одиночку или самыми незначительными партіями.

Не предвидя важныхъ дѣйствій на линіи и снабдивъ начальниковъ отдѣловъ подробными инструкціями, Ермоловъ отправился въ Тифлисъ.

---

[1]) Рап. Грекова Ермолову, 30-го октября 1822 г., № 78-й.

[2]) Рапортъ ген.-маіора Грекова генер.-маіору Сталю, 20-го ноября 1822 г., № 85.

XXI.

Бѣгство въ Персію Мехти-Кули-хана карабагскаго.—Уничтоженіе ханской власти въ Карабагѣ и введеніе русскаго правленія.—Мнѣніе Ермолова о мусульманскихъ провинціяхъ Закавказья.—Убійство полковника Верховскаго Амалатъ-бекомъ.—Экспедиція генералъ маіора Краббе.—Происшествія въ Дагестанѣ въ 1823 году.

Прибывъ въ столицу Грузіи, главнокомандующій узналъ, что 21-го ноября 1822 года Мехти-Кули-ханъ карабагскій бѣжалъ въ Персію. Поводомъ къ тому были жалобы подвластныхъ на жестокости и притѣсненія хана, на его грабежи и насилія.

Входя въ разоренное положеніе Карабага, Императоръ Александръ I сложилъ съ жителей недоимки за нѣсколько лѣтъ, но Мехти-ханъ, при помощи насилія и истязаній, собралъ эти недоимки въ свою пользу. При раздѣлѣ имѣнія между своими родственниками, ханъ одѣлилъ своего племянника и прямаго наслѣдника, полковника Джафаръ-Кули-агу, и тѣмъ возбудилъ къ себѣ его ненависть.

Вражда между этими двумя лицами съ каждымъ днемъ возрастала, и А. П. Ермоловъ, не смотря на всѣ старанія, былъ не въ силахъ примирить двухъ враговъ. Джафаръ искалъ случая отмстить хану и, долго не находя его, придумалъ особый и оригинальный способъ. Проѣзжая ночью по улицамъ г. Шуши, онъ ранилъ себя двумя выстрѣлами и, явившись къ окружному начальнику въ Карабагѣ, князю Мадатову, заявилъ, что бывшіе при немъ слуги испугались и въ темнотѣ ночи не могли задержать убійцъ. При этомъ Джафаръ говорилъ, что за нѣсколько дней его предупреждали, будто бы Мехти-Кули-ханъ намѣренъ лишить его жизни.

Князь Мадатовъ приказалъ произвести строжайшее слѣдствіе и взять подъ стражу нѣсколькихъ людей, находившихся при карабагскомъ ханѣ. Опасаясь, чтобы и его не арестовали, Мехти-Кули-ханъ рѣшился покинуть Карабагъ и утромъ 21-го ноября, въ сопровожденіи 15-ти—20-ти нукеровъ, бѣжалъ въ Персію, почти безъ денегъ и съ самымъ незначительнымъ, бывшимъ при немъ имуществомъ.

Ханъ оставилъ въ Карабагѣ всѣхъ своихъ женъ, но захватилъ съ собою большую часть граматъ Императора Александра.

Князь Мадатовъ тотчасъ же объявилъ ханскую власть въ Карабагѣ уничтоженною, и жители приняли это извѣстіе съ большою радостью. Для управленія ханствомъ въ хозяйственномъ и административномъ отношеніяхъ назначенъ былъ полковникъ Реутъ. «Почтенные беки и прочихъ состояній жители—писалъ А. П. Ермоловъ карабагцамъ [1]),—могутъ совершенно положиться на покровительство и защиту россійскаго правительства. Пріятно мнѣ увѣрить ихъ, что собственность ихъ останется неприкосновенною, что обыкновенія земли сохраню я съ удовольствіемъ и что вѣрнымъ и усерднымъ всегда будетъ открытъ путь къ полученію наградъ, соотвѣтственныхъ заслугамъ. Но вся строгость и жестокое преслѣдованіе постигнетъ тѣхъ, кои участвовали въ измѣнѣ бѣглеца-хана и кои дерзнутъ имѣть съ ними тайныя сношенія».

Для предупрежденія интригъ и волненій, всѣ ханскія жены и сестры были переведены сначала въ городъ Шушу, а потомъ, по ихъ просьбѣ и желанію, отправлены въ Персію. Племянникъ хана, Джафаръ-Кули-ага, съ сыномъ Керимомъ, были высланы въ Симбирскъ на постоянное жительство.

Мехти-Кули-ханъ скоро созналъ, что, бѣжавши въ Персію, сдѣлалъ большую ошибку и черезъ князя Мадатова просилъ разрѣшенія возвратиться въ кавказскія владѣнія Россіи. Ермоловъ не отказывалъ прямо, но и не желалъ особенно возвращенія хана.

«Болѣе всего удивляетъ меня, писалъ Алексѣй Петровичъ князю Мадатаву [2]), намѣреніе Мехти-хана, и я не могу понять страннаго желанія жить въ гор. Кубѣ или Тифлисѣ, нежели въ Персіи, гдѣ сестра его [3]), конечно, болѣе доставить можетъ выгодъ и лучшее содержаніе, нежели мы. Любимыя его упражненія можетъ онъ и тамъ имѣть свободно; между персіянами они стыда не дѣлаютъ.

«Не знаю, много ли онъ можетъ дѣлать намъ вреда, ибо доселѣ не оставляютъ насъ природные карабагцы, а бѣгаютъ одни только

---

[1]) Акты Кавк. Археогр. Коммисіи, т. VI, ч. I, № 1299.

[2]) Въ письмѣ отъ 23-го іюля 1823 г.

[3]) Бывшая женою шаха.

кочующіе, которыхъ, если у насъ будетъ Мехти-ханъ, удержать будетъ невозможно. Сверхъ того, увѣдомляетъ Амбургеръ[1]), что его хотятъ удалить отъ границы, что, впрочемъ, можетъ быть и одна обыкновенная персидская ложь.

«Если бы переманилъ онъ отъ насъ 500 или тысячу семействъ, это насъ не разоритъ, и люди порядочные не перейдутъ къ нему. Не вѣкъ жить будетъ шахъ; кончится сила сестры Мехти-хана, и на него смотрѣть никто не захочетъ. Абасъ-Мирзѣ много хлопотъ будетъ съ братьями, и мы во время суматохи все возвратить можемъ.

«Разсуди обо всемъ съ разборчивостью!

«Если же его еще не взяли съ границы или узнаете вы, что не намѣреваются удалить, тогда можно, продолжая съ нимъ изрѣдка секретныя сношенія, предложить слѣдующее: мнѣ не приличествуетъ вызывать бѣглеца и обѣщать ему содержаніе, но если онъ самъ, надѣясь на великодушіе государя, явится ко мнѣ, прося спокойнаго убѣжища, я, достойно милосердія его, не откажу ему содержанія. Никакой бумаги отъ него не нужно и быть не должно, ибо нѣтъ условій съ тѣмъ, кому дѣлается милость. Четыре тысячи червонцевъ, конечно, дать можно, но вспомните, любезный другъ, что съ нимъ явится нѣсколько людей, у которыхъ взято въ казну все имѣніе, и они также будутъ просить или о содержаніи, или о возвратѣ взятаго. Надобно женамъ дать способы особенно, и это уже не 4,000 червонцевъ будетъ.

«Можетъ быть не осмѣлится Мехти-ханъ явиться самъ, то наклонить его къ сему можно посредствомъ Ростомъ-бека, которому дайте сіе наставленіе. Ему повѣритъ онъ во всемъ. Если и безполезному человѣку дадимъ мы деньги, по крайней мѣрѣ, за нихъ будетъ ужасно стыдно персидскому правительству, что отъ него бѣжитъ человѣкъ, недалекимъ будучи родственникомъ шаха.

«Между нами сказать, мы, подержавши нѣсколько хана въ Тифлисѣ, отправимъ въ Россію».

Мехти-ханъ не рѣшился возвратиться, а между тѣмъ Ермоловъ, вскорѣ послѣ его бѣгства, самъ отправился въ Карабагъ, лично привелъ къ присягѣ жителей гор. Шуши, приказалъ сдѣлать то же во

[1]) Нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Персіи.

всемъ ханствѣ и учредилъ городовой судъ или диванъ. Обезпечивъ многихъ преданныхъ намъ лицъ раздачею земель или назначеніемъ жалованья, которымъ они не пользовались при ханѣ, главнокомандующій привлекъ къ себѣ всеобщее расположеніе населенія.

Осмотрѣвъ Карабагъ и введя въ немъ русское управленіе, А. П. Ермоловъ проѣхалъ по многимъ мѣстамъ Ширванской провинціи и остался въ восторгѣ отъ всего имъ видѣннаго.

«Обозрѣвъ прелестныя наши мусульманскія области, писалъ онъ А. В. Казадаеву [1]), я тебѣ, какъ другу, сказать откровенно могу, что восхищался мыслью, сколько введеніе въ нихъ управленія россійскаго послужитъ въ короткое время къ ихъ улучшенію. Сколько ни противится вѣра сихъ народовъ всякому просвѣщенію, сколько истолкователи оной, по озлобленію на христіанъ, ни охлаждаютъ противъ насъ, не могутъ они не чувствовать выгодъ благоустройства, которыя достаточно объясняетъ одно обезпеченіе—неприкосновенность собственности.

«Введеніе нашего управленія есть дѣло, мнѣ нераздѣльно принадлежащее, и меня утѣшаетъ польза, правительству принесенная! Можетъ быть на сіе и совсѣмъ не обращается вниманія, но я награжденъ собственнымъ чувствомъ удовольствія... Какъ чувствую, другъ любезнѣйшій, недостатокъ свѣдѣній моихъ по обширности моихъ занятій; какъ досадна мысль, что непремѣнно впаду во множество погрѣшностей, которыхъ, при нѣкоторыхъ познаніяхъ, даже весьма обыкновенные люди удобно избѣгаютъ. Всѣ мои усилія недостаточны, и я, бывши нѣкогда изрядным солдатомъ, грущу, что въ половину не таковъ, сдѣлавшись администраторомъ».

«Графу Румянцову, писалъ Алексѣй Петровичъ въ другомъ письмѣ [2]), какъ вельможѣ, столько заботящемуся о просвѣщеніи и большія пожертвованія дѣлающему для полезныхъ открытій, предлежитъ на его иждивеніи прислать сюда нѣсколько ученыхъ людей, для описанія здѣшней страны и населяющихъ ее народовъ. Это былъ бы памятникъ, его достойный! Скажи ему слегка мысль сію въ разговорѣ».

---

[1]) На подлинномъ письмѣ нѣтъ ни мѣсяца, ни числа.

[2]) Отъ 16-го ноября 1822 года.

Прибывъ въ гор. Старую Шемаху, главнокомандующій вызвалъ къ себѣ начальствовавшаго въ Дагестанѣ генералъ-маіора барона Вреде и командировъ Апшеронскаго и Куринскаго полковъ. Послѣдніе заявили о неудобствахъ расположенія войскъ въ гор. Кубѣ, отличавшемся дурными климатическими условіями и вреднымъ вліяніемъ на здоровье нижнихъ чиновъ.

«Давно желалъ я, пишетъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ, избавиться неопрятнаго и гнуснаго города, въ которомъ войска подвергались всегда необыкновенной смертности, но, по недѣятельности и лѣности барона Вреде, не могъ того достигнуть». Избравъ лично селеніе Кусары, на рѣчкѣ того же имени, для штабъ-квартиры Апшеронскаго полка, главнокомандующій, въ январѣ 1823 года, приказалъ перенести туда управленіе Кубинскою провинціею. Куба была упразднена, посты въ Чирагѣ, Ричи и Курагѣ уничтожены[1]). Для штабсъ-квартиры Куринскаго полка было равномѣрно избрано мѣсто неподалеку отъ Дербента[2]), и на командира полка, полковника Верховскаго, было возложено управленіе Табасаранью и Каракайтагскою провинціею.

Въ Дагестанѣ было все спокойно, и крѣпостныя работы въ Бурной продолжались. Назначенный для того отрядъ, подъ начальствомъ подполковника Евреинова[3]), состоялъ: изъ одного баталіона Апшеронскаго, одного баталіона Куринскаго полковъ, 2-й піонерной роты 8-го баталіона, 4-хъ орудій и 30-ти линейныхъ казаковъ.

Прибывъ въ Бурную и приступая къ работамъ, Евреиновъ потребовалъ отъ шамхала тарковскаго рабочихъ, которые должны были работать какъ въ самомъ укрѣпленіи, такъ и подвозить необходимый матеріалъ. Первое время жители исполняли наше требованіе безпрекословно, но затѣмъ нѣсколько селеній Мехтулинской провинціи отказались идти на работу въ крѣпость Бурную. Подполковникъ Ев-

---

[1]) Акты Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 708.

[2]) Одновременно съ этимъ было измѣнено квартирное расположеніе и другихъ полковъ. Такъ, уроч. Манглисъ было назначено для штаба 7-го карабинернаго полка, Бѣлый-Ключъ—для 31-го егерскаго и Гергеры—для 41-го егерскаго полковъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ рѣшено было поселить женатыхъ нижнихъ чиновъ.

[3]) Командира 8-го піонернаго баталіона.

реиновъ отправилъ къ нимъ пристава, прапорщика Батырева, и переводчика своего, прапорщика Мещерякова. На требованіе ихъ нарядить рабочихъ жители сел. Оглы объявили, что, работая въ Бурной, они лишаются сѣнокоса и жатвы хлѣба и, будучи не въ состояніи переносить зноя, бывающаго лѣтомъ въ Таркахъ, умираютъ. Посланные завели ссору и думали употребить силу, но жители, ненавидя своего пристава за злоупотребленія, избили какъ Батырева, такъ и Мещерякова. Поступокъ жителей сел. Оглы былъ представленъ какъ открытое возстаніе всѣхъ мехтулинцевъ противъ правительства и противъ власти шамхала. Послѣдній подтвердилъ донесеніе Батырева и присовокупилъ, что жители селеній Эрпери, Караная и Ишкарты отказались также идти на работу въ Бурную, а взамѣнъ того обѣщались платить въ годъ по 500 барановъ [1]). Шамхалъ просилъ генералъ-маіора Краббе, назначеннаго вмѣсто барона Вреде [2]), усмирить волнующихся, отговариваясь, что, въ противномъ случаѣ, волненіе охватитъ все его владѣніе. Генералъ-маіоръ Краббе направилъ въ Мехтулу два отряда: подполковника Евреинова изъ Бурной и полковника Верховскаго изъ Кусаръ. Соединеніе этихъ отрядовъ должно было произойти въ сел. Параулѣ, и тогда полковникъ Верховскій, принявъ общее начальство, долженъ былъ дѣйствовать по обстоятельствамъ и усмирить мятежниковъ [3]).

Опасаясь преслѣдованій, мехтулинцы бѣжали въ горы и отправили гонцовъ къ аварскому хану, прося помочь въ постигшемъ ихъ горѣ.

11-го іюля подполковникъ Евреиновъ выступилъ изъ Бурной съ баталіономъ Апшеронскаго полка и четырьмя орудіями и 13-го числа прибылъ къ м. Кулецмѣ. Оставшіеся въ селеніи жители, которыхъ было весьма немного, встрѣтили отрядъ въ 10-ти верстахъ и просили простить ихъ. Евреиновъ приказалъ имъ разбросать начатые завалы и, ободривъ ихъ, остановился здѣсь лагеремъ. Къ ушедшимъ въ горы онъ отправилъ приказаніе возвратиться въ се-

[1]) Рап. Сталя Ермолову, отъ 23-го іюля 1823 г., № 1403.

[2]) По приказу главнокомандующаго, 15-го апрѣля 1823 г., генералъ-маіоръ Краббе вступилъ въ управленіе Кубинскою провинціею и покоренными областями въ Дагестанѣ.

[3]) Рапортъ генер.-маіора Краббе главнокомандующему, 9-го іюля 1823 г., № 6.

леніе и обѣщалъ прощеніе виновнымъ. Жители селеній Оглы и Гапши тотчасъ же явились съ покорностью, объявили, что пойдутъ на работы въ Бурную, но жаловались на притѣсненія пристава Батырева и его казаковъ [1]). Евреиновъ скоро убѣдился, что въ Мехтулѣ не было никакого возмущенія, и что этимъ словомъ названа дерзкая выходка нѣсколькихъ человѣкъ сел. Оглы противъ пристава и переводчика, «вынужденная собственнымъ ихъ неблагоразуміемъ [2])». Злоупотребленія и невѣжество пристава, неумѣнье соединить ласку со строгостью, лѣность, своекорыстіе и опасеніе, что всѣ эти качества будутъ открыты правительствомъ, были причиною надѣланной тревоги. «Кажется, въ настоящихъ обстоятельствахъ, доносилъ Евреиновъ [3]), весьма нужна не жестокость, но даже нѣкоторое съ нашей стороны снисхожденіе. Это народъ природно-добрый, но несправедливость ожесточаетъ и самые простые нравы».

«Не жалѣю, писалъ Ермоловъ шамхалу [4]), о потерѣ времени, столь нужнаго для работъ въ крѣпости, о трудахъ отряда, особливо артиллеріи, при переходѣ горы Калантай, потому только, что мнѣ открылось многое, бывшее до того времени для меня тайной. Непорядочное управленіе народомъ, злоупотребленія управляющихъ довели, наконецъ, бѣдныхъ мехтулинцевъ до того, что они, потерявъ терпѣніе, рѣшились, оставя свои дома, скитаться въ горахъ и искать чуждаго крова».

Видя всеобщую покорность населенія, подполковникъ Евреиновъ отпустилъ баталіонъ въ Тарки, а самъ отправился на свиданіе съ Верховскимъ, прибывшимъ съ отрядомъ въ Карабудагкентъ. Здѣсь они узнали, что Ахмедъ-ханъ аварскій явился въ Гергебиль, но не болѣе, какъ съ 50-ю всадниками, что онъ приглашалъ андійцевъ соединиться съ нимъ, но они не согласились послѣдовать его совѣтамъ. Тогда аварскій ханъ вошелъ въ сношеніе съ Амалатъ-бекомъ, племянникомъ и личнымъ врагомъ Мехти-шамхала.

Сынъ бойнакскаго владѣльца Шахъ-Абаса, двоюроднаго брата

---

[1]) Рапортъ подполк. Евреинова полковнику Верховскому, 22-го іюля 1823 г., № 66.

[2]) Рапортъ Евреинова генер.-маіору Грекову, 22-го іюля 1823 г., № 65.

[3]) Въ томъ же рапортѣ.

[4]) Въ письмѣ отъ 21-го іюля 1823 г., № 67.

шамхала тарковскаго, Амалатъ-бекъ, мечталъ о возвращеніи наслѣдственнаго владѣнія, старался показать себя преданнымъ русскому правительству, но когда увидалъ, что шамхалъ пользуется особымъ покровительствомъ главнокомандующаго, то рѣшился измѣнить и перейти на сторону аварскаго хана. Въ то время, когда отрядъ полковника Верховскаго возвращался обратно въ Кусары, Амалатъ-бекъ находился при войскахъ. Въ 7 часовъ утра 19-го іюля отрядъ выступилъ въ походъ, и полковникъ Верховскій уѣхалъ впередъ версты на двѣ. Его сопровождали: штабъ-лекарь Апшеронскаго полка Амарантовъ и переводчикъ; а шагахъ въ пяти сзади ѣхалъ Амалатъ-бекъ съ двумя своими нукерами. На пути, между селеніями Губденъ и Атемишъ, Амалатъ-бекъ, по наущенію аварскаго хана, выстрѣлами изъ трехъ ружей убилъ Верховскаго. Преслѣдовать убійцъ было некому, и Амалатъ бѣжалъ въ Аварію [1]). Принявшій начальство надъ отрядомъ артиллеріи полковникъ Мищенко остановился близъ селенія Кая-Кендъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній [2]).

На другой день послѣ этого происшествія посланные аварскаго хана явились въ Чечнѣ съ извѣстіемъ, что въ Дагестанѣ убитъ первый человѣкъ у русскихъ, всегда бывавшій при главнокомандующемъ. На чеченцевъ извѣстіе это не произвело никакого впечатлѣнія, но подвластные шамхалу, ненавидя своего владѣтеля, волновались и сочувствовали Амалатъ-беку. Опасаясь, чтобы волненіе не распространилось и на мехтулинцевъ, шамхалъ просилъ занять войсками селеніе Параулъ и усмирить его подвластныхъ.

Прибывъ въ селеніе Кая-Кендъ и принявъ начальство надъ отрядомъ, генералъ-маіоръ Краббе вызвалъ къ себѣ изъ Бурной отрядъ Евреинова и, по соединеніи съ нимъ, 29-го іюля выступилъ къ селенію Каранаю. Подходя къ аулу, отрядъ былъ встрѣченъ выстрѣлами, принужденъ брать штурмомъ нѣсколько завало въ, но тѣмъ не менѣе сел. Каранай было въ тотъ же день занято, сожжено и разрушено.

---

[1]) Рапортъ Краббе генералу Ермолову, 22-го іюля 1823 г., № 9. То же маіора Ашеберга, 20-го іюля 1823 г., № 785. Очень краткія свѣдѣнія объ этомъ происшествіи можно найти въ письмахъ съ Кавказа И. Радожицкаго. Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. 1874 г., книга II-я.

[2]) Въ отрядѣ этомъ находились: 1 баталіонъ Апшеронскаго полка, двѣ роты Куринскаго полка, три орудія и нѣсколько человѣкъ татарской конницы.

Въ 5 часовъ утра 30-го іюля Краббе двинулся къ сел. Эрпери. По высотамъ, къ сторонѣ Койсубу, видны были толпы жителей, слѣдившія за движеніемъ отряда, но непредпринимавшія непріязненныхъ дѣйствій. Находившійся при отрядѣ шамхалъ увѣрялъ Краббе, что собравшіеся на горахъ пришли просить пощады и прощенія и что они не намѣрены драться съ русскими войсками. Краббе обѣщалъ исходатайствовать прощеніе, если населеніе возвратится въ свои дома, а въ противномъ случаѣ грозилъ сжечь и разрушить селеніе Эрпери. Горцы отвѣчали, что они явятся съ покорностью тогда, когда русскія войска оставятъ ихъ владѣнія; теперь же этого сдѣлать не могутъ, потому что койсубулинцы и другія племена, обѣщавшія защищать ихъ, разорятъ ихъ дома. Скоро оказалось, что ни эрперинцы, ни каранайцы не думали о покорности, а ожидали прибытія койсубулинцевъ и другихъ племенъ Дагестана. Краббе приказалъ зажечь Эрпери, и едва только наши стрѣлки стали подходить къ селенію, какъ были встрѣчены самымъ сильнымъ огнемъ. Послѣ восьмичасоваго упорнаго боя, Эрпери было взято штурмомъ и разрушено. Въ защитѣ его принимали участіе унцукульцы, гимринцы, черкеевцы и жители селенія Ишкарты. Во время сраженія шамхалъ оставался внѣ выстрѣловъ и былъ празднымъ зрителемъ совершавшихся событій [1]).

«Хотя и жаль трудовъ храбрыхъ воиновъ нашихъ, писалъ Ермоловъ Краббе [2]), въ пользу шамхала, который народомъ управлять не умѣетъ, намъ не содѣйствуетъ и еще робостью своею можетъ ободрить непріятелей своихъ, но необходимо было скорое наказаніе бунтующихъ, дабы не послѣдовали примѣру ихъ другіе».

Изъ Эрпери генералъ-маіоръ Краббе отошелъ къ Темиръ-ханъ-Шурѣ и въ 3 часа утра 31-го іюля расположился лагеремъ на лѣвомъ берегу р. Эрпери-озень.

Отъѣзжая въ г. Кубу и поручивъ командованіе отрядомъ подполковнику Евреинову, генералъ-маіоръ Краббе доносилъ, что, для удержанія въ страхѣ койсубулинцевъ и другихъ племенъ Дагестана,

---

[1]) Рапортъ Краббе Ермолову, 1-го августа 1823 г., № 22. Въ запискахъ Ермолова ошибочно напечатано, что сраженія у Эрпери и Караная происходили 29-го и 30-го іюня.

[2]) Въ предписаніи отъ 12-го августа 1823 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 33.

необходимо учредить постоянный постъ въ Темиръ-ханъ-Шурѣ. Главнокомандующій вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе, и хотя около этого времени было получено извѣстіе, что Ахмедъ-ханъ аварскій 30-го іюля умеръ, но Ермоловъ зналъ, что и со смертью его недостатка въ возмутителяхъ не будетъ. Амалатъ-бекъ и сынъ Хасанъ-хана дженгутайскаго были послѣдователями умершаго аварскаго хана. Первый, по враждѣ къ шамхалу и при желаніи народа избавиться отъ его правленія, имѣлъ многихъ сторонниковъ, а второй въ глазахъ дженгутайцевъ былъ законный наслѣдникъ Хасанъ-хана. А. П. Ермоловъ поручилъ генералъ-маіору Краббе зорко слѣдить за этими лицами и быть готовымъ на всякаго рода случайности. Предположенія главнокомандующаго вполнѣ оправдались.

Поселившись въ Унцукулѣ, Амалатъ-бекъ формировалъ тамъ свои силы, дѣлилъ ихъ на сотни и старался ввести нѣкоторый порядокъ [1]). Находясь долгое время при русскихъ начальникахъ, онъ зналъ о малочисленности нашихъ войскъ въ Мехтулинскомъ округѣ и его окрестностяхъ, возмущалъ подвластныхъ шамхала и обѣщалъ, заступивъ его мѣсто, избавить населеніе отъ налоговъ и отъ власти русскихъ. По наущенію Амалатъ-бека, дженгутайцы убили ненавистнаго имъ пристава, прапорщика Батырева, и, собравшись въ значительномъ числѣ, подошли къ Таркамъ. Жители селеній Параула, Шуре, Дургали и другихъ присоединились къ возмутившимся, и для ихъ усмиренія Мехти-шамхалъ не могъ собрать даже и 200 человѣкъ себѣ преданныхъ. Находившійся въ Мехтулинскомъ округѣ, въ селеніи Параулѣ, отрядъ Евреинова состоялъ всего изъ 1,300 человѣкъ пѣхоты, и для доставленія продовольствія этому отряду былъ высланъ изъ крѣпости Бурной транспортъ подъ прикрытіемъ роты Апшеронскаго полка. Дойдя до селенія Каферъ-Кумыкъ, транспортъ былъ окруженъ толпою возмутившихся болѣе 2,000 человѣкъ. Командиръ роты, капитанъ Овечкинъ, знаменитый защитникъ Чирага, построилъ изъ повозокъ каре и рѣшился защищаться до послѣдняго. Окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, онъ не могъ никому дать знать о своемъ положеніи, но подполковникъ Евреиновъ, видя, что транспортъ долго не прибываетъ, и предполагая, что онъ задержанъ, по-

[1]) Рапортъ Краббе Ермолову, 6-го сентября 1823 г., № 40.

шелъ ему на встрѣчу. Съ прибытіемъ Евреинова, горцы лишились надежды овладѣть транспортомъ, разсѣялись въ разныя стороны, но не переставали тревожить отрядъ и вели перестрѣлку до самаго вечера. Остановившись на равнинѣ у сел. Каферъ-Кумыка, подполковникъ Евреиновъ устроилъ каре изъ повозокъ и расположился на ночлегъ. Горцы заняли окрестныя высоты, окопались и собрались въ числѣ до 10,000 человѣкъ.

Въ 2 часа утра 14-го августа они всѣми силами спустились съ горъ и атаковали нашъ отрядъ, но, встрѣченные картечью, были отбиты. Первая неудача не остановила непріятеля, и атаки повторялись безпрерывно до 8 часовъ утра, когда совершенно разсвѣло и Евреиновъ самъ перешелъ въ наступленіе, выгналъ непріятеля изъ селенія, взялъ нѣкоторые завалы и утвердился на командующихъ высотахъ. «По окончаніи сраженія, доносилъ онъ, я приказалъ тотчасъ повѣсить четырехъ плѣнныхъ койсубулинцевъ и не позволилъ хоронить ихъ убитыхъ безъ особаго приказанія». Оставивъ на мѣстѣ до 300 тѣлъ и пытаясь, по обычаю, взять ихъ съ поля сраженія, горцы въ теченіе цѣлаго дня вели самую ожесточенную перестрѣлку. На слѣдующее утро, 15-го августа, подошли къ отряду двѣ роты Апшеронскаго и двѣ роты Куринскаго полковъ, конвоировавшія транспортъ съ боевыми припасами, отправленными въ отрядъ Евреинова. Съ прибытіемъ ихъ, горцы скрылись въ ущельяхъ, и когда на слѣдующій день Евреиновъ двинулся къ Параулу, то мехтулинцы явились просить помилованія [1]).

Не обѣщая исполнить ихъ просьбы, Евреиновъ потребовалъ аманатовъ и передалъ ихъ, 26-го августа, прибывшему въ Параулъ генералъ-маіору Краббе, а самъ отправился въ Тарки. Теперь, когда, послѣ понесенныхъ пораженій и потерь, мехтулинцы сами искали покорности, Мехти-шамхалъ сталъ ихъ подговаривать, чтобы они просили не назначать къ нимъ русскаго пристава, а отдать въ управленіе шамхала. «Поведеніе шамхала, доносилъ Краббе [2]), требуетъ объясненія. Въ минувшія безпокойства онъ много виноватъ, подавъ трусостью своею дурной примѣръ подвластнымъ, которые, видя оную,

[1]) Всеподд. рапортъ Ермолова, 12-го сентября 1823 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 203.

[2]) Ермолову, отъ 26-го августа 1823 г., № 35.

питая къ нему ненависть и, судя по его страху о могуществѣ непріятеля, безъ всякаго отлагательства и охотно пристали и содѣйствовали противной сторонѣ. Между тѣмъ, онъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій, заступается за многія деревни, доказывая ихъ невинность, дабы показать передъ народомъ, что онъ имъ покровительствуетъ, желая черезъ то не быть предметомъ мести за наказаніе, опредѣляемое правительствомъ».

«Онъ слабъ до того, писалъ Краббе въ другомъ донесеніи [1]), что, желая оказать всякому заступленіе, сдѣлался покровителемъ всѣхъ мошенниковъ, кои всегдашними его врагами были и останутся, и, не видя собственнаго своего черезъ такое поведеніе вреда, ревностно защищаетъ ихъ; увѣряя въ вѣрности ихъ и преданности правительству».

Населеніе видѣло въ шамхалѣ человѣка слабаго, корыстолюбиваго и жаднаго. Подвластные шамхалу неохотно повиновались ему, и жители селеній Эрпери, Караная, Ишкарты и другихъ раздѣлились на двѣ партіи, изъ коихъ одна, состоявшая изъ людей зажиточныхъ, желала тишины и покоя, а другая—изъ людей бѣдныхъ и бездомныхъ, требовала сохраненія данной присяги поддержать Амалатъ-бека. Унцукульцы также раздѣлились на двѣ стороны: одна требовала удаленія Амалата, а другая старалась ему покровительствовать. Партія противниковъ восторжествовала, и Амалатъ принужденъ былъ удалиться въ Андію. Горцы постановили не просить прощенія у русскихъ, но оставаться спокойными; въ случаѣ же нападенія защищаться всѣми силами.

Въ Аваріи было тихо, и вдова умершаго просила утвердить ханомъ ея сына, но Ермоловъ назначилъ ханомъ Сурхая, сына Гебекова. Семейству умершаго Ахмедъ-хана было объявлено, что оно тогда только можетъ воспользоваться покровительствомъ русскаго правительства, когда выѣдетъ изъ Аваріи. Предвидя, что вдова на это не согласится и что при перемѣнѣ правленія могутъ произойти безпорядки, главнокомандующій самъ отправился изъ Тифлиса на линію и приказалъ перейти изъ Кабарды въ Тарки 1-му баталіону Ширванскаго полка съ четырьмя орудіями.

---

[1]) Въ рапортѣ Ермолову, отъ 6-го сентября 1823 г., № 40

Не смотря на то, что баталіонъ этотъ былъ весьма нуженъ въ Кабардѣ, Алексѣй Петровичъ долженъ былъ рѣшиться на эту мѣру въ виду серьезнаго положенія и недостатка войскъ въ Дагестанѣ. Во второй половинѣ 1823 года, въ войскахъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, съ прикомандированными къ нему частями, былъ некомплектъ болѣе чѣмъ въ 16,000 человѣкъ [1]), причемъ наличное число

[1]) При инспекторскихъ смотрахъ, произведенныхъ въ концѣ октября и началѣ ноября, численный составъ корпуса былъ слѣдующій:

	Состояло на лицо.		Не доставало до комплекта.	
	строев.	нестроев.	строев.	нестроев.
Кавказской гренадерской бригады.				
Въ Херсонскомъ полку . . .	2990	303	949	27
» Грузинскомъ	2802	286	1098	47
» 7-мъ карабинерномъ полку.	3115	313	785	31
Итого въ бригадѣ.	8907	902	2832	105
21-й пѣхотной дивизіи.				
Въ Апшеронскомъ полку . .	3053	221	900	4
» Куринскомъ » . .	2952	192	1017	32
» Тифлисскомъ » . . .	3291	268	653	2
» 3-мъ Ширванскомъ батал.	1018	138	318	—
» 41-мъ егерскомъ полку .	2884	288	1066	8
» 42-мъ » » .	2991	212	936	21
Итого въ дивизіи.	16189	1319	4890	67
22-й пѣхотной дивизіи.				
Въ Тенгинскомъ полку . . .	3045	215	949	12
» Навагинскомъ » . . .	3287	221	644	5
» Кабардинскомъ » . . .	3234	221	741	16
» Мингрельскомъ » . . .	2344	210	1602	17
» 43-мъ егерскомъ полку .	2850	213	1139	13
» 44-мъ » » .	2268	187	1685	43
Итого въ дивизіи.	17028	1267	6760	106
Въ Нижегородскомъ драгунск. п.	1151	152	245	54
» гарнизонныхъ баталіонахъ .	3603	259	1159	26
» инвалидныхъ ротахъ . .	268	8	62	2
» рабочихъ ротахъ	434	6	63	4
Итого . . .	5456	425	1529	86
Всего во всемъ корпусѣ.	47580	3913	16011	364
	51493		16375	

Примѣчаніе. 1-й и 2-й баталіоны Ширванскаго полка осмотрѣны не были, такъ какъ находились въ походѣ.

людей въ дѣйствующихъ полкахъ доходило до 48,500 человѣкъ. Цифра эта была слишкомъ недостаточна для обороны столь обширнаго края, и главнокомандующій просилъ объ укомплектованіи его корпуса. Военное министерство отправило на Кавказъ изъ 1-й арміи всѣ восьмыя роты изъ 3-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ [1]), но такъ

[1]) По мѣрѣ прибытія, роты эти поступали на укомплектованіе слѣдующихъ частей: 3-го пѣхотнаго корпуса, *7-й пѣхотной дивизіи*, роты Муромскаго и Нижегородскаго п.—въ Тенгинскій, Низовскаго и Симбирскаго—въ Навагинскій, 13-го и 14-го егерскихъ—въ 43-й егерскій; *8-й пѣхотной дивизіи:* Троицкаго и Пензенскаго п.—въ Тифлисскій, Тамбовскаго—въ 42-й егерскій, Саратовскаго — въ артиллерію, 15-го и 16-го егерскихъ — въ 41-й егерскій; *9-й пѣхотной дивизіи:* Черниговскаво и Полтавскаго—въ Кабардинскій, Алексопольскаго и Кременчугскаго—въ Ширванскій, 17-го егерскаго—въ 43-й егерскій, 18-го егерскаго—въ 44-й егерскій; 5-го пѣхотнаго корпуса, *13-й пѣхотной дивизіи:* Владимірскаго и Суздальскаго—въ Херсонскій гренадерскій, Углицкаго и Ярославскаго—въ Грузинскій гренадерскій, 25-го и 26-го егерскихъ—въ 7-й карабинерный; *14-й пѣхотной дивизіи:* Московскаго, Бутырскаго и Бородинскаго—въ Мингрельскій, Тарутинскаго—полъ-роты въ Мингрельскій и полъ-роты въ 44-й егерскій, 27-го егерскаго—полъ-роты въ 41-й и полъ-роты—въ 42-й егерскіе; 28-го егерскаго—въ 42-й егерскій; *15-й пѣхотной дивизіи:* Рязанскаго и Ряжскаго—въ Куринскій, Бѣлевскаго и Тульскаго—въ Апшеронскій, 29-го и 30-го егерскихъ—въ 44-й егерскій. Общая численность 36-ти ротъ, присланныхъ на укомплектованіе, состояла изъ 9,000 человѣкъ строевыхъ и 228 человѣкъ нестроевыхъ, слѣдовательно некомплектъ дѣйствующихъ полковъ не пополнялся вполнѣ и съ прибытіемъ этихъ ротъ.

Къ этому надобно прибавить, что роты эти пришли въ ужасномъ состояніи. «Главнокомандующимъ 1-ю арміею, доносилъ Ермоловъ Императору Александру, строго предписано было, пополнивъ въ ротахъ недостающее число людей и не дѣлая никакихъ перемѣнъ въ оныхъ, отправить ихъ въ настоящемъ ихъ составѣ. Имѣвши случай осмотрѣть нѣкоторыя изъ ротъ лично и увидѣвъ, сколько небрежно исполнено строгое его приказаніе, собралъ я обстоятельное свѣдѣніе о всѣхъ ротахъ на укомплектованіе поступившихъ. В. И. В. всеподданнѣйше осмѣливаюсь представить вѣдомость, въ коей означено число людей изъ прежняго состава ротъ, въ полкахъ оставленныхъ, которые замѣщены на выборъ самыми худшими. Количество таковыхъ въ нѣкоторыхъ ротахъ простирается до числа неимовѣрнаго. Даны во множествѣ люди къ службѣ неспособные; перемѣнены хорошіе унтеръ-офицеры. Во многихъ изъ ротъ собраны люди штрафованные и неблагонадежные, какъ будто приличнѣйшее ихъ употребленіе на границѣ. Вижу слѣдствія подобнаго укомплектованія войскъ и ту тяжкую отвѣтственность, которой подвергнусь я необходимо. Уже начались побѣги необыкновенные, и не

какъ онѣ могли прибыть лишь къ концу года, то Ермоловъ приказалъ баталіону Херсонскаго гренадерскаго полка съ двумя горными орудіями передвинуться изъ Грузіи во Владикавказъ. Присоединивъ къ нему баталіонъ Ширванскаго полка, пришедшій изъ Кабарды, сотню линейныхъ казаковъ, шесть орудій, и, принявъ надъ ними начальство, Алексѣй Петровичъ, 20-го сентября, двинулся по рѣкѣ Сунжѣ, чтобы лично осмотрѣть мѣста вновь учрежденной линіи. 23-го сентября главнокомандующій прибылъ въ крѣпость Грозную, гдѣ узналъ, что Абдула-бекъ эрсинскій возмущалъ народъ въ Табасарани и производилъ разбои, а Ханъ-Мамадъ, сынъ бывшаго уцмія, дѣлалъ то же самое въ вольномъ Каракайтагѣ. Для обузданія ихъ главнокомандующій приказалъ отправить въ Дербентъ двѣ роты 41-го егерскаго полка, расположенныя близъ старой Шемахи, а самъ, 25-го сентября, выступилъ изъ Грозной и черезъ Внезапную, укрѣпленія Амиръ-Аджи-юртъ и Кази-юртъ, 3-го октября, прибылъ въ крѣпость Бурную. Отсюда Ермоловъ двинулся въ Мехтулинскій округъ и расположился въ селеніи Казанищи.

Въ Казанищи явился къ Ермолову сынъ умершаго мехтулинскаго владѣльца Хасанъ-хана и просилъ прощенія. Главнокомандующій привелъ его къ присягѣ на вѣрность и возвратилъ селенія, бывшія въ управленіи отца его. Утвердивъ наибомъ гор. Башлы Эмиръ-Гамзу-бека, Алексѣй Петровичъ предоставилъ селеніе Янги-Кендъ въ пользованіе семейства умершаго уцмія.

«Мнѣ весьма пріятно было видѣть, писалъ Императоръ Александръ Ермолову [1]), счастливое во всѣхъ отношеніяхъ окончаніе предпріятія вашего къ возстановленію спокойствія, нарушеннаго въ томъ краю мятежествующими горскими народами; но особенную мою благодарность заслуживаютъ благоразумныя мѣры кротости, принятыя вами для достиженія сей цѣли. Онѣ совершенно соотвѣтствуютъ намѣреніямъ моимъ: *почитая жителей Дагестана вмѣстѣ и обитателями части Россійской Имперіи,* я всегда съ крайнимъ сожалѣніемъ принималъ извѣстія объ употребленіи силы оружія къ

одни удаляются люди для службы безполезные, но они рождаютъ развратъ между воинами храбрыми» (Всеподд. рапортъ Ермолова, отъ 26-го августа 1824 г.).

[1]) Въ рескриптѣ, отъ 15 го февраля 1824 г.

обузданію ихъ своеволія; тѣмъ болѣе остаюсь довольнымъ настоящимъ укрощеніемъ ихъ, безъ всякаго кровопролитія въ дѣйствіе приведеннымъ».

Оставаясь нѣкоторое время въ Казанищахъ, Ермоловъ узналъ, что въ Дагестанѣ возникаетъ новое религіозное ученіе, извѣстное впослѣдствіи подъ именемъ *мюридизма*, сплотившаго горцевъ въ одно цѣлое, сообщившаго имъ единство и цѣль дѣйствій.

Началомъ мюридизма послужило проповѣдываніе народу неизвѣстной ему дотолѣ части корана. Послѣдній состоитъ изъ трехъ частей: *шаріата*, т. е. изрѣченій Магомета, имѣющихъ для его послѣдователей силу закона, *тариката*—изложеніе дѣйствій и поступковъ пророка, достойныхъ подражанія для каждаго правовѣрнаго, и *хякиката*—видѣній и вѣрованій пророка.—«Такимъ образомъ, шаріатъ есть слово, тарикатъ—дѣло, хякикатъ—мысль, идея».

Сущность первоначальнаго тариката, возникшаго у горцевъ, заключалась въ постоянной молитвѣ, т. е. воспоминаніи Бога. Всякій слѣдующій тарикату обязанъ былъ прежде всего повиноваться «ниспосланной книгѣ» и послѣдовать пророку: искренно раскаяться въ грѣхахъ, удовлетворить обиженныхъ, просить у нихъ прощенія, стараться удалять себя отъ всего противнаго Богу и украшаться хорошими и похвальными поступками. Истинный послѣдователь тариката долженъ отказаться отъ лишней ѣды, лишняго сна и разговора, не ѣсть ничего непозволительнаго, «постоянно нуждаться въ Богѣ, съ полнымъ самоуниженіемъ прибѣгать къ нему во всѣхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ, извергнуть изъ себя страсть къ сему обманчивому дому (вещественному міру) и быть довольнымъ судьбою».

Эти основы религіи повидимому несовмѣстимы съ враждою и злобою къ кому бы то ни было, а тѣмъ болѣе не могли допускать пролитія крови, но въ рукахъ ловкихъ проповѣдниковъ среди горцевъ ученіе о тарикатѣ пріобрѣло иное значеніе. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ на Кавказѣ было два послѣдователя и учителя тариката: эфендій Гаджи-Измаилъ, проживавшій въ Ширванскомъ ханствѣ въ с. Кюрдомирѣ, и мулла Магометъ—въ селеніи Ярагѣ или Ярагларѣ, въ ханствѣ Кюринскомъ. Незнакомые между собою, они изучали коранъ отдѣльно, толковали его каждый по-своему и имѣли своихъ послѣдователей. Одинъ изъ общихъ ихъ учениковъ, Хасъ-

Магометъ, познакомилъ двухъ проповѣдниковъ и свелъ ихъ. На первомъ же совѣщаніи, происходившемъ въ селеніи Кюрдомирѣ въ 1823 году, оба проповѣдника пришли къ убѣжденію о необходимости направлять на путь истинный совратившихся съ него мусульманъ. Рисуя мрачными красками положеніе дагестанскаго населенія, мулла Магометъ говорилъ, что оно имѣетъ смутное и сбивчивое понятіе о религіи, хотя и соблюдаетъ нѣкоторые обряды; что богослуженіе отправляется неправильно и большинство не имѣетъ понятія о шаріатѣ.

Отсюда, по словамъ муллы Магомета, «истекали всѣ заблужденія и всѣ проступки: безстыдство у мужчинъ и женщинъ, развратъ, пьянство, воровство, вѣчная праздность. Гражданской общности и единства не было, политической связи никакой. Хотя во главѣ народа стояли власти—старшины и кадіи, избираемые на годъ, на два и на три, и хотя они рѣшали дѣла по адату (обычаю), но сами были невѣжественны, безсильны и не имѣли никакого нравственнаго вліянія на народъ, потому что оказывались нечужды общихъ пороковъ. Убійства и кровомщенія были въ большомъ ходу; кровь убитаго нерѣдко оплачивалась виновнымъ его родственникамъ одною или двумя шкурками молодаго барашка, и мировая запивалась бузою; словомъ, въ народѣ господствовалъ тотъ безобразный нравственный хаосъ, который нельзя было назвать иначе, какъ полнымъ духовнымъ растлѣніемъ».

Такое нравственное состояніе населенія требовало радикальной перемѣны, и Гаджи-Измаилъ, какъ пользовавшійся наибольшимъ уваженіемъ, благословилъ муллу Магомета на подвигъ, возвелъ его въ званіе старшаго мюршида (учителя) и поручилъ ему приступить къ открытому проповѣданію тариката.

Возвратившись домой, мулла Магометъ тотчасъ же приступилъ къ дѣлу и выказалъ свою дѣятельность многочисленными воззваніями и рѣчами.

«Народъ! говорилъ онъ, вы не магометане, не христіане и не идолопоклонники. Магометане не могутъ быть подъ властью невѣрныхъ... Кто считаетъ себя мусульманиномъ, для того первое дѣло—*газаватъ* (война за вѣру) и потомъ исполненіе шаріата. Для мусульманина исполненіе шаріата безъ газавата не есть спасеніе. Бу-

дучи подъ властью невѣрныхъ, или чьею бы то ни было, всѣ ваши намазы, всѣ урючи, всѣ странствія въ Мекку, вашъ нынѣшній бракъ и всѣ ваши дѣти незаконны».

«Народъ! клянись оставить всѣ грѣхи и впредь ихъ не дѣлать, дни и ночи проводить въ мечети. Молитесь Богу съ усердіемъ, плачьте и просите его, дабы онъ насъ помиловалъ, а когда нужно будетъ вооружиться—о томъ я узнаю по вдохновенію отъ Бога и тогда объявлю вамъ; но до той поры плачьте и молитесь».

Такимъ образомъ, въ основу первой же проповѣди было положено политическое движеніе,—идея освобожденія мусульманъ и борьба съ невѣрными. Это было въ духѣ и желаніи горцевъ, а потому народъ сталъ быстро стекаться къ проповѣднику. Всѣ приходили послушать мюршида и въ его ученіи найти истину, свѣтъ и спасеніе. Слухъ о новомъ ученіи облетѣлъ всѣ углы Дагестана и проникъ даже въ Чечню. Въ Ярагѣ появились муллы, желавшіе посвятить себя изученію новыхъ невѣдомыхъ имъ тайнъ и требованій религіи; они проживали здѣсь цѣлыя недѣли, постились, голодали и не уходили до тѣхъ поръ, пока не получали одобренія Магомета въ томъ, что достойны быть его послѣдователями. Большинство, конечно, не понимало сущности новаго ученія, но слово газаватъ приходилось всѣмъ по душѣ, и населеніе Кюринскаго и Казикумухскаго ханствъ разгуливало по селеніямъ съ деревянными шашками и, ударяя ими по скаламъ и саклямъ, наивно кричало: *газаватъ, газаватъ!*

Первое приложеніе словъ къ дѣлу проявилось у мехтулинцевъ, желавшихъ избавиться отъ русской власти. Въ началѣ августа они, какъ мы видѣли, убили нашего пристава и взялись за оружіе, но личное прибытіе Ермолова въ Дагестанъ прекратило волненіе.

Имѣя нѣкоторыя свѣдѣнія о возникающемъ ученіи и опасаясь возможныхъ отъ того волненій, главнокомандующій для противодѣйствія проповѣдникамъ рѣшился противопоставить имъ араканскаго кадія Сеидъ-эфенди, пользовавшагося величайшимъ уваженіемъ и довѣріемъ горцевъ. Въ селеніи Казанищахъ Ермоловъ имѣлъ тайное свиданіе съ Сеидомъ, нашелъ въ немъ человѣка здравомыслящаго и желающаго спокойствія. Получивъ отъ него обѣщаніе служить нашимъ интересамъ, главнокомандующій назначилъ ему жалованье и

впослѣдствіи не имѣлъ причины сожалѣть объ этомъ. Пользуясь огромнымъ вліяніемъ среди акушинцевъ и другихъ ближайшихъ народовъ, Сеидъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ противовѣсомъ для разныхъ лжеучителей и другихъ религіозныхъ проповѣдниковъ Дагестана, вредныхъ русскому господству въ краѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ свиданія съ Сеидомъ, Ермоловъ, пріѣхавъ въ Кубу, потребовалъ къ себѣ Асланъ-хана кюринско-казикумухскаго и приказалъ принять мѣры къ прекращенію религіозныхъ волненій въ его владѣніяхъ. Асланъ призвалъ къ себѣ муллу Магомета съ его ближайшими послѣдователями и потребовалъ, чтобы тотъ разъяснилъ ему сущность своего ученія и дѣйствій. Повинуясь своему хану, Магометъ разсказалъ въ чемъ дѣло и старался оправдать большинство своихъ учениковъ безсознательностью ихъ поступковъ.

— Они въ изступленіи, говорилъ онъ, и невинны въ своихъ дѣйствіяхъ, потому что не понимаютъ, что дѣлаютъ; *но эти дѣйствія ясно показываютъ, что должно всѣмъ дѣлать.*

Эта послѣдняя фраза была многознаменательна для самого Аслана, котораго Магометъ упрекалъ въ неисполненіи шаріата. Возмущенный ханъ далъ ему публично пощечину, но на другой день опомнился, извинился, одарилъ обиженнаго и вступилъ съ нимъ въ религіозную бесѣду. Мулла Магометъ понялъ свое нравственное превосходство надъ ханомъ и старался окончательно убѣдить его своимъ краснорѣчіемъ. Послѣ продолжительной бесѣды дѣло кончилось тѣмъ, что Асланъ перешелъ на сторону новаго ученія и согласился съ проповѣдникомъ, что война противъ невѣрныхъ законна и необходима. Чтобы до времени прикрыть свою измѣну, Асланъ-ханъ просилъ быть осторожнѣе и оставить въ покоѣ Кюру и Казикумухъ. Просьба эта оказалась несвоевременною, потому что кромѣ Магомета появился уже новый и впослѣдствіи знаменитый проповѣдникъ тариката—Джемалъ-эдинъ-Гусейнъ казикумухскій.

Бывшій письмоводитель Асланъ-хана, Джемалъ-эдинъ, при первыхъ слухахъ о новомъ ученіи, оставилъ хана, присоединился къ Магомету и принялъ отъ него тарикатъ. Вслѣдъ затѣмъ въ числѣ послѣдователей ярагскаго проповѣдника явились уже политическіе дѣятели: Кази-мулла, Гамзатъ-бекъ и наконецъ Шамиль. Пропаганда о новомъ ученіи распространялась все шире и шире и пустила глу-

бокіе корни въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Этому много способствовали также внушенія персидскихъ и турецкихъ агентовъ, возбуждавшихъ населеніе къ возстанію и увѣрявшихъ, что при первомъ поднятіи оружія противъ русскихъ ихъ державы окажутъ магометанскому населенію скорую и дѣйствительную помощь. Не довѣряя вполнѣ этимъ обѣщаніямъ, многія племена соглашались слѣдовать шаріату, но отказывались отъ газавата, сознавая свое безсиліе. Магометъ не насиловалъ ихъ и, требуя только строгаго исполненія шаріата, предоставлялъ будущему вооруженное возстаніе.

— Вы можете, говорилъ онъ, повиноваться и давать русскимъ аманатовъ до тѣхъ поръ, пока они сильнѣе васъ; но наступитъ время, когда кто-либо изъ сильныхъ владыкъ Востока, во славу корана, покоритъ русскихъ,—и вы тогда должны возстать противъ нихъ и объявить газаватъ. До тѣхъ же поръ повинуйтесь имъ.

Магометъ хорошо понималъ, что прежде всего необходимо сплотить населеніе во имя религіи и подготовить его такъ, чтобы оно явилось послушнымъ орудіемъ въ рукахъ духовенства. Въ концѣ 1824 года Магометъ посвятилъ Джемалъ-эдина въ званіе мюршида и велѣлъ ему распространять ученіе. Ермоловъ скоро увидѣлъ, что ученіе это небезопасно для русской власти, и приказалъ арестовать Магомета. Асланъ-ханъ хотя и исполнилъ приказаніе главнокомандующаго, но далъ возможность Магомету бѣжать въ вольную Табасарань, а Джемалъ-эдинъ самъ бѣжалъ въ Цудахаръ. Оба они не оставили своей миссіи, но, не смотря на быстрое распространеніе новаго ученія, горцы усвоили себѣ значеніе его не ранѣе 1829 года. Въ описываемую же нами эпоху оно было еще въ зародышѣ и, какъ увидимъ, лишь въ слабой степени проявилось въ Чечнѣ, какъ политическій двигатель.

XXII.

Волненіе въ Абхазіи.—Нападеніе мятежниковъ на с. Соуксу.—Экспедиція кн. Горчакова въ Абхазію.—Взятіе завалоръ у сел. Схаби.—Занятіе Сухума.—Положеніе Кабарды.—Экспедиціи полковника Коцарева за Кубань.—Характеристика ихъ.—Сношенія Ермолова съ анапскимъ пашою.—Происшествія въ Чечнѣ.—Появленіе имама.—Нападеніе чеченцевъ на Амиръ-Аджи-юртъ и Герзель-аулъ.—Убійство генераловъ Лисаневича и Грекова.—Мѣры, принятыя Ермоловымъ къ умиротворенію края.

Неповиновеніе цебельдинцевъ, ихъ грабежи и разбои заставили владѣтельнаго князя Абхазіи прибѣгнуть къ силѣ, и одинъ изъ князей Моршаніевыхъ былъ арестованъ. Мѣра эта произвела сильное впечатлѣніе на населеніе, и абхазцы волновались. Подстрекаемые Арсланъ-беемъ, желавшимъ захватить власть въ свои руки, и турками, лишившимися выгодной для нихъ торговли людьми, абхазцы не повиновались князю Михаилу и производили грабежи у самаго Сухума. Для наказанія ближайшихъ къ крѣпости селеній начальникъ гарнизона, подполковникъ Михинъ, произвелъ нападеніе на одно изъ селеній и разорилъ его, но при возвращеніи наткнулся въ лѣсу на непріятельскую засаду и во время перестрѣлки былъ убитъ. Отрядъ возвратился въ Сухумъ съ потерею начальника и 42 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Это ободрило абхазцевъ и въ особенности Арсланъ-бея. Пользуясь юностью владѣтеля, имѣвшаго всего 16 лѣтъ, и неудовольствіемъ народа на управленіе матери его, «женщины весьма глупой, со всѣми недостатками упорнаго невѣжества», Арсланъ-бей, подговаривалъ абхазцевъ не повиноваться князю Михаилу и отложиться отъ власти Россіи.

7-го іюня 1824 года владѣтельный князь Абхазіи увѣдомилъ находившагося съ отрядомъ въ Соуксу, Мингрельскаго полка штабсъ-капитана Марачевскаго, о всеобщемъ возстаніи абхазцевъ противъ русскаго правительства и о намѣреніи ихъ истребить русскій отрядъ, назначенный для личной его охраны. Отправивъ въ Сухумъ мать свою, кн. Тамару, Михаилъ остался самъ въ Соуксу, но переселился

ъ укрѣпленіе, защищаемое 300 человѣкъ съ тремя орудіями. Стараясь обезпечить гарнизонъ водою, дровами и кукурузою, штабсъ-капитанъ Марачевскій занялся въ то же время истребленіемъ лежавшихъ возлѣ укрѣпленія сакель и духановъ. 7-го іюня всю эту работу онъ производилъ безпрепятственно, но на слѣдующій день съ девяти часовъ утра подошедшіе мятежники открыли огонь по укрѣпленію и поддерживали его безпрерывно по 18-е іюня. Не отваживаясь штурмовать укрѣпленіе, абхазцы пытались отвести рѣчку и, занявъ въ недальнемъ разстояніи бывшій каменный монастырь, устроили въ немъ бойницы и открыли огонь по внутренности укрѣпленія. Удачными дѣйствіями шестифунтоваго орудія, 16-го іюня была сбита крыша монастыря и разрушена часть бойницъ. Въ семь часовъ утра 18-го числа Марачевскій выслалъ изъ укрѣпленія команду въ 36 человѣкъ, подъ начальствомъ подпоручика Земцова, который штыками выбилъ непріятеля изъ монастыря. Абхазцы расположились вокругъ укрѣпленія и препятствовали намъ брать воду. Марачевскій просилъ сухумскаго коменданта прислать къ берегу судно, дабы отвлечь вниманіе непріятеля отъ его укрѣпленія. 29-го іюня судно было прислано, и абхазцы, не зная причины и цѣли его прибытія, дѣйствительно бросились къ берегу. Пользуясь этимъ, Марачевскій запасся водою на продолжительное время и могъ спокойно защищаться до прибытія помощи[1]).

Получивъ извѣстіе о возмущеніи въ Абхазіи и зная, что гарнизоны въ Сухумѣ и Соуксу обезпечены продовольствіемъ по 9-е августа, правитель Имеретіи, князь П. Д. Горчаковъ, не опасался за ихъ участь, но, доносилъ онъ[2]), «но основательнымъ свѣдѣніямъ о народѣ и мѣстоположеніи, честь имѣю доложить, что мы рѣшительно Абхазіи не успокоимъ, доколѣ не получимъ средствъ занять Г. и пресѣчь моремъ сообщеніе съ турками». Ермоловъ вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе и потому приказалъ князю Горчакову слѣдовать немедленно въ Абхазію, и, *не занимаясь наказаніемъ мятежниковъ, ограничиться однимъ присоединеніемъ расположеннаго въ Соуксу отряда.* Отрядъ этотъ главнокомандующій приказалъ

[1]) Рапортъ Марачевскаго кн. Горчакову, 27-го іюля 1824 г., № 199.
[2]) Ермолову, отъ 12-го іюня 1824 г., № 878.

перевести въ Сухумъ, куда долженъ былъ переѣхать и владѣтель впредь до возстановленія его власти и спокойствія въ Абхазіи. При этомъ, усмотрѣнію князя Горчакова предоставлялось произвести эту экспедицію или сухимъ путемъ, или моремъ и въ послѣднемъ случаѣ требовать транспортныя суда, приходящія изъ Россіи въ Сухумъ съ провіантомъ.

«Абхазію во власти нашей удерживать необходимо, писалъ Ермоловъ [1]), или оставленіе ея произведетъ вредное впечатлѣніе въ умахъ здѣшнихъ народовъ. Вселятся по-прежнему турки; и если Анапа, будучи въ рукахъ ихъ, была причиною многихъ доселѣ безпокойствъ, тогда будетъ еще удобнѣе производить оныя, ибо горцамъ ничто не воспрепятствуетъ имъ содѣйствовать. Христіане же первые подвергнутся истребленію. Если не само турецкое правительство воспользуется оставленіемъ (нами) Абхазіи, то своевольные паши ближайшихъ провинцій не упустятъ онаго, ибо начнется выгодный торгъ невольниками, и Абхазія возобновитъ прежнее снабженіе гаремовъ вельможей, можно сказать подъ глазами нашими».

Главнокомандующій просилъ прислать моремъ въ Сухумъ два баталіона, безъ содѣйствія которыхъ не признавалъ возможнымъ усмирить Абхазію, и долженъ былъ пока ограничиться одною выручкою гарнизона въ Соуксу.

Сосредоточивъ въ Редутъ-кале 1,400 человѣкъ пѣхоты изъ полковъ Мингрельскаго и 44-го егерскаго, князь Горчаковъ 1-го іюля выступилъ въ Абхазію и съ неимовѣрными затрудненіями едва 8-го числа дошелъ до рѣки Кодора. Отъ проливныхъ дождей многія рѣки вышли изъ береговъ, ручьи обратились въ стремительные потоки, и отрядъ отъ одного ручья до другаго долженъ былъ тянуть волокомъ каюки (особый родъ лодокъ), необходимые для устройства паромовъ. Предполагая, что и р. Кодоръ точно также вышла изъ береговъ, кн. Горчаковъ приказалъ слѣдовавшимъ за отрядомъ бригу «Орфею» и фрегату «Спѣшному» находиться подъ парусами и не терять изъ вида отряда, чтобы, въ случаѣ нужды, огнемъ своей артиллеріи и гребными судами содѣйствовать переправѣ черезъ р. Кодоръ. Къ счастью, перемѣнившаяся погода дозволила найти бродъ и перепра-

[1]) Начальнику главнаго штаба, отъ 1-го іюля 1824 г., № 15.

виться черезъ рѣку у селенія Схаби. Цебельдинцы въ числѣ 150 человѣкъ засѣли въ каменной церкви съ намѣреніемъ остановить переправу, но потомъ отступили безъ боя къ устроеннымъ на берегу заваламъ.

Давъ отряду дневку, князь Горчаковъ, 9-го іюля, сѣлъ на бригъ «Орфей» и отправился вдоль берега осмотрѣть непріятельскія силы и укрѣпленія. Благопріятная погода дозволила подойти близко къ берегу и открыть огонь по заваламъ, за которыми собрались абхазцы и черкесы, пришедшіе къ нимъ на помощь, всего до 3,000 человѣкъ.

Въ тотъ же день прибылъ къ отряду находившійся въ крейсерствѣ бригъ «Меркурій», а 8-го іюля присоединился владѣтель Мингреліи съ 300 человѣкъ милиціи. На другой день прибыло еще 800 человѣкъ мингрельцевъ, и князь Горчаковъ рѣшился перейти въ наступленіе. Онъ направилъ Дадіана съ его милиціею по проселочной дорогѣ въ обходъ непріятеля; фрегату «Спѣшному», пользуясь вечернимъ береговымъ вѣтромъ, приказалъ подвинуться впередъ и стать противъ главныхъ заваловъ у Хеласуръ и сбить ихъ; два брига «Орфей» и «Меркурій», должны были слѣдовать подъ малыми парусами вдоль берега впереди отряда и дѣйствовать по заваламъ, устроеннымъ абхазцами въ разныхъ мѣстахъ на протяженіи восьми верстъ.

Въ восемь часовъ утра, 10-го іюля, бриги тронулись, а за ними пошелъ и отрядъ. Абхазцы сопротивлялись упорно. Поражаемые выстрѣлами съ судовъ, они покидали завалы и скрывались въ лѣсу, но когда приближеніе отряда препятствовало судамъ продолжать огонь, непріятель снова занималъ завалы и покидалъ ихъ не иначе, какъ послѣ штыковой свалки. Лишившись 102 человѣкъ убитыми и ранеными [1]), отрядъ только къ вечеру прибылъ въ Сухумъ, сдѣлавъ переходъ въ 25 верстъ среди безпрерывнаго боя, палящаго зноя и по раскаленному песку.

«Удостовѣрясь подробно въ Сухумѣ, доносилъ князь Горчаковъ [2]), что непріятель ко всѣмъ извѣстнымъ уже мнѣ, еще въ 1821

---

[1]) Убиты: одинъ офицеръ, 39 нижнихъ чиновъ; ранены: одинъ офицеръ, 58 нижнихъ чиновъ и безъ вѣсти пропало три нижнихъ чина.

[2]) Въ рапортѣ Ермолову, отъ 2-го августа 1824 г., № 60.

*

году, трудностямъ перекопалъ по берегу дорогу и подѣлалъ сильные завалы, у коихъ работали болѣе мѣсяца, не рѣшился я двинуться впередъ, доколѣ не осмотрѣлъ лично положенія бунтовщиковъ и предстоящую мѣру препятствій».

Прибывшій 11-го числа изъ Севастополя бригъ «Ганимедъ» далъ возможность князю Горчакову обойти завалы и сдѣлать высадку. 16-го іюля онъ отправился на бригѣ «Орфеѣ» осмотрѣть берегъ и избрать мѣсто для десанта. При селеніи Пзирехвѣ, въ 25-ти верстахъ отъ Сухума и почти на самомъ берегу моря, были замѣчены сильные завалы, прикрытые спереди развалинами старой каменной крѣпости и прилегавшіе правымъ флангомъ къ морю, а лѣвымъ упиравшіеся въ отвѣсныя скалы. Не надѣясь вытѣснить мятежниковъ изъ этихъ заваловъ безъ значительной потери, князь Горчаковъ рѣшился произвести высадку въ урочищѣ Эйлагу, въ семи верстахъ отъ укрѣпленія въ Соуксу.

Въ ночь съ 19-го на 20-е іюля на фрегатъ и три брига были посажены 800 человѣкъ пѣхоты съ однимъ полевымъ орудіемъ. Для развлеченія вниманія непріятеля, суда съ десантомъ весь день 20-го іюля продержались въ виду заваловъ, а изъ Сухума былъ двинутъ по берегу моря отрядъ въ 400 человѣкъ егерей, подъ начальствомъ артиллеріи капитана Линденфельда. Ему приказано было дойти только до первой рѣчки, верстахъ въ пяти отъ Сухума, и въ ночь вернуться обратно въ крѣпость. 21-го іюля суда подошли къ мѣсту высадки и, подъ прикрытіемъ перекрестнаго огня, спустили гребныя суда съ десантомъ въ 400 человѣкъ. Непріятель, не выдержавъ огня съ судовъ, скрылся въ лѣсу, и наши войска вышли безпрепятственно на берегъ и укрѣпились. Суда были отправлены въ Сухумъ за остальными войсками, и съ прибытіемъ ихъ, 23-го числа, князь Горчаковъ двинулся къ Соуксу, а судамъ приказалъ слѣдовать къ Пицундѣ, гдѣ и произвести ложную высадку.

Не ожидая отъ насъ наступательныхъ дѣйствій, абхазцы не были готовы къ встрѣчѣ, защищались слабо, и отрядъ встрѣчалъ препятствія только отъ положенныхъ поперекъ дороги деревьевъ. У Соуксу сопротивленіе было упорнѣе. Блокировавшіе укрѣпленіе абхазцы засѣли въ домахъ, садахъ и даже на деревьяхъ, но не могли остановить отряда, причемъ всѣ дома, встрѣченные на

дорогѣ, были сожжены. Штабсъ-капитанъ Марачевскій произвелъ вылазку, и непріятель, принятый въ два огня, поспѣшно отступилъ и потянулся къ Пицундѣ.

Въ тотъ же день, въ два часа пополудни, князь Горчаковъ приказалъ зажечь укрѣпленіе и, присоединивъ къ себѣ гарнизонъ, въ пять часовъ пополудни возвратился въ лагерь на берегу моря. 25-го іюля часть отряда была отправлена обратно въ Сухумъ, а 27-го числа прибылъ изъ Севастополя еще фрегатъ «Евстафій», на который были посажены остальныя войска.

Оставивъ въ Сухумѣ три роты 44-го егерскаго полка, для подкрѣпленія тамошняго гарнизона, князь Горчаковъ съ остальными войсками сѣлъ на суда и прибылъ въ Редутъ-кале, а оттуда возвратился въ Кутаисъ. Суда отправлены были въ Севастополь, за исключеніемъ фрегата «Спѣшнаго» и брига «Ганимеда», оставленныхъ въ Сухумской бухтѣ [1]). Владѣтельный князь Абхазіи Михаилъ, съ матерью и со всею фамиліею, переѣхали на жительство въ Мингрелію и поселились въ сел. Хета, въ 30-ти верстахъ отъ Редутъ-кале [2]).

Съ уходомъ нашихъ войскъ, турки на своихъ кочермахъ (родъ лодокъ) стали подвозить абхазцамъ боевые припасы и возобновили въ широкихъ размѣрахъ плѣнопродавство. Въ Абхазіи волненіе не прекращалось и скоро обратилось въ междоусобную войну. Прибывшій въ Абхазію, по призыву населенія, Арсланъ-бей склонялъ жителей признать его владѣтелемъ, требовалъ себѣ присяги, выдачи аманатовъ и обѣщалъ при помощи турокъ выгнать русскихъ изъ Сухума [3]). Въ ожиданіи, чѣмъ окончатся волненія, княгиня Тамара переѣхала на жительство въ Редутъ-кале, а сынъ ея, князь Михаилъ, отправился въ Кутаисъ, на свиданіе съ княземъ Горчаковымъ.

«Возмутившіеся подданные его (кн. Михаила), писалъ Ермоловъ Дибичу [4]), не раскаялись въ измѣнѣ и никто къ нему не обратился. Изъ обстоятельствъ сихъ усмотрѣть изволите, что еще предстоитъ

---

[1]) Рапортъ кн. Горчакова Ермолову, 13-го августа 1824 г., № 1284.

[2]) То же, отъ 13-го августа, № 1286.

[3]) Рапортъ капит. Линденфельда кн. Горчакову, 1-го октября 1824 года, № 649.

[4]) Отъ 25-го августа, за № 563.

случай употребить мѣры наказанія и что безъ того нельзя оставить мятежниковъ, подающихъ другимъ примѣръ соблазнительный».

Наказаніе это было возможно только съ присылкою двухъ баталіоновъ, просимыхъ Ермоловымъ, такъ какъ войска кавказскаго корпуса были заняты дѣйствіями въ Чечнѣ и за Кубанью. Подстрекаемые бѣглыми кабардинцами, закубанцы продолжали производить хищничества въ большихъ размѣрахъ. Для наказанія ихъ наши отряды посылались за Кубань, производили усиленные переходы, верстъ по 80 въ день, переправлялись черезъ горныя рѣчки на казачьихъ лошадяхъ, переносили въ рукахъ боевые заряды и, напавъ врасплохъ, разоряли селенія. Закубанцы уходили ближе къ горамъ, и наказаніе ихъ становилось для насъ каждый разъ болѣе затруднительнымъ. Тѣмъ не менѣе, въ маѣ 1823 года Ермоловъ отправилъ на Кубань своего начальника штаба Вельяминова съ порученіемъ принять тамъ общее начальство надъ войсками и организовать оборону. Прибывъ по назначенію и познакомившись съ положеніемъ дѣлъ, генералъ-маіоръ Вельяминовъ 3-й произвелъ цѣлый рядъ экспедицій на рѣки Малый и Большой Зеленчики и нанесъ сильное пораженіе закубанцамъ на р. Лабѣ. Горцы просили пощады и имъ предложены были слѣдующія условія: 1) не принимать къ себѣ бѣглыхъ кабардинцевъ; 2) возвратить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ и 3) выдать аманатовъ. При неисполненіи хотя бы одного изъ этихъ требованій, закубанцы не должны были разсчитывать, чтобы русскія войска оставили ихъ въ покоѣ.

Собравшись на совѣщаніе, закубанцы порѣшили отправить депутатовъ съ просьбою о помилованіи. Узнавъ объ этомъ, главнокомандующій вызвалъ къ себѣ бѣжавшаго за Кубань одного изъ важнѣйшихъ кабардинскихъ князей Арсланъ-бека Біесленева, какъ человѣка наиболѣе другихъ здравомыслящаго. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ извѣстныхъ хищниковъ, Біесленевъ отправился въ Казанищи, гдѣ въ то время находился Ермоловъ. Онъ уполномоченъ былъ предложить главнокомандующему тѣ условія, на которыхъ кабардинцы готовы возвратиться на прежнее свое жительство, Они требовали, чтобы: 1) правительство уничтожило устроенныя въ 1822 году крѣпости и удалило войска отъ горъ; 2) чтобы разбирательство дѣлъ оставлено было на прежнемъ основаніи, т. е. въ ру-

кахъ духовенства, и 3) если правительство не согласится исполнить первыхъ двухъ требованій, то дозволило бы кабардинцамъ жить за Кубанью и не преслѣдовало ихъ войсками. Кабардинцы обѣщали тогда прекратить хищничества и выдать аманатовъ.

Ермоловъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ входить въ переговоры и заключать условія съ людьми, нарушившими присягу своему государю; что они должны просить прощенія, а не предлагать условія, и, что, наконецъ, несправедливо было бы предоставить бо́льшія выгоды измѣнникамъ передъ тѣми, которые покорны правительству и исполняютъ всѣ его распоряженія. Главнокомандующій требовалъ безусловнаго повиновенія и, надѣливъ депутата подарками, отправилъ обратно. Тронутый вниманіемъ главнокомандующаго, Біесленевъ заявилъ, что лично онъ при первой возможности возвратится въ Кабарду, но за остальныхъ поручиться не можетъ. И дѣйствительно, пока онъ былъ въ Дагестанѣ, кабардинцы вмѣстѣ съ закубанцами произвели нѣсколько нападеній на наши селенія.

Болѣзнь генералъ-маіора Вельяминова заставила его отправиться въ Тифлисъ, и войска на Кубани были поручены командиру 22-й артиллерійской бригады, полковнику Коцареву, скоро сдѣлавшемуся грозою для закубанцевъ. Въ своихъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ Коцаревъ усвоилъ особыя правила, заключавшіяся въ умѣньѣ скрыть войска, быстро переходить съ мѣста на мѣсто, внезапно напасть на селенія и нанести рѣшительный ударъ тамъ, гдѣ горцы всего менѣе ожидали его. Войска никогда не держались въ сборѣ и были размѣщены по квартирамъ. Собираясь въ экспедицію, Коцаревъ разсылалъ секретныя предписанія начальникамъ частей, чтобы они къ опредѣленному числу и не иначе, какъ ночными переходами, собрались къ мѣсту, назначенному для переправы черезъ Кубань[1]). Переправившись черезъ эту рѣку, Коцаревъ нападалъ на аулы, угонялъ скотъ, бралъ плѣнныхъ и разорялъ жилища. Набѣги Коцарева на р. Бѣлую, Урупъ, Тегень и Чамлыкъ заставили закубанцевъ подумать о своемъ положеніи, и 15-го апрѣля 1824 года въ лагерь у поста Погорѣлаго пріѣхали къ Коцареву князья и старшины всѣхъ племенъ, жившихъ отъ вершинъ Кубани до р. Бѣлой. Поводомъ къ ихъ пріі-

[1]) Записки Радожицкаго.

ѣзду было возвращеніе изъ Дагестана Арсланъ-бека Біесленева, отъ котораго они узнали о милостивомъ пріемѣ его главнокомандующимъ. Князья и старшины просили прощенія за всѣ прежнія шалости и, обѣщаясь не дѣлать ничего противнаго волѣ рускаго правительства, готовы были дать въ томъ клятву на коранѣ. Біесленевъ и князья, бѣжавшіе изъ Кабарды, просили разрѣшенія поселиться съ ихъ подвластными въ вершинѣ р. Кубани по обоимъ берегамъ ея и, обѣщая отвѣчать за своихъ подвластныхъ, увѣряли, что не предпримутъ ничего противъ русскаго правительства. При этомъ Біесленевъ заявилъ, что на такое переселеніе есть согласіе главнокомандующаго и даже письменное.

Коцаревъ потребовалъ, чтобы ему была показана бумага.

— Я оставилъ ее дома, отвѣчалъ Біесленевъ.

— Пошлите за нею нарочнаго, сказалъ Коцаревъ.

Черезъ сутки посланный возвратился и заявилъ, что кадій, у котораго хранится эта бумага, уѣхалъ въ горы, а безъ него ея отыскать невозможно. Коцаревъ хотя и видѣлъ ясно, что это обманъ, но объявилъ кабардинцамъ, что на Кубань скоро пріѣдетъ самъ главнокомандующій, который и разъяснитъ недоразумѣніе, а чтобы они не теряли удобнаго времени для хлѣбопашества, то разрѣшаетъ имъ поселиться на лѣвомъ берегу Кубани до впаденія въ нее р. Зеленчука. Князья не согласились поселяться на этихъ условіяхъ и оставили лагерь Коцарева.

По отъѣздѣ ихъ явились къ Коцареву ногайцы также съ просьбою о помилованіи. Имъ разрѣшено было поселиться по лѣвому берегу Кубани между рр. Зеленчукомъ и Урупомъ, но съ тѣмъ, чтобы они отвѣчали за всякій прорывъ непріятеля и обязались не принимать въ свои табуны чужаго скота и лошадей. Окончательнымъ срокомъ для переселенія было назначено 1-е мая[1]). Чтобы побудить и кабардинцевъ исполнить наши требованія и выселиться изъ горъ, полковникъ Коцаревъ въ маѣ произвелъ новые набѣги на рр. Урупъ, Тегень и Чамлыкъ, а затѣмъ выступилъ 24-го іюля за Кубань и возвратился 3-го сентября только потому, что истомленные люди не имѣли продовольствія.

---

[1]) Рапортъ Коцарева генералу Сталю, 21-го апрѣля 1824 г., № 501.

Отъ безпрерывныхъ движеній люди и лошади были изнурены до крайности; запасъ провіанта истощился, и солдаты кормились только просомъ, который топтали и уничтожали у горцевъ. Смоловши его между каменьями, они варили себѣ кашу безъ соли и безъ сала; у офицеровъ не было ни чаю, ни сахару, ни табаку, и продукты маркитантовъ всѣ истощились. Платье и обувь отряда были вполнѣ фантастическія. Очевидецъ такими словами описываетъ баталіонъ Ширванскаго полка, только-что возвратившійся изъ экспедиціи. Солдаты, говоритъ онъ, были «большею частью безъ мундировъ, въ курткахъ разнаго покроя, подходящихъ къ зеленому цвѣту, въ мохнатыхъ черкесскихъ шапкахъ, въ синихъ холщевыхъ шальварахъ и въ пестрыхъ рубахахъ». Этотъ баталіонъ, послѣ утомительнаго похода за Кубань, былъ двинутъ въ Кабарду и въ шесть дней прошелъ 300 верстъ не по паркетной дорогѣ. «Одна только любовь къ *дядюшкѣ*», какъ называли солдаты Ермолова, могла дать имъ такую чудесную силу [1]).

Разореніе, причиненное закубанцамъ экспедиціями полковника Коцарева, было на столько сильно, что они вынуждены были обратиться къ анапскому пашѣ и просить его защиты. Не признавая фактически власти Порты надъ собою, закубанцы въ трудные для нихъ дни обращались къ турецкому правительству съ просьбою о помощи и тогда готовы были на словахъ стать въ зависимое положеніе и временно подчиниться султану. Оттоманское правительство, ревнивое къ распространенію русскихъ владѣній за Кубанью, охотно заступалось за закубанцевъ, хотя и безъ всякой надежды сохранить надъ ними свою власть или вліяніе. Анапскій паша просилъ Ермолова не переходить за Кубань и тѣмъ не нарушать дружбы между двумя державами.

«Готовъ всегда жить мирно съ народами дружественной державы, отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ анапскому пашѣ [2]), и конечно не хуже васъ умѣю соблюдать правила существующаго трактата, почему, приступая къ оружію, я обратился прежде съ просьбою моею, когда въ 1821 году закубанцы сдѣлали нападеніе на земли черноморскихъ

---

[1]) Записки Радожицкаго.

[2]) Въ письмѣ отъ 29-го іюля 1824 г., № 3282.

казаковъ, жившихъ въ совершенномъ покоѣ, чтобы ваше высокостепенство народы вамъ подвластные воздержали отъ разбоевъ. Вы сего не сдѣлали и только тѣмъ кончили, что написали мнѣ письмо.

«Въ 1822 году закубанцы приняли къ себѣ самыхъ подлыхъ и гнусныхъ измѣнниковъ, бѣглыхъ кабардинцевъ. Я пришелъ съ войсками къ Кубани, но, храня обязанности дружбы, не преслѣдовалъ кабардинцевъ на земляхъ державы пріязненной, и ни одинъ русскій не переходилъ за Кубань. Вашему высокостепенству жаловался на то, что закубанцы даютъ у себя убѣжище мошенникамъ кабардинскимъ и что сіи послѣдніе, живучи между ними, не перестаютъ дѣлать набѣги и разбои; какое сдѣлали вы мнѣ удовлетвореніе? Въ 1823 году закубанцы разорили селеніе Круглолѣсское и увлекли довольно значительный плѣнъ. Сдѣлали ли вы какое распоряженіе, дабы усмирить разбои и удовлетворить за разореніе, и ни одинъ изъ плѣнныхъ не возвращенъ. Подобныя оскорбленія не даютъ мѣста снисхожденію, особливо когда видно весьма, что закубанцы нимало не страшатся власти вашей и даже смѣютъ оказывать ей неуваженіе. Мнѣ по долгу званія моего надлежало оградить отъ разоренія подданныхъ моего великаго государя и по необходимости, совершенно противъ желанія моего, долженъ былъ я прибѣгнуть къ оружію, котораго обязанъ не оставлять, пока не увижу достаточной безопасности и прочнаго спокойствія. Отъ вашего высокостепенства зависитъ доставить ихъ, если имѣете вы силу удержать въ порядкѣ закубанцевъ».

Конечно не во власти анапскаго паши было обуздать племена, считавшія себя независимыми и непризнававшія надъ собою ничьей власти. Онъ хотѣлъ сохранить надъ ними хотя нѣкоторое вліяніе, и потому въ сентябрѣ 1824 года снова обратился съ просьбою прекратить экспедиціи за Кубань и увѣрялъ, что употребитъ строгія мѣры къ воздержанію закубанцевъ отъ разбоевъ и набѣговъ въ наши границы. Паша обѣщалъ учредить посты по р. Кубани и принять на себя наблюденіе, чтобы никто изъ хищниковъ самовольно не переходилъ черезъ рѣку.

«Въ доказательство, отвѣчалъ Ермоловъ [1]), чистосердечнаго же-

[1]) Въ письмѣ анапскому пашѣ, отъ 10-го сентября 1824 г.

ланія сохранить дружественныя отношенія наши, приказалъ я прекратить дѣйствія противъ закубанцевъ, а васъ прошу запретить имъ производить разбои. Не скрою отъ вашего высокостепенства, что не престану всячески преслѣдовать измѣнниковъ великаго моего государя, укрывающихся за Кубанью кабардинцевъ. Вы не обвините меня, если наказывать стану тѣхъ, кои будутъ давать имъ у себя убѣжище и пособіе. Нельзя равнодушно смотрѣть на подобное нарушеніе дружбы, а вы, позволивъ имъ жить въ границахъ вашихъ, доказываете тѣмъ, что удовлетворенія дать не намѣрены».

Назначая въ августѣ, по случаю смерти генералъ-маіора Сталя, временнымъ начальникомъ войскъ на кавказской линіи генералъ-маіора Вельяминова 3-го, главнокомандующій приказалъ ему остановить на нѣкоторое время дѣйствія противъ закубанцевъ, и весь сентябрь наши войска не переходили черезъ р. Кубань. Такая уступчивость только ободрила горцевъ, и они не прекращали своихъ грабежей. Тогда генералъ-маіоръ Вельяминовъ рѣшился нанести имъ чувствительный ударъ и предпринялъ весьма продолжительную экспедицію. Переправившись 28-го сентября черезъ р. Кубань, онъ оставался въ непріятельской сторонѣ до 30-го октября, прошелъ по рр. Урупу, Чамлыку, Лабѣ, Ходьзю, Фарсу, опять по Лабѣ и возвратился въ Прочный-Окопъ.

Въ январѣ 1825 года анапскій паша вновь обратился къ Вельяминову съ просьбою не переправляться черезъ Кубань и не разорять населеніе, которое по послѣднему мирному трактату находится подъ властью Порты[1]).

Въ отвѣтъ на это Вельяминовъ просилъ пашу заставить закубанцевъ возвратить нашихъ плѣнныхъ, изгнать отъ себя бѣглыхъ кабардинцевъ и удовлетворить насъ за грабежи, сдѣланные ими въ границахъ нашихъ. «Тогда, писалъ Вельяминовъ[2]), ни одинъ человѣкъ со стороны нашей не перейдетъ за Кубань съ оружіемъ въ рукахъ, а до тѣхъ поръ войска россійскія не перестанутъ наносить закубанцамъ всевозможный вредъ».

Видя невозможность борьбы съ русскими войсками, закубанцы

---

[1]) Письмо паши Вельяминову, 21-го января 1825 г.

[2]) Въ письмѣ пашѣ, отъ 16-го февраля 1825 г., № 374. Прочный-Окопъ.

постепенно отодвигались отъ р. Кубани и селились ближе къ горамъ; часть кабардинцевъ признала болѣе выгоднымъ для себя покориться русскому правительству и, выходя изъ горъ, селилась отдѣльными аулами на указанныхъ мѣстахъ. Тѣ же изъ кабардинцевъ, которые считали невозможнымъ подчиниться требованіямъ русской власти, также ушли въ горы или пробирались въ Чечню, гдѣ готовилось всеобщее возстаніе во имя религіи, повелѣвавшей вести упорную борьбу съ невѣрными.

Слухъ о религіозномъ ученіи, возникшемъ въ Дагестанѣ, достигъ до Чечни, и среди населенія стали говорить о скоромъ появленіи пророка, творящаго чудеса и заговаривающаго всѣхъ правовѣрныхъ отъ русскихъ пуль. Сообщники Бейбулата, уроженца сел. Гельдыгена и извѣстнаго коновода хищническихъ партій, говорили, что пророкъ, или имамъ — какъ называли его чеченцы — посланъ самимъ Магометомъ для избавленія правовѣрныхъ отъ власти русскихъ. Чеченцы разсказывали, что имамъ летаетъ по воздуху на буркѣ, можетъ ходить выше лѣса, ниже травы и по водѣ какъ по-суху; что онъ заговариваетъ русскія пушки и ружья, которыя хотя и будутъ стрѣлять, но безъ вреда, а если и убьютъ кого изъ чеченцевъ, то только грѣшника, невѣрящаго въ святость и въ пришествіе имама. Переписываясь другъ съ другомъ, муллы старались усилить народное суевѣріе и даже присылали сказать мирнымъ чеченцамъ, чтобы въ извѣстный день они убрали съ полокъ посуду, такъ какъ имамъ сдѣлаетъ землетрясеніе. Наиболѣе ревностнымъ проповѣдникомъ и распространителемъ слуховъ объ имамѣ былъ маюртупскій мулла Магома. Онъ разсказывалъ, что настало время явиться имаму Хариса (Гариса), что онъ видѣлъ чудеса имама и что онъ скоро явится народу. По наущенію муллы Магомы и стараніямъ Бейбулата, герменчуковскій чеченецъ Яукъ (Авко) принялъ временно на себя званіе имама и, будучи извѣстенъ въ народѣ какъ юродивый, сталъ теперь, по толкованію Магомы, человѣкомъ вдохновеннымъ Божьею благодатью. Притворившись нѣмымъ, Яукъ не отвѣчалъ ни на какіе вопросы своихъ соотечественниковъ, а Магома объявлялъ народу, что пророкъ начнетъ свою проповѣдь вмѣстѣ съ чудесами, которыя будутъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Получивъ извѣстіе о появленіи пророка въ Чечнѣ, генералъ-маіоръ

Грековъ старался разузнать о цѣли и происхожденіи такого пророчества. Когда подосланный Грековымъ явился къ муллѣ Магому и сталъ разспрашивать объ имамѣ, то мулла отказался дать ему объясненіе.

— Погодите, говорилъ Магома, вы сами увидите, что будетъ; только вѣрьте мнѣ и корану.

Мулла разсказывалъ, что ночью явился къ нему святой и отъ имени Аллаха приказалъ собрать близъ Маюртупа 45 человѣкъ правовѣрныхъ, взять краснаго быка, двухъ черныхъ барановъ и идти съ ними къ большому дереву, гдѣ и долженъ явиться имамъ. Все это было исполнено въ точности. Передъ деревомъ стоялъ полунагой Якъ, съ тупымъ и безсмысленнымъ выраженіемъ лица. Многіе, зная лично Яка, не безъ удивленія смотрѣли на происходившее, но Магома старался убѣдить, что Богъ избираетъ и осѣняетъ своею благодатію людей сирыхъ, убогихъ и гонимыхъ. Присутствовавшіе повѣрили, стали на молитву, а въ это время имамъ исчезъ. Мулла Магома зарѣзалъ быка и двухъ барановъ и послѣ двухдневнаго пиршества распустилъ всѣхъ по домамъ. Участники пира разнесли повсюду извѣстіе, что видѣли имама, что весною 1825 года онъ явится съ чудесами,—и тогда ни одного русскаго не будетъ не только на Сунжѣ, но и на р. Терекѣ.

Не придавая особаго значенія разсказамъ, ходившимъ между чеченцами, генералъ Грековъ донесъ о томъ временно-командовавшему войсками на кавказской линіи, генералъ-маіору Вельяминову. Узнавъ отъ послѣдняго о происходящемъ въ Чечнѣ, главнокомандующій посмотрѣлъ на это дѣло гораздо серьезнѣе, самъ пріѣхалъ въ крѣпость Грозную, приказалъ снабдить всѣмъ необходимымъ крѣпости, расположенныя по Сунжѣ, и привести ихъ въ лучшее оборонительное положеніе. Прибытіе Ермолова испугало чеченцевъ, и они, готовясь ко всеобщему возстанію, отправляли потихоньку свои семейства въ горы.

Сознавая, что ученіе о войнѣ противъ невѣрныхъ можетъ соединить чеченцевъ и дагестанцевъ въ одно цѣлое и что, при единодушномъ дѣйствіи, горцы могутъ нанести много вреда нашимъ пограничнымъ селеніямъ и кавказской линіи, Ермоловъ рѣшился уничтожить это зло въ самомъ началѣ. Не зная, гдѣ находится корень этого ученія, и предполагая, что зародышъ его находится въ Чечнѣ, главно-

командующій требовалъ отъ населенія полной покорности и просилъ не вѣрить пустымъ и нелѣпымъ слухамъ.

«Извѣстно мнѣ, писалъ Алексѣй Петровичъ чеченцамъ [1]), что вы, обмануты будучи мошенникомъ Бейбулатомъ и обѣщаніями одного глупаго лезгина, назвавшаго себя имамомъ, нарушили данную вами присягу и, оставивъ жизнь спокойную, обратились къ прежнимъ злодѣйствамъ. Легко вы можете видѣть обманъ сей, ибо можетъ ли имамъ одобрять измѣну, участвовать въ воровствахъ и разбояхъ? Вы могли видѣть, что хитрый мошенникъ Бейбулатъ обманываетъ васъ для собственной пользы, ибо получилъ надъ вами власть, которой никто изъ васъ, между собою равныхъ, не имѣлъ никогда. Вы какъ рабы ему покорствуете; но можете ли вы вѣрить, чтобы онъ не предложилъ мнѣ своихъ услугъ, какъ то онъ сдѣлалъ два года назадъ. Онъ ничего не теряетъ, когда вы погибнете отъ оружія русскихъ, ибо всегда бѣжитъ первый и его не достигаетъ пуля русская. Нѣтъ стыда для извѣстнаго труса.

«Знаю я между чеченцами людей благонадежныхъ и добрыхъ: хочу еще быть великодушнымъ и, прощая заблужденіе, совѣтую возвратиться къ раскаянію. Задержите и не выпускайте изъ рукъ вашихъ бродягу имама, ибо близко уже время, въ которое я приду смирить измѣнниковъ и нарушителей клятвы, потребую имама, или за укрывательство его заплатите собственною кровью, жизнью женъ и дѣтей вашихъ; увидите, что трусъ Бейбулатъ не подвергнется опасности и первый оставитъ васъ.

«Даю вамъ время опомниться и прекратить возмущеніе и разбои, искать моего прощенія или жестоко накажу гнусныхъ и презрительныхъ мошенниковъ».

Желая усыпить наше вниманіе, Бейбулатъ, черезъ кумыкскаго старшину, маіора князя Мусу Хасаева, прислалъ сказать генералу Грекову, что чеченцы, не видя отъ имама никакихъ чудесъ, перестали ему вѣрить и что онъ самъ предлагаетъ свои услуги русскому правительству. Грековъ отвѣчалъ, что самая лучшая услуга его будетъ та, если онъ прекратитъ свои хищничества и останется вѣр-

[1]) Въ прокламаціи отъ 21-го октября.

нымъ. Что же касается до пророка, то выдумка чеченцевъ слишкомъ глупа, и русскіе смѣются надъ дурачествомъ чеченцевъ.

Этотъ отвѣтъ указалъ коноводамъ, что начальство на кавказской линіи не придаетъ особаго значенія происшествіямъ въ Чечнѣ, и, надѣясь застать насъ врасплохъ, чеченцы положили оставаться спокойными до весны, а затѣмъ атаковать русскихъ одновременно въ нѣсколькихъ пунктахъ. Разглашая, что пророкъ явится скоро и что наступило время войнѣ съ невѣрными, Бейбулатъ успѣлъ поднять качкалыковъ и ауховцевъ, а мулла Магома усилилъ свои проповѣди.

Между тѣмъ генералъ-маіоръ Грековъ, пользуясь временнымъ затишьемъ, произвелъ въ теченіе зимы нѣсколько экспедицій въ Чечню съ цѣлью наказать аулы, принявшіе къ себѣ бѣглыхъ кабардинцевъ, и расчистить дороги. Онъ разорилъ аулы Гойту, Урусъ-Мартанъ и Гехи. «Незьзя было желать, доносилъ онъ [1]), гибельнѣе погоды для чеченцевъ. Со дня выступленія моего изъ Грозной и до возвращенія холодъ продолжался довольно жестокій. Кромѣ глубокаго въ Чечнѣ снѣга, морозы постоянно держались отъ 8 до 12 градусовъ; наконецъ, гололедь, продолжавшаяся четыре дня, покрывъ льдомъ всѣ деревья и всѣ растенія, лишила послѣдняго средства продовольствовать скотъ въ лѣсахъ обрубленными вѣтвями деревъ въ то время, какъ сѣно осталось или въ деревняхъ, или въ степи. Двѣ сіи крайности довольно сильны, чтобы поработить всякій другой народъ, но онѣ едва поколебали нѣсколько чеченцевъ,—упорство ихъ неимовѣрное». Въ мартѣ 1825 года, по приказанію Грекова, было приступлено къ рубкѣ лѣса и расчисткѣ дорогъ во многихъ мѣстахъ. Такъ, на пространствѣ $3^1/_2$ верстъ отъ Брагунъ къ Амиръ-Аджи-Юрту была вырублена просѣка въ 300 саженъ шириною; отъ Брагунъ къ Аксаю проложена дорога и вырубленъ лѣсъ на шесть верстъ въ длину и на 120 саженъ въ ширину; отъ Аксая до Герзель-аула расчищено пространство на шесть верстъ въ длину и наконецъ вырубленъ лѣсъ вокругъ крѣпости Внезапной. Чеченцы не препятствовали этимъ работамъ и каждую пятницу ожидали появленія имама.

Такъ прошелъ мартъ мѣсяцъ, и на кавказскую линію прибылъ новый начальникъ, генералъ-лейтенантъ Лисаневичъ. Высочайшимъ приказомъ 13-го сентября 1824 года Лисаневичъ былъ назначенъ

[1]) Рапортъ ген. Грекова генералу Вельяминову, 26-го января 1825 г., № 28.

командиромъ 22-й пѣхотной дивизіи и начальникомъ Кавказской области, на правахъ губернатора. 4-го марта онъ прибылъ въ Прочный-Окопъ, а 12-го числа вступилъ въ командованіе войсками, причемъ тѣ изъ нихъ, которыя были предназначены для дѣйствія противъ закубанцевъ, были поручены генералъ-маіору Вельяминову.

Знакомясь съ положеніемъ края со словъ генерала Грекова, Лисаневичъ былъ увѣренъ послѣднимъ, что религіозное движеніе въ Чечнѣ не имѣетъ особаго значенія, и потому не обратилъ на это должнаго вниманія. Никѣмъ нетревожимые чеченцы собирались на совѣщаніе, и скоро распространился слухъ, что въ маѣ, въ третью пятницу, имамъ явится народу. Бейбулатъ и мулла Магома сдѣлали три знамени и, выйдя изъ сел. Маюртупа, расположились въ ближайшемъ лѣсу. Сюда созывали они правовѣрныхъ, обѣщая показать имъ имама. Чеченцы со всѣхъ сторонъ стекались къ Маюртупу, но имамъ все не показывался, потому что Бейбулатъ считалъ собравшихся недостаточнымъ, чтобы идти съ ними на русскія укрѣпленія. Скучая бездѣйствіемъ, мичиковскій мулла выразилъ сомнѣніе въ возможности появленія имама.

— Почему такъ долго нѣтъ имама? спросилъ онъ, обращаясь къ муллѣ Магому.—Не обманываешь ли ты народъ, отвлекая его отъ работъ и приводя въ нищету?

Сомнѣніе мичиковскаго муллы было поддержано нѣсколькими чеченцами, и Магома понялъ, что далѣе медлить невозможно, а такъ или иначе надо выдти изъ затруднительнаго положенія.

Онъ назначилъ общее собраніе 24-го мая и объявилъ, что въ этотъ день явится пророкъ. Огромная толпа народа собралась у маюртупской мечети. «Вдругъ дверь распахнулась, и изъ мечети выступила процессія. Во главѣ шелъ мулла маюртупскій, а за нимъ нѣсколько другихъ муллъ, затѣмъ Бейбулатъ, осѣняемый тремя значками, и наконецъ партія его приверженцевъ. Мгновенно воцарилось мертвое молчаніе, и толпы хлынули вслѣдъ процессіи, направлявшейся за селеніе къ заповѣдному дереву [1]). Но и здѣсь пророка все-таки не было.

[1]) «Кавказскій сборникъ», т. X.; статья Н. А. Волконскаго: «Война на Восточномъ Кавказѣ съ 1824 по 1834 г.», стр. 73. См. также «Древ. и Нов. Россія» 1880 г. № 10, стр. 318—337.

Толпа шумѣла, и тогда мулла Магома выступилъ передъ нею и поднялъ руку кверху.

— Знайте, правовѣрные, произнесъ онъ съ рѣшимостью и воодушевленіемъ, я—имамъ. Я видѣлъ пророка Магомета и слышалъ голосъ Аллаха. Я посланъ отъ нихъ избавить васъ отъ власти русскихъ.

Толпа оцѣпенѣла. Сообщникъ Магомы и его товарищъ Бейбулатъ торопился воспользоваться произведеннымъ впечатлѣніемъ, схватилъ въ руки коранъ и, бросившись на колѣни передъ имамомъ, принесъ торжественную присягу въ вѣрности ему.

— Какъ стою я на землѣ, говорилъ Бейбулатъ народу, такъ вѣрно то, что я самъ своими глазами видѣлъ ангела въ огненномъ образѣ, сходящаго въ мечеть, когда святой мулла Магома молился въ ней.

Большинство собравшихся повѣрило сказанному, но нѣкоторые просили, чтобы имамъ показалъ имъ какое-либо чудо.

— Грѣхи ваши слишкомъ велики, отвѣчалъ Магома, и не пришло еще время чудесамъ.

Собравшіеся разошлись по домамъ, и вѣсть о появленіи давно ожидаемаго имама облетѣла всю Чечню, проникла къ карабулакамъ и даже кабардинцамъ. Распространителемъ слуха въ этой мѣстности былъ ялдырскій старшина Джембулатъ Дчечоевъ, который ѣздилъ по селеніямъ карабулаковъ и сзывалъ ихъ на соединеніе съ имамомъ. Побывавши въ Маюртупѣ, Дчечоевъ отправился въ Назранъ, но здѣсь былъ арестованъ и отправленъ въ Грозную, гдѣ, по приказанію Ермолова, былъ прогнанъ сквозь строй шесть разъ черезъ тысячу человѣкъ [1]), а затѣмъ трупъ его былъ вздернутъ на висѣлицу. Наказаніе это не образумило населеніе, и «хотя всякій порядочный чеченецъ, писалъ Грековъ, видитъ кроющееся здѣсь одно мошенничество разбойниковъ, желающихъ только симъ способомъ поколебать народъ, но за всѣмъ тѣмъ многіе вѣрятъ всѣмъ предсказаннымъ нелѣпостямъ, не смотря на то, что онѣ не сбываются, ибо ежели взять въ соображеніе, что понятія многихъ чеченцевъ не превышаютъ скотовъ, то, конечно, удивляться не должно ничему между ними происходящему».

Такъ писалъ генералъ Грековъ въ то время, когда религіозный

---

[1]) Рапортъ Лисаневича Ермолову, отъ 5-го іюня 1825 г., № 802. Резолюція Ермолова на этомъ же рапортѣ, отъ 23-го іюня, за № 2370.

фанатизмъ чеченцевъ былъ уже возбужденъ, и надъ мечетью въ Маюртупѣ развѣвалось три знамени, приглашавшія правовѣрныхъ соединиться въ одно цѣлое. 29-го мая собралось здѣсь множество чеченцевъ, исключая герменчуковцевъ, которые, послѣ провозглашенія имамомъ ихъ односельца, юродиваго Яука, не могли повѣрить, что въ Маюртупѣ явился дѣйствительный имамъ. Герменчуковцы долгое время не соглашались слѣдовать общему теченію и отвергали всѣ обольщенія и даже угрозы Бейбулата. Послѣдній, явившись передъ собравшеюся толпою, увѣрялъ, что Аллахъ послалъ имъ имама, чтобы примирить всѣхъ мусульманъ между собою. Онъ просилъ соотечественниковъ прекратить воровство другъ у друга, жить по-братски и помнить, что у нихъ есть только одни враги—русскіе.

Человѣкъ средняго роста, но плотный, съ хитрыми, кровавыми глазами, которыя прятались подъ тучею бровей, Бейбулатъ былъ энергиченъ, дѣятеленъ и быстръ на столько, что всегда умѣлъ увлекать толпу за собою. Онъ увѣрилъ чеченцевъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени къ нимъ прибудетъ съ войсками Амалатъ-бекъ и тогда онъ поведетъ ихъ на истребленіе русскихъ. Ожидая скораго избавленія, чеченцы стали глухи ко всѣмъ нашимъ требованіямъ и весьма часто собирались для совѣщаній. Въ Маюртупъ прибыли кодухскій мулла и казикумухскій хаджи, которые, посмотрѣвъ на муллу Магому и побесѣдовавъ съ нимъ, признали въ немъ истиннаго имама, присланнаго Аллахомъ для спасенія мусульманъ. Это признаніе, а затѣмъ жгучая, пламенная рѣчь двухъ гостей и привлекательная картина свободы еще болѣе наэлектризовали чеченцевъ, и они ожидали только сигнала для поголовнаго вооруженія. Горцы дали клятву измѣнить свою жизнь, установили 50 руб. штрафа за передачу русскимъ какихъ бы то ни было свѣдѣній и, какъ первое доказательство соединенія воедино, избрали десятскихъ, явившихся первымъ проявленіемъ административной власти.

22-го іюня было получено извѣстіе, что гумбетовцы и аварцы пришли въ ичкеринскія селенія въ числѣ до 200 конныхъ и до 100 пѣшихъ. Начальниками ихъ были гумбетовскій кади, сынъ аварскаго хана, и Амалатъ-бекъ. Ермоловъ тотчасъ же приказалъ баталіону 41-го егерскаго полка, расположенному въ Ширвани, слѣдовать въ станицы Гребенскаго войска, а двумъ баталіонамъ Ширванскаго

полка, находившимся въ Кабардѣ, быть въ полной готовности къ выступленію по первому требованію. Баталіонъ 41-го егерскаго полка, по просьбѣ генерала Грекова, былъ остановленъ въ Грозной [1]), такъ какъ среди чеченцевъ замѣчено было усиленное движеніе: посланные Амалатъ-бека созывали народъ на совѣтъ съ каждаго двора по одному человѣку. Отсюда совѣщавшіеся намѣрены были двинуться къ сел. Атагѣ за р. Аргуномъ; качкалыки и ауховцы также волновались; въ Аксаѣ и у кумыковъ явились фанатики-проповѣдники [2]). Генералъ-маіоръ Грековъ разослалъ по всѣмъ укрѣпленіямъ и постамъ приказаніе быть готовымъ къ встрѣчѣ непріятеля и соблюдать всѣ мѣры осторожности.

Въ концѣ іюня вооруженная толпа стала приближаться къ сел. Атагѣ, находившемуся противъ крѣп. Грозной за Ханкальскимъ ущельемъ. Наэлектризованные муллами и Бейбулатомъ, чеченцы вѣрили въ успѣхъ своего предпріятія. Они были увѣрены, что мулла Магома посланъ Аллахомъ для возстановленія мусульманской вѣры, что онъ не намѣренъ драться съ русскими, но что одно его появленіе заставитъ послѣднихъ оставить свои крѣпости и бѣжать за р. Терекъ.

Желая разубѣдить волнующееся населеніе, Грековъ приказалъ сказать чеченцамъ, что онъ придетъ къ нимъ за Ханъ-калу, и извѣщаетъ ихъ заранѣе для того, чтобы впослѣдствіи они не сказали, что онъ пришелъ къ нимъ нечаянно, и если они удержатъ его за Ханъ-калою и не допустятъ разорить ихъ селенія, тогда они могутъ вѣрить святости имама и поклоняться ему.

Съ разсвѣтомъ 30-го іюня, среди проливнаго дождя, Грековъ съ двумя ротами егерей и небольшимъ числомъ казаковъ, собранныхъ съ разныхъ постовъ, выступилъ изъ Грозной и двинулся за Ханъ-калу. Появленіе русскаго отряда заставило чеченцевъ удалиться въ Гойтинскій лѣсъ.

— Теперь начинать еще не время, сказалъ имамъ, уходя въ лѣсъ прежде другихъ.

Эта предосторожность со стороны муллы Магомы и Бейбулата

---

[1]) Рапортъ Грекова Ермолову, 6-го іюня 1825 г., № 45. Предписаніе Ермолова Грекову, 10-го іюня 1825 г., № 1.

[2]) Рапортъ ген.-лейт. Лисаневича Ермолову, 3-го іюня 1825 г., № 1047.

была весьма благоразумна. Они понимали, что если при первой встрѣчѣ съ русскими толпа будетъ разбита, то все предпріятіе ихъ рушится само собою. Поэтому, по совѣту предводителей, вооруженная толпа горцевъ прошла черезъ Гойтинскій лѣсъ и расположилась на Гехинскихъ поляхъ правѣе крѣп. Грозной, въ землѣ карабулаковъ.

Такимъ образомъ весь лѣвый флангъ, начиная отъ Аксая и почти до Владикавказа, принялъ участіе въ волненіяхъ. Въ это же самое время и кабардинцы, желая воспользоваться отвлеченіемъ нашихъ войскъ противъ чеченцевъ, соединились съ закубанцами и усилили свои хищничества. Генералъ-маіоръ Вельяминовъ принужденъ былъ пойти съ отрядомъ за Кубань, а генералъ-маіоръ Грековъ отправился въ Амиръ-Аджи-Юртъ, откуда намѣренъ былъ двинуться къ качкалыкамъ, такъ какъ около Аксая собралась, подъ предводительствомъ Бейбулата, толпа возмутившихся въ числѣ до 2,000 человѣкъ.

3-го іюля Грековъ съ отрядомъ изъ двухъ егерскихъ ротъ, двухъ орудій и 300 казаковъ двинулся форсированнымъ маршемъ къ Аксаю, и затѣмъ, 7-го іюля, пришелъ въ Герзель-аулъ. Отсюда онъ послалъ приказаніе въ Амиръ-Аджи-Юртовское укрѣпленіе принять всѣ мѣры осторожности. Въ укрѣпленіи находился сборный гарнизонъ изъ 155 человѣкъ отъ полковъ Апшеронскаго, Куринскаго, 41-го и 43-го егерскихъ. Амиръ-Аджи-Юртовское укрѣпленіе состояло изъ плетневой ограды, окопанной рвомъ, черезъ который легко было можно перескочить. Въ бытность свою въ укрѣпленіи и послѣ изъ Аксая генералъ-маіоръ Грековъ подтверждалъ начальнику гарнизона, 43-го егерскаго полка капитану Осипову, чтобы онъ былъ очень остороженъ и ожидалъ нападенія горцевъ. Капитанъ Осиповъ распредѣлилъ людей по фасамъ укрѣпленія, но вмѣсто того, чтобы усилить часовыхъ и поддержать ихъ резервами, разрѣшилъ всѣмъ нижнимъ чинамъ спать въ казармѣ и лишь по тревогѣ занять назначенныя имъ мѣста.

Съ наступленіемъ ночи 7-го іюля чеченцы тихо подползли среди высокой травы къ укрѣпленію со стороны лѣса и, не будучи замѣчены часовыми, передъ разсвѣтомъ съ гикомъ бросились въ укрѣпленіе; ближайшій къ непріятелю часовой только успѣлъ выстрѣлить, но тотчасъ же былъ изрубленъ. Чеченцы сломали плетень и прежде всего зажгли сарай. Разбуженные крикомъ солдаты пришли въ замѣшательство, и, пока успѣли взяться за оружіе, непріятель рубилъ

уже беззащитныхъ. Одинъ лишь незначительный унтеръ-офицерскій караулъ не былъ застигнутъ врасплохъ и перестрѣливался съ непріятелемъ. Прибѣжавшій къ нему капитанъ Осиповъ приказалъ повернуть противъ непріятеля стоявшій вблизи бракованный десятифунтовой единорогъ и успѣлъ произвести два выстрѣла картечью. Между тѣмъ пожаръ отъ сарая распространялся по всему укрѣпленію и вслѣдъ за выстрѣлами послѣдовалъ взрывъ пороха, сложеннаго подъ навѣсомъ по случаю передѣлки погреба. Взрывъ былъ такъ силенъ, что всѣ строенія въ укрѣпленіи, патронный ящикъ и лафеты подъ орудіями разбило и разбросало за Терекъ; почти всѣ люди, бывшіе въ укрѣпленіи, погибли. Видя, что укрѣпленіе потеряно, и будучи самъ раненъ въ плечо, Осиповъ приказалъ уцѣлѣвшимъ спасаться кто куда можетъ и самъ бросился въ рѣку, гдѣ и утонулъ. Два офицера и около 60-ти нижнихъ чиновъ, хотя многіе и раненые, успѣли однако же переплыть черезъ р. Терекъ, а остальные или погибли въ укрѣпленіи, или утонули. Впослѣдствіи, по разрытіи обрушившихся стѣнъ, найдено было только 25 тѣлъ, а остальныя были такъ обезображены, что опредѣлить число ихъ и узнать, къ какой націи они принадлежали, было невозможно [1]). Чеченцы увели въ плѣнъ подпоручика гарнизонной артиллеріи Дмитріева и 13 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Послѣ взрыва непріятель бросился вонъ изъ укрѣпленія и болѣе уже не возвращался.

«Непріятныя происшествія сіи, писалъ А. П. Ермоловъ генералу Грекову [2]), особенно если входитъ тутъ оплошность и недостатокъ распорядительности начальствующихъ постами офицеровъ, должны приготовить насъ еще къ непріятнѣйшимъ случаямъ, ибо, ободренные, какъ думать надобно, довольно легкимъ успѣхомъ, пріобрѣтутъ они (чеченцы) сообщниковъ и средства къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ».

Чтобы уничтожить зло въ самомъ зародышѣ, главнокомандующій отправилъ изъ Кабарды въ Грозную два баталіона Ширванскаго полка. Генералъ-маіоръ Грековъ не могъ самъ придти на помощь атакован-

---

[1]) Рапортъ Грекова Ермолову, отъ 16-го іюня 1825 г. Записки Ермолова и Радожицкаго.

[2]) Отъ 13-го іюля 1825 г., № 15.

ному Амиръ-Аджи-Юртовскому укрѣпленію, такъ какъ истомленные форсированнымъ переходомъ люди его отряда выбились изъ силъ и нуждались въ отдыхѣ. Между тѣмъ Бейбулатъ появился съ своимъ скопищемъ на Сунжѣ у Гудермеса. Угрозами и увѣщаніями онъ привлекъ новыя толпы, и можно было опасаться за спокойствіе надтеречныхъ чеченцевъ. Опасаясь за сообщенія наши съ Терекомъ, Грековъ торопился возвратиться въ Грозную. Онъ усилилъ гарнизонъ Герзель-аула одною ротою 41-го егерскаго полка съ двумя орудіями и приказалъ исправить укрѣпленіе. Пройдя затѣмъ въ крѣпость Внезапную, генералъ-маіоръ Грековъ оставилъ тамъ тоже одну роту егерей и возвратился въ крѣпость Грозную съ цѣлью собрать тамъ новый отрядъ для наказанія возмутившихся.

Въ это время чеченцы, ободренные первымъ успѣхомъ, собравшись въ числѣ до 4,000 человѣкъ, подошли къ Герзель-аулу и 9-го іюля окружили его. Въ укрѣпленіи находилось 380 человѣкъ егерей 41-го и 43-го полковъ съ 12 орудіями, подъ начальствомъ маіора 43-го егерскаго полка Пантелѣева. Въ теченіе четырехъ дней продолжалась безпрерывная перестрѣлка, и толпа пыталась нѣсколько разъ штурмовать укрѣпленіе. Имамъ совѣтовалъ идти на штурмъ, говоря, что русскія пушки и ядра не будутъ имъ вредить. Предсказанія его почти сбылись: лафеты подъ орудіями отъ сильныхъ жаровъ такъ разсохлись, что послѣ первыхъ выстрѣловъ почти всѣ развалились. Чеченцы пытались штурмовать, но были отбиты штыками и ружейными пулями. Тогда они рѣшились приступить къ осадѣ, успѣли отвести воду р. Аксая къ правому берегу его и стали приготовлять особаго рода туры. Снявъ колеса съ арбъ (телѣгъ), они вложили между спицами бревна и, катя ихъ передъ собою, приближались къ укрѣпленію, поджигали одежду съ наружной стороны бруствера и бросались въ шашки, но каждый разъ были отбиваемы. Отрѣзавъ гарнизону путь къ рѣкѣ, непріятель поставилъ защитниковъ въ крайне затруднительное положеніе и заставилъ Пантелѣева приказать выдавать запасную воду не иначе, какъ порціями, и притомъ постепенно уменьшаемыми. Стояли жаркіе іюльскіе дни; наши солдаты видѣли, какъ чеченцы купались въ рѣкѣ, а въ укрѣпленіи не было воды для питья и приходилось употреблять ледъ, сохранившійся въ погребахъ. На третій день и это средство къ утоленію

жажды исчезло, а между тѣмъ непріятель былъ уже во рву. Для пораженія его маіоръ Пантелѣевъ приказалъ бросать руками зажженныя бомбы, и чеченцы несли огромныя потери отъ ихъ разрыва [1]). Видя, что гарнизонъ страдаетъ отъ жажды, и зная многихъ солдатъ въ лицо, чеченцы требовали сдачи, обѣщали пощадить ихъ, дать чурековъ и воды. Въ отвѣтъ на это солдаты бросали имъ сухари и послѣдніе кусочки льда.

Наконецъ, въ три часа пополудни 15-го іюля, на помощь осажденному герзель-аульскому гарнизону пришли генералъ-лейтенантъ Лисаневичъ и генералъ-маіоръ Грековъ съ отрядомъ въ 1,360 человѣкъ съ 11-ю орудіями [2]). Съ прибытіемъ ихъ вооруженная толпа стала быстро отступать къ сел. Кошъ-гелды. Грековъ отправилъ въ обходъ казаковъ, но они не успѣли отрѣзать уходившихъ. Тогда Грековъ съ нѣсколькими казаками бросился къ укрѣпленію и, перескочивъ черезъ валъ, приказалъ маіору Пантелѣеву произвести вылазку. Въ это же время прискакалъ въ укрѣпленіе и генералъ Лисаневичъ съ пикою въ рукѣ.

— Ребята, говорилъ онъ, накажите злодѣевъ; помогайте другъ другу и одинъ другаго не оставляйте. Въ штыки, «ура!»

Забывши свою усталость, гарнизонъ бросился изъ укрѣпленія, выгналъ оставшихся чеченцевъ изъ приготовленныхъ ими заваловъ и преслѣдовалъ на довольно значительное разстояніе. Въ числѣ убитыхъ было много и аксаевцевъ, часть которыхъ измѣнила намъ, не смотря на всѣ старанія пристава капитана Филатова и маіора кн. Мусы Хасаева удержать ихъ въ предѣлахъ покорности. Узнавъ, что почти всѣ аксаевцы снабжали мятежниковъ продовольствіемъ и давали имъ убѣжище въ своемъ селеніи, генералъ-лейтенантъ Лисаневичъ приказалъ Хасаеву представить къ себѣ всѣхъ почетнѣйшихъ старшинъ съ тѣмъ, чтобы при этомъ были самые буйные и склонные къ мятежу. Такъ какъ наканунѣ аксаевцы просили прощенія, то генералъ-маіоръ Грековъ, ближе знакомый съ характеромъ на-

[1]) Рапортъ маіора Пантелѣева подполковнику Сарочану, 16-го іюля 1825 г., № 84.

[2]) Въ отрядѣ находились: 253 челов. 41-го егерскаго и 562 челов. 43-го егерскаго полковъ, 545 казаковъ Моздокскаго полка, Гребенскаго и Терскаго семейнаго войскъ.

рода, совѣтовалъ Лисаневичу не задерживать виновныхъ; а тѣмъ болѣе не подвергать ихъ наказанію. Такой поступокъ могъ совершенно уничтожить довѣріе къ русскому начальству и къ данному слову. А. П. Ермоловъ постоянно твердилъ своимъ подчиненнымъ, что «слово россійскаго чиновника должно быть свято, и надобно, чтобы горцы *вѣрили оному болѣе, нежели корану*».

Лисаневичъ не послушалъ совѣта, и послѣ обѣда 16-го іюля маіоръ князь Хасаевъ привелъ въ укрѣпленіе Герзель-аулъ 318 человѣкъ лучшихъ жителей Аксая. Всѣ они были обезоружены, и лишь нѣкоторымъ почетнымъ людямъ Грековъ разрѣшилъ оставить кинжалы. Лисаневичъ вышелъ къ собравшимся въ сопровожденіи Грекова, кумыкскаго старшины князя Мусы Хасаева, пристава Филатова, переводчика Соколова и гевальдигера поручика Трони. Зная хорошо татарскій языкъ, Лисаневичъ въ оскорбительныхъ выраженіяхъ упрекалъ собравшихся въ гнусной измѣнѣ, грозилъ однихъ повѣсить, а другихъ наказать розгами. Вынувъ затѣмъ списокъ наиболѣе виновнымъ, доставленный ему княземъ Хасаевымъ, Лисаневичъ сталъ самъ выкликать фамиліи. Первые двое вышли съ покорностью, были отведены въ сторону и арестованы, но третій не выходилъ. Это былъ мулла Учаръ-Хаджи, въ зеленомъ бешметѣ и бѣлой чалмѣ, съ обнаженными до колѣнъ ногами и съ большимъ поясным кинжаломъ. Лисаневичъ повторилъ вызовъ; толпа разступилась на двое, и въ углубленіи ея стоялъ Учаръ съ нахмуреннымъ лицомъ.

— Кто зоветъ меня? спросилъ онъ.

— Тебя зоветъ генералъ Лисаневичъ, отвѣчалъ переводчикъ Соколовъ, и, подойдя къ Учару, взялъ его за плечи, вывелъ изъ толпы и поставилъ рядомъ съ двумя первыми.

— Соколовъ, сказалъ Лисаневичъ, восьми у него кинжалъ.

— Не тронь меня! крикнулъ Учаръ и, выхвативъ кинжалъ, бросился на Грекова, ударилъ его сбоку подъ правую руку, а когда тотъ падалъ, то нанесъ ему рану въ животъ; вслѣдъ затѣмъ онъ обратился къ Лисаневичу и ударилъ его въ крестецъ.

Отъ Лисаневича Учаръ бросился бѣжать, но наткнулся на Филатова и нанесъ ему серьезныя раны. Въ это время Хасаевъ ударилъ Учара шашкою по головѣ, а андреевскій уздень Эминъ убилъ

его выстрѣломъ изъ ружья. Всѣ свидѣтели этой сцены были до такой степени изумлены, что никто не шелъ на помощь Лисаневичу. Послѣдній, закрывъ рукою рану, поднялся на ноги и, видя какъ Учаръ убилъ Грекова и бросился бѣжать, закричалъ: «коли!». Это было сигналомъ для истребленія аксаевцевъ: солдаты приняли ихъ въ штыки, а когда они бросились бѣжать изъ укрѣпленія, то преслѣдовали ихъ выстрѣлами. На пути бѣгства аксаевцы были встрѣчены двумя стами человѣкъ солдатъ, возвращавшихся съ фуражировки. Не зная, въ чемъ дѣло, солдаты встрѣтили бѣжавшихъ огнемъ и штыками, и немногіе изъ аксаевцевъ возвратились въ селеніе. До 200 человѣкъ ихъ сдѣлалось жертвою разсвирѣпѣвшихъ солдатъ, мстившихъ за убійство двухъ начальниковъ. Аксай опустѣлъ, и все населеніе скрылось въ лѣсу.

22-го іюля скончался генералъ-лейтенантъ Лисаневичъ, и на кавказской линіи не было ни одного генерала, такъ какъ генералъ-маіоръ Вельяминовъ находился въ то время въ экспедиціи за Кубанью. Ермоловъ самъ хотѣлъ отправляться на линію тотчасъ послѣ извѣстія о происшедшемъ въ Амиръ-Аджи-Юртѣ, но болѣзнь удерживала его въ Тифлисѣ. 24-го іюля, еще больной, главнокомандующій отправился во Владикавказъ, гдѣ долженъ былъ по причинѣ той же болѣзни отдохнуть нѣсколько дней, прежде чѣмъ двинуться далѣе. Пользуясь своимъ пребываніемъ во Владикавказѣ, Алексѣй Петровичъ приказалъ упразднить укрѣпленіе *Преградный станъ*, какъ расположенное на такомъ разстояніи отъ р. Сунжи, что вода легко могла быть отрѣзана непріятелемъ. Одновременно съ этимъ, по распоряженію главнокомандующаго, старая дорога отъ Моздока до Владикавказа, черезъ хребетъ Кабардинскихъ горъ, какъ неудобная для движенія транспортовъ и подверженная нападенію хищниковъ, была перенесена отъ Екатериноградa, черезъ Урухскую крѣпость, мимо Татартупскаго мыса и черезъ р. Ардонъ до Владикавказа. Перенесеніе этой дороги было особенно необходимо потому, что положеніе нашей линіи противъ Кабарды и Чечни было подвержено большой опасности. Войскъ на линіи было мало, и главнокомандующій торопился придти къ нимъ на помощь съ новыми силами. Его особенно заботило положеніе Герзель-аула и всего лѣваго фланга линіи, начальство надъ которымъ принялъ подполковникъ Сарочанъ.

Съ выступленіемъ послѣдняго въ Грозную изъ Герзель-аула, гдѣ былъ оставленъ ширванскій баталіонъ и по ротѣ 41-го и 43-го егерскихъ полковъ, чеченцы въ ту же ночь вошли въ Аксай и 25-го іюля сожгли три дома, принадлежавшіе лицамъ намъ приверженнымъ, и въ томъ числѣ домъ князя Мусы Хасаева. Аксаевцы и качкалыки присоединились къ чеченцамъ, и мятежники раздѣлились на двѣ партіи: одна пошла внизъ, а другая—въ Аухъ, съ намѣреніемъ двинуться къ Андрееву, склонить на свою сторону жителей и, при ихъ содѣйствіи, атаковать крѣпость Внезапную [1]).

Всѣ эти извѣстія заставляли Ермолова торопиться выступленіемъ. «Долго зажился я здѣсь, писалъ главнокомандующій полковнику Сарочану [2]), потому что болѣзнь моя усилилась и могла быть не скоро излеченною. Теперь я здоровъ и только осталась слабость; со всѣмъ тѣмъ скоро я буду въ Грозной. Не переставайте, любезный сослуживецъ, подтверждать войскамъ о соблюденіи самой строгой осторожности и чтобы имѣли въ памяти Осипова, котораго имя да будетъ поруганіемъ. Старайтесь повсюду запастись провіантомъ и чтобы доставленіе онаго къ мѣстамъ было обезпечено».

9-го августа главнокомандующій выступилъ изъ Владикавказа и, черезъ Назранъ, Казахъ-кечу, Грозную и Червленную, прибылъ къ Амиръ-Аджи-Юрту. Присоединяя по пути войска, онъ, при переправѣ черезъ р. Терекъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи шесть ротъ пѣхоты, 300 донскихъ и 250 линейныхъ казаковъ съ девятью орудіями. Ермоловъ торопился прибыть къ сел. Андреево, гдѣ неблагонамѣренные люди готовы были произвести возмущеніе и, соединясь съ сосѣдними горцами, пристать къ имаму, продолжавшему возбуждать населеніе къ всеобщему возстанію. Еще будучи въ Грозной, главнокомандующій писалъ кумыкамъ, что скоро прибудетъ въ Андреево, и просилъ быть осторожными въ своемъ поведеніи.

«Прибывъ въ крѣпость Грозную, писалъ А. П. Ермоловъ андреевскимъ князьямъ, узденямъ и народу, узналъ я, что измѣнники аксаевскіе приглашаютъ мошенниковъ чеченцевъ идти въ Андреево, обѣщая имъ, что сообщники ихъ, готовые возмутить жителей Андрее-

---

[1]) Рапортъ капитана Филатова подполковнику Сарочану, 25-го іюля, № 238.

[2]) Въ письмѣ отъ 7-го августа 1825 г.

ва, примутъ ихъ дружественно и дадутъ имъ средство, вырѣзавъ армянъ, обогатиться добычею.

«Не хочу я вѣрить сему, но совѣтую быть осторожными, ибо подобное происшествіе, если въ немъ участвовать будутъ жители самаго Андреева, можетъ быть причиною гибели самаго города.

«Мнѣ хорошо извѣстны обстоятельства, и я весьма скоро буду въ Андреевѣ.

«Увѣряю людей честныхъ и благонамѣренныхъ въ моемъ благорасположеніи. Никогда не будетъ позволено возвратиться никому изъ тѣхъ, которые теперь оставятъ городъ. На время моего здѣсь пребыванія начальникомъ въ кумыкскихъ владѣніяхъ назначаю артилеріи полковника Мищенко, которому князья и народъ должны оказывать повиновеніе».

Изъ Амиръ-Аджи-Юрта Ермоловъ пошелъ сначала къ г. Аксаю, а затѣмъ намѣренъ былъ идти къ Андрею. Съ приближеніемъ нашихъ войскъ населеніе бѣжало—и Аксай былъ пустъ. Вызвавъ жителей, Ермоловъ объявилъ имъ прощеніе, но съ тѣмъ, чтобы они переселились на новое мѣсто жительства. Переселеніе это было необходимо для окончательнаго прерванія связи аксаевцевъ съ чеченцами, и мѣсто для новаго Аксая было назначено на р. Ташъ-кечу, «несравненно выгоднѣйшее прежняго, ибо здѣсь жители Аксая имѣли лучшее свое хлѣбопашество, здѣсь прежде бывало богатое ихъ скотоводство». Для охраненія новаго поселенія и вмѣстѣ съ тѣмъ для удержанія его въ страхѣ, 7-го октября было заложено укрѣпленіе *Ташъ-кечу*, а 10-го числа укрѣпленіе *Герзель-аулъ* было упразднено.

XXIII.

Отношенія Россіи къ Персіи.—Неудачная попытка послѣдней заключить оборонительный союзъ съ Турціей.—Отправленіе посла въ Петербургъ.—Письма шаха и Абасъ-Мирзы Императору Александру.—Отвѣты на нихъ.—Непріязненные поступки Абасъ-Мирзы противъ Россіи.—Вопросъ о разграниченіи по Гюлистанскому трактату.—Дѣятельность нашего повѣреннаго въ дѣлахъ.—Затрудненія, дѣлаемыя Абасъ-Мирзою въ окончательномъ проведеніи границы.—Отреченіе Ефрема отъ патріаршаго престола.—Назначеніе коммиссіи для разграниченія.—Переписка по этому поводу Ермолова съ Абасъ-Мирзою.—Отправленіе Ваценко генеральнымъ консуломъ въ Персію.—Отказъ персидскаго правительства дозволить ему избрать мѣстопребываніемъ Гилянь.—Переписка по этому поводу.—Прибытіе въ Тифлисъ Фетхъ-Али-хана съ порученіемъ отъ Абасъ-Мирзы.—Условія, съ нимъ заключенныя и непринятыя персидскимъ правительствомъ.—Приготовленія персіянъ къ военнымъ дѣйствіямъ.—Рескриптъ Императора Александра Ермолову.

Волненія въ Чечнѣ и Дагестанѣ на время отвлекли вниманіе Ермолова отъ весьма важнаго вопроса, касающагося отношеній Россіи къ Персіи, отношеній весьма натянутыхъ, приведшихъ, въ недалекомъ будущемъ, къ разрыву и непріязненнымъ дѣйствіямъ между двумя державами.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Ермолова изъ Султаніэ, персидское правительство отправило въ Константинополь посланника Мугибъ-Али-хана съ предложеніемъ заключить наступательный и оборонительный союзъ противъ Россіи, какъ единственное средство отклонить угрожающую опасность. При первомъ совѣщаніи Мугибъ-Али-ханъ старался внушить Портѣ, что ожиданіе Персіи сблизиться съ Россіею не исполнилось, и петербургскій кабинетъ не призналъ возможнымъ исполнить данное будто бы обѣщаніе уступить часть земель, пріобрѣтенныхъ Россіею по Гюлистанскому трактату. Персидскій посланникъ обращалъ вниманіе Порты на возрастающее могущество Россіи и увѣрялъ, что оно угрожаетъ цѣлости мусульманскихъ имперій. Лаская самолюбіе султана, Мугибъ говорилъ, что, заключивъ союзъ съ Персіею и распространивъ его на всѣ магометанскія владѣнія,

оттоманскій императоръ станетъ главою союза и тѣмъ возвратитъ престолу своему весь блескъ древнихъ халифовъ, преемникомъ которыхъ султанъ себя называетъ.

Порта не приняла этихъ словъ за чистую монету и поступила съ крайнею осторожностью. Обративъ вниманіе на собственное положеніе относительно Россіи, на народную и религіозную ненависть, существующую между турками и персіянами, турецкое министерство отклонило предложеніе Мугиба.

— Сношенія Порты съ Персіею, отвѣчали Мугибу представители власти въ Турціи, безъ того уже опираются на священномъ основаніи единовѣрія и излишне было бы прибѣгать къ какимъ-либо новымъ связямъ, которыя не въ состояніи придать болѣе силы тѣсному и дружескому согласію, существующему нынѣ между обѣими державами.

Послѣ такого отвѣта Мугибъ рѣшился ѣхать обратно. Порта не только не удерживала его, но отмѣнила даже нѣкоторыя празднества, назначаемыя обыкновенно, по азіятскому обычаю, въ честь посла дружественной державы. «Подарки, — писалъ Ермолову напъ посланникъ въ Константинополѣ [1]), — кои получилъ онъ при отъѣздѣ, самые бездѣльные и по обычаямъ нашимъ показались бы непристойными. Посланнику выдано 10,000 піастровъ, а свитѣ его 5,000 и ничего болѣе».

Не достигнувъ желаемаго въ столицѣ султана, тегеранскій дворъ принужденъ былъ отказаться навсегда отъ возвращенія потеряннаго, подумать о внутреннемъ спокойствіи страны и въ особенности объ уничтоженіи на будущее время междоусобной вражды за престолонаслѣдіе, возникавшей послѣ смерти шаха.

Между тѣмъ, петербургскій кабинетъ, желая имѣть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія обо всемъ происходящемъ въ Персіи, назначилъ, на основаніи трактата, кол. сов. Мазаровича повѣреннымъ въ дѣлахъ и въ помощь ему: секретаремъ—переводчика Грибоѣдова, а канцелярскимъ служителемъ—актуаріуса Амбургера. Распоряженіе это не достигло еще до Тифлиса, когда въ этотъ городъ пріѣхалъ пер-

---

[1]). Письмо барона Строганова, отъ 15-го мая 1818 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 357.

сидскій чиновникъ Мамедъ-Хасанъ-ханъ Авшарскій, отправленный шахомъ въ Петербургъ подъ предлогомъ доставленія лошадей въ подарокъ Императору Александру, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы упросить русское правительство признать Абасъ-Мирзу наслѣдникомъ престола. Желаніе это было на столько сильно, что персидскій принцъ еще ранѣе отправленія Мамеда объявилъ князю Бебутову, въ бытность его въ Тавризѣ, что если русское правительство не признаетъ его наслѣдникомъ, то онъ будетъ имѣть въ Ермоловѣ личнаго врага и увѣрится въ этомъ. Такое заявленіе не было новостью для главнокомандующаго, видѣвшаго въ персидскомъ принцѣ непримиримаго врага Россіи и человѣка двуличнаго. «Признаніе Абасъ-Мирзы наслѣдникомъ—писалъ Алексѣй Петровичъ [1])—не удалитъ отъ Персіи тѣхъ бѣдствій, которыя ей угрожаютъ, и не предоставитъ того благоденствія, котораго государь императоръ въ великодушіи своемъ желаетъ сосѣдственной и пріязненной державѣ. Великодушіемъ нельзя покорить сего злодѣя, и признаніе его наслѣдникомъ дало бы ему новыя къ злодѣяніямъ средства».

При такомъ взглядѣ на наши отношенія къ Персіи, Ермоловъ принялъ его посланнаго довольно холодно и, отправляя въ Петербургъ, въ сопровожденіи своего адъютанта, князя Бебутова, далъ послѣднему весьма строгую инструкцію [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, считая

---

[1]) Гр. Нессельроде въ отношеніи отъ 10-го августа 1818 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 367.

[2]) «Вамъ извѣстенъ, писалъ Ермоловъ князю Бебутову, образъ содержанія въ Персіи посылаемыхъ отъ насъ чиновниковъ, что вы надъ собою собственно испытали. Извѣстно вамъ также, что не приличествовало бы уподобиться въ семъ случаѣ персіянамъ, а потому извольте содержаніе хану производить во всемъ достаточное по образу ихъ жизни, и если оно не будетъ отнюдь роскошное, вамъ легко сдѣлать его неподобнымъ тому подлому и гнусному, которымъ они безъ различія каждаго надѣляютъ. Если же ханъ, какъ прежніе чиновники, съ посломъ персидскимъ бывшіе, позволятъ себѣ разныя неприличныя требованія, то стараться, пристойными внушеніями, отклонить отъ того. Если же, подобно какъ они, будетъ онъ и наглъ, и дерзокъ, то объявить ему отъ имени моего, что, недавно будучи въ Персіи, знаю я очень хорошо, какъ съ нимъ поступать должно и какъ всего ожидать можно отъ персіянина, когда нѣтъ надъ нимъ власти грозящей палки,—то извольте объявить ему, что вамъ въ такомъ случаѣ приказано отправить нарочнаго въ С.-Петербургъ съ доне-

гораздо болѣе выгоднымъ для Россіи не признавать Абасъ-Мирзу наслѣдникомъ и сохранить такой знакъ вниманія императора для будущаго времени, Ермоловъ предупреждалъ графа Нессельроде, что Мамедъ-Хасанъ-ханъ «есть одинъ изъ умнѣйшихъ персіянъ» и что лучше не входить съ нимъ ни въ какіе переговоры, а принять безъ всякихъ почестей, какъ чиновника, присланнаго собственно для представленія лошадей. Мнѣніе главнокомандующаго было уважено, и Императоръ Александръ принялъ его въ числѣ прочихъ представляющихся, а не отдѣльно. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь приказалъ: назначить ему умѣренное содержаніе, показать все заслуживающее вниманія: арсеналы, заводы и въ особенности войско, «дабы вывести его изъ общаго всѣмъ персіянамъ заблужденія на счетъ могущества земли ихъ» [1]).

сеніемъ къ министру, и что до разрѣшенія отъ него въ столицу вы его не допустите.

«Въ городахъ гг. городничимъ извольте внушить, чтобы они первые сдѣлали посѣщеніе хану, но и ему дайте знать, чтобы онъ таковымъ же отвѣтствовалъ. Если по персидской глупой гордости онъ того сдѣлать не захочетъ, то впредь того не дѣлать. Гг. губернаторамъ ханъ непремѣнно долженъ сдѣлать посѣщеніе, какъ вы сами наблюдали въ отношеніи къ бегларъ-беямъ и визирямъ въ ихъ городахъ. Если онъ будетъ отъ того отказываться, то отъ имени моего скажите, что о томъ донесено будетъ мнѣ, а отъ меня дано знать шаху объ его невѣжливости. Предувѣдомьте гг. губернаторовъ, что имъ не приличествуетъ отдавать имъ посѣщенія яко визирямъ великаго государя, но что въ обыкновеніяхъ персидскихъ надобно присылать къ нему освѣдомляться о здоровьи и доставлять въ подарокъ фрукты или дичь. Если гдѣ встрѣтятся на пути квартирующія войска, извольте явиться къ начальнику оныхъ и отъ меня представить, что весьма полезно, если ханъ увидитъ ихъ въ полномъ блескѣ и устройствѣ, и что о семъ данномъ мною вамъ приказаніи донесено отъ меня для доклада его императорскому величеству. Въ такомъ случаѣ, если начальникъ войскъ пригласитъ къ себѣ хана, по персидскому обыкновенію, на чай, вразумите его, что отказывать непристойно, и всегда прежде извѣдайте, согласенъ ли онъ будетъ на приглашеніе, прежде нежели самое приглашеніе сдѣлано будетъ. До отказа никогда не допустите, или, если онъ обѣщалъ и обманулъ, то объявите ему, что въ нашемъ понятіи сіе весьма подло и прощается однимъ только людямъ непросвѣщеннымъ» (Предписаніе Ермолова князю Бебутову, 31-го іюля 1818 г. Арх. мин. иностр. дѣлъ, 1—6, 1818 г., № 1).

[1]) Письмо князю Бебутову отъ управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, д. с. с. Убри, 28-го декабря 1818 г. Тамъ же № 384.

Прибывъ въ Петербургъ, Мамедъ-Хасанъ-ханъ представилъ письма шаха и Абасъ-Мирзы.

«Основаніе дружбы—писалъ шахъ Императору Александру—твердо и порядокъ добраго согласія устроенъ: двѣ державы пребываютъ между собою во взаимномъ согласіи, и дѣла текутъ по желанію, и ото дня на день расположеніе и согласіе усугубляются, ибо съ тамошней стороны вы, счастливый братъ, имѣете совершенную волю и стараетесь о сохраненіи дружескихъ условій, а съ здѣшней—я имѣю стараніе и раченіе поддержать союзъ добраго согласія; побѣдоносный же сынъ мой, новая и благая луна государства и наслѣдникъ Абасъ-Мирза, посредникъ въ дружественномъ союзѣ и любви, по существующему между обѣими державами дружественному союзу, есть обѣимъ державамъ равный сынъ, почему и старается о соблюденіи и усугубленіи мирныхъ и дружескихъ правилъ».

Сообщая, что избралъ Абасъ-Мирзу наслѣдникомъ персидскаго престола, Фетхъ-Али-шахъ просилъ Императора Александра принять въ основаніе, «дабы отнынѣ въ письмахъ, могущихъ слѣдовать отъ тамошняго (русскаго) двора, было признано, что наслѣдство и преемничество государства моего собственно ему отдано и принадлежитъ».

«Я увѣренъ,—прибавлялъ шахъ,—что какъ вышеупомянутый Абасъ-Мирза моему счастливому брату и мнѣ сынъ и соединяетъ обѣ державы искреннимъ расположеніемъ, то все, что съ моей стороны въ его пользу сдѣлается, конечно и для счастливаго сердца вашего императорскаго величества будетъ благопріятно».

Абасъ-Мирза выражалъ то же желаніе. Онъ увѣрялъ, что хотя и употребляется стараніе къ сохраненію любви и расположенія между двумя державами, «но оно меркнетъ передъ тѣми усиліями, которыя прилагаются» съ его стороны. Абасъ-Мирза называлъ Императора отцомъ, клялся въ своихъ дружественныхъ расположеніяхъ и обѣщалъ въ будущемъ связать обѣ державы неразрывными узами дружбы и добраго согласія. Чтобы болѣе расположить Императора въ свою пользу, шахъ, по азіятскому обычаю и по собственнымъ понятіямъ, считалъ необходимымъ сдѣлать подарокъ и прислалъ 10 жеребцовъ отъ себя и трехъ отъ Абасъ-Мирзы, причемъ послѣдній въ письмѣ императору прибавлялъ желаніе, чтобы «*конь славнаго вашего времени былъ смиренъ*».

Желаніе это было не чистосердечно, потому что въ то самое время, когда персидскій посолъ увѣрялъ наше правительство въ искреннѣйшемъ расположеніи своего двора, до петербургскаго кабинета стали доходить слухи о неблаговидныхъ поступкахъ Абасъ-Мирзы. Въ началѣ 1819 года, вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Тавриза въ Тегеранъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ—Мазаровича, персидскій принцъ тайно принималъ посланнаго Шихъ-Али-хана, прибывшаго съ цѣлымъ мѣшкомъ ушей и другихъ членовъ, отрѣзанныхъ у русскихъ солдатъ, убитыхъ въ сраженіи, происходившемъ въ городѣ Башлахъ. Около часа продолжалась аудіенція у Абасъ-Мирзы, и по выходѣ посланнаго была открыта пальба изъ пушекъ. Торжество въ Тавризѣ продолжалось три дня сряду, причемъ лезгину, прибывшему со столь радостнымъ извѣстіемъ, была собрана съ народа и подарена значительная сумма денегъ [1]).

Послѣ первой удачной попытки подобные посланные изъ разныхъ мѣстъ Дагестана являлись часто въ Тавризѣ и каждый разъ принимались съ особою ласкою и предупредительностью. Абасъ-Мирза обнадеживалъ горцевъ и обѣщалъ во всѣхъ предпріятіяхъ противъ Россіи оказать имъ помощь какъ войсками, такъ и деньгами; точно такою же помощью обнадежилъ онъ и царевича Александра.

Вызвавъ его изъ Турціи, персидскій принцъ отдалъ ему въ управленіе лежащую на самой границѣ область Даралагёзъ, населенную бо́льшею частью выходцами изъ Карабага. Посредствомъ своихъ связей и родства въ Грузіи, царевичъ Александръ надѣялся вызывать населеніе изъ нашихъ владѣній и населять порученную ему область, а Абасъ-Мирза старался женить его, дабы онъ имѣлъ дѣтей мужескаго пола. Съ этою цѣлью персидскій принцъ отправилъ первосвященнику живущаго въ Турціи айсорскаго христіанскаго народа предложеніе выдать племянницу свою въ замужество за царевича Александра [2]).

Такое поведеніе Абасъ-Мирзы относительно державы, у которой онъ хлопоталъ о признаніи себя наслѣднымъ принцемъ, было болѣе

[1]) Отношеніе Ермолова графу Нессельроде, 2-го апрѣля 1819 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 390.

[2]) Отношеніе Ермолова графу Нессельроде, 27-го мая 1819 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 394.

чѣмъ странно,—тѣмъ не менѣе петербургскій кабинетъ не призналъ возможнымъ уклониться совершенно отъ признанія Абасъ-Мирзы наслѣдникомъ престола.

«Мы получили—писалъ Императоръ Александръ въ грамотѣ Фетхъ-Али-шаху [1])—преисполненную дружескими увѣреніями грамату вашего величества къ намъ, отправленную съ высокостепеннымъ и между начальниками избраннымъ Мамедъ-Хасанъ-ханомъ авшарскимъ.

«Раздѣляя въ полной мѣрѣ изъявляемое вашимъ величествомъ удовольствіе, что миръ и доброе согласіе между обоими государствами столь твердо и нерушимо продолжаются, мы увѣрены, что при всегдашнемъ стараніи вашего величества о ихъ сохраненіи, они, конечно, утвердятся еще болѣе и болѣе. Къ той же цѣли постоянно устремлены желанія и попеченія наши, и мы не сомнѣваемся, что сіе спасительное дѣло увѣнчается полнымъ успѣхомъ, при взаимномъ содѣйствіи общихъ намѣреній, споспѣшествуемыхъ дружелюбнымъ расположеніемъ высоко знаменитаго сына вашего шахъ-задэ Абасъ-Мирзы, коего, по особому благорасположенію, ваше величество провозгласили нарѣченнымъ наслѣдникомъ престола персидскаго. Мы увѣрены, что ваше величество приступили къ сему выбору, признавъ, что его высочество болѣе другихъ способенъ не только, чтобы утвердить внутреннее въ государствѣ спокойствіе и содѣлать счастливымъ народъ, предназначенный его управленію, но также, чтобы укрѣпить еще болѣе существующія связи между обоими государствами, охраняя миръ и доброе согласіе.

«Уважая сіи причины, побудившія ваше величество къ таковому выбору, Мы вмѣняемъ себѣ въ дружескую обязанность изъявить наше согласіе на изъясненныя въ оной грамотѣ намѣренія вашего величества. Для насъ пріятно вѣрить, что когда, по непреложнымъ судьбамъ Всевышняго, сей наслѣдникъ призванъ будетъ къ занятію престола, обреченнаго ему вашимъ величествомъ, то онъ наслѣдуетъ вмѣстѣ съ онымъ также ваше къ Россіи расположеніе и, послѣдуя благопріятственнымъ вашимъ правиламъ, кои навсегда содѣлаютъ Персію столь же счастливою, какъ и въ достославное царствованіе

[1]) Отъ 8-го мая 1819 г. Арх. мин. иностр. дѣлъ, 1—6, 1818 г., дѣло № 1.

ваше, въ полной мѣрѣ оправдаетъ ту высокую довѣренность, каковой онъ нынѣ удостоенъ наиблистательнѣйшимъ образомъ».

Въ отвѣтной же граматѣ Абасъ-Мирзѣ Императоръ Александръ, между прочимъ, говорилъ [1]):

«Поручая вашему высочеству быть истолкователемъ и исполнителемъ благородныхъ намѣреній своихъ, клонящихся всегда къ вящшему утвержденію толь счастливо существующихъ связей между обоими государствами, его шахское величество воздаетъ достойную почесть отличнымъ вашимъ качествамъ, кои и мы признаемъ съ должною справедливостью.

«Уважая обратившійся на особу вашу выборъ его шахова величества, назначившаго васъ нарѣченнымъ своимъ наслѣдникомъ престола персидскаго, мы съ удовольствіемъ поздравляемъ съ симъ ваше высочество и надѣемся, что при всякомъ случаѣ вы не оставите подавать намъ твердыя доказательства вашего искренняго желанія пребывать съ нами въ совершенномъ согласіи и утвердить чрезъ то тишину и спокойствіе между ввѣренными отъ Всевышняго промысла общему попеченію нашему народами».

Передавая эти граматы персидскому послу и зная изъ донесеній Ермолова о враждебныхъ поступкахъ Абасъ-Мирзы, графъ Нессельроде высказалъ Мамедъ-Хасанъ-хану, что его удивляютъ слухи, дошедшіе до Петербурга. Посолъ увѣрялъ, что все это несправедливо и неосновательно. Не оспаривая права персидскаго правительства дать у себя убѣжище царевичу Александру, издавна преданному Персіи, графъ Нессельроде требовалъ только, чтобы были положены преграды возмутительнымъ его сношеніямъ съ Грузіею и горскими народами. Персидскій посолъ обѣщалъ исполнить желанія Россіи, но нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ, не полагаясь на слова Мамедъ-Хасанъ-хана, просилъ Ермолова напомнить о томъ послу, когда прибудетъ онъ въ Тифлисъ. «Безъ сомнѣнія, прибавлялъ графъ Нессельроде [2]), онъ (посолъ), по прибытіи на мѣсто, донесетъ обо всемъ

---

[1]) Въ граматѣ отъ 8-го мая 1819 г. Арх. мин. иностр. дѣлъ, 1—6, 1818 г., дѣло № 1.

[2]) Въ отношеніи Ермолову, отъ 26-го мая 1819 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 393.

персидскому правительству. Сіе, можетъ быть, принудитъ оное оправдаться.

«Постоянная воля его величества сохранить доброе согласіе съ Персіею заставляетъ даже желать сего, хотя довольно извѣстно, что всякое объясненіе онаго будетъ основано на свойственной персіянамъ гибкой коварности. Но лучше принять оправданіе, какое бы оно ни было, нежели оставаться въ явномъ неудовольствіи».

Близко зная положеніе дѣлъ и характеръ правительства, Ермоловъ не могъ раздѣлять взглядовъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ. «Извѣстно, говорилъ Алексѣй Петровичъ, что относительно царевича (Александра) письменно предупреждалъ я Абасъ-Мирзу, бывши въ Тавризѣ, но съ персіянами условія трактата ничего не значатъ. Въ столицѣ его (Абасъ-Мирзы) всѣ злоумышленія противъ насъ пріемлются съ восхищеніемъ и безпрерывно получаю я возможныя увѣренія въ дружбѣ. Видя, что нельзя вразумить правила чести, сношу я подлости, какъ сродный недостатокъ, а онъ доволенъ, почитая обманъ непримѣченнымъ. Думаю, что нѣтъ никакой пользы утверждать персіянъ въ правахъ давать убѣжище всѣмъ нашимъ злодѣямъ, отъ коихъ ничѣмъ не разнствуетъ и бѣглый царевичъ Александръ».

Не предвидя никакой пользы отъ такого политическаго поведенія, сторонникомъ котораго былъ графъ Нессельроде, Ермоловъ приказалъ однако же находившемуся въ Тифлисѣ генералу Вельяминову напомнить Мамедъ-Хасанъ-хану слова, сказанныя ему нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, и принять мѣры къ скорѣйшему отъѣзду хана изъ Тифлиса [1]).—Вельяминовъ освѣжилъ въ памяти посла всѣ враждебные поступки Персіи противъ Россіи, но Мамедъ обвинилъ въ вызовѣ царевича Александра эриванскаго хана, а во всемъ остальномъ отговаривался тѣмъ, что мы имѣемъ невѣрныя извѣстія.

— Мѣсяца полтора тому назадъ, сказалъ Вельяминовъ, персіянинъ Багиръ-бекъ провезъ черезъ Ширванское ханство 7,000 червонныхъ дагестанскимъ бунтовщикамъ.

— Да, но объ этомъ шахъ ничего не знаетъ, отвѣчалъ хитрый

[1]) Предписаніе Ермолова Вельяминову, 6-го іюля 1819 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 396.

персіянинъ, и я по пріѣздѣ своемъ долгомъ сочту обо всемъ открыть глаза шаху.

— Вторженіе челабіанцевъ, эриванцевъ и другихъ разбойниковъ въ русскіе предѣлы, говорилъ Вельяминовъ, и неудовлетвореніе персидскимъ правительствомъ жителей за причиненные грабежи, ясно показываетъ невниманіе къ дружественной сильной державѣ. Намъ легко было бы за такія вторженія отплатить такими же въ ваши предѣлы, но мы, свято сохраняя дружественный союзъ, воспрещаемъ дѣлать вторженія, хотя пограничные жители горятъ желаніемъ отмстить за разбои персіянъ.

Челабіанцы и персидскаго правительства не слушаютъ, отвѣчалъ Мамедъ-Хасанъ-ханъ, а разбои эриванцевъ происходятъ отъ личной вражды сердаря съ пограничнымъ вашимъ начальникомъ княземъ Саварсемидзе.

Обѣщая и объ этомъ донести шаху, Мамедъ спрашивалъ, пропустятъ ли Шихъ-Али-хана, если бы онъ пожелалъ отправиться изъ Дагестана въ Персію, но Вельяминовъ выразилъ сомнѣніе послѣ всѣхъ его непріязненныхъ поступковъ.

Вы были въ Россіи, заключилъ Вельяминовъ, видѣли ея могущество и должны удостовѣриться, что въ непріязненныхъ поступкахъ Персія противъ Россіи всегда проиграетъ; слѣдовательно, собственное счастіе и спокойствіе Персіи требуютъ, чтобы она была съ Россіею въ мирѣ.

Посолъ казался убѣжденнымъ этими словами и обѣщалъ употребить всѣ свои силы къ возстановленію совершенной дружбы между обѣими державами. Обѣщанія эти, конечно, остались пустою фразою. Мамедъ-Хасанъ-ханъ могъ передать только все, что видѣлъ и слышалъ въ Россіи, но большаго сдѣлать онъ былъ не въ силахъ изъ опасенія потерять голову.

Получивъ грамату Императора Александра, Абасъ-Мирза не считалъ болѣе нужнымъ скрывать своей непріязни къ Россіи. Онъ рѣшилъ заявить претензію на уступку Персіи Карабага и думалъ, что заставитъ согласиться на то, въ виду возмущенія горскихъ народовъ, для поддержанія которыхъ не жалѣлъ денегъ. Чеченцы и лезгины получили довольно значительныя суммы на вооруженіе, и въ пограничныя провинціи назначены были лица, ненавидящія Россію. Эри-

ванскій ханъ былъ родственникомъ шаха, «которому за деньги всѣ неистовства» были позволены; земли, пограничныя съ Карабагскимъ ханствомъ, какъ мы уже сказали, были отданы въ управленіе царевичу Александру, а земли, смежныя съ Талышинскимъ ханствомъ,— убійцѣ князя Циціанова, который всегда былъ въ особенной милости у Абасъ-Мирзы и жилъ въ Тавризѣ.

«Сей выборъ принадлежитъ благороднымъ свойствамъ наслѣдника, писалъ Ермоловъ [1]). Вотъ опоры, на которыхъ покоится дружба наша съ Персію. Абасъ-Мирза не сомнѣвался, что Государь Императоръ не будетъ противиться волѣ отца его въ избраніи его наслѣдникомъ престола; но всѣ его желанія стремились къ испрошенію у его императорскаго величества признанія потому, что сильныя въ государствѣ противныя ему партіи въ отлагательствѣ или умедленіи сего признанія заключали надежды свои, что Россія не отвергнетъ права первородства старшаго брата его Мамедъ-Али-Мирзы. Теперь Абасъ-Мирза не имѣетъ причинъ страшиться противныхъ партій, и онѣ падутъ непремѣнно, зная рѣшительную волю россійскаго императора; но смѣю увѣрить в. с., что не свойство его чувствовать благодѣяніе. Онъ выйдетъ изъ предѣловъ умѣренности, въ которыхъ его удерживала боязнь, воспользуется первымъ благопріятнымъ случаемъ, и выборъ времени не министерству его глупому принадлежать будетъ, но постороннему вліянію, которому легко будетъ управлять слабымъ характеромъ и весьма мелочными его способностями и котораго нельзя будетъ упрекать въ незнаніи дѣлать намъ вредъ».

Алексѣй Петровичъ справедливо сожалѣлъ, что не успѣлъ отклонить признанія Абасъ-Мирзы наслѣдникомъ и вѣрно предугадывалъ послѣдующія событія. Наслѣдникъ персидскаго престола сталъ усиливать свое значеніе и, стараясь обратить на себя вниманіе Порты, выставлялъ своего старшаго брата въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Ему необходимо было расположеніе турецкаго правительства, чтобы въ случаѣ внутреннихъ безпокойствъ отдалить отъ Мамедъ-Али-Мирзы всякую помощь. Поведеніе и поступки Абасъ-Мирзы относительно Россіи не могли назваться дружественными, но Импе-

[1]) Графу Нессельроде, 18-го октября 1819 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 402.

раторъ Александръ признавалъ необходимымъ въ отношеніи Персіи ограничиваться только охраненіемъ правъ, предоставленныхъ намъ по Гюлистанскому трактату. Далѣе этого онъ не имѣлъ видовъ, кромѣ достиженія тѣснѣйшаго дружества, «*снисходя къ неразумнію и не оскорбляясь невѣжествомъ*».

Персидское правительство вполнѣ воспользовалось такимъ снисхожденіемъ русскаго императора, и петербургскій кабинетъ долгое время не могъ добиться того, чтобы приступлено было къ разграниченію земель. Починъ дѣйствій былъ предоставленъ персіянамъ, и Ермоловъ, ограниченный миролюбивыми видами императора и предписаніями изъ Петербурга, не могъ дѣйствовать самостоятельно, какъ представитель первенствующей державы. Отправляя Мазаровича въ Персію и находясь самъ въ Дагестанѣ, Алексѣй Петровичъ передалъ генералъ-лейтенанту Вельяминову всѣ сношенія съ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ и всѣ распоряженія, относящіяся до дѣлъ съ Персіею [1]). Приказавъ Мазаровичу въ своихъ донесеніяхъ излагать только одни факты, главнокомандующій сообщилъ о томъ и графу Нессельроде. «Объ успѣхахъ или неудачѣ его (Мазаровича) усилій, писалъ Ермоловъ [2]), онъ будетъ доносить вашему сіятельству безъ разсужденія съ своей стороны, по точному смыслу предписанія». Мазаровичъ принужденъ былъ основать свое пребываніе въ Тавризѣ, такъ какъ шахъ поручилъ всѣ дѣла съ Россіею Абасъ-Мирзѣ и съ свойственной ему довѣрчивостью вѣрилъ ложнымъ донесеніямъ сына.

«Вотъ уже пять мѣсяцевъ, какъ я здѣсь, писалъ Мазаровичъ [3]); положеніе россійскихъ подданныхъ, занимающихся торговлею въ Персіи, въ жалкомъ положеніи. Со всѣхъ сторонъ окруженъ я просьбами на мѣстное персидское начальство, жестоко ихъ притѣсняющее. Я прилагаю все мое стараніе удовлетворять ихъ, но могу имѣть

---

[1]) Предписаніе Вельяминову, 27-го января 1820 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 407.

[2]) Графу Нессельроде, отъ 5-го марта 1820 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 413.

[3]) Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, отъ 30-го декабря 1819 г., за № 161. Арх. мин. иностр. дѣлъ, 1—9, 1819 г., № 2.

вліяніе только на чиновниковъ, находящихся въ Тавризѣ, ибо письменныя отношенія не имѣютъ никакого успѣха».

Мазаровичъ просилъ коллегію иностранныхъ дѣлъ назначить консуловъ во всѣ пограничные города, «безъ которыхъ притѣсненія никогда не прекратятся, ибо даже шахскіе фирманы не имѣютъ никакого дѣйствія на его сатраповъ».

Ознакомить шаха съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ было весьма трудно, потому что Мазаровичъ безъ разрѣшенія шаха не имѣлъ права пріѣзжать въ Тегеранъ, а согласіе это могло послѣдовать только черезъ того же Абасъ-Мирзу, человѣка самонадѣяннаго и гордаго. Безпредѣльное самолюбіе наслѣдника престола и малая предусмотрительность закрывали отъ него даже собственную пользу. Трудно было вразумить его, что строгое соблюденіе трактата можетъ доставить благоденствіе Персіи, сохранить ея цѣлость и независимость. Осторожное поведеніе Мазаровича не устраняло неудовольствій, и Абасъ-Мирза прибѣгалъ къ разнаго рода выдумкамъ, чтобы найти случай обвинить Россію. Онъ ненавидѣлъ Ермолова, старался, избѣгая его, войти въ непосредственное сношеніе съ министерствомъ и былъ несказанно радъ, когда распространился слухъ, будто бы Алексѣя Петровича отзываютъ изъ Грузіи къ другому назначенію. Ермоловъ опасался, что наше министерство всѣ могущія произойти несогласія съ Персіею припишетъ неблагоразумному поведенію Мазаровича. «Но что можетъ онъ сдѣлать, писалъ Ермоловъ графу Каподистріи[1]), когда малая прозорливость Абасъ-Мирзы и глупость тѣхъ, которые имъ управляютъ, закрываютъ ему глаза не только на интересы, которые дружба съ Россіею можетъ укрѣпить, но даже на его паденіе, къ которому онъ самъ стремится?»

Положеніе Мазаровича было дѣйствительно затруднительнымъ въ особенности потому, что притязаніямъ Абазъ-Мирзы не было предѣловъ. Онъ просилъ уступки Талышинскаго ханства и взамѣнъ его предлагалъ отдать Мигринскій округъ, принадлежавшій Абулъ-Фетхъ-хану, родному брату карабагскаго хана. Такая замѣна приносила огромныя выгоды Персіи и была невыгодна для Россіи. Талышинское ханство по своему географическому положенію безпо-

[1]) Въ письмѣ отъ 11-го марта 1820 г. Арх. мин. иностр. д., № 415.

коило Персію, доставляя намъ возможность двинуть войска въ самую средину государства. Съ уступкою ханства Персіи, Россія лишалась единственнаго удобнаго пристанища для флота на всемъ протяженіи Каспійскаго моря. Островъ Сара, лежащій у самыхъ береговъ ханства и составлявшій спокойный и безопасный рейдъ, терялъ тогда всякое значеніе, и наши суда въ этомъ мѣстѣ не могли имѣть пристанища.

Такимъ образомъ лишаясь, съ уступкою Талышинскаго ханства, многихъ преимуществъ, мы, взамѣнъ того, по предложенію Абасъ-Мирзы, могли пріобрѣсти извѣстный своимъ вреднымъ климатомъ Мигринскій округъ, передача котораго во власть Россіи была выгодна для Абасъ-Мирзы еще и по политическимъ видамъ.

Мигринскій округъ принадлежалъ прежде Карабагскому ханству, но по Гюлистанскому трактату рѣка Копанакъ-чай, назначенная границею, раздѣлила округъ на двѣ части, и одна изъ нихъ осталась во владѣніи Персіи. Владѣвшій округомъ Абулъ-Фетхъ-ханъ былъ человѣкъ коварный, находившійся въ особенной милости у Абасъ-Мирзы. Конечно, по совѣту персидскаго принца, онъ просилъ дозволенія Ермолова переселиться въ Карабагъ на жительство. Мехти-ханъ карабагскій также просилъ главнокомандующаго разрѣшить брату его водвориться въ Карабагѣ и, будучи бездѣтнымъ, имѣлъ въ виду просить объ утвержденіи Абулъ-Фетхъ-хана наслѣдникомъ ханства. Самъ Мехти-ханъ имѣлъ безпрерывныя сношенія съ Абасъ-Мирзою, такъ какъ родная сестра хана была женою шаха, а съ переходомъ въ наши предѣлы Абулъ-Фетхъ-хана переписка эта усилилась бы еще болѣе, и тогда ханство Карабагское было бы подъ полнымъ вліяніемъ Абасъ-Мирзы.—«Вотъ цѣль сего надменнаго молодаго человѣка (Абасъ-Мирзы), писалъ Ермоловъ[1]), имѣющаго особую наклонность ко всѣмъ злоухищреннымъ предпріятіямъ, которою управляютъ окружающіе его самые гнуснѣйшіе мошенники».

Эти достойные совѣтники наслѣднаго принца употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы отдалить рѣшеніе вопроса о разграниченіи. Мазаровичъ просилъ аудіенціи у шаха и передъ отъѣздомъ въ Тегe-

[1]) Въ письмѣ графу Нессельроде, 5-го іюня 1820 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 422.

ранъ получилъ увѣренія Абасъ-Мирзы, что онъ намѣренъ рѣшить вопросъ о разграниченіи самымъ пріязненнымъ образомъ и полагается на безпристрастіе Ермолова. Все это говорилось для того, чтобы отпустить отъѣзжавшаго въ Тегеранъ Мазаровича обольщеннымъ откровенностью и великодушіемъ и избѣжать неудовольствія шаха.

Точно съ такою же цѣлью былъ отправленъ въ Тифлисъ и мирза Масудъ съ письмомъ, въ которомъ Абасъ-Мирза увѣрялъ Ермолова въ искренней дружбѣ и даже готовности слѣдовать его совѣтамъ. Въ то же самое время персидскій принцъ принялъ къ себѣ бѣжавшаго Сурхай-хана казикумухскаго и устраивалъ въ Тавризѣ какъ его, такъ Мустафу-хана ширванскаго и прочихъ лицъ, бѣжавшихъ изъ Россіи. Извѣстнаго измѣнника Шихъ-Али-хана Абасъ-Мирза называлъ *«слугою Ирана»*, посылалъ ему деньги и просилъ о пропускѣ его въ Персію. Ермоловъ отвѣчалъ, что онъ никого не держитъ, и просилъ Грибоѣдова, остававшагося за отсутствіемъ Мазаровича представителемъ Россіи въ Тавризѣ, увѣрить Абасъ-Мирзу, что ни Сурхая, ни Мустафу никто и никогда не останавливалъ, и что, напротивъ того, главнокомандующій надѣется *«умножить число взыскующихъ благодѣянія»* персидскаго принца. Заявленія подобнаго рода не располагали Абасъ-Мирзу ни къ русскому правительству, ни къ Ермолову, тѣмъ болѣе, что послѣдній настаивалъ на скорѣйшемъ разграниченіи и требовалъ, чтобы оно было непремѣнно окончено въ 1821 году.

Несогласія, возникшія въ этомъ году между Персіею и Турціею, и вторженіе персіянъ въ предѣлы Турціи были причиною того, что Абасъ-Мирза не скупился на всякаго рода обѣщанія. Онъ заискивалъ въ Петербургѣ, чтобы въ лицѣ Россіи не пріобрѣсти втораго непріятеля; онъ радовался при извѣстіи, что русское правительство назначило статскаго совѣтника Ваценко генеральнымъ консуломъ для всегдашняго пребыванія въ Персіи и даже выразилъ желаніе отправить въ Петербургъ своего сына на воспитаніе.

Все это дѣлалось, пока происходили военныя дѣйствія. Персіяне овладѣли Баязетомъ и распространили свои грабежи по сосѣднимъ пашалыкамъ. Съ весною 1822 года открылась среди воюющихъ холера и обѣ стороны спѣшили заключить перемиріе, а затѣмъ, при содѣйствіи англичанъ, подписали и мирныя условія. Мамедъ-Али-Мирза, старшій

братъ Абасъ-Мирзы, въ это время умеръ, и послѣдній не имѣлъ уже соперника, могущаго оспаривать права его на престолъ. Кончина Мамеда избавила и англичанъ отъ человѣка, ихъ ненавидѣвшаго, въ твердомъ и рѣшительномъ характерѣ котораго они видѣли ослабленіе своего вліянія въ Персіи. Правда, что у Абасъ-Мирзы былъ еще старшій братъ, «но человѣкъ ничтожный по свойствамъ и безопасный по малозначенію». Опасность миновала для персидскаго принца, и онъ сталъ по-прежнему выказывать непріязненные поступки. На первыхъ же порахъ Абасъ-Мирза встрѣтилъ затрудненіе въ признаніи Ваценко генеральнымъ консуломъ, но по настоянію Ермолова шахъ призналъ его въ этомъ званіи. Вслѣдъ затѣмъ произошло болѣе крупное обстоятельство, еще болѣе отдалявшее персидское правительство отъ Россіи.

Поборы и грабежи, производимые эриванскимъ ханомъ въ Эчміадзинскомъ монастырѣ, и невозможность отъ нихъ отдѣлаться заставили армянскаго патріарха Ефрема отказаться отъ патріаршества. Въ январѣ 1822 года Ефремъ пріѣхалъ въ Карабагъ и, остановившись въ Гюлистанѣ, просилъ свиданія съ Ермоловымъ. Опасаясь удовлетворенiемъ этой просьбы навлечь подозрѣніе персидскаго правительства, главнокомандующій не призналъ возможнымъ лично видѣться съ патріархомъ, совѣтовалъ ему ѣхать какъ можно скорѣе въ Эчміадзинъ и обвинялъ его самого во многихъ бѣдствіяхъ, причиненныхъ монастырю. «Нѣтъ никакихъ явныхъ утѣсненій,—писалъ Ермоловъ графу Нессельроде [1]),—на кои бы жалуясь, патріархъ могъ бы побудить меня требовать отъ правительства персидскаго бо̀льшаго снисхожденія, и если встрѣчаются непріятности, то одинъ только патріархъ не видитъ, что всегдашнимъ поводомъ къ таковымъ есть недостатокъ его твердости и самаго ума, чрезмѣрно ограниченныя способности,—словомъ и въ посредственномъ монастырѣ былъ бы онъ неуважаемымъ настоятелемъ...» а между тѣмъ «престарѣлый патріархъ таитъ страсть властолюбія и, не взирая на свою неспособность, разстаться съ саномъ своимъ не желаетъ, ропщетъ на неуваженіе въ Персіи, хочетъ пользоваться имъ здѣсь и ни здѣсь, ни тамъ ничего не дѣлаетъ».

---

[1]) Въ письмѣ отъ 12-го марта 1822 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 603.

Послѣднія слова Ермолова были не совсѣмъ справедливы. Получивъ отказъ въ личномъ свиданіи съ главнокомандующимъ и предложеніе возвратиться въ Эчміадзинъ, патріархъ Ефремъ просилъ прислать къ нему управляющаго армянскимъ духовенствомъ въ Россіи, архіепископа Нерсеса, которому и объявилъ о желаніи своемъ отречься отъ патріаршаго престола. Главнокомандующій совѣтовалъ Ефрему не предпринимать ничего въ предѣлахъ Россіи, а сначала возвратиться въ Эчміадзинъ и, по совѣщанію съ синодомъ, назначить вмѣсто себя временнаго преемника и испросить согласіе персидскаго правительства на порученіе ему управленія всѣми дѣлами армянскаго духовенства.

«Тогда,—писалъ Ермоловъ [1]),—избраніе вами мѣста для своего покоя, хотя бы то было и въ здѣшнемъ краѣ, не можетъ вводить персидское правительство ни въ какое подозрѣніе и слѣдовательно не будетъ вредить доброму согласію между обѣими державами».

Ефремъ не согласился вернуться въ Эчміадзинъ и 20-го іюня 1822 года подписалъ свое отреченіе, въ которомъ говорилъ, что «старость до того отяготила меня, что уже не въ состояніи носить обязанностей званія своего. Почему, дабы не показаться чрезвычайно безпечнымъ и не быть болѣе и болѣе обремененнымъ по сей обязанности, съ давняго времени помышляя всегда о всемъ томъ, что нужно мнѣ и полезно для патріаршаго престола и всего народа нашего, заблагоразсудилъ я удалиться сюда (въ Карабагъ) и устранить себя отъ обязанностей патріаршескаго званія моего» [2]).

Ефремъ предоставилъ эчміадзинскому синоду избрать себѣ преемника, а самъ съ разрѣшенія Ермолова и подъ именемъ простаго монаха отправился въ Елисаветполь и затѣмъ на постоянное жительство въ монастырь Сурбъ-Нишанъ, въ Борчалинской дистанціи. Эриванскій сердарь требовалъ возвращенія Ефрема, но архіепископъ Нерсесъ отвѣчалъ, что Ефремъ только тогда возвратится, когда монастырь будетъ обезпеченъ отъ грабежей и насилій. Такого обезпеченія

---

[1]) Патріарху Ефрему, 24-го марта 1822 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 604.

[2]) Постановленіе патріарха Ефрема объ отреченіи отъ сего званія. Тамъ же, № 609.

ожидать было трудно. Напротивъ того, пользуясь отсутствіемъ патріарха, сердарь усилилъ хищенія монастырскаго богатства и распространилъ грабежи даже и въ наши предѣлы. Ермоловъ требовалъ отъ Абасъ-Мирзы прекращенія подобныхъ безпорядковъ, но въ отвѣтъ на это получилъ обвиненіе нашихъ подданныхъ въ разореніи персидскихъ владѣній. Увѣряя, что причиною тому неустановившаяся еще граница, Абасъ-Мирза сталъ теперь самъ настаивать на скорѣйшемъ разграниченіи и не покидалъ надежды, что при этомъ ему будетъ уступлено Талышинское ханство. Присланный съ этою цѣлью въ Тифлисъ персидскій чиновникъ довольно откровенно говорилъ Ермолову, что Абасъ-Мирза ожидаетъ этой милости отъ императора. Персіянинъ не жалѣлъ словъ, доказывая, что Талышинское ханство никакихъ выгодъ Россіи не приноситъ. «Но когда замѣтилъ я ему,— писалъ Ермоловъ [1]),—что столько же и для Персіи оно будетъ безполезнымъ, онъ съ откровенностью отвѣчалъ, что Абасъ-Мирза много пріобрѣтетъ во мнѣніи народа, истолковавъ тѣмъ ему уваженіе императора къ его особѣ».

Назначивъ коммисарами для опредѣленія границъ генералъ-маіора Ермолова, дѣйс. ст. сов. Могилевскаго и полковника Ага-бекъ-Садыкова, главнокомандующій сообщилъ о томъ Абасъ-Мирзѣ, присовокупляя свою увѣренность, «что назначеніе границъ, довольно ясно въ трактатѣ написанныхъ, не будетъ сопровождаемо ни малѣйшимъ затрудненіемъ». Избирая мѣстомъ съѣзда коммисіи сел. Караклисъ, Алексѣй Петровичъ полагалъ начать разграниченіе со стороны Эриванскаго ханства, чтобы въ самое знойное время избѣжать тѣхъ мѣстъ, гдѣ жары наиболѣе несносны. Абасъ-Мирза назначилъ коммисарами сначала однихъ лицъ, а потомъ замѣнилъ ихъ другими. Персіяне спорили на каждомъ шагу, требовали болѣе, чѣмъ имъ слѣдовало по трактату, и довели дѣло до глубокой зимы, когда работы по проведенію границы становились невозможными. Отозвавъ своихъ коммисаровъ въ Тифлисъ, Ермоловъ сообщилъ Абасъ-Мирзѣ сожалѣніе, что въ теченіе пяти мѣсяцевъ коммисія ничего не сдѣлала. «Безпрерывныя затрудненія, писалъ главнокомандующій персидскому

[1]) Графу Нессельроде, 11-го марта 1823 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 511.

принцу [1]), дѣлаемыя коммисарами вашего высочества, умышленное уклоненіе отъ смысла трактата, продолжительное ожиданіе или перемѣняющихся чиновниковъ, или разрѣшеній вашихъ заставили, употребивъ много времени, ничего не сдѣлать окончательнаго. Ваше высочество, находясь лично на границѣ карабагской, не только не изволили ускорить ходъ переговоровъ, но еще старались выставить предъ всѣми, что часть ханства Талышинскаго несправедливо занимается русскими. По смыслу трактата не уклоняюсь я отъ розысканія истины сего, но и ваше высочество не менѣе меня обязаны допустить изслѣдованіе о границѣ со стороны Мигри, въ чемъ коммисары ваши дѣлаютъ весьма не у мѣста затрудненія».

Абасъ-Мирза не отвѣчалъ Ермолову на это письмо, и поступки персіянъ время отъ времени становились наглѣе, а дѣйствія часъ отъ часа преступнѣе. Бакинскіе судопромышленники терпѣли притѣсненіе въ Гилянѣ и Энзеляхъ при продажѣ соли и нефти, матросы купеческихъ судовъ подвергались нерѣдко аресту и наказанію [2]). Самъ Абасъ-Мирза самопроизвольно протянулъ кордонъ по мѣстамъ, принадлежащимъ Талышинскому ханству, и увѣрялъ, что дѣлаетъ это съ тою цѣлью, чтобы прекратить сношенія пограничныхъ жителей между собою безъ дозволенія начальства. Мѣра заслуживала бы одобренія, если бы кордонная цѣпь оставалась на границѣ, но персіяне, по приказанію своего принца, подвигались постепенно впередъ, причиняли жителямъ убытки, заводили строенія и дѣлали большіе насыпные курганы [3]).

Эриванскій ханъ распорядился еще того лучше: онъ также занялъ своими пикетами часть нашей территоріи и позади ихъ назначилъ мѣста для деревень, которыя намѣренъ былъ заселить карапанахами, и приказалъ обработывать землю, входящую въ черту нашу.

На справедливыя требованія Ермолова Абасъ-Мирза отмалчивался и не давалъ отвѣта. Главнокомандующій писалъ нѣсколько разъ самому шаху, но отъ него не послѣдовало никакого рѣшенія.

---

[1]) Въ письмѣ отъ 27-го декабря 1823 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 526.

[2]) Отношеніе ген.-лейт. Вельяминова Мазаровичу, отъ 6-го марта 1824 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 527.

[3]) Письмо Ермолова Абасъ-Мирзѣ, 22-го марта 1824 г. Тамъ же, № 528.

Тогда Ермоловъ рѣшился, не ожидая согласія персидскаго правительства, отправить ст. сов. Ваценко въ Энзели и далѣе въ Тегеранъ. Тамъ долженъ былъ онъ встрѣтиться съ Мазаровичемъ, которому Ермоловъ поручилъ настоять, чтобы персидское правительство признало его генеральнымъ консуломъ.

Мазаровичъ сомнѣвался, чтобы можно было достигнуть этого. «Наши дѣла идутъ очень плохо, писалъ онъ Ермолову изъ Султаніэ [1]), и прибытіе консула не улучшаетъ ихъ». Приближенные успѣли настроить шаха такъ, что онъ самъ противился допущенію въ Гилянь нашего консула. Тѣмъ не менѣе Мазаровичъ отправился въ Тегеранъ на свиданіе съ Ваценко, который 19-го августа прибылъ въ столицу Персіи и отъ имени шаха былъ привѣтствуемъ Муртузъ-Али-ханомъ [2]).

Взаимныя усилія Мазаровича и Ваценко не привели ни къ какому результату, и персидское правительство не соглашалось дать разрѣшенія на пребываніе нашего консула въ г. Рештѣ.

Не заботясь о средствахъ, какими взимались доходы, шахъ былъ ненасытимъ въ требованіи денегъ. Гилянь была богатѣйшею провинціею какъ произведеніями земли, такъ и по торговлѣ, и правители ея облагались самою большою и тяжкою данью. Собрать ее безъ притѣсненія торгующихъ не было возможности, и понятно, что персидское правительство должно было имѣть основательныя причины не допускать туда русскаго консула, какъ свидѣтеля неистовыхъ поступковъ съ купечествомъ. «Шахъ сборъ съ доходовъ богатѣйшей сей провинціи, писалъ Ермоловъ графу Нессельроде, отдаетъ на откупъ и болѣе предлагающій безнаказанно производитъ грабительство. Теперь предоставлено право сіе любимому изъ евнуховъ и не будетъ удовлетворенія въ самыхъ вопіющихъ несправеливостяхъ. Какъ же терпѣть тамъ консула нашего!» Конечно, тегеранскій дворъ не могъ высказать прямой причины нежеланія своего имѣть въ Рештѣ представителя русскихъ торговыхъ интересовъ, и шахъ увѣрялъ Мазаровича, что единственною причиною отказа служитъ строптивость гилянскихъ жителей и опасеніе довести ихъ до какого-либо преступленія, вызваннаго присутствіемъ русскаго консула. «Я оста-

[1]) Отъ 31-го іюня 1824 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 541.
[2]) Рапортъ Ваценко Ермолову, 20-го августа 1824 г. Тамъ же, № 543.

вилъ Тегеранъ», доносилъ Мазаровичъ Ермолову [1]), 12-го прошлаго мѣсяца (сентября). «Фетхъ-Али-шахъ обласкалъ меня, сказавъ мнѣ тысячу привѣтствій, одно лестнѣе другаго. Мы разстались величайшими друзьями, однакожь консулъ нашъ остался въ столицѣ. Я сдѣлалъ все, что возможно было, чтобы заставить шаха держаться строго смысла условій трактата, и представилъ его министрамъ всѣ послѣдствія поступковъ, столь мало соотвѣтствующихъ народнымъ правамъ. Я даже дошелъ до того, что объявилъ ему, что если онъ позволяетъ себѣ уклоняться такимъ образомъ отъ одной изъ статей трактата, то мы можемъ воспользоваться тѣмъ же правомъ въ чемъ нибудь поважнѣе, нежели пребываніе консула. Все было тщетно. Его величество сказалъ мнѣ, что если принуждены будутъ помѣстить его (консула) въ Гилянь, то провинція сія будетъ для него (шаха) потеряна. Министры его должны писать въ Петербургъ, чтобы просить его величество взять въ уваженіе опасность, которой подвергается Персія присутствіемъ Ваценко въ Рештѣ, и льстятъ себя надеждою, что августѣйшій монархъ нашъ назначитъ ему другое мѣстопребываніе. Хотя прискорбно, но должно объявить, что, кажется, безъ насильственныхъ мѣръ мы ничего не сдѣлаемъ».

Дѣйствительно Ваценко оставался весьма долгое время въ Тегеранѣ безъ всякаго дѣла. 3-го октября шахъ потребовалъ его къ себѣ, чтобы сказать нѣсколько любезныхъ словъ, неимѣвшихъ никакого отношенія къ дѣлу.

— Здоровъ-ли и веселъ-ли? спросилъ шахъ Ваценко.

— Будучи въ неизвѣстности о своей участи, отвѣчалъ спрошенный, и находясь въ разлукѣ съ семействомъ, оставшимся въ Баку, не могу быть ни спокоенъ, ни веселъ.

— Я увѣренъ, замѣтилъ шахъ, что ты будешь жить въ столицѣ, при моей особѣ; семейство же твое будетъ перенесено сюда на рукахъ.

Фетхъ-Али поднялъ руки кверху, какъ-бы показывая, какъ носятъ на рукахъ, и этою любезностью закончилъ свиданіе съ Ваценко. Дальнѣйшее пребываніе послѣдняго въ Тегеранѣ было сопряжено съ большими затрудненіями и лишеніями.

---

[1]) Отъ 6-го октября 1824 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 545.

При замкнутой жизни персіянъ, онъ не могъ пріобрѣсти никого знакомыхъ и жилъ все время одиноко, среди невыносимой тоски. «Къ тому же, въ отведенномъ мнѣ домѣ, принадлежащемъ шаху, писалъ онъ [1]), невозможно жить, потому что передняя стѣна онаго состоитъ вся изъ окошекъ, коихъ стекла побиты или малы; четверо дверей, чудесно приспособленныхъ въ одной комнатѣ, покороблены и во многихъ мѣстахъ поколоты и пропускаютъ свободный ходъ вѣтра». Дороговизна дровъ и всякаго рода продуктовъ, при ограниченномъ содержаніи, были весьма ощутительны для Ваценко, и онъ просилъ дозволенія возвратиться въ Баку, «ибо мнѣ кажется, писалъ онъ, пріятнѣе жить въ Сибири, нежели въ сей столицѣ». При наступленіи холода, не имѣя возможности согрѣться ни днемъ, ни ночью, Ваценко письмомъ просилъ садри-азама «обратить вниманіе на страждущихъ безъ всякой причины, тѣмъ болѣе, что и плѣнные содержатся въ Россіи лучше, чѣмъ я здѣсь».

— Русскіе привыкли къ холоду, отвѣчалъ садри-азамъ, прочитавъ письмо. Англійская миссія имѣетъ собственный домъ, и г. Ваценко можетъ также построить его по своему желанію.

Въ такомъ положеніи Ваценко пришлось остаться до іюля 1825 г.

Въ теченіе всего этого времени переговоры о назначеніи генеральнаго консула не прерывались. Императоръ Александръ, готовый на всякаго рода уступки, лишь бы только сохранить дружественныя отношенія съ Персіею, согласился на избраніе другой области и поручилъ Ермолову указать мѣсто постояннаго пребыванія русскаго консула, «сообразуясь съ выгодами нашей торговли и желаніемъ не встрѣтить новыхъ затрудненій» со стороны тегеранскаго двора. Сообщая высочайшую волю главнокомандующему, графъ Нессельроде прибавлялъ, что «наказанія виновныхъ не легко истребовать отъ восточныхъ правительствъ и просить именно удовлетворенія за поступки эпзелинскаго хана или другихъ было бы полагать лишнее препятствіе къ достиженію главной нашей цѣли. Мы удовольствуемся точными повелѣніями мѣстнымъ начальствамъ объ охраненіи всѣхъ правъ и преимуществъ, дарованныхъ намъ существующими поста-

[1]) Ермолову отъ 20-го октября 1824 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. т. VI, ч. II; № 546.

новленіями, и особливо твердымъ намѣреніемъ правительства наблюдать за исполненіемъ сихъ повелѣній» [1]).

Въ такомъ же смыслѣ графъ Нессельроде писалъ и Мирза-Абдулъ-Хасанъ-хану, которому шахъ поручилъ управленіе иностранными дѣлами Персидскаго государства.

«Каждый персіянинъ», говорилъ нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ [2]), пріѣзжающій въ Россію, не только пользуется покровительствомъ мѣстнаго начальства, но еще получаетъ всякое по дѣламъ своимъ возможное пособіе, и малѣйшая его просьба немедленно принимается въ должное уваженіе. Справедливость требуетъ, чтобы и русскіе находили во владѣніяхъ шаха то же гостепріимство и ту же защиту отъ законовъ. На таковой взаимности основаны связи прочнаго мира и согласія между державами, и августѣйшій мой государь вмѣняетъ себѣ во священный долгъ неусыпно пещись о сохраненіи оныхъ».

Такимъ образомъ, рѣшеніе вопроса о назначеніи въ Персію русскаго генеральнаго консула затягивалось на долгое время, а между тѣмъ стат. совѣт. Ваценко все еще оставался въ Тегеранѣ.

«Безъ сомнѣнія, писалъ онъ [3]), Богъ въ гнѣвѣ своемъ на меня внушилъ вашему высокопревосходительству и графу Карлу Васильевичу (Нессельроде) назначить меня въ сіе государство на службу. Я въ 60-ти-лѣтней своей жизни не терпѣлъ столько, сколько здѣсь въ теченіе семи мѣсяцевъ. Холодъ, продолжающійся понынѣ, и сырость отъ безпрестанныхъ дождей и снѣга разстроили мое здоровье; разлученъ и отъ семейства, о коемъ почти не получаю никакого свѣдѣнія; недостатокъ во всемъ нужномъ, отчаяніе и уныніе всѣхъ, при мнѣ находящихся, приводитъ меня въ такое же состояніе. Я начинаю, сверхъ того, бояться, чтобы люди мои, находясь здѣсь какъ въ тюрьмѣ, съ отчаянія не приняли мухамеданскую вѣру. Съ другой стороны, увѣренъ будучи, что я не останусь въ Персіи, не могу

---

[1]) Отношеніе гр. Нессельроде Ермолову, 3-го февраля 1825 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 553.

[2]) Въ письмѣ Мирза-Абуль-Хасанъ-хану, 3-го февраля 1825 г. Тамъ же, № 553.

[3]) Въ рапортѣ Ермолову отъ 20-го февраля, 1825 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 556.

приступить къ какому-либо распоряженію объ улучшеніи пребыванія моего здѣсь или вызовѣ сюда семейства своего, дабы быть спокойнымъ душевно. За всѣмъ тѣмъ я нынѣ дрожу отъ холода и живу подъ лѣстницею въ маленькомъ темномъ чуланѣ, потому что домъ мой отъ дождей приходитъ къ разрушенію. Онъ состоитъ изъ двухъ комнатъ, изъ коихъ въ одной вездѣ течь, а другая раздалась надвое, потому что стѣны треснули. Сверхъ всего, по недовѣрчивости къ нашей націи, назначили ко мнѣ другаго пристава, дабы знать, что я дѣлаю и кто ходитъ ко мнѣ. Пристава безпрестанно просятъ въ награжденіе или взаймы денегъ, въ чемъ иногда я принужденъ, по здѣшнему обыкновенію, удовлетворять ихъ просьбу».

Ваценко умолялъ отозвать его изъ Персіи, но Ермоловъ не могъ этого сдѣлать, такъ какъ до нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, помимо главнокомандующаго и окольными путями, дошли свѣдѣнія, будто бы Абасъ-Мирза заявилъ, что если вопросъ о разграниченіи будетъ оконченъ согласно его желанію, то онъ согласится на пребываніе нашего консула въ Гиляни. Но вопросъ о границахъ не могъ долго подвинуться впередъ, потому что персидскій принцъ предъявлялъ такія требованія, на которыя согласиться было невозможно. Только въ апрѣлѣ 1825 года главнокомандующій разрѣшилъ Ваценко покинуть Тегеранъ и возвратиться или въ Тифлисъ, или въ Баку, такъ какъ въ столицѣ Персіи пребываніе его было совершенно безполезно. Ожидать утвержденія его генеральнымъ консуломъ было невозможно, такъ какъ надо было рѣшить прежде спорный вопросъ о границахъ.

Для рѣшенія этого вопроса Абасъ-Мирза два раза присылалъ въ Тифлисъ Фетхъ-Али-хана, который переговаривался съ уполномоченнымъ Ермолова, генералъ-лейтенантомъ Вельяминовымъ, но переговоры эти не приводили ни къ какому результату. Въ Тифлисѣ былъ составленъ актъ разграниченія съ подробнымъ обозначеніемъ пунктовъ, по которымъ должна была проходить пограничная межа, причемъ Ермоловъ согласился на многія уступки изъ желанія покончить дѣло и удовлетворить хотя отчасти желанію Абасъ-Мирзы. Добившись уступокъ, Фетхъ-Али-ханъ выражалъ удовольствіе, что его миссія увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, и увѣрялъ, что направленіе границы, рѣшенное въ Тифлисѣ, будетъ одобрено персидскимъ пра-

вительствомъ. Онъ взялъ одинъ экземпляръ акта для того, чтобы представить его на утвержденіе и подпись шаха, но едва прибылъ въ Тавризъ, какъ всѣ его надежды и увѣренность разрушились.

Прекращеніе несогласій и споровъ Россіи съ Персіею не были въ видахъ англійскаго правительства, и оно употребило все свое вліяніе, чтобы отклонить Абасъ-Мирзу отъ принятія предложенной границы.

«Нетрудно объяснить сіе поведеніе Абазъ-Мирзы», доносилъ Ермоловъ Императору Александру [1]). При способностяхъ ума посредственнаго, онъ ни воли, ни твердости не имѣетъ, и кто хочетъ взять на себя трудъ, можетъ имѣть на него вліяніе. Въ совѣтъ его призывается и первосвященникъ, котораго боится онъ, мечтая, что можетъ онъ давать направленіе общему мнѣнію, и евнухъ, необходимая ему особа, хранитель тайнъ его, нерѣдко также бѣглые отъ насъ измѣнники. Всѣ они разсуждаютъ о назначеніи границъ, о которыхъ самъ Абасъ-Мирза не имѣетъ понятія. Въ мудромъ совѣтѣ семъ не подвергалось возраженію мнѣніе одного изъ прислужниковъ, сердаря эриванскаго, когда утверждалъ онъ, что если позволено будетъ его господину, то въ два мѣсяца будутъ русскіе изгнаны изъ Грузіи. Въ совѣтѣ семъ съ восхищеніемъ слушано обѣщаніе первосвященника вооружить пять тысячъ муловъ, которые воинамъ персидскимъ покажутъ путь къ побѣдамъ».

До кончины каймакама и воспитателя Абасъ-Мирзы—Мирзы-Безюрга, дѣла шли довольно сносно, потому что ими управлялъ человѣкъ умный, ловкій и пользовавшійся вліяніемъ и даже сохранившій нѣкоторую власть надъ принцемъ. Съ кончиною Безюрга образовалось множество партій, старавшихся повліять на наслѣдника престола, и въ совѣтахъ его водворились: лесть, невѣжество, надменность и пристрастіе. Иностранцы, въ особенности англичане, не упускали случая повліять на Абасъ-Мирзу, и въ концѣ концовъ онъ былъ игрушкою въ рукахъ наиболѣе сильной партіи. Такая-то партія, состоявшая преимущественно изъ лицъ враждебныхъ Россіи, и совѣтовала не принимать условій, заключенныхъ въ Тифлисѣ. Во главѣ ихъ стоялъ мудштехитъ Мирза-Мехти, увѣрявшій, что малѣй-

[1]) Отъ 12-го 1825 года. Записки Ермолова. Приложеніе, стр. 178.

шая уступчивость со стороны принца уронитъ его въ глазахъ народа, что однимъ только оружіемъ можно смирить гордость русскихъ и возвратить потерянныя провинціи и что всѣ мусульмане примутъ участіе въ столь священной войнѣ.

Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній въ Тавризѣ, рѣшено было отправить къ Ермолову контръ-проектъ, написанный на англійскомъ и персидскомъ языкахъ и подписанный Фетхъ-Али-ханомъ, и просить ходатайства главнокомандующаго, чтобы Императоръ Александръ одобрилъ его, какъ единственно способный устранить всякія недоразумѣнія относительно границъ. Въ происходившихъ въ Тавризѣ совѣщаніяхъ Мазаровичъ не принималъ участія и долгое время не вмѣшивался въ это дѣло. «Я предоставилъ, писалъ онъ [1]), Фетхъ-Али-хану предъявить по своему усмотрѣнію благополучный результатъ его переговоровъ въ Тифлисѣ. Я тогда только началъ поддерживать его всѣми силами, когда узналъ, что нерасположеніе къ намъ, глупость и интриги побуждали персидскій кабинетъ къ безобразнымъ рѣшеніямъ. Мои усилія были напрасны...»

Вмѣшательство Мазаровича послужило поводомъ къ новымъ совѣщаніямъ, на которыхъ было рѣшено, что Абасъ-Мирза письменно извинится передъ Ермоловымъ въ томъ, что не можетъ принять демаркаціонную линію имъ назначенную, и вручитъ Мазаровичу списокъ пунктовъ и провинцій, которыя онъ желаетъ получить. Въ этомъ спискѣ были такіе пункты, которые находились почти въ срединѣ Талышинскаго ханства. Требованія персидскаго принца простирались столь далеко, что онъ не только вдавался во внутрь ханства, но стремился завладѣть всѣми пашнями, пастбищами и лугами, принадлежащими жителямъ, и отрѣзывалъ въ свою пользу почти четвертую часть Талышинскаго ханства. При этомъ Абасъ-Мирза присовокуплялъ, что если главнокомандующій не признаетъ возможнымъ принять пограничную линію имъ предложенную, то онъ предоставляетъ тогда Ермолову войти въ переговоры съ самимъ шахомъ, обѣщая, съ своей стороны, оказать всевозможное содѣйствіе тому лицу, которое будетъ послано въ Тегеранъ для этой цѣли. «Я полагаю, го-

[1]) Въ донесеніи Ермолову, отъ 5-го мая 1825 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., с. VI, т. II, № 571.

ворилъ Мазаровичъ, что всѣ затрудненія и неудачи, которыя мы будемъ еще имѣть въ этомъ печальномъ дѣлѣ, происходятъ отъ желанія вмѣшать постороннее посредничество. Эта мысль была у меня уже давно, но я скрывалъ ее до настоящаго времени, изъ боязни возбудить противу себя неудовольствіе нашего министерства... Можетъ быть, ваше высокопревосходительство согласитесь адресоваться прямо къ шаху, но осмѣливаюсь предсказывать, что его величество предложитъ посредничество Англіи, Франціи и даже Турціи, для окончательнаго рѣшенія этихъ переговоровъ и споровъ. Примутъ ли они такой оборотъ, чтобы достоинство императора не потерпѣло въ глазахъ Азіи? Могутъ ли они устроиться по желанію его величества?»

Уступка со стороны Ермолова для Абасъ-Мирзы была крайне необходима, какъ средство выставить между многочисленными своими братьями, въ числѣ коихъ было много непріятелей и завистниковъ, неопровержимое доказательство благоволенія къ нему императора. Настойчивость же въ требованіяхъ основывалась на внушеніи иностранныхъ друзей, успѣвшихъ убѣдить персидское правительство, что Императоръ Александръ «*учинилъ присягу быть въ дружбѣ и мирѣ со всѣми государствами*» и слѣдовательно не нарушитъ мира съ Персіею ни при какихъ условіяхъ.

Вліяніе Англіи въ политическомъ поведеніи персидскаго правительства было слишкомъ ясно, и ни для кого не было тайною, что управлявшій иностранными дѣлами Абуль-Хасанъ-ханъ, получавшій отъ англичанъ жалованье три тысячи тумановъ, день и ночь работалъ въ ихъ пользу. При помощи щедрой раздачи денегъ англичане ежедневно усиливали свою партію, и самые вліятельные чиновники не стыдились заѣзжать въ англійское посольство, чтобы получить тамъ въ подарокъ чай, сукно, очки, перочинные ножи, ножницы и другія мелочи. Бывшій при посольствѣ докторъ Макниль лечилъ безденежно всѣхъ приходящихъ къ нему больныхъ и имѣлъ близкое знакомство съ самыми вліятельными лицами. «По сей причинѣ, доносилъ стат. совѣт. Ваценко[1]), имъ (англичанамъ) всѣ происшествія немедленно

[1]) Въ рапортѣ Ермолову, отъ 30-го мая 1825 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 573.

бываютъ извѣстны, и они имѣютъ полное свѣдѣніе о Персіи. Я полагаю, что пока мы не будемъ имѣть въ нашемъ владѣніи Гиляна, персіяне никогда не будутъ сговорчивы, а англичане будутъ стараться ссорить насъ съ ними въ надеждѣ уничтожить нашу торговлю. Когда же Гилянъ будетъ нашъ, тогда Персія принуждена будетъ покупать нашъ шелкъ, безъ коего она обойтись не можетъ, какъ и всѣ наши товары, а внушенія Англіи будутъ тогда неумѣстны и тщетны».

Нерѣшительность въ дѣйствіяхъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ и желаніе во что бы то ни стало сохранить миръ ободряли персіянъ, и Абасъ-Мирза, чтобы поддержать свои требованія, сталъ собирать войска. Въ Карадагѣ, Нахичевани и Ардевилѣ со всѣхъ мѣстъ собирались распущенные сербазы, укрѣпленія въ Мигри и другихъ пунктахъ усиливались, и Абасъ-Мирза старался привлечь на свою сторону всѣхъ лицъ враждебныхъ Россіи. Такъ, когда произошла ссора между измѣнникомъ Мустафой-ханомъ ширванскимъ и старшимъ сыномъ его Теймуръ-бекомъ, то послѣдній отправился въ Тавризъ съ жалобою къ наслѣднику Персіи. Абасъ-Мирза принялъ его ласково, надѣлилъ подарками, но потребовалъ, чтобы онъ примирился съ отцомъ, говоря, что обстоятельства нынѣ требуютъ добраго согласія, «ибо война съ русскими неизбѣжна», и что онъ, наслѣдникъ Персіи, надѣется въ скоромъ времени возстановить ихъ прежнее владычество въ Ширвани. Бывшій карабагскій владѣлецъ Мехти-Кули-ханъ получилъ въ управленіе Даралагёзъ, вмѣсто царевича Александра, чтобы быть ближе къ русскимъ границамъ, а дабы не навлечь подозрѣнія русскихъ, хану запрещено было имѣть тамъ свое пребываніе и управлять провинціею черезъ чиновниковъ, которыхъ онъ сочтетъ нужнымъ туда опредѣлить.

Получая отовсюду извѣстія о приготовленіяхъ персіянъ, Ермоловъ вызвалъ къ себѣ Мазаровича, чтобы лучше ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ. Отъѣздъ Мазаровича изъ Тавриза былъ истолкованъ Абасъ-Мирзою въ свою пользу, и онъ приказалъ родственнику карабагскаго хана, Абулъ-Фетхъ-хану, прибыть какъ можно скорѣе въ Тавризъ. Въ письмѣ визиря, написанномъ по этому случаю, говорилось: «Повелитель нашъ Абасъ-Мирза россійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ на сихъ дняхъ отъ себя выгналъ,

не желая болѣе его пребыванія въ Тавризѣ; война съ русскими болѣе не подвержена сомнѣнію, и его высочество имѣетъ нужду съ вами переговорить о пріуготовленіяхъ къ военнымъ дѣйствіямъ [1])».

Письмо это было фактическимъ доказательствомъ истинныхъ намѣреній персіянъ, тѣмъ болѣе, что, за отсутствіемъ Мазаровича, уѣхавшаго въ Тифлисъ, секретарь миссіи Амбургеръ утверждалъ, что слухи о войнѣ съ каждымъ днемъ получаютъ большую достовѣрность. Онъ доносилъ, что Абасъ-Мирза приказалъ отправить 400 человѣкъ пѣхоты къ р. Чагандуру (Копанъ-чаю), а войскамъ, находящимся въ Карадагѣ, занять сел. Мигри. Получивъ эти извѣстія, главнокомандующій просилъ кн. Мадатова, собиравшагося ѣхать лечиться, остаться въ Карабагѣ, «ибо при подобныхъ со стороны персіянъ дѣйствіяхъ присутствіе ваше, писалъ Ермоловъ [2]), въ пограничной провинціи необходимо. Не одно охраненіе границы можетъ того требовать, но и самое спокойствіе жителей земли, ибо нѣтъ сомнѣнія, что станутъ возмущать оныхъ люди неблагонамѣренные, каковыхъ у нихъ немало и которымъ способствовать въ томъ будутъ измѣнники, въ Персію удалившіеся и пользующіеся тамъ благосклоннымъ пріемомъ и даже довѣренностью».

Кромѣ обезпеченія Карабага и наблюденія за непріятелемъ, князю Мадатову поручено было слѣдить и за Ширванскою провинціею, гдѣ многіе беки были враждебны Россіи. При этомъ главнокомандующій просилъ подтвердить войскамъ, расположеннымъ на границѣ, чтобы они отнюдь не начинали непріязненныхъ дѣйствій и употребляли всѣ мѣры къ тому, чтобы не подать повода къ неудовольствіямъ со стороны персіянъ. Удерживая за собою селеніе Охчи и лѣвый берегъ Копанъ-чая (Чагандура) до впаденія его въ р. Араксъ, войска не должны были препятствовать персіянамъ занимать правый берегъ этой рѣки. Главнокомандующій воспретилъ преслѣдовать хищниковъ въ персидскихъ предѣлахъ и не дозволилъ выходить нашимъ кочевникамъ на урочище Гиль, въ Эриванской провинціи. Для наблюденія же за кочевниками были выставлены передовые посты въ разорен-

[1]) Рапорты кн. Мадатова Ермолову, 9-го и 17-го іюня 1825 г. Письмо Ермолова тайн. сов. Дивову, 16-го іюня 1725 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, №№ 574—576.

[2]) Въ предписаніи отъ 2-го іюня 1825 г., № 9.

ныхъ селеніяхъ: Задъ, Башкентъ и Дашкентъ. «Если бы спросили персіяне, говорилъ Ермоловъ, почему въ пунктахъ сихъ располагаются караулы, отвѣтствовать, что прежде становились они далѣе впереди и до окончанія разграниченія имѣютъ о томъ приказаніе по тому же самому праву, по которому персіене занимаютъ мѣста имъ непринадлежащія».

Признавая, что персіяне прежде всего могутъ ворваться въ Карабагъ или въ Талышинское ханство, А. П. Ермоловъ просилъ маіора Ильинскаго, бывшаго командиромъ Каспійскаго морскаго баталіона и начальникомъ войскъ въ Талышинскомъ ханствѣ, чтобы онъ соблюдалъ крайнюю осторожность и сосредоточилъ войска. «Избѣгайте сколько возможно раздробленія войскъ, писалъ главнокомандующій [1]), малыми частями. Нѣкоторые изъ менѣе важныхъ карауловъ могутъ быть повѣрены жителямъ земли, которыхъ собственное спокойствіе и безопасность заставятъ быть внимательными къ мѣрамъ своего охраненія. Объявите высокостепенному хану мое приказаніе, чтобы караулы сіи учреждены были, и *если не довольно будетъ присмотра за исправностью ихъ, то будутъ они во всемъ подчинены военному начальству, а на немъ возлежать будетъ одна обязанность всегда пополнять недостающихъ въ нихъ людей.*

«Будьте умѣрены въ обращеніи вашемъ съ ханомъ, избѣгайте переписокъ съ пограничными персидскими чиновниками или, если будете понуждены къ тому необходимостію, ограничивайте сношенія ваши однимъ изложеніемъ дѣла, не вмѣшивая никакихъ посторонихъ разсужденій. Совѣтами невѣждъ не исправить, и не вамъ приличествовать можетъ давать ихъ».

Одновременно съ этимъ, имѣя въ виду миролюбивую политику нашего министерства, Ермоловъ рѣшился, для сохраненія мира, сдѣлать нѣкоторыя уступки при разграниченіи. Отправляя съ этою цѣлью Мазаровича въ Тегеранъ, для личныхъ переговоровъ съ шахомъ, главнокомандующій передалъ ему какъ актъ, составленный генералъ-лейтенантомъ Вельяминовымъ съ Фетхъ-Али-ханомъ, такъ

[1]) Въ предписаніи отъ 4-го іюня 1825 г., № 10. Арх. шт. Кавк. воен. округа по части генеральнаго штаба, № 22.

и контръ-проектъ Абасъ-Мирзы. Соглашаясь уступить Персіи нѣкоторые пункты въ Талышинскомъ ханствѣ, изъ числа обозначенныхъ Абасъ-Мирзою, Ермоловъ не могъ согласиться на требованіе остальныхъ, такъ какъ имѣлъ прежде всего въ виду доставить Талышинскому ханству прочныя и самою природою назначенныя границы. Но взамѣнъ того, для удовлетворенія претензій персіянъ, онъ рѣшился уступить имъ принадлежавшее Россіи населенное пространство, лежавшее между Копанъ-чаемъ, или Копанакъ-чаемъ, и Мингринскими горами. Впрочемъ, Алексѣй Петровичъ слишкомъ хорошо зналъ персіянъ и былъ увѣренъ, что уступка эта не поведетъ къ сближенію. «Я почти увѣренъ, писалъ онъ Мазаровичу [1]), что вы не успѣете согласить персидское министерство принять предлагаемыя мною границы; но быть можетъ, что оно согласится, чтобы на десять лѣтъ обѣ державы остались при томъ, чѣмъ теперь владѣютъ».

Въ концѣ іюля 1825 года Мазаровичъ былъ уже въ Тегеранѣ и тотчасъ же приступилъ къ переговорамъ. Шахъ уклонялся отъ рѣшенія спора и ссылался на то, что всѣ пограничныя дѣла поручены имъ любимому сыну и наслѣднику престола. Мазаровичъ видѣлъ въ этомъ желаніе шаха показать націи, что дружба русскихъ ему въ тягость. «Меня увѣряли, доносилъ Мазаровичъ [2]), что духовенство сдѣлало Гокчу религіознымъ вопросомъ для Фехтъ-Али-шаха, крича повсюду, что его величество первый царь Персіи, который дѣлаетъ невѣрнымъ территоріальныя уступки, и что слѣдовало бы, не теряя времени на размышленіе, для поддержанія его достоинства и для спокойствія совѣсти вернуть Карабагъ и Грузію».

«Доселѣ непоколебимо терпѣніе мое, писалъ вмѣстѣ съ тѣмъ Ермоловъ графу Нессельроде [3]), и меня не заставятъ ничего сдѣлать неосторожнаго; къ неудовольствіямъ не подамъ причины. Но если порученіе, данное повѣренному въ дѣлахъ г. Мазаровичу, окажется безуспѣшнымъ, если шаху и его наслѣднику невнятенъ будетъ гласъ благоразумія, и если дерзости персіянъ возрастутъ до той степени, въ

[1]) Въ отношеніи отъ 22-го іюля 1825 г., № 70.

[2]) Ермолову, отъ 29-го іюля 1825 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 579.

[3]) Отъ 12-го іюля 1825 г., лит. F.

которой снисхожденіе не должно имѣть мѣста или дѣлается оно порицательнымъ и виновнымъ, я принужденъ буду прибѣгнуть къ средствамъ, которыя истолкуютъ персіянамъ обязанности хранить приличное достоинству нашему уваженіе.

«Многіе, не зная происшествій, готовы будутъ обвинить меня, что не отвратилъ я разрыва; скажутъ, *что приготовилъ даже войну, какъ могущую льстить видамъ моего честолюбія.*—Лучшимъ правоты моей доказательствомъ суть дѣйствія мои съ самаго начала переговоровъ о границѣ. Въ доказательство же того, что въ службѣ государя моего нѣтъ у меня мѣста собственнымъ выгодамъ, я не скрылъ отъ его величества ожиданія моего, *что замѣненъ я буду другимъ въ здѣшнемъ краю начальникомъ*».

Въ Персіи многіе желали войны: люди знатные—потому, что, пользуясь миромъ, шахъ имѣлъ возможность обуздать ихъ своеволіе, утвердить могущество свое и, поставивъ повсюду начальниками своихъ дѣтей, лишить знать легкой наживы. Простой народъ желалъ войны потому, что въ это время правительство обыкновенно ласкало его, ограничивало жестокость правителей, уменьшало налоги и въ особенности было снисходительно къ пограничнымъ областямъ изъ боязни, чтобы они не приняли русскихъ, какъ избавителей. Наконецъ, духовенство во время войны пользовалось особыми льготами, и проповѣди его давали средства къ легкому обогащенію, поощряемому самимъ правительствомъ.

Подъ вліяніемъ духовенства персіяне сильно волновались и готовились къ войнѣ. Войска ихъ ежедневно и усиленно обучались строю. «Мои уши очень страдаютъ, писалъ Мазаровичъ, отъ залповъ, которые производятся каждый день послѣ обѣда, со времени моего прибытія до сегодняшняго дня. Мои палатки раскинуты въ трехъ-четырехъ стахъ шагахъ за тѣми мѣстами, гдѣ формируются *безсмертные* полки новаго Дарія, который въ самомъ дѣлѣ мечтаетъ противопоставить ихъ фалангамъ Императора Александра».

При такомъ настроеніи тегеранскій дворъ былъ крайне неуступчивъ и рѣшилъ отправить своего посла въ Петербургъ съ жалобою на несправедливость Ермолова и съ увѣренностью, что петербургскій кабинетъ удовлетворитъ всѣ желанія шаха. Посолъ долженъ былъ просить объ уступкѣ въ пользу Персіи Гамзачемана, Гокчи, Копана,

Мугани и Талыши. «Шахъ упоенъ своимъ могуществомъ, доносилъ Мазаровичъ, и поддается внушеніямъ наслѣднаго принца и его льстецамъ. Всемилостивѣйшій государь, говорятъ они, дайте намъ только денегъ, и мы докажемъ всему міру, что на землѣ нѣтъ царя болѣе великаго и могущественнаго, какъ ваше величество. Удостойте бросить взглядъ на ваши войска: были ли они когда-нибудь болѣе многочисленны и лучше обучены, чѣмъ теперь? Они только и ожидаютъ одного слова шахинъ-шаха и потрясутъ землю». По словамъ Мазаровича, рѣчь эта была произнесена въ присутствіи нашего переводчика Беглярова и многихъ знатныхъ придворныхъ. Каждый персіянинъ былъ въ это время въ самомъ воинственномъ настроеніи, а Абасъ-Мирза не скрывалъ уже своей ненависти къ русскимъ. Онъ вѣрилъ, что, каково бы ни было его поведеніе, все-таки иностранныя державы не допустятъ Россію до войны съ Персіею. Такое убѣжденіе выражалось наглостью во всѣхъ поступкахъ персидскаго принца. «Одно время у него была идея, писалъ Мазаровичъ, проводить меня со свистками черезъ весь лагерь. У меня душа надорвана, но я страдаю въ безмолвіи и въ положеніи кающагося. Эриванскій сердарь получилъ приказаніе занять наши посты при первомъ ихъ оставленіи по какому бы то ни было случаю, и въ особенности Ешекмейданъ и Гиль, съ тою цѣлью, чтобы при возвращеніи постовъ вызвать первые выстрѣлы со стороны русскихъ».

Не смотря на все это, главнокомандующій не находилъ возможнымъ дѣлать большія уступки безъ ущерба прочности границъ и достоинству имперіи. А. П. Ермоловъ донесъ Императору Александру какъ о послѣднемъ своемъ рѣшеніи по вопросу о разграниченіи, такъ и о военныхъ приготовленіяхъ персіянъ.

«Строгій исполнитель священной воли вашего императорскаго величества, писалъ онъ [1]), не подалъ я ни малѣйшей причины къ неудовольствіямъ и все доселѣ преодолѣвалъ терпѣніемъ. Я могъ бы перенести болѣе, если бы въ понятіяхъ здѣшнихъ народовъ оскорбленія относились собственно къ лицу моему и снисхожденіе со стороны нашей не принималось въ видѣ робости и безсилія.

---

[1]) Императору Александру, отъ 12-го іюля 1825 г. Записки Ермолова. Приложеніе, стр. 180.

«Но есть предѣлъ снисхожденію, далѣе котораго оно порицательно и преступно. Могутъ оскорбленія возбудить познаніе собственныхъ силъ, и кто обвинитъ меня въ чувствахъ, что я принадлежу государю великому, народу могущественному? Смотрятъ на поведеніе мое здѣшней страны покорствующіе намъ народы. Они легкомысленны, склонны къ безпокойствамъ и еще не утвердились въ обязанностяхъ послушанія».

Въ отношеніи своемъ къ графу Нессельроде Ермоловъ писалъ, что персіяне желаютъ войны и въ особенности Абасъ-Мирза, успѣвшій убѣдить отца, что война эта прославитъ его и доставитъ желаемыя выгоды. Положившись во всемъ на сына-наслѣдника, шахъ не вмѣшивался въ спорный вопросъ о разграниченіи, и Абасъ-Мирза сталъ предъявлять требованія о новыхъ уступкахъ. Возвратившійся изъ Петербурга персидскій посланный Мамедъ-Али-ханъ внушилъ ему, что стоитъ только принести жалобу на Ермолова, и всѣ просьбы тегеранскаго двора будутъ удовлетворены петербургскимъ кабинетомъ, такъ какъ одинъ только главнокомандующій противится уступкамъ.

«Я долженъ повторить, писалъ Алексѣй Петровичъ [1]), что предложенія Абасъ-Мирзы дерзки, и я нарушилъ бы обязанности мои, если бы только сказалъ, что они невыгодны для насъ: его предложенія не соотвѣтствуютъ достоинству имперіи, а исполненіе ихъ уничижитъ насъ во мнѣніи покорствующихъ намъ въ сей странѣ народовъ, которыхъ все вниманіе обращено на предметъ сей. Не будетъ мѣры прихотливымъ и наглымъ требованіямъ персіянъ, и успѣхъ ихъ въ теперешнемъ случаѣ будетъ имѣть вредное вліяніе на мусульманскія наши провинціи (съ которыми имѣютъ персіяне тайныя сношенія) и на спокойствіе оныхъ».

Желая сохранить полное безпристрастіе, Ермоловъ просилъ поручить обозрѣніе границъ, помимо его, другому довѣренному лицу, но не ручался, чтобы прежде чѣмъ будетъ рѣшенъ вопросъ о границахъ и даже тогда, когда чиновникъ персидскій будетъ находиться въ Петербургѣ, не послѣдовало непріязненныхъ дѣйствій, ибо персіяне и теперь собирали войска и дѣлали вторженія въ наши границы.

---

[1]) Графу Нессельроде, 28-го августа 1825 г., лит. Н.

Главнокомандующій просилъ императора обратить вниманіе на сообщеніе его министру иностранныхъ дѣлъ, на вышеприведенное нами донесеніе Мазаровича и указать ему дальнѣйшій путь дѣйствій.

Въ Петербургѣ не вѣрили, однако же, въ возможность разрыва, и главнокомандующему поручено было употребить всѣ усилія къ сохраненію мира.

«Препорученіе, данное вами Мазаровичу, писалъ Императоръ Александръ Ермолову [1]), я совершенно одобряю. Оно согласно съ миролюбивыми моими видами и общимъ ходомъ нашей политики. Личныя объясненія съ шахомъ о предполагаемомъ разграниченіи, вслѣдствіе данныхъ вами наставленій, будутъ персидскому правительству новымъ доказательствомъ, сколь искренно мы желаемъ утвердить дружескія съ нимъ связи и отклонить всѣ возможные поводы ко взаимнымъ неудовольствіямъ. Отдавая полную справедливость усердію вашему къ пользамъ отечества и уважая мнѣнія ваши о дѣлахъ службы, я не могу однако же раздѣлить опасеній вашихъ на счетъ военныхъ замысловъ персіянъ противъ Россіи. Быть можетъ, что встрѣтится еще много затрудненій въ переговорахъ съ министрами шаха и Абаса-Мирзы; быть можетъ, что они пребудутъ неуклончивы и долго еще не согласятся уступить то, чего мы, по увѣренію ихъ, не имѣемъ права требовать на основаніи точныхъ словъ Гюлистанскаго трактата. Но изъ сего трудно заключить, чтобы они рѣшительно готовились къ нападенію и хотѣли силою овладѣть уступленными и присоединенными къ Грузіи областями. До сихъ поръ мы не видали въ персидскомъ правительствѣ признаковъ подобнаго ослѣпленія, ни въ шахѣ—воинственнаго духа; напротивъ того, всѣ дошедшія до насъ извѣстія и самыя донесенія нашего повѣреннаго въ дѣлахъ свидѣтельствуютъ о его наклонности къ миру. Въ таковыхъ мысляхъ утверждаетъ меня и послѣднее письмо Мирзы-Абуль-Хасанъ-хана, съ коего списокъ доставитъ вамъ графъ Нессельроде, равно какъ и съ его отвѣта, мною одобреннаго.

«По симъ причинамъ я не могу предполагать въ шахѣ намѣренія дѣйствовать наступательно противъ Россіи и ожидаю отъ Персіи если не искренней дружбы, то по крайней мѣрѣ соблюденія мира.

---

[1]) Въ рескриптѣ отъ 31-го августа 1825 г.

«Съ другой же стороны, происшествія на Кубани и въ особенности случившіяся въ Чечнѣ непріятныя послѣдствія общаго въ той сторонѣ возмущенія, дѣлаютъ всякое наступательное движеніе противъ Персіи весьма неумѣстнымъ. Намъ нужно прежде возстановить въ собственныхъ нашихъ владѣніяхъ и окружающихъ оные народахъ совершенное спокойствіе и порядокъ; нужно стараться истребить возмущеніе рѣшительнымъ дѣйствіемъ для наказанія тѣхъ изъ возмутителей, кои покажутъ себя упорнѣйшими, а увлеченныхъ, но готовыхъ къ покорности привести къ повиновенію мѣрами кротости. На каковой конецъ войска будутъ съ пользою употреблены въ своихъ границахъ.

«Итакъ, съ нашей стороны нужно принять непремѣннымъ правиломъ охраненіе существующаго съ Персіею мира. Всѣ дѣйствія ваши должны быть устремлены къ сей главной и полезной цѣли, и я желаю, чтобы ввѣренныя надзору вашему сношенія съ Персіею были соотвѣтственно тому учреждены».

Послѣ такого категорическаго изложенія воли Императора Александра, главнокомандующій принужденъ былъ предоставить теченіе внѣшнихъ дѣлъ произволу персіянъ, а самому оставаться почти празднымъ зрителемъ совершающихся событій.

XXIV.

Непріязненныя отношенія Персіи къ Россіи.—Переписка генерала Вельяминова съ Абасъ-Мирзою по поводу враждебныхъ поступковъ эриванскаго хана.—Интриги наслѣдника персидскаго престола въ мусульманскихъ нашихъ провинціяхъ.—Просьба Ермолова объ усиленіи его войсками.—Кончина Императора Александра I.—Положеніе А. П. Ермолова.—Его намѣреніе оставить край.—Усложненіе переговоровъ съ тегеранскимъ дворомъ.—Приготовленія персіянъ къ военнымъ дѣйствіямъ.—Назначеніе князя Меншикова посломъ въ Персію.—Порученіе ему данное.—Рескриптъ Императора Николая Ермолову.

Миролюбивыя намѣренія шаха не согласовались съ видами его наслѣдника, многочисленныхъ его приближенныхъ и правителей пограничныхъ областей. Въ то время, когда Фетхъ-Али-шахъ увѣ-

рялъ Ермолова въ непреклонномъ желаніи сохранить миръ и дружественныя отношенія съ Россіею, эриванскій сердарь, пользуясь разрѣшеніемъ пасти барановъ и завести кутаны на территоріи, занятой нашими войсками, насильственнымъ образомъ, отодвигалъ наши посты съ Гили, отъ озера Гохчи и съ Садага-хача. Мало того, Хусейнъ-ханъ эриванскій сталъ учреждать тамъ новыя поселенія, въ полномъ убѣжденіи, что они, при составленіи окончательнаго акта о разграниченіи, лучше всего убѣдятъ русское правительство въ несомнѣнной принадлежности этихъ мѣстъ Персіи.

Получивъ извѣстіе о такихъ поступкахъ эриванскаго хана, Ермоловъ приказалъ главному казахскому приставу, полковнику Сагинову, усилить посты по Делижанскому ущелью и расположить ихъ сколь можно ближе къ новозаводимымъ персидскимъ селеніямъ. Командиру же Тифлисскаго полка, полковнику князю Саварсемидзе, приказано было по сю сторону рѣки Балыкъ-чая поставить одну роту съ орудіемъ. Такъ какъ цѣлью этого поста было недозволеніе персіянамъ селиться на нашей сторонѣ Балыкъ-чая, то Саварсемидзе долженъ былъ слѣдить за всѣми движеніями персіянъ и отражать силу силою. «Корпусный командиръ, писалъ при этомъ Вельяминовъ полковнику князю Саварсемидзе [1]), зная вашу ревность, ожидаетъ, что ловкостью и расторопностью своею не допустите сердаря (эриванскаго) распространить поселенія или на первомъ шагу *будете умѣть ему наскучить*».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Вельяминовъ просилъ Абасъ-Мирзу укротить буйственные поступки эриванскаго сердаря, столь мало соотвѣтствующія дружественнымъ отношеніямъ, существующимъ между двумя государствами [2]). Но наслѣдникъ персидскаго престола, повидимому, одобрялъ поступки Хусейнъ-хана и сталъ доказывать, что пункты, занятые сердаремъ, принадлежатъ Персіи. Не отрицая этого, кавказское начальство говорило, что они занимаются нашими войсками на основаніи status quo ad praesentem и могутъ быть возвращены Персіи только по окончаніи разграниченія; что точно на такомъ же

[1]) Предписаніе генерала Вельяминова князю Саварсемидзе, отъ 23-го сентября 1825 г. Лит. А. С.

[2]) Письмо генералъ-лейтенанта Вельяминова Абасъ-Мирзѣ, 25-го сентября 1825 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 581.

основаніи персіяне занимаютъ пространство земли между рѣками Капанакъ-чаемъ, хотя по Гюлистанскому трактату оно должно поступить во владѣніе Россіи. Доводы эти казались тегеранскому двору не достаточно убѣдительными, и генералъ Вельяминовъ принужденъ былъ заявить категорически, что насильственнымъ поступкамъ эриванскаго сердаря онъ долженъ будетъ противопоставить силу.

«Слѣдуя чистосердечному желанію, писалъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ Абасъ-Мирзѣ [1]), прочнѣйшаго согласія между державами, я имѣю честь просить ваше высочество, пока не сдѣлано будетъ настоящее разграниченіе, запретить со стороны персіянъ всякія насильственныя дѣйствія, подобныя тому, какія оказалъ сердарь эриванскій въ противность дружественнаго согласія державъ. Симъ способомъ можно достигнуть благонамѣренной цѣли ихъ, и Персія, имѣя въ пользованіи своемъ гораздо болѣе земель, нежели принадлежитъ ей по трактату, не будетъ имѣть причины быть недовольною.

«Стараясь сколько возможно избѣгать всякихъ непріязненныхъ дѣйствій, противныхъ дружбѣ державъ, я обязываюсь вмѣстѣ съ тѣмъ доложить вашему высочеству, что если бы сердарь эриванскій или другіе начальники покусились тѣснить караулы наши или перейти черту, ими занимаемую, то по долгу вѣрноподданническому я долженъ буду, охраняя принадлежность великаго моего государя, не допускать къ тому ихъ, какъ нарушителей дружественнаго согласія».

Заявленіе это не остановило Абасъ-Мирзу въ дальнѣйшихъ непріязненныхъ противъ насъ поступкахъ. Онъ велъ переговоры съ лезгинами [2]), имѣлъ своихъ агентовъ въ мусульманскихъ нашихъ провинціяхъ и вооружалъ войска оружіемъ, доставленнымъ изъ Англіи. Несомнѣнно, что шахъ лично не желалъ войны, но онъ, не вмѣшиваясь въ пограничныя дѣла, предоставилъ ихъ Абасъ-Мирзѣ,

---

[1]) Письмо Вельяминова Абасъ-Мирзѣ, 21 октября 1825 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 583.

[2]) Въ одномъ изъ донесеній своихъ ширванскій комендантъ Старковъ писалъ: «Между народомъ въ Ардебилѣ и Зенганѣ носится слухъ, будто бы лезгины прислали отъ себя къ персидскому двору просьбу о дачѣ имъ помощи для произведенія нападенія на войска россійскія и въ залогъ вѣрнаго исполненія того *прислали локоны волосъ женъ своихъ и рукава ихъ платья*, почему персидскій дворъ и желаетъ выполнить ихъ просьбу».

находившемуся подъ полнымъ вліяніемъ своихъ ближайшихъ совѣтниковъ. Только твердое поведеніе съ нашей стороны могло сохранить миръ, а всякое снисхожденіе усиливало самомнѣніе и дерзости персіянъ.

Одно вѣжливое письмо графа Нессельроде къ управляющему иностранными сношеніями Мирза-Абуль-Хасанъ-хану дало уже ему надежду, что всѣ требованія ихъ относительно границъ будутъ удовлетворены нами, и онъ, увѣдомляя о томъ находившагося въ Тифлисѣ посланнаго шаха, писалъ къ нему, что онъ долженъ возвратиться не иначе, какъ съ совершеннымъ удовлетвореніемъ ихъ желаній.

Сознавая, что никакія уступки не могутъ быть сдѣланы безъ ощутительнаго для насъ вреда и что для избѣжанія войны самымъ лучшимъ средствомъ служитъ готовность къ войнѣ, Ермоловъ просилъ о присылкѣ войскъ на усиленіе его корпуса и рѣшился не соглашаться болѣе ни на какія уступки.

«Войска Кавказскаго корпуса, писалъ Ермоловъ[1]), должно будетъ необходимо содержать въ полномъ комплектѣ и, сверхъ того, составить резервъ изъ одной дивизіи пѣхоты[2])».

«Безбоязненно излагая мысли мои, не смѣю сомнѣваться, что ваше императорское величество простить мнѣ изволите, если простодушно скажу, что, имѣя несчастіе возбуждать зависть многихъ милостями, которыми ущедряетъ меня государь, мнѣ благотворящій, *я опасаюсь порицанія, что я былъ виною прерванія мира, что война есть замыслы мои для удовлетворенія видовъ честолюбія.* Всего легче замѣнить меня на случай войны другимъ начальникомъ».

— На мнѣ должна лежать вина, говорилъ Алексѣй Петровичъ, если подамъ я поводъ къ прерванію мира, и отвѣтственность безмолвная какъ нарушителя довѣренности. Мнѣ вмѣняется въ обязан-

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи 12-го іюля 1825 г.

[2]) Впослѣдствіи на усиленіе Кавказскаго корпуса были отправлены седьмые взводы отъ четырехъ пѣхотныхъ корпусовъ 1-й арміи. Съ прибытіемъ ихъ все-таки недоставало въ корпусѣ 6,000 человѣкъ, и потому Ермоловъ вновь просилъ о присылкѣ къ нему двухъ полковъ пѣхоты (Всеподданнѣйшій рапортъ отъ 10-го января 1826 года, № 1-й. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. I, № 720).

ность согласовать мои дѣйствія съ достоинствомъ имперіи и мѣрами приличнаго снисхожденія уничтожить неудовольствія, по невѣжеству причиняемыя, не терпѣть оскорбленій, съ намѣреніемъ наносимыхъ, и, наконецъ, если предложенія мои будутъ отвергнуты, защищать святость правъ нашихъ точнымъ смысломъ Гюлистанскаго трактата.

Пользуясь тѣмъ, что занятъ дѣлами въ Чечнѣ и не находится въ Тифлисѣ, главнокомандующій отклонилъ отъ себя пріемъ вновь присланнаго для переговоровъ Мирзы-Мамедъ-Садыка. Онъ поручилъ это дѣло генералъ-лейтенанту Вельяминову съ тѣмъ, что если Садыкъ не привезъ ничего опредѣленнаго, то объявить вѣжливымъ образомъ, что дальнѣйшее пребываніе посланнаго въ Тифлисѣ совершенно безполезно, и отправить его въ Эривань. Это было тѣмъ удобнѣе сдѣлать, что туда долженъ былъ скоро прибыть самъ Абасъ-Мирза, который, подъ предлогомъ осмотра своихъ владѣній, ѣхалъ для рекогносцировки нашихъ границъ. Пробывъ непродолжительное время въ Карадагскомъ ханствѣ, сосѣдственномъ съ Карабагомъ, Абасъ-Мирза подъ видомъ охоты проѣхалъ черезъ Нахичевань въ Эривань. Сопровождаемый довольно значительнымъ конвоемъ, персидскій принцъ приказалъ многимъ отрядамъ слѣдовать къ Эривани. Къ этому подстрекалъ его сердарь эриванскій, увѣрявшій, что всѣ горскія племена, сосѣднія съ Кавказскою линіею, находятся уже въ возмущеніи; что войска наши повсюду терпятъ пораженіе, и многіе генералы вырѣзаны; что русскіе оставляютъ Грузію, и внутри ея происходятъ волненія. Хусейнъ-ханъ говорилъ, что среди мусульманскихъ провинцій Закавказья онъ имѣетъ обширныя связи, и недовольные возстанутъ при первомъ появленіи персидскихъ войскъ на границахъ. Абасъ-Мирза хотя и вѣрилъ въ общее сочувствіе къ нему всего мусульманскаго населенія, но наступившая глубокая осень лишала его возможности предпринять что-либо рѣшительное. Особенности веденія войны персіянами, всегда пользующимися мѣстными средствами для продовольствія войскъ и лошадей, не дозволяли нарушить миръ осенью и быть начинщиками безъ всякой надежды на успѣхъ. «По препятствіямъ, писалъ Ермоловъ графу Нессельроде[1]), которыя представляетъ зима

[1]) Отъ 13-го декабря 1825 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 588.

въ мѣстахъ гористыхъ, ничего нельзя опасаться въ настоящее время, или по крайней мѣрѣ ничего важнаго произойти не можетъ, паче когда со стороны нашей соблюдается бдительная осторожность, и кончится тѣмъ, что за свѣдѣнія, сердаремъ доставленныя и не совершенно основательныя, Абасъ-Мирза наложитъ на него пеню, т. е. (дабы не употребить неприличнаго выраженія *ограбитъ*) возьметъ у него всѣ деньги, которыя онъ имѣетъ. Но съ приближеніемъ весны совсѣмъ другое можетъ случиться, и нельзя ручаться, чтобы въ томъ же спокойствіи пребыли мусульманскіе наши народы, паче на границѣ живущіе, между коими упорное невѣжество и противность религіи рождаютъ недовольныхъ и даже озлобленныхъ противъ насъ.

«Представлю предъ ваше сіятельство увѣреніе, что, будучи строгимъ исполнителемъ предначертанныхъ мнѣ правилъ, всѣ усилія употреблю, дабы избѣжать нарушенія добраго согласія, но обнаруживаю дѣйствія Абасъ-Мирзы, дабы изобразить крайность, въ которую поставить можетъ насъ ухищренное его поведеніе».

Въ такомъ положеніи были дѣла наши съ Персіею, когда скончался Императоръ Александръ I. Вѣсть о кончинѣ государя произвела глубокое впечатлѣніе на Алексѣя Петровича, и онъ не могъ не сознать, что въ лицѣ покойнаго терялъ единственнаго человѣка, цѣнившаго его высокія достоинства и заслуги. А. П. Ермоловъ не скрывалъ отъ себя, что среди большинства лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія, онъ не имѣлъ друзей, и его высокое положеніе обезпечивалось только личнымъ довѣріемъ къ нему покойнаго государя. Даже въ послѣдніе годы царствованія обожаемаго имъ монарха Ермоловъ испытывалъ на себѣ зависть и нерасположеніе многихъ. Вызовъ его въ Лайбахъ и предположеніе назначить главнокомандующимъ арміею на случай европейской войны увеличило число враговъ и ставило его въ крайне непріятное положеніе. Человѣкъ не только бережливый, но даже нѣсколько скупой на казенныя издержки [1]), Алексѣй Петровичъ сталъ подвергаться разнымъ начетамъ

[1]) Свидѣтельствомъ сохраненія казеннаго интереса можетъ служить слѣдующій рескриптъ Императора Александра Ермолову отъ 2-го октября 1824 г. изъ Перми: «Съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ я донесеніе ваше отъ 22-го

со стороны министра финансовъ графа Гурьева. Послѣдній обвинилъ главнокомандующаго въ произвольномъ расходованіи суммъ по Шекинской области. Съ удаленіемъ шекинскаго хана и введеніемъ въ области русскаго управленія, Ермоловъ, не испрашивая высочайшаго разрѣшенія, израсходовалъ нѣкоторую сумму на устройство управленія. Графъ Гурьевъ обвинялъ его въ превышеніи власти и находилъ нѣкоторые расходы излишними. Ермоловъ отвѣчалъ, что въ прежнее время всѣ доходы Шекинской провинціи поступали въ распоряженіе хана, а теперь они поступаютъ въ доходъ казны. «Провинція сія, писалъ главнокомандующій [1]), приноситъ болѣе 50,000 дохода, а сдѣланныя мною издержки не составляютъ и десятой доли онаго. Сверхъ того, они обращены на предметы, дѣлающіе честь и достоинство правительству, ибо уплачены долги законные и дано содержаніе фамиліи умершаго владѣтеля. Я не имѣлъ на сіе высочайшаго разрѣшенія, что вамъ не можетъ быть неизвѣстно, и мнѣ, когда нужно было дѣйствовать, затруднительно было ожидать онаго, единственно для того, чтобы соблюсти установленный порядокъ, который впрочемъ на провинцію, вновь къ управленію присоединенную, до прочнаго основанія въ ней устройства, распространяться не можетъ. Передавъ же разъ сборъ доходовъ въ вѣдѣніе министерства финансовъ, я не входилъ уже ни въ какое распоряженіе оными, но за прежнее до того время и *по законамъ и по собственнымъ правиламъ чести*, я ничѣмъ не обязанъ кромѣ ясной отчетности, и таковая отдана правительству.

«Можетъ быть, незнакомъ я вашему сіятельству со стороны бережливости; но въ теченіе довольно продолжительной, а иногда и видной службы, хорошо будучи замѣченнымъ, *оскорбительны подобные вопросы, а если сдѣланы съ намѣреніемъ, то и нестер-*

прошедшаго іюля. Сохраненіе по ввѣренному вамъ корпусу отъ нынѣшняго года къ будущему продовольственной суммы до 2.000,000 рублей ассигнаціями относя единственно къ неутомимымъ трудамъ и благоразумнымъ распоряженіямъ вашимъ; изъявляю вамъ сердечную мою благодарность за сей новый опытъ усердія вашего къ пользѣ государственной и, оставаясь въ полной увѣренности, что вы всегда будете соединять оное съ отличною вашею службою, пребываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ».

[1]) Графу Гурьеву, отъ 17-го сентября 1822 года.

пимы. Вамъ, милостивый государь, въ поступкѣ моемъ, когда я ищу только приличія, угодно видѣть присвоеніе излишней власти; увѣрьтесь, ваше сіятельство, что я не кичусь воспользоваться ничтожностью».

Послѣ свиданія съ императоромъ въ Лайбахѣ, Ермоловъ не располагалъ оставаться долгое время на Кавказѣ. «Нельзя, говорилъ онъ [1]), безъ нѣкотораго героизма прожить въ здѣшней странѣ долгое время и зная, что каждое дѣйствіе отравляетъ клевета». Поэтому, проѣзжая черезъ Москву, Алексѣй Петровичъ рѣшился купить себѣ имѣніе вблизи первопрестольной столицы, далъ вѣрющее письмо и часть денегъ, «которыя умножатся, писалъ онъ [2]), продажею пожалованныхъ мнѣ бриллiантовыхъ вещей, уже отосланныхъ мною Закревскому, для передачи въ кабинетъ». Ожидая только удобнаго случая, чтобы оставить край, Ермоловъ проводилъ время среди многочисленныхъ занятій, а между тѣмъ во главѣ управленія становились новые люди, не особенно расположенные къ Алексѣю Петровичу. Другъ и пріятель его, дежурный генералъ А. А. Закревскій, былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи, а начальникъ главнаго штаба, князь П. М. Волконскій, принужденъ былъ по болѣзни уѣхать въ отпускъ. Мѣсто его занялъ баронъ Иванъ Ивановичъ Дибичъ, впослѣдствіи графъ и фельдмаршалъ; въ прочихъ министерствахъ также произошли перемѣны.

«И до насъ дошелъ скорый слухъ, писалъ Ермоловъ [3]), о перемѣнахъ въ министерствѣ. *Како паде сей сильный!* ты угадаешь, что я говорю о Гурьевѣ. Совсѣмъ неожиданное паденіе! Какъ радъ, что разбойника Об...ва удалили, и конечно не самъ онъ догадался оставить мѣсто. Дибичъ сдѣлался великимъ магнатомъ, и мнѣ кажется, что должность сія дана ему для того, чтобы производство его менѣе обиднымъ могло показаться старшимъ. Онъ по ловкости своей всѣмъ воспользуется, и Волконскій чѣмъ болѣе продолжитъ путешествіе, тѣмъ для него хуже. Это мѣсто не мѣшало бы занять *кому*

---

[1]) Въ письмѣ П. А. Кикину, отъ 4-го августа 1822 г. «Русская Старина» 1872 г., т. VI, 509.

[2]) А. В. Казадаеву, отъ 29-го января 1822 года.

[3]) А. В. Казадаеву, отъ 24-го іюля 1823 года. См. также «Русскую Старину», 1872 г., т. VI, 511.

нибудь изъ русскихъ, но видно нѣтъ способныхъ, и милліоны (населенія) наши ничего не производятъ».

Предположенія Ермолова вполнѣ оправдались и онъ скоро почувствовалъ на себѣ вліяніе новаго назначенія. Просилъ ли онъ о прибавкѣ войскъ—ему отказывали и старались представить, что если онъ не можетъ обходиться съ тѣми силами, которыя въ его распоряженіи, то это потому, что главнокомандующій человѣкъ заносчивый, самъ выискиваетъ поводы для военныхъ дѣйствій и для удовлетворенія своего честолюбія. «Ты говоришь, писалъ Ермоловъ П. А. Кикину, что я у васъ стекла выбиваю и что по климату вашему это нѣсколько жестоко. Я право не знаю, въ чемъ меня еще упрекаютъ; но мнѣ кажется, что я менѣе никогда не производилъ шума. Впрочемъ, мудрено, однако же, согласить меня молчать когда будутъ вызывать на бой министры, почасту нелѣпыми бумагами или возмечтавъ быть начальниками. Теперь задираетъ меня Ланской, *а я ему на тронѣ польскомъ не удивлялся*[1]). Не прикажете ли и ему раболѣпствовать?»

Эта неподатливость и ѣдкое слово были причиною нерасположенія многихъ къ Ермолову. Его называли человѣкомъ недисциплинированнымъ и жестокимъ въ обращеніи съ горцами.

«Какіе не доходили до тебя слухи? писалъ Алексѣй Петровичъ А. В. Казадаеву[2]). Здѣсь (въ Дагестанѣ) по нѣскольку разъ въ годъ мы всѣ вырѣзаны, Кавказская линія во власти закубанцевъ, и сіе мало еще, а надобно было прибавить къ тому и всѣхъ посѣтителей здѣшнихъ минеральныхъ водъ. Какого добра не желаютъ мнѣ друзья мои! Не взирая на то, любезный другъ, я употребляю всѣ труды, каковые могутъ еще допускать мои силы.

«Вотъ четвертый мѣсяцъ живу въ прегнусной татарской деревнѣ, въ скукѣ несносчайшей. Меня вызвали бывшія въ прошломъ году въ Дагестанѣ безпокойства, но таково сопровождающее меня счастіе, что я пришелъ и недоброжелательствующіе разсудили, что выгоднѣе исполнить требованіе мое, нежели противиться. Я полу-

---

[1]) Ланской былъ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, а съ 1813—1815 г. былъ временнымъ правителемъ герцогства Варшавскаго.

[2]) Въ письмѣ отъ 23-го января 1824 г. изъ Дагестана.

чилъ аманатовъ (otages) отъ тѣхъ изъ горскихъ народовъ, которые никогда намъ не покорствовали и почитали себя, по мѣстоположенію ими занимаемому, непреодолимыми. Мнѣ удалось сдѣлать сіе *безъ выстрѣла и даже безъ угрозъ*. Нѣкоторые примѣры взыскательности, прежде истолковавъ, что и теперь противящіеся наказаны быть могутъ, сдѣлали ихъ сговорчивѣе, а впослѣдствіи привычку сдѣлаютъ повиноваться. Тебѣ сдѣлаютъ удовольствіе извѣстія сіи, потому что, прослывъ человѣкомъ крутымъ и нѣсколько жестокимъ, вопреки мнѣнія сего обо мнѣ, поступаю я съ кротостію. Не думаю, чтобы кто изъ начальниковъ могъ легко достигнуть той довѣренности, которою я пользуюсь между здѣшними народами».

Тѣмъ не менѣе, на Ермолова смотрѣли, какъ на человѣка весьма жестокаго, и въ Петербургѣ полагали, что, по отношенію къ горцамъ, можно примѣнять и международныя отношенія, и всѣ особенности европейскихъ войнъ. Императоръ Александръ I, въ особенности въ послѣдніе годы своего царствованія, смотрѣлъ на войну, какъ на величайшее бѣдствіе, и всюду старался внести миролюбіе и покой. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, онъ, по поводу одной изъ экспедицій за Кубань, писалъ Алексѣю Петровичу, что «подобные поиски и истребленіе селеній, коихъ жители не изобличены въ дѣйствительномъ участіи при нападеніи на подданныхъ или союзниковъ нашихъ, не усмиряютъ, но, по духу сего народа, склоннаго и обычаями и законами къ мщенію за обиды, ведутъ только къ большему его противу насъ ожесточенію». Императоръ разрѣшалъ производить экспедиціи только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, но и при этомъ желалъ, чтобы войскамъ, и въ особенности начальникамъ, внушено было соображать свои дѣйствія съ видами существенной пользы и чтобы они помнили, «что истинная военная храбрость уважается и отличается только тогда, когда она употреблена противъ вооруженнаго непріятеля и соединена съ тою необходимою воинскою дисциплиною, которая, въ минуту побѣды, въ состояніи пощадить побѣжденнаго и остановить всякое мщеніе надъ обезоруженными, надъ женами и дѣтьми».

Миролюбіе Императора Александра простиралось такъ далеко, что онъ не согласился наградить орденомъ св. Георгія полковника кн. Бековича-Черкасскаго за то, что онъ хотя и произвелъ блестя-

щую экспедицію, но истребилъ аулъ, въ которомъ было до 300 семействъ, были женщины и дѣти. «Умѣніе, говорилъ императоръ, удержать подчиненныхъ въ должномъ повиновеніи при побѣдѣ, равно какъ и въ несчастіи, есть изъ первыхъ достоинствъ военачальника, и я не намѣренъ награждать тѣхъ, кои не дѣйствуютъ въ семъ важномъ случаѣ во всей точности моихъ повелѣній».

Такого рода упрекъ и постоянныя замѣчанія, что умиротворять горцевъ необходимо кротостію и снисхожденіемъ, ставили Ермолова въ крайне затруднительное положеніе. Проживъ почти все время среди туземнаго населенія, онъ видѣлъ всю несостоятельность такого взгляда и невозможность прекратить непріязненныя дѣйствія тѣми мѣрами, которыя ему предлагали. Видя, что система его дѣйствій не одобряется въ Петербургѣ, и рѣшаясь выдти въ отставку, Алексѣй Петровичъ писалъ о томъ А. А. Закревскому, объясняя невозможность оставаться въ службѣ при новомъ вѣяніи и новыхъ лицахъ, ставшихъ во главѣ министерствъ.

«*Петра-хана* (князя П. М. Волконскаго) свергнули, отвѣчалъ Закревскій [1]), и поступили неожиданнымъ образомъ. При назначеніи на его мѣсто другаго (барона И. И. Дибича) не рѣшились сказать о немъ ни слова, какъ будто его и не существовало. Этому и примѣровъ не бывало. Онъ выпросился въ отпускъ и до сихъ поръ занимается хозяйственными распоряженіями, разъѣзжая по деревнямъ своимъ; но къ пріѣзду государя обѣщаетъ и онъ возвратиться въ Петербургъ. Хотя честолюбіе, повидимому, и не терзаетъ его, но въ немъ, кажется, такъ сильна привычка ко двору, что онъ съ нимъ совершенно разстаться не можетъ.

«Вы меня удерживаете въ службѣ [2]), а сами повторяете объ отставкѣ. Вы замѣчаете, что надобно удалиться прежде, нежели оскорбленіями вынудятъ къ тому прибѣгнуть. Всему этому и я подвергнутъ столько же, сколько и вы. Но вотъ что должно васъ удерживать и чего я не имѣю: вы сами убѣждены внутренно, что вы отечеству приносите пользу; въ краю столь мятежномъ водворяется

---

[1]) Ермолову, въ письмѣ отъ 27-го сентября 1824 г. изъ Гельсингфорса.

[2]) Замѣчательно, что въ это же время и А. Закревскій, бывшій въ то время финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, думалъ также выдти въ отставку.

спокойствіе, жители начинаютъ дѣлаться мирными хлѣбопашцами. Край сей, съ помощью крѣпостей и другихъ заведеній благодѣтельныхъ, дѣлается вѣрною границею и стѣною противъ народовъ азіятскихъ, слѣдовательно, съ этой стороны вы обезпечиваете нашу Россію совершенно. Сему сдѣлано начало, и если не будетъ приведено къ концу, то преемникъ вашъ можетъ все дѣло испортить, и тогда вся польза, которую вы доставить Россіи стремились, исчезнетъ. И потому вамъ необходимо служить, доколѣ не приведете въ исполненіе всѣхъ вашихъ предположеній, и чрезъ то не соорудите себѣ вѣчнаго памятника. Къ тому же соотечественники вамъ отдаютъ справедливость и глаза всѣхъ устремлены на васъ. Позвольте вамъ сказать, почтеннѣйшій Алексѣй Петровичъ, что васъ не должно оскорблять недоброжелательство министровъ и стремленіе выставлять ваши ошибки, не оставляя и домашней жизни вашей въ покоѣ. *Этому причиной ваше величіе и ихъ ничтожество.* Люди сіи чувствуютъ сколь они малы передъ вами; они стараются, чтобъ другіе не дѣлали сего сравненія и не замѣтили ихъ ничтожества и для того всѣми силами стараются васъ уменьшить, чтобъ чрезъ то васъ къ себѣ приблизить. Но тщетно ихъ стараніе: они не ослѣпятъ всего народа и *всякій замѣчаетъ въ семъ дѣйствіе ихъ зависти.* Посему вамъ не слѣдуетъ на сей писк обращать вниманія—онъ не долженъ васъ отвратить отъ начертаннаго вами пути».

Убѣжденный ли этими доводами или изъ желанія довести дѣло до конца, Алексѣй Петровичъ рѣшился оставаться до времени въ краѣ, хотя и находилъ свое положеніе очень затруднительнымъ и непріятнымъ.

«Въ столицахъ меня смѣняютъ, писалъ онъ[1]), иногда казнятъ, но это не мѣшаетъ мнѣ, пока лежатъ на мнѣ обязанности, отправлять ихъ съ усердіемъ и хорошо, сколько умѣю. Между тѣмъ я здоровъ и любуюсь на нѣкоторые, хотя, впрочемъ, малые весьма, успѣхи восьмилѣтняго моего здѣсь пребыванія. Есть, по крайней мѣрѣ, начала, изрядныя для послѣдователей.

«Кажется вѣчные труды и заботы необходимы для поддержанія силъ моихъ, но уже начинаю чувствовать приближающуюся ста-

[1]) Въ письмѣ А. В. Казадаеву, отъ 20-го января 1825 г. изъ Тифлиса.

рость. Не по уменьшенію усердія и даже нѣкоторой пылкости могу я замѣчать то, но не съ тою смѣлостію приступаю я къ предметамъ, и тѣ трудности, на которыя прежде пускался я рѣшительно, нынѣ меня устрашаютъ. Словомъ, я скоро буду совсѣмъ не годенъ для службы и соглашусь съ тѣми, которые таковымъ уже меня представляютъ. Не преодолѣть мнѣ всѣхъ завидующихъ и враждующихъ мнѣ, которые каждое изъ благонамѣреннѣйшихъ дѣйствій моихъ превратно истолковываютъ. *Нельзя не знать мнѣ, сколько у меня непріятелей и что за молва обо мнѣ*[1])».

Такъ писалъ человѣкъ, горячо преданный дѣлу, но для котораго обстоятельства складывались такимъ образомъ, что онъ долженъ былъ видѣть всю невозможность оставаться въ краѣ. Послѣ смерти генералъ-маіора Сталя, главнокомандующій просилъ о назначеніи начальникомъ Кавказской линіи извѣстнаго партизана и поэта Дениса Давыдова, но просьба не была уважена, и, какъ мы видѣли, начальникомъ линіи былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Лисаневичъ.

«Государю нельзя знать всѣхъ генераловъ,—писалъ Ермоловъ П. А. Кикину[2]),—и потому назначилъ онъ Лисаневича, котораго, вѣрно, хорошо ему рекомендовали. Если бы зналъ онъ, что могущественный Дибичъ, желая избавить друга своего, генерала Рота, отъ Лисаневича, совершенно безполезнаго, представилъ его для помѣщенія на линію, думаю, не былъ бы доволенъ. Желая мнѣ вредить, не надобно вредить службѣ государя!

«Не станетъ меня, если бы даже и болѣе былъ я способнымъ, когда такихъ будутъ давать мнѣ помощниковъ и когда я только и долженъ буду дѣлать, что исправлять ихъ ошибки... *Я не шутя ожидаю смѣны*, которая, можетъ быть, и потому нужна, чтобы дать мѣсто кому-нибудь изъ кліентовъ людей могущественныхъ!»

Смѣна эта послѣдовала гораздо позже, а теперь часъ ея еще не наставалъ. Получивъ извѣстіе о вступленіи на престолъ Константина Павловича, Ермоловъ сообщилъ о томъ шаху. Властитель Персіи отвѣчалъ, что извѣстіе о кончинѣ Императора Александра I онъ принялъ «*какъ вихрь, разносящій пыль горести въ цвѣтникѣ*

---

[1]) Въ письмѣ А. В. Казадаеву, отъ 12-го іюля 1825 г. изъ Тифлиса.

[2]) Въ письмѣ 30-го іюля 1825 г. «Рус. Стар.», 1872 г., т. VI, 523.

души», а вступленіе на престолъ новаго императора—«*зефиромъ радости, освѣжающимъ садикъ пріятной весны*».

— Если,—прибавлялъ шахъ,—одна звѣзда съ высоты неба державы закатилась въ глубь запада, то, благодареніе Аллаху, съ востока счастія другая блестящая звѣзда взошла. Если какая-нибудь вѣтвь въ саду величія срублена сѣкирою злосчастія, то другая вѣтвь счастія, въ паркѣ розъ, сдѣлалась плодоносною.

Кончина Императора Александра I произвела наиболѣе сильное впечатлѣніе на Абасъ-Мирзу, а Фетхъ-Али-шахъ торопился отправить въ Тифлисъ мирзу Мамедъ-Садыка для переговоровъ о разграниченіи. Тегеранскій дворъ надѣялся, что новый императоръ въ первое время, желая сохранить дружественныя отношенія съ Персіею, будетъ уступчивъ болѣе покойнаго. Садыкъ сообщилъ, что шахъ намѣренъ отправить особаго посла въ Петербургъ—какъ для поздравленія Константина Павловича со вступленіемъ на престолъ, такъ и для окончанія пограничныхъ дѣлъ. Генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ, которому было поручено вести переговоры, отвѣчалъ, что о желаніи шаха сообщить министерству иностранныхъ дѣлъ, но относительно уступокъ, желаемыхъ персіянами, не можетъ сказать ничего болѣе того, что было неоднократно заявляемо Абасъ-Мирзѣ. Послѣдній требовалъ присоединенія къ составу Персіи магала (уѣзда) Гокчинскаго озера, занятаго русскими войсками на основаніи status quo ad praesentem, и не хотѣлъ уступить пространства между рѣками Капанакъ-чаемъ и Капанъ-чаемъ, занятаго персіянами точно на такомъ же основаніи и долженствовавшаго, по второй статьѣ Гюлистанскаго договора, поступить во владѣніе Россіи. Строго руководствуясь текстомъ мирнаго трактата, Вельяминовъ находилъ, что споръ о границахъ можетъ быть рѣшенъ дружественнымъ образомъ только тогда, когда рѣчка Капанакъ-чай или Мигри-чай будетъ границею со стороны Карабага и когда персидское правительство возвратитъ Россіи пространство между Капанакъ-чаемъ (Мигри-чаемъ) и Капанъ-чаемъ (Чугундуръ-чаемъ).

Вельяминовъ писалъ шаху, что, не упоминая о правахъ Россіи на пріобрѣтеніе по трактату значительно большей территоріи, главнокомандующій, для окончанія споровъ, уступилъ уже не только богатое населенное пространство между рѣчками Капанакъ-чаемъ и

Капанъ-чаемъ, но и весьма значительный уголъ Шурагели и урочище Гиль, лежащее около озера Гокча; взамѣнъ же того, онъ удержалъ въ пять разъ менѣе, а именно: пространство пустое и мало населенное по сѣверо-восточному берегу озера Гокча. Вельяминовъ увѣрялъ шаха, что бо́льшей уступки главнокомандующій сдѣлать не можетъ до полученія на то высочайшаго разрѣшенія, и что противные тому поступки со стороны Ермолова были бы присвоеніемъ себѣ права, принадлежащаго одному государю императору.

«Таковое присвоеніе,—говорилъ Вельяминовъ [1]),—всѣми законами въ свѣтѣ признано преступленіемъ, и я бы почелъ себя слишкомъ виновнымъ передъ вашимъ величествомъ, если бы могъ когда-либо подумать, что вы будете требовать отъ генерала Ермолова измѣны своему государю. Великимъ монархамъ таковыя требованія несвойственны».

Такой категорическій отвѣтъ лишалъ персіянъ надеждъ добиться желаемой уступки, и тогда шахъ рѣшилъ отправить посольство въ Петербургъ. Отказать въ этомъ было невозможно, и Ермоловъ поручилъ Вельяминову сообщить персидскому правительству, что по случаю кончины Императора Александра I при дворѣ будетъ продолжаться глубокій трауръ по крайней мѣрѣ полгода, если не болѣе, и что въ теченіе этого времени никакія дѣла не будутъ разсматриваемы министерствомъ, а тѣмъ болѣе государемъ императоромъ. Полагая поэтому безполезнымъ отправлять посла въ Петербургъ до 1-го іюня, Вельяминовъ присовокуплялъ, что, конечно, послѣ этого срока посолъ будетъ принятъ прилично его сану [2]).

Отказъ отъ престола цесаревича Константина Павловича, вступленіе на престолъ Императора Николая I и послѣдовавшія затѣмъ извѣстныя событія 14-го декабря 1825 года измѣнили нѣсколько положеніе дѣлъ и самого Ермолова. Еще до возмущенія, происшедшаго въ Петербургѣ, было получено свѣдѣніе о существованіи обширнаго тайнаго общества, вѣтви котораго раскинуты на всю Россію, не исключая и Кавказа. Собранныя первоначально данныя о за-

[1]) Въ письмѣ шаху отъ 22-го января 1826 г. Акты Кавк. Археог. Ком., т. VI, ч. II, № 593.

[2]) Отношеніе Вельяминова повѣренному въ дѣлахъ Амбургеру, 23-го января 1826 г. Тамъ же, № 595.

говорѣ и сбивчивыя показанія первыхъ арестованныхъ участниковъ давали поводъ предполагать, что часть тайнаго общества развивалась на Кавказѣ, и что Алексѣй Петровичъ если не былъ самъ членомъ общества, то зналъ о его существованіи. Впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, все это оказалось ложнымъ, и Кавказъ совсѣмъ не былъ причастенъ къ заговору; тѣмъ не менѣе Императоръ Николай I, не симпатизируя вообще главнокомандующему, долгое время оставался при убѣжденіи въ неблагонамѣренности Ермолова.

Въ девять часовъ вечера, 12-го декабря 1825 года, Императоръ Николай писалъ барону И. И. Дибичу въ Таганрогъ[1]): «Послѣ завтра, поутру, я—или государь, или—безъ дыханія. Я жертвую собой для воли брата; счастливъ, если, какъ *подданный*, исполню волю его. Но что будетъ въ Россіи! что будетъ въ арміи! Г. Толь здѣсь, и я его пошлю въ Могилевъ съ симъ извѣстіемъ къ г. Сакену, и ищу довѣреннаго для того же назначенія въ Тульчинъ и къ Ермолову. Словомъ, надѣюсь быть достойнымъ своего званія не *боязнію*, или *недовѣрчивостью*, но съ надеждою, что такъ какъ я долгъ исполнилъ, такъ что и всѣ оный нынѣ передо мною выполнятъ. Я вамъ послѣзавтра, если *живъ буду*, пришлю самъ еще не знаю кого, съ увѣдомленіемъ, какъ все сошло. Вы также не оставите меня увѣдомить обо всемъ, что у васъ или вокругъ васъ происходить будетъ, *особливо у Ермолова.* Къ нему надо будетъ, подъ какимъ-нибудь предлогомъ и отъ васъ кого выслать, напримѣръ, *Германа*, или такого разбора; *Я, виноватъ, ему* (Ермолову) *менѣе всѣхъ вѣрю*».

Такое мнѣніе императора, конечно, служило приговоромъ для будущей дѣятельности Алексѣя Петровича, и его удаленіе съ Кавказа было только вопросомъ времени. Оно зависѣло отъ движенія внутреннихъ и, въ особенности, политическихъ дѣлъ, всегда усложняющихся съ замѣною начальника, близко знакомаго съ ходомъ событій. Каждый вновь назначенный принужденъ долгое время вникать въ дѣло прежде, чѣмъ въ состояніи будетъ высказать свое мнѣніе или постановить рѣшеніе. Это было особенно важно относительно Персіи, государственный строй которой и характеръ главныхъ ея дѣятелей не имѣлъ ничего общаго съ государственнымъ строемъ

[1]) «Русская Старина», 1882 г., т. III, стр. 195.

европейскихъ государствъ. Тегеранскій дворъ нарушалъ трактатъ безъ всякаго видимаго повода и основаній, персіяне вторгались въ наши предѣлы безъ объявленія войны и, забывая о святости договоровъ, пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы поживиться на счетъ довѣрчиваго и честнаго сосѣда.

Такъ было и теперь.

Въ началѣ февраля 1826 года въ Тавризѣ было получено искаженное извѣстіе о происшествіи 14-го декабря 1825 г. и о послѣдовавшихъ затѣмъ обстоятельствахъ. Въ Персіи говорили, что Россія раздирается междоусобною войною, что великіе князья Николай Павловичъ и Константинъ Павловичъ собрали войска и каждый желаетъ захватить власть въ свои руки. Подобная молва, не смотря на всю ея нелѣпость, казалась правдоподобною персіянамъ, ибо въ Персіи перемѣна правительства всегда сопровождалась безпорядками и потрясеніемъ трона. Самъ Абасъ-Мирза находился въ такомъ положеніи и со смертью отца могъ ожидать вооруженнаго сопротивленія со стороны своего старшаго брата, имѣвшаго больше правъ, но устраненнаго отъ престола.

Не дожидаясь полученія болѣе точныхъ свѣдѣній о происходившемъ въ Петербургѣ, персидскій принцъ отправилъ нарочнаго съ донесеніемъ шаху и старался уговорить его открыть немедленно военныя дѣйствія и воспользоваться мнимыми безпорядками, происходящими внутри Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, наслѣдникъ персидскаго престола сталъ дѣятельно готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ. По его приказанію, въ Карадагѣ, Ардевилѣ, Тавризѣ, Хоѣ, Эривани и въ другихъ сопредѣльныхъ къ намъ провинціяхъ собирались войска, преимущественно регулярныя, и усиливалась артиллерія. Въ Тавризѣ шейхъ Джафаръ, признаваемый праведникомъ, возбуждалъ народъ противъ христіанъ и проповѣдовалъ необходимость войны, дабы избавить магометанское населеніе отъ ига Россіи[1]). Во всей Персіи разсказывали, что съ наступающею весною война непремѣнно возгорится, и всѣ ожидали объявленія о томъ съ большимъ нетерпѣніемъ. Населеніе было вообще недовольно своимъ положеніемъ и

[1]) Отношеніе Ермолова графу Нессельроде, 23-го января 1826 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 595.

желало перемѣны, какого бы рода она ни была. Причиною тому была всеобщая бѣдность, недостатокъ и дороговизна хлѣба. Вмѣсто того, чтобы стараться понизить цѣну на пшеницу, Абасъ-Мирза поднималъ ее, чтобы съ большею выгодою продать свои многочисленные запасы и очистить переполненные хлѣбомъ магазины[1]). Хотя недостатокъ хлѣба и фуража и свидѣтельствовалъ о затрудненіяхъ, которыя встрѣтили бы персіяне при немедленномъ открытіи военныхъ дѣйствій, но на этомъ нельзя было успокоиться въ виду полученныхъ достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что войскамъ отдано было приказаніе быть въ полной готовности, и что самъ Абасъ-Мирза выѣхалъ изъ Тавриза къ сторонѣ нашей карабагской границы. Онъ приказалъ произвести новый наборъ сарбазовъ въ Карадагѣ, а изъ старыхъ увольнять только тѣхъ, кои по осмотру окажутся неспособными къ фронтовой службѣ. Общее настроеніе въ пользу войны было таково, что въ Тегеранѣ всѣ кербелайскіе сеиды и духовенство отправились къ шаху съ заявленіемъ о необходимости военныхъ дѣйствій съ Россіею. Шахъ отвѣчалъ уклончиво, но обѣщалъ, когда наступитъ для того время, дать имъ 200,000 тумановъ, для формированія особаго ополченія[2]).

Уклончивый отвѣтъ шаха объясняется полученнымъ тогда въ Тегеранѣ извѣстіемъ объ отправленіи князя А. С. Меншикова посломъ въ Персію. Ему поручено было разузнать, что дѣлается въ Кавказской арміи, доставить шаху и его наслѣднику граматы о вступленіи на престолъ новаго императора и войти въ переговоры о скорѣйшемъ рѣшеніи вопроса по разграниченію двухъ государствъ. Увѣдомляя Ермолова о послѣднемъ порученіи, данномъ князю Меншикову, государь высказывалъ желаніе строго слѣдовать существующимъ трактатамъ и сохранить миръ съ Персіею.

«По вступленіи моемъ на престолъ, писалъ онъ Ермолову[3]), предпринявъ обозрѣніе сношеній нашихъ съ иноземными державами,

---

[1]) Донесеніе титулярнаго совѣтника Амбургера Вельяминову, 9-го февраля 1826 г. Акты Кавказ. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 608.

[2]) Отношеніе Ермолова графу Нессельроде, 4-го марта 1826 г. Донесеніе Касимъ-бека маіору Чиляеву, 6-го марта 1826 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, №№ 610 и 611.

[3]) Въ рескриптѣ отъ 31-го января 1826 г. Госуд. Арх. XI, № 1171.

я обратилъ особенное вниманіе на дѣла персидскія. Вслѣдствіе моего приказанія, управляющій иностраннымъ министерствомъ графъ Нессельроде представилъ мнѣ всѣ принадлежащія къ онымъ бумаги, между прочими послѣднее отношеніе къ нему ваше и высочайшій рескриптъ покойнаго государя императора, послѣдовавшій на ваше имя 31-го минувшаго августа [1]).

«Вникая въ предлежащія обстоятельства, я не могъ не признать необходимости удерживать заключенный съ Персіею миръ на основаніи Гюлистанскаго договора, доколѣ сія держава сама не нарушитъ онаго. Вѣрность данному слову и существенныя выгоды Россіи того отъ меня требуютъ. Нынѣ, когда почти всѣ горскіе народы въ явномъ противъ насъ возмущеніи, когда дѣла въ Европѣ, а особливо дѣла съ Турціею, по важности своей, заслуживаютъ внимательнѣйшаго наблюденія, неблагоразумно было бы помышлять о разрывѣ съ персіянами или умножать взаимныя неудовольствія. Напротивъ того, мы должны всемѣрно стараться прекратить дружелюбно возникшія распри и увѣрить ихъ въ искренности желанія нашего утвердить мирныя съ ними связи. Таковое порученіе дано и генералъ-маіору князю Меншикову, отправляемому къ шаху и къ Абасъ-Мирзѣ, съ извѣщеніемъ о горестной кончинѣ любезнѣйшаго моего брата и о вступленіи моемъ на престолъ всероссійскій.

«Между тѣмъ, соглашаясь въ полной мѣрѣ съ правилами, начертанными въ помянутомъ рескриптѣ, отъ вашей прозорливости и усердія къ пользамъ отечества ожидаю ревностнаго содѣйствія для достиженія желаемой цѣли».

Извѣщая о вступленіи своемъ на престолъ, Императоръ Николай I писалъ шаху и Абасъ-Мирзѣ, что имѣетъ намѣреніе свято сохранить прежде принятую систему дѣйствій, состоящую въ томъ, чтобы, при строгомъ соблюденіи достоинствъ и правъ своихъ, не подавать никогда и никакого повода сосѣдямъ къ справедливымъ неудовольствіямъ; что онъ будетъ наблюдать за точнымъ сохраненіемъ добраго согласія и не сомнѣвается въ томъ, что и попеченія шаха стремятся къ той же самой цѣли [2]).

[1]) См. стр. 574.

[2]) Письмо Императора Николая Фетхъ-Али-шаху, 31-го января 1826 г. Акт. К. А. Ком., т. VI, ч. II, № 598.

«Будучи еще великимъ княземъ,—писалъ императоръ въ письмѣ къ Абасъ-Мирзѣ [1]),—получали мы извѣстіе о стремленіи вашемъ обогащать себя познаніями, какъ военными, такъ и до государственнаго строя относящимися. Извѣстія сіи возродили въ насъ чувства уваженія къ таковому отличающему васъ достоинству, и мы, взойдя нынѣ на престолъ, съ удовольствіемъ воспользуемся удобными случаями преподавать вамъ пособія къ увѣнчанію успѣхами вашихъ трудовъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Нессельроде писалъ визирю мирзѣ Абуль-Хасанъ-хану [2]), что на князя Меншикова возложено войти въ непосредственное и ближайшее сношеніе относительно постановленія границъ между Россіею и Персіею, и что если дѣло это до сихъ поръ не получало желаемаго окончанія, *то вѣроятно по какимъ-либо недоразумѣніямъ*. Императоръ, прибавлялъ нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ, считая выше всего сохраненіе прочнаго мира и добраго согласія съ сосѣдями, находитъ, что скорѣйшее и рѣшительное опредѣленіе границъ составляетъ предметъ одинаково важный для обѣихъ державъ и что окончаніе этого дѣла, съ соблюденіемъ взаимныхъ выгодъ, устранитъ навсегда всякій поводъ къ неудовольствіямъ и утвердитъ дружественныя связи двухъ государствъ.

Основаніемъ для переговоровъ князя Меншикова съ тегеранскимъ дворомъ долженъ былъ служить актъ, составленный генераломъ Вельяминовымъ съ Фетхъ-Али-ханомъ. Если бы персіяне и затѣмъ стали упорствовать, то князю Меншикову разрѣшено было сдѣлать небольшія уступки въ южной части Талышенскаго ханства, но не иначе какъ по совѣщанію съ главнокомандующимъ. При этихъ совѣщаніяхъ князь Меншиковъ долженъ былъ обратить особенное вниманіе, не встрѣчается ли со стороны Ермолова преднамѣренныхъ препятствій или ложныхъ взглядовъ на дѣло.

Оппозиція со стороны этого генерала, говорилось въ секретной инструкціи кн. Меншикову [3]), можетъ произойти: 1) отъ желанія

---

[1]) Отъ 31-го января 1826 г. Тамъ же, № 599.

[2]) Въ письмѣ отъ 3-го февраля 1826 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 605.

[3]) Отъ 28-го января 1826 г. Воен.-учен. арх., отд. II, дѣло № 4438.

войны, по личному стремленію къ славѣ или вслѣдствіе ложнаго взгляда на наши политическіе интересы; 2) отъ личной ненависти, которую онъ, кажется, питаетъ къ Абасъ-Мирзѣ, и 3) отъ оскорбленнаго самолюбія вслѣдствіе посылки особаго уполномоченнаго для переговоровъ по дѣлу имъ начатому (переговоровъ съ персіянами по вопросу о разграниченіи).

Въ этихъ трехъ предположеніяхъ, какъ вмѣстѣ взятыхъ, такъ и въ каждомъ случаѣ отдѣльно, князь Меншиковъ уполномоченъ былъ сказать А. П. Ермолову:

1) Что положительная и непремѣнная воля императора состоитъ въ поддержаніи мира, добраго согласія и дружественныхъ отношеній съ Персіею и, слѣдовательно, въ устраненіи всего того, что могло бы ее встревожить и заставить предполагать, что Россія ищетъ завоеваній и расширенія своей территоріи; 2) что, помимо миролюбивыхъ намѣреній императора, желаніе это основано на положеніи дѣлъ нашихъ съ Турціею, которыя конечно бы усложнились, если бы послѣдовалъ разрывъ съ тегеранскимъ дворомъ.

Меншикову поручено было намекнуть Ермолову, что общественное мнѣніе упрекаетъ его въ томъ, что онъ позволилъ себѣ увлечься до острыхъ споровъ (des discussions acerbes) изъ личной ненависти къ Абасъ-Мирзѣ; что, по ходу переговоровъ, и Императоръ Александръ подозрѣвалъ его въ этой ненависти, но Императоръ Николай, не дѣлая вывода изъ прошлаго и не предрѣшая будущаго, будетъ ожидать фактовъ, чтобы на нихъ основать свое мнѣніе.

Относительно своей посылки въ Персію Меншиковъ долженъ былъ выразиться такъ, что, по причинѣ оставленія Мазаровичемъ поста своего въ Тегеранѣ, правительство полагало, что Ермоловъ будетъ очень радъ отправленію экстраординарнаго посольства, чтобы этимъ путемъ возстановить прерванныя сношенія; но что дальнѣйшій ходъ переговоровъ зависитъ отъ того направленія, которое дастъ имъ главнокомандующій. Впрочемъ, прибавлялъ императоръ собственноручно, «не давая понять этому генералу, *что я не имѣю опредѣленной воли* относительно всего, что касается дѣлъ имперіи, которую Провидѣніе мнѣ вручило, или чтобы я усомнился, что кто-нибудь изъ моихъ подданныхъ осмѣлился дѣйствовать не въ моемъ

*

духѣ и притомъ немедленно, какъ только ему будетъ сообщена моя воля» [1]).

Познакомившись съ дислокаціею войскъ и не давая, по словамъ государя, «понять однако, что я посылаю *дядьку* генералу Ермолову, постараться скорѣе узнать, почему онъ предпочитаетъ нынѣ существующую систему той, которая изложена здѣсь» [2]). Императоръ желалъ видѣть уменьшеніе на половину слабыхъ постовъ на Кавказской линіи, находя, что они слабы для защиты и слишкомъ сильны для того только, чтобы быть извѣщательными постами. На этомъ основаній излишнія войска, будучи сняты съ плохо обезпеченнаго ими кордона, съ большей выгодой могли быть сведены въ резервы съ цѣлью направлять ихъ къ угрожаемымъ пунктамъ. О пользованіи подвижными колоннами для поддержанія послушанія среди непокорныхъ горцевъ, по словамъ инструкціи, прекрасный примѣръ даютъ французы при умиротвореніи Калабріи. Какъ бы то ни было, но князь Меншиковъ долженъ былъ упирать: 1) на необходимости разумной системы обороны; 2) «въ особенности» [3]) на выгодѣ предупредительныхъ мѣръ противъ набѣговъ горцевъ и 3) на неудобствахъ, которыя проистекаютъ отъ разброски войскъ.

Соприкосновеніе, которое долженъ былъ имѣть князь Меншиковъ по своей миссіи съ лицами какъ гражданскими, такъ и военными, давало ему возможность присмотрѣться къ политическому состоянію населенія и къ настроенію войскъ. Но «происки демагогическія» и тайныя стремленія, если они существовали, замѣтить было, конечно, трудно. Въ этомъ случаѣ одного наблюденія было недостаточно, и для дальнѣйшихъ заключеній всего лучше было бы ожидать разъясненій отъ слѣдственной коммиссіи по происшествію 14-го декабря. Тогда могло опредѣлиться ясно, на сколько Кавказъ былъ причастенъ къ

[1]) «Sans donner à croire au général que je n'aye pas une volonté très sérieuse sur tout ce qui regarde les affaires de l'empire, que la Providence m'a confié, ou que ce fut qu'un des mes sujets ose ne pas marcher dans mon sens sitôt que ma volonté lui est intimée».

[2]) «Ne pas faire croire cependant que j'envoye un *diadka* au général Iermoloff, mais tâcher plutôt de savoir pourquoi il préfère le système actuel á celui mentionné ici».

[3]) Собственноручная приписка императора на поляхъ инструкціи.

этому дѣлу, но слѣдствіе не могло окончиться скоро, и потому признано было наилучшимъ, чтобы князь Меншиковъ поговорилъ съ Ермоловымъ откровенно и сообщилъ ему тѣ слухи, которые распространены на его счетъ. Въ полномъ убѣжденіи, что самолюбіе Алексѣя Петровича заставитъ опровергнуть общественное мнѣніе фактами, кн. Меншиковъ долженъ былъ указать ему, что, какъ только анархическая цѣль тайнаго общества была открыта, всеобщее расположеніе къ виновникамъ бунта побудило публику прослѣдить за именами участниковъ общества. Просматривая эти имена, пришли къ заключенію: адъютантъ Ермолова скомпрометированъ; Якубовичъ и Кюхельбекеръ пользовались его покровительствомъ, между тѣмъ первый покушался на жизнь Императора Александра, а другой—на Великаго Князя Михаила Павловича. Вслѣдствіе такого покровительства и про самого главнокомандующаго распространились самые нелѣпые слухи. Впрочемъ, князь Меншиковъ долженъ былъ обнадежить Ермолова, что императоръ не придалъ этимъ слухамъ значенія, «но они должны были, конечно, не нравиться государю, такъ какъ касались одного изъ знаменитыхъ генераловъ, который облеченъ высокимъ довѣріемъ. Съ этимъ-то чувствомъ сожалѣнія его величество ставитъ его въ извѣстность объ этихъ обстоятельствахъ, но на словахъ, чтобы оффиціальная переписка не оставила слѣда и изъ деликатности, которую генералъ долженъ оцѣнить. Впрочемъ, мѣры, которыя Ермоловъ не замедлитъ принять для поддержанія порядка и раскрытія разрушительныхъ покушеній—если будетъ основаніе ихъ подозрѣвать—уничтожатъ клеветы, которыя столь огорчили императора».

Отправляясь съ такимъ порученіемъ на Кавказъ, а затѣмъ въ Персію, князь Меншиковъ просилъ прикомандировать къ нему морскаго офицера, который бы отправился въ Черноморскій флотъ и оттуда къ мингрельскимъ берегамъ, для слѣдованія въ Тифлисъ. Проѣзжая этимъ путемъ, онъ долженъ былъ собрать свѣдѣнія о происходящемъ въ войскахъ—какъ въ Мингреліи, такъ и на всемъ пространствѣ, лежащемъ между Чернымъ моремъ и Тифлисомъ [1]). Князь

[1]) Всеподданнѣйшая записка князя Меншикова, 12-го января 1826 года. Гос. Арх. XI, № 1175.

Меншиковъ указывалъ на флигель-адъютанта Лазарева [1]), какъ на человѣка, способнаго выполнить такое порученіе, но Императоръ Николай отвѣчалъ, что Лазаревъ ему нуженъ, и назначилъ командира 1-го конно-піонернаго эскадрона, полковника Бартоломея.

Въ концѣ февраля 1826 года князь Меншиковъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга и 7-го марта прибылъ въ станицу Червленную, гдѣ и имѣлъ свиданіе съ главнокомандующимъ, за нѣсколько дней прибывшимъ изъ отряда, дѣйствовавшаго противъ чеченцевъ. Въ Червленной сошлись два человѣка, одаренные блестящими умственными способностями, оба острые языкомъ и одинъ хитрѣе другаго.

По полученной инструкціи князь Меншиковъ не имѣлъ причины скрывать истинной цѣли своей миссіи, и хотя не высказывался прямо, но Ермоловъ тотчасъ же понялъ, что причина присылки такого лица кроется въ недостаткѣ къ нему довѣрія и въ мнимой притязательности при переговорахъ съ персіянами по вопросу о разграниченіи. Тѣмъ не менѣе, слѣдуя исключительно голосу совѣсти и личныхъ убѣжденій, главнокомандующій считалъ положительно невозможнымъ уступить со стороны озера Гокча участокъ земли отъ урочища Баратъ-Гедика до рѣчки Большой Садагахачъ. Получивъ этотъ участокъ въ свои руки, персіяне имѣли бы безпрепятственный входъ въ татарскія наши дистанціи и въ Памбакскій округъ. Чтобы воспрепятствовать этому, намъ пришлось бы построить рядъ укрѣпленій и содержать значительное число войскъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ пребываніе ихъ было бы гибельно, вслѣдствіе дурныхъ климатическихъ условій. Къ тому же персіяне желали пріобрѣсти эту территорію съ тою цѣлью, чтобы имѣть постоянное и безпрепятственное сношеніе съ пограничными нашими жителями, часть которыхъ, издавна удалясь въ Персію, не переставала производить вредныя внушенія въ нашихъ мусульманскихъ провинціяхъ.

Что касалось уступки южной части Талышенскаго ханства, то она, конечно, не являлась дѣломъ невозможнымъ, хотя и представляла также довольно важныя затрудненія. Многіе члены ханской фамиліи имѣли свою собственность въ уступаемомъ участкѣ и, слѣдовательно, должны были бы перейти въ Персію, ибо ханъ, по

[1]) Впослѣдствіи командиръ Черноморскаго флота.

ограниченности своихъ средствъ, не могъ предложить имъ вознагражденія въ другихъ мѣстахъ своего владѣнія. Такой переходъ ханской фамиліи былъ въ интересахъ персидскаго правительства, во-первыхъ, какъ доказательство того, что мы не въ силахъ сохранить собственности людей намъ преданныхъ, а, во-вторыхъ, возбуждая раздоры между членами ханской фамиліи, тегеранскій дворъ могъ имѣть нѣкоторое вліяніе и на ту часть Талышенскаго ханства, которая оставалась въ нашихъ владѣніяхъ. Лучшимъ исходомъ въ этомъ дѣлѣ, по мнѣнію А. П. Ермолова, было бы предоставленіе нѣкоторыхъ выгодъ хану и вознагражденіе отъ казны тѣхъ ближайшихъ его родственниковъ, собственность которыхъ должна будетъ отойти во владѣніе Персіи.

Зная характеръ большинства лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія и окружавшихъ шаха и его наслѣдника, Ермоловъ, при личномъ свиданіи съ княземъ Меншиковымъ, совѣтовалъ ему, не дѣлая почина, стараться вызвать персіянъ на первое предложеніе о переговорахъ.

— Съ персіянами, говорилъ Алексѣй Петровичъ, необходима крайняя терпѣливость и ни малѣйшей поспѣшности.

«Быть можетъ, писалъ онъ князю Меншикову [1]), что, уваживъ въ вашей свѣтлости особу, довѣренностью императора облеченную, персидское министерство, а паче наслѣдникъ Абасъ-Мирза, найдутъ выгоды не казаться слишкомъ упорными, дабы таковыми не представили вы ихъ е. и. в., и согласятся взамѣнъ участка, лежащаго по озеру Гокча, принять участокъ земли въ Талышенскомъ ханствѣ; но сему, зная высокомѣріе персіянъ, скорѣе повѣрю я, если не замѣтятъ они со стороны вашей особенныхъ усилій и домогательствъ».

Передавая въ руки князя Меншикова дальнѣйшее веденіе переговоровъ и рѣшеніе вопроса о мирѣ и войнѣ, Ермоловъ просилъ наше министерство о назначеніи въ Персію особаго дипломатическаго агента съ тѣмъ, чтобы онъ не состоялъ въ его зависимости. Онъ желалъ устранить себя отъ нареканія, что ищетъ войны и потому не приводитъ переговоровъ къ желаемому окончанію.

---

[1]) Отношеніе Ермолова генералъ-маіору князю Меншикову, отъ 10-го марта 1826 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 613.

— Весьма постигаю, говорилъ Алексѣй Петровичъ, выгоду уклониться отъ всякихъ причинъ, могущихъ нарушить дружественныя связи съ Персіею; знаю хорошо изъ мѣстныхъ обстоятельствъ, сколько безполезна война внѣшняя, когда нетвердо внутреннее спокойствіе,— но считаю войну неизбѣжною, если бы персіяне простерли свои наглости до оскорбленія.

Такого оскорбленія и опасался Ермоловъ въ виду неопытности своей на дипломатическомъ поприщѣ. Съ назначеніемъ же въ Персію особаго дипломатическаго агента, министерство получало бы прямо отъ него всѣ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ персіянъ, и «поступкамъ моимъ, писалъ онъ, не будутъ присвояемы произвольныя истолкованія».

Прямота въ сужденіяхъ и откровенныя объясненія съ главнокомандующимъ дали возможность князю Меншикову убѣдиться и въ томъ, что Кавказъ не былъ вовсе причастенъ къ какому бы то ни было политическому движенію и что тамъ никакихъ тайныхъ обществъ не существовало.

«Я возвращаюсь изъ главной квартиры генерала Ермолова, доносилъ князь Меншиковъ [1]), находящейся въ Червленной станицѣ, гдѣ исполнилъ порученіе вашего величества. Съ чувствомъ благодарности было принято изложеніе воли вашей, и тѣмъ болѣе, что генералъ Ермоловъ мнилъ себя оклеветаннымъ передъ лицомъ государя, навѣтами недоброжелательствующихъ. Я устранялъ сіе нареканіе, но упомянулъ о дѣйствіяхъ, несогласныхъ съ видами правительства. Онъ тщательно отвергалъ упрекъ отступленія отъ правилъ, ему начертанныхъ блаженной памяти государемъ императоромъ, и приписывалъ такое заключеніе непріязни, неизвѣстности въ Петербургѣ мѣстныхъ обстоятельствъ Кавказскаго края и неточности нѣкоторыхъ предписаній, по разнымъ частямъ ему даннымъ.

«Въ семъ разговорѣ я видѣлъ въ немъ какъ опасеніе быть почтену и вашимъ императорскимъ величествомъ худымъ исполнителемъ воли монаршей, такъ и желаніе угодить своему государю.

«Тайныя общества въ Кавказскомъ корпусѣ генералъ Ермоловъ

---

[1]) Изъ Моздока, отъ 12-го марта 1826 года. Военно-ученый архивъ, отд. II, д. № 4438.

полагаетъ рѣшительно несуществующими и въ особенности утверждаетъ свое мнѣніе на физической невозможности часто сообщаться и на безпрерывномъ занятіи войскъ и удаленіи отъ праздности дѣятельною службою; не менѣе того надзоръ предписанъ наипаче за офицерами и нижними чинами, въ составѣ седьмыхъ взводовъ приходящими для укомплектованія корпуса.

«Въ мѣстахъ, на пути моемъ лежавшихъ, духа вольнодумства и неповиновенія я не замѣтилъ, какъ въ войскахъ, такъ и обывателяхъ, и по доходящимъ до меня свѣдѣніямъ не предполагаю онаго на Кавказской линіи.»

Прибывъ въ Тифлисъ и проживъ тамъ нѣкоторое время, князь Меншиковъ еще болѣе убѣдился въ томъ, что Кавказъ непричастенъ ни къ какому заговору. Нравственное состояніе войскъ было весьма хорошее, и буде «есть люди, говорилъ князь Меншиковъ [1]), зараженные духомъ неповиновенія и вольнодумства, то число ихъ должно быть весьма ничтожно». Безпрерывныя передвиженія войскъ и частыя экспедиціи ограничивали ихъ интересы и разговоры мѣстнымъ кругомъ ихъ быта и дѣятельности. «Статскихъ чиновниковъ, писалъ князь Меншиковъ, занимающихся политическими сужденіями, не встрѣчалъ въ Тифлисѣ. Грузинское же дворянство, по необразованности своей, еще меньшую имѣетъ къ тому склонность».

---

[1]) Во всеподд. донесеніи отъ 30-го апрѣля 1826 года. Воен. учен. арх., отд. II, д. № 4438.

XXV.

Отъѣздъ князя Меншикова въ Персію.—Новыя претензіи тегеранскаго двора.—Приготовленія персіянъ къ военнымъ дѣйствіямъ.—Распоряженія Ермолова по оборонѣ края.—Измѣна талышенскаго хана и нападеніе его на кр. Ленкорань.—Вторженіе персіянъ въ наши предѣлы.—Положеніе Карабага.—Неудачное дѣло у Гюрунзуръ.—Возстаніе въ Ширванской и Шекинской провинціяхъ.—Выступленіе войскъ изъ Талышенскаго ханства.—Боевыя средства Ермолова.—Приказъ по войскамъ.—Просьба о присылкѣ подкрѣпленій.—Воззваніе къ грузинамъ.—Блокада крѣпости Шуши.—Затруднительное положеніе гарнизона.—Переговоры полковника Реута съ Абасъ-Мирзою.—Заключеніе перемирія.—Продолженіе блокады.—Переписка Реута съ Ермоловымъ и Вельяминовымъ.

Въ Тифлисѣ кн. Меншиковъ прожилъ довольно долго, прежде чѣмъ получилъ увѣдомленіе тегеранскаго двора о готовности его принять посла русскаго императора. Шахъ и его приближенные всего болѣе надѣялись на личную податливость государя и потому предпочитали вести переговоры въ Петербургѣ, а не принимать у себя посла, который, конечно, не могъ быть уполномоченъ на удовлетвореніе всѣхъ капризныхъ претензій и случайныхъ требованій. На этомъ основаніи Абасъ-Мирза заявилъ, что онъ намѣренъ отправить въ Петербургъ одного изъ своихъ сыновей. Князь Меншиковъ отвѣчалъ, что такое отправленіе неудобно потому, что императоръ отправится сначала въ Москву для коронованія, а затѣмъ предполагаетъ посѣтить нѣкоторыя губерніи, и когда возвратится въ свою столицу—неизвѣстно. Ермоловъ находилъ такой отвѣтъ весьма приличнымъ, такъ какъ посылка въ Петербургъ сына наслѣдника персидскаго престола не могла привести ни къ какимъ конечнымъ результатамъ и отвѣчала бы только одной вѣжливости. Въ бытность Ермолова въ Персіи шахъ также хотѣлъ отправить въ Петербургъ своего сына, но ограничился однимъ обѣщаніемъ. Главнокомандующій находилъ однако же, что въ этомъ случаѣ Абасъ-Мирза желалъ принести бо́льшую жертву, такъ какъ хотѣлъ отправить одного сына изъ 25, а шахъ—одного изъ 70.

Получивъ, наконецъ, разрѣшеніе отправиться въ путь и прибывъ

на границу Персіи къ Худо-аферинскому мосту, князь Меншиковъ былъ встрѣченъ мухендисомъ Мирза-Джафаромъ, полковникомъ Бартоломеемъ и нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Амбургеромъ. Они были присланы Абасъ-Мирзою не столько для привѣтствія посла, сколько для вручения письма наслѣднаго принца, заявлявшаго претензію о томъ, будто бы наши войска, произвольно и не имѣя на то права, заняли разрушенное селеніе Миракъ [1]). Занятія это, по словамъ встрѣчавшихъ посла, произвело столь дурное впечатлѣніе на принца, что онъ хотѣлъ остановить князя Меншикова и не допустить его до Тавриза. Ясно было, что миролюбивыя намѣренія императора были не по сердцу тегеранскому двору и что персидское правительство, рѣшившись добиться уступокъ хотя бы при помощи войны, придиралось къ каждому случаю, чтобы выставить притязательные виды нашего правительства. Имѣя приказаніе употребить всѣ мѣры къ сохраненію дружественныхъ отношеній, кн. Меншиковъ принужденъ былъ дѣйствовать осторожно и осмотрительно.

Селеніе Миракъ входило въ черту, занятую нашими войсками, и не могло быть никакого вопроса о принадлежности его персіянамъ; но русскій посолъ уклонился отъ прямаго отвѣта и предпочелъ заявить, что въ претензіи этой кроется какое-либо недоразумѣніе. Опасаясь, чтобы столь ничтожный фактъ не имѣлъ вліянія на дальнѣйшіе переговоры и даже на прекращеніе ихъ, князь Меншиковъ просилъ генерала Вельяминова, если возможно, устранить этотъ не-

[1]) Письмо это было слѣдующаго содержанія: «На сихъ дняхъ случилось нѣ которое дѣло со стороны князя Севарсемидзе на эриванской границѣ, о подробностяхъ коего высокостепенные полковникъ Бартоломей и г. Амбургеръ извѣстны. Мы написали о семъ предметѣ высокостепеннему губернатору тавризскому и нашему церемоніймейстеру Фетхъ-Али-хану. Поелику прибытіе ваше близко и такъ какъ вы ѣдете со стороны россійской къ персидскому двору, то мы повелѣли, чтобы на эриванской границѣ, со стороны пограничныхъ начальниковъ, никоимъ образомъ не дѣлали никакихъ противныхъ поступковъ, и почли за лучшее о семъ напередъ васъ увѣдомить. Почему, отправляя къ вамъ высокостепеннаго Мирзу-Джафара, нашего инженера, дали ему нѣкоторое къ вамъ порученіе. Слѣдуетъ чтобы вы, какъ повѣренный великаго государя императора и отправленный съ порученіемъ къ сей вѣчной державѣ, на наше письмо въ скорости отвѣчали, дабы имѣли мы о семъ извѣстіе» (Госуд. арх, XI, № 1177).

пріятный случай. Вельяминовъ приказалъ командиру Тифлисскаго полка князю Севарсемидзе оставить селеніе Миракъ, если сардарь эриванскій сведетъ оттуда свои войска, *непремѣнно сохранить всѣ дружественныя сношенія и, подъ строгою отвѣтственностью, уклоняться отъ всякихъ непріязненныхъ дѣйствій*[1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы еще болѣе доказать персіянамъ желаніе Россіи сохранить дружбу и доброе согласіе, Вельяминовъ приказалъ прекратить постройку укрѣпленія, предположеннаго къ возведенію на рѣкѣ Балыкъ-чаѣ, а въ Шурагели остановить заселеніе земель, принадлежавшихъ намъ по Гюлистанскому трактату.

Земли эти, открывая свободный и безпрепятственный входъ въ наши границы, были столь важны, что на уступку ихъ Персіи согласиться было невозможно, и если бы онѣ не были заняты нашими войсками, то сардарь эриванскій, по своей наглости и не обращая вниманія на трактатъ, занялъ бы ихъ точно такъ же, какъ самовольно заселилъ урочища Дашкентъ и Задъ. Въ виду такихъ поступковъ хана Вельяминовъ просилъ князя Меншикова внушить Абасъ-Мирзѣ, что если сардарь эриванскій вздумаетъ выслать хотя одну соху на земли, принадлежащія Россіи по трактату, то, не смотря на пребываніе русскаго посольства въ Персіи, онъ не ручается, чтобы главнокомандующій не принялъ соотвѣтствующихъ мѣръ.

«Я никогда не сомнѣвался, прибавлялъ Вельяминовъ[2]), какъ вамъ самимъ извѣстно изъ нашихъ разговоровъ, о большихъ затрудненіяхъ, кои вы встрѣтите въ своихъ негоціаціяхъ съ персіянами. Еще разъ почитаю за обязанность поставить на видъ вашей свѣтлости, что персіяне, по высокомѣрію и гордости своей, никакъ не захотятъ понимать, что вы будете дѣлать имъ уступки, хотя бы вы имъ уступили Карабагъ, а будутъ принимать оное какъ по праву имъ принадлежащее, ибо есть письмо невѣжи сардаря эриванскаго, коимъ онъ утверждаетъ, что всѣ земли отъ Дербента до Редутъ-кале принадлежатъ Персіи. Всѣ вельможи и персидское правительство одного съ сардаремъ мнѣнія, а потому ничего не будетъ удивитель-

[1]) Предписаніе Вельяминова князю Севарсемидзе, отъ 4-го іюня 1826 года. Арх. штаба кавк. воен. округа, дѣло № 19.

[2]) Въ письмѣ князю Меншикову, отъ 30-го мая 1826 г. Лит. Д. Госуд. арх., XI, № 1177.

наго, если вы на всякомъ шагу вашихъ переговоровъ сильныя встрѣтите затрудненія».

Затрудненія эти были такого рода, что, сколько бы кн. Меншиковъ ни прилагалъ усилій для ихъ устраненія, онъ все-таки не достигъ бы желаемой цѣли. Гдѣ ложь и двуличіе считаются достоинствомъ и добродѣтелью, а честность и откровенность пороками, тамъ нельзя опредѣлить ни желаній, ни истинныхъ намѣреній. Рѣшаясь объявить войну и надѣясь силою возвратить потерянное, персіяне преднамѣренно затягивали переговоры и усиленно готовились къ военнымъ дѣйствіямъ.

Карадагскій начальникъ Юсуфъ-ханъ, всегда строго исполнявшій всѣ требованія князя Мадатова относительно укрощенія своихъ подвластныхъ отъ вторженія и грабежа въ нашихъ предѣлахъ, сталъ теперь отвѣчать совсѣмъ инымъ тономъ. Онъ наполнялъ свои письма преимущественно восточными учтивостями или посторонними обстоятельствами, совершенно уклоняясь отъ сущности дѣла. По его распоряженію въ ближайшихъ къ Араксу мѣстахъ устраивались магазины, свозилось и осматривалось оружіе для набираемыхъ войскъ [1]). По увѣренію его и другихъ правителей пограничныхъ съ нами персидскихъ областей, помощь шаху готовы были оказать большая часть жителей тифлисскихъ, елисаветпольскихъ, карабагскихъ, шекинскихъ, ширванскихъ и кубинскихъ. Бывшій шахъ ширванскій Мустафа увѣрялъ, что въ Ширвани все уже подготовлено, и ему стоитъ только дать знать, какъ всѣ русскіе чиновники будутъ вырѣзаны.

Въ половинѣ іюня было получено достовѣрное свѣдѣніе, что собранныя въ разныхъ пунктахъ и расположенныя вблизи нашей границы персидскія войска готовы вторгнуться въ Карабагъ, какъ только поспѣетъ хлѣбъ въ полѣ; что карабагскіе беки обѣщали вспомоществовать имъ и содѣйствовать къ занятію крѣпости Шуши. Командовавшій войсками въ Карабагѣ полковникъ Реутъ принималъ всѣ мѣры предосторожности и поручилъ карабагскому коменданту, маіору Чиляеву, выставить на границѣ караулы изъ жителей, но не давать

[1]) Тифлисскій арх. штаба кавказск. арміи, дѣло генеральнаго штаба № 17.

повода населенію къ волненію и безпокойству[1]). Чиляевъ пытался сформировать конную милицію изъ армянъ, но не имѣлъ успѣха, такъ какъ они были заняты укрывательствомъ своихъ семействъ въ безопасныхъ мѣстахъ и поспѣшною уборкою хлѣба.

Въ виду общаго недостатка войскъ въ краѣ Вельяминовъ просилъ Реута не растягивать войска, держать ихъ сосредоточенными, стараться оборонять только важнѣйшіе пункты и не заботиться о защитѣ второстепенныхъ[2]). Цѣпь выставленныхъ изъ жителей передовыхъ постовъ должна была сообщать Реуту о малѣйшихъ покушеніяхъ непріятеля переправиться черезъ рѣку Араксъ въ сколько-нибудь значительныхъ силахъ. Не надѣясь на бдительность этихъ постовъ и даже на вѣрность всего мусульманскаго населенія Карабага, полковникъ Реутъ просилъ прислать ему подкрѣпленія[3]), тѣмъ болѣе необходимыя, что по свѣдѣніямъ миссія князя Меншикова встрѣчала довольно значительныя затрудненія.

Имѣя полномочіе отца на всякаго рода переговоры съ нашимъ правительствомъ, Абасъ-Мирза уклонился отъ всякихъ объясненій съ княземъ Меншиковымъ въ Тавризѣ и назначилъ ихъ въ Султаніэ, очевидно съ тою цѣлью, чтобы, въ случаѣ неудачи военныхъ дѣйствій, народъ не обвинилъ его какъ начинщика. Онъ желалъ сложить всю отвѣтственность на отца и явиться въ роли исполнителя, тогда какъ шахъ полагался во всемъ на него и ни въ чемъ не поступалъ противъ его воли.

Лишь только князь Меншиковъ выѣхалъ изъ Тавриза, какъ Абасъ-Мирза обогналъ его на пути и отправился съ большою поспѣшностью въ Султаніэ. Онъ собрался въ дорогу такъ скоро, что не взялъ даже палатки, и при отъѣздѣ своемъ разослалъ приказанія войскамъ быть готовыми къ походу. Въ Тавризѣ говорили, будто бы шахъ вытребовалъ его и приказалъ прибыть въ три дня подъ предлогомъ переговоровъ съ русскимъ посломъ о пограничныхъ дѣлахъ, но на самомъ дѣлѣ—для совѣщаній объ объявленіи намъ войны и

---

[1]) Рапортъ Реута Вельяминову, 17-го іюня, № 779. Воен. учен. арх., отд. II, дѣло № 4439.

[2]) Предписаніе Вельяминова Реуту, 21-го іюня 1826 г. Лит. К. Тифлисскій арх. окружнаго штаба.

[3]) Рапортъ Реута Вельяминову, 2-го іюля 1826 г., № 869.

вооруженіи всѣхъ правовѣрныхъ мусульманъ противъ Россіи. Въ послѣднее время духовенство пріобрѣло столь большое вліяніе на шаха, что князь Меншиковъ на дорогѣ въ Султаніэ встрѣтилъ шурина Абасъ-Мирзы, везшаго уже въ Тавризъ воззваніе шейха кербелайскаго, возбуждавшее народъ къ возстанію противъ невѣрныхъ[1]). Воззваніе это было быстро разослано повсюду и въ Нахичевани публично прочитано народу племянникомъ кербелайскаго муджтехида. Собравъ въ мечеть множество народа, онъ убѣждалъ послѣдователей Магомета къ скорѣйшему поднятію оружія противъ русскихъ и къ истребленію ихъ во всѣхъ занимаемыхъ ими мусульманскихъ провинціяхъ. Онъ говорилъ, что въ Россіи существуетъ теперь всеобщій мятежъ и несогласіе между правительствомъ и народомъ; что, слѣдовательно, самъ Богъ попускаетъ къ наказанію противниковъ Магомета и что вся Персія готова къ этому. Запертая въ мечети толпа легковѣрныхъ клялась передъ кораномъ не щадить себя и первый опытъ мести къ христіанамъ показать въ Карабагѣ[2]). Муджтехидъ тавризскій поступилъ точно такъ же и затѣмъ отправилъ письмо шаху съ заявленіемъ, что всѣ улемы и законовѣды прилагаютъ стараніе къ возбужденію тавризскихъ жителей къ пожертвованію жизнью въ борьбѣ съ невѣрными. Шахъ благодарилъ услужливаго подданнаго и увѣрялъ, что «орудія искорененія враговъ религіи и государства уже готовы, и побѣдоносное войско шахское, находящееся въ походѣ, въ скоромъ времени будетъ украшать собою страны россійскія». Фетхъ-Али-шахъ просилъ муджтехида усугубить свою дѣятельность, тщательнѣе молиться о дарованіи побѣды и извѣщать его о своихъ нуждахъ[3]).

Въ Персіи дѣлались большія приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ; войска были въ полномъ сборѣ и сосредоточивались главнѣйшимъ образомъ противъ Карабага. Всѣмъ измѣнникамъ и бѣжавшимъ ханамъ были поручены болѣе или менѣе значительные отряды для вторженія въ разныхъ пунктахъ и поднятія подвластнаго намъ

---

[1]) Рапортъ кн. Меншикова генералъ-лейтенанту Вельяминову, 23-го іюня 1826 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 628.

[2]) Тоже маіора Чиляева, отъ 25-го іюня 1826 г. Тамъ же, № 629.

[3]) Ракамъ Фетхъ-Али-шаха тавризскому муджтехиду. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 631.

магометанскаго населенія. Послѣднее не оставалось безучастнымъ: карабагскіе беки и многія вліятельныя лица прочихъ провинцій имѣли безпрерывное сношеніе съ персидскимъ правительствомъ, жаловались на притѣсненіе религіи и, по восточному обыкновенію, отправили въ Персію женскія покрывала и исподнее платье, какъ бы упрекая тѣмъ персіянъ въ женоподобіи и убѣждая къ скорѣйшему освобожденію мусульманъ отъ подданства Россіи [1]). Въ Султаніэ пріѣзжали посланцы изъ разныхъ провинцій и городовъ съ заявленіемъ вѣрности шаху. Духовенство и населеніе Дербента, Ширвани, Шеки, Баку, Кубы и Талыши просили поспѣшить объявленіемъ войны, а уполномоченные Карабага предлагали вырѣзать русскихъ и обѣщали удержать Шушу до прибытія персіянъ. «Войска, находящіяся въ Султаніэ, доносилъ князь Меншиковъ [2]), готовятся къ походу, и весь народъ дышитъ войною».

Прибывъ въ Султаніэ, кн. Меншиковъ нашелъ тамъ вопросъ о войнѣ съ Россіею уже рѣшеннымъ. Первенствующій министръ шаха и его зять Аллахъ-Яръ-ханъ, будучи мало знакомъ съ дѣлами, принужденъ былъ прибѣгать въ сношеніяхъ своихъ съ иностранными державами къ помощи другихъ министровъ и находился въ ихъ рукахъ. Двое изъ нихъ, Абулъ-Хассанъ-ханъ и Мирза-Абуль-Вехабъ, хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы свергнуть Аллахъ-Яръ-хана, доказавъ его неспособность и представивъ свидѣтельство, что онъ похитилъ 80,000 тумановъ изъ казны. Видя близкую гибель, Аллахъ-Яръ-ханъ находилъ единственное спасеніе въ объявленіи войны Россіи. Онъ вошелъ въ связь съ сеидомъ кербелайскимъ и нашелъ въ немъ ревностнаго пособника. Съ другой стороны онъ послалъ за Абасъ-Мирзою, который и поспѣшилъ прибыть на помощь своему зятю. Сеидъ сталъ проповѣдовать войну за вѣру, а Аллахъ-Яръ-ханъ представилъ шаху многочисленныя просьбы отъ представителей нашихъ мусульманскихъ провинцій, призывавшихъ персіянъ къ себѣ на помощь. Абасъ-Мирза настаивалъ на необходимости поддержать единовѣрцевъ, и шахъ, не смотря на отвращеніе къ войнѣ,

---

[1]) Рапортъ Чиляева Вельяминову, 1-го іюля 1826 г. Тамъ же, № 632.

[2]) Донесеніе кн. Меншикова Вельяминову, 2-го іюля. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 633.

согласился съ мнѣніемъ сына. Войска получили приказаніе выступить къ нашимъ границамъ, по всѣмъ провинціямъ было разослано воззваніе духовенства къ народу, и восторжествовавшій Аллахъ-Яръ-ханъ могъ считать свое положеніе до времени обезпеченнымъ.

Въ виду рѣшенія, принятаго тегеранскимъ кабинетомъ, положеніе кн. Меншикова было крайне затруднительно и непріятно. Персіяне прекратили вѣжливое обращеніе съ посломъ и, окруживъ карауломъ палатку, въ которой онъ жилъ, препятствовали всякимъ сношеніямъ его съ посторонними. На публичной аудіенціи у шаха, не смотря на то, что церемоніалъ былъ предварительно утвержденъ, послу съ умысломъ не были оказаны даже и тѣ почести, которыми пользовались повѣренные въ дѣлахъ при тегеранскомъ дворѣ. Такъ по церемоніалу шахъ долженъ былъ самъ принять изъ рукъ князя Меншикова письмо императора, но когда наступилъ этотъ моментъ, то шахъ указалъ рукою на подушку, на которую и было положено письмо. «По обычаямъ здѣшней страны, замѣчаетъ кн. Меншиковъ, сей поступокъ означаетъ неуваженіе къ императору», и хотя впослѣдствіи персіяне извинялись, что это произошло по недоразумѣнію, но въ сущности все это дѣлалось для того, чтобы раздражить посла. На бывшей вслѣдъ затѣмъ конференціи Аллахъ-Яръ-ханъ требовалъ отъ князя Меншикова, чтобы берега озера Гокчи были непремѣнно уступлены Персіи. Въ отвѣтъ на это русскій посолъ представилъ письмо Абасъ-Мирзы къ Ермолову, въ которомъ онъ соглашался уступить Россіи эти берега взамѣнъ земли между Копаномъ и Копанакъ-чаемъ.

— Шахъ никогда не соглашался на подобный размѣнъ, отвѣчалъ Аллахъ-Яръ-ханъ, и я его не одобрялъ, слѣдовательно принять такую замѣну невозможно.

— Такая перемѣна мыслей, замѣтилъ кн. Меншиковъ, не была извѣстна императору, когда я выѣхалъ изъ Петербурга, а потому въ полученныхъ мною инструкціяхъ не могло быть упомянуто о дѣлѣ, случившемся послѣ моего отъѣзда, но я поспѣшу испросить новыя предписанія у моего правительства.

Не найдя словъ для возраженія, Аллахъ-Яръ-ханъ сказалъ только, что по случаю скораго отъѣзда шаха въ Ардебиль, князю Меншикову даны будутъ средства къ возвращенію въ Тифлисъ, и

дальнѣйшіе переговоры могутъ продолжаться въ пограничномъ городѣ, который для сего будетъ избранъ по взаимному соглашенію.

«Наслѣдный принцъ, доносилъ князь Меншиковъ [1]), выѣхалъ сегодня для соединенія войскъ своихъ на нашей карабагской границѣ. Онъ мечтаетъ, что обладаетъ уже Тифлисомъ и предписываетъ миръ Россіи. Въ упоеніи высокомѣрными надеждами, онъ предается ребяческому тщеславію, и уже сравниваетъ себя съ Тамерланомъ и Надиръ-шахомъ.

«Наслѣдный принцъ отправилъ курьера изъ Міаны къ зятю своему Аллахъ-Яръ-хану, чтобы побудить его къ отвращенію подозрѣнія, будто Персія начала войну. Въ слѣдствіе сего опредѣлено было въ совѣщаніи единомышленниковъ, собравшихся у сего министра, предложить мнѣ окончаніе споровъ о границахъ по условіямъ Гюлистанскаго трактата, давъ имъ смыслъ, на который я никакъ не могъ согласиться».

При этомъ Аллахъ-Яръ-ханъ объявилъ, что если переговоры не будутъ ведены на основаніи Гюлистанскаго мира, то петербургскій кабинетъ не будетъ имѣть основанія жаловаться на дальнѣйшее рѣшеніе Персіи. Князь Меншиковъ отвѣчалъ, что императоръ при вступленіи своемъ на престолъ нашелъ проектъ разграниченія, предложенный Россіею, и другой, представленный шахомъ. Въ этихъ документахъ разногласіе было весьма маловажное, и его легко можно было устранить при обоюдномъ желаніи сдѣлать нѣкоторыя уступки, да и самое посольство кн. Меншикова вызвано именно желаніемъ русскаго двора войти въ соглашеніе обоюдныхъ интересовъ.

— Дворъ россійскій, говорилъ кн. Меншиковъ, желающій единственно сохраненія мира, нетеряющій изъ вида ни своихъ выгодъ, ни правъ Персіи и неищущій никакого увеличенія предѣловъ своихъ, приметъ съ истиннымъ удовольствіемъ предложеніе вести переговоры на основаніи Гюлистанскаго трактата.

Такое заявленіе было совершенно неожиданно для Аллахъ-Яръ-хана и, онъ, не зная какъ вывернуться, оставилъ предложеніе кн. Меншикова безъ отвѣта, до тѣхъ поръ, пока русскій посолъ, вслѣдствіе

---

[1]) Воен.-ученый архивъ, отд. II, № 2438.

вѣроломнаго вторженія персіянъ въ наши предѣлы, долженъ былъ уѣхать изъ Персіи.

Основывая успѣхи свои на поголовномъ возстаніи и имѣя, повидимому, столь прочныя доказательства во всеобщемъ сочувствіи, персидское правительство собирало вокругъ себя всѣхъ почему-либо недовольныхъ русскимъ правленіемъ и русскою властью. Въ числѣ главнѣйшихъ былъ грузинскій царевичъ Александръ, котораго вытребовали въ Тавризъ, чтобы дать соотвѣтствующее порученіе; бѣжавшій имеретинскій царевичъ Вахтангъ появился въ Трепизондѣ и завелъ переписку съ Александромъ. Онъ обѣщалъ при первомъ объявленіи персіянами войны Россіи появиться въ Имеретіи и поднять тамошнее населеніе. Повидимому, все складывалось въ пользу тегеранскаго двора, и представители власти обсуждали уже планъ кампаніи: Абасъ-Мирза долженъ былъ дѣйствовать со стороны Эривани, а шахъ—двинуться къ Ардебилю. Разсчитывали на сильные кавалерійскіе набѣги для возмущенія народа, подкрѣпляя ихъ регулярною пѣхотою, которую, впрочемъ, считали болѣе удобнымъ не вводить въ сраженія.

Боевыя средства Абасъ-Мирзы состояли изъ 16 баталіоновъ пѣхоты, изъ коихъ три были вновь сформированы[1]), и до 24-хъ орудій съ прислугою и лошадьми; кочевой конницы онъ могъ собирать отъ 10,000 до 15,000 человѣкъ и имѣлъ въ запасѣ отъ 9,000 до 10,000 ружей не вполнѣ исправныхъ.

Въ султанійскомъ лагерѣ находилось 12 малолюдныхъ и почти необученныхъ баталіоновъ[2]), не болѣе 15,000 иррегулярной конницы и 12 орудій, изъ коихъ въ исправномъ состояніи было 5 орудій англійскихъ. Силъ этихъ, конечно, было недостаточно для борьбы съ такимъ государствомъ, какъ Россія, и потому рѣшено было усилить ихъ иррегулярною кавалеріею. По приказанію Абасъ-Мирзы, хойскія и урумійскія войска должны были собраться въ Эривани, хамаданскія—прибыть въ Тавризъ, тавризскія—отправиться въ Капанскій магалъ, а шахсеванская конница—собраться въ Ардебилѣ.

[1]) Два шагагскіе баталіона имѣли по 1,200 человѣкъ, а прочіе—по 1,000 и по 800 человѣкъ въ строю.

[2]) Баталіоны эти были весьма разнообразнаго состава: слабѣйшіе—по 400 человѣкъ, а сильнѣйшіе—по 600 человѣкъ подъ ружьемъ.

Не смотря, однако же, на столь дѣятельныя приготовленія, шахъ не желалъ войны, «но муллы, доносилъ князь Меншиковъ, стращаютъ его, съ одной стороны, въ надеждѣ успѣха, а съ другой—въ надеждѣ извлечь изъ казны его значительныя суммы и обратить въ свою пользу, если войны не будетъ.

«Въ сихъ обстоятельствахъ я полагаю, что важнѣйшій предметъ моихъ дѣйствій есть проволочка переговоровъ до зимы, дабы мы успѣли приготовиться къ войнѣ; но длить переговоры не въ моей будетъ зависимости, и потому я намѣренъ подъ конецъ предложить персіянамъ послать чиновника въ С.-Петербургъ, подъ предлогомъ, что уступки, ими требуемыя, превышаютъ данную мнѣ власть».

Раздѣляя мнѣніе князя Меншикова о необходимости продлить переговоры, А. П. Ермоловъ все еще не допускалъ возможности, чтобы персіяне открыли военныя дѣйствія въ то время, когда посолъ русскаго императора находился при дворѣ шаха. Военныя приготовленія главнокомандующій объяснялъ угрозою и желаніемъ дать бо́льшій вѣсъ своимъ требованіямъ, а потому и просилъ князя Меншикова противопоставить имъ твердость, такъ какъ только ею и совершеннымъ равнодушіемъ къ ихъ приготовленіямъ можно было, по мнѣнію главнокомандующаго, удерживать тегеранскій дворъ въ предѣлахъ умѣренности. Сознавая, однако же, что посольство князя Меншикова должно имѣть рѣшительный характеръ, и получая свѣдѣнія о волненіяхъ, происходившихъ въ мусульманскихъ нашихъ провинціяхъ, Ермоловъ 3-го іюля возвратился въ Тифлисъ.

Между тѣмъ персіяне съ намѣреніемъ затягивали переговоры и усиливали требованія; они обвиняли во всемъ Ермолова, говоря, что онъ не желалъ сдѣлать уступки въ ихъ справедливыхъ требованіяхъ. Меншиковъ отвѣчалъ, что онъ также не уполномоченъ исполнить предъявленныя ему требованія, предлагалъ отправить посла въ Петербургъ или выслать уполномоченныхъ на границу. Шахъ и его приближенные отмалчивались, а между тѣмъ эриванскій ханъ, сосредоточивъ свои войска, расположился противъ нашего лагеря у урочища Мирака. Онъ выслалъ впередъ своего брата съ конницею, которая, ворвавшись въ Шурагельскую провинцію, производила ежедневные разъѣзды по нашимъ деревнямъ и распускала слухи, что шахъ, въ случаѣ неуступчивости кн. Меншикова, приказалъ хану

предать разграбленію всю провинцію. Испуганные жители въ теченіе нѣсколькихъ дней не выходили на работу, но не соглашались принять сторону персіянъ. Одинъ только артикскій владѣлецъ Будагъ-султанъ измѣнилъ намъ, но и его попытка склонить своихъ подвластныхъ бѣжать въ Персію не удалась [1]).

Съ другой стороны, полковникъ Реутъ доносилъ, что персіяне намѣрены ворваться въ Карабагъ прежде объявленія войны, съ тою цѣлью, чтобы не дать возможности соединиться нашимъ войскамъ въ Чинахчахъ [2]) или Гюрюсахъ. Зная подробно, гдѣ и сколько расположено нашихъ войскъ, персіяне разсчитывали разбить ихъ по частямъ и тѣмъ облегчить себѣ дальнѣйшія операціи. «Не знаю,—писалъ Ермоловъ полковнику Реуту [3]),—какъ могутъ персіяне препятствовать соединенію войскъ въ Гюрюсахъ расположенныхъ съ тѣми, кои находятся въ Чинахчахъ, когда земля, гористая, на всякомъ шагу представляющая немалыя персіянамъ затрудненія, должна препятствовать скорости ихъ движенія и употребленію большихъ силъ».

Главнокомандующій требовалъ, чтобы стоявшія близъ границы войска не были разбросаны, и сообщеніе между ними поддерживалось постоянно. Пункты, наиболѣе отдаленные, откуда пѣхота не могла быть скоро выведена, наблюдались бы армянами, на вѣрность которыхъ можно было положиться. Затѣмъ, сосредоточивъ въ Чинахчахъ свои силы и устроивъ тамъ хотя временныя укрѣпленія, Реутъ имѣлъ возможность съ успѣхомъ обороняться противъ многочисленнаго непріятеля, и едва ли персіяне, располагавшіе по преимуществу иррегулярною конницею, могли предпринять противъ него что-либо серьезное. «Во всякомъ случаѣ,—писалъ Ермоловъ Реуту [4]),—всѣхъ пунктовъ на границѣ, каждаго селенія въ особенности и паче кочевья защищать войсками невозможно».

На этомъ основаніи главнокомандующій приказалъ полковнику

---

[1]) Отношеніе Ермолова кн. Меншикову, 15-го іюля 1826 г., № 18. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 645.

[2]) Чинахи—имѣніе князя Мадатова.

[3]) Въ предписаніи отъ 9-го іюля 1825 г., № 91. Арх. штаба кавказскаго военнаго округа.

[4]) Въ предписаніи 13-го іюля 1826 г., № 99. Тамъ же.

Реуту расположить свои силы такъ, чтобы ихъ можно было соединить безъ затрудненія, и онѣ не подверглись бы опасности защищаться по частямъ и малыми командами; чтобы дорога въ Чинахчи, гдѣ находилась штабсъ-квартира полка, не была ни въ какомъ случаѣ отрѣзана; чтобы крѣпость Шуша была удержана и въ нее переселены были семейства всѣхъ значительныхъ бековъ, тѣхъ, кои преданы намъ, для безопасности, а недоброжелательствующихъ—чтобы служили залогомъ [1]).

Распоряженіе это было получено полковникомъ Реутомъ 17-го іюля, только днемъ ранѣе переправы непріятеля черезъ Араксъ, и, конечно, не могло быть приведено въ исполненіе. Впослѣдствіи многіе обвиняли Ермолова въ томъ, что онъ, зная о неизбѣжности войны съ Персіею, не сосредоточилъ заблаговременно войскъ на важнѣйшихъ пунктахъ и не принималъ никакихъ предварительныхъ мѣръ противъ вторженія непріятеля.

— Какія мѣры ни принимай,—отвѣчалъ на это Алексѣй Петровичъ,—съ ничтожными моими силами не могу я прикрыть все непомѣрное протяженіе границы. Предупредить набѣга персіянъ невозможно, а между тѣмъ, если узнаютъ, что я собираю на границѣ отрядъ, то въ Европѣ скажутъ, что русскіе начали войну, что русскіе зачинщики. Пусть персіяне первые откроютъ дѣйствія, пусть они вторгнутся къ намъ,—я только того и желаю [2]).

Желанія главнокомандующаго не замедлили исполниться.

Въ концѣ іюня и началѣ іюля стали обнаруживаться волненія среди мусульманскаго населенія, и слухи о скоромъ вступленіи персіянъ въ наши границы съ каждымъ днемъ усиливались. Сельскіе жители оканчивали полевыя работы, а горожане остановили всѣ постройки и принялись кто тайно, а кто и явно исправлять оружіе подъ предлогомъ предосторожности и защиты отъ непріятеля. Многіе муллы и сеиты, намъ преданные и жившіе въ пограничныхъ селеніяхъ, просили выдать имъ пропускные билеты во внутреннія наши провинціи; лица же, завѣдомо преданныя персіянамъ, собирались по

---

[1]) Предписаніе Ермолова карабагскому коменданту, маіору Чиляеву, 13-го іюля 1826 г., № 100. Арх. шт. кавк. воен. округа, опись № 19.

[2]) Изъ разсказовъ Мазаровича.

ночамъ на тайныя совѣщанія[1]). Талышенскій Миръ-Гассанъ-ханъ выказалъ полнѣйшее малодушіе: онъ отправилъ тайно свое имущество въ Персію и велъ переписку съ тегеранскимъ дворомъ. Переписка эта была открыта, и хану не оставалось ничего болѣе, какъ оставить свою резиденцію и скрыться въ лѣсахъ. Измѣна хана произвела большой переполохъ среди населенія, и «трудно вѣрить,— доносилъ маіоръ Ильинскій[2]), какъ народъ испуганъ; но я показываю имъ равнодушіе, продолжая постройку казармъ и прочихъ работъ». Часть жителей приняла сторону хана, собирала свое имущество съ намѣреніемъ скрыться въ лѣсахъ, а другая часть прибѣгла подъ защиту крѣпости Ленкорани. Предосторожность эта была не лишняя, потому что въ самомъ началѣ іюля Миръ-Гассанъ-ханъ собралъ шайку вооруженныхъ людей, напалъ на нашу команду, работавшую въ лѣсу, и вслѣдъ затѣмъ окружилъ крѣпость своими караулами[3]).

Имѣя въ своемъ распоряженіи 660 человѣкъ Каспійскаго морскаго баталіона, маіоръ Ильинскій былъ поставленъ въ затруднительное положеніе относительно защиты ханства. Ленкоранское укрѣпленіе состояло изъ полуразрушеннаго землянаго вала и не могло вмѣстить даже и этого малочисленнаго гарнизона; въ укрѣпленіи не было ни провіантскихъ магазиновъ, ни цейхгаузовъ, ни даже достаточно воды. Магазинъ былъ устроенъ въ сторонѣ отъ крѣпости, на берегу моря, былъ ветхъ и требовалъ особой защиты, а цейхгаузъ былъ переведенъ на островъ Сару. Вооруженіе укрѣпленія состояло изъ негодныхъ орудій: почти всѣ они имѣли раковины или трещины.

При первомъ извѣстіи о волненіи жителей, маіоръ Ильинскій оставилъ лагерь и перешелъ въ крѣпость. Разрушенный земляной валъ онъ утвердилъ кольями и плетнемъ, возвысилъ его двумя рядами бревенъ и сдѣлалъ амбразуры. Очистивъ на довольно значительное разстояніе мѣстность вокругъ вала, онъ углубилъ ровъ и

---

[1]) Рапортъ маіора Ашеберга Ермолову, 18-го іюля 1826 г., № 29.

[2]) Генералу Вельяминову, отъ 3-го іюля 1826 г., № 512. Арх. штаба кавк. арміи, дѣло генеральнаго штаба № 22.

[3]) Рапортъ Ильинскаго Вельяминову, 5-го іюля, № 514. Тамъ же.

приготовилъ рогатки, чтобы удобнѣе было отражать непріятеля штыками [1]).

Желая сохранить людей, разбросанныхъ на отдѣльныхъ постахъ, маіоръ Ильинскій приказалъ имъ слѣдовать въ Ленкорань, но посланные его были перехвачены и большею частью умерщвлены. Тогда онъ отправилъ посланнаго въ Ширвань къ маіору Ашебергу, прося его помощи. Послѣдній, не ожидая приказаній, послалъ въ Ленкорань 98 человѣкъ Бутырскаго полка, слѣдовавшихъ на укомплектованіе Каспійскаго морскаго баталіона [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, не надѣясь на жителей Сальянскаго магала (уѣзда), гдѣ жилъ народъ буйный, «изобилующій чрезъ мѣру духовенствомъ и тунеядцами агаларами», Ашебергъ предлагалъ Ермолову вооружить отъ 200 до 300 человѣкъ находившихся тамъ русскихъ рыбопромышленниковъ [3]).

Ильинскій успѣлъ, между тѣмъ, захватить одну изъ ханскихъ женъ, нѣсколькихъ подозрительныхъ лицъ и приближенныхъ хана и всѣхъ ихъ отправилъ на островъ Сару. Онъ разослалъ воззванія жителямъ, прося ихъ не вѣрить слухамъ, разсѣваемымъ злоумышленниками [4]). Талышенцы не слушали увѣщаній, а попытка разогнать толпы возмутителей, окружавшихъ Ленкорань, не увѣнчалась успѣхомъ. Высланная Ильинскимъ небольшая команда въ 70 челов., подъ начальствомъ капитановъ Перкина и Музайки, наткнувшись на засаду, потерпѣли неудачу, причемъ Музайко былъ убитъ. Маіоръ Ильинскій растерялся и не зналъ, что дѣлать. «Помощи нѣтъ ни съ которой стороны, доносилъ онъ [5]); *нахожусь совсѣмъ въ рукахъ злодѣя, и все мое любезное войско приходитъ въ упалость*, о каковомъ происшествіи болѣе не могу писать». Непріятель захватилъ Кизилъ-Агачскій постъ, овладѣлъ постами Аркеванскимъ, Герминскимъ и заставилъ Сальянскій постъ отступить на островъ

---

[1]) Рапортъ Ильинскаго Ермолову, 14-го августа 1826 г., № 830.

[2]) Рапортъ маіора Ашеберга Вельяминову, 8-го іюля 1826 году. Лит. F. Арх. штаба кавк. арміи, д. генеральнаго штаба № 22.

[3]) Рапортъ Ашеберга Ермолову, 18-го іюля 1826 г., № 29.

[4]) Рапорты Ильинскаго Вельяминову, 6-го и 7-го іюля 1826 года, №№ 518 и 524. Тамъ же.

[5]) То же, отъ 10-го іюля 1826 г.

Сару. «Теперь,—говорилъ Ильинскій [1]),—совершенно считаю себя погибшимъ, не видя помощи и прося ея со всѣхъ сторонъ».

Возстаніе въ Талышахъ съ каждымъ днемъ усиливалось, и въ ночь съ 15-го на 16-е іюля ленкоранскій гарнизонъ въ теченіе четырехъ часовъ имѣлъ усиленную перестрѣлку съ непріятелемъ. «Нѣтъ ни одного часа къ спокойствію солдатъ,—доносилъ Ильинскій [2]),—безпрестанно въ боевомъ порядкѣ; многолюдныя партіи со всѣхъ сторонъ появляются, увлекаютъ побоями людей и вооружаютъ противъ насъ».

Миръ-Гассанъ-ханъ занялъ всѣ дороги и выставилъ свои посты далеко впередъ: съ одной стороны къ Баку, а съ другой—къ Шемахѣ. Онъ вошелъ въ сношеніе съ явившимися на границѣ бывшими ханами ширванскимъ и бакинскимъ и порѣшили открыть дѣйствія въ бывшихъ своихъ владѣніяхъ, какъ только Персія объявитъ войну Россіи.

Объявленіе это послѣдовало первыми выстрѣлами, произведенными войсками эриванскаго хана.

Рано утромъ 16-го іюля разъѣзды эриванскаго хана произвели нѣсколько выстрѣловъ по передовымъ нашимъ войскамъ, стоявшимъ вблизи Мирака. Командиръ Тифлисскаго полка, князь Саварсемизде, отправилъ письмо хану, прося его остановить безпорядки, но посланный былъ задержанъ, и персіяне кричали, что сардарь не имѣетъ нужды въ объясненіяхъ съ русскимъ начальникомъ и, будучи извѣщенъ Абасъ-Мирзою о послѣдовавшемъ разрывѣ съ Россіею, истребитъ и самого полковника.

Спустя часъ, персидская конница атаковала наши пикеты, схватила девять человѣкъ казаковъ и нѣсколько татаръ, а затѣмъ двинулась къ лагерю, куда направился и самъ сардарь съ двумя регулярными баталіонами сарбазовъ. Князь Саварсемидзе принужденъ былъ снять лагерь и отступить. Каменистую и тѣсную дорогу, по которой ему приходилось идти, онъ нашелъ занятою непріятельскою конницею, часть которой, спѣшившись, находилась подъ защитою шести фальконетовъ.

---

[1]) Рапортъ Ильинскаго Вельяминову, отъ 11-го іюля 1826 г., № 550.

[2]) То же, 16-го іюля 1826 года, № 575.

Взявъ 150 человѣкъ и одно орудіе, кн. Саварсемидзе штыками открылъ себѣ путь, тогда какъ остальная его пѣхота, построенная въ каре и непревышавшая 500 человѣкъ, при двухъ орудіяхъ, вела перестрѣлку съ непріятелемъ, собравшимся въ числѣ 5,000 челов. и насѣдавшимъ съ тыла и фланговъ. Возвратившись въ каре, кн. Саварсемидзе перешелъ въ наступленіе и, заставивъ непріятеля податься назадъ, прошелъ почти безъ потери весь путь до сел. Гумри (нынѣ г. Александрополь). Здѣсь онъ узналъ, что братъ эриванскаго хана въ тотъ же день разорилъ сел. Малый Караклисъ и увелъ въ плѣнъ болѣе 150 душъ; что непріятельская конница въ 200 челов. появилась на рѣкѣ Гамза-чеменѣ, вырѣзала 15 человѣкъ солдатъ, бывшихъ на покосѣ, и отогнала казенныхъ лошадей Тифлисскаго полка; что наши посты на Садага-хачѣ и Балыкъ-чаѣ сбиты и кочевья казахскихъ татаръ подверглись нападенію [1]).

Пользуясь первымъ успѣхомъ, эриванскій ханъ старался возмутить населеніе и разослалъ казахскимъ агаларамъ циркулярное письмо слѣдующаго содержанія:

«Прежде сего, какъ между нами и русскими былъ миръ, вы нѣсколько разъ излагали передъ нами просьбу свою и именемъ Бога просили, дабы мы пощадили васъ и избавили васъ и семейства ваши изъ рукъ русскихъ, обѣщаясь показать услуги и тѣ бѣдствія, которыя наведете на русскихъ. Я въ прошломъ году ѣздилъ въ Тегеранъ и доложилъ шаху о просьбахъ и обѣщаніяхъ, которыя вы сдѣлали; много старался и нѣсколько разъ писалъ письма къ муджтехиду, дабы онъ принялъ на себя починъ освобожденія васъ отъ невѣрныхъ, и наконецъ успѣлъ въ томъ, что онъ пріѣхалъ изъ Кербелая къ шаху. По просьбамъ вашимъ и по моему ходатайству шахъ рѣшился истребить невѣрныхъ и изъ-подъ ига ихъ освободить правовѣрныхъ. Войско аракское, фарское, хоросанское и весь народъ иранскій двинулись изъ своихъ жилищъ, и мы, основываясь на обѣщаніяхъ вашихъ, разрушили миръ, доселѣ существовавшій между нами и русскими, побили ихъ солдатъ, разорили всю Шурагельскую

[1]) Отношеніе Ермолова кн. Меншикову, 19-го іюля. Всеподданнѣйшій рапортъ Ермолова, 22-го іюля 1826 г. Акт. Кав. Арх. Комис., т. VI, ч. II, №№ 646 и 648. Журналъ военныхъ дѣйствій въ провинціяхъ Памбакахъ и Шурагели. Тифлисскій арх., д. генеральнаго штаба, 1826 г. № 79 и 1827 № 87.

область и тѣмъ исполнили желаніе ваше. Шахъ-заде съ многочисленными адзербейджанскими войсками пошелъ къ сторонѣ Карабага; ханы же дагестанскій (казикумухскій) и ширванскій, которые находились при шахѣ, пошли съ войсками къ собственнымъ ихъ владѣніямъ. Собственное шахское войско также двинулось и слѣдуетъ въ сіи страны. Мы обязываемся пригласить васъ къ сему дѣлу, дабы сказать вамъ, что если вы къ оному хотите приступить съ чистосердечіемъ и усердіемъ, то уже насталъ къ тому случай и къ исполненію онаго вы должны сдѣлать первый шагъ и тѣмъ исполнить данное вами обѣщаніе. Слѣдовательно всѣхъ русскихъ, находящихся среди васъ, должны вы убить и будете во избавленіи себя намъ сотрудниками. Въ противномъ случаѣ, если не исполните сего, мы причинимъ вамъ возможное зло, ибо тогда вы устранитесь отъ собранія правовѣрныхъ и удалитесь въ общество невѣрныхъ; тогда имущество ваше, семейство и кровь ваша будутъ безгрѣшною жертвою, и вы погибнете какъ на этомъ, такъ и на будущемъ свѣтѣ. Разсудите сами, лучше ли быть въ числѣ правовѣрныхъ или предаться невѣрнымъ».

Населеніе отвѣчало, что само собою сдѣлать ничего не можетъ, но противиться успѣху персіянъ не будетъ.

Между тѣмъ Ермоловъ, получивъ первыя извѣстія о вторженіи персіянъ, приказалъ князю Саварсемидзе защищать только Большой Караклисъ, чтобы закрыть входъ черезъ ущелье въ Памбакскую провинцію и Балыкъ-чайскій постъ на Гокчѣ, преграждавшій персіянамъ доступъ въ татарскія дистанціи [1]). Для поддержанія же отряда кн. Саварсемидзе былъ двинутъ, 19-го іюля, изъ Бѣлаго-Ключа на р. Каменку (Джелалъ-оглы-чай) сводный баталіонъ изъ двухъ ротъ 7-го карабинернаго и двухъ ротъ 41-го егерскаго полковъ съ четырьмя орудіями, подъ начальствомъ маіора Кошутина.

Когда князь Севарсемидзе получилъ предписаніе главнокомандующаго, Гумры и Караклисъ были уже окружены непріятелемъ и сообщенія повсюду прерваны. Въ распоряженіи князя Саварсемидзе было всего 60 человѣкъ донскихъ казаковъ, такъ что всѣ свѣдѣнія о дви-

---

[1]) Всеподд. донесеніе Ермолова, 30-го іюля 1826 г. Военно-ученый арх., отд. II, д. № 5850 (а), л. 40.

женіи и дѣйствіяхъ непріятеля получались только отъ мѣстныхъ жителей, часто искажавшихъ ихъ въ пользу персіянъ. При такихъ условіяхъ кн. Саварсемидзе не рѣшился сразу покинуть Гумры и перевезти всѣ тяжести въ Караклисъ, а оставилъ въ Гумрахъ двѣ роты съ четырьмя орудіями, подъ начальствомъ флигель-адъютанта, полковника барона Фридерикса. Съ уходомъ князя Саварсемидзе въ Б. Караклисъ персіяне еще тѣснѣе обложили Гумры, и положеніе Фридерикса было крайне затруднительно. Такое состояніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ ночь съ 28-го на 29-е іюля не прибылъ въ Караклисъ сводный баталіонъ Кошутина. Тогда полковникъ Фридериксъ присоединилъ къ себѣ команды, находившіяся въ Бекантѣ и Амамлахъ, и вмѣстѣ съ ними отступилъ къ Караклису—послѣднему пункту, оставаѣшемуся въ нашихъ рукахъ въ провинціяхъ Памбакской и Шурагельской. И здѣсь положеніе эриванскаго отряда было далеко не блестяще: продовольствія почти не было, и оно добывалось при помощи фуражировокъ, не всегда удачныхъ. 1-го августа было получено приказаніе Ермолова оставить Памбакскую провинцію и, отступивъ за Безобдалъ, укрѣпиться на Лори или въ Джелалъ-оглу. Князь Саварсемидзе выбралъ послѣдній пунктъ, какъ наиболѣе удобный для продовольствія и поддержанія сообщеній. Для лучшаго удовлетворенія послѣдней цѣли, войска эриванскаго отряда были расположены слѣдующимъ образомъ [1]): на Акзебіюкѣ, у такъ называемыхъ Волчьихъ воротъ, находился баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго полка съ четырьмя орудіями; въ Джелалъ-оглу—2-я гренадерская рота Тифлисскаго полка съ однимъ орудіемъ и сотнею казаковъ; въ Гергерахъ—двѣ роты, изъ коихъ одна женатыхъ нижнихъ чиновъ того же полка, и два орудія; на горѣ Безобдалѣ—двѣ роты 41-го егерскаго полка съ двумя орудіями; въ селеніи Кишлакѣ—три роты Тифлисскаго полка съ тремя орудіями. Въ случаѣ надобности отъ этого отряда высылалась рота съ однимъ орудіемъ къ спуску, обращенному къ Караклису, къ тому мѣсту, гдѣ сходятся верхняя и нижняя дороги. Въ самомъ Караклисѣ находился князь Саварсемидзе съ тремя ротами 7-го карабинернаго, тремя ротами Тифлисскаго пол-

[1]) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Памбакахъ и Шурагели. Тифлис. архивъ, д. генеральнаго штаба 1826 г. № 79 и 1827 г. № 87.

ковъ, съ семью орудіями, 120 казаками, 50 человѣками борчалинской и 100 челов. армянской конницы.

4-го августа персидская конница появилась въ виду Караклиса, но не предпринимала ничего серьезнаго. Какъ здѣсь, такъ и на другихъ пунктахъ персіяне избѣгали боя и были увѣрены, что русскіе сами оставятъ Грузію по причинѣ междоусобія, будто бы происходившаго въ Россіи. Въ этомъ увѣрены были самые высшіе сановники государства. Когда черезъ Эривань проѣзжалъ, посланный княземъ Меншиковымъ къ Ермолову, армянинъ Ковалевъ, эриванскій сардарь прямо высказалъ послѣднему свою увѣренность, что Россія не въ состояніи бороться съ Персіею.

— Вашимъ войскамъ приказано возвратиться, говорилъ Хуссейнъ-ханъ, по какой же причинѣ они остаются на нашей границѣ? Не желаютъ ли войны? Я удивляюсь, что, съ одной стороны, посланникъ проситъ признать императоромъ Николая Павловича и подписать о томъ бумагу, а съ другой стороны, занимаютъ наши границы своими войсками. Что происходитъ у васъ, намъ все извѣстно. Намъ пишутъ сюда ваши подданные татары, что у васъ нѣтъ здѣсь вовсе войскъ, что ваши государи, два брата, между собою воюютъ. Константинъ Павловичъ проситъ помощи у французовъ и нѣмцевъ, а войска въ Грузіи находятся у генерала Ермолова, который самъ не знаетъ, повелѣніямъ котораго государя слѣдовать; генералъ же Вельяминовъ прислалъ нынѣ сюда войска и занялъ мои двери. Если войска эти не будутъ взяты къ своимъ мѣстамъ, то ни посланникъ не будетъ имѣть успѣха, ни я не позволю, чтобы русскіе занимали мои двери. Если на этотъ разъ войска не будутъ сняты, то изъ числа моихъ нукеровъ одного сдѣлаю губернаторомъ въ Тифлисѣ, другаго—комендантомъ, третьяго — полиціймейстеромъ. Удивительно! я 20 лѣтъ нахожусь въ здѣшней странѣ, и никогда въ Гокчѣ или Абаранѣ русскихъ войскъ не видалъ. Тогда у насъ не было еще никакого военнаго устройства, а теперь мы имѣемъ сарбазовъ превосходнѣе русскихъ солдатъ, пушки—лучше ихъ пушекъ, и изъ сего явствуетъ, что наказаніе ихъ настало. Русскимъ надо бы было стараться быть спокойными, а они, напротивъ, прибавляютъ злость свою: обнадеживаютъ грековъ уничтожить власть турокъ и востановить греческое царство, а на этой сторонѣ тягаются съ нами на счетъ границъ.

Таковы были взгляды эриванскаго хана, грозившаго распространить ужасъ до Тифлиса и прежде всего уничтожить нашъ эриванскій отрядъ.

Стягивая войска къ Джелалъ-оглу и отправляя постепенно транспорты съ имуществомъ и семействами нижнихъ чиновъ, кн. Саварсемидзе, въ 2 часа пополудни 9-го августа, оставилъ Караклисъ, предавъ пламени всѣ строенія. Непріятель слѣдилъ за движеніемъ нашихъ войскъ и изрѣдка перестрѣливался. Присоединивъ къ себѣ отряды, находившіеся въ Гергерахъ и Кишлакѣ, кн. Саварсемидзе остановился на ночь у подошвы Безобдала въ довольно тѣсномъ ущельѣ, не доходя версты полторы до крутаго подъема. Непріятель сильно напиралъ на арріергардъ. Полковникъ баронъ Фридериксъ, занимая съ тремя ротами и тремя орудіями высоту возлѣ дороги, удерживалъ персіянъ и, давъ всей колоннѣ втянуться въ ущелье, самъ послѣдовалъ за ней. Наступившая темнота и сильный дождь удалили непріятеля. На слѣдующій день отрядъ прибылъ въ Гергеры, гдѣ и расположился лагеремъ. Къ 17-му августа большая часть отряда сосредоточилась у Джелалъ-оглу, и войска князя Саварсемидзе расположились слѣдующимъ образомъ: *на Акзебіюгѣ у Волчьихъ воротъ* двѣ роты 7-го карабинернаго полка, два орудія и 20 казаковъ, поръ командою маіора Хомуцкаго; *у старой церкви Мотурѣ*, въ пяти верстахъ отъ Джелалъ-оглу, на лѣвомъ берегу рѣки Джилги,—одна рота съ орудіемъ и 15-ю казаками; вверхъ по Джилгѣ, верстахъ въ десяти отъ Джелалъ-оглу,—казачій пикетъ изъ 20-ти человѣкъ при офицерѣ. Въ лагерѣ въ Джелалъ-оглу, подъ начальствомъ кн. Саварсемидзе, находились двѣ роты 7-го карабинернаго, пять ротъ Тифлисскаго пѣхотнаго и двѣ роты 41-го егерскаго полковъ, девять орудій Кавказской гренадерской артиллерійской бригады и 240 донскихъ казаковъ. Въ Гергерѣ—двѣ роты Тифлисскаго полка съ двумя орудіями и 75 казаковъ; при греческой деревнѣ Гулакерахъ—рота Тифлисскаго полка съ орудіемъ; при армянской деревнѣ Дурмакатурѣ—рота Тифлисскаго полка съ орудіемъ. Главныя силы непріятеля, подъ начальствомъ сардаря эриванскаго, находились въ это время въ Гамзачеманѣ; Гассанъ же ханъ, съ своею конницею, четырьмя орудіями и частью сарбазовъ, расположился въ сел. Кишлакѣ, имѣя поредовые караулы на Безобдалѣ.

Почти одновременно съ нападеніемъ на эриванскій отрядъ, персіяне появились и въ Карабагѣ.

√ 18-го іюля полковникъ Реутъ получилъ донесеніе отъ подполковника Назимки, находившагося въ гористой части Карабага, въ сел. Гюрюсахъ, что персіяне, подъ начальствомъ Эмиръ-хана, заняли пограничное наше селеніе Парнаутъ [1]). На слѣдующій день, 19-го іюля, было уже извѣстно, что непріятель съ артиллеріей и многочисленною конницею, всего до 30,000 человѣкъ, переправившись черезъ Араксъ у Худо-аферинскаго моста, вступилъ въ Карабагъ, гдѣ находилось только девять ротъ 42-го егерскаго полка, шесть легкихъ орудій и одинъ слабый по составу казачій полкъ [2]). Изъ этого отряда одна рота находилась въ Шушѣ, а три роты съ двумя орудіями—въ гористой части Карабага, въ селеніи Гюрюсахъ, для охраненія кочующаго населенія. Имѣя неточныя свѣдѣнія о движеніи непріятеля и вводимый въ заблужденіе туземными жителями, содержавшими кордоны, полковникъ Реутъ не успѣлъ соединить своихъ силъ въ Чинахчахъ и тѣмъ подвергъ ихъ печальной участи. Персіяне ворвались въ Карабагъ такъ неожиданно, что Реутъ не считалъ возможнымъ выждать прибытія изъ Гюрюсъ отряда Назимки и защищаться въ Чинахчахъ, такъ какъ окружающія высоты командовали надъ этимъ селеніемъ. Онъ рѣшился отступить въ крѣпость Шушу, «ибо, доносилъ онъ [3]), сверхъ того не имѣлъ я въ запасѣ провіанта и не предвидѣлъ совершенно никакихъ способовъ къ заготовленію онаго, по причинѣ возмущенія жителей». Изъ пяти ротъ 42-го егерскаго полка, находившихся въ Чинахчахъ, Реутъ командировалъ 19-го іюля двѣ роты въ Шушу, на присоединеніе къ шестой ротѣ тамъ находившейся и съ цѣлью обезпечить крѣпость отъ быстраго набѣга и нечаяннаго нападенія непріятеля. Остальныя роты назначались для вывода жителей и прикрытія обозовъ; но въ тотъ же день, вечеромъ, Реутъ узналъ, что персіяне, желая отрѣзать ему путь отступленія,

---

[1]) Рапортъ Реута оберъ-квартирмейстеру полковнику Коцебу, 30-го ноября 1827 года, съ приложеніемъ журнала дѣйствій. Тифлис. арх., д. генер. штаба № 3.

[2]) Разбросанный по постамъ для поддержанія сообщеній.

[3]) Въ рапортѣ оберъ-квартирмейстеру, полковнику Коцебу, 30-го ноября 1827 года, съ приложеніемъ журнала дѣйствій. Арх. штаба Кавказской арміи, д. генеральнаго штаба № 3.

направились на Топъ-хане, находившееся вблизи крѣпости Шуши. Это извѣстіе измѣнило всѣ предположенія Реута и заставило его спѣшить отступленіемъ. Оставивъ на мѣстѣ всѣ тяжести, кромѣ заручнаго оружія, пороха и свинца, онъ въ тотъ же день выступилъ и 20-го, поутру, прибылъ въ Шушу, съ остальными тремя ротами, четырьмя орудіями и 256-ю человѣками казаковъ.

Впослѣдствіи оказалось, что отступленіе это было предпринято слишкомъ поспѣшно, такъ какъ персіяне показались только черезъ пять дней; что Реутъ растерялся и что ему не было нужды бросать казенное имущество и торопиться выступленіемъ изъ своей штабъ-квартиры.

Выступая изъ Чинахчи, Реутъ предписалъ подполковнику Назимкѣ съ его тремя ротами и двумя орудіями, оставить Гюрюсы и кратчайшею дорогою, какъ можно поспѣшнѣе слѣдовать въ Шушу къ нему на соединеніе: Послѣдній вечеромъ 20-го іюля, выступивъ изъ Гюрюсъ, имѣлъ въ строю: 18 офицеровъ и 874 человѣка 42-го егерскаго полка, три офицера и 94 человѣка казаковъ донскаго Молчанова полка и два легкія орудія. Темнота ночи препятствовала быстротѣ движенія, а на разсвѣтѣ 21-го числа отрядъ былъ окруженъ у селен. Гюрюнзура возмутившимися жителями и присоединившимися къ нимъ персіянами.

Обремененныя орудіями роты принуждены были отступать по дорогѣ почти непроходимой. Послѣ продолжительнаго и упорнаго боя, среди невыносимаго зноя и жажды, отрядъ потерялъ почти половину людей, а остальные, по почину подполковника Назимки, рѣшились сдаться военно-плѣнными. Два офицера, успѣвшіе укрыться у армянъ, явились впослѣдствіи въ полку и были вѣстниками неудачи. «Какое подлое дѣло Назимки, писалъ Ермоловъ полковнику Реуту [1]). Вы должны сіе заслужить собственною неустрашимостью». Плѣненіе остатковъ ротъ 42-го егерскаго полка крайне огорчило и императора. «Русскихъ превосходствомъ силъ одолѣвали, писалъ онъ главнокомандующему [2]), истребляли, но въ плѣнъ не брали. Сколько изъ бумагъ понять я могъ, вездѣ въ частномъ исполненіи видна оплош-

[1]) По-польски въ письмѣ отъ 2-го августа 1826 г., № 235.

[2]) Въ рескриптѣ отъ 10-го августа 1826 года.

ность неимовѣрная: гдѣ предвидѣлись военныя обстоятельства, должно бы было къ нимъ и приготовиться».

Ермоловъ самъ видѣлъ оплошность Реута и требовалъ отъ него стойкости, бдительности и осторожности. Онъ просилъ беречь выстрѣлы, ласкать армянъ и поступать безъ сожалѣнія съ измѣнниками татарами. «Надобно, писалъ главнокомандующій, чтобы каждая рота знала свою часть стѣны для обороны и былъ резервъ для подкрѣпленія болѣе угрожаемыхъ частей. Пока слабъ непріятель, можно дѣлать вылазки собственно для доставленія провіанта, ежели есть оный по близости. Хороши вылазки ночью, на близкую часть непріятеля, если онъ только неосторожень; но и собственнаго безпорядка страшиться надобно».

Изъ доставленныхъ лазутчиками свѣдѣній было извѣстно, что Абасъ-Мирза ввелъ въ Карабагъ до 30,000 человѣкъ, къ которымъ присоединилось почти все магометанское населеніе провинціи. Армяне бѣжали въ гористыя и крѣпкія мѣста, а покинутыя ими селенія были заняты непріятелемъ, который частью вытравилъ, а частью сжегъ весь хлѣбъ, остававшійся на корнѣ. «Явно обнаруживавшееся теперь недоброжелательство къ намъ татаръ, доносилъ полковникъ Реутъ [1]), весьма хитро было ими скрываемо, и даже не было ни одного изъ нихъ сколько-нибудь преданнаго, чтобы, по крайней мѣрѣ, имѣть какія-нибудь настоящія (достовѣрныя) чрезъ нихъ свѣдѣнія. Всѣмъ имъ формально извѣстно было прибытіе къ Араксу персидскихъ войскъ, но они сіе скрывали и даже постороннія свѣдѣнія о томъ умѣли иначе представить. Армяне же не могли знать ничего настоящаго, ибо по боязни своей не осмѣливались и показываться близко у границы, и если бы не случилось захваченія въ плѣнъ хорунжаго Крюкова, то, конечно, я о прибытіи персіянъ узналъ бы только въ то время, какъ они приблизились бы къ нашимъ казачьимъ передовымъ пикетамъ».

Измѣнѣ населенія много способствовало присутствіе при персидскихъ войскахъ бѣжавшихъ въ Персію хановъ и другихъ владѣльцевъ. Поддерживая постоянныя сношенія съ нѣкоторыми лицами

[1]) Въ рапортѣ Ермолову, отъ 19-го іюля 1826 г., № 1040. Воен.-учен. арх., отд. II, д. № 4439.

намъ преданными, ханы успѣли возмутить противъ Россіи почти всѣ мусульманскія провинціи, и одновременно съ вторженіемъ персіянъ въ Карабагъ въ Ширвани явился бывшій ханъ Мустафа. Маіоръ Ашебергъ просилъ находящагося въ Кубѣ генералъ-маіора Краббе оказать ему помощь. Командировавъ тотчасъ же въ Ширвань три роты Апшеронскаго полка, Краббе самъ отправился туда же, поручивъ начальство надъ войсками въ Кубинской и Дербентской провинціяхъ, а также и въ Талышинскомъ ханствѣ, артиллеріи полковнику Мищенко.

Прибывъ 23-го іюля въ Старую-Шемаху, генералъ-маіоръ Краббе нашелъ край въ полномъ возстаніи, и хотя онъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы успокоить населеніе, но внушенія его почти не дѣйствовали. «Нѣтъ никого истинно намъ преданныхъ, доносилъ онъ [1]), и никто не доставляетъ намъ вѣрныхъ свѣдѣній. Нѣкоторые увѣряютъ, что бѣглецъ Мустафа, бывшій ханъ (ширванскій), съ 5,000 сарбазовъ и съ многочисленною конницею находится на рѣкѣ Курѣ, гдѣ въ оную впадаетъ рѣка Араксъ, и оттуда разсылаетъ прокламаціи въ магалы; другіе же говорятъ, что онъ переправился по сю сторону Куры, но не имѣетъ у себя сарбазовъ, а одну только набранную имъ конницу».

Разсказы одинъ нелѣпѣе другаго распространялись въ народѣ, и силы непріятеля преднамѣренно увеличивались. Вѣря чистосердечно въ многочисленность персидскихъ войскъ и ихъ несокрушимость, жители портили мельницы и лишали насъ возможности запастись продовольствіемъ. Въ Шемахѣ Краббе нашелъ провіанта только 200 четвертей, но и тотъ въ зернѣ. Не имѣя возможности обратить его въ муку, онъ просилъ армянъ доставить продовольствіе войскамъ, но армяне везли только зерновой хлѣбъ, потому что муки сами не имѣли. Краббе хотя и сдѣлалъ распоряженіе о доставленіи провіанта изъ Кубы и Баку, но, считая при такихъ обстоятельствахъ неудобнымъ оставаться въ городѣ, выступилъ съ четырьмя ротами Апшеронскаго полка къ сел. Керкенчъ и остановился тамъ лагеремъ; въ

---

[1]) Ермолову, отъ 25-го іюля, № 67. Тифлис. арх. штаба Кавказской арміи, д. 1825 г. № 17.

городѣ были оставлены двѣ роты 42-го егерскаго полка съ тремя орудіями.

Отъѣзжая въ Шемаху, Краббе прекратилъ всѣ работы при полковыхъ штабахъ и приказалъ слѣдовать въ Ширвань четыремъ ротамъ Куринскаго, одной Апшеронскаго полковъ, двумъ орудіямъ и сотнѣ казаковъ. Въ лагерь къ нему прибыло 150 человѣкъ кубинской конницы и ожидалось еще человѣкъ до двухъ сотъ. Такимъ образомъ, генералъ Краббе надѣялся сосредоточить отрядъ изъ пяти ротъ Апшеронскаго полка, баталіона Куринскаго, восьми орудій и около 400 человѣкъ конницы.

Вечеромъ 25-го іюля было получено извѣстіе, будто бы Мустафа-ханъ занялъ Аксу и что всѣ жители присоединились къ нему; но вѣрно ли это извѣстіе—рѣшить было трудно. «Ни обѣщанія важнѣйшихъ наградъ, доносилъ Краббе [1]), ни деньги, раздаваемыя лазутчикамъ, ничто и нисколько не приноситъ мнѣ пользы. Ясно видно, что вся провинція заблаговременно приготовлена къ измѣнѣ. Самъ комендантъ не представилъ мнѣ ни одного еще человѣка, на преданность и усердіе котораго можно бы было положиться, и сіе донесеніе отправляю черезъ своихъ кубинцевъ къ шекинскому коменданту». Посланные съ этимъ рапортомъ не могли доѣхать до г. Нухи и донесли Краббе, что по причинѣ всеобщаго возстанія въ Шекинской провинціи войска наши, тамъ находившіяся, принуждены были отступить по направленію къ Тифлису. Генералу Краббе пришлось посылать свои донесенія черезъ гг. Кубу, Кизляръ и Моздокъ. Кружный путь этотъ былъ причиною того, что изъ Ширвани долгое время не было никакихъ извѣстій, что, конечно, крайне безпокоило Ермолова. «Удивляюсь, писалъ онъ [2]), что ваше превосходительство не сыщите человѣка, который бы прошелъ ко мнѣ съ извѣстіемъ. Извольте дѣйствовать съ живостью. Провинція представляетъ всѣ средства продовольствія и щадить измѣнниковъ нѣтъ причины. Все для войскъ потребное брать, но не истреблять хлѣбовъ, ибо нужны будутъ впослѣдствіи. Направить кубинцевъ на чепаулы (набѣги), къ чему

[1]) Въ рапортѣ Ермолову, отъ 26-го іюля 1826 года, № 75.

[2]) Въ предписаніи генералъ-маіору Краббе, 5-го августа, № 254.

охотно они поступятъ, пока войска наши будутъ находиться въ Ширвани».

Надежды и желанія главнокомандующаго сохранить за собою хотя эту провинцію не оправдались. Недостатокъ продовольствія, всеобщее возмущеніе населенія какъ въ Ширвани, такъ въ Шекинской и Бакинской провинціяхъ и наконецъ появленіе въ окрестностяхъ Кубы сына Шихъ-Али, бывшаго хана дербентскаго,—заставили Краббе покинуть Шекинскую провинцію. Съ отрядомъ изъ $2^1/_2$ баталіоновъ[1]), 150 человѣкъ казаковъ, 700 человѣкъ кубинской конницы и съ девятью орудіями, Краббе, 25-го августа, сталъ отступать къ Новой-Кубѣ, куда и прибылъ 21-го числа.

Отступленіе это было совершено съ весьма большими затрудненіями. Лишенныя всякаго содѣйствія обывателей, войска принуждены были оставить на мѣстѣ почти весь обозъ и даже заручную аммуницію и могли взять съ собою только путевое довольствіе, больныхъ и раненыхъ. Маіоръ Ашебергъ бросилъ все свое имущество; всѣ служившіе въ комендантскомъ управленіи чиновники сдѣлали то же и отступали за отрядомъ пѣшіе. Ашебергъ могъ взять съ собою только казенныя деньги, конфискованный шелкъ и отчеты; всѣ же прочія письменныя дѣла были оставлены и достались непріятелю[2]). Отступая къ Кубѣ, генералъ Краббе оставилъ на р. Атачаѣ баталіонъ куринцевъ, три роты апшеронцевъ, при семи орудіяхъ и 50-ти казакахъ, подъ начальствомъ маіора Марченко.

Нѣсколько ранѣе отступленія Краббе, и именно 1-го августа, маіоръ Ильинскій сообщилъ стоявшему на рейдѣ капитанъ-лейтенанту барону Левендалю, что намѣренъ оставить Ленкорань. Онъ просилъ прислать всѣ киржимы и гребныя суда, на что Левендаль отвѣчалъ, что по захожденіи луны всѣ суда будутъ присланы. Ильинскій облилъ нефтью весь остающійся провіантъ, свезъ въ пороховой погребъ большую часть лафетовъ и захваченное имущество хана. Уничтоживъ все, что можно было, въ крѣпости, онъ поджегъ

---

[1]) Баталіоны Куринскаго и Апшеронскаго полковъ и двѣ роты 42-го егерскаго полка.

[2]) Рапортъ Ашеберга Ермолову, 25-го августа 1826 года, № 95.

облитыя нефтью строенія, сѣлъ на суда и отплылъ на островъ Сару [1]). Талышинское ханство осталось во власти персіянъ.

Послѣдніе, разсыпавшись болѣе или менѣе значительными отрядами по нашимъ мусульманскимъ провинціямъ, охватили Грузію съ юга и востока, а пробравшійся въ Джары Сурхай, бывшій ханъ казикумухскій, угрожалъ ей съ сѣвера. Въ прежнія времена кахетинцы умѣли сами отражать всѣ покушенія джаро-бѣлоканскихъ лезгинъ, а теперь искали защиты русскихъ войскъ, число которыхъ было весьма ограничено и недостаточно для защиты всѣхъ вѣроятныхъ пунктовъ нападенія.

Въ это время войска Кавказскаго корпуса были расположены слѣдующимъ образомъ: четыре полка и 6 ротъ находились на Кавказской линіи; бригада пѣхоты была въ Кубѣ и Дербентѣ, для наблюденія за Дагестаномъ, населеніе котораго, помимо своей воинственности, сочувствовало персіянамъ, и потому, для поддержанія спокойствія въ томъ краѣ, силъ этихъ было едва достаточно. Изъ бригады, расположенной въ Имеретіи, Мингреліи и Абхазіи, можно было взять не болѣе одного баталіона, такъ какъ необходимо было принять мѣры осторожности противъ Ахалцыхскаго пашалыка, вслѣдствіе возникавшихъ уже тогда несогласій между Россіею и Турціею. Порта сосредоточила вблизи Ахалцыха десятитысячный корпусъ, который при первомъ разрывѣ могъ вступить въ наши предѣлы.

Такимъ образомъ, при всѣхъ усиліяхъ, Ермоловъ могъ сосредоточить въ Закавказьѣ не болѣе 12-ти сводныхъ баталіоновъ, съ которыми и намѣренъ былъ дѣйствовать оборонительно и до прибытія подкрѣпленій защищать только одну Грузію, ибо, при тогдашнихъ обстоятельствахъ и враждебности къ намъ населенія, она одна могла доставлять средства для продовольствія. Нельзя не сказать, что и для такой скромной задачи 12 баталіоновъ было бы слишкомъ недостаточно, если бы Ермоловъ не былъ увѣренъ въ стойкости и самоотверженіи воспитанныхъ имъ войскъ.

«Недавно возвратился я съ Кавказской линіи, писалъ главнокомандующій въ приказѣ [2]), гдѣ наказалъ возмутившихся чеченцевъ;

[1]) Рапортъ барона Левендаля Ермолову, 3-го августа, № 1334.

[2]) Отъ 26-го іюля 1826 г. Арх. Глав. Штаба въ С.-Петербургѣ. Секрет. дѣла 1826 г., д. № 98.

но здѣсь персіяне гораздо безсовѣстнѣе, съ большою наглостью начали дѣлать нападенія на войска наши.

«Они прервали миръ, когда со стороны нашей всѣ употреблены были средства продолжать доброе согласіе; прервали тогда, когда посланный отъ государя императора генералъ князь Меншиковъ, для переговоровъ о границѣ, находился въ Персіи и самимъ шахомъ былъ принятъ благосклонно.

«Со стороны Эривани вошелъ съ войскомъ сардарь и разбойнически грабитъ и истребляетъ мирныхъ жителей, подданныхъ великаго нашего государя, возмущаетъ и подговариваетъ къ измѣнѣ. Въ Карабагъ вступили войска персидскія, и одинъ изъ сыновей шахскихъ Абасъ-Мирза, издавна дружески принимавшій къ себѣ всѣхъ бѣжавшихъ отъ насъ хановъ и разныхъ измѣнниковъ, ведетъ ихъ съ собою, обѣщая имъ возвратить прежнія ихъ владѣнія.

«Распоряженіе сіе дѣлаетъ сынъ шахскій, какъ будто бы не было васъ здѣсь, храбрые мои товарищи! Онъ думаетъ отнять у насъ мужествомъ вашимъ покоренныя области. Не стану говорить о храбрости вашей и неустрашимости: вездѣ и постоянно оказывали вы оныя, и когда же не были таковы воины русскіе? Всегда отличались вы вѣрностью къ государю; но я требую отъ васъ, самъ будучи вамъ примѣромъ, новому государю новаго усердія. Имѣйте терпѣніе и защищайтесь съ твердостью. Я укажу вамъ, храбрые товарищи, когда нанести ударъ на враговъ нашего императора».

Ударъ этотъ могъ быть произведенъ только съ прибытіемъ подкрѣпленій, и Ермоловъ вновь просилъ о присылкѣ ему двухъ полныхъ дивизій пѣхоты и шести донскихъ полковъ. Спустя нѣсколько дней, онъ писалъ, что просилъ прислать казаковъ въ томъ предположеніи, чтобы употреблять съ ними татарскую конницу; но, видя всеобщую измѣну татаръ, находитъ, что безъ пяти или шести тысячъ легкой кавалеріи обойтись невозможно [1]). Въ ожиданіи прибытія этихъ подкрѣпленій, Алексѣй Петровичъ рѣшился сохранить за собою только Грузію и просилъ жителей вооружиться на защиту семействъ и имущества противъ враговъ православной вѣры. Для поддержки насе-

[1]) Отношеніе Ермолова начальнику главнаго штаба Дибичу, 30-го іюля 1826 г. Лит. А. Военно-учен. арх., отд. II, дѣло № 5850 (а).

ленія и вообще для обезпеченія Кахетіи отъ вторженія джаро-бѣлаканцевъ, Ермоловъ назначилъ баталіонъ Грузинскаго гренадерскаго полка, съ тремя орудіями и 400 человѣкъ 3-го баталіона Ширванскаго полка, которыхъ и приказалъ сосредоточить вблизи Алазани и по возможности въ центральномъ пунктѣ, изъ котораго можно было бы подавать помощь въ разныхъ направленіяхъ.

«Никакихъ отдѣленій отъ баталіона не имѣть, писалъ главнокомандующій [1]), и оставить здѣшнюю привычку желать защитить все въ одно время, — привычку вредную разбросать людей на малыя части и быть повсюду столько слабыми, что малѣйшія усилія непріятеля встрѣчаютъ сопротивленіе безсильное и даютъ ему успѣхи». Главнокомандующій приказалъ уменьшить обозъ, оставивъ по одной повозкѣ на роту, а офицерамъ имѣть вьюки; просилъ не поддаваться ложнымъ слухамъ о появленіи непріятеля и не безпокоить людей напрасными движеніями; дѣйствовать только оборонительно и ни въ какомъ случаѣ не вступать въ земли джаро-бѣлоканскихъ лезгинъ. Ермоловъ просилъ начальника лезгинской линіи, генерала кн. Эристова, побуждать князей и дворянъ къ скорѣйшему вооруженію людей, къ занятію ими необходимыхъ постовъ и отправилъ къ нему свое воззваніе, обращенное ко всѣмъ жителямъ Грузіи.

«Персіяне, писалъ главнокомандующій въ этомъ воззваніи [2]), или, лучше сказать кизилъ-баши, издавна извѣстные грузинамъ по врожденному ихъ безстыдству, неожиданно вторглись, съ набранными ими полчищами, въ границы наши, зная хорошо, что великій нашъ государь, какъ и мы, его вѣрноподданные, сохраняли всегда свято права за 13 лѣтъ заключеннаго предъ симъ мира со стороны ихъ такимъ низкимъ образомъ нарушеннаго въ то время, когда посланникъ нашъ еще доселѣ находится у нихъ.

«Не нахожу нужнымъ распространяться о персіянахъ; вы, грузины, ихъ совершенно знаете; но не долженъ умолчать здѣсь о томъ, что они успѣли большую часть своихъ единовѣрцевъ татаръ, въ принадлежащихъ намъ провинціяхъ, склонить на свою сторону, обѣщая

---

[1]) Генералъ-лейтенанту кн. Эристову, 3-го августа, № 236; предписаніе Ермолова полковнику Ковалеву, 3-го августа, № 243.

[2]) Отъ 4-го августа 1826 г.

войскамъ своимъ все достояніе грузинское, которымъ варварски пользоваться привыкли они въ прежнія времена. Но забыли они о томъ, что грузины изъ любви къ православной вѣрѣ, изъ преданности къ отчизнѣ своей, съ горстью земскаго войска, неоднократно поражали ихъ даже въ предѣлахъ самой Персіи, не будучи тогда защищаемы сильною рукою государя всероссійскаго... Теперь, когда справедливое мщеніе ожидаетъ персіянъ отъ государя нашего за разбойническое вторженіе въ землю нашу, вы, безъ сомнѣнія, всѣ поспѣшите ополчиться противу враговъ религіи нашей, враговъ алкающихъ крови грузинской! Кто изъ васъ не помнитъ или не знаетъ о нашествіи Ага-Магомедъ-хана, дяди нынѣшняго шаха персидскаго, въ пепелъ обратившаго Тифлисъ? Не персіяне ли, изверги, гордились всюду жертвами здѣшними, наполняя ими гаремы свои, и несмѣтное число христіанъ, соотчичей вашихъ, принужденно обращали въ магометанскую вѣру?

«Когда, подобные персіянамъ, вѣроломные единовѣрцы ихъ, подданные наши татары, отважились измѣнить законному нашему правительству, то не довлѣетъ ли мнѣ требовать отъ всѣхъ христіанъ, жителей высочайше ввѣреннаго мнѣ края, единодушнаго усердія, дабы всякаго состоянія люди, т. е. князья, дворяне и вообще поселяне, оставя изъ своихъ лишь нужное число стражи для домашней безопасности, сами вооружились и поспѣшили съ 20-ти-дневнымъ провіантомъ въ назначенное для сборища мѣсто — Тифлисъ. Изъ каждаго уѣзда поведетъ сіе земское войско дворянскій маршалъ или его кандидатъ, тогда велю я съ частью побѣдоноснаго россійскаго воинства ударить на нарушителей вашего спокойствія и при помощи Божіей разобьемъ подлыхъ невѣрныхъ персіянъ, выгонимъ изъ земли нашей, а по прибытіи скоро ожидаемыхъ изъ Россіи войскъ, внесемъ войну въ самое сердце Персіи и сугубо отмстимъ, въ нѣдрахъ ихъ отечества, за всѣ несчастія отъ нихъ Грузіею потерпѣнныя и за то бѣдствіе, которое такъ нагло вновь они нынѣ для васъ предуготовляютъ. Мнѣ же дайте случай всеподданнѣйше довести до свѣдѣнія моего всемилостивѣйшаго государя объ отличномъ усердіи вашемъ на пользу службы Его Величества въ десятилѣтнее управленіе мое вашимъ краемъ, постоянно вами оказываемомъ, и испросить за то

монаршее воззрѣніе, коего недостойными содѣлались одни только невѣрные татары.

«Всеконечно, послѣ сего обвѣщенія никто изъ васъ не въ правѣ отговариваться впослѣдствіи тѣмъ, что онъ не имѣлъ случая быть полезнымъ собственному отечеству и службѣ государевой.

«Вызывая васъ на поприще чести и славы и для огражденія безопасности вашихъ семействъ, я остаюсь увѣреннымъ, что то же сдѣлаете по долгу христіанскому и по долгу присяги, на вѣрность моему великому государю императору вами данной, и получите такія поверхности, какихъ кизиль-баши давно собственно отъ грузинъ не видали. Надѣюсь, что дворянство первое подастъ собою примѣръ воинамъ-земледѣльцамъ, общимъ вооруженіемъ противъ непріятелей нашихъ и самою храбростью».

Имѣя въ виду, что въ Грузіи было много крестьянъ, принадлежавшихъ духовенству, Ермоловъ просилъ экзарха, чтобы онъ принялъ мѣры къ вооруженію ихъ. Преосвященный Іона тотчасъ же откликнулся на призывъ и, сверхъ того, установилъ, чтобы во всѣхъ церквахъ грузинскихъ совершалось молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ о сокрушеніи нечестивыхъ мусульманъ [1]).

Въ самомъ непродолжительномъ времени грузины выставили до 1,500 человѣкъ коннаго ополченія. Ермоловъ приказалъ для вооруженія его выдать заручное оружіе, а изъ полковъ—экономическій порохъ и свинецъ, оставшійся отъ учебныхъ припасовъ, а также разрѣшилъ продавать порохъ всѣмъ желающимъ грузинамъ.

Между тѣмъ лезгины успѣли напасть на Караагачъ и разорить его. Тогда Ермоловъ обратился съ воззваніемъ ко всему джарскому обществу, предупреждая его, что подобное поведеніе не останется безнаказаннымъ и что напрасно они вѣрятъ льстивымъ обѣщаніямъ персіянъ [2]). Горцы не переставали хищничать, и князь Эристовъ просилъ помощи, говоря, что жители считаютъ себя брошенными, видя, какъ войска покидаютъ Кахетію. Ермоловъ отвѣчалъ, что тѣхъ войскъ, которыя находятся въ Кахетіи, весьма достаточно для ея защиты при содѣйствіи жителей. Главнокомандующій просилъ князя

[1]) Акты Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, №№ 654 и 655.

[2]) Воззваніе джарскому обществу, 6-го августа 1826 года.

Эристова, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ, возбудить угасшую бодрость дворянства и прибавлялъ, что донесетъ императору, что охраненіе Кахетіи возложено на мужество грузинъ, и страна будетъ покойна [1]).

Въ безопасности Грузіи главнокомандующій былъ увѣренъ, но его безпокоило положеніе полковника Реута, одиноко запертаго въ Шушѣ и отрѣзаннаго отъ всякаго сообщенія съ Тифлисомъ.

Крѣпость Шуша была въ самомъ плохомъ состояніи: большая часть стѣнъ или обвалилась, или была разобрана жителями на постройку домовъ, рвы осыпались и на вооруженіи было всего двѣ старыя азіятскія негодныя пушки, забитыя камнями, безъ лафетовъ и снарядовъ; запасовъ продовольствія не было вовсе, и роты обезпечены были только восьмидневнымъ запасомъ провіанта.

Обширное пространство, занимаемое крѣпостью, требовало для ея защиты нѣсколькихъ баталіоновъ, и слѣдовательно шести ротъ съ четырьмя полевыми орудіями, даже и при пособіи армянъ, жившихъ въ крѣпости, было недостаточно противъ непріятеля, численность котораго доходила до 50,000 человѣкъ съ 30-ю орудіями.

Работая день и ночь надъ починкою стѣнъ, гарнизонъ съ первыхъ же дней своего заключенія принужденъ былъ довольствоваться половинною дачею провіанта, да и тотъ собирался отъ жителей [2]).

Въ виду затруднительности положенія, полковникъ Реутъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ, по предложенію маіора Клюки-фонъ-Клугенау [3]), было положено: 1) уменьшить дачу провіанта однимъ фунтомъ и замѣнить его мясомъ, взявъ порціонный скотъ у жителей подъ росписку; 2) вооружить запаснымъ оружіемъ всѣхъ армянъ и разставить ихъ по стѣнамъ въ перемежку съ войсками; 3) Гюрюсскія вороты и другіе проходы заложить наглухо, испортить

---

[1]) Предписаніе Ермолова князю Эристову, 12-го августа, № 267.

[2]) Поставку хлѣба въ магазины взялъ на себя генералъ-лейтенантъ кн. Мадатовъ, который покупалъ его у жителей, на этотъ разъ неуспѣвшихъ собрать его.

[3]) Впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ и извѣстный дѣятель на Кавказѣ, Францъ Карловичъ Клюки-фонъ-Клюгенау былъ родомъ изъ Богеміи, служилъ сначала въ австрійскихъ войскахъ, а 18-го марта 1818 года принятъ въ русскую службу.

всѣ доступы къ нимъ, а орудія выставлять тамъ, гдѣ по ходу непріятельскихъ дѣйствій они будутъ оказываться болѣе необходимыми, и наконецъ 4) обезоружить всѣхъ татаръ, а хановъ и наиболѣе почетныхъ бековъ арестовать и тѣмъ хотя отчасти удержать ихъ родственниковъ отъ явной измѣны и дѣйствія противъ насъ [1]). Не смотря на то, большинство магометанскаго населенія перешло на сторону непріятеля, значительныя силы котораго 25-го іюля подошли къ Шушѣ и остановились на мѣстѣ называемомъ Гаваханъ. Всѣ беки получили письма отъ Мехти-Кули-хана, коими онъ объявилъ себя ханомъ карабагскимъ и обѣщалъ всѣмъ преданнымъ ему большія милости и награды въ будущемъ. Съ своей стороны персидскій принцъ объявилъ, что, имѣя дѣло только съ русскими, не будетъ нарушать спокойствія жителей.

На другой день, 26-го іюля, Абасъ-Мирза, лично командовавшій войсками, потребовалъ сдачи крѣпости. Полковникъ Реутъ отвѣчалъ, что ни въ какіе переговоры вступить съ ними не можетъ, а будетъ исполнять свой долгъ, сколько обязанность и честь того требуютъ.

Получивъ такой отвѣтъ и не рѣшаясь предпринять штурмъ, Абасъ-Мирза ограничился одною блокадою, на столько бездѣятельною, что нашъ гарнизонъ свободно и безъ всякой помѣхи произвелъ нѣсколько фуражировокъ. Въ теченіе многихъ дней блокада ограничивались незначительною перестрѣлкою, передвиженіемъ непріятельскихъ частей въ виду гарнизона и нападеніемъ на нашъ скотъ, по недостатку фуража пасшійся подъ выстрѣлами крѣпости. Попытки эти не увѣнчались успѣхомъ, и тогда 30-го іюля, по распоряженію Абасъ-Мирзы, были заложены двѣ батареи на горѣ Топъ-хана, которыя на слѣдующій день и открыли огонь по крѣпостнымъ веркамъ.

1-го августа персидскій принцъ отпустилъ въ Шушу взятаго въ плѣнъ изъ отряда Назимки капитана Мадатова, съ которымъ прислалъ вторичное требованіе сдать крѣпость и два перехваченныя предписанія Ермолова. Въ одномъ изъ нихъ главнокомандующій приказывалъ Реуту, въ случаѣ наступленія на него значительныхъ

[1]) «Русск. Старина» 1874 года, № 9-й, стр. 139.

силъ непріятеля, оставить на время Карабагъ. Не предполагая сдавать крѣпость, но желая затянуть только время, полковникъ Реутъ вступилъ съ Абасъ-Мирзою въ переговоры и просилъ прислать къ нему чиновника. 3-го августа персидскій принцъ прислалъ въ Шушу Бежанъ-хана съ блестящимъ конвоемъ. Клюки-фонъ-Клугенау встрѣтилъ его у Елисаветпольскихъ воротъ, приказалъ завязать глаза и повелъ въ домъ Реута, гдѣ находились комендантъ и прочіе штабъ-офицеры. Бежанъ предъявилъ требованіе Абасъ-Мирзы сдать крѣпость, обѣщая выпустить гарнизонъ со всѣми почестями.

— Въ сдачѣ крѣпости, говорилъ ханъ, нѣтъ для васъ ничего безчестнаго, тѣмъ болѣе, что отступленіе разрѣшено самимъ корпуснымъ командиромъ.

— Мы охотно исполнили бы предписаніе Ермолова, отвѣчали присутствующіе, если бы оно застало насъ еще въ Чинахчи; но какъ мы уже заняли крѣпость Шушу, лишились имущества и не имѣемъ никакихъ средствъ поднять свои тяжести, то, при всемъ великодушіи его высочества предоставить намъ свободное отступленіе, мы не можемъ имъ воспользоваться.

Присланный опять на слѣдующій день Бежанъ объявилъ, что Абасъ-Мирза предлагаетъ Реуту потребное число подводъ для поднятія тяжестей, обѣщаетъ снабдить наши войска провіантомъ, дать въ проводники одного изъ своихъ хановъ и обезпечить имъ путь отступленія.

— Всѣ прочіе начальники, говорилъ Бежанъ, давно уже исполнили предписаніе Ермолова, и вслѣдствіе этого Шемаха, Куба и Нуха оставлены русскими войсками.

На это Реутъ отвѣчалъ, что хотя персіяне заняли всѣ эти пункты и онъ имѣетъ предписаніе главнокомандующаго очистить Карабагъ, но съ тѣхъ поръ обстоятельства могли измѣниться, и для очищенія Шуши ему необходимо вторичное приказаніе. Реутъ просилъ Абасъ-Мирзу разрѣшить ему отправить своего посланнаго въ Тифлисъ.

Персидскій принцъ отвѣчалъ, что подчиненный обязанъ исполнить волю своего начальника по первому приказанію, и потому онъ не соглашается на отправленіе посланнаго въ Тифлисъ, тѣмъ болѣе, что будто бы русскія войска оставили всѣ мусульманскія провин-

ціи; что помощи ни откуда гарнизону не будетъ по случаю войны Россіи съ Турціею и всеобщаго возмущенія въ Грузіи.

Реутъ прекратилъ переговоры, распредѣлилъ оборону фасовъ между штабъ-офицерами, а самъ принялъ общее командованіе. «Господа офицеры, писалъ онъ въ приказѣ [1]), состоящіе на порученныхъ имъ постахъ, должны твердо защищать оные *безъ отступленія*. Ротнымъ и фаснымъ командирамъ назначить на стѣны людей цѣльно стрѣляющихъ, а въ резервѣ имѣть сильныхъ и мужественныхъ, болѣе способныхъ къ дѣйствію штыками. Засимъ, остаюсь совершенно увѣреннымъ, что всякій изъ моихъ сотоварищей по долгу присяги, чести, преданности къ государю и любви къ отечеству, неизмѣнно будетъ исполнять свою обязанность, не щадя себя до послѣдней капли крови, имѣя въ виду непремѣннымъ правиломъ побѣдить или умереть и тѣмъ потщиться пріобрѣсть безсмертную славу. Въ дѣлѣ формальномъ нужно сколько можно хладнокровія, потому о соблюденіи онаго особенно всѣхъ прошу и подтверждаю притомъ, чтобы безъ необходимости сикурсу изъ резерва не требовать».

Между тѣмъ, 8-го августа, непріятель приступилъ къ заложенію новой батареи на шесть орудій на высотѣ, извѣстной подъ именемъ Давъ-Талапъ. Открытое вслѣдъ затѣмъ бомбардированіе какъ съ этой, такъ и съ другихъ батарей, не дало персіянамъ никакихъ результатовъ, и тогда Абасъ-Мирза просилъ Реута прислать къ нему въ лагерь штабъ-офицера для нѣкоторыхъ важныхъ объясненій. Реутъ назначилъ маіора Клюки-фонъ-Клугенау. Встрѣченный съ большимъ почетомъ, посланный съ переводчикомъ, капитаномъ Мурачевымъ, былъ введенъ въ палатку Абасъ-Мирзы.

— Я потерялъ всякое терпѣніе,—началъ персидскій принцъ,— быть болѣе снисходительнымъ къ вамъ и жителямъ города. Войска мои неотступно требуютъ штурма, но я, уважая васъ и не желая напраснаго кровопролитія, по сіе время ждалъ, полагая, что вы образумитесь и примите мои предложенія. Неужели вы думаете, что я пришелъ сюда съ войсками только для одной Шуши? У меня еще

[1]) Отъ 7-го августа 1826 г. Воен. учен. арх. отд. II, д. № 4439.

много дѣла впереди, ибо предваряю васъ, *что ежели соглашусь заключить миръ, то не иначе, какъ на берегахъ Москвы.*

Клюки-фонъ-Клугенау выслушалъ эту рѣчь съ едва сдерживаемою улыбкою, которая не скрылась отъ Абасъ-Мирзы.

— Вы не вѣрите мнѣ,—продолжалъ принцъ,—но я честью увѣряю васъ, что вы напрасно надѣетесь на помощь; вы вѣрно не знаете, что государь вашъ ведетъ междоусобную войну съ своимъ старшимъ братомъ, слѣдовательно ему теперь не до Кавказа, а Ермоловъ давно уже оставилъ Тифлисъ.

Клугенау отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ никакихъ приказаній относительно сдачи крѣпости, и что для полученія вторичнаго предписанія Ермолова всего удобнѣе послать въ Тифлисъ, на что потребуется не болѣе 10-ти дней.

— Ваше высочество,—говорилъ Клугенау,—обвиняете полковника Реута въ упрямствѣ и неисполненіи приказанія начальства, но вы, безъ сомнѣнія, знаете наши обычаи, а также въ чемъ заключается честь и долгъ каждаго воина къ своему государю и отечеству; поэтому я увѣренъ, что только одни вы можете отдать намъ должную справедливость; всѣ прочіе, окружающіе васъ, не разсуждаютъ о будущемъ,—они только жаждутъ грабежа. По словамъ вашего высочества, Карабагъ есть достояніе вашихъ предковъ, отнятое будто бы отъ васъ русскими несправедливо; но неужели вы хотите ознаменовать первое ваше завоеваніе кровопролитіемъ и истребленіемъ вашихъ будущихъ подданныхъ, которые ни въ чемъ не виноваты? Имѣя сорокатысячную армію, ваше высочество, конечно, можете взять Шушу; нашъ малочисленный гарнизонъ, всего изъ 1,500 штыковъ, съ двумя орудіями, ослабленный трудами и недостатками всякаго рода, не долго можетъ сопротивляться; но эти 1,500 штыковъ, защищая свою честь и семейства, не дешево вамъ достанутся, и, вмѣсто богатаго населеннаго города, вы найдете однѣ развалины и войдете въ него по трупамъ вашихъ подданныхъ,—и все это черезъ подстрекательство неблагонамѣренныхъ людей, желающихъ только обогатиться грабежами, тогда какъ черезъ нѣсколько дней вы займете крѣпость безъ всякой потери, ибо, ежели удержаніе Карабага не входитъ въ соображеніе Ермолова, то онъ навѣрное согласится на предлагаемыя вами честныя условія.

— Я сдѣлалъ все, что могъ,—отвѣчалъ Абасъ-Мирза, и едва ли въ состояніи буду удержать мой народъ отъ желанія немедленно штурмовать крѣпость. Въ Тифлисъ же посылать вамъ незачѣмъ, ибо я уже сказалъ, что русскихъ тамъ нѣтъ.

Оканчивая аудіенцію, персидскій принцъ прибавилъ, что за будущее отвѣчать онъ не будетъ и всю отвѣтственность слагаетъ на полковника Реута [1]). На слѣдующій день въ персидскомъ лагерѣ было значительное передвиженіе войскъ, производилась усиленная работа надъ возведеніемъ батарей, и лазутчики сообщили, что приступлено къ подземнымъ работамъ и что персіяне готовятся къ штурму. И, дѣйствительно, въ одну изъ ночей замѣчено было приближеніе непріятеля, но лишь только мѣстность освѣтилась зажженными нефтяными тряпками, выброшенными осажденными, какъ персіяне бросились бѣжать, провожаемые картечными и ружейными выстрѣлами.

Съ такими войсками трудно было овладѣть крѣпостью, и Абасъ-Мирза вновь просилъ прислать къ нему Клюки-фонъ-Клугенау.

— Ну, что, одумался ли вашъ полковникъ? — спрашивалъ принцъ.—Кажется, ужь пора?

— Къ сожалѣнію,—отвѣчалъ Клугенау,—относительно очищенія крѣпости я не имѣю никакихъ наставленій и знаю только, что первое условіе къ окончанію этого дѣла—отправить къ Ермолову штабъ-офицера за приказаніями, а до полученія его заключить перемиріе.

— Изъ личнаго моего уваженія къ вамъ,—сказалъ Абасъ-Мирза, нѣсколько подумавъ,—я предоставляю вамъ самимъ составить условія перемирія, и я ихъ утвержу, но съ тѣмъ, чтобы вы же и отправились къ генералу Ермолову.

До возвращенія посланнаго было постановлено не предпринимать никакихъ военныхъ дѣйствій, и въ залогъ этого полковникъ Реутъ отправилъ въ персидскій лагерь исправлявшаго должность карабагскаго коменданта маіора Чиляева и капитана 42-го егерскаго полка Шевелева. Оба они должны были оставаться тамъ только до возвращенія посланнаго въ Тифлисъ маіора Клюки-фонъ-

[1]) «Русская Старина» 1874 г., № 9, стр. 145 и 146.

Клугенау. Взамѣнъ Чиляева и Шевелева, полковникъ Реутъ не требовалъ никого изъ персіянъ, такъ какъ не желалъ имѣть въ крѣпости такого человѣка, который бы присутствіемъ своимъ могъ оказывать вліяніе на жителей, и безъ того волновавшихся и приходившихъ въ унынie.

Пользуясь временемъ перемирія, полковникъ Реутъ занимался перемоломъ хлѣба, починкою крѣпости и приготовленіемъ зарядовъ, заимствуя порохъ изъ непріятельскихъ неразорвавшихся гранатъ.

12-го августа, Абасъ-Мирза отошелъ за гору Довъ-Талапъ и расположился двумя лагерями противъ деревень Киркиджанъ и Ханъ-Кенты, а Юсуфъ-ханъ устроилъ свой лагерь на горѣ Топъ-хана и окружилъ его двойнымъ плетнемъ, между которымъ была насыпана земля.

Персидскій принцъ старался увѣрить своихъ соотечественниковъ, что не штурмуетъ крѣпости изъ одного великодушія, и потому, «что жители и младенцы ихъ обоего пола вышли съ униженіемъ изъ крѣпости и подняли великій вопль, то мы остановили приступъ на день или два[1])».

Между тѣмъ, не имѣя никакихъ извѣстій изъ Карабага и зная только, что полковникъ Реутъ заперся въ Шушѣ, Ермоловъ писалъ ему[2]): «Защищаться твердо и неустрашимо! Силою персіяне крѣпости не возьмутъ; остерегаться измѣны. Подозрительныхъ бековъ содержать подъ строжайшимъ карауломъ. Обнаруживающихся въ измѣнѣ содержать безъ всякой пощады, а въ крайности лишать жизни. У татаръ взять провіантъ для войскъ и нужду пусть они терпятъ».

«Требую отъ васъ, чтобы всѣ употреблены были средства для обороны. Армянъ подъ ружьемъ имѣйте большое количество, и они защищаться будутъ. Вы должны знать, сколько трусливы и подлы персіяне. Князь Саварсемидзе съ горстью людей гоняетъ ихъ большія силы. Одни вы до сихъ поръ ихъ нѣсколько ободряли. Придетъ время и будете освобождены».

---

[1]) Приказъ Абасъ-Мирзы Мирзѣ-Измаилу. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 662.

[2]) Отъ 9-го августа 1826 г., № 265.

Спустя недѣлю, Ермоловъ и Вельяминовъ оба писали Реуту [1]):

«Вы знаете почеркъ моей руки. Я въ Грузіи; есть у насъ войска *Чтобы персіяне не подписались подъ руку корпуснаго командира* и еще идутъ новыя. Отвѣчаете честію и головою, если осмѣлитесь *и не доставили бы вамъ какой-нибудь приказъ въ свою выгоду, онъ* сдать крѣпость. Защищайтесь до послѣдняго; употребите въ пищу *приказалъ мнѣ прибавить моею рукою, подъ которую подпи*весь скотъ, лошадей и чтобы не было подлой сдачи крѣпости. Дожи*саться трудно, чтобы вы ни подъ какимъ видомъ изъ крѣ*дайтесь насъ. Генералъ Ермоловъ».

пости не выходили и не сдавали бы ее персіянамъ, не смотря ни на какія со стороны ихъ предложенія и обѣщанія. Въ нуждѣ можно прожить весьма небольшими съѣстными запасами, уменьшивъ заблаговременно выдачу оныхъ. Генералъ-маіоръ Вельяминовъ».

Съ окончаніемъ перемирія, 21-го августа, полковникъ Реутъ потребовалъ отъ Абасъ-Мирзы возвращенія маіора Чиляева и капитана Шепелева, на что персидскій принцъ отвѣчалъ требованіемъ выпустить арестованныхъ бековъ и очистить крѣпость. Реутъ прекратилъ переговоры, и непріятель приступилъ къ постройкѣ новой батареи на покатости горы Довъ-Талапъ, въ весьма близкомъ разстояніи отъ крѣпостной стѣны.

27-го числа персіяне открыли бомбардированіе, произвели брешь въ крѣпостной стѣнѣ, но въ слѣдующую ночь она была задѣлана. Среди бомбардированія, продолжавшагося нѣсколько дней, Абасъ-Мирза не терялъ еще надежды убѣдить Реута оставить крѣпость, обѣщая не дѣлать нападенія при отступленіи и пропустить гарнизонъ въ Тифлисъ. Реутъ отвѣчалъ, что ни въ какомъ случаѣ не оставитъ крѣпости, «ибо всякій солдатъ, подъ командою моею, охотно готовъ умереть подъ стѣнами оной, имѣя правиломъ—свойственно русскому духу—побѣждать враговъ, не смотря ни на какое превосходство оныхъ».

Видя упорство гарнизона и не рѣшаясь штурмовать крѣпость,

[1]) Отъ 18-го августа 1826 г., № 289. Письмо это слѣдуетъ читать черезъ строчку.

Абасъ-Мирза оставилъ у Шуши наблюдательный отрядъ, а самъ въ ночь на 5-е сентября съ главными своими силами потянулся по большой дорогѣ къ Елисаветполю.

XXVI.

Извѣстія о вторженіи персіянъ, полученныя въ Москвѣ.—Рескриптъ императора А. П. Ермолову.—Затруднительное положеніе главнокомандующаго.—Его оправданіе, изложенное въ письмѣ государю.—Графъ Нессельроде и баронъ Дибичъ.—Характеристика Ермолова.—Первыя распоряженія объ отправленіи подкрѣпленій.—Планъ кампаніи, посланный къ Ермолову изъ Москвы.—Возраженія главнокомандующаго.—Командированіе на Кавказъ генералъ-адъютанта Паскевича.—Рескриптъ императора Ермолову.—Состояніе Закавказья.—Занятіе персіянами г. Елисаветполя.—Положеніе дѣлъ въ Ширвани, Кубѣ и Казикумухѣ.—Возваніе Ермолова къ акушинцамъ.—Прибытіе въ Тифлисъ Паскевича и встрѣча его съ Ермоловымъ.

Первыя извѣстія о вторженіи персіянъ въ наши предѣлы были получены императоромъ въ Москвѣ, среди торжественныхъ приготовленій къ коронаціи. Государь не допускалъ возможности столь вѣроломнаго поступка отъ государства, съ коимъ мирные переговоры не были прекращены, и уполномоченный императора находился при дворѣ шаха. Но донесеніе Ермолова и просьба о скорѣйшей присылкѣ подкрѣпленій не оставляли сомнѣнія въ совершившемся фактѣ.

— Стало, говорилъ Императоръ Николай, не всегда добрыя намѣренія вѣнчаются успѣхомъ, и за скромность и миролюбіе наше платятъ намъ коварствомъ. Сколько ни избѣгалъ я войны до послѣдней крайности, но не дозволю никогда, чтобы достоинство Россіи терпѣть могло отъ наглости сосѣдей, безумныхъ и неблагодарныхъ.

Все еще предполагая, что происшедшее столкновеніе не болѣе какъ дерзость эриванскаго сардаря, государь предписалъ Ермолову двинуться немедленно къ Эривани и выражалъ увѣренность, что въ самомъ скоромъ времени получитъ донесеніе, что нѣтъ болѣе сардаря, и Эривань съ его областью заняты русскими войсками. «Вы христіанскій вождь, русскій, писалъ императоръ Ермолову[1]), дока-

[1]) Въ собственноручномъ рескриптѣ отъ 1-го августа 1826 г.

жите персіянамъ, что мы ужасны на полѣ битвы, но что мирный житель можетъ найти вѣрный покровъ и всегдашнее покровительство среди стана нашего. На вашу отвѣтственность возлагаю наблюденіе сей моей непремѣнной воли.

«За симъ Богъ съ вами! Былъ бы Николай Павловичъ прежній человѣкъ, можетъ быть явился бы къ вамъ, у кого въ командѣ въ первый разъ извлекъ изъ ноженъ шпагу; теперь остается мнѣ ждать и радоваться извѣстіямъ о вашихъ подвигахъ и награждать тѣхъ, которые привыкли подъ начальствомъ вашимъ пожинать лавры».

Надежды императора не оправдывались, и изъ Закавказья приходили самыя тревожныя извѣстія. Главнокомандующій доносилъ, что Карабагъ, Ширвань и всѣ мусульманскія провинціи перешли на сторону персіянъ, что войска наши повсюду принуждены были отступить, и непріятель появился почти у стѣнъ Елисаветполя. Ермоловъ писалъ, что, подъ вліяніемъ религіи, война принимаетъ болѣе ожесточенный характеръ, чѣмъ можно было ожидать, и что, безъ быстраго усиленія его боевыхъ средствъ, предстоитъ немалая опасность всему краю. Съ прибытіемъ же подкрѣпленій главнокомандующій обѣщалъ перейти въ наступленіе и наказать персіянъ за ихъ вѣроломство.

— Надобно, говорилъ онъ, внести войну въ ихъ собственную землю. Тамъ приготовлю я имъ внутреннихъ непріятелей, ихъ ненавидящихъ, и сосѣдей, ищущихъ случая отмстить имъ. Не будучи наказаны примѣрно, персіяне будутъ впослѣдствіи еще дерзостнѣе, и охраненіе здѣшняго края потребуетъ бо́льшихъ средствъ и чувствительныхъ издержекъ отъ казны.

Опасаясь быть обвиненнымъ, послѣ десятилѣтняго пребыванія на Кавказѣ, въ незнаніи и непредусмотрительности тогдашняго положенія дѣлъ, Ермоловъ писалъ государю, что еще за годъ онъ предсказывалъ неизбѣжность войны съ персіянами, но его донесеніямъ не вѣрили, а графъ Нессельроде былъ убѣжденъ, что войны съ Персіею не будетъ [1]). Главнокомандующій просилъ императора обратить вниманіе на прежнія донесенія и на нижеслѣдующее:

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Ермолова, 22-го іюля 1826 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 648.

«При всеподданнѣйшемъ рапортѣ моемъ, писалъ Алексѣй Петровичъ [1]), имѣлъ я счастье представить вашему императорскому величеству списокъ двухъ бумагъ моихъ: одной въ собственныя руки въ Бозѣ почившаго императора, другой—управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ графу Нессельроде, но не дерзнулъ представить полученнаго мною на сіи бумаги высочайшаго рескрипта.

«При семъ въ воззрѣніе ваше, всемилостивѣйшій государь, списокъ съ рескрипта сего всеподданнѣйше повергаю. Отвѣтъ графа Нессельроде былъ совершенно того же содержанія и *только подсказывалъ, что въ высочайшемъ рескриптѣ заключалось, къ несчастію, его собственное сужденіе.*

«Ищу, государь, оправдать себя во мнѣніи вашемъ, ибо не имѣю счастья быть извѣстнымъ вашему императорскому величеству. Къ тому же начало службы моей, новому моему государю, сопровождаемо обстоятельствами, которыя наружностью своею могутъ обвинить меня. Если бы обстоятельства сіи мнѣ одному грозили лишеніемъ репутаціи, умѣлъ бы я заставить молчать частныя мои выгоды; но когда затмѣваютъ славу оружія нашего, и *въ неприличномъ видѣ является могущество и величіе русскаго государя,*— репутація моя перестаетъ быть достояніемъ частнымъ и не должна терпѣть или отъ неблаговоленія лично ко мнѣ министра, или *отъ совершеннаго невѣжества его относительно дѣлъ здѣшней страны и состоянія Персіи.*

«Не переставалъ я описывать шаха человѣкомъ праздным, преданнымъ сластолюбію и любящимъ покой, но въ то же время говорилъ, что неограниченную довѣренность имѣетъ онъ къ наслѣднику Абасъ-Мирзѣ, слѣпо слѣдуетъ во всемъ его мнѣнію, и что сей въ пользу свою наклоняетъ волю его по произволу. Сего послѣдняго описывалъ я самыхъ коварныхъ свойствъ: высокомѣрнымъ, другомъ всѣхъ желающихъ намъ зла, имѣющимъ дерзкіе замыслы, которые тѣмъ болѣе смирять надлежало, что онъ чувствовалъ необходимость поправить невыгодное о себѣ мнѣніе въ народѣ, чего не иначе могъ онъ достигнуть, какъ пріобрѣтеніемъ военной славы.

«Бывши въ 1817 году въ Персіи посломъ, уклонился я отъ фор-

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ императору отъ 30-го іюня 1826 г.

мальнаго признанія Абасъ-Мирзы наслѣдникомъ, познавъ хорошо его свойства и намѣренія, съ каковыми старается онъ ввести европейскія учрежденія, что всеконечно намъ полезнымъ быть не можетъ. Впослѣдствіи онъ признанъ наслѣдникомъ, и на насъ возложена обязанность поддерживать его оружіемъ. Съ сего времени не сомнѣвался онъ преодолѣть старшаго брата своего, врага непримиримаго, твердаго и рѣшительнаго, который готовъ былъ оспаривать принадлежавшій ему по всѣмъ правиламъ престолъ и многихъ имѣлъ приверженцевъ. Послѣ смерти брата, тому уже пять лѣтъ, Абасъ-Мирза сдѣлался единовластвующимъ. Смирились многочисленные братья его, между коими могли возникать опасные ему соперники. Утихли разныя партіи, угасли внутреннія неудовольствія, и народъ, имѣвшій въ ненависти презрительный родъ Коджаровъ, рабственно покорствовалъ злодѣйской волѣ, видя могущественное Россіи покровительство.

«Въ Петербургѣ чиновники персидскіе принимались съ особенною почестью, которые, возвращаясь домой, уваженіе, имъ оказанное, представляли какъ дань, принадлежащую силѣ персидской державы — никогда благоволеніемъ (русскаго) императора. Въ то же время бывшаго въ Петербургѣ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, при персидскомъ дворѣ г. Мазаровича не удостоилъ графъ Нессельроде представленія государю. Доведено было о семъ до свѣдѣнія Абасъ-Мирзы, и онъ, имѣвши къ г. Мазаровичу особенную довѣренность и даже пріязнь, переставъ почитать его себѣ нужнымъ, сталъ отдалять его, *уразумѣвъ, что ему выгоднѣе имѣть непосредственное сношеніе съ графомъ Нессельроде, коего прозорливость легко могъ онъ обмануть въ отдаленіи,* тогда какъ не могъ онъ укрыться отъ ближайшихъ наблюденій г. Мазаровича. Сему, такъ же какъ и мнѣ, не вѣрили и, *сверхъ того, надѣляли предписаніями,* которыя наконецъ заставили его просить увольненія отъ должности, и десятилѣтняя опытность сего способнаго и ловкаго чиновника осталась безъ всякой пользы для нашего министерства

«Мнѣ повторяемы были безпрестанно наставленія всячески стараться удерживать пріязненныя связи и въ обязанность поставлено снисхожденіе къ поступкамъ персіянъ, нерѣдко весьма наглымъ. Угожденія принимаемы были робостью съ нашей стороны. Англи-

чане увѣряли, что безъ согласія европейскихъ кабинетовъ не можетъ Россія объявить войны Персіи.

«Итакъ, пріуготовлялась начатая нынѣ война персіянами. Позволительно угадывать, что война сія есть преддверіе войны съ Портою, ибо, безъ надежды на то, не рѣшились бы персіяне поступить съ такою наглостью.

«Простите, всемилостивѣйшій государь, простосердечное изложеніе моихъ чувствъ. Съ таковыми проходилъ я служеніе покойному императору, превыше заслугъ благотворившему мнѣ. Ту же безпредѣльную приверженность и тѣ же чувства во всей прямотѣ ихъ вамъ, государь, посвящаю».

По своему рѣзкому обвинительному тону донесеніе это произвело непріятное впечатлѣніе въ Москвѣ. Обвиняемые въ пренебреженіи и непониманіи политическаго хода событій лица, находясь ближе къ императору, чѣмъ главнокомандующій на Кавказѣ, имѣли всѣ шансы къ оправданію. Они успѣли не только оправдаться, но, въ свою очередь, обвинить Ермолова въ заносчивости, въ желаніи возбудить войну, въ неумѣніи во-время сосредоточить свои силы, въ отсутствіи боевыхъ способностей и въ огромныхъ безпорядкахъ, существующихъ въ управленіи краемъ. Императоръ читалъ представленную начальникомъ главнаго штаба барономъ Дибичемъ записку, характеризующую Ермолова и составленную со словъ Талызина, служащаго на Кавказѣ и временно пріѣзжавшаго въ Петербургъ.

Я изучалъ характеръ *Ермолова*, будто бы говорилъ Талызинъ, какъ лица историческаго, и нахожуся въ пріятельскихъ связяхъ съ весьма близкими къ нему особами. На Ермолова никто не имѣетъ вліянія, кромѣ его собственнаго самолюбія. Онъ нѣкоторымъ своимъ любимцамъ позволяетъ себѣ говорить *иногда* правду и даже требуетъ этого,—но *никогда* не слѣдуетъ ихъ совѣтамъ. Чѣмъ умнѣе человѣкъ, находящійся при немъ, тѣмъ онъ менѣе слѣдуетъ его вліянію, чтобы не сказали, что имъ управляютъ. Такимъ образомъ, сбылъ онъ съ рукъ нынѣшняго бессарабскаго губернатора Тимковскаго, который утруждалъ его своими планами и совѣтами. Болѣе всѣхъ Ермоловъ любитъ Грибоѣдова, за его необыкновенный умъ, фанатическую честность, разнообразность познаній и любезность въ обращеніи. Но самъ Грибоѣдовъ признавался мнѣ, что *Сардарь-Ер-*

мулу, какъ азіятцы называютъ Ермолова, упрямъ какъ камень, и что ему невозможно вложить какую-нибудь идею. Онъ хочетъ, чтобы все происходило отъ него и чтобы окружающіе его повиновались ему безусловно. Отчасти Ермоловъ и правъ; ибо въ отдаленномъ краѣ, который всегда на непріятельской ногѣ, будучи всегда окруженъ шпіонами горныхъ народовъ и владѣтелей азіятскихъ областей, малѣйшій видъ что кто-нибудь дѣйствуетъ умомъ на Сардаря-Ермулу, можетъ унизить его въ глазахъ азіятцевъ. Ермоловъ имѣетъ необыкновенный даръ привязывать къ себѣ близкихъ къ нему людей и привязывать безусловно, какъ рабовъ. Они знаютъ его и недостатки, но любятъ его. Въ шутку Ермоловъ раздѣляетъ своихъ приближенныхъ на двѣ части: однихъ называетъ *моя собственность*, а другихъ—*моя личная безопасность*. Первые суть тѣ, которымъ онъ дѣлаетъ порученія, а иногда довѣренности; вторые—удальцы и наѣздники, въ родѣ Якубовича. Офицеры и солдаты весьма любятъ Ермолова за весьма малыя вещи: онъ позволяетъ солдатамъ, на переходахъ и внѣ службы, ходить въ шараварахъ и широкомъ платьѣ; офицерамъ въ фуражкахъ и кое-какъ; мало учитъ и восхищаетъ своими bons-mots. Въ нуждѣ дѣлится послѣднимъ. Важная добродѣтель Ермолова, что онъ некорыстолюбивъ и не любитъ денегъ. Оттого статскіе чиновники не любятъ его, и хотя онъ не весьма бдительно истребляетъ лихоимцевъ и злоупотребленія, но за то, если откроетъ, бѣда!—и его боятся какъ огня.

Талызинъ, по словамъ той же записки, по своему положенію при Ермоловѣ и по свѣдѣніямъ не могъ имѣть другихъ порученій, какъ «*поразнюхать*, что говорятъ о немъ здѣсь и какъ судятъ. Кажется, онъ поѣхалъ отсюда не съ весьма благопріятными извѣстіями. Извѣстно, что Ермолова публика обвиняетъ въ одномъ: зачѣмъ не зналъ о нападеніи персовъ; другіе обвиняютъ во многомъ,—но каждый человѣкъ имѣетъ своихъ друзей и враговъ: первые смотрятъ на ошибки въ *уменьшительное*, другіе—въ *увеличительное* стекло».

Въ послѣднее стекло смотрѣлъ и графъ Нессельроде; не допуская формальнаго разрыва, т. е. такого, какой обыкновенно предшествуетъ войнѣ съ европейскими державами, онъ набрасывалъ тѣнь на справедливость донесеній Ермолова. Главнокомандующій доносилъ, что о князѣ Меншикова давно не имѣетъ никакихъ свѣдѣній;

что взаимныя ихъ сношенія давно прерваны, курьеры задерживаются, донесенія распечатываются и читаются персіянами; что князь Меншиковъ дурно принятъ въ Султаніэ; что предложенія его отвергнуты и самъ онъ задержанъ со всею миссіею. На это министръ иностранныхъ дѣлъ, съ упорствомъ, свойственнымъ человѣку, незнающему ни народа, ни характера и особенностей тегеранскаго двора, отвѣчалъ, что это неправда, что посольство кн. Меншикова должно укрѣпить наши связи съ Персіею, а не расторгнуть ихъ; что непріязненныя дѣйствія есть только дерзость и своевольство одного эриванскаго хана, и потому онъ, министръ, поручаетъ князю Меншикову требовать отъ двора персидскаго примѣрнаго наказанія хана и, въ случаѣ неудовлетворенія требованія, прекратить всѣ сношенія и выѣхать со всею нашею миссіею [1]).

Что могъ подумать Ермоловъ, читая депешу министра иностранныхъ дѣлъ, полученную одновременно съ распоряженіемъ военнаго министерства совершенно инаго характера? Признавая объявленіе войны персіянами фактомъ совершившимся, военное министерство приняло безотлагательныя, хотя и неполныя мѣры къ облегченію затруднительнаго положенія главнокомандующаго. Вмѣсто просимыхъ имъ 24 баталіоновъ рѣшено было отправить полки 20-й пѣхотной дивизіи въ двухбаталіонномъ составѣ (всего 12 баталіоновъ), съ тѣмъ, что третьи баталіоны будутъ посланы по смѣнѣ ихъ въ мѣстахъ расположенія [2]) полками 18-й и 19-й дивизій. Сдѣлавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, распоряженіе объ отправленіи съ Дона шести казачьихъ полковъ, Дибичъ писалъ Ермолову, что императоръ находитъ, что и до прибытія подкрѣпленій въ распоряженіи главнокомандующаго находится достаточно силъ не только для отраженія всѣхъ покушеній непріятеля, но и для наступательныхъ дѣйствій. По свѣдѣніямъ военнаго министерства, съ прибытіемъ на Кавказъ сводно-гвардейскаго полка, изъ людей, выписанныхъ изъ гвардіи и Черниговскаго полка по происшествію 14-го декабря 1825 года, Ермоловъ долженъ былъ имѣть въ Закавказьѣ до 30,000 челов. пѣхоты, изъ

[1]) Отношеніе графа Нессельроде Ермолову, 1-го августа 1826 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. VI, ч. II, № 653.

[2]) Они занимали караулы въ Херсонѣ, Перекопѣ, Ѳеодосіи, Севастополѣ, Керчи и Ениколе.

коихъ въ окрестностяхъ Тифлиса — до 15,000 человѣкъ. Оставя 2,000 для обезпеченія столицы Грузіи, военному министерству казалось, что съ остальными 13,000 человѣкъ пѣхоты, съ соотвѣтственнымъ числомъ артиллеріи и кавалеріи, главнокомандующій могъ перейти въ наступленіе.

«Его императорское величество, писалъ Дибичъ Ермолову [1]), нисколько не сомнѣвается, чтобы, подъ предводительствомъ *вождя столь опытнаго, столь отличнаго и въ столь высокой степени имѣющаго довѣренность своихъ подчиненныхъ,* какъ ваше высокопревосходительство, сихъ войскъ не было достаточно для ниспроверженія всѣхъ силъ, которыя персіяне возмогутъ противоставить онымъ».

На основаніи такихъ данныхъ, Ермолову было высочайше повелѣно безотлагательно двинуться къ Эривани и не прекращать военныхъ дѣйствій до занятія всего ханства. Если персидское правительство не удостовѣритъ, что непріязненныя дѣйствія произошли отъ одного своеволія и дерзости эриванскаго хана, то быстро продолжать наступленіе черезъ Нахичевань, Марандъ и далѣе къ Тавризу. По занятіи послѣдняго города истребить въ немъ все казенное имущество, сжечь всѣ заведенія и зданія, принадлежащія правительству, и въ особенности уничтожить всѣ военныя заведенія и запасы. Дальнѣйшія дѣйствія должны были зависѣть отъ обстоятельствъ, но Дибичъ предупреждалъ главнокомандующаго, что императоръ не прекратитъ военныхъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока персіяне не согласятся на уступку нѣкоторой части территоріи, которую государь признаетъ необходимымъ присоединить къ своей имперіи; что уступка эта необходима въ вознагражденіе убытковъ, которые понесетъ Россія отъ предстоящихъ военныхъ дѣйствій и какъ справедливое возмездіе за нанесенное границамъ нашимъ оскорбленіе.

Впрочемъ, прибавлялъ Дибичъ, назначеніе пути наступленія есть только предполагаемое и не должно препятствовать избранію другаго направленія, лишь бы только была соблюдена сосредоточенность силъ, необходимая для успѣха военныхъ дѣйствій. «Выборъ путей,

[1]) Въ отношеніи отъ 31-го іюля 1826 г. Арх. Канцел. Воен. Министер. «Секретный исходящій журн.» 1826 года.

ведущихъ къ достиженію сей цѣли, неминуемо зависитъ отъ мѣстныхъ обстоятельствъ, болѣе вамъ извѣстныхъ. Его императорское величество ожидаетъ успѣховъ, соотвѣтствующихъ воинскимъ дарованіямъ вашимъ и храбрости ввѣреннаго вамъ войска» [1]).

Спустя нѣсколько дней, государь писалъ Ермолову [2]): «Вы увидѣли изъ прежнихъ моихъ приказаній, объявленныхъ вамъ начальникомъ главнаго штаба моего, что твердое мое есть намѣреніе наказать персіянъ въ собственной ихъ землѣ за наглое нарушеніе мира, и что я, будучи увѣренъ, что находящееся подъ начальствомъ вашимъ многочисленное и храброе войско достаточно къ достиженію сего, не менѣе того приказалъ я 20-й пѣхотной дивизіи идти на усиленіе онымъ. Усматривая же изъ послѣдняго донесенія вашего намѣренія ограничиться оборонительными дѣйствіями до прибытія сихъ подкрѣпленій, я на сіе согласиться не могу и повелѣваю вамъ дѣйствовать, по собраніи возможнаго числа войскъ, *непремѣнно наступательно*, сообразно обстоятельствамъ, по усмотрѣнію вашему, противъ раздѣльныхъ силъ непріятельскихъ».

По мнѣнію Ермолова, для наступленія предстояло два пути: на Эривань, чтобы перенести дѣйствія въ землю непріятеля, и въ Карабагъ, чтобы усмирить мусульманскія провинціи. Не возстановивши порядка въ послѣднихъ, трудно было идти въ Эриванское ханство съ малыми силами и въ позднее время года, когда пограничныя горы покрываются снѣгомъ, дороги дѣлаются непроходимыми, и нѣтъ возможности доставить продовольствія вслѣдствіе измѣны жителей.

Занятіе Эриванскаго ханства могло быть полезно только тогда, если бы мы были въ состояніи обезпечить христіанъ (иначе персіяне истребили бы ихъ поголовно), обезпечить собственныя сообщенія,

---

[1]) Въ другомъ отношеніи, отъ того же числа, Дибичъ писалъ Ермолову, что если во время военныхъ дѣйствій будутъ захвачены въ плѣнъ служащіе въ персидскихъ войскахъ иностранцы, то, хотя бы они и объявили о чинахъ, полученныхъ ими при иностранныхъ державахъ,—все-таки ихъ содержать наравнѣ съ прочими плѣнными, «поелику иностранцевъ сихъ не иначе считать надлежитъ, какъ за бѣглецовъ». Такихъ лицъ приказано было отправить закованными въ столицу для разсылки куда слѣдуетъ (Отношеніе Дибича Ермолову 31-го іюля 1826 г., № 66 Арх. Канц. Воен. Минис.).

[2]) Въ рескриптѣ отъ 11 го августа 1826 г.

пролегавшія среди возмутившагося населенія, и обезпечить Грузію отъ налета партизанскихъ отрядовъ непріятеля. Съ другой стороны, при движеніи въ Карабагъ приходилось слѣдовать черезъ возмутившуюся Борчалинскую дистанцію, далѣе—черезъ Казахскую, Шамшадильскую дистанціи и Елисаветпольскій уѣздъ, также возмутившіеся и занятые персіянами. При подобномъ движеніи отряда, на правомъ флангѣ его были дороги со стороны озера Гокчи, по которымъ непріятель могъ свободно и во всякое время дѣйствовать на нашу коммуникаціонную линію, съ лѣваго фланга—были бы возставшіе жители Шекинской и Ширванской провинцій.

Наконецъ, для обезпеченія наступательнаго движенія, въ какомъ бы направленіи оно предпринято ни было, необходимъ былъ хотя незначительный провіантскій транспортъ и обозъ для парковъ. «Мы вступимъ, доносилъ Ермоловъ [1]), въ землю совершенно неустроенную, гдѣ система реквизиціонная не можетъ вдругъ имѣть мѣста. Для движеній необходимъ подножный кормъ, ибо, по свойству климата, фуражъ почти не заготовляется и ожидать подлежитъ, что непріятель всѣ средства истреблять станетъ».

Въ виду всѣхъ этихъ затрудненій А. П. Ермоловъ предполагалъ перейти въ наступленіе въ глубокую осень.

— Суровая въ горахъ погода, говорилъ онъ, сдѣлаетъ для персіянъ пути затруднительными, и они не перейдутъ ихъ съ пѣхотою и артиллеріею. Жители изъ кочевья въ горахъ сойдутъ въ свои жилища на равнину, и семейства ихъ и имущество, имѣя залогомъ, можно будетъ доставать часть нужнаго продовольствія, которое везти съ собою нѣтъ способовъ, ибо нѣтъ въ землѣ повозокъ. Осеннее и зимнее время представляютъ и то удобство, что есть подножный кормъ. Въ Карабагѣ надобно будетъ сдѣлать улучшенія въ Шушинской крѣпости, снабдить ее провіантомъ и усилить значительно гарнизонъ. Тогда дѣйствія противъ Эриванскаго ханства будутъ облегчены.

Все это, по мнѣнію Ермолова, можно было предпринять только по прибытіи подкрѣпленій, а до того времени онъ намѣренъ былъ

[1]) Во всеподд. донесеніи отъ 29-го августа 1826 г. Воен.-ученый арх., отд. II, д. № 5850 (а), Л. 63.

выдвинуть войска въ пограничныя съ Грузіею мусульманскія провинціи, водворить въ нихъ порядокъ и возстановить прерванныя сообщенія. «Войска зимнее время проведутъ въ лучшихъ мѣстахъ, писалъ Ермоловъ, а я между тѣмъ приготовлю нужные транспорты и всѣ запасы, потребные для наступательныхъ дѣйствій».

При этомъ взглядѣ, который высказывалъ главнокомандующій какъ въ этомъ, такъ и въ предъидущихъ донесеніяхъ объ образѣ своихъ дѣйствій противъ непріятеля, трудно было ожидать скораго перехода въ наступленіе. Въ виду противоположности взглядовъ, существовавшихъ въ Москвѣ и Тифлисѣ, Императоръ Николай рѣшилъ оставить въ рукахъ Ермолова управленіе краемъ и административныя распоряженія, а командованіе дѣйствующимъ корпусомъ поручить особому лицу, которое могло бы вести военныя операціи самостоятельно и энергично, согласно волѣ государя.

Такимъ лицомъ былъ избранъ генералъ-адъютантъ Иванъ Федоровичъ Паскевичъ.

За нѣсколько дней до коронаціи Иванъ Федоровичъ Паскевичъ получилъ вечеромъ записку отъ барона Дибича, сообщавшаго, что государь желаетъ его видѣть на слѣдующій день, и что онъ, Дибичъ, предварительно хотѣлъ бы съ нимъ переговорить [1]). Паскевичъ тотчасъ же отправился къ Дибичу, отъ котораго и узналъ о намѣреніи императора отправить его на Кавказъ.

— Государь, говорилъ Дибичъ, получилъ отъ главнокомандующаго Кавказскимъ корпусомъ генерала Ермолова донесеніе, что персіяне вторглись въ наши закавказскія провинціи, заняли Ленкорань и идутъ далѣе, имѣя до 60,000 регулярныхъ (?) и 60,000 иррегулярныхъ войскъ (?) съ 80 запряженными орудіями. Ермоловъ пишетъ, что у него нѣтъ достаточныхъ силъ противопоставить имъ и что не ручается за сохраненіе края, если ему не пришлютъ въ подкрѣпленіе двухъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизій. Императоръ желаетъ, чтобы вы ѣхали на Кавказъ командовать войсками, ибо силы

[1]) Все нижеслѣдующее составляетъ разсказъ самого Паскевича въ присутствіи Туркула, Реада и Заблоцкаго-Десятовскаго. Покойный А. П. Заблоцкій тотчасъ же записалъ этотъ разсказъ дословно и потомъ обязательно предоставилъ въ мое распоряженіе.

персіянъ должны быть преувеличены, и его величество послѣ такого донесенія не вѣритъ Ермолову.

Не ожидая ничего подобнаго, Паскевичъ не безъ удивленія выслушалъ сказанное начальникомъ главнаго штаба. Послѣдній продолжалъ:

— Покойный Императоръ Александръ Павловичъ также былъ недоволенъ Ермоловымъ и хотѣлъ вмѣсто него назначить Рудзевича. Поступки Ермолова самоуправны, и въ то же время войска распущены и въ дурномъ состояніи; дисциплина потеряна, воровство необыкновенное; люди за нѣсколько лѣтъ не удовлетворены и во всемъ нуждаются, матеріальная часть въ запущеніи и проч. Онъ, дѣйствительно, не можетъ тамъ оставаться.

— Какъ же я поѣду на Кавказъ, спрашивалъ Паскевичъ, когда Ермоловъ тамъ? Что я буду дѣлать и въ чемъ могу помочь дурному положенію дѣлъ, когда тамъ нѣтъ силъ? Къ тому же я боленъ и не выдержу тамошняго климата, который мнѣ извѣстенъ.

— Государь этого желаетъ, отвѣчалъ Дибичъ, и надѣется, что вы не откажетесь; впрочемъ, завтра вы сами будете у государя.

На другой день Паскевичъ былъ позванъ въ кабинетъ.

— Я знаю, говорилъ Императоръ Николай, что ты не хочешь ѣхать на Кавказъ—мнѣ Дибичъ все разсказалъ; но я тебя прошу, сдѣлай это для меня.

Паскевичъ повторилъ все сказанное Дибичу наканунѣ.

— Я буду, прибавилъ онъ, въ подчиненіи у Ермолова, а потому не могу сдѣлать никакого распоряженія и отвѣчать за него.

На это императоръ, между прочимъ, сказалъ Паскевичу:

— Ты говоришь о затрудненіяхъ отъ Ермолова: я ему посылаю указы, чтобы онъ безъ совѣщанія съ тобою не предпринималъ никакихъ распоряженій военныхъ, а тебѣ даю особый указъ о смѣнѣ его въ случаѣ *умышленнаго* противодѣйствія или неисполненія моихъ указовъ о совмѣстномъ съ тобою дѣйствіи.

Указъ этотъ, по словамъ Паскевича, его величество тутъ же собственноручно написалъ и ему отдалъ, такъ что и Дибичъ о немъ не зналъ. Не считая болѣе возможнымъ противиться желанію государя, И. Ф. Паскевичъ принялъ предложеніе. Дибичъ, какъ казалось, радовался, что Ермолову показано недовѣріе, и при свиданіяхъ съ

Паскевичемъ много говорилъ ему о дѣйствіяхъ Алексѣя Петровича, разумѣется дурныхъ.

Одновременно съ назначеніемъ Паскевича Императоръ Николай писалъ Ермолову [1]): «Я посылаю вамъ двухъ извѣстныхъ генераловъ: генералъ-адъютанта Паскевича и генералъ-маіора Дениса Давыдова. Первый, мой бывшій начальникъ, пользуется всею моею довѣренностью; онъ лично можетъ вамъ объяснить все, что, по краткости времени и по безъизвѣстности, не могу я вамъ письменно приказать. Назначивъ его командующимъ подъ вами войсками, далъ я вамъ отличнѣйшаго сотрудника, который выполнитъ всегда всѣ ему дѣлаемыя порученія съ должнымъ усердіемъ и понятливостью. Я желаю, чтобы онъ, съ вашего разрѣшенія, сообщалъ мнѣ все, что отъ васъ поручено будетъ давать знать, что и прошу дѣлать какъ наичаще».

Въ рескриптахъ, подписанныхъ на слѣдующій день [2]), государь сообщалъ Ермолову, что поручаетъ Паскевичу командованіе войсками подъ главнымъ его начальствомъ, а во второмъ, что хотя, на основаніи учрежденія о большой дѣйствующей арміи, въ случаѣ болѣзни или отсутствія главнокомандующаго, его мѣсто заступаетъ начальникъ штаба, но что, въ такомъ случаѣ, онъ поручаетъ ему ввѣрить начальство надъ корпусомъ генералъ-адъютанту Паскевичу.

Получивъ всѣ эти распоряженія за нѣсколько только дней до прибытія Паскевича, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ не могъ не понять причины такого назначенія и, какъ человѣкъ въ высшей степени честолюбивый, не могъ отнестись къ этому хладнокровно. Появленіе посторонняго лица, и притомъ пользующагося полнымъ довѣріемъ государя, было, конечно, ему весьма непріятно, и неизбѣжно должно было отразиться на первой встрѣчѣ, въ особенности у Ермолова, вообще непривыкшаго стѣсняться ни въ своихъ выраженіяхъ, ни поступкахъ. Ему, конечно, было еще болѣе непріятно и потому, что посылка въ Тифлисъ Паскевича случилась именно въ такое время, которое можно было считать критическимъ, когда персіяне,

[1]) Въ рескриптѣ отъ 10-го августа 1826 года.
[2]) Отъ 11-го августа 1826 г.

не встрѣчая препятствій, все подвигались впередъ и заняли городъ Елисаветполь съ его округомъ.

Дѣло это происходило такъ. По полученіи извѣстія о вѣроломномъ вторженіи непріятеля въ наши границы, Ермоловъ приказалъ окружному начальнику Елисаветпольскаго уѣзда Симонову, чтобы онъ немедленно вывелъ изъ тамошней крѣпости въ Тифлисъ малочисленный гарнизонъ и доставилъ бы туда же денежную казну и дѣла. Главнокомандующій вызванъ былъ на такую мѣру сколько въ предупрежденіе очевидной опасности отъ нападенія персіянъ, столько же изъ желанія не подвергать наши слабыя силы нечаянному нападенію жителей-татаръ въ случаѣ ихъ возмущенія. Послѣдняго можно было ожидать почти навѣрное, въ виду существовавшаго уже волненія.

Приступая къ исполненію распоряженія Ермолова и желая предварительно сосредоточить войска, Симоновъ вызвалъ къ себѣ двѣ роты, стоявшія въ Зурнабадѣ, но онѣ не успѣли прибыть, какъ въ городѣ вспыхнуло возстаніе.

27-го іюля, когда татары узнали о скоромъ оставленіи города русскими войсками, они вооружились поголовно саблями и кинжалами, ворвались въ крѣпость и направились прямо къ острогу, для освобожденія заключенныхъ. Одна часть мятежниковъ бросилась на караулъ, защищавшій доступъ къ тюрьмѣ, а другая стала бросать въ окна кинжалы и, такимъ путемъ, снабдила преступниковъ оружіемъ. Они легко разбили двери и запоры острога и устремились на караулъ съ тыла. Семь человѣкъ солдатъ было убито, а остальные переранены. Затѣмъ, мятежники напали на отрядъ, подъ прикрытіемъ котораго было отправлено казначейство, и успѣли отбить нѣсколько тюковъ мѣдныхъ денегъ. Въ самомъ городѣ, въ ночь съ 27-го на 28-е число, многіе русскіе были вырѣзаны; убиты: частный приставъ, штабсъ-капитанъ Васильевъ, артиллеріи прапорщикъ Харченко и нѣсколько чиновниковъ; всѣ дѣла присутственныхъ мѣстъ остались въ рукахъ возмутившихся и были потомъ сожжены ими [1]).

Среди самаго разгара возстанія, къ Елисаветполю подходили двѣ

---

[1]) Рапортъ грузинскаго прокурора министру юстиціи, отъ 10-го августа 1826 года, № 250. Воен.-Учен. Арх., отд. II, дѣло № 5850 (а), листъ 91.

роты, вызванныя изъ Зурнабада. Начальникъ отряда, капитанъ Шнитниковъ, выслалъ впередъ поручика Габаева, съ 12-ю казаками,—предупредить Симонова о прибытіи ротъ, но встрѣтившіеся на пути армяне объявили Габаеву о возмущеніи татаръ и совѣтовали ему возвратиться назадъ. Желая, однако же, лично удостовѣриться въ томъ, что происходило въ городѣ, Габаевъ въѣхалъ въ улицу и былъ тотчасъ же окруженъ татарами и захваченъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ казаками.

Не ожидая возвращенія Габаева, капитанъ Шнитниковъ подошелъ къ городу и былъ встрѣченъ депутаціею отъ татаръ, которая заявила, что готова пропустить роты, но съ условіемъ, чтобы весь русскій обозъ былъ оставленъ въ ихъ пользу. Шнитниковъ отвергъ предложеніе и двинулся впередъ; но едва вошелъ онъ въ улицы, какъ засѣвшіе въ домахъ татары встрѣтили его сильнымъ огнемъ. При помощи штыковъ и картечнаго огня, отрядъ пробивался на тифлисскую дорогу, причемъ потерялъ одного офицера смертельно раненымъ и 30 человѣкъ нижнихъ чиновъ убитыми. Положеніе Шнитникова было критическое, но въ это время прибылъ къ отряду Габаевъ, освобожденный армянами. Уроженецъ Елисаветполя, отлично знавшій расположеніе городскихъ улицъ, Габаевъ повернулъ роты въ сторону и провелъ отрядъ такими улицами, въ которыхъ возмутители не успѣли устроить засады.

Съ уходомъ Шнитникова, татары остались полными хозяевами города, а вслѣдъ затѣмъ онъ былъ занятъ персіянами, распространившими свои грабежи на всю окрестность. Находившіяся вблизи Елисаветполя нѣмецкія колоніи были разграблены, причемъ жители Анненфельдской колоніи успѣли бѣжать въ Тифлисъ, а Еленендорфской—укрылись въ домахъ армянъ въ самомъ Елисаветполѣ. Непріятель выдвинулъ часть своей конницы въ Шамшадальскую дистанцію и присоединилъ къ своему ополченію до 2,000 вооруженныхъ жителей.

Съ этимъ отрядомъ прибыла и часть конницы изъ Эривани для сопровожденія въ Грузію царевича Александра, посылаемаго для возмущенія Кахетіи. Для прикрытія послѣдней былъ сформированъ, подъ начальствомъ генерала князя Мадатова, особый отрядъ изъ 8 3/4 баталіоновъ пѣхоты, съ 14-ю орудіями, и слабосильнаго полка

казаковъ [1]). Назначеніе этого отряда, расположеннаго на р. Акстафѣ, было удерживать жителей Казахской дистанціи отъ возмущенія, а персіянъ и возмутившихся уже татаръ Елисавстпольскаго округа—отъ вторженія въ Грузію.

До прибытія подкрѣпленій съ Кавказской линіи князю Мадатову приказано было ограничиться одною обороною и, въ случаѣ наступленія значительныхъ силъ непріятеля, отойти въ Борчалинскую дистанцію, за такъ называемый Красный мостъ и, оставивъ его передъ собою, ожидать прибытія изъ Тифлиса главнокомандующаго съ войсками.

«При всей надеждѣ,—писалъ Ермоловъ князю Мадатову [2]),—на бдительность вашего сіятельства, я не могу не подтвердить вамъ, что осторожность необходима, что сколько робкимъ ни замѣченъ непріятель, презирать его не должно; что гораздо полезнѣе противопоставить непріятелю соединенныя силы для бо́льшей вѣрности въ успѣхѣ, нежели подвергнуться опасности дѣйствовать силами недостаточными изъ тщеславія противоборствовать сильнѣйшему».

Спустя нѣсколько дней, на усиленіе отряда кн. Мадатова была отправлена грузинская конная милиція и 400 человѣкъ осетинъ. Осетины были прекрасные стрѣлки, но, по бѣдности, не могли содержать себя, и потому Ермоловъ приказалъ выдавать имъ содержаніе отъ казны, присовокупляя, что грузинская милиція имѣетъ собственное продовольствіе [3]). Не полагаясь на стойкость милиціи и способность ея къ развѣдывательной службѣ, кн. Мадатовъ просилъ прислать ему хотя немного казаковъ, такъ какъ лошади находившагося въ отрядѣ полка Костина были въ дурномъ состояніи. «Конницы у насъ,—отвѣчалъ Ермоловъ [4]),—какъ вы знаете, вовсе нѣтъ а то малое число казаковъ, которыхъ мы употребляемъ, я полагалъ для однихъ пикетовъ, охраняющихъ спокойствіе лагеря; но зналъ, что они преслѣдовать непріятеля не въ состояніи и по малочислен-

[1]) Четыре баталіона Грузинскаго гренадерскаго, четыре баталіона Ширванскаго и три роты 41-го егерскаго полковъ.

[2]) Въ предписаніи отъ 10-го августа 1826 г., № 266.

[3]) Предписанія Ермолова кн. Мадатову, отъ 15-го и 17-го августа 1826 г. №№ 276 и 283.

[4]) Въ предписаніи кн. Мадатову, отъ 21-го августа 1826 г., № 297.

ности, и по качеству лошадей, которыхъ кормятъ они на счетъ жителей, не заботясь о ихъ разореніи».

Хотя авангардное положеніе отряда кн. Мадатова и требовало, прежде другихъ, снабженія его всѣмъ необходимымъ, но Ермоловъ не находилъ возможнымъ усилить его кавалерію. Главнокомандующій не измѣнялъ своихъ убѣжденій и находилъ, что наступленіе возможно только съ водвореніемъ хотя нѣкотораго спокойствія въ находящихся на нашихъ флангахъ мусульманскихъ провинціяхъ, а такое спокойствіе далеко еще не было возстановлено.

Прежде всего надо было изгнать изъ Ширвани появившагося тамъ бывшаго хана Мустафу, который, имѣя при себѣ нѣсколько приверженцевъ, грозилъ остальнымъ жестокимъ мщеніемъ. Чтобы парализовать его дѣятельность, Ермоловъ поручилъ генералъ-маіору Краббе собрать конницу изъ кубинцевъ, дербентцевъ и даже изъ акушинцевъ, которая, будучи подкрѣплена нашими войсками, могла изъ-за одной добычи оказать большое содѣйствіе къ изгнанію Мустафы-хана. По окончаніи лѣтней кочевки въ горахъ, ширванцы обыкновенно спускались къ р. Курѣ и далѣе на Муганскую степь. По мнѣнію главнокомандующаго, это было самое лучшее время для ихъ наказанія. «Они,—писалъ Ермоловъ [1]),—не ввѣрятъ семействъ своихъ и имущества живущимъ на Мугани народамъ и кочующимъ на оной персидскимъ подданнымъ и должны будутъ оставить ихъ на лѣвомъ берегу р. Куры». Этимъ надо было воспользоваться и стараться разорить ихъ безпрерывными перемѣщеніями съ мѣста на мѣсто. Краббе не находилъ, однако же, возможнымъ двинуться впередъ по недостатку продовольствія. «Теперь,—доносилъ онъ [2]),—главнымъ моимъ занятіемъ есть стараніе обезпечить войска продовольствіемъ и удержать спокойствіе въ Кубинской провинціи». Какой недостатокъ былъ въ Ширвани въ продовольствіи — можно судить по тому, что войска, съ началомъ возмущенія, все время довольствовались половинною дачею. Хотя въ г. Шемахѣ и было въ запасѣ до 400 четвертей пшеницы, но, за отсутствіемъ мельницъ, она оставалась въ зернѣ. Населеніе отказывалось не только поставлять

[1]) Въ предписаніи генералъ-маіору Краббе, отъ 14-го августа 1826 г., № 271.
[2]) Ермолову, отъ 23-го августа 1826 г., № 113.

хлѣбъ войскамъ, но и продавать его на рынкахъ. Въ Кубѣ и Дербентѣ хлѣбъ вздорожалъ на столько, что генералъ Краббе принужденъ былъ просить астраханскаго губернатора заготовить для него продовольствіе и отправить его моремъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, не считая возможнымъ оставаться безъ запасовъ продовольствія, Краббе, 15-го августа, оставилъ Шемаху и перешелъ на р. Персагатъ. Недостатокъ перевозочныхъ средствъ заставилъ прежде всего озаботиться о перевозкѣ больныхъ, а старую одежду и заручную аммуницію пришлось уничтожить.

Между тѣмъ пробравшійся въ Кубинскую провинцію сынъ бывшаго хана, считавшій себя наслѣдникомъ, успѣлъ поднять большую часть населенія и заставилъ Краббе занять Кубу. Черезъ нѣсколько дней возмутители, поддержанные прибывшими персіянами, окружили городъ, два раза пытались овладѣть предмѣстьемъ, но были отбиты. Тѣмъ не менѣе Краббе оказался запертымъ въ Кубѣ, и дѣятельность его отряда была парализована. «Удивляюсь,—писалъ Ермоловъ князю Мадатову,—какъ залѣзъ въ Кубу генералъ Краббе? Неужели онъ не могъ совладать со сволочью? Бѣсятъ меня подобныя дерзости, которыя, при малѣйшей распорядительности, случаться не должны».

Съ заключеніемъ въ Кубѣ отряда генералъ-маіора Краббе персіянамъ представлялось широкое поле для дѣйствій. Всѣ мусульманскія провинціи и даже южный Дагестанъ были очищены отъ русскихъ войскъ, и можно было ожидать, что персіяне придутъ на помощь посланному ими въ Казикумухъ бывшему хану Сурхаю. Отправляя послѣдняго, Абасъ-Мирза объявилъ его полномочнымъ векилемъ всего Дагестана. Сурхай прежде всего явился въ Табасарани и обратился съ воззваніемъ къ даргинскому обществу (акушинцамъ), но населеніе не только отказалось послѣдовать совѣту бывшаго хана казикумухскаго, но и переслало его воззваніе къ главнокомандующему. Даргинцы просили шамхала Тарковскаго и преданнаго намъ Аслахъ-хана Кюринскаго зорко слѣдить за дѣйствіями Сурхая и, если можно, выгнать его изъ Табасарани. Поступокъ акушинцевъ, народа сильнаго и воинственнаго, обезпечивалъ вполнѣ спокойствіе Дагестана.

— Пока акушинскій народъ пребываетъ вѣрнымъ, говорилъ Ер-

моловъ, а въ Казикумухѣ находится Асланъ-ханъ, за спокойствіе Дагестана можно поручиться.

«Увѣренъ былъ, писалъ главнокомандующій даргинцамъ [1]), что общество не приметъ предложенія (Сурхая), ибо люди благоразумные не промѣняютъ жизни счастливой и спокойной и уваженія, которымъ ото всѣхъ пользуются, на лживыя обѣщанія каджаровъ, сопровождаемыя обыкновеннымъ ихъ хвастовствомъ обманчивымъ.

«Я знаю, какимъ пакостнымъ ругательствомъ имя каджаровъ слыветъ въ Дагестанѣ, и обществу даргинскому смѣетъ Абасъ-каджаръ давать повелѣнія въ безумномъ высокомѣріи своемъ: каджаръ сей назначаетъ Сурхая, измѣнника, векилемъ всего Дагестана.

«Знаменитый векиль сей собираетъ голыхъ разбойниковъ, для произведенія грабежа и разбоевъ, и смѣетъ думать, что храброе даргинское общество будетъ то же дѣлать и ему повиноваться.

«Вы скоро увидите, какъ побѣгутъ всѣ мошенники, и Абасъ-Мирза опять соберетъ друзей своихъ, его достойныхъ. Не трудно будетъ бѣжать и знаменитому векилю, который, изъ подлости и угожденія Абасу-каджару, согласился перестать быть сюни (сунитомъ) и сдѣлался шія (шіитомъ)».

Сурхай былъ дѣйствительно скоро разбитъ Асланъ-ханомъ и принужденъ бѣжать въ Согратло, гдѣ впослѣдствіи и умеръ. Дагестанъ оставался спокойнымъ во все продолженіе войны съ персіянами, что, конечно, было весьма важно для насъ и давало возможность принять мѣры къ успокоенію мусульманскихъ провинцій.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ Закавказьи, когда, 29-го августа, Паскевичъ пріѣхалъ въ Тифлисъ и тотчасъ же явился къ Ермолову. Главнокомандующій объявилъ, что онъ очень радъ какъ такому назначенію, такъ и скорому прибытію, но на слѣдующій день полицейскій чиновникъ заявилъ Паскевичу, что Ермоловъ никого не принимаетъ, а проситъ его къ себѣ завтра. Въ назначенный часъ Паскевичъ отправился въ домъ главнокомандующаго, и вотъ какъ онъ разсказываетъ свою встрѣчу съ Ермоловымъ.

«Меня пригласили въ большую комнату—кабинетъ его, посрединѣ котораго стоялъ большой столъ въ видѣ стойки. На одной сто-

[1]) Въ объявленіи вольному даргинскому обществу, 24-го августа 1826 г.

ронѣ за столомъ сидѣлъ генералъ Ермоловъ въ сюртукѣ безъ эполетъ, въ линейной казачьей шапкѣ. Напротивъ его—генералы и другія лица, которыя обыкновенно собирались къ нему для разговоровъ и сужденій. Прихожу я, второе лицо по немъ. Онъ говоритъ: «а, здравствуйте, Иванъ Федоровичъ»,—и никто не уступаетъ мнѣ мѣста и даже нѣтъ для меня стула. Полагая, что это дѣлается съ умысломъ, для моего униженія, я взялъ въ отдаленіи стулъ, принесъ его самъ, поставилъ противъ Ермолова и сѣлъ. Смотрю на посѣтителей: одни въ сюртукахъ, безъ шпагъ, другіе безъ эполетъ и, наконецъ, одинъ молодой человѣкъ въ венгеркѣ. Всѣ вновь входящіе привѣтствуются одинаково со мною. «А, здравствуйте, Иванъ Кузьмичъ, какъ вы поживаете? Здравствуйте, Петръ Ивановичъ и т. д. Всѣ потомъ садятся, такъ что прапорщикъ не уступаетъ мѣста генералу. Приходитъ генералъ Вельяминовъ, командующій войсками за Кавказомъ, и ему нѣтъ стула, и ему мѣста никто не даетъ. И онъ отъ стыда самъ принесъ стулъ и сѣлъ возлѣ меня. Я спрашиваю его: кто это Иванъ Кузьмичъ? Это поручикъ такой-то. А этотъ въ венгеркѣ? Это прапорщикъ такой-то. Для меня это показалось очень странно».

Послѣ такого свиданія съ главнокомандующимъ Паскевичъ оставался въ Тифлисѣ нѣсколько дней безъ всякаго дѣла и получилъ назначеніе уже тогда, когда князь Мадатовъ одержалъ, при Шамхорѣ, первую побѣду надъ персіянами.

XXVII.

Приготовленія А. П. Ермолова къ наступательнымъ дѣйствіямъ.—Формированіе наступательнаго отряда князя Мадатова.—Переходъ къ наступленію.—Побѣда, одержанная княземъ Мадатовымъ при Шамхорѣ.—Занятіе Елисаветполя.—Назначеніе генералъ-адъютанта Паскевича начальникомъ дѣйствующихъ отрядовъ.—Поставленная ему цѣль дѣйствій.—Прибытіе Паскевича въ Елисаветполь.—Мнѣніе его о подчиненныхъ ему войскахъ.—Елисаветпольское сраженіе.—Планы Ермолова и Паскевича о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.—Дѣйствія эриванскаго отряда.—Бой у селенія Мирака.—Умиротвореніе Шамшадыльской и Казахской дистанцій.—Очищеніе отъ непріятеля провинцій: Ширванской, Шекинской и Бакинской.—Экспедиція Паскевича за рѣку Араксъ.—Мнѣнія Паскевича и Дибича о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.—Наступленіе зимы.—Расположеніе войскъ на зимовыхъ квартирахъ.

Сосредоточивая войска для наступательныхъ дѣйствій и имѣя въ своемъ распоряженіи ограниченныя силы, Ермоловъ пріучалъ полки къ построенію въ *двѣ шеренги*, какъ къ строю, представляющему достаточную плотность противъ персидскихъ войскъ. Главнокомандующій принялъ мѣры къ формированію подвижныхъ магазиновъ и къ наполненію постоянныхъ; въ Тифлисѣ заготовлялись патроны; негодные лафеты и зарядные ящики замѣнялись новыми; горныя орудія приноравливались къ болѣе удобной накладкѣ на вьюки и проч.

Въ половинѣ августа А. П. Ермоловъ усилилъ отрядъ, расположенный на р. Гассанъ-су, и командованіе имъ поручилъ генералъ-маіору кн. Мадатову. Первоначальное назначеніе этого отряда состояло въ томъ, чтобы, ограничиваясь оборонительными дѣйствіями, прикрывать г. Тифлисъ со стороны Елисаветполя, наблюдать за Делижанскимъ ущельемъ и удерживать жителей татарскихъ дистанцій отъ явнаго возмущенія.

«Вы, любезный князь, писалъ Ермоловъ Мадатову [1]), употребите всѣ силы, чтобы не допустить этой сволочи (персіянъ) подаваться

[1]) Въ письмѣ отъ 16-го августа, № 278. «Жизнь князя Мадатова». Изд. 1863 г., стр. 226.

впередъ. Каджарамъ никогда еще не приходилось имѣть дѣло съ столь значительными соединенными силами. Ваше мужество и многолѣтнія заслуги служатъ ручательствомъ въ томъ, что вы успѣете внушить непріятелю тотъ ужасъ, какой должны вселять въ него храбрыя русскія войска, подъ начальствомъ опытнаго генерала».

По занятіи персіянами города Елисаветполя, небольшой отрядъ персидскихъ войскъ, подъ начальствомъ Эмиръ-хана, сардаря, былъ расположенъ на рѣкѣ Шамхоркѣ, близъ селенія того же имени. Недоброжелательные къ намъ жители Шамшадыльской и Казахской дистанцій, подстрекаемые персіянами и царевичемъ Александромъ, надѣясь на помощь персіянъ, собрались въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ конныхъ между рѣками Таузою и Дзегамомъ и провозгласили своимъ предводителемъ царевича Александра. Узнавъ о такомъ скопищѣ, князь Мадатовъ выступилъ ночью съ частью своего отряда и на разсвѣтѣ напалъ врасплохъ на бунтовщиковъ и разсѣялъ ихъ. Возмутившіеся татары разсыпались въ разныя стороны, а царевичъ Александръ скрылся у джарскихъ лезгинъ и впослѣдствіи участвовалъ въ набѣгахъ на Кизихъ.

Въ концѣ августа, признавая возможнымъ перейти въ наступленіе, генералъ Ермоловъ предписалъ князю Мадатову выгнать персіянъ изъ Елисаветполя и, остановившись въ этомъ городѣ, ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

«Не перемѣняй ничего въ моемъ распоряженіи, писалъ Ермоловъ [1]), и ступай съ Богомъ! Будь остороженъ въ Елисаветполѣ, и если точно придетъ Абасъ Каджаръ, то имѣй средство узнать заблаговременно, и во всегдашней будь готовности двинуться. Противу силъ несоразмѣрныхъ не вдавайся въ дѣло. Намъ надобенъ *вѣрный успѣхъ*, и таковой пріобрѣтешь ты со всѣми твоими войсками безъ сомнѣнія: Суворовъ не употреблялъ слова *ретирада*, а называлъ оную *прогулкою*. И вы, любезнѣйшій князь, прогуляйтесь во-время, когда будетъ не подъ силу; стыда ни мало въ томъ нѣтъ. Если, любезный князь, разсѣяніе непріятельской конницы въ Таузѣ произвело впечатлѣніе, то я ожидаю, что изгнаніе персіянъ и пришлеца

[1]) Отъ 28-го августа 1826 г. «Жизнь князя Мадатова». Изд. 1863 г., стр. 104-я.

хана изъ Елисаветполя сдѣлаетъ большое и для насъ полезное дѣйствіе».

По свѣдѣніямъ, силы персіянъ, находившихся въ Елисаветполѣ, состояли изъ одной конницы, и потому трудно было предположить, чтобы съ наступленіемъ князя Мадатова непріятель могъ удержать крѣпость и городъ. Но если бы непріятель заперся въ крѣпости, то главнокомандующій приказалъ немедленно отвести воду изъ татаула, который былъ проведенъ близъ крѣпостныхъ стѣнъ. «Одинъ недостатокъ воды, писалъ А. П. Ермоловъ князю Мадатову [1]), принудитъ непріятеля сдаться черезъ три или четыре дня. Должно также полагать, что не имѣетъ онъ тамъ и съѣстныхъ запасовъ, слѣдовательно сдаться долженъ будетъ, и потому нѣтъ никакой нужды штурмовать крѣпость».

Исполняя приказаніе корпуснаго командира, князь Мадатовъ, для обезпеченія операціонной линіи, оставилъ на рѣкѣ Акстафѣ полковника Грекова съ $1^1/_2$ баталіонами пѣхоты [2]), Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ [3]), четырьмя орудіями и сотнею казаковъ; самъ же выступилъ 1-го сентября съ $3^1/_4$ баталіонами [4]), 12 орудіями, съ двумя слабыми по составу казачьими полками [5]) и 500 человѣкъ конной милиціи.

На ночлегѣ у сел. Дзегама князь Мадатовъ узналъ, что персіяне стоятъ у сел. Шамхора; что число ихъ, вмѣстѣ съ присоединившимися къ нимъ возмутившимися жителями, простирается до 10,000 человѣкъ и что начальствуетъ надъ ними принцъ Мамедъ-Мирза и при немъ въ качествѣ дядьки находится Эмиръ-ханъ-сардарь, считавшійся персіянами однимъ изъ лучшихъ полководцевъ.

Раннимъ утромъ 3-го сентября князь Мадатовъ выступилъ изъ

---

[1]) Въ предписаніи отъ 22-го августа 1826 года, № 299.

[2]) Баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго и двѣ роты Ширванскаго пѣхотнаго полковъ.

[3]) Полкъ этотъ прибылъ къ отряду только за нѣсколько дней до выступленія. Онъ прошелъ изъ Царскихъ Колодцевъ прямо черезъ степь Караю и переправился черезъ рѣку Куру вбродъ близъ селенія Сала-оглы.

[4]) Баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго, шесть ротъ Грузинскаго гренадерскаго и три роты 41-го егерскаго полковъ.

[5]) Генералъ-маіора Иловайскаго и полковника Костина.

Дзегама по направленію къ Шамхору. Персидскія войска занимали позицію за рѣкою того же имени, на правомъ берегу ея, по дорогѣ въ Елисаветполь, и состояли изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты (сарбазовъ шахской гвардіи), съ четырьмя орудіями и 20-ю фалконетами, и изъ 8,000 конницы. Прикрываясь рѣкою и растянувшись почти на двѣ версты, непріятель имѣлъ дугообразное расположеніе, дававшее ему возможность охватить фланги наступающаго и сосредоточить перекрестный огонь на единственную дорогу, по которой долженъ былъ приближаться малочисленный отрядъ князя Мадатова. Хотя поставленная въ центрѣ пѣхота и часть артиллеріи были помѣщены въ устроенныхъ наскоро укрѣпленіяхъ и разнаго рода закрытіяхъ, но мѣстность, занятая персіянами, была невыгодна для обороны, такъ какъ лѣвый берегъ рѣки командовалъ надъ правымъ.

При приближеніи нашихъ войскъ непріятель открылъ огонь изъ всѣхъ своихъ орудій и фалконетовъ. Князь Мадатовъ построилъ свой отрядъ въ три колонны, выдвинулъ впередъ восемь батарейныхъ орудій и, подъ прикрытіемъ ихъ, двинулся въ атаку. Онъ приказалъ пѣхотѣ не вдаваться въ безполезную перестрѣлку, а начать и кончить дѣло штыками.

Черезъ четверть часа послѣ открытія огня нашей артиллеріи непріятельская замолкла и защита переправы персіянами ограничилась однимъ ружейнымъ огнемъ. Не обращая на него вниманія, наши баталіоны спустились къ рѣкѣ, перешли ее вбродъ и стали взбираться на высоты. Впереди всѣхъ ѣхавшій князь Мадатовъ крикнулъ «ура!» и два баталіона грузинцевъ и егерей бросились въ штыки. Шахская гвардія готова была принять атаку, но въ это время въ тылу нашихъ колоннъ, за рѣкою Шамхоромъ, поднялись столбы пыли, а за ними виднѣлись какія-то движущіяся конныя массы. То приближался обозъ въ два ряда и на рысяхъ. Движеніе это было произведено по приказанію князя Мадатова, «знавшаго, какъ видъ этого маневра подѣйствуетъ на пугливое воображеніе азіятскаго непріятеля [1]). Персіяне дѣйствительно приняли обозъ за прибытіе подкрѣпленій и стали быстро отступать.

Прежде другихъ оставила поле сраженія многочисленная персид-

[1]) «Жизнь князя Мадатова», изд. 1863 г., стр. 109.

ская конница, а затѣмъ ея примѣру послѣдовала и пѣхота, буквально разсыпавшаяся въ разныя стороны. При этомъ толпа въ 500 человѣкъ, отрѣзанная нашею кавалеріею отъ пути отступленія, была изрублена и въ томъ числѣ Эмиръ-ханъ-сардарь, оказавшій въ дѣлѣ особую храбрость и употреблявшій все стараніе, чтобы остановить бѣгущихъ.

Одержанная побѣда стоила намъ семи человѣкъ убитыми и 24-хъ человѣкъ ранеными; потери непріятеля одними убитыми превышали 1,500 человѣкъ и, сверхъ того, онъ оставилъ въ нашихъ рукахъ 67 человѣкъ плѣнныхъ, одно орудіе, много зарядныхъ ящиковъ и 11 фалконетовъ [1]). Князь Мадатовъ съ двумя легкими орудіями и казаками преслѣдовалъ бѣгущихъ, но не на далекое разстояніе. Послѣ 50-ти-верстнаго перехода и продолжительнаго боя войска такъ утомились, что нуждались въ отдыхѣ. Остановившись съ конницею, онъ дождался прибытія пѣхоты, обходилъ ряды и поздравлялъ солдатъ съ побѣдою.

— Вы русскіе воины, говорилъ онъ, я съ вами никогда не буду побѣжденъ; мы персіянъ не только здѣсь, но и вездѣ разобьемъ.

Князь Мадатовъ получилъ за это дѣло брилліантовую саблю съ надписью «за храбрость». Награда эта соотвѣтствовала той важности и тому впечатлѣнію, которое должна была произвести побѣда при Шамхорѣ какъ на персіянъ, такъ и на возмутившееся магометанское населеніе.

«Благодарю Бога, писалъ Ермоловъ князю Мадатову [2]), что вамъ удалось прогнать подлаго мошенника Абаса-Каджара, который, не знаю отчего, такъ быстро побѣжалъ, когда не было у васъ средствъ его преслѣдовать и не остановить даже; когда и войскъ было у него много, и артиллеріи онъ не потерялъ. Вы, любезный князь, хорошее положили начало при Шамхорѣ».

Главнокомандующій со вниманіемъ разспрашивалъ офицера, присланнаго къ нему съ донесеніемъ, и съ особеннымъ удовольствіемъ

---

[1]) Отношеніе генерала Вельяминова князю Саварѣмидзе, 5-го сентября 1826 г., № 353.

[2]) Въ письмѣ отъ 29-го сентября 1826 г. «Русская Старина», 1873 года, т. VII, стр. 99.

узналъ, что потери въ пѣхотѣ были незначительны и наибольшее пораженіе непріятелю было нанесено при его преслѣдованіи. «Какъ хорошо случилось, писалъ Алексѣй Петровичъ [1]), что вы, любезный князь, сдѣлали начало совершенно въ подтвержденіе донесенія моего, что распорядилъ я наступательное дѣйствіе прежде прибытія генерала Паскевича. Думали, что мы перепугались и ничего не смѣли предпринять! Происшествіе сіе порадуетъ столицу, а я ожидаю донесенія о взятіи Елисаветполя».

Главнокомандующій не ошибся въ своемъ предположеніи. Желая захватить непріятеля врасплохъ въ Елисаветполѣ, князь Мадатовъ приказалъ войскамъ съ наступленіемъ ночи выступить, а самъ съ 200 человѣкъ казаковъ и двумя орудіями поскакалъ впередъ. Проѣхавъ десять верстъ, онъ узналъ отъ встрѣчныхъ жителей, что непріятеля уже нѣтъ въ городѣ, и что находившійся тамъ баталіонъ, подъ начальствомъ Назаръ-Али-хана, былъ увлеченъ всеобщимъ бѣгствомъ. Несчастный ханъ понесъ за это безстыднѣйшее въ Персіи наказаніе: ему обрили бороду и, посадивъ на осла лицомъ къ хвосту, возили по всему лагерю Абасъ-Мирзы [2]).

Назаръ-Али-ханъ находился въ Елисаветполѣ только въ качествѣ командующаго войсками, но краемъ управлялъ присланный Абасъ-Мирзою сынъ убитаго Джавадъ-хана ганжинскаго Угурли-ханъ, который въ продолженіе сорока дневнаго управленія только и занимался тѣмъ, что грабилъ жителей для своего обогащенія. Армяне, населяющіе весь форштадтъ елисаветпольскій, расположенный на правомъ берегу рѣки Ганжинки, во все время пребыванія персіянъ въ городѣ оказывали имъ нѣкоторое сопротивленіе. Они укрѣпили форштадтъ, устроили у выходовъ караулы и объявили Угурли-хану, что готовы сдѣлать пожертвованіе, если его будутъ требовать установленнымъ порядкомъ и черезъ посредство назначенныхъ ими старшинъ; они запретили персіянамъ входъ въ форштадтъ, говоря,

---

[1]) Князю Мадатову въ письмѣ отъ 7-го сентября 1826 года. «Рус. Ст.» 1873 г., т. VII, стр. 98.

[2]) По показанію другихъ, Назаръ-Али-ханъ былъ одѣтъ въ женское платье и, съ намазанною кислымъ молокомъ бородою, посаженъ на осла лицомъ къ хвосту. Впослѣдствіи, когда наслѣдникъ персидскаго престола самъ потерпѣлъ пораженіе, то, возвратившись въ Тавризъ, приказалъ задушить несчастнаго хана.

что иначе не въ состояніи будутъ отвратить безпорядки, которые могутъ произойти при подобномъ посѣщеніи.

Назаръ-Али-ханъ пытался хитростью завлечь армянъ въ крѣпость, со всѣмъ ихъ имуществомъ и семействомъ, увѣряя, что намѣренъ защищаться до послѣдней крайности, и сжечь всѣ городскія строенія, находящіяся внѣ крѣпости и препятствующія оборонѣ. Армяне не вѣрили словамъ хана и не переселялись въ крѣпость, а поддавшіеся такому обману татары были жестоко наказаны, ибо передъ бѣгствомъ сарбазы разграбили ихъ имущество и обезчестили многихъ женъ.

Получивъ извѣстіе о несчастіи, постигшемъ персіянъ подъ Шамхоромъ, Абасъ-Мирза, располагавшій по окончаніи минныхъ работъ штурмовать Шушинскую крѣпость, внезапно снялъ блокаду, оставилъ у крѣпости небольшой наблюдательный корпусъ, а самъ 5-го сентября перешелъ на рѣку Тертеръ и остановился въ 60 верстахъ отъ Елисаветполя. Онъ намѣренъ былъ принять на себя разбитыя подъ Шамхоромъ войска, устроить ихъ и, утвердившись въ Елисаветполѣ, атаковать князя Мадатова; но событія предупредили персидскаго принца, и предположенія его не увѣнчались успѣхомъ.

Утромъ, 4-го числа, князь Мадатовъ со всѣмъ своимъ отрядомъ вступилъ уже въ Елисаветполь и былъ встрѣченъ христіанскимъ населеніемъ съ большимъ восторгомъ. «Народъ, предшествуемый духовенствомъ въ полномъ облаченіи, говоритъ біографъ [1]), встрѣтилъ его, какъ избавителя, со слезами благодарности и кликами радости. Колонны стали въ должномъ порядкѣ, и духовенство служило благодарственный молебенъ за посланіе русскихъ для избавленія отъ врага; жители подносили войскамъ хлѣбъ-соль, плоды и даже обнимали колѣни предводителя. Все ожило въ мрачномъ предъ тѣмъ Елисаветполѣ, и въ роскошныхъ садахъ раздались пѣсни; восклицанія: «*Кючагъ Мадатовъ*» (молодецъ Мадатовъ) повторялись безпрестанно».

Занявъ цитадель, начальникъ отряда приказалъ водрузить надъ нею русское знамя и прежде всего принялъ мѣры къ возстановленію порядка и спокойствія среди населенія. Отправивъ по всѣмъ доро-

[1]) «Жизнь князя Мадатова». Изд. 1863 г., стр. 112 и 113.

гамъ разъѣзды, князь Мадатовъ вывелъ войска за городъ и расположился тыломъ къ армянскому форштадту, на дорогѣ, ведущей въ Карабагъ. Возвращавшіеся разъѣзды приносили извѣстіе о полнѣйшей деморализаціи персидскихъ войскъ. «Невозможно изобразить, доносилъ князь Мадатовъ [1]), въ какомъ страхѣ и безпорядкѣ происходило бѣгство непріятеля даже близъ Зейвы». Два лагеря съ палатками, наполненными разными жизненными припасами, тысяча четвертей пшеницы, сто пудовъ пороха и много свинца остались въ рукахъ побѣдителя. Послѣднее пріобрѣтеніе было весьма важно, такъ какъ войска вообще нуждались въ продовольствіи, и прежде чѣмъ двигаться впередъ, князь Мадатовъ принужденъ былъ заняться собраніемъ хлѣба и скота не только для своего отряда, но и для тѣхъ войскъ, которыя предполагалось отправить въ Карабагъ, для освобожденія отъ блокады Шуши и очищенія провинціи отъ непріятеля. «Въ настоящихъ обстоятельствахъ, писалъ Ермоловъ [2]), дѣйствія противъ Абасъ-Мирзы есть важнѣйшій предметъ, и по числу войскъ, которыми могу располагать, я употребилъ на оный всѣ возможныя средства».

Средства эти были почти ничтожны. Въ промежутокъ времени съ 3-го до 5-го сентября главнокомандующій успѣлъ сосредоточить въ селеніи Муганло шесть ротъ 7-го карабинернаго полка, одну роту 41-го егерскаго, 8 орудій и подчинилъ ихъ вмѣстѣ съ отрядомъ князя Мадатова общему начальству генералъ-адъютанта Паскевича. «Извѣстная храбрость и военная репутація сего генерала, доносилъ Ермоловъ, дѣлаютъ его полезнымъ мнѣ сотрудникомъ, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ счастіе пріобрѣсти полную довѣренность вашего императорскаго величества».

Сознавая, что передача новому лицу командованія войсками безъ всякой причины и въ то время, когда наступленіе выразилось столь блестящимъ успѣхомъ, должна была удивить и огорчить князя Мадатова, Ермоловъ просилъ его стать выше обстоятельствъ и помнить, что при тогдашнемъ состояніи дѣлъ необходимо устранить свою личность и дѣйствовать единодушно. «Не оскорбитесь, ваше сіятель-

---

[1]) Въ рапортѣ Ермолову, отъ 5-го сентября 1826 г.

[2]) Въ письмѣ Дибичу отъ 4-го сентября 1826 г.

ство, писалъ Алексѣй Петровичъ [1]), что вы лишаетесь случая быть начальникомъ отряда, тогда какъ предлежитъ ему назначеніе блистательное. Конечно, это не сдѣлаетъ вамъ удовольствія, но случай сей не послѣдній, и вы, безъ сомнѣнія, успѣете показать, сколько давнее пребываніе ваше здѣсь, столько знаніе непріятеля и здѣшнихъ народовъ можетъ принести пользы службѣ государя. Употребите теперь дѣятельность вашу и помогайте всѣми силами новому начальнику, который, по незнанію свойствъ здѣшнихъ народовъ, будетъ имѣть нужду въ вашей опытности. Обстоятельства таковы, что мы всѣ должны дѣйствовать единодушно».

Поставляя главнѣйшею цѣлью дѣйствій генералъ-адъютанта Паскевича очищеніе Карабага, главнокомандующій ожидалъ, что онъ встрѣтитъ тамъ большое сопротивленіе, «ибо есть извѣстіе, доносилъ онъ, что шахъ самъ долженъ быть въ Карабагѣ [2]). По мнѣнію Ермолова, персіяне должны были встрѣтить Паскевича или около Шуши, или же, не принимая боя, отступить за Араксъ. Въ первомъ случаѣ атаку персидскаго лагеря слѣдовало произвести со стороны Ахъ-Оглана, такъ какъ по полученнымъ свѣдѣніямъ, со стороны Шахъ-Булага и Аскаранскаго ущелья всѣ дороги были перекопаны непріятелемъ, и горныя ущелья во многихъ мѣстахъ такъ тѣсны, что непріятель могъ удобно защищаться съ небольшими силами. Къ тому же движеніе наше на Ахъ-Огланъ отрѣзывало персіянъ отъ единственной переправы у Худо-аферинскаго моста, и можно было быть увѣреннымъ, что непріятель постарается поспѣшить отступленіемъ. Въ такомъ случаѣ главнокомандующій разрѣшалъ преслѣдовать его, но только до тѣхъ поръ, пока онъ не перейдетъ за Араксъ.

«Отрядъ, идущій въ Карабагъ, писалъ Ермоловъ Паскевичу [3]), долженъ находить продовольствіе на мѣстахъ. Князь Мадатовъ, занявъ Елисаветполь, соберетъ тамъ столько хлѣба, что отрядъ можетъ взять онаго съ собою дней на 15. Будетъ собрано также нѣкоторое количество скота, съ помощью котораго отрядъ можетъ до-

[1]) Князю Мадатову, отъ 9-го сентября 1826 г. «Жизнь князя Мадатова», изд. 1863 г., стр. 241.

[2]) Всеподданнѣйшее донесеніе Ермолова, 4-го сентября. Воен.-учен. арх., отд. II, дѣло № 5850 (а), листъ 83.

[3]) Въ секретномъ предписаніи отъ 4-го сентября 1826 г., лит. В.

вольствоваться около 20-ти дней. Сего времени слишкомъ достаточно, чтобы принудить непріятеля къ отступленію отъ Шуши. Въ Карабагѣ отрядъ, достигнувъ до Ахъ-Оглана, будетъ уже имѣть позади себя плоскости, на коихъ находятся главнѣйшіе посѣвы, и слѣдовательно найдетъ достаточное средство къ продовольствію. Сверхъ того, съ отступленіемъ персіянъ, армянское населеніе ободрится: многіе изъ татаръ не участвуютъ въ измѣнѣ или увлечены въ оную поневолѣ. Всѣ они будутъ служить усердно, или по крайней мѣрѣ будутъ способствовать въ отысканіи средствъ продовольствія».

«Съ вашимъ превосходительствомъ отправляю начальника корпуснаго штаба, генералъ-маіора Вельяминова. Въ теченіе 10-ти лѣтъ черезъ него проходили всѣ дѣла; онъ имѣлъ нѣсколько особенныхъ отъ меня порученій и потому могъ узнать многія лица, обычаи и образъ понятій здѣшнихъ народовъ, ихъ образъ войны и многія мѣстныя обстоятельства, относящіяся до здѣшняго края. Сими свѣдѣніями можетъ онъ быть для васъ полезнымъ».

Получивъ такую инструкцію, генералъ-адъютантъ Паскевичъ 5-го сентября выѣхалъ изъ Тифлиса и, принявъ начальство надъ войсками, собранными въ селеніи Муганло, двинулся къ Елисаветполю. Ревнивый къ своей славѣ и опасаясь, что князь Мадатовъ вырветъ изъ его рукъ побѣдные лавры, Паскевичъ съ дороги отправилъ предписаніе князю не предпринимать безъ него наступленія и, въ случаѣ приближенія Абасъ-Мирзы, держаться въ Елисаветполѣ. По пути слѣдованія Паскевичъ присоединилъ къ себѣ отряды, оставленные на рѣкахъ Гассанъ-су и Акстафѣ, и 10-го числа вступилъ въ Елисаветполь, имѣя въ своемъ распоряженіи, вмѣстѣ съ бывшимъ отрядомъ князя Мадатова, 10,319 человѣкъ [1]) съ 24-мя орудіями.

Однимъ изъ первыхъ донесеній Паскевича было заявленіе о важности одержанной побѣды при Шамхорѣ, такъ какъ, по его словамъ, вся дорога на разстояніи 20-ти верстъ была усѣяна мертвыми тѣ-

[1]) Въ составѣ войскъ, собранныхъ въ Елисаветполѣ, находились: два баталіона Херсонскаго гренадерскаго полка—2,270 человѣкъ; шесть рокъ Грузинскаго гренадерскаго полка—1,580 чел.; шесть ротъ 7-го карабинернаго полка—1,780 чел.; одинъ баталіонъ 41-го егерскаго полка—1,094 чел.; одинъ баталіонъ Ширванскаго полка 1,275 чел.; Нижегородскій драгунскій полкъ—800 чел.; донскихъ казаковъ—1,020 чел. и грузинской милиціи—500 человѣкъ.

лами. Въ первое время отношенія между Паскевичемъ и княземъ Мадатовымъ были вполнѣ дружескія. «Князь Мадатовъ, доносилъ Паскевичъ, здѣсь весьма нужный человѣкъ. Онъ, бывши изъ первыхъ помѣщиковъ въ Карабагѣ и знавши здѣшніе языки, большое вліяніе имѣетъ на здѣшніе народы» [1]).

Князь Мадатовъ передалъ Паскевичу, что по свѣдѣніямъ, имъ полученнымъ, Абасъ-Мирза имѣетъ намѣреніе угнать жителей за Аракъсъ, для чего и дѣлаетъ уже всѣ распоряженія. На этомъ основаніи князь Мадатовъ считалъ необходимымъ двинуться какъ можно скорѣе въ Карабагъ, тѣмъ болѣе, что въ Шушѣ оставалось весьма мало продовольствія, и укрывшіеся въ крѣпкихъ мѣстахъ армяне со своими семействами просили помощи. Главнокомандующій также торопилъ Паскевича выступленіемъ. «Въ крѣпости Елисаветпольской, писалъ онъ [2]), довольно хлѣба, слѣдовательно вамъ надо только добавить сколько нужно, что отъ самихъ городскихъ жителей, надѣюсь, вы получить можете безъ потери времени».

Между тѣмъ, въ 10 часовъ утра 11-го сентября, партія казаковъ открыла непріятельскую конницу въ шести верстахъ отъ нашего лагеря по дорогѣ къ Карабагу. Генералъ-адъютантъ Паскевичъ же выслалъ на встрѣчу непріятеля семь ротъ пѣхоты съ шестью орудіями, эскадронъ драгунъ, оба казачьи полка и грузинскую милицію, но персіяне тотчасъ же отступили. На слѣдующій день, въ двухъ верстахъ отъ лагеря, Паскевичъ произвелъ маневръ предполагаемаго сраженія, съ построеніемъ войскъ въ двѣ шеренги, чтобы пріучить ихъ къ дѣйствію въ такомъ строѣ [3]).

Смотря на войска съ предвзятою мыслью, Паскевичъ находилъ ихъ недисциплинированными, дурно одѣтыми и въ боевомъ отношеніи никуда негодными. «Нельзя представить себѣ, до какой степени они мало выучены, писалъ Паскевичъ императору наканунѣ Елисаветпольскаго сраженія, *Боже сохрани съ такими войсками быть первый разъ въ дѣлѣ;* многія изъ нихъ не умѣютъ построить каре

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Паскевича, отъ 10-го сентября. Воен.-учен. арх., отд. II, дѣло № 5850 (а), листы 105 и 106.

[2]) Генералъ-адъютанту Паскевичу, 8-го сентября 1826 г., № 358.

[3]) Мы видѣли, что строй этотъ былъ введенъ Ермоловымъ для распространенія боевой линіи.

или колонну,—а это все, что я отъ нихъ требую. Я примѣчаю даже, сами начальники находятъ это ненужнымъ. *Слѣпое повиновеніе имъ не нравится*,—они къ этому не привыкли; *но я заставлю ихъ дѣлать по-своему*».

Одержать побѣду съ такими войсками могъ только начальникъ съ блестящими военными дарованіями, человѣкъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ, энергичный и стойкій. Не такой ли характеристики искалъ себѣ Паскевичъ? Чтобы получить ее и имѣть возможность сказать, что онъ, а не кто другой подготовилъ войска къ побѣдѣ, Паскевичъ, наканунѣ сраженія, по его собственнымъ словамъ, «въ теченіе нѣсколькихъ часовъ дѣлалъ всѣмъ отрядамъ движенія вправо, влѣво, впередъ и обратно, училъ строиться изъ каре въ колонну и изъ колонны въ каре». Едва ли эти часовыя ученья принесли болѣе пользы, чѣмъ полувѣковой боевой опытъ, хотя Паскевичъ послѣ своихъ ученій выражалъ готовность встрѣтиться съ непріятелемъ.

Около полудня 12-го сентября персидская конница вновь появилась на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ она видна была наканунѣ, но, замѣтивъ ученье нашихъ войскъ, поспѣшно скрылась. По числу и составу ея можно было предполагать, что за нею двигалась вся армія персидская, что и подтвердилось полученными вечеромъ извѣстіями [1]). Выбѣжавшіе изъ персидскаго стана армяне: Александровъ, служившій переводчикомъ у Абасъ-Мирзы, и меликъ Юсуфъ, карабагскій житель, объявили, что персидская армія находится на рѣкѣ Куракъ-чаѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Елисаветполя, и что Абасъ-Мирза намѣренъ атаковать насъ въ ту же ночь. Графъ Симоновичъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что Паскевичъ сначала предполагалъ встрѣтить наступающихъ въ узкихъ улицахъ города; но намѣреніе это было оставлено, вслѣдствіе энергическихъ указаній князя Мадатова о той опасности, которой могли подвергнуться войска отъ такого расположенія. Мадатовъ требовалъ наступленія и былъ поддержанъ начальникомъ штаба Вельяминовымъ. Уступая настояніямъ, Паскевичъ неохотно слѣдовалъ совѣтамъ сослуживцевъ

[1]) «Описаніе вторженія персіянъ въ Грузію въ 1826 году», полков. Коцебу. Воен.-учен. арх., отд. II, дѣло № 2439.

Ермолова, не довѣрялъ имъ и былъ недалекъ отъ увѣренности, что они желаютъ посягнуть на его честь и доброе имя. При такой подозрительности Паскевичъ, конечно, долженъ былъ переживать тяжелыя минуты, преувеличивать опасность и силы непріятеля и умалять свои собственныя средства. Онъ самъ тщательно разспрашивалъ перебѣжчиковъ и лазутчиковъ, показанія которыхъ сходились, впрочемъ, на томъ, что 12-го числа персидскій принцъ прибылъ на рѣку Куракъ-чай, и тогда же къ нему присоединились до 300 челов. карабагской конницы, 200 челов. шекинцевъ, 200 челов. ганжинцевъ (елисаветпольскихъ татаръ) и до 100 человѣкъ джаро-бѣлоканцевъ [1]).

Съ разсвѣтомъ 13-го сентября Абасъ-Мирза выступилъ изъ лагеря со всѣми своими силами, состоявшими изъ 15,000 регулярной пѣхоты, 20,000 кавалеріи и иррегулярной пѣхоты, 25 орудій и большаго числа фалконетовъ, столь любимыхъ персіянами. Находившіеся въ развѣдкахъ казаки тотчасъ же дали знать о приближеніи непріятеля, и по приказанію генералъ-адъютанта Паскевича войска наши построились въ боевой порядокъ, но тщетно ожидали появленія противника, остановившагося въ девяти верстахъ отъ Елисаветполя и недвигавшагося впередъ. Тогда Паскевичъ рѣшился идти навстрѣчу персіянамъ и атаковать ихъ. Оставивъ въ лагерѣ обозъ и тяжести подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Херсонскаго гренадерскаго полка и двухъ орудій, онъ въ 7 часовъ утра двинулся впередъ въ слѣдующемъ боевомъ порядкѣ: на правомъ флангѣ шелъ баталіонъ 41-го егерскаго полка, построенный въ двухъ колоннахъ; въ центрѣ были расположены 12 батарейныхъ орудій, а на лѣвомъ флангѣ—баталіонъ Ширванскаго полка, также въ двухъ колоннахъ; фланги первой линіи прикрывались кавалеріею: правый двумя казачьими полками, а лѣвый грузинскою милиціею; во второй линіи на правомъ флангѣ находился баталіонъ 7-го карабинернаго полка въ двухъ колоннахъ, а двѣ его роты, построенныя въ каре, находились при двухъ орудіяхъ и въ разстояніи 100 саженъ отъ праваго фланга второй линіи; точно такое же расположеніе было придано баталіону

[1]) Показаніе взятаго въ плѣнъ Огурлу-хана елисаветпольскаго. Воен.-учен. арх., отд. II, дѣло № 5850 (а).

Грузинскаго гренадерскаго полка, составлявшему лѣвый флангъ второй линіи. Обѣ линіи были поручены генералъ-маіору кн. Мадатову. Нижегородскій драгунскій полкъ, раздѣленный подивизіонно, сталъ противъ интерваловъ первыхъ двухъ линій, а за ними слѣдовалъ резервъ въ трехъ колоннахъ, состоявшій изъ шести ротъ Херсонскаго гренадерскаго полка и имѣвшій передъ собою остальныя шесть орудій [1]).

Въ семи верстахъ отъ Елисаветполя, на возвышеніи, называемомъ Зазалъ-Архъ, войска наши остановились, а кавалерія, прикрывавшая фланги во время движенія, выслала сильные разъѣзды для наблюденія за непріятелемъ.

Около 10-ти часовъ утра, отъ Куракъ-чайской почтовой станціи показался непріятель, густою, сплошною массою приближавшійся къ позиціи, занятой русскимъ отрядомъ. Войска Абасъ-Мирзы шли съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ. Князь Мадатовъ обходилъ ряды пѣхоты, располагалъ орудія на позиціяхъ и ободрялъ солдатъ. Его спокойствіе служило ручательствомъ въ успѣхѣ.

— Стой смирно, говорилъ онъ пѣхотѣ, подпускай персіянина,— ему труднѣе будетъ уходить.

Подъѣхавъ къ казакамъ, начальникъ боевыхъ линій говорилъ имъ: «держитесь часъ,—непріятель подастся» [2]).

Персіяне подходили, однакожь, все ближе и ближе и наконецъ, остановившись не далѣе пушечнаго выстрѣла, стали развертываться вправо и влѣво.

Мѣстность, на которой находились оба противника, представляла равнину, имѣвшую весьма малую покатость къ р. Курѣ. Наша позиція пересѣкалась нѣсколькими оврагами, до сажени глубиною, въ которыхъ часть нашихъ войскъ могла укрыться отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, до самой рѣшительной минуты атаки. Персіяне расположились полумѣсяцемъ, за которымъ въ резервѣ стоялъ *хазъ-баталіонъ* или тѣлохранители Абасъ-Мирзы. Въ центрѣ боевой линіи были поставлены 18 орудій, а за ними стояли въ три линіи

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Паскевича, 14-го сентября. Воен.-учен. арх. отд. II, дѣло № 5850 (а).

[2]) «Жизнь князя Мадатова», стр. 121.

тавризскіе баталіоны и баталіонъ, составленный изъ бѣглыхъ русскихъ солдатъ. По обоимъ флангамъ стояла конница и по шести баталіоновъ пѣхоты съ орудіями. За пѣхотою въ центрѣ и за кавалеріею праваго фланга были поставлены фалконеты *(зимбуранг)* на верблюдахъ. Весь полукругъ персидской арміи представлялъ дугу около трехъ верстъ длины и одну въ поперечникѣ. Лѣвымъ флангомъ командовалъ Аллахъ-Яръ-ханъ, зять шаха; правымъ флангомъ—Мехметъ-Мирза, старшій сынъ Абасъ-Мирзы; центромъ—самъ наслѣдникъ персидскаго престола и резервомъ—второй сынъ его, Измаилъ-Мирза [1]). Вогнутость персидскаго боеваго порядка была на столько велика, что когда Паскевичъ остановился для окончательнаго приготовленія къ бою, то фланги непріятельской арміи были почти въ тылу нашихъ резервовъ.

Противники около часа стояли неподвижно, и, повидимому, ни та, ни другая сторона не хотѣла начинать. Сравнивая свои и непріятельскія силы, Паскевичъ сталъ колебаться и, по словамъ Давыдова, намѣренъ былъ отступить подъ защиту города; но настоянія князя Мадатова и Вельяминова заставили его принять сраженіе. Наши баталіоны двинулись впередъ. Персіяне съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за приближеніемъ ихъ и были вполнѣ увѣрены, что русскіе идутъ внутрь ихъ полулунія, какъ въ ловушку.

День былъ совершенно тихій и безвѣтренный.

Подойдя на полупушечный выстрѣлъ, колонны наши снова остановились.

«Паскевичъ, пишетъ участникъ [2]), осмотрѣвъ мѣстность, остановилъ свой отрядъ, слѣзъ съ лошади, велѣлъ подать барабанъ за фронтъ и усѣлся въ глубокомъ раздумьи. Ужасныя мысли должны были бродить въ головѣ Паскевича, находившагося посреди войскъ, преданныхъ до фанатизма его предмѣстнику, Ермолову. Уже тогда вкралось въ Паскевича недовѣріе къ «*ермоловскимъ*»,—онъ такъ называлъ сподвижниковъ этого славнаго генерала, постоянно подозрѣвая, что они подводятъ его славу подъ неудачи».

«Вельяминовъ первый подъѣхалъ къ Паскевичу, сидѣвшему на

[1]) См. «Русскій Инвалидъ» 1854 г., №№ 44 и 45.

[2]) Влад. Толстой. См. «Елисаветпольскій бой». «Русскій Міръ», 1873 г. № 11.

барабанѣ, съ головою, поникшею на руку, опертую на колѣнѣ, и доложилъ ему, что время атаковать непріятеля.

«Паскевичъ поднялъ голову, сурово взглянулъ на подъѣхавшаго и промолвилъ: «мѣсто русскаго генерала подъ ядрами». Вельяминовъ повернулъ лошадь, выбралъ курганъ передъ фронтомъ, слѣзъ съ коня и легъ на подостланную бурку, подъ градомъ ядеръ, вырвавшихъ нѣсколько лошадей его конвойной команды».

Горячій по натурѣ и возбужденный еще болѣе остановкою въ наступленіи, князь Мадатовъ подскакалъ къ Вельяминову съ упрекомъ и спросилъ, что онъ дѣлаетъ и чего ждетъ?

— Я исполняю приказаніе находиться подъ ядрами, отвѣчалъ онъ съ своею неподражаемою флегмою.

Князь Мадатовъ поскакалъ къ Паскевичу съ просьбою позволить ему немедленно атаковать непріятеля, а то эта золото-головая (кизилъ-башъ) сволочь, говорилъ онъ, опомнится и шапками закидаетъ русскій отрядъ. Паскевичъ, въ знакъ согласія, махнулъ рукой. Князь Мадатовъ вернулся къ Вельяминову со словами: «отдавай приказанія».

— Пошли Левковича, говорилъ Вельяминовъ, съ его дивизіономъ Нижегородскаго драгунскаго полка въ атаку проломить центръ непріятеля; баталіонамъ Ширванскаго полка Юдина и Овечкина, съ двумя орудіями, но безъ ранцевъ и киверовъ, вели бѣглымъ шагомъ слѣдовать за драгунами, и когда непріятельская кавалерія съ фланговъ понесется окружать нижегородцевъ, ей въ хвостъ ударить картечью—и въ штыки. Казаковъ пошли прикрывать фланги ширванцевъ; когда же вся эта персидская толпа пустится утекать, казаки будутъ близко къ ней и имъ станетъ удобно преслѣдовать опрокинутаго непріятеля.

Пока Вельяминовъ и князь Мадатовъ разсуждали о планѣ атаки, графъ Симоничъ также обратился къ Паскевичу съ просьбою позволить атаковать непріятеля.

— Наши кавказскіе солдаты, говорилъ графъ, не привыкли обороняться; они нападаютъ.

— Увѣрены ли вы въ побѣдѣ? спросилъ Паскевичъ.

— Увѣренъ, и вотъ мой товарищъ, Грековъ тоже отвѣчаетъ головой за успѣхъ.

— Ну, такъ идите съ Богомъ.

Графъ Симоничъ и полковникъ Грековъ поскакали къ ширванцамъ, но въ это время, какъ бы по сигналу, открылась канонада съ обѣихъ сторонъ и, при полномъ безвѣтріи, почти непроницаемый дымъ покрылъ все поле сраженія. Подъ прикрытіемъ его персіяне двинули противъ нашего лѣваго фланга 18 баталіоновъ, которые подошли на полуружейный выстрѣлъ прежде, чѣмъ наша батарея успѣла произвести картечный выстрѣлъ. Слѣдомъ за пѣхотой непріятельская конница, обскакавъ первую линію, направила свой ударъ на двѣ роты Грузинскаго полка, стоявшія въ каре уступомъ между первою и второю линіями. Высланные впередъ стрѣлки Грузинскаго полка быстро отступили въ каре и подъ удары персидской конницы попали казаки и татары лѣваго фланга. Не выдержавъ атаки, они повернули и поскакали назадъ. Теперь участь сраженія зависѣла, можно сказать, отъ одного мгновенія и находчивости. По словамъ Симонича, въ это время Паскевичъ обходилъ пѣшкомъ интервалы линій и случайно, въ сопровожденіи только одного адъютанта, очутился въ толпѣ въ безпорядкѣ отступившей татарской милиціи. Спокойствіе главнаго начальника и его хладнокровіе заставили татаръ опомниться, и они, остановившись, стали строиться. Между тѣмъ кавалерія и сарбазы, направлявшіеся на каре ротъ Грузинскаго полка, совершенно неожиданно для нихъ, наткнулись на небольшой, но весьма крутой оврагъ, который издали не могъ быть ими замѣченъ. Непріятель остановился и попалъ подъ сильный огонь грузинцевъ, а оправившіеся казаки и татары стремительно атаковали его. Лишившись стремительности удара, а съ нимъ и увлеченія, не имѣя возможности переправиться черезъ оврагъ и поражаемые учащеннымъ огнемъ нашей пѣхоты, персіяне при самомъ началѣ атаки казаковъ и татаръ повернули назадъ и, обнаживъ свою пѣхоту, разсыпались по полю. Паскевичъ вызвалъ изъ резерва баталіонъ Херсонскаго полка съ четырьмя орудіями и приказалъ командиру Нижегородскаго драгунскаго полка, генералу Шабельскому, атаковать сарбазовъ. 3-й эскадронъ врѣзался въ непріятельскую пѣхоту съ фронта, а 2-й эскадронъ охватилъ ее съ фланговъ и тыла. Непріятель былъ почти уничтоженъ, и напрасно персидская конница старалась выручить сарбазовъ—опрокинутая пѣхота бѣжала

съ поля сраженія, оставивъ въ рукахъ нижегородцевъ свое знамя. Прибывшему на мѣсто боя баталіону Херсонскаго полка оставалось только преслѣдовать разсѣяннаго непріятеля и оказать помощь пѣхотѣ, боровшейся съ персіянами въ центрѣ.

Стоявшій въ первой линіи ширванскій баталіонъ прежде другихъ бросился въ штыки, а за нимъ грузинскій гренадерскій и баталіонъ 41-го егерскаго полка. Персіяне встрѣтили атакующихъ картечью на столько сильною, что боевые наши баталіоны не могли дойти до рукопашной схватки. «Вдругъ, доносилъ Паскевичъ [1]), солдаты бросаютъ ранцы и бѣгутъ на картечь и пули, опрокидываютъ непріятеля и двѣ версты его преслѣдуютъ такъ, что онъ разстроенный побѣжалъ [2])».

Въ то время, когда въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ была одержана полная побѣда, и наши войска преслѣдовали уже разбитаго непріятеля, на правомъ флангѣ продолжалось еще весьма упорное сраженіе. Персидская конница, обойдя наши линіи, огромною массою обрушилась на казаковъ, потѣснила ихъ и погнала по направленію къ Елисаветполю. Двѣ роты Херсонскаго полка съ двумя орудіями и 1-й дивизіонъ Нижегородскаго полка напрасно старались преградить путь непріятельской конницѣ и не дать ей пройти въ тылъ нашей позиціи. Они наткнулись на баталіоны сарбазовъ и принуждены были вступить въ неравный бой. Положеніе ихъ было весьма трудное, и только прибытіе шести ротъ 7-го карабинернаго полка измѣнило дѣло. Роты эти были первоначально вызваны изъ резерва Паскевичемъ для поддержки войскъ, преслѣдовавшихъ непріятеля, разбитаго въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ. На пути они были встрѣчены командиромъ Нижегородскаго драгунскаго полка, генераломъ Шабельскимъ, который, видя опасность, которой подвергался лѣвый флангъ, направилъ ихъ во флангъ персидской пѣхоты, съ приказаніемъ, если окажется возможнымъ, то отрѣзать противнику путь отступленія. Персіяне своевременно замѣтили этотъ маневръ и стали подаваться назадъ; тогда лихіе эскадроны (1-й и 2-й) нижегород-

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ 21-го сентября. См. планъ сраженія.

[2]) Ранцы были брошены по приказанію князя Мадатова и собирались потомъ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ.

цевъ, имѣя во главѣ своего командира, обскакали непріятеля съ другаго фланга и одновременно съ карабинерами атаковали его. Это была одна изъ тѣхъ атакъ, при которыхъ все встрѣчающееся бываетъ смято, стоптано и уничтожено. Оторванные отъ главныхъ силъ персіяне бѣжали къ горамъ, и только сильно гористая и изрѣзанная оврагами мѣстность спасла ихъ отъ полнаго уничтоженія. Для преслѣдованія этой колонны были посланы четыре роты Херсонскаго полка, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Мадатова, принявшаго общее начальство надъ всѣмъ отрядомъ, дѣйствовавшимъ въ этомъ направленіи. Мадатовъ настигъ отступавшихъ неподалеку отъ Куракъ-чайскаго ущелья, въ пяти верстахъ отъ поля сраженія, гдѣ они, пользуясь возвышеніемъ, стали окапываться съ желаніемъ обороняться, но, окруженные со всѣхъ сторонъ и разстроенные картечными выстрѣлами нашей артиллеріи, принуждены были положить оружіе въ числѣ 950-ти человѣкъ съ двумя баталіонными командирами и семью офицерами [1]). Остальная часть нашихъ силъ подъ личнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта Паскевича преслѣдовала персидскую армію на протяженіи 12-ти верстъ, до втораго лагеря, находившагося въ трехъ верстахъ за рѣкой Куракъ-чаемъ. Персіяне не думали о сопротивленіи и бѣжали безъ оглядки.

«Вы не можете представить себѣ ихъ разсѣянность, писалъ Паскевичъ Дибичу [2]), но догонять было нечѣмъ, да и трудно, ибо они такъ бѣгутъ, что трудно ихъ догнать. Однако, не думайте, что́бы они совершенно дурно дрались,—пришли въ дистанцію безъ выстрѣла фронтомъ, открыли батальный огонь хотя бы и лучшей пѣхотѣ, но *истиннымъ мужествомъ* войскъ были разсѣяны. Могу увѣрить, *что дурныя войска были бы опрокинуты* [3]). Я доволенъ драгунами (нижегородцами), которыхъ посылалъ на пѣхоту и кавалерію. Если бы у меня было 12 орудій конной артиллеріи, то всѣ пушки и половина пѣхоты была бы въ нашихъ рукахъ».

Трофеями этого достопамятнаго дня были два лагеря, одно ору-

[1]) «Описаніе вторженія персіянъ въ Грузію въ 1826 г.», полковника Коцебу. Воен.-учен. арх., отд. I, дѣло № 2439.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 14-го сентября 1826 г.

[3]) Будемъ справедливы и припомнимъ, что за нѣсколько дней назадъ эти же самыя войска Паскевичъ находилъ никуда негодными.

діе, нѣсколько фалконетовъ, четыре знамя, до 80-ти брошенныхъ на дорогѣ патронныхъ и зарядныхъ ящиковъ и 1,100 человѣкъ плѣнныхъ. Персіяне лишились до 1,000 человѣкъ убитыми; съ нашей стороны было 40 человѣкъ убитыхъ и 240 раненыхъ. Въ числѣ убитыхъ особенно сожалѣли командира Ширванскаго полка, подполковника Грекова, перваго бросившагося въ штыки; поддержавшій его командиръ Грузинскаго гренадерскаго полка, подполковникъ графъ Симоничъ, былъ тяжело раненъ въ ногу.

Донося объ одержанной побѣдѣ, Паскевичъ обращалъ вниманіе императора «на истинныя военныя достоинства» генералъ-маіоровъ князя Мадатова и Вельяминова, а также и на многихъ командировъ частей.

«Съ особеннымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ я, отвѣчалъ государь [1]), изъ донесеній вашихъ, что вы при первой встрѣчѣ съ непріятельскою арміею, предводительствуемою самимъ наслѣдникомъ персидскаго престола, нанесли оной значительное пораженіе и наказали тѣмъ за вѣроломное вторженіе въ *предѣлы любезнаго нашего отечества*.

«Относя сіе къ благоразумнымъ распоряженіямъ вашимъ и къ тому испытанному духу храбрости, который всегда служилъ подчиненнымъ вашимъ первымъ примѣромъ, мнѣ пріятно, въ изъявленіе отличнаго моего къ вамъ расположенія и въ память одержанной надъ персіянами побѣды, препроводить къ вамъ украшенную алмазами шпагу съ надписью: «*за пораженіе персіянъ при Елисаветполѣ*», увѣренъ будучи, что оная въ рукахъ вашихъ укажетъ храбрымъ войскамъ нашимъ путь къ новымъ побѣдамъ».

Князь Мадатовъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта, генералу Вельяминову пожалованъ орденъ Св. Георгія 3-й степени; многіе офицеры получили этотъ орденъ 4-й степени».

Сформировавъ авангардъ изъ шести ротъ Херсонскаго полка, двухъ 41-го егерскаго, двухъ дивизіоновъ драгунъ, двухъ полковъ казаковъ, всей грузинской милиціи и восьми орудій, Паскевичъ поручилъ его князю Мадатову, который и двинулся по пятамъ отсту-

---

[1]) Въ рескриптѣ отъ 29-го сентября 1826 г. изъ Москвы. Воен.-учен. арх., отд. II, дѣло № 5850 (а).

павшихъ персіянъ. 18-го сентября авангардъ дошелъ до Шахъ-Булахскаго замка, и отсюда князь Мадатовъ отправился въ Шушу, которая съ этого дня считала себя освобожденною. 24-го числа главныя силы остановились на рѣкѣ Черекень, въ 14-ти верстахъ отъ Ахъ-Оглана, на дорогѣ къ Асландузскому броду.

Главнокомандующій просилъ генералъ-адъютанта Паскевича ограничить преслѣдованіе рѣкою Араксомъ, а далѣе не ходить, не обезпечивъ внутренняго спокойствія въ краѣ. Съ этою послѣднею цѣлью Ермоловъ поручалъ ему, прежде всего, возстановить спокойствіе въ Карабагѣ, а потомъ войти въ связь съ генераломъ Краббе и общими силами выгнать изъ Ширвани Мустафу-хана [1]).

Такая задача не нравилась Паскевичу, желавшему исполнить программу императора и немедленно двинуться за р. Араксъ.

«Если угодно будетъ принять мое мнѣніе,—доносилъ онъ Ермолову [2]),—то вотъ случай воспользоваться всею важностью побѣды. За Араксомъ первый городъ Агаръ безъ укрѣпленія, въ которомъ можно найти продовольствіе, потомъ Тавризъ. Непріятель не соберетъ и 6,000 пѣхоты,—единственное оружіе, которымъ онъ можетъ защищаться въ городахъ. Если найдутъ продовольствіе, позвольте мнѣ идти на эти города. Я бы желалъ, чтобы ваше высокопревосходительство сами пріѣхали, ибо могутъ быть обстоятельства весьма важныя; мнѣ кажется, надобно пользоваться этою минутой».

Съ точки зрѣнія начальника отдѣльнаго отряда, которому приказано дѣйствовать противъ непріятеля, желанія Паскевича были естественны и мнѣніе справедливо. Но съ точки зрѣнія главнокомандующаго, обязаннаго отвѣчать за цѣлость края, за самого Паскевича и его отрядъ, дѣло представлялось въ другомъ видѣ: нельзя было рисковать и подвергаться случайностямъ тамъ, гдѣ нужно было дѣйствовать осмотрительно, осторожно и въ связи съ общимъ состояніемъ края.

«Движеніе на города Агаръ и потомъ Тавризъ,—отвѣчалъ Ер-

---

[1]) Предписаніе Паскевичу, 19-го сентября 1826 г., № 376. Тифл. арх. штаба Кавк. воен. округа.

[2]) Въ рапортѣ 17-го сентября. Воен.-учен. арх., отд. II, д. № 5850 (а).

моловъ [1]),—я рѣшительно воспрещаю, по точнымъ мѣстнымъ свѣдѣніямъ о ханствѣ Карадагскомъ. Ваше превосходительство точно бы нашли городъ Агаръ неукрѣпленнымъ, но въ то же время встрѣтили бы землю гористую, представляющую пути затруднительные. Непріятель поспѣшностью бѣгства много надъ вами впереди имѣетъ времени и можетъ приготовить средства обороны. Спасши почти всю артиллерію свою, не можетъ онъ имѣть пѣхоту въ такой разсѣянности, чтобы не сохранилъ онъ довольно значительныхъ силъ, къ которымъ можетъ присоединиться самъ шахъ».

Ермоловъ справедливо говорилъ, что если Паскевичъ въ Карабагѣ испытывалъ затрудненіе въ продовольствіи, то чего же можно было ожидать въ предѣлахъ Карадага, и въ мирное время весьма бѣднаго, а теперь совершенно разореннаго персіянами.

Отрядъ Паскевича былъ обезпеченъ сухарями всего на четыре дня, а запасъ провіанта и фуража оказался столь незначителенъ, что пришлось раздавать пшеницу и варить ее въ зернѣ, чтобы сберечь хлѣбъ. Усиленные труды и недостатокъ въ продовольствіи породили болѣзни, и ежедневно отъ 25-ти до 30-ти человѣкъ выходили изъ строя. «Здѣсь еще такъ жарко,—писалъ Паскевичъ [1]),—какъ бы лѣтомъ въ Петербургѣ, и солнце весьма печетъ, что послѣ холодныхъ ночей производитъ болѣзни».

Допустивъ, что затрудненія по продовольствію будутъ устранены, и войска наши безпрепятственно достигнутъ до Тавриза, то и тогда Абасъ-Мирза, при помощи находившихся въ его свитѣ англичанъ, могъ такъ укрѣпить городъ, что овладѣніе имъ было бы не по силамъ малочисленному отряду Паскевича.

Касаясь разбора плана, присланнаго изъ Петербурга, о наступательномъ движеніи въ Эриванское ханство, Ермоловъ рѣшалъ его также въ отрицательномъ смыслѣ. По его мнѣнію, непріятель, укрывшись въ крѣпостяхъ Эриванской и Сардарь-Абадѣ, могъ оказать довольно сильное сопротивленіе. «Неизвѣстно мнѣ хорошо,—доносилъ главнокомандующій [3]), о состояніи крѣпости Сардарь-Абада, но имѣю

[1]) Предписаніе Ермолова Паскевичу, отъ 21-го сентября 1826 г., № 379. Тифлис. арх. штаба Кавказ. воен. округа.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ Дибичу, 22-го сентября 1826 г.

[3]) Отъ 17-го сентября 1826 г. Воен.-учен. арх., отд. II, дѣло № 5850 (а).

увѣдомленіе, что при ней производятся большія работы; Эриванская же крѣпость требуетъ осады, какъ то увѣряетъ генералъ-маіоръ князь Меншиковъ, имѣющій о ней точныя свѣдѣнія».

Конечно, крѣпости эти можно было обойти, но для этого необходимъ былъ особый наблюдательный отрядъ, сформировать который, при ограниченности силъ, не представлялось никакой возможности до прибытія подкрѣпленій. Отправленная на усиленіе кавказскаго корпуса 20-я дивизія могла прибыть не скоро, и даже передовые казачьи полки, высланные съ Дона, ожидались не ранѣе, какъ съ 28-го сентября [1]). Въ виду всего этого А. П. Ермоловъ рѣшительно противился всякой попыткѣ переправляться за Араксъ и дѣйствовать наступательно.

— Если Абасъ-Мирза,—говорилъ онъ,—не имѣетъ довольно силъ, чтобы опять вступить въ Карабагъ, то и за Араксомъ противиться не станетъ, а не имѣя конницы преслѣдовать конницу намъ невозможно. Но за то Абазъ-Мирза можетъ, отвлекая за собою войска наши, бросить сильныя толпы своей конницы на лѣвый берегъ Аракса, произвести опустошеніе въ Карабагѣ, гдѣ еще нѣтъ спокойствія, и увлечь въ плѣнъ жителей.

«Положимъ,—писалъ Ермоловъ Паскевичу [2]),—что ваше превосходительство, перейдя черезъ Араксъ, понудите Абазъ-Мирзу отдалиться отъ онаго,—онъ въ семъ случаѣ столь же мало потеряетъ, сколько мало вы пріобрѣтете. Онъ оставитъ степь незаселенную, въ которой вы и тѣхъ малыхъ средствъ не найдете, отъ каковыхъ вы отдалились. Я одобрилъ бы движеніе за Араксъ, если бы вы располагали бо́льшимъ числомъ войскъ и можно бы было нѣкоторую часть оставить въ Карабагѣ, для удержанія жителей въ спокойствіи и учрежденія безостановочнаго продовольствія дѣйствующихъ войскъ».

Паскевичъ былъ недоволенъ такимъ рѣшеніемъ, да и вообще вмѣшательствомъ Ермолова въ его дѣла. Онъ весьма рѣдко доносилъ о своихъ дѣйствіяхъ, такъ что главнокомандующій долгое время оставался въ невѣдѣніи, освобождена ли Шуша отъ блокады и есть ли

[1]) Письмо Ермолова Дибичу, 30-го сентября 1826 г. Воен.-уч. арх., отд. II, дѣло № 5850 (а).

[2]) Въ предписаніи отъ 29-го сентября 1826 г., № 398. Тифлис. арх. штаба Кавказ. воен. округа.

непріятель на нашей сторонѣ Аракса и вообще въ Карабагѣ. Это заставило Ермолова требовать отъ Паскевича, чтобы черезъ каждые четыре дня доносилось о томъ, что дѣлается въ отрядѣ [1]).

Главнокомандующій предложилъ ему отойти отъ Аракса и расположиться въ наиболѣе населенной части Карабага, чтобы, съ одной стороны, лучше обезпечить себя продовольствіемъ, а съ другой приблизиться къ Ширвани и тѣмъ содѣйствовать успокоенію какъ этой, такъ и другихъ мусульманскихъ провинцій [2]).

Елисаветпольское сраженіе имѣло громадное нравственное вліяніе не только на персіянъ, но и на всѣхъ жителей нашихъ мусульманскихъ провинцій. «Трудно изобразить, говоритъ біографъ князя Мадатова [3]), какое сильное впечатлѣніе произвело на персіянъ и нашихъ подданныхъ столь скорое и рѣшительное истребленіе многочисленной арміи. Не въ одномъ Елисаветполѣ и Грузіи, но и въ самой Персіи, сочиняемы были въ честь побѣдителей пѣсни, и подвиги ихъ, нераздѣльные съ именемъ князя Мадатова, воспламеняли воображеніе поэтовъ; храброе войско наше представлялось имъ какимъ-то грознымъ и истребительнымъ фантомомъ, который повсюду являлся внезапно на пораженіе противниковъ». Всѣ земли, занятыя персіянами, были почти сразу очищены. Абасъ-Мирза съ своею арміею быстро пробѣжалъ черезъ Карабагъ и 18-го сентября перешелъ уже черезъ р. Араксъ у Асландузской переправы. Его примѣру, какъ увидимъ ниже, послѣдовали: Мустафа, бывшій ханъ ширванскій, и Селимъ, ханъ нухинскій. Передъ сраженіемъ въ лагерѣ Абазъ-Мирзы собрались депутаты изъ Дагестана и подвластныхъ намъ провинцій, дабы, въ случаѣ проигрыша сраженія русскими, разнести о томъ извѣстіе повсюду и поднять общее знамя бунта. Теперь же всѣ съ трепетомъ ожидали наказанія, но главнокомандующій отложилъ его до болѣе удобнаго времени, т. е. до тѣхъ поръ, пока побочные отряды непріятеля будутъ изгнаны изъ нашихъ владѣній. Изъ такихъ побочныхъ отрядовъ наибольшее вни-

[1]) Предписаніе Ермолова Паскевичу, 27-го сентября 1826 г., № 396. Тифлис. арх. штаба Кавказ. военнаго округа.

[2]) Всеподданнѣйшій рапортъ Ермолова, 30-го сентября 1826 г. Воен.-учен. арх., отд. II, дѣло № 5850 (а).

[3]) Жизнь князя Мадатова, изд. 1863 г., стр. 125.

маніе обращалъ на себя сардарь эриванскій и его братъ, Гассанъ-ханъ.

Пользуясь выступленіемъ нашихъ войскъ изъ лагеря на р. Акстафѣ, эриванскій ханъ ворвался въ Шамшадыльскую дистанцію и, расположившись въ вершинахъ р. Дзегамы, старался угрозами возмутить преданный намъ простой народъ. Онъ намѣренъ былъ приблизиться къ р. Курѣ, поддержать находившагося у джаро-бѣлоканцевъ царевича Александра, дать лезгинамъ возможность соединиться съ шекинскимъ ханомъ и затѣмъ совокупными силами напасть на Кахетію. Чтобы не допустить хана до исполненія ни одного изъ своихъ намѣреній, Ермоловъ сформировалъ, подъ своимъ начальствомъ, отрядъ для дѣйствій въ Казахской и Шамшадыльской дистанціяхъ и, усиливъ эриванскій отрядъ небольшимъ числомъ грузинской конницы, назначилъ начальникомъ его генералъ-маіора Дениса Давыдова. Послѣднему было поручено озаботиться скорѣйшимъ окончаніемъ постройки укрѣпленія въ Джелалъ-Оглу и, оставивъ въ немъ не болѣе 500 человѣкъ гарнизона, двинуться противъ Гассанъ-хана, брата эриванскаго сардаря. Цѣлью этого движенія было изгнаніе непріятеля изъ селеній, лежавшихъ вблизи дорогъ съ Безобдала въ Памбакскую долину.

«Я отправляю къ вамъ, писалъ Ермоловъ Давыдову [1]), грузинскую конницу. Она исполнена усердія и доброй воли, но знать надлежитъ, что продолжительный миръ ослабилъ здѣшнихъ жителей воинственность и уже нѣтъ между ними опытности, которую утверждали прежнія безпокойства. Ваше превосходительство, не подвергнете ихъ труднымъ испытаніямъ, но, предоставляя имъ поощреніе легкими успѣхами, приготовите ихъ къ подвигамъ достойнѣйшимъ, чего желаю я для дворянства, предложившаго себя на службу съ величайшею охотою».

Въ сопровожденіи 1,000 человѣкъ грузинской милиціи, Давыдовъ 15-го сентября прибылъ къ отряду и 19-го выступилъ къ селенію Кишлаку, имѣя въ строю девять ротъ пѣхоты [2]) съ девятью орудіями, 150 казаковъ и 600 грузинской конницы. Получивъ извѣстіе, что непріятель повсюду отступаетъ, Давыдовъ рѣшился идти прямо

[1]) Въ предписаніи отъ 11-го сентября 1826 г., № 362.

[2]) Три роты 7-го карабинернаго и шесть ротъ Тифлисскаго пѣхотнаго полковъ.

къ сел. Мираку. Подходя, утромъ 21-го сентября, къ этому селенію и спускаясь въ долину, ведущую къ Абарань-полю, въ отрядѣ замѣтили, что непріятельская кавалерія, подъ начальствомъ Гассанъ-хана, зажигая траву, отступала многими толпами внѣ пушечнаго выстрѣла. Дойдя до начатаго нами укрѣпленія на Миракѣ, персіяне остановились и, повидимому, намѣрены были выждать наше нападеніе. Генералъ-маіоръ Давыдовъ тотчасъ же приказалъ шедшимъ въ авангардѣ, подъ начальствомъ полковника князя Саварсемидзе, тремъ ротамъ Тифлисскаго полка съ тремя орудіями сбить правый флангъ непріятеля съ высоты около укрѣпленія. Въ помощь авангарду была выслана вся кавалерія, состоявшая изъ казаковъ, грузинской конницы и присоединившихся добровольно пѣшихъ и конныхъ армянъ. Непріятель держался упорно и, сбитый дружнымъ ударомъ съ высоты, оборонялся въ долинѣ рѣчки Мирака. Только наступленіе темноты прекратило сраженіе; персіяне отступили, а на слѣдующій день, 22-го сентября, генералъ Давыдовъ перешелъ границу и, вступивъ въ Эриванское ханство, дошелъ до дер. Кулюдже, въ девяти верстахъ отъ Мирака. Здѣсь онъ получилъ приказаніе главнокомандующаго немедленно возвратиться въ Джелалъ-Оглы. Имѣя строго обдуманный планъ дѣйствій, А. П. Ермоловъ, запрещая Паскевичу переходить р. Араксъ, не могъ, конечно, одобрить переходъ границы Давыдовымъ.

«Радъ сердечно успѣхамъ твоимъ, писалъ ему главнокомандующій, но досадую, что залетѣлъ ты слишкомъ далеко. Напротивъ, доволенъ тѣмъ, что ты сумѣлъ воспользоваться обстоятельствами, ничего не дѣлая наудачу. Похваляю весьма скромность твою въ донесеніяхъ, которыя не омрачены наглою хвастливостью, и сужу объ успѣхахъ твоихъ дѣйствій по мѣсту, изъ котораго ты пишешь. Имѣй терпѣніе, не ропщи на бездѣйствіе, которое я налагаю на тебя; оно по общей связи дѣлъ необходимо».

«Получивъ такое предписаніе и разоривъ до восьми расположенныхъ въ окрестностяхъ деревень, отрядъ въ часъ дня 23-го сентября выступилъ обратно въ Гумри и 29-го вечеромъ вступилъ въ Джелалъ-Оглу [1]).

[1]) Журналъ военныхъ дѣйствій. Арх. штаба Кавказск. воен. округа, дѣла генеральнаго штаба, 1826 г. № 79 и 1827 г. № 87.

Одновременно съ этимъ, для удержанія спокойствія въ Казахской и Шамшадыльской дистанціяхъ, самъ Ермоловъ выступилъ 12-го сентября изъ Тифлиса съ двумя баталіонами Ширванскаго полка, своднымъ гвардейскимъ полкомъ [1]), своднымъ баталіономъ изъ разныхъ полковъ, 12-ю орудіями и 400 казаками. «Со мною идутъ послѣднія войска, доносилъ главнокомандующій [2]), которыя имѣлъ я на случай усиленія дѣйствующихъ на эриванской границѣ и для наблюденія за турецкими пограничными землями, гдѣ, по новому распоряженію султана, формируются войска».

Съ появленіемъ Алексѣя Петровича на р. Гассанъ-су, эриванскій ханъ отступилъ сначала въ горы близъ озера Гокча, а потомъ, узнавъ о движеніи отряда генерала Давыдова къ сел. Кулюдже, скрылся въ Эриванской крѣпости [3]). Въ теченіе десятидневнаго пребыванія главнокомандующаго на Гассанъ-су всѣ главные беки и старшины Шамшадыльской и Казахской дистанцій явились съ покорностью и раскаяніемъ; пристава по-прежнему вступили въ отправленіе своихъ должностей, жители выставили караулы, содержали разъѣзды и, по предложенію Ермолова, согласились доставить провіантъ въ джелалъ-оглинскій и шулаверскій магазины.

Водворивъ совершенный порядокъ и спокойствіе въ татарскихъ дистанціяхъ, главнокомандующій 2-го октября возвратился въ Тифлисъ [4]), гдѣ оставался, впрочемъ, недолго и долженъ былъ выступить для окончательнаго успокоенія Ширванской, Шекинской и Кубанской провинцій.

Спустя нѣсколько дней послѣ побѣды, одержанной нами подъ Елисаветполемъ, когда персіяне стали отступать повсемѣстно, находившійся въ Кубѣ генералъ-маіоръ Краббе сформировалъ особый отрядъ для преслѣдованія непріятеля. Поручивъ его командиру Апшеронскаго полка, полковнику Мищенко, Краббе приказалъ ему воз-

---

[1]) Сформированнымъ изъ нижнихъ чиновъ, принимавшихъ участіе въ возмущеніи 14-го декабря 1825 г.

[2]) 12-го сентября 1826 г. Воен.-учен. арх., отд. II. дѣло № 5850 (а).

[3]) Всеподданнѣйшій рапортъ Ермолова, 30-го сентября. Воен.-учен. арх., отд. II, дѣло № 5850 (а).

[4]) «Описаніе вторженія персіянъ въ Грузію въ 1826 г.», сочиненіе Коцебу. Воен.-учен. арх., отд. II, дѣло № 2439.

становить порядокъ въ Кубинской провинціи и изгнать изъ Ширвани Мустафу-хана съ его приверженцами и его ополченіемъ. Съ отрядомъ изъ восьми ротъ пѣхоты, 11-ти орудій и команды донскихъ казаковъ, на изнуренныхъ лошадяхъ, полковникъ Мищенко двинулся по направленію къ старой Шемахѣ.

«Въ пути моемъ, доносилъ онъ Ермолову [1]), я находилъ повсюду опустошеніе, народъ въ разсѣяніи по лѣсамъ и камышамъ». Возстановляя порядокъ, Мищенко двигался медленно, запасался продовольствіемъ и собиралъ туземную конницу. Проливные дожди, шедшіе нѣсколько дней сряду, сдѣлали дороги непроходимыми, и потому, отказавшись отъ движенія по ближайшей алты-агинской дорогѣ, Мищенко перешелъ на большую почтовую бакинскую дорогу. Присоединивъ къ себѣ у Арбатскаго поста двѣ роты Каспійскаго морскаго баталіона, Мищенко съ отрядомъ въ 1,881 человѣкъ [2]), 7-го октября занялъ Старую Шемаху. Толпы непріятеля, бывшія въ Кубинской и Бакинской провинціяхъ, бѣжали на Муганскую степь [3]), и полковникъ Мищенко, преслѣдуя ихъ, 13-го октября выступилъ изъ Аксу къ Джевадской переправѣ. Сдѣлавъ переходъ въ 75 верстъ, онъ настигъ Мустафу-хана съ 1,500 сарбазовъ на берегу р. Куры, при сліяніи ея съ р. Араксомъ. Быстрый натискъ отряда и выстрѣлы четырехъ орудій не дозволили персіянамъ уничтожить плавучій мостъ, устроенный на канатахъ черезъ р. Куру, но они успѣли обрѣзать канаты на противоположномъ берегу. Наступившая ночь лишила возможности въ тотъ же день нанести пораженіе непріятелю.

---

[1]) Въ рапортѣ отъ 25-го октября 1826 г., № 345.

[2]) Въ составѣ отряда находилось:

	Офицеровъ.	Строевыхъ.	Нестроевыхъ.
Апшеронскаго полка	19	960	43
Куринскаго	8	348	20
Каспійскаго морскаго баталіона . .	6	273	8
Донскихъ казаковъ	2	73	—
Артиллеріи	3	106	12
Итого	38	1760	83

[3]) Рапортъ Мищенко генералъ-адъютанту Паскевичу, 9-го октября 1826 года, № 296. Арх. штаба Кавказ. воен. округа.

На слѣдующій день мостъ былъ возстановленъ, но оказался столь узкимъ, что годился только для переправы пѣхоты и кавалеріи, часть которой и была переправлена на Муганскую степь для разъѣздовъ и открытія слѣдовъ непріятеля. Оказалось, что Мустафа-ханъ и его сообщники направились вверхъ по Араксу [1]) къ Карадагу, а бывшіе при немъ сарбазы—по дорогѣ къ Ардевилю. Почти слѣдомъ за ними явился на Муганской степи и ханъ бакинскій.

Окруживъ городъ и крѣпость прибывшими съ нимъ персидскими войсками, бакинскій Гуссейнъ-ханъ прервалъ сухопутное сообщеніе, но штурмовать крѣпость не отваживался. Обезпеченный достаточнымъ продовольствіемъ, гарнизонъ рѣшился защищаться до послѣдней крайности, хотя и съ малою надеждою на успѣхъ. Будучи малочисленъ, онъ къ тому же состоялъ изъ людей старыхъ и дряхлыхъ, такъ что начальникъ его, полковникъ баронъ Розенъ, принужденъ былъ вооружить нестроевыхъ и армянъ. Всѣхъ этихъ людей едва хватало для занятія батарей и прислуги при орудіяхъ; стѣны же крѣпости оставались безъ всякой обороны и даже безъ карауловъ. При такихъ условіяхъ крѣпость была удержана нами, и баронъ Розенъ не приписывалъ себѣ особыхъ заслугъ въ ея защитѣ, а говорилъ, что въ этомъ «есть Всемогущаго Бога покровительство, ослѣпившаго непріятеля понять состояніе наше» [2]).

Прибытіе, въ октябрѣ, двухъ нашихъ судовъ къ ленкоранскимъ берегамъ облегчило положеніе Баку, куда были перевезены двѣ роты Каспійскаго морскаго баталіона. Съ прибытіемъ ихъ и съ появленіемъ въ Ширвани отряда полковника Мищенко, бакинскій ханъ, опасаясь быть отрѣзаннымъ съ сухаго пути и съ моря, призналъ болѣе удобнымъ удалиться на Муганскую степь. Измѣнникъ Миръ-Гассанъ-ханъ талышинскій все еще оставался въ Ленкорани, но бомбардированіе города нашими судами заставило его отправить семейство въ горы къ Ардевилю.

Населеніе мало по малу возвращалось въ свои жилища. Бакинская и Кубинская провинціи были успокоены и волненія проис-

---

[1]) Рапортъ Мищенко Паскевичу отъ 15-го октября, № 311.

[2]) Рапортъ полковника барона Розена генералу Краббе, 10-го сентября 1826 года, № 37.

ходили только въ Шекинской провинціи, гдѣ еще оставались бывшій ханъ и его дѣти. Полковникъ Мищенко выступилъ было противъ нихъ, но на пути узналъ, что къ Нухѣ подходитъ самъ главнокомандующій, и потому отступилъ къ Джавату [1]).

Переправившись 17-го октября черезъ рѣку Алазань, А. П. Ермоловъ 19-го пришелъ въ Нуху съ отрядомъ изъ лейбъ-гвардіи Своднаго полка, роты Грузинскаго гренадерскаго, полутора баталіоновъ Ширванскаго [2]), двухъ ротъ 41-го егерскаго и трехъ казачьихъ полковъ съ 18-ю орудіями [3]). При появленіи русскихъ войскъ ханъ и бывшіе съ нимъ персіяне бѣжали столь поспѣшно, что посланные для преслѣдованія казаки не могли ихъ догнать. Простой народъ встрѣтилъ русскія войска съ радостью, но большинство бековъ бѣжало вмѣстѣ съ ханомъ. Они распускали слухъ, что Абасъ-Мирза съ значительными силами стоитъ у Худо-аферинскаго моста; что онъ только на время оставилъ наши мусульманскія провинціи и что занять ихъ опять не умедлитъ [4]). Разоренные и ограбленные жители со страхомъ встрѣчали подобныя извѣстія, и оставить ихъ безъ покровительства войскъ было невозможно.

Остановка и продолжительное наше бездѣйствіе ободрило Абасъ-Мирзу, и онъ, дѣйствительно, приблизившись къ рѣкѣ Араксу, сталъ переправлять черезъ нее небольшія конныя партіи, для грабежа въ нашихъ предѣлахъ. Персіяне забирали хлѣбъ и ячмень у жите-

---

[1]) Рапортъ полков. Мищенко Ермолову, 30-го октября 1826 г., № 355.

[2]) Второй баталіонъ этого полка находился на Кавказской линіи и вскорѣ послѣ вторженія персіянъ былъ вытребованъ въ Закавказье. Отличаясь особенною преданностію къ Ермолову, ширванцы быстро явились въ Тифлисъ. «Отъ подошвы Эльбруса, писалъ Ермоловъ въ приказѣ (24-го августа 1826 г., № 36), прошелъ онъ (баталіонъ) въ Екатериноградъ съ чрезвычайною поспѣшностью; но далѣе скорость движенія его была неимовѣрная, ибо, выступивъ изъ Екатеринограда 8-го числа, былъ уже 16-го числа у самаго Тифлиса. Вижу, что мнѣ стоитъ только сказать желаніе мое храбрымъ товарищамъ. Такъ, въ 1824 г. потребовалъ я баталіонъ сей, только-что возвращавшійся изъ-за Кубани, и онъ изъ Прочнаго-Окопа въ седьмой день явился у крѣпости на Нальчикѣ».

[3]) Всеподданнѣйшій рапортъ Ермолова, 14-го октября. Воен.-учен. архивъ, отд. II, дѣло № 5850 (а).

[4]) Предписаніе Ермолова Паскевичу, 21-го октября 1826 г., № 429. Всеподданнѣйшее донесеніе главнокомандующаго, отъ 7-го ноября 1826 г.

лей и принуждали ихъ переселяться въ свои предѣлы. Дабы прекратить такіе безпорядки, Паскевичъ просилъ разрѣшенія двинуться впередъ и въ случаѣ нужды перейти даже и черезъ Араксъ. Движеніе это вызывалось слѣдующими соображеніями: 1) получить точныя свѣдѣнія о силахъ и расположеніи противника; 2) заставить Абасъ-Мирзу отодвинуться отъ Аракса, и если бы онъ вздумалъ держаться въ горахъ и ущельяхъ, то удачнымъ нападеніемъ на него показать, что и это положеніе его небезопасно; 3) движеніемъ впередъ угрожать сообщеніямъ Абасъ-Мирзы съ Тавризомъ; 4) возвратить часть семействъ, увлеченныхъ персіянами и находившихся еще близъ Аракса; 5) отогнать скотъ и захватить ближайшіе запасы персіянъ и обезпечить ими продовольствіе собственнаго отряда. Главнокомандующій согласился удовлетворить желаніе Паскевича, но, зная хорошо край и противника, не ожидалъ отъ экспедиціи ничего важнаго, ибо, говорилъ Ермоловъ [1]), «непріятель, неимѣющій достаточно силъ, противиться не станетъ».

Оставивъ въ лагерѣ больныхъ и вагенбургъ подъ прикрытіемъ роты Херсонскаго гренадерскаго полка съ двумя орудіями, Паскевичъ съ остальными войсками двинулся къ Худо-аферинскому мосту. Выступивъ въ шесть часовъ утра 24-го октября, онъ на рѣкѣ Козлучаѣ узналъ, что Абасъ-Мирза отступилъ къ Ханбагу, въ 20-ти верстахъ отъ Худо-аферинскаго моста. Отрядъ тотчасъ же былъ повернутъ и направленъ на бродъ у деревни Маральянъ и остановился на ночлегъ у селенія Кауджакъ. По причинѣ нѣсколькихъ крутыхъ подъемовъ и спусковъ переходъ былъ затруднителенъ, отчего обозъ и арріергардъ прибыли на ночлегъ поздно вечеромъ. Посланная ночью партія татаръ и армянъ не открыла непріятеля, и утромъ 25-го октября отрядъ продолжалъ свое движеніе. На пути Паскевичъ узналъ, что Абасъ-Мирза 24-го числа имѣлъ ночлегъ на рѣкѣ Карапашалы и тянется на ардебильскую дорогу. Войска прибавили шага и въ тотъ же день начали переправу черезъ Араксъ. Высланные рекогносцировочные отряды не находили нигдѣ сколько-нибудь значительныхъ персидскихъ силъ. При движеніи 26-го октября

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе Ермолова, 7-го ноября 1826 г. Чтенія въ Москов. общ. исторіи и древн., 1867 г., кн. IV, 301.

главныхъ силъ черезъ ущелье. Хотай къ рѣкѣ Карапашалы явился лазутчикъ, объявившій, что Абасъ-Мирза распустилъ до весны всѣ свои войска и съ небольшимъ только конвоемъ направляется къ Ардевилю. Атаковать или преслѣдовать было некого, и Паскевичу оставалось только принять мѣры къ возвращенію въ болѣе широкихъ размѣрахъ пограничныхъ нашихъ жителей, угнанныхъ персіянами при ихъ бѣгствѣ. Съ этою цѣлью были разосланы отряды по разнымъ направленіямъ, а главныя силы дошли до рѣки Карапашалы, потомъ повернули внизъ по рѣкѣ Даравурту и, дойдя до Аракса, переправились обратно у Асландузскаго брода. Въ этомъ мѣстѣ Араксъ течетъ быстро, имѣетъ 70 саженъ ширины и около 3-хъ футовъ глубины. Для обезпеченія перехода людей были поставлены въ водѣ восемь орудій, соединенныхъ между собою канатомъ. «Люди шли одинъ за другимъ, держась за канатъ; для облегченія ихъ ружья перевезены на арбахъ, на которыхъ также переправлены больные и слабые. Ниже переправы поставлены были конные казаки, а на берегу—надежные изъ солдатъ пловцы для поданія въ случаѣ нужды помощи». Переправа продолжалась восемь часовъ, и на той сторонѣ, для прикрытія переправляющихся семействъ и отогнаннаго скота, былъ составленъ арріергрядъ изъ шести ротъ 7-го карабинернаго полка, казаковъ и четырехъ орудій. На другой день, т. е. 31-го октября, къ двумъ часамъ пополудни, все было уже переправлено на нашу сторону. Послѣдствіемъ этой экспедиціи было возвращеніе 268-ми семействъ, отогнаніе 5,574 штукъ разнаго рода скота, обезпечивавшаго отрядъ продовольствіемъ на 40 дней [1]).

Сверхъ весьма важнаго матеріальнаго пріобрѣтенія, экспедиція за Араксъ имѣла значительное нравственное вліяніе, ибо персіяне не могли считать горъ своихъ неприступными для русскихъ. Они видѣли, что наши войска, подымаясь на самыя крутыя возвышенности и спускаясь въ глубокія ущелья, прошли ихъ не только съ пѣхотою, кавалеріею, но и съ батарейными орудіями. Экспедиція эта еще болѣе убѣдила Паскевича въ необходимости быстраго и безотлагательнаго движенія впередъ. Онъ находилъ, что, съ

[1]) Журналъ воен. дѣйствій генералъ-адъютанта Паскевича съ 24-го октября по 1-е ноября 1826 г. Воен.-учен. арх., дѣло № 5850 (а).

изгнаніемъ ширванскаго хана и прибытіемъ на Аракс отрядовъ полковника Мищенки и самого главнокомандующаго, можно было сформировать силы въ 12,000 человѣкъ и, снабдивъ ихъ двухмѣсячнымъ продовольствіемъ, подвезеннымъ на арбахъ, идти за рѣку Аракс, черезъ Мешкинъ на Агаръ, чтобы, занявъ послѣдній, устроить кратчайшее сообщеніе черезъ Худо-аферинскій мостъ. Затрудненія въ этомъ, по его мнѣнію, быть не могло, ибо въ Агарѣ было почти развалившееся укрѣпленіе, а у Абасъ-Мирзы войскъ вовсе не было, да и за исключеніемъ конвоя въ 1,000 человѣкъ остальные были распущены по домамъ.

Конечно, въ Петербургѣ или Москвѣ, за нѣсколько тысячъ верстъ, было трудно провѣрить, справедливъ или нѣтъ Паскевичъ. Тамъ не знали, что имѣть повозки не въ обычаѣ жителей, что въ краѣ ихъ нѣтъ и купить ихъ невозможно; что въ это время года Кура бываетъ въ разливѣ и переправляться черезъ нее не на чѣмъ; что горныя дороги были дурны, а осенью почти и совсѣмъ непроходимы, и проч. Ермоловъ не считалъ нужнымъ заявлять объ этомъ и приводилъ въ исполненіе свой планъ дѣйствій сообразно съ обстоятельствами и временемъ, а Паскевичъ писалъ и писалъ много.

Устроивъ въ Агарѣ опорный пунктъ, онъ предполагалъ двинуться на Тавризъ. «Черезъ скорое наше появленіе, говорилъ Паскевичъ [1]), тамъ ничего не успѣли бы приготовить къ защищенію, ибо войска разошлись по домамъ. Но положимъ, что успѣли бы собрать тысячъ пять сарбазовъ, тогда воду отнять, ибо въ Тавризѣ нѣтъ рѣки, а только большія проводныя канавы и ручей». Тавризъ былъ средоточіемъ всякаго рода боевыхъ заготовленій. Въ немъ были устроены Абасъ-Мирзою арсеналъ, литейный заводъ, оружейная слесарня, пороховые запасы и склады ружей и снарядовъ. «Окрестности Тавриза весьма населены, писалъ Паскевичъ, такъ что около 60-ти деревень находится между Агаромъ и Тавризомъ; притомъ, въ семъ послѣднемъ около 30,000 жителей,—они дѣлаютъ свои запасы на всю зиму,—нельзя, чтобы мы не нашли продовольствія. Но положимъ, что сіе бы случилось, то къ необыкновенному нашему

---

[1]) Приложеніе *Б* къ всеподданнѣйшему рапорту Паскевича, отъ 11-го декабря 1826 г. Воен.-учен. арх., отд. II, дѣло № 4439.

счастью непріятель не истребилъ запаса на рѣкѣ Курѣ, возлѣ Зардоба, состоящаго въ 8,000 четвертяхъ. Итакъ, вотъ еще продовольствіе на три мѣсяца, а если бы уменьшить дачу хлѣба, какъ это я сдѣлалъ, и прибавить по порціи мяса, то можно и четыре мѣсяца жить. Выходитъ, что мы шесть мѣсяцевъ не нуждались бы въ продовольствіи, а между тѣмъ въ это время подвозы изъ Астрахани могли быть въ Баку, отъ которой до Зардоба 200 верстъ».

Замѣчательно, что и начальникъ главнаго штаба баронъ Иванъ Ивановичъ Дибичъ вторилъ Паскевичу и старался поддержать его въ этомъ направленіи. «Истинно жалѣю, писалъ онъ Паскевичу въ письмѣ отъ 25-го октября, что недостатокъ въ продовольствіи и малочисленность войскъ не позволили пользоваться паническимъ страхомъ персіянъ, ибо я увѣренъ, что начальное предположеніе ваше идти на Тавризъ было бы увѣнчано полнымъ успѣхомъ, если бы имѣли только *2,000—3,000 пѣхоты и столько же кавалеріи, хотя бы иррегулярной* (?!), и можетъ быть нашлось тогда и продовольствіе. Несчастная система раздробленія распространила послѣдствія свои и на успѣхи ваши; дай Богъ только, чтобы по крайней мѣрѣ послужило сіе урокомъ для будущаго времени».

Трудно повѣрить, чтобы строки эти были написаны съ убѣжденіемъ и чтобы Дибичъ вѣрилъ въ солидность своихъ словъ. Форма частнаго письма дозволяла говорить что угодно, и Дибичъ, вѣроятно, отказался быть стать во главѣ движенія на Тавризъ съ такими силами, которыя онъ считалъ достаточными для Паскевича. Вѣрнѣе предположить, что поддакиваніе вызывалось возрастающею силою и значеніемъ Паскевича въ глазахъ императора, а затѣмъ и убѣжденіемъ, что если такой человѣкъ потерпитъ неудачу, то и это будетъ недурно для самого Дибича. Справедливы или нѣтъ такія предположенія, но во всякомъ случаѣ и Дибичъ, и Паскевичъ сходились въ томъ, что, по ихъ мнѣнію, съ паденіемъ Тавриза персіяне неизбѣжно должны просить мира.

«Я увѣренъ, писалъ Паскевичъ, что вскорѣ по взятіи Тавриза непріятель просилъ бы мира, а особливо когда бы резервы подошли; если бы нѣтъ, то весьма легко было бы взбунтовать народъ *противъ*

правительства, которое ненавидимо персіянами [1]), и *объщавши* независимость ханамъ подъ нашимъ покровительствомъ, какъ это было сдѣлано при Циціановѣ, который четыре провинціи симъ пріобрѣлъ Россіи. Но сего послѣдняго нельзя сдѣлать при генералѣ Ермоловѣ, который выгналъ трехъ хановъ: ширванскаго, карабагскаго и нухинскаго (шекинскаго), говорятъ, худымъ обхожденіемъ своимъ. Сіи ханы, распространяя, что нельзя довѣрять русскому правительству, обезкредитовали русскихъ въ Персіи».

Если Ермоловъ, въ теченіе десятилѣтняго управленія краемъ, ознаменовалъ свою дѣятельность нѣкоторыми заслугами, то въ числѣ самыхъ выдающихся было, конечно, удаленіе хановъ. Излишне повторять то, что сказано въ этомъ и предъидущихъ томахъ нашего изслѣдованія, а достаточно замѣтить, что только отсутствію хановъ мы обязаны тѣмъ, что при вторженіи персіянъ въ наши предѣлы мы удержались въ Закавказьѣ; что силы возставшихъ мусульманъ были раздроблены и не имѣли единства дѣйствій. Ермоловъ ближе зналъ край, его особенности и, признавая планъ Паскевича правильнымъ относительно направленія для наступательныхъ дѣйствій, не желалъ подвергать войска случайностямъ въ отношеніи продовольствія и тыла, который нельзя было считать обезпеченнымъ до тѣхъ поръ, пока мусульманское населеніе нашихъ провинцій не будетъ окончательно усмирено.

Между тѣмъ наступилъ ноябрь мѣсяцъ и съ нимъ пришло ненастье. И безъ того дурные пути теперь съ каждымъ днемъ портились все болѣе и болѣе. Ермоловъ принужденъ былъ приступить къ формированію казеннаго транспорта, такъ какъ иначе доставка продовольствія къ отряду Паскевича была крайне затруднительна и почти невозможна. Разоренное мѣстное населеніе не имѣло ни запасовъ, ни перевозочныхъ средствъ. Князь Мадатовъ хотя и сдѣлалъ раскладку на жителей, но никто изъ нихъ не везъ ни хлѣба, ни фуража. Паскевичъ просилъ прислать ему 2,000 четвертей муки и доносилъ, что людямъ даютъ въ день одинъ фунтъ муки, а другой пшеницы, отъ которой дѣлаются поносы. Въ виду почти безвыходнаго

[1]) Въ этихъ и послѣдующихъ строкахъ слышится противорѣчіе и незнаніе ни предшествовавшихъ политическихъ событій, ни характера персіянъ.

положенія Ермоловъ приказалъ распустить войска на зимнія квартиры, и желаніе императора дѣйствовать быстро и рѣшительно не исполнилось.

Паскевичъ винилъ во всемъ Ермолова. Онъ доносилъ государю, что не знаетъ никакихъ предположеній главнокомандующаго и «на счетъ общихъ плановъ военныхъ дѣйствій, — говорилъ Паскевичъ[1]), — онъ мнѣ ничего не сообщалъ». Отношенія между имъ и Ермоловымъ были крайне натянуты: поставленные въ неестественное положеніе, они враждебно смотрѣли другъ на друга. Ермоловъ видѣлъ въ Паскевичѣ соглядатая, присланнаго наблюдать за его дѣйствіями, а Паскевичъ считалъ свое положеніе мелкимъ въ сравненіи съ тѣмъ, какое ему было обѣщано въ Москвѣ. Ни тотъ, ни другой не могли сохранить хладнокровія, и отсутствіемъ его отличается вся ихъ переписка.

Предполагая размѣстить войска на зимнія квартиры, Ермоловъ спрашивалъ Паскевича, находитъ ли онъ возможнымъ поставить часть ихъ въ Бергушетскомъ магалѣ. «Не будучи приготовленъ къ такого рода вопросу,—отвѣчалъ Паскевичъ[2]),—я буду имѣть честь отвѣчать при первомъ моемъ рапортѣ. Не имѣя ни вѣрныхъ картъ, ни людей, которые бы знали сей край хорошо, ибо даже и тѣ, кои десять лѣтъ здѣсь находятся, доносили мнѣ на счетъ здѣшняго края несправедливо; и тамъ я находилъ кустарники, гдѣ бы слѣдовало быть лѣсамъ, и голодъ тамъ, гдѣ обѣщали совершенно хорошее продовольствіе. Будьте увѣрены, что безъ моей заботливости отрядъ терпѣлъ бы совершенный голодъ. Вторженіемъ моимъ въ Персію я запасся на два мѣсяца мясомъ; продовольствіе ввѣреннаго мнѣ отряда весьма поправилось, такъ что, давая по одному фунту мяса вмѣсто одного фунта хлѣба, онаго достанетъ по 25-е число сего мѣсяца».

Подобныя донесенія только подливали огонь и разжигали страсти. Непріязнь другъ къ другу еще болѣе усилилась, когда Ермоловъ приказалъ войскамъ, бывшимъ подъ начальствомъ Паскевича,

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 3-го ноября 1826 г. Воен.-учен. арх., отд. II, дѣло № 5850 (а).

[2]) Въ рапортѣ отъ 3-го ноября 1826 г., № 187.

разойтись по зимнимъ квартирамъ. Для наблюденія за непріятелемъ въ Карабагѣ былъ сформированъ особый отрядъ изъ шести баталіоновъ пѣхоты[1]), 14-ти орудій и четырехъ казачьихъ полковъ[2]). Сдавъ начальство надъ этимъ отрядомъ князю Мадатову, генералъ-адъютантъ Паскевичъ отправился въ Тифлисъ, гдѣ и занялся составленіемъ обвинительнаго акта противъ Ермолова.

XXVIII.

Отношенія между Ермоловымъ и Паскевичемъ.—Состояніе Кавказскаго края и войскъ по донесеніямъ Паскевича, генералъ-адъютанта Бенкендорфа и кн. Долгорукова.—Командированіе въ Тифлисъ начальника главнаго штаба барона Дибича.—Донесенія его Императору Николаю I.—Удаленіе А. П. Ермолова и назначеніе Паскевича главнокомандующимъ на Кавказѣ.

Съ самаго пріѣзда изъ Москвы и по день возвращенія въ Тифлисъ изъ Карабага Паскевичъ тщательно собиралъ данныя, чтобы обвинить Ермолова, удалить его отъ управленія краемъ и самому занять его мѣсто.

Распуская войска на зимнія квартиры и передавая начальство надъ тѣми, которыя оставались въ Карабагѣ, князю Мадатову, генералъ-адъютантъ Паскевичъ произвелъ инспекторскій смотръ своему отряду, чтобы узнать внутреннее состояніе войскъ и судить по нимъ о другихъ частяхъ, не бывшихъ въ отрядѣ, «ибо,—писалъ онъ[3]),—извѣстно, что всѣ войска, входящія въ составъ корпуса, *въ одинаковомъ находятся положеніи*»[4]).

Представившіяся на смотръ части оказались, по его словамъ, въ самомъ грустномъ положеніи: многіе полки не получили годовыхъ

[1]) 42-й егерскій полкъ, баталіонъ Херсонскаго, баталіонъ Грузинскаго гренадерскихъ и баталіонъ Карабинернаго полковъ.

[2]) Полки Иловайскаго, Костина, Шамшева и Молчанова.

[3]) Приложеніе А. въ всеподданнѣйшему донесенію Паскевича, 11-го декабря 1826 г. Военно-учен. арх., отд. II, дѣло № 4439. См. также «Русскую Старину», 1872 г., т. V, стр. 710.

[4]) Мы увидимъ, что такое обобщеніе было далеко не вѣрнымъ.

вещей и аммуничныхъ денегъ и почти всѣмъ не было выдано жалованья за майскую треть 1826 года. Мундиры на нижнихъ чинахъ были разныхъ сроковъ, начиная съ 1821 г., «частью съ половиннымъ числомъ пуговицъ, такъ ветхи, что отъ многочисленныхъ заплатъ не только не предохраняютъ отъ стужи здоровье людей, но даже отнимаютъ видъ солдата».

Въ большей части полковъ ранцы были изорваны, ремней къ нимъ не было и носились они на веревкахъ и тесьмахъ. За неполученіемъ годовыхъ вещей,—доносилъ Паскевичъ,—почти всѣ нижніе чины болѣе одной рубашки, которую на себѣ носятъ, не имѣютъ и черезъ то нуждаются крайне въ бѣльѣ. «Зимнія панталоны, какъ объявили мнѣ нижніе чины, выдаютъ имъ носить только тогда, когда бываютъ въ Тифлисѣ въ караулѣ, а въ прочее время сберегаются въ полковыхъ цейхгаузахъ; люди же носятъ разнаго цвѣта брюки, покупаемыя ими на собственныя свои деньги и изъ старыхъ казенныхъ панталонъ передѣланныя».

Вещевое довольствіе зависѣло не отъ главнокомандующаго, а отъ коммисаріатскаго департамента военнаго министерства и отпускалось изъ ставропольской коммиссіи. По принятому порядку, полковые пріемщики отправлялись изъ Закавказья съ пѣшими командами въ сентябрѣ за полученіемъ на слѣдующій годъ и часто для пополненія вещей недобранныхъ «по милости коммиссіи» за прошлое время. По причинѣ разнаго рода задержекъ въ коммисіи, а затѣмъ по бездорожью въ горахъ, пріемщики возвращались въ полки въ іюнѣ или іюлѣ слѣдующаго года, т. е. полгода спустя послѣ назначеннаго срока, «когда рубахи и сапоги износились въ прахъ, а мундиры были въ заплатахъ». Протесты Ермолова были безсильны: «тузы-подрядчики и сытые тогдашніе коммисіонеры не обращали на нихъ вниманія». Достоинство отпускаемыхъ матеріаловъ было очень плохое. По свидѣтельству современника, когда Императоръ Николай I, во время коронаціи, подарилъ всѣмъ офицерамъ сукно на обмундировку, то дошедшее до офицеровъ сукно было бураго цвѣта, «добротою въ родѣ байки, хотя образчики изъ коммисаріата были высланы порядочные».

При такихъ достоинствахъ матеріала и способахъ его отпуска, аммуничныя вещи еще были въ пути, когда вспыхнула персидская

кампанія. Разбросанныя небольшими частями войска съ работъ, съ разныхъ постовъ и укрѣпленій, налегкѣ и форсированными маршами спѣшили къ назначеннымъ имъ сборнымъ пунктамъ. О снабженіи ихъ годовыми и другими вещами некогда было и думать, и весьма естественно, что войска явились передъ глазами Паскевича не въ блестящемъ видѣ. Онъ зналъ порядокъ довольствія, зналъ откуда и какъ оно производилось, и удивляться тому, что солдатъ плохо обмундированъ, было нечего. Но случай этотъ былъ весьма удобенъ для опороченія Ермолова, и Паскевичъ не преминулъ имъ воспользоваться. Впослѣдствіи подъ его начальствомъ войска были не въ лучшемъ положеніи: «Мы возвратились изъ Персіи,—говоритъ участникъ [1]),—въ дирахъ и заплатахъ, не только солдаты, но и офицеры. На парадахъ, при взятіи Тавриза и послѣ штурма Ахалцыха, солдаты въ шинеляхъ, офицеры въ сюртукахъ (хотя самъ Паскевичъ и генералы были въ мундирахъ) проходили мимо его (Паскевича) колоннами, шагомъ и строемъ Ермоловскихъ временъ и получали искреннюю благодарность». Но это было тогда, когда Паскевичъ достигъ того, чего искалъ, а теперь онъ находилъ все дурнымъ: полковыя подъемныя лошади были стары, худы и къ службѣ негодны; конская аммуниція на столько ветха, что къ употребленію не годилась. Обозъ былъ стараго образца, некрашенный и во многихъ полкахъ замѣнялся туземными повозками «самаго плохаго разряда».

Командная часть, по словамъ Паскевича, была въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи: маіоръ 42-го егерскаго полка командовалъ шестью ротами 7-го карабинернаго полка, а баталіонный и полковой командиры послѣдняго полка съ четырьмя ротами находились въ другомъ мѣстѣ; артиллерія была составлена изъ разныхъ ротъ [2]). Войска не знали своимъ бригадныхъ и дивизіонныхъ командировъ и инспекторскихъ смотровъ почти не было.

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1873 г., № 9, 1573.

[2]) Императоръ также не одобрялъ раздробленія войскъ и въ рескриптѣ отъ 24-го октября писалъ Ермолову: «Разсматривая распоряженія ваши на счетъ образованія отрядовъ, я замѣтилъ, что ни въ одномъ изъ нихъ не соединены полки цѣлыми ихъ составами, но что каждый отрядъ составленъ изъ частей разныхъ полковъ. Мѣру сію я не одобряю, ибо ничто не можетъ такъ раз-

Таково было первое впечатлѣніе, произведенное войсками на генерала, только-что пріѣхавшаго на Кавказъ. Нѣтъ сомнѣнія, что все сказанное Паскевичемъ было справедливо, что со стороны Ермолова были недосмотры и упущенія, но того и другаго не избѣгъ впослѣдствіи и самъ Паскевичъ, оставшись главнымъ начальникомъ войскъ и края. Кавказскія войска не могли, конечно, представиться на смотръ въ томъ видѣ, въ какомъ представлялись они Паскевичу внутри Россіи, но если нѣсколько мѣсяцевъ компаніи и одинъ переходъ, напримѣръ, черезъ Балканы почти разстраиваетъ части и уничтожаетъ одежду, то что сказать о тѣхъ полкахъ, которые года по два не видали своей штабъ-квартиры, были раскинуты по-баталіонно и по-ротно на огромномъ пространствѣ и лишены возможности вести правильное хозяйство. При ежедневныхъ стычкахъ съ непріятелемъ до инспекторскихъ ли смотровъ? При несоразмѣрности боевыхъ силъ съ охраняемымъ и умиротворяемымъ пространствомъ можно ли держать полки въ сборѣ, не перемѣшивая баталіоны и роты? Многимъ полкамъ или отдѣльнымъ баталіонамъ приходилось, по необходимости, дробиться на части, смѣшиваться съ ротами и командами другихъ полковъ и ходить въ бой подъ начальствомъ старшаго изъ штабъ-офицеровъ, не разбирая—былъ ли онъ своего полка, пѣхотинецъ, артиллеристъ или кавалеристъ. Отстоявши честь и славу русскаго оружія и выручивъ товарищей другаго полка, собранный на скоро отрядъ нерѣдко шелъ далѣе, соединялся съ какою-либо частью третьяго полка, получалъ новаго командира и билъ врага точно такъ же, какъ съ своимъ ротнымъ или баталіоннымъ командиромъ. Въ настоящее время многіе истинно военные люди стремятся къ тому, чтобы роты разныхъ полковъ, сведенныя въ одинъ баталіонъ, дѣйствовали дружно, братски выручая другъ друга и не справляясь о заслугахъ и достоинствахъ поставленнаго

строить военный порядокъ въ полку, какъ раздробленіе онаго на отдѣльныя команды, и потому я настоятельно требую, дабы вы, въ сіе время бездѣйствія, озаботились о соединеніи таковыхъ по всей возможности и избѣгали впредь раздробленія оныхъ безъ крайней необходимости, стараясь, дабы каждый полкъ, сколь можно, поступалъ въ отрядъ въ цѣломъ своемъ составѣ и подъ командою собственныхъ своихъ командировъ» (Акт. Кавк. Арх. Коммисіи, т. VI, ч. II, № 695).

надъ ними начальника; чтобы они шли беззавѣтно за тѣмъ, кому поручено вести ихъ въ бой. На Кавказѣ этотъ обычай выработался давно въ силу обстоятельствъ и существовалъ еще въ двадцатыхъ годахъ. Особенность войны съ горцами не позволяла собирать въ отрядъ роты одного и того же полка, но для отраженія внезапно появлявшагося врага приходилось брать части, ближайшія къ пункту тревоги. Собраннымъ наскоро, такимъ отрядамъ случалось въ теченіе одного года побывать въ Кабардѣ, потомъ въ Дагестанѣ, нѣсколько разъ перевалить черезъ хребты снѣжныхъ, поднебесныхъ горъ и явиться въ Закавказьѣ. Трудные переходы заставляли отказываться отъ обоза и нерѣдко бросать его, а необходимость поддержать товарищей, иногда за нѣсколько сотъ верстъ, въ неравной борьбѣ, отстаивавшихъ достоинство Россіи, вызывала форсированные переходы на легкѣ. Сподвижники Гулякова, князя Циціанова, Котляревскаго и Ермолова не справлялись, идетъ ли за ними обозъ, но съ однимъ сухаремъ и съ одной рубахой, съ запасомъ боевыхъ патроновъ въ старой, изношенной отъ безпрерывныхъ походовъ сумѣ и съ твердою вѣрою въ могущество русскаго штыка били враговъ, собравшихся противъ нихъ въ несоразмѣрномъ числѣ. Хотя въ своемъ донесеніи Паскевичъ и говоритъ, что отъ такихъ войскъ «выучки нельзя требовать, ибо они ничего не знаютъ [1])», но они знали, какъ разбить персіянъ подъ Шамхоромъ, потомъ подъ Елисаветполемъ и конечно безъ участія Паскевича въ ихъ обученіи доставили ему бриллiантовую саблю. Впослѣдствіи тѣ же войска доставили ему титулъ графа и званіе фельдмаршала. Послѣ штурма Ахалцыха тѣмъ солдатамъ, которыхъ ему стыдно было показать непріятелю, онъ писалъ въ приказѣ, что въ теченіе своей службы не видалъ храбрѣе, усерднѣе и терпѣливѣе въ трудахъ кавказскаго солдата [2]).

Тотъ, кто хотя отчасти знакомъ съ тѣмъ, что происходило въ русской арміи во вторую половину царствованія Императора Александра I, не станетъ особенно обвинять и Паскевича за его донесенія о состояніи войскъ,—онъ скажетъ, что Паскевичъ отдавалъ

[1]) «Русская Старина» 1872 г., т. V, 710.
[2]) «Русскій Архивъ» 1873 г. № 9, 1574.

дань своему вѣку и слѣдовалъ за толпой, отдѣлиться отъ которой и уйти впередъ—есть удѣлъ немногихъ избранныхъ.

Отечественная и слѣдовавшія за нею войны, казалось, должны были установить правильный взглядъ на воспитаніе и обученіе войскъ, но на насъ уроки прошлаго какъ-то мало дѣйствуютъ и часто на дѣлѣ выходитъ обратное. Войска были подчинены самой строгой и безполезной муштровкѣ, вытягиванію носка, ровности и темпу въ ружейныхъ пріемахъ, блеску показа, а не цѣлесообразности въ движеніяхъ. Одежда шилась такъ узко и обтянуто, что нигдѣ нельзя было ущипнуть [1]). Паскевичъ принадлежалъ къ цѣлой плеядѣ такъ называемыхъ *линейныхъ* генераловъ, предававшихся съ увлеченіемъ тщательному ранжиру, равненію и церемоніальному маршу. По возвращеніи своемъ въ Тифлисъ и пользуясь отсутствіемъ Ермолова, онъ занялся ежедневными разводами и ученьями. «Я здѣсь завелъ форму,—писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ барону Дибичу [2]),—разводы, ученья, приказалъ дивизіоннымъ командирамъ весьма строго, дабы занимались устройствомъ и чтобы скорѣе обмундировались,—это весьма не нравится и удивляются, что могу приказывать, а особливо исправлять. Но по крайней мѣрѣ я для службы сдѣлалъ ту пользу, что рядовые будутъ одѣты и на будущую кампанію выйдутъ въ исправности, ибо всѣ вещи они оставили въ штабъ-квартирахъ». Осмотрѣвши только-что прибывшій на Кавказъ Крымскій полкъ 20-й дивизіи, Паскевичъ остался особенно доволенъ тѣмъ, что «люди выправлены довольно хорошо, въ церемоніальномъ маршѣ ровняются хорошо, исключая что *шагъ немного коротокъ*. Генералъ-маіоръ Тухолка, говоритъ Паскевичъ въ заключеніе своего донесенія, по приходѣ въ Елисаветполь, цѣлый мѣсяцъ весьма часто училъ ихъ (крымцевъ), отчего они весьма поправились, какъ я слышалъ, противу прежняго [3]).

Незнакомый съ характеромъ войны съ горцами и съ ея непрерывностью, Паскевичъ былъ требователенъ къ войскамъ до строгой взыскательности и, въ виду достиженія извѣстныхъ цѣлей, можно

[1]) «Древняя и Новая Россія», 1880 г., № 9, 176.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ 5-го января 1827 г. Воен.-учен. арх., отд. II, дѣло № 4442.

[3]) «Русская Старина» 1872 г., т. V, 713.

сказать двойственъ. Въ день Елисаветпольскаго сраженія, 13-го сентября, онъ въ дневникѣ своемъ записалъ, что «когда непріятель атаковалъ, я бросился въ резервъ, дабы заставить его идти, *и насилу могъ его подвинуть*. Сохрани Богъ быть съ такимъ войскомъ въ первый разъ въ дѣлѣ. Войска храбры, но не стойки» [1]).

На слѣдующій день, 14-го сентября, онъ въ собственноручномъ письмѣ увѣрялъ Дибича, что персіяне дрались отлично и были разсѣяны *только однимъ мужествомъ войскъ*. «Могу увѣрить, прибавлялъ Паскевичъ, что дурныя войска были бы опрокинуты». Такая двойственность въ оцѣнкѣ войскъ почти въ одинъ и тотъ же день происходила отъ двоякости цѣли, одновременно преслѣдуемой Паскевичемъ: для обвиненія Ермолова необходимо было, чтобы войска были дурны, а для славы, побѣды и наградъ—чтобы персіяне дрались хорошо. Письмо Дибичу было отправлено тотчасъ послѣ Елисаветпольскаго сраженія и достигло своей цѣли, а дневникъ представленъ спустя три мѣсяца, при всеподданнѣйшемъ рапортѣ 11-го декабря 1826 года. Сличая донесенія Паскевича съ его дневникомъ, приходишь къ грустному заключенію, что дневникъ составленъ въ позднѣйшее время и служитъ противорѣчіемъ донесеній. Встрѣчающіяся въ немъ нерѣдко выраженія, что я похвалилъ, но не зналъ кого, невольно наводятъ на мысль, что и порицанія Паскевича также не имѣютъ за собою правды, что они сдѣланы съ извѣстною цѣлью, по слухамъ и сплетнямъ. Стоитъ только припомнить извѣстное письмо Паскевича къ князю М. Д. Горчакову, написанное во время восточной войны 1853—1856 годовъ, чтобы убѣдиться, что эта черта въ характерѣ его сохранилась до послѣднихъ дней его жизни,—онъ лично никогда и ни въ чемъ не признавалъ себя виновнымъ. Желая представить войска въ дурномъ свѣтѣ, Паскевичъ нерѣдко доходилъ до абсурда. «Въ походѣ моемъ за Араксъ, говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ донесеній, я замѣтилъ, что войска *не привыкли драться въ горахъ*» (гдѣ же дрались преимущественно кавказскія войска до его прибытія?).

Отзываясь столь невыгодно о войскахъ и опасаясь протеста съ ихъ стороны, Паскевичъ старался возложить вину на одного Ермо-

[1]) Рус. Старина, 1872 г., т. V, стр. 273.

лова. «Осмѣливаюсь утверждать всеподданнѣйшею моею просьбою, доносилъ онъ [1]), не наказывать сихъ войскъ начальниковъ, ибо весь корпусъ въ такомъ положеніи. Они не виноваты, что имъ позволяли, и никто за ними не смотрѣлъ; они раскаиваются, что выступили въ походъ такъ дурно, ибо имъ не только было позволено, но даже и приказано выступить какъ-нибудь, только поскорѣе; въ будущую же кампанію они исправятся».

Съ перваго пріѣзда Паскевича въ Тифлисъ отношенія его къ Ермолову были натянуты и враждебны. «Я замѣтилъ, говоритъ онъ, что генералъ Ермоловъ не будетъ ко мнѣ расположенъ и что всѣ непріятности, какія только онъ можетъ сдѣлать, я долженъ ожидать».

Подозрѣніе это усилилось вслѣдствіе задержки его на нѣсколько дней въ Тифлисѣ. Справедливо, что Ермоловъ желалъ имѣть первый успѣхъ надъ персіянами безъ участія Паскевича и конечно задерживалъ его не безъ намѣренія. Главнокомандующій желалъ опровергнуть слухи, будто кавказское начальство растерялось и не знало что предпринять противъ вторгнувшагося непріятеля. Въ письмѣ къ князю Мадатову Ермоловъ высказываетъ удовольствіе, что первая побѣда досталась на его долю, но побѣда эта легла тяжелымъ камнемъ на сердце Паскевича. Опасаясь быть оставленнымъ въ тѣни и явиться начальникомъ дѣйствующаго отряда, когда ему останется только одно преслѣдованіе, онъ рѣшился выдти изъ выжидательнаго положенія и отправился къ Ермолову съ просьбою допустить его къ исполненію обязанностей, для которыхъ онъ присланъ. Паскевичъ просилъ отправить его къ тѣмъ войскамъ, которыя должны дѣйствовать противъ персіянъ. «Главнокомандующій, разсказывалъ впослѣдствіи Паскевичъ, принялъ, какъ мнѣ казалось, съ удовольствіемъ вызовъ мой, чтобы избавиться близкаго наблюдателя. Здѣсь спросилъ я, какія онъ имѣетъ намѣренія и гдѣ и какія есть войска [2])?»

— Князь Мадатовъ, отвѣчалъ Ермоловъ, стоитъ съ отрядомъ изъ 3,000 человѣкъ впереди Елисаветполя, и я могу собрать для васъ еще до 2,500 человѣкъ.

---

[1]) «Русская Старина», 1872 г., т. V, 713.

[2]) Разсказъ Паскевича въ присутствіи Заблоцкаго-Десятовскаго, Туркула и проч.

Паскевичъ просилъ усилить его отрядъ.

— У меня нѣтъ болѣе ни одного солдата, отвѣчалъ Ермоловъ.

— У васъ есть сводный гвардейскій полкъ, замѣтилъ Паскевичъ, и одинъ драгунскій.

— Гвардію нельзя трогать; вы знаете, что ее надобно беречь, а драгуны на что вамъ? Они у насъ охраняютъ только транспорты и служатъ конвоемъ.

«Борьба противъ персидской арміи предстояла невѣрная, разсказывалъ Паскевичъ, но мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ только идти и разбить ее, или умереть, ибо я видѣлъ странныя дѣйствія Ермолова, которыя заставляли предполагать или совершенное незнаніе его въ военномъ дѣлѣ, или желаніе, чтобы я былъ униженъ неудачею. Мнѣ кажется, тутъ было то и другое, ибо *онъ и небольшой военный, и въ напряженіяхъ своихъ былъ сомнителенъ*».

Набрасывая тѣнь на боевыя достоинства Ермолова, Паскевичъ писалъ Императору, что «кампанія окончена—кампанія испорчена» и испорчена тѣмъ, что ему не дали идти въ Тавризъ, что на каждомъ шагу онъ встрѣчаетъ «недоброе желаніе къ общему благу». Паскевичъ видѣлъ только однѣ ошибки главнокомандующаго и забывалъ, что нѣтъ людей, которые бы ихъ не дѣлали. На каждое распоряженіе можно смотрѣть, по желанію, съ лицевой или оборотной стороны, и, къ сожалѣнію, рѣдко встрѣчаются судьи, безпристрастно оцѣнивающіе дурные и хорошіе поступки человѣка, поставленнаго во главѣ административной дѣятельности. Паскевичъ не принадлежалъ къ числу такихъ судей: ни въ одномъ донесеніи, письмѣ или запискѣ его не встрѣчается теплаго слова о Ермоловѣ. Напротивъ, онъ видитъ въ немъ человѣка, злоупотребляющаго властью, интригана, неспособнаго быть начальникомъ края и командовать войсками, но за то способнаго распечатывать чужія письма и читать ихъ. «Я не могъ прежде писать, говоритъ Паскевичъ [1]), ибо письма и донесенія были

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ барону Ив. Ив. Дибичу, отъ 11-го декабря 1826 г. Воен.-учен. арх., отд. II, дѣло № 4439. Письмо это напечатано въ «Русской Старинѣ» (1872 г., т. VI, 41), но съ нѣкоторыми неточностями. При этомъ считаемъ необходимымъ замѣтить, что напечатанное на стр. 706, т. V, «Русской Старины» 1872 г. письмо Паскевичу Императора Николаю слѣдуетъ считать письмомъ Дибича къ Императору и отнести его не къ 1826, а къ 1827 году 16-го марта.

отдаваемы въ Шушѣ и Тифлисѣ, гдѣ я весьма подозрѣвалъ, чтобы не были вскрыты. Я здѣсь все подозрѣваю, послѣ манеры, съ которою со мною обходились. Я былъ окруженъ шпіонами: нерасположеніе главнаго начальника распространилось и на его подчиненныхъ. По пріѣздѣ моемъ къ отряду, я увидѣлъ, что окруженъ людьми, преданными генералу Ермолову, и что они не съ охотою будутъ мои приказанія исполнять; *но я ихъ заставилъ*»(?!).

Послѣдняя самообольщающая фраза встрѣчается нерѣдко въ письмахъ и донесеніяхъ Паскевича. Велика заслуга А. П. Ермолова, какъ начальника, умѣвшаго заслужить фанатическую преданность своихъ подчиненныхъ, но еще болѣе великъ долженъ быть тотъ, кто изъ никуда негодныхъ войскъ въ состояніи сдѣлать въ два ученья побѣдоносные полки и въ нѣсколько дней подчинить своей волѣ людей, преданныхъ противнику, и даже шпіоновъ. Все это было сдѣлано Паскевичемъ по его собственнымъ словамъ. Счастливое сочетаніе обстоятельствъ съ первыхъ шаговъ службы сдѣлало изъ него человѣка самонадѣяннаго, неуступчиваго, самовластнаго и рѣзкаго въ обращеніи съ подчиненными [1]). Онъ тяготился подчиненіемъ и стремился къ подчиненію себѣ другихъ. Имѣя позволеніе писать прямо Императору, онъ широко воспользовался такимъ правомъ для достиженія завѣтныхъ цѣлей и желаній. Незнакомый ни съ особенностями края, ни съ мѣстными условіями, ни съ характерами и достоинствами дѣятелей, Паскевичъ смѣло и безапелляціонно клалъ свой приговоръ, будучи увѣренъ, что противную сторону выслушивать не будутъ, а слѣдовательно справедливость его словъ повѣрить трудно. Не смотря на то, онъ самъ сталкивался съ такими обстоятельствами, напримѣръ, въ оцѣнкѣ лицъ, которыя приводили къ противорѣчію, и тогда, не стѣсняясь, онъ прямо говорилъ, что прежде ихъ не зналъ.

«Болѣе всѣхъ лживѣе и обманчивѣе, писалъ Паскевичъ въ одномъ письмѣ Дибичу [2]),—это генералъ-лейтенантъ князь Мадатовъ.

---

[1]) Лейбъ-медикъ Тарасовъ отказался принять мѣсто штабъ-доктора Кавказской арміи «въ виду особеннаго рода обхожденія генерала Паскевича съ подчиненными» («Рус. Стар.», 1872 г., т. VI, 142).

[2]) «Русская Старина», 1872 года, т. V, стр. 41.

Я увѣренъ, что продовольствіе я могъ лучшее имѣть, если бы (онъ) усиліе употребилъ, но все мѣшалъ. Притомъ же онъ весьма дурной управляющій (Карабагомъ) и, въ распоряженіяхъ своихъ, способностей не имѣетъ, *а только храбрый гусаръ*. Онъ ненавидимъ въ провинціи (Карабагской); они (жители) вообще ему приписываютъ удаленіе хановъ [1]) самыми непростительными средствами. Я писалъ къ генералу Ермолову, что онъ неспособенъ; Ермоловъ отвѣчалъ, что никто не знаетъ такъ хорошо этого края, какъ онъ, и не только не хотѣлъ о немъ объясниться, а распустивши мой отрядъ его назначилъ командиромъ и къ войскамъ оставшимся прибавилъ другія. Генералъ Вельяминовъ его поддерживалъ,—они всѣ другъ друга поддерживаютъ, и нѣтъ ничего труднѣе, какъ узнать истину. Въ продолженіе кампаніи я не могъ получить довольнаго числа повозокъ, отчего дальше не прошелъ. Впрочемъ все ясно объяснилъ въ рапортѣ моемъ государю императору. Прошу ваше высокопревосходительство *не взять въ дурное, что есть нѣкоторыя противорѣчія* между моимъ поведеніемъ съ нѣкоторыми людьми и что послѣ я про нихъ говорю, но это оттого, что я о нихъ не зналъ, а послѣ уже о нихъ получилъ свѣдѣніе».

Свѣдѣнія эти добывались изъ самыхъ темныхъ источниковъ и отъ лицъ самой сомнительной нравственности. Все это были большею частью люди, понесшіе на себѣ или неудовольствіе Ермолова, или даже и его наказаніе. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ извѣстный намъ и всѣмъ на Кавказѣ армянинъ Иванъ Каргановъ, прозванный «*Ванькою-Каиномъ*». Припомнимъ, что еще въ 1816 году поручикъ Иванъ Каргановъ, пробравшись въ Петербургъ, предложилъ графу Нессельроде вызвать въ Россію бѣглаго грузинскаго царевича Александра. Не зная вовсе Карганова, графъ Нессельроде повѣрилъ его словамъ, снабдилъ деньгами и отправилъ его обратно на Кавказъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, и министерство иностранныхъ дѣлъ не имѣло никакихъ свѣдѣній ни о Каргановѣ, ни о царевичѣ

[1]) Удаленіе хановъ особенно безпокоило Паскевича. Наслушавшись разсказовъ разныхъ татаръ и не принимая во вниманіе политическихъ особенностей той минуты, Паскевичъ жаловался государю, что не надѣется на службу татарской конницы, и затѣмъ ѣдко прибавлялъ, что «въ прежнюю войну *при ханахъ* они служили весьма хорошо».

Александрѣ. Графъ Нессельроде просилъ тогда Ермолова узнать о результатахъ посылки Карганова и выразилъ желаніе возвратить данныя ему деньги. Зная Карганова за обманщика и человѣка безнравственнаго, Алексѣй Петровичъ нѣсколько разъ хотѣлъ выслать его на житье въ Россію, но удерживался только изъ снисхожденія по близкому родству его съ княземъ В. О. Бебутовымъ [1]). Теперь же, получивъ увѣдомленіе отъ графа Нессельроде, Ермоловъ арестовалъ Карганова и посадилъ въ Метехскій замокъ въ Тифлисѣ. По прошествіи нѣкотораго времени супруга арестованнаго подала главнокомандующему прошеніе, въ которомъ просила возвратить семейству отца и мужа. Ермоловъ сдѣлалъ на этомъ прошеніи слѣдующую характерную надпись: «*Единое неизреченное милосердіе государя императора причиною того, что до сихъ поръ висѣлица не имѣла столь великолѣпнаго украшенія*». Такой человѣкъ былъ избранъ Паскевичемъ для оцѣнки десятилѣтней дѣятельности А. П. Ермолова на Кавказѣ [2]).

«Къ стыду русскихъ,—записалъ Паскевичъ въ своемъ дневникѣ подъ 5-мъ октября [3]),—я сегодня узналъ отъ армянина, переводчика поручика Карганова, который *со страхомъ* объявилъ мнѣ, что я окруженъ шпіонами и интриганами; что князь Мадатовъ въ то же самое время, когда мнѣ дѣлаетъ увѣреніе въ дружествѣ и въ рвеніи къ общей пользѣ, онъ въ то же время бранитъ меня, окруженный

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1873 г., № 9, 1579. Смотри стр. 159—166 настоящаго тома.

[2]) Впослѣдствіи, будучи уже въ Варшавѣ, Паскевичъ разсказывалъ о Каргановѣ слѣдующее: «Прежде и во время Елисаветпольскаго дѣла при мнѣ не было человѣка, даже адъютанта, которому я могъ бы что-либо повѣрить: одинъ былъ Каргановъ. Каргановъ изъ тифлисскихъ армянъ, порядочно учился и имѣетъ способности, какихъ между армянами немного. Генералъ Ермоловъ его замѣтилъ, оказывалъ ему расположеніе и пользовался его способностями. Наконецъ, поручаетъ онъ Карганову дать отраву царевичу Александру. Каргановъ не соглашается исполнить подобнаго порученія, и ни угрозы, ни немилость не могли его къ тому принудить. Развѣ это доказательство безнравственности и дурныхъ его качествъ?» Мы приводимъ этотъ разсказъ, какъ доказательство того, что разсказчикъ не всегда придерживается строго-исторической истины и не безпристрастенъ въ своихъ характеристикахъ.

[3]) «Русская Старина», 1862 года, т. V, стр. 726.

всѣми старшими чиновниками въ лагерѣ; что вообще говоритъ грузинамъ, армянамъ и татарамъ, что онъ тутъ командуетъ ими, а что генералъ Паскевичъ начальникъ однихъ войскъ».

Трудно допустить, чтобы князь Мадатовъ вступалъ въ подобные разговоры съ армянами и грузинами, но если бы онъ и говорилъ такъ, то слова его были справедливы. Паскевичъ оффиціально былъ посланъ на Кавказъ только для командованія войсками подъ главнымъ начальствомъ Ермолова. Никому не были извѣстны его словесныя объясненія съ Императоромъ Николаемъ и тайное порученіе, ему данное; слѣдовательно, князь Мадатовъ былъ въ правѣ говорить только то, что зналъ изъ приказовъ и предписаній.

Между тѣмъ, не предъявляя никакихъ полномочій и не имѣя никакого права вмѣшиваться въ управленіе краемъ, Паскевичъ сталъ тщательно разыскивать злоупотребленія и упущенія по всѣмъ частямъ управленія. Понятно, что все это должно было дѣлаться тайно, при помощи допросовъ и доносовъ разныхъ темныхъ личностей въ родѣ Карганова.

Основываясь на словахъ послѣдняго, Паскевичъ былъ увѣренъ, что князь Мадатовъ дѣлалъ даже выговоры тѣмъ армянамъ, которые были посланы имъ для отысканія провіанта. «Я—прибавляетъ Паскевичъ—оставшагося одного изъ нихъ въ лагерѣ спрашивалъ, и онъ съ большимъ страхомъ подтвердилъ мнѣ это, ибо князь Мадатовъ извѣстенъ какъ человѣкъ, котораго мщеніе не имѣетъ преграды. Я бы сейчасъ принялъ мѣры, дабы его остановить, но я не имѣю никого,—я одинъ, совершенно одинъ».

Слушая охотно все, что могло служить къ обвиненію Ермолова, генералъ-адъютантъ Паскевичъ незамѣтно для самого себя подчинился Карганову и его сообщникамъ. По совѣту ихъ онъ призвалъ къ себѣ плѣненнаго Угурли-хана, ненавидѣвшаго русскихъ, и съ помощью того же Карганова отобралъ отъ него показаніе, которое и представилъ императору. Сущность этого показанія заключалась въ томъ, что причиною возгорѣвшейся войны былъ одинъ Ермоловъ. Угурли-ханъ говорилъ, будто всѣ персидскіе чиновники, бывшіе въ Тифлисѣ, единогласно увѣряли Абасъ-Мирзу, что главнокомандующій бранитъ его и «произноситъ въ публикѣ ругательныя слова»; что точно также перебранивался стоявшій на границѣ полковникъ

князь Саварсемидзе съ эриванскимъ ханомъ, и что Ермоловъ не хотѣлъ унять его, не смотря на неоднократныя заявленія о томъ персидскаго правительства; что самъ главнокомандующій, принимая присланныхъ къ нему персидскихъ чиновниковъ, «употреблялъ часто неприличныя къ особѣ шаха и всей націи персидской слова». Вопросъ о размѣнѣ плѣнныхъ доставилъ возможность Паскевичу войти въ непосредственныя сношенія съ Абасъ-Мирзою, отъ котораго онъ, конечно, получилъ свѣдѣнія, могущія служить матеріаломъ для обвиненія Ермолова. Въ письмѣ своемъ Абасъ-Мирза не сообщалъ ничего новаго и обвинялъ главнокомандующаго въ притязательности и неуступчивости по вопросу о разграниченіи. Неуступчивость и причины ея были извѣстны министерству изъ представленной Ермоловымъ переписки его съ наслѣднымъ персидскимъ принцемъ и, вытекая изъ обстоятельствъ, не могли служить обвиненіемъ главнокомандующаго. Но въ глазахъ Паскевича, непосвященнаго въ политическія дѣла и неимѣвшаго понятія о предъидущихъ происшествіяхъ, это было именно то, что могло сослужить ему добрую службу и выставить Ермолова причиною и источникомъ всѣхъ бѣдствій.

«Честолюбіе здѣшнихъ начальниковъ—писалъ вполнѣ авторитетно Паскевичъ [1])—дорого стоитъ Россіи. Честолюбіе князя Цицианова, который съ большими способностями, побѣдами и ухищреніями *пріобрѣлъ подъ покровительство Россіи четыре провинціи*, стоило Россіи десятилѣтней войны; честолюбіе нынѣшняго начальника произвело новую войну,—въ этомъ всѣ согласны; персіяне сіе утверждаютъ». Исторія не представляетъ намъ примѣра, чтобы одна изъ воюющихъ сторонъ признала себя неправою въ фактѣ объявленія войны, и странно было бы, если бы Паскевичъ услыхалъ изъ устъ персіянъ сознаніе, что они виноваты въ происшедшемъ столкновеніи. Еще страннѣе то, что онъ вѣрилъ Абасъ-Мирзѣ, который, по его словамъ, радъ былъ случаю объясниться съ человѣкомъ, который можетъ донести прямо императору. Эти объясненія были, конечно, не въ пользу Ермолова, который, впрочемъ, не скрывалъ

[1]) Въ запискѣ подъ заглавіемъ: «Политика генерала Ермолова», «Русская Старина», 1872 г., т. V, стр. 716.

своихъ ошибокъ, ни могущихъ быть упущеній въ администраціи. Впослѣдствіи, когда Паскевичъ представилъ цѣлую серію безъименныхъ доносовъ, и Дибичъ послалъ ихъ на заключеніе Ермолова, послѣдній отвѣчалъ начальнику главнаго штаба:

«Не могу я приписать себѣ всевѣдѣнія, и потому никакъ не отвергаю, чтобы во все время десятилѣтняго управленія моего здѣшнимъ краемъ не было никакихъ упущеній. Могъ я также ошибаться въ распоряженіяхъ моихъ, которыя не достигали предполагаемой высшимъ начальствомъ цѣли, но слишкомъ 35-ти-лѣтняя служба моя, въ продолженіе коей, при исполненіи обязанностей моихъ, умѣлъ я постоянно устранять личныя мои выгоды, будетъ лучшимъ свидѣтельствомъ моихъ поступковъ, и одна ожесточенная злоба подлѣйшаго доносчика могла изобрѣсти и приписать моимъ намѣреніямъ законопротивныя дѣйствія, или никогда несуществовавшія, или до свѣдѣнія моего вовсе недоходившія[1])».

Такъ могъ говорить человѣкъ, за которымъ была блестящая десятилѣтняя дѣятельность, а за Паскевичемъ были еще пока одни слова.

«Тамъ, гдѣ Ермолова трудно было поддѣть на удочку,—говоритъ современникъ, служившій при Ермоловѣ и при Паскевичѣ,—тамъ легко было пустить туману въ глаза Паскевичу. Военный Ермоловъ былъ добръ и снисходителенъ, при требованіи *однакожъ* строгой дисциплины; гнѣва его всѣ боялись, который ограничивался только, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, ѣдкою бранью». Гражданскій Ермоловъ былъ требователенъ къ чиновникамъ и, по словамъ Радожицкаго, былъ бичомъ ихъ. Правда, что Алексѣй Петровичъ не имѣлъ людей, которые столь же безкорыстно раздѣляли съ нимъ труды многосложнаго управленія Кавказскимъ краемъ. Онъ не могъ самъ вездѣ успѣвать и все знать, а потому, по необходимости, долженъ былъ иногда терпѣть такихъ чиновниковъ, у которыхъ совѣсть была съ грѣхомъ пополамъ. «По примѣру князя Циціанова и Тормасова, Ермоловъ былъ строгъ къ туземцамъ; онъ зналъ, сколько вреда надѣлало краю и государству безтолковое управленіе Гудовича и слабое Ртищева. Побудь Ермоловъ долѣе на Кавказѣ, много бы

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 28-го апрѣля 1827 г., № 6.

пало оригинальныхъ, неимѣющихъ смысла декорацій, украшающихъ парадныя представленія. Паскевичу же недоставало многаго, какъ равно усидчиваго труда, проницательности и той бережливой траты казенныхъ денегъ, коею отличался Ермоловъ, доходившій нерѣдко до скупости.

«Если при зоркомъ управленіи Ермолова и могли быть упущенія и злоупотребленія довольно значительныя по гражданской части, какъ доносилъ Паскевичъ, и которыхъ однако же онъ и Дибичъ не нашли, то при немъ (Паскевичѣ) они пошли въ бо́льшей степени» [1]).

При Паскевичѣ провіантскій коммисіонеръ Коробчевскій, вмѣстѣ съ Каргановымъ и при содѣйствіи дежурнаго штабъ-офицера, «блаженнаго и смѣшнаго» Викинскаго, нажили огромное богатство. Удаливъ честнаго Абаса-Кули, знатока мѣстныхъ языковъ, Паскевичъ назначилъ переводчикомъ при себѣ Карганова и при помощи его собралъ ту серію доносовъ, о которыхъ мы сказали и которые были препровождены на заключеніе къ Ермолову. Послѣдній, написавши отвѣтъ на каждый пунктъ, просилъ назначенія суда надъ нимъ и доносчиками. Дибичъ потребовалъ отъ Паскевича имена лицъ, сообщившихъ ему извѣты, но изъ дѣла не видно, чтобы они были обнаружены, да и самое дѣло не получило дальнѣйшаго хода.

Наиболѣе тяжелое обвиненіе возлагалось на Ермолова за его поступки съ ханами присоединенныхъ къ Россіи областей.

Коснувшись политической дѣятельности Ермолова, генералъ-адъютантъ Паскевичъ выставлялъ его угнетателемъ хановъ, человѣкомъ, заставившимъ ихъ бѣжать въ Персію и возбудившимъ тѣмъ ненависть къ русскому имени во всемъ магометанскомъ населеніи. По словамъ ненавидѣвшаго Россію Угурли-хана, показаніями котораго пользовался Паскевичъ, какъ достовѣрнымъ и безпристрастнымъ источникомъ, Измаилъ-ханъ шекинскій былъ отравленъ русскимъ правительствомъ, «и жалованная Государемъ грамата отъ наслѣдниковъ умершаго отнята силою посредствомъ штыковъ» [2]). Видя такой примѣръ и опасаясь, чтобы и съ нимъ не случилось

[1]) «Русскій Архивъ», 1873 г., № 9, 1578.

[2]) Дибичъ справлялся объ этомъ обстоятельствѣ. Онъ писалъ частныя секретныя письма подполковнику Швецову и маіору Сагинову, но получилъ отвѣтъ, что все это ложь и выдумка. См. также стр. 145—148 настоящаго тома.

того же, Мустафа-ханъ ширванскій будто бы оттого бѣжалъ въ Персію въ 1820 году, а Мехти-Кули ханъ карабагскій сначала откупался подарками, но потомъ также бѣжалъ. По назначеніи начальникомъ въ Карабагѣ князя Мадатова, говорилъ Угурли-ханъ, карабагскій ханъ претерпѣвалъ отъ него многія оскорбленія: сначала князь Мадатовъ стращалъ его ссылкою въ Сибирь, за что и дана ему отъ хана дарственная на имѣніе и крестьянъ; потомъ, желая совершенно истребить его, князь Мадатовъ подсылалъ людей отравить его и, не имѣвши въ семъ успѣха, приказалъ шушинскому татарину Насиру въ ночное время сдѣлать выстрѣлъ по полковникѣ Джафаръ-Кули-агѣ, который и былъ раненъ. Происшествіе это князь Мадатовъ приписалъ хану и приказалъ сказать ему, что онъ будетъ отправленъ въ Сибирь. Тогда Мехти бѣжалъ, и хотя «князь Мадатовъ, прибавляетъ Угурли, легко могъ поймать его, но, какъ видно, опасался улики, чтобы ханъ не вывелъ всѣ дѣйствія его наружу» [1]).

Имѣніе, о которомъ здѣсь упоминается, было селеніе Чинахчи, уступленное ханомъ князю Мадатову еще въ 1819 году. Комитетъ министровъ, на разсмотрѣніе котораго поступило ходатайство Ермолова объ утвержденіи за княземъ Мадатовымъ этого имѣнія, находилъ, что русскому чиновнику неприлично принимать такой подарокъ отъ хана, тѣмъ болѣе, что и послѣдній, по обычаямъ страны, не имѣлъ права распоряжаться населенными имѣніями, принадлежащими Карабагскому ханству. Ермоловъ отвѣчалъ, что по трактату, заключенному съ ханомъ, власть его въ раздачѣ земель ничѣмъ не ограничена, и ханы пользуются правомъ отдавать ихъ кому заблагоразсудятъ. «Что же касается до неприличія въ принятіи подарка, прибавлялъ Алексѣй Петровичъ, то ханъ и не имѣетъ дерзости предлагать подарокъ русскому генералу—онъ только возвращаетъ часть того, что нѣкогда принадлежало предкамъ Мадатова и было утрачено ими вслѣдствіе неоднократныхъ переворотовъ, испытанныхъ Карабагомъ».

Настаивая на утвержденіи князя Мадатова владѣльцемъ имѣнія, Ермоловъ не столько заботился о правахъ Мадатова, сколько преслѣдовалъ политическую цѣль ограничить произволъ владѣльцевъ и

[1]) «Русская Старина», 1872 г., т. V, 717, 718.

ввести въ краѣ права гражданственности и гуманности. Императоръ Александръ раздѣлялъ мнѣніе главнокомандующаго и высочайшимъ рескриптомъ Ермолову, отъ 23-го августа 1821 года, утвердилъ за Мадатовымъ селеніе Чинахчи со всѣми принадлежащими къ нему деревнями [1]).

«Признавая основательными,—писалъ императоръ Ермолову [2]),—представленныя вами причины, по коимъ находите вы справедливымъ и полезнымъ, дабы генералъ-маіоръ князь Мадатовъ воспользовался имѣніемъ, предлагаемымъ ему отъ хана карабагскаго взамѣнъ другаго, принадлежавшаго предкамъ его въ семъ ханствѣ,—я предоставляю вамъ допустить князя Мадатова принять оное имѣніе въ вѣчное потомственное владѣніе. Нимало не сомнѣваюсь, *что новый владѣлецъ, благоразумными распоряженіями своими и лучшимъ образомъ обхожденія съ поселянами, покажетъ примѣръ превосходства управленія благоустроеннаго предъ своенравнымъ господствованіемъ азіятскимъ* и черезъ то болѣе расположитъ сердца жителей къ державѣ, всегда готовой споспѣшествовать благу своихъ подданныхъ».

Надежды императора вполнѣ оправдались. Князь Мадатовъ успѣлъ на столько привязать жителей къ себѣ и къ русскому правительству, что, при вторженіи персіянъ, его крестьяне были единственные во всемъ Карабагѣ, которые остались вѣрными Россіи. Мало того, они оставили свои дома, все свое имущество и, укрывшись въ Шушинской крѣпости, отстаивали ее вмѣстѣ съ гарнизономъ. Имѣніе Чинахчи было разорено персіянами до основанія. «Нельзя,—писалъ Ермоловъ князю Мадатову [3]),—безъ негодованія и гнѣва принять звѣрскаго поступка карабагцевъ, которые не оставили въ покоѣ праха родителей вашихъ. Чувствую, что и совершенное разстройство состоянія васъ огорчаетъ, но совѣтую имѣть терпѣніе и не дать повода заключать, что вы прежде всего помышляете о его поправленіи. И у васъ есть непріятели, ко-

[1]) Это имѣніе состояло изъ 102,462 десятинъ земли, населенныхъ 1,245 семействами.

[2]) Въ рескриптѣ отъ 23-го августа 1821 года. «Жизнь князя Мадатова». Изд. 1863 г., стр. 222.

[3]) Въ письмѣ отъ 29-го сентября. «Русская Старина», 1873 г., т. VII, 99.

торые готовы не все лучшее сказать на счетъ вашъ. Остерегитесь, прошу васъ, и вѣрьте, что всѣхъ насъ каждый шагъ замѣчаютъ, *хотя бы и заслуживали лучшее мнѣніе!* По сей причинѣ подвластныхъ вашихъ не удовлетворяю я тотчасъ же и прежде всѣхъ прочихъ и хочу употребить въ томъ строгую осмотрительность и умѣренность. Всѣ закричатъ на васъ, и я не избѣгну упрека, которому не желаю подвергнуться. Вы согласиться должны, что всего возвратить и невозможно, и несправедливо. У насъ въ свѣжей памяти война, которая многихъ разрушила состоянія, и о возстановленіи таковаго помышлять было невозможно. Послушайте меня,—имѣйте терпѣніе».

Ермоловъ былъ правъ въ своемъ заключеніи, потому что изъ всѣхъ его подчиненныхъ князь Мадатовъ подвергся наибольшему преслѣдованію Паскевича, утверждавшаго, что онъ неправильно владѣетъ имѣніемъ. По этому поводу генералъ-адъютанту Сипягину было поручено произвести слѣдствіе, среди котораго онъ встрѣтилъ надобность въ только-что приведенномъ рескриптѣ Императора Александра Ермолову. Не отыскавъ этого рескрипта въ дѣлахъ канцеляріи главнокомандующаго, Сипягинъ уже въ 1828 году обратился къ Паскевичу съ просьбою доставить ему подлинный или копію. Послѣдній отвѣчалъ, что ни того, ни другаго у него не имѣется, и тогда Сипягинъ обратился къ Ермолову [1]).

«Не зная причинъ,—отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ [2]),—побудившихъ корпуснаго командира (Паскевича) на подобный отзывъ, я имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что ему доставленъ мною подлинный высочайшій рескриптъ блаженной памяти императора, *а имъ препровождена ко мнѣ копія съ онаго, за собственноручною его скрипою*. Снявъ снимокъ съ онаго для свѣдѣнія вашего, у сего сообщаю, позволяя себѣ думать, что, по крайней мѣрѣ, храненіе высочайшихъ повелѣній и рескриптовъ найдено будетъ въ надлежащемъ порядкѣ со стороны моей».

Таковы были поступки Паскевича относительно Ермолова даже

---

[1]) Письмо Сипягина Ермолову, 27-го января 1828 г. «Русская Старина», 1873 г., т. VII, 96.

[2]) Генералъ-адъютанту Сипягину, 5-го мая 1828 г. Тамъ же, стр. 97.

въ позднѣйшее время, а въ описываемую эпоху они были еще острѣе. 11-го декабря 1826 года Паскевичъ отправилъ въ Петербургъ своего адъютанта, графа Оппермана, съ донесеніемъ въ собственныя руки императора. Въ немъ, по словамъ самого Паскевича, были описаны всѣ распоряженія и дѣйствія Ермолова, клонившіяся явно къ тому, чтобы война противъ персіянъ былп неуспѣшна, а равно и о безпорядкахъ, найденныхъ имъ въ войскахъ и въ администраціи. При донесеніи приложено было собственноручное письмо барону Дибичу, въ которомъ Паскевичъ заявлялъ, что оставаться съ Ермоловымъ онъ не можетъ. «Я и такъ сдѣлался боленъ,—писалъ онъ [1]),—будучи безпрестанно имъ огорчаемъ. Но и для самой пользы службы мнѣ нельзя остаться,—онъ будетъ мѣшать всѣмъ моимъ операціямъ; подвозу жизненныхъ припасовъ во-время не будетъ, какъ это было (въ) нынѣшней кампаніи, отчего всѣ военныя дѣйствія могутъ остановиться. Притомъ уловки, ухищренія меня приведутъ въ положеніе, что я не въ состояніи буду дѣйствовать. Для пользы самой службы я не могу здѣсь оставаться. Заклинаю ваше высокопревосходительство пользою службы государя императора меня отсюда вызвать. Какъ Ермоловъ можетъ терпѣть кого при себѣ, который ему мѣшаетъ,—онъ лучше все нарушитъ. Государь императоръ найдетъ другаго, который угодитъ генералу Ермолову, но я не могу. Я думаю, что самое лучшее средство меня взять отсюда, ибо онъ совершенно объявилъ (себя) противъ меня, и даже въ самыхъ реляціяхъ хочетъ затмить мое имя—не упоминаетъ его. Я имѣю дѣло съ самымъ злымъ и хитрымъ человѣкомъ. Не думайте, чтобы я игралъ комедію,—кто здѣсь останется, будетъ въ весьма трудныхъ обстоятельствахъ».

Паскевичъ писалъ, что къ предстоящей кампаніи ничего не приготовлено; что мы потеряли золотое время и могли быть давно въ Тавризѣ, и что, наконецъ, Абасъ-Мирза не хочетъ имѣть никакого дѣла съ Ермоловымъ, «а это большой знакъ его желанію къ миру».

Не довольствуясь этимъ желчнымъ письмомъ, Паскевичъ, спу-

---

[1]) Отъ 11-го декабря. Воен.-учен. арх., отд. II, дѣло № 4439. «Русская Старина» 1872 г., т. VI, 42.

стя двѣ недѣли, отправилъ новое, въ которомъ спрашивалъ Дибичъ, можно ли служить съ начальникомъ, который всякимъ случаемъ пользуется, чтобы сдѣлать непріятное подчиненному? «Одно его (Ермолова) удерживаетъ,—прибавлялъ онъ,—отъ прямыхъ непріятностей,—это то, что я имѣю счастье рапортовать государю императору» [1]).

Все это писалось тогда, когда Ермолова не было въ Тифлисѣ. 27-го декабря онъ возвратился въ столицу Грузіи, и отношенія между имъ и Паскевичемъ обострились на столько, что взаимное ихъ положеніе оказалось невозможнымъ.

Паскевичъ, — говоритъ современникъ, — конфиденціально снабженный силою, началъ предъявлять претензію начальствующаго, а Ермоловъ, не смотря на гнетущія его обстоятельства, не хотѣлъ смиренно уступить ввѣренную ему власть [2]). Алексѣй Петровичъ инстинктивно угадывалъ цѣли присылки Паскевича, но оффиціально смотрѣлъ на него, какъ на подчиненнаго ему генерала, присланнаго командовать только войсками подъ его начальствомъ [3]), а Паскевичъ, смотрѣлъ на себя какъ на совмѣстника, уполномоченнаго императоромъ раздѣлять съ главнокомандующимъ бразды правленія краемъ [4]).

Все зло происходило отъ того, что Паскевичъ имѣлъ порученія никому неизвѣстныя и желалъ, чтобы всѣ догадывались, что онъ пріѣхалъ на Кавказъ не спроста. «Полномочія смѣнить Ермолова,

---

[1]) «Русская Старина», 1872 г., т. VI, стр. 43.

[2]) «Русскій Архивъ» 1873 г. № 9, 1571.

[3]) Въ рескриптѣ императора 10-го августа было сказано: «Назначивъ его (Паскевича) *командующимъ подъ вами войсками*, далъ я вамъ отличнаго сотрудника»... Въ рескриптѣ 11-го августа читаемъ: «Для подробнѣйшаго изъясненія вамъ намѣреній моихъ, посылаю къ вамъ генералъ-адъютанта моего, Паскевича, коему сообщивъ оныя во всей подробности, увѣренъ, что вы употребите съ удовольствіемъ сего храбраго генерала, для приведенія оныхъ въ дѣйствіе, *поручая ему командованіе войскъ подъ главнымъ начальствомъ вашимъ...*»

[4]) Ничто не давало права Паскевичу на такое вмѣшательство, и самыя донесенія императору должны были дѣлаться съ согласія главнокомандующаго. «Я желаю, писалъ государь Ермолову, чтобы онъ, *съ вашего разрѣшенія*, сообщалъ мнѣ все, *что отъ васъ поручено будетъ давать знать*.

разсказывалъ онъ впослѣдствіи [1]), я не желалъ привести въ исполненіе безъ новаго высочайшаго повелѣнія, котораго, однакожь, прямо не испрашивалъ и которое барону Дибичу не было извѣстно».

Неизвѣстно оно было оффиціально и Ермолову, несчитавшему нужнымъ сообщать подчиненному свои виды и предположенія. Паскевичъ же ежедневно обижался тѣмъ, что главнокомандующій не совѣщается съ нимъ и дѣйствуетъ самостоятельно.

— Я командую войсками,—говорилъ онъ,—но ничего не знаю, хотя по повелѣнію государя императора для меня здѣсь ничего не должно быть секретнаго.

— Я имѣю право,—отвѣчалъ Ермоловъ,—прямо давать предписанія частнымъ начальникамъ, не сообщая вамъ о томъ.

— Такимъ образомъ я, живя отъ васъ въ десяти шагахъ, узнаю черезъ два мѣсяца о дѣлаемыхъ распоряженіяхъ.

Прибытіе постороннихъ было причиною перерыва разговора. Ермоловъ замѣтилъ Паскевичу только, что онъ холоденъ къ нему.

— Вы холодны, а не я; въ первый день по возвращеніи въ Тифлисъ вы прислали мнѣ сказать, что цѣлый день не принимаете никого, и вотъ уже четвертый день, какъ не отдаете мнѣ визита.

На слѣдующій день Паскевичъ снова возобновилъ прерванный разговоръ.

— Я ничего не знаю,—говорилъ онъ,—о происходящемъ здѣсь, и извѣстія или поздно до меня доходятъ, или я вовсе ихъ не получаю. Вотъ доказательство тому: я сегодня получилъ отъ князя Мадатова отъ 25-го числа рапортъ, что онъ 26-го числа выступаетъ за Араксъ. Вѣрно князь Мадатовъ получилъ приказаніе отъ вашего высокопревосходительства дней десять прежде, ибо надобно, по крайней мѣрѣ, столько, чтобы собрать отрядъ изъ Зардоба, Агджабеюка и Ахъ-Оглана, откуда онъ пошелъ. Я слышалъ, что онъ получилъ приказаніе назадъ тому почти мѣсяцъ. Въ какое положеніе вы меня ставите и что я долженъ рапортовать государю императору?

— Я не могу сообщать вамъ о всѣхъ моихъ распоряженіяхъ,—отвѣчалъ Ермоловъ,—это похоже было бы на донесенія.

---

[1]) Заблоцкому-Десятовскому, Туркулу и Реаду. Ниже мы увидимъ, что существованіе такого полномочія подвергается нѣкоторому сомнѣнію.

Уступая однакожь просьбамъ и настояніямъ Паскевича, Ермоловъ обѣщалъ сдѣлать распоряженіе, чтобы дежурные штабъ-офицеры его и Паскевича сообщали другъ другу всѣ дѣлаемыя распоряженія. «Но не думаю,—записалъ въ своемъ дневникѣ Паскевичъ [1]),—чтобы черезъ это я многое узналъ, ибо генералъ Ермоловъ самъ пишетъ бумаги и заноситъ въ секретный собственный журналъ. Часто объ его приказаніяхъ никто не знаетъ, ни дежурный штабъ-офицеръ, ни оберъ-квартирмейстеръ, ибо онъ часто пишетъ прямо отъ себя не только полковникамъ, но и баталіоннымъ командирамъ. Итакъ, государя императора намѣреніе, чтобы я зналъ все безъ исключенія, не исполняется».

Паскевичъ пытался нѣсколько разъ завести рѣчь о будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ, но Ермоловъ не высказывалъ своихъ соображеній. Онъ говорилъ, что планъ его еще не обработанъ и что его прочитать, когда онъ будетъ написанъ для представленія государю императору. Видя уклоненія въ отвѣтахъ со стороны Петровича, Паскевичъ не выдержалъ и сталъ развивать свой планъ будущей кампаніи. Ермоловъ все время поддакивалъ и повидимому соглашался во всемъ, такъ что говорившій ушелъ, не зная мнѣнія главнокомандующаго. «Онъ со мною на большой политикѣ,—писалъ Паскевичъ барону Дибичу [2]),—и сколько можетъ скрываетъ... Я совершенно ничего не могу знать навѣрное о его намѣреніяхъ».

Какъ ни склонны были вѣрить въ Петербургѣ всему тому, что служило къ обвиненію Ермолова, но донесенія Паскевича были встрѣчены съ нѣкоторымъ недовѣріемъ,—въ нихъ ясно видно было пристрастіе, придирчивость и преувеличеніе. Къ тому же Паскевичъ тогда только еще начиналъ свою самостоятельную дѣятельность, а Императоръ Николай во многомъ не соглашался съ проектируемымъ имъ быстрымъ и безоглядным наступленіемъ. Напротивъ, онъ скорѣе въ этомъ отношеніи склонялся на сторону Ермолова. «Я совершенно раздѣляю мнѣніе ваше, писалъ государь Ермолову [3]) касательно

[1]) Воен.-учен. арх., отд. II, д. № 4442.

[2]) Въ письмѣ отъ 5-го января 1827 г. Воен.-учен. арх., отд. II, дѣло № 4442.

[3]) Въ письмѣ отъ 24-го октября 1826 г. Актъ Кавк. Арх. Коммисіи, т. VI, ч. II, № 695.

дальнѣйшихъ военныхъ предпріятій противъ персіянъ. Я совершенно согласенъ, что прежде нежели перейти Араксъ, лучше очистить наши провинціи совершенно отъ непріятеля, упрочить спокойствіе оныхъ и обезпечить продовольствіе войскъ на дальнѣйшее дѣйствіе, внести тогда уже войну въ предѣлы Персіи и дѣйствовать рѣшительно. Не должно, однако же, упускать случая, если бы таковой представился, къ овладѣнію Эриванью, силою ли оружія, посредствомъ денегъ или тайныхъ сношеній съ эриванскимъ сардаремъ. Я все сіе поручаю вашему усмотрѣнію».

Представляя государю донесеніе Паскевича, въ которомъ развивался планъ будущихъ дѣйствій и намѣреніе перейти Араксъ, Дибичъ приложилъ и свое мнѣніе. «Рѣшимость Паскевича,—писалъ онъ [1]),—отогнать персіянъ отъ Аракса будетъ, я надѣюсь, увѣнчана успѣхомъ. Она могла бы имѣть значительную пользу, если бы поддержана была эшелономъ войскъ и достаточнымъ подвижнымъ магазейномъ. Въ нынѣшнемъ положеніи многочисленная кавалерія непріятеля, если будетъ умѣть дѣйствовать, весьма можетъ затруднить движеніе Паскевича и сдѣлать оное даже невозможнымъ, если Ермоловъ не рѣшится перейти къ Шушѣ, дабы поддержать наступленіе Паскевича». На этой самой запискѣ Императоръ Николай Павловичъ написалъ: «Все это правда, и я, признаюсь, не *раздѣляю мысли* Паскевича, ибо она удаляетъ насъ отъ *настоящей цѣли кампаніи*».

Видя, однако же, несогласія, возникшія между Паскевичемъ и Ермоловымъ по поводу предстоявшихъ дѣйствій, и непріязненныя отношенія другъ къ другу, государь поручилъ Дибичу успокоить Паскевича и выразить ему желаніе, чтобы онъ оставался на Кавказѣ до дальнѣйшихъ распоряженій.

«Я имѣлъ удовольствіе получить ваши послѣднія письма,—писалъ ему Дибичъ [2]). Тотчасъ по полученіи перваго я поспѣшилъ его представить его императорскому величеству. Вы должны быть совершенно увѣрены, любезный товарищъ, въ чувствахъ расположенія,

[1]) Собственноручная записка Дибича, отъ 21-го ноября 1826 года. Воен.-учен. арх., отд. I, дѣло № 965.

[2]) Письмо Дибича Паскевичу, 6-го января 1827 г. Воен.-учен. арх., отд. II, дѣло № 4442.

которыя нашъ августѣйшій монархъ къ вамъ имѣетъ, и удостовѣрены въ искреннемъ участіи, которое его величество принимаетъ въ состояніи вашего здоровья. Вы должны быть увѣрены, что онъ охотно разрѣшилъ бы, согласно вашего желанія, васъ вызвать, если бы не разсчитывалъ много на то вліяніе, которое ваше присутствіе въ Тифлисѣ можетъ оказать на рѣшенія, отъ которыхъ болѣе или менѣе зависятъ послѣдствія войны, въ которой вы съ такимъ успѣхомъ стяжали первые лавры.

«Вскорѣ послѣ полученія вашего перваго письма пріѣхалъ вашъ адъютантъ. Депеши, съ которыми онъ присланъ, должны были возбудить справедливыя опасенія о степени успѣха будущей кампаніи и въ особенности о ея быстротѣ. Его величество съ особеннымъ неудовольствіемъ увидѣлъ, въ какомъ неустройствѣ находятся наши бравыя войска, и что это не можетъ быть иначе, какъ слѣдствіе непростительнаго упущенія и лихоимства частныхъ начальниковъ. Но тѣ же самыя причины, которыя вызвали вашу посылку изъ Москвы, любезный генералъ, и которыя вашъ умъ и сердце отгадали, заставляютъ въ настоящее время ожидать категорическаго отвѣта отъ генерала Ермолова относительно плана операцій, который его величество приказалъ ему послать и котораго копію вы уже получили. Если онъ поторопится его исполнить, то его величество увѣренъ, что возвышенныя чувства истиннаго побѣдителя подъ Елисаветполемъ заставятъ содѣйствовать тому и сердцемъ, и душою. Его величество все-таки не отказывается вызвать васъ, если вы думаете, что вамъ совершенно невозможно служить съ генераломъ Ермоловымъ. Если же, напротивъ, онъ откажется исполнить желаніе государя словомъ или дѣломъ, тогда его величество не можетъ допустить такой неспособности и назначеніе новаго главнокомандующаго послѣдуетъ немедленно. Въ этомъ случаѣ его величество не сомнѣвается, что этотъ новый начальникъ, которымъ можетъ быть только одинъ изъ самыхъ старшихъ и уважаемыхъ генераловъ, еще болѣе будетъ нуждаться въ вашихъ совѣтахъ и въ вашей поддержкѣ (votre appui). *Полагая назначить васъ начальникомъ штаба дѣйствующей противъ персіянъ арміи* [1]), его величество даетъ вамъ возможность быть со-

[1]) Какъ согласить это съ тѣмъ, что разсказывалъ впослѣдствіи Паскевичъ о какомъ-то тайномъ рескриптѣ, дающемъ ему право по своему усмотрѣнію смѣ-

вѣтникомъ и подготовить всѣ средства, которыя обезпечили бы намъ кампанію столь же счастливую, сколько побѣда 13-го сентября (подъ Елисаветполемъ) даетъ намъ право ожидать отъ васъ. Онъ уполномочилъ меня сообщить вамъ его мысли по этому важному предмету и увѣренъ въ вашемъ усердіи и готовности пожертвовать своею личностью пользамъ отечества.

«Мы ожидаемъ въ скоромъ времени отвѣта отъ генерала Ермолова на депеши отъ 30-го ноября. Если онѣ не оправдаютъ справедливой надежды его величества, тогда это будетъ рѣшительнымъ поводомъ къ его отозванію. Тотчасъ по ихъ полученіи, я возвращу вашего адъютанта».

Подобное письмо не могло нравиться Паскевичу: должность начальника штаба не удовлетворяла его, и онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы заступить мѣсто главнокомандующаго. Пособниками ему въ этомъ дѣлѣ, прямо или косвенно, служили лица его партіи, посланныя на Кавказъ одновременно съ отправленіемъ подкрѣпленій. Въ числѣ ихъ наболѣе сильнымъ противникомъ Ермолова былъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, младшій братъ извѣстнаго шефа жандармовъ. Дружба послѣдняго съ Паскевичемъ дѣлала сторонникомъ его и младшаго Бенкендорфа, письма котораго посылались одновременно и съ тѣми же курьерами, съ которыми посылались и донесенія Паскевича. Бенкендорфъ явился къ Ермолову съ письмомъ барона Дибича, въ которомъ онъ просилъ назначить его начальникомъ кавалерійской дивизіи. Ермоловъ принялъ его довольно холодно и долгое время не давалъ ему назначенія. Было ли это потому, что ди-

---

нить Ермолова и заступить его мѣсто. Рескрипта такого мы не отыскали въ архивахъ, и, упоминая о немъ, Паскевичъ всегда прибавляетъ, что и Дибичъ не зналъ о немъ; но едва-ли можно допустить это при извѣстномъ открытомъ и рыцарскомъ характерѣ Императора Николая и его близкихъ отношеніяхъ къ Дибичу. Не вѣрнѣе ли предположить, что позднѣе, когда фактъ назначенія Паскевича главнокомандующимъ уже совершился, онъ разсказывалъ о какомъ-то рескриптѣ, съ цѣлью усилить значеніе первоначальной его посылки на Кавказъ и оправдать вмѣшательство его въ дѣла, до него неотносящіяся. Несомнѣнно, что при характерѣ честолюбивомъ и самовластномъ, Паскевичъ не задумался бы воспользоваться полномочіемъ ему даннымъ при первомъ столкновеніи съ Ермоловымъ. Имѣя у себя рескриптъ, ему не было нужды прибѣгать къ доносамъ и кривымъ путямъ.

визія не была въ сборѣ и полки приходили по частямъ, или потому, что онъ вообще нерадушно относился къ тѣмъ, которые присылались помимо его желанія, но, во всякомъ случаѣ, замедленіе въ исполненіи просьбы Дибича поставило Бенкендорфа 2-го въ число обиженныхъ, недовольныхъ, и подъ его перомъ картина ермоловскаго управленія краемъ явилась въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ 2-й сообщалъ брату о полнѣйшей бездѣятельности въ Тифлисѣ, «о постыдной трусости, которая держала въ бездѣйствіи болѣе шести недѣль около 1,200 человѣкъ, разбросанныхъ вокругъ Тифлиса, тогда когда непріятель разорялъ сколько хотѣлъ богатѣйшія провинціи. Непостижимо,—говорилъ Бенкендорфъ,—что человѣкъ (Ермоловъ), который при помощи въ потѣ лица трудившагося солдата воздвигъ здѣсь зданія, достойныя сдѣлаться украшеніемъ Петербурга, — этотъ человѣкъ не сумѣлъ выстроить хотя бы одну крѣпостцу [1]), которая могла бы защитить страну отъ вторженія непріятеля. Вмѣсто быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій, онъ, вмѣстѣ съ гвардіею, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, на глазахъ всѣхъ жителей, торжественно разъѣзжаетъ по нашимъ восточнымъ (мусульманскимъ) провинціямъ и не принимаетъ почти никакихъ мѣръ. По словамъ Бенкендорфа, со стороны кавказскихъ заправилъ (de la part des fesеurs) все разсчитано на выигрышъ времени и на то, чтобы до поры до времени бросить пыль въ глаза якобы мѣрами предосторожности, заготовленіями запасовъ провіанта и фуража и великими стратегическими соображеніями, доженствующими открыть блестящую кампанію въ началѣ лѣта, т. е. именно тогда, когда нашъ солдатъ наименѣе выносливъ и персіяне будутъ совершенно готовы. Въ сущности же прибывшія подкрѣпленія ощущаютъ во всемъ недостатокъ и на назначенныхъ этапахъ не находятъ ни провіанта, ни фуража. За отсутствіемъ Ермолова изъ Тифлиса, поставленный во главѣ управленія генералъ Вельяминовъ на всѣ требованія войскъ отвѣчаетъ, что спроситъ главнокомандующаго, но часто не знаетъ, гдѣ онъ находится, а если

[1]) Постройка крѣпостей производилась не иначе какъ съ утвержденія инженернаго вѣдомства. Не только Ермоловъ, но почти всѣ его предшественники неоднократно входили съ представленіемъ о постройкѣ крѣпостей въ различныхъ пунктахъ, но представленія эти не были осуществляемы.

и имѣетъ объ этомъ свѣдѣнія, то при дурныхъ путяхъ сообщенія для полученія отвѣта необходимо не менѣе трехъ недѣль. Не заготовивъ заранѣе продовольствія, кавказское начальство, по словамъ писавшаго, принуждено было прибѣгнуть къ самоуправію и къ разнымъ притѣснительнымъ мѣрамъ, которыя возбуждаютъ неудовольствіе жителей, тѣмъ болѣе, что они должны содержать и всѣ прибывающія подкрѣпленія, тогда какъ при перенесеніи войны въ предѣлы Персіи мы могли продовольствовать армію на чужой счетъ».

Мысль открыть кампанію лѣтомъ обезкураживаетъ всѣхъ,—писалъ Бенкендорфъ,—и упадокъ духа начинаетъ уже смѣнять ту пылкость, которая одушевляла прекрасныя войска, горѣвшія нетерпѣніемъ оправдать надежды государя. Самые усердные приверженцы Ермолова въ недоумѣніи; порядочные офицеры громко ропщутъ на него, тѣмъ болѣе, что не видятъ конца непріятностямъ, въ которыя ставитъ ихъ несогласіе между двумя начальниками; солдаты жалуются на недостатокъ во всемъ, между тѣмъ они могли бы идти впередъ. «О, мой милый братъ!—восклицаетъ Бенкендорфъ,—такъ дѣло не можетъ идти и не пойдетъ,—я вамъ это предсказываю. Съ императоромъ здѣсь дурно поступили, и меня всякій день выводитъ изъ себя это сплетеніе глупости и особенно хитрости, похищающихъ у государя одну изъ прекрасныхъ страницъ, которая могла бы украсить исторію подвиговъ государства. Всему этому нѣтъ имени и обо всемъ получаешь настоящее, истинное понятіе только видя собственными глазами, что здѣсь дѣлается. Прежде всего находящіеся здѣсь не имѣютъ надлежащаго понятія о веденіи войны, что они и доказали, а Ермоловъ боится, чтобы кто-нибудь не прославился помимо его иниціативы. Все что здѣсь происходитъ, дѣлаетъ меня больнымъ, такъ какъ я вижу, что здѣсь все устроено такъ, чтобы ничего не дѣлать и обманывать императора на сколько только возможно. Усердіе истинно преданныхъ государю людей будетъ, наконецъ, парализовано; всѣ прибыли сюда одушевленные самымъ воинственнымъ духомъ, но всякій видитъ теперь, что, будучи далеко не желаннымъ, дѣлается предметомъ зависти и наговоровъ тому, который долженъ всѣми управлять».

Касаясь личности Ермолова, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ 2-й называлъ его фигляромъ (ce jongleur), распустившимъ всю ад-

министративную машину и допустившимъ множество злоупотребленій исключительно вслѣдствіе своего характера. Ермолову,—писалъ онъ,—нужны только свои созданія, слѣпые поклонники воображаемаго имъ въ себѣ таланта и распространители его славы. Такая фальшь продолжалась до той рѣшительной минуты, пока не наступило время осуществленія идей, и тогда этотъ великій человѣкъ (ce grand homme), который жаждалъ только поклонниковъ, очутился въ глазахъ свѣта въ состояніи человѣка, близкаго къ могилѣ. «Ермоловъ не покинетъ своего поста, пока его рѣшительно не выгонятъ отсюда (ne quittera la partie que quand on le mettra décidément à la porte), какъ онъ того заслуживаетъ. Это, какъ кажется, человѣкъ безъ всякаго чувства, жаждущій одной власти, какою бы цѣною она ни досталась, а между тѣмъ онъ сдѣлалъ все, чтобы потерять ее, какъ въ административномъ, такъ и въ военно-политическомъ отношеніяхъ, ибо никогда тегеранскій дворъ не согласится имѣть съ нимъ дѣло. Ермоловъ убилъ во всѣхъ патріотическій порывъ, и я васъ прошу подумать,—прибавлялъ Бенкендорфъ въ заключеніе своего письма,—и принять къ свѣдѣнію, *что мы не совершимъ ничего выдающагося, пока здѣсь Ермоловъ, пока ему будетъ предоставлено все дѣло или пока его не свяжутъ по рукамъ.* Я говорю вамъ не отъ себя только одного, но высказываю чувства всѣхъ, кто только преданъ императору, желаетъ ему блага и хочетъ служить ему. Тѣ, которые набили себѣ карманъ, думаютъ только о томъ, чтобы имъ сохранили Ермолова, сдѣлавшагося для нихъ государемъ и отечествомъ. Погода стоитъ здѣсь превосходная, на персидскихъ горахъ нѣтъ ни капли снѣга, а еслибъ даже онъ и былъ, развѣ не нашлось бы русскихъ рукъ, чтобы его расчистить,—это просто скандалъ, и время начинать бой[1])».

Письмо это, какъ и слѣдовало ожидать, было, черезъ Дибича, представлено императору и, конечно, произвело глубокое впечатлѣніе. Вслѣдъ затѣмъ были получены новыя извѣстія о положеніи дѣлъ и состояніи края.

Находившіеся въ Тифлисѣ баронъ Александръ Андреевичъ Фре-

---

[1]) Письмо-дневникъ Бенкендорфа брату, отъ 4—10-го декабря 1826 года. Воен.-учен. арх., отд. II, № 4439.

дериксъ и князь Николай Андреевичъ Долгоруковъ почти одновременно писали Дибичу. Первый сообщалъ [1]), что бездѣйствіе вызываетъ тяжелое чувство въ войскахъ и что они съ грустью смотрятъ, какъ проходятъ зимніе мѣсяцы, столь удобные для наступательныхъ дѣйствій; что съ наступленіемъ весны персидскія горы должны быть для нашихъ войскъ гораздо вреднѣе и опаснѣе, чѣмъ непріятель; что неизбѣжныя болѣзни, господствующія тамъ весною, причинятъ намъ огромную убыль въ людяхъ. Коснувшись вопроса о войскахъ, баронъ Фредериксъ писалъ: «Les troupes d'ici, quoique bien inférieures quant à la mise et la tenue, ne manquent pas d'être animées du meilleur esprit et d'un courage indubitable [2])».

Кн. Долгоруковъ находилъ, что губернаторы и начальники провинцій пользуются слишкомъ неограниченною властью и, не смотря на то, находятся въ затруднительномъ положеніи. При враждебности къ намъ татаръ и вообще магометанскаго населенія, губернаторъ, будучи человѣкомъ честнымъ, безкорыстнымъ и справедливымъ, можетъ быть легко введенъ въ заблужденіе по незнанію имъ языка и недобросовѣстности переводчиковъ. По словамъ князя Долгорукова, административная машина и спокойствіе въ краѣ *обезпечивались только довѣріемъ къ слову и справедливости Ермолова и страхомъ, который онъ внушаетъ;* но, не смотря на то, его можно было скорѣе упрекнуть въ слабости, чѣмъ въ излишней строгости [3]).

«Что же касается до войскъ,—говорилъ князь Долгоруковъ,—то ихъ выправка и одежда мнѣ показались въ жалкомъ видѣ (dans un état pitoyable), но въ то же время я замѣтилъ прекрасный духъ, примѣрную дисциплину въ офицерахъ и солдатахъ и вообще полную готовность подвергнуться всякимъ испытаніямъ,—никогда ни

---

[1]) Въ письмѣ отъ 5-го января 1872 г. Воен.-учен. арх., отд. II, д. № 4,442

[2]) Здѣшнія войска хотя и уступаютъ прочимъ по выправкѣ и обмундированію, однако проникнуты наилучшимъ духомъ и несомнѣнною храбростью».

[3]) «Ce qui fait jusqu'à présent marcher cette administration, c'est la confiance que l'on porte à la parole et à la justice du général Ermoloff, et la crainte que l'on en a; malgré cela on pourrait le taxer quelquefois de faiblesse plutôt que de trop grande sévérité. Je crois que dans cette occasion il fallait plus d'exemples de punitions qu'il n'en a donnés».

ропота, ни малѣйшаго безпорядка въ продолженіе трехмѣсячнаго похода. Обѣщаютъ, что къ лѣту они будутъ заново одѣты и, какъ образчикъ тому, при возвращеніи нашемъ въ Царскіе Колодцы, я видѣлъ роту Ширванскаго полка, отъ обмундированія которой нельзя желать ничего бо̀льшаго.

«По прибытіи нашемъ въ Турганчай—пунктъ въ провинціи Шекинской, на границѣ съ Ширваномъ, — генералъ Ермоловъ, которымъ я былъ вначалѣ дурно принятъ, но который постепенно перемѣнилъ свое мнѣніе, далъ мнѣ довольно щекотливое порученіе (une commission assez délicate), доказывающее, однакожь, его довѣріе и успѣхъ, въ которомъ я принесъ бы большую пользу службѣ. Оно заключалось въ томъ, чтобы я отправился къ генералу Паскевичу и постарался водворитъ между ними согласіе, которое казалось совершенно потеряннымъ. Я выступилъ съ полкомъ казаковъ полковника Шамшева и двумя орудіями, которыя должны были усилить отрядъ Паскевича. Я переправился черезъ р. Куру, у Пиразана, и направился, черезъ Карабагъ, въ лагерь у Черекеня, гдѣ нашелъ генерала Паскевича. Я провелъ тамъ три недѣли, въ продолженіе которыхъ всѣ мои старанія были употреблены, чтобы возстановить дружескія отношенія между двумя генералами, но довѣріе (confiance) было уже потеряно, и всѣ мои попытки и заботы (tous mes soins) были почти-что безплодны».

Рядъ противорѣчій въ письмахъ и извѣстіяхъ, какъ оффиціальныхъ, такъ и частныхъ, не давали возможности судить о дѣйствительномъ положеніи войскъ и края. Изъ Петербурга невозможно было видѣть, что̀ дѣлается на Кавказѣ, кто правъ, Ермоловъ или Паскевичъ, и какія дѣйствительно приняты мѣры къ скорѣйшему открытію кампаніи. Точность этихъ свѣдѣній могла быть доставлена только самымъ довѣреннымъ лицомъ, и императоръ рѣшилъ отправить въ Тифлисъ начальника главнаго штаба, барона Дибича, и въ помощь ему назначилъ впослѣдствіи флигель-адъютанта полковника Адлерберга [1]). Оба они были весьма близки государю, и на донесенія ихъ онъ могъ вполнѣ положиться.

---

[1]) Впослѣдствіи графъ и министръ императорскаго двора.

При этомъ императоръ писалъ Ермолову [1]): «По важности военныхъ обстоятельствъ въ Грузіи и Персіи, и дабы имѣть, съ одной стороны, самыя подробныя и вѣрнѣйшія свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и всѣхъ пріуготовительныхъ мѣрахъ, и съ другой усилить и ускорить оныя кратчайшимъ личнымъ сношеніемъ съ вами, отправлю я въ Грузію начальника главнаго штаба моего, объяснивъ ему подробно о предположеніяхъ моихъ *и уполномочивая его на всѣ мѣры, дабы привести въ точное и безотлагательное исполненіе данныхъ ему отъ меня личныхъ наставленій*».

Въ началѣ февраля Дибичъ выѣхалъ изъ Петербурга и на пути старался узнавать отъ проѣзжающихъ о томъ, что дѣлается въ Грузіи. Допрашиваемые подтверждали о несогласіи, существующемъ между генералами Ермоловымъ и Паскевичемъ, и что первый «повидимому не скрываетъ даже между подчиненными неудовольствія своего, происходящаго наиболѣе отъ присылки генерала Паскевича, въ коемъ онъ видитъ себѣ соперника» [2]). Провіантскій коммисіонеръ Аверковичъ и предсѣдатель ставропольскаго областнаго правленія, баронъ Розенъ, говорили Дибичу, что въ Закавказьи нѣтъ вовсе ни провіанта, ни фуража; что въ Донскомъ казачьемъ полку много лошадей пало, въ конно-артиллерійской ротѣ № 13-го онѣ сильно истощены, а въ Крымскомъ пѣхотномъ полку выпущены въ поле на подножный кормъ. Подъѣзжая къ городу Ставрополю, Дибичъ встрѣтилъ хоперскихъ казаковъ въ «довольно исправномъ видѣ»; въ Ставрополѣ нашелъ управленіе «въ желаемомъ видѣ» точно такъ же, какъ учебную команду, собранную изъ полковъ 22-й пѣхотной дивизіи и казаковъ Кубанскаго, Черноморскаго и Донскаго полковъ.

Императоръ остался очень доволенъ этими первыми свѣдѣніями. «Письмо ваше,—писалъ онъ [3]),—любезный Иванъ Ивановичъ, получилъ я третьягодня вечеромъ и весьма благодарю за поспѣшность, съ которою ѣдете, и за сообщенныя извѣстія. Дай Богъ, чтобы

---

[1]) Въ рескриптѣ отъ 23-го февраля 1826 г. Приложеніе къ запискамъ Ермолова.

[2]) Всеподданнѣйшее донесеніе Дибича, отъ 14-го февраля 1827 г. Воен.-учен. арх., отд. II, дѣло № 4442.

[3]) Въ собственноручномъ письмѣ Дибичу отъ 27-го февраля.

я скоро получилъ увѣдомленіе о счастливомъ прибытіи въ Тифлисъ, и что все не такъ плохо, какъ, къ несчастью, кажется по свѣдѣніямъ, которыя оттуда доходятъ. *Я уже не знаю чему вѣрить*, и жду, чтобы окончательно судить изъ вашего донесенія... Рапорты Паскевича на счетъ состоянія кавалеріи и артиллеріи меня крайне безпокоятъ, и я любопытенъ слышать твое мнѣніе».

14-го февраля, на другой день по прибытіи въ Ставрополь, генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ принималъ представлявшихся, ординарцевъ и вѣстовыхъ. Начальникъ главнаго штаба замѣтилъ управляющему коммисаріатскою коммисіею, что сукна нехороши, и остался недоволенъ артиллерійскими ординарцами, говоря, что нечисто одѣты и дурно выправлены. «Послѣ того стали представляться армейскіе,—говоритъ очевидецъ [1]),—въ старыхъ, истертыхъ мундирахъ и съ неровнымъ, трепетнымъ шагомъ. Мы думали тутъ услышать цѣлую бурю, но они не удостоились слова, кромѣ угрозы на бровяхъ». Провѣряя затѣмъ донесеніе Паскевича, баронъ Дибичъ обратился къ извѣстному ему лично подполковнику Радожицкому [2]) и спросилъ: почему онъ, будучи самъ 21-й артиллерійской бригады, командуетъ 22-ю бригадою?

— Настоящій командиръ, полковникъ Коцаревъ, отвѣчалъ спрошенный, сначала командовалъ отрядами, потомъ рапортуется больнымъ и меня здѣсь удерживаютъ четвертый годъ для командованія бригадою.

— Артиллерія, замѣтилъ Дибичъ, всегда была лучшею частью арміи во всѣхъ отношеніяхъ, а здѣсь я вижу противное.

— Послѣ вступленія моего въ командованіе, я стараюсь дове-

---

[1]) «Графъ Дибичъ на Кавказѣ въ 1827 году». «Древняя и Новая Россія», 1880 г., № 9, стр. 175.

[2]) Дибичъ зналъ подполковника Радожицкаго, когда онъ служилъ подъ его начальствомъ въ свитѣ его величества. Будучи корпуснымъ оберъ-квартирмейстеромъ въ Кіевѣ, Радожицкій, по порученію того же Дибича, занимался составленіемъ карты съ статистикою и описаніемъ дорогъ Кіевской и Черниговской губерній. Изнуренный этими работами, онъ сначала вышелъ въ отставку, а потомъ поступилъ на службу въ артиллерію. Отказавшись на приглашеніе вновь служить по квартирмейстерской части, Радожицкій навлекъ тѣмъ на себя нерасположеніе Дибича.

сти все до возможнаго совершенства; но прежде этого не могло быть по той причинѣ, что съ давняго времени артиллерія находилась безпрерывно въ походахъ за Кубанью и въ Кабардѣ, такъ что некогда было заниматься ни обмундированіемъ людей, ни выправкою.

— Въ заграничной съ французами кампаніи войска были всегда хорошо одѣты.

— Тогда въ продолженіе мира и перемирія имѣли время приготовиться.

— Что вы мнѣ говорите! вскричалъ генералъ. Вамъ не было времени вычистить мундиры? Дурно, сударь, дурно! И если вы стали дѣлать отговорки, тѣмъ хуже. Я буду свидѣтельствовать государю, чтобы васъ отрѣшить отъ командованія.

Спустя нѣсколько часовъ, за обѣдомъ, Дибичъ спросилъ того же Радожицкаго: «бываетъ ли у васъ практитическое ученье?»

— Всегда, отвѣчалъ онъ, подразумѣвая дѣйствія противъ горцевъ, потому что часто случается дѣйствовать по непріятелю, и черкесы столько уважаютъ нашу артиллерію, что не осмѣливаются даже по три и по четыре человѣка съѣзжаться вмѣстѣ на извѣстномъ разстояніи...

— Можетъ быть, потому, что они боятся, а не потому, чтобы цѣльно стрѣляли, прервалъ Дибичъ.

— Они потому и боятся, что цѣльно въ нихъ стрѣляютъ изъ пушекъ, о чемъ могутъ засвидѣтельствовать всѣ бывшіе за Кубанью.

— Начальство объ этомъ лучше знаетъ! сказалъ Дибичъ, покраснѣвъ и засверкавъ глазами.

Въ тотъ же день онъ донесъ императору о дурномъ состояніи артиллеріи, прибавляя, что на обратномъ пути онъ посмотритъ практическую стрѣльбу, «и если и въ сей части окажется оная столь же мало исправною, то подполковникъ Радожицкій достоинъ будетъ того, чтобы отрѣшить его отъ команды» [1]).

По пути къ Тифлису Дибичъ осматривалъ войска и нашелъ ихъ въ удовлетворительномъ состояніи, «а духъ войскъ и усердіе ихъ,—

---

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе Дибича, 14-го февраля. Воен.-учен. арх., отд. II, № 4442.

доносилъ онъ [1]),— отвѣчаютъ совершенно желанію вашего величества».

Караулъ Кабардинскаго полка въ Екатериноградѣ представился ему въ «изрядномъ» видѣ, но выправки поодиночкѣ было мало, «косй,—замѣтилъ Дибичъ [2]),—и требовать мудрено, ибо люди безпрестанно или въ караулѣ, или конвоѣ». Во всѣхъ чинахъ этого полка начальникъ главнаго штаба замѣтилъ здоровый видъ и отличное усердіе; обмундированіе найдено изрядным, но аммуниція пригнана «весьма посредственно». Находившіеся на пути отъ Екатеринограда до Коби посты, занимаемые частями полковъ Кабардинскаго и Владикавказскаго гарнизоннаго, оказались весьма удовлетворительными, и нижніе чины имѣли «изрядную выправку и обмундированіе». Въ Ананурѣ и Душетѣ находились двѣ роты Тифлисскаго полка, въ которыхъ Дибичъ нашелъ «изрядную выправку и обмундированіе».

Съ приближеніемъ начальника главнаго штаба къ столицѣ Грузіи, Ермоловъ послалъ ему на встрѣчу своего адъютанта Талызина, съ слѣдующимъ письмомъ, отъ 19-го февраля: «Въ короткихъ словахъ дамъ себя выразумѣть вашему высокопревосходительству: радъ душевно, что вы ѣдете сюда, и знаю, сколь облегчены будутъ мои дѣйствія».

20-го февраля Дибичъ пріѣхалъ въ Тифлисъ и отправился прямо на квартиру Ермолова. Встрѣча ихъ была самая дружеская, съ увѣреніемъ со стороны Алексѣя Петровича въ совершенной своей откровенности и съ требованіемъ таковой же и отъ начальника главнаго штаба. Послѣ нѣсколькихъ объясненій Дибичъ объявилъ Ермолову, что императоръ, судя по прежнимъ дѣйствіямъ, сомнѣвается, чтобы на будущее время военныя дѣйствія были быстры и рѣшительны, какъ того желаетъ онъ и требуетъ достоинство Россіи. По словамъ Дибича, Ермоловъ отвѣчалъ, *«что онъ признаетъ себя нынѣ виновнымъ»*, что послѣ Елисаветпольскаго сраженія не рѣшился идти къ Тавризу, но причиною тому было: малыя потери персіянъ, опасеніе, что шахъ подкрѣпитъ на Араксѣ Абасъ-Мирзу и

[1]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 21-го февраля 1827 г. Воен.-учен. арх., отд. II. № 4442.

[2]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 23-го февраля 1827 г. Тамъ же.

тогда переходъ черезъ эту рѣку, не усмиривъ прежде Ширванъ, Шеку и джарцевъ, былъ бы опасенъ. Алексѣй Петровичъ увѣрялъ, что къ первымъ числамъ апрѣля будетъ имѣть продовольствія на два мѣсяца и достаточныя средства для его подвоза, и ручается головою, что прежде наступленія знойнаго времени займетъ ханства Эриванское и Нахичеванское до р. Аракса. Дибичъ говорилъ, что опыты предъидущихъ кампаній убѣждаютъ, что не персидское оружіе намъ страшно, но голодъ, который мы можемъ испытать при наступательныхъ дѣйствіяхъ, и потому важно занять немедленно Эриванское ханство, чтобы не дозволить персіянамъ уничтожить и тѣ незначительныя средства продовольствія, которыя мы можемъ найти въ армянскихъ селеніяхъ. Признавая мысль эту справедливою, Ермоловъ просилъ однакожь рѣшеніе этого вопроса отложить до болѣе подробнаго обсужденія плана и представленія имъ тѣхъ средствъ, которыя онъ имѣетъ и надѣется имѣть въ будущемъ.

На вопросъ объ отношеніяхъ съ Паскевичемъ Ермоловъ старался уклониться отъ отвѣта, но по настоянію Дибича принужденъ былъ высказаться. Алексѣй Петровичъ говорилъ, что Паскевичъ находится подъ вліяніемъ другихъ и чрезвычайно неровенъ съ нимъ въ сношеніяхъ; что онъ пріѣхалъ, чтобы заступить мѣсто главнаго начальника въ краѣ, но онъ, Ермоловъ, «привыкнувъ исполнять высочайшую волю, не могъ рѣшиться при пріѣздѣ Паскевича сказаться больнымъ, какъ бы, можетъ быть, сдѣлали на его мѣстѣ другіе»; что послѣ того Паскевичъ сталъ требовать, чтобы ему были сообщаемы всѣ бумаги и приказы, но Ермоловъ, руководствуясь словами рескрипта, въ которомъ было сказано, что Паскевичъ будетъ доносить императору то, что сообщитъ ему главнокомандующій, «не почелъ себя въ обязанности давать ему отчетъ въ бумагахъ по управительной части». Отдавая справедливость способностямъ и добрымъ намѣреніямъ Паскевича, Ермоловъ былъ убѣжденъ, что, заподозривъ чистосердечіе въ его поступкахъ, Паскевичъ никогда не можетъ быть съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

— Государь императоръ,—говорилъ Дибичъ,—зная Паскевича болѣе, нежели онъ мнѣ извѣстенъ, изволилъ поручить мнѣ ручаться за него, что при деликатномъ обхожденіи онъ будетъ вѣрнѣйшимъ помощникомъ.

Ермоловъ повторилъ, что радъ пріѣзду его, надѣется, что онъ разграничитъ ихъ отношенія, и увѣренъ, что устроитъ такъ, что будетъ безобидно для званія его.

Отправившись на свою квартиру, Дибичъ былъ встрѣченъ почетнымъ карауломъ «въ отличномъ порядкѣ» и всѣми начальствующими лицами. «Послѣ первыхъ привѣтствій съ собранными офицерами,—доносилъ Дибичъ [1]),—въ коихъ я нашелъ, сколько по виду судить можно, лица довольныя и совершенное приличіе, отпустивъ ихъ и потомъ прочихъ собравшихся, остался наединѣ съ генераломъ Паскевичемъ».

— Дѣйствительно ли все то правда,—спрашивалъ Дибичъ,—что вы писали про Ермолова въ рапортѣ государю?

— Вы мнѣ сами говорили о Ермоловѣ,—отвѣчалъ обиженный Паскевичъ,—гораздо болѣе, нежели я теперь писалъ о немъ. Если государю угодно, я останусь служить здѣсь подъ командою всякаго старшаго меня генерала безпрекословно, но съ Ермоловымъ оставаться не могу,—мнѣ быть вмѣстѣ съ нимъ нельзя [2]).

Паскевичъ увѣрялъ Дибича, что не болѣе, какъ черезъ недѣлю онъ убѣдится въ фальшивости Ермолова и въ неспособности, которую онъ показалъ, какъ при военныхъ дѣйствіяхъ, такъ и при управленіи войсками и краемъ. Вообще Паскевичъ былъ недоволенъ первымъ пріемомъ начальника главнаго штаба. «Баронъ Дибичъ,—разсказывалъ онъ впослѣдствіи,—явился въ Тифлисъ въ видѣ посредника между нами. Такова была по крайней мѣрѣ явная цѣль его пріѣзда; тайная же его цѣль, цѣль собственная, казалось, была другая. Будучи начальникомъ главнаго штаба и потому распоряжаясь именемъ государя, онъ во все входилъ въ Тифлисѣ и потомъ сдѣлалъ донесеніе о нашихъ отношеніяхъ съ генераломъ Ермоловымъ и о положеніи дѣлъ въ краѣ въ такомъ видѣ, что императоръ поставленъ былъ въ затрудненіе знать истину и разгадать, что̀ Дибичъ хочетъ сказать. Казалось, онъ давалъ разумѣть, что онъ одинъ только можетъ вести успѣшно дѣла за Кавказомъ, и что безъ него

---

[1]) Отъ 26-го февраля. «Русская Старина», 1872 г., т. VI, стр. 48.

[2]) Разсказъ самого Паскевича Заблоцкому-Десятовскому и проч.

они не пойдутъ[1])». Другими словами, Паскевичъ намекалъ, что Дибичъ хотѣлъ самъ заступить мѣсто Ермолова и вести побѣдоносную войну съ персіянами. Такъ это или нѣтъ, но, прежде чѣмъ получить желаемое назначеніе, баронъ Иванъ Ивановичъ старался исполнить порученіе государя и разузнать, что дѣлается въ краѣ.

Въ Тифлисѣ онъ осмотрѣлъ баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго полка, баталіонъ 7-го карабинернаго, двѣ роты 41-го, двѣ роты 44-го егерскихъ и роту 8-го піонернаго баталіона. Онъ нашелъ видъ людей хорошимъ, а въ особенности унтеръ-офицеровъ Херсонскаго полка. «Штабъ и оберъ-офицеры,—доносилъ Дибичъ[2]),—вообще своимъ приличнымъ наружнымъ видомъ и тѣмъ, что у развода замѣтить можно, превзошли мое ожиданіе». Одежда была найдена новая и чистая, но сшитая безъ щегольства; аммуниція прочная, но дурно пригнанная. Все это, конечно, было далеко отъ характеристики, сдѣланной войскамъ Паскевичемъ, увѣрявшимъ, что каковы были войска въ его отрядѣ, таковы и во всемъ корпусѣ. Между тѣмъ Дибичъ объяснилъ плохое состояніе фронтовой выправки въ дѣйствующемъ отрядѣ болѣе безпристрастно, какъ слѣдовало бы сдѣлать это и Паскевичу.

«Всѣ новыя хорошія зданія (въ Тифлисѣ),—писалъ начальникъ главнаго штаба,—построены во время управленія генерала Ермолова военнорабочими. Сіи работы и построеніе полковыхъ штабовъ можно полагать изъ главнѣйшихъ причинъ совершеннаго упущенія фронтовой части; они имѣли также вліяніе на безпорядки въ одеждѣ и аммуниціи дѣйствующихъ войскъ прошедшей кампаніи, ибо команды паряжались безъ должнаго порядка, сообразно составу войскъ, и посылались въ старой амуниціи и въ ветхихъ мундирахъ[3]) и, не возвращаясь въ свои штабъ-квартиры, выступили прямо въ походъ въ самомъ жалкомъ положеніи».

Желая ближе ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, Дибичъ разспрашивалъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа 2-го и флигель-адъютанта князя Долгорукаго. Первый повторилъ то же, что писалъ брату,

[1]) Разсказъ Паскевича и проч.

[2]) Отъ 8-го марта 1827 г. «Русская Старина», 1872 г., т. VI, стр. 254.

[3]) Понятно, что на работы нельзя было иначе посылать, какъ въ старомъ обмундированіи.

съ прибавленіемъ, что общественное мнѣніе будто бы на столько сильно противъ Ермолова, что онъ никакъ не можетъ оставаться начальникомъ края. Князь Долгорукій былъ болѣе безпристрастнымъ и болѣе солиднымъ по своему мнѣнію. Онъ говорилъ, что примиреніе Ермолова съ Паскевичемъ невозможно, «но что въ семъ не причиною вражда перваго противъ послѣдняго, но болѣе чрезвычайная чувствительность генерала Паскевича и хитрое дѣйствіе одного поручика изъ армянъ (Карганова), служащаго у Паскевича переводчикомъ». На вопросы Дибича о злоупотребленіяхъ въ администраціи и о разсказахъ самого Ермолова князь Долгорукій отвѣчалъ, что злоупотребленія, конечно, существуютъ, но преувеличены молвою; что относительно неосторожныхъ словъ Ермолова онъ рѣшительно увѣряетъ, что не только таковыхъ никогда не слыхалъ, «но, напротивъ, замѣтилъ, что генералъ Ермоловъ старается разсказывать доходящіе здѣсь часто изъ С.-Петербурга выгодные слухи и анекдоты».

Въ послѣдующихъ донесеніяхъ Дибичъ уклонялся отъ прямаго оправданія или обвиненія Ермолова. Начальникъ главнаго штаба не сомнѣвался въ томъ, что Алексѣй Петровичъ сдѣлалъ весьма значительныя ошибки въ прошлую кампанію, но не былъ увѣренъ, что онѣ были умышленны, а скорѣе произошли отъ неточныхъ свѣдѣній о силѣ и свойствахъ (?) непріятеля и отъ излишней боязни дальнѣйшаго распространенія бунта въ мусульманскихъ провинціяхъ. Строгое обхожденіе генерала Ермолова, говорилъ Дибичъ, возстановило противъ него дворянство, хановъ и бековъ, но быть можетъ оно имѣетъ полезныя послѣдствія для рабочаго населенія, и несомнѣнно хорошее вліяніе на скорое покореніе взбунтовавшихся и на умы безпокойныхъ; установленіе низкихъ цѣнъ на продукты также возстановило противъ главнокомандующаго помѣщиковъ и купцовъ, но распоряженіе это сдѣлано исключительно въ пользу казны. «Равномѣрно,—доносилъ Дибичъ [1]),—заслуживаетъ строгое порицаніе послабленіе его по экономической части полковъ и по употребленію въ работу нижнихъ воинскихъ чиновъ, хотя нельзя сказать, чтобы примѣтно было малѣйшее дурное вліяніе *на дисци-*

[1]) «Русская Старина», 1872 г., т. VI, стр. 59.

плину и на духъ войскъ, которыя по всему, что я до сихъ поръ видѣлъ, кажутся нимало неупущенными (я тутъ не говорю о фронтовой и гарнизонной службѣ, которыя, конечно, требуютъ прилежнаго занятія)». Подробные инспекторскіе смотры были невозможны по разбросанности частей, употребленію войскъ на работы по частямъ и выступленію оныхъ прямо съ работъ въ походъ противъ непріятеля. Все это могло имѣть вліяніе на ослабленіе фронтовой части, но «упущенія дисциплины я нигдѣ не замѣтилъ», говоритъ Дибичъ [1]).

Имѣя полномочіе въ случаѣ нужды объявить увольненіе Ермолова, генералъ-адъютантъ Дибичъ остановился, однако же, рѣшеніемъ этого вопроса въ виду признаваемыхъ имъ неудобствъ замѣны его генераломъ Паскевичемъ.

«Интриги и духъ партій въ здѣшнемъ краѣ между жителями,— писалъ Дибичъ [2]),—особенно армянскими, превышаютъ прежнее ожиданіе мое. Перемѣна въ начальникѣ откроетъ имъ полную надежду, ибо тѣ самыя причины, кои служатъ основаніемъ разныхъ злоупотребленій отъ властолюбія генерала Ермолова и неограниченное законнымъ ходомъ послабленіе противъ чиновниковъ русскихъ, удержали всѣхъ здѣшнихъ въ повиновеніи и страхѣ.

«Генералъ Паскевичъ съ характеромъ благороднымъ, но чрезвычайно чувствительнымъ соединяетъ недовѣрчивость страстную съ большимъ довѣріемъ къ тѣмъ, кои представляются ему водимыми подобными собственными его благородными чувствами. Съ симъ характеромъ, по мнѣнію моему, онъ можетъ подвергаться дѣйствіямъ сихъ интригъ, кои завалятъ его доносами и дѣлами тѣмъ болѣе, что нынѣшнее положеніе обратило на него взоры всѣхъ справедливыхъ и несправедливыхъ непріятелей генерала Ермолова, и что онъ никогда не управлялъ гражданскою частью».

Убѣждаясь на каждомъ шагу, если не въ полной несправедливости, то въ значительномъ преувеличеніи всего доносимаго Паске-

---

[1]) «Рус. Старина», 1872 г., стр. 53.

[2]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 28-го февраля 1827 г. «Русская Старина», 1872 г., т. VI, стр. 51.

вичемъ, Дибичъ писалъ [1]): «Я понынѣ не могу перемѣнить прежняго мнѣнія,—что упущенія есть довольно значительныя, но что доносы о злодѣйствахъ и преступленіяхъ, основанные только на слухахъ, ничѣмъ недоказанные и весьма часто даже по совершенному недостатку причинъ къ злодѣйскому поступку невѣроятные, никакой вѣры не заслуживаютъ... особливо въ краю, гдѣ, по несчастью, нахожу величайшую склонность къ выдумкамъ, укоризнамъ и клеветамъ самымъ злодѣйскимъ».

Итакъ, по мнѣнію начальника главнаго штаба, ни Ермоловъ, ни Паскевичъ не могли оставаться на Кавказѣ. Предположеніе назначить генералъ-фельдмаршала графа Витгенштейна также не соотвѣтствовало цѣли, какъ человѣка уже стараго и совершенно незнакомаго съ краемъ. Къ тому же, по мнѣнію Дибича, назначеніе другаго начальника должно было быть чувствительно для Паскевича, «ибо онъ полагалъ себя, по прежде данному ему препорученію, заступающимъ мѣсто Ермолова». Паскевичъ неоднократно заявлялъ Дибичу, что съ отъѣздомъ послѣдняго онъ никакъ не можетъ оставаться съ Ермоловымъ, который, въ свою очередь, говорилъ то же про Паскевича. Зная нерасположеніе императора къ Ермолову, начальникъ главнаго штаба старался вызвать его на добровольное отреченіе и склонить на подачу просьбы объ увольненіи. Составляя вмѣстѣ планъ будущей кампаніи, Дибичъ спрашивалъ Ермолова, въ состояніи ли онъ привести его въ исполненіе, такъ какъ до него дошли слухи, будто онъ, жалуясь на затруднительное свое положеніе, говорилъ, что онъ чувствуетъ себя менѣе противъ прежняго способнымъ; что дѣло это слишкомъ важно, такъ какъ оба составителя плана должны будутъ отвѣчать императору за его исполненіе. Ермоловъ отвѣчалъ, что мысль, что онъ лишенъ довѣренности государя, «приводитъ его иногда въ нерѣшимость, и онъ чувствуетъ, что присутствіе генерала Паскевича, унижая его въ глазахъ подчиненныхъ, ослабляетъ духъ и способности его». Дибичъ высказалъ удивленіе, почему Ермоловъ не обратился прямо къ императору съ откровеннымъ объясненіемъ, и выразилъ мнѣніе, что недоразумѣній

[1]) Во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 16-го марта. «Русская Старина», 1872 г., т. VI, стр. 259.

съ Паскевичемъ быть не могло, если бы онъ былъ съ нимъ откровененъ. Алексѣй Петровичъ заявилъ на это Дибичу, что положеніе его съ самаго начала было такое, что подчиненные должны были видѣть генерала Паскевича наставникомъ его; что совмѣстное служеніе ихъ съ отъѣздомъ начальника главнаго штаба можетъ быть только вредно для дѣла. Ермоловъ говорилъ, что, повинуясь высочайшей волѣ, онъ готовъ служить съ Паскевичемъ и даже подъ начальствомъ его, потому что находитъ невозможнымъ просить увольненія во время войны, но считаетъ послѣднее полезнѣйшимъ для дѣлъ и проситъ довести о томъ до высочайшаго свѣдѣнія. Дибичъ ухватился за послѣднія слова и замѣтилъ, что ему кажется страннымъ, почему онъ самъ не выскажетъ своего желанія императору. Ермоловъ обѣщалъ охотно то исполнить. Отправляя 28-го февраля курьера въ Петербургъ и не получая никакого письма отъ Ермолова, Дибичъ писалъ ему, что, изложивъ въ своемъ донесеніи государю весь ихъ разговоръ, онъ упомянулъ, что Алексѣй Петровичъ самъ будетъ писать императору. «Но при отправленіи бумагъ съ фельдъегеремъ узналъ, прибавлялъ Дибичъ [1]), что ваше высокопревосходительство съ нимъ не посылаете письма, и, не осмѣливаясь перемѣнить написаннаго мною государю императору, покорнѣйше прошу увѣдомить меня о причинахъ, по которымъ ваше высокопревосходительство изволили отложить намѣреніе свое, дабы я могъ въ дополненіе донесенія моего объяснить о томъ его величеству».

«Чувствительно буду всегда благодаренъ, отвѣчалъ на это Ермоловъ [2]), если откровенное объясненіе мое изволите довести до свѣдѣнія государя императора. Представить письмо мое его величеству я не перемѣнилъ намѣренія, но признаюсь вашему высокопревосходительству, что я нынѣшній день не готовился того сдѣлать, не полагая, чтобы оно нужно было такъ скоро».

Спустя два дня, Ермоловъ писалъ Императору Николаю [3]):

---

[1]) Въ письмѣ отъ 28-го февраля 1827 г. Воен.-учен. арх., отд. II, дѣло № 4442.

[2]) Въ письмѣ Дибичу, отъ 28-го февраля 1827 г. Тамъ же.

[3]) Въ письмѣ отъ 3-го марта 1827 г. «Русская Старина», 1872 г., т. VI, № 64.

«Не имѣвъ счастія заслужить довѣрія вашего императорскаго величества, долженъ я чувствовать, сколько можетъ безпокоить ваше величество мысль, что, при теперешнихъ обстоятельствахъ, дѣла здѣшняго края поручены человѣку, неимѣющему ни довольно способности, ни дѣятельности, ни доброй воли. Сей недостатокъ довѣренности вашего императорскаго величества поставилъ и меня въ положеніе чрезвычайно затруднительное. Не могу я имѣть нужной въ военныхъ дѣлахъ рѣшительности, хотя природа и не совсѣмъ отказала мнѣ въ оной. Дѣятельность моя охлаждается тою мыслью, что не буду я умѣть исполнить волю вашу, всемилостивѣйшій государь!

«Въ семъ положеніи, не видя возможности быть полезнымъ для службы, не смѣю однако же просить объ увольненіи меня отъ командованія кавказскимъ корпусомъ, ибо въ теперешнихъ обстоятельствахъ можетъ быть приписано желанію уклониться отъ трудностей войны, которыхъ я совсѣмъ не почитаю непреодолимыми; но, устраняя всѣ виды личныхъ выгодъ, всеподданнѣйше осмѣливаюсь представить вашему императорскому величеству мѣру сію, какъ согласную съ пользою общею, которая всегда была главною цѣлью моихъ дѣйствій».

Еще до полученія письма Ермолова Императоръ Николай въ принципѣ рѣшилъ отозвать его съ Кавказа и замѣнить Паскевичемъ. Онъ ожидалъ только донесенія Дибича, чтобы имѣть болѣе или менѣе основательныя причины къ такому рѣшенію. 4-го марта было получено первое донесеніе изъ Тифлиса, и государь писалъ [1]), что ожидалъ извѣстій съ большимъ нетерпѣніемъ и читалъ письмо съ такимъ же интересомъ. «Признаюсь вамъ, говорилъ императоръ, что я радъ былъ узнать, что вы находитесь на мѣстѣ и своими глазами можете судить объ этомъ лабиринтѣ интригъ (de vous savoir sur les lieux et à même de juger par vos yeux dans ce dédale d'intrigens). Я надѣюсь, что вы не допустите закрыть себѣ глаза этому человѣку, для котораго ложь есть добродѣтель, когда она ему полезна, и который насмѣхается (дурачитъ) надъ помощниками, которыхъ ему

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ Дибичу, 8-го марта 1827 года. Воен.-учен. арх., отд. I, дѣло № 974.

дають. Да поможетъ вамъ Господь и да вразумитъ васъ *быть справедливымъ*. Съ нетерпѣніемъ ожидаю новостей, которыя вы мнѣ обѣщаете».

Черезъ два дня императоръ писалъ, что изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа 2-го онъ узналъ, какое впечатлѣніе произвело прибытіе Дибича на Кавказъ и какъ всѣ люди честные рады тому. Подъ вліяніемъ этого письма государь еще болѣе склонялся къ тому, что оставленіе Ермолова на Кавказѣ невозможно, а между тѣмъ 11-го марта достигло до Петербурга донесеніе Дибича отъ 28-го февраля, въ которомъ онъ затруднялся окончательнымъ рѣшеніемъ, не зналъ кѣмъ замѣнить Ермолова и спрашивалъ рѣшеніе императора. «Что хотите вы, чтобы я сказалъ вамъ послѣ подобнаго чтенія? спрашивалъ императоръ [1]). Если вы, находясь на мѣстѣ, не нашли возможнымъ рѣшиться, то какимъ образомъ могу я сдѣлать это съ такого дальняго разстоянія (à cette distance) и послѣ всего того, что вы мнѣ говорите? Я вижу ясно, что дѣла не могутъ идти такимъ образомъ и вамъ съ Паскевичемъ уѣзжать невозможно. Этотъ человѣкъ (Ермоловъ), предоставленный самому себѣ, поставитъ насъ въ такое же положеніе по отношенію къ знакомству съ ходомъ дѣлъ и по-отношенію къ увѣренности, что дѣла примутъ желаемый нами оборотъ, какъ было до отъѣзда Паскевича изъ Москвы;—отвѣтственности за это я не могу взять на себя. Такимъ образомъ, взвѣсивъ все разумно и въ ожиданіи вашего втораго курьера, если онъ не принесетъ мнѣ новыхъ данныхъ, какъ тѣ, которыя вы мнѣ представили, я не вижу другой возможности, какъ уполномочить васъ уволить Ермолова. Замѣнить его я назначаю Паскевича, ибо не вижу изъ вашихъ рапортовъ, чтобы онъ нарушилъ долгъ самой строгой дисциплины. Отозваніе въ подобномъ случаѣ обезчеститъ Паскевича (on déshonore cet homme par son rappel en pareil cas), что противно моей совѣсти». Въ концѣ письма императоръ два раза повторилъ, что если слѣдующій курьеръ не привезетъ ему ничего новаго, то чтобы Дибичъ, не ожидая никакихъ другихъ наставленій, безотлагательно объявилъ Ермолову, объ его увольненіи. «Поставьте сначала Паскевича на должную ногу, прибавлялъ государь, дайте ему понять всю важность поста,

[1]) Въ письмѣ отъ 12-го марта. Воен.-уч. архивъ, отд. I, дѣло № 974.

на который я его призываю въ этомъ случаѣ, и дайте почувствовать всю цѣну моего довѣрія. Человѣкъ честный и мой старый начальникъ, онъ, я ручаюсь, сумѣетъ исполнить мои желанія».

Прочитавъ донесеніе Дибича отъ 9-го марта, императоръ писалъ [1]): «Я снова убѣдился въ полной невозможности оставить дѣла въ прежнемъ положеніи, т. е. видѣть васъ и Паскевича удаленными оттуда, а слѣдовательно оставаться въ неизвѣстности и безпокойствѣ, какъ это было до посылки васъ обоихъ. Я радуюсь, что назначилъ Паскевича замѣстителемъ (pour remplaçant), ибо изъ вашего письма вижу, что, въ случаѣ его назначенія, вы не считаете нужнымъ продолжить тамъ ваше пребываніе. Вы видѣли изъ моего послѣдняго письма, что я васъ уполномочилъ оставаться тамъ столько, сколько найдете нужнымъ для того, чтобы поставить Паскевича на должную ногу и установить новый порядокъ дѣлъ. Я снова повторяю и предупреждаю васъ, что вчера отправилъ приказаніе Сипягину немедленно отравиться въ Тифлисъ, чтобы исполнять должность военнаго губернатора Грузіи, въ случаѣ отсутствія Паскевича, котораго я приказомъ завтрашняго числа назначаю на мѣсто Ермолова со всѣми его правами. Да благословитъ Господь этотъ важный шагъ и да дастъ намъ всѣмъ силы и разумъ. По полученіи этого письма (cet ordre) вы сообщите мнѣ всѣ возможныя подробности о томъ, какъ все обойдется; только безъ шума, скандала и насилія. Я положительно запрещаю всякое оскорбленіе и дѣлаю васъ въ этомъ отвѣтственнымъ; пусть все совершится въ порядкѣ, съ достоинствомъ и согласно точному порядку службы (avec dignité et dans la stricte règle du service)».

Получивъ первое письмо государя, Дибичъ не счелъ уже себя въ правѣ медлить рѣшеніемъ и 28-го марта объявилъ о томъ словесно Ермолову, а на слѣдующій день сообщилъ письменно, что государь соизволяетъ на увольненіе его въ Россію и на назначеніе командующимъ войсками и главноуправляющимъ здѣшнимъ краемъ генералъ-адъютанта и генерала отъ инфантеріи Паскевича [2]).

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 27-го марта 1827 г. Воен.-учен. арх., отд. I, дѣло № 974.

[2]) Отношеніе Дибича Ермолову, 29-го марта 1827 года. Приложеніе къ запискамъ Ермолова. Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей 1866 г., кн. III.

Ни одна перемѣна главнокомандующаго на Кавказѣ не производила столь сильнаго впечатлѣнія, какъ Ермолова. «Друзьями его, говоритъ современникъ, были всѣ честные, правдивые, трудящіеся и безкорыстные люди, а врагами были люди съ нечистою совѣстью. Въ обращеніи его не было обыкновенной середины; онъ первыхъ любилъ по-братски, а вторыхъ—гналъ, какъ враговъ отечества».

Въ память десятилѣтняго управленія краемъ, съ ничтожными сравнительно средствами, Алексѣй Петровичъ оставилъ горцамъ ужасъ къ своему имени—не жестокостями, а безпрерывными побѣдами, проложеніями просѣкъ, разореніями ауловъ и стѣсненіями ихъ территоріи. Чеченцы, кабардинцы, лезгины и прочія племена не терпѣли ни при комъ столько пораженій, сколько при Ермоловѣ. Вмѣсто прежней системы кротости и довѣрія, которыми горцы всегда пользовались ко вреду нашему, онъ употреблялъ болѣе дѣйствительныя средства, служившія къ обезсиленію неукротимыхъ, полудикихъ и своевольныхъ народовъ. Учрежденныя имъ новыя линіи крѣпостей въ Чечнѣ и Кабардѣ обезпечили Кавказскую линію отъ безнаказаннаго вторженія горцевъ; перемѣщеніемъ областнаго правленія изъ Георгіевска въ Ставрополь сберегласъ жизнь многихъ тысячъ чиновниковъ и жителей. Перенесеніе военно-грузинской дороги изъ Моздока въ Екатериноградъ, кромѣ сокращенія пути, представляло болѣе удобствъ и безопасности въ сообщеніи Грузіи съ Кавказскою линіею, а слѣдовательно и съ Россіею. «Разработка этой дороги черезъ Тагаурское ущелье по рѣкѣ Тереку и черезъ высочайшія точки хребта, Крестовую и Гудъ-горы, взрывами скалъ и устройствомъ мостовъ, доставила возможность перевозить изъ Россіи въ Грузію осадную артиллерію, отъ которой пали и падутъ всѣ твердыни въ Азіи[1])». Достигнувъ удаленія хановъ, Ермоловъ ввелъ въ присоединенныхъ областяхъ русское управленіе, уничтожилъ произволъ азіятской власти и тѣмъ положилъ начало введенію гражданственности и полнаго сліянія съ Россіею населенія богатѣйшихъ провинцій въ Закавказьѣ. Съ этою же цѣлью въ половинѣ 1825 года Ермоловъ испросилъ высочайшее разрѣшеніе отправлять ежегодно и на

---

[1]) Записки Радожицкаго, ч. III.

счетъ казны нѣсколько малолѣтковъ въ кадетскіе корпуса для пріобрѣтенія познанія въ наукахъ и европейскаго образованія[1]). Въ десятилѣтнее пребываніе на Кавказѣ Алексѣй Петровичъ украсилъ Тифлисъ прекрасными зданіями и устроилъ полковыя штабъ-квартиры. Обративъ вниманіе на минеральныя воды, Ермоловъ обезпечилъ ихъ существованіе постройкою новыхъ укрѣпленій, возвелъ нѣсколько красивыхъ зданій, расширилъ ихъ дѣятельность, и въ память его заслугъ одинъ изъ источниковъ получилъ наименованіе «*Ермоловскаго*».

---

[1]) Акт. Кав. Арх. Ком., т. VI, ч. II, стр. 875, №№ 92 и 93.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

Абасъ-Мирза, наслѣдникъ персидскаго престола 6, 31, 36, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 56, 57, 65, 74, 75, 77, 78, 79, 80, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 91, 93, 94, 95, 99, 101, 102, 103, 114, 115, 117, 118, 152, 153, 155, 158, 159, 210, 211, 212, 231, 233, 237, 238, 239, 244, 246, 247, 248, 249, 251, 252, 253, 261, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 278, 279, 280, 283, 324, 325, 326, 327, 328, 335, 356, 388, 447, 448, 494, 540, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 557, 558, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 570, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 579, 580, 588, 591, 592, 593, 594, 595, 599, 602, 603, 604, 606, 607, 608, 609, 611, 617, 625, 630, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 644, 645, 659, 660, 663, 666, 667, 668, 669, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 683, 684, 685, 691, 692, 693, 694, 710, 711, 717, 732.

Аббасъ-Шахъ 444, 498.

Абашидзе, князь 416, 417, 430.

Абашидзе, Иванъ, князь 402, 409, 418, 419, 422, 423, 425, 426, 428, 429, 432.

Абашидзе, Николай, князь 397, 418, 428.

Абдулъ-бекъ, персіянинъ 253.

Абдулъ-бекъ эрсинскій 311, 316, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 477, 506.

Абдулъ-кадырь, гребенчуковскій кадій 477, 490.

Абдулъ-мулла 226.

Абдулъ-Резакъ-бекъ, зять шамхала тарковскаго 371.

Абуль-Фетхъ, родной братъ карабагскаго хана 327, 552, 553, 657.

Абуль-Хасанъ-ханъ, визирь 159, 566, 594, 608.

Абусалимъ, начальникъ персидскаго отряда 91.

Абхазовъ, князь, полковникъ 456, 458, 465, 466, 468, 469.

Абхазовъ, маіоръ 97.

Аваловъ, Соломонъ, князь маіоръ, 19.

Аверковичъ, провіантскій комисіонеръ 729.

Ага-бекъ-Садыковъ, полковникъ 557.

Ага-Магометъ-ханъ 145, 204, 260, 632.

Агѣевъ, капитанъ 381.

Адиль-ханъ, уцмій каракайтагскій 303, 304, 305, 306, 307, 311, 343, 354, 355, 356, 374, 377, 477.

Аллахъ-Яръ-ханъ, зять и первенствующій министръ шаха 262, 263, 608, 609, 610, 676.

Аллахъ-Яръ-султанъ, карадагскій 87.

Александръ I, Императоръ 1, 23, 24, 42, 68, 69, 128, 129, 131, 132, 135, 140, 145, 159, 162, 167, 168, 178, 181, 185, 190, 197, 198, 200, 201, 202, 205, 206, 208, 209, 212, 213, 216, 241, 242, 249, 255, 262, 264, 291, 298, 362, 405, 406, 413, 442, 449, 454, 457, 459, 464, 471, 492, 493, 505, 506, 540, 543, 544, 546, 547, 549, 551, 561, 564, 565, 566, 571, 572, 574, 575, 580, 584,

587, 588, 589, 595, 597, 653, 702, 715, 716.

Александръ, грузинскій царевичъ 1, 5, 6, 32, 36, 37, 38, 39, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 72, 74, 75, 77, 78, 79, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 110, 111, 112, 113, 114, 121, 144, 152, 155, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 215, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 244, 273, 274, 275, 276, 308, 335, 354, 545, 547, 548, 550, 567, 611, 656, 663, 686, 709.

Александръ Македонскій 86, 113.

Александровъ, переводчикъ 673.

Али-Карамурзинъ, изъ фамиліи Мисостовыхъ 480.

Алихановъ, губернскій секретарь 324, 325.

Али-ханъ, анцугскій старшина 20.

Али-ханъ, братъ уцмія каракайдагскаго 304.

Амалатъ-бекъ, сынъ Шабаса и зять шамхала 354, 492, 498, 499, 501, 503, 530, 531.

Амарантовъ, штабъ-лѣкарь 499.

Амбургеръ, повѣренный въ дѣлахъ въ Персіи, 494, 541, 568, 589, 592, 603.

Андреевскій, маіоръ 408, 409, 426, 427, 430.

Андрониковъ, Захаръ, князь 24.

Андрониковъ, Іосифъ, князь 103, 104.

Андрониковъ, князь, уѣздный маршалъ 5, 36.

Андрониковъ, Малхазъ, князь 139.

Анрепъ, генералъ 180.

Аракчеевъ, графъ 167, 185, 188, 190, 220.

Арсланъ-бекъ Біесленевъ 480, 518, 519, 520.

Арсланъ-бей абхазскій 137, 456, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 512, 517.

Арсланъ-бей, князь кабардинскій 104.

Асетъ-султанъ, начальникъ курдовъ 49.

Аскеръ-ханъ, михмандарь 247, 278, 281.

Асланъ-ханъ, кюринскій, полковникъ 307, 308, 310, 311, 312, 354, 367, 385, 436, 439, 440, 441, 442, 443, 475, 510, 511, 659, 660.

Ата-ханъ, шахсеванскій 447.

Афанасій, архимандритъ 396.

Ахвердовъ, генералъ-маіоръ 53, 54, 55, 56, 57, 145, 146, 389, 444.

Ахмедъ-паша, эрзерумскій сераскиръ 137, 143.

Ахметъ, Султанъ, племянникъ уцмія каракайтагскаго 312.

Ахметъ-ханъ аварскій, генералъ-маіоръ 234, 308, 311, 314, 315, 316, 335, 336, 339, 346, 347, 356, 367, 384, 474, 475, 476, 489, 498, 501, 503.

Ахмедъ-ханъ, султанъ елисунскій 87.

Ашебергъ, маіоръ 499, 615, 616, 626, 628.

Баба-ханъ 1, 27, 28, 38, 40, 42, 49, 56, 61, 94, 102, 117, 118, 120, 122, см. Фетхъ-Али-шахъ.

Багиръ-бекъ, персіянинъ 548.

Базилевичъ, полковникъ 341.

Баратовъ, князь, маіоръ 328, 329, 330.

Барклай-де-Толли, генералъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ 184, 189, 192, 193, 194, 195.

Бартоломей, полковникъ 598, 603.

Бастамовъ, Егоръ, армянинъ 155, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 164, 165, 166, 236.

Батыревъ, прапорщикъ 497, 498, 501.

Бебуровъ, Вачнадзе 5.

Бебутовъ, князь 7, 324, 465, 468, 542, 709.

Бегляровъ, переводчикъ 572.

Бежанъ-ханъ 636.

Бековичъ-Черкасскій, князь, полковникъ 258, 584.

Бенкендорфъ, генералъ 188, 698, 723, 724, 725, 726, 735, 741.
Берже, А. П. 247, 263, 265.
Беюкъ-ханъ, старшій братъ Измаила-хана шекинскаго 444.
Бейбулатъ, уроженецъ сел. Гельдагена 524, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 534.
Біарсланъ, князь, кумыкскій владѣлецъ 162.
Блюхеръ, генералъ 192.
Боборыкинъ, штабсъ-капитанъ 434.
Бодбель, Іоаннъ, митрополитъ 5, 35.
Бонапарте, Наполеонъ, императоръ французскій 104, 140. См. Наполеонъ.
Бороздинъ, В. 247.
Борщовъ, маіоръ 60, 70.
Бримеръ, Э. В. 82.
Будагъ-султанъ, артикскій владѣлецъ 613.
Бусквадзе гуріельцъ 423.
Бухвостовъ, маіоръ 11.

Вальполь, лордъ, англійскій посланникъ 115, 199, 200.
Вальтеръ-Скотъ 171.
Ванъ-Галенъ, маіоръ 440.
Варлаамъ, митрополитъ 244.
Васильевъ, штабсъ-капитанъ 655.
Вахтангъ Батонишвили, князь 426.
Вахтангъ, царевичъ имеретинскій 149, 426, 429, 611.
Ваценко, статскій совѣтникъ, генеральный консулъ въ Персіи 540, 554, 555, 559, 560, 561, 562, 563, 566.
Вачнадзе, князья 36.
Вельяминовъ, генер.-лейтенантъ 275, 287, 311, 320, 321, 322, 324, 329, 330, 331, 336, 366, 368, 369, 370, 371, 374, 385, 387, 389, 390, 393, 396, 399, 400, 402, 403, 404, 407, 409, 410, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 438, 444, 447, 456, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 465, 466, 469, 471, 472, 474, 475, 476, 489, 527, 548, 549, 551, 558, 568, 569, 575, 576, 577, 579, 588, 589, 592, 594, 602, 603, 604, 606, 607, 608, 615, 616, 617, 621, 641, 661, 666, 724.
Вельяминовъ, генералъ-маіоръ 340, 341, 363, 364, 365, 423, 424, 425, 426, 427, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 474, 475, 476, 518, 519, 523, 525, 528, 532, 537, 671, 673, 676, 677, 681, 708.
Верховскій, полковникъ 340, 367, 384, 385, 386, 387, 436, 492, 496, 497, 498, 499.
Веселаго, капитанъ 1-го ранга 50, 51, 52, 88, 89, 90, 93, 99, 115.
Вейдемейеръ, тайный совѣтникъ 135, 198 199, 200, 202.
Викинскій, полковникъ 713.
Виллокъ, англійскій повѣренный въ дѣлахъ 259.
Вилье, лейбъ-медикъ 197.
Винценгероде, генералъ 188.
Витгенштейнъ, графъ, впослѣдствіи князь 191, 192, 193, 194, 195, 738.
Власовъ, генералъ-маіоръ 422, 427, 432, 447, 451, 452, 454, 455.
Волконскій, Н. А. 528.
Волконскій, П. М., князь, начальникъ главнаго штаба 167, 219, 293, 298, 311, 318, 320, 339, 348, 357, 361, 362, 375, 379, 416, 431, 447, 449, 450, 455, 582, 585.
Воронцовъ, графъ 190.
Вреде, баронъ, генералъ-маіоръ 353, 356, 367, 381, 447, 496, 497.
Вронскій, маіоръ 8.

Габаевъ, поручикъ 656.
Гаджи-Измаимъ, эфендій 507. 508.
Галибъ, рейсъ-эфенди 140, 141.
Гамзатъ-бекъ 510.
Гарданъ, генералъ 248.
Гаррисъ, маіоръ англійскій 50.
Гассанъ-ханъ, братъ аварскаго султана 28, 340, 341.
Гассанъ-ханъ, братъ эриванскаго хана 686, 687.
Гебековъ 503.

Георгій XII, царь Грузіи 5.
Германъ, генералъ 590.
Геймъ, Иванъ Андреевичъ, профессоръ 171.
Гибаль, иностранецъ 487.
Гирей-бекъ, владѣлецъ Казанищъ 346, 372.
Голицынъ, князь, оберъ-прокуроръ синода 151, 413.
Гордонъ, Робертъ 39, 42, 43, 45, 48.
Горчаковъ, князь, военный министръ 31, 38, 58, 92, 129, 133, 134, 135
Горчаковъ 2-й, П. Д., князь, полковникъ 413, 424, 432, 435, 458, 459, 460, 461, 462, 463. 465, 466, 468, 469, 470, 512, 513, 514, 515, 516, 517.
Грековъ, генералъ маіоръ 471, 478, 489, 490, 491, 512, 525, 526, 527, 528, 529, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537.
Грековъ, полковникъ 296, 349, 350, 357, 363, 367, 370, 437, 473, 474, 477, 664, 677, 678, 681.
Грибоѣдовъ, А. С. 448, 541, 554, 646.
Григорій, архимандритъ табакинскаго монастыря 418.
Григорій, царевичъ 1, 8, 9, 20, 21.
Гришковъ, поручикъ 456.
Груберъ, патеръ 214.
Груздевъ, протоіерей 177.
Гудовичъ, графъ 157, 226, 332, 712.
Гуляковъ, генералъ 702.
Гунсадзе, Іосифъ, священникъ 418.
Гунсадзе, Пиронъ, дворянинъ 397.
Гургенидзе, Иванъ, князь 111.
Гуріель, Давидъ, князь 434, 435,
Гуріель,, Кайхосро, князь 423, 424, 425, 428, 430, 432, 433, 434.
Гуріель, Мамія, князь 399, 402, 403, 414, 423, 424, 425, 429, 430.
Гурлебумъ, маіоръ 62, 63, 101.
Гурьевъ, графъ, министръ финансовъ 581, 582.
Гуссейнъ-ханъ, бакинскій 690.
Давидъ, митрополитъ имеретинскій 419.
Давидъ, царевичъ 8, 26, 426.
Давыдова, Марія Денисовна, мать А. П. Ермолова 169.
Давыдовъ, Денисъ, генералъ-маіоръ 179, 190, 194, 587, 654, 676, 686, 687, 688.
Дадіанъ, Георгій, поручикъ л.-гв. Преображенскаго полка 430, 434.
Дадіанъ, Леванъ, князь мингрельскій 136, 137, 390, 396, 399, 402, 403, 408, 414, 416, 427, 431, 456, 459, 460, 462, 463, 471, 515.
Данибеговъ, капитанъ 146.
Дареджана, царевна, дочь царя Соломона I 402, 415, 418, 419.
Дебу, генералъ-маіоръ 293.
Дель-Поццо, генералъ-маіоръ владикавказскій комендантъ 13, 34, 62, 101, 103, 133, 134, 135, 161, 164, 165, 166, 167, 218, 232, 234, 235, 236, 286, 289, 290, 291, 319.
Джавадъ-ханъ ганжинскій 667.
Джафаръ-Кули ага, полковникъ 231, 492, 493, 714.
Джафаръ-Кули-ханъ шекинскій 31, 80, 82, 83, 144, 145, 146, 147, 226, 228, 444.
Джафаръ, шейхъ 591.
Джемалъ-Эдинъ-Гусейнъ казикумухскій 510, 511.
Джорджадзе, Иванъ, князь 33.
Дибичъ, Ив. Ив., графъ, фельдмаршалъ 192, 517, 582, 585, 587, 590, 630, 642, 646, 648, 649, 650, 652, 653, 669, 680, 684, 695, 698, 703, 704, 706, 707, 712, 713, 717, 718, 719, 721, 723, 724, 726, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742.
Дивовъ, тайный совѣтникъ 568.
Дистерло 2-й, маіоръ 387, 389.
Дмитріевъ, подпоручикъ 533.
Долгоруковъ, князь 698, 727, 735, 736.
Досифей, архіепископъ телавскій и грузино-кавказскій 224.
Досифей, митрополитъ имеретинскій 390, 391, 392, 413, 419.

Дчечоевъ Джембулатъ 529.
Дьячковъ, маіоръ 87, 92.

Евгеній, принцъ 187.
Евреиновъ, подполковникъ 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502.
Евфимій, митрополитъ имеретинскій 390, 404, 413, 419.
Екатерина II, императрица 169, 170, 171, 172, 223, 482.
Елевтерій, архимандритъ 19.
Ермоловъ, А. П., главнокомандующій 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 194, 195, 196, 197, 205, 206, 207, 209, 210, 212, 213, 214, 215, 218, 219, 220, 222, 224, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 295, 296, 297, 298, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 323, 324, 326, 327, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 379, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 396, 397, 399, 410, 412, 413, 416, 417, 418, 420, 423, 424, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 442, 443, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 455, 456, 457, 463, 464, 471, 476, 478, 479, 480, 481, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 505, 506, 507, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 517, 518, 519, 521, 522, 525, 529, 530, 531, 533, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 545, 547, 548, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 587, 589, 590, 591, 592, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 602, 609, 612, 613, 614, 615, 616, 618, 619, 620, 621, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 633, 634, 635, 636, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 657, 658, 660, 661, 662, 663, 664, 666, 669, 670, 672, 674, 676, 682, 683, 685, 686, 687, 688, 689, 691, 692, 694, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 732, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743.
Есиповъ, маіоръ 8.
Ефремъ, патріархъ армянскій. 115, 540, 550, 556.

Живковичъ, полковникъ 104.
Жоберъ, французскій агентъ 141, 142, 199.

Заблоцкій-Десятовскій, А. П. 652.
Загорѣльскій, подполковникъ 15, 424, 425, 427, 429, 433.
Закаръ-бекъ 154.
Закревскій, А. А., генералъ-адъютантъ 257, 266, 317, 582, 585.
Земцовъ, подпоручикъ 513.
Зубовъ, графъ, Валеріанъ 175.
Зубовъ, графъ, Платонъ Александровичъ 168.
Зухумъ-кадій акушинскій 382.

Ибахъ-бекъ 374.
Ибраимъ-бекъ казикумухскій 154.
Ибраимъ-ханъ карабагскій 226, 327.

Ивановъ, надворный совѣтникъ 446.
Ивановъ, полковникъ 228, 239.
Иванъ, грузинскій царевичъ 8.
Измаилъ мирза, персидск. принцъ 676.
Измаилъ-паша, впослѣдствіи ханъ шекинскій 145, 226.
Измаилъ-ханъ шекинскій 144, 146, 147, 148, 226, 227, 228, 230, 231, 332, 333, 349, 387, 388, 389, 390, 444, 713.
Износковъ, маіоръ 320, 321, 322, 371.
Иларіонъ, архимандритъ 223.
Ильинскій, маіоръ 569, 615, 616, 617, 628.
Ираклій II, царь Грузіи 5, 36, 37, 69, 233, 286.
Исей-Бобъ, племянникъ Адиль-хана 304.
Италинскій, тайный совѣтникъ, посланникъ 137, 139, 140, 142.

Іоанесъ, епископъ армянскій 146.
Іона, митрополитъ грузинскій 633.
Іоркъ, генералъ 192.
Іосифъ, протоіерей армянскій 225.

Казадаевъ, А. В. 168, 169, 170, 175, 176, 181, 182, 183, 184, 187, 190, 214, 229, 244, 495, 582, 583, 586.
Казадаевъ, Петръ Александровичъ 168, 179, 180.
Казбекъ полковникъ 13, 62, 63, 106, 107, 110.
Кази-мулла 510,
Калатузовъ подполковникъ 153.
Каподистрія, графъ 552.
Капцевичъ 182.
Кара-Мурза Темировъ 345.
Каргановъ, армянинъ 159. 160, 161, 162, 164, 165, 166, 235, 236, 708, 709, 710, 713, 736.
Касимъ-бекъ карабакскій чиновникъ 48, 592.
Касимъ, бывшій ханъ корабагскій 328, 329.
Каткартъ лордъ, 56.
Каховскій, братъ Ермолова по матери 175, 176, 178.
Каховскій, первый мужъ матери Ермолова 169.
Кащенко, маіоръ 425, 427.
Келбъ-Али, бывній ханъ нахичеванскій 155, 158.
Керимъ, сынъ Джафара-Кули-аги Карабагскаго 493.
Кикинъ П. А., статсъ секретарь 168, 257, 393, 582, 583, 597.
Кикнадзе, дворянинъ шаропанскій 397.
Кичикъ-ага, 387.
Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ, баронъ, генералъ-маіоръ 19, 20, 26, 36, 80, 86, 87.
Клюки-фонъ-Клугенау, маіоръ 634, 636, 637, 638, 639, 640.
Клюки-фонъ-клугенау, подпоручикъ 424, 425.
Ковалевъ, армянинъ 621.
Ковалевъ, полковникъ 631.
Константинъ Павловичъ, Великій Князь 186, 587, 589, 591, 621.
Коробчевскій, провіантскій комиссіонеръ 713.
Корсаковъ, Алексѣй Ивановичъ 182.
Котляревскій, генералъ-маіоръ 10, 15, 25, 27, 28, 31, 45, 46, 48, 49, 51, 52, 53, 56, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 103, 114, 115, 702.
Котыревъ, маіоръ 34.
Коцаревъ, полковникъ 340, 478, 480, 481, 486, 512, 519, 520, 521, 730.
Коцебу, полковникъ 623, 673, 680, 688.
Коцебу, штабсъ-капитанъ 264.
Кочича-Швили, Леванъ, дворянинъ кутаисскій 397.
Кошутинъ, маіоръ 486, 619, 620.
Краббе, полковникъ, потомъ генералъ-маіоръ 61, 62, 63, 492, 497, 499, 500, 501, 502, 503, 626, 627, 628, 658, 659, 682, 687, 690.
Красновъ, генералъ 189,

Кригеръ, лейтенантъ 88.
Крюковъ хоружій 625.
Кузнецовъ, есаулъ 8.
Кулябка 1 й, капитанъ 47.
Курнатовскій, генералъ - маіоръ 393, 394, 396, 398, 399, 400, 402, 403, 407, 410, 413, 414, 415, 418.
Кутіевъ, князь, маіоръ 137.
Кутузовъ, генералъ - маіоръ 274, 281.
Кутузовъ, М. И., генералъ-фельдмаршалъ 184, 185, 193.

Лазаревъ, М. П., флигель-адъютантъ 598.
Лаквари, Урусъ, абхазецъ, 471.
Ламбъ, генералъ 177, 178.
Ланжеронъ, графъ, генералъ 455, 487.
Ланской, управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ 583.
Леванъ, царевичъ 71, 73, 157.
Левендаль, баронъ, капитанъ-лейтенантъ 628, 629.
Левинъ, помѣщикъ, у котораго жилъ Ермоловъ 170.
Левковичъ, капитанъ 677.
Линденеръ, генералъ 175.
Линденфельдъ, капитанъ 516.
Лисаневичъ, генералъ 26, 198, 201, 512, 527, 528, 529, 531, 535, 536, 537, 587.
Людовикъ XVIII, король французскій 140, 142.

Магома, мулла маюртунскій 524, 525, 527, 528, 529, 530, 531.
Магометъ, мулла кюрдомирскій 507, 508, 509, 510, 511.
Магометъ, пророкъ 524, 607.
Мадатовъ, армянинъ 162, 163, 164, 165, 166.
Мадатовъ, капитанъ 635.
Мадатовъ, князь, генералъ 320, 321, 323, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 349, 368, 369, 370, 371, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 387, 436, 438, 439, 440, 441, 442, 448, 449, 492, 493, 568, 605, 634, 656, 657, 658, 659, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 675, 676, 677, 680, 681, 682, 685, 696, 698, 705, 707, 708, 709, 710, 714, 715, 716, 719.
Мазаровичъ, коллежскій совѣтникъ, повѣренный въ дѣлахъ Персіи 244, 249, 253, 254, 255, 334, 336, 541, 545, 551, 552, 553, 554, 558, 559, 560, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 574, 595, 614, 645.
Мазуренко, штабсъ-капитанъ 89.
Макаевъ, князь, капитанъ 444, 446.
Макниль, докторъ 566.
Мамадъ-Хассанъ-ханъ, бывшій шекинскій владѣлецъ 146, 147, 388.
Мамедъ, акушинскій кадій 382.
Мамедъ - Али - бекъ, персидскій чиновникъ 118, 119, 249, 250.
Мамедъ - Али - Мирза, старшій сынъ шаха 210, 211, 271, 272, 550, 554, 664.
Мамедъ - Али - ханъ, персидскій посланникъ 573.
Мамедъ - Вели - бекъ, персидскій чиновникъ 158, 159.
Мамедъ-Хасанъ-ханъ авшарскій 542, 543, 544, 546, 547, 548, 549.
Мандрыкинъ маіоръ 122, 123.
Манучаръ - Шервашидзе, князь, полковникъ 137.
Марачевскій, штабсъ - капитанъ 512, 513, 517.
Марганія, мингрелецъ 463.
Марковъ, генералъ-маіоръ 182.
Мартиненко, маіоръ 440.
Марченко, маіоръ 628.
Масаклъ Хихо, грузинъ 161.
Масудъ-мирза 554.
Матарелъ, Давидъ грузинъ 161.
Матвѣевъ, полковникъ, атаманъ 450, 452, 488.
Махмудъ - ханъ, второй адъютантъ шаха 260, 262.
Мачаваріани, Леванъ, дворянинъ шаропанскій 397.
Мачаваріани, Семенъ, имеретинскій дворянинъ 165, 166.
Мегди-шамхалъ тарковскій 307, 319, 351, 352, 353. См. Мехти-шамхалъ.

Менгли-Гирей, султанъ, ногайскій приставъ 134.
Меншиковъ, князь, генералъ-маіоръ посолъ въ Персіи 575, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 612, 613, 618, 621, 630, 647, 648, 684.
Мерлини, полковникъ 137.
Мехметъ-мирза 676.
Мехти-Кули-ханъ карабагскій 28, 46, 49, 76, 77, 226, 230, 231, 327, 492, 493, 494, 553, 567, 635, 714.
Мехти-шамхалъ 346, 498, 501, 502, См. Мегди-шамхалъ.
Мещеряковъ, прапорщикъ 497.
Мирза-Абдулъ-Вехабъ, персидскій чиновникъ 244, 254, 255, 256, 257, 258, 261, 608.
Мирза-Абуль-Касимъ 57.
Мирза-Абуль-Хасанъ ханъ, уполномоченный Баба-хана 122, 123, 124, 125, 126, 127, 130, 131, 152, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 206, 238, 242, 244, 247, 255, 261, 262, 267, 562, 574, 578.
Мирза-Ахмедъ 446.
Мирза-Безюргъ, визирь 48, 54, 55, 57, 74, 75, 115, 116, 117, 244, 248, 249, 250, 251, 552, 253, 260, 261, 271, 273, 276, 277, 278, 324, 564.
Мирза-Джафаръ, мухендисъ 603.
Мирза-Измаилъ 640.
Мирза-Мамедъ-Садыкъ 579, 588.
Мирза-Мехти, мудштехитъ 564.
Мирза-Хаджи-Ибраимъ, визирь 256.
Мирза-Шефи, первый министръ Баба-хана 118, 119, 120, 244, 250, 258, 260, 261, 262, 266, 267, 268, 269, 270.
Миръ-Мустафа-ханъ талышинскій 49, 50, 51, 89, 99, 115, 118, 144.
Миръ-Хассанъ-ханъ талышинскій 144, 615, 617, 622, 690.
Микеладзе, Давидъ, князь 418.
Микеладзе, мдиванъ-бекъ 419.
Миттонъ, посолъ въ Константинополѣ 130.
Михаилъ Павловичъ, великій князь 597.
Михинъ, маіоръ потомъ подполковникъ 432, 433, 434, 435, 464, 512.
Мищенко, полковникъ, 320, 321, 322, 499, 539, 626, 688, 689, 690, 691, 694.
Могилевскій, правитель канцеляріи главнокомандующаго 57, 91, 165, 389, 444, 448, 449, 557.
Могилянскій, маіоръ 456, 458, 461, 462, 464.
Морьеръ, секретарь англійскаго посольства 48, 57, 115.
Мошковъ, академикъ 265.
Мугибъ-Али-ханъ, персидскій посланникъ въ Константинополѣ 540, 541.
Музайко, капитанъ 616.
Муравьевъ 2-й, штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба 228, 239.
Мурадъ-ханъ, карабагскій житель 81.
Мурачевъ, капитанъ 637.
Муртаза-Али-ханъ, персидскій чиновникъ 559.
Муртаза-Али, сынъ Сурхай-хана, 30, 155.
Муса-Хасаевъ, князь, маіоръ 526, 535.
Мустафа-ханъ ширванскій 89, 308, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 389, 436, 439, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 554, 557, 605, 626, 627, 658, 682, 685, 689, 690, 714.
Мюратъ, маршалъ 193,

Надиръ-шахъ 348, 375, 377, 610.
Назаръ-Али-ханъ 667, 668.
Назимко, подполковникъ 623, 624, 635.
Наполеонъ, императоръ 1, 24, 25, 42, 48, 56, 138, 141, 142, 158, 191, 192, 194, 198, 199, 203, 208, 247, 248, 402. См. Бонапарте.
Насиръ, татаринъ 714.

Негри, генералъ 252, 263.
Неджефъ-Кули-ханъ 49, 51, 52, 53.
Нерсесъ, архіепископъ 556.
Нессельроде, гр., министръ иностранныхъ дѣлъ 140, 159, 160, 161, 162, 165, 200, 202, 203, 204, 205, 231, 237, 239, 242, 253, 267, 327, 356, 389, 464, 487, 542, 543, 545, 547, 548, 550, 551, 553, 555, 557, 559, 561, 562, 570, 573, 574, 578, 579, 591, 592, 593, 594, 642, 643, 644, 645, 647, 648, 708, 709.
Нешковичъ 1-й, маіоръ 29.
Николай I, Императоръ 17, 168, 575, 589, 590, 591, 593, 595, 598, 621, 642, 643, 652, 653, 654, 698, 699, 710, 720, 723, 739, 740.
Нуръ-Магометъ, унцукульскій житель 308, 310.
Нухъ-бекъ 154.

Овечкинъ, капитанъ 349, 379, 380, 381, 501, 677.
Огарковъ, маіоръ 461, 462.
Онуфрій, патеръ 19.
Опперманъ, адъютантъ 717.
Орбеліани, князь, генералъ-маіоръ 1, 13, 26, 34, 35, 58, 59, 60, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 101, 103, 306.
Орбеліани, князь, маіоръ 20, 66.
Осиповъ, капитанъ 532, 533, 538.
Остерманъ, графъ 187.
Охановъ, Коцо 17.

Павелъ I, Императоръ 178.
Пантелѣевъ, маіоръ 534, 535.
Паскевичъ, генералъ-адъютантъ 195, 642, 652, 653, 654, 660, 661, 662, 667, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 687, 689, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 709, 710, 711, 712, 713, 716, 717, 718, 720, 721, 723, 728, 729, 730, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742.
Паулуччи, маркизъ, главнокомандующій, 1, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 27, 32, 39, 236.
Перкинъ, капитанъ 616.
Пестель, генералъ-маіоръ 304, 306, 311, 312, 314, 315, 316, 319, 321, 322, 323, 327, 329, 333, 335, 336, 343, 344, 347, 353, 354, 355.
Печерскій, полковникъ 26, 34, 58, 59, 60, 62, 63.
Пиръ-Кули-ханъ 78, 79, 80, 87, 91.
Платовъ, графъ 176, 181, 189, 190.
Побѣдный, полковникъ 480.
Повалишинъ, маіоръ 51, 96.
Погодинъ, М. П. 175, 265, 479.
Подпрятовъ, подполковникъ 481.
Подревскій, 2-й, маіоръ 155.
Поздѣевъ, капитанъ 191.
Пономаревъ, маіоръ 332, 333.
Поповъ, подпоручикъ, 41, 42.
Портнягинъ, генералъ-маіоръ 8, 10, 11, 14, 15, 24, 104, 133, 134, 135.
Потемкинъ-Таврическій, князь 169.
Принцъ, маіоръ 486.
Пузыревскій, полковникъ 413, 418, 419, 420, 422, 423, 424, 433, 434.

Радожицкій, И., подполковникъ 499, 519, 521, 533, 712, 730, 731.
Раевскій, Н. Н., генералъ 173.
Ракилевичъ, прапорщикъ 468.
Ракоци, маіоръ 469.
Ратчъ, В. Ѳ., генералъ 169, 171, 185.
Реадъ, генералъ 652.
Реутъ, полковникъ 447, 493, 602, 605, 606, 613, 614, 623, 624, 625, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641.
Розенъ, полковникъ 690, 729.
Ростомъ-бекъ, 494.
Ростомъ-бей 470.
Ротгофъ, генералъ-лейтенантъ, астраханскій комендантъ 119.
Ротъ, генералъ 587.
Ртищевъ, главнокомандующій 1, 8, 24, 25, 27, 31, 32, 33, 36, 38, 39, 40, 41, 43, 44, 45, 48, 52, 53,

55, 56, 57, 58, 61, 62, 65, 66, 68, 70, 72, 74, 76, 77, 78, 79, 81, 82, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 105, 106, 108, 109, 111, 112, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 127, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 154, 155, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 197, 198, 216, 226, 229, 231, 275, 328, 712.

Рудзевичъ, генералъ 143, 653.

Румянцевъ, графъ 20, 57, 131, 137, 138, 139, 495.

Рябининъ, маіоръ 153.

Саварсемидзе, князь, полковникъ 549, 576, 603, 604, 617, 618, 619, 620, 622, 640, 666, 687, 711.

Сагиновъ, полковникъ 440, 576, 713.

Сагиновъ Ростомъ, грузинъ 161.

Садыкъ-ханъ-Каджаръ 83, 93, 94, 95, 98.

Сакенъ, графъ, генералъ 590.

Самойловъ, графъ 169, 173, 174.

Сарочанъ, подполковникъ 535, 537, 538.

Сеидъ-Ахмедъ-эфенди, турецкій чиновникъ 133, 134, 135.

Сеидъ-Мирза-Ахмедъ-шейхъ-ульисламъ 324.

Сеидъ-эфендій, араканскій кадій, 341, 509, 510.

Селимъ-ханъ шекинскій 78, 103, 146, 226, 388, 685.

Сеферъ-Али-бей, владѣтель Абхазіи 136, 471.

Селимъ-паша ахалцыхскій 142.

Симоновичъ, генералъ-маіоръ 2, 25, 34, 58, 60, 61, 62, 63, 67, 101, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 114, 136, 137, 149, 409.

Симоновъ, окружной начальникъ Елисаветпольскаго уѣзда 655, 656.

Симоничъ, графъ 673, 677, 678, 681.

Сипягинъ, генералъ 716, 742.

Скасси, коллежскій совѣтникъ 486, 487.

Соколовъ, совѣтникъ посольства 229, 247, 252, 260, 261, 263.

Соколовъ, переводчикъ 536.

Соллогубъ, В., графъ 77, 78, 92, 94.

Соломонъ, царь имеретинскій 38, 138, 139, 140, 150, 416.

Сорокинъ, капитанъ-исправникъ 5.

Софроній, митрополитъ 419.

Сталь 2-й, генералъ-маіоръ 1, 5, 32, 33, 34, 35, 107, 109, 110, 111, 326, 472, 473, 476, 477, 478, 480, 491, 497, 520, 523, 587.

Старковъ, ширванскій комендантъ 577.

Степановъ, полковникъ 19, 20.

Строгановъ, баронъ 253, 541.

Суворовъ, генералиссимусъ 79, 184, 663.

Сулейманъ-паша, сынъ Мегдишамхала тарковскаго 352.

Сурхай-ханъ казикумухскій 1, 28, 29, 30, 31, 144, 152, 153, 154, 155, 313, 314, 328, 347, 351, 353, 354, 356, 367, 370, 374, 377, 379, 381, 385, 387, 436, 438, 439, 440, 441, 443, 445, 446, 448, 503, 554, 629, 659, 660.

Сысоевъ, генералъ-маіоръ 390, 393, 394, 400, 403, 404, 405, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 436.

Талызинъ, адъютантъ Ермолова 646, 732.

Тамара, княгиня 456, 458, 459, 461, 462, 463, 466, 512, 517.

Тамерланъ 610.

Тахмасбъ-Ханъ-бекъ 385.

Таяръ-бей 470.

Терешкевичъ, маіоръ 96.

Тетенборнъ, генералъ 188.

Теймуръ-бекъ, старшій сынъ Мустафы-хана ширванскаго 567.

Тимковскій, бессарабскій губернаторъ 646.

Тихоновскій, полковникъ 1, 13, 14, 19, 58, 59, 60, 64, 67, 68, 106, 109, 110, 111, 112, 114, 148, 306.

Толь, впослѣдствіи графъ 590.
Тормасовъ, генералъ отъ кавалеріи 24, 157, 712.
Трони, поручикъ 536.
Туркулъ 652.
Тухолка, генералъ 703.

Угурли-ханъ, сынъ Джавадъ-хана 667, 710, 713, 714.
Удино, маршалъ 194.
Узелей, англійскій посолъ 40, 41, 42, 48, 55, 56, 116, 117, 118, 119, 120, 122, 125, 130, 199, 200, 201.
Учаръ-Хаджи, мулла 536, 537.
Ушаковъ, полковникъ 92.
Ушаковъ, подполковникъ 1, 12, 13, 14, 96, 97.

Фетхъ-Али-ханъ 31, 540.
Фетхъ-Али-ханъ, персидскій посланникъ 563, 565, 569, 575, 594, 603.
Фетхъ-Али-шахъ 40, 130, 156, 197, 198, 210, 211, 244, 259, 264, 265, 271, 282, 544, 546, 560, 570, 588, 593, 607. См. Баба-ханъ.
Филатовъ, капитанъ 162, 535, 536, 538.
Флиге, капитанъ 438.
Фрейгангъ, надворный совѣтникъ 40, 42.
Фридериксъ, баронъ, полковникъ флигель-адъютантъ 620, 622, 726, 727.

Хаджи-Мамедъ-ханъ, персидскій военачальникъ 47.
Хаджи-Абдулъ-Хасанъ, посланный персидскій 41, 42.
Ханъ-Мемедъ-бекъ, сынъ Адиль-хана 304, 306, 307, 355, 356, 373, 506.
Харченко, прапорщикъ 655.
Хасаевъ-муса, князь, кумыкскій старшина 536, 538.
Хасаевъ, князь, маіоръ 536.
Хассанъ-ага, маіоръ, братъ Асланъ-хана кюринскаго 440.
Хассанъ-бей, абхазскій владѣтель 456, 458, 461, 462, 463, 464.
Хасанъ-ханъ, дженгутайскій бекъ 308, 309, 310, 314, 316, 319, 346, 352, 368, 372, 373, 384, 501.
Хасанъ-ханъ, мехтулинскій 477, 506.
Хасъ-Магометъ, дагестанецъ 508.
Хатунцовъ, генералъ-маіоръ 1, 27, 29, 30, 31, 89, 113, 153, 155.
Хашимъ-ханъ, персіянинъ 282, 328.
Хомуцкій, маіоръ 622.
Худадъ-бекъ, повѣренный грузинскаго царевича Александра 75.
Хусейнъ-ханъ эриванскій 31, 38, 40, 576, 579, 621.

Церетели, Бежанъ, князь 418.
Церетели, Григорій, князь 396, 409.
Церетели, Зурабъ, князь 402, 408, 412, 416, 419, 420, 426, 429.
Церетели, Кайхосро, князь 416, 419, 429.
Церетели, митрополитъ 409.
Цилукидзе Сехнія, князь, полковникъ 408, 412, 418, 419.
Циціановъ, князь, главнокомандующій 23, 65, 222, 225, 230, 246, 550, 696, 702, 711, 712.
Циціановъ, князь Иванъ 232, 233, 234.

Чавчавадзе, князь, генералъ-маіоръ 17.
Чернышевъ, генералъ, впослѣдствіи князь 188, 455.
Чикалевъ, есаулъ 340.
Чиляевъ, маіоръ 592, 605, 606, 607, 608, 614, 639, 640, 641.
Чичаговъ, адмиралъ, главнокомандующій 194.
Чхейзе, Бежанъ, дворянинъ лосіатхевскій 398.
Чхейдзе, Григорій, дворянинъ шаропанскій 397, 418.

Шабасъ, братъ Мегди шамхала тарковскаго 353.
Шабельскій, генералъ 678, 679.
Шамиль 510.

Шамшевъ, полковникъ 728.
Шаховской, князь 187.
Шахъ-Гирей табасаранскій 370, 371.
Швецовъ, маіоръ 50, 296, 338, 339, 713.
Шебашевъ, поручикъ 145.
Шевелевъ, капитанъ 639, 640, 641.
Шевичъ, генералъ 189.
Шервашидзе, Георгій, князь, владѣтель Абхазіи 136, 456, 457, 458, 460, 466.
Шервашидзе, Дмитрій, князь владѣтель Абхазіи 456, 460, 463, 464, 465, 466, 468. 469, 471.
Шервашидзе, Михаилъ, князь, владѣтель Абхазіи 456, 471, 512, 517.
Шерифъ-бекъ нухинскій 444.
Шерифъ-паша ахалцыхскій 1, 15.
Шефи-бекъ-Темировъ, маіоръ 345.
Шихъ-Али-ханъ кубинскій и дербентскій 28, 31, 104, 304, 309, 311, 316, 319, 321, 327, 332, 333, 343, 351, 356, 366, 368, 369, 377, 382, 386, 445, 448, 477, 545, 549, 554, 628.
Шматовъ, маіоръ, телавскій комендантъ 8, 32.
Шнитниковъ, капитанъ 656.

Щербина, прапорщикъ 349, 379, 380.
Щербининъ, орловскій намѣстникъ 170.

Эминъ, андреевскій уздень 536.
Эминъ-паша, сераскиръ 143.
Эмиръ-Гамза, племянникъ Адиль-хана 304, 347, 477.
Эмиръ-ханъ-сардарь 31, 50, 623, 663, 664, 666.
Эристовъ, князь, генералъ-лейтенантъ 631, 633, 634.
Эристовъ, князь, полковникъ 38, 64.
Эристовъ, Рафаилъ, князь 2, 33.
Эристовъ, Ростомъ 426.

Юдинъ, капитанъ 671.
Юсуфъ, меликъ 673.
Юсуфъ-ханъ, карадагскій начальникъ 605, 640.

Яковлевъ, капитанъ 89.
Якубовичъ, декабристъ 647.
Яукъ (Авко), чеченецъ 524, 525, 530.
Яшвиль, князь 192.

Ѳеофилактъ, экзархъ Грузіи 225, 391, 393, 394, 396, 398, 399, 402, 405, 413, 415, 417.

193 г.

ДУБРОВИНА Н.ИСТОРІЯ